

ББК 63. 3(0)62 Е30

Оформление художника *П. Волкова*

Егоров Д. Н.

Е 30 Июнь 1941. Разгром Западного фронта. - М.:Яуза, Эксмо, 2008. - 800 с. - (1941).

ISBN 978-5-699-27810-7

В июне 1941 года Приграничное сражение Западного фронта закончилось страшной катастрофой, которая едва не привела к проигрышу всей войны. В Белостокском котле погибли три наших армии, безвозвратные потери превысили 300 тысяч человек, сотни самолетов, тысячи единиц бронетехники.

Однако подлинные масштабы этой трагедии так и не были осмыслены по-настоящему - советские военные историки, как правило, ограничивались лишь кратким обзором событий, по возможности избегая конкретных цифр, оценок и выводов. Серьезные исследования гибели Западного фронта можно пересчитать по пал там одной руки. Да и в этих редких работах авторы предпочитают писать о действиях полков и дивизий, а не о трагических

судьбах отдельных бойцов и командиров, ставших жертвой внезапного вражеского удара и беспомощности собственного командования.

В этой книге трагедия Белостокского котла впервые показана со всех сторон - от оконной правды простых солдат до сухих директив Генштаба. Впервые публикуются уникальные воспоминания участников событий и рассекреченные архивные документы. Эта книга - памятник всем, кто погиб в лесах Белоруссии в первые дни Великой Отечественной войны.

ББК 63. 3(0)62

©ЕгоровД. Н.,2008 © ООО "Издательство "Яуза", 2008 ISBN 978-5-699-27810-7 © ООО "Издательство "Эксмо", 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Предмет исследования.....	11
Прикрытие флангов группировки.....	15
Артиллерия и авиация РГК и войска НКВД.....	19
От автора.....	27
Глава 1. За несколько дней до нападения. Включен обратный отсчет.....	
1. 1. Обстановка на западной границе СССР и в приграничных районах в июне 1941 г.....	29
1. 2. О внезапном нападении.....	35
1. 3. Чем занималась Красная Армия в июне 1941 г.....	38
1. 4. О недостатках в вопросах формирования и комплектования.....	44
1. 5. О командном составе.....	56
1. 6. Строительство новых укрепленных районов и других объектов оборонного значения.....	58
Немного предыстории.....	63

1. 7. Прямые и косвенные доказательства того, что приближается начало войны. Непонимание или нежелание понять это... 68

1. 8. "Ясно одно: военная машина запущена, остановить ее нельзя" (реплика маршала Г. К. Жукова в киноэпопее "Освобождение")..... 76

1. 9. Западный Особый. За 10 часов до нападения..... 81

1. 10. В ночь на 22 июня. Действия руководства Западного ОВО..... 87

Глава 2. Вопреки шахматным правилам : начинают и выигрывают черные

2. 1. "22 июня, ровно в 4 часа..." 96

2. 2. За шесть месяцев до Перл-Харбора. Разгром армейской авиации..... 106

2. 2. 1. Аэродромы и базирование..... 108

2. 2. 2. 11-я смешанная авиадивизия..... 118

2. 2. 3. 9-я смешанная авиадивизия..... 132

2. 2. 4. 10-я смешанная авиадивизия..... 146

2. 2. 5. Действия ударной авиации ВВС Западного фронта.

794

Пролог избиения. "Morituri te salutant" (Идущие на смерть приветствуют тебя)..... 153

2. 3. Предварительные итоги..... **168**

Глава 3. 22 июня, день 1-й. 3-я армия

3. 1. Начало боевых действий..... 175

Августовский канал. 68-й укрепленный район..... 181

Августовский канал. 56-я стрелковая дивизия..... 190

Левый фланг. 27-я стрелковая дивизия..... 197

3. 2. Выдвижение резервов. Ввод в бой 2-го эшелона..... 204

3. 3. Выдвижение 21-го стрелкового корпуса..... 216

3. 4. Выход частей противника на подступы к Гродно. Действия войск НКВД, 85-й стрелковой и 204-й моторизованной дивизий, артиллерии 4-го стрелкового корпуса..... 219

3. 5. Оставление Гродно и отход частей 3-й армии южнее и севернее Немана..... 224

3. 6. Предварительный итог. Действия 27-й стрелковой дивизии..... 228

3. 7. Итоги первого дня боевых действий..... 231

Глава 4. 22 июня, день 1-й. 10-я армия

4. 1. Левый фланг. Разгром 113-й стрелковой дивизии.... 234

4. 2. 86-я стрелковая дивизия..... 238

4. 3. Правый фланг. 1-й стрелковый корпус..... 245

4. 4. Центр. 6-я кавалерийская дивизия..... 252

4. 5. Выдвижение 36-й кавалерийской дивизии..... 257

4. 6. Ввод в бой 13-го механизированного корпуса..... 258

4. 7. Предварительный итог. Решение о формировании фронтовой конно-механизированной группы..... 267

Глава 5. За флангами белостокской группировки

5. 1. За правым флангом. Обстановка в Прибалтике в июне 1941 г..... 270

5. 2. Начало боевых действий. Оборонительное сражение в полосе 11-й армии..... 273

128-я стрелковая дивизия..... 276

16-й стрелковый корпус..... 282

126-я и 23-я стрелковые дивизии..... 287

5. 3. Предварительный итог..... 289

5. 4. 5-я танковая дивизия. Сражение за алитусские мосты.. 290

5. 5. Обстановка в Вильно. 5-я танковая дивизия - отход на Вильно. Неудачная попытка удержать город.... 317

5. 6. 5-я танковая дивизия. Выход в полосу Западного

фронта..... 329

5. 7. Несколько соображений о причинах поражения войск Прибалтийского округа..... 332

5. 8. За левым флангом. 4-я армия..... 334
795

Глава 6. 23 июня, день 2-й

6. 1. Занятие противником Гродно. Действия войск 3-й армии на северном берегу Немана. Отход к Скиделю..... 355

6. 2. Действия войск 3-й армии южнее Гродно..... 359

6. 3. Действия войск 10-й армии. Отход 5-го стрелкового корпуса за р. Нарев. Выход противника к реке Бобр в районе крепости Осовец..... 365

6. 4. Формирование конно-механизированной группы. Действия ВВС..... 368

6. 5. Занятие стрелковыми частями 10-й армии нового рубежа обороны..... 374

6. 6. Прибытие в штаб 10-й армии маршала Г. И. Кулика... 376

6. 7. 10-я армия. Левый фланг. Действия 13-го механизированного корпуса. Встречный бой 25-й танковой дивизии в районе г. Браньск. Отвод на восток подразделений 9-й железнодорожной бригады..... 377

6. 8. Обстановка в тылу Западного фронта..... 384

Зсльвеиская переправа. "Чистилище"..... 387

6. 9. За левым флангом. Действия войск 4-й армии. Обозначившийся прорыв мехчастей противника на Слоним. Выход частей 47-го стрелкового корпуса в район г. Слоним.... 390

6. 10. За правым флангом. Действия войск 11-й армии. Взятие противником Каунаса и Вильно. Прорыв моторизованного корпуса Манштейна на стыке 11-й и 8-й армий.

Выход 57-го моторизованного корпуса противника на лидское направление. Выдвижение резервов Западного фронта в район г. Лида..... 400

6. 11. 29-й территориальный. Итог эксперимента по "переделке" литовской армии в корпус РККА..... 407

Глава 7. 24 июня, день 3-й.

7. 1. Окончание активных действий советских войск на Августовском канале. Ввод в бой конно-механизированной группы. Действия войск левого фланга 3-й армии южнее

Гродно..... **415**

Разбор утверждения В. Б. Резуна об отсутствии танков вне танковых групп вермахта..... 426

7. 2. Контрнаступление частей 3-й армии на Гродно. Действия на северном берегу Немана. Бои на реке Котра..... 435

Оборона Скиделя..... 437

7. 3. Действия войск 10-й армии. Бои на реке Бобр в районе крепости Осоев. Прорыв противником обороны 13-го механизированного корпуса и 86-й стрелковой дивизии

на реке Нарев..... 443

7. 4. Прорыв частей 2-й танковой группы противника
796

к Слониму. Действия 121, 143, 155-й стрелковых дивизий. Обстановка в тыловом районе к западу от Слонима..... **446**

7. 5. За левым флангом. Действия войск 4-й армии. Контратака 22-й танковой дивизии..... **451**

7. 6. Действия фронтовой авиации..... 456

7. 7. Немного рассуждений о десантниках и диверсантах... 458

7. 8. За левым флангом. Действия войск 11-й армии. Выход корпуса Манштейна к Укмерге. Обозначение двинского направления. Начало развертывания 27-й армии..... 469

7. 9. Первые действия 13-й армии. Обстановка на лидском направлении и в районе Минска..... 473

Глава 8. 25 июня, день 4-й

8. 1. Обстановка в полосе 3-й армии. Окончание боев за Скидель..... 483

8. 2. Действия 10-й армии и фронтовой конно-механизированной группы..... 487

8. 3. Действия 4-й армии. Обстановка в тылу группировки. Действия дивизий 47-го стрелкового корпуса на баранович-ском направлении..... 497

О так называемом "слоеном пироге" в полосе 4-й армии..... 501

8. 4. Обстановка на молодецненском направлении. Действия 5-й танковой дивизии..... 506

8. 5. За правым флангом. Действия 11-й армии. Контрудар на Каунас. Выдвижение 21-го механизированного корпуса в район Двинска..... 513

8. 6. Действия 21-го стрелкового корпуса на лидском направлении..... 516

8. 7. Организация обороны мостов через Неман в районе станции Столбцы. Обстановка в районе Минска..... 519

Глава 9. 26 июня, день 5-й

9. 1. Действия частей 3-й армии..... 522

9.2. Действия фронтовой конно-механизированной группы. 527

9.3. Отступление на восток. Действия диверсантов..... 532

9.4. Действия частей 10-й армии..... 535

9.5. За левым флангом. Действия войск 4-й армии..... 540

9.6. За правым флангом. Форсирование противником Западной Двины, взятие Двинска. Выход частей 11-й армии из окружения..... 542

9.7. За правым флангом. Действия 21-го стрелкового корпуса..... 550

9.8. Прорыв противника к Молодечно. Действия 50-й стрелковой дивизии. Выход 39-го моторизованного корпуса противника к Минскому укрепленному району..... 553

9.9. Обстановка в районе г. Борисов.

Завершение боевого пути 5-й танковой дивизии..... 558

797

Глава 10. 27 июня, день 6-й

10. 1. Действия войск 3-й армии и 21-го стрелкового корпуса. Отход к р. Зельвянка. Захват противником плацдармов

на южном берегу р. Неман..... 567

10. 2. Действия войск 10-й армии. Оставление Белостока.. 575

10. 3. Формирование Борисовского боевого участка. Действия 50-й стрелковой дивизии и частей НКВД.

Выход передового отряда 7-й танковой дивизии противника к

ж.-д. станции Смолевичи..... 586

Оценка возникшей ситуации и путей отхода войск белостокской группировки..... 594

10. 4. Обстановка на Двинском участке Северо-Западного фронта и к югу от него..... 597

10. 5. За левым флангом. Действия войск 4-й армии, дивизий 47-го стрелкового и 17-го механизированного корпусов..... 600

Взятие противником Барановичей и Столбцов..... 600

Прорыв танков противника к Березине и захват

Бобруйска..... 607

Глава 11. Катастрофа "Vae victis, vae victoris"

(Горе побежденным, горе победителям)

11.1. Захват противником Минска. Образование внутреннего кольца окружения вокруг белостокской группировки.... **614**

11.2. Обстановка в Полесье на пинско-мозырьском направлении.....	619
11.3. Действия советских войск внутри кольца окружения. Начало.....	625
Попытки прорыва на восток. Бои на реке Щара. Действия противника по недопущению прорыва советских частей из окружения.....	630
11. 4. Действия советских войск на двинском участке Северо-Западного фронта.....	644
11. 5. Действия советских войск внутри кольца окружения. Продолжение.....	651
Бои в районах Беловежской пуши и Волковыска.....	657
Бои в районе деревень Клепачи и Озерница.	
Разгром управления 6-го мехкорпуса.....	674
Глава 12. О судьбе армейских управлений.....	743
Глава 13. "Признать виновными...".....	754
Глава 14. Слово о "лесном братстве".....	767
Глава 15. О некоторых неприятных моментах.....	774
Итоги и выводы.....	780
Эпилог.....	783
Список сокращений.....	788
Список источников.....	791

Моей жене Елене и дочери Анне-Марии посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Мы выходим на площадь и сразу останавливаемся, потому что видим пушку. Она стоит слева за углом, приземистая, словно бы припавшая к

мостовой, - длинный ствол с тяжелым набалдашником дульного тормоза, низкий широкий щит, размалеванный камуфляжными зигзагами, широко раздвинутые трубчатые станины, толстенные колеса на резиновом ходу... С этой позиции был сделан не один выстрел, но давно, очень давно. Стреляные гильзы, рассыпанные вокруг, насквозь проедены зеленой и красной окисью, крючья станин распорили асфальт до земли и тонут теперь в густой траве, и даже маленькое дерево успело пробиться возле левой станины. Проржавевший замок откинут, прицела нет вовсе, а в тылу позиции валяются сгнившие, полураспавшиеся зарядные ящики, все пустые. Здесь стреляли до последнего снаряда...

Все, что здесь случилось, случилось очень давно, много лет назад, и давно уже исчезли запахи пожаров и стрельбы, но странным образом сохранилась и давила на душу атмосфера лютой ненависти, ярости, бешенства, которые двигали тогда неведомыми артиллеристами" (из какой-то повести братьев Стругацких).

На карте современной Беларуси читатель не найдет названий городов Белосток, Ломжа, Замбрув, Чижев и Августов. Сегодня за ее пределами на всем постсоветском пространстве уже мало кто знает или помнит, что в составе Белорусской ССР недолго, неполных два года, существовала такая административная единица, как Белостокская область. Де-факто она вошла в состав республики осенью 1939 г. - после освободительного похода Рабочее-Крестьянской Красной Армии.

В сентябре в результате вторжения в Польшу войск германского вермахта суверенное славянское государство прекратило свое существование, а его территория уже в который раз была раз-

5

делена - на этот раз между Священной Римской империей германского народа (Райхом) и Союзом Советских Социалистических Республик (СССР). Бывшую Польшу по рекам Буг и Сан разрезала демаркационная линия: в результате раздела в состав Советского Союза вошли исконные белорусские

и украинские земли, потерянные в 1920 г. в ходе советско-польской войны, и Виленский край, отторгнутый Польшей у Литвы. По результатам т. н. "Рижского мира" Украина, Белоруссия и Литва на долгих девятнадцать лет лишились огромных территорий с многомиллионным населением, не говорящим по-польски, зато на карте Польши появилось восемь новых воеводств: Виленское, Новогрудское, Белостокское, Полесское, Волынское, Львовское, Тарнопольское и Станиславовское.

К 1 сентября 1939 г. на временно оккупированной поляками территории Западной Белоруссии и Западной Украины площадью свыше 190 тыс. кв. км проживало более 12 млн. человек, в том числе более 6 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов. Когда Красная Армия уже после фактического распада государства перешла советско-польскую границу, британский премьер Д. Ллойд-Джордж в своем письме варшавскому посланнику в Лондоне проявил известное здравомыслие, подчеркнув - Советский Союз не оккупировал, а вернул назад "территории, которые не являются польскими и которые силой были захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии" [22, с. 57].

Кроме того, к БССР была присоединена и административно оформлена в Белостокскую область спорная еще с 1918 г. территория Белостокского уезда, где на право называться большинством населения могли претендовать как поляки, так и белорусы. Вследствие такой "перекройки" Восточной Европы государственная граница СССР, проходившая до этого вблизи Минска, отодвинулась от него далеко на запад, на участке от Бреста до Гродно она выгнулась дугой. Так образовался выступ, вошедший в историю Второй мировой войны как белостокский.

Летом 1941 г. белостокский выступ вместе с его подножиями - от Калварии до Капчаместиса в Южной Литве и от Бреста до Домачево в Южной Белоруссии - стал ареной ожесточенного сражения. К 21 июня

против войск Западного и левого фланга Прибалтийского Особых военных округов

6

РККА развернулась ударная немецкая группировка армий "Центр" в составе 2-й и 3-й танковых групп, 4-й и 9-й полевых армий, 2-го воздушного флота и других частей, в том числе войск СС. В первую неделю войны моторизованные корпуса танковых групп, сметая все на своем пути, прорвались в глубь советской территории. Взаимодействуя с армейскими корпусами 4-й и 9-й армий, они наголову разгромили 4-ю армию Западного округа на брестско-барановичском и бобруйском направлениях, а на вильнюсском направлении нанесли тяжелое поражение 11-й армии Прибалтийского округа. Наступая в высоком темпе по сходящимся направлениям, они опрокинули все брошенные против них войсковые резервы и к исходу шестого дня боевых действий соединились в районе Минска. В окружение попали 3-я и 10-я армии ЗапОВО, располагавшиеся в белостокском выступе, два корпуса окружного подчинения и часть сил 13-й армии, оборонявшей Минск. К середине июля все было кончено вчистую.

Катастрофа в Западной Белоруссии на долгие годы была предана забвению, как, впрочем, и неудавшийся опыт вхождения некоторых польских территорий в состав советского государства. Летом 1944 г. Красная Армия вернулась на берега пограничных рек Западный Буг и Нарев. Но после войны белостокский выступ вернулся "под крыло" белого польского орла (равно как и территория с городом Пшемьсл - Перемышль на реке Сан, два года находившаяся в составе Украины).

Крупнейший, можно даже сказать ключевой, эпизод начального периода войны оказался почти что засекреченным, ибо его детальное изучение было, мягко говоря, нежелательным. Июнь 41-го стан для Белоруссии "забытым июнем" с сопутствующими легендами вроде посещения Гитлером Беловежской пуши [69]. Дошло до того, что в полученных даже от участников войны письмах несколько раз встречалось недоуменное: "Прочел

в газете, что вы просите откликнуться тех, кто встретил войну под Белостоком. Ведь это же территория Польши!"

* * *

Занявшись сбором информации по разгрому белостокской группировки, я ознакомился практически со всей изданной в СССР литературой, в том числе периодикой, где

7

имелась хоть какая-то информация по Западному округу. Выяснилось, что менее всех "повезло" 10-й армии, 13, 4 и 3-й армиям "повезло" несколько более. Последней, в частности, посвятил некоторое количество строк генерал армии К. Н. Галицкий, командовавший в первые дни войны 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизией. По 13-й армии и, в частности, по обороне Минска при желании можно собрать небольшую библиотеку. 4-я армия имеет "в активе" подвиг гарнизона Брестской крепости и своего начальника штаба Л. М. Сандалова, написавшего три книги о начальном периоде войны.

Есть также замечательный сборник воспоминаний "Буг в огне", выпущенный двумя изданиями в Минске.

Но по результатам прочитанного, несмотря на обширность "перелопаченного" в ходе поисков материала, не то чтобы полной, а хотя бы сколь-нибудь приемлемой картины получить не удалось. Оставалось одно: попытаться через средства массовой информации найти еще живых участников тех трагических событий. Их воспоминания, подкрепленные материалами Центрального архива Министерства обороны, легли в основу данной повести.

Хочу выразить свою глубокую признательность И. И. Шапиро из Санкт-Петербурга, К. Г. Ремизову и С. Л. Чекунову из Москвы, А. Л. Дударенку из Минска, а также авторам сайтов "Механизированные корпуса" и "Рубон" и другим неравнодушным людям за оказанную в работе помощь и предоставленные материалы - включая выдержки из недоступных мне книг и других источников - по ряду важных моментов.

К сожалению, проверить достоверность информации, содержащейся во многих устных рассказах и письмах, не представляется возможным из-за отсутствия в архивных фондах большинства соединений, принимавших участие в обороне госграницы, документов, датированных июнем 1941 г. В окруженных дивизиях и корпусах РККА уничтожались или закапывались в землю, чтобы исключить попадание в руки противника, все штабные документы; найдено крайне мало, и часто найденное находится в весьма ветхом состоянии. Те немногие сводки и донесения, которые все-таки уцелели или вернулись в 1945 г. из германского "плена", проясняют лишь отдельные штрихи на полотне гигантского сражения, развернувшегося среди лесов, полей, рек и болот на западе СССР, на

8

участке его границы от литовского Друскининкя до белорусского Бреста.

Те эпизоды войны, когда Красная Армия брала верх над германским вермахтом, не предстанут нашим потомкам обезличенными. Многие сотни трудов, мемуаров, сборников воспоминаний поведают о подвигах не только полководцев, но и простых ее тружеников - солдат, сержантов, офицеров. Пусть не всегда и не во всем правдиво, но представление получить можно.

Что касается подробностей всех больших и малых "котлов", то тут имеют место лишь отдельные разрозненные издания советского периода, покалеченные цензурой, и также не слишком большое количество трудов современных авторов, которые опять-таки грешат недостатком фактического материала. По многим эпизодам нет вообще ничего, так как не осталось в живых никого из участников многих неудачных операций и проигранных сражений, а архивные полки пусты. Исторически "продвинутая" молодежь может посоветовать поискать и перевести с немецкого языка истории войсковых соединений вермахта, но это будет взгляд только с одной стороны, что, впрочем, тоже хлеб.

Очень жаль, что сын офицера Генерального штаба М. А. Симонова и княжны А. Л. Оболенской Кирилл, более известный как поэт и писатель Константин Михайлович Симонов, не сумел завершить задуманное. Под Буйничами вблизи Могилева, где в июле 41-го насмерть стоял 388-й стрелковый полк полковника С. Ф. Кутепова (первого реального прототипа комбрига Серпилина), молодой Симонов "дал себе и времени клятву писать правду и только правду об этой войне с фашистами". С прахом К. М. Симонова, согласно его завещанию развеянным с самолета осенью 1979 г. над "тем самым" Буйническим полем, была навсегда похоронена его идея создать народный архив военных мемуаров, написанных участниками минувшей войны "от солдата до маршала".

В результате российская военная история потеряла гигантский пласт фактического материала, восполнить который не в состоянии ни один государственный архив и ни одно, пусть даже самое лучшее, зарубежное издание. Страна должна знать своих героев. Не только тех, кто штурмовал Рейхстаг, но и тех, кто до конца выполнил свой воинский долг в первые часы и дни войны. Ведь даже для тех, кто занимается историей всерьез, для тех, кому НЕ ВСЕ РАВНО,

9

то, что происходило в июне-июле 1941 г., во многом еще не ясно. Иначе не гадали бы по сотням немецких фотографий, как "привязать" к месту тот или иной подбитый или брошенный советский танк, чью принадлежность означает ромб на боковой стенке башни или широкий крест - на ее верхнем листе.

Неизвестными остались сотни "сталинских соколов". Всех уравнили смерть и забвение: тех, кто на своих фанерно-перкалевых "ишаках" и "чайках" пытался взлетать из пламени растерзанных аэродромов и был сбит, и тех, кто взлетал и погибал в воздушных боях, и тех, кто не успевал даже добежать до своей машины, скошенный свинцом. Неизвестны достоверно даже номера всех советских авиационных полков, подвергшихся воздушным

ударам на рассвете и в течение всего дня 22 июня, не говоря уже о званиях и фамилиях их командиров, о конкретных фактах их боевой деятельности. До сих пор не подсчитано, сколько экипажей СБ, ДБ-3 и Су-2 не вернулось из самоубийственных вылетов без истребительного прикрытия. Улетали не в бессмертие, в небытие.

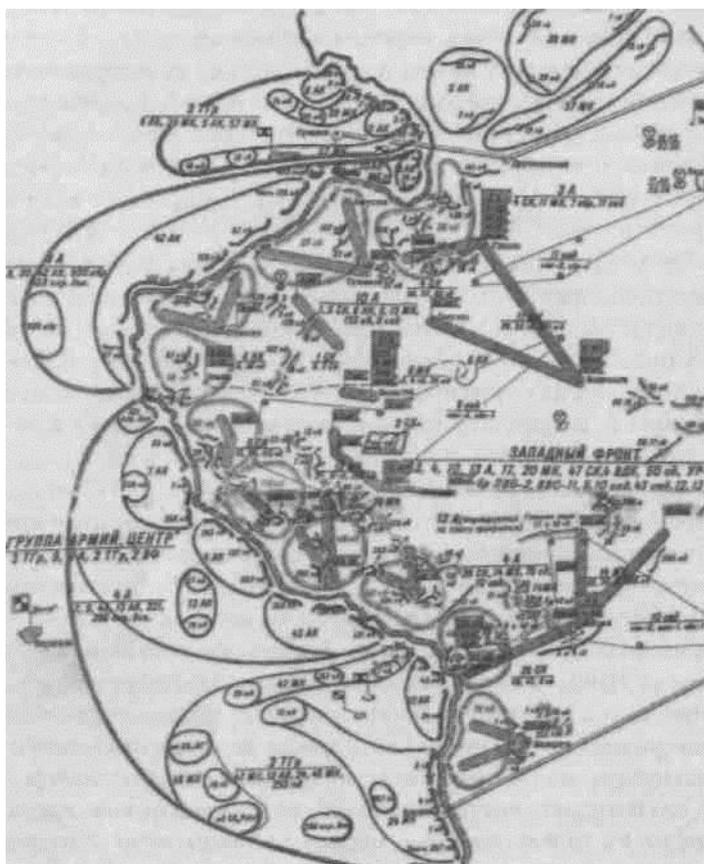
Артиллеристы, расстрелявшие все боеприпасы, но не отступившие, гибли, раздавленные вместе с пушками гусеницами немецких танков - о них книг не написали.

Не написали о танкистах, горевших заживо в своих БТ, Т-26 и БА, противопульная броня которых плавилась и рвалась подобно картону от попаданий бомб и бронебойных снарядов, добросовестно изготовленных мозолистыми руками германских пролетариев на заводах Рура и Северного Рейна-Вестфалии. И о тех, кто успел пересест в новые Т-34 и КВ, - тоже. Они тоже горели, неуязвимых танков нет и сегодня - весь мир видел чадящие американские "абрамсы" в иракских песках, израильские "меркавы" на землях Палестины и Южного Ливана, видел он и российскую бронетехнику, пылающую на горных дорогах Афганистана, на улицах Грозного, среди виноградников Приднестровья и мандариновых плантаций Абхазии.

Впрочем, надо признать, что в 2007 г. произошел невиданный прорыв, когда реально начала действовать объединенная база данных (ОБД) "Память", в которой выложены списки безвозвратных потерь Красной Армии и войск НКВД из фондов ЦАМО РФ. Благодаря этой колоссальной работе июнь 41-го перестает быть безликим, а наполняется конкретными фамилиями и воинскими званиями, в том числе и героев-летчиков бомбардировочной авиации.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

К 22 июня 1941 г. белостокская группировка сухопутных войск ЗапОВО, то есть 3-я и 10-я общевойсковые армии, фактически насчитывала 19 дивизий, из них шесть танковых и три моторизованных, объединенных семью корпусными управлениями, пять из которых входили в состав 10-й армии, два - в состав 3-й. Штаб 3-й армии находился в Гродно, 10-й - в Белостоке. Первый эшелон 3-й армии составлял 4-й стрелковый корпус (27-я и 56-я стрелковые дивизии), 10-й - 1-й (2-я и 8-я стрелковые дивизии) и 5-й (13-я и 86-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса и 113-я стрелковая дивизия, временно подчиненная командованию 5-го СК. Каждый корпус в составе своих частей имел по два корпусных артполка двухдивизионного состава. Во вторых эшелонах находились 11-й (29-я и 33-я танковые, 204-я моторизованная дивизии) и 6-й (4-я и 7-я танковые, 29-я моторизованная дивизии) механизированные корпуса; на южном фланге 10-й армии дислоцировался вновь формируемый 13-й мехкорпус в составе 25-й и 31-й танковых и 208-й моторизованной дивизий, но армейское командование им не распоряжалось - по плану прикрытия их пути расходились. В резерве командарм-10 генерал-майор К. Д. Голубев имел 6-й кавалерийский корпус имени И. В. Сталина в составе двух дивизий: 6-й Чонгарской Кубано-Терской казачьей и 36-й имени И. В. Сталина. У командарма-3 генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова резервом была 85-я Уральская ордена Ленина стрелковая дивизия, части которой располагались в летнем лагере Сола вблизи Гродно и в самом Гродно. Ее постоянно "включают" в состав 4-го корпуса, что, однако, не подтверждено не только документами (в частности, планом прикрытия), но, напротив, показания бывшего командира корпуса генерал-майора Е. А. Егорова и воспоминания бывшего командира 85-й дивизии генерал-майора А. В. Бондов-

Соотношение сил в полосе Запово к 22 июня 1941 г.

ского свидетельствуют об обратном. К началу войны в глубине территории округа - районы Молодечно и Полоцка - в ближнем тылу группировки находились 24-я и 50-я стрелковые дивизии. Они, хоть и формально, тоже считались резервом командования 3-й армии, а 50-я как раз и предназначалась для включения в состав 4-го СК, но первые дни действо-

12

вали самостоятельно, а затем были переданы вновь создаваемой 13-й армии - тоже, впрочем, формально.

Также к моменту начала боевых действий на северном берегу Немана с задачей сосредоточиться в районе Лиды уже находились в движении из районов Витебска и Полоцка части окружного резервного 21-го стрелкового корпуса в составе двух дивизий: 17-й Горьковской Краснознаменной и 37-й Краснознаменной. Одновременно начальником штаба округа подобные распоряжения о смене мест дислокации были отданы командирам 47-го

стрелкового корпуса, 44-го стрелкового корпуса, 50, 121 и 161-й стрелковых дивизий. Командиру 47-го СК (штаб корпуса - в Бобруйске) генерал-майору С. И. Поветкину предписывалось приступить к передислокации 23 июня с сохранением тайны переезда и без указания в перевозочных документах станции назначения.

Противовоздушная оборона в белостокском выступе и тыловом районе к востоку от него состояла из трех зенитно-артиллерийских полков, шести отдельных артдивизионов, зенитно-пулеметного батальона, двух взводов крупнокалиберных пулеметов, частей ВНОС и других спецподразделений 4-й - Белостокской - бригады ПВО и Барановичского бригадного района ПВО, организационно входивших в Западную зону ПВО. В оперативном подчинении командующих армиями прикрытия находились авиационные дивизии смешанного состава, расположенные в их полосах; для управления ими были созданы должности командующих и начальников штабов ВВС. 3-й и 10-й армиям придавались соответственно 11-я и 9-я САД. Они состояли из пяти истребительных, двух скоростных бомбардировочных и одного штурмового (в стадии формирования) авиационных полков, имели 637 боевых самолетов и от 70 до 90 вспомогательных машин. Тыловое обеспечение этих соединений возлагалось на 12-й и 14-й РАБы (районы авиационного базирования).

Войсковую авиацию составляли 8 корпусных авиаэскадрилий связных машин, разведчиков и корректировщиков артогня, входивших в состав трех стрелковых, кавалерийского и трех механизированных корпусов: 1-я ОКАЭ (1-й СК), 4-я ОКАЭ (4-й СК), 5-я ОКАЭ (5-й СК), 206-я ОКАЭ (6-й КК), 106-я ОКАЭ (6-й МК), 111-я ОКАЭ (11-й МК), 113-я ОКАЭ (13-й

13

МК). На 1 октября 1940 г. в составе пяти подразделений имелась 61 машина марок У-2, Р-10 и Р-Z (эскадрилий 11-го и 13-го МК не существовало, как не существовало еще и самих корпусов). Но к началу войны число самолетов в этих эскадрильях могло существенно возрасти - за

счет высвобождения матчасти при получении новой техники армейской и окружной авиацией.

ПРИКРЫТИЕ ФЛАНГОВ ГРУППИРОВКИ

На южном фланге Западного ОВО государственную границу СССР до стыка с Киевским Особым военным округом прикрывала 4-я армия в составе семи дивизий (четыре стрелковых, две танковых и одна моторизованная) с двумя корпусными управлениями, штаб ее находился в Кобрине. В составе Кобринского района ПВО имелось два артдивизиона, отдельная артбатарея и взвод крупнокалиберных пулеметов. В Пинске и частично в Киеве базировались подразделения Пинской речной военной флотилии (командующий контр-адмирал А. Д. Рогачев, начальник штаба капитан 2 ранга Г. И. Брахман), в составе которой имелось: 9 мониторов (из них 5 трофейных польских), 8 канонерских лодок, 9 сторожевых кораблей, 16 бронекатеров, минный заградитель, 44 катера, глиссера и полуглиссера различных назначений, артдивизион на механической тяге, рота морской пехоты и отдельная авиаэскадрилья самолетов Р-10. За разграничительной линией на севере находились соединения 11-й армии Прибалтийского округа (шесть стрелковых дивизий, из них две территориальных литовских, с двумя корпусными управлениями) и окружного 3-го механизированного корпуса. Штаб армии находился в Каунасе (Ковно). Также в район прикрытия 11-й армии из глубины территории пешим порядком выдвигались 23-я и 126-я стрелковые дивизии. В состав войск ПВО Северо-Западной зоны входили 12-я и 14-я отдельные бригады, прикрывавшие соответственно Вильнюс и Каунас. В оперативном подчинении командующих 4-й и 11-й армиями находились 10-я и 57-я смешанные авиадивизии - пять истребительных, два скоростных бомбардировочных и один штурмовой авиационные полки (237-й И АП 57-й САД - в стадии формирования). 10-я САД имела 248 боевых

самолетов и по меньшей мере 40 вспомогательных. В 57-й САД числилось (без 237-го ИАП) 243 боевых самолета. Кроме этого, в полосе 11-й армии базировались подразделения 8-й САД окружного подчинения

15

(четыре истребительных и один штурмовой авиационные полки, причем два полка - 236-й и 240-й ИАП - также в стадии формирования). Ее боевую мощь составляли 316 самолетов (без 236-го и 240-го полков). По вспомогательной авиации сведений нет. В состав войсковой авиации входили 5 эскадрилий: 28-я ОКАЭ 28-го СК и 114-я ОКАЭ 14-го МК 4-й армии, 16-я ОКАЭ 16-го СК и 29-я ОКАЭ 29-го ТСК 11-й армии и 103-я ОКАЭ 3-го мехкорпуса.

Необходимо заметить, что все данные по численности ВВС, несмотря на то что взяты из ведомственного сборника с грифом "Для служебного пользования" (Советская авиация в Великой Отечественной войне в цифрах. 1962. ЦАМО, ф. 35, оп. 107559 ее, д. 5), нельзя признать абсолютно точными. Взять хотя бы тот факт, что в нем отсутствуют данные по 236, 237 и 240-му полкам, словно их не существовало в природе, хотя упоминания о них можно встретить в исторической и мемуарной литературе. В частности, 240-й полк, несмотря на то что имел всего 13 И-15бис, успел до вывода на переформирование совершить 69 самолето-вылетов для разведки и штурмовки (Евстигнеев К. А. Крылатая гвардия. М., ВИ, 1982 С. 35). Удалось установить, что при подготовке книги к изданию всякое упоминание о 236-м и 237-м ИАП было сознательно исключено. Причиной явилось то, что утрата матчасти обоих полков произошла не только вследствие воздействия Люфтваффе, но и при активном пособничестве "5-й колонны" (имеются в виду литовские коллаборационисты).

При подсчете самолетов по отдельным подразделениям все цифры, взятые из других источников, заметно расходятся. Вероятно, это происходит из-за наличия неучтенных самолетов: старых, новых, неисправных, полученных из других частей и, наоборот, переданных в другие части.

Например, 123-й истребительный полк 10-й дивизии, вооруженный бипланами И-153 "Чайка" (61 самолет, 71 летчик), получил за месяц до нападения 20 новейших Як-1. Вместе с самолетами с авиазавода приехала сборочная бригада во главе с инженером И. В. Кисловым. К 19 июня все "яки" были собраны, летный состав за это время успел "в теории" неплохо изучить новую машину. Но пилотировать ее никто не пробовал, так как в полку отсутствовал запас высокооктанового бензина, не было и патронов к пушке ШВАК [12, с. 110]. Лишь 21 июня, как

16

вспоминал бывший комдив 10-й Н. Г. Белов, его заместитель полковник Бондаренко и командир полка майор Б. Н. Сурин сделали на ней по одному пробному вылету [там же, с. 169]. Впечатление новая машина оставила прекрасное, правда, с одним "но" - существующие взлетно-посадочные полосы для гораздо более тяжелых "яков" (2701 кг против 1859) оказались слишком короткими. Также на аэродроме полка, кроме старых и новых истребителей, к началу войны находилось два десятка тяжелых дальних бомбардировщиков ТБ-3 [47, с. 294]. Упомянутый Кислов предположил, что на базе полка развертывалась дивизия и уже началось поступление матчасти для нее. Но, скорее всего, ТБ оказались на аэродроме 123-го ИАП в рамках проводившихся в округе учений с выброской воздушного десанта. Служить базой для формирования новой дивизии армейской авиации они никак не могли, ибо оперативное управление самолетами дальнебомбардировочной авиации (ДБА) являлось исключительной прерогативой Главного Командования Красной Армии. К тому же по состоянию на 21 июня 1941 г. ТБ-3 вообще не являлись собственностью ВВС, так как уже вступил в силу приказ, согласно которому они были переданы в собственность вновь образованного Главного Управления воздушно-десантных войск (ВДВ) РККА.

"Яки", полученные 123-м полком, в вышеупомянутом сборнике учтены. Н. Г. Белов написал, что 33-й полк его дивизии получил из 9-й САД

два МиГ-1, но они нигде не фигурируют. На аэродроме в Смоленске оказалась пара новых пикировщиков Пе-2 неустановленной принадлежности без экипажей. С разрешения начальника авиагарнизона, он же командир 215-го ШАП 12-й БАД, майора Л. Д. Рейно они были использованы по назначению командиром 212-го отдельного дальнесбомбардировочного авиаполка. Разумеется, в составе 212-го ОДБАП они тоже не значатся. На аэродроме в Боровском Смоленской области накануне нападения село более десятка новейших машин ББ-22 (Як-4). Кому они предназначались, не ясно. Такие машины проходят по 314-му разведывательному полку из Барановичей, но, пока не подписаны акты приемки-передачи, они - собственность завода. Следовательно, в списочном составе полка эти самолеты фигурировать не могли. Через несколько дней после начала боевых дей-

17

ствий эти легкие бомбардировщики были переданы в состав понесшего большие потери 207-го полка 42-й дальнебомбардировочной дивизии, а уже 30 июня три звена ББ-22 получили боевое крещение - разнесли понтонный мост, наведенный германскими саперами на Березине.

Случалась в авиационных частях также и убыль чрезвычайного характера, т. н. "небоевые" потери: вынужденные посадки, аварии, катастрофы; их было очень много, и это тоже путало статистику. Достаточно сказать, что за аварийность были отстранены от должностей и впоследствии арестованы и расстреляны командующий ВВС КОВО и командующий ДБА Е. С. Птухин и И. И. Проскуров, оба генерал-лейтенанты и Герои Советского Союза. В 9-й авиадивизии незадолго до войны погиб летчик, капитан по званию: во время учебного полета на МиГ-3, машины необычайно строгой в пилотировании, он неудачно зашел на посадку и зацепил макушку ели. В 124-м ИАП той же дивизии 2 июня при отстреле в воздухе вооружения на одном из "мигов" отказал синхронизатор и после четырех коротких очередей была отстрелена лопасть, а затем сорван и весь винт. Командующий

авиацией Орловского ВО полковник Н. Ф. Науменко, принявший в июле командование над остатками ВВС Западного фронта, в своем отчете по предвоенному периоду и первым шести месяцам боевых действий написал по 9-й САД коротко и беспощадно: "На новых самолетах производились только аэродромные полеты и отстрел пулеметов в воздухе. Материальная часть к началу войны была не освоена, и дивизия имела ряд тяжелых катастроф в процессе ее освоения" (СБД № 35 М., 1958, С. 127).

Артиллерия и авиация РК и Войска НКВД

Стоит вспомнить и об артиллерии резерва Главного Командования (РГК), части которой находились на территории Западного и Прибалтийского военных округов и в случае войны использовались бы армиями в качестве средств усиления. 3-й армии придавались 124-й ГАП РК и 6-я бригада противотанковых орудий; 10-й армии - 301-й и 375-й ГАП РК. 311-й Краснознаменный ПАП РК предназначался для района прикрытия № 3 (РП-3 - о нем будет сказано ниже). 4-я армия в случае войны получала 120-й и 318-й ГАП БМ РК. В непосредственном распоряжении округа оставались 7-я и 8-я бригады ПТО [38, с. 8-9]. 11-й армии были приданы 40-й и 429-й ГАП РК, с объявлением мобилизации - 10-я бригада ПТО. Война застала бригады в стадии формирования: не хватало личного состава, техники, особенно средств тяги. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1112-459сс от 23 апреля 1941 г., формирование всех 10 противотанковых бригад в Красной Армии предписывалось закончить к 1 июня, но поступление транспортных средств (каждая бригада должна была комплектоваться 584 грузовиками, 123 спецмашинами, 11 легковыми машинами и 165 тракторами), возложенное на Госплан СССР, растягивалось на весь 1941 год (сайт "Бронетанковые силы" - <http://www.battlefield.ru>). Выполняемость постановления оказалась низкой. В результате к 22 июня значительная часть

новых соединений не успела получить не только средства тяги, но даже матчасть артиллерии и стрелковое оружие для личного состава. 724-й полк 7-й бригады имел 28 орудий вместо 60 по штату; на 1835 бойцов и командиров имелось 350 винтовок, 50 карабинов и 5 пистолетов; тягачей и тракторов не было совсем [63, с. 14]. В 6-й бригаде укомплектованность автомашинами составляла 21%, тракторов также не было ни одного. По 10-й бригаде известен только

19

состав (653-й и 720-й артполки, 373-й минно-саперный батальон и 168-й автобатальон) и дата расформирования.

120-й полк (командир - полковник Н. И. Лопуховский) был полностью укомплектован орудиями и имел на вооружении 24 203-мм английских гаубиц Виккерс Mk VI, но на момент начала боевых действий находился на полигоне в районе Барановичей (у деревни Тартаки) со 120 выстрелами и без средств тяги. На зимних квартирах в Коссово осталось все остальное имущество и боезапас, в том числе 12 новых гаубиц Б-4, полученных для формируемого полка 2-й очереди; на ж.-д. станции Коссово находилось еще 6 гаубиц того же типа. Также в Тартаках находился 301-й ГАП БМ РГК, оснащенный гаубицами Б-4. 21 июня окружное руководство изъяло из полка 56 новых тракторов СТЗ и передало их формируемой в Лиде 8-й бригаде ПТО, оставив в 301-м лишь "калек", полученных в 1939 г. из народного хозяйства. В результате с началом боевых действий артиллеристы вынуждены были бросить на полигоне три гаубицы и взорвать более трех тысяч единиц боеприпасов.

Если верить Л. М. Сандалову, под Барановичами родилась одна из многих загадок июня 41-го года. По его словам, весной на полигоне началось формирование еще 10 гаубичных полков РГК - солидное дополнение к уже существующим частям. К 22 июня их успели укомплектовать личным составом и матчастью артиллерии (480 новейших 152-мм орудий), но тягачей было по одному на дивизион. Когда началась война, их попытались

челночными рейсами перебросить в район Слонома. В огне приграничного сражения полки за три дня, 23-25 июня, исчезли бесследно, не оставив после себя ни номеров, ни шифров полевых почт, ни имен командиров. Документальное подтверждение написанного Сандаловым не обнаружено по сей день. Лишь чисто гипотетически можно предположить, что им были присвоены 10 из 17 зарезервированных номеров, которые на 22 июня значились свободными: 312, 319, 514, 517, 525, 528, 554, 557, 558, 582, 590, 591, 594, 600, 610, 640 и 641-й (данные В. И. Феськова). Да и те, уже существующие артчасти РГК, формирование которых было завершено полностью, в силу обстоятельств участвовали в боях не там, где мыслилось создателям планов прикрытия государ-

20

ственной границы, и действовали не так эффективно, как могли бы.

Серьезное влияние на ход боевых действий в Западной Белоруссии и Прибалтике могли также оказать части Дальнебомбардировочной авиации, подчинявшейся лично И. В. Сталину. На территории Смоленской области РСФСР, входящей по военно-административному делению в состав ЗапОВО, располагался 3-й авиакорпус ДБА ГК (командир - полковник Н. С. Скрипко) в составе 42-й и 52-й ДБАД и 212-го отдельного дальнебомбардировочного полка. Для прикрытия бомбардировщиков в Смоленске формировалась 61-я истребительная авиадивизия (командир - полковник В. П. Ухов) трехполкового состава. Для действий на северо-западном направлении предназначался 1-й авиакорпус (командир - генерал-майор авиации В. И. Изотов) в составе 40-й и 51-й ДБАД, расположенный в Новгородской области. Для их прикрытия в Вел иких Луках формировалась 56-я ИАДДБА ГК (командир - полковник Ф. Н. Дементьев). К началу войны истребительные дивизии были представлены только штабами, матчасть отсутствовала, поэтому они были вскоре расформированы. В частности, 56-я дивизия 18 августа 1941 г. была реорганизована во 2-ю резервную авиагруппу. Корпуса имели 570 боевых самолетов (96 ДБ-3, 313 ДБ-3ф и 161

ТБ-3). Однако в мае 1941 г. было принято решение о создании Главного Управления воздушно-десантных войск, к 1 июня завершилось формирование новой штатной структуры ВДВ: отдельные воздушно-десантные авиабригады, входившие до этого момента в ВВС РККА, были переформированы в воздушно-десантные корпуса, подчинявшиеся вновь созданному управлению. 4 июня приказом за подписью наркома обороны С. К. Тимошенко, члена Главного военного совета секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и начальника Генштаба Г. К. Жукова все пять имевшихся в Дальней авиации тяжелых бомбардировочных авиаполков, оснащенных машинами ТБ-3, были переданы из ее состава в распоряжение командиров воздушно-десантных корпусов: в ПрибОВО формировался 5-й ВДК (командир - генерал-майор И. С. Безуглый), в ЗапОВО - 4-й (командир - генерал-майор А. С. Жадов). In fact (в силу факта), что в июне 1941 г. у десантников еще не было своей собственной технической и аэродромной базы для эксплуатации столь сложного и гро-

21

моздкого авиапарка - ее предстояло создать лишь к началу 1942 г., - переданные в воздушно-десантные войска самолеты обязаны были обслуживать аэродромные и инженерные службы прежних владельцев. Создалась нелепая ситуация, когда ТБАПы оказались в двойном подчинении: оперативном - в ГУ ВДВ, инженерно-хозяйственном - в ГУ ВВС, то есть принадлежали они одним, а содержать их должны были другие. Почти как те т. н. "авиаполевые" дивизии германской армии, которые появились после сокрушительных поражений, понесенных ею на полях России. Фактически будучи пехотными, они подчинялись рейхсмаршалу авиации Г. Герингу.

Также на рассматриваемой территории, которой в скором времени предстояло стать театром военных действий (ТВД), располагались подразделения войск НКВД СССР, относящиеся к четырем Главным управлениям, или главкам: пограничных войск, оперативных войск, войск по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий

промышленности и конвойных войск. На новой и старой госграницах несли службу 11 отрядов Белорусского пограничного округа (начальник войск - генерал-лейтенант И. А. Богданов). Штаб округа находился в Белостоке, но в состав его входили также и все три пограничных отряда, охранявшие литовский участок советско-германской границы.

Оперативные войска были представлены дислоцировавшимся в Белостоке 23-м отдельным мотострелковым полком (командир - майор Г. Г. Тарасов), еще три полка располагались по соседству, в республиках Советской Прибалтики: 1-й ОМСП (командир - полковник С. А. Николин, штаб - в Каунасе), 3-й ОМСП (командир - майор Н. Д. Бровкин, штаб - в Таллине) и 5-й ОМСП (командир - полковник А. С. Головкин, штаб - в Риге). На момент начала боевых действий С. А. Николин находился на учебе в Москве, его замещал начальник штаба, выпускник Академии имени М. В. Фрунзе майор В. С. Антонов. 5-й мотострелковый полк на 22 июня находился в оперативной командировке в Барановичах, но в тот же день возвратился назад, в Ригу, по радиогамме начальника войск Прибалтийского пограничного округа генерал-майора К. И. Ракутина, и впоследствии послужил основой для формирования 22-й мотострелковой дивизии НКВД. 3-й полк война застала в Литве, в рай-

22

оне Вильно. Это были высокобоеспособные части, имевшие в своих составах танковые роты. Управлений мотострелковых дивизий НКВД в Белоруссии и Прибалтике до 22 июня не существовало. В состав погранвойск Белорусского округа входила 10-я отдельная авиаэскадрилья (командир - старший лейтенант Ремезов), базировавшаяся на площадке Чеховщина в 8 км юго-западнее Гродно, в ее составе имелось 12 штатных и один сверхштатный Р-10; на острове Эзель - Сааремаа в Рижском заливе базировались девять модернизированных СБ и три летающих лодки МБР-2 11-й погранэскадрильи Прибалтийского округа (командир - майор Н. Н. Петров).

Охрану железнодорожных станций и сооружений и всех мостов осуществляли подразделения 9-й железнодорожной дивизии НКВД (командир - полковник В. Н. Истомин, начальник штаба - полковник Л. С. Булгач). В ее составе было четыре полка: 58-й ЖДП (командир - капитан М. И. Александров, штаб и бронепоезд № 58 - в Белостоке), 60-й ЖДП (командир - подполковник Г. В. Филиппов, штаб - в Бресте, бронепоезд № 60 - в Колодищах), 83-й ЖДП (командир-майор А. С. Загудаев, штаб и бронепоезд № 83 - в Риге) и 84-й ЖДП (командир - майор И. И. Пияшсв, штаб в Вильнюсе, данных о наличии бронепоезда нет). Управление дивизии также располагалось в Вильнюсе.

Конвойные функции выполняли части 42-й конвойной бригады (командир - полковник Ванюков, штаб - в Минске). Бригада состояла из 226-го (командир - майор Н. Я. Суховой, штаб - в Минске) и 240-го (штаб - в Вильнюсе, подразделения - в Вильнюсе, Каунасе, Шяуляе) конвойных полков и четырех отдельных конвойных батальонов: 131-го (штаб - в Белостоке), 132-го (командир - капитан А. С. Костицын, штаб - в здании кольцевой казармы цитадели Брестской крепости), 135-го (штаб - в Барановичах), 136-го (командир - майор П. А. Репринцев, штаб - в Смоленске). Впрочем, несмотря на кажущееся обилие частей НКВД, численность их была сравнительно невелика. Например, штатная численность подразделений Белорусского погранокруга с учетом собаководов, писарей, медиков и ансамбля песни и пляски составляла 19 725 человек, реально - известна численность отрядов, 18 074 человека. В 9-й ЖДД с учетом экипажей бронепоездов было 6524 человека. Если учесть, что ВСЕ войска НКВД, за исключением оперативных,

23

были рассредоточены на огромной территории, собирать их воедино в силу специфики выполняемых задач было просто нецелесообразно, а после 22 июня - и невозможно, то не следует принимать на веру утверждения, будто бы они "коварно" концентрировались на западной границе

исключительно для обеспечения "советизации" Европы, которой "надлежало" быть завоеванной Красной Армией летом 1941 г.

* * *

Несколько слов о командовании. Командарма-10 К. Д. Голубева, в числе слушателей первого набора окончившего вновь созданную Академию Генерального штаба РККА, и командарма-3 В. И. Кузнецова нельзя было отнести к "выскачкам", быстро и высоко взлетевшим по служебной лестнице в период с 1936 по 1940 г. Это были весьма опытные и грамотные командиры, без спешки прошедшие все ступени военного командования. Высшее военное образование имели и начальники армейских штабов генерал-майоры П. И. Ляпин и А. К. Кондратьев. В целом старший комсостав обеих армий имел неплохую военную подготовку, обладал опытом боевых действий в Гражданской войне и последующих локальных конфликтах (на реке Халхин-Гол, в Испании, Карелии, Китае), в их частях служило как минимум семь офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Но "чистка" комначсостава армии и флота, проведенная в конце 30-х годов Наркоматом внутренних дел, в значительной степени сковала инициативу и волю этих людей. Отстранения от должностей и аресты, проведенные весной и в начале июня 1941 г., моральный климат, ясное дело, не улучшили. Роковое стечение обстоятельств и собственные серьезные ошибки в управлении войсками не дали Голубеву и Кузнецову возможность использовать боевой потенциал частей и соединений своих армий в полной мере, что в совокупности и привело к разгрому и полному уничтожению белостокской группировки. Надо также заметить, что Голубев командовал 10-й армией сравнительно недавно. За несколько месяцев до войны он сменил генерал-майора В. З. Романовского так же, как генерал-майор А. А. Коробков в то же самое время вступил в командование соседней 4-й армией вместо генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова. Оба сня-

тых генерала блестяще проявили себя в годы войны, так что проведенная рокировка кажется по меньшей мере странной.

В военно-географическом отношении территории Западной Белоруссии и Южной Литвы представляют собой сформированную ледником холмистую равнину с грядами господствующих высот и возвышенностями, обильно прорезанную большими и малыми реками. Наиболее значительными из них, могущими служить естественными рубежами для развертывания войск, являются Западный Буг, Нарев, Бобр (все три относятся к бассейну реки Висла), Неман, Виляя, Невяжис, Ясельда, Зельвянка, Щара, Котра, Свислочь и Россь. На данной территории имеются крупные лесные массивы, которые могут быть как местом сосредоточения и укрытия войск, так и препятствием для подвижных (механизированных) частей вероятного противника. Самыми обширными являются Августовская, Супрасельская, Ломжинская, Беловежская, Ружанская и Налибокская пуши.

Белостокский выступ для обороны неудобен, так как:

- во-первых, значительная часть его территории, примыкающая к государственной границе, является сухопутной и малолесистой, что делает ее пригодной для действий войск противника в любом операционном направлении;

- во-вторых, бассейн реки Бобр сильно заболочен, что может создать проблемы как для наступающих, так и для обороняющихся (затрудняет передвижение войск и маневрирование резервами);

- в-третьих, любой выступ сам по себе небезопасен с точки зрения обороны, так как "подсекающие" удары по сходящимся направлениям из-под его подножий при условии их успешности приведут к окружению сосредоточенных в нем войск;

- в-четвертых, пути возможного отвода войск именно из белостокского выступа представляют собой почти идеальную ловушку, своего рода

"бутылочное горло", бедное дорогами, но богатое болотами, реками и речушками с топкими берегами.

Другой особенностью "белорусского" ТВД является то, что русло Немана к югу от Гродно простирается не с юга на север, как в Литве, а делает крутой поворот и пролегает уже с востока на запад, разрезая территорию на южную и северную части. Также на юге Белоруссии лежит Полесье - обширный,

25

низменный, озерно-болотистый, лесистый край, непригодный для ведения широкомасштабных боевых действий, исключая направление Брест - Пинск - Калинковичи. Здесь берет свое начало крупный левый приток Днепра Принять. Висла и Неман, а также Западный Буг и Днепр связаны между собой рукотворными гидротехническими сооружениями: Августовским и Днепроовско-Бугским каналами. Территория севернее Полесья пригодна для наступления крупных сил противника вдоль дорог.

ОТ АВТОРА

Эта книга началась со статьи, которую я написал совместно с К. Г. Ремизовым весной 1991 г., в преддверии 50-летия начала Великой Отечественной войны. Но в "горбачевском" СССР никто не захотел ее напечатать ни к 22 июня, ни вообще. Журнал "Огонек", с которым была достигнута предварительная договоренность, в последний момент "ушел в отказ". Все СМИ были озабочены "большой политикой".

Тогда у меня родился другой замысел: почему статья, почему не книга? Подробных исследований о 3-й и 10-й армиях, да и многом другом, тогда не написал никто. В июне 1995 г. И. И. Шапиро прислала мне письмо с предложением забрать ее архив материалов по белостокской группировке. Потом через Интернет пошли новые знакомства и новые материалы. Картина

стала яснее, но июнь 41-го оказался совсем не таким, каким его показывал кинематограф, она отличалась и от той, что наваяли историки, военачальники и писатели. Все было гораздо страшнее, трагичнее, нелепее. И глупее. Очень часто вновь открывавшееся самым неожиданным образом опрокидывало десятилетиями складывавшиеся стереотипы.

В трагедии белостокской группировки и сегодня далеко не все ясно и понятно, нет данных по целым войсковым соединениям, есть разрывы в хронологии. Святой Августин по поводу окончания одного богословского спора сказал красивую и образную фразу, сразу ставшую крылатой: "Roma locuta, causa finita" (Рим высказался, вопрос исчерпан). Я не претендую на то, что именно моя книга даст наиболее объективную картину событий лета 1941 г. на Западном и Северо-Западном фронтах, после чего писать что-либо уже не будет иметь смысла. Я смею лишь надеяться на то, что мой труд позволит по-новому взглянуть на события уже известные или кажущиеся таковыми. Также льщу себя надеждой, что читатель на страницах моей книги откроет неизвестные доселе страницы са-

27

моотверженной борьбы всех населявших Советский Союз народов, сыновей и дочерей которых судьба свела тяжким летом 41-го на земле Белоруссии и Литвы под знаменами Красной Армии. Еще я надеюсь на благосклонность читателя и на то, что у меня будет возможность и дальше работать над этой темой, вносить коррективы и исправления.

Глава 1. ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО НАПАДЕНИЯ. ВКЛЮЧЕН ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

"Мы живем в сумасшедшем мире, в котором противоположности постоянно переходят друг в друга, в котором пацифисты вдруг начинают обожать Гитлера, социалисты становятся националистами, патриоты

превращаются в квислингов, буддисты молятся за победы японской армии, а на бирже поднимается курс акций, когда русские переходят в наступление"

(Джордж Оруэлл).

1.1. Обстановка на западной границе СССР и в приграничных районах в июне 1941 г.

Перенесемся мысленно на шестьдесят семь лет назад, в жаркий июнь 1941 г. Скоро начнется отсчет дней небывалого доселе противостояния, а пока... Пока, как могло бы казаться тогда несведущему стороннему наблюдателю, ничто не предвещало приближения войны. Все, казалось бы, происходило так, словно по ту сторону западной границы СССР уже не начали разворачиваться для "Drang nah Osten" войска германского вермахта. По-прежнему в Райх через пограничные станции Брест, Чижев, Граево, Кибартай шли эшелоны с рудой, пиломатериалами, зерном и мычащими коровами.

Бывший на-

29

чальник артснабжения 383-го арtpолка 86-й Краснознаменной стрелковой дивизии Ф. В. Наймушин вспоминал, что через автопереходы перегонялись своим ходом стада гусей и индюков [76, письмо].

Однако что-то неуловимое уже висело в воздухе, кисло попахивая сгоревшим порохом. Все чаще и чаще по ночам стал доноситься с "той" стороны рев сотен моторов. Родные солдат, служивших на западной границе, в июне начали получать от своих сыновей, мужей и братьев странные письма. Обходя цензуру, те "языком Эзопа" писали вещи необычные, тревожные, заставлявшие задуматься.

Рядовой красноармеец А. С. Тонков (пропал без вести) так написал о получении им медальона-"смертника" своей сестре в Кострому: "Нам выдали ордера в Могилевскую, маме об этом не говори" [76, письмо].

Чаще обычного, чаще, чем во все предыдущие месяцы, самолеты-разведчики Люфтваффе из спецгруппы полковника Ровеля безнаказанно нарушали наше воздушное пространство, производили фотографирование и беспрепятственно возвращались на свои аэродромы.

Воздушное прикрытие большей части белостокского выступления должны были осуществлять четыре истребительных полка 9-й авиадивизии. Но ее командир, Герой Советского Союза, кавалер "Золотой звезды" № 18, 29-летний генерал-майор авиации С. А. Черных лишен был права пресекать эти полеты при помощи своих "соколов", любая оплошность или инициатива наказывалась. Весной и в начале лета авиаторам недвусмысленно напомнили об этом органы госбезопасности: в Москве были произведены аресты ряда высших чинов ВВС Красной Армии. Отправиться вслед за ними комдив Черных не хотел.

Но иногда у авиаторов лопалось терпение, и тогда нахальство немецких пилотов все-таки наказывалось. Потом руководство наказывало храбрецов-пилотов и их командиров. Висела угроза строгого наказания над генерал-майором авиации Г. Н. Захаровым, другом генерал-лейтенанта П. В. Рычагова (незадолго до войны тот был снят с поста начальника ГУ ВВС) и С. А. Черных. Все трое воевали в Испании, а с Черных он был еще и "однокашником", вместе учились в Сталинградской летной школе. За плечами этого, такого же как Рычагов и Черных, молодого человека с генеральскими звездами на голубых петлицах гимнастерки уже было немало побед в небе Испании и Китая.

Поэтому 22 июня

30

Г. Н. Захаров заслуженно встретил командиром 43-й истребительной дивизии: 243 боевых самолета, с учебными и связными - более 300.

Незадолго до войны он приказал пресечь нагло откровенный облет района дислокации дивизии якобы заблудившимся Си-47 германской "Люфтганзы". Самолет был взят "в клещи" и посажен, а затем отогнан на дальний конец аэродрома.

" - Кто-нибудь говорит по-русски? - спросил их.

- Нихт ферштеен...

Я вдруг разозлился. Припомнились и стали понятными все жалобы Черных...

- Ну, раз "нихт ферштеен", - сказал я, - будете сидеть хоть до вечера.

Пока не вспомните несколько слов по-русски.

После этого из-за спины пилота возник штурман и очень вежливо, почти без акцента, произнес:

- Господин генерал, я немного понимаю по-русски.

То, что он обратился ко мне со словами "господин генерал", когда я был в обычной летной куртке, подтверждало, что я имею дело с разведчиком" [57, с. 109-110]. Еще два случая зафиксированы в 9-й авиадивизии. 21 июня дежурное звено 126-го истребительного полка (командир - подполковник Ю. А. Немцевич) обстреляло нарушителя и принудило его к посадке на полевой аэродром Долубово. Бывший комдив-2 383-го ГАП 86-й КрСД И. С. Туровец рассказал мне, что и в Цехановце был таким же образом "посажен" на аэродром бомбардировщик Люфтваффе. Гнездо для аппаратуры аэрофотосъемки в кабине штурмана было, но оказалось пустым - тот успел избавиться от "компромата" еще в воздухе.

Впоследствии выяснилось, что очевидцем данного инцидента оказался еще один человек. Разбирая письма бывших воинов 86-й Краснознаменной дивизии, я наткнулся на машинописную историю жизни работника дивизионной газеты "На боевом посту" Н. С. Гвоздикова. Хорошим литературным языком Гвоздиков рассказывал о своей службе в армии до момента пленения в районе г. Зельва. Он писал: "[Я] уже подходил к Цехановцу, как вдруг раздался рев моторов и низко, так что хорошо были

видны кресты на крыльях, летел черный самолет в сопровождении наших ястребков. Его посадили на ближайший аэродром. Политрук Иван Мынов, хорошо знавший немецкий язык (заместитель редактора нашей газеты, уроженец

31

республики немцев Поволжья), был в качестве переводчика. После он рассказывал, что немцы в оправдание говорили, что они якобы заблудились* [76].

О задержании доложили "наверх", через какое-то время последовал приказ: нарушителей отпустить. Немцы благополучно улетели восвояси, а позже пограничники, прочесывая местность по курсу их пролета, нашли выброшенный контейнер с фотоаппаратурой.

Серьезный инцидент, который иначе как провокацией нельзя было назвать, произошел весной на участке Августовского пограничного отряда. Как вспоминал бывший командир 345-го стрелкового полка В. К. Солодовников, при проведении командно-штабных учений в воздушное пространство СССР вторгся сразу 31 немецкий самолет. Они произвели разворот над Августовом, пограничники открыли по ним огонь: было сбито три машины Люфтваффе. В мае на участке 87-го Ломжанского погранотряда также был сбит немецкий самолет. После окончания работы следственной комиссии все пограничники были повторно ознакомлены, теперь уже под роспись, с директивой наркома внутренних дел Л. П. Берия, запрещающей открывать огонь по самолетам германских ВВС.

20 июня командир эскадрильи 123-го ИАП 10-й авиадивизии капитан М. Ф. Савченко на свой страх и риск попытался остановить еще одного нарушителя. Истребитель-бомбардировщик Me-110 на эволюции советского пилота ответил огнем, но промахнулся. М. Ф. Савченко в долгу не остался. Выпущенная им очередь попала в двигатель германского самолета, тот задымил и со снижением ушел за линию границы [12, с. 168].

Во всех июньских случаях, возможно, только вторжение вермахта спасло пилотов от наказания за нарушение приказа НКО СССР, действовавшего с апреля 1940 г.:

"При нарушении советско-германской границы германскими самолетами и воздухоплавательными аппаратами огня не открывать, ограничиваясь составлением акта о нарушении границы".

В 162-м полку 43-й ИАД служил летчик капитан Пятин, бывший зам. командира полка в дивизии С. А. Черных, который был снижен в должности до командира эскадрильи и переведен "от греха подальше" за обстрел нарушителя с крестами на крыльях. Маршрут "Люфтганзы" Берлин - Москва проходил как раз по оси белостокского выступа.

В 41 -м разведка НКВД-

32

НКГБ, как свидетельствовал годы спустя бывший сотрудник "органов" Б. Пищик, подметила странную текучесть кадров в немецкой авиакомпании. Пилоты ее лайнеров, летавших в Советский Союз, месяц за месяцем оставались одни и те же. Но вот штурманы на них менялись подозрительно часто. Тужурки они носили штатские, но по земле привычно вышагивали, словно аршин проглотив, демонстрировали свою отменную выправку офицеров Люфтваффе. "Обкатывали" маршруты, по которым вскоре поведут эскадры своих "юнкеров" и "хейнкелей", и исправно фиксировали малейшие изменения в дислокации советских войск.

Так, под глиссадой белостокского аэропорта ГВФ находилось местечко Хорош с военным городком 7-го танкового полка 4-й танковой дивизии. Не было дня, вспоминал башенный стрелок бронемшины А. К. Игнатьев, чтобы над головами танкистов не пролетал на малой высоте немецкий пассажирский самолет. За несколько дней до начала войны полк выехал из Хороща на полигон, а утром 22 июня ни одна бомба не упала на покинутый военный городок [76, письмо].

В начале лета 1941 г. Москва, стремясь не спровоцировать Берлин, фактически еще более облегчила работу воздушной разведке своего западного соседа. В наземные части поступило указание о пропуске в известных участках (воротах) целых эскадрилий Люфтваффе, садившихся в Белостоке, где находилось управление 9-й авиадивизии и где немецкие летчики "обменивались опытом" с советскими. "В выходной день в это время я... лично видел в Доме офицеров человек 15 немецких летчиков, которые [затем] свободно расхаживали по городу и изучали наши объекты для обстрела", - вспоминал после войны бывший командир 212-го полка 49-й стрелковой дивизии подполковник Н. И. Коваленко [18, с. 69].

Однако в то же самое время руководство строго журило подразделения противовоздушной обороны за непресечение самовольных пролетов госграницы внереисовыми пассажирскими машинами германских авиакомпаний. Так, в приказе НКО от 10 июня 1941 г. № 0035 разбирался случай, когда 15 мая посты ВНОС Западной зоны ПВО "проглядели" "Юнкерс-52", летевший вне графика, и никто ему не воспрепятствовал до самой Москвы. Диспетчер Белостокского аэропорта ГВФ оповестил о

33

нарушителе дежурного ГУ ПВО страны, но не сделал это в отношении комдива-9 Черных и командования 4-й бригады ПВО, так как с 9 мая ведущий к ним телефонный кабель был военными же порван и командование авиадивизии "сутяжничало с Белостокским аэропортом, кому надлежит восстановить нарушенную связь" [67, газетная публикация].

Свидетелем этого воздушного беспредела оказался зам. наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков, прибывший в Минск с целью проверки. На его глазах на аэродроме проверяемой части вдруг приземлился "пассажир" со свастикой на киле. "Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Д. Г. Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника Главного управления гражданского воздушного флота на этом аэродроме велено принимать немецкие пассажирские

самолеты". Мерецков отчитал Павлова и командующего ВВС И. И. Копца за то, что не информировали наркома. На риторический вопрос: *"Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?"* - Колец невозмутимо ответил: *"Тогда буду стреляться"* 181, с. 200-201].

Удивительно, как начальник ГУ ГВФ генерал В. С. Молоков мог отдавать такие распоряжения, сводящие на нет все меры по обеспечению скрытности расположения частей ВВС приграничных военных округов. Хотя он, несомненно, действовал с согласия и по указанию высшего руководства страны. Такая, с позволения сказать, "открытость" могла, по мнению Кремля и, возможно, самого И. В. Сталина, демонстрировать мирные намерения СССР.

А свое слово Герой Советского Союза (тоже за Испанию), генерал-майор авиации И. И. Копец сдержат. Когда в течение дня 22 июня в окружной штаб ВВС в Минске стала стекаться информация о последствиях ударов по передовым аэродромам и начала все яснее вырисовываться невеселая картина потерь, понесенных армейской авиацией, Копец молча ушел в свой служебный кабинет... Когда вечером 23 июня в штаб прибыл для доклада генерал Г. Н. Захаров, Ивана Копца уже не было в живых.

34

1.2. О внезапном нападении

Утверждается, что нападение Германии оказалось тактически внезапным, потому что И. В. Сталин не верил или не хотел верить данным разведки и именно этим обосновано опоздание с приведением в боевую готовность войск прикрытия госграницы. Под это, хоть и с натяжкой, можно подвести некое обоснование: имело место недоверие Сталина к агентуре, подготовленной и заброшенной руководителями внешней разведки Красной

Армии, "разоблаченными" впоследствии как "враги партии и народа". Утверждается также, что сам Гитлер неоднократно менял дату начала войны. Утверждается также, что разведка давала верные данные о подготовке к нападению, но так и не дала однозначно ее даты. Но почему не было сделано должных выводов из анализа информации, полученной за последнюю мирную неделю из других источников? Начальник иностранного отдела, ИНО, или службы внешней разведки НКГБ СССР майор госбезопасности П. А. Фитин 15 июня доложил Сталину, что нападение Германии произойдет утром 22 июня. Фитин знал, что говорил, его московская агентура, разбросанная по диппредставительствам иностранных государств в столице, заслуживала полного доверия и сработала в эти дни безукоризненно, честь ей за это и слава. Увы, доложить и быть услышанным не одно и то же.

Из донесения секретного сотрудника "Алмаза":

"В английском посольстве объявлено, что все женщины посольства должны быть готовы выехать в Персию 22 июня..."

Из донесения секретного сотрудника "Кармен":

"20 июня 1941 года... Я не понимаю, что происходит. Судя по всему, Германия в самом деле вот-вот нападет на нас! Но почему-то никто никак не реагирует на все мои сигналы. Что происходит? Прошу довести мои сообщения до высшей власти!.. Прошу и требую этого как чекист, как советский человек, которому дорога судьба его Родины!"

Из донесения секретного сотрудника "Короткого":

"20 июня. И. сказал, что война, которая разразится через день-два, не будет внезапной. "Никогда ни одно государство в истории войн не знало, благодаря своей разведке, столько о планах врага и о его силах, сколько Россия. Почему же Сталин так мало делает, ви-

35

дя, как перетирается нить, на которой висит дамоклов меч?" [87, с. 21].

Из донесения секретного сотрудника "Эрнста":

"20 июня 1941 года. Сегодня удалось установить, что уже несколько суток под руководством фон Вальтера [в германском посольстве] днем и ночью сжигаются кипы документов".

А вот информация иного рода, но тоже дававшая пищу для размышлений. Из телефонограмм Ленинградского управления Балтийского морского пароходства:

"20 июня... Радист Юрий Стасов сообщил открытым текстом, что корабль задержан, не может выйти в море. Далее следовало: *"Не посылайте другие корабли... Немецкие порты задерживают советские корабли... Протестуйте... Юрий... Юрий..."*. На наши вопросы "Магнитогорск" не отвечает. Молчат и остальные пять судов, находящихся в немецких портах" [там же].

Бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микоян:

"За два дня до начала нападения немцев (я тогда как зампред СНК ведал и морским флотом) часов в 7-8 вечера мне звонит начальник Рижского порта Лайвиньш: "Товарищ Микоян, здесь стоит около 25 немецких судов: одни под загрузкой, другие - под разгрузкой. Нам стало известно, что они готовятся завтра, 21 июня, все покинуть порт, несмотря на то что не будет закончена ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить?" Я сказал, что прошу подождать, нужно посоветоваться по этому вопросу. Сразу же пошел к Сталину, там были и другие члены Политбюро, рассказал о звонке начальника Рижского порта, предложив задержать немецкие суда. Сталин рассердился на меня, сказав: "Это будет провокация. Этого делать нельзя. Надо дать указание не препятствовать, пусть суда уходят". Я по ВЧ дал соответствующее указание начальнику Рижского порта" (Так было. - М.:Вагриус, 1999).

Маршал авиации А. А. Новиков (в 1941 г. - командующий ВВС Ленинградского военного округа):

"Садясь в машину, я вспомнил недавний разговор с начальником разведывательного отдела штаба округа Петром Петровичем Евстигнеевым..."

Евстигнеев сообщил тогда, что немецкие пароходы внезапно прекратили разгрузку и погрузку в Ленинградском порту и поспешно уходят в море, а в немецком консульстве по

36

ночам жгут много бумаги" (В небе Ленинграда. М.: Наука, 1970. С. 44).

"Запланировано колоссальное сражение на окружение в районе Пинских болот... Уже построены бронепоезда применительно к русской железнодорожной колее. Альта". Под псевдонимом "Альта" работала немка Ильза Штобе, погибшая впоследствии в застенках гестапо. Все, что она сообщала в Москву, вскоре подтвердилось: и бронепоезда, которые захватывали невредимыми мосты через пограничные реки, и болота белорусского Полесья, через которые отходили на восток остатки разбитых советских дивизий.

Дважды Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии В. С. Петров:

"Каждый день какая-нибудь новость. То поляк границу перейдет, то немцы напоминают о своем соседстве... Сколько опасностей на пути перебежчика! Но вот переходят. Вплавь и вброд. Раньше их отправляли во Владимир-Волынский, в одно из тамошних учреждений, а сейчас оставляют в деревнях. Они бродят и рассказывают всевозможные небылицы..."*герман" то, "герман" это..."* [92, с. 24].

Бывший начальник ЦАГИ генерал-майор авиации И. Ф. Петров:

"Поезд, в котором я возвращался на родину, был забит немецкими офицерами. Вся обстановка, окружавшая нас при проезде от Берлина до нашей границы, с очевидностью говорила о том, что война начнется если не сегодня, то завтра... Первым вопросом Сталина ко мне был: *"Как вы считаете, будет у нас война с немцами?"* Я ответил: *"Будет, и очень скоро"* [100, с. 35].

Генерал-майор авиации Г. Н. Захаров:

"Все увиденное вызывало чувство тревоги и недоумения: приграничные районы западнее государственной границы были забиты фашистскими войсками и; в деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия, грузовики; по дорогам шныряли мотоциклы; передвигались легковые, судя по всему, штабные автомобили. Создавалось впечатление, что где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое притормаживалось здесь, у самой нашей границы, упираясь в нее, как в невидимую преграду, и готовое вот-вот перехлестнуть через край" [56, с. 43].

П. Н. Палий, военинженер 3 ранга, начальник инженерно-

37

материальной базы 74-го УНС:

"... было чему удивляться! Когда я приехал на следующий день в Семятичи и подошел к границе, к берегу, то сразу увидел эти "странные вещи". На немецкой стороне, на берегу, аккуратными штабелями были уложены все части и детали... понтонного моста! Даже сами понтоны были установлены на катках, и до самой воды были уложены деревянные слези!" (Записки пленного офицера, сайт "Военная литература").

1.3. Чем занималась Красная Армия в июне 1941 г.

Летний период боевой подготовки русская армия традиционно проводила в полевых палаточных лагерях. Не было исключением и год 41-й. Однако именно сейчас, накануне нападения Германии, принятая в РККА система обучения личного состава явно играла на руку агрессору. С одной стороны, войска в основном находились вне военных городков, мест постоянной дислокации, что снижало угрозу нанесения им больших потерь при внезапных воздушных ударах. С другой стороны, соединения теряли монолитность и способность быстро собраться воедино по боевой тревоге.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов (в июне 1941 г. - генерал-майор, командир 132-й стрелковой дивизии 20-й армии) вспоминал:

"Стрелковые дивизии рассредоточивались, личный состав их обучался разрозненно по родам войск в разных лагерях, зачастую разделенных значительным расстоянием. Артиллерийские полки находились в одном месте, инженерные подразделения - в другом, химические - в третьем, и лишь стрелковые части располагались в основном лагере во главе с командованием дивизии".

В еще худшем положении оказались танкисты, в частности 29-й дивизии 11-го мехкорпуса, располагавшейся в Гродно. Из-за чрезвычайных мер по обеспечению секретности новых танков Т-34 и КВ заниматься их освоением на полигонах в приграничных районах строго запрещалось. Герой Советского Союза полковник И. Г. Черяпкин (в 1941 г. - майор, командир 57-го танкового полка этой дивизии) вспоминал:

"Танки КВ и Т-34 держали в большом секрете. Разгружали их ночью, из танкового парка не выводили" [76, копия]. Вследствие этого по меньшей мере два танковых

38

батальона из восьми к утру 22 июня находились в глубине территории, вне своих полков. Один батальон (Т-34) находился в районе Волковыска и двигался к Гродно своим ходом со 2-м эшелоном 204-й мотодивизии. Другой батальон (КВ) встретил войну в Молодечно, находясь в воинском эшелоне. Но если тридцатьчетверки в свою дивизию вернуться успели, то тяжелый батальон подчинил себе командир 24-й стрелковой дивизии К. Н. Галицкий. Воентехник И. И. Крылов, служивший в этом батальоне в должности командира машины, писал, что эшелон успел дойти только до Лиды (есть также данные, что прошел меньше - до станции Юратишки), а дальше пути были разрушены, и пришлось двигаться своим ходом [76, копия].

Многие артиллерийские части из состава 10-й и 3-й армий разбили палатки на бывшем польском, а теперь советском корпусном полигоне

Червоный Бор юго-восточнее Ломжи. Ответственным за проведение учебного сбора был лично начальник артиллерии 10-й армии генерал М. М. Барсуков. Пока еще нет полного списка всех артполков, собранных там (фигурирует их общее число 22), но и то, что уже достоверно известно, впечатляет: 124-й и 375-й ГАП РГК, часть 311-го ПАП РГК, 7-й и 117-й ГАП соответственно 7-й танковой и 8-й стрелковой дивизий, 130-й и 262-й КАП 1-го стрелкового корпуса, 156-й и 315-й КАП 5-го стрелкового корпуса, 248-й легкий и 383-й гаубичный артполки 86-й Краснознаменной дивизии. Также нельзя исключать вероятность нахождения на полигоне 4, 25 и 31-го артполков танковых дивизий, 77-го и 662-го АП 29-й и 208-й мотодивизий, 451-го ЛАП и 416-го ГАП 113-й дивизии.

Те подразделения, которые отработали все учебные задачи и закончили стрельбы, иногда убывали в летние лагеря своих соединений. Так, 1-й дивизион 444-го КАП 4-го корпуса отстрелялся еще до майских праздников (за хорошие результаты личный состав был премирован баяном) и расположился примерно в 4 км южнее Августова, в полосе 27-й стрелковой дивизии [76, письмо]. Были в Червоном Бору и пехотинцы. В частности, 1-й батальон 310-го стрелкового полка из 8-й дивизии прибыл на полигон поучиться наступать за артиллерийским огневым валом. Вся эта масса людей и техники (орудий только в названных частях не менее чем 250- 300, сотни тягачей, тракторов и автомашин) была сконцентрирована на сравнительно небольшом участке полигонной

39

земли, и просто непонятно, как такая идеальная цель не была замечена германской разведкой и не накрыта авиацией. Но факт налицо: артиллеристы от первого воздушного налета не пострадали, организованно выстроились в походные колонны и начали в то роковое утро свой боевой, но для большинства из них слишком короткий, путь.

У противотанкистов РГК был свой лагерь. В полосе 3-й армии в нескольких километрах южнее г. Домброва (ныне Домброва Бялостоцка) находилось местечко Ружанысток. Там, в бывшем монастыре, обители монахов-сезианцев, и рядом с ним располагались четыре артполка и спецчасти 6-й и 7-й отдельных бригад ПТО; 6-я бригада дислоцировалась в Ружаныстоке постоянно, 7-я прибыла в летний лагерь из м. Михалово. 6-й бригадой командовал подполковник Юрьев, служивший до этого в 27-й стрелковой дивизии, - в ее формуляре Юрьев, еще в звании майора, проходит как командир 75-го гаубичного артполка. 75-й ГАП некоторое время стоял в монастыре, а затем был передислоцирован в Граево, на границу; на освобожденном месте было начато формирование противотанковой бригады.

Водитель арт. тягача 679-го артполка В. И. Кубышкин вспоминал, что возле монастыря было установлено красочное панно, посвященное боевому пути 27-й дивизии. Там были слова: "И снова, грудью врагов сметая, пойдет на битву 27-я" [76, письмо]. Нет сомнений, что панно появилось по инициативе Юрьева и досталось "по наследству" от ушедшего еще дальше на запад 75-го ГАП.

С идентификацией командира 7-й бригады несколько иначе. Свидетельств, хоть и косвенных, уже два, и, как мне кажется, они дают правильный ответ. Полковник в отставке Г. Я. Мандрик был в 1941 г. зам. по политчасти командира 204-й моторизованной дивизии 11-го мехкорпуса. При отходе остатков дивизии на восток в районе села Большие Озерки вблизи реки Щара, что совпадает с возможным направлением отступления из района Домбровы, к их штабу присоединились несколько офицеров из штаба противотанковой бригады во главе с ее командиром полковником Николаевым. Полковой комиссар Мандрик знал его по совместной службе в 7-й кавалерийской дивизии, где тот командовал артиллерийским подразделением. При переправе через Щару наведенный дивизионными саперами низководный мост был вскоре уничтожен авиацией. Многим

пришлось перебираться на другой берег вплавь, и Николаев, видимо, утонул [176, копия].

Можно проверить сказанное замполитом 204-й, заполучив в РГВА документы расформированной перед войной 7-й кавдивизии (на ее основе была сформирована 2-я танковая дивизия ПрибОВО) и отыскав там данные на Николаева, а затем полистав в ЦАМО, если выдадут, его личное дело. А можно этого и не делать, ибо фамилия Николаева значится в боевом донесении 3-й армии за 23 июня. Кому-то могут показаться не заслуживающими внимания фамилии командиров соединений, не оставивших заметного следа в истории войны; в предназначенной для широкого читателя "доперестроечной" исторической литературе 6-я и 7-я отдельные бригады ПТО РК в событиях июня 41-го года практически не упоминаются. В действительности же "обезличенная" история постепенно переходит в разряд легенд и преданий, что недопустимо.

Большая часть артиллерии 3-й и 4-й армий проходила сборы вблизи мест постоянной дислокации и летних лагерей. 223-й ГАП и 167-й ЛАП 85-й стрелковой дивизии своего соединения не покидали, а находились в летнем лагере вместе со стрелковыми частями. Буквально перед самой войной, в начале июня, 223-й полк получил новую матчасть артиллерии и должен был полностью перейти на механическую тягу. На бумаге. Как вспоминал бывший командир дивизии А. В. Бондовский, накануне передислокации в ЗапОВО из Уральского округа трактора поступили, но только в 3-й дивизион. В итоге получилось так: когда находились уже в составе 3-й армии, перешли на новые штаты, устаревшие орудия по акту сдали, новые 122-мм гаубицы образца 1938 г. по акту приняли. Тягачи или трактора для 1-го и 2-го дивизионов не поступили, зато по новым штатам за каждым орудием, неважно, на какой тяге, отныне был закреплен один водитель. Пришлось "безлошадным" трактористам и огневицам из орудийных расчетов осваивать еще и профессию ездового [76, копия].

Все это, конечно, не могло не сказаться на уровне боеготовности части. И на весь полк был только один человек, который эти вновь полученные орудия знал и умел из них стрелять, - лейтенант Г. К. Гребельник, командир взвода управления учебной батареи полка, выпускник 2-го Киевского артиллерийского училища. Вместо того чтобы учить военному делу солдат и сержантов, свежееиспе-

41

ченный офицер каждое утро отправлялся в артпарк, где стояла матчасть учебной батареи (вообще не имевшая ни механической, ни конной тяги), и читал лекции по устройству и боевому применению гаубицы свободному от несения службы комсоставу [76, письмо].

Но если 223-й ГАЙ имел совершенно незнакомую матчасть артиллерии (и пусть и смешанную, но полную тягу), а у его личного состава до начала войны почти не оставалось времени для ее изучения и освоения, то в 167-м легком артполку дивизии все обстояло с точностью до наоборот. Генерал Бондовский писал: "Требуемая по штату новая материальная часть прибыла сразу, а старая была отправлена по нарядам. Полк имел около года времени на освоение новой материальной части и провел стрельбы". Вероятно, 167-й ЛАП получил дивизионные пушки В. Г. Грабина Ф-22 или Ф-22 УСВ и 122-мм гаубицы. Однако, как вспоминал П. Н. Черняев, служивший в этом полку, за несколько дней до войны было получено распоряжение: все полковое снаряжение сдать в обмен на новое. Он писал, что сдали упряжь и весь конский состав, но новых средств тяги не получили. Поэтому вся матчасть артиллерии была впоследствии потеряна, а командир полка майор Чумак погиб - ему оторвало обе ноги, и он истек кровью [76, письмо].

Дичайшая нелепая накладка случилась с 235-м гаубичным артполком 75-й дивизии 4-й армии. Как вспоминал бывший вычислитель В. Е. Козловский, в четверг, 19 июня, все имевшиеся оптические приборы были изъяты и увезены в Минск на поверку. Полк остался без панорам, буссолей, теодолитов и даже без стереотруб [76, копия]. По результатам зимних кон-

трольных стрельб 235-й ГАП получил высокую оценку, но вследствие данного "мероприятия", эффективность его действий 22 июня представляется весьма сомнительной.

В отличие от частей полевой артиллерии, занимавшихся боевой подготовкой если и не вместе со своими дивизиями, то по крайней мере в полосах своих армий, совсем не так обстояло дело с артиллерией зенитной. Зенитные части дивизионного и корпусного подчинения находились на окружных сборах в глубине территории Белоруссии, за Березиной: в 45 км восточнее Борисова, у села Крупки, находился зенитный полигон ПВО РГК. Там же находились многие части Западной зоны ПВО, имевшей самостоятельную структуру, в частности

42

зенитные подразделения 4-й бригады, Барановичского и Коб-ринского бригадных районов ПВО.

Таким образом, разработанный штабом ЗапОВО на летний период обучения план боевой подготовки войск округа (он прошел утверждение в Москве - Г. К. Жуковым и К. А. Мерецковым) лишил дивизии 3-й армии средств ПВО, а 10-й - еще и огневой поддержки артиллерийских полков. Правда, до 22 июня зенитчики, успевшие выполнить все учебные задачи, начали возвращаться в районы постоянной дислокации, но успели отстреляться на полигоне далеко не все; воевать им пришлось, где придется: под Столбцами, Борисовом, Слонимом.

Так, 7-й дивизион 7-й танковой дивизии вошел в состав отдельной зенитной бригады, защищавшей от воздушных налетов столицу республики Минск и тоже имевшей 7-й номер. Под Минском же принял бой 312-й ОЗАД 13-й стрелковой дивизии. 346-й дивизион 85-й дивизии к началу войны был на месте, в лагере Солы, 22 июня огнем его орудий было сбито пять вражеских бомбардировщиков. На своих позициях в Волковыске находились все три батареи 219-го дивизиона, входившего в 4-ю бригаду ПВО; в Барановичах находился 518-й зенитно-артиллерийский полк Барановичского

же бригадного района ПВО, а в Лиде - его 229-й ОЗАД РГК. Еще один полк этой района, 751-й, прикрывал Гродно, и нет полной ясности, где он был утром 22 июня. Есть лишь несколько свидетельств о том, что самолеты Люфтваффе, бомбившие город, встречались яростным зенитным артогнем, вынуждавшим их сбрасывать бомбы с больших высот, что значительно снижало эффективность ударов. В 94-м дивизионе 2-й стрелковой дивизии на позиции в районе крепости Осовец находилась только 3-я батарея (комбат - старший лейтенант Ф. И. Моисеев). То же самое было в 393-м ОЗАД 42-й дивизии 4-й армии, занимавшем восточное подковообразное укрепление Брестской крепости (т. н. восточный редут), с легкой руки немцев вошедшее в историю обороны как "Восточный форт". В наличии была только одна батарея, остальная матчасть вместе с личным составом убыла в Крупки. 342-й ОЗАД 86-й дивизии, как утверждал бывший зенитчик П. А. Соколов, встретил войну там, где положено, - в городке Цехановец, вместе со штабом соединения и его спецподразделениями. Но бывший комдив 86-й М. А. Зашибалов в своих воспоминаниях утвер-

43

ждал, что зенитчики его дивизии на 22 июня были на учениях в Крупках. Видимо, и в Цехановце "на всякий случай" была оставлена одна батарея.

1.4. О недостатках в вопросах формирования и комплектования

Сказав "а", неуместно не говорить "б". Указав на недостатки в вопросах укомплектованности частей Западного округа техникой, нельзя ограничиться только артиллерией. Есть ряд цифр, дающих представление о положении дел по другим направлениям. 2-я стрелковая дивизия (на 17 марта 1941 г.): обеспеченность грузовыми автомобилями - 70%, санитарными - 4%,

автоцистернами - 43%, нет авторезины и запасных частей. 143-я стрелковая дивизия 47-го стрелкового корпуса (на 10 февраля): автотранспорта в дивизии нет, из числа приписанных к дивизии автомашин требуют текущего ремонта - 33, среднего ремонта - 31 и капитального ремонта - 16. 31-я танковая дивизия (на 9 июня): обеспеченность бензозаправщиками - 6%, водомаслозаправщиками - 5%, нет бензина, дизтоплива, смазочных масел. Впрочем, танками и бронемашинами дивизия также не укомплектована, так что это не столь уж важно. 113-я стрелковая дивизия (на 16 июня): запасных частей для автомашин и тракторов нет, авторезины нет, потребность - 540 шт. 33-я танковая дивизия 11-го мехкорпуса (на 18 июня): обеспеченность бензозаправщиками - 7%, водомаслозаправщиками - 9%, нет бензина, керосина, дизтоплива; 33-й зенитный дивизион имеет в наличии четыре 37-мм орудия 1-й батареи, остальные две батареи матчасти не имеют, средств тяги и боеприпасов нет. Вот это уже значительно серьезнее. 85-я стрелковая дивизия 3-й армии (на 21 июня): сверхштатных автомашин ГАЗ-АА - 177, недостаток по автомашинам ЗИС-5 - 230, общий недостаток при условии замены - 129 автомашин. 71-й танковый полк 36-й танковой дивизии 17-го мехкорпуса (на 21 июня): обеспеченность бензозаправщиками - 33%, автоцистернами - 50%, водомаслозаправщиками - 40%, бензина в полку 1,4 т при норме в 28,5 т, дизтоплива - 0,9 т при норме 110т, смазочных масел нет. Тан-

44

ков и БА в дивизии менее трех десятков, так что нехватку вспомогательной техники можно считать терпимой.

Бывший начштаба 29-й ТД 11-го МК Н. М. Каланчук вспоминал, что мотострелковый полк дивизии имел всего пять автомашин; полностью оснащенный орудиями артполк не имел ни одного тягача - когда началась война, гаубицы тянули танками; стальные полупонтоны в понтонно-мостовой батальон поступили, но не было ни одной спецмашины для их

транспортировки; три тысячи человек личного состава не имели личного стрелкового оружия [76, копия].

Вообще, с этим корпусом до сих пор есть неясности. На 20 февраля 1941 г. в составе парка его боевых машин значится 241 танк, на 1 июня - уже 360 (из них 3 КВ и 4 Т-28 и Т-34), на 22 июня - снова 241, но число Т-34 выросло до 28. Вероятно, часть танков "ушла" куда-то в другое соединение. Зато по результатам этой приемо-сдачи 29-я дивизия (1-й очереди) имеет всего 66 танков (2 КВ, 26 Т-34, 16 ХТ) и 58 бронемашин; 33-я дивизия (2-й очереди) - чуть не вдвое больше: 118 танков (1 КВ, 2 Т-34, 44 БТ, 65 Т-26, 2 ХТ, 4 тягача Т-26) и 72 бронемашины. Как указывалось в плане прикрытия, для защиты "государственной границы из состава войск округа с М - 1 до М-15 выделяются...". В пункте "ж" перечисляются танковые дивизии: "4, 7, 29, 25, 22 и 30-я, а по получении материальной части и 33, 31, 27, 36, 26 и 38-я...".

Если все действительно так и обстояло, пусть В. Б. Резун и сторонники его "теории 6 июля" дадут внятное обоснование, почему накануне такого важного события, как нападение на Германию, ГАБТУ НКО РККА и командование ЗапОВО "раздели" 29-ю так, что фактически она превратилась в батальон. Но есть и еще одно донесение о количестве танков в 11-м МК по состоянию на 22 июня, обнаруженное С. Л. Чекуновым: не 241 и не 360, а 414 танков, из них 20 КВ, 24 Т-34, 44 БТ, 281 Т-26, 20 ХТ-26, 25 Т-37/38. Разница между 1 и 22 июня составляет 17 КВ, 20 Т-34 и 17 Т-37/38. Поставки в июне в Гродно: 20 КВ и 24 Т-34. Все очень близко сходится. И похоже, что в донесение попали не только реально имеющиеся в корпусе танки, но и те, что уже были отгружены в его адрес, но до адресата не дошли. Из двадцати указанных КВ восемь машин на ст. Юратишки попали в 24-ю СД, еще четыре остались на ст. Лида.

Танкист из 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса писал

45

про дивизионный понтонно-мостовой батальон: "У них были лодки А-3. Нам обещали переправу на 60 т грузоподъемностью. Были ведь танки КВ.

Все мосты трещали. А берега всех речек в Белоруссии заболочены" [76, письмо]. Для тяжелых танков, да, наверное, и для Т-34, необходим был понтонный парк типа Н2П, но его не успели получить, а возможно, переоснащение понтонеров с А-3 на Н2П в 1941 г. даже и не планировалось. Но есть свидетельства, что поступление в войска новой матчасти происходило вплоть до начала боевых действий. Водитель 25-го автобата 25-й танковой дивизии И. И. Кузнецов вспоминал, что 21 июня батальон, находившийся еще в стадии формирования, получил в Белостоке 50 новых грузовиков [там же, письмо].

П. В. Чупиков служил в 713-м ПТАП 6-й бригады противотанковых орудий. Он писал, что война застала его на железнодорожной станции в Августове, куда он прибыл вместе с другими красноармейцами, чтобы получить и перегнать в Ружанысток тракторы для своего полка [там же, письмо].

ЧВС ЗапОВО А. Я. Фоминых уже после ареста Д. Г. Павлова в докладе на имя Л. З. Мехлиса писал:

"... у нас были организованы 3 противотанковых бригады. Но в бригады не было дано ни одного трактора. Лошади им не положены... И только в последнее время было разрешено по нашему ходатайству взять трактора из стрелковых дивизий, а артиллерию стрелковых дивизий перевести на конную тягу (там, где брались трактора). Перекантовка тракторов из стрелковых дивизий происходила в июне месяце самым энергичным порядком, и к началу войны ПТБр были в основном тракторами укомплектованы. Уверен, если бы не было настойчивых требований, ПТБр к началу войны были бы без мехтяги".

Когда хотят - в зависимости от "конъюнктуры рынка" - толи подчеркнуть агрессивность внешней политики СССР, руководство которого якобы готовило внезапный удар по германским войскам в Европе (В. Б. Резун и "резунисты"), толи показать заботу этого самого руководства по перевооружению Красной Армии на новую технику (вся советская

литература до 1991 г.), то, как правило, приводят данные о том, сколько новых танков Т-34 и КВ, новых самолетов "миг", Як, Пе, Ил и пр. было отгружено с заводов-изготовителей по состоянию на 21 июня. Но можно ли только одними цифрами доказать что-либо?

В недрах Росгосвоенархива С. Л. Чекунов обнаружил

46

весьма любопытный документ: боевой и численный состав ВВС ЗапОВО по состоянию на 1 октября 1940 г. Если просто сравнить то, что имел округ тогда, с тем, с чем он встретил войну, можно даже умилиться: ах, как много успели, сколько новых самолетов было получено, от какого количества старья избавились. 9-я САД - 252 самолета, новых нет; 10-я САД - 338 самолетов, новых нет, из них 62 двухместных биплана Ди-6, о которых вообще мало кто из широких читательских кругов слышал; 11-я САД - 230 самолетов, новых нет; 12-я БАД - 144 самолета, новых нет, зато есть 85 старых Р-Z; 13-я БАД - 233 самолета, из них 3 ближних бомбардировщика Су-2, вся остальная матчасть устаревшая; 42-я ДБАД - в наличии только 5 устаревших машин; 43-я ИАД - в наличии также только 5 устаревших машин (две последних дивизии - в стадии формирования).

Если взять боевой и численный состав ВВС округа по состоянию на 21 июня 1941 г., картина будет разительно отличаться. Но стоит ли радоваться? 15 октября - это уже середина осени. Как известно, осенью идут дожди, часто - помногу дней подряд. Что происходит в это время с грунтовыми аэродромами (а только такие в Западной Белоруссии и были)? Они раскисают, взлетать и садиться становится затруднительно. После осени наступает зима, что тоже плохо: аэродромы надо чистить от снега. Приказом НКОН № 303 от 4 ноября 1940 г. "О переходе к производству полетов с колес в зимних условиях" лыжи были объявлены вне закона, но для укатывания снега в округе из 252 положенных тракторов имелось только восемь.

После зимы наступила весна, и аэродромы опять раскисли. Вот, например, город Лида, на аэродроме которой базировался 122-й

истребительный полк 11-й САД. Вспоминает бывший политрук эскадрильи Герой Советского Союза полковник П. А. Дранко: "Сорок первый год. Весна. Наш зимний аэродром вышел из строя. Вместо взлетно-посадочной полосы - сплошное месиво из тающего снега. В конце апреля началась подготовка к вылету в лагерь" (Коммунисты, вперед! М., 1984. С. 171).

В конце апреля... два месяца на освоение новой техники. И так было везде, по крайней мере в истребительной авиации. При таком раскладе немного стоят сотни новых самолетов, на которых мало кто научился не то чтобы вести бой, а хотя бы просто взлететь, совершить несложный

47

полет, дать очередь по конусу, зайти на посадку и сесть. Вот данные по полкам 9-й авиадивизии, которые успели получить новую матчасть. 41-й ИАП: 56 МиГ-3, за ними закреплено 27 летчиков, способных вести бой днем в простых метеоусловиях. 124-й ИАП: 70 МиГ-3, закреплено 16 летчиков, способных вести бой днем в простых метеоусловиях. 126-й ИАП: 50 МиГ-3, закреплен 21 летчик, из них все способны вести бой днем в простых метеоусловиях, но в простых условиях ночью - только 4 и в сложных условиях днем - столько же. 129-й ИАП: 61 МиГ-3, закреплено летчиков - неизвестно, прибыли из училищ или переучиваются на "миг" - 34.

Если привести данные по старой матчасти, которая все еще находилась в дивизии, картина будет иной: и летчиков больше, и обученность лучше. Но так как еще в Испании модернизированный Me-109 показал свое превосходство над И-16, то о чем говорить? На дворе уже не 36-й год, и "мессер" за эти годы значительно возмужал и окреп. И летчики Люфтваффе имеют боевой опыт значительно больший, нежели советские. А "миг" - машина скоростная и с большим "потолком", но тяжелая и строгая в пилотировании. Кто на "хорошо" летал на И-16, пересев на новую машину, автоматически падал на "удовлетворительно". Бывший младший воентехник Д. Капранов, служивший в 124-м истребительном авиаполку, вспоминал про первый день войны: "Прибывающие из Белостока военнослужащие

рассказывали, что доставленные по железной дороге еще в марте МиГ-1 собраны, облетаны, но к ведению боя пока не пригодны. В Белостоке один из взлетевших протаранил Ю-88 и погиб вместе с немецким самолетом. Кто был летчик, установить не могли. Еще один из взлетевших в Белостоке сел на аэродроме в Заблудове, выкатился за пределы полосы, "встал на нос" и погнул лопасти винта. Следом за ним заходил еще один "миг"; находясь в створе полосы на высоте около ста метров, перешел в пике и, врезавшись в землю, взорвался" [76, копия].

У истребителей "миг" было еще две особенности: они заправлялись высокооктановым бензином, которого была острая нехватка, и вооружение их было слабовато для машины со столь высокими летными данными - два пулемета винтовочного калибра и один крупнокалиберный, - большее перетяжеленный "миг" просто не смог бы нести. Зачастую истреби-

48

тели старых марок были вооружены намного лучше. Точно так же, как "миги", были оснащены И-16 последних выпусков, была малая серия И-16 с двумя пулеметами калибра 7,62 мм и двумя пушками ШВАК, бипланы И-153 имели по четыре крупнокалиберных пулемета БС. В стране не хватило мощностей для роста производства авиационного оружия; чтобы оснащать им вновь изготовленные самолеты, в частях со строевых "мигов" снимали крупнокалиберные пулеметы, ослабляя их и без того невысокую огневую мощь. Для ведения воздушного боя в современных условиях огня пулеметов, даже крупнокалиберных, зачастую было недостаточно для поражения цели, нужны были авиационные пушки, но их выпускалось крайне мало. К тому же, как показал боевой опыт, 20-мм пушка ШВАК, переделанная из 12,7-мм пулемета заменой ствола, мало того, что имела слабый патрон, но оказалась весьма капризной и ненадежной. Воевавший на Ил-2 В. Б. Емельяненко писал: "Пушки ШВАК почему-то захлебывались после первой же очереди. Причина задержек - перекося снарядов в патроннике. Дефект вроде бы заводской, а летчики винили сбившихся с ног оружейников... Наши

оружейники не вдруг докопались до причины задержек. Потом они подпиливали ползуны в механизме заряжения и давали обильную смазку" (В военном воздухе суровом. М., МГ, 1972).

Всем известно, что командование вермахта планировало сокрушить советскую оборону рассекающими кинжальными ударами танковых групп, и это им блестяще удалось. Их не остановили ни механизированные корпуса Красной Армии, ни ее артиллерия. Артиллерии в РККА было очень много, и артиллерии весьма хорошей, а часто и просто превосходной, но не мешало бы знать о наличии к ней бронбойных боеприпасов на складах приграничных военных округов. Только ли эффект внезапного удара, когда на земле были уничтожены сотни советских самолетов, взлетели на воздух и сгорели десятки складов боеприпасов и горючего, господство в небе и приобретенный в ходе боевых кампаний в Западной Европе опыт позволили немецким танкистам одерживать победы? Немецкие танки пронизывали боевые порядки частей Красной Армии, невзирая на ожесточенный огонь артиллерии, давили орудия и расчеты, утюжили стрелковые ячейки пехоты, сея ужас и панику. В танковых сражениях зачастую даже новей-

49

шие КВ и Т-34 пасовали перед гораздо менее грозными с виду танками Pz-III и Pz-IV и САУ "Штурмгешутц". Следует более углубленно рассмотреть причины, следствием которых явилась "беспомощность" советских артиллерийских частей и танков в борьбе с танками противника. Они находятся гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. Зададимся тройным вопросом: что должно было уничтожать бронетехнику врага, что реально имелось в войсках и что для этого лежало на складах боеприпасов?

На сайте "Солдат" есть кое-какие пригодные для анализа таблицы. Поизучав их некоторое время, я уподобился герою братьев Стругацких Максиму Каммереру, поймав себя на том, "что чешу в затылке". На первый взгляд, разобраться в этом хороводе цифр было нелегко. Но постепенно кое-что стало проясняться, стали вырисовываться и свои таблицы.

По состоянию на 1 мая 1941 г. войска ЗапОВО имели 6 593 артиллерийских орудия, пригодных для борьбы с танками противника. Они распределялись следующим образом.

Типы орудий	Потребность, ед.	Фактически, ед.	В процентах
45-мм ПТ пушка	2034	1917	94
76-мм полк, пушка	647	657	101
76-мм див. пушка	1026	812	79
76-мм горная пушка	-	6	-
37-мм зен. пушка	730 116		16
76-мм зен., 85-мм зен. пушка	886	784	88
107-мм пушка	72	84	117
122-мм гаубица	1088	943	87
122-мм пушка	294	156	53
152-мм гаубица	741	639	86
152-мм гаубица-пушка	478	446	93
152-мм пушка обр. 1910/30 г.	36	33	92

50

Укомплектованность почти по всем позициям превышает 75%, за исключением МЗА (малой зенитной артиллерии), которая тоже может быть использована для поражения легкобронированной БТТ. Посмотрим теперь, как обстояло дело с обеспечением боеприпасами. Конкретно по Западному ОВО данных нет, есть в целом по западной границе по состоянию уже на 22 июня, но и это неплохо. Картина намного менее благополучная, особенно если учесть, что реальный расход боеприпасов и потребность в них в той войне, что началась на рассвете 22-го, оказались намного выше, нежели планировали специалисты ГАУ РККА.

Типы орудий	Наличие БП, т. ед.	В прои. от потреб.
45-мм	17 178	51%*

76-мм полк.	3 022	83%**
76-мм див.	5 602	44%**
37-мм зен.	432	19%
76-мм зен.	2 792	105%
85-мм зен.	424	19%

* - в том числе и на 8666 танковых пушек; ** - в том числе и на 1726 танковых пушек.

Боеприпасов средних калибров (122 и 152 мм) было 60- 112% от потребности, а для 107-мм корпусной пушки -даже 161%.

Не мешало бы для полноты картины получить цифры по бронебойным боеприпасам, ибо осколочная граната или шрапнель для танка не слишком опасны. Оказалось, можно найти и такие данные по состоянию на 1 мая.

Типы орудий	Наличие БП, т. ед.	В проц. от потреб.	ЗапОВО, т. ед.
45-мм	12 127	91%	606
76-мм	132*	16%	9

* - из них 26 тыс. выстрелов к дивизионной пушке.

51

По бронебойным боеприпасам средних калибров данных нет. Но если в любой из имевшихся на 22 июня типов танков вермахта попадет выпущенная прямой наводкой даже не бронебойная, без штатного взрывателя, болванка калибра 107, 122 или 152 мм, какова вероятность его поражения? Думаю, что достаточно высока, и вряд ли найдутся весомые контраргументы тому.

Если вспомнить, что Западный фронт к 29 июня 1941 г. потерял 10 окружных и головных, не считая дивизионных, складов, где хранилось более 25 000 железнодорожных вагонов боеприпасов (500 боекомплектов общевойсковой армии), становится немного понятнее, почему при обилии

артсистем, в том числе новейших, танковые войска вермахта не были остановлены не только на линии новых укрепрайонов, но и на промежуточных рубежах, и на старой границе, у Минска.

Кто-то может сказать, что 1 мая - слишком ранняя точка отсчета, что до 22 июня на границу мог прийти еще не один десяток эшелонов с боеприпасами. Конечно, мог, если бы... Если бы заводы НКБП (наркомата боеприпасов) все, что нужно для производства артиллерийских выстрелов, сумели произвести в нужном количестве, все компоненты начинили, все воедино собрали, на заводских полигонах пробные стрельбы провели, маркировку нанесли, смазали, в ящики уложили и в вагоны погрузили. А произвести надо было ох как много: взрывчатые вещества и пороха, корпуса снарядов и гильзы, капсюльные втулки, трубки и взрыватели и массу разного рода мелкой "фурнитуры".

Есть очень интересный документ за подписью маршала Г. И. Кулика, датированный 19 июня. Кулик докладывает Сталину о том, что рядом заводов НКБП (№ 55, 62, 63, 65, 70, 72, 73 и 259) практически полностью сорвано выполнение дополнительного заказа на производство бронебойно-трассирующих снарядов калибров 57, 76 и 85 мм, бронебойных снарядов калибров 107, 122 и 152 мм. Маршал предлагает привлечь директора завода № 73 Какунина к судебной ответственности [59, с. 203-206]. Командир 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса С. В. Борзилов в своем донесении после выхода из окружения указал, что к началу войны в его соединении полностью отсутствовали бронебойные выстрелы калибра 76 мм (то есть к пушкам Т-34, КВ-1 и Т-28). Б. А. Бородин из 13-го полка этой

52

дивизии вспоминал: "Мы получили ящики со снарядами прямо с подъехавших машин. По тридцать-сорок снарядов на танк, только осколочно-фугасного действия". На вопрос, как ими стрелять по танкам, артснабженцы ответили: "Без взрывателей с холостыми деревянными пробками. Как болванками. Потом получите и бронебойные". Правда, через какое-то время

выдали и часть бронебойных снарядов, но с категорическим приказом - беречь, зря не расходовать [76, копия].

Как логическое завершение этого маленького исследования, пройдемся виртуально вдоль тех артиллерийских систем, что имела Красная Армия по состоянию на 22 июня 1941 г., и посмотрим, что реально они "умели делать" с тем, что имелось в их боекомплектах. Данные взяты с сайта "Бронетанковые силы" и из докладной записки на имя начальника ГАУ Г. И. Кулика от 26 октября 1940 г. (опубликована А. Исаевым). В записке Начальник управления вооружения наземной артиллерии ГАУ военинженер 1 ранга Липин сообщает о результатах испытаний бронебойных и бетонобойных боеприпасов.

Начнем по нисходящей, от лучших. Калиберный бронебойный снаряд 85-мм зенитной пушки 52-К образца 1939 г. на дистанции 3000 м при угле попадания в 60° пробивал броню толщиной 57 мм, при угле попадания в 90° - уже 70 мм. На километровой дальности результаты были чуть ли не в полтора раза выше - соответственно 83 и 102 мм, то есть противостоять такому орудью не мог ни один танк, как вероятного противника, так и свой.

76-мм зенитная пушка 3-К образца 1931 г., выпущенная по лицензии фирмы "Рейнметалл", и ее более современная модификация 1938 г. были менее эффективными. На дистанции в 500 м выпущенный из нее снаряд БР-350А при прямом попадании (под углом 90°) пробивал броню толщиной в 31 мм, на километровой - 23 мм. Но тем не менее, по воспоминаниям участников боев, они успешно справлялись с теми танками вермахта, что имелись в 1941-1942 гг. В докладной же указано, что на испытаниях снаряд, выпущенный с дистанции 1 000 м, под углом 30° пробил броню толщиной 70 мм.

76-мм полковая пушка образца 1927 г. на километровой дистанции могла поразить лишь броню толщиной в 28 мм, да и то при прямом попадании. 76-мм пушка образца 1902/30 г.

со стволом длиной 30 калибров, 76-мм танковая пушка Л-11 и 76-мм танковая пушка Ф-32 пробивали под углом 30°: 40-мм броню - с дистанции 900 м, 50-мм броню - с дистанции 300 м. Очень важные данные, ибо пушками Ф-32 были оснащены КВ-1, а Л-11 стояла на части танков Т-34. Следует научиться критически воспринимать кадры отечественных военных фильмов, где даже в июне 41-го по полям сражений с нашей стороны разезжают модернизированные Т-34 с увеличенной башней и пушкой калибра 85 мм, а с противоположной - те же "обфанеренные" тридцатьчетверки, выдаваемые за "тигры".

40-калиберная 76-мм пушка образца 1902/30 г., 76-мм пушка образца 1939 г. и 76-мм танковая пушка Ф-34 под углом 30° пробивали: 50-мм броню с дистанции 800 м и 60-мм броню - с 400 м. Дивизионки В. Г. Грабина Ф-22 и Ф-22 УСВ и танковая Ф-34 имели хорошие баллистические характеристики, но, как следует из вышесказанного, имеющиеся к ним боеприпасы делали их малоэффективными в борьбе с танками Pz-III и Pz-IV при стрельбе с дальних дистанций.

45-мм танковая пушка 20К (машины Т-26, БТ-5, 7, 7м), согласно табличным данным, на предельной дистанции 1000 м при прямом попадании гарантированно пробивала 35-миллиметровую броню. Но есть скептики, утверждающие, что до февраля 1942 г. реальная бронепробиваемость советских 45-мм танковой и батальонной пушек не соответствовала даже и этим весьма невысоким табличным значениям. Они считают, что в "войне калибров" советские сорокапятки проиграли немецкой 37-мм танковой и противотанковой пушкам (не говоря уже о системах калибров 47, 50,75 и 88 мм), но не из-за плохой баллистики или ненадежности автоматики, а по причине низкого качества бронебойных снарядов. Ф. Гальдер писал в своем дневнике, что советские легкие танки, выпущенные до 22 июня, не представляли опасности для немецких машин на дистанции более 400 м. Более того, тестовый обстрел купленного в 1940 г. в Германии танка Pz-III выявил, что 30-мм цементированная броня "трешки" пробивается

отечественными 45-мм бронебойными снарядами с дистанции не более 150-200 м.

На испытаниях в октябре 1940 г. 45-мм танковая и противотанковая пушки образца 1937 г. показали следующие результаты: с дистанции 1000 м они одолели 30-мм броню, то есть показали способность подбивать на предельной дальности

54

сти практически все виды легкой БТТ противника, броня же толщиной в 40 мм поддалась только с дистанции 150 м. Вот как выглядела завязка первого боя 129-го отдельного противотанкового дивизиона (командир - капитан П. П. Остащенко) 55-й стрелковой дивизии, который произошел 24 июня на слонимском направлении в районе деревень Миловиды и Завилье: "К танкам устремились пучки красных стрел: артиллеристы били бронебойно-трассирующими снарядами. Некоторые из них рикошетом отскакивали от брони - красные стрелы ломались, дугой уходя в небо. - *А, черт, не берет! Слабоваты наши снаряды!* - ругался Остащенко" [83, с. 18].

Короткоствольные 76-мм пушки КТ и ПС-3, которыми оснащались танки Т-28, были еще менее эффективными. На километровой дистанции снаряд, выпущенный из КТ, поражал 28-мм броню, да и то теоретически (опытных данных нет). По ПС-3 вообще ничего нет. Более длинноствольная Л-10, также ставившаяся, хоть и в незначительном количестве, на Т-28, пробивала броню толщиной в 51 мм (данные также эмпирические). Но есть информация, что в начале 1941 г. все бронебойные выстрелы для этих пушек были из танковых частей переданы в полковую артиллерию стрелковых дивизий.

107-мм корпусная пушка М-60 на испытаниях с 900 м пробила пол углом 30° 100-мм броню, 122-мм гаубица образца 1938 г. осколочным снарядом с дистанции 1000 м под углом 30° не пробила, но проломила 30-мм нецементированную броню. При попадании снаряд разбился на фрагменты, в

броню образовался пролом, через который осколки снаряда проникли за броню.

Первая мировая дала начало новому роду войск - бронетанковым. К середине 30-х годов танки стали основной ударной и подвижной силой Красной Армии, но войны на Пиренеях, в Монголии и в Карелии показали, на что способна противотанковая артиллерия. 22 июня 1941 г. СССР встретил с хорошей артиллерией, но без нужного количества и качества бронебойных боеприпасов. Опыт использования танков в локальных конфликтах привел к появлению на свет боевых машин с противоснарядным бронированием и, соответственно, поставил новые задачи перед теми, кто заказывал и создавал снаряды для поражения "панцермашинен" потенциального противника № 1. В 1938 г. в производство был запущен 76-мм

55

бронебойный снаряд с грибообразной головкой. Ему на замену в 1940-1941 гг. был разработан новый снаряд с круговыми канавками-локализаторами и уже без грибообразной головной части. Создатель снарядов калибров 45 и 76 мм А. А. Гартц получил за них Сталинскую премию, но реалии первых боев с танками вермахта оказались таковы, что "изделия" пришлось спешно модернизировать. Танки Pz-III и Pz-IV изначально имели противоснарядное бронирование (причем ее качество превосходило отечественное, с так называемым цементированием, то есть закалкой поверхностного слоя), а к 22 июня даже у части легких Pz-II толщина лобовой брони была усилена до 35 мм, а у части чешских Pz-38(t) - и до 50 мм.

1.5. О командном составе

На 22 июня на брестском полигоне были назначены показательные учения с привлечением командиров всех уровней, в том числе и из соседней 10-й армии; 21-го, к счастью, они были отложены [106, с. 57]. Можно представить себе, во что вылился бы первый боевой день расчлененных на части соединений, лишенных к тому же своих командиров. Ведь и без этого немало комначсостава было застигнуто войной где угодно, но только не на своих боевых постах.

И не противник был в этом повинен, а собственное руководство и обстоятельства. Вот строки из военного дневника Константина Симонова, которому предстояло добираться до Гродно для работы в газете политотдела 3-й армии:

"В вагоне ехали главным образом командиры, возвращавшиеся из отпусков. Было тяжело и странно. Судя по нашему вагону, казалось, что половина Западного военного округа была в отпуску. Я не понимал, как это случилось" [108, т. 1, с. 7].

Летние отпуска 41-го года сыграли злую шутку с войсками прикрытия госграницы. Однако они весьма убедительно свидетельствуют о том, что СССР не готовился к нападению на Германию в июне-июле 1941 г. Тем не менее воспоминания автора "Живых и мертвых" можно и даже желательно подкрепить дополнительными фактами. Например, находились в очередных отпусках командир 2-й стрелковой дивизии полковник М. Д. Гришин, командир 310-го стрелкового полка 8-й дивизии майор В. И. Светличный, начарт 4-й

56

армии генерал-майор артиллерии М. П. Дмитриев и командир 284-го полка 86-й стрелковой дивизии подполковник И. Н. Иванов. Начальник санслужбы 204-й моторизованной дивизии военврач 3 ранга М. И. Шапиро находился в десятидневном отпуске "по семейным обстоятельствам" (его двухлетней дочери Долорес требовалась хирургическая операция в ленинградской клинике). В Ленинграде, куда медик прибыл 21 июня, его

ждала телеграмма: "Срочно вернуться в часть". Разумеется, вернуться в Волковыск, где находилось управление дивизии, М. И. Шапиро уже не было суждено.

На очередные экзамены в ленинградскую Артиллерийскую академию убыли "студенты-заочники" - командиры 248-го легкоартиллерийского и 383-го гаубичного полков 86-й дивизии подполковник Б. И. Волчанецкий и майор Р. И. Дробышевский. Начальник штаба 36-й кавалерийской дивизии полковник Л. М. Доватор весной во время учений провалился вместе с конем в ледяную воду, тяжело заболел воспалением легких и находился на лечении в госпитале в Москве. 29-я моторизованная дивизия вообще имела вакантной должность зам. командира по строевой части. 22 июня застало начальника штаба 2-й дивизии подполковника Я. П. Могильного в служебной командировке в Москве. Командир 148-го танкового полка 31-й ТД подполковник Г. П. Маслов 21 июня уехал в Брест, чтобы на ж.-д. вокзале встретить свою семью. В часть он так и не вернулся. Под Минском встретил начало войны начальник штаба 85-й стрелковой дивизии полковник Д. И. Удадьцов. Вызванный в штаб округа на совещание по составлению мобплана, он всю ночь провел в дороге и о том, что произошло на границе, не знал. Заскочив домой повидать семью и передохнуть (семья жила в Красном Урочище, где были зимние квартиры соединения), офицер узнал по радио о нападении Германии. Полковник Удадьцов собрал нескольких командиров, так же, как он сам, оказавшихся "не у дел", попрощался с родными и уехал на своей "эмке" в Гродно. И все. Семья в 1943-м получила стандартное извещение - пропал без вести. По словам бывшего комдива 85-й А. В. Бондовского, с которым вдова начштаба встретилась уже после войны, полковник в дивизию не вернулся, и о судьбе его ничего не известно [76, письмо].

В то же время в приграничных районах имел место извест-

ный переизбыток комсостава: из военных академий на войсковую стажировку и сборы приехали слушатели и преподаватели. В 85-й СД в должность зам. командира по строевой части вступил старший преподаватель ВА Генерального штаба полковник К. Ф. Скоробогаткин, сам се выпускник; в крепости Осовец разместился старший курс ВА имени М. В. Фрунзе во главе с его начальником комдивом Я. Д. Чанышевым и полковым комиссаром А. П. Чепурных [53, с. 3]. Слушатели находились также при армейских и корпусных управлениях.

1.6. Строительство новых укрепленных районов и других объектов оборонного значения

Когда одна часть армии училась воевать, другая работала. Вся западная граница СССР представляла собой гигантскую строительную площадку. Днем и ночью над созданием сооружений пояса долговременной обороны и других военных объектов трудились окружные инженерные подразделения (управления начальников строителств, далее - УНС, инженерные полки и строительные батальоны), саперные батальоны дивизий и корпусов армий прикрытия и прикомандированные части из соединений внутренних округов. Стрелковые полки ежедневно выделяли один-два батальона на фортификационные работы. Наряду с кадровыми частями над сооружением долговременных укреплений работали тысячи крестьян из близлежащих сел и строительные батальоны НКВД, укомплектованные осужденными на короткие сроки заключения бедолагами. Вместо того чтобы отправлять их на год-два в лагеря Сибири или Дальнего Востока, ими комплектовались строительные части оборонных строек. Заключение же расширяли и аэродромную сеть округа. Вот пример: Н. Е. Жаркова ищет своего отца, Е. М. Тюршина. Получил по суду год исправительно-трудовых работ и был направлен для "исправления" в строительный батальон в Западный округ.

Находился в Заблудове (22 км юго-восточнее Белостока), предположительно, на строительстве аэродрома, пропал без вести. Если это так, то работал он на объекте 37-й авиабазы 12-го района авиационного базирования; аэродром предназначался для 129-го истребительного полка 9-й САД. Тем же делом и с та-

58

ким же "контингентом" был занят 500-й строительный батальон НКВД в Зельве (объект № 161). Там велись работы по строительству аэродрома 44-й авиабазы 15-го РАБ. Как рассказывал мне участник штурма Кенигсберга А. И. Студийский, война застала его на Украине, во Владимире-Волынском. 415-й отдельный строительный батальон внутренней охраны НКВД, в котором он служил, бетонировал взлетно-посадочную полосу (ВПП) на местном аэродроме. Командовал батальоном офицер в звании майора. Как видите, порядковые номера частей (415-я, 500-я) весьма близки. Строительством и ремонтом дорог на западной границе БССР также занимались "органы" - Главное управление шоссейных дорог НКВД СССР, сокращенно ГУШОСДОР. Использовались в качестве рабочей силы, понятно, отнюдь не только ИТР и вольнонаемные. Замечу, что именно на ГУШОСДОР работали в районе Смоленска т. н. АБРы (асфальто-бетонные районы) ВЯЗЕМЛАГа, лагпункты при которых вполне могут оказаться "теми самыми", в которых могли содержаться офицеры польской армии, что впоследствии были найдены расстрелянными в урочище Козьи Горы, оно же Катынский лес. Думаю, что сегодня любой нормальный человек, если он не заиклен на обличении "проклятого прошлого", уже не верит на слово басням геббельсовской пропаганды и ее сегодняшних подпевал, что это однозначно совершили органы госбезопасности СССР.

Присутствие в приграничных районах СССР значительного количества конвойных частей НКВД происходит именно из-за наличия многочисленного "спецконтингента" на разного рода "спецстроительствах", а вовсе не по причине подготовки к нападению на Германию, как пишет В. Б. Резун.

Войсковые подразделения наркомата конвоировали этапы заключенных, обеспечивали режим секретности на оборонных стройках, охраняли мосты, путепроводы, узловые станции, объекты энергетики и водоснабжения, тюрьмы и следственные изоляторы и т. д. Пограничники охраняли границу, оперативные войска, как им и положено, проводили операции-"зачистки".

На участке государственной границы в пределах белостокского выступа велось строительство узлов обороны трех укрепленных районов (УРов): 68-го Гродненского (71-е УНС, Гродно), 66-го Осовецкого (72-е УНС, Ломжа) и 64-го Зам-

59

брувского (73-е УНС, Замбрув). Начальником 72-го УНС, а затем комендантом 66-го УРа, был полковник С. Н. Дралин, 73-го УНС и, соответственно, 64-го УРа - полковник Н. А. Бердников.

Южнее участка Замбрувского УРа силами 74-го УНС (Высоко-Литовск, ныне Высокое) велось строительство 62-го Брестского укрепленного района. Поскольку 62-е управление УР прибыло из Мозыря в уже сформированном виде во главе с комендантом генерал-майором Пузыревым, начальником УНС был назначен другой человек - полковник В. А. Яковлев. Занимавшая Мозырьский укрепленный район 75-я стрелковая дивизия в начале мая также была переброшена на границу и разместилась южнее Бреста в Медном, Домачево и Малорите.

В состав 71-го управления входило 6 строительных участков: 13-й (Забелье), 23-й (Пинск, предположительно, заготовка строевого леса), 31-й (Сопоцкин), 32-й (Пролейки), 33-й (имение Гаюнова Сопопкинского района). В состав 72-го управления также входило 6 участков: 16-й (Ломжа), 21-й (официально Ломжа, по воспоминаниям ветеранов - Подлясек), 24-й (Новогруд), 25-й (Лубяны), 26-й (Щучин), 27-й (Мястково). В состав 73-го управления входило 4 участка: 14-й (Цехановец), 15-й (Снядово), 17-й (Просьяница), 19-й (Мяново). Самым компактным было 74-е УНС, 3 участка: 18-й (Волчин), 20-й (Дрогичин), 22-й (Семятиче). Но сами по себе участки и

управления пусты, они представлены только ИТР и без рабочих (в военной форме или без оной) беспомощны. Их надо наполнить конкретным содержимым. "Наполнение" было следующим:

10-й (Визна), 23-й (Гродно) и 33-й (Брест) инженерные полки РГК;

122-й (к северу от Липска), 123-й (Каменно-Нова), 127-й (Голынка), 140-й (Чижев), 141-й (Семятиче), 142-й (Гродно, западнее Жабицке), 143-й (Ломжа), 171-й (Кирсновский с/с), 334-й (Вроцень), 335-й (Снядово) и 348-й (Тартак) строительные батальоны;

202-й саперный батальон (Кольно); корпусные отдельные саперные батальоны: 5-й 2-го СК (Сопецкин), 57-й Краснознаменный 1-го СК (Плоцк), 127-й 4-го СК (Черная Ганьча);

саперные батальоны стрелковых дивизий - 172-й 108-й СД (Доргунь), 58-й 37-й СД (Курьянка), 68-й 50-й СД (Боха-

60

теры), 45-й 27-й СД (Штабин, Домураты), 106-й 64-й СД (Марковцы), 79-й 56-й СД (Маловисты, Домураты), 73-й 24-й СД (Маловисты, Домураты), 114-й 17-й СД (Карповичи, Забелье, Малая Ятвезь).

Кроме "чистых" строителей и саперов, к возведению долговременных укреплений были привлечены и автомобильные части. В феврале 1941 г. в Оренбурге был сформирован и вскоре переброшен в Западный округ 811-й автотранспортный батальон (командир майор Швец, заместитель батальонный комиссар Смирнов). Укомплектованный призванными из запаса, он находился в белостокском выступе, располагаясь поротно в Гродно, Кольно, Щучине и Забелье. Как вспоминал бывший водитель из роты в Кольно К. Т. Бабищев, они подчинялись стройучастку 72-го УНС, которым командовал подполковник Малахов [76, письмо]. Бывший помкомвзвода старший сержант А. А. Олейниченко вспоминал, что он служил в 838-м ОАТБ (командир майор Бойко). Батальон работал на стройучастках 73-го УНС, но еще до начала боевых действий вернулся на место постоянной дислокации, в Старые Дороги Минской области.

Завершить строительство новых УРов планировалось к концу 1941 г. ; средств было выделено вдвое больше, чем в прошлом, 1940-м. Между Белостоком и Гродно курсировал помощник командующего округом по укрепленным районам генерал-майор И. П. Михайлин, лично осуществлявший контроль над качеством и темпами работ. Строительство укреплений продолжалось и в ночь на 22-е. "21 июня, согласно графику, пошел "большой" бетон. Мы приступили к бетонированию дота № 4. По техническим условиям бетонирование должно было идти непрерывно от начала и до полного затвердевания, чтобы дот представлял собой единый железобетонный монолит без рабочих швов" [49, с. 24]. "Ранним утром начальник участка военный инженер 2 ранга Алексей Петрович Глушко и я с водонапорной башни видели, как фашистские снаряды перепахивают наши строительные площадки" [88, с. 11-12].

Построенные к войне 3-4 дота на километр границы уже ждали свои гарнизоны. Но из тех батальонов спецвойск, которые должны были их составить, отнюдь не все прибыли со старой границы и были сколоченными и боеспособными. Неко-

61

торые уровские подразделения представляли собой только номера, и многие бетонные сооружения с уже стоявшими пушками и пулеметами так и не сделали ни одного выстрела по врагу. Одна рота батальонного узла 66-го УРа на три артиллерийско-пулеметных дота (вооружение - 6 казематных артустановок и 12 станковых пулеметов) насчитывала только 12 солдат и одного офицера. Лейтенант В. А. Киселев, 15 июня закончивший Смоленское стрелково-пулеметное училище, лишь 19 июня приехал к месту службы. За три последних мирных дня он успел лишь изучить свое "хозяйство", снять комнату у поляков да познакомиться с соседями - пограничниками. Когда в 1990 г. я познакомился с ним, он был все еще бодр и деятелен, хотя имел за плечами груз тяжелых испытаний. Первый бой на границе, отход с боями на восток в составе стрелкового полка, трагическая неравная схватка возле

взорванного моста через Неман. Потом плен, лагеря (в том числе Освенцим, там выкололи на руке номер - 149 559), побег с этапа, партизанский отряд польской Армии Людовой. Наконец, 13-я армия, 174-й спец. лагерь НКВД в подмосковном Подольске, а после окончания госпроверки штурмовой батальон 4-й ударной армии в Курляндии.

Согласно воспоминаниям бывшего комроты, его даже такое малочисленное недоформированное подразделение успешно отбило к полудню 22 июня до пяти немецких атак при поддержке танков, артиллерии и авиации и отошло лишь по приказу, предварительно выведя из строя матчасть [76, запись устного рассказа]. Примечательно, что согласно этому приказу всем спец. войскам предписывалось убыть в законсервированный 63-й Минский укрепрайон, демонтированное вооружение которого как раз и пошло в доты белостокского выступа.

Удалось напасть на след одного из подразделений Минского УРа. Войсковая часть в/ч 5897 - под этим шифром скрывался 13-й отдельный артпульбат. Переброшенный на запад, он вошел в состав Осовецкого УРа, штаб батальона разместился в городке Едвабне (свидетельство бывшего военфельдшера Н. Н. Бедова, однако, по данным ЦАМО, там находилось управление всего УРа, а штаб батальона располагался в местечке Воснош Граевского района). Утром 22-го гарнизоны 35 дотов готовы были встретить агрессора огнем, и нет их вины в том, что несколькими днями позже они без боя покинули свои железобетонные крепости и ушли с отступающими полевыми войсками. Что каса-

62

ется рассказа В. А. Киселева, то он дал почву для новых исследований. Он назвал по памяти номер своей части - в/ч 3366. ЦАМО дал мне ее расшифровку - 92-й артиллерийско-пулеметный батальон. Но во всех ранее опубликованных данных в 66-м укрепрайоне значились только 13-й батальон и 239-я отдельная рота связи. Неясность оставалась не разрешенной до тех пор, пока не была опубликована дислокация частей ЗапОВО по состоянию на

30 мая 1941 г. Оказалось, что в 66-м укрепрайоне в дополнение к 13-му ОПАБ планировалось сформировать еще семь батальонов (92, 95, 104, 109, 112, 119 и 121-й) и четыре отдельных артиллерийских батареи. То есть УР по численности приблизился бы к дивизии. Согласно этим данным, 92-й ОПАБ имел четырехротный состав и штаб его располагался в Кольно. Есть также данные о том, что к 22 июня на участок 66-го УРа было доставлено 36 башенных 45-мм артустановок, снятых со списанных танков, в том числе и со старых Т-18. Также есть свидетельство, что в УРе было две танковых роты из 54 машин МС-1, прототип которых вышел из заводских ворот еще в 1927 г.

Генерал-полковник Л. М. Сандалов в своей книге "Первые дни войны" написал, что Замбрувский УР к началу войны не был достроен и вооружен. Может быть и так, если говорить обо всем районе, как о войсковом формировании, но в ранее опубликованных сведениях по ЗапОВО указывается, что на 22 июня в нем строилось 550 дотов, уже было построено - 53, вооружено - 30. Реально, пусть и в неполном составе, имелись войска: 12-й и 14-й артпульбаты (тоже из Минского УРа) и 49-я отдельная рота связи. Были также назначены на должности комендант и начальник штаба (полковник М. В. Шитов, в качестве начштаба фигурирует также майор С. Р. Кулиев, но он на самом деле был начальником оперативного отделения). Укрупнение планировалось и здесь, вместо двух батальонов стало бы девять: 12, 14, 62, 93, 122, 123, 124, 125 и 129-й. В дополнение к ним формировались отдельная артпульбота, две отдельных артбатареи и саперная рота; и мелось 44 танка МС-1.

Немного предыстории

Отвлекусь немного для экскурса в не столь далекое по отношению к 1941 г. прошлое. Местность на участке государственной границы СССР, где сейчас возводились сооружения

для войск Осовецкого укрепрайона, оценивалась как имеющая важное военное значение еще в конце XIX века. Поэтому в 1882 г. по Высочайшему Повелению Е. И. В. на реке Бобр было начато строительство малой крепости (или крепости-заставы) Осовец. Новым в принципах строительства крепости было то, что она не создавалась для круговой обороны в условиях полного окружения, а изначально должна была сдерживать неприятеля, имея открытый тыл, что обеспечивало ее непрерывное снабжение резервами и припасами, и тесно взаимодействуя с полевыми войсками. Таким образом, в ее устройстве предвосхищался переход от не оправдавшей себя системы крепостей к укрепленным районам, которые, как известно, существуют и по сей день (например, в составе Вооруженных Сил России на границе с Китаем).

В 1915 г. гарнизон крепости героически выдержал почти 7-месячную осаду немцев, использовавших для ее обстрела артиллерию калибров от 210 до 420 мм. В связи с потерей первой и второй линий полевой обороны и общим ухудшением стратегической обстановки русское командование приняло решение эвакуировать гарнизон и отойти. Организованный отход был завершен к 22 августа, причем 23-го саперы взорвали все важнейшие объекты. Тем самым доблестная эпопея крепости Осовец, которую кайзер Вильгельм II опрометчиво назвал "игрушечной", в Первой мировой войне завершилась. 26 сентября 1939 г. в Осовец снова вошли части русской армии. В рамках оборонного строительства, которое началось на западной границе СССР в 1940 г., старая крепость выполняла роль казармы и склада. На ее территории разместились части 2-й стрелковой дивизии 1-го корпуса: управление, два стрелковых полка, зенитный дивизион и спецподразделения. В бывшем укрепленном селении Гонендз, находившемся на правом фланге крепости (т. н. Гонендзские холмы), располагались еще один стрелковый полк и дивизионный взвод химзащиты.

При включении всех пригодных сооружений Осовца в систему теперь уже советской долговременной обороны можно было бы повысить ее прочность. Но история распорядилась по-иному. Новые укрепления так и не были достроены, старые - тоже большой роли не сыграли, да и главные удары германских войск были нанесены совсем в других местах.

В послевоенное время развалины крепости были заброше-

64

ны до 1953 г. Затем вплоть до 1993 г. Осовец служил польским вооруженным силам - Войску Польскому. В 1993 г. вся пойма реки Бобр была объявлена национальным парком. В настоящее время развалины бывшей русской крепости 3-го класса Осовец остаются молчаливыми свидетелями жестоких боев двух мировых войн и памятником русско-польского фортификационного искусства XIX-XX вв. Несмотря на разрушения, на местности можно различить большинство уничтоженных объектов (по материалам сайта "История крепостей" - <http://fortress.vif2.ru>).

* * *

В гораздо более высокой готовности, нежели Осовецкий и Замбрувский, находился 68-й Гродненский укрепрайон (комендант - полковник Н. П. Иванов, начальник штаба - полковник П. Н. Каширин). К началу войны в строительстве находилось 606 дотов. Из них были полностью забетонированы 183 сооружения, в части из них уже было смонтировано вооружение. Некий Хорст Слесина, военный репортер при штабе 8-го армейского корпуса вермахта, находясь в расположении 8-й Верхне-Силезской пехотной дивизии, писал: "Перед нами маленькая река Волкушанка, граница между двумя мирами. Несколько недель назад большевики уже разъединили оба моста перед нашим участком. Отсюда мы часто наблюдали за ними и следили за их работами. Земляные работы, препятствия, укрепления и многочисленные бетонные бункеры не могут

укрыться от зорких глаз солдата. Мы можем видеть почти сто массивных оборонительных сооружений. Их больше чем может занять русская дивизия... Укрепления врага тянутся на пять километров в глубину..." [76, копия].

9-й и 10-й отдельные батальоны спецвойск УРа имели около 300 пулеметов, 80 45-мм и 20 76-мм казематных пушек, 42 танка МС-1 и 10 Т-24 (неудачная попытка создания среднего танка). 10-й артпульбат (комбат - старший лейтенант Луппов) находился на левом фланге, на сильно заболоченном участке от Доргуни до Гонендз; 9-й батальон (комбат - капитан П. В. Жила) - в районе Сопоцкина и Липска. Необорудованные доты были вооружены пулеметами "максим" на полевых станках и орудиями полковой и батальонной артиллерии [44].

65

В полосе 9-го батальона на Сопоцкинских холмах оборону должны были занять подразделения 213-го стрелкового полка 56-й дивизии. Этот УР также планировалось усилить: к 9-му и 10-му ОПАБ добавилось бы еще семь (43, 45, 70, 84, 89, 91 и 94-й), а также 513-й и 516-й отдельные артдивизионы. И здесь, не начнись война, численность спецвойск вскоре сравнялась бы с численностью дивизии. Разумеется, расширение касалось и левофлангового 62-го укрепрайона. В УР было доставлено 43 танка МС-1; в дополнение к имеющимся 16, 17 и 18-му ОПАБам и 345-й роте связи формировалось еще семь подразделений: 130, 132 и 137-й артпульбатальоны, 75, 77 и 83-я артпультроты и 18-я саперная рота.

В то же время между сопоцкинским и копцевским батальонными узлами Гродненского и Алитусского УРов имелся восемнадцатикилометровый разрыв. Левый фланг Алитусского УРа простирался от Копцево по западному берегу р. Балтои-Анчя и вдоль дороги на Анчанское лесничество (на этом участке было полностью забетонировано не менее 20 сооружений, они нанесены на километровку 1986 г. и обозначены как "блиндажи"). В районе высоты (отметка 106,8) он

практически смыкался с правым флангом 68-го УРа, разрыв был менее трех километров. Но уровских войск здесь не было, были только строители укреплений и заставы Белорусского ПО НКВД - стык Западного и Прибалтийского округов фактически не был прикрыт. Бывший ЧВС ЗапОВО корпусной комиссар А. Я. Фоминых в своем докладе от 19 июля 1941 г. указывал, что Военный совет неоднократно обращался в Генеральный штаб, предлагая и доказывая необходимость усилить фланги округа долговременными сооружениями, построив ряд дополнительных узлов обороны. Генштабом эти предложения отвергались, лишь в десятых числах июня было получено разрешение построить еще два узла.

Один из тезисов В. Б. Резуна состоит в том, что укрепрайоны на новой госгранице строились "для отвода глаз" и имели целью лишь маскировку приготовлений Красной Армии к широкомасштабному наступлению "*Drang nah West*". Но открывшиеся в последнее время далеко еще не полные данные о командном составе уровских управлений делают этот "тезис" более чем сомнительным. В армиях, которым "предстоит" вторжение в Европу, стрелковыми и артиллерийскими полка-

66

ми зачастую командуют капитаны и майоры без должного опыта. В то же самое время комендантами УРов даже на старой границе назначены старшие офицеры чином не ниже полковника, три коменданта новых УРов (Шяуляйского, Брестского и Струмиловского) носят генеральскую форму, старым Летичевским У Ром командует комбриг (А. И. Якимович, впоследствии генерал, командовал дивизией, погиб в бою). Начальники штабов, начальники артиллерии тоже не лейтенанты. Начальник штаба 62-го УРа полковник, начальник штаба 64-го УРа полковник, начальник артиллерии в том же УРе полковник, полковники начальник штаба и начальник артиллерии 68-го УРа, зам. начальника политотдела в 68-м вообще Герой Советского Союза (батальонный комиссар М. А. Фомичев). Абсолютно не вяжется, что в "липовых", с точки зрения Резуна, управлениях

служит столько строевых офицеров, которым самое место в армиях вторжения, ведь для имитации деятельности вместо них могут быть поставлены интенданты и прочие тыловики. Но УРы строятся всерьез и командовать ими назначены реальные, а не "бумажные" офицеры. Стоящие вдоль бывшей западной границы СССР разбитые и целые коробки дотов, на сооружение которых были истрачены большие суммы народных денег, являются сегодня реальным доказательством не того, что политическое и военное руководство страны с легкостью швыряло миллионы непонятно на что, но тем не менее стремилось создать мощный современный железобетонный рубеж обороны, способный... как показали события, на очень многое, способный даже в незавершенном состоянии.

Кроме строительства укреплений и аэродромов, велась также реконструкция железнодорожной сети Западной Белоруссии. Через Беловежскую пушу прокладывала новую ветку 9-я бригада железнодорожных войск Ленинградского военного округа, временно переброшенная из Выборга на помощь окружным железнодорожникам. 17 - 18 июня заместитель начальника Управления ВОСО РККА генерал-майор технических войск З. И. Кондратьев, посетив бригаду в ходе инспекционной поездки, побывал в подразделениях, на строительных площадках и вручил ее командиру майору В. Е. Матишеву новый, более объемный, план работ. Теперь силами одной 9-й ЖДБр предстояло построить 70 км путей за предельно корот-

67

кий срок - три месяца. 18 июня З. И. Кондратьев срочно был вызван в Москву, но на обратном пути побывал в 13-м механизированном корпусе, командира которого генерал-майора П. Н. Ахлюстина знал много лет.

"Почти всю ночь просидели мы с ним, вспоминая друзей, обсуждая волновавшие нас вопросы, связанные с обострением международной обстановки. Расстались мы с Петром Николаевичем рано утром. Бойцы спали. Возле палаток прохаживались часовые. В пенистом молочном тумане

слышался птичий гомон. - Скоро возвращусь, и тогда мы установим между собой телефонную связь, - сказал я на прощание Ахлюстину. - В случае необходимости твой корпус прикроет бригада Матишева. Люди в ней обучены, почти все ленинградцы. Сам Матишев опытный командир, еще в гражданскую был награжден орденом Красного Знамени. Советую познакомиться с ним поближе" [68, с. 9].

Мнение генерала-железнодорожника весьма показательно. Он поставил бригаду железнодорожных войск, соединение в большей степени производственное, нежели боевое, едва ли не наравне с механизированным корпусом. Но 13-й МК был в очень низкой степени готовности (особенно 31-я и 208-я дивизии), а времени на повышение его боевых качеств уже не осталось.

1.7. Прямые и косвенные доказательства того, что приближается начало войны. Непонимание или нежелание понять это

Когда читаешь в исторической литературе советского периода и в письмах старых солдат о том, что происходило на западной границе СССР весной и в начале лета 1941 г., создается ощущение какого-то замкнутого круга. Все в приграничной полосе говорило о близости войны, но почему-то Москва никак не реагировала на эти вопиющие свидетельства. Или те, кому было положено, не обращали на это внимания и не докладывали, или их доклады отметали как "дезу". Задолго до рокового воскресенья местное население начало в массовом порядке скупать в магазинах - благо отменили карточки - все, что могло долго храниться: спички, сахар, соль, муку, крупы.

Как вспоминала Ю. И. Илларионова, вдова зам. командира 22-й танковой дивизии полкового комиссара А. А. Илларионова,

21 июня жена капитана Д. Л. Малинского - она работала в областной больнице - рассказала ей о том, что местное население открыто говорит о войне и опустошило полки магазинов [12, с. 208].

20 июня С. И. Портнов, командир 168-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской дивизии (полк дислоцировался в местечке Воложин Минской области) обнаружил в почтовом ящике записку: "Пан полковник! Увезите семью в Россию. Скоро здесь будет война" [44, с. 28].

Генерал армии И. И. Федюнинский (в июне 1941 г. - полковник, командир 15-го стрелкового корпуса 5-й армии КОВО) годы спустя свидетельствовал: "Женам командиров в Ковеле, Львове и Луцке чуть ли не открыто говорили: - *Подождите! Вот скоро начнется война - немцы вам покажут!*" [115, с. 7].

Полковник В. А. Рожнятовский, служивший в июне 1941 г. начальником оперативного отделения штаба 22-й танковой дивизии, вспоминал, что в одной из полученных сводок сообщалось, что немцы реквизируют все лодки в приграничных районах, по ночам свозят их к Бугу и тщательно маскируют [12, с. 188].

Было что вспомнить и знаменитому асу, трижды Герою Советского Союза А. И. Покрышкину. Он встретил войну на самом южном участке западной границы страны, в Молдавии. "Во время одного из прилетов в Бельцы я на несколько минут забежал на свою квартиру. Увидев меня, хозяин обрадовался, пригласил к себе пообедать. Я удивился: раньше этого не случилось. С чего бы такое гостеприимство? Искренне ли его радушие? Задерживаться я не мог и отказался от обеда. Прощаясь у двери, хозяин дрожащей рукой взял меня за плечо и взволнованно прошептал:

- *Послушайте, на этой неделе Германия нападет на Советский Союз.*

Мне пришлось изобразить на лице безразличие к его сообщению, назвать эти слухи провокационными. Но старик не унимался:

- *Это не слухи! Какие слухи, если из Румынии люди бегут от фашиста Антонеску. Они все видят. Армия Гитлера стоит по ту сторону Прута, и*

пушки нацелены на нас! Что будет, что будет? Куда нам, старикам, податься? Если бы я был помоложе, сегодня же уехал бы в Россию. Мы сейчас молимся за нее, за ее силу. Гитлер здесь должен разбить себе лоб, иначе беда...

69

Я поспешил на аэродром. По дороге думал о старике, о его словах. Сколько пренебрежения к нам было в нем раньше! Потом оно сменилось безразличием, а теперь вот искренними симпатиями" (Небо войны. М., 1980).

Бывший командующий Северным флотом А. С. Головкин вспоминал об инциденте, случившемся 17 июня 1941 г.: "Около четырнадцати часов ко мне в кабинет вбежал запыхавшийся оперативный дежурный.

- *Немецкие самолеты!* - не доложил, а закричал он...

- *Уточните,* - сказал я, стараясь сохранить спокойствие и тем самым успокаивая взволнованного дежурного. Придя в себя, он объяснил, что над бухтой и Полярным только что прошел самолет с фашистскими опознавательными знаками, и на такой высоте, что оперативный дежурный, выглянув из окна своего помещения, увидел даже летчика в кабине... Ментально все стало ясно - начинается война. Иначе на такое нахальство - пройти над главной базой флота - даже гитлеровцы бы не отважились" (Вместе с флотом. - М.: Финансы и статистика, 1984. С. 22).

Вечером 21 июня в Москве сел пассажирский самолет ГВФ СССР, пилотируемый И. Ф. Андреевым. Закончился рейс по маршруту Москва - Берлин - Москва. И что, казалось бы, было необычного в этом рейсе? Самолет из Берлина прилетел с ТРЕМЯ пассажирами на борту (Молодчий А. И. Самолет уходит в ночь, сайт "Военная литература"). Неужели и это событие не вызвало ни у кого, кому положено было по роду службы обращать внимание на подобные факты, никаких подозрений?

13 июня 128-й моторизованный полк 29-й мотодивизии получил приказ - 17-го покинуть место постоянной дислокации (бывший монастырь в Жировичах) и выехать в летний лагерь ближе к государственной границе.

Зам. командира полка батальонный комиссар И. Я. Ракитин пошел в гарнизонную парикмахерскую и остригся "под ноль". Удивленному клубному библиотекарю (зам. политрука Халилову) он откровенно посоветовал: *"Подстригись - будет война. Немцы стриженных не убивают, а с чубом примут за политработника и будут издеваться"* [76, письмо]. Как в воду глядел комиссар, погибший в одном из первых боев, но до сих пор числящийся "без вести пропавшим". В местечке Ружанысток артиллеристы

70

РГК также занимали комплекс зданий католического монастыря. Монахов выселили еще в 39-м, но храм не тронули, и в нем продолжали совершаться богослужения. В июне священник открыто призывал прихожан молиться, чтобы кара Божья обрушилась на большевиков в день летнего солнцестояния, то есть 22-го числа. Неуместно, конечно, видеть в протестантско-безбожном вермахте меч Господень, но дело совсем в ином. Даже священнослужитель знал, что должно случиться 22 июня, и местные органы НКВД-НКГБ по инстанции о его призывах доложить были просто обязаны. А результат?

В ночь на 17 июня на участке Ломжанского погранотряда была задержана группа диверсантов из восьми человек, одетых в форму командиров РККА и войск НКВД. Возглавлял группу немец, но состав ее был пестрым: русские белоэмигранты, украинские националисты-уоновцы, поляки (Паджев М. Г. Через всю войну. М., 1983. С. 20). А результат?

Впрочем, какого результата ожидать, если в Москву сплошь и рядом докладывалось не то, что имело место в действительности, а то, что хотелось бы слышать Сталину, который не мог не отдавать себе отчета: страна и армия к войне не готовы. Известный своими выдающимися летными достижениями пилот ГВФ (впоследствии Главный маршал авиации) А. Е. Голованов весной 1941 г. был назначен командиром вновь формирующегося 212-го отдельного дальнебомбардировочного авиаполка. Прибыв в Минск для представления командованию округа, Голованов побывал на приеме у генерала армии Д. Г.

Павлова. Встреча была по-своему примечательной. Предложив подчинить полк непосредственно ему, Павлов тут же связался с Москвой.

"Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

- Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

- Не в духе хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредоточивают войска на нашей границе" (Го-

71

лованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... сайт "Военная литература". С. 51-52).

"Моя разведка работает хорошо..." Ой ли, Дмитрий Григорьевич, не слишком ли вы передоверились своему разведотделу? В ВИЖе № 6 за 1994 г. был опубликован совершенно убийственный материал. В подборке архивных документов под общим заголовком "МОСКВЕ КРИЧАЛИ О ВОЙНЕ" была приведена докладная записка бывшего начальника Ломжанского оперативного поста РО штаба ЗапОВО капитана Кравцова. Датирована она 4 января 1942 г. и адресована уполномоченному особому отделу НКВД Западного фронта. В ней содержится как отчет о работе пункта в предшествующие нападению последние дни, так и резкая критика в адрес руководства отдела. По его словам, начальник - полковник С. В. Блохин, заместители - подполковники Ивченко и Ильницкий и начальник отделения информации майор Самойлович большинство присланных достоверных сведений отвергали, считая их провокационными и дезинформирующими.

Начальство постоянно упрекало Ломжанский пункт за то, что в их разведдонесениях "преувеличена численность германских войск".

В апреле из данных резидентур "Арнольд", "Висла" и "Почтовый" явствовало, что на советско-германской границе сосредоточено до 1,5 миллиона войск вермахта и их союзников, о чем было немедленно доложено руководству; подполковник Ильницкий наложил резолюцию: "Такую глупость можно ожидать только от Ломжинского пункта". Особый интерес представляют последние строки записки, наглядно характеризующие стиль работы отдела, на который была возложена важнейшая задача: вести "мониторинг" всего того, что происходит на сопредельной стороне, анализировать, отсеивая правду от вымыслов и "дезы", и докладывать командованию войск. Вместо этого..."В отделе все внимание было сосредоточено на том, чтобы каждый пункт ежедневно присылал разведдонесение.

В апреле 1941 г. заместитель начальника РО подполковник Ивченко советовал мне не посылать большие сводки, а разбивать данные на несколько частей и ежедневно малыми частями посылать в РО. Я возразил ему, заявив, что это очковтирательство и я на это не пойду. Он мне ответил, что начальник Брестского пункта майор Романов так делает и его пункт стоит на первом месте.

По моему мнению, в

72

РО процветали карьеризм, подхалимство, а не деловая работа". Не исключено, что так и было. "Кормили" командующего выхолощенными, успокаивающими сводками, а когда наступило ВРЕМЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ (есть такой термин в авиации, означает момент, когда можно прервать разбег самолета и отменить взлет или продолжить разбег и взлететь), когда все стало НАСТОЛЬКО очевидно, что даже "спящая" окружная разведка "прозрела" и забила тревогу, Герой Советского Союза генерал армии Д. Г. Павлов ей не поверил. Поверил только спустя несколько

часов, когда и до Москвы наконец-то дошло, что медлить более невозможно, надо принимать меры, хотя бы и запоздавшие.

Бывший командир 10-й САД генерал-майор авиации Н. Г. Белов вспоминал, как поздно вечером 21 июня он заехал из 123-го авиаполка в штадив, чтобы переговорить по "ВЧ" (телефонной спецсвязи высокой частоты) с генералом Копцом или его начальником штаба. В Минске никого не оказалось, кроме оперативного дежурного, все спокойно разошлись по домам. Дежурный диспетчер доложил полковнику, что в дивизии все в порядке, а во второй половине дня нарушений воздушного пространства СССР в полосе 4-й армии вообще не было зафиксировано. Ничуть не удивившись (к чему бы это, летали-летали, и вдруг как обрезало?), Белов также преспокойно отправился домой, где его ждали только что вернувшаяся из роддома жена с младенцем и двое старших деток [12, с. 170].

Примечательный случай в ночь на 22 июня произошел в Смоленске, в штабе 3-го дальнего авиакорпуса. Уже за полночь комкор полковник Н. С. Скрипко вернулся из дальнего гарнизона, где после насыщенного дня состоялся концерт самодеятельности, и вызвал к себе начальников подразделений штаба. "Затем я заслушал доклад начальника метеослужбы. Синоптическая карта выглядела необычайно бледной, а изображенная на ней территория Германии и Польши представляли собой белое пятно". Офицер объяснил, что радисты не смогли получить данные о погоде в этих странах, так как эфир был невероятно засорен искусственными (не атмосферными) помехами [109, с. 43-44]. Метеоролог ошибался: дело было вовсе не в помехах - пискотня морзянки на всех диапазонах частот означала нечто другое, - а в том, что в эту ночь Герма-

73

ния и страны-сателлиты вообще прекратили радиопередачи сведений о погоде (ежегодник "Человек и стихия... 1985". Л., 1984. С. 71). Столь интенсивный радиообмен и отсутствие метеосводок вызвали у авиаторов подозрение, но не более того. К ночи же вообще все стихло: в эфире

наступила мертвая тишина. Режим радиомолчания, означавший, что все приготовления закончены и части вермахта заняли исходные позиции, также не подтолкнул советское командование к более активным действиям. А когда германские радиостанции пустили в эфир военные марши, было уже поздно что-либо предпринимать.

Бывший работник газеты 3-й армии "Боевое Знамя" Г. А. Лысовский вспоминал, что все работники редакции были вызваны по тревоге в третьем часу ночи.

"Я включил стоявший на столе радиоприемник. Наши радиостанции молчали, из динамика вырывались мощные аккорды маршевой музыки, передаваемой немецкими радиостанциями. Вдруг сильные взрывы сотрясли здание. С улицы слышался нарастающий характерный звук моторов немецких бомбардировщиков" [76, копия].

Член Политбюро ЦК КПСС К. Т. Мазуров, бывший в 1941 г. секретарем Брестского обкома комсомола, вспоминал, как встретил вечером 21 июня своего соседа - командира 17-ю Брестского погранотряда майора А. П. Кузнецова. Тот шел в обком партии, чтобы доложить обстановку на границе, поделился сведениями и с комсомольским вожаком. По словам пограничника, за день самолеты Люфтваффе трижды нарушали государственную границу на участке отряда, один из них обстрелял военнослужащих, работавших на строительстве укрепрайона, были жертвы. В ночь с 20 на 21 июня в селах вдоль границы на нашей стороне вспыхнули пожары явно сигнального характера. Пограничные наряды слышали за Бугом гул множества танковых моторов. Кузнецов считал, что идет подготовка к нападению, а не к провокации. Так и собирался докладывать (Мазуров К. Т. Незабываемое. Минск. 1984. С. 18).

После полуночи А. П. Кузнецова поднял с постели телефонный звонок. Зам. по разведке майор В. В. Видякин доложил из штаба отряда, что пограничный наряд подобрал на берегу Буга выбившегося из сил перебежчика. Он назвался Иосифом Бадзинским, жителем деревни Старый

Бубель, и сообщил, что утром Германия нападет на Советский Союз. Погранич-

74

ник не очень поверил поляку, не хотелось верить, что "Гроза" пришла так скоро, но "наверх" информацию сообщил и поднял отряд по тревоге (там же, с. 19). Младший лейтенант В. Н. Горбунов был начальником 2-й заставы отряда, именно его люди задержали перебежчика. Им оказался ранее знакомый, по наблюдениям за сопредельной стороной, владелец небольшой мельницы. Когда его доставили на заставу, он рассказал о готовящемся нападении, назвал время и указал места наводки трех понтонных переправ на их участке. Для допроса приехали представители из комендатуры и штаба отряда. Слушали недоверчиво, и под конец Горбунов напрямую задал старику вопрос:

" - А ты не врешь? Возможно, они тебя подослали?"

Мельник с горечью посмотрел на меня, потом с какой-то внутренней гордостью выпрямился и сказал:

- Я старый солдат русской армии, воевал еще в 1914 году, хочу помочь вам, русским. Они завтра идут на вас войной - вся Германия, верьте мне..."

[12, с. 40]

Генерал-полковник КГБ С. С. Бельченко (в 1941 г. - майор госбезопасности, начальник УН КГБ БССР по Белостокской области) вспоминал, что 21 июня с сопредельной стороны сумел прорваться один из агентов-нелегалов. Он сообщил, что германские войска получили приказ начать боевые действия против СССР утром 22 июня. В половину второго ночи 22 июня линию границы перешел еще один агент, подтвердивший содержание приказа. От пограничников поступали многочисленные факты выдвижения частей вермахта вплотную к границе. Было принято решение по эвакуации секретной документации городских и районных органов партии, Советской власти и госбезопасности в Белосток. С. С. Бельченко поручил своему заместителю А. Ф. Сотикову связаться с командованием погранвойск

и рекомендовать от его имени сделать то же самое, несмотря на отсутствие указаний собственного руководства (начальник ГУ погранвойск генерал-лейтенант Г. Г. Соколов в это время находился в инспекционной поездке в самом белостокском выступе). Также Бельченко привел очень любопытный факт. Оказывается, забрасываемая на территорию Белоруссии в мае и начале июня 1941 г. немецкая агентура не имела при себе радиостанций и все собранные данные ей надлежало представить своему командованию по

75

возвращении, которое должно было произойти не позднее 15-18 июня (Попов А. Ю. 15 бесед с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 122).

И как последний "довесок". На 3-й странице воспоминаний Н. С. Гвоздиков я совершенно неожиданно для себя встретил такое... Кто-то, возможно, пропустил бы, но я - человек верующий, практикующий христианин. Первая реакция была эмоциональной - ни фиги себе! "За день до начала войны по дорогам были разбиты часовенки, изваяния Христа и Богородицы и пущен слух, что это сделали пьяные красноармейцы..." Это в католической-то Польше! Возможна ли еще более эффективная провокация для успешного завершения работы по формированию "5-й колонны" из набожных поляков? И опять никто ничего не заподозрил.

1.8. "Ясно одно: военная машина запущена, остановить ее нельзя" (реплика маршала Г. К. Жукова в киноэпопее "Освобождение")

Событием, бесповоротно разделившим нашу историю на части "до" и "после", обычно считают то, что произошло на пограничной реке Западный Буг, но не в Белоруссии, а много южнее. Там на нашу сторону перешел германский солдат, сообщивший о готовящемся нападении. Рассмотрим этот эпизод поподробнее.

Примерно в 21 час 21 июня на участке Сокальской комендатуры 90-го Владимир-Волынского отряда Украинского пограничного округа был задержан перебежчик, солдат вермахта, ефрейтор 222-го полка 74-й пехотной дивизии Альфред Лисков. Переводчика в комендатуре не было, поэтому начальник отряда майор М. С. Бычковский приказал доставить его во Владимир-Волынский, в штаб отряда. Текли драгоценные часы. Лишь в половине первого ночи немца привезли во Владимир-Волынский. Он рассказал, что на рассвете германские войска начнут военные действия против СССР. М. С. Бычковский немедленно оповестил штаб погранокруга (в ту ночь дежурным по штабу был начальник отдела политпропаганды бригадный комиссар Я. Е. Масловский). Реакция была молниеносной. Немедленно были оповещены начальник войск по-

76

гранокруга генерал-майор В. А. Хоменко, последовали звонки в штаб Киевского военного округа и оперативному дежурному Главного Управления пограничных войск НКВД СССР. Также майор Бычковский лично оповестил командующего 5-й общевойсковой армией генерал-майора танковых войск М. И. Потапова. Сокаль находился на участке прикрытия 27-го стрелкового корпуса, входившего в состав армии. По словам Бычковского, Потапов отнесся к его сообщению недоверчиво и фактически отмахнулся от него (ВИЖ, 1994, № 6, с. 24). В то же время бывший зам. начальника оперативного отдела штаба 5-й армии А. В. Владимирский написал, что штаб армии по распоряжению командующего округом в час ночи 22 июня уже выехал на КП в 14 км юго-восточнее Ковеля (На киевском направлении, сайт "Военная литература").

Вопрос: соответствует ли это действительности? Сам факт перехода госграницы солдатом германских вооруженных сил сомнений не вызывает. Но то, что он сообщил пограничникам... Не слишком ли это поздно, чтобы успеть предпринять хоть что-нибудь?

Я попробовал проанализировать некоторые события того дня, происходившие не только на западных рубежах страны, но и совсем далеко от них... в Москве. Главным источником были, разумеется, мемуары. В результате получилась неожиданная, как сказал бы "главный кремлевский мечтатель", "аг'хиллюбопытная каг'тина, батенька". Ровным счетом ничего ни с чем не сходится. Если уж события 21 июня в самой златоглавой Москве, в высших эшелонах власти, не удастся выстроить в хронологическом порядке... Ну, знаете ли...

Бывший нарком ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов вспоминал, что все началось не в 21 час и не в полночь, а много раньше. "Не так давно мне довелось слышать от генерала армии Н. В. Тюленева - в то время он командовал Московским военным округом, - что 21 июня около 2 часов дня ему позвонил И. В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО". После войны видный партийный деятель В. П. Пронин (в 1941 г. - один из руководителей московских коммунистов) рассказывал адмиралу, что вечером к И. В. Сталину были вызваны он и 1-й секретарь МГК А. С. Щербаков. По словам Пронина, Сталин приказал в эту субботу задержать секрета-

77

рей райкомов на своих местах и запретить им выезжать за город. "Возможно нападение немцев", - предупредил он.

Около 23 часов в кабинете наркома ВМФ зазвонил телефон. Маршал С. К. Тимошенко (оба наркомата находились поблизости) пригласил Н. Г. Кузнецова к себе. "Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне". В кабинете наркома обороны находились двое: сам Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков. Маршал, расхаживая по комнате, диктовал, Г. К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько уже заполненных листов для радиogramм. Заметив вошедших моряков, маршал остановился и коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на СССР утром 22 июня. Г. К. Жуков показал телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. В ней подробно излагалось, что

следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии. Непосредственно флотом эта телеграмма не касалась. Прочитав текст телеграммы, Н. Г. Кузнецов спросил, разрешено ли в случае нападения применять оружие. Получив утвердительный ответ, приказал контр-адмиралу Алафузову бегом отправиться в штаб и немедленно объявить флотам и флотилиям оперативную готовность № 1 (Накануне, сайт "Военная литература").

Далее Н. Г. Кузнецов пишет буквально следующее: "Позднее я узнал, что нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И. В. Сталину. Следовательно, уже в то время под тяжестью неопровержимых доказательств было принято решение: привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю. Это еще раз подтверждает: во второй половине дня 21 июня И. В. Сталин признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным... Очень жаль, что оставшиеся часы не были использованы с максимальной эффективностью".

Получается, не признание ефрейтора Лискова было причиной, побудившей военное и политическое руководство СССР начать действовать. Г. К. Жуков писал, что вечером (время не указано) позвонил начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М. А. Пуркаев: задержан немецкий фельдфебель. Доложили Сталину, тот был краток: "Приезжайте в

78

Кремль". Поехали трое - С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин, - взяв с собой проект директивы. Сталин проект забраковал, предложил переписать. Тут же, на месте, переписали, и Ватутин сразу увез ее в Генштаб для передачи в округа. К половине первого передали (Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 242-243).

Если верить Г. К. Жукову, в районе 23 часов он был в кабинете у И. В. Сталина. Если верить Н. Г. Кузнецову, в районе 23 часов Жуков был в

кабинете Тимошенко. Согласно книге записей о приеме посетителей, которую вел помощник генерального секретаря Поскребышев, в 23 часа у Сталина не было уже никого. До 23 были только Молотов, Ворошилов и Берия. По тем же записям, Тимошенко и Жуков вошли к Сталину в 20:50, вышли в 22:20. Ватутин не значится, но можно предположить, что он оставался в приемной. Также есть запись, что С. К. Тимошенко был у Сталина с 19:05 до 20:15. В это время в кабинете Сталина кроме военных были и другие люди: Маленков, Вознесенский, Берия, Молотов, Сафонов.

Подытожим: можно считать установленным, что нарком обороны и начальник Генерального штаба покинули Кремль не в полночь, а почти за два часа до ее наступления. Но Директива, от которой зависела судьба страны, запоздала именно на эти два часа. Как известно, в Киевском округе ее начали принимать в 00:25 22 июня, в Прибалтийском - в это же время, в Одесском - после часа ночи. Получается, что либо имело место преступное бездействие наркома и начальника Генштаба, из-за которого уже подписанный документ столько времени пролежал мертвым грузом, либо военные ждали ПОСЛЕДНЕГО подтверждения из Кремля. На Директиве имеется пометка - время то ли принятия ее шифровальным отделом, то ли окончания шифрования, 23:45, за 15 минут до полуночи.

Зато у Жукова есть подтверждение о солдате Лискове. По его словам, в полночь позвонил командующий войсками Киевского ОВО генерал-полковник М. П. Кирпонос. Он сообщил, что задержан еще один перебежчик, рядовой 222-го полка 74-й пехотной дивизии (Воспоминания и размышления. С. 246). Бывший начальник оперативного отдела штаба КОВО маршал И. Х. Баграмян ошибочно "объединил" Лискова с ранее перешедшим фельдфебелем: сообщил, что того задержали в полночь" (Так начиналась война. М., 1971. С. 91).

79

Но есть упоминание, что, возможно, был и третий перебежчик. Маршал К. К. Рокоссовский (в июне 1941 г. - генерал-майор, командир 9-го

механизированного корпуса КОВО) вспоминал, что он собирался в ночь на 22 июня отправиться на рыбалку. Но, получив по линии пограничных войск сообщение, что границу перешел ефрейтор вермахта, по национальности поляк, из Познани, решил поездку отменить (Солдатский долг. М., 1972. С. 9). Кстати, Альфред Дисков был баварцем.

Генерал армии И. И. Федюнинский в своих мемуарах написал, что ему также поступила информация из штаба местного пограничного отряда. Ему сообщили, что задержан перебежчик. В пьяном виде подрался с офицером, границу перешел, чтобы избежать военно-полевого суда и расстрела [115, с. 11-12]. Замечу, что солдат просто спасал свою жизнь, идейные соображения совершенно ни при чем. А Лисков заявил, что он коммунист, член Союза красных фронтовиков. И место перехода границы совсем другое: участок 98-го Любомльского погранотряда.

Еще одно наблюдение. Если, как писал Г. К. Жуков, он был совершенно уверен в том, что нападение неизбежно, почему он не поднял Генеральный штаб по тревоге сразу же по возвращении из Кремля? Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: "21 июня утром наш поезд прибыл к перрону Казанского вокзала столицы. День ушел на оформление и сдачу документов. М. Н. Шарохин добился разрешения для участников поездки отдыхать два дня: воскресенье - 22-го и понедельник - 23 июня. Но отдыхать не пришлось. В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе" (Генеральный штаб в годы войны).

А многие важнейшие Управления Наркомата обороны по тревоге вообще подняты не были. Как вспоминал маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, в ночь на 22 июня в ГАУ (Главном артиллерийском Управлении) под председательством маршала Г. И. Кулика шло малозначительное совещание об испытаниях взрывателей к зенитным снарядам. Звонок Сталина Кулику последовал только после 4 часов утра. УСГ (Управление службы горючего) РККА было поднято по тревоге также после начала войны. Лишь в 06:30

группа его работников прибыла на службу. Начальник Управления генерал-майор танковых

80

войск П. В. Котов находился в Генштабе, а о начале войны офицеры узнали только из радиобращения В. М. Молотова [89, с. 14].

1.9. Западный Особый. За 10 часов до нападения

Субботный день 21 июня близился к концу, но для подготовки к противодействию агрессии в Западном ОВО почти ничего предпринято не было. Впрочем, не было и соответствующих приказов на это. В войсках готовились к выходному дню, смотрели выступления артистов самодеятельности и приглашенных профессиональных коллективов. Когда стемнело, начался показ кинофильмов. Память старых солдат сохранила названия шедевров советского кинематографа, которые были показаны в их частях в последнюю мирную ночь: "Валерий Чкалов" (Червоный Бор, палаточный лагерь 383-го ГАП), "Стенька Разин" (Червоный Бор, часть не установлена), "Ленин в Октябре" (Гродно, военный городок 29-й танковой дивизии), "Цена жизни" (место точно не установлено, палаточный лагерь, лесной клуб 128-го моторизованного полка), "Сибиряки" (Сокулка, военный городок 65-го полка 33-й танковой дивизии), "Александр Суворов" (южный берег Августовского канала, палаточный лагерь 247-го артполка 56-й стрелковой дивизии), "Чапаев" (Шепетово, военный городок 113-го полка 25-й танковой дивизии), "Зангезур" (полевой лагерь 127-го ОСБ).

С большинства аэродромов летчики и техники уехали в авиагородки к семьям - на аэродромах остался только личный состав дежурных эскадрилий. Лишь в 3-й армии был приведен в боевую готовность 345-й стрелковый полк, расположенный в Августове. Генерал армии К. Н. Галицкий в своих мемуарах написал, что командарм В. И. Кузнецов передал в подчинение

командира полка В. К. Солодовникова 21-й разведбатальон 27-й дивизии (комбат - капитан А. Т. Короткий, 16 Т-38) и батареи 53-го легкого артполка, не выведенные на сборы [44,с. 33]. 1-й (комбат - капитан Мартынов) и 3-й (комбат - капитан Добшиков) батальоны 345-го СП заняли позиции, прикрывая Августов со стороны Сувалок, 2-й батальон (комбат - капитан Красько) находился в казармах, чтобы по тревоге занять позицию на рубеже в рай-

81

оне д. Бялобжеги (5 км по реке Нетта и Августовскому каналу) юго-западнее города. Все эти мероприятия действительно имели место, только генерал Кузнецов был здесь совершенно ни при чем. Напротив, он всячески пытался помешать командиру полка делать свое дело так, как ему подсказывали его знания и опыт, как того требовал воинский долг.

Полковник В. К. Солодовников сам был инициатором вывода полка из казарм и его развертывания на оборонительном рубеже. Командир дивизии А. С. Степанов с явно выраженным нежеланием вынужден был согласиться с его предложением. 1-й батальон прикрыв Августов со стороны Сувалковского шоссе, 3-й расположился у Жарново, заняв укрепления в предполье 68-го УРа. Артполки дивизии и вся полковая артиллерия, как вспоминал комполка-345, находились на сборах на полигоне в 80- 100 км от Августова (вероятно, все в том же Червоном Бору). В субботу 21 июня с целью инспекции обороняемого полком участка в Августов приехал генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев. Состоянием укреплений он остался доволен, но выразил свое неудовлетворение наличием не закрытых заграждениями промежутков между некоторыми дзотами. Работу Карбышев закончил к 14 часам и уехал в Граево, в 239-й полк. В 17 часов в Августов прибыли командующий и ЧВС армии и потребовали доклада об обстановке. "Я доложил об обстановке и своих мероприятиях о готовности. *"Какой ваш вывод?"* - спросил командующий. Я доложил, что война неизбежна - начнется не сегодня, так завтра".

В. И. Кузнецов и Н. И. Бирюков, словно ждав такого ответа, как сговорившись, обрушились на командира полка. В. К. Солодовников узнал, что он НЕПРАВИЛЬНО сделал выводы из обстановки, что войны НЕ БУДЕТ, что немцы нас БОЯТСЯ, но мы НЕ ДОЛЖНЫ обнаруживать своих действий, что мы к чему-то там готовимся. Потребовали вызвать для доклада оперуполномоченного 3-го отделения (впоследствии контрразведка "Смерш"). По прибытии особист доложил то же самое, немало разочаровав руководство армии. Солодовников попросил у Кузнецова разрешения выдать личному составу каски, но получил отказ. Тогда он пошел на конкретный шантаж - сообщил, что завтра, в воскресенье, по плану в полку должен состояться строевой смотр; командарм сдался и разрешил выдать каски, но с предупреждением, что-

82

бы об этом не узнали немцы. Потом генерал и армейский комиссар 2 ранга уехали, а комполка и уполномоченный остались в состоянии удивления, граничащего с возмущением.

Пассивность Кузнецова не изменила решимости полковника довести все запланированное им до конечного результата. К тому же прибыл зам. командира 53-го ЛАП и стал просить лошадей для вывода оставшихся орудий полка в район стрельбища и приведения их в боеготовность. Как начальник августовского гарнизона, не поставленный об этом в известность, В. К. Солодовников вышел из себя. Он немедленно вызвал в штаб всех начальников служб, комбатов и командиров отдельных подразделений и отдал приказ: во всех ротах и подразделениях иметь дежурными по одному среднему командиру, а всему комначсоставу быть в готовности. Одновременно он приказал командиру разведбата выслать разведдозоры в направлении Щебры и Сувалок [76, копия из фондов Белгосмузея ИВОВ]. О пересечении госграницы и ведении разведки на сопредельной стороне речь не шла, так что В. Б. Резун напрасно ссылался на действия этого батальона.

Примерно в час ночи 22 июня в районе имения Свят-Вельки (ныне - Святск, 22 км северо-западнее Гродно) развернул свой КП штаб 56-й стрелковой дивизии. Как вспоминал бывший командир 9-го артпульбата капитан П. В. Жила, в час ночи он получил приказ из штаба 68-го укрепрайона: по тревоге, с поднятием всего НЗ, занять сооружения. Через час все имевшие вооружение доты были в полной готовности.

В городке 29-й танковой дивизии находился в боеготовности дежурный батальон. Это была единственная мера, но она не имела отношения к грядущему - так делалось всегда. Бывший начштаба дивизии полковник в отставке Н. М. Каланчук вспоминал, что командование 3-й армии запрещало какие бы то ни было мероприятия по приведению войск в боеготовность, даже по оборудованию районов сосредоточения, НП и КП. 19 июня на совещании, когда была закончена подготовка "красных пакетов", он начал настойчиво просить начальника штаба армии генерала А. К. Кондратьева разрешить дополнить боекомплект в танках артвыстрелами и дисками с патронами до 50%, так как согласно инструкции боеукладка составляла всего 25%. Ему было категорически отказано, и, кроме этого, было объявлено замечание с запретом впредь обращаться по

83

этому вопросу. Тогда Н. М. Каланчук задал вопрос командующему армией, что ему делать в случае войны с людьми, которые не имеют пока никакого оружия (в дивизии была острая нехватка даже обычных винтовок, не говоря уже о пистолетах-пулеметах). Кузнецов ответил: *"На Неман посадим, дубины дадим, обороняться будем"*. Когда танкист в запале бросил ему реплику, что с дубиной только первобытные люди воевали, с раздражением заорал: *"Окончил две академии и ничему не научился! Вон! Вон из кабинета!"* [76, копия].

В 113-м полку 25-й танковой дивизии днем 21 июня была произведена укладка в танки бронебойных и осколочных артвыстрелов (диски к пулеметам заряжены, правда, не были), но какой-либо связи данного

мероприятия с возможным нападением Германий на общем фоне не усматривается. Только потом в части начали готовиться к выходному дню. Бывший механик-водитель Н. Ф. Иренич вспоминал: "Вечером возвращаемся из танкового парка, командир роты вызывает в свою палатку и говорит, чтобы я 22 июня, в воскресенье, ехал в Белосток, на соревнования по плаванию, а в понедельник [мне надо] ехать в Харьков на курсы инструкторов вождения Т-34" [76, письмо].

Единственным соединением 10-й армии, располагавшимся к утру 22 июня в глубине территории Белоруссии, была 36-я кавалерийская дивизия имени И. В. Сталина (комдив - генерал-майор Е. С. Зыбин, зам. командира - бригадный комиссар Г. Н. Дурнов). Ее управление и спецподразделения располагались в Волковыске и окрестностях, полки - в местах постоянной дислокации в Свислочи, Кузнице, Крынках и Берестовице. Зенитный дивизион находился на стрельбах в Крупках, а 3-й отдельный конно-артиллерийский дивизион - на полигоне в районе д. Тартаки под Барановичами. Там также был выполнен ряд мероприятий по повышению боеготовности, но опять-таки без какой-либо связи с 22 июня. Резун-Суворов, несомненно, усмотрел бы в них одно из звеньев в его цепочке "доказательств" подготовки Красной Армии к нападению на Германию, но я - "антисуворовец" и, пока мне не предъявлены неопровержимые доказательства моей неправоты, таковым намерен и оставаться.

Поздним вечером (в 21-22 часа) 20 июня в Белостоке после окончания совещания командир 6-го кавкорпуса генерал -

84

майор И. С. Никитин сам подошел к командиру 36-й КД генерал-майору Е. С. Зыбину и и. о. начштаба майору П. В. Яхонтову и отдал им ряд устных распоряжений, суть их была такова:

- привести части дивизии в полную боевую готовность к утру 25 июня;
- артиллерии отстрелять на полигоне последние упражнения и в воскресенье 22 июня выступить в места постоянной дислокации;

- зенитный дивизион и зенитно-пулеметные взводы с полигона в Крупках будут отправлены в места постоянной дислокации по железной дороге также 22 июня.

Е. С. Зыбин на машине сразу же выехал в 42-й и 144-й кавполки и в 8-й танковый полк. П. В. Яхонтову он приказал выехать в Большую Берестовицу, распустить там сборы пулеметных эскадронов, отправив эскадроны по своим полкам; затем предупредить командира саперного эскадрона, по прибытии в Волковыск - вызвать в штаб зам. командира дивизии полковника И. П. Калюжного, начальника связи капитана Шидловского и командиров 24-го и 102-го кавполков.

Командир дивизии прибыл в штадив около 3 часов ночи 21 июня. Он приказал своему заместителю Калюжному немедленно выехать на артполигон и предупредить командира конно-артиллерийского дивизиона майора Игнатьева о распоряжениях, которые дал командир корпуса, затем отдал приказы командирам 24-го и 102-го полков. К исходу дня 21 июня командиры частей доложили в штаб об исполнении всех указаний.

На фоне этих разумных мер непонятны перемещения, совершенные двумя дивизионами 122-мм гаубиц 75-го ГАП 27-й дивизии. В первой половине дня 21 июня конные упряжки дивизионов отмахали 37 км от Граево до Ломжи (на полигон Червоный Бор), где начали разбивать летний лагерь, а с 16 часов - такое же расстояние обратно. У Граево измученные артиллеристы встретили войну после тяжелейшего 75-километрового марша.

В ночь на 22 июня в полосе 10-й армии начало передислокацию из Вельска на полевой КП управление 13-го механизированного корпуса. Однако вряд ли это делалось в рамках приготовления к отражению агрессии, ибо начальник штаба прибывшего в Бельск управления 2-го стрелкового корпуса

85

полковник Л. А. Пэрн получил из округа приказ: создать комиссию по приемке здания штаба мехкорпуса. Странно это. Если танкисты прячут свой

штаб в лесу, чтобы не дать его разбомбить, почему нужно подставлять под бомбы пехоту? Ведь здание наверняка "засечено" немецкой разведкой. Еще одно странное (правда, может быть, оно только на мой взгляд странное) событие случилось в летнем лагере 128-го полка 29-й мотодивизии.

Примерно в 02:30 22 июня начальника полкового клуба старшего политрука Москаленко разбудил дежурный по части со странным приказанием: немедленно снять все портреты членов Политбюро (а стенды с портретами "вождей" устанавливались везде, в том числе и в летних лагерях) и сжечь. Сроку дал 15 минут. Москаленко непонимающе поднял голову, видимо решил, что ослышался, и снова уронил ее на подушку. Через 15 минут дежурный по полку уже под дулом нагана поднял старшего политрука и заставил вместе с замполитрука Халиловым выполнить приказ. А через час загремела канонада. Непонятно, от кого исходил такой чреватый как минимум трибуналом приказ, ибо тогда можно было получить срок и за стакан чая, поставленный на фотографию Сталина в газете. Возможно, что указание уничтожить "лики" (во избежание глумления над ними) содержалось во вскрытом "красном пакете".

В ночь на 22-е в штаб 3-й армии вернулся Д. М. Карбышев. Офицеры армейского управления ознакомили его с недавно полученной из штаба округа разведсводкой. Обстановка складывалась тревожная и малоутешительная. Из полученного документа (за подписью начштаба округа Климовских и начальника разведотдела Блохина) явствовало, что немецкие войска закончили сосредоточение на четырех операционных направлениях: восточнопрусском, млавском, варшавском и демблинском. Главные силы находились в тридцати километрах от пограничной полосы. На станции Бяла-Подляска было выгружено до 40 эшелонов с боеприпасами и инженерной техникой: понтонными парками, разборными мостами и пр. В районе Сувалок продолжается подтягивание войск и тылов к границе, артиллерия занимает огневые позиции. В районе Ольшанки южнее Сувалок установлено сосредоточение тяжелой артиллерии, танков различных типов (в

том числе Pz-IV) при сильном зенитном прикрытии. В Августовском лесу генерал

86

сам видел снятые на германской стороне проволочные заграждения. Не было никаких сомнений, что нападения следует ожидать в ближайшие часы [98 с. 204, 207]. Но, как видно из приведенного выше, командование армии (Кузнецов, Бирюков, Кондратьев) в своем стремлении "не спровоцировать Германию" упустило возможность надлежащим образом подготовиться к отражению агрессии.

1.10. В ночь на 22 июня. Действия руководства Западного ОВО

Как вспоминал бывший начальник Августовского пограничного отряда полковник Г. К. Здорный, первые признаки того, что до начала военных действий остались считанные часы, появились после наступления полуночи.

Примерно в 00:30 22 июня наряд 11-й заставы в составе замполитрука Ковалева и сержанта Сорокина обнаружил движение в кустарнике у линии границы, при попытке приблизиться наряд был обстрелян двумя неизвестными, сержант получил пулевое ранение. Ответным выстрелом Ковалев убил одного нарушителя, оказавшегося немецким солдатом. Тут же на сопредельной стороне появилась большая группа солдат вермахта, открывшая огонь по пограничникам. На место происшествия сразу же выехал начальник заставы лейтенант Фалдин с группой бойцов, позже прибыл комендант участка капитан Мысев.

Во втором часу ночи на стыке 6-й и 7-й застав 2-й комендатуры государственную границу, вероятно, с целью захвата "языка", перешла группа из полутора десятков нацистов. Она была обнаружена и в ходе боестолкновения отброшена за линию границы. В 02:30 на участке 6-й

заставы границу пытались перейти 18 лиц, переодетых в красноармейскую форму. В коротком бою один из них был убит, один ранен, остальные отошли назад. Взятый в плен раненый показал, что скоро начнется война.

Примерно в 03:40 в воздушное пространство СССР над участком погранотряда вошли первые группы немецких самолетов. Обо всем увиденном следовало немедленно доложить в Москву. Но майор Г. К. Здорный и не думал этого делать. В это время он находился в тылу 20-й заставы на шоссе у разграничительной линии с 87-м погранотрядом и докладывал обста-

87

новку лично начальнику Главного Управления пограничных войск НКВД СССР генерал-лейтенанту Г. Г. Соколову, который вместе с генералом И. А. Богдановым совершал инспекционную поездку по Белорусскому погранокругу. Все трое немедленно отправились в Граево и через 20 минут были в штабе 5-й комендатуры. В 4 часа утра на городок и железнодорожную станцию Граево упали первые авиабомбы.

Как явствует из приведенного выше, руководство погранвойск в эту ночь находилось там, где ему было положено. Где же находилось и что же делало в эти часы командование военного округа? О действиях руководства Западного Особого военного округа в ночь с 21 на 22 июня можно получить представление из опубликованного протокола первого допроса арестованного Д. Г. Павлова от 7 июля 1941 г., воспоминаний бывшего начальника штаба 4-й армии генерал-полковника Л. М. Сандалова и бывшего 1-го заместителя командующего округом генерал-полковника И. В. Болдина. В реконструированном виде все будет выглядеть примерно так. Вечером 21-го генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-лейтенант И. В. Болдин и другие командиры находились в Минске, в гарнизонном Доме Красной Армии, где давали оперетту "Свадьба в Малиновке".

Болдин впоследствии вспоминал: "Мы искренне смеялись. Веселил находчивый артиллерист Яшка, иронические улыбки вызывал Попандопуло. Музыка разливалась по всему залу и создавала праздничную атмосферу.

Неожиданно в нашей ложе показался начальник разведотдела штаба Западного Особого военного округа полковник С. В. Блохин. Наклонившись к командующему генералу армии Д. Г. Павлову, он что-то тихо прошептал.

- *Этого не может быть*, - слышалось в ответ. Начальник разведотдела удалился.

- *Чепуха какая-то*, - вполголоса обратился ко мне Павлов. - *Разведка сообщает, что на границе очень тревожно. Немецкие войска якобы приведены в полную боевую готовность и даже начали обстрел отдельных участков нашей границы.*

Затем Павлов слегка коснулся моей руки и, приложив палец к губам, показал на сцену, где изображались события Гражданской войны. В те минуты они, как и само слово "война", казались далеким прошлым" [10, с. 82]. После окончания

88

представления окружное командование разъехалось по домам.

Примерно так же заканчивался субботний день в Кобрине. С некоторыми, правда, отличиями. В 17 часов начальнику 17-го погранотряда А. П. Кузнецову доложили о пожаре жилого дома в д. Деревня-Боярская в районе 11-й заставы. А через час загорелся дом по ту сторону границы. После 19 часов командир 22-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск В. П. Пуганов сообщил по телефону полковнику Л. М. Сандалову, что южнее Бреста, за рекой Мухавец, в деревне Пугачеве загорелся ближайший к границе дом, стоявший на возвышенности. Сразу же вслед за этим загорелся дом в деревне на сопредельной стороне, за Бугом. Майор Кузнецов лично организовал ликвидацию пожара и усилил наряды на этом участке. Сандалов доложил об инциденте командующему армией, но никто никаких выводов, что все это может означать, не сделал. А это между тем были, скорее всего,

обмены сигналами вражеской агентуры на нашей территории со своим руководством - вопрос, состоится ли вторжение в назначенное время, и подтверждение: все идет по плану, начинайте действовать. В 20 часов командование 4-й армии с семьями отправилось смотреть и слушать оперетту "Цыганский барон". Л. М. Сандалов вспоминал: "Однако тревожная озабоченность и какое-то гнетущее чувство мешали полностью насладиться чудесной музыкой этой популярной оперетты. Особенно нервничал командующий армией. Его занимало отнюдь не развитие сюжета "Цыганского барона". То и дело он поворачивался ко мне и шепотом спрашивал: *"А не пойти ли нам в штаб?"* [106, с. 91].

Примерно в 23 часа оперативным дежурным штаба ЗапОВО было получено приказание оперативного дежурного Генерального штаба РККА: "Вызвать командующего и начальника штаба и ожидать особых указаний". В полночь 22 июня или чуть ранее Д. Г. Павлов прибыл в штаб округа. Одновременное ним прибыли начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских, начальник оперативного отдела штаба генерал-майор И. И. Семенов и член Военного совета корпусной комиссар А. Я. Фоминых. Павлов доложил обстановку наркому. По его словам, против войск округа были сосредоточены две крупные ударные группировки: в районе Бяло-Подляски и в сувал-

89

ковском выступе, причем на участке границы от Граево до Сопоткина немцы сняли проволочные заграждения. Маршал С. К. Тимошенко предложил "быть спокойными и не паниковать", но командование армий прикрытия обзвонить и вызвать их в штабы. В это же время из Москвы была получена директива Генерального штаба. Сразу после разговора с наркомом Д. Г. Павлов через своего начальника штаба Климовских отдал приказ оперативным дежурным штабов армий: "Вызвать в штаб командующего, начальника штаба и начальника оперативного отдела. Ждать им у аппаратов и предупредить командиров корпусов". Одновременно Павлов приказал

поднять войска по тревоге и занять все оборонительные сооружения, втомчисле и недостроенные. Вскрывать "красные пакеты" не разрешалось до получения сигнала "Гроза". В 02:25 началась передача в армии директивы Генштаба уже за подписью Военного совета округа. В течение последующих 30-40 минут приказание командующего округом было в основном выполнено, из Гродно, Белостока и Кобрин пришли подтверждения.

Командующий 3-й армией В. И. Кузнецов доложил, что патроны розданы, части занимают укрепления. К. Д. Голубев сообщил, что штабы корпусов после проведенных накануне учений остались в местах, определенных планом прикрытия. Самый оптимистичный доклад пришел из 4-й армии. Генерал-майор А. А. Коробков доложил, что у него "войска готовы к бою". Боеготовность Брестского гарнизона Коробков обещал проверить. Д. Г. Павлов предупредил командармов, что им передается шифром полный текст директивы. Вызванные в штаб округа командующий ВВС генерал-майор авиации И. И. Копец и его заместитель генерал-майор авиации А. И. Таюрский доложили, что вся авиации рассредоточена по полевым аэродромам согласно приказу НКО и приведена в боевую готовность.

Сохранился рапорт начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лося от 15 июля 1941 г., посвященный описанию обстановки в момент нападения Германии. Он в основном подтверждает сказанное Д. Г. Павловым. "21 июня 1941 г. в 24. 00 мне позвонил член Военного совета и просил прийти в штаб... Командующий 10-й армией Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений, не отходя

90

от аппарата. В свою очередь, к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий. Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по "ВЧ", приказал привести войска в план боевой готовности и сказал, что подробности сообщит шифром. В соответствии с этим были даны указания

всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны. Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи. К 10-11 часам утра шифровка прибыла. Точного содержания сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось: привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственную границу не переходить. К этому времени войска противника продвинулись на 5-10 км".

В 03:30 последовал звонок из Москвы - нарком запрашивал обстановку. Павлов доложил, что на границе все спокойно, командование армий указания получило. Еще он сообщил, что дал разрешение Копцу и Таюрскому использовать бензин и авиамоторы из неприкосновенного запаса - НЗ, несмотря на запрет главкома ВВС Жигарева. Уточненную обстановку Павлов пообещал доложить. После этого командующий округом вновь запросил доклады от армий. Из Белостока ответили "все спокойно", из Кобрина - "всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу", 22-я танковая дивизия покидает Брест. Из Гродно доложили, что на границе по-прежнему тишина, войска укрепрайона заняли сооружения, 56-я и 27-я дивизии заняли свои места, определенные планом прикрытия. По докладам обстановка складывалась вполне благополучно.

Однако уже после 2 часов ночи в округе стали одна за другой выходить из строя магистральные линии телефонной связи (в частности, линия Белосток - Минск), прервалась связь штабов армий с корпусами и дивизиями. Прекратилось электроснабжение Бреста и Кобрина. Это означало, что начались активные действия диверсионных групп противника и отрядов "5-й колонны" в тылу советских войск. Районы дислокации частей Красной Армии, населенные поляками (новая власть дала достаточно поводов для враждебного настроения по отношению к Советам, да грамотно проведенная идеологическая провокация против РККА еще

подлила масла в огонь - см. выше), были благоприятны для действий немецкой агентуры. Бывший рядовой роты связи 157-го БАО (36-я авиабаза 12-го РАБ) В. Н. Пономарев рассказывал, как поздно вечером 21 июня их подняли по тревоге и направили устранять повреждения, выдав оружие и боевые патроны. На линии, которую проверяла их тройка, был вырезан участок провода между двумя столбами [76, запись устного рассказа]. 126-м истребительным полком, аэродром которого обслуживал этот батальон, командовал подполковник Ю. А. Немцевич - красавец с мушкетерской бородкой, отличный летчик и изрядный донжуан. Как он вспоминал месяц спустя, порывы связи в ночь на 22-е его рассердили, но ничуть не обеспокоили. В. А. Киселев из 66-го УРа утверждал, что на всем пути отступления от Ломжи до Осовца и далее - до Супрасльской пуши - он видел таким же образом выведенные из строя воздушные линии связи (вырезан каждый десятый пролет), которые никто не исправлял. П. Г. Польшинский из 725-го полка 113-й дивизии вспоминал, что вечером 21 июня сержанты повели их из летнего лагеря на станцию Семятиче - смотреть кинофильм. Когда возвращались назад, увидели спиленные столбы телефонной и телеграфной связи [76, письмо].

Примечание

Нельзя с уверенностью утверждать, кто из двоих солгал: командарм 4-й А. А. Коробков Павлову ночью 22 июня или Д. Г. Павлов своим дознавателям. Доподлинно известно, что в самом Бресте практически до открытия немцами огня не происходило ничего из того, о чем якобы докладывал Коробков. Матчасть 22-й ТД находилась на своем месте в Южном военном городке, причем из танков были выгружены боеприпасы, а часть автотранспорта находилась на консервации (на колодках). На своих квартирах ночевали командир дивизии генерал В. П. Пуганов, его заместители полковой комиссар Илларионов и полковник И. В. Кононов (у

него остался ночевать начальник АБТО штаба армии полковник Е. Е. Кабанов), командир 44-го танкового полка майор И. Д. Квасе, комбат-1 этого же полка М. И. Кудрявцев и многие другие [12]. Также находились дома командир 42-й стрелковой дивизии, частично располагавшейся в Брестской крепости, генерал-майор И. С. Лазаренко и будущий герой ее обороны, командир 44-го стрелкового полка майор П. М. Гаврилов.

92

До начала войны оставалось менее получаса. Связи со штабом округа не было, но командующий 10-й армией К. Д. Голубев самостоятельно отдал приказ о рассылке в войска делегатов связи; по уцелевшим телефонным каналам передавались распоряжения о приведении войск в боевую готовность. Там, куда удавалось дозвониться, экспедиторы секретных делопроизводств штабов спешно получали "красные пакеты" и развозили их по подразделениям. Но время было потеряно безвозвратно: сигнал "Гроза", по которому вводился в действие секретный "красный пакет", содержащий план действий по прикрытию госграницы, Минск не давал. Для многих дивизий Западного округа таким сигналом стали разрывы упавших в их расположении снарядов и бомб. Генерал-майор А. В. Бондовский вспоминал, что в ночь на 22 июня штаб его дивизии был занят напряженной работой. После заслушивания доклада майора Заварина генерал вернулся в кабинет, где его ожидал начальник артиллерии соединения полковник С. П. Тарасов. Нужно было решить важный вопрос о пополнении к 23 июня боезапаса дивизии до двух боекомплектов. Решили поручить эту задачу личному составу 223-го ГАП.

Бондовский писал:

"Во время обсуждения этого вопроса неожиданно для нас обоих вблизи штаба дивизии весьма неприятно провыла, а затем, издав резкий неприятный звук, разорвалась бомба, а за ней начали рваться другие. Сквозь разрывы отчетливо слышался противный вой самолетов. Как-то невольно у меня из

груди вырвался тяжелый вздох, и я воскликнул: "Ну, Тарасов, война началась!"

04:00 - 04:15 утра. Прежде чем генерал Д. Г. Павлов успел доложить в Москву о том, что "все спокойно", позвонил командующий 3-й армией В. И. Кузнецов: *"На всем фронте артиллерийская и оружейно-пулеметная перестрелка. Над Гродно до 50-60 самолетов, штаб бомбят, я вынужден уйти в подвал"*. Павлов приказал ему ввести в действие план "Гродно-41", то есть фактически подтвердил начало "Грозы", и тут же вызвал Кобрин. В полосе 4-й армии было спокойно. Белосток по-прежнему не отвечал. Через 5-8 минут позвонил командующий 4-й армией: *"На Кобрин налетела авиация, на фронте - страшная артиллерийская стрельба"*. А. А. Коробков также получил приказ о введении в действие плана "Кобрин-41". После этого "ВЧ"-связь с 3-й и 4-й армиями также прерва-

93

лась. На узле связи штаба ВВС округа в это же самое время вольнонаемный радиотелеграфист В. С. Дударь начал обмен учебными радиограммами с одним из корреспондентов, предложив остальным быть на приеме. И тут же из Лиды по переговорной таблице радиста получил ответ: *"Нас бомбят!" Почти одновременно, внакладку на лидскую радиограмму, открытым текстом ответили из Гродно: "Артиллерия бьет по городу"* [71, с. 26].

А на Украине, во Владимире-Волынском, в штабе 90-го погранотряда немецкий ефрейтор Альфред Дисков в это время все еще продолжал отвечать на вопросы.

Майор М. С. Бычковский писал:

"Не закончив допроса солдата, [я] услышал в направлении Устилуг (первая комендатура) сильный артиллерийский огонь. Я понял, что это немцы открыли огонь по нашей территории, что и подтвердил тут же допрашиваемый солдат. Немедленно стал вызывать по телефону коменданта, но связь была нарушена".

Около 5 часов по гражданской междугородной связи в Минск "пробилась" 3-я армия. Генерал-лейтенант В. И. Кузнецов доложил Д. Г. Павлову, что германские войска перешли в наступление по всему фронту, Сопоткин горит, войска вступили в бой.

В 05:25 командующим 3, 10 и 4-й армиями было отправлено боевое распоряжение за подписями Павлова, Климовских и Фоминых: "Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому".

Можно критиковать Д. Г. Павлова или сочувствовать ему, но необходимо признать - после получения сообщений о переходе соединений вермахта в полномасштабное наступление командующий Западным ОВО своим распоряжением фактически отменил личный приказ Сталина "Не ввязываться в провокации" и развязал руки командующим армиями прикрытия.

В 05:30, то есть через пять минут ПОСЛЕ распоряжения Д. Г. Павлова, в Москве германский посол граф Ф. фон Шуленбург, вызванный в Наркомат иностранных дел для дачи объяснений, официально уведомил В. М. Молотова, что Германия и СССР находятся в состоянии войны.

Еще через два часа в Минск пришла радиограмма от командующего 10-й армией К. Д. Голубева: на всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка. Так в Минске, Коб-

94

рине, Белостоке и Гродно начался день летнего солнцестояния, самый длинный и самый страшный день в 1941 году.

Соображение

То, что оккультизм был одной из важнейших составляющих идеологии гитлеровского фашизма (создавалась новая религия, "великое" предназначение которой было в уничтожении христианства), общеизвестно,

ником не оспаривается и описано в десятках книг. Дни летнего и зимнего солнцестояния, то есть 22 июня и 22 декабря, являются великими праздниками у оккультистов и язычников. Напрашивается вопрос: не было ли 22 июня изначально выбрано Гитлером для нападения на СССР, а все его так называемые "переносы" были лишь маскировкой, имеющей целью сбить с толку советскую разведку и собственных военачальников (дабы не проболтались)? Только вот мог ли кто-нибудь в 41-м году, сопоставив все факты именно с учетом вышесказанного (надо ведь соответствующие познания иметь), прийти к единственно правильному выводу: дата нападения выбрана не случайно и искать ее надо в оккультных пристрастиях фюрера? Едва ли. Ведь практически все это стало "всплывать" лишь после того, как на территорию Германии вступили союзные армии, наша армия взяла Берлин и война в Европе завершилась.

Глава 2. ВОПРЕКИ ШАХМАТНЫМ ПРАВИЛАМ: НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ ЧЕРНЫЕ

"Все, что нам известно в данный момент, это то, что русские люди защищают родную землю и их лидеры призвали яростно сопротивляться...

Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся - да, ибо бывают времена, когда молятся все, - о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры.

Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее

щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими порукам и ногам десяток стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи".

(Из радиообращения к народу премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии сэра Уинстона Черчилля 22 июня 1941 г.)

2.1. "22 июня, ровно в 4 часа..."

Рассвет 22 июня 1941 года. В 04:00 по московскому времени (немецкие историки всегда называют время более раннее - 03:30 или даже 03:00) шквальный огонь германской артилле-

96

рии поставил войска прикрытия перед свершившимся фактом: вторжение началось. Плотность его была такова, что в Брестской крепости, как вспоминал участник ее обороны, снаряды малых и средних калибров влетали в оконные проемы и амбразуры. С. С. Зубенко был курсантом учебной батареи 75-го гаубичного артполка 27-й стрелковой дивизии и войну встретил в дороге.

Как все ЭТО началось, он, спустя десятилетия, описал так:

"И вдруг от августовской твердыни до самой Ломжи вспыхнули ракеты. Густо, густо разрастался фейерверк вспышек. Но это уже были не всполохи ракет, а вспышки орудийных залпов. Сперва огонь, потом раздирающий грохот... Словно разряды в страшную грозу. А на небе ни единой тучки. Громыхало повсюду. Смерть неслась с захлебывающимся воем снарядов. В колонне оживление. Что-то неведомое хлестнуло по движущимся. Конные упряжки перешли на рысь, и смешанный топот стал

заглушать раскаты артиллерийских залпов. Мы не просто двигались, а мчались навстречу своей судьбе..." [76, копия рукописи].

Германские артиллеристы еще только закрывали затворы пушек и натягивали шнуры, готовясь дать по команде первый залп, а эскадры Люфтваффе уже пересекали линию советской границы. Поэтому артподготовка не успела достичь пиковой точки, когда авиация уже начала свою "работу". Бомбила сверхточно - по данным воздушной и наземной разведок, по выборкам из трофейных документов польского Генштаба (советские войска в 1939 г., естественно, не бросили, а использовали по назначению опустевшие польские военные городки и другие объекты). Казармы, склады и базы горючего и боеприпасов, аэродромы и пограничные заставы - все горело, взрывалось, перемешивалось с землей, хороня надежды отразить нападение. Трехмоторные машины "Юнкерс-52" выбросили в тылы армий прикрытия множество разведывательно-диверсионных групп. В 4-6 утра ожесточенным налетам подвергся Белосток; бомбами было разрушено здание штаба 4-й армии в Кобрине, весьма некстати в нем же находился и штаб 10-й авиационной дивизии.

На дальнем западе великой страны уже пролилась первая людская кровь, но ее столица Москва по-прежнему мирно спала. Полковник И. Г. Старинов вспоминал: "Кобрин горел. На площади возле телеграфного столба с репродуктором толпились люди. Остановились и мы. Знакомые позывные Моск-

97

вы высветляли лица. Люди жадно смотрели на черную тарелку репродуктора. Началась передача последних известий...

- Германское информационное агентство сообщает... - начал диктор.

Нигде, никогда позже я не слышал такой тишины, как в тот миг на кобринской площади. Но диктор говорил о потоплении английских судов, о бомбардировке немецкой авиацией шотландских городов, о войне в Сирии - еще о чем-то, только не о вражеском нападении на нашу страну. Выпуск

последних известий закончился сообщением о погоде. Люди стояли, не сходили с места и мы: может, будет специальное сообщение или заявление правительства. Но начался, как обычно, урок утренней гимнастики... над пожарами, над дымом разносился бодрый энергичный голос:

- Раскиньте руки в стороны, присядьте! Встаньте! Присядьте!..

Много лет прошло, а я как сейчас вижу пыльную, пахнущую гарью кобринскую площадь и черную тарелку репродуктора над ней..." [111, с. 9,11].

Едва рассвело, на военный городок 6-й кавдивизии в Ломже был совершен комбинированный налет: сначала налетели бомбардировщики, затем - истребители. От бомб и пушечно-пулеметного огня погибло и было ранено множество личного состава и боевых коней, ибо между 2 и 3 часами ночи части были подняты по тревоге приказом из штаба дивизии, но со странным дополнением: "Быть в полной боевой готовности, но людей из казарм не выводить".

В 5 часов утра авиация противника нанесла удар по гарнизону в м. Россь, где находились 102-й имени С. М. Буденного кавполк 36-й кавалерийской дивизии и основной аэродром бомбардировочного авиаполка 9-й САД. Как вспоминал Е. С. Крук, работавший десятником на строительстве аэродрома, на утро 22 июня в Росси оставалось только шесть деревянных самолетов со снятыми моторами, но зато попало под бомбежку и погибло много селян, занятых на строительстве со своими лошадьми и подводками - в то утро им выдавали зарплату (с сайта "Рубон").

Бывший механик-водитель танка С. Панчишный, служивший в 8-м танковом полку 36-й КД, вспоминал:

"Я свернул на слабо накатанную проселочную дорогу, миновал поляну и стал подниматься к лесу по склону. Над лесом разгоралась полоса восхода, а внизу бы-

ло еще темно. Шел с зажженными фарами. Раздался все нарастающий гул, заглушающий шум танкового двигателя. Послышался вой - падали бомбы. В небе повисли на парашютах осветительные ракеты. С возвышенности было хорошо видно, что творилось в танковом парке нашего полка. Вспыхнул бензовоз, четко осветив падающие с колобашек танки. Падая, они сшибали соседние. Метались обескураженные танкисты, не знающие, что делать и как себя вести... Какой негодяй отдал приказ поставить танки на консервацию?" [76, копия].

Также сильно пострадали штабы: 5-го стрелкового и 6-го механизированного корпусов в 10-й армии, 14-го механизированного - в 4-й. В военном городке штаба 10-й армии в Белостоке было уничтожено до 20 единиц автотранспорта, был убит начальник 5-го отдела штаба 6-го МК подполковник Г. М. Холуденев. Сразу же большие потери в личном составе и матчасти понесли корпусные батальоны связи. Даже если сами радиостанции после воздушных атак и оставались целыми, то повреждались их антенные устройства. Когда части 7-й танковой дивизии начали вытягиваться на сборный пункт у реки Нарев, при первом же налете на колонну 13-го полка был ранен его командир майор Н. И. Тяпкин.

Население Бельска (Бельск-Подляски), разбуженное канонадой, собралось на площади и шумно обсуждало происходящее, когда на город налетели пикировщики Ю-87. Минут через 5-7 к ним присоединились средние двухмоторные бомбардировщики. Бомбы накрыли центр города, разрушили электроподстанцию, водокачку, воинские казармы. Отбомбившись, немцы "прочесали" улицы Вельска огнем пулеметов. Погибли и были ранены десятки мирных жителей. Досталось и войскам, спешно покидавшим город. Штаб 2-го стрелкового корпуса и его батальон связи потеряли две автомашины с радиостанциями и восемь бортовых. Самолеты Люфтваффе свирепствовали по дорогам, громя войсковые колонны и воздушные линии Наркомата связи, на которые опрометчиво сделали ставку армейские связисты. В авторской версии мемуаров маршала

К. К. Рокоссовского, в которой были восстановлены все цензурные купюры и которая была выпущена в 2002 г. издательством "Олма-Пресс", написано о том, каким именно способом немцы это делали: "Для разрушения проводной связи он (противник) применял мелкие авиабомбы, имевшие приспособ-

99

ления в виде крестовины на стержне. Задев провода, они мгновенно взрывались". Как вспоминал после войны бывший начштаба 2-го корпуса генерал-лейтенант Л. А. Пэрн, охота велась даже за одиночными машинами [93, с. 78]. 144-й кавполк (командир - подполковник Болдырев), поднятый по тревоге после начала войны, находился на марше из местечка Свислочь к Волковыску - соединиться со своей 36-й кавалерийской дивизией, - когда над дорогой, по которой двигались его эскадроны, появились неприятельские самолеты.

А. И. Журиков писал:

"Не прошли мы и 3-4 часа, как на нас налетели фашистские стервятники, и в первые минуты мы лишились 17 вольтижировочных, самых лучших в полку, коней и 39 человек красноармейцев".

Хотите знать, что может сделать с конницей одна-единственная эскадрилья, - почитайте мемуары летчиков Г. Н. Захарова [57, с. 24-25] и С. А. Красовского [73, с. 80]. Картина весьма впечатляющая.

По свидетельству полковника И. Ф. Титкова, служившего в 41-м в 204-й мотодивизии 11-го мехкорпуса, на участке дороги, ведущей на Гродно (от Волковыска до реки Россь), валялись трупы коней и стояли разбитые транспортные средства. Там, видимо, под удар авиации также попала какая-то часть, возможно, и из состава 36-й кавдивизии.

Мост через Россь оказался захваченным немецким десантом в форме военнослужащих РККА, численностью до 40 человек. Атакой двух саперных рот 382-го легкоинженерного батальона 204-й МД при поддержке батальона танков Т-34, который оказался вдали от своей 29-й дивизии и теперь спешно возвращался в Гродно, десант был разгромлен [113, с. 71]. Трое взятых в

плен парашютистов чисто говорили по-русски, очевидно, были из семей белоэмигрантов. Потом танкисты посадили пеших "мотосаперов" на броню и, столкнув с моста в реку подбитый грузовик, двинулись дальше.

Ожесточенным бомбардировкам немецкой авиации подверглись также железнодорожные пути и узловые станции. Было уничтожено очень много военной техники и имущества (танки, автомашины, тягачи и трактора, разобранные самолеты, боеприпасы, ГСМ). Погибло много лиц мирного населения, в том числе семей военнослужащих, которые до этого было запрещено эвакуировать. Два пассажирских поезда, в том числе поезд Белосток-Ленинград, были атакованы авиа-

100

цией на станции Лида. У тех, кому удавалось спастись, часто не было ничего, даже теплых вещей и документов. Когда начался обстрел Ломжи, зам. командира 87-го погранотряда батальонный комиссар Я. И. Земляков, пришедший в дом, где жили семьи комсостава, приказал женщинам и детям собраться во дворе штаба. Вещи с собой не брать, квартиры закрыть, дескать, к вечеру все вернутся домой. Оптимист... Так и отправились семьи на восток налегке [76, письмо].

Много эшелонов и составов с людьми было разбомблено на станции Волковыск. Как вспоминал бывший зенитчик из 219-го дивизиона ПВО А. А. Шицко, утром 22 июня одиночный самолет противника нанес удар по городской базе ГСМ, но из пяти резервуаров загорелся только один. Огнем их батареи самолет был сбит, а когда объявили "дробь", комбат Баранов приказал нескольким красноармейцам сходить на станцию, узнать, в каком состоянии дивизионный склад. В это время в Волковыск с запада вошел горящий товарный состав, видимо, атакованный и подожженный при подходе к станции; из теплушек доносились истошные крики заживо горящих людей. В этой зенитной батарее служили сплошь "западники", а Шицко вообще успел послужить в польской армии; участвовал в сентябре 39-го в боях за Варшаву, сбил самолет Люфтваффе, за что из рядовых был

произведен в капралы, в Волковыск же вернулся в ходе обменов между германской и советской стороной - военнопленные белорусы могли возвращаться на Родину. Поэтому они быстро смекнули, кого везут в составе. Конвойные НКВД попытались воспрепятствовать, но не рискнули оказать вооруженное сопротивление армейцам; они позволили им открыть вагоны, после чего все депортируемые разбежались.

Но вот что самое страшное: при первых налетах машины Люфтваффе преспокойно "работали" с малых высот, не совершая противозенитных маневров. Они заходили на цели, как на учебных полигонах, совершенно не боясь противодействия. Зенитная артиллерия Западной зоны ПВО молчала, не поддаваясь на "провокационные действия". Генерал-лейтенант артиллерии И. С. Стрельбицкий (в 1941 г. - полковник, командир 8-й противотанковой бригады) вспоминал, что утром 22 июня его разбудил рев авиационных двигателей: бомбили станцию и аэродром. Как вспоминал Ф. В. Миколайчик,

101

возле переезда на ул. Свердлова разбомбили поезд Гродно-Москва, в котором ехала футбольная команда. Рабочий местной типографии Э. Дамесек припомнил, что, кроме бомб, германские самолеты разбрызгивали темную жидкость с отвратительным запахом.

Жительница Лиды, впоследствии подпольщица, Н. К. Устинова рассказывала:

"На рассвете мы проснулись от сильного грохота и взрывов. Подумали, что гремит гром. Но почему земля трясется? А потом увидели самолеты с черными крестами. Разбомбили поезд Белосток-Ленинград. Все горит, станция полыхает. Когда включили радио, выступал кто-то из членов правительства: "Наше дело правое, враг будет разбит..." В это время враг совершал очередной налет, бомба угодила в электростанцию, энергия прекратилась и речь оборвалась. И все три года мы помнили последние слова, что "наше дело правое, враг будет разбит..." а то, что "победа будет за

нами" мы узнали только через три года. Немцы бомбили военный городок, аэродром, улицы города поливали свинцовым дождем. Начали рваться пороховые склады, то ли кто-то взорвал, то ли бомба попала" (Устинова Н. К. В маленьком городе Лида: что я еще помню о войне, сайт "Военная литература").

И. С. Стрельбицкий позвонил в штаб 229-го ОЗАД РГК, командир дивизиона ответил, что сам ничего не понимает, что в присланном ему накануне пакете содержится категорический приказ: "На провокацию не поддаваться, огонь по самолетам не открывать". Как старший начальник в лидском гарнизоне, полковник Стрельбицкий приказал открыть огонь, но получил отказ. Бомбежка продолжалась, и он выехал на своей "эмке" на позицию дивизиона.

"У вокзала вижу два разгромленных пассажирских поезда, слышу стоны, крики о помощи. Возле разбитых вагонов - убитые, раненые. Пробежал, истошно крича, мальчонка в окровавленной рубашке". Придя на огневые зенитчиков с револьвером в руке, противотанкист вновь приказал открыть огонь, и тогда командир дивизиона подчинился. В небе над Лидой вспухли клубки дыма от разрывов бризантных снарядов, почти сразу же на землю рухнули четыре вражеских машины. Трое взятых в плен летчиков, не сговариваясь, подтвердили, что им было заранее известно о том запрете на открытие огня по немецким самолетам, что разослало в части ПВО советское командование. Также, как по-

102

казал взятый в плен майор, командир эскадрильи "юнкерсов", Люфтваффе якобы имело приказ не бомбить города и военные городки в глубине территории Западной Белоруссии. Мотив: сохранить не только казармы для размещения своих тыловых частей и госпиталей, но также и коммуникации, склады в городах и крупных поселках и местечках.

Существование специального запрета на открытие зенитного артогня вполне возможно. А. И. Микоян вспоминал о последних часах накануне

войны: "Поскольку все мы были крайне встревожены и требовали принять неотложные меры, Сталин согласился "на всякий случай" дать директиву в войска о приведении их в боевую готовность. Но при этом было дано указание, что, когда немецкие самолеты будут пролетать над нашей территорией, по ним не стрелять, чтобы не спровоцировать нападение". Поскольку войска ПВО "де-факто" входили в состав военных округов, но "де-юре" подчинялись Главному Управлению ПВО страны, логично предположить, что для них могла быть издана отдельная директива, в которой и содержалось требование не открывать огонь по германским самолетам.

Адмирал Н. Г. Кузнецов вспоминал, что на столе у Г. К. Жукова лежало несколько уже заполненных бланков. Возможно, там была и директива для войск противовоздушной обороны. Раз уж настали времена, когда появилась возможность ознакомиться даже с "той самой" Директивой № 1, следует ожидать, что будет обнаружена и она. Немцы могли узнать об этом документе из разных источников. Утечка информации могла быть следствием работы агентуры в управлении одной из зон ПВО (Северной, Северо-Западной, Западной, Киевской или Южной), либо о запрете стало известно при ее работе непосредственно в войсках.

Аналогично повели себя при первом воздушном ударе зенитчики 518-го зенитно-артиллерийского полка в Барановичах. Как вспоминал Н. Е. Анистратенко, в ночь на 22-е он был наблюдающим за воздухом на своей батарее. Увидев приближающиеся самолеты противника, он поднял тревогу, за что был командиром дивизиона капитаном Сафиулиным снят с поста и посажен под арест как паникер. Когда после налета в дивизионе не осталось ни одного целого тягача, комдив уехал в штаб полка. Анистратенко был "амнистирован" и стал свидетелем перепалки между взводным из 1-й батареи и по-

литруком - последний упирал на "провокацию", первый был уверен в том, что действительно началась война. Лишь после того, как с аэродрома пришел обгоревший человек, заявивший, что все самолеты побиты, по радио выступил Молотов (это было уже после полудня) и показавший в развернутом виде свой партийный билет, артиллерия открыла огонь. Вскоре в километре от огневых сел на вынужденную первый подбитый бомбардировщик [76, копия].

Из-за разрушения железнодорожных путей и возникших пробок масса военных грузов, предназначенных Западному округу, была завернута в другие места и до адресатов не дошла. Так, 6 июля зам. начальника 3-го Управления НКО (управление особых отделов) дивизионный комиссар Ф. Я. Тутушкин, указывая в ГКО В. М. Молотову о беспорядке в системе ВОСО, в числе прочих пунктов назвал такой: 4 июля на станции Люботин Юго-Западной железной дороги обнаружено 10 бесхозных платформ с танками Т-40, предназначенными к отправке на станцию Волковыск, в адрес в/ч 9590 [60, с. 200]. Войсковая часть 9590 - это управление 204-й моторизованной дивизии. Немало казусов произошло и при развертывании армий 2-го стратегического эшелона. Например, по "милости" НКПС 127-я дивизия 25-го стрелкового корпуса (19-й армии И. С. Конева), принимавшая участие в боях на Западном фронте и удостоившаяся за доблесть наименования 2-й гвардейской, при переброске на запад лишилась 475-го стрелкового полка, который ошибочно был направлен в Ленинград и в составе своего соединения не воевал.

На станции Нежин Черниговской области Украины стояла на консервации ПСМ-21 - походная снаряжательная мастерская № 21. 23 июня она была спешно укомплектована личным составом (300 человек) и направлена в Витебск, в распоряжение Управления начальника артиллерии Западного фронта - на территории Витебской области находились 69, 391 и 691-й артсклады, куда ей следовало отгружать собранную "продукцию". Но мастерская до Витебска так и не дошла, "споткнувшись" еще в Бахмаче: мост

через реку Десна на перегоне Бахмач - Мена оказался взорванным. Не удалось пройти и на Москву, и ПСМ-21 была завернута железнодорожниками аж на Ленинград. Там ее с радостью забрало себе

104

Управление начальника артиллерии Северного, впоследствии Ленинградского, фронта, а Западный фронт так и не получил это ценнейшее подразделение. Дело в том, что ПСМ, смонтированная в 15 четырехосных (т. н. "пульмановских") вагонах, предназначалась для сборки и снаряжения артиллерийских выстрелов. Все вагоны были соединены между собой ленточным транспортером, в первых из них находилось оборудование для обновления уже отстрелянных гильз, так что этот конвейер на колесах был настоящим сокровищем для артснабженцев. Прослужив в обороне города всю блокаду, ПСМ-21 собирала в сутки до 30 000 выстрелов к зенитной пушке калибра 37 мм или до 12 000 - к пушкам калибра 76 мм (Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 107-111). Одним из мест ее стоянки была пригородная платформа Девяткино направления Финляндский вокзал - Кавголово - Сосново - Приозерск.

Горел Гродно. Вскоре после начала бомбежек была разрушена электростанция: город остался без энергии, прекратилась подача воды. Внезапное появление самолетов, рев моторов и разрывы авиабомб, сброшенных с малых высот, вызвали разрушения, панику и потери среди мирного населения. Личный состав зенитных подразделений, прикрывавших Гродно, довольно быстро пришел в себя и начал отражать атаки воздушного противника. Первые же залпы батарей ПВО заставили немцев увеличить потолок до средних и больших высот. По воспоминаниям пилота бомбардировочного полка 9-й авиадивизии К. С. Усенко, небо над Гродно было покрыто белыми облачками разрывов зенитных снарядов. Результаты не заставил и себя долго ждать. Бомбометание с больших высот было гораздо менее результативным, оно свелось к разрушениям случайных объектов в городе, к потерям и панике среди мирного населения и массовому их исходу.

Бомбардировщики накаты вались волна за волной, бомбили военные и гражданские объекты и жилые кварталы, не трогали лишь склады горючего, сберегая их для себя. В расцветном множестве пожаров и взрывов Гродно командиры бежали к своим частям под огнем, который вели по ним с верхних этажей и крыш домов фанатики-поляки, видевшие в "германе" избавление от власти большевиков. В казармы армейского 942-го отдельного батальона связи при первом же налете попало несколько

105

бомб: убито пятеро бойцов, масса раненых. Но никто все еще не решался вскрыть без приказа опечатанные склады с оружием, боеприпасами и снаряжением. Сделал это самолично чудом не погибший по дороге с городской квартиры начальник штаба капитан И. М. Соляников [76, письмо личной переписки].

В ту ночь на радиоперехвате сидел рядовой Г. С. Котелевец. Его призвали в сентябре 40-го со 2-го курса Ленинградской "Корабелки" и, как знающего немецкий язык, определили в "слухачи" - "работать" по немецким станциям и английским - на немецком языке. Еще в 1 час ночи Котелевец отправил в штаб предупреждение Лондона о нападении Германии, в 04:20 дежурный мотоциклист уже повез в разведотдел штаба армии и в политотдел перевод речи Гитлера о начале "превентивной" войны против СССР. Сам командир 942-го ОБС капитан Н. Л. Глебычев числится пропавшим без вести; возможно, он был убит дома или по пути в батальон.

2.2. За шесть месяцев до Перл-Харбора. Разгром армейской авиации

Немецкое командование не слишком опасалось противодействия со стороны советских ВВС, пусть и очень многочисленных и в целом сносно обученных, но оснащенных более чем на три четверти морально и физически

устаревшими самолетами. Хотя, как выяснилось уже в ходе боев, данные германской разведки о численности, самолетном парке (особенно по истребителям) и потенциальных возможностях нашей авиации оказались сильно заниженными. Высшее военное руководство Райха фактически не принимало ВВС РККА всерьез, считая их безнадежно отсталыми и неспособными на организованное сопротивление, особенно после внезапного удара по аэродромам.

Тем не менее, как было определено Гитлером в Директиве № 21 (план "Барбаросса"), уничтожению советской авиации придавалось важное значение:

"Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции... Военно-воздушные силы. Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских

106

военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях..."

Поэтому с первых минут войны особенно мощным и методичным налетам на советские военные объекты в пограничных районах Белоруссии подверглись такие цели, как аэродромы трех смешанных авиадивизий, хотя в целом глубина воздействия Люфтваффе достигла 300 км [55, с. 70]. Группе армий "Центр" был придан 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга - 1680 самолетов.

Утверждается, что в течение дня 22 июня было многократно атаковано 26 аэродромов ЗапОВО [86, с. 184], в том числе 22 аэродрома 9, 10 и 11-й смешанных авиадивизий (10-я САД подчинялась командованию 4-й армии, в полосе которой группа армий "Центр" наносила один из двух своих главных ударов). На сегодня их список таков: Белосток, Белосточек, Ломжа, Тарново, Заблудов, Долубово, Бельск-Подляски, Борисовщина, Россь, Волковыск,

Барановичи, Себурчин, Высоке-Мазовецке, Каролин (он же Чеховщизна), Добрыневка, Кватеры, Новый Двор, Лида, Черлена, Скидель, Лесише, Будслав, Михалишки (Поставская АВШ), Именин (он же Стригово), Пружаны, Пинск, Высоко-Литовск. Бобруйск, Слоним (он же Альбертин), Жабчицы (46-я ОАЭ Пинской флотилии). Уверен, что пробил не все, "на подозрении" Цехановец и еще несколько площадок, но и без них получается уже 30. Поблизости от Черлены (в Лунне. Мостах или Щучине) находился еще один аэродром, на котором находилась 33-я отдельная эскадрилья связи ВВС ЗапОВО. Бывший комэск майор Н. И. Бирюков писал, что этот аэродром утром 22 июня также был атакован самолетами противника [84, с. 271].

Ожесточенным бомбардировкам и обстрелам со стороны Люфтваффе подверглось только дивизионного подчинения 12 советских авиаполков, из них восемь истребительных, три скоростных бомбардировочных и один штурмовой, тоже оснащенный истребителями, бипланами И-15. Потери армейской авиации были более чем чувствительны: 659 самолетов. 9-я САД потеряла в воздушных боях 74 самолета, 278 было уничтожено на земле, итого потеряно 352; 10-я - соответственно 23 и 157, итого потеряно 180; 11-я - соответственно 34 и 93, итого потеряно 127.

Данные о потерях матчасти с 22 июня по 17 июля с разбив-

107

кой по дням приведены в справке начальника штаба ВВС Западного направления полковника С. А. Худякова (на 22 июня - начштаба ВВС ЗапОВО). Не верить ей оснований как будто нет. И тем не менее имеет место двойное толкование приведенных цифр. 22 июня ВВС Западного округа и 3-й дальний авиакорпус потеряли 738 самолетов: 659 - армейская авиация, 73 - 12-я и 13-я БАД округа (фронта) и 3-й АК. Еще шесть машин отнесено к небоевым потерям, хотя, возможно, их было больше. В авиакорпусе упал на взлете и взорвался бомбардировщик ДБ-3ф, в 9-й САД разбилось или потерпело аварию по меньшей мере три МиГ-3. Какой-то "деятель" из не

столь давнего прошлого лихим гусарским наскоком поделил потери на 387 истребителей и штурмовиков и 351 бомбардировщик. В армейских ВВС было 172 самолета ударной авиации, в окружной - по меньшей мере 343. Один полк (215-й ШАП 12-й дивизии) имел от 15 до 25 И-15бис (данные "плавают"). Также имеются сведения, что 43-й полк 12-й БАД перевооружение закончить не успел и встретил 22 июня, имея в составе 20 Су-2 и 30 Р-З (на 1 октября 1940 г. в нем было 36 Р-З и 2 СБ). Известно, что "фронтовики" и "дальники" потеряли 73 машины. Даже если предположить, что три полка смешанных дивизий были выбиты вчистую, заявленного не получается. $172+73=245$. Даже если присовокупить 5 СБ и 28 Як-2 и Як-4 314-го разведывательного полка в Барановичах, получится только 278. Где еще 73? Но и это еще не все. На 1 октября 1940 г. в армейской авиации и 314-м ОРАП было ни много ни мало 200 вспомогательных машин: 53 У-2, 56 УТ-1, 6 УТ-2, 22 УТИ-4, 62 Ди-6, 1 ССС. Напомню, была еще войсковая авиация. Скорее всего, число 738 сложилось из потерь не только боевых машин, а всех, что имелись, но только в частях дивизионного звена. Все остальное осталось "за рамками".

2.2.1. Аэродромы и базирование

Прежде чем перейти к истории о разгроме армейской авиации, отвлекусь на освещение вопроса малоизученного, но, как мне кажется, очень важного. Речь пойдет об авиационном тыле, базировании и аэродромах. Число аэродромов, подвергшихся атакам (22), можно условно принять на веру и считать

108

базовым. Но все ли это, что имели три авиасоединения, о которых пойдет речь, или были еще и другие? Авиационный тыл располагал двумя категориями аэродромов: основными и так называемыми "оперативными".

Первые - это понятно: летное поле с ангарами для самолетов, авиагородок с жильем для летчиков и семей, склады горючего и боезапаса, ремонтная база - словом, обустроенные зимние квартиры. Все это было. Не было лишь одного, и практически повсеместно, - бетонных ВПП. На всю Белоруссию такая полоса имелась лишь в Балбасово, под Оршей. И так вышло, что к 22 июня почти все основные аэродромы в ЗапОВО, числом 62, оказались "выключенными" из боевого распорядка: на них всюду развели работы строительные батальоны, подчиненные созданному весной ГУАС (Главному Управлению аэродромного строительства) НКВД СССР.

Новый главк был образован 27 марта 1941 г. приказом наркома внутренних дел № 00328 во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 марта, по которому на НКВД СССР было возложено строительство аэродромов для Военно-воздушных сил Красной Армии. Начальником ГУАС был назначен военинженер 1 ранга В. Т. Федоров, занимавший до этого пост начальника ГУШОСДОР. В составе НКВД-УНКВД республик, краев и областей в районах строительства аэродромов были созданы управления аэродромного строительства (УАС НКВД-УНКВД). Начальниками УАСов стали начальники НКВД-УНКВД, они же по совместительству назначались уполномоченными НКВД СССР на местах по строительству аэродромов. К 15 июня 1941 г. началась реальная деятельность.

Работы велись силами заключенных, приговоренных к исправительно-трудовым работам без содержания под стражей, строительных батальонов, военнопленных и колхозников, мобилизованных местными организациями. На 15 июня 1941 г. из 254 аэродромов на всей территории СССР строительство 156 обслуживали заключенные, 11 военнопленные (видимо, польские, финские, японские и пр.). Для строительства отдельного аэродрома создавалось управление строительства данной спецточки, подчиненное ГУАСу. Для примера: управлением строительства аэродрома в Вельск-

Подляски (126-го истребительного полка 9-й САД) руководил сотрудник НКВД БССР А. В. Бородин [51, с. 20].

При тех управлениях, на которых использовался труд заклю-

109

ченных, организовывались лагпункты, подчиненные территориальным ОИТК-УИТЛК УНКВД-НКВД. Согласно приказу наркома № 00343 от 02. 04. 1941 г., часть работ выполняли организации ГУЛДЖС (Главного управления лагерей железнодорожного строительства). Судя по всему, в самом ГУАСе строительных подразделений войскового типа не было; это были, скорее всего, подразделения военно-строительного отдела войск НКВД. Тема эта очень интересна, но практически полностью не разработана.

В Белостокской области велось строительство бетонных полос (размером 1200x80 м) на 11 объектах. Заблудов, объект № 117, номер батальона НКВД не установлен. Гонендз, объект № 101,438,439, 505-й строительные батальоны РККА. Установлено, что 505-й батальон располагался в д. Соколы Озерные. Вельск, объект № 169,442-й, 443-й строительные батальоны РККА. Лапы, объект № 202, номер батальона РККА не установлен.

Есть неясность: аэродром Лапы не значится в перечне объектов тыла ВВС, возможно, он строился для почтовой или иной гражданской авиации.

Гродно, он же Каролин, он же Чеховщизна, объект № 227, номер батальона РККА не установлен. Белосток, объект № 253, номер батальона РККА не установлен. Свислочь, объект № 270, номер батальона НКВД не установлен. Кватеры, объект № 294, номер батальона РККА не установлен. Скидель, объект № 337,446-й и 447-й строительные батальоны РККА. Россь, объект № 360, 502-й и 503-й строительные батальоны НКВД (513 заключенных из тюрем Полоцка, Барановичей, Гродно, Бронной Гуры). Сокулка (Красняны), объект № 400, номер батальона НКВД не установлен. Всего по спискам на 20 мая 1941 г. на строительстве аэродромов в Белостокской области находилось 9560 красноармейцев строительных

батальонов, 5 020 заключенных, 491 вольнонаемный и 3010 человек в порядке трудовой повинности. Не "бьются" стройплощадки Яблонovo, Скалубово и Стоки (444-й, 445-й строительные батальоны). Они проходят как объекты ГУАС, но только Скалубово есть в списке объектов тыла ВВС (39-я авиабаза 14-го района).

В то же время можно предполагать, что Яблонovo и Стоки, как и Лапы, предназначались не для военных. Для примера: аэродром в Бегомле Минской области в ходе войны использовался партизанами. Они искренне считали его армейским, для тяжелых бомбар-

110

дировщиков, хотя он был почтовым (Г. Ануфриев. Я вез агенту чемодан с деньгами. "7 дней", № 7 от 15. 02. 2007 г.). Есть также свидетельство, что у деревни Чеховцы Лидского района силами заключенных из Средней Азии строилась полоса еще на одном аэродроме. Упоминаний о нем крайне мало, есть лишь данные, что в 1944 г. он использовался советскими ВВС, в частности, на нем базировались 63-й и 470-й гвардейские полки истребительной авиации. Тем не менее аэродром был бывшим польским, с него летали на Львов, Люблин, Вильно и Ковно; в сентябре 1939 г., когда к Чеховцам подошла танковая часть Красной Армии, на нем находилось полтора десятка самолетов различного назначения.

Из сказанного следует, что в Западном округе к началу боевых действий оказалось почти невозможным использовать практически все основные аэродромы. На стройплощадках производилась выемка грунта, завоз щебня, бетонирование новых ВПП [40, с. 160]. К 22 июня на 46 реконструируемых площадках еще продолжались земляные работы. Известно, что на реконструкции находились аэродромы в Ломже, Вельске, Росси, Лиде, Скиделе, Желудке, Кобрине и др. В Зельве к 22 июня бетонирование полосы было закончено, но сам аэродром предназначался для ПВО Минска, и самолетов на нем не было. Как выглядел в июне 41-го аэродром 121-го и 125-го полков 13-й бомбардировочной дивизии в Старом

Быхове (в родильном отделении больницы этого городка летом 1963 г. я появился на свет и прожил потом четыре с половиной года в закрытом гарнизоне, а на авиабазе служил мой отец), вспоминал летчик-штурмовик. Герой Советского Союза В. Б. Емельяненко: "На летном поле копошились сотни людей с лопатами и носилками - строили бетонную взлетно-посадочную полосу. В центре аэродрома высились кучи песка и щебня, сновали грузовики. Кроме штурмовиков, сюда садились истребители и бомбардировщики. Справа от строящейся полосы самолеты планировали на посадку, а слева в это же время взлетали".

При бурной строительной деятельности, когда использовать ВПП не представляется возможным, держать на таких площадках исправные самолеты, закрепленные за конкретными и к тому же достаточно освоившими их, чтобы быть способными выполнять боевые задачи, пилотами, по идее, нет никакого резона. Взлететь, конечно, можно и с места сто-

111

янки, по прямой, но это будет грубейшим нарушением соответствующих Правил, регламентирующих организацию полетов. Во время войны исключение могло быть только одно: непосредственная угроза - захват аэродрома или внезапный воздушный налет. А раз так, значит, в мирное время при условии соблюдения этих Правил на одном аэродроме одновременно летать и строить полосу невозможно (но в первые дни войны об этом "невозможно" сразу забыли). Так что немцы приграничные площадки с развернутым на них строительством и не бомбили.

Но в том же Вельске красноармейцы из 13-го мехкорпуса видели множество разбитых "мигов". Вероятно, это были те 29 машин, за которыми еще не были закреплены летчики и летать на них было просто некому. И по аэродрому в Ломже (несмотря на реконструкцию, на нем тоже оставались самолеты - часть машин 124-го истребительного полка и 206-я отдельная эскадрилья 6-го кавкорпуса) был нанесен воздушный удар. В. Я. Гержук,

бывший рядовой химвзвода 94-го кавполка, вспоминал: "Ночью на 22 июня 1941 г. я был дежурным по конюшне, перед восходом солнца стал выводить коней из конюшни, чтобы привязать на коновязь, чтобы обсохли, пока хлопцы придут на чистку коней. Не помню, сколько вывел, как появились самолеты с крестами, недалеко от Ломжи был аэродром, и они полетели на аэродром и там начали бомбить и обстреливать из пулеметов. Сразу же на аэродроме возникли пожары" [76, письмо]. Это наблюдение стороннего человека.

Д. Капранов, служивший непосредственно в 124-м ИАП, запомнил это так:

"А в четыре часа 22 июня гарнизон Ломжи подняли по тревоге. До аэродрома - менее пяти километров. Доставляли людей на автомашинах. Их с пикирующего захода обстреливал "Дорнье-217". Каменный мост через овражек на полпути дороги помог нам спастись, мы успели в это укрытие. В то же время групповым налетом был нанесен первый удар по аэродрому, и прибывший летный и обслуживающий состав увидел, что от двух эскадрилий осталось исправными "полтора" самолета, как с горечью пошутили мы. Взлетная полоса была словно перепажана. Прибывшие - кто мог и успел - автотранспортом выехали в Белосток и Заблудов".

Закончив "обследование" основных аэродромов, поговорим теперь об аэродромах оперативных. Все они были полевыми летными и выполняли функции запасных аэродромов и

112

аэродромов засад. Именно на зеленых коврах полевых площадок, среди ромашек и клевера, встретила войну подавляющая часть ВВС приграничных военных округов РККА. Говорить об их скученности по меньшей мере нечестно, хотя такие случаи и имели место. Легенда о том, что все самолеты оказались собраны на ограниченном числе крупных авиабаз и потому стали легкой добычей Люфтваффе, при близком рассмотрении не выдерживает

критики. Если, конечно, считать скученностью положение "один аэродром - один полк", а не "один аэродром - одна эскадрилья".

Поэскадрильное базирование имеет несомненные плюсы, но для этого необходима стройная и налаженная система авиационного тыла, которую только еще предстояло создать. Но на многих полевых аэродромах присутствовало по два комплекта боевых машин: старых, на которых летали и отрабатывали задачи, и новейших, которые еще только осваивали. Иногда новинки не имели маскировочной раскраски и стояли такими, какими их получали с авиазаводов, серебристо-серыми, ярко выделяясь на фоне зеленой травы (есть фотоснимок бобруйского аэродрома, где на переднем плане стоит побитый деревянный биплан, а на заднем - с виду целый неокрашенный Ил-4). Это и создавало видимость скученности, хотя продлился мир еще месяца два-три, десятки наиболее изношенных "чатос" и "москас" ("курносые" и "мушки" - так их называли в Испании) были бы переданы в учебные центры и вновь формируемые дивизии или списаны.

Резюме: после войны партийному руководству нужно было придумать хоть какое-то объяснение июньской катастрофе, ибо именно оно было виновато в таком исходе: не только Тимошенко, Жуков, Жигарев и нижестоящие военные руководители, но и Политбюро ЦК ВКП(б) и, разумеется, сам И. В. Сталин. Именно так. В своей необоснованной уверенности в то, что можно избежать войны, главное, не дать повода к ней, Сталин создал вражеской разведке "льготные" условия, и она в ходе многочисленных разведывательных полетов над западными регионами СССР не только выявила практически все аэродромы армейской и войсковой авиации, но и вела постоянный "мониторинг" за их состоянием. Поэтому 22 июня были атакованы только те из них, где действительно находились самолеты; исключений было крайне мало: Россь с шестью списанными машинами без моторов и Будслав, где, кро-

113

Бомбардировщик "Ил-4" после вынужденной посадки

ме строителей, вообще никого не было.

Всего же 9, 10 и 11-я авиадивизии имели, по моим подсчетам, не менее 30 аэродромов, включая засадные площадки для дежурных истребительных подразделений. Таких площадок пока установлено три: Каролин-Чеховщина (аэродром 10-й погранэскадрильи, но там садились также и истребители 122-го или 127-го полков 11-й САД), еще одна под Брестом (123-го полка 10-й САД) и еще одна - у еврейской деревни Белосточек к северу от Белостока (41-го ИАП 9-й САД). Как писал бывший тракторист 52-й техкоманды 121-й авиабазы А. П. Бобков, 21 июня в Белосточке было экстренно закончено строительство полевого аэродрома, в тот же день прилетели истребители МиГ-3, прибыли зенитчики и стрелки охраны. Несмотря на то что аэродром был "нулевым", утром 22 июня последовало два налета большими группами самолетов.

В феврале 1941 г. в РККА была начата реорганизация тыла военно-воздушных сил. В дополнение к существующим отдельным авиабазам была введена новая структура - район авиационного базирования, или РАБ. Теперь авиабазы должны были входить в РАБы, число их равнялось числу дивизий. В каждой авиабазе полагалось иметь по одному БАО на полк.

114

Так написано в официальном труде, изданном МО СССР [114, с. 50]. Принятая структура оказалась вполне удачной и с некоторыми изменениями просуществовала по крайней мере до распада СССР. К началу войны

реорганизация, естественно, завершена не была. Но если сопоставить то, что было запланировано для эффективного применения боевой авиации, с этой самой авиацией, возникнет странная картина. В оперативном подчинении командующих тремя армиями прикрытия ЗапОВО находятся три смешанных авиадивизии. Число полков - 13, из них боеспособных - 12 (190-й ШАП 11-й САД существует пока только на бумаге).

По состоянию на 30 мая 1941 г. 190-й полк уже значится в составе дивизии, но его нет в "Записке по плану действия войск в прикрытии на территории Западного Особого военного округа" [38, с. 11]. Следовательно, имея в приграничной полосе три дивизии, можно предположить, что для их базирования достаточно иметь 33-35 аэродромов. 7 аэродромов займут войсковая и иная авиации, к тому же возможно совместное использование посадочных площадок (что и было в реалии - Ломжа, Чеховщина). Выходит 40-42 аэродрома. Реально в приграничной полосе формируется четыре РАБа: 12, 14, 16 и 17-й. В районах 16 авиабаз, каждая из которых четырьмя приданными батальонами обеспечивает обслуживание четырех аэродромов, имеются еще инженерно-аэродромные батальоны, роты аэродромно-технического обслуживания, отдельные роты связи при управлениях и каждой базе и подразделения обслуживания авиагарнизонов. Число БАО равно не числу имеющихся полков, а числу аэродромов, что не соответствует заявленному в источнике № 114. Таким образом, уже имеется или еще строится общим числом 64 аэродрома. Многовато будет на 13 полков и 8 отдельных эскадрилий.

Получается, что вместо базирования трех дивизий аэродромная сеть спешно готовилась под значительно большее число авиаполков, нежели их имелось к 22 июня. И одна авиабаза должна была обслуживать не дивизию, а от силы два полка, но со всеми их аэродромами.

Дислокация частей тыла ВВС округа по состоянию на 30 мая 1941 г. (сайт "Солдат. ру" - <http://www.soldat.ru>) позволила выявить аэродромы, строившиеся "на перспективу": Кнышин, Гонендз, Долистово, Стависки,

Граево, Сокулка (12-й РАБ); Вороново, Радунь, Юратишки, Скалубово, Кузница,

115

Лунна, Мосты, Скрибевцы, Василишки (14-й РАБ); Задвораны, Гайновка, Клещели, Беловск, Ивацевичи, Коссово, Береза, Запруды, Малорита, Антополь (16-й РАБ); Иваново, Мотоль, Бродница, Дрогичин, Логишин, Парохонск, Лунинец, Дребск, Сенкевичи, Столин, Лобашево, Денисковичи, Маль-ковичи, Люсино (17-й РАБ). Зачастую были полностью зарезервированы целые авиабазы (в Полесье и севернее Немана).

В нумерации и существующих и вновь формируемых частей есть некоторое несоответствие. У меня не слишком много писем бывших военнослужащих тыла ВВС ЗапОВО, но они приводят номера своих частей, совершенно не совпадающие с опубликованными. Не совпадают не только номера, но даже порядки (в дислокации они у авиабаз двухзначные, в воспоминаниях и в списках ОБД - трехзначные). 286-я авиабаза (Лида и Новый Двор), в дислокации - 38-я авиабаза (Лида) и 171-й БАО 39-й авиабазы (Новый Двор). 291-я авиабаза (Скидель), в дислокации - 39-я авиабаза. 293-я авиабаза (Замбрув - Тарново), в дислокации - 155-й БАО 36-й авиабазы (Замбрув), Тарново (реально там находился 129-й ИАП 9-й авиадивизии) нет вообще. 105-я авиабаза (Желудок), в дислокации - 40-я авиабаза. 106-я авиабаза (Белосток), в дислокации - 37-я авиабаза. 121-я авиабаза (4 км западнее Белостока), в дислокации только одна авиабаза с номером более 100 - 101-я (Россь).

Части, названные ветеранами, реальны, кое-кто вспомнил даже фамилии командиров. 121-я авиабаза: командир - полковой комиссар Васильев, начальник штаба - капитан Стасенок. 52-я техкоманда базы: начальник - младший воентехник Савин. 105-я авиабаза: командир - капитан Неделин. Рота связи 286-й авиабазы: командир - старший лейтенант Ромашкевич. 157-й БАО: командир - майор Стаселько. Новых имен добавили списки потерь. Начальник 14-го РАБ полковник Воронов. Капитан В. Н.

Качура, командир 209-й базы. Пропал без вести 22 июня в районе Бреста (Стригово или Кобрин). Капитан Д. А. Харужа, начальник штаба 106-й базы. Пропал без вести 23 июня при отходе из авиагарнизона Россь. Батальонный комиссар П. И. Минаев, зам. командира 106-й базы. То же самое. Капитан П. А. Пономарев, командир аэродромной роты 106-й базы. То же самое. Майор И. И. Ушаков, начальник штаба 286-й базы. Пропал без вести 22 июня в Лиде. Капитан М. А. Безруков, командир 165-го

116

БАО 286-й базы. Пропал без вести 22 июня на полигоне. Капитан Иванов, начальник штаба 165-го БАО. Пропал без вести 22 июня при отходе с аэродрома Новый Двор.

Вот такая получается интересная картина. 1 июня новое штатное расписание официально вступило в силу, но нумерация частей не была изменена, новые номера баз просто не успели запомнить. Номера же батальонов оставались прежними. Так, 157-й батальон согласно дислокации находился в Бельске (основной аэродром 126-го полка), реально же он находился на полевом аэродроме Долубово того же полка. 160-й ей 171-й БАО, показанные в Долубово и Новом Дворе, к 2 июня еще не были сформированы.

19 июня 1941 г. нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник ГШ Г. К. Жуков подписали важный, но, увы, навсегда опоздавший приказ. Суть его можно выразить двумя словами: "О маскировке". Все пункты приказа были разумными и жизненно необходимыми, но сроки их исполнения устанавливались с 1 по 15 июля 1941 г. Предписывалось засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, соответственно окрасить взлетные полосы и все постройки, зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать хранилища ГСМ. Категорически запрещалось линейно и скученно располагать самолеты. Каждому району авиационного базирования в 500-километровой приграничной полосе надлежало соорудить по 8-10 ложных аэродромов с 40-50 макетами самолетов. Что тут можно

сказать? Молодцы! С одной только оговоркой - дорога ложка к обеду. Историю вспять не повернешь, она состоялась так, как состоялась. Практически ничего из упомянутого приказа командование ВВС Западного округа не выполнило, за исключением перебазирования частей на полевые аэродромы, которое, вообще-то говоря, было произведено еще в мае. Когда И. И. Копец под утро 22 июня доложил командующему округом, что приказ НКО полностью выполнен и авиация готова к бою, он покривил душой. И разыгравшаяся спустя час-два трагедия показала, насколько действительное положение дел во вверенных ему частях не соответствовало заявленному. А потому я начну повествование о тех подразделениях ВВС, которые первыми встретили врага, пришедшего на белорусскую землю, и судьба которых не оказалась за семью печатями.

117

2.2.2. 11-я смешанная авиадивизия

В ночь на 22 июня управление 11-й смешанной авиадивизии находилось на аэродроме в Лиде - проводились командно-штабные учения. Связи с полевой площадкой Новый Двор, где стоял 122-й истребительный полк, не было. В пятом часу утра из Нового Двора прилетел И-16: командир звена лейтенант П. Огоньков доложил командиру дивизии полковнику П. И. Ганичеву, что аэродром атакован самолетами противника (из записи беседы с С. Ф. Долгушиным, форум сайта "Солдат. ру").

В это время в Новом Дворе находилась прилетевшая на "Дугласе" инспекционная группа Генштаба. В ее составе были не то начальник, не то зам. начальника оперативного управления ГУ ВВС в звании полковника и инспектор Главной Инспекции ВВС майор М. Н. Якушин, учившийся вместе с С. А. Черных и с ним же вместе воевавший в Испании. 122-й ИАП имел 71 пушечный И-16 на 50 летчиков. Едва забрезжил рассвет, над аэродромом

пролетел одиночный Me-110, штурман которого обстрелял стоянки самолетов и зажег две машины. Примерно в 04:10 последовал второй налет шестеркой "стодесятых", но на перехват никто не поднялся, так как со всех самолетов было снято вооружение. Единственная счетверенная ЗПУ типа ПБ-4 на автомашине была сразу же уничтожена. Последствия атаки, которая окончилась в 04:17-04:20, были серьезнее: сильно пострадала 3-я эскадрилья, незначительно - 2-я [123, с. 10]. Сгорел и "дуглас" москвичей. Немцы снова ушли безнаказанно.

Н. А. Буньков, бывший рядовой радиовзвода роты связи 286-й авиабазы, вспоминал:

"Фашистские самолеты непрерывно бомбили наш аэродром, наши самолеты, стоявшие, как солдаты в строю, ровными рядами по всему аэродрому (вот так был "выполнен" пункт приказа НКО о запрете линейного расположения матчасти. - Д. Е.). Летчики к 4:00 22 июня были уже в кабинах самолетов, готовы к бою. Но ни один самолет не взлетел навстречу врагу, а фашисты без помех в упор расстреливали, бомбили и поджигали все самолеты, ангары, все аэродромное хозяйство. Представьте себе наше горе, отчаяние, недоумение... На вопросы нам отвечали: "Нет приказа на взлет и борьбу с врагом. Это провокация, местный инцидент". И так продолжалось до 6 часов утра! Но вот оставшиеся целыми самолеты в 6 утра вылете-

118

ли навстречу врагу, в бой. И как дрались! Мы не напрасно гордились "своими" летчиками" [76, письмо].

Когда последовал третий налет, навстречу врагу взлетело звено 2-й эскадрильи и зам. командира полка капитан В. М. Уханев. Но его И-16 был подбит на взлете, летчику с громадным трудом удалось выполнить разворот и посадить дымящийся самолет на край летного поля. Атака строилась стандартно. Одна группа самолетов связала боем дежурное звено, вторая начала штурмовку. На помощь комэск-2 капитан Емельяненко приказал поднять звено старшего лейтенанта Волкова. Но в воздух сумел подняться

только истребитель С. Ф. Долгушина. Самолет Волкова, пораженный снарядом, вспыхнул прямо на стоянке, двигатель машины лейтенанта Макарова не запустился. В небе закрутилась ожесточенная карусель. Четыре И-16 самоотверженно защищали аэродром, дав возможность взлететь другим подразделениям.

Полк выдержал свой первый бой. Нацисты потеряли четыре бомбардировщика и несколько истребителей. Два неприятельских самолета сбили сосредоточенным огнем командир 3-й эскадрильи капитан Тиньков, политрук П. А. Дранко и адъютант эскадрильи старший лейтенант Апанасенко. Но и немцы не зедали. Апанасенко не смог выпустить шасси у своего "ишака" и сел на фюзеляж, на истребителе политрука был перебит трос управления рулем поворота (Коммунисты, вперед! М., 1984. С. 173). По совету Якушина командир полка А. П. Николаев отправил десять истребителей в Лиду.

Еще дважды поредевший полк поднимался в воздух с изрытого воронками, выгоревшего, изувеченного аэродрома. Прикрывали Гродно и мосты через Неман. Но, несмотря на противодействие советских истребителей, самолеты Люфтваффе прорывались сквозь их заслоны и сбрасывали свой груз.

К полудню в районе Гродно остался только один целый шоссейно-дорожный мост (согласно боевому донесению штаба фронта за № 005 по состоянию на 13 часов). Дорогостоящие железнодорожные мосты немцы не разрушали, хотя, как писал в отчете начальник штаба 58-го ЖДП НКВД капитан Грицаев, между 4 и 5 часами утра самолеты противника бомбили четыре ж.-д. моста (через Неман, Лососьну, Супрасль и Нарев), но не попали. Видимо, ошиблись или сторяча. Один склад боеприпасов на окраине Гродно (их было два: 856-й окружной и 1498-й головной) был частично разбомблен и по-

дожжен, снаряды взрывались или разлетались во все стороны. Но, как вспоминали участники боев, артснабженцы с риском для жизни все же проникали к уцелевшим штабелям и загружались боеприпасами.

Для прояснения обстановки командир 122-го полка решил провести воздушную разведку. Во время вылета младший лейтенант С. Ф. Долгушин сбил "Костыль", который развлекался тем, что обстреливал на бреющем полете колонну беженцев. Немец увлекся и пропустил атаку тупоносого советского истребителя. Но радость молодого летчика омрачила моторизованная колонна противника, обнаруженная им на подлете к аэродрому. Автомашины с солдатами и несколько единиц бронетехники, прорвавшись через пограничный рубеж, быстро продвигались на северо-восток.

Угроза была более чем реальной, и после доклада Долгушина полк немедленно начал перебазирование. Поврежденные самолеты, равно как и самолеты, требующие ремонта, бросили на поле; исправные взлетели и под командой полковника А. П. Николаева взяли курс на Скидель (там был основной аэродром 127-го истребительного полка, но сейчас он пустовал, 127-й ИАП в начале июня был переведен на полевую площадку Лесище).

Организовать экстренную эвакуацию "безлошадных" пилотов и техсостава Николаев поручил политруку П. А. Дранко. Во время всеобщей неразберихи, когда одна за одной с аэродрома выезжали автомашины, а люди в суматохе бегали по городку, с чердака одного из домов по ним был открыт пулеметный огонь. Едва исправные "ишаки" покинули аэродром, к нему прорвался передовой отряд немецкой пехоты, видимо, тот самый, что засек Долгушин. Прямой наводкой "штуги" стали расстреливать бензоаправщики и машины техобслуживания 165-го БАО. На опустевшем летном поле С. Ф. Долгушин начал разбег и был обстрелян самолетом противника; мотор не выдал полной мощности, младший лейтенант притормозил, а немец, решив, что его задача выполнена, улетел восвояси. Развернув машину, Долгушин начал разбег в другую сторону и взлетел. В Скиделе в плоскостях его И-16

насчитали 16 пулевых пробоин. П. А. Дранко с летчиком Ворониным взлетели на двухместной машине, вероятно, учебной спарке УТИ-4 (по архивным данным, в полку их имелось четыре штуки); атаковав одну из самоходок, они подожгли ее пулеметным огнем

120

(видимо, очередь попала в бензобак или в не защищенный сверху двигатель), два грузовика подбил гранатами оружейный мастер Величко. Автомашина со столичной комиссией уехала еще раньше; инспекторы благополучно добрались до Минска и на поезде убыли в Москву. лейтенант Макаров сумел все-таки запустить двигатель своего истребителя и также покинул Новый Двор. По немецким данным, Новый Двор был взят в 13:15 силами 486-го пехотного полка 256-й пехотной дивизии. В истории полка написано, что его передовой отряд с тяжелой артиллерией и "штугами" прорвался через Скеблево и Курьянку глубоко на юг, вышел к аэродрому, где разбил и расстрелял 39 (по другим данным, также немецким, - 19) советских самолетов.

На подходе к аэродрому в Скиделе истребители 122-го полка снова встретились с самолетами Люфтваффе, снова завязался ожесточенный бой. Горючее было на исходе - садились под бомбежкой; на летное поле падали горящие самолеты. Вскоре множество воронок вывело из строя взлетно-посадочную полосу, на ней выложили крест - запрет на посадку. Оставшиеся в воздухе пилоты ушли на Лиду, где находились зимние квартиры 122-го полка.

На лидском аэродроме комдив 11-й провел краткий разбор итогов боев, уточнил обстановку и поставил частям задачу на завтра. Когда летчики расходились к местам стоянок, последовала внезапная атака десятки Me-110 на бреющем полете. Только что севшие машины по сигналу зелеными ракетами вновь взлетели на остатках топлива. "Мессеры" разделились на две группы: одна начала бомбежку летного поля и самолетов на стоянках, другая "прочесывала" аэродром пушечно-пулеметным огнем. Одна из очередей насмерть

поразила командира дивизии Ганичева, оказавшегося на открытом месте. Налет обошелся дорого: горели разбитые на земле самолеты, три истребителя были потеряны в воздушном бою, погиб полковник П. И. Ганичев, был ранен его заместитель полковник Михайлов. В кабине своего истребителя был убит П. Огоньков. Все же и неприятель потерял два "мессершмитта", один из них был сбит С. Ф. Долгушиным.

А. М. Лункевич, работавший на реконструкции аэродрома вольнонаемным водителем автомашины, был очевидцем этого налета. Он вспоминал:

"22 июня с утра я уехал на аэродром работать в первую смену, в то время фашистские самолеты

121

ты сбросили несколько бомб на город, работа приостановилась, шофера с более чем 200 автомашин собрались около начальника транспорта, чтобы узнать причину бомбежки. В метрах двухстах от нас стояли два десятка истребителей, в которых видны были летчики. В этот момент послышался шум в воздухе. Я повернул голову в ту сторону и увидел около сотни "мессершмиттов"... Наши "ястребки" начали взлетать в воздух. Три из них загорелись. "Мессершмитты" ушли. Я вылез из-под кузова и побежал спасать раненых летчиков. Одного раненого вытащил из горящего самолета..." [76, копия]. Погибшего комдива с почестями похоронили, провели траурный митинг. Выступили многие авиаторы, в том числе замполит 122-го полка батальонный комиссар Шведов.

Справка

Сообщение об этом воздушном бое содержится в книге В. В. Щеглова (№ 123 списка источников), являющейся вольным пересказом ранних воспоминаний С. Ф. Долгушина. Поныне здравствующий Сергей Федорович категорически отрицает приписываемую ему победу в Лиде, утверждая, что

при этом воздушном налете у советских илотов не было никаких шансов взлететь.

Ближе к вечеру 122-й воссоединился, так как полосу в Скиделе привели в порядок. Техники и оружейники из Нового Двора еще не прибыли, поэтому летчикам приходилось все делать в основном самим (несколько техников 127-го полка помогали чем могли). Но в Скиделе не было патронов к ШВАКАм, а пулеметные патроны находились в густейшей консервационной смазке. Приходилось на кострах кипятить в ведрах воду, размягчать в ней смазку и только потом протирать боеприпасы ветошью. До темноты дрались за Гродно. В составе своей эскадрильи Сергей Долгушин встретил над западной окраиной города "Юнкерс-88". Атака - и еще одна победа! Еще один бомбардировщик сбил ведущий группы.

В ночь на 23 июня полк Николаева (вернее, то, что от него осталось) вернулся в Лиду: без техсостава, с пустыми баками и боекомплектами, с разряженными аккумуляторами. Бензин в Лиде был, в подземных емкостях, но не было средств перекачки, не было и ни одного автозаправщика. Патроны были, но тоже в смазке. За день было сбито пятнадцать самолетов противника, но это никак не компенсировало собственные тяжелые потери. Измученные летчики повалились спать в подвале лет-

122

ной гостиницы, а едва забрезжил рассвет, над Лидой снова появились Ме-110... Противостоять им не было уже никакой возможности.

Единственным истребительным полком армейской авиации, не понесшим потерь на земле при первом воздушном ударе, был 127-й ИАП, которым командовал подполковник А. В. Гордиенко. В нем на 22 июня служило 53 летчика, общее число самолетов И-153 и И-16 было 73. На полевом аэродроме Лесище все боевые машины располагались в отдельных "карманах", вырубленных на опушке леса, были замаскированы сетями и свежесрубленными ветками. 21 июня на дежурство заступила эскадрилья,

политруком которой был старший политрук А. С. Данилов. В ночь на 22-е в готовности № 1 находилось звено А. Данилова, его ведомыми были младшие лейтенанты К. М. Трещев (впоследствии генерал, Герой Советского Союза) и Комаров. Как записано в хранящемся в ЦАМО "Дневнике работы 127-го иап", боевая тревога была объявлена в 03:25 утра. Было еще темно, но тревога никого не удивила, в последние недели это было частым явлением. Но то, что было дальше, совсем не походило на учебную тревогу.

Данилов рассказывал:

"Командир полка подполковник Гордиенко поставил мне задачу: в составе пятерки истребителей немедленно подняться в воздух и преградить путь у Гродно трем нарушившим границу "юнкерсам". При этом предупредил, чтобы мы огня по ним не открывали, а "эволюциями" своих машин в воздухе принудили нарушителей сесть на нашей территории. Я тут же приказал взлетать командирам звеньев Дерюгину и Петренко со своими напарниками Гариным и Шустровым вслед за мной" [76, копия]. Когда пятерка подлетала к Гродно, вся приграничная полоса на "той" стороне осветилась вспышками орудийных залпов. Иллюзии летчиков рассеялись: летевшие бомбардировщики "Юнкерс-88" были не нарушителями, а агрессорами. Один самолет врага политрук сбил лично, на оставшихся набросились его товарищи.

Командир полка был явно расстроен и недоволен самоуправными действиями своих подчиненных (ведь он еще не видел того, что происходило на границе). Но тут стали подходить командиры других подразделений полка. Доклад комэска старшего лейтенанта Дроздова о гибели в бою командира звена лейтенанта Ерошина вернул А. В. Гордиенко в состояние

123

реальности. Последовал приказ: во главе семерки прикрывать Гродно тремя ярусами, сбивать все чужое, что попадет в небо.

К. М. Трещев вспоминал:

"По сигналу боевой тревоги мы набрали высоту 1000 метров над аэродромом и стали его прикрывать... Севернее Гродно на горизонте отчетливо стал виден тяжелый и зловещий строй вражеских бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием истребителей МЕ-109". С аэродрома поднялась еще одна группа самолетов. Немцы немедленно были атакованы и, несмотря на прикрытия, три бомбардировщика потеряли. "Чайки", несмотря на то что по своей конструкции (деревянные бипланы) морально устарели, имели убирающееся шасси, крылья довольно тонкого профиля без расчалок, были очень маневренны и хорошо вооружены - четырьмя крупнокалиберными пулеметами БС.

Новая встреча с противником произошла тотчас же после того, как истребители выстроили над Гродно свой боевой порядок. Три "мессершмитта" атаковали сверху пару Данилова, но почти в тот же миг пара "чаек", которая была выше, в свою очередь прижала вражеские истребители. Тут прямо по курсу появился еще один самолет, который, заметив "чайки", нырнул вниз. Это была необычная с виду двухфюзеляжная машина, не похожая на другие, - "Фокке-Вульф-189", или, как ее стали потом у нас называть, "рама". Это был разведчик и корректировщик артиллерийского огня. "Даю ручку от себя, жму на газ, иду за "рамой" с крутым снижением при полных оборотах мотора. Скорость сумасшедшая, от завихрения в кабине смерч, и пыль с мусором из-под ног летит прямо в лицо. У земли вражеский летчик выравнивает машину, то же делаю и я. Он тянет к границе, я тоже вслед за ним тяну. Нервы на пределе, сердце колотится. Глаз не свожу с черных крестов и даю пару коротких очередей для пристрелки, не рассчитывая на поражение. И вдруг "рама" теряет скорость, и я едва успеваю отвернуть, чтобы не врезаться ей в хвост. Оборачиваюсь и вижу, как она рассыпалась на куски у хорошо знакомой мне деревни Крапивна, на самой дороге" (22 июня в районе Гродно были сбиты два ФВ-189, зав. № 0057 и 0158).

Выработав за 45 минут полета большую часть горючего, Данилов с его ведомым С. С. Дерюгиным повернул на родной аэродром. Но, пролетая мимо аэродрома Черлена, где стояли Пе-2 и СБ 16-го полка (командир - подполковник А. А. Сквор-

124

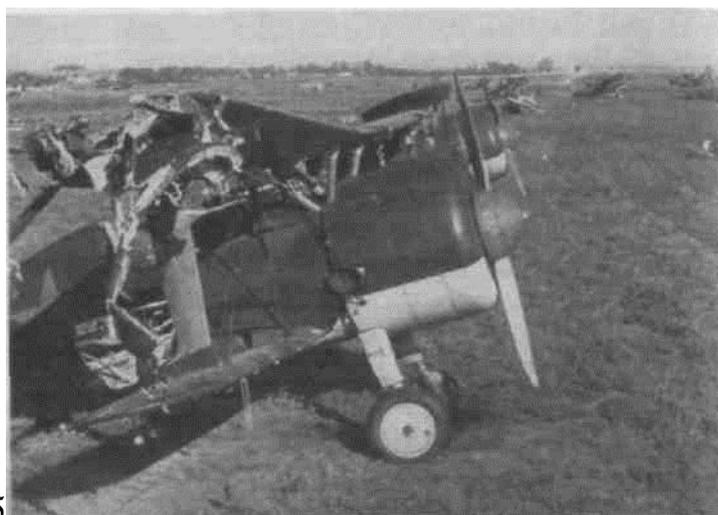
цов), они увидели, что их боевых друзей-"бомберов" отчаянно атакуют.

Черлена была вся в огне: горели бочки с бензином, разбитые самолеты, вверх вздымались столбы земли все новых и новых разрывов бомб. "Чайки" наткнулись на уже отбомбившуюся группу в составе трех "юнкерсов" и одного "Ме-110". Не выдержав лобовой атаки старшего политрука, "мессер" отвернул и сразу получил в борт длинную очередь. Но на подходе уже была свежая девятка "Дорнье". Пока Данилов одолевал "мессера", С. С. Дерюгин в одиночку кинулся в атаку на нее. Он свалил две вражеских машины, А. С. Данилов - одну. Но тут на нашу пару накинулись истребители прикрытия. В кутерьме отчаянного неравного боя, который многие наблюдали с земли, и потому он запомнился, старший политрук, расстреляв все патроны, совершил один из первых воздушных таранов в этой войне, сбив еще один Ме-110. К. М. Трещев вспоминал: "Андрей Степанович Данилов не вернулся на свой аэродром, и поэтому мы считали, что боевой комиссар погиб смертью храбрых. О подробностях его подвига мы узнали впоследствии от очевидцев - офицеров понтонного батальона и от самого Данилова".

А. С. Данилов:

"Навалились со всех сторон. Даю веером очередь, почти наугад. Хотел дать вторую, жму гашетки, а пулеметы молчат. Понял: кончились патроны. Видать, это поняли и немцы: встали в круг да и взяли меня, голубчика, в оборот. Вижу: левая плоскость ободрана, перкаль болтается, ребра наружу. Машина слушается плохо. А гитлеровцы лупят по очереди, кругом огонь, дым, следами от трассирующих пуль все, как сеткой, затянуло. *"Вот теперь, - думаю, - погиб"*. Эрликоновский снаряд нижнюю плоскость пробил, пуля в сухожилье левой руки угодила, лицо в мелких осколках, реглан искромсан...

Верчусь, как куропатка, а поделаться ничего не могу. Гляжу: один так красиво на меня заходит. И вижу свою смерть. Теперь уже все равно - таран так таран! Он - в пике, а я задираю нос к нему. Успел отчетливо увидеть горбоносое лицо и злорадную на нем ухмылку гитлеровца: знает, гад, что я безоружен, торжествует победу. *"Ну нет, - думаю, - рано: ни мне, ни тебе!"* Не помню уже, как довернул свою "чайку" и винтом рубанул "мессершмитт" по крылу. Он и посыпался. Падает, струя дыма от него все толще и толще, - и я рядом, в нескольких метрах от него падаю. "Мессер" стукнулся об зем-

125

Поврежденные на земле И-153

лю и сгорел, а моя "чайка", хоть и подбитая, полегче, перед самой землей как-то вывернулась. Сел на брюхо, огляделся. Своих не вижу никого, а фашистов кругом полно, бьют по мне, лежащему. Чувствую удар в живот, не знаю, чем: пулей, осколком снаряда? В глазах сразу потемнело, какие-то круги пошли. Решаю: теперь-то уж наверняка убит. Рука натывается на что-то мокрое у пояса... Лежу во ржи, надо мной "мессер" проходит, и я ему кулак показываю. Он возвращается и нацеливается на меня. Сбрасываю лямки парашюта, хочу отбежать, а нога не действует. Падаю. И тут вдруг слышу голос: *"Давай сюда, родной! Сюда!"*

Невдалеке от подбитого И-153 прятались от бомбежки несколько женщин с детьми. Одна из них, Степанида Гурбик, отвела летчика к себе домой в Черлену, перевязала, покормила. И помогла добраться до Немана,

где в санчасти 4-го понтонно-мостового батальона недалеко от Лунны военфельдшер Нина Горюнова оказала раненому квалифицированную помощь. Там Данилов увидел того, которого протаранил: также раненого румяного горбоносого майора Люфтваффе с двумя Крестами (как оказалось, за Бельгию и Грецию). "[Немец]

126

сказал, что воевал во Франции, Бельгии, на Балканах, в Польше и сбил больше тридцати самолетов противника. В России надеялся увеличить счет, но не думал, что придется иметь здесь дело с фанатиками. *"Мы, немцы, ценим настоящее мужество, и я понял, что имел дело с храбрым пилотом, но такого поступка я от него не ожидал. Это же варварство!"* Я попросил перевести ему, что у наших людей несколько иное понятие о подлинном мужестве и оно не имеет ничего общего с коварным нападением на спящие мирные города и беззащитные аэродромы, на женщин и детей". А в разведсводке штаба фронта № 1 отразился только нанесенный врагу урон, да и то не весь: "В воздушном бою 11 часов 20 минут в районе Черлена сбито 4 самолета ДО-215". В тот день таран ил и неприятельские машины еще два летчика 127-го полка: заместитель командира эскадрильи старший лейтенант П. Д. Кузьмин и лейтенант А. И. Пачин. Оба они при таранах погибли.

Справка

При осмотре машины А. С. Данилова было зафиксировано 136 попаданий пулеметных пуль и 6 попаданий снарядов 20-мм пушки "Эрликон". После шести ранений сбивший в 136 боевых вылетах 9 самолетов противника А. С. Данилов вынужден был по состоянию здоровья покинуть истребительную авиацию; командовал 15-м полком ночных бомбардировщиков. Война для гвардии подполковника Данилова закончилась на Дальнем Востоке. До звания ас (10 сбитых) он не дотянул, но кто оценит значимость побед, одержанных им 22 июня?

Основным аэродромом 16-го СБАП был Желудок. В конце апреля туда из Калуги прибыл этап из двухсот заключенных, начались работы по бетонированию полосы - и полк 2-3 мая передислоцировался на полевою площадку. В октябре 1940 г. в нем имелось 47 машин СБ и 1 ТБ-3. К утру 22 июня 1941 г. в Черлене было 24 СБ и 37 Пе-2. Для СБ было 46 экипажей, "пешки" экипажей не имели и, возможно, даже не были заправлены горючим. О действиях 16-го полка не известно практически ничего, кроме невнятного упоминания В. А. Ан-филовым о поддержке им контрудара 11-го мехкорпуса 3-й армии (вероятно, на основании неверного истолкования боевого донесения штарма № 004 в 35-м сборнике). Есть также несколько сообщений о таране, совершенном экипажем бомбардировщика СБ. Все они дают разные описания и трактовки этого события, и разобраться в них весьма непросто. Но в

127

целом картина будет примерно такой. Задача полку командованием 11-й САД поставлена не была, возможно, из-за отсутствия указаний "свыше". Оставалось ждать. Самолеты заправили топливом и загрузили бомбами. Затем в Черлену из Гродно прибыл представитель штаба ВВС 3-й армии. Он сообщил, что над Гродно уже идут воздушные бои, и подтвердил прежнее указание: ждать боевого приказа. В 06:50 командир полка А. А. Скворцов для проведения разведки решил поднять в воздух звено СБ под командованием капитана А. С. Протасова. Едва сделав над летным полем круг, наше звено буквально влетело в боевой порядок Ме-110 - они на бреющем полете скрытно подошли к аэродрому.

Немцы летели шестью девятками (54 машины). Ведущий СБ, который пилотировал капитан Протасов, врезался в самолет противника и погиб вместе с ним. Сразу же были сбиты ведомые Протасова, после чего последовала атака на аэродром. Расстрел продолжался 32 минуты. "Мессеры" засыпали аэродром мелкими бомбами и вели непрерывный обстрел

зажигательными пулями. Никакого противодействия с земли не было. Самолеты горели, взрывались подвешенные под ними бомбы. В воздухе погибло девять человек, на земле было убито шесть и ранено пятнадцать человек. Личный состав скрылся за толстыми соснами и в значительной степени сумел спастись (ЦАМО, ф. 35, оп. 11321, д. 50, л. 156 - из материалов сайта "Арсенал": <http://www.ipclub.ru/arsenal>). К сожалению, на сайте не указано, кто написал это донесение, но сам 35-й фонд ЦАМО, откуда оно взято, содержит документы ГУ ВВС РККА, так что, скорее всего, писал авиатор - не исключено, что начальник штаба полка или сам Скворцов. Таким образом, констатируется факт: СБ капитана Протасова столкнулся с Ме-110, сбил его и упал сам; никаких оценок не дано.

Все остальные источники трактуют данное происшествие не просто как столкновение, но именно как сознательный ТАРАН. Из утверждений маршала авиации Н. С. Скрипко и неизвестного очевидца можно предположить, что таран произошел не при первом налете на аэродром и бомбардировщики взлетали уже под бомбежкой. Три СБ, не успев набрать высоту, встретились с повторно заходившими на цель вражескими самолетами, которые надеялись безнаказанно довершить разгром аэродрома. Но экипаж капитана Протасова не дал возможности им это сделать. Огнем носовой спарки "шкасов"

128

стрелок-бомбардир (штурман) срезал "мессершмитт", после чего СБ, не прекращая стрельбы, в крутом развороте ринулся к ближайшему "юнкерсу". Тот едва успел свернуть в сторону, открыв этим маневром путь советскому пилоту к машине ведущего. Маневрировать в сутолоке десятков машин было невозможно. Бомбардировщик, не прекращая огня и не сворачивая в сторону, врезался в брюхо Ю-88. Оба самолета рассыпались на куски. Вместе с Протасовым погибли стрелок-бомбардир старший лейтенант А. Яруллин и стрелок-радист сержант А. Бессарабов. Это был один из двух установленных

таранов, совершенных 22 июня экипажем бомбардировщика на советско-германском фронте.

Неподалеку от головного Ю-88 упали еще две машины: "юнкере" и второй СБ из звена Протасова, пилотируемый старшим лейтенантом Синолобовым. Некоторые утверждают, что Синолобов тоже таранил неприятельский самолет, но полной ясности об этом нет.

И вот еще одно свидетельство. Н. Попонин, бывший старший авиамеханик 16-го СБАП, пишет, что таран действительно был, причем у него на глазах. И не просто таран, а групповой. Он называет время первого налета (06:30, близко к документу) и утверждает, что на таран пошли все три экипажа СБ. Он называет фамилию второго пилота - не Синолобов, а Свинолобов Виктор Иванович, 1918 г. р., старший лейтенант, - фамилию третьего забыл (Известия, 22 июня 1985 г.).

Джунгли какие-то! Обстоятельства разные, время не совпадает, марки машин тоже разные (Ме-109, Ме-110, Ю-88). А. С. Данилов написал, что Черлену бомбили еще и "Дорнье". А что, если таранов было не один и не три, а больше, и в разное время? Потому и возникли разночтения, что фактов тарана было больше: один (групповой) - при первом налете, еще один - позже.

Весь день 22 июня воздушные бои 11-й дивизии проходили над Неманом, на большом участке от Гродно до Лиды. Советские истребители группами по 8-10 самолетов непрерывно отражали налеты авиации противника. Иногда в небе сходились до 70-100 машин. За первый день в 127-м полку было сбито 20 вражеских самолетов. Житель Скиделя С. А. Мозолевский рассказывал: "В воскресенье, 22 июня, собирался с Дружками, еще на рассвете, пойти на рыбалку. Совсем было непонятно, почему друзья не пришли. К тому же на дворе был

129

уже день: ярко светило солнце, как обычно, в небе слышались пулеметные очереди. Мама с соседями была на улице. Я с претензиями

обратился к матери: почему не разбудила, как договорились вчера перед сном. *"Какая тебе рыбалка! Война началась! Посмотри на небо, наш самолет с немецким сражается"*. Действительно в небе далеко от Скиделя, между деревнями Пузовичи (сейчас Партизанская) и Хваты крутили карусель в воздухе самолеты. Один наш И-153 и два немецких. Сколько было радости и счастья, когда один из немецких самолетов задымил и потянул на запад. Но тут же мгновенно задымил и штопором пошел вниз и наш "ястребок". Потом жители деревни Черлена рассказывали, что наш летчик остался жив - использовал парашют".

Противник непрерывно атаковал аэродромы дивизии, которых теперь осталось всего четыре: Лида, Черлена, Скидель и Лесище. Вскоре был тяжело ранен и выбыл из строя заменивший погибшего П. И. Ганичева подполковник Л. Н. Юзеев. Тогда командование дивизией принял командир 127-го ИАП подполковник А. В. Гордиенко [109, с. 67-68].

Сам Гордиенко вспоминал:

"На рассвете, неожиданно для нас, налетела немецкая авиация, на все аэродромы почти одновременно, и начала бомбить всеми способами и с горизонтального полета и с пикирования. Все было поднято по тревоге. Мчались кто на чем мог на аэродром, за город. А аэродром горел, горели боевые машины, бензозаправщики, склады. Прибывающий летный состав бросался к уцелевшим самолетам, но большинство из них было законсервировано - сэкономили моторесурсы. Но и те, которые были готовы к взлету, не могли подняться из-за глубоких воронок на взлетной полосе. Все же нескольким машинам удалось подняться, но на какие аэродромы они ушли, не знаю. Много погибло людей. Погиб командир авиадивизии (полковник П. И. Ганичев), его заместитель по политической части и начальник штаба" [76, копия].

Из политдонесения 11-й САД о боях с 4:00 до 10:30 22 июня (передано по телеграфу):

"Из г. Лиды... 22/6. 14/50. Минск. Нач. УПП ЗапОВО дивкомиссару Лестеву

22.6.41 с 4.15 до 5.50 четыре бомбардировщика противника произвели налет на г. Лиду. Разбит поезд Белосток-Ленинград...

5.05 противник произвел налет на аэродром Новый Двур.

130

Сгорело 2 самолета. Количество выбывших самолетов не установлено. 10 самолетов И-16 перебазированы в г. Лиду.

9.50 до... 37 самолетов Ю-88 произвели налет на аэродром Черлены. Самолеты СБ полка горят. Подробности и потери неизвестны. 127 иап с 3.30 до 12.00 произвели 8 боевых вылетов в р-не Черлена-Гродно... Сбито 2 До-215. Потери - один ст. политрук. 6-20 11-00 2 АЭ 127 ИАП 15 самолетовылетов. 10-45 вели возд. бой в районе Черлены-Гродно с 27-30 самолетами До-215. Сбитых нет...

5-20 до 10-50 третья АЭ 127 ИАП 8 вылетов. До 10. 30 воздушный бой с До-215 в р-не Черлена... /потерь/ нет.

6-45 до 10-50 4-я АЭ 127 ИАП 11 самолето-вылетов. 10- 20 до 10-30 воздушный бой с группой... районе Черлены. Сбит один До-215. Потерь нет.

12-30..." (остальная часть телеграфной ленты утрачена) [76, копия].

Истребители дивизии продолжали прикрывать дерущиеся у Немана войска 3-й армии, свои аэродромы, а также собратьев из 16-го бомбардировочного. Когда Гордиенко получил сведения о том, что большая группа самолетов противника снова держит путь на Черлену, он поднял на перехват единственное, что в данный момент имелось у него под рукой: пару истребителей 122-го полка. Однако это не спасло положения. Группа вражеских самолетов первой достигла нашего аэродрома. Летчики не успели даже добежать до своих машин, как на стоянки, где стояли уцелевшие самолеты, обрушился град бомб. За короткое время гитлеровцы уничтожили оставшуюся матчасть полка (14 СБ и 12 Пе-2).

Через некоторое время над аэродромом со стороны Лиды появились истребители 122-го авиаполка. Первую машину пилотировал капитан В. М. Уханев. Он с ходу свалил один "мессер" и завязал вместе с подоспевшим на помощь капитаном Константином Орловым бой с целой группой вражеских истребителей. Вдвоем они сбили еще один Me-110. Но это была, конечно, слишком маленькая месть. На испятнанном воронками зеленым поле Черлены (там и сейчас видны какие-то столбики - следы бывшего аэродрома) догорали остовы бомбардировщиков, среди тех, что не горели, не осталось ни одного исправного.

В ночь с 22 на 23 июня командующий ВВС 3-й армии комбриг А. С. Зайцев направил в дивизию своего начальника штаба полковника Теремова с заданием: при угрозе со стороны

131

наземного противника перебазировать 122-й и 127-й полки на новые аэродромы (по его усмотрению).

24 июня Зайцев доносил в штаб фронта:

"Полки перебазированы, но неизвестно куда, т. к. полковник Теремов не возвратился и, по-видимому, не сумел донести. Полковник Теремов имел указание донести вам по телеграфу положение на фронте 3-й армии и положение военно-воздушных сил или же отправить с И-16 в Минск. В настоящее время у нас большая неясность на правом фланге 3-й армии. Вести разведку нечем. Основной маршрут полета военно-воздушных сил противника: Скидель, Лида, Гродно, Мосты и т. д. Прошу сообщить, куда перебазированы 122-й и 127-й истребительные полки, и дать нам их позывные и номера волн. Для борьбы с воздушным противником прошу усилить истребителями. Дать одну эскадрилью скоростных бомбардировщиков для ведения разведки..." (СБД № 35, с. 138).

Как вспоминал полковник П. А. Дранко, из Лиды несколько уцелевших машин 122-го ИАП перелетели на юг, в Могилев. 26 июня, передав их другому полку, летный состав и часть техников 122-го убыли в тыл за

новыми боевыми машинами. Переучившись на МиГ-3, в середине июля полк вошел в состав ВВС Центрального фронта. Со 127-м ИАП и 16-м СБАП произошло то же самое. Получив новую матчасть, они вернулись на фронт и воевали до конца войны. 16-й СБАП вошел в состав 222-й дивизии, но впоследствии из фронтового полка стал дальнебомбардировочным. В середине войны он летал на американских машинах В-25 "Митчелл" и в марте 1943 г. стал гвардейским с присвоением номера 14. После войны 14-й гвардейский Смоленский Краснознаменный БАП слиянием с 30-м гв. полком (с таким же почетным званием и орденом) дал начало 170-му гвардейскому полку 57-й "быховской" МРАД (морской ракетноносной авиадивизии) ВВС ДКБФ.

2.2.3. 9-я смешанная авиадивизия

Самая нелегкая участь была уготована частям 9-й САД, которые имели больше всего самолетов и, соответственно, понесли самые большие потери. Полевые аэродромы ее истребительных подразделений находились слишком близко к противнику. 126-й полк дислоцировался на площадке Долубово юго-западнее Бельск-Подляски, в 18 километрах от границы.

132

За 22 июня его летчиками было сбито семь самолетов противника (согласно журналу боевых действий), один Ме-109 сбил воентехник 2 ранга В. Я. Никулин, заменивший убитого зенитчика. Но потери превысили все ожидания: на земле оказалась уничтожена вся матчасть из 73 истребителей (50 МиГ-3 и 23 И-16 на 63 летчика); большинство так и не поднялось в воздух и сгорело на стоянках. Первой волне вражеской авиации противостояло дежурное звено на "ишачках". Силы были неравны, но вскоре на подмогу им взлетела девятка "мигов" во главе с зам. командира 4-й эскадрильи Г. И. Алаевым (скорее всего, на аэродроме не было других

летчиков, кроме личного состава дежурной эскадрильи - воскресенье все-таки).

Советские летчики свалили два бомбардировщика, остальных разогнали. Следующий налет был уже под прикрытием истребителей. Вспыхнул один Ме-109, второй сбил таранным ударом командир звена младший лейтенант Е. М. Панфилов [3, с. 24]. Однако вскоре погиб лейтенант Г. И. Алаев (при выполнении маневра на малой высоте он зацепил левой плоскостью стоящий в поле сарай и разбился). Было 8 часов 30 минут утра. В тот день полк потерял еще трех пилотов: зам. командира эскадрильи В. Ушакова и младших сержантов В. А. Торова и В. И. Мухина. Их похоронили в щели для укрытия от бомбежек на краю летного поля. В 1947 г. могилу вскрыли, и прах авиаторов был перенесен в Бельск-Подляски на воинское кладбище. Командир эскадрильи капитан В. И. Найденко впоследствии возглавил 126-й ИАП. 5 сентября 1942 г. он (уже в звании майора) был тяжело ранен в воздушном бою над Сталинградом. После ампутации ноги вернулся в строй, Указом от 23 апреля 1943 г. к трем орденам Красного Знамени прибавились орден Ленина и Золотая звезда Героя Советского Союза. Командир звена 148-го истребительного полка 269-й АД старший лейтенант Е. М. Панфилов 12 августа 1942 г. погиб в воздушном бою, защищая сталинградское небо.

СПРАВКА

НА ЗАМЕСТИТЕЛЯ СТАРШЕГО ИНЖЕНЕРА 126 ИАП

ПО СПЕЦСЛУЖБАМ ИНЖЕНЕРА-КАПИТАНА

НИКУЛИНА ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА

Настоящей справкой подтверждается, что в документах истории полка самым первым боевым эпизодом описывает-

133

ся - "22. 6.41 г. механик по радио в/техник 2 ранга НИКУЛИН, увидев, что 1-й номер расчета зенитного пулемета выведен из строя, стал сам у

пулемета и вел огонь до тех пор, пока не ушли фашистские самолеты. Сбитый им самолет ME-109 упал в 600 м от зенитной точки".

Верно: начальник штаба 126 И АП Майор (подпись) /Щеглов/

Печать гербовая "126 авиационный полк" [76, фотокопия с оригинала].

В полночь 22 июня радист с 293-й авиабазы 12-го РАБ А. К. Ляшенко заступил на дежурство на своей радиостанции 11-АК, смонтированной на автомобильном шасси, на полевом аэродроме 129-го истребительного авиаполка в Тарново, в 12 км от границы. Примерно в 00:30 его вызвал радиоузел штаба дивизии и дал перерыв до 6 часов утра. Старательный боец решил использовать это время для чистки аппаратуры, водитель спецмашины М. Пантелепень снаружи нес охрану "точки". Когда радист закончил работу и открыл дверь радиостанции, водитель сообщил, что из Тарново по шоссе проследовали на подводах в сторону Беловежской пуши женщины, старики и дети. Красноармейцы оживленно обсуждали это событие, когда услышали со стороны границы три артиллерийских выстрела.

А. К. Ляшенко немедленно включил радиостанцию и услышал, что его вызывает дивизия. Из штаба был передан сигнал боевой тревоги, кодированный тремя цифрами, и сообщение открытым текстом "Бомбят Белосток, война". По телефону немедленно был оповещен оперативный дежурный по полку. В эфире было слышно, как дивизионный радист безуспешно пытается вызвать 124-й полк. Ляшенко на максимальной мощности продублировал вызов, но ответа также не получил. В это время из 129-го прибежал дежурный с пистолетом в руке и намерением арестовать "паникера". Но начавшийся спустя несколько минут воздушный налет все поставил на свои места [76, письмо].

Это свидетельство совершенно не соответствует тому, что написано в литературе, но, как мне кажется, оно имеет полное право на существование. Часто историки оперируют не чистыми фактами, а архивными документами, использовать которые надо с известной до-

лей осторожности. В оперсводках и донесениях действительность часто выглядит лучше (или, наоборот, хуже), чем она была на самом деле - не следует об этом забывать. Но при реконструкции малоизвестных событий войны рассказов очевидцев (чаще рядовых или сержантов, нежели офицеров) все же оказывается недостаточно, поэтому без изучения ранее опубликованных материалов не обойтись.

21 июня в Белосток было вызвано все руководство полка; когда вечером они вернулись, последовал приказ: в связи с началом непонятно каких учений рассредоточить до наступления темноты всю имеющуюся в полку материальную часть и обеспечить ее маскировку. Все самолеты на аэродроме рассредоточили по краю летного поля и старательно замаскировали (Ильин Н. Г., Рулин В. П. Гвардейцы в воздухе. - М.: ИДОСААФ, 1973).

В 04:05, услышав канонаду на западе, вновь назначенный командир 129-го ИАП капитан Ю. М. Беркаль объявил боевую тревогу (прежний комполка майор Вихров, снятый за некое летное происшествие по вине своего подчиненного, уехал в Заблудов паковать вещи). Согласно данным ГУ ВВС, полк имел 118 самолетов: 61 МиГ-3 и 57 И-153. Согласно документам полка, "мигов" было 50. Вероятно, еще одиннадцать истребителей не были собраны и облетаны и потому не приняты; возможно, их даже не было в Тарново, а ящики с ними находились на ж.-д. станции Чижев. Поскольку зимние квартиры были далеко от полевого аэродрома, весь личный состав находился в палаточном лагере. Вскоре три эскадрильи (две - на "мигах" и одна - на "чайках") девятью звеньями взлетели на прикрытие Ломжи, Остров-Мазовецко-го и Замбрува. Одна эскадрилья на И-153 была оставлена для собственной обороны. По последним данным, в полку служило 40 летчиков, ни один из которых не успел освоить МиГ-3. Но, как я уже писал выше, не во всем можно верить официальным данным.

Когда подошло к концу топливо в баках и истребители стали возвращаться с патрулирования, на Тарново налетели двухмоторные бомбардировщики. Посыпались бомбы, начали гореть и взрываться самолеты. Подоспевшее звено старшего лейтенанта М. Доброва зажгло головную машину, остальные рассыпались и бомбили уже неприцельно. Наступила передышка, во время которой уцелевшие самолеты заправили

135

боеприпасами, топливом и сжатым воздухом, заровняли воронки на ВПП. Затем в небо вновь взлетели двенадцать "мигов" во главе с политруком эскадрильи Соколовым. Встретив шедшие "двойным гусем" в сторону аэродрома 124-го ИАП самолеты противника, они начали было их преследование, но тут же встретились с летевшими на меньшей высоте Ю-88 с истребительным прикрытием: эти шли на Тарново.

Со снижением, набирая скорость, "миги" понеслись навстречу "юнкерсам". "мессеры" немедленно вступились за своих "подопечных" - начался бой. Сразу же сказалась слабая обученность и неопытность советских пилотов, их атаки успехов не приносили. Немцы же вскоре выяснили, что лидером "желторотых" является опытный летчик, и яростно атаковали машину Соколова. Но старший политрук оказался на высоте. Выбрав удобный момент, резким маневром после боевого разворота он зашел в хвост Me-109 и длинной очередью прошел его. "Худой" самолет со свастикой на киле вспыхнул, перевернулся через крыло и отвесно пошел к земле, чуть не столкнувшись со своим бомбардировщиком.

Потеря истребителя отрезвила немцев. Их "юнкерсы" поспешно стали сбрасывать бомбы; те рвались на окраине аэродрома, не принося особого вреда. В следующем вылете младший лейтенант В. Цебенко сбил над Ломжей еще один Me-109. В семь часов при отражении очередного воздушного налета на аэродром младшие лейтенанты В. Николаев и А. Кузнецов сбили по одному Хе-111, которые упали в пяти километрах за-

паднее Тарново. Были и потери. На глазах у всех "чайка" Ивана Гирмана рухнула на краю летного поля.

В девятом часу утра снова налетели Ю-88, почему-то без прикрытия. Смешанная группа "чаек" и "мигов" встретила их на подходе к аэродрому. Бомбардировка была сорвана, а от сосредоточенного огня на землю рухнули еще два бомбардировщика. Но налеты продолжались один за другим, через равные промежутки времени. Техники и мотористы сбились с ног, ремонтируя покалеченную матчасть. С 04:30 до 10:00 полк потерял уничтоженными на земле 27 МиГ-3, 11 И-153 и 8 вспомогательных машин. Наконец наступил предел. Налетом поле начали рваться артиллерийские снаряды - это означало, что наземные части противника подошли к аэродрому на дистанцию выстрела. Связи со штадивом не было, запас баллонов со

136

сжатым воздухом для запуска двигателей таял, а компрессор был разбит.

Капитан Беркаль принял единственно верное решение: перебазироваться на другой аэродром. "МиГи" он повел сам, И-153 - его зам. по политчасти. Возвращаться в Заблудов смысла не было, базовый аэродром также был атакован и выведен из строя; взлетевшие на перехват майор Т. Г. Вихров и младший лейтенант Ефремов лишь на время отсрочили разгром. Истребители взяли курс на Добрыневку (это был аэродром эскадрильи 1-го стрелкового корпуса, совсем недалеко от Заблудова). Начальник штаба вместе с инженером полка остались в Тарново, чтобы организовать перебазирование техсостава и "безлошадных" пилотов, а также уничтожить неисправные самолеты, запасы топлива и боеприпасов. С новой площадки полк вылетал накрытие города и ж.-д. узла Белосток. Вечером из штаба дивизии прибыл связной. Он передал командиру полка приказ: все самолеты до наступления темноты перебросить на аэродром Кватеры, еще дальше на восток. В воздух могло подняться 28 самолетов, еще пять требовали ремонта.

Ю. М. Беркаль выделил для этого группу специалистов во главе с воентехником 2 ранга С. Ивлевым. В вечерних сумерках остатки 129-го ИАП взлетели с площадки Добрыневка, чтобы никогда уже на нее не вернуться. Первым взлетел заместитель командира полка майор Кабанов, последним - капитан Беркаль. Садись в Кватерах в темноте, но посадочная полоса хорошо освещалась: после очередного налета горели самолеты и аэродромное хозяйство.

Справка

Авторы книги "Под гвардейским знаменем" написали, что в Кватерах стоял бомбардировочный полк, но, согласно архивным данным, это был аэродром 106-й ОКАЭ 6-го мехкорпуса. Бывший авиатехник этой эскадрильи Б. Н. Власов писал, что войну эскадрилья встретила в Кватерах.

Ранним утром 23 июня в Добрыневке заканчивался ремонт всех пяти "мигов". За ночь техники сменили радиатор, два винта, три колеса, несколько трубопроводов, заделали десятки пробоин. Рядом с аэродромом шла нешуточная перестрелка. В темноте мелькали вспышки выстрелов, с визгом пролетали и иногда рвались на летном поле минометные мины. Вероятно, какая-то часть (армейская или войск НКВД) воевала с десантниками. В два часа ночи техники доложили: "Все машины исправны". В предутренней мгле летчики во главе с

137

лейтенантом А. Сноповым (из 1-й эскадрильи) прямо со стоянок поднялись в воздух и скрылись за верхушками деревьев. Вооруженные винтовками и пистолетами техники, мотористы и оставшиеся без машин пилоты присоединились к пехоте, повоевали вместе с ней и спустя какое-то время вернулись в свою часть.

Утром 23 июня в Кватурах начался напряженный боевой день. Аэродром был на реконструкции: вдоль намеченной ВПП тянулись выкопанные глубокие канавы и груды завезенного камня и щебня. На площадку слетались самолеты из разных полков, единого командования не было. Вечером Кватеры были внезапно атакованы с двух сторон многоцелевыми Ме-110. После 15-минутной "обработки" в 129-м полку осталось пять исправных "мигов". С поврежденных самолетов сняли баллоны со сжатым воздухом, слили топливо. Пятёрка взмыла в небо и легла на курс. Снова на восток...

13-й скоростной бомбардировочный полк (командир - капитан Ф. М. Гаврильченко) подвергся двум воздушным атакам, после чего из имевшихся 59 машин осталось менее половины. В полку имелось соответственно 29 СБ, 22 Ар-2 и 8 новейших Пе-2,45 экипажей; для Пе-2 экипажей не было. После первого налета (в 03:47 - еще до начала артподготовки), во время которого сгорели один СБ и один связной У-2, полк был поднят по тревоге и приведен в боевую готовность. Загрузившись под завязку бомбами, экипажи были готовы вылететь для выполнения любого задания. Но задачу никто не поставил, ибо связь со штабом дивизии была прервана: телефония порезана, радиоэфир забит помехами. Тогда начальник штаба капитан В. П. Богомолов посоветовал командиру организовать воздушную разведку.

Вскоре два СБ и один Ар-2 (лейтенанта К. С. Усенко) вылетели из Борисовщины в западном направлении. Обо всем увиденном приказано было доложить в штадиве, произведя посадку в Белостоке. Назад вернулся только один самолет. На подлете все впереди по курсу было в огне и дыму. А когда Ар-2 начал заходить на посадку, глазам экипажа предстала тягостная картина. "Все поле было перепаханно воронками от бомб. Горел навес над столовой, скамейки. Не стало палаток. Кое-где дымились обуглившиеся деревья. Но самым страшным было - дымящиеся самолеты... на земле догорало не менее трех десятков бомбардировщиков из их

полка" [118, с. 29]. И все же 13-й СБАП принял участие в боях, пусть и в сильно ослабленном составе, после чего убыл в тыл на переформирование.

Вспоминает бывший летчик 212-го ОДБАП РГК Н. Г. Богданов:

"В один из последних дней июня одна группа самолетов полка нанесла мощный бомбовый удар по танковым частям германских войск в районе Гродно. Одновременно вторая группа, в которую входил и мой экипаж, бомбила аэродром в Гродно, захваченный немцами вместе с нашей техникой. Тяжело было бомбить стоящие вокруг летного поля свои самолеты, особенно СБ (скоростные двухмоторные бомбардировщики конструкции А. А. Архангельского..." [9, с. 27-28].

13-й и 16-й СБАП принадлежали разным дивизиям, их аэродромы Борисовщина и Черлена находились сравнительно близко от Гродно, но все же никак не на его окраине. Может быть, немцы перегнали захваченные неповрежденными машины в Чеховщизну? Сомнительно. Получается, что майор Богданов ошибся и его экипаж бомбил не Гродно. Как рассказал мне один старый поляк, житель Борисовщины С. И. Урбанович, после ухода на восток личного состава полка на аэродроме осталось немало неисправных или поврежденных, но не сгоревших двухмоторных бомбардировщиков, с которых они сливали горючее. Потом немцы стали разделять советские самолеты для последующей утилизации, а селяне на своих повозках отвозили дюралевый "цветмет" на станцию Россь [76, запись устного рассказа].

9-я дивизия имела в своем составе пять полков, больше, чем любая другая. Но о двух из них информация почти отсутствует. 124-й ИАП имел 99 самолетов (70 МиГ-3 и 29 И-16) на 40 летчиков и располагался на аэродромах Высок-Мазовецке и Ломжа. В первые минуты войны младший лейтенант Д. В. Кокарев на своем "миге" таранил над Замбрувом Me-110 из состава эскадры II/SKG 210 (зав. № 3767), а потом благополучно посадил поврежденный истребитель на фюзеляж [39, с. 181]. Учитель местной школы Чеслав Марчинковский утверждал, что "миг" сел возле деревни Табенза. Посовещавшись между собой, мальчишки из Табензы подарили журналистам

кусок дюралевой обшивки крыла с остатками раскраски, типичной для советских ВВС ("Известия", 2 февраля 1985 г.).

Автор книги "Брестская крепость" С. С. Смирнов в сборнике

139

"Рассказы о неизвестных героях" написал, что еще один Ме-110) сбил зам. командира полка капитан Круглов. Это все. Больше неизвестно ничего, даже то, кто был командиром этого полка, под вопросом.

А впрочем... Как вспоминал бывший командир взвода 284-го стрелкового полка 86-й дивизии М. Д. Пискунов, к вечеру 23 июня он со своей командой, будучи в головном дозоре, подошел к Высоке-Мазовецке и у дороги увидел разгромленный аэродром.

Он писал:

"Я лично насчитал 43 боевых самолета, из них три штуки У-2. Там я нашел летчика (тяжело раненного) и двух летчиков под деревом (убитых). На мой вопрос "Почему летчики не улетели?" раненый ответил: "Начальник гарнизона не разрешил подниматься в воздух и весь летный состав при бомбардировке немецкой авиации увел в лес. Потом ушли на восток пешком, причем поспешно". И еще добавил: "Не было свыше приказа" [76, письмо].

С этим свидетельством очень хорошо согласуется рассказ радиста 293-й авиабазы А. К. Ляшенко, и выглядит все вполне логично. Узел связи штадива 9-й САД сам дал перерыв до 6 часов утра. Когда после налета на Белосток в эфир ушел сигнал тревоги, он был принят в Тарново и, пусть и с оглядкой, принят к исполнению. Радиостанция в 124-м полку на сигнал не ответила, и даже его дублирование из 129-го полка никакого результата не дало. Следовательно, 124-й ИАП приказа на боевые действия не получил, его командир майор Полунин ответственности на себя не взял, предпочтя пассивный вывод личного состава из-под обстрела.

41-м истребительным полком командовал майор В. С. Ершов. Этот полк базировался на окраине Белостока, имел 78 самолетов (56 "мигов" и 22 И-15 и И-16) на 63 летчика, и есть веские основания утверждать, что часть

его техники была уничтожена или выведена из строя немецкими десантниками.

По словам бывшего авиатехника капитана в отставке А. П. Куина, в мае полк на "мигах" перелетел на полевой аэродром Себурчин, А. П. Бобков вспоминал, что 21 июня было спешно закончено строительство дополнительного полевого аэродрома Белосточек. Но на основном аэродроме продолжали оставаться самолеты: устаревшие, подлежащие консервации или передаче в другие части, новые, еще не имевшие "владельцев", и, возможно, еще не собранные. Прибалтийским "соседом" 9-й дивизии была 8-я САД.

Б. В. Веселовский, служивший в 31-м

140

ПАП в Каунасе, вспоминал:

"Решив, что начались учения, я громко прокричал: "Вставайте, сачки! Мы дрыхнем, а седьмая дивизия нас уже долбит!" Наша литовская дивизия была восьмой. В Латвии базировалась седьмая. На учениях мы должны были действовать как "противники". Едва ребята на мой возглас подняли головы, как начался вновь грохот разрывов, и мы увидели, что на другой стороне аэродрома, в расположении 15-го полка, в щепы разлетелись ящики с "мигами", в ангарах вспыхнули пожары (Скрытая биография. М. ; ВИ, 1996). Очень типичная картина. Что Белосток, что Ковно, что еще где-нибудь.

П. Цупко в своем очерке о 13-м СБАП писал:

"Белостокский аэродром был разгромлен фашистской авиацией: разрушен авиагородок, на стоянках взорваны самолеты, которые не успели взлететь..." [118, с. 28]. Два бомбардировщика полка должны были совершить посадку на Белостокском аэродроме и доложить в штабе дивизии о результатах разведки. СБ лейтенанта Осипова сел первым, Ар-2 К. С. Усенко - вторым. "Осипов наконец поравнялся с ангаром, остановился. В ту же минуту от ангара отделились и побежали развернутой цепью к самолету... солдаты в серо-зеленой форме. По другую сторону ангара Константин вдруг

разглядел шесть трехмоторных транспортных самолетов Ю-52, еще дальше до десятка Ме-110...

- *Фашисты заняли аэродром!* - закричал он и двинул секторы газа. Моторы взревели на максимальных оборотах. Летчик повернул кран уборки шасси. - *Ребята! Саша! Огонь! Огонь по фашистам!* - приказал Усенко, направляя нос Ар-2 на цепь гитлеровцев, лихорадочно ловя их в сетку прицела. Корпус машины задрожал от стрельбы носовых пулеметов. Цепь гитлеровцев сломалась, солдаты забегали, часть из них, сметаемая ливнем пуль, осталась неподвижной, другая прыгала в укрытия" [там же]. Уничтожить или хотя бы рассеять немногочисленных десантников, когда под рукой есть войска, особого труда не составляет, вероятно, так вскоре и было сделано. Но чтобы привести самолет в негодность, надо еще меньше времени. Нет нужды даже взрывать или поджигать его. Несколько автоматных очередей по мотору, кабине и колесам - и грозная машина минимум сутки не взлетит, даже если ее усиленно чинить. А на войне даже один час имеет огромное значение.

141

Что происходило на полевом аэродроме 41-го полка, неизвестно. Имеется лишь подтвержденный штабом дивизии факт, касающийся его командира. В 20 часов майор В. С. Ершов сбил Ме-110 в районе Волковыска [76, совместная справка УК ВВС и ЦАМО, оригинал]. Есть данные, что на аэродроме в Барановичах, где базировалась недоформированная 60-я истребительная дивизия, к середине дня 22 июня оказалось немало самолетов из дивизий армейской авиации, куда они прилетели с разбомбленных аэродромов, и севших "на вынужденную" машин бомбардировочных дивизий фронтового подчинения. Там были бомбардировщики Пе-2 и Су-2, истребители МиГ-1, МиГ-3 и Як-1 [57, с. 113].

Командир 41-ю вполне мог оказаться в Барановичах. Если нет, возможно, он с остатками полка перелетел на аэродром в самом Волковыске или вблизи него, в Россь или Борисовщизну. Имеется упоминание, что к

вечеру 23 июня в полку еще оставалось девять МиГ-3. Позже 41-й ИАП, получив новую матчасть, вошел в состав 43-й дивизии генерала Г. Н. Захарова.

Управление 9-й САД находилось в самом Белостоке, на центральной улице, в красивом особняке с башенкой. В первые минуты войны оно лишилось всей проводной связи, а диапазоны работы дивизионных коротковолновых станций (в штабе использовались рации 5-АК) оказались наглухо забиты помехами. В здании от близких взрывов вылетели все стекла, генерал С. А. Черных, как вспоминал бывший штабной радист Г. П. Крайник, выскочил на крыльцо и кричал кому-то: "Дай мне самолет" [76, письмо личной переписки].

Вероятно, он хотел облететь свои части и лично отдать необходимые распоряжения, но лететь ему, как позже выяснилось, было не на чем - авиагарнизон, где стоял истребитель комдива, представлял собой гигантский костер: горело хозяйство 106-й и 121-й авиабаз, казармы личного состава - люди прыгали из окон в нижнем белье. Текли ручьи пылающего бензина из расстрелянных складов топлива, рвались от высокой температуры патроны к авиационным пулеметам и пушкам. От самолетов остались только обугленные, деформированные от жара остовы. Комдив перешел на ЗКП. Через шум и вой радиопомех удалось установить связь с авиаполками. Постепенно из полученных докладов начала складываться невеселая картина: генерал все более и более мрачнел.

Как вспоминал штаб-

142

ной телефонист В. И. Олимпиев, в ночь на 22 июня ими была проложена новая линия связи от ЗКП до штаба дивизии, но в ее нарушении "помогли" свои же:

"Вторую половину этого трагического дня я просидел в кювете шоссе на окраине города у телефонного аппарата промежуточно-контрольной точки. Мимо на запад прошла крупная бронетанковая часть, порвавшая кабель в

нескольких местах. С большим трудом удалось восстановить связь со штабом дивизии..." (сайт "Я помню" - <http://www.iremember.ru>).

Истребители, расположенные на аэродроме на окраине Белостока, в воздух так и не поднялись.

Олимпиаев рассказывал:

"Все было тихо. Бросились в глаза замаскированные в капонирах вдоль летного поля 37-миллиметровые орудия, вооруженные карабинами расчеты которых были в касках. Такие зенитные полуавтоматы были тогда новинкой и только начали поступать в подразделения противовоздушной обороны. Наша машина отъехала от аэродрома не более километра, когда послышались взрывы и пушечно-пулеметные очереди. Обернувшись, мы увидели пикирующие на аэродром самолеты, светящиеся трассы снарядов и пуль, разрывы бомб. Однако страшная действительность дошла до нас лишь тогда, когда на выходящем над нами из пике бомбардировщике ясно обозначились черные кресты". Еще связист запомнил один грустный факт - за несколько минут до первого налета на аэродроме стояла полнейшая тишина, не звучали голоса людей, которых не было, молчали моторы истребителей, которые никто не прогревал.

Но по крайней мере один И-16 с белостокского аэродрома все же взлетел. Г. П. Крайник видел, как летчик в яростном бою один против двух сбил Me-109 прямо над Белостоком. Потом немцы скопом накинулись на него и подожгли, пилот выпрыгнул с парашютом и был расстрелян в воздухе. Казалось, этот герой так и останется неизвестным. Но вдруг, как это часто случается, разгадка была найдена, и совсем не там, где можно было ожидать.

Помог вездесущий военный корреспондент, автор знаменитого романа "Жизнь и судьба" Василий Гроссман. На аэродроме Зябровка под Гомелем он собирал материал в том самом 126-м истребительном полку, который встретил войну в Долубово и за день 22 июня лишился всех самолетов. В записной книжке Гроссмана сохранились

очень хорошие заметки о комполка подполковнике Немцевиче, батальонном комиссаре Голубе. Есть запись о штурмовике, в сотах радиатора у которого после возвращения из боя была обнаружена вlepенная человеческая плоть. И есть рассказ летчика, которого Г. П. Крайник посчитал погибшим, но который был жив, почти здоров и даже представлен за первые бои с немцами к званию Героя Советского Союза. Это был адъютант эскадрильи лейтенант Владимир Григорьевич Каменщиков. Родился в 1915 г. в Царицыне, на 22 июня служил в 41 -м истребительном полку, в 126-й ИАП к Немцевичу попал уже под Гомелем.

Каменщиков рассказал военкору:

"21 июня приехал с аэродрома домой. Жена, сын Руфик, отец за день до этого приехал из Сталинграда ко мне в отпуск. Вечером пошли всем семейством в театр. Пришли домой, поужинали, легли спать. Жена ночью меня будит: "Авиация над городом летает". Я говорю ей: "Маневры". Однако вышел на крыльцо посмотреть... Нет, не маневры. Светло от пожаров, взрывы и дым над железной дорогой. Одежда и пошел на аэродром. Только пришел, а меня сразу посадили на самолет, и я над Белостоком сразу же встретил двух "мистеров". Одного я сбил, второй ушел, а у меня патронов нет. Навстречу новое звено... Взорвали они мне два бака, а под сиденьем третий бак. Меня как из ведра огнем облило, расстегнул ремни и выбросился на парашюте. Костюм горит, в сапоги налился бензин и тоже горит, а мне кажется, что я не опускаюсь, а вишу на одном месте. А тут "мистеры" заходят, очередями пулеметными по мне. Тут мне немец помог. Я висел как раз над водой, а "мессер" перешиб очередью стропу моему парашюту. Я прямо в воду свалился и потух сразу..." [50, с. 251-252].

В. Г. Каменщиков звание Героя за летние бои получил, но жить ему оставалось неполных два года. 22 мая 1943 г. и. о. командира 38-го гвардейского ИАП гвардии майор В. Г. Каменщиков погиб в воздушном бою в районе г. Белая Калитва. Похоронен на площади Павших борцов в Волгограде, именем его названы улицы в Гомеле и Волгограде.

А тогда, в 41-м, его родная 9-я смешанная авиадивизия потеряла к исходу дня 22 июня 352 самолета из 429 и утратила боеспособность - защищать 10-ю армию с воздуха стало некому. Поздним вечером длинная колонна автомашин с личным составом (работниками штаба, авиатехниками, тыловиками и "безлошадными" пилотами) покинула Бе-

144

лосток и направилась в сторону Волковыска. Уцелевшие машины всех полков перелетели под Волковыск, где, по слухам, были разбиты на следующее утро, не успев подняться в небо.

23 июня из штаба 9-й САД в Минск пришла радиограмма - С. А. Черных открытым текстом передавал: *"Все самолеты разбиты. Прошу указаний"*. На узле связи штаба ВВС округа заподозрили, что на нашей частоте "работает" немецкий радист. Однако на посланный в эфир пароль последовал правильный отзыв, признали и "почерк" дивизионного радиста [71, с. 33-34].

Затем С. А. Черных организовал эвакуацию своих подчиненных на восток и тем спас их от гибели или плена. Но это не спасло молодого генерала от последующих обвинений в самоустранении от выполнения своих служебных обязанностей, в паникерстве и трусости.

Когда-то давно в ВИЖе была опубликована статья о воздушных таранах. В ней в числе прочего было написано, что один из таранов в районе базирования 9-й САД совершил неизвестный пилот У-2 якобы в районе предместья Белостока Выгоды. Но есть еще одна Выгода, почти у самой границы, под Ломжей. Есть также два свидетельства о таранах, которые были совершены в тех местах.

Вспоминает Ю. И. Недопекин:

"Накануне войны, примерно за 2-3 месяца, отца назначили на должность начальника артиллерии 208-й дивизии, штаб которой находился в местечке Гайновка. Пока решался вопрос жилья, мы (семья) оставались в Замбруве. Рано утром 22 июня меня разбудила сестра: "Вставай! Началась

война! Немцы напали!" Взглянув в окно, я увидел горящие самолеты... Было совершенно безоблачное утро. Первым желанием было побежать к горящим самолетам. Но из военного городка нельзя было отлучаться, т. к. ожидалась эвакуация. Воинские части уже были выдвинуты к границе, до которой было всего 25 км. Во дворе военного городка было много народа: все были возбуждены. Очевидцы рассказывали подробности о воздушном бое, который был первым наглядным доказательством начавшейся войны. Рассказывали, что рано утром над аэродромом появился немецкий самолет (некоторые думали, что это был разведчик). Наш Пе-2 встретил его в воздухе. Стрелять нашему летчику, по-видимому, было нечем, и он пошел на таран. Наш пилот погиб, а немец выбросился с парашютом, был взят в плен и отправлен в штаб армии".

Здесь я

145

вижу очень большую неясность. Первоначально я думал, что речь идет просто об ошибке мальчика, перепутавшего наименование Пе-2 с По-2 (У-2 был переименован в По-2 уже в ходе войны, после смерти Н. Н. Поликарпова). Хотя вероятность совершения сознательного тарана пилотом "кукурузника" почти невозможна - разве что при неудачном маневре и в результате этого сближении с ним атакующего самолета, - но чего не бывает.

Однако после того, как С. Ф. Долгушин из 122-го ИАП 11-й САД рассказал, что перед войной на их полевой аэродром из бомбардировочного полка для ознакомления (чтобы не путали с Ме-110) прилетала "пешка", возникло предположение: почему бы и не Пе-2 таранил врага, взлетев с аэродрома истребителей?

И второй случай. Около 6 часов утра 22 июня в районе Выгоды (именно той, что у Ломжи) истребитель неустановленной принадлежности И-153 вступил в бой с двумя Ме-109, свидетелем был слесарь из Москвы Ф. Ильин. Несмотря на полное неравенство сил (устаревший деревянный биплан против двух скоростных цельнометаллических монопланов), он сразу сбил

пулеметным огнем один "мессершмитт", а в ходе боя со вторым самолетом таранил его. Упавший истребитель сгорел, сгорели и документы летчика, которого похоронили рядом с обломками машины (Смирнов С. С. Были великой войны. М., 1966. С. 21-22; "Авиация и космонавтика", 1991, №6). Впрочем, тот же Смирнов в другой книге ("Рассказы о неизвестных героях") писал о таране на У-2 и именно со слов Ф. Ильина.

2.2.4. 10-я смешанная авиадивизия

Четыре полка 10-й смешанной авиадивизии (командир - полковник Н. Г. Белов) дислоцировались в полосе 4-й армии на территории Брестской области; управление располагалось в Кобрине, кобринский аэродром находился на реконструкции. На ближайшем к границе аэродроме у села Высокое находились самолеты 74-го штурмового полка (командир - майор Васильев) и его обеспечение - подразделения 45-й авиабазы. Машин в полку было много - полный комплект устаревших бипланов (62 И-15бис и И-153) и 8 новых Ил-2. Лет-

146

чиков было 70, но на "илах" никто еще не летал.

На рассвете аэродром был обстрелян из-за Буга немецкой артиллерией, потом налетела авиация. В 04:15 утра полк, как боевая единица, прекратил существование. Сгорели на земле и все машины эскадрильи 28-го стрелкового корпуса, базировавшиеся на этой же площадке. Личный состав забрал документы, боевое Знамя и под командой начштаба майора Мищенко покинул разгромленный аэродром. Впоследствии 74-й ШАП возродился и даже стал 70-м гвардейским.

33-й истребительный полк (командир - майор Н. И. Акулин) встретил войну в Пружанах. В его составе было 44 И-16 на 70 летчиков. Как вспоминал Герой Советского Союза И. П. Лавейкин (отец летчика-

космонавта СССР А. И. Лавейкина), в 2 часа ночи 22 июня над Пружанами также полетел разведчик Me-110, а его штурман также обстрелял самолеты на стоянках. На перехват поднялось дежурное звено. Затем их сменило звено командира эскадрильи старшего лейтенанта И. М. Ньюнина. Вскоре они встретили группу из 18 бомбардировщиков "Хейнкель-111" и смело атаковали их. Лейтенант С. М. Гудимов сбил один самолет и тут же выбрал себе следующую цель. Он подошел к вражеской машине на короткую дистанцию, но ее экипаж встретил его ожесточенным огнем. Пулеметные очереди дырявили плоскости, попали в двигатель, истребитель загорелся. Тогда отважный советский пилот пошел на таран. Сбив Хе-111, сам он тоже погиб. И. М. Ньюнин и младший лейтенант А. Ф. Тимошенко сбили еще по одному самолету.

Аэродром полка в Пружанах был атакован двадцатью Хе-111 с истребительным прикрытием уже в 4 часа 15 минут. Навстречу им взлетела дежурная эскадрилья, над Пружанами и Кобрином завязалась кутерьма ожесточенного воздушного боя. Храбро сражались капитаны Панков, Копытин и Федотов, летчик И. П. Лавейкин. В течение дня последовало еще три налета на аэродром. Один раз противнику удалось застать большую часть полка на земле в момент, когда самолеты заправлялись топливом. К 10 часам утра 22-го в Пружанах не осталось ни одной машины, способной подняться в воздух.

Есть замечательный и горький фильм "Помни имя свое" - о маленьком русском мальчике, сыне советского офицера, родившемся за несколько дней до начала войны; мальчике, ко-

147

торого нацисты отняли в концлагере у матери и которого усыновила и воспитала польская женщина. В нем есть одна сцена. Эшелон с освобожденными узниками останавливается на какой-то станции. Изможденная и коротко остриженная героиня (ее играет Людмила Касаткина) в кофтенке поверх полосатой лагерной робы вдруг видит в толпе

военных у соседнего эшелона знакомое лицо. И кричит, обращаясь к нему: *"Товарищ лейтенант!"* Бравый, весь в орденах, майор-летчик недоуменно пожимает плечами, но она подтверждает: *"Я к вам, к вам обращаюсь. Вы не помните меня? Пружаны, 33-й полк. Я жена (называет фамилию), что с ним?"* Эшелон трогается, майор прыгает на подножку и кричит, перекрикивая стук колес: *"Он погиб, погиб в первый день"*. Слезы от безысходности, от рухнувшей последней надежды, истерика, нервный срыв. Конец сцены.

123-й ИАП располагался несколько дальше от границы: на полевой площадке между селами Именин и Стригово за северо-восточной окраиной Кобрина. Эскадрилья капитана Савченко дежурила на запасном аэродроме под Брестом, а звено капитана Можаяев находилось в засаде на площадке в 4-5 км севернее Бреста. Как рассказывали местные жители, в полку было предательство: самолеты Як-1 вместо бензина заправили... водой. Я очень долго спорил с одним из них, пытаюсь доказать невозможность такого факта. Он с мрачной решимостью стоял на своем: чем, как не изменой, объяснить, что новейшие "яки" не взлетели навстречу врагу? Видимо, так трансформировалась в глазах белорусского мальчика жуткая картина бомбардировок аэродрома: разрывы бомб, столбы густого черного дыма, трассы пушечных залпов и летящие во все стороны куски перкаля и самолетных конструкций.

Однако история первого боевого дня 123-го ИАП написана не такими мрачными красками. Когда Люфтваффе совершило первый налет на Именин, большая часть самолетов полка уже вылетела на задание. В течение дня его летчики, несмотря на постоянные бомбардировки, произвели множество самолетовылетов (некоторые - по 8-10). Всего они сбили 30 вражеских машин, но и сами понесли серьезные потери. Командир полка майор Б. Н. Сурин сбил три самолета, старший политрук Сиротин - пять, лейтенант Сахно - три, зам. командира полка капитан Н. П. Можаяев и лейтенант Г. Н. Жидов - по два. Ут-

верждается, что комэск капитан М. Ф. Савченко одержал девять побед, но документальных подтверждений тому не обнаружено. Один из воздушных боев стал для командира полка последним. Когда его плохо управляемый истребитель вернулся на аэродром, на выравнивании заглох двигатель и при касании земли под углом раскрытый парашют вырвал майора из кабины. Видимо, смертельно раненный, он пытался покинуть самолет, но не хватило сил. Тогда, собрав в кулак всю волю, он пилотировал машину до аэродрома и умер при посадке. Завернув тело героя в парашют, боевые друзья похоронили его на краю летного поля.

В глубине полесского поозерья, в Пинске, был еще один аэродром 10-й САД, и на нем базировался 39-й СБАП (командир - майор Захарычев). Это была внушительная сила: 43 СБ и 9 Пе-2. Летать на "пешках" никто научиться не успел. Экипажей было 49, из них слетанных и способных эффективно выполнять боевые задачи - 39. При первой воздушной атаке на аэродром полк понес потери, но боеспособности не утратил.

Семьи авиаторов жили в городе, в здании францисканского монастыря, до аэродрома приходилось добираться на велосипедах или автотранспортом. Связист полка старший лейтенант Е. М. Поляков утром пошел на рынок, но первая же продавщица укоризненно сказала ему: *"Летник! Аэродром ваш горит! Война!"* Поляков бросился домой, сел на велосипед и поехал на аэродром. На аэродроме выяснилось, что вражеская авиация совершила массированный налет, но удар пришелся в основном по полученным месяц назад "пешкам". Заводская бригада уже давно собрала их и убыла назад, но они продолжали стоять бесполезным балластом, так как не были заправлены ни моторным маслом, ни бензином.

При атаке пинского аэродрома немецкие летчики, увидев налетном поле старые СБ и новые Пе-2, естественно, "отработали" по новым. От пустых "пешек" полетели клочья, но они не загорелись. Техники быстро сообразили, что к чему, и стали наскоро ремонтировать их, дабы эти

"макеты" и далее служили мишенями для Люфтваффе, а СБ поднялись в воздух и ушли в свой первый боевой вылет (по материалам сайта "Авиаторы Второй мировой", <http://www.allaces.ru>).

По получении по радиосвязи приказа на перебазирование все находившиеся в воздухе машины были завернуты на Го-

149

мель, "безлошадные" и техсостав отправились под командой начальника штаба полковника Альтовича; организовать эвакуацию семей поручили начальнику связи Е. М. Полякову. Немцами было заявлено, что в этот день только лейтенант Эрнст-Вильгельм Ириг из эскадры KG3 уничтожил в Пинске около 60 самолетов Красной Армии, что можно трактовать только как то, что бароны мюнхаузену - категория вечная.

С началом боевых действий полк девятками вылетал на бомбардировки танковых частей группы Г. Гудериана и переправ через Западный Буг, причем весьма успешно. Как указывается в некоторых вторичных источниках "постсоветского" периода, из первого вылета не вернулась ни одна машина - все до одной были сбиты, но и архивные документы, и воспоминания бывшего командира дивизии ничего подобного не подтверждают.

В 7 часов утра, после получения данных из 123-го полка о наводке противником переправ через Западный Буг к югу от Бреста, две девятки СБ (одну из них повел капитан Щербаков) вылетели из Пинска на запад. Комдив хотел послать в прикрытие истребители 33-го полка, но связь с ним прервалась. Тем не менее бомбардировка целей была успешной, домой вернулись все экипажи.

Как показали впоследствии пленные немецкие летчики, сбитые под Пинском, они приняли советские самолеты за свои, возвращающиеся после ударов по советским тыловым объектам. В ЦАМО хранятся записи немецкого унтер-офицера, служившего во 2-й танковой группе Г. Гудериана: "... около 20 неприятельских бомбардировщиков атакуют нас. Бомба за бомбой падают на нас, мы прячемся за танки. Мы продвинулись на несколько сот

метров от дороги. Бомбардировщики противника опять настигли нас. Взрывы раздаются со всех сторон" 1109, с. 601. 23 июня полк принял участие в контрударе частей 4-й армии, окончившемся, как известно, неудачей. И лишь 25 июня, когда была утрачена вся матчасть, он убыл в тыл на переформирование.

По соседству с 39-м полком, в Жабчицах, базировалась 46-я отдельная эскадрилья Пинской военной флотилии (командир - майор М. Кравченко). Потеряв на земле все свои Р-10, она была выведена из состава флотилии и переподчинена командованию ВВС Черноморского флота. Переучившись на Ил-2, уже в августе 1941 г. она убыла на фронт.

150

На второй день войны от трех полков 10-й дивизии из четырех осталось одно воспоминание. Управление перешло в Пинск, а затем - еще дальше в тыл. Вызванный на КП 4-й армии заместитель командира полковник Бондаренко доложил, что пинский аэродром после четырех воздушных налетов разрушен, взлетно-посадочная полоса выведена из строя. Склад авиабомб взорван, поэтому уцелевшие машины 39-го полка не с чем посылать в бой. Так 10-я САД фактически вышла из состава 4-й армии. Все оставшиеся истребители были собраны на аэродроме бомбардировочного полка и участия в боях по армейским заявкам больше не принимали. Штаб ВВС фронта получил от них отчаянную записку: "Штаб 10 сад эвакуировался, не знаю куда. Сижу в Пинске, возглавляю группу истребителей сборных. Вчера, 22. 6.41 г., провели семь воздушных боев, сбили 7 бомбардировщиков, 3 Ме-109 и 1 разведчик. Сам я участвовал в бою под Пинском, сбил 2, сам невредим. Сегодня группа сделала 2 боевых вылета, жду указаний, как быть дальше. За ком[андира] 123 иап к-н Савченко" [109, с. 73]. Под фотографией героя-комэска в сборнике "Буг в Огне" стоит надпись: погиб; бывший командир дивизии Н. Г. Белов написал еще конкретнее - погиб в Пинске [12, с. 176].

После вывода в тыл управление 10-й авиадивизии и ее части были переформированы и получили новые самолеты. 123-й ИАП убыл под Ленинград, где вошел в состав 7-го истребительного корпуса ПВО. Сама дивизия по-прежнему под командованием Белова участвовала в битве за Москву, под Москвой же погиб командир 39-го СБАП майор Захарычев.

И сам бывший командующий войсками ЗапОВО Д. Г. Павлов признавался: "Господство авиации противника в воздухе было полное, тем паче что наша истребительная авиация уже в первый день одновременным ударом противника ровно в 4 часа утра по всем аэродромам была в значительном количестве выбита, не поднявшись в воздух. Всего за этот день выбито до 600 самолетов всех систем, **в том числе и учебных** (выделено мною, - Д. Е.). Все это случилось потому, что было темно, и наша авиация не смогла подняться в воздух" (из протокола допроса, сайт "Бронетанковые силы").

Таким образом, можно подытожить: участие в приграничном сражении трех входивших в состав армий прикрытия За-

151

ладного ОВО авиационных дивизий реально ограничилось двумя днями, а именно 22 и 23 июня. Внезапно атакованные подразделениями Люфтваффе, они потеряли в воздушных боях и при атаках аэродромов практически всю матчасть, не сумев защитить не только наземные войска, но даже управления армий и самих себя. В то же время потери в летном и техническом составе оказались сравнительно невысокими, штабы тоже сохранились, что позволило в короткий срок, укомплектовав авиаполки новой техникой, снова отправить их на фронт. Сохранились и управления, но управление дивизии С. А. Черных было впоследствии расформировано (причины, правда, были не военные, а скорее идеологические, но об этом позже). В командование 11-й САД вместо погибшего П. И. Ганичева вступил знаменитый летчик, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Г. П. Кравченко.

Последний штрих. 21 июня в Белостоке командующий ВВС 10-й армии проводил совещание командно-начальствующего состава. О возможном нападении Германии не было сказано ни слова. Утром штаб 9-й авиадивизии запросил его, что делать. - *Не поддаваться на провокацию!* - последовал ответ [40, с. 177]. И через несколько минут на ее аэродромы обрушились десятки бомб. Ни одно издание не назвало фамилии этого человека. Я пробовал вычислить его по пересечению фактов.

В этом увлекательном деле была одна маленькая зацепка: командующий ВВС 10-й армии вроде бы носил звание комбрига, то есть мог быть восстановленным в армии бывшим политзаключенным, освобожденным незадолго до войны и поэтому не переаттестованным на генерала. Это объясняет его сверхосторожность в последний мирный день 21 июня - обратно за колючую проволоку никому не хочется. Весной 1941 г. из заключения было выпущено немало репрессированных командиров, авиаторов среди них можно перечесать по пальцам. Но никто из комбригов ВВС, известных мне на сегодня, к 10-й армии отношения не имеет. Пока комбриг из 10-й армии остается инкогнито. Один из "кандидатов", комбриг ВВС Б. Н. Дроздовский, в октябре 1941 г. служил в штабе ВВС Орловского ВО и пропал без вести. Впрочем, можно допустить, что произошла путаница и неизвестный комбриг на самом деле является командующим ВВС 3-й армии А. С. Зайцевым, который позже все-таки получил звание

152

генерал-майора авиации. Как удалось установить, комбриг Зайцев Александр Сергеевич, командир 3-й авиадесантной бригады ЛенВО, приказом НКО СССР № 202 от 19. 09. 1937 г. был снят с должности и отдан под суд военного трибунала за несчастные случаи, которые произошли на учениях при выброске десанта. Генеральское звание ему было присвоено 9. 11. 1941 г. Но если учесть, что после выхода из Белоруссии управление 9-й дивизии находилось в Орле, можно допустить, что и командующий ВВС 10-й армии был там же.

2.2.5. Действия ударной авиации ВВС Западного фронта. Пролог избиения. "Morituri te salutant" (Идущие на смерть приветствуют тебя)

Попытка затормозить продвижение ударных группировок вермахта налетами фронтовой бомбардировочной авиации и 3-го корпуса ДБА ГК была одной из ряда тех непростительных ошибок, что были допущены в первые дни войны командованием Западного фронта. Боевые вылеты бомбардировочных частей совершались днем, без сопровождения истребителями, удары наносились с малых высот. Немцы, без сомнения, несли от таких ударов известный урон, но советские потери в самолетах ударной авиации оказались катастрофически большими и, что самое главное, невосполнимыми.

По состоянию на 22 июня в ударных частях ВВС значилось 802 бомбардировщика (466 машин армейской и окружной авиации и 336 - дальней). Еще 30 бомбардировщиков СБ и 28 Як-2 и Як-4 имелось в 313-м и 314-м отдельных разведывательных авиаполках, некоторое количество СБ было в 162-м резервном авиаполку и в Уречской, Борисовской и Поставской авиашколах пилотов бомбардировщиков. Имелись также легкие машины-разведчики Р-5 и ее модификации, которые могли нести бомбовую нагрузку. Штурмовиков было значительно меньше, общим числом 85. Большая часть самолетов была сосредоточена в 12-й (командир - полковник В. Н. Аладинский) и 13-й (командир - Герой Советского Союза генерал-майор авиации Ф. П. Польшин) бомбардировочных дивизиях. Все самолеты (включая штурмовики) распределялись следующим образом.

153

Управление 9-й САД: данных нет; 13-й СБАП: 51 СБ и Ар-2, 8 Пе-2.

Управление 10-й САД: 1СБ; 74-й ШАП: 62 И-15биси **И-153**, 8 Ил-2; 39-й СБАП: **43** СБ, 9 Пе-2.

Управление 11-й САД: 2 СБ; 16-й СБАП: 24 СБ, 37 Пе-2.

Управление 12-й БАД: 1 СБ; 6-й СБАП: 18 СБ; 43-й ББАП: 46 Су-2; 128-й СБАП: 41 СБ; 209-й ББАП: 25 Су-2; 215-й ШАП: 15И-15бис.

Управление 13-й БАД: 1 СБ. 24-й СБАП: 41 СБ; 97-й ББАП: 51 Су-2; 121-й СБАП: 56 СБ; 125-й СБАП: 38 СБ; 130-й СБАП: 38 СБ.

3-й авиакорпус (на 1 июня).

Управление 42-й ДБАД: 3 ДБ-3ф; 96-й ДБАП: 50 ДБ-3ф; 207-ДБАП: 16 ДБ-3ф; 1-й ТБАП: 41 ТБ-3.

Управление 52-й ДБАД: 1 ДБ-3ф; 98-й ДБАП: 70 ДБ-3ф; 212-й ОДБАП: 61 ДБ-3ф; 3-й ТБАП: 52 ТБ-3. Итого 294 боевых машины. К 22 июня в корпусе значилось уже на 42 самолета больше, 336.

В ходе боевых вылетов 22 июня самые малые потери понесла 12-я дивизия - было сбито зенитным огнем два самолета. 13-я дивизия лишилась 61 машины - 15 было сбито зенитным огнем, 46 не вернулось с заданий по неизвестным причинам. В числе не вернувшихся был командир 130-го полка майор И. И. Кривошапка. Пропажа без вести стольких самолетов означает, что из вылетевших на задание групп не вернулся никто. У дальников два самолета было сбито истребителями, один - зенитным огнем, семь не вернулись с заданий; сам комкор Н. С. Скрипко в своих мемуарах писал, что из первого боевого вылета из 70 машин не вернулось 22, но на следующий день часть из них нашлась на аэродромах других частей фронтовой авиации, где они произвели вынужденные посадки. Много бомбардировщиков вернулось на свои аэродромы с тяжелыми повреждениями, для устранения которых потребовалось более суток; не исключено, что по немецким документам они проходят как сбитые. К вечеру 22 июня пилотами только одной эскадры JG. 51 было заявлено о 129 советских самолетах, уничтоженных на земле, и еще 69 (57 бомбардировщиков и 12 истребителей), сбитых в воздухе; четыре из них записал в свой актив знаменитый ас подполковник В. Мельдерс. В ЖБД JG. 51 так было записано о действиях советской бомбардиро-

вочной авиации: "Упрямство русских пилотов вошло в поговорку, они не уклонялись от огня зенитной артиллерии и не делали никаких защитных маневров, когда на них пикировали немецкие истребители. Их потери были огромными. Часто не удавалось уцелеть ни одному самолету из группы, участвовавшей в налете. Но они прилетали все снова и снова. Следует ли этим восхищаться, как презрением к смерти, или качать головой из-за бессмысленности их жертвы? Это поведение - один из наибольших секретов русской души" (Nowarra H. J. Luftwaffen Einsatz "Barbarossa" 1941. Podzum, 1989). Свои же потери Люфтваффе были заявлены смехотворно малыми. Например, по его данным, в первый день боевых действий было потеряно только три двухмоторных бомбардировщика: Ю-88 в районе около Яблоново, До-17 над Ломжей, еще один подбитый Ю-88 разбился при вынужденной посадке возле Демблина. Указывалось также, что два самолета имеют повреждения соответственно 15% и 20%. Показатели эффективности просто блеск, только вот не верится что-то. Система оценок странная. Какими процентами учитывать бомбардировщик с простреленными двигателями, который сел "на вынужденную" на советской территории, при посадке погнул винты, набрал земли в радиаторы, разбил остекление, но при этом не взорвался?

Бывший командир 13-й БАД генерал-полковник авиации Ф. П. Полынин вспоминал:

"Одновременно со мной прибежали начальник штаба полковник К. И. Тельнов и полковой комиссар А. И. Вихорев. Вопросов не задавали. Дежурный тут же вручил мне телефонограмму из штаба ВВС округа. Читаю: "Вскрыть пакет, действовать, как предписано". Снимаю трубку, связываюсь с командирами полков. Те уже готовы, ждут боевого приказа. Разговор шифром предельно краток. Цели такие-то, встреча с истребителями там-то.

Звоню в штаб ВВС округа, чтобы доложить о готовности, его начальника полковника С. А. Худякова на месте нет, командующего ВВС И. И. Копца - тоже. На наш запрос: "Готовы ли к боевой работе истребители,

как предусматривается планом?" - поступил ответ: "Их не будет. Лететь на задание без сопровождения". В то время мы еще не знали, что фашисты нанесли бомбовый удар по аэродромам, где базировались истребители, что большая часть самолетов уничтожена.

155

На всякий случай делаем еще один запрос. Нам отвечают: "Выполняйте задачу самостоятельно. Прикрытия не будет".

- *Побьют нас*, - высказал опасение Тельнов.

Я не хуже его понимал, чем грозит полет бомбардировщиков без истребителей, но не поддержал этот разговор. Это не учение, а война. Раз поставлена боевая задача, ее надо выполнять". Вскоре десятки красноразведных машин с подвешенными бомбами поднялись в воздух со своих аэродромов.

Группа СБ 24-го Краснознаменного СБАП (полевой аэродром в районе Могилева) в районе Бяло-Подляски удачно отбомбилась по танковой колонне, потеряв при этом одну машину и сбив пулеметным огнем два Ме-109. Ведущим был зам. командира полка батальонный комиссар А. Калинин. По его словам, им удалось обмануть противника. Сначала бомбардировщики углубились на сопредельную территорию, затем развернулись и вышли на танковую колонну с тыла. Немцы приняли их за своих: открывали люки и махали шлемами. Как вспоминал бывший пилот В. А. Утянский из того же полка, девятка эскадрильи капитана Лозенко имела задачу - удар по площади в районе Цехановца, бомбы бросать по ведущему. Потерь вообще не было (Утянский В. А. Воспоминания, "Сайт авиатехников" - <http://www.aviatehnik.ru>).

Группа 125-го полка, которую повел начальник дивизионных курсов командиров звеньев майор Никифоров, на подходе к цели была встречена 18 истребителями и практически полностью уничтожена. Вернулась лишь одна машина. Ф. П. Польшин писал: "Пытаюсь дозвониться в Минск, но связь не работает. Требую, чтобы соединили с Москвой, - тоже не получается. В это

время слышу над головой шум мотора. Бомбардировщик - по звуку определил я и выбежал налетное поле. Но почему один? Где остальные?

Летчик, совершив посадку, подрулил к командно-диспетчерскому пункту. Окинул я взглядом машину, и все стало ясно: правая плоскость в трех местах пробита снарядами, фюзеляж изрешечен. Рваные отверстия зияют и в остеклении кабины. Из кабины медленно вылез майор Никифоров. Вид у него был ужасный: глаза налиты кровью, лицо бледное, губы посиневшие. Он был так потрясен, что несколько минут не мог произнести ни слова.

156

- *Что произошло, рассказывайте*, - спрашиваю его, предчувствуя, что случилась большая беда.

- *Побили... Всех побили*, - тупо уставился он взглядом в землю.

Мне редко изменяло присутствие духа, но тут и меня взяла оторопь.

- *Как всех?* - переспрашиваю летчика. Подошел штурман экипажа, пригладил мокрые от пота пряди волос и добавил:

- *Не всех, конечно, но многих. Сели где попало. Кто в поле, а кто и за линией фронта*" [94, с. 88]. Подобные эпизоды в те дни были вполне обычным явлением, так что боевой потенциал ударной авиации, опрометчиво брошенной Д. Г. Павловым против немецких войск без какого бы то ни было истребительного прикрытия, достаточно быстро опустился до почти нулевой отметки.

130-й СБАП вылетел в полдень тремя девятками и имел задачу нанести удар по скоплению войск противника в районе Бяло-Подляски. Во главе первой девятки и всего полка шел майор И. И. Кривошапко, вторую возглавлял капитан А. Н. Андреев, третью - зам. командира капитан И. П. Коломийченко. При пересечении границы южнее Бреста советские самолеты были обстреляны зенитной артиллерией и атакованы истребителями. Однако бомбардировщики 130-го полка урона не понесли. Главная опасность подстерегала их у цели, на которую решено было заходить девятками. Их

встретили мощный заградительный огонь зениток и истребители. Наиболее удачно действовала эскадрилья И. П. Коломийченко. Штурман П. В. Голубев, точно рассчитав необходимые для успешного бомбометания данные, вывел всю девятку в заданную точку; бомбы накрыли военные склады. При уходе от цели были сбиты самолеты командира звена старшего лейтенанта А. М. Кловжи и его ведомого лейтенанта Л. И. Грязнова. Семь остальных бомбардировщиков вернулись на базовый аэродром. Две других девятки тоже пробились к цели, но в результате интенсивного и плотного зенитного огня их строй нарушился, что и предопределило их судьбу. Истребители атаковали одиночные самолеты, в результате были сбиты машины командира полка, командиров эскадрилий капитанов З. Я. Пайкина, С. А. Оппермана и А. Н. Андреева. Командование 130-м принял

157

капитан Коломийченко. 24 декабря 1941 г. командир 130-го СБАП майор И. П. Коломийченко погиб в воздушном бою

121-й полк, базировавшийся вроде бы на быховском аэродроме, атаковал аэродром противника у озера Сарви в Восточной Пруссии; вылет был удачен, что подчеркнул на разборе командир полка майор А. И. Кобец. В сборнике "Герои ленинградского неба" (Л., 1984. С. 44) утверждается, что в тот же день при налете вражеской авиации Кобец был смертельно ранен и умер на аэродроме. Но похоронен он был 23 июня в Слуцке, на городском кладбище, могила № 115. От Быхова до Слуцка по прямой примерно 180 км, так что весьма сомнительно, что погибшего майора везли на такое расстояние, да еще с востока на запад. Скорее всего, он погиб именно в Слуцке, возможно, из-за какой-то нелепости, о которой предпочли умолчать. Его по ошибке могли сбить свои зенитчики или истребители, на земле же он мог получить пулю от не в меру ретивого "борца" со шпионами и диверсантами (в те дни шпиономания приняла массовый параноидальный характер). Или еще банальнее - просто не раскрылся парашют (так впоследствии погиб генерал Г. П. Кравченко). Или, что еще вероятнее, - так

как в Быхове началось строительство бетонированной полосы, полк перелетел в Слуцк.

В 3-м корпусе первым стартовал 207-й ДБАП, ведущим был командир - подполковник Г. В. Титов. Отбомбились по целям в районе Меркине и Лынтулы; под Меркине была атакована на марше танковая дивизия вермахта. 96-й полк (ведущий зам. командира полка майор А. И. Слепухов) 29 машинами бомбардировал колонны войск противника на дорогах в районе Сейны, Сувалки, Августов, Квитемотис. В ночь на 23 июня экипажи ТБ-3 3-го ТБАП наносили удары по целям в районах Сейн, Сопоцкина, Лукова, Радина, Венгрова. Потери были существенными - 6 самолетов только в 42-й дивизии: капитана И. П. Калиниченко, лейтенантов М. Ф. Кузеванова и Б. В. Шашкова, младших лейтенантов А. К. Сычева, И. В. Микитенко и А. М. Титова (район Алитуса). Комэск И. П. Калиниченко передал из района Сувалок: "Горит правый, иду на вынужденную" [76, семейное предание]. У "ночников" потерь не было. В списке потерь за 22 июня значится стрелок-радист 42-й ДБАД старший сержант А. М. Жеглов. Он вернулся в часть 28 июня, но был арестован органами НКВД и расстрелян за

158

"измену Родине". Что написано пером... Это архивный документ. Это вам не пучины Интернета, где на десятках сайтов пишут с десятикратными преувеличениями про "зверства сталинских опричников", а на не меньшем числе - про то, что все это вранье, все было не так, а вот эдак (в ход идут снова десятикратные, но уже преуменьшения). Истина всегда посередине.

* * *

Воздушным налетам подверглись аэродромы не только строевых частей ВВС. Удары авиации противника были нанесены также и по учебным центрам летных училищ и школ. В Западном ОВО их было 13, но только о двух из них удалось найти несколько свидетельств. Первым встретилось

повествование, принадлежащее перу профессионального летчика, Героя Советского Союза Генриха Гофмана. Художественное, правда, но... На одном из аэродромов фронтовой авиации, еще не затронутом войной, готовился к вылету бомбардировочный полк. В суматохе дел никто не обратил внимания на одинокий СБ, приземлившийся налетном поле. Пилот, пришедший на КП, обратился к старшему по званию:

" - *Товарищ полковник! Я прилетел на ваш аэродром на боевом самолете "СБ".*

- *Откуда?*- спросил полковник...

- *Из Поставакской школы... Нас разбомбили сегодня утром.*

- *Так-так,* - сказал полковник и провел рукой по лбу. - *Много людей погибло?*- И, не дожидаясь ответа, спросил: - *Сколько самолетов у вас уничтожили?*

- *Все... Только один СБ и три Р-5 уцелели*" (повесть "Двое над океаном", журнальная публикация).

СБ прилетел с аэродрома Михалишки, где находилась матчасть авиашколы. При налете погибли многие из курсантов, так как учебные полеты должны были проходить и в воскресенье. "Михаил повернул голову к стоянке самолетов. Там все горело. Разбрызгивая клочья пламени, с грохотом рвались бензиновые баки. Трещал и плавился металл на крыльях и фюзеляжах. Учебно-тренировочный самолет СБ, в кабине которого всего несколько минут назад находился Михаил, лежал перевернутый, задрав к небу шасси. Одно колесо с горящей

159

покрышкой медленно вращалось, дымя черной копотью" (там же). В городке Постава Вилейской области БССР действительно находилась военная авиационная школа пилотов бомбардировщиков. И более того, бывший начальник школы, впоследствии командир штурмовой авиадивизии, полковник В. А. Тимофеев написал интереснейшие воспоминания о своей жизни.

Авиационная школа имела две учебные эскадрильи и "сидела" на трех аэродромах: основной - Поставы, полевые - Михалишки и, предположительно, Воропаево. Бывший курсант Ю. С. Афанасьев утверждает, что в Михалишках находилось 20 СБ и столько же Р-5 (Драбкин А. Я дрался на Ил-2). Все аэродромы и обслуживающие их подразделения входили в состав 32-й и 100-й авиабаз 13-го района авиационного базирования. В Поставах на 30 мая 1941 г. значатся управление 32-й авиабазы, 132-я ОРС управления и 137-й БАО. Аэродром в Михалишках обслуживал 146-й батальон аэродромного обслуживания, принадлежавший 100-й авиабазе. Неподалеку от Постав строился еще один. В субботу, проверив технику пилотирования курсантов эскадрильи в Михалишках (комэск майор Я. К. Берзинь), посмотрев концерт самодеятельности и приняв участие в застолье по случаю бракосочетания сослуживца, полковник отправился спать, но через несколько часов его разбудил телефонный звонок. "Сквозь сон слышу надрывный звонок телефона. Беру трубку и слышу: - Докладывает Заболко-Никольский. По некоторым признакам, округ объявил учебную тревогу. Звонил в Минск, никто не отвечает. - Сейчас иду! - отвечаю начальнику штаба и поднимаюсь с постели" (Товарищи летчики. Записки молодого командира. М.: ВИ, 1963). В штабе выяснилось, что дежурный по школе получил неизвестно от кого сигнал тревоги. Попытка связаться с Минском ничего не дала, но вскоре в Поставы въехала колонна грузовиков. Старший колонны (также в звании полковника ВВС) заявил, что намерен получить боеприпасы с гарнизонных складов. Накладных у него не было, возникла перепалка, в ходе которой в авиашколе наконец-то узнали о том, что произошло на границе. "Умничать" В. А. Тимофеев, как начальник поставского гарнизона, не стал, тут же отдав распоряжение открыть склады и выдать полковнику (им оказался зам. командира 12-й бомбардировочной дивизии И. В. Круп-

ский) и его людям столько боеприпасов, сколько смогут увезти. Получив требуемое, Крупский отправился в сторону ж.-д. станции Крулевшизна, где был один из полевых аэродромов его соединения. После полудня по гражданской связи на имя начальника школы была передана телеграмма от зам. командующего ВВС округа А. И. Таюрского. Ее содержание вызвало более чем недоумение: "Учебные полеты продолжать. Фашистскую провокацию в расчет не принимать". Потом генерал сумел лично дозвониться до Постава и подтвердил свой приказ. Почти одновременно позвонили из Михалишек - майор Берзинь доложил, что аэродром атакован двумя эскадрильями бомбардировщиков противника, есть потери в личном составе и матчасти. По пути в Михалишки У-2 начальника школы чуть не сбил Ме-109, при повторной же атаке пилот Люфтваффе неудачно маневрировал и врезался в лес. По прибытии на аэродром полковник Тимофеев узнал, что сгорели один СБ и два Р-5, взорвалось хранилище горючего, несколько самолетов повреждено. Убито и ранено много курсантов и авиатехников. В то же время половина эскадрильи успела взлететь и ушла на Поставы. Один СБ, заменив погибшего инструктора, спас курсант Целомоидзе. "Два деревянных самолета сгорели дотла, оставив на месте стоянки знаки в виде буквы "Т". В темно-фиолетовой дымке догорал скелет дюралевого СБ. Некоторое время он еще держался над упавшими на землю обгоревшими моторами, но затем вдруг начал разваливаться". Оказание помощи раненым товарищам и ремонт поврежденных машин шли полным ходом, когда с запада вновь появились самолеты Люфтваффе. Была объявлена тревога, но это оказались транспортные "юнкерсы". Они сделали заход на соседний, находившийся в стадии строительства, аэродром, из фюзеляжей посыпались фигурки парашютистов.

В Поставах В. А. Тимофеева ждала шифровка из Москвы: предписывалось немедленно перебросить школу в Оршу. С эскадрилей майора Пещерякова связь была потеряна, и он решил вместе с заместителем по политчасти Бурмаковым немедленно отправиться туда. Через полтора

часа школьный "пикап" подъехал к аэродрому эскадрильи, где был обстрелян из леса неизвестными. Весь аэродром оказался заставленным бомбардировщиками СБ 6-го и 128-го полков 12-й БАД, находился здесь и полковник Крупский. Отдав распоряжения о

161

перебазировании с рассветом следующего дня, начальник и замполит вернулись в Поставы. 23 июня Поставская авиашкола покинула свой обустроенный городок и перелетела в Оршу, потом - в Москву, а потом - еще дальше, в глубокий тыл. Всю войну она готовила летчиков-штурмовиков, из ее стен вышло немало будущих Героев, в том числе и сам Гофман. А немцы, войдя в Поставы, не мешкая посадили на школьный аэродром свои бомбардировщики. В разведсводке штаба Западного фронта № 11 на 10 часов 30 июня 1941 г. указывалось: "На аэродроме Поставы 29 самолетов ДО-17". После войны аэродромы школы были заброшены, но находившийся в стадии строительства был "доведен до ума" и просуществовал, как военный, до середины 90-х годов; в настоящий момент он находится в состоянии разора и запустения: полоса приходит в негодность, в ангарах хранится колхозная сельхозтехника.

Еще одна школа пилотов бомбардировщиков находилась в еврейском местечке Уречье Минской области. Она имела два аэродрома (основной - в самом Уречье и полевой - в Новом Гудково), обслуживание их возлагалось на 246-й и 247-й аэродромные батальоны 57-й авиабазы 19-го района. В Уреченской школе так же, как и в Поставской, имелись самолеты-разведчики Р-5 и бомбардировщики СБ, но ввиду удаленности от границы потерь в матчасти не было. Сначала она была эвакуирована в Гомель (оттуда школьные СБ летали на боевые задания), потом в Калугу и еще дальше - на Урал (свидетельство Д. П. Ваулина, сайт "Я помню").

* * *

Выведа из строя на приграничных аэродромах большинство истребителей, подразделения Люфтваффе уничтожили 22 июня значительное число складов горючего и боеприпасов в районах дислокации 3,10 и 4-й армий, что резко снизило потенциальные возможности советских частей. Дефицит бензина и дизельного топлива осложнил развертывание войск, их снабжение, ограничил свободу маневра. Зафиксирован случай вынужденного использования бензина для заправки дизельных артиллерийских тягачей СТЗ-НАТИ [76, запись устного рассказа]. А. М. Олейник вспоминал: "В автомобилях

162

бензин на исходе, заправщиков нет, многие машины бросают. На железнодорожных путях возле станции Россь обнаружили цистерну со спиртом, заправили бак. Мотор греется, чихает, но едем. По пути из брошенных автомобилей сливаем крохи бензина и разбавляем в баке спирт" [там же, копия].

На КП 10-й армии произошел следующий разговор между ее командующим и 1-м заместителем командующего войсками округа генерал-лейтенантом И. В. Болдиным:

" - Насколько мне известно, товарищ Голубев, в вашей армии было достаточно горючего. Куда же оно делось?

- Тут, видимо, вражеская агентура поработала. Уже в первые часы нападения авиация противника произвела налеты на наши склады с горючим. Они и до сих пор горят. На железнодорожных магистралях цистерны с горючим тоже уничтожены" [10, с. 92].

О том же говорили замполит 13-го мехкорпуса полковой комиссар Н. В. Кириллов с вновь назначенным вместо погибшего в первый день старшего батальонного комиссара А. Б. Давыдова замполитом 31-й танковой дивизии Д. И. Кочетковым: *" - Что это? - Склады с горючим и боеприпасами взрываются... Это под Вельском. Недавно был сильный налет. Город и сейчас весь в огне. Даже отсюда видно зарево" [70, с. 12].* Из донесения

начальника артиллерии Западного фронта Н. А. Клич от 1 июля 1941 г. начальнику ГАУ РККА: "Боевое питание было крайне осложнено отсутствием автотранспорта в частях и автобатальонов в распоряжении фронта. Кроме того, склады № 856, 847, 843, 838 и 454 были взорваны, а железной дорогой было подано войскам только девять транспортов боеприпасов из-за систематических налетов авиации противника". Все склады удалось "привязать" к местности. Четыре из них оказались ОАСами, то есть окружными артскладами: 856-й ОАС (Гродно), 838-й ОАС (Гайновка), 847-й ОАС (Пинск), 843-й ОАС (Бронна Гура). 454-й оказался артскладом 3-го разряда и находился в Верхушино Минской области.

Как ни прискорбно это признать, армейские службы тыла оказались неспособными решать возложенные на них задачи. Вот выдержка из донесения командира 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майора танковых войск С. В. Борзилова: "Дивизия, выполняя приказ, столкнулась с созданными на всех дорогах пробками из-за беспорядочного отступления

163

тылов армии из Белостока (дорожная служба не была налажена)" [17, с. 34]. Но, видимо, часто сами командиры соединений приказывали отводить дивизионные тылы на восток. Это привело к страшной мешанине, пробкам и заторам на дорогах, огромным потерям транспортных средств при воздушных налетах. Как вспоминал Я. М. Булавин, старшина мотоциклетной роты 14-го ОРБ 13-й дивизии, батальон по тревоге ушел в Замбрув, а уже в 6 часов утра из штадива прибыл на бронемашине политрук Дурминидзе и приказал тыловым подразделениям двигаться на Волковыск: "Ехали мы по направлению на г. Волковыск, в пути следования неоднократно подвергались бомбежке немецкими самолетами. Около 10 часов вечера мы добрались до города Волковыск. Там все отступающие с запада части стали задерживать. Какой-то [начальник] был в генеральской форме. Технику всю отступающую загнали на стадион, только с одними водителями машин. И 23-го, в 2 часа ночи, послышался сильный звук самолетов с запада и началась бомбежка.

Командного состава никакого не было. Ужас, что творилось, было полное предательство. Конечно, я уже не могу вспомнить те места. На одной переправе через реку также скопилось много техники и солдат, по обе стороны дороги находилась болотина и некуда деться. Река текла крови солдатской, и много таких эпизодов на моем пути было" [76, копия]. Буду объективен: не только тылы двинулись "в тыл". В течение всей активной фазы сражения боевые части теряли личный состав НЕБОЕВЫМ СПОСОБОМ. Слабые духом уходили в тыл "под шумок"; не являвшиеся по своей сути дезертирами, но потерявшие по разным причинам свои части, поддавались общим паническим настроениям и тоже спешили на восток. Поэтому уже на третий день войны, когда немецкие танки прорвались к Слониму, в глубоком тылу в бесцельном блуждании находились тысячи людей в форме, сотни единиц автотранспорта, и даже танки, бронемшины и подразделения артиллерии. Поэтому создание в первую же неделю войны в тылах фронта заградительных кордонов из пограничных войск и сборных пунктов было не просто уместной, но чрезвычайно важной и полезной мерой.

Подразделения артснабжения и боепитания частей тоже оказались не на высоте. Потеря части складов боеприпасов от ударов авиации вовсе не означала, что брать их стало негде.

164

Брошенная техника 10-й армии

В одних местах разгребали пепелища в поисках уцелевшего ящика артвыстрелов или патронного цинка, но зато до конца боев так и остались невостребованными весьма значительные ресурсы. В Беловежской пуще в районе Гайновки было два артсклада для обеспечения потребностей 10-й армии: 838-й ОАС и 1447-й ГАС (головной артсклад). Бывший рядовой 83-й караульной роты Ф. И. Жарков вспоминал, что в хранилищах одного из складов было сосредоточено большое количество боеприпасов разных калибров, а также стрелковое оружие, обмундирование и обувь. Начальник склада и его замполит в первый же день дезертировали. До 27 июня оставшиеся без командования - из него остались только ротный старшина и зам. политрука - стрелки охраняли это никому не понадобившееся богатство (даже войскам, отступавшим через пущу), а потом, взорвав его, ушли на восток [76, запись устного рассказа]. Н. Халилов из 128-го полка 29-й мотодивизии после войны рассказывал: "Автоматы выдавали только командирам взводов и отделений. Нам и винтовок не хватало. Хотя в лесу были большие запасы оружия, его после давили танками, чтобы не досталось врагу" [там же, письмо]. Бывший зам. командира 204-й МД Г. Я. Мандрик также писал, что из-за отсутст-

165

вия стрелкового оружия командование дивизии было вынуждено оставить в местах постоянной дислокации порядка двух тысяч человек личного состава.

Белостокская группировка и 4-я армия имели достаточно сил, чтобы при грамотном управлении эффективно действовать в обороне, но опоздание с приведением их в боеготовное состояние не оставило никаких шансов на возможность осуществления планов прикрытия. 1-й стрелковый корпус (командир - генерал-майор Ф. Д. Рубцов) получил сигнал "Гроза" в 4 часа 13 минут, когда его дивизии уже находились под огнем немецкой артиллерии. Дальнобойные орудия обстреливали крепость Осовец, полыхали огнем казармы и склады, в грохоте взрывов свечками взлетали в небо вырванные с

корнями сосны, росшие на защитных земляных "подушках" старых фортов. Под бомбежкой покидали военный городок в Боцьках части 31-й танковой дивизии полковника С. А. Колиховича. Но самый большой урон был нанесен 113-й стрелковой дивизии (командир - генерал-майор Х. Н. Алавердов). Ее полевой лагерь, раскинутый на чистом месте в 4-6 км от границы, был обстрелян из-за Буга огнем артиллерии. Ураган разрывов сметал палатки, красноармейцы и командиры бежали кто куда из зоны обстрела. Командир дивизии был тяжело ранен в бедро, а собрать перемешавшиеся при бегстве полки удалось лишь через два часа. В 3-й армии авиация застигла на марше к рубежам обороны 85-ю ордена Ленина стрелковую дивизию. Потери в войсках были очень велики. Мемуарная литература подробностями не балует, поэтому, чтобы не быть голословным, приведу несколько свидетельств. В. В. Свешников, 164-й легкий артполк 2-й стрелковой дивизии: "Часов в 8 утра полк двинулся к Осовцу, к границе. Что началась война, мы не знали... полк двигался компактной колонной, а не с интервалами между орудиями. Около местечка Моньки полк на марше был атакован немецкими самолетами и сразу же понес ощутимые потери от бомб и рвущихся своих снарядов в орудийных передках и зарядных ящиках. Это произошло около 10 часов утра на полпути до Осовца. Остальные полпути мы проделали до 7-8 вечера под непрерывными налетами фашистских самолетов..." [76, письмо]. Н. З. Хайруллин из 121-го ОПТД 49-й стрелковой дивизии вспоминал, что недалеко от них располагался дивизионный 31-й легкоартиллерийский

166

полк на конной тяге. Его командир, майор, только недавно закончивший академию, после окончания артобстрела выстроил полк в походную колонну на совершенно открытой дороге. Тут же налетела авиация, и в течение 15 минут от полка ничего не осталось; он был уничтожен полностью, не успев вступить в бой [76, копия]. Командир 171-го ЛАП майор Т. Н. Товстик значится пропавшим без вести в июне 1941 г.

Бывали и "счастливые" исключения. Командир 86-й стрелковой Краснознаменной имени Президиума Верховного Совета Татарской АССР дивизии 5-го стрелкового корпуса полковник М. А. Зашибалов поступил вопреки указаниям "не поддаваться на провокации", получив в 2 часа ночи донесение от пограничников о наводке немцами переправ у Дрохичина и южнее. Известив вышестоящее командование, он поднял дивизию по тревоге и вывел ее на пограничный рубеж, определенный самовольно вскрытым "красным пакетом". В 4 часа 05 минут ее полковая артиллерия открыла ответный огонь по войскам противника. Увы, других примеров столь мужественных, самостоятельных решений на уровне корпус - дивизия не выявлено.

Все части дивизионной и корпусной артиллерии, а также полки РГК, сосредоточенные на полигоне Червоный Бор, к моменту открытия немцами огня находились в состоянии "ожидания": "красные пакеты" были розданы (есть подтверждение), штабы и командование бодрствовали, ожидая дальнейших указаний, но личный состав отдыхал, то есть, попросту говоря, спал в своих палатках. Никаких других приготовлений не производилось. Лишь командир 7-го ГАП подполковник Г. Н. Иванов под свою ответственность объявил боевую тревогу. Примерно в 6 часов на полигон прибыл генерал-майор артиллерии М. М. Барсуков и приказал объявить тревогу уже всем. Выяснилось, что потери незначительны, горючего для средств тяги хватает, а боеприпасы имеются только для выполнения учебных стрельб - по 5-6 выстрелов на орудие. К сведению - боекомплект 122-мм пушки составлял 80 выстрелов, 152-мм гаубицы - 60, 45-мм ПТО - 200. Однако даже с таким боезапасом артполки выступили на фронт; дивизионные артиллеристы отправились в свои соединения, корпусные и резерва ГК также были направлены на усиление пехоты. В оперсводке штаба фронта № 3 на 22 часа 23 июня указыва-

лось, что 124-й, 375-й ГАП РГК и 311-й ПАП РГК находятся в подчинении командования 5-го стрелкового корпуса. Но ничтожное количество боеприпасов и невозможность пополнения ими хотя бы до боекомплекта (для целого ряда артсистем, особенно новейших среднего и крупного калибров) из-за уничтожения складов или, что также возможно, из-за их отсутствия на складах привело в скором времени к отводу бесполезной матчасти на восток и к ее полной потере на дорогах отступления.

А. Ш. Горфинкель, курсант учебной батареи 311-го Краснознаменного пушечного артполка РГК, рассказывал, что из Деречина Зельвенского района полк выступил 1 июня только с учебным снаряжением, даже без личного стрелкового оружия.

"22 июня тревога... так часто было. В этом лесу было несколько артчастей. Лес запылал, горят палатки, где спали курсанты. Никто ничего не понял до 6 часов утра, что это не провокация, а настоящая война. Где стоял наш артполк без снарядов, немцы как-то не затронули. Была одна винтовка на двоих. Собрали все снаряды к нашей батарее. И в этот первый день батарея несколько разделала выстрелы, вызывая огонь на себя. А уже 23 июня мы продвинулись ближе к фронту. К утру было ясно, что снарядов нет и не будет" [76, копия].

2.3. Предварительные итоги

С первым выпущенным снарядом и первой сброшенной авиабомбой, не двинув на советские войска еще ни одного пехотинца, ни одного танка или бронетранспортера, командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Федор фон Бок авиацией и артиллерией начал ковать себе победу в сражении на МИНСКО-МОСКОВСКОМ направлении.

Все проходило в соответствии с планом "Барбаросса", по-немецки четко и последовательно; все донесения, которыми "бомбили" кремлевское

военное и политическое руководство резиденты разведки, антифашисты, военные атташе и дипломаты, теперь можно было спокойно бросить в корзину. Эти герои великой скрытой войны, которым угрожали в равной степени как гестапо во главе с Генрихом Мюллером, так и собственные силовые наркоматы во главе с Лаврентием Берией и Всеволодом Меркуловым, потерпели полное фиаско, но

168

было это не по их вине.

И. В. Сталина предупреждали главы США, Великобритании и даже пошедший на прямую измену Райху германский посол граф Шуленбург. Есть донесение "Эрнста" от 19 мая 1941 г., подтверждает это и А. И. Микоян:

"За несколько недель до начала войны германский посол в СССР граф Шуленбург пригласил на обед приехавшего в Москву Деканозова. В присутствии своего сотрудника Хильгера и нашего переводчика Павлова Шуленбург довел до сведения Деканозова, что в ближайшее время Гитлер может напасть на СССР, и просил передать об этом Сталину. Реакция Сталина и на это крайне необычное для посла сообщение оставалась прежней".

Пройдет год, и Сталин скажет Черчиллю в личной беседе:

"Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого" [30, с. 54].

А за восемь дней до вторжения столь любимый карикатуристами Й. Геббельс в своем дневнике записал:

"... английское радио уже заявило: сосредоточение наших сил на границе с Россией не что иное, как шумное надувательство, которое скрывает приготовления к вторжению в Англию. В мировой прессе царит полнейшее смятение. Русские, кажется, пока еще ни о чем не догадываются" [там же, с. 73].

В тон с ним пооткровенничал и бригаденфюрер СС В. Шелленберг:

"Много усилий потребовала маскировка нашего выступления против России. Необходимо было перекрыть информационные каналы противника: мы пользовались ими только для того, чтобы сообщать дезинформирующие сведения..." [там же, с. 71]. Не здесь ли собака зарыта? Ругаем свою разведку и, возможно, за дело, но, получается, надо похвалить и немцев за тщательность подготовки и меры по обеспечению секретности.

Такого история войн еще не знала. До сих пор нет полной ясности, почему так произошло. Мнения полярные.

Полус № 1. Очень многое знали, об остальном догадывались, факты от "дезы" отсеять сумели. То, что буквально все купились на "дезу", - искусственно созданная легенда, дабы не выглядеть профанами или еще что похуже в глазах современников и потомков. Спасибо подполковнику В. А. Новобранцу из Разведуправления Генштаба, который проделал колоссальную работу, составил аналитическую записку, как

169

дважды два доказывающую неизбежность начала войны летом 1941 г., довел ее до сведения наркома, начальника Генштаба и командования западных приграничных округов, минуя начальника РУ Ф. И. Голикова. Но "наверху" Новобранцу не поверили. В Москве не поверили, не поверили в Минске и Киеве. Рига не в счет, о Прибалтийском Особом округе "особый" разговор, заслуживающий отдельной книги. Сталинское нежелание верить в близость и неотвратимость войны по-человечески объяснимо. Хуже то, что в высшем военном руководстве в те дни не нашлось людей с аналитическим складом ума, способных объективно оценить все данные, собранные и сведенные воедино разведкой Красной Армии и разведками НКВД и НКГБ. Видимо, их и не могло быть после стольких "чисток", когда компетентность и образованность ценились ниже, чем личная преданность. Результатом рассмотрения доклада подполковника В. А. Новобранца явились снятие начальника Генштаба генерала армии К. А. Мерецкова, который был полностью согласен с разведчиком, и замена его Г. К. Жуковым, который,

как видно из его собственных воспоминаний, убедился в неотвратимости войны только 21 июня. К. А. Мерецков вспоминал, что после окончания "той самой" штабной игры, в ходе которой генерал армии Жуков якобы разгромил генерал-полковника танковых войск Павлова, был запланирован ее разбор. На подготовку были выделены сутки, но внезапно группа участников игры была вызвана в Кремль.

Мерецков писал:

"Заседание состоялось в кабинете И. В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На все отвели 15 - 20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы. Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С. К. Тимо-

170

шенко меня не поддержал. Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал: - *Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!*" [81, с. 200].

Так 1 февраля 1941 г., за 141 (сто сорок один) день до начала войны, Политбюро ЦК ВКП(б) в лице Сталина совершило страшную, преступную ошибку: во главе Генерального штаба Красной Армии был поставлен генерал, органически ненавидящий штабную работу (так написал о нем в 1930 г. его непосредственный начальник комдив К. К. Рокоссовский).

Сам Новобранец в начале мая 1941 г. также был отстранен от работы и 22 июня встретил в одесском доме отдыха Разведупра в компании таких же "неправильных" коллег, в том числе "нелегалов", убежденных, что нападение со стороны Германии неминуемо. Затем он был назначен начальником разведотдела штаба 6-й армии Юго-Западного фронта, в августе в окружении под Уманью попал в плен. Но ему повезло: бежав из лагеря, офицер воевал у норвежских партизан (они называли его "товарищ Базиль"), после войны продолжил службу в армии. Поэт Е. А. Долматовский, собирая материалы по уманскому котлу, которые легли в основу его книги "Зеленая брама", встречался в Москве с полковником Новобранцем.

В общем, виноваты в разгроме войск в приграничном сражении не только генералы Павлов, Климовских и пр., но и те, кто занимал высокие посты в Москве. И Жуков - в их числе. Разведанных было достаточно, чтобы понять, что неизбежно внезапное нападение без объявления войны.

Полнос № 2. Да, некоторые "источники" давали правильную информацию, но истина утонула в грудe ничего не значащего мусора и "дезы" (откровенно грубой и тонко и грамотно подобранной и составленной), и никто эту груду не сумел с толком перебрать. В частности, ложные сведения о масштабном оборонительном строительстве в Восточной Пруссии (они прошли по каналам и армейской разведки и разведки, НКВД-НКГБ) оказались живучими настолько, что и сегодня не вызывают сомнений у тех, кто никогда не бывал в Калининградской области. Ничего подобного линиям Мажино, Зигфрида и Маннергейма, и даже Карельского УРа, здесь нет и в помине.

171

До определенного момента (критическую массу у советских границ вермахт набирал очень долго и развернулся для нападения в самый последний момент) было совершенно непонятно, что же немцы затевают, когда в Москве поняли опасность - уже не успели ничего сделать, да и делали-то с оглядкой. В конце июня всем уже было ясно, что война вот-вот

начнется. И Сталин, и Генштаб понимали, что Вооруженные Силы СССР опаздывают в развертывании, и поэтому очень хотели оттянуть начало войны хотя бы на несколько дней; это у них стало идеей "фикс". Отсюда и боязнь "поддаться на провокацию", и противоречивые распоряжения. К тому же И. В. Сталин, похоже, пытался успокоить себя отсутствием в мировой истории прецедентов - нападения без предупреждения, без предъявления каких-либо требований и даже без внятного проявления недовольства действиями потенциальной жертвы будущей агрессии. Если, конечно, не считать внезапной атаки русской эскадры японцами на внешнем рейде Порт-Артура. Это сейчас нам просто судить о том, как надо было правильно действовать, - задним умом все крепки.

21 июня все-таки было решено (судя по всему, под воздействием сообщений перебежчиков, задержанных пограничниками, в частности, на Украине), что война начнется 22 июня. Поэтому сообщение в приграничные округа об опасности нападения вечером все-таки ушло. Только вот именно в Западном округе его не успели довести до всех частей из-за повреждений связи. И - из-за слепоты и глухоты руководства округа, которое предпочло "Свадьбу в Малиновке" в Минске, а не оборудованный фронтовой КП в Обуз-Лесной. При этом Павлов и все командование ЗапОВО (от корпусного до армейского звена) допустили массу других ошибок и до 22 июня, и после. **ВИНОВНЫ** (опустить большой палец вниз)!!!

Единственным человеком, способным реально влиять на принятие глобальных решений в предвоенные месяцы, называют генерала армии Г. К. Жукова. Ныне квазипатриоты из живого человека вылепили ИДОЛА. Не допускается никаких иных эпитетов, кроме как "гениальный, величайший, ни одного сражения не проигравший". Приграничные сражения, разумеется, не в счет.

Но разве начальник Генштаба не виноват несколько в их исходе? Разве не он, имея в своем непосредственном подчинении Разведуправление, не увидел, не

сумел увидеть подготовку Германии к нападению? Хлестал своим рыком командующих западными приграничными округами, вместе с наркомом фактически не давая возможности войскам лучше подготовиться к боевым действиям, повысив боеготовность хотя бы под видом проведения учений и военных сборов. Не дали им такой возможности ни Сталин, ни Наркомат обороны, ни Генштаб (в лице собственно Жукова), и за это кровь, пролитая так безрассудно на границе от дельты Дуная до балтийских дюн, на их совести.

На Сталине, конечно, основная, ибо на нем, как главе государства, вся ответственность, но и на Тимошенко и Жукове - тоже немалая. Разве не под его "чутким" руководством М. П. Кирпонос угробил лучшие мехкорпуса Киевского округа? И никакими последующими победами эту кровь не смыть и не оправдать.

После войны, когда К. М. Симонов собирал материалы о начале войны и принимал участие как сценарист в съемках документального фильма "Если дорог тебе твой дом", между принявшими участие в работе над картиной (среди них были маршалы К. К. Рокоссовский и И. С. Конев, бывший начальник РУ маршал Ф. И. Голиков и прошедший плен бывший командарм-19 генерал-лейтенант М. Ф. Лукин) возникла полемика, дошло даже до банального хватания "за грудки". Г. К. Жукову поставили в вину его ошибки и просчеты на посту начальника Генштаба и в предвоенные месяцы, и в первые недели войны. Маршал попытался оправдаться: мол, ничего не мог поделать, во всем виноват Сталин, который связал наркомат и Генштаб "по рукам и ногам", который в любой момент мог снять трубку и сказать про него: *"Ну-ка, Берия, возьми его к себе в подвал"* [19, с. 291].

Как всегда, крайним снова оказался Лаврентий Павлович Берия.

Сам же режиссер фильма Павел Чухрай много лет спустя поведал о весьма интересном ответе Г. К. Жукова на заданный им вопрос.

"Меня интересовала личность И. В. Сталина. Я хотел показать ее в моем фильме.

- *И все-таки*, - спрашиваю я, - *чем объяснить поступки Сталина перед войной и в первые месяцы войны?*

Георгий Константинович смотрит в пол. Я думаю: бестактный вопрос (тогда ведь далеко не все было известно и ясно о начале войны). Наверное, он не хочет об этом говорить.

Георгий Константинович поднимает глаза на меня и произносит четко:

- *Сталин боялся войны. А страх - плохой советчик*". ("Ро-

173

дина", 1995, № 9, с. 87). Но, если судить объективно, Жуков боялся войны ничуть не меньше.

Есть такая поговорка: победителей не судят. Хочется возразить: нет, судят. Поэт Е. Исаев обозначил суд, над которым не властно время, суд, не имеющий срока давности. Он назвал его СУД ПАМЯТИ. Знать, чтобы помнить. Помнить, чтобы дать объективную оценку. Если в белорусской земле до сих пор лежат непогребенными (ни по христианскому обычаю, ни просто так) косточки тысяч и тысяч павших летом 41-го русских солдат, не надо списывать это только на Сталина и Павлова. Многие виноваты - и те, кто войсками командовал неумело и бездарно, и те, кто в штабах руководил. Есть и еще один суд, самой последней инстанции. "И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими" (книга Откровения Иоанна Богослова, 20, 12).

Глава 3. 22 ИЮНЯ, ДЕНЬ 1-Й. 3-Я АРМИЯ

3.1. Начало боевых действий

В полосе 3-й армии (в северной части белостокского выступа) в первые часы агрессии положение складывалось следующим образом. Вследствие сравнительно эффективных действий советских средств ПВО здание штаба 3-й армии в Гродно осталось целым и невредимым, хотя над ним и прилегающими к нему районами города почти непрерывно появлялись бомбардировщики противника. Заградительный огонь зенитной артиллерии вынуждал их уходить от целей или менять высоты. Также хорошо была организована наземная оборона штаба. Все это дало возможность армейскому управлению проработать весь день 22 июня, не покидая своего здания и города. Если в первые часы после начала войны в работе командиров штаба видны были нервозность и неслаженность, то вскоре это прошло.

Генерал-майор А. В. Бондовский писал:

"Я вызывался в штаб армии дважды. Первый раз - за получением задачи дивизии на оборону рубежа р. Лососно. Задачу мне ставил командарм-3 генерал-лейтенант Кузнецов Василий Иванович в своем кабинете. В это время вблизи штаба рвались авиабомбы. На всю жизнь запомнилась завидная собранность и внешнее спокойствие командарма Кузнецова, повлиявшие и на меня. Второй раз в штаб армии [я] вызывался с докладом о положении на фронте. Того нервоза, который был в штабе вначале, я уже не видел. Штаб перестроился для работы в цокольном этаже". Невредимыми остались также штабы самой 85-й дивизии и 4-го корпуса. Склад ГСМ на юго-западной окраине Гродно немцы вообще

175

не бомбили, надеясь заполучить его после захвата города. Недалеко от него находился склад боеприпасов и взрывчатых веществ, однако Люфтваффе не тронуло его, видимо, из опасения, что при этом могут взорваться и резервуары с топливом. Но намного драматичнее развивались

события на границе - там, где располагались входившие в состав 3-й армии части 4-го стрелкового корпуса и 68-го укрепленного района.

После мощнейшего артиллерийского удара по частям 56-й стрелковой дивизии генерал-майора С. П. Сахнова в ее полосе (участок границы протяженностью в 40 км) перешли в наступление три пехотные дивизии 8-го армейского корпуса вермахта [4, с. 240]. Кроме собственных огневых средств, командиру корпуса генералу В. Хейцу (находился в этой должности вплоть до своего пленения под Сталинградом) были приданы 14 дивизионов артиллерии крупного калибра. В полосе армии 8-й корпус наносил главный удар и имел задачу: прорвав позицию укрепленного района между реками Неман и Бобр, форсировать Неман и взять Гродно. Затем, не обращая внимания на фланги, продвигаться на Лиду и Новогрудок.

Понесшая большие потери 56-я дивизия не выдержала натиска превосходящих сил противника, была смята, и к 10 часам утра ее остатки начали отход на восток и юго-восток.

Значительно севернее Гродно, на необорудованном и слабо прикрытом стыке с Прибалтийским округом, передовые отряды из состава 161-й пехотной дивизии вермахта вышли к Неману уже к 07:30 утра. Сохранились воспоминания бывшего командира 56-й. Датированы они 20 августа 1947 г. и напоминают скорее показания, которые давали в те времена в органах МГБ лица с "подмоченной репутацией". Но как раз этим они и ценны.

Зимние квартиры частей 56-й СД были расположены на большом расстоянии друг от друга: в военном городке Фолюш на окраине Гродно, в самом Гродно, в Новом Дворе, Гоже, Грандичах, Свят-Бельках. К началу войны ее подразделения оказались разбросанными по фронту протяженностью более 50 км, связь между ними и штабом осуществлялась по государственным воздушным линиям НКС, которые вскоре были выведены из строя, полностью блокировав любые попытки управлять действиями войск. Но до 7 часов утра штаб 56-й еще имел какую-то связь со штабком: в

оперсводке № 2 на 08:30 начштаба армии А. К. Кондратьев докладывал: "По донесению

176

командира 56-й стрелковой дивизии, до 7 часов на участке Горачки, Марковце перехода противником границы не установлено". Но уже к 8-9 часам утра немецкая пехота при поддержке нескольких танков прорвалась к КП 56-й дивизии, и генерал Сахнов вынужден был начать эвакуацию на 6-8 км в тыл. Но оторваться от противника не удалось. В столкновениях с полевыми частями вермахта и выброшенными в наш тыл десантниками управление было рассеяно. По словам начальника шифровальной части штадива капитана Одинцова, начальник штаба полковник И. Н. Коващук получил тяжелое ранение и был оставлен в лесном имении, где находился КП. Что с ним стало, до сих пор не известно. С командиром дивизии оказались его зам. по политчасти полковой комиссар С. Е. Ковальский, начальник артиллерии дивизии полковник Протасеня, несколько штабных командиров и комендантский взвод.

К 13-14 часам дня их группа находилась уже в глубоком тылу немецких войск, которые, прорвав оборону на границе, продвигались к Неману. Участок прикрытия, который должна была занимать 56-я, перестал существовать. Лишь в нескольких местах продолжали отражать атаки ее окруженные подразделения. У деревни Красное (Красне) весь день 22 июня насмерть стоял 2-й батальон 37-го стрелкового полка [68, с. 101].

На рассвете село и палаточные лагеря подразделений полка подверглись артиллерийскому обстрелу. Вспыхнули пожары, была нарушена связь. После того как противник перешел в наступление, 37-й СП не сумел сдержать натиск, был разгромлен, и его разрозненные остатки отступили. Командир полка подполковник И. Н. Татаринов числится пропавшим без вести, хотя его видели несколько раз после описанных выше событий. Невзирая на разгром полка, командир 2-го батальона капитан Зайцев не растерялся и проявил инициативу. На возвышенностях в этой заболоченной местности

стояли недостроенные доты 68-го укрепрайона; их заняли пулеметная рота и отошедшие на участок обороны батальона пограничники. Немцы атаковали позицию УРа значительными силами пехоты при поддержке танков. Они были встречены огнем стрелкового оружия и минометов, средств ПТО у советских подразделений не имелось. Подтянув артиллерию, немцы на прямой наводке открыли огонь по амбразурам дотов, вплотную к ним подошли танки; подорвать гранатами удалось

177

только один. Через сравнительно короткое время сопротивление дотов было подавлено, но на левом фланге узла обороны продолжали держаться несколько десятков красноармейцев при поддержке двух батальонных минометов.

К вечеру у сводного отряда, державшего оборону у Красного, подошли к концу боеприпасы. Стреляли только в случае крайней необходимости, атаки отбивали штыками. Когда начало темнеть, немцы обошли остатки советского батальона, решив более не тратить на него силы. Шоссе Августов - Гродно находилось под их контролем, и можно было не обращать внимания на горстку советских военнослужащих, не имевших артиллерии. Зайцев приказал всем оставшимся в живых собраться в одном месте; на розыски штаба полка и соседей были посланы связные. Результаты оказались удручающими: не нашли никого, кроме отдельных бойцов из своего полка, топографов из 31-го топоотряда НКО и саперов, строивших укрепления. Всего набралось около 100 человек, из расспросов выяснилось, что остатки полка ушли то ли на восток, в сторону Гродно, то ли на юг, к Сокулке.

Оставив небольшой заслон, маленький отряд отошел на юго-восток; прикрывать отход остались несколько бойцов с минометом, старшим был политрук минометной роты В. И. Ливенцов. Впоследствии он командовал 1-й Бобруйской партизанской бригадой, был удостоен Звезды Героя Советского Союза. После войны полковник Ливенцов написал книгу "Партизанский край", посвятив ее несколько страниц первому бою на границе. Но это было

потом. А пока, на исходе дня 22 июня, горстка уцелевших защитников пограничного рубежа покидала свой обильно политый кровью участок обороны. Везде были следы жестокою неравного боя: изрытые воронками позиции, чадящие танки, разбросанное оружие и снаряжение. И множество убитых, своих и чужих.

Уфимец Ф. У. Усманов был курсантом минометного взвода полковой школы 37-го полка. Школа размещалась в летнем лагере вблизи д. Новый Двор, где была также полевая площадка 122-го истребительного авиаполка. Когда курсантов разбудил грохот разрывов - немецкая авиация бомбила железнодорожную станцию Домброва и соседний с ними аэродром, - их построили и объявили, что немцы провоцируют: батальоном вторглись на нашу территорию. Быстро позавтракав и по-

178

лучив смехотворное количество патронов (по 15 на винтовку), личный состав ускоренным маршем направился на запад, к Домброве. В полковой школе было три стрелковых взвода, пулеметный и минометный взводы, всего 200 человек. Но из-за отсутствия снаряженных лент к пулеметам и мин к минометам воевать пошли налегке. Миновав Домброву, свернули направо и увидели пожар - горело село, слышались пулеметные очереди. Впереди шел бой. В небе показался похожий на биплан У-2 самолет. Возможно, это и был свой, но залповым огнем из винтовок самолет был сбит. В то, что действительно началась война, все еще никто не верил. Взводный приказал отстрелянные гильзы не бросать, чтобы потом сдать их на склад боепитания.

К 8 часам утра курсанты заняли какую-то высоту и начали рыть на ней окопы. Немцы открыли по высоте артминогонь, все кинулись вперед и вниз... и наткнулись на уже отрытые старые окопы.

А. М. Измайлов (тоже из Уфы) вспоминал:

"На линии фронта были готовые окопы, и вот когда утром распечатывал ящик с патронами, часов в 8 утра 22 июня меня ранило осколком мины, но легко..." Заняли окопы, а часов в четырнадцать привезли

патроны и гранаты. Видели командира полка, а с ним - начальника школы старшего лейтенанта Синельникова и политрука Демидова. Просидели в окопах до позднего вечера, но немцы на их участок не вышли. Сейчас уже почти невозможно определить, где находилась полковая школа. От Домбровы в сторону границы идут две дороги. Одна из них через реку Бобр и м. Липск выходит на рокаду Гродно-Августов, а примерно в 5 км на северо-запад от этого перекрестка расположено село Красное, где дрался 2-й батальон полка. Вторая дорога также пересекает Бобр, идет более-менее параллельно железнодорожной ветке Домброва - Августов, за с. Ястржебна 1-я находится перекресток, от которого можно попасть и в тупик (вглубь болот), и на рокаду, и в Липск, и в Штабин. Эта густо поросшая лесом местность, низкие места и поймы рек в которой заболочены и почти непроходимы (на реке Бобр действительно живут бобры), является частью Августовской пуши.

Поскольку среди этих болот не было сплошной линии укреплений, не было и войск, способных представлять серьезную угрозу вражеским тылам (да и наступать здесь трудно и в

179

целом бесперспективно), немцы обошли их, не ввязываясь в бои; прорвали советскую оборону в других местах и наступали в направлении на Гродно. Подразделения 37-го полка остались в их тылу. Командование решило отойти, чтобы избежать окружения. Отходили целую ночь и следующий день и к вечеру 23 июня оказались в районе города Сокулка.

Любопытны в данном контексте также воспоминания члена Совета ветеранов 56-й дивизии бывшего сержанта В. А. Короткевича. По его словам, взвод 7-й роты 184-го полка также оказался на участке, куда, по крайней мере до полудня, не вышли части вермахта. Взвод находился в полном отрыве от своего 3-го батальона и с одним цинком патронов на 45 человек имел задачу маскировать ранее построенные дзоты для противотанковых орудий и пулеметов. Командовал подразделением младший лейтенант Бабич.

Соседями пехотинцев были строительный батальон и расчет зенитного орудия. Утром расположение взвода и стройбата подверглось обстрелу и бомбежке, а огонь орудия был вскоре подавлен. Ружейно-пулеметная перестрелка велась западнее их участка, а на северо-востоке, в районе Сопочкина, стоял сплошной гул. Примерно в 8 часов с границы пришел политрук строительной (или саперной) роты, строившей там дот: в нижней рубаше и синих командирских бриджах и с сапогами... на палке за спиной.

Короткевич писал:

"Над нами кружил на малой высоте двухфюзеляжный диковинный самолет, вел наблюдение, сбрасывал ручные бомбы и обстреливал из крупнокалиберного пулемета. Этот тип самолета стали называть "рама"... Фашистский стервятник заметил нас, когда мы уже стали входить в дзоты. Он стал разворачиваться. И мы четко видели его лицо с защитными очками... Мы откровенно грозили ему кулаками: *"Ну погоди, фашист проклятый!"*... Услышали пулеметную очередь, а у наших ног взвились пыльные клубки размером с яблоко... С какой злостью и ненавистью нам хотелось дать залп по самолету. Мы бы достали его на высоте 150-200 метров... Но!.. Действовал запрет: не ввязываться в провокацию".

В полдень взвод двинулся на соединение с полком, надеясь пройти к Неману по короткой дороге, через Сопочкин. Обогнавший их грузовик вскоре вернулся, а сидевшие в нем рассказали, что в городке уже хозяйничают немцы. Тогда по-

180

шли на Гродно, и к вечеру Августовская пуща осталась за их спинами.

Очень похоже запомнился первый день войны Ж. А. Акчурина, уже не пехотинцу, а артиллерийскому разведчику из 681-го артполка 7-й противотанковой бригады (в/ч 3274): "... 22 июня по тревоге нас подняли в 2 часа ночи, команда была занять оборону возле части, где стоял наш полк. Артиллерию 76-мм пришлось вывезти на себе до опушки леса, а машины-полуполторки стояли на стоянке без заправки, не было бензина. 18 июня во

время занятий в нашу часть приезжал командующий Западным округом генерал армии Павлов, говорил: давай-давай, изучайте военное дело, скоро будем воевать. Вот так с начала войны мы заняли оборону до вечера, вечером дали команду - артиллерии оставить позиции, отступить на 4 км. С этого часа как начали, так каждый день была команда продолжать отступать..." [76, письмо]. Ружанысток, где стояли противотанкисты, находится недалеко от Домбровы, то есть примерно в тех же местах, где находились подразделения 56-й СД, о которых я писал ранее.

Августовский канал. 68-й укрепленный район

Гораздо более организованный и стойкий отпор немцы получили на Августовском канале - там, где держали оборону 213-й стрелковый полк (командир - майор Т. Я. Яковлев) 56-й дивизии и 9-й отдельный батальон 68-го УРа. Генерал Хейц вспоминал: "Русские силы очень упорно удерживали укрепления и населенные пункты. Мы смогли их занять только после планомерного наступления, стоившего больших потерь". Бывший командир 9-го артпульбата майор П. В. Жила - он был тяжело ранен в 1943 г. под Новороссийском и лишился ноги - писал, что позиция батальона проходила южнее Сопочкина. 1-я рота (командир - лейтенант Паниклеев) занимала доты у канала, левее д. Новоселки находилась 2-я рота (командир - лейтенант Ф. Т. Суетов), на левом фланге уд. Новики - учебная рота (командир - лейтенант Кобылкин). Когда после часовой артподготовки противник перешел в наступление, выяснилось, что отсутствует связь со штабом. Учебная рота открыла огонь самовольно, остальные подразделения - по команде комбата, взявшего ответственность на себя.

181

Атаку отбили без особого труда, а когда восстановилась связь, позвонил майор Яковлев. Он сообщил, что немцы продолжают атаковать из-

за канала со стороны д. Соничи, и просил поддержать его артогнем дотов правофланговой роты. Во время третьей атаки противнику удалось прорваться на стыке с 10-м батальоном и отрезать роту Кобылкина. Визуально позиция роты не просматривалась (мешал лес), но, судя по ожесточенной стрельбе за Новиками, доты продолжали оказывать сопротивление врагу. К полудню неприятелю удалось привести к молчанию часть дотов и прорвать оборону укрепрайона на липском участке, занять сам Липск и перерезать дорогу Сопоцкин - Гродно. Оба уровских батальона оказались в почти полном окружении, незанятой оставалась полоса земли вдоль канала до Немана - там дрался 213-й полк. П. В. Жила связался с комендантом и просил его помочь в деблокировании батальонов, но полковник Н. П. Иванов отказал, сославшись на отсутствие подвижных резервов.

Бывший лейтенант войск связи М. С. Рыбас вспоминал, что находился в доте в 3 км западнее Сопоцкина. По его мнению, на их участке немцы не прошли. Боеприпасы и продовольствие со склада в Сопоцкине им подвозил на повозке старшина. Но после того, как противник захватил Сопоцкин, снабжение прекратилось. Бои шли до 24 июня; когда кончились снаряды и патроны, связались по телефону с двумя соседними дотами. Посоветовавшись, решили совместно отходить. Направились на северо-восток, по пути присоединяли к себе военнослужащих из других частей. Вскоре набралось более ста бойцов и младших командиров. Когда переправились через Неман, встретили на той стороне 213-й полк и влились в него. М. С. Рыбаса комполка Яковлев назначил командиром взвода связи 2-го батальона. Пошагали вместе на восток. Что стало с ними дальше - о том особый рассказ.

Также имеется подробная информация о дотах № 37, 38, 39, 54, 55 и 59. Из гарнизона 38-го (командирского) дота уцелел один боец - курсант учебной роты И. Д. Грачев, из гарнизона 39-го дота - курсант Л. И. Ирин. Дот № 39 находился справа от дороги на погранзаставу № 3, если ехать от Сопоцкина, недалеко от Августовского канала. Когда начался артобстрел и прервалась

связь, старший в доте помкомвзвода Иващенко (взводный лейтенант Я. М. Гриценко, снимавший жи-

182

лье в деревне Балиненты, еще не прибыл) отправил рядового Ирина связным в 38-й дот. По дороге тот нарвался на немцев и был легко ранен в предплечье. Отстреливался из винтовки и в конце концов добрался до командирского дота. В главном каземате находились помощник командира батальона старший лейтенант Милюков, замполит батальона старший политрук Шаповалов и политрук учебной роты Воробьев. Выяснилось, что в дот № 39 уже послан связной, поэтому бойцу было приказано присоединиться к гарнизону и отрывать вместе со всеми стрелковые ячейки.

До вечера 38-й дот и находившиеся снаружи бойцы вели огонь по врагу, отбивая атаку за атакой. Ночью закончили рытье окопов, разместили пулеметы, выставили дозорных. Наутро немцы возобновили атаки. Дот выстоял, но прорвавшийся к нему танк проутюжил окопы, расстрелял и раздавил тех, кто не успел скрыться за бетонными стенами.

Третий день (24 июня) стал для маленького гарнизона последним. Гитлеровцы, чтобы подавить дот, выдвинули на прямую наводку несколько крупнокалиберных орудий. Сооружение сотрясалось от разрывов снарядов, внутри откалывались куски бетона, калеча защитников. Непрерывный грохот вызывал глухоту и кровотечение из ушей; от пороховых газов и духоты некоторые теряли сознание. Мучила жажда, хоть вода была рядом (в ручье за дотом), но пробраться к ней было невозможно. Несмотря на множество попаданий, огонь из дота не прекращался, продолжали действовать обе артиллерийско-пулеметные установки и станковые пулеметы в амбразурах. На земляных откосах темнели уже десятки трупов немцев, и количество их все росло.

Тогда гитлеровцы ослепили 38-й дымовыми шашками и пустили в дело саперов. Они стали бросать под стены большие пакеты с взрывчаткой. Сотрясаемый взрывами, окутанный дымом, дот продолжал сражаться.

Саперы-подрывники забранись на крышу, через шахту от разбитого перископа кричали: *"Рус, сдавайся!"* В ответ звучали выстрелы. А внутрь падали толовые шашки, химические гранаты, лился горящий бензин, от которых гарнизон все более таял. От него уже осталось трое: сержант Захаров, курсант Грачев и курсант Ирин. Захаров выпускал из поврежденного орудия последние снаряды, курсанты вели огонь из винтовок. И вот наступил финал.

Л. И. Ирин вспоминал:

"Вдруг ужасающей силы взрыв потряс до основания весь дот.

183

Осело перекрытие, рухнули вниз глыбы бетона с искореженной арматурой, сорвались с петель полутонные стальные двери... Меня сильно чем-то ударило по ногам, и я потерял сознание. Когда оно снова вернулось ко мне, то обнаружил себя под трупом. В ушах звенело. Пахло зловонной гарью. Перебитые и обожженные ноги почти не подчинялись. Пополз в темноте среди трупов и кусков бетона на нижний этаж дота, кое-как протиснулся через запасный выход наружу и полной грудью глотнул свежий воздух. Вокруг никого. Тишина. По-видимому, совершив свое мерзкое дело, гитлеровцы ушли еще вечером. С трудом дополз до знакомого ручья и с жадностью стал пить прохладную воду. И тут же в кустах уснул".

Несколько дней пролежал вблизи от разрушенного, но не сдавшегося, дота № 38 русский солдат Леонид Ирин. Перебитые ноги страшно опухли, в ранах завелись черви. Крестьянин Иван Сасимович и его 16-летняя дочь Янина накормили его и оказали простейшую помощь. Домой не взяли - большая семья, много детей. Но другие селяне, увидев раненого, донесли. Когда Янина с младшим братом кормили раненого, появились немцы. Детей отпустили, а солдата забрали с собой. Янина домой не пошла, ушла к дяде в Гродно, брат вернулся домой. Ночью немцы пришли к Сасимовичам. Они привели их на место, где был найден раненый уровец, и всех расстреляли. Место захоронения засыпали сухими листьями и ветками. Вскоре жители

дер. Балиненты заметили неладное: на одном из деревьев сидел петух и несколько дней подряд кукарекал. Когда под деревом нашли и раскопали могилу, обнаружили там семью Сасимовичей. Все, кроме самого младшего, были убиты выстрелами в голову, малыш задохнулся заживо...

После войны Леонид и Янина встретили друг друга в Сопецкой школе на встрече участников июньских боев. "Леник, Леник, у меня немцы расстреляли всю семью, будь мне братом!" От внезапного сильного потрясения оба оказались в больнице.

Кроме Ирина, в живых остался И. Д. Грачев. С пробитым легким он также сумел выбраться из хаотического нагромождения конструкций внутри дота и, судя по всему, добрался до дота № 39. Из его воспоминаний можно предположить, что дот переходил из рук в руки. Это неудивительно: в 62-м укрепрайоне под Брестом было то же самое. Немцы прорывались к израненным бетонным крепостям и даже захватывали их, но

184

контратаками их выбивали обратно.

Командир взвода Я. М. Гриценко был в доте: сумел под огнем добраться из деревни. Две из трех пушек 39-го вышли из строя. Третья была повреждена, но с помощью молотка ее удавалось заряжать. Вели огонь, пока не кончились снаряды. Немцы подошли к доту, начали заливать в отверстия бензин. Один стал кричать в амбразуру: *"Сдавайтесь!"* Раненый лейтенант Гриценко выстрелил в амбразуру из пистолета, немец умолк. Когда был полностью расстрелян боекомплект, остатки гарнизона покинули дот, но с тяжелыми ранениями далеко уйти не смогли. При зачистке местности они были обнаружены и взяты в плен.

Из учебной роты 9-го пульбата уцелел еще один курсант - А. Д. Шмелев. Его воспоминания позволяют получить представление, как сражался его дот № 59 и соседний с ним № 37. Командовал дотом лейтенант В. А. Пилькевич, в ночь на 22 июня он находился дома, но по тревоге был вызван посыльным и к моменту открытия немцами огня уже находился на

месте. В первый день боев дот успешно отразил все атаки противника, гарнизон потерь не имел. Только курсанты Неумытое и Шмелев получили легкие ранения и контузию (подобравшийся к доту немец сумел забросить в гильзоотводное отверстие две гранаты). Вечером подвели итоги: боеприпасы на исходе, едва хватит еще на один день, воды и продовольствия нет. За 38-м дотом протекал ручей, но днем даже не стоило думать пробраться туда. Ночью курсант Афанасьев со связкой фляжек отправился на "промысел". Вернулся с водой и ранцами, взятыми у убитых немцев; в них нашли кое-что из продовольствия и немного подкрепились.

Далее в воспоминаниях Шмелева возникает нестыковка с тем, как запомнились эти события Ирину. По его словам, утром 23 июня в командирский дот № 38 был послан связной. Вернувшись, тот сообщил, что 38-й взорван, а все его защитники погибли. Но Л. И. Ирин утверждал, что их подорвали 24 июня. Правда, при таких страшных увечьях, которые он получил, нетрудно и ошибиться. Да он и сам подтверждал, что потерял счет дням.

"... я услышал вскоре шум мотора подъезжающей машины с немцами. Они соскочили, вытащили меня из кустов и, бросив в машину, привезли в Марковцы, где, оставив меня у дороги, ушли. Из любопытства подошли несколько женщин, шедших из

185

костела. Я спросил у них, какое сегодня число, так как потерял счет дням. Мне сказали, что 29-е".

То, что женщины шли утром из храма, очень важно. Значит, там была отслужена утренняя Месса, то есть действительно было 29 июня, воскресенье. Но я не буду пытаться увязать воедино воспоминания мужественных красноармейцев, пусть все будет так, как есть.

Когда немцы начали очередную атаку, неожиданно открыл огонь дот № 37, молчавший весь день 22 июня. Его гарнизон во главе с командиром лейтенантом Чусем находился в наряде в Сопоцкине. Видимо, уцелевшие

бойцы сумели добраться до своего маленького форта и приняли бой. Результаты дружного перекрестного огня не заставили себя долго ждать: лощина, которую оба дота держали под обстрелом и которую противник считал находящейся в "мертвой зоне", теперь действительно стала мертвой: ее усеяли десятки трупов. Но к вечеру дот № 37 расстрелял весь боекомплект и замолчал. Саперы подобрались к нему со стороны 38-го и взорвали.

Ослабел и огонь дота № 59: запас боеприпасов таял на глазах. Заметив это, немецкие саперы попытались подтащить к нему взрывчатку, но дозорные сорвали несколько попыток. Из дота № 54 пришел связной сержант Портнов: старший лейтенант В. Г. Мачулин спрашивал Пилькевича о том, что тот намеревался делать в сложившейся обстановке. Узнали, что Гродно взят, а уровские войска отрезаны от Немана. Взводный обратился к своим подчиненным с тем же вопросом. Ответ был один: *"Будем сражаться"*.

Ночью немцы проникли к доту и залезли на его верхнее перекрытие. Через перископное отверстие предлагали сдаться. Сержант Глазов обстрелял их из ручного пулемета. Для завтрашнего боя оставалось по 5-6 выстрелов на орудие, полупустые ленты в пулеметах и немного патронов для личного оружия. К полудню боеприпасы были истрачены, саперы беспрепятственно подошли к доту и спустили в перископную шахту пакет с взрывчаткой.

"Взрыв страшной силы потряс дот до основания. Рухнувшие перегородки казематов погребли под собою бойцов. Распахнувшейся, сорванной с петель стальной дверью был раздавлен лейтенант Пилькевич, воздушной волной убиты курсант Абрамов и мой помощник Неумытов. У входа с рассеченной пополам головой застыл сержант Глазов. В проходе-сквознике повсюду виднелись обезображенные тела бойцов". Из 22 человек уце-

186

лело пятеро, да и те израненные и контуженые. Они сползли на 2-й этаж, но на их стоны проверявший дот унтер выпустил несколько автоматных очередей. Теперь в живых осталось только двое: Шмелев и Петров. Они выползли из развалин через потерну (запасной выход) и

нырнули в рожь. Но с крыши дота раздались выстрелы, и первая же пуля догнала Петрова.

Теперь Шмелев был последним, кто остался в живых из дота № 59. Где-то в немецком (а может, и в российском) архиве лежит пожелтевший листок боевого донесения, в котором написано что-нибудь вроде: 24 июня 1941 г. в районе местечка Сопоцкин приведены к молчанию три русских дота, наши потери такие-то, захвачено в плен столько-то. Как лаконично звучит "приведены к молчанию", и как много за этим скрывается.

Справка

По воспоминаниям родственников, лейтенант Чусь был в отпуске у родителей в Центральной России и там по радио узнал о начале войны. 37-м дотом командовал кто-то другой (гарнизон его действительно находился в наряде в Сопоцкине и Гродно). Дот этот сильно разрушен, и его тайна скрыта под толщей бетона. В мае 2004 г. археологи Гродненского госуниверситета имени Я. Купалы обследовали доты № 38 и 59; на нижних этажах были обнаружены человеческие кости. Все останки советских солдат были собраны для захоронения с надлежащими воинскими почестями.

Курсант Н. А. Тимофеев служил в гарнизоне дота № 55. Его воспоминания позволяют предположить, что сооружения, находившиеся в районе деревни Балинснты, входили в роту лейтенанта Кобылкина. 55-й находился примерно в 200 метрах от дороги, ведущей из Сопоцкина к погранзаставе № 3 (лейтенанта Усова). В ночь на 22 июня гарнизон дота был в карауле. В полночь начкар политрук роты Шишков получил по телефону распоряжение: собрать всех патрулей у 37-го дота и занять оборону вдоль дороги. Через полчаса раздался второй звонок: начальнику караула остаться у телефона, остальным разойтись по своим подразделениям. Дот № 55 был закрыт, но вскоре из деревни Балиненты прибежал взводный лейтенант

Торохов, открыл дот и велел снять смазку с пушки (45-мм установка ДОТ-3) и пулеметов. Ездовой Сергеев привез патронов и 20 бронебойных выстрелов к пушке, обещал в следующий раз привезти еще и осколочных. Подъехал верхом командир роты. Взводный доложил о готовности гарнизона, в кото-

187

ром было 12 человек. Лейтенант Кобылкин принял рапорт и, не слезая с лошади, сказал: *"Ждите проверяющих. Ведите наблюдение за дорогой к заставе. Обо всем замеченном и важном докладывать мне через связных. Я буду в 38-м. По дороге от Сопочкино возможно прибытие к границе стрелкового полка. Сообщите мне..."* И уехал. Больше его не видели.

После шквального огня по позиции роты (в том числе и по амбразурам дотов - из скорострельных пушек малого калибра) немцы перешли в наступление. Но по ним перекрестным огнем ударили пулеметы трех дотов; немецкие цепи были скошены очередями вместе с наливающейся рожью. В перерыве между атаками в дот № 38 был послан связным курсант Круглов с просьбой о подвозе осколочных выстрелов для артустановки. До цели не добрался: как потом стало известно, встретился на пути с немцами, вступил с ними в рукопашную схватку и геройски погиб. Боеприпасы так и не подвезли. Говорили, что ездовой Николай Сергеев, который вез их со склада в Сопочкине, попал под бомбежку и взлетел в воздух вместе с повозкой.

После полудня противник усилил атаки. Но доты, поддерживая друг друга огнем, пока их успешно отбивали. Однако делать это к вечеру становилось все труднее, потому что немцы выдвигали все больше орудий на прямую наводку и били по амбразурам дотов, ослепляя их, а потом атаковали. Патроны к пулеметам быстро таяли, и лейтенант Торохов приказал их экономить. Когда стемнело, атаки прекратились. Серьезных потерь, кроме гибели связного Круглова, взвод из 55-го не понес, если не считать поврежденного пулемета и легко раненного в голову 1-го номера. Но в целом положение роты ухудшалось. Ночью в дот приполз с перевязанной головой молодой лейтенант из поступившего в субботу пополнения и принес

тягостную весть: 38-й дот, где он находился, немцы блокировали и подорвали. Почти все его защитники погибли или искалечены. Командира роты среди них не было. Сопецкин еще до полудня был занят немцами. Наша танковая дивизия, наступавшая от Гродно, не могла пробиться к границе и отступила, потеряв много танков, уничтоженных с воздуха. Поэтому надежда на скорую помощь из тыла напрасна.

Утром 23 июня немцы после короткого, но сильного, обстрела дота тяжелыми снарядами атаковали его танками. Они выдвинулись от фольварка Климовщизна в полукилометре от

188

дота. К орудию встал помкомвзвода сержант Василий Золотой. Несколькими выстрелами он подбил два танка, третий же, не желая испытывать судьбу, задом ретировался к фольварку. Больше с этой стороны враги не атаковали. После этого главная опасность нависла справа, со стороны дороги на Колеты, где попал в беду атакованный с двух сторон 39-й дот. Немцы проникли к нему со стороны перелеска, обнаружив, что недавно возведенный там дот не достроен и не вооружен. Прикрываясь танками, они блокировали этот соседний дот. Помочь ему было невозможно: с этой стороны в доте № 55 была амбразура с поврежденным накануне пулеметом. Посланные через дорогу в дот лейтенанта Чуся связные вернулись удрученными: 37-й также был подорван и не подавал признаков жизни. Таким образом, к вечеру 23-го у развилки дорог остался едва ли не один дот № 55. Позади, в глубине позиции, стояла еще одна огневая точка, но состояние ее не было известно. Слева от дороги еще держался 59-й, но после вывода из строя двух соседних с ним дотов положение его тоже было незавидным.

Вечером гитлеровцы неожиданно для урвцев атаковали их с тыла, вдоль дороги от Сопецкино, отрезав таким образом учебную роту от 1-й. Сначала появилась крытая машина, и у развилки дорог, когда из нее начали выпрыгивать автоматчики, по ним ударил молчавший до этого времени

тыловой дот № 54. Потом по дороге в обход разбитой машины проехал бронетранспортер, который был подбит огнем из 55-го дота. Последние бронебойные снаряды были выпущены по скоплению вражеской техники у фольварка. Оставили лишь один - на всякий случай.

Подходил к концу второй день войны. Патроны были расстреляны почти все, для пушки остался один выстрел, не было ни грамма продовольствия. Связи тоже не было ни с кем. Когда наступили сумерки, бои стали постепенно затихать везде. Ночью лейтенант Торохов послал двух связных в батальонный командный пункт, который находился в расположении 1-й роты, в доте № 17. Но там, кроме незнакомого лейтенанта и батальонного фельдшера, никого не было. Они сказали, что комбат находится у канала в 3-й роте и они тоже направляются туда, в 213-й полк, с которым, возможно, будут выходить из окружения. Но когда, они пока не знали.

189

Утром с тыла снова послышался гул моторов. Танки подошли со стороны недостроенного дота и начали бить по 55-му в упор. Разбив наружную (решетчатую) дверь, немцы вылезли из танков. Они подошли к доту, но внутренняя броневая дверь была оборудована хитрым замковым устройством со многими рукоятками, блокируемыми изнутри, и открыть ее они не могли. Стали кричать в пулеметную бойницу: *"Рус, сдавайс! Бистро, шнель раус! Аллес капут!"* и еще что-то.

"Айн минут! Сейчас открою", - отозвался взводный, отодвигая задвижку бойницы. Он выстрелил через нее несколько раз из револьвера, снаружи раздались крики, кто-то упал, а остальные побежали к танкам. Сержант принес ручной пулемет и дал длинную очередь по сгрудившимся у танков немцам. Те спрятались за броней.

Когда закончились патроны и к ручному пулемету, гитлеровцы осторожно приблизились к двери с пакетами взрывчатки и, уложив ее у входа в сквозник, вернулись к танкам. Через несколько минут прогремел мощный

взрыв, который выбил броневую дверь и разрушил часть сквозника. Ограничившись этим, немцы уехали.

Немного придя в себя, бойцы 55-го дота решили попытаться пробраться к каналу, чтобы отходить вместе с полком. Выпустив по фольварку последний снаряд, они испортили матчасть, забрали личное оружие, ручной пулемет и последние патроны, вечером тайно выбрались из дота и кустарником двинулись к Августовскому каналу. В дотах 3-й роты никого уже не было, кроме нескольких тяжелораненых. Они сказали, что все ушли вместе с 213-м полком к Неману. Полк так и не догнали, на рассвете переплыли Неман на обнаруженной у берега лодке и лесными дорогами двинулись на восток. Теперь немцы могли быть спокойны: эти "неправильные" русские в дотах, не желавшие сдаваться в условиях полного окружения, больше не будут им досаждать.

Августовский канал. 56-я стрелковая дивизия

Главный рубеж Гродненского УРа проходил по южному берегу Августовского канала, полоса предполья - по северному. Там силами пехотинцев и саперов 56-й дивизии были установлены проволочные заграждения, вырыт противотанковый ров, оборудованы дзоты (деревоземляные огневые точ-

190

ки). Предполье обороняли 2-й батальон 213-го СП и, как выяснилось уже в ходе боев, 1-й батальон 184-го Краснознаменного СП. 213-й полк был поднят по тревоге в 3 часа 35 минут, за четверть часа до начала артподготовки немецких войск. 1-й и 3-й батальоны заняли полевые укрепления и недостроенные доты, 2-й батальон (комбат - капитан Д. Н. Шилов) - позиции в предполье. Вместе с пехотой оборону заняли военные строители и саперы, среди которых был 1-й батальон 23-го инженерного

полка (командир - капитан К. Л. Спиричев). Первый удар приняли на себя батальоны, находившиеся на северном берегу канала. До пехотного полка 161-й дивизии 8-го армейского корпуса вермахта атаковало позицию батальона 213-го стрелкового полка. Атака была отражена с большими потерями. После полхода подкрепления гитлеровцы повторили атаку усиленным составом. Батальон Шилова начал отход за Августовский канал [42, с. 48]. Вероятно, его бойцы слышали, что на левом фланге гремела ожесточенная перестрелка (там тоже кто-то держал оборону), но кто это был, выяснилось позже и при весьма трагических обстоятельствах.

1-й батальон 184-го КрСП был выделен на строительство укреплений 68-го УРа. Задача была поставлена следующая: выкопать выделенный батальону участок противотанкового рва. Палаточный лагерь разбили недалеко от деревни Соничи, прямо у вспаханной контрольно-следовой полосы. На работы их каждый день пропускали через эту полосу пограничники. К вечеру 21 июня ров был выкопан, командир 1-й роты лейтенант Палашенко и другие офицеры убыли на выходной в Гродно к семьям. Командир батальона капитан Корнух был в отпуске. Утром, как рассказывал бывший пулеметчик 1-й роты М. И. Алексеенко, их разбудил не сигнал тревоги, а грохот рвущихся снарядов. Но паники не было, хотя офицеры из Гродно так и не вернулись, был только лейтенант, замещавший комбата. Счастье, что батальон прибыл на земляные работы не из летнего лагеря, а прямо с зимних квартир: со всем вооружением и боеприпасами. Поэтому старшины рот быстро выдали бойцам по 60 патронов на винтовку, по 2 диска - на ручной пулемет, по 2 ленты - на станковый.

Чтобы не дать засечь себя авиации, спешно свернули лагерь, сорвав палатки. Преодолев контрольно-следовую полосу, быстро заняли обо-

191

рону в предполье, установили пулеметы в дзотах. Командовали сержанты - помощники командиров взводов. Противник обстрелял расположение батальона из минометов, но особого результата это не дало.

Свыше часа длилась активная ружейно-пулеметная перестрелка. Когда растаял запас патронов, решено было отойти на 2-ю линию обороны - за канал. Сделать это оказалось не так-то просто. Когда заняли какую-то высотку, перейдя через сгоревшее хлебное поле (канал был уже виден), снова попали под минометный обстрел. С той стороны, из стоявших в шахматном порядке дотов, ожесточенно били пулеметы. Свои били по своим.

Положение стало критическим, потери батальона росли. Чтобы связаться с дотами, послали туда разведчиков, все они погибли, скошенные шквальным огнем из-за канала. Рядовой Сатаров пошел в полный рост, размахивая красной косынкой на палке, и тут же упал, сраженный насмерть. Из 1-й роты послали четверых бойцов на заставу в надежде через пограничников установить связь с укрепрайоном. Застава оказалась брошенной, и связь не работала, но на складах разжились провиантом, винтовочными патронами и гранатами. Доты своим огнем по-прежнему не давали подойти к берегу Августовского канала. М. И. Алексеенко вызвался в одиночку переплыть на южный берег и связаться с урвпами. Со второй попытки ему это удалось. Сжимая в руке штык от СВТ, храбрый солдат выбрался на берег. Из ближайшего дота выскочили и окружили его несколько странных красноармейцев. Одеты они были в польскую форму и фуражки-"конфедератки" с красными звездочками, возрастом тоже были постарше, нежели вновь призываемая молодежь. Солдаты говорили по-польски (очевидно, это были уже отслужившие срочную службу резервисты польской армии, призванные в ряды РККА за несколько дней до войны и пришедшие на призыв в старой форме). Понять их перебранку было нелегко, но "герман", "замурдовачь" и "растшелячь" Ачексеенко разобрал.

Уяснив, что его принимают за немца, он возмущенно высказал полякам все, что о них думал. Образная русская речь отрезвила поляков: *"А можэ бычь, он и иаправдже россиянин? Бо ни едэн герман не бэндже так лайеть по-российску"*. Послали за командиром, штык, правда, отняли. Пришедший

младший лейтенант, чистенький, в новой форме (вероятно, только что выпущенный из училища), так-

192

же не поверил пулеметчику. Ситуация была нелепая до крайности. В уровском батальоне не знали, что перед их главной позицией, в предполье, находится "чужой" стрелковый батальон, гибнущий теперь под перекрестным огнем своих и противника. Несколько раз М. И. Алексеенко переплывал Августовский канал под пулями, устно передавая взаимные требования офицера укрепрайона и своего помкомвзвода сержанта Соловьянинова, пока доты на время не прекратили огонь. Наконец, сильно поредевший батальон 184-го Краснознаменного стрелкового полка оказался на боевой позиции 68-го УРа на южном берегу канала. Красноармейцы обсушились, отдохнули, пополнили немного боекомплект и подкрепились (уровцы поделились сухарями и селедками). Потом они двинулись вдоль канала к Неману в надежде соединиться с главными силами полка.

Первые несколько часов действия 213-го СП поддерживали огнем 247-й гаубичный полк (и. о. командира - майор Кузнецов) и дивизион 113-го легкоартиллерийского полка, позже с учебных сборов подошли другие два дивизиона. Рядом с летним лагерем 213-го полка располагался лагерь дивизионного 38-го разведбата (командир - капитан Захаренко), имевшего на вооружении танкетку и десять бронемашин БА-10. Разведчики также приняли участие в бою, поддерживая огнем пехоту.

Палаточный лагерь 247-го ГАП находился недалеко от господского двора Свят-Вельки, где располагалась опергруппа штаба дивизии. Понеся большие потери в людях от действия авиации и артиллерии противника, он тем не менее оперативно выступил в сторону Августовского канала. Развернувшись на участке позади обороны 213-го полка, артиллеристы немедленно открыли беглый огонь осколочными снарядами по наступающей немецкой пехоте. Тут же налетели пикирующие бомбардировщики "Ю-87" из корпуса Рихтгофена. Когда, отбомбившись, "штукасы" улетели, на изрытых

воронками огневых позициях артполка осталось в строю менее половины орудий, погибло много личного и конского состава, было разбито много тягачей и автомашин. Только привели себя в порядок, как последовал новый налет. Командир огневого взвода 1-й батареи 1-го дивизиона А. М. Иванов вспоминал, что соседи пытались спасти орудия, закатывая их в котлованы недостроенных дотов, но из этого ничего не вышло. Примерно к

193

6-7 утра 247-й гаубичный артполк был полностью разгромлен. Похоронив погибших, прицепив к тягачам несколько уцелевших гаубиц и уложив раненых в кузова на свежесрубленные ветки, оставшиеся в живых направились в сторону Гродно. К Неману вышло 78 человек из 1240.

Не менее печальной была участь 113-го ЛАП. При первом артобстреле было убито и ранено много коней того дивизиона, что находился у канала (полк был полностью на конной тяге), уцелевшие животные разбежались, и их пришлось долго ловить. Прицепив орудия и передки к упряжкам, артиллеристы выдвинулись к границе, заняли свои огневые позиции и также открыли беглый огонь по пехоте и бронетехнике противника. Под ударами с воздуха и ответным огнем вражеской артиллерии выходили из строя одно орудие за другим, выбивались личные составы расчетов.

Герой Советского Союза А. М. Коваль вспоминал:

"К обеду после неоднократных атак в расчете осталось только 2 человека - я и наводчик. Мы навели орудие и прямой наводкой стали расстреливать танки. Несколько танков были подбиты, остальные спрятались в укрытие. Противник не мог не заметить наше орудие и открыл по нему огонь. Орудие было разбито, а я ранен осколком снаряда" [76, копия]. К 18 часам в 113-м полку осталось всего два орудия (76-мм пушка и 122-мм гаубица). Остаткам полка была поставлена задача - оставить позиции, пройти через Гродно и сосредоточиться на его окраине, в лесу, где развернуть пункт сбора военнослужащих; уцелевшие орудия направлялись на усиление 184-го стрелкового полка.

Таким образом, после разгрома дивизионной артиллерии 56-й дивизии стрелковые подразделения, державшие оборону на берегу Августовского канала, остались без огневой поддержки. После полудня 28-я пехотная дивизия вермахта прорвала советскую оборону на рубеже Гродненского укрепрайона и, обойдя Сопоцкин с юга и севера, начала продвигаться в сторону Гродно. 213-й стрелковый полк занял круговую оборону в районе деревни Лойки. Комендант УРа полковник Н. П. Иванов, находившийся на своем КП, до 14 часов поддерживал связь с батальонами, затем связь была прервана, и восстановить ее не удалось. Впоследствии управление района перешло в Скидель.

В ночь на 23 июня командир 9-го артпульбата капитан П. В. Жила с частью своих людей с боем пробился

194

на соединение с 213-м полком, но некоторые заблокированные немцами доты на сопоцкинских высотах сражались до последних чисел июня; гарнизон одного из сооружений под командой старшего лейтенанта В. Г. Мачулина продержался до 27 июня [3, с. 38]. Когда дот был приведен к молчанию и подорван, раненый и контуженый Мачулин был пленен. После войны он жил в Гродно, работал водителем такси, но никому в голову не пришло побеседовать с ними записать его воспоминания. Так и умер, никому ничего не рассказав.

Объективности ради поправлю немного коллег-историков, пишущих о войне. Вся водная система, связывающая реки Висла и Неман, действительно носит название Августовский канал. Но на самом деле канал, вернее, его рукотворная часть, состоит из двух отрезков. Первый фактически заканчивается у деревень Горчица и Пляска, дальше идет цепь проточных озер (наибольшее из них имеет название Микашевское) и от деревни Рыгол - речка Чарна (Черная) Ганьча. У д. Соничи Чарна Ганьча поворачивает на север, и от нее берет начало второй отрезок канала. Именно на берегу этого отрезка находилась позиция 213-го полка. Но для тех, кто встретил утро 22

июня в составе войск 3-й армии, **АВГУСТОВСКИЙ КАНАЛ** если и не аналог **ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТ**, как для защитников Ленинграда, то тоже место памятное и святое. И пусть так и будет.

184-й Краснознаменный стрелковый полк (командир - подполковник П. М. Чугунов) в ночь на 22-е находился в районе деревни Гожа, то есть на правом, восточном берегу Немана. Ширина реки в этом месте свыше 180 м, глубина - до 3 м. Ближайшие мосты - в самой Гоже и в Гродно. В исторической литературе нет ничего, что дало бы хоть какие-то факты, касающиеся действий этого полка в первый день войны. Есть только одно скупое сообщение по линии войск НКВД. Из донесения начальника войск Белорусского погранокруга И. А. Богданова:

"На 16-30 22 июня 1941 г.

- 1) Гожа, участок Августовского погранотряда, занят противником.
- 2) 184-й стрелковый полк ведет бой на фронте Маньковцы, Келбаски, Шемблевец. 213-й стрелковый полк - в дер. Лой-

195

ки" (Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов. М., 1968. С. 132).

Вечером в распоряжение командира 184-го полка поступили два оставшихся орудия 113-го легкоартиллерийского полка; как могли, они поддерживали пехотинцев, причем командовали огнем лично командир полка Зайцев и начальник штаба майор Данилов. Подполковник Зайцев, весь день бесстрашно командовавший своей частью под непрерывным огнем, был убит; наводчик орудия А. А. Бабаджанян в память о своем комполка сохранил его полевую сумку.

Бабаджанян рассказывал:

"Бойцы 184-го полка ручной гранатой поджигают первый танк, однако танки ползут. Я направляю ствол своего орудия на идущий впереди. Мой командир орудия отдает приказ: *"4 снаряда, беглый - огонь!"* Выпускаю снаряды. В тот момент ползущий слева танк, обстреливая нашу огневую по-

зицию, снес верхнюю часть щита моего орудия и смертельно ранил командира. Танки идут прямо на орудие. Я прекращаю стрельбу. Заряжающий в один миг вытащил из кармана погибшего командира ручную гранату, спрятался под куст и оттуда бросил ее под танк. Танк загорелся и остановился. Остальные повернули обратно" [76, копия]. Когда стемнело, на огневой позиции осталось пятеро живых: майор Ф. К. Данилов, капитан Ширяев и трое бойцов. За день 184-й СП и 113-й ЛАП подбили 14 единиц вражеской бронетехники, но арtpолк фактически перестал существовать. Подорвав орудия, оставшиеся в живых пошли на восток в поисках сборного пункта. Так в целом закончился боевой день 22 июня на правом фланге 3-й армии.

В показаниях арестованного Д. Г. Павлова (это очень важный документ, и возвращаться к нему я буду часто) есть такая запись:

"На мой вопрос - каково положение на его правом фланге - Кузнецов ответил, что там положение, по его мнению, катастрофическое, так как разрозненные части в районе Козе (севернее Гродно) с трудом сдерживают натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Козе и Друскеники (Гожа и Друскининкай. - Д. Е.), был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей, но что он сейчас собирает все, что у него есть под рукой, и бросает в район Козе". Севернее Гродно в течение дня 22 июня действовали сначала один 184-й полк 56-й дивизии, а затем - и 59-й полк из

196

состава 85-й дивизии.

Нет ясности, что за механизированные части противника могли нанести по советским войскам удар с тыла, со стороны Друскининкай. В направлении Меркине, где имелся мост через Неман, после прорыва пограничного рубежа продвигалась 12-я танковая дивизия 57-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы. Логически вполне допустимо, что после форсирования Немана в Меркине какая-то часть танков могла быть

направлена на юг с целью удара в открытые правый фланг и тыл 3-й армии, но никаких документальных подтверждений тому не обнаружено. Нашел лишь не подкрепленное ничем заявление, что через Августов была введена в бой 19-я танковая дивизия 57-го корпуса. В воспоминания Гота углубляться бесполезно, там сообщается лишь о том, что 19-я ТД утром 24 июня переправилась через Неман в Меркине, про 22 июня Гот "играет в молчанку".

Конечно, каждый волен выдумать все, что угодно, в рамках здравого смысла, разумеется. К примеру, что ввод дивизии в бой на этом направлении был признан германским командованием ошибочным, так как соединение сразу же понесло серьезные потери в столкновениях с 11-м мехкорпусом Красной Армии и 7-й бригадой ПТО; тратить и далее в боях за Гродно его боевой потенциал, когда пехота сама неплохо справлялась со своей задачей, было непозволительной роскошью. 19-я ТД снова через Августов была отведена в сувалковский выступ, в течение дня 23 июня приводила себя в порядок, в ночь на 24-е снова двинулась на восток, но уже вне полосы 3-й армии, и дождалось очереди форсировать Неман. Или что во второй половине дня 22 июня поступила информация с севера, из 39-го моторизованного корпуса, что при захвате переправ в среднем течении Немана советские войска оказывают неожиданно сильное сопротивление, потери в бронетехнике чрезмерны, следует вывести 19-ю дивизию снова в резерв.

Левый фланг. 27-я стрелковая дивизия

3-я армия обеспечивала прикрытие правого фланга Западного округа и стыка с Прибалтийским округом. Над белостокским выступом нависал Сувалковский, вследствие чего очертания государственной границы в этом месте были более чем необычными. Поэтому и главный удар 9-й полевой армии

вермахта (командующий - генерал-полковник А. Штраус) нельзя отнести к какому-то определенному направлению. 8-й армейский корпус своими тремя дивизиями сокрушал оборону 56-й дивизии и 68-го укрепленного района, продвигаясь на восток и юго-восток. Из района севернее Августова в южном направлении двумя своими дивизиями атаковал 20-й армейский корпус. Вспомогательный удар наносился с северо-запада, отсюда перешли в наступление часть сил 129-й и целиком 87-я пехотные дивизии 42-го армейского корпуса. Им противостояли в основном части только одной дивизии 4-го корпуса: 27-й стрелковой Омской дважды Краснознаменной имени Итальянского Пролетариата.

Командовал соединением генерал-майор А. М. Степанов, заместителем у него был полковой комиссар И. В. Журавлев, начальником штаба - подполковник Яблоков. Заранее приведенный в боеготовность 345-й полк устоял под ударом 162-й пехотной дивизии 20-го корпуса, наступавшей вдоль Сувалковского шоссе. В полосе наступления корпуса находился германский бронепоезд № 1, но он остановился в 3 км от границы, так как дальше шла колея уже другой, российского стандарта, ширины. Рядом с бойцами 345-го СП за Августов сражались красноармейцы 120-го противотанкового дивизиона (командир - старший лейтенант К. С. Марков) и 45-го отдельного саперного батальона. Бывший боец внутренних войск Л. Ф. Качанов написал, что в боях приняли участие также курсанты Могилевской межкраевой школы НКВД, находившиеся в летнем лагере близ города [76, письмо].

Защитников города поддерживал заградительным огнем 1-й дивизион 444-го корпусного артполка (командир полка - подполковник Кривицкий, замполит - батальонный комиссар Попов). Как вспоминал бывший курсант 1-й батареи Ф. Ф. Ипатов, на высоте отметки 39,8 ими к 20 июня были сооружены блиндажи, поблизости была и позиция дивизиона. За короткое время артиллеристы выпустили по врагу 185 снарядов, причем иногда вели

стрельбу не свойственным для гаубиц способом - прямой наводкой по бронетехнике.

Когда начался обстрел города, В. К. Солодовников позвонил в погранотряд майору Г. К. Здорному, но связи уже не было; тогда он перешел на командный пункт. Подразделения полка спешно покидали казармы, семьи командиров спрятались в лесу. Через час со стороны Сувалок появился передо-

198

вой отряд противника, но ему нужно было преодолеть дефиле, по которому проходило шоссе, а это оказалось на первых порах невозможным. Артиллерии в полку не было, но в ходе тяжелого 4-часового боя огнем минометов и стрелкового оружия противник был остановлен. Его подразделения начали переправляться через озеро Нецко, но все их попытки ворваться в Августов с левого фланга были отбиты с серьезными потерями.

После затишья последовала еще одна атака, но на этот раз пыл у германцев ослаб, и было видно, как их офицеры пинками, зуботычинами и угрозами поднимали солдат в атаку. После неудачных попыток атаковать с ходу немцы решили закрепиться на промежуточном рубеже и с него продолжать наступление. Рельеф местности и густой кустарник играли им на руку. Параллельно переднему краю 345-го СП был расположен стрелковый тир длиной 100-150 м и глубиной до двух метров. Противник решил использовать этот тир для накапливания сил, чтобы ударить одновременно с фланга и тыла. Но на берегу озера, в 20 м впереди переднего края полка, находился небольшой одноамбразурный дзот, заброшенный из-за ветхости. Его занял расчет пульроты 1-го батальона. Закончив подготовку к атаке, противник открыл сильный артиллерийский огонь по позициям советских войск. Когда немецкая пехота была уже готова атаковать, из дзота вдоль тира был открыт шквальный пулеметный огонь. Около 150 вражеских солдат было убито и ранено, атака сорвалась.

Была отбита и атака на правом фланге батальона. Там гитлеровцы применили варварский ход: пустили впереди себя детей из захваченного пионерлагеря. Увидев такую картину, бойцы прекратили огонь, поползли навстречу, контратакой "в штыки" отбили детей и вывели их в укрытие, а потом в Августов.

Почувствовав пустоту перед своим правым флангом (в районе 3-го батальона 345-го полка), противник решил попробовать взять Августов не лобовым ударом, а обходным маневром против нашего левого фланга. Это направление было перспективным потому, что у полка вообще не было левого соседа - о причинах скажу ниже. Поэтому полковник Солодовников выдвинул в район Жарново приданный ему разведбатальон, бронемашины которого, активно маневрируя и ведя сильную стрельбу, принудили агрессора сосредоточить свои усилия в направлении 3-го батальона, который держался очень

199

стойко.

Тогда немцы атаковали в промежутке между 1-м и 3-м батальонами, которые были разделены озером. Они подтянули артиллерию и, поставив ее на прямую наводку, начали обстрел дзотов. В это же время они перебрасывали живую силу через озеро. Сосредоточившись под прикрытием артогня, противник вновь атаковал 3-й батальон. Артиллерия с полигона еще не вернулась, но пехотинцы и минометчики сумели вновь отразить натиск. В ходе следующей атаки в рукопашной схватке смертью храбрых погибли пулеметные расчеты двух дзотов, но введением в бой части резервной 9-й роты положение было восстановлено: остатки противника отошли на лодках на северный берег озера. Потери в 345-м составили около 150 человек убитыми и ранеными, но положение его казалось очень прочным даже без артиллерийской поддержки.

Однако между 15 и 16 часами на КП полка прибыл зам. командира дивизии полковник А. М. Гогоберидзе. Он передал приказ командования:

отойти в район Бялобжеги, на 2-ю линию обороны. Зам. командира полка капитан Свиридов счел приказ изменой и попытался саботировать его выполнение, но комполка заверил Гогоберидзе, что все будет в порядке. Когда тот уехал, Солодовников заявил своему заместителю, что он не прав, так как не знает обстановки на других участках, - капитан молча согласился. Командиры и бойцы были очень опечалены, что вынуждены отступать после таких удачных действий, на лицах у всех были печаль и горе. Отдав приказ на отход, В. К. Солодовников направил капитана Свиридова в 1-й батальон, приказав начать отступать только тогда, когда 3-й батальон отойдет за дорогу Августов-Граево.

Отход был совершен успешно, без особого давления противника. Здесь, на 2-м рубеже, в полк наконец-то вернулись его артиллерия и приданный 53-й ЛАП майора И. В. Пчелкина. Но радость полковника была преждевременной. Вновь прибыл Гогоберидзе с новым приказом: отойти еще дальше и занять оборону на реке Бобр, на Штабинском участке укрепрайона (в 30 км от Августова). К вечеру 22 июня 345-й СП и другие оборонявшие Августов части отступили на юг, отошли за реку и заняли рубеж по ее берегу. Отход совершался в развернутых боевых порядках, под постоянными атаками авиации. Вместе с 33-м батальоном связи были выведены дети еще одного пионерского лагеря. Корпусные артиллеристы 444-го полка расстреляли

200

весь боекомплект, восполнить его было негде, поэтому они вынуждены были начать отход в сторону Гродно, сохраняя матчасть.

С. С. Зубенко в своей неопубликованной рукописи писал, что один из батальонов 345-го СП к началу войны находился на строительстве укреплений по берегу Райгрудского озера и участь его была незавидной. Палатки пехотинцев, не ожидавших нападения, отлично просматривались с сопредельной стороны, поэтому на рассвете вражеская артиллерия без промедления обстреляла их. Не успели оставшиеся в живых опомниться, как

лагерь был охвачен кольцом мотоциклистов. Дальнейшее походило на кошмар: нацисты сгоняли безоружных красноармейцев в колонну, беспощадно добивали раненых, отделили и тут же расстреляли политработников. Остальных погнали на свою сторону через пограничную деревушку Завады-Творки. Описание выглядит вполне правдоподобным, тем более что командир 345-го полка сетовал на отсутствие левого соседа, но совершенно исключена принадлежность батальона полку В. К. Солодовникова.

Участок границы в районе местечка Райгруд, левее Августова, должен был прикрывать 132-й стрелковый полк (командир - майор М. А. Медведев). Зубенко описал гибель 3-го батальона как раз из этого полка. Главные его силы стояли в Суховоле вместе со штабом дивизии и приняли бой позже. Подтверждением этого служат воспоминания В. А. Михайлова, бывшего командира пульроты 2-го батальона. На рассвете 22 июня почти одновременно с сигналом боевой тревоги на лагерь полка налетела авиация. На сборном пункте 2-му батальону (комбат - капитан Ш. Н. Зильбербрандт) было приказано идти на помощь 3-му батальону, находившемуся на строительстве оборонительного рубежа. У деревни Штабин колонну атаковали два "мессершмитта", один из них сбили огнем из своего станкового пулемета братья-близнецы Калинины. На пределе сил батальон продолжал марш-бросок в направлении Августова.

Примерно на полпути между Штабином и Августовом передовое подразделение столкнулось с двигавшейся навстречу колонной противника. Прекратив марш, батальон развернулся и начал окапываться. Видимо, помощь опоздала, помогать уже было некому. Вскоре перед фронтом батальона начали накапливаться для атаки группы немецких солдат. Начался минометный об

201

стрел, затем появились пикирующие бомбардировщики. Но батальон не дрогнул. Первая вражеская атака захлебнулась в двухстах, вторая - в трех

десятках метров от линии нашей обороны, уползли только одиночки. От непрерывного огня кипела вода в кожухах пулеметов. Больше немцы не атаквали. Относительное затишье бойцы использовали для дальнейшего окапывания, перевязки раненых, похорон убитых. Среди них были и братья Калинины, погибшие от прямого попадания бомбы. В пятом часу дня из полка поступил приказ: скрытно оставить позицию и отойти к Штабину, на рубеж УРа по реке Бебжа. Оставив заслон и прикрываясь от авиации лесными опушками, батальон начал отход. При подходе к реке Бебжа на "хвост" батальона сел подвижный отряд противника - десятка два мотоциклистов с двумя бронемашинами. Огнем из противотанкового орудия, замаскированного у моста, оба броневика и часть мотоциклов были разбиты, батальон переправился через горящий мост на южный берег реки.

Полной ясности, успел или не успел занять свой участок прикрытия 239-й стрелковый полк (командир - полковник А. К. Ежов), достичь не удалось. В утреннем донесении группы армий "Центр" (на 08:00 22 июня) указывается: "Занят населенный п[ункт] Граево. Бункеры перед Граево были не заняты противником" [20,с. 34].

Однако в приложениях книги "1941 год - уроки и выводы" на сайте "Военная литература" приводится иной перевод того же документа. Там написано буквально следующее: "Граево взято. ДОТ перед Граево еще не захвачены".

Как видно, налицо нестыковка, не позволяющая делать однозначные выводы. Есть, однако, данные о том, что даже после полудня два батальона 239-го полка по-прежнему находились в предполье 68-го УРа, причем один из них держал под обстрелом рокаду Граево - Августов. Если подразделениями Красной Армии было занято предполье, то, вероятно, были заняты и доты, по крайней мере, часть их. В самом же Граево шел ожесточенный бой. Кто руководил действиями этого маленького гарнизона, неизвестно. При первом же артобстреле погиб командир 75-го ГАП капитан К. Н. Ивасенко; по рассказам очевидцев, он бросился к штабу полка и был

буквально подброшен в воздух разрывом снаряда. С оторванными ногами, израненный множеством осколков, он умер на месте. Немцам противостояли пограничники и курсанты

202

полковых школ 239-го и 200-го стрелковых полков (последний принадлежал 2-й дивизии соседней 10-й армии - городок находился на стыке двух районов прикрытия). Около 8 часов немцы овладели большей частью Граево, но со стороны кирпичного завода и погранкомендатуры вскоре последовала контратака совместного отряда пехоты, "зеленых фуражек" и просоветски настроенного местного населения. Противник отошел к кладбищу.

Повторную атаку его части начали при поддержке танков и бронепоезда. Бронированная гусеница, вся в пятнах камуфляжной раскраски, внезапно пересекла линию границы, толкая перед собой товарный состав. Не ожидавшие подобной хитрости пограничники не успели взорвать заблаговременно заминированный мост; из бронеплощадок высыпали солдаты штурмовой десантной группы. Бронепоезд сразу же оказался под огнем батареи гаубиц 75-го артполка. Несмотря на дистанцию в пять километров, артиллеристы быстро пристрелялись и открыли огонь на поражение. Получив несколько попаданий тяжелых снарядов, бронепоезд сдал назад и укрылся в ближайшем к станции лесу, оставив десант без огневой поддержки. Но четырех гаубиц не хватило, чтобы отсечь танки, зашедшие в тыл граевскому гарнизону. Бой закончился в пользу немцев; Граево было захвачено, а его уцелевшие защитники отошли на юго-восток - к крепости Осовец, то есть в полосу 10-й армии.

Ранее этого, примерно в 10 часов, к крепости Осовец начали отходить конные упряжки тех двух дивизионов 75-го ГАП, что бесцельно мотались 21-го и в ночь на 22-е между Граево и Червоным Бором. Третий дивизион полка имел механическую тягу, судьба его точно не установлена. Лишь Р. С. Иринархов вроде бы пролил свет на то, что с ним стало. К сожалению, у

Иринархова отсутствует ссылка на первоисточник, так что не ясно, кто напутал, приняв дивизион за весь полк. По его словам, 75-й ГАП, имевший полную механическую тягу (чего на самом деле не было), находился на учебных стрельбах на армейском полигоне, какового в белостокском выступе, кстати говоря, также не было - Червоный Бор был полигоном корпусным. Не сумев пробиться на Граево, он под бомбежками растерял матчасть артиллерии, тягачи и автомашины, распался на мелкие группы, которые ушли пешком на восток (Западный Особый... Минск, 2002. С. 315).

203

3.2. Выдвижение резервов. Ввод в бой 2-го эшелона

В этой обстановке командование 3-й армии продолжало создание тылового оборонительного рубежа с привлечением для этого частей 85-й стрелковой и 204-й моторизованной дивизий. Но если полки 85-й дивизии дислоцировались в самом Гродно и летнем лагере Сола вблизи от города, то подразделениям 204-й МД пришлось совершать длительный марш из района Волковыска. Войну дивизия встретила в стадии формирования. Не хватало стрелкового оружия, техники, транспорта. Две тысячи человек личного состава во главе с зам. командира дивизии полковником Матвиенко остались в местах постоянной дислокации для получения оружия. 657-й артполк выступил на фронт одним дивизионом, два других не имели матчасти.

2-й эшелон дивизии, в частности две саперные роты 382-го легкоинженерного батальона, двигался пешим порядком. Пешим, несмотря на то что свободный автотранспорт в Волковыске был.

А. Г. Пинчук из 27-й стрелковой дивизии после войны вспоминал:

"[Мы] отступали через Волковыск, он был уже весь спален, одни печные трубы стояли, а справа по дороге в самом Волковыске стояли на колodkaх (и колеса покрашены белилами) новенькие ЗИСы и полуторки,

невредимые, штук двести" [76, письмо]. Вероятнее всего, это был окружной резерв. Две сотни открыто стоящих автомобилей - хорошая мишень, но вражеская авиация их не тронула. Видимо, была в курсе: машины на консервации, бомбить не нужно, достанутся наступающим полевым войскам в исправности. Ни командир "пешей" моторизованной дивизии, ни сам командир мехкорпуса машины эти себе не подчинили. Вероятно, не могли решиться, духу не хватило. А вот командир 9-го мехкорпуса Киевского военного округа К. К. Рокоссовский в аналогичной ситуации принял волевое решение: своей властью забрал с окружных складов в Шепетовке все машины окружного резерва и усадил на них свою 131-ю мотодивизию, также не укомплектованную автотранспортом.

Утро 22 июня было в разгаре, близился полдень. Уже через 5-7 часов после начала артподготовки немецкие части преодолели сопротивление 4-го стрелкового корпуса и глубоко вклинились в советскую территорию. Как показал комкор-4

Начальник штаба 11-го мехкорпуса С. А. Мухин

генерал-майор Е. А. Егоров на закрытом процессе по его делу, уже через полтора часа после начала боев его штаб не имел связи с командованием 3-й армии, а к исходу дня 22 июня была потеряна связь с обеими дивизиями (с 27-й и 56-й, ибо 85-я дивизия в состав корпуса не входила. - *Д. Е.*) [30, с. 7].

Арестованный Д. Г. Павлов показывал:

"Во второй половине дня Кузнецов донес, что из трех имеющихся у него радиостанций - две разбиты, а одна оставшаяся повреждена, он просит под-

205

бросить радиостанцию. За это же время от него же поступили данные, что нашими частями оставлен Сопецкин, и Кузнецов с дрожью в голосе заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер". В

боевом донесении штаба фронта за № 004 на 10:00 это было записано так: "Командующий 3-й армией лично доложил, что положение ухудшается. Противник захватил Сопецкин. Идут бои за Домброва, исход не известен. Танковая дивизия 11-го механизированного корпуса развернута и направляется для атаки в общем направлении Сопецкин во взаимодействии с 11-й смешанной авиационной дивизией. Для удара по группировке противника в сувалковском выступе направлен бомбардировочный полк под прикрытием полка истребителей. Штаб 3-й армии - Гродно, в готовности перейти - лес у Путришки".

Блокировав очаги сопротивления остаточных групп 56-й дивизии, пехотные части вермахта при поддержке подразделений бронетехники обошли занявший круговую оборону 213-й стрелковый полк и продвигались на Гродно. Чтобы парировать прорыв, командарм В. И. Кузнецов ввел в бой 2-й эшелон - 11-й механизированный корпус (командир - генерал-майор танковых войск Д. К. Мостовенко, начальник штаба - полковник С. А. Мухин).

Задача была поставлена следующая: встречным ударом разгромить немецкие части и выйти на рубеж Сопецкин-река Бобр.

Зам. командира 11-го МК по политической части полковой комиссар А. П. Андреев после выхода из окружения докладывал 15 июля 1941 г.:

"Связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части корпуса выступили самостоятельно... согласно разработанному плану прикрытия" [24, с. 17].

Корпусной 456-й батальон связи из 19 полагающихся по штату радиостанций 5-АК имел только одну, что весьма затруднило работу штаба. Принимая во внимание свидетельства Егорова и Андреева, можно прийти к выводу, что генерал В. И. Кузнецов и штаб 3-й армии в первые часы утратили контроль над всеми подчиненными войсками, за исключением 85-й дивизии, штаб которой также размещался в Гродно. Через какое-то время штаб армии сумел связаться с мехкорпусом. Приказ мог быть передан по

радио, его также мог вручить делегат связи, когда управление корпуса уже выступило из Волковыска и находилось на марше. В конце концов, в Гродно дислоцировалась 29-я танковая дивизия, и приказ можно было передать через ее штаб. Уже к 11 часам 29-я

206

ТД (командир - полковник Н. П. Студнев, зам. командира - полковой комиссар Н. П. Лебедев) вошла в соприкосновение и завязала бой с войсками противника.

Хранящиеся в белорусских архивах воспоминания бывшего начштаба 29-й дивизии Н. М. Каланчука и бывшего командира 57-го танкового полка И. Г. Черяпкина дают представление о том, как складывалась обстановка в районе Гродно утром и днем 22 июня.

Когда начался воздушный налет на Гродно, в 29-й дивизии по внутренней связи была объявлена боевая тревога, командиры частей явились в штаб. Полковник Н. П. Студнев приказал командиру разведбата произвести разведку в направлении Сопоцкин, Соничи, Калеты с задачей войти в соприкосновение с противником, выяснить его силы и направление движения, обстановку доносить через каждые 30 минут. Командирам приказывалось вывести части в свои районы сосредоточения, где закончить укладку в танки и бронемшины артвыстрелов и дисков к пулеметам, быть в полной готовности вступить в бой. 57-му полку вывести в район Коптевка, Гибуличи матчасть 29-го арtpолка, не имевшего средств тяги, арtpолку оборудовать огневые позиции и быть в готовности к открытию огня. 29-му мотострелковому полку занять рубеж и подготовить оборону по восточному берегу р. Лососьна и быть в готовности к отражению атак противника. Затем началось выдвигание частей к назначенным рубежам; оно проходило под постоянным воздействием авиации противника и к 8 часам было в основном завершено с ощутимыми потерями.

Три тысячи человек личного состава, не имевших никакого оружия, были отправлены в тыл под командованием зам. командира дивизии по

строевой части полковника И. Ф. Гринина. Как сложились их судьбы, неизвестно. Организовать эвакуацию семей начсостава и старшин-сверхсрочников майор Черяпкин поручил своему заместителю старшему батальонному комиссару Третьякову, а сам выехал в полк.

Через некоторое время на КП дивизии в районе Гибуличей прибыл офицер связи с боевым приказом командующего 3-й армией, суть которого в основном совпадала с пунктами Директивы наркома обороны С. К. Тимошенко:

"Противник с целью спровоцировать конфликт и втянуть Советский Союз в войну перебросил на отдельных участках государственной границы крупные диверсионно-подрывные банды и подверг

207

бомбардировке наши некоторые города. Приказываю: 29-й танковой дивизии во взаимодействии с 4-м стрелковым корпусом, ударом в направлении Сопецкин, Калеты уничтожить противника. Границу не переходить. Об исполнении донести".

Около 9 часов командир дивизии Студнев еще раз собрал командиров полков и спецчастей и зачитал им приказ. Как только приказ по армии был зачитан, мотоциклист привез командира корпуса генерала Д. К. Мостовенко, который огласил свой почти такой же приказ, но с уточнениями: 29-я танковая дивизия наносит удар на Сопецкин, Сувалки; левее 29-й, из района Сокулка, Индура в направлении на Липск, Августов, Сувалки, наступает 33-я танковая дивизия.

Полковник Студнев во исполнение обоих приказов принял следующее решение:

- 57-му ТП майора Черяпкина рассредоточенной колонной в постоянной готовности к ведению встречного боя двигаться по маршруту в направлении Ратичи, Сопецкин, Соничи с задачей при встрече с противником с ходу развернуться в боевой порядок и во взаимодействии с

частями 4-го стрелкового корпуса уничтожить противника, границу не переходить;

- 59-му ТП майора Егорова рассредоточенной колонной двигаться по маршруту: Барановичи (деревня западнее Гродно. - *Д. Е.*), Богатыри, Голынка и далее на запад, при встрече с противником во взаимодействии с 57-м танковым полком и частями 4-го стрелкового корпуса уничтожить прорвавшегося противника, границу не переходить;

- 29-му МСП майора Храброго занять и подготовить оборону на рубеже справа юго-западной окраины Гродно и далее по восточному берегу р. Лососьна до развилки дорог, в случае прорыва противника во взаимодействии с артиллерийским полком задержать его;

- 29-му ГАП майора Шомполова подготовить огневые позиции в районе Малаховцы, Гибуличи, быть готовым к открытию огня по районам Ратичи, Богатыри, Барановичи, Беляны, поддерживая мотострелковый полк;

- начало выступления - 09:45 22 июня.

К сожалению, о действиях 29-й дивизии по выполнению этого приказа можно судить только по весьма немногочисленным свидетельствам, ибо танкистов, участвовавших в боях за Гродно, до середины 80-х дожило очень мало. Когда части

208

29-й ТД приступили к выполнению приказа, было получено донесение из разведбатальона, которое гласило, что до сорока танков и около полка пехоты противника на бронетранспортерах и автомашинах прорвали оборону 4-го стрелкового корпуса и движутся в направлении на Сопецкин и Гродно. Голова колонны противника - Калеты. Не дойдя до Сопецкина, советские танковые подразделения начали развертывать свои боевые порядки на рубеже Лойки, Голынка, Липск, а затем завязали ожесточенный бой с танками и мотопехотой противника. О том, что случилось дальше и что не было видно с дивизионного КП, поведали непосредственные участники сражения.

Полковник Черяпкин писал, что подразделения его полка двигались на Конюхи и Голынку, а левее - на Лищаны и Селко - подтягивался 59-й полк. К полудню 57-й ТП вышел на рубеж Наумовичи - Лабно - Огородники. Высланная вперед разведгруппа в районе Голынки встретила до батальона пехоты противника с приданной бронетехникой. Полк продолжил движение, и вскоре произошло первое боестолкновение - с вражеской разведкой. Затем впереди на дороге и ржаном поле появился передовой отряд. В ходе короткого боя было подбито 6 танков и БТРов, остальные отошли. Минут через 40-50 последовала новая атака уже при поддержке 18 бронеединиц.

Со слов И. Г. Черяпкина можно предположить, что его полк, войдя в соприкосновение с противником, первоначально не вел активных наступательных действий, а бил его, заняв оборону. Для советских танков с тонкой броней это был вполне приемлемый вид боя. Поэтому еще 12 вражеских машин остались стоять во ржи, а 57-й продолжал удерживать свой рубеж. В боевом азарте танкисты продолжали вести огонь по подбитой и уже горящей бронетехнике, бесполезно тратя снаряды и патроны. Комполка бегал по позициям, стучал в башни, ругался, требуя экономить боеприпасы.

Получив достойный отпор и поняв, что встретились с бронетанковой частью, немцы пустили в дело авиацию. Пикирующие бомбардировщики Ю-87 выстроили в воздухе гигантскую карусель. Сброшенные ими авиабомбы изрыли позиции полка десятками воронок, выброшенные в небо тонны земли на какое-то время закрыли солнце. Без потерь не обошлось: сгорело несколько машин, получивших прямые попадания, погиб помощник начштаба

209

по оперативной работе, самому начальнику штаба майору И. И. Петухову оторвало обе ноги. После воздушного налета последовала третья атака, на этот раз крупными силами. До батальона пехоты, что-то орущей и ведущей неприцельную стрельбу из винтовок и автоматов, двинулось вперед при поддержке 30 танков и бронемашин. Выглядело это грозно и вну-

шительно, и, как вспоминал И. Г. Черяпкин, он подумал, не дрогнут ли боевые порядки его полка. Но все кончилось, как и прежде. Подпустив неприятеля поближе, танки открыли ураганный огонь из пушек и пулеметов. Пехоту тут же отсекали, а после того, как было выбито более половины участвовавшей в атаке бронетехники, немцы начали отход. Тогда 57-й полк перешел в контратаку и начал преследование. Предполагаю, что майор Черяпкин часть танков держал в резерве и ввел их в бой в кризисный момент. Механик-водитель Т-26 В. С. Попов утверждал, что его экипаж вступил в бой только в районе 16 часов 22 июня, хотя вышел в район сбора вместе со всеми. Продвинувшись до рубежа Перстунь, Голынка, батальоны были встречены сильным огнем средств ПТО, потом снова налетели "юнкерсы". Так дрался 57-й танковый полк.

Старший политрук А. Я. Марченко был политруком 3-го батальона 59-го полка. Его рассказ значительно дополняет воспоминания комполка-57. При первом воздушном налете на Гродно одна из бомб попала в казарму полка, было много убитых и раненых; штабом дивизии была объявлена боевая тревога. Примерно к 8 часам утра полк вышел в район сосредоточения и занял исходные позиции. Выступили из города и другие части дивизии. Развертывание происходило под ударами немецких бомбардировщиков. В сторону границы, к Августовскому каналу, был выслан разведывательный батальон (командир - капитан Ю. В. Крымский). Вскоре от командира разведбата поступила информация о том, что две колонны машин с пехотой при поддержке танков и бронетранспортеров пересекли границу юго-западнее Сопецкина и движутся в направлении Гродно.

Поскольку командир 59-го ТП по какой-то причине (Марченко этого не знал) отсутствовал в районе сосредоточения, вести полк в бой было приказано ему, как имевшему опыт участия в боях на Халхин-Голе и Карельском перешейке. Думаю, тут политрук за давностью лет ошибся: ему, скорее

всего, было доверено командование не всем полком, а батальоном, что, согласитесь, тоже немало.

Примерно в 10:30 колонна, насчитывавшая более 50 боевых машин, выступила через речку по дороге к Сопоцкину. На полпути к границе советские подразделения встретились с вражескими танками и бронетранспортерами и с ходу вступили с ними в бой.

А. Я. Марченко рассказывал:

"Помнится также, как наши быстроходные танки Т-26 устремились на вражеские Т-111 и Т-IV, как впереди и по сторонам от моей тридцатьчетверки начали вспыхивать немецкие и наши танки. Наши [вспыхивали] чаще, потому что броня у них была в два раза тоньше немецких. Не забывается и то, как мой механик-водитель Андрей Леонов метался то вправо, то влево, спеша со своей неуязвимой тридцатьчетверкой на выручку товарищам, как мы в упор расстреливали врага".

Бой шел с переменным успехом. Не один раз полк отбрасывал немцев на несколько километров, но они после бомбежек и артобстрелов снова атаковали, и танкисты вынуждены были пятиться, оставляя на холмах горящие машины.

"Я не запомнил, сколько раз они нас атаковали, но Андрей утверждал после, что мы отбили более 10 атак. Броня нашего танка была вся усеяна выбоинами и вмятинами от вражеских снарядов. Мы оглохли от их разрывов, от бомб, которые то и дело сыпались на нас с неба в промежутках между атаками. Тяжелый бой вел справа от нас и другой полк нашей дивизии, которым командовал майор Черяпкин" [76, копия].

Из боевого донесения штаба фронта № 005 по состоянию на 13 часов:

"Противник крупными силами форсировал р. Неман между Друскининкай и Гожа и развивает наступление [в направлении] Поречье. Противостоявший полк 56-й стрелковой дивизии почти полностью уничтожен. В районе Граево высажен десант. Левый фланг 3-й армии к 13 часам держался прочно. Танковая дивизия ведет борьбу на фронте Богатыри,

Голынка, Новы Двур. У Гродно через р. Неман остался один мост, остальные разрушены. Штаб 3-й армии - Гродно".

В 29-ю дивизию входили, кроме танковых, еще мотострелковый и гаубично-артиллерийский полки. Увы, об их действиях почти ничего не известно, кроме утверждения, что 29-й МСП командарм В. И. Кузнецов впоследствии забрал себе для борьбы в районе Гродно с немецкими десантниками [24, с. 17]. В то же

211

время И. Г. Черяпкин писал, что после боя на реке Щара он выходил из окружения вместе с командиром мотополка майором Храбрым. В ходе этого последнего боя в составе дивизии при прорыве через мост танк Черяпкина отстал из-за отказа коробки переключения передач и был расстрелян противотанковым орудием, сам же майор получил контузию.

Упоминание о контрударе 11-го механизированного корпуса днем 22 июня вошло во все мало-мальски серьезные исследования по Западному фронту. Например, упоминает об этом известный некогда В. А. Анфилов в своей объемной монографии, но подробностей у него нет [4, с. 240-241]. Подробности можно найти, да и то в сильно усеченном виде, лишь в нескольких печатных трудах белорусских издательств. Нельзя даже точно подсчитать, сколько советских танковых батальонов приняло участие в атаках, кто ими командовал, каково было точное количество и состав задействованной бронетехники.

Общий ход сражения был примерно таков. Танкисты 11 -го МК столкнулись с передовыми отрядами из состава 8-й и 28-й пехотных дивизий 8-го армейского корпуса, обильно оснащенными средствами ПТО и усиленными приданной бронетехникой, в том числе САУ "Штуг" с 75-мм пушками. О гипотетическом участии в боях 19-й танковой дивизии вермахта было сказано ранее. 29-я советская дивизия, первой завязавшая бой с противником, силами 57-го полка в основном занималась сдерживанием его продвижения, 59-й полк, имевший новую матчасть, вел большей частью

встречные бои. Целью 29-й ТД было освобождение Сопочкина и деблокирование 213-го стрелкового полка.

Левее 29-й пыталась продвинуться на Липск 33-я танковая дивизия (командир - полковник М. Ф. Панов, зам. командира - полковой комиссар Н. В. Шаталов, начальник штаба - подполковник А. С. Левьев). Войну она встретила в месте постоянной дислокации в городке Сокулка. Это было соединение "2-й очереди", находившееся в стадии формирования. Несмотря на это, техники в ней к 22 июня оказалось больше, нежели в 29-й, формирование которой началось значительно раньше. 33-я ТД имела 118 танков (1 КВ, 2 Т-34, 44 БТ, 65 Т-26, 2 ХТ, 4 тягача Т-26) и 72 бронемашин. И все же это было менее 30% от положенного по штатному расписанию, личного состава также была серьезная нехватка. В. К. Гуцаленко слу-

212

жил в батальоне 65-го танкового полка (командир - майор Г. А. Манин). Когда после первого воздушного налета подразделения полка сосредоточились на сборном пункте, заместитель командира дивизии подполковник Г. Я. Ермаченков приказал выйти из строя всем, имеющим оружие. Из роты Гуцаленко вышло 27 человек, еще 9 были укомплектованы экипажи трех закрепленных за ротой танков [76, письмо]. Как вспоминал И. В. Казаков, личный состав 1-й батареи 33-го зенитного дивизиона (комдив - майор Б. Н. Функ) остался в расположении части в ожидании тягачей и боеприпасов, 2-я и 3-я батареи убыли в бой как пехота. Просидев сутки и ничего не дождавшись, зенитчики бросили бесполезные орудия и тоже стали пехотинцами [76, копия].

О действиях дивизии в первые часы и дни войны неизвестно практически ничего. Официальные историки советского периода 33-ю старательно "позабыли". Допускаю, что писать им было нечего ввиду отсутствия архивных материалов. Впрочем, мне тоже особенно нечего сказать, тех нескольких писем бывших воинов дивизии, что у меня есть, ни в коей мере не достаточно. Но есть итог: к середине дня 22 июня продвижение

противника на гродненском направлении было приостановлено. Насчет того, какой ценой, советские источники хранили гордое молчание, но есть цифры в штабных документах вермахта. Разведотдел штаба 9-й немецкой армии в своем донесении на 17:40 23 июня констатировал: "Русские сражаются до последнего, предпочитают плену смерть (приказ политкомиссаров). Большие потери личного состава, мало пленных... 22. 6 подбито 180 танков. Из них только 8-я пд в боях за Гродно уничтожила 80 танков" [23, с. 34]. Это и есть плата за частный успех западнее Гродно, и, если предположение верно, заплатил ее в основном 59-й танковый полк. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в боях 22 июня погибли его командир и начальник штаба майоры В. С. Егоров и М. В. Окулов [3, с. 38-39]. Полковник Каланчук вспоминал, что Егоров погиб у деревни Ратичи, его зам. по политчасти батальонный комиссар Егосhev - в первой же контратаке у Кадетов. Ценой больших потерь в ходе встречного сражения 29-я танковая дивизия отбросила немцев и вышла на рубеж Лобны-Огородники. Непосредственная убыль в бою составила 27 танков старых марок, все участвовавшие в бою Т-34 и КВ остались в

213

строю, несмотря на множество попаданий (так утверждал Н. М. Каланчук, но это не сходится с реалиями).

Тот же Х. Слесина красочно описывал, как самоходки "Штуг" подбивали танки КВ, а на фото в его книге видно, что это были именно КВ-2 со 152-мм гаубицей. Он писал:

"Первые два снаряда от наших двух штурмовых орудий поражают наиболее выдвинувшийся тяжелый танк и просто с потрясающей силой срывают его башню. Ее подбросило на несколько метров. Высокий столб огня, вспышка и удар взрывающегося боезапаса, танковые бензобаки взлетают в небо".

У противника был потерян 21 танк, в основном Pz-III, и 34 бронетранспортера. Это был максимум того, чего удалось достичь. Иной

результат был бы желателен, но, вероятно, его трудно было достичь. Причиной тому были господство в воздухе авиации врага (уже на второй-третий день боев солдатская молва поведала, что много советских танков было сожжено ударами с воздуха), противопульное бронирование основной массы танков, обильное оснащение немецкой пехоты средствами ПТО.

По штатному расписанию пехотная дивизия вермахта имела 75 орудий ПТО, 20 орудий полевой артиллерии и 54 гаубицы. Стрелковая дивизия РККА - соответственно 45, 46 и 44 и 12 зенитных пушек. В целом же к июню 1941 г на вооружении германской армии имелось: 1047 50-мм противотанковых орудий, 14 500 37-мм орудий, 25 300 легких и 183 тяжелых противотанковых ружей [21, с. 68]. Немцы выбрали из арсеналов оккупированной Чехословакии всю ее противотанковую артиллерию, в том числе орудия калибра 47 мм, некоторая их часть была впоследствии даже установлена на самоходные лафеты, в качестве которых использовались как собственные устаревшие танки, так и трофейная французская бронетехника.

Было, однако, еще несколько причин столь больших потерь в танках. Уже в Испании советские добровольцы-танкисты столкнулись с неизвестным ранее бронебойным снарядом, буквально проплавлявшим танковую броню. Образцы захвачены не были, загадка осталась. Снаряд условно назвали "термитным", хотя исследования специалистов ГАУ РККА доказали, что никакие термитные составы не в состоянии давать такой боевой эффект. И только в ходе контрнаступления под Москвой, когда в руки наступающих войск попадали целые склады боеприпасов вермахта, удалось, наконец, раздобыть таинствен-

214

ное "изделие". Оно оказалось кумулятивного (направленного) действия и при удачном попадании прожигало броню фактически любого имевшегося тогда советского танка [93, с. 25].

Некоторые историки утверждают, что новый снаряд поступил в войска вермахта только в середине осени 1941 г., однако еще в августе начальник

АБТУ Западного фронта полковник Иванов, анализируя действия советских механизированных корпусов за первый месяц боевых действий и причины непомерно больших потерь в танках, в числе прочего указал: "Значительная часть снарядов зажигательные (термитные) или бронебойно-зажигательные. Эти снаряды зажигают наши легкие и средние танки".

Также под Москвой в руки специалистов Арткомитета ГАУ РККА попал необычный подкалиберный снаряд без взрывчатого вещества. В головную часть из легкого сплава в виде катушки был запрессован тяжелый и сверхтвердый бронебойный сердечник из карбида вольфрама. Использование вольфрама в противотанковом снаряде с точки зрения экономической чрезвычайно невыгодно - он становится буквально "золотым". Но вот его способность пробивать броню... Советские калиберные бронебойные и бронебойно-трассирующие снаряды для большинства типов орудий были гораздо менее эффективными и поражали танки противника только с близких дистанций. Исключение составляли, пожалуй, только 85-мм зенитная пушка и новые 76-мм артсистемы Грабина ("дивизионки" Ф-22 и танковая Ф-34), но, судя по всему, к ним не было выпущено достаточного количества новых боеприпасов.

Естественно, бронестойкость Т-34 и КВ даже в условиях их обстрела новыми видами противотанковых боеприпасов была высокой, но реально во всем 11-м мехкорпусе их было только 32 единицы: 24 Т-34 и 8 КВ (12 КВ, не дошедших до места назначения, не в счет).

И, наконец, еще одна деталь на этой не очень веселой картине. Каждая танковая или моторизованная дивизия РККА имела в составе своих тыловых частей т. н. ОРВБ (отдельный ремонтно-восстановительный батальон). В функции такого батальона, в частности, входила задача развернуть вблизи района боев СПАМ (сборный пункт аварийных машин) и стаскивать на него всю технику, что была выведена из строя, с целью ремонта на месте или отправки в тыл. Об эвакуации подбитых танков на тыловые заводы в те

сумасшедшие дни можно даже не вспоминать. Поля танковых сражений тоже остались в немецком тылу, так что ремонтировать было нечего. А поскольку почти беззащитные с воздуха дивизии (11-я САД хоть и пыталась как-то прикрывать наземные войска, но с задачей не справилась) вскоре лишились всех и без того малочисленных тылов, то не стало и самой ремонтной базы. Так что неудача контрудара под Гродно 22 июня была во многом предопределена.

3.3. Выдвижение 21-го стрелкового корпуса

Получив сведения о форсировании противником Немана севернее Гродно, командование ЗапОВО решило прикрыть обозначившееся лидское направление имеющимися на правом берегу Немана и уже частично находившимися на марше резервами. О том, что части ударной группировки Гота направлены не столько на Лиду, сколько на Вильнюс, Молодечно и Минск, в самом Минске, естественно, не знали. В распоряжении штаба округа (пока еще не фронта), отправленном в 13:55 22 июня командиру 21-го корпуса через штаб 11-й САД в Лидс, приказывалось двумя своими дивизиями (17-й и 37-й) выйти в район Скидель, Острына и подготовить оборонительный рубеж на фронте Меркине, Друскининкай, Озеры, Скидель, Ковшово, река Неман на левом фланге. Подписал его только зам. начальника штаба ЗапОВО генерал-майор И. И. Семенов.

В 15:45 в Молодечно за подписью начальника штаба уже Западного фронта генерала В. Е. Климовских ушло распоряжение командиру 24-й Самаро-Ульяновской дивизии К. Н. Галникуму: немедленно выступить в район Лиды в распоряжение командира 21-го стрелкового корпуса по маршруту Молодечно, Вишнево, Ивье, Лида. И, наконец, в третьем распоряжении (время не указано) комкору-21 генерал-майору В. Б. Борисову приказывалось немедленно выдвинуть 17-ю и 37-ю стрелковые дивизии на

рубеж Варена, Ново-Казаковщина, Дубинцы, река Дзитва; 8-ю противотанковую бригаду использовать для обороны рубежа р. Дзитва. Подписал снова только генерал Семенов. Таким образом, состав корпуса увеличивался на одну стрелковую дивизию и одну артбригаду и должен был представлять собой внушительную силу. Беда бы-

216

ла в том, что такой состав остался лишь на бумаге, а все упомянутые соединения действовали против танковых войск противника одновременно и разрозненно и впоследствии были разбиты во встречных боях и в окружении. К тому же на момент отдачи этих распоряжений управление 21-го СК по-прежнему находилось в Витебске, связи с дивизиями не имело, так что все эти "мероприятия" были пустым сотрясанием воздуха.

Как вспоминал бывший начальник штаба 37-й дивизии генерал-лейтенант Г. В. Ревуненков, о начале войны они узнали в полдень из речи В. М. Молотова, будучи на станции Богданув. В это время два полка двигались пешим порядком, а части, дислоцировавшиеся в Витебске, находились в движении по железной дороге. Дивизионный батальон связи двигался в отрыве от штадива, связи с частями не было, а боеприпасы находились вообще в последнем эшелоне, который, возможно, еще даже не тронулся в путь [19, с. 25]. Б. А. Широков (в 1941 г. - курсант полковой школы 247-го стрелкового полка 37-й СД) писал, что 22 июня полк находился в лесу недалеко от м. Беняконе.

Бывший командир 55-го стрелкового полка 17-й дивизии Г. Г. Скрипка вспоминал, что в поход они выступили 12 июня, сосредоточиться у Лиды надлежало 23 июня. Двигались пешим порядком, за исключением 390-го гаубичного артполка, 102-го противотанкового и 161-го зенитного дивизионов, которые должны были перевозиться из Полоцка по железной дороге - в Полоцке они и остались. Как указывалось в оперсводке штаба Западного фронта № 15, к 08:00 2 июля 1941 г. в районе Полоцка находились 2-е эшелоны частей управления 21-го стрелкового корпуса, 17-й и 50-й дивизий,

а также 56-й корпусный артполк, 390-й ГАП, 102-й ОПТД; в Лепеле находился 467-й корпусный артполк.

Утро 22 июня застало 55-й СП на дневке в районе поселка Ивье. Здесь от проезжающих на автомашинах бойцов и командиров узнали о бомбардировке Лиды. В полку приняли меры по маскировке от воздушного нападения, выставили боевое охранение. На совещании в штабе дивизии (связи с корпусом и другими вышестоящими штабами не было) решали извечный русский вопрос "что делать". Начштаба дивизии полковник Харитонов предложил вскрыть "красный пакет" и действовать в соответствии с ним, но командир дивизии генерал-майор Т. К. Бацанов и его зам. по политчасти полковой

217

комиссар И. С. Давыдов не согласились. Решено было ждать распоряжений "сверху".

Бывший секретарь партбюро 245-го гаубичного артполка 37-й дивизии Герой Советского Союза полковник К. Н. Осипов (в июне 1941 г. - старший политрук) вспоминал, что полк выдвигался на запад четырьмя железнодорожными эшелонами. 21 июня эшелон с 1-м дивизионом и штабной батареей прибыл в Лиду, где был задержан ввиду занятости места разгрузки на конечной станции Беняконе.

Он писал:

"Жизнь в городе шла, ничем не отличаясь от прежних дней. Был субботний день. Вечером личный состав эшелона после ужина спокойно лег отдыхать. Все было готово к разгрузке. Каждый знал, что он будет делать. В 4 часа утра 22 июня нас разбудили сильные разрывы авиабомб. Что произошло? Кто бомбит и что? С таким вопросом я побежал к коменданту станции Лида. Тот сидел у телефона и тщетно пытался у кого-то уточнить обстановку. Но связи с другими городами не было... Часам к 8 утра на станцию подошел пассажирский поезд с многими побитыми вагонами. Как только он остановился, начали выносить убитых и раненых. Теперь уже стало ясно, что

началась война. Только к полудню повреждение на железнодорожном пути из Лиды в Беняконе было восстановлено. Эшелон тронулся к месту разгрузки. На ст. Беняконе заместитель командира дивизии полковой комиссар Пятаков нам сообщил, что фашистская Германия напала на Советский Союз... Нам было приказано немедленно разгрузиться и сосредоточиться в 2 км от ст. Беняконе в лесу, привести все в боевую готовность... Пришлось срочно направлять машину на заправку в г. Лиду за бензином".

Р. Р. Черношей в звании лейтенанта служил в штабе 245-го ГАП 37-й дивизии. Он вспоминал, что погрузку в эшелон они закончили в 2 часа ночи 22 июня. Через час состав тронулся, оставил Витебск и двинулся в западном направлении. В десятом часу утра он остановился на станции Вилейка. Военнослужащие высыпали из вагонов и побежали в буфет за покупками. Но вокзал, к их удивлению, оказался пуст: окна и двери распахнуты, все брошено, на полу разбросана документация железнодорожников. В Вилейке и узнали страшную весть о начале войны. Никакой связи со штадивом и штабом корпуса не было, связь на станции тоже не работала. Тогда командир

218

полка И. С. Меркулов решил двигаться дальше, к месту назначения. При следовании к станции Юратишки эшелон был обстрелян из пулеметов немецкими самолетами; вечером 22 июня прибыли на ст. Гавья. На путях не было ни одного вагона, стоял только один паровоз с котлом, пробитым снарядом авиационной пушки; в помещении вокзала тоже никого не было. Погрузо-разгрузочной рампой станция оборудована не была, но всю матчасть вынесли буквально на руках и укрыли в ближайшем лесу.

68-му разведывательному батальону повезло куда меньше. Бывший командир танковой роты М. Т. Ермолаев вспоминал, что из Лиды их эшелон проследовал в сторону Беняконе и начал выгрузку в лесном массиве. Когда выгрузка подходила к концу, эшелон был атакован авиацией противника. Вот такие события происходили в тылах 3-й армии северо-восточнее Немана в то

время, когда части дивизий ее 4-го корпуса понесли уже большие потери и были оттеснены от линии границы на расстояние от 20 до 30 км, а брошенные в бой бронетанковые войска 2-го эшелона не сумели переломить ситуацию и разгромить вторгшегося агрессора.

3.4. Выход частей противника на подступы к Гродно. Действия войск НКВД, 85-й стрелковой и 204-й моторизованной дивизий, артиллерии 4-го стрелкового корпуса

Несмотря на отчаянное геройство и самопожертвование танкистов 11-го механизированного корпуса, остановить и отбросить врага за линию государственной границы им не удалось. Во второй половине дня войска противника вышли на подступы к Гродно. Уже в ходе боя мехкорпуса южнее Сопочкина на отдельных участках перед фронтом частей, занявших тыловой оборонительный рубеж, появились передовые отряды вражеских войск. Завязались кровопролитные бои, в которых активное участие принял личный состав шести школ младшего начсостава пограничных и внутренних войск НКВД СССР, находившихся в летних лагерях в районе Гродно.

Возле деревни Пышки (ударение на последний слог) держали оборону курсанты майора Б. С. Зиновьева. Школа при-

219

надлежала не то Шепетовскому погранотряду, не то была специализированной, готовившей младших командиров - станковых пулеметчиков и до выезда в лагеря размещалась в Брестской крепости. Вооруженные пистолетами-пулеметами ППД и пулеметами "максим", дружным огнем курсанты дважды срывали попытки неприятеля форсировать Неман.

Бывший курсант В. А. Новиков, закончивший войну на территории Китая в звании старшего лейтенанта, писал, что противнику удалось

"зацепиться" за правый берег, но контратакой пограничников он был выбит с плацдарма и сброшен в реку. Лишь обойденные с фланга (немцы преодолели Неман в другом месте), пограничники отступили к деревне Грандичи, где упорно сражались до глубокой ночи на рубеже безымянной высоты [47, с. 106-107]. Новиков помнил, что там были какие-то долговременные укрепления (вероятно, остатки сооружений форта № 7 Гродненской крепости). Своими действиями воины-чекисты дали возможность развернуться и занять позиции подразделениям 85-й стрелковой и 204-й моторизованной (командир - полковник А. М. Пиров) дивизий.

Основные силы 85-й СД, находившиеся в лагере Солы (103-й СП, 141-й СП, 167-й ЛАП, 223-й ГАП) и поднятые по боевой тревоге, по приказу командующего выдвинулись на юго-западную окраину Гродно и заняли оборону по реке Лососьна. 346-й зенитный дивизион (командир - капитан Гомболевский), имевший хорошо оборудованные позиции, вел заградительный огонь по самолетам противника; выпустив за день 22 июня около 600 снарядов, расчеты дивизиона сбили шесть бомбардировщиков. С севера Гродно прикрыли 59-й стрелковый полк и 74-й разведбатальон. На марше части дивизии были неоднократно атакованы авиацией противника и понесли большие потери. Три стрелковых батальона (1-й из 59-го полка, 1-й из 103-го полка и 2-й из 141-го полка), выделенные для строительства укреплений в районе Сопочкина, в дивизию не вернулись, и о судьбе их ничего известно не было. К тому же из состава 59-го полка распоряжением штаба армии было выделено три роты для его охраны и работы на артскладе, так что фактически у командира полка в подчинении остался лишь один батальон и спецподразделения. Имевшие вооружение подразделения 204-й дивизии, включая 126-й танковый полк полковника М. И. Макеева (57 машин Т-26),

220

выдвинулись в указанные командованием районы и заняли оборону на рубеже юго-западнее Гродно: Солы - река Лососьна - Новики. К 16 часам 22

июня 700-й МП (командир - Герой Советского Союза майор М. И. Сипович) с батареей орудий и 20 танками развернулся фронтом на северо-запад, 706-й МП (командир - полковник И. С. Сиденко) - фронтом на запад, западнее железной дороги Гродно - Белосток. КП дивизии расположился юго-западнее деревни Гибуличи.

До конца дня 85-я и 204-я продолжали совершенствовать свою оборону и вели разведку. Огонь по врагу вел только 223-й артиллерийский полк (командир - подполковник А. Т. Касаткин). Один из его дивизионов, находившийся на позиции возле м. Колбасин, заградительным огнем поддерживал 103-й стрелковый полк, но от атак авиации понес очень серьезные потери в людях, матчасти и конском составе. Вероятно, на этом же рубеже находились несколько подразделений 444-го корпусного полка. Учебная батарея также поддерживала огнем какой-то стрелковый полк, находившийся в районе д. Братишки (не установлено).

Н. С. Беликов вспоминал, что с НП докладывали: "Израсходовано 8 снарядов, уничтожены батарея противника и станковый пулемет". Впоследствии учебная батарея снялась с позиции и присоединилась к полку.

Где находилась основная часть 444-го КАП, пока точно не установлено, известно, что сравнительно недалеко от Гродно. На какой-то высоте был оборудован НП, на нем находились комполка Кривицкий и командир 1-го дивизиона капитан Фрадкин, орудия вели по противнику интенсивный огонь. Получается, что весь полк был на позиции южнее Августова, см. выше - свидетельство Ф. Ф. Ипатова. Г. Г. Рак из 2-го дивизиона вспоминал, что подполковник Кривицкий руководил действиями обоих корпусных полков, в частности, ставил задачу на постановку заградительного огня 152-му полку (командир - майор И. П. Цыганков, начштаба - капитан Воронцов). Видимо, огневые находились на рубеже УРа, ибо, как вспоминал Рак, от разрывов снарядов загоралась маскировка дотов. С помощью планеров немцы выбросили в тылах армии мелкие группы десантников с

минометами и мотоциклами. После 18 часов артиллеристы под прикрытием четырех танков КВ отошли к Гродно и переправились через Неман.

3-й дивизион 152-го корпусного артполка развернулся на

221

позиции на правом берегу Немана, в районе железнодорожного моста у городской окраины. Боевого охранения не было, но вечером к артиллеристам подошел взвод младшего лейтенанта Бабича из 3-го батальона 184-го КрСП, отошедший к Гродно. Перейдя Неман по дорожному мосту, бойцы наткнулись на кордон, который никого не пускал в город. Но зато всем вышедшим раздавали патроны, по 90 штук на брата.

Из взвода Бабича два отделения уже получили боеприпасы, когда кто-то "бдительный" заподозрил в солдатах из 184-го полка переодетых диверсантов. Уже защелкали затворы, и вполне могло начаться бессмысленное кровопролитие, когда еще кто-то резонно заметил: среди диверсантов вряд ли могут быть узбеки. Это разрядило обстановку, а затем взвод был подчинен командиру 3-го АД 152-го КАП.

На холме, где была позиция, имелись старые стрелковые ячейки, которые и были заняты бойцами. Казалось, что они обоснуются тут надолго, даже был сообщен пароль на ночное время, но вскоре пришел приказ - после взрыва моста сняться с позиции и отойти на новый рубеж обороны. Расчеты гаубиц выпустили остатки боезапаса по каким-то целям на левом берегу, после чего прицепили свои грозные орудия к тракторам и начали вытягиваться на шоссе, идущее от Гродно на Лиду. Пехотинцы тронулись вслед за ними.

Примечание

Теперь в этом месте находится городской рынок, а в 1986 г. на склоне холма еще были видны следы советских стрелковых ячеек.

Прорвавшаяся севернее Гродно 161-я пехотная дивизия вермахта форсировала Неман у деревни Гожа и продвигалась в общем направлении на Озеры. Видимо, именно с ней сражались пограничники из отряда майора Б. С. Зиновьева. Гожа стоит прямо на шоссе Друскининкай-Гродно, южнее нее находятся Грандичи. Здесь должны были развернуться для обороны города 59-й СП (командир - полковник З. З. Терентьев) и 74-й ОРБ 85-й дивизии. Фактически они были изъяты из состава дивизии, так как выполняли приказы командарма.

Профессор Д. З. Каган в июне 1941 г. служил младшим врачом в санчасти 59-го полка. В ночь на 22 июня он дежурил в медсанбате дивизии, но после начала авианалета на Гродно сдал дежурство командиру медсанбата и спешно вернулся в полк. 48-й медико-санитарный батальон по прибытии в Грод-

222

но сразу был развернут для приема раненых в северной трети главного казарменного городка. Постоянные налеты авиации вынудили командира дивизии вывести батальон из казарм в район железнодорожного моста. Но и там непрерывные бомбежки не давали медикам нормально работать, личный состав вынужден был укрываться в нишах холмов у моста. Тогда 48-й ОМСБ был выведен в ближайший лес, а затем в д. Колпаки. Во всех местах, где останавливался батальон, его персонал принимал раненых, самоотверженно оказывал всю возможную помощь, делал неотложные операции, по мере возможности эвакуировал в тыл. Раненые поступали не только из частей 85-й дивизии, но и из других частей и соединений.

В полдень командованием 59-го полка был получен приказ: выйти к северо-восточной окраине Гродно. Приказ был выполнен, шли в обход города, проселками. В одном из крестьянских дворов развернули медпункт. К заходу солнца стали поступать раненые из 1-го батальона, который находился на границе. Б. С. Кириченко, командир минроты 59-го СП, писал, что его рота выехала к границе как раз с 1-м батальоном. У дер. Доргунь (в

500 м располагалась погранзастава) строили противотанковые препятствия. Боеприпасов не было, только караульная норма винтовочных патронов и учебные мины к минометам. Утром немцы открыли ураганный огонь по заставе и позиции УРа. Через несколько часов они прорвали советскую оборону и вышли в тыл батальона, огибая Сопоцкин с юга. Батальон, фактически не имевший боеприпасов, понес большие потери и был рассеян. Кириченко с трудом собрал своих минометчиков и вывел их перелесками, оврагами и посевами ржи к горевшему Гродно. В месте постоянной дислокации (11-й городок) 59-го полка уже не было. Нашли его и соединились с ним только к 18 часам вечера в районе городского кладбища, рядом с зенитным артполком (КП полка или одной из его батарей). Кириченко доложил полковнику Терентьеву о случившемся на границе, тот направил его роту в распоряжение начштаба.

В штабе было приказано: произвести разведку с целью установить, где немцы переправляются севернее Гродно. Установили, что противник навел понтонные мосты у деревень Грандичи и Гожа. К утру вернулись на место, полк снова не нашли. Узнали от кого-то (возможно, от специально оставленного солдата-"маяка"),

223

что полк ушел к Скиделю, и двинулись следом. Нет точных данных, когда немцы начали наведение переправы у Грандичей. Но, скорее всего, когда части 85-й дивизии вышли к северной окраине Гродно, на правом берегу Немана у Гожи противником уже был захвачен и расширялся плацдарм, и ликвидировать его не удалось.

3.5. Оставление Гродно и отход частей 3-й армии южнее и севернее Немана

В такой обстановке командующий армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов принял решение: в ночь с 22 на 23 июня оставить левобережную часть Гродно, отвести правый фланг армии на рубеж рек Свислочь и Котра. Оно может быть отражено в боевом донесении штаба фронта за № 006 по состоянию на 17 часов, но, увы, в Сборник боевых донесений № 35 оно по непонятной причине не включено. Приходится для реконструкции событий пользоваться апокрифами.

Единой линии фронта не существовало, на восток уходили неорганизованные толпы беженцев, отдельные военнослужащие и мелкие разрозненные подразделения из разбитых частей. Нетронутые склады ГСМ и уцелевшие хранилища боеприпасов по приказу командующего были заминированы саперами стрелковых полков 85-й стрелковой дивизии и в 00:30 23 июня взорваны.

Командир взвода полковой школы 59-го полка И. Я. Привалов был начальником 3-го караула у военных складов на северной окраине Гродно. Он вспоминал, что его людям было поручено подготовить склады к уничтожению под руководством воентехника 2 ранга Серегина. Также со склада было выдано несколько тонн тола для минирования мостов через Неман и складов ГСМ. К полуночи приказ был выполнен, по паролю "Москва" был произведен одновременный подрыв всех заминированных объектов. Боеприпасы и топливо сдетонировали со страшной силой. В радиусе нескольких километров не осталось ни одного целого стекла, ударная волна сбивала людей с ног за два километра от места взрыва.

В. А. Короткевич вспоминал:

"Проходим у глухого забора, за которым было кладбище. На душе становится еще тяжелее... Вдруг над городом возникло зарево. Это был километровый

224

столб огня. Послышались тяжелые взрывы, а за ними в небе треск рвущихся патронов. Были взорваны склады боеприпасов и бензохранилища.

Далеко и долго освещалась дорога на Лиду, заполненная горожанами-беженцами и отдельными войсковыми подразделениями..."

Одновременно были взорваны последний уцелевший шоссе-дорожный и железнодорожный мосты через Неман, причем центральный пролет последнего упал в реку, блокировав судоходство. Их заминировали саперы не из состава 85-й дивизии (ее 140-й ОСБ находился на строительстве укреплений на границе, где и был уничтожен), но ответственность за организацию была возложена на начальника инженерной службы дивизии. Несмотря на то что днем руководители военного госпиталя № 2384 и 48-го дивизионного медсанбата добились отправки со станции Гродно двух санитарных поездов с ранеными, к исходу дня госпитальный комплекс и еще несколько наскоро приспособленных зданий (вроде бы школ) были вновь переполнены. По преданию, тяжелых вывезти на восток не сумели - ходячие ушли пешком, - но медики добровольно остались с ними в надежде на милосердие врага по отношению к раненым.

Ничем не оправданное решение на оставление Гродно привело к еще большему ухудшению ситуации на правом фланге фронта. Не попытавшись задержать противника, принудив его увязнуть в уличных боях в расположенном на холмах старинном городе с причудливой планировкой улиц, командование 3-й армии оставило немцам возможность импровизировать, то есть действовать непредсказуемо. К тому же при уходе из города армия лишилась самолично взорванных крупных складов горючего и боеприпасов. Теперь подвоз БП следовало организовывать из Лепеля и Крулевщизны, а ГСМ - из той же Крулевщизны, с аэродрома Черлена, из Орши, Волковыска, Мостов, Лиды, Дретуни или Молодечно, то есть за десятки и сотни километров.

В боевом донесении № 3 от 24 июня командование армии сообщало:

"В частях создано чрезвычайно тяжелое положение с боеприпасами. Части имеют от 1/4 до 1/2 боекомплекта. Части, находясь в штатах мирного времени, не имеют транспорта. Артиллерийские склады и базы мне не

известны. Как сама обстановка, так и отсутствие снабжения армии боеприпасами ставят армию в чрезвычайно тяжелое положение. Прошу срочных распоряжений о выделении в мое распоряжение резервов и о снабжении боеприпаса-

225

ми, горючим и автотранспортом для подвоза".

В конце концов был оставлен выгодный рубеж на Немане; перегруппировав имеющиеся силы, можно было ударом мехкорпуса в северном направлении отсечь 161-ю дивизию вермахта от реки и ликвидировать плацдарм на восточном берегу. Лишив 161-ю ПД возможности пополнять запасы топлива, боеприпасов и провианта, можно было резко ослабить давление противника на лидском направлении и получить таким образом возможность перебросить к Скиделю одну из дивизий 21 -го корпуса.

Когда ни одной переправы на Немане уже не осталось, юго-восточнее Гродно к реке после изнурительно тяжелого марша вышли подразделения 1-го дивизиона 444-го КАП. Дивизион остановился у какой-то деревни метрах в восьмистах от взорванного моста; на восточном берегу еще оставалась какая-то наша часть. На реке в этом месте застряли плоты: до самого начала войны лес сплавлялся на север, на экспорт, чтобы на целлюлозно-бумажных заводах в городах Кенигсберге, Тильзите и Рагните (ныне российские Калининград, Советск и Неман) старательные немцы могли изготавливать из него высококачественную бумагу. Переправить матчасть по плотам было невозможно, но с того берега доставили около трехсот артиллерийских выстрелов. До подхода неприятеля оборудовали позиции. Огнем на прямой наводке корпусные артиллеристы сумели сдержать врага, отсрочив трагическую развязку до утра.

Когда рассвело, немцы возобновили атаки, потом последовало несколько налетов пикирующих бомбардировщиков. К 15 часам 23 июня дивизион прекратил существование. Уцелевшие бойцы и командиры по

плотам ушли за Неман в сторону Скиделя, все орудия, тягачи и автомашины были разбиты или утоплены в Немане.

Полковая школа 444-го полка к 22 июня оставалась на месте прежней дислокации и несла караульную службу. Бывший курсант У. А. Билецкий вспоминал, что 18 июня полк убыл в летние лагеря - без боеприпасов, с учебным деревянным снарядом и пустой гильзой при каждой орудии. 22 июня, когда начались артобстрелы и бомбардировка Гродно, силами всех свободных от несения службы курсантов была организована погрузка боеприпасов (склад был заполнен "под завязку") и их доставка на позиции, как писал Билецкий, в Лососьно. Н. С. Беликов писал, что в их учебную батарею (комбат - старший лейтенант Баев) боеприпасы привозили не просто арт-

226

снабженцы, а курсанты. Данный топоним имеет отношение к реке Лососьна, у которой занимали оборону части 85-й и 204-й дивизий, а также некоторые другие подразделения. Деревня Лососно (Лососьно - вариант полонизованный) - это пригород Гродно, она находится на выезде из Гродно в направлении Сопоцкина. Ж.-д. станция Лососно находится примерно в 3-5 км от деревни на участке Гродно - Кузница, фактически это уже в самом городе. Неподалеку находится Фолюш (он и теперь военный городок). Есть такая деревня и на территории Польши, называется Лососьна Белька. Обе деревни находятся на берегу Лососны-Лососьны, или, как гродненцы ее называют, Лососьянки.

Боеприпасы грузили на сцепленные по двое прицепы, после чего трактора отвозили их на позиции; так длилось до вечера. Вечером трактора не вернулись, все имеющиеся прицепы были заполнены. После этого был получен приказ о соединении с основными силами полка. В районе Лососьно курсанты соединились с огневиками. Как только поступили боеприпасы, артиллеристы открыли огонь по врагу и нанесли ему потери в живой силе и технике. Немцы пустили танки в обход с целью выйти на огневые и подавить

нашу артиллерию, но были расстреляны в упор прямой наводкой. Тогда в расположение артиллеристов пробралась группа диверсантов в форме РККА, им удалось уничтожить личный состав 1-й батареи. После этого отошли к местечку Мосты, где полк воссоединился (правда, уже без матчасти 1-го дивизиона). Бывший сержант В. Д. Науменко был по специальности вычислителем-топографистом и служил во 2-м дивизионе 444-го КАП помкомвзвода топографов. Он писал, что дивизион встретил войну также западнее Гродно, но при отходе сумел сохранить матчасть.

Что происходило севернее города, было, вероятно, командованию армии не известно. Ничего нет и в исторической литературе. И могут тут помочь лишь положенные на бумагу устные рассказы и письма из личных архивов. М. А. Дейнега, инструктор политотдела 56-й дивизии, вспоминал: "Я направился к дороге на Лиду. Не успел отойти от вокзала, как в двух-трех километрах высоко вверх взметнулся огненный столб и послышался сильнейший взрыв. Это взорвали склады боеприпасов. Выйдя на дорогу, влился в поток уходивших из Гродно войск и беженцев. Не помню, какое расстояние про-

227

шел, когда увидел указатель влево: 113-й лап. Я обрадовался, ибо это был артиллерийский полк нашей дивизии. Свернув на указатель, увидел в молодом сосновом лесу группу военных. Среди них был знавший меня замполит полка батальонный комиссар Протасов. Он рассказал, что полк потерял за день почти все орудия, понес очень большие потери в людях, и они собирают теперь остатки полка, что везде неразбериха и паника, ничего не известно о штабе дивизии".

85-я стрелковая дивизия сдала свой участок 204-й МД и организованно, походными колоннами двинулась на новый рубеж. Ее путь пролегал южнее Немана, на марше соблюдался строгий порядок и светомаскировка. 204-я моторизованная дивизия, разредив свои боевые порядки, чтобы занять полосу 85-й, осталась на прежних позициях и продолжала укреплять свою

оборону. Подразделения танковых дивизий 11-го мехкорпуса, потерявшие в кровопролитных боях первого дня десятки боевых машин, отступили частично на юг, частично на восток. А. Я. Марченко вспоминал: "К вечеру мы вынуждены были отойти к Гродно. Машин в строю оставалось уже мало. В мой танк угодила снаряд из 105-мм пушки, повредил поворотный механизм и вывел из строя орудие. Машина загорелась, но ее удалось потушить. У нас иссякли боеприпасы, стало недоставать горючего. Не было никакого снабжения. Вечером мы узнали, что по приказу командования наши войска оставляют Гродно, а наша дивизия должна прикрывать их отход. Однако никаких конкретных указаний мы не получили. Я решил вернуться в расположение полка, чтобы пополниться всем необходимым. На складах удалось найти кое-что из продовольствия, боеприпасов, заправиться горючим. Попытки связаться со штабом дивизии не дали результатов. Никого из командования в городе не было. Решил двигаться на Лиду вслед за отступающими частями. Так закончился для нас первый день войны" [76, копия].

3.6. Предварительный итог. Действия 27-й стрелковой дивизии

Таким образом, к исходу дня в полосе 3-й армии сложилась исключительно тяжелая обстановка. Правый фланг и

228

центр были прорваны, контрудар силами мехкорпуса окончился безрезультатно. Только на левом фланге (на стыке с 10-й армией) относительно успешно сдерживали неприятеля части еще не потерявшей боеспособность 27-й стрелковой дивизии, и на левобережье Немана продолжали сражаться отдельные доты укрепрайона и подразделения 213-го СП 56-й дивизии. К вечеру 22 июня 75-й гаубичный артполк 27-й СД был

рассредоточен и отдельными подразделениями придан стрелковым полкам. После гибели К. Н. Ивасенко командование полком принял начальник штаба капитан Федоренко.

Оттеснив советские части за линию рокадной дороги Граево-Августов, противник получил дополнительную возможность маневрировать своими силами. Нащупав незащищенный стык между подразделениями, немцы начали беспрепятственно продвигаться к деревне Кулиги.

4-я батарея и две роты 3-го батальона 239-го СП получили приказ комдива генерал-майора А. С. Степанова: выдвинуться в район Кулиги и остановить продвижение германских войск. Когда после трудного марша группа прошла это село, выяснилось, что впереди, у развилки проселочных дорог, значительные силы немцев остановились на привал. На небольшой поляне у дома лесника и в редколесье разместилось множество машин, транспортеров и орудий. Охранение выставлено не было. Упускать такую возможность было нельзя, орудия были развернуты в боевое положение, стрелковые роты скрытно охватили полукольцом расположение противника. Расчеты гаубиц по команде открыли беглый огонь осколочными снарядами. Данные для стрельбы подготовили верно, первым же залпом было достигнуто накрытие. Тяжелые снаряды рвались в гуще техники и мечущихся врагов, один за другим в небо вздымались столбы черного дыма. Бросая орудия, тягачи и грузовики, немцы начали отходить к рокаде, и тогда артиллерия перенесла огонь дальше, а пехота перешла в атаку. Кое-где противник оказывал ожесточенное сопротивление, отходя под прикрытием пулеметов; наступавшие несли серьезный урон, но успех был несомненным.

Правее местечка Руда, куда левым флангом отошел 239-й стрелковый полк, положение также стабилизировалось. Отошедшие к болотам подразделения отрывали на сухих местах ячейки, приводили себя в порядок, чистили оружие, даже брились. КП 75-го ГАП разместился в Пенчиково, селе, в ко-

тором проживали в основном белорусы. Они были радушны и гостеприимны, угощали бойцов молоком и ржаным хлебом. В одном из домов разместили телефонный коммутатор, установили связь со штадивом. Начопер майор П. Ф. Толстиков ознакомил капитана Федоренко с обстановкой и поставил задачу на 23 июня. Обстановка была следующей. В 12 часов противник взял Липск и продвинулся в направлении Домбровы, после 17 часов немцы без боя вошли в оставленный Августов. На их пути был выставлен заслон из 2-го батальона 345-го СП и двух батальонов 132-го СП. В район наибольшего давления неприятеля выдвинулись подразделения недоформированной 6-й бригады ПТО подполковника Юрьева и разведбатальон дивизии. 679-й ПТАП выставил 12 орудий, 713-й ПТАП - 18. В центре дивизии оборону занимали 1-й и 3-й батальоны отступившего от Августова 345-го СП.

К 17 часам между частями 27-й СД образовались разрывы: оборона приняла очаговый характер. Но по причине того, что пойма Бобра в этом месте и по сей день представляет собой чуть ли не сплошное болото, это не представляло слишком большой опасности. Гораздо хуже, что у дивизии не было правого соседа. Естественно, этим правым должна была быть 56-я дивизия. По дороге Граево-Августов сплошным потоком шли немецкие войска. Они находились в пределах досягаемости орудий 75-го полка, но комдив Степанов берег артиллерию от ударов авиации. Только поздним вечером, когда активность Люфтваффе снизилась, над головами пехотинцев прошуршал и разорвался метрах в пяти от дороги первый пристрелочный снаряд. Командир штабной батареи 75-го ГАП старший лейтенант Торопов с НП сразу внес коррективы и дал команду: " - *Дальше 005, справа налево, веером, снаряды фугасные... второй - всеми орудиями!*". Открыли огонь все батареи, и сразу движение по рокаде прервалось. Разрывы снарядов рвали в клочья автомашины и тех, кто в них сидел, опрокидывали их в кюветы. В разных местах колонны начали разворачиваться и съезжать с шоссе несколько танков. Но дальность стрельбы их коротких пушек не шла ни в

какое сравнение с дальностью новых советских длинноствольных орудий, снаряды падали с большими недолетами. Немецкие танкисты попытались подойти ближе к огневым, но заградительный огонь и болотистая почва (воронки тут же заплывали

230

водой) остановили их. Выбрав лимит боеприпасов, расчеты прекратили огонь. На дороге громоздились завалы чадящего металлолома, еще недавно бывшего десятками транспортных и грузовых машин.

Примерно в это же время 1-й батальон 184-го КрСП продолжал продвигаться в сторону Немана для соединения со своим полком. Бойцы шли голодные и очень усталые, особенно тяжело было пулеметчикам, которые, кроме личного оружия и снаряжения, тащили тяжелые "максимы" и коробки с лентами. Поздним вечером батальон сделал привал в лощине, засеянной рожью. Вдруг впереди, на гребне высоты, появились немецкие танки и бронетранспортеры с пехотой. Послышалась команда "К бою!", пехотинцы стали окапываться. Немцы, оставив танки на возвышенностях по обе стороны лощины, под прикрытием их огня пошли в атаку. Бойцы подпустили врага метров на сто и открыли огонь. Шквальным огнем немцы были прижаты к земле и залегли, а когда стемнело, отползли назад к своим танкам и бронетранспортерам. Обе стороны понесли большие потери (2-я рота была уничтожена почти полностью), продолжать бой ночью нацисты не стали и отошли. Тогда советские воины заняли высоту и уже ночью начали отрывать на ней окопы. Так завершился первый боевой день в полосе 3-й армии.

3.7. Итоги первого дня боевых действий

Таким образом, по результатам первого дня боевых действий 3-я армия Западного ОБО оказалась неспособной выполнять задачи, возложенные на нее по плану прикрытия, потерпела тяжелое поражение и была отброшена от

государственной границы на несколько десятков километров, оставив города Гродно, Августов, Граево, Сопецкин и Липск. Была полностью разгромлена 56-я стрелковая дивизия, серьезные потери понесли 27-я стрелковая, 29-я и 33-я танковые дивизии. Относительную боеспособность сохраняли лишь занимавшие 2-ю линию обороны главные силы 85-й стрелковой и 204-й моторизованной дивизий. Все находившиеся на строительстве оборонительных сооружений стрелковые, саперные и строительные батальоны были рассеяны или уничтожены.

231

Организационно уцелели единицы из них. Так, в отчете начальника инженерного управления Западного фронта начальнику ГВИУ РККА о работе инженерных частей фронта с 22 июня по 13 августа 1941 г. написано:

"К началу военных действий все инженерные части находились в пограничной полосе и в боях понесли большие потери убитыми и ранеными командно-политического состава и красноармейцев. Тяжелая инженерная техника (дорожные машины, компрессоры и другие) частью уничтожена артиллерийским огнем и авиацией противника, а частью оставлена. По состоянию на 24. 6.41 г. 23-й инженерный полк в районе Сопецкин дезорганизован и рассеян, 10-й инженерный полк основными подразделениями втянулся в бой на госгранице... По данным прибывающих с фронта военнослужащих управлений начальника строительства, все саперные батальоны стрелковых дивизий и стрелковых корпусов, работающие на границе, втянулись в бой и понесли большие потери, отдельные подразделения перемешались с другими родами войск". Согласно данным ЦАМО, командир 23-го ИП РКК подполковник П. И. Смирнов и начальник штаба полка капитан П. А. Серебряков пропали без вести.

Бывший командир партизанского отряда имени М. И. Калинина Минского соединения А. М. Олейник вспоминал, что палаточный лагерь 127-го саперного батальона, в котором он служил, утром 22 июня был обстрелян

артиллерией и минометами и потерял большую часть личного состава, был тяжело ранен комбат капитан Беззубое.

"Командир батальона повторял слова: "Это война, сообщите в штаб армии", но связи не было, телефоны не работали. У одного из раненых возле штаба осколком был распорот живот, кишки вывалились, несчастный в агонии пытался затолкать их обратно, но они не слушались, выпадали. Мне от обстрела достались контузия, четыре сломанных ребра и множество других травм. Водитель полуторки-кинопередвижки Ваня, солдат второго года службы, гнал автомобиль на всю железку в штаб 3-й армии. С каждой минутой становилось все светлее. Уже просматривались дома, улицы спокойно спящего города Гродно, когда на горизонте в небе появилась армада самолетов. В штабе 3-й армии не по времени было оживленно" [76, копия]. Не успел дежурный по штабу выслушать донесение красноармейца 127-го

232

ОСБ, как на улицу Коминтерна, на которой находился штаб, посыпались бомбы.

Причиной поражения явились: значительное превосходство, достигнутое противником на главных операционных направлениях; нарушение связи и потеря управления войсками; серьезные ошибки, допущенные армейским командованием, и нежелание принятия им каких-либо мер по повышению боеготовности частей; господство в воздухе авиации противника, массированное применение им наносящих точечные удары легких пикирующих бомбардировщиков и, как следствие, большие потери в танках и артиллерии у обороняющейся стороны. Также выявились чрезвычайно слабое взаимодействие пехоты с танками и поддержка танковых атак огнем артиллерии.

Глава 4. 22 ИЮНЯ, ДЕНЬ 1-й. 10-я АРМИЯ

4.1. Левый фланг. Разгром 113-й стрелковой дивизии

На центральном и южном участках белостокского выступа, занимаемых войсками 10-й армии, положение было более устойчивым. Однако и здесь, не сумев удержать пограничные рубежи, советские части в первой (и частично - во второй) половине дня начали отход на ряде направлений. Против армии германское командование выставило 12 пехотных дивизий, из них 8 - против ее левого фланга [90, с. 21]. Все 8 принадлежали 4-й полевой армии фельдмаршала Ганса Гюнтера фон Клюге и составляли 7,9 и 13-й армейские корпуса. Именно на южном (левом) фланге армии немцы достигли наибольшего успеха в первый день боевых действий.

Когда сильно пострадавшая при первом ударе - от воздушных налетов и огня артиллерии - 113-я стрелковая дивизия была собрана и приведена в относительный порядок, ее части выступили на северо-запад для занятия обороны согласно своему плану прикрытия госграницы. Несмотря на тяжелое ранение, комдив генерал-майор Х. Н. Алавердов проявил собранность и волю. Он был грамотным, подготовленным командиром, незадолго до войны с отличием закончившим Академию Генерального штаба РККА. Но несколькими часами позже, на марше, его дивизия внезапно была атакована во фланг передовыми частями 9-го армейского корпуса вермахта (командир корпуса - генерал-лейтенант Гейер). Разворачиваться в боевой порядок пришлось в крайне невыгодных условиях. 113-я потерпела жестокое поражение и, как единый организм, прекратила су-

234

шествование. Ее отдельные отряды продолжали сражаться с противником на южных опушках Беловежской пуши еще несколько дней. Смяв и расчленив советскую дивизию, авангард 9-го корпуса двинулся

далее и вышел на рубеж реки Нужец. Там он был остановлен развернувшимися для обороны частями 13-го мехкорпуса генерала П. Н. Ахлюстина и 9-й железнодорожной бригады майора В. Е. Матишева.

Какие-либо другие подробности разгрома 113-й отсутствуют, есть лишь некоторые данные по комсоставу. Пропали без вести: зам. командира дивизии по строевой части полковник Я. И. Гончаров, начальник штаба полковник К. В. Кирюшин, начхим капитан Н. Н. Демидов, начальник 2-го отделения капитан М. К. Кишкин, начальник связи майор Н. С. Кретов. Известны также: зам. командира по политчасти полковой комиссар П. М. Новиков, командир 679-го стрелкового полка майор К. К. Джахуа, замполит того же полка батальонный комиссар Новиков, командир 725-го стрелкового полка полковник М. В. Тумашев, командир 451-го легкоартиллерийского полка майор В. В. Игнатьев, зам. командира 513-го СП майор Х. Э. Мурзакаев.

А. Г. Короткевич из 679-го полка вспоминал, что 3-й батальон находился в районе Цехановца в укрепрайоне и отступал потом на Вельск.

По словам П. Г. Польшинского из 725-го полка, 1-й батальон, в котором он служил, находился в районе Семятиче и на рассвете 22 июня подвергся бомбежке. В 4 часа прилетел одиночный самолет, увидел огонек (повара уже готовили завтрак) и нанес бомбовый удар. Убил всех поваров, разбил котлы и кухни. Все вскочили, быстро оделись, разобрали винтовки. Была паника, пока не прибежали командиры: они сообщили, что Германия напала на СССР. Командиры повели их к складу боепитания в 2 км от лагеря, но прошли только полпути, как склад взлетел на воздух. Осталось только то, что имелось: по три обоймы на винтовку, по диску - "на ручник". У Буга окопались и заняли оборону, имели приказ не стрелять. Над головами летали самолеты бомбить Брест. Комбат капитан (фамилия утратилась) послал Польшинского в штаб полка: узнать пароли и место сбора полка. Тот шел оврагами и горевшей рожью, под огнем. На старом месте штаба не оказалось,

было только несколько человек, "маяки". Спросили, из какого батальона, приказали - сидеть до утра. Вернулся и до-

235

дожил обо всем комбату. До полуночи просидели, потом отошли на восток, в сторону Бреста.

Утром 25 июня в районе Картуз-Береза - батальон оказался в полосе соседней 4-й армии - был большой бой. П. Г. Полынский был тяжело ранен в руку и ногу, позже ногу ампутировали. Утром 26 июня пополз, искал что поесть. К нему подошел некто в форме солдата, назвался политруком, спросил, из какого он батальона. Он назвал номер, "политрук" ответил, что их командир ранен в живот и попал в плен. Посоветовал и самому сдаться в плен, а потом ушел на восток. Рядовой Полынский был подобран немцами на поле боя и сдан в лазарет лагеря военнопленных в районе Гродно. Своего комбата, действительно раненного в живот, видел, но офицеров держали отдельно.

Арестованный генерал армии Д. Г. Павлов, рассказывая на допросе о первых часах войны, сообщил также, что, как ему доложил начальник оперативного отдела штаба Семенов, "в районе Семятиче был застигнут и окружен противником батальон связи 113-й дивизии".

Имеются еще сведения об артиллерийской батарее 513-го стрелкового полка, четверо суток державшей оборону у местечка Березино. Командир батареи. Герой Советского Союза, лейтенант С. М. Журавлев в неравном бою был контужен и захвачен в плен [101, с. 224].

Прочтя про Березино, я несколько удивился. Городок находится примерно в 80 км западнее Минска, там, где шоссе Минск - Могилев пересекает реку Березину. Где Буг и где Березина? Но оказалось, что командование войск, оборонявших столицу Белоруссии, организовало в городке Червень формиловочный пункт для сколачивания боеспособных отрядов из остаточных групп 3, 4 и 10-й армий, вышедших в район Минска.

Туда, в частности, попали артиллеристы из 444-го корпусного артполка (4-й стрелковый корпус 3-й армии).

Как вспоминал курсант 1-й учебной батареи Ф. Ф. Ипатов, после боев на реке Неман их подразделение, потерявшее всю технику и перебравшееся через реку по плотам лесосплава, вышло к Минску. При отступлении подобрали брошенное 45-мм противотанковое орудие. Комендант города, подчинявшийся начальнику минского гарнизона генерал-майору И. Н. Руссиянову (командиру 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии), направил их в Червень, откуда они убыли на оборону моста

236

именно в Березине. И. Т. Логанов из 27-й стрелковой дивизии помнит, что 26 июня на Березине их группа влилась в состав именно руссияновского соединения. Известно также, что командир 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майор А. С. Жадов, имея приказ удержать Березино с его важным в военном отношении мостом, сумел выделить для этого только 7-ю бригаду и 3-й батальон 214-й бригады. Сил было явно мало, и комкор подчинил себе все войска, которые собирались на Березине. В районе моста он выставил заслон, который останавливал всех отходящих к реке военнослужащих и направлял их на усиление обороны. Вскоре из этих разрозненных групп и просто одиночных бойцов был сформирован сводный полк, подчиненный командованию корпуса (Четвертый воздушно-десантный. М., 1990, с. 26).

Этот факт отмечен и в оперсводке штаба фронта № 16 от 3 июля 1941 г.:

"В районе Березино из отходящих с фронта групп и одиночек сформировано пять батальонов, которые заняли оборонительные участки по восточному берегу р. Березина".

Поэтому представляется вполне вероятным, что полковая батарея и какие-то другие подразделения из 113-й дивизии могли после отхода на восток и короткой передышки занять оборону на Березине и драться уже в

составе группы войск генерала Жадова. Установлено также, что майор Мурзакаев в конце июля возглавлял 407-й полк 108-й дивизии, оборонявшей Минск и вырвавшейся из окружения; полковник Тумашев командовал 444-м полком той же дивизии, 2 ноября 1944 г. стал генералом; майор Игнатьев в августе значился в резерве комначсостава Западного фронта, 11 июля 1945 г. ему было присвоено звание генерал-майор артиллерии. Но эти факты ничего не дают для прояснения действий 113-й дивизии в первый день войны.

4.2. 86-я стрелковая дивизия

К северо-западу от места прорыва находился участок обороны 86-й стрелковой дивизии. Там положение тоже было тяжелым, хотя и не столь драматичным. Западнее Замбрува (в городе находился штаб 5-го корпуса) на позиции 64-го УРа силами двух батальонов оборонялся 169-й стрелковый полк (командир - майор М. С. Котлов).

Положение пехоты во вто-

238

рой половине дня несколько облегчил 124-й ГАП РГК (командир - майор Дивизенко), который был передан в подчинение начальника артиллерии корпуса генерал-майора Г. П. Козлова. Беглый огонь четырех тяжелых дивизионов по скоплениям войск неприятеля нанес ему чувствительный урон.

В районе пограничной железнодорожной станции Чижев занимал оборону 330-й стрелковый полк. Начало войны застало его на марше из района Замбрува, где накануне проходили дивизионные учения, в свой летний лагерь у Цехановца. По словам бывшего политрука 7-й роты А. И. Климошина, боевую задачу им на ходу поставил зам. командира дивизии полковой комиссар В. Н. Давыдов. Полку предстояло совершить форсированный марш к Чижеву и развернуться на участке Зарембы-Чижев-

Смолехи. 3-й батальон (командир - капитан Ананьев, зам. по политчасти - старший политрук Доценко) имел задачу занять оборону в районе Зарембы-Косцельнс, по возможности использовав девять недостроенных дотов 64-го УРа. Также на ходу получили новые пистолеты-пулеметы ППД и патроны.

Позиция УРа в районе Зарембы оказалась занятой немцами. В 8 часов 330-й полк с ходу контратаковал противника; несколько атак в попытках восстановить положение результатов не дали, так как никакой огневой поддержки пехота не имела, потери же оказались серьезными. 3-й батальон закрепился примерно в 500 м от дотов и начал окапываться.

Немцы, разумеется, не остановились на достигнутом и попытались продолжить наступление, сбив советские подразделения с занимаемого рубежа. Ими было предпринято три атаки с расчетом на внешний эффект - психических, как те знаменитые кадры в фильме "Чапаев". Цепями в полный рост, рукава засучены, винтовки наперевес, автоматы унтер-офицеров - у бедра. Все атакующие были уложены шквальным огнем ручного оружия и станковых пулеметов; командир пулеметного взвода 7-й роты, участник финской кампании, Шавров лично "работал" за 1-й номер расчета. Оставив перед нашими окопами десятки трупов, германские войска прекратили атаки. Что было дальше, политрук Климошин не помнит: в одной из контратак он был тяжело ранен в грудь с проникновением в легкое и на пять месяцев выбыл из строя [76, письмо].

Во взаимодействии со 109-м разведбатальоном, погранкомендатурой и пограничными заставами 330-й СП остановил

239

продвижение неприятеля на участке Зарембы-Смолехи. В своем донесении его командир полковник С. И. Ляшенко докладывал, что в поселке Нур ведут бой пограничная застава и полковая школа, так как стрелковый полк левофланговой 113-й дивизии еще не прибыл. 1-й батальон полка имеет локтевую связь и взаимодействует с батальоном 169-го полка.

В 11:30 после продолжительной артподготовки противник силами 7-й и 23-й дивизий 7-го армейского корпуса с приданными танковыми подразделениями перешел в наступление в центре участка обороны 330-го полка, прорвал его передний край и начал развивать наступление в направлении на Чиже в. Он стремился в обход батальонного узла 64-го укрепленного района овладеть городом Чижев, перерезать рокаду Замбрув - Чижев - Цехановец и выйти в тыл советским войскам. Цехановец находится на левом притоке Западного Буга - реке Нужец - к юго-востоку от ж.-д. станции Чижев. Несмотря на то что в городке располагался штаб 86-й Краснознаменной дивизии со спецподразделениями, сам он находился на участке обороны соседней дивизии. В начале 1941 г. соединение М. А. Зашибалова сменило район дислокации, уступив место 113-й стрелковой дивизии, но управление осталось на прежнем месте. Теперь с обороной Цехановца приходилось импровизировать.

До подхода полка 113-й СД его должны были защищать полковая школа 330-го полка, подразделения штаба 86-й дивизии и ее 96-й отдельный батальон связи. Так, по крайней мере, поставил задачу начальнику школы комдив через своего заместителя полкового комиссара В. Н. Давыдова. Вернувшись, тот доложил, что Знамена частей, партийные документы, секретное делопроизводство отправлены в Минск. Полковая школа имеет 420 активных штыков при шести "максимах" и ведет бой с противником, наступающим со стороны местечек Дрохичин и Нур.

В тот день в ожесточенных боях погибло большинство курсантов, сам начальник школы майор Миначов и его заместитель старший лейтенант Деев. Жена Деева Фатима с годовалым сыном находилась на позиции и тоже стреляла по врагу, как и многие другие жены командиров. Полк же 113-й, на который возлагалась оборона цехановецкого участка прикрытия, не прибыл и свою задачу выполнить не смог, так как сама дивизия понесла большие потери и оказалась не в состоянии оказывать какой-либо организован-

ный отпор врагу. Но выяснилось это уже поздно вечером; а о судьбе полковой школы в дивизии узнали только 23 июня.

Но есть и вторая версия событий, происходивших в районе Цехановца. В 03:30 немцы начали артиллерийскую подготовку, авиация нанесла удары по приграничным населенным пунктам. Особенно сильному артиллерийско-авиационному налету подвергся поселок Шепетово, где находились командование и штаб 88-го погранотряда, казармы 248-го легкого артполка, сам полк находился в Червоном Бору. Подвижные группы неприятеля устремились в направлениях Малкия-Гурна - Чижев, в Цехановце началась паника. Офицеры штаба дивизии вместе с женами на автотранспорте выехали в направлении городка Браньск. Во дворце, бывшем имении графа А. В. Суворова в период его службы в Польше, а затем имении графа Стаженского, где находился штадив, вспыхнул пожар, во время которого сгорели документы и Знамя дивизии.

Н. С. Гвоздиков вспоминал:

"Цехановец горел... Над штабом непрерывно летала "рама", корректируя стрельбу немецкой артиллерии. Снаряды ложились все ближе и ближе к штабу дивизии. Вот рвануло возле пруда. Скульптура, стоявшая там, взлетела на воздух. Вот снаряд взорвался во внутреннем дворе, колонна, подпиравшая балкон, рухнула. Редакционная машина и типография с полуторками рванули в лес" [76].

Не было предпринято попыток эвакуировать секретные документы райотдела НКВД, часть из которых затем разобрали местные жители (эти документы находятся в местном музее в восстановленном здании дворца). Попытки вывезти оружие и боеприпасы со складов окончились неудачей - машины были обстреляны и уничтожены. В городе появилось много раненых, которых разместили в церкви и в районе кладбища, где были организованы санитарные пункты. Эвакуировать раненых не смогли, они были взяты в плен и впоследствии вывезены немцами в лагерь военнопленных. Оставленный без боя Цехановец около 10 часов утра занял

небольшой отряд противника, около тридцати самокатчиков, который прибыл со стороны поселка Нур.

Начальник школы 330-го СП вместе со своим заместителем уничтожил часть документов, остальные погрузили на телегу и вместе с курсантами, пограничниками и красноармейцами из 64-го укрепрайона численностью до пятисот человек начали отход в направлении Шепетово и пере-

241

секли шоссе Цехановец - Чижев. Перед деревней Трыниши-Мошево, выйдя из леса, отряд очутился на открытой поляне; дальнейший отход был блокирован немецким заслоном численностью до полуста человек с пулеметами. Во время попытки прорваться на помощь заслону со стороны деревни Богуты, 2 км от Трынишской, подошла колонна машин с пехотой при поддержке нескольких единиц бронетехники.

К вечеру советские военнослужащие все до одного погибли; начальник школы, его заместитель и другие командиры, уничтожив документы и находясь в безвыходном положении, застрелились. В 1990 г., после обнаружения места захоронения, поляки установили над ним березовые кресты; 28 ноября 1991 г. захоронение было вскрыто, останки советских солдат и офицеров со всеми почестями перенесли в Замбрув на воинское кладбище.

Положение 86-й дивизии ошутимо осложняло то обстоятельство, что она не могла обеспечить сильного огневого противодействия противнику, так как ее артиллерия еще находилась на марше с полигона Червоный Бор. Так, со слов бывшего командира 2-го дивизиона 383-го гаубичного полка подполковника в отставке И. С. Туровца, его подразделение двигалось по маршруту Снядово - Замбрув. При прохождении колонны управления через Замбрув возникла заминка - в кузов головной машины из окна верхнего этажа кто-то бросил гранату, было убито и ранено несколько бойцов. За городом дивизион ожидали командир дивизии М. А. Зашибалов и ее бывший начальник артиллерии М. Г. Бойков (член Совета Национальностей

Верховного Совета СССР). Полковник Бойков перед войной получил новое назначение (предположительно, начартом 108-й дивизии 44-го корпуса) и приехал из Вязьмы за вещами. Но поскольку вновь назначенный начарт подполковник Б. И. Волчанецкий убыл на экзамены в Академию, он вступил в свою прежнюю должность. Офицеры уточнили командиру дивизиона задачу и выделили ему три грузовика боеприпасов. По дороге, на полпути к Чижеву, артиллеристы встретили 3-й батальон 169-го полка. Его командир, старший лейтенант В. Д. Попов, находился в полной растерянности и не знал, что ему предпринять. По совету старшего лейтенанта И. С. Туровца пехота развернулась по обе стороны дороги и начала окапываться.

Городок и железнодорожная станция Чижев, к которому

242

направлялся 2-й дивизион, уже несколько часов находился под огнем артиллерии, был сильно разрушен и охвачен пожарами. Тягачи с орудиями свернули с дороги в сторону границы. Впереди гремела стрельба: там шел ожесточенный бой. Непрерывные атаки немецких войск с трудом, одними пулеметами, сдерживал поредевший батальон 330-го полка. Его командир попросил разбить мост через реку Брок. Но не успели артиллеристы дать хотя бы один залп, как приехал капитан, помощник начальника штаба 383-го ГАП, и поставил им новую задачу. Дивизион переподчинялся и. о. командира подошедшего из Шеистово, со своих зимних квартир, 284-го стрелкового полка майору М. М. Данилову. Примерно к 16 часам 22 июня гаубичные батареи развернулись на участке, где активности противник почти не проявлял. Только утром 23 июня они засекли по вспышкам и подавили вражескую батарею, а затем совместно с 284-м полком отразили атаку пехоты [76, запись устного рассказа].

Низкая активность немцев на участке этого полка на фоне тяжелых боев других частей дивизии может иметь следующее объяснение. После прорыва противником обороны 330-го полка и его продвижения на Чижев примерно к полудню (возможно, позже) 284-й стрелковый полк вышел в

район Анджеёво, занял там оборону и изготовился к контратаке в направлении Просеницы, Домбровы, Зарембы и поселка Нур. После этого подразделения 330-го и 284-го полков контратаковали во фланг прорвавшиеся части противника, пытались отбросить его за пределы государственной границы, но безуспешно. Не ясно, почему гаубичный дивизион не поддерживал огнем пехоту. Возможно, плотного боевого соприкосновения с противником и не было, так как перед фронтом полка, возможно, вели бой остатки подразделений 330-го, уцелевшие на том участке, где была прорвана оборона. Остается также неясность, где находился и почему не вел бой 2-й батальон 330-го СП. 1-й номер пулеметного расчета И. И. Яковлев до сих пор задает наболевший вопрос: "... я до сих пор не пойму - почему наш батальон лежал весь день в обороне и не шел в бой?"

К 19 часам вечера 2-й батальон 169-го полка отошел на подготовленный передний край Просеницкого батальонного узла 64-го УРа. 1-й батальон занимал прежнее положение в районе спиртоводочного завода Залесье, 3-й батальон пере-

243

двинулся от дороги Замбрув - Чижев вправо, в район Шумово, - во 2-й эшелон. 284-й СП был выведен из боя во 2-й эшелон дивизии на рубеж: западная окраина Анджеёво - Яблоново - Мрозы. После 19 часов перед фронтом 86-й дивизии немцы прекратили наступление и временно перешли к обороне. Так как главная полоса обороны была более-менее прикрыта, командование дивизии должно было озаботиться своим левым флангом, за которым продвигались прорвавшиеся в глубину обороны соседней 113-й дивизии немецкие части. Единственно правильным решением было бы загнуть фланг, наиболее подходящим рубежом обороны в этом месте являлась река Нужец. Но в 21 час командир корпуса генерал-майор А. В. Гарнов по телефону передал: в дивизию выехал майор Иванов с приказом - с 23:30 оставить занимаемые позиции, отойти за реку Нарев и занять там

прочную оборону. К командиру 330-го полка обратились комбаты ОПАБов Замбрувско-го укрепрайона с просьбой принять их под свое командование. С согласия командира дивизии уровские батальоны были включены в состав 330-го СП без расформирования, на правах отдельных подразделений. Имевшие вооружение доты были подорваны дивизионными саперами; однако, как удалось установить, из-за нарушения связи гарнизоны некоторых дотов приказа на отход не получили и остались на границе. А. Г. Низов из 12-го артпульбата вспоминал, что связь со штабом батальона прервалась сразу же, между дотами связи тоже не было. "Передовые части немцев, конечно, сразу же ушли вперед, но все же мы им причиняли много потерь... В перископ ПДН было видно, как, буквально походным маршем, немцы все глубже уходили на нашу территорию, а обстрелять их не было возможности - они маршировали вне сектора обстрела нашего дота". Только 27 июня гарнизон оставил свой дот и вместе с пограничниками (к ним присоединилась часть личного состава комендатуры 88-го погранотряда во главе с ее начштаба старшим лейтенантом Шепеленко) двинулся на восток.

Обстановка в районе Цехановца и судьба остававшихся там подразделений оставались неясными для командования 86-й дивизии. Полковник М. А. Зашибалов приказал начальнику 2-го отделения штаба подполковнику И. И. Александрову выехать в Цехановец и вывести всех оставшихся в живых, в

244

том числе команды военных городков, по маршруту Шепетово - Сураж. Майор Иванов по приезде в дивизию кратко ознакомил офицеров с обстановкой. От него узнали о тяжелых потерях, понесенных 113-й стрелковой дивизией.

4.3. Правый фланг. 1-й стрелковый корпус

На правом фланге 10-й армии, где был стык с 3-й армией (разграничительная линия Щучин - Сокулка), против советских войск действовал 42-й армейский корпус 9-й армии вермахта, которым командовал генерал-лейтенант Вальтер Кунце.

Первый день боев 1-го стрелкового корпуса отражен в оперативной сводке его штаба. Из документа, побывавшего в германском архиве в качестве трофея, видно, что части корпуса вели сдерживающие бои у границы, причем относительно успешно [22, с. 31].

Однако 8-я стрелковая дивизия (командир - полковник Н. И. Фомин) передовую позицию укрепленного района занять не успела, как и ее правый сосед - 239-й полк 27-й дивизии. Указывалось также, что связи со штабом 10-й армии ни по телефону, ни по радио штаб корпуса не имел. В дополнение к сводке, составленной на 19 часов 22 июня, можно сообщить следующее.

Штаб 8-й стрелковой дивизии на рассвете был атакован авиацией противника, однако его работоспособность не нарушилась. Как вспоминал начальник 4-го отделения штадива М. А. Мамченко, начальник оперативного отделения капитан Макаров организовывал отдачу распоряжений частям по выводу их в предполье укрепрайона, командир дивизии и оперативная группа штаба во главе с его начальником подполковником М. А. Концевым выехали в войска. Оставшиеся на месте работники штаба занимались эвакуацией документов.

Наиболее ожесточенные бои завязались на участке 310-го стрелкового полка 8-й дивизии. В полутора километрах юго-восточнее местечка Кольно, где дислоцировался 310-й СП, имелась господствующая над окружающей местностью безымянная высота (150 м над уровнем моря). Получив приказ о выступлении, и. о. командира капитан Б. Я. Попов принял решение развернуть полк в районе этой высоты. Оборону заняли 2-й и 3-й батальоны полка, артиллерийская батарея, пол-

ковая школа и учебная рота. К армейским подразделениям присоединились подразделения 2-й комендатуры 87-го Ломжанского отряда погранвойск НКВД во главе с комендантом участка капитаном Бирюковым. М. В. Чекотов вспоминал, что к пехоте и пограничникам примкнули рота и комендантский взвод 202-го саперного батальона. Батальон подчинялся 72-му УНС, вместе с которым был переброшен на западную границу из 1-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА).

По словам Чекотова, их часть находилась на опушке небольшого леса в 5-6 км от Кольно, справа стояло подразделение 310-го полка, слева - погранзастава. Где-то в этих же местах располагались доты 92-го ОПАБ Осовецкого укрепрайона, которыми командовал лейтенант Киселев.

Здания штаба полка и комендатуры в Кольно, казармы и конюшни были разрушены и подожжены артиллерийским огнем противника. Пограничники выслали в сторону границы две разведгруппы. Одна из них под командованием зам. политрука Никифорова, двигаясь в сторону деревни Червонное, столкнулась с группой немецких мотоциклистов. В коротком бою разведчики уничтожили 8 солдат противника и погибли. Вторая группа, которую возглавлял сержант Иванов, вела поиск в направлении деревни Забелье. Она тоже вступила в бой, но сумела вернуться в свое расположение. По данным разведки, от границы по двум направлениям - с запада по шоссе Мышинец-Кольно и с северо-запада по шоссе Винцента-Кольно - двигалось до двух полков пехоты с артиллерией и двумя танками. Подпустив неприятеля примерно на 300 м, пехотинцы и пограничники открыли огонь. Противник был застигнут врасплох и не сумел развернуться в боевой порядок. Потеряв десятки солдат и офицеров убитыми и ранеными, немцы отошли за Кольно. Через час, после приведения в порядок и перегруппировки, атака повторилась. Бой был ожесточенным; отдельные группы врага просочились в город, но были уничтожены.

Немецкое командование подтянуло к Кольно свежие части и усилило натиск. Началось многочасовое кровавое противостояние. Немцы рвались

вперед, но огнем пушек, батальонных и ротных минометов и стрелкового оружия их отбрасывали назад. Неизвестно откуда на поле боя появилась танкетка. Очередями из крупнокалиберного пулемета и огнеметными

246

залпами она сильно порадовала красноармейцев, но вскоре была навывлет пробита снарядом и вспыхнула. Действия 310-го полка поддерживал 62-й легкий артополк (командир - майор В. Н. Прокофьев), который не находился на сборах в Червоном Бору. Защитники Кольно успешно отразили две атаки. Третья последовала с фронта и флангов при поддержке танков. Три машины прорвались к нашим окопам. Огонь полковой батареи отсек пехоту, а заместитель коменданта политрук Горин подобрался к одному из танков и подорвал его связкой гранат. Еще четыре танка вывели из строя артиллеристы и пехотинцы. Атаки с флангов захлебнулись. Отличился пограничник старшина комендатуры Шарко. Незаметно пробравшись к немецкой позиции, с которой вело огонь прямой наводкой их орудие, он уничтожил огнем из автомата орудийный расчет, а затем гранатой вывел пушку из строя.

Солнце уже перевалило за полдень, но накал яростного противостояния не снижался. Несколько раз Кольно переходило из рук в руки. Немецкое командование усилило атаки, сопротивление полка было сломлено. Немало бойцов попало в плен, раненых передавили танками. Остатки 310-го СП снова отступили за Кольно, на рубеж безымянной высоты. Но в 17 часов в полк вернулся его 1-й батальон (комбат - старший лейтенант А. Е. Каменев). Как вспоминал минометчик И. П. Решетиллов, несмотря на острую нехватку боеприпасов, продвижение противника было остановлено. Возвращаясь с полигона Червоный Бор, в полдень 1-й батальон с ходу атаковал передовые подразделения пехоты противника, выбил их из деревни Раково и через несколько часов подошел к Кольно. Однако дальнейшее продвижение батальона было остановлено сильным огнем из городка. Как писал сам комбат Каменев, роты понесли большие потери, погиб комроты-2 Сикорский,

был тяжело ранен комроты-3 Жданович. По приказу командира батальона пехотинцы начали окапываться в поле перед Кольно, готовясь ночной атакой выбить противника из Кольно и восстановить линию границы в этом районе.

Вечером 22 июня в батальон прибыл начальник штаба полка майор И. Н. Новиков, от имени командира корпуса он приказал прекратить атаки и отвести подразделения к Коженисте. Штаб полка расположился в районе Борково. Снова было много раненых, но на этот раз их удалось спасти. Из деревни Кожени-

247

сто поляки на гужевом транспорте вывезли всех в эвакогоспиталь, откуда их по железной дороге вывезли на восток, в г. Орел, где "дзержинцев" (дивизия носила имя первого Председателя ВЧК) разместили в больнице имени МОПРа.

Бой за Кольно длился десять часов. Было выведено из строя (по советским данным) свыше полка пехоты. Пограничники потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 32 человека. Данные о потерях 310-го полка не известны [120, с. 38-40]. Во время затишья пограничники снова выслали разведгруппу. Вернувшись, она доложила, что советские войска оставили Ломжу, а штаб отряда отошел на Белосток. Вскоре оттуда поступил приказ об отходе. "Зеленые фуражки" приступили к его выполнению, пехота осталась на своих позициях.

На правом фланге 1-го корпуса также сложилась напряженная обстановка. Положение осложнялось явно неудачным расположением некоторых частей, мало "состыкованным" с начертанием разграничительной линии между 3-й и 10-й армиями. Получалось, что некоторые подразделения дивизий корпуса (полковая школа 200-го СП 2-й дивизии, 229-й СП 8-й дивизии и пр.) находились в полосе 3-й армии. Противник нанес удар вдоль линии Граево - Осовец на фронте Граево - Щучин, захватил не занятые войсками доты у Граево и к 8 часам преодолел сопротивление 239-го полка 27-й стрелковой дивизии. Полк частью сил в беспорядке отступил в полосу

10-й армии. Первым же артобстрелом советской территории был нанесен большой урон 229-му стрелковому полку (командир - майор В. В. Придачин), казармы которого находились в городке Щуч и н. Не пострадали только учебная рота и пулеметный взвод, располагавшиеся в летнем лагере ближе к госгранице.

Очевидец писал:

"Обстрел уже кончился. С казармами было покончено, все превратилось в груды кровавых камней... Недалеко от развалин прямо на земле сидели те немногие, кто успел выскочить при начале обстрела. Часть из них была в белье, с повязками, сквозь которые проступали пятна крови. Однако меня не кровь поразила, а их глаза... я видел потом такие у людей после сильной бомбежки или шквального огня. Это особые глаза людей, которые еще не поняли - на том свете они или еще чудом на этом" [6, с. 15].

Курсанты совместно с пулеметчиками двинулись на поддержку

248

погранзаставе, но не успели: стрельба на границе стихла. Заняв оборону, они уничтожили немецкую разведгруппу самокатчиков, примерно 50 стрелков, затем, будучи обойденными с обоих флангов, отступили на восток. Но полк, заняв позицию в укрепрайоне (в штабе корпуса, вероятно, ошиблись, посчитав, что с занятием предполья опоздала вся 8-я дивизия), отбил неприятельские атаки и отошел по приказу лишь на следующий день - 23 июня.

Главные силы 2-й стрелковой дивизии (и. о. командира - полковник К. П. Дюков) к утру 22 июня находились в районе крепости Осовец. 261-й стрелковый полк и 59-й разведбатальон перекрыли дорогу Граево - Осовец в районе м. Руда. В течение дня дивизия готовила оборону по рубежу реки Бобр, в основном на линии крепостной позиции Осовца, и вступила в бой 23 июня, когда части 27-й стрелковой дивизии, не удержавшись на границе, отошли в сторону станции Сокулка - также за реку Бобр.

В частности, 200-й СП (командир - майор Г. Д. Маврин) занимал позицию в районе Ломжинского редута: правый фланг - крепость Осовец, левый фланг - излучина реки Бобр, расстояние по фронту - 6 км. После полудня к крепости отошли два дивизиона 75-го ГАП 27-й дивизии, полковник К. П. Дюков распорядился выдать им боеприпасы и продовольствие.

В 14 часов на Осовец был совершен новый массированный налет, продолжавшийся более часа. После его окончания артиллерия выдвинулась в район Руды и юго-восточнее д. Пенчиково, где начала оборудовать огневые позиции, чтобы поддержать отступающие подразделения 239-го стрелкового полка. В состав 261-го полка были приняты бойцы и командиры 92-го ОПАБ Осовецкого УРа, отошедшего с границы; лейтенанта В. А. Киселева комполка майор А. С. Солодков назначил командиром взвода пулеметной роты. Лишь поздним вечером к крепости подошел понесший большие потери от атак авиации 164-й легкоартиллерийский полк (командир - полковник Радзивилл).

Слушатели Академии имени Фрунзе по приказу вышестоящего командования покинули Осовец и убыли в Москву для доучивания, в числе их был никому тогда не известный старший лейтенант Д. А. Драгунский. Войну полковник Драгунский закончил в Берлине командиром 55-й гвардейской Васильковской бригады 3-й танковой армии и, несмотря на невысокий рост, принял участие в

249

параде Победы. После войны Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск Д. А. Драгунский был начальником курсов "Выстрел" и, по совместительству, Председателем советского антиссионистского комитета.

После того как авиация противника сожгла местечко Визна, штаб 1 -го корпуса переместился в сосновую рощу за рекой Бобр. Когда генерал Ф. Д. Рубцов прибыл из 8-й дивизии, начальник штаба полковник А. М. Соколов

сообщил ему об отсутствии связи с Осовцом и штабом армии. К подготовленной штабом оперсводке Рубцов приложил свою записку. В ней он информировал командарма о сильном воздействии авиации противника и отсутствии средств ПВО (корпусной 176-й зенитный дивизион Голубев оставил в Белостоке) и обращался к нему с просьбой о выделении с утра 23 июня двух звеньев истребителей для прикрытия мостов в Визне и Стреньковой Туре. В конце он написал: "262-й КАП из-за неукомплектованности тракторами и автомашинами оставил в Красном Бору 12 орудий. Прошу оказать помощь. Целый день бьемся, чтобы связаться с Вами, но безуспешно". Эта записка вместе с оперсводкой пакетом была направлена в штаб, вместе с ней же (не ясно, правда, как и когда) попала к немцам и сейчас хранится в ЦАМО под одним инвентарным номером: фонд 353, опись 59087, дело 2.

Искушенное в вопросе "окружить и уничтожить" немецкое командование сосредоточило свои ударные части на флангах белостокской группировки. Если левое крыло 10-й армии было прорвано практически сразу, дивизии 1-го эшелона 3-й армии несли жестокий урон, пытаясь остановить наступление многократно превосходящего противника, то на самом острейшем выступе обстановка была значительно спокойнее. Там в полосе свыше 70 км (от заболоченной поймы правых притоков Нарева на севере до шоссе Белосток-Варшава на юге) наступали или, вернее, имитировали наступление крупных сил 221-я охранная дивизия и заградительные "эрзац"-части - правда, при поддержке танков и авиации. Надо признать, сделали они это весьма правдоподобно, чем ввели в заблуждение противостоящие им советские войска и их командование. Весь день 22 июня эти малочисленные отряды сковывали в районе от Острова-Мазовецкого до Новогруд 13-ю дивизию 5-го стрелкового корпуса и 6-ю Чонгарскую Кубано-

250

Терскую кавалерийскую дивизию вместе с корпусным управлением. В полосе 151-го стрелкового полка 8-й СД (командир полка - подполковник В.

П. Степанов) действовали всего 2-3 неприятельских батальона. Генералы вермахта считали, что вскоре после начала боевых действий русские войска оставят неудобный для обороны белостокский выступ без боя, поэтому большим сюрпризом для них стало ожесточенное сопротивление на всех, даже второстепенных, участках фронта. "Причины таких действий противника не ясны", - записал в своем дневнике начальник германского Генштаба генерал Гальдер.

Начальник разведки 8-й дивизии майор Круголь на бронемашине БА-10 2 разведбата оказал помощь в отражении атак соседней со штабом дивизии погранзаставе. Части 13-й стрелковой дивизии генерал-майора А. З. Наумова успешно удерживали пограничный рубеж, несмотря на то что вечером 21 июня все командиры полков и батальонов уехали в Белосток на совещание и вернулись уже тогда, когда бои были в разгаре. Исключение составил лишь комбат-2 119-го стрелкового полка старший лейтенант Ковалев, подразделение которого находилось на строительстве укреплений [104, с. 318]. 229-й СП, усиленный 130-м корпусным артполком, держал оборону бок о бок с несколькими эскадронами 6-й кавалерийской дивизии генерала М. П. Константинова.

М. М. Джагаров вспоминал:

"Артиллерийская дуэль наших дивизионов с вражеской артиллерией, начавшаяся после полудня, продолжалась до позднего вечера... Враг вводил в бой все новые и новые воинские части. Атаки мотопехоты и танковых подразделений следовали одна за другой. Самолеты звеньями, эскадрильями и авиаотрядами непрерывно висели над нашими позициями. Но ни один танк, ни один солдат в темной каске и серо-зеленом мундире в тот день не прорвался в наши боевые порядки" [52, с. 8-9].

Большой вклад в отличные действия артиллеристов внес корпусной 47-й отдельный артдивизион инструментальной разведки (командир - капитан А. М. Савванович). Но объективности ради надо уточнить, что полноценная артиллерийская поддержка появилась у пехоты 8-й дивизии только после

полудня. Пока 130-й корпусной и 117-й гаубичный артполки под непрерывными атаками авиации с трудом пробивались из-под Ломжи на север, стрелковые части несли большие потери, отбивая атаки в основном огнем

251

легких пушек полковой артиллерии и минометов. Как указывал в своих воспоминаниях ПНШ 117-го ГАП П. В. Павлов, полк вернулся в дивизию только к вечеру 22 июня. Таким образом, к исходу дня 22 июня в 1-м стрелковом корпусе удалось решить задачи по сдерживанию противника вблизи границы.

4.4. Центр. 6-я кавалерийская дивизия

Самой западной оконечностью белостокского выступа был треугольник с городом Ломжа в центре него. На Ломжанском направлении госграницу СССР перешли часть сил сильно растянутой по фронту 87-й пехотной дивизии (с северо-запада) и подразделения 221-й охранной дивизии (с юго-запада).

В боевом донесении штаба 10-й армии № 1 на 10:05 записано:

"С направления Остроленка на Ломжа появились танки... противник бомбил Ломжа и передовые аэродромы".

В этих местах к утру 22 июня находились весьма значительные силы Красной Армии, не имевшие, впрочем, единого командования: 6-я кавдивизия, правофланговые подразделения 13-й стрелковой дивизии, гарнизоны имевших вооружение дотов Осовецкого УРа; большое количество артиллерии было сосредоточено в Червоном Бору. На площадке Тарново, недалеко от реки Руж (Русь), находился весь 129-й истребительный авиаполк, на аэродроме в 5 км от Ломжи - две эскадрильи И-16 124-го полка. Также в летнем лагере у Ломжи встретил войну хорошо укомплектованный и

оснащенный 106-й моторизованный полк 29-й МД 6-го мехкорпуса. Непосредственно у границы располагались заставы 87-го погранотряда войск НКВД. Впоследствии 106-й МП убыл на север, под Гродно; дивизионные арtpолки разъехались по своим соединениям, арtpолки РКК последовали за ними.

Понеся от ударов авиации сравнительно небольшие потери, 6-я КД сосредоточилась в Гелчинском лесу, что находится на северном склоне Червоноборской гряды. Ее 38-й эскадрон связи, с трудом протиснувшись сквозь забитую повозками и просто спешно покидавшими Ломжу местными жителями центральную улицу городка, прибыл сюда же. Развернув смонтированную на шасси трехосной ГАЗ-ААА радиостанцию РСБ, которая была закреплена за штадивом, радисты на-

252

чали обмен шифрованными радиogramмами с неизвестным корреспондентом. Вначале все шло прекрасно. Первая радиogramма ушла в эфир в 08:25. Ответ прочли начальник связи дивизии майор Груша и подошедший командир дивизии генерал-майор М. П. Константинов. Затем они ушли, видимо, для отдачи распоряжений, и через какое-то время снова вернулись. На второй вызов ответа не последовало (или сменили код, или рацию "на том конце" разбомбили).

Находившийся на смене старший сержант З. П. Рябченко поймал в микрофонном режиме передачу ТАСС:

"Генерал упавшим голосом попросил включить погромче, ровно в 12:00 выступил т. Молотов и объявил - считать Советский союз в состоянии войны с Германией, вот когда мы узнали про начало войны. Генерал и майор попрощались с нами, на прощание сказали, что "вам, сынки, будет очень тяжело, эта война будет невиданной из войн" [76, письмо].

Бывший начштаба 94-го Севсро-Донецкого кавполка подполковник В. А. Гречаниченко вспоминал, что к ним поступил устный приказ командира дивизии следующего содержания: занять оборону на рубеже железной

дороги Ломжа - Лапы и не допускать противника со стороны Остроленки и Замбрува. Примерно в 10 часов 94-й полк (командир - подполковник Н. Г. Петросьянц) первым вошел в соприкосновение с противником; завязалась перестрелка. Вскоре к полю боя подошли подразделения 48-го Белоглинского Кубанского и 152-го Ростовского Терского казачьих полков подполковников Рудницкого и Белоусова. 48-й КП занял оборону на правом фланге 94-го полка.

И. Е. Щербина, бывший рядовой саперного взвода 152-го кавполка, писал:

"22 июня 1941 г. в пятом часу утра нам сыграли боевую тревогу под звуки разрывов бомб и снарядов, это немцы вели обстрел по нашим военным объектам. И так поехали занимать огневые позиции для защиты наших границ от немецких войск. А когда мы доехали до реки, там мосты были уже взорваны, тогда саперы дивизионные и полковые быстро навели понтонный мост, переправили все воинские части и технику и заняли там оборону и держали от натиска немецких войск до поздней ночи, и наши части этот натиск сдержали. А потом, когда все утихло, ночью нам дали команду: "По коням, оставить эти рубежи и двигаться на защиту г. Белостока" [76, письмо].

253

Попытка немцев с ходу прорваться к Ломже была отбита: казаки спешили и, заняв оборону на широком фронте, вступили в бой. Несмотря на превосходящие, как казалось, силы врага, они отразили все его атаки, отбрасывали немецкую пехоту огнем и контратаковали с саблями наголо. Непосредственно у Ломжи вели бои танковый эскадрон дивизионного 35-го ТП, 3-й КП подполковника Д. М. Алексеева (севернее) и три эскадрона 48-го и 94-го полков (юго-западнее).

Из боевого донесения штаба 10-й армии № 1 на 14:40: "Противник, наступая по всему фронту, к 13 часам 30 минутам занял пехотой Граево, Марки, Малы Плоцк, Новогруд, Мясково, Хороманы, Науборы, Ясеница,

лаг. Гонсиорово, Цехановец, Семятичи, имея танки в направлениях: Остролен-ка, Ломжа; Брок, Анджеево; Лазув, Цехановец".

В архиве И. И. Шапиро я обнаружил переписанные бог знает откуда несколько донесений и приказов штаба корпуса и штаба дивизии, к сожалению, неполные. В изложении, вероятно, начальника штаба 6-й КД подполковника Г. М. Данилова обстановка в районе Ломжи в первой половине дня выглядела так (сокращения исправлены):

"22.6.

10.15. 6 КД Гелчинский лес, штадив 6 КД северная окраина Гелчин.

48 КП слева Завалы, западная окраина Погуже, северная окраина Гелчин.

94 КП справа Завалы, слева Гелчин, ж.-д. Козики, урочище Червоный Бур.

15 КАД справа Богушице, слева Сежпуты Мерки организует ПТО.

Не допустить подвижные части противника на рубеж Гелчин, западная окраина деревень Козики, Сежпуты, Загайне.

13.00. Части противника занимают Малый Плоцк. Хлюзне, Кужжиа, Новогруд.

Выдвижение с направления разъезд Курте.

3 КП на рубеже Муравы, Кистальники не допускает выход противника на рубеж Стависки, Ломжа.

2/35, взаимодействуя с 3 КП, не допускает противника из направления Влоджи, Хлюдне на юго-восток. Остальные эскадроны 35 ТП и взвод ПТО 94 КП прикрывают шоссе Новогруд - Ломжа, Остроленка - Ломжа и Ломжа - Снядово.

254

2 и 3/48 со взводом станковых пулеметов и 2 орудиями действуют в направлении Вежбово, Дембово, Клечково с задачей не допустить противника восточнее р. Русь. 94 КП без 2 эскадронов и 4/48 КП в северо-западной и западной части леса Гелчин.

152 КП - в лесу южнее Ро... (неразборчиво)".

Изложено грамотно и подробно, чувствуется стиль опытного штабника, лишь ничего не сказано об активности авиации противника. То, что у Ломжи не было значительного давления наземных войск противника, вовсе не означало, что войска РККА не подвергались воздушным атакам. Эскадрильи Люфтваффе, почти не встречая противодействия со стороны советских ВВС, безнаказанно терзали и трепали идущие по дорогам колонны, бомбили боевые порядки частей, склады и военные городки. Поэтому советские войска несли серьезный урон и здесь, на второстепенном участке фронта.

В. Н. Логунов, курсант 59-го батальона связи 13-й СД, вспоминал:

"Когда мы подъехали к границе в районе м. Снядово, то увидели следы только что окончившегося приграничного боя: разбитые и сгоревшие танки, орудия, бронетранспортеры среди трупов людей и лошадей".

З. П. Рябченко вспоминал:

"Только мы выехали, впереди нас проскакали сабельные эскадроны, и вдруг появился один "мессершмитт", сделал поворот, снизился примерно метров на двадцать с боку и дал пулеметную очередь, а сам полетел за одиночным всадником. Машина резко остановилась, мы с Сашей выскочили из будки и увидели лейтенанта и шофера с перебитыми ногами. Благо появился обоз, мы их погрузили на брички и больше не встречались. Осталось нас двое, что делать, сами не знаем. Простояли примерно часа два, Саша, хоть и плохо, мог водить машину, рацию бросить нельзя. Никто на нас не обращает внимания, ни одного офицера, летчики, танкисты едут на лошадях, идут пешие, как стадо баранов. Бензин кончился, но мы до опушки леса все-таки доехали. Потом к нам примкнул какой-то старшина и посоветовал взорвать рацию. По лесу валялось много оружия: снарядов, гранат - по обочинам дорог стояла новенькая техника: машины, танки, гаубицы, но не было бензина".

Саму Ломжу авиация противника не тронула (только казармы кавалеристов были атакованы с воздуха), но на улицах время от времени рвались снаряды дальнобойной артиллерии. За Наревом гремела несмолкаемая канонада и ружейно-пулеметная стрельба. После ухода конницы город опустел; как вспоминал сын начальника отделения штаба 87-го ПО капитана И. П. Говорова полковник МВД в отставке В. И. Говоров, в нем не осталось никого, кроме штаба отряда, размещавшегося в здании бывшей духовной семинарии, его охраны и семей комсостава.

Он писал:

"Нас погрузили в две или три грузовых автомашины и вывезли вначале в лес около города, а затем повезли в Белосток..." И в самом конце: "Я не знаю, почему немцы до вечера не могли зайти в Ломжу, в которой кроме погранотряда и кав. полка не было других войск?"

Наверное, потому и не было, что немцы были остановлены превосходящими силами частей РККА западнее Ломжи. Впрочем, есть некое упоминание о том, что утром Ломжа была взята (возможно, каким-то передовым отрядом), но потом отбита назад.

Д. Г. Павлов показывал:

"Примерно в 7 часов прислал радиogramму Голубев, что на всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка и все попытки противника углубиться на нашу территорию им отбиты. Генерал Семенов - заместитель начальника штаба фронта - мне доложил, что Ломжа противником взята, но контрударом 6-й кавдивизии противник снова из Ломжи выбит". Вероятно, так и было, тем более что это отражено и в документах штаба фронта.

Из оперсводки штаба Западного фронта № 2: "6-й кавалерийский корпус овладел Ломжа и ведет бой на рубеже Ломжица, Завалы (1-2 км западнее Ломжи)".

К вечеру 22 июня обстановка в районе Ломжи не претерпела существенных изменений. Вражеские войска были остановлены западнее города. Штаб 6-го кавкорпуса находился в лесу в 2 км восточнее Подгоже.

Силы противника, наступающие на позиции конников с рубежа Малы Плоцк - Монтовица - Мястково - Курж - Трончин, оценивались как "до пехотной дивизии". Части корпуса совместно со 172-м стрелковым полком 13-й стрелковой дивизии - местом его дислокации был Червоный Бор - обороняли фронт Рогенице Вельке (10 км северо-западнее Ломжи) - Крупки (6 км западнее Лом -

256

жи) - Мястково - Клечково. С 18:30 командир 6-й КД подчинил себе 87-й погранотряд с задачей: к 19 часам занять оборону по восточному берегу реки Гаць на фронте Лютостан - Лады - Желедня - шоссе-ная дорога. Штаб пограничного отряда разместить в лесу юго-восточнее Лютостан. Этим решением генерал М. П. Константинов намеревался прикрыть участок восточного склона Червоноборской гряды к северо-западу от Замбрува. Севернее Лютостан до впадения реки Гаць в Нарев находится большое непроходимое болото, что делало позицию пограничников более прочной. По состоянию на 18:40 3-й эскадрон 94-го полка, одна стрелковая рота РККА и погранзастава обороняли Писки. Погранзастава № 1 в деревне Бучин была окружена противником, требовала подкрепления.

4.5. Выдвижение 36-й кавалерийской дивизии

36-я кавалерийская дивизия в это время выдвигалась в свой, определенный еще мобилизационным планом, район сосредоточения - под Заблудов. Согласно подписанному в 5 часов утра боевому Приказу № 1, обеспечение прикрытия сосредоточения возлагалось на 42-й кавполк с подчиненным ему 8-м танковым полком. Все полки следовали своими маршрутами, штаб дивизии с 7-м отдельным эскадром связи находился в голове 24-го КП (командир - полковник И. И. Орловский), замыкал движение 33-й саперный эскадрон. 3-му ОКАД и зенитчикам надлежало по прибытии в

Волковыск получить указания у начальника снабжения дивизии полковника Козакова о дальнейшем пути следования, сам же Козаков со взводом полковой школы 24-го кавполка был оставлен в городе для приема пополнения и формирования 2-го эшелона дивизии. Организовать эвакуацию семей начсостава Е. С. Зыбин поручил полковнику Калюжному.

До рубежа м. Большая Берестовица, м. Свислочь 24-й и 102-й полки вместе со штадивом неоднократно подвергались налетам небольших (3-5 машин) групп авиации противника, потери были незначительны. Затем конница вошла в Супрасельскую пущу, и воздействие авиации вообще прекратилось.

257

В ночь на 23 июня главные силы 36-й КД организованно вышли в район сосредоточения. Не было лишь сведений об артдивизионе, зенитных подразделениях и единственной в дивизии радиостанции 5-АК (22-го она должна была вернуться из Ломжи, с учебных сборов, проводимых начсвязи корпуса, но так и не вернулась).

4.6. Ввод в бой 13-го механизированного корпуса

Гораздо драматичнее продолжали развиваться события в южной части белостокского выступа. Ожесточение боев, несколько снизившееся на левом фланге 10-й армии после разгрома 113-й дивизии, снова возросло, когда авангарды пехотных дивизий 4-й немецкой армии столкнулись с частями 13-го мехкорпуса (295 танков, 34 бронемашины). Самой сильной была 25-я танковая дивизия полковника Н. М. Никифорова: 228 танков и 3 БА. Однако стечение целого ряда обстоятельств привело к тому, что ее основные силы вступили в бой лишь на следующий день, 23 июня.

Наиболее боеспособные подразделения 31-й танковой дивизии перекрыли дорогу Дрохичин - Вельск - Белосток. Это было все, что командир

дивизии мог сделать. Фактически 31-я существовала только на бумаге - соединение 2-й очереди, и тому есть подтверждение в документах. В танковых полках - 40 единиц бронетехники с почти истраченным моторесурсом (из них 29 машин - в 62-м ТП), у мотострелков - по 4-5 винтовок на взвод. Артполк орудиями укомплектован практически полностью, но нет тягачей, да и стрелять умеют лишь несколько расчетов, переведенных из 124-го ГАП РКК. Остальные призваны два месяца назад. Но воевать надо, и в оборону полковник С. А. Колихович поставил все наличные силы.

31-й мотопонтонный батальон к началу войны еще находился в стадии формирования. Кроме самого комбата старшего лейтенанта А. Ф. Капусты, в батальоне имелось только три офицера: начхим, командир роты младший лейтенант Куковеров и начфин. Матчасть отсутствовала, личный состав был представлен только одной ротой, сформированной из "западников", то есть призывников из Западной Белоруссии, контингента малограмотного, да еще набожного к тому же. Началь-

Командир 25-й танковой дивизии Н. М. Никифоров

ником химслужбы 31-го ПМБ был только что окончивший Калининское ВУхимзащиты лейтенант Н. С. Степутенко. По его словам, они получили приказ: занять рубеж обороны по реке Нужец у дороги Боцьки - Гайновка, в 5 км западнее Боцьки. Рядом с саперами окапывались курсанты полковой школы 31-го мотополка.

Среди черных петлиц танкистов

259

мелькали и голубые авиационные. А. Т. Кишко из 157-го батальона аэродромного обслуживания вспоминал, что оборону они держали где-то под Вельском; аэродром Долубово, где БАО нес службу, находился как раз недалеко от Боцек. Также в Долубово стоял второй танковый полк дивизии,

148-й (командир - подполковник Г. П. Маслов). Бывший помпотех полка, полковник-инженер в отставке В. Чулков, вспоминал, что он был полностью укомплектован личным составом. 10 июня значительная часть командиров танков и механиков-водителей убыла в командировку на Харьковский машиностроительный завод, для получения танков Т-34 и обучения на них в течение месяца.

Чулков писал:

"Немцы нам этого месяца не предоставили. В результате наш полк вступил в войну, имея на вооружении лишь 11 танков "Т-26" (легких, тонкобронных), 3 бронеавтомобиля "БА-10" (на шасси грузовика трехосного "ГАЗ-ААА"), 30 автомобилей и 50 винтовок".

Рядом с военным городком, буквально в 300 м, был полевой аэродром 126-го авиационного полка, укомплектованного самолетами МиГ-3. В субботу, 21 июня, подполковник Г. П. Маслов назначил воентехника Чулкова дежурным по полку, а сам уехал в Брест встречать семью. Больше его в полку не видели. В 22:00 Чулков заступил на дежурство, а около четырех часов утра 22 июня он пошел проверить несение караульной службы.

"Стояла великолепная погода. Слышались последние соловьиные трели. На душе - ни малейшей тревоги. Но вот слух, а затем и взор привлекло звено самолетов какой-то непривычной конфигурации, появившееся над лесом почти на бреющем полете. В несколько секунд самолеты достигли нашего аэродрома, раздались взрывы. Высоко взметнулись языки пламени, дым, комья земли, какие-то обломки. Было ясно, что горят самолеты. Пока я доехал до расположения полка, над аэродромом отбомбились еще два звена. За ними еще летела стая крылатых разбойников".

В расположении полка все красноармейцы выбежали из казарм, глаза на небо, и лишь когда самолеты начали обстрел из пулеметов, попадали на землю. Воентехник подал команду: "В парк, к машинам! Заводить двигатели!" Экипажи танков, бронеавтомобилей и автомашин бросились

выполнять приказ. Примерно через полчаса налеты прекратились, наши новейшие истребители превратились в груды горящих обломков.

В полк пришел капитан

260

ВВС и на вопрос, почему не подняли ни одного самолета, ответил: "Все летчики на выходной день уехали в Бельск, к семьям, а когда прибыли на аэродром, все самолеты уже сгорели".

Примерно через полтора часа был получен приказ командира дивизии, выполняя который начальник штаба полка сформировал роту танков Т-26 и отправил их в сторону границы. "Безлошадные" начали готовить второй оборонительный рубеж. Затем еще дважды переходили на новые рубежи, а еще спустя какое-то время, никем не управляемые сверху, почти безоружные, группами разбрелись по лесам и болотам.

Окопаться на оборонительном рубеже танкисты 31-й дивизии и тыловики ВВС толком не успели: около 8 часов утра немцы вышли к реке Нужец, и завязался ожесточенный бой. Передовой отряд противника был усилен танками и мотоциклистами. Один за другим останавливались и окутывались дымом танки 31-й дивизии, разрывы снарядов и мин вздымали землю на позициях мотопехоты и понтонеров. Противник потерял 7 танков, 12 мотоциклов, было убито до тридцати его солдат.

После полудня, часов около 14, оборона дивизии была прорвана. Началась паника, оставшиеся в живых отошли за Боцьки километров на 10, в лес, и в направлении Белостока. Авиаторам повезло. Они избежали гибели в окружении, не все, конечно, и в Вязьме после доукомплектования занялись привычным делом: обслуживанием авиационного полка. Люди же Колиховича в основном сложили головы в боях у Бельска, в Беловежской пуще и в районе Порозово-Новый Двор. Многим "посчастливилось" оказаться в плену.

По данным ЦАМО, в частях 13-го корпуса не было танков новых конструкций. В наличии было 196 пушечных и 48 пулеметных Т-26, один

тягач на базе Т-26, 15 БТ, 19 огнеметных танков. 16 танкеток и 34 бронемашины. Но участники боев говорят об обратном. И в 25-й, и в 31-й танковых дивизиях имелось по несколько машин Т-34 и КВ. Техника была не новая, уже побывавшая в эксплуатации. Передали ее, вероятно, из 6-го мехкорпуса, чтобы механики могли отрабатывать технику вождения. С началом войны новые танки также были брошены в бой. По свидетельству бывшего сержанта из 1-го батальона 50-го ТП Т. Я. Криницкого, танк КВ имел экипаж командира 25-й дивизии Н. М. Никифорова.

Если внимательно рассмотреть карту восточных земель

261

Польши (там, где когда-то был белостокский выступ), можно увидеть, что между Цехановцом и Боиьками имелся в наличии обширный кусок приграничной земли. Это тоже был участок прикрытия 113-й стрелковой дивизии. Пройдя юго-западнее Цехановца сквозь уже несуществующий рубеж обороны разгромленного соединения, 263-я дивизия 9-го армейского корпуса вермахта быстро продвигалась вдоль дороги, идущей на Браньск и далее - на Лапы и Белосток, то есть в тыл 5-му стрелковому корпусу. Противник мог выйти к Белостоку уже в конце дня 22 июня; но этого не произошло. Как вспоминал сам генерал Гейер, 263-я ПД к исходу дня июня овладела лишь Браньском, при том, что ее передовой отряд сумел захватить целым мост через реку Нужец. Он писал: "Это был блестящий успех - если учесть, что значительная часть марша от Буга пришлось на ночь на 23 июня, а также, что в Браньске этим частям пришлось выдержать тяжелый ночной и утренний бой" (От Буга до Кавказа. - М.: ООО "Издательство АСТ", ООО "Транзиткнига", 2004).

В маленьком Браньске, как раз на пути передовых частей вермахта, стояла только одна боевая войсковая часть Красной Армии: 25-й разведбатальон 25-й танковой дивизии. Он и принял на себя первый удар десятикратно превосходящего противника. В его составе имелись танки, бронемашины и несколько мотоциклов ИЖ-9 с ручными пулеметами

Дегтярева на колясках. Но что значит один батальон по сравнению с полнокровной немецкой пехотной дивизией, усиленной к тому же бронетехникой? В отчаянном неравном бою батальон был рассечен на части и прижат к реке Нужец. Бой шел в самом Браньске по его юго-западной окраине и за рекой Нужец, в районе техпарка батальона. Подразделения 25-го ОРБ ожесточенно сопротивлялись, пытались вырваться в любом направлении - на север или на восток.

Одна из рот, которой командовал лейтенант Исайченко, переплыв реку вплавь (лодок не было, а городок и техпарк в районе моста были охвачены пожаром, сам же мост находился под шквальным огнем, и пройти по нему было невозможно), вела бой в нескольких километрах от опушки леса. Как вспоминал рядовой И. И. Щиколков, неподалеку на заболоченном лугу застряли два автомобиля ЗИС-5, нагруженных ящиками с боеприпасами. К вечеру рота отступила к лесу, вынеся тяжело раненного команди-

262

ра роты: через час он умер. В лесу встретили танк КВ, неизвестно кому принадлежавший. Танк вскоре ушел, а рота самостоятельно начала пробиваться из окружения. В лесу столкнулись с немцами и в ходе боя снова понесли большие потери.

Рота Исайченко была, вероятно, мотоциклетной, но технику не использовала и воевала как пехота. А ведь батальон имел еще две роты: бронемашин и танков. Увы, об их действиях мне не известно. Можно лишь предположить, что только наступившая темнота положила конец этому побоищу.

Вообще, история разведбата из Браньска расшифровывается очень трудно. Мало осталось в живых его бывших воинов, не удастся установить судьбы командиров и их действия в первые часы войны. До сих пор непонятно, куда пропал комбат капитан Н. К. Дмитриев и как он оказался в бывшей своей 155-й стрелковой дивизии, входившей в состав 47-го стрелкового корпуса. Не идет ни на какие контакты проживающий в Украине

Е. К. Иванов, сын пропавшего без вести политрука К. Н. Иванова из 25-го ОРБ. Он собрал много материалов по 13-му и 47-му корпусам, долго и плодотворно сотрудничал с И. И. Шапиро, но, вероятно, моя персона его чем-то не устраивает.

Не стоит думать, что командованию корпуса была безразлична судьба погибающего батальона. Генерал-майор П. Н. Ахлюстин направил на выручку 18-й мотоциклетный полк капитана Громова. По некоторым свидетельствам можно предположить, что его передовой отряд сумел пробиться к Браньску. Отдельными подразделениями мотоциклисты заняли оборону по берегу реки, окопались и встречали противника автоматнo-пулеметным огнем, несмотря на ограниченное количество боеприпасов.

Стрелок Ф. А. Казанин рассказывал, что им выдали всего по 10 патронов для карабина, 41 патрон для пулемета и 70 - для автомата. Мотоциклы они оставили в перелеске на северном берегу Нужеца, а сами перешли на южный и отрыли ячейки в ржаном поле. На мотоцикле всегда было закреплено три бойца: водитель, пулеметчик и стрелок (одновременно считался как подменный водителю). Ответным огнем из минометов немцы сожгли часть мотоциклов, вечером экипажи были вынуждены отойти на северный берег. Основные силы 18-го МЦП двинулись к Браньску позже. По словам командира взвода М. С. Садовщикова, около 100 мотоциклов с экипажами и три легких танка повел сам комполка. Боепри-

263

пасов было крайне мало, патроны делили буквально поштучно. На пути к Браньску группа встретилась с перекрывшими дорогу вражескими бронетранспортерами и автоматчиками на мотоциклах.

Как вспоминал И. И. Сергеев, когда колонна полка втянулась в густой лес, внезапным артогнем был расстрелян ее авангард и, видимо, были подожжены шедшие в голове танки. Завязался тяжелый встречный бой, в ходе которого к Браньску прорваться не удалось. Погибло много бойцов и комсостава. Среди них были, как вспоминал Садовшиков, командир 4-й роты

Цветков и его водитель, командир 2-й роты старший лейтенант Твердохлебов (на самом деле он остался жив), младший лейтенант Мокалов. Громов с остатками людей отошел на Бельск.

Семь из восьми танковых батальонов 25-й дивизии к началу войны оказались собранными в местечке Райск. Только 4-й батальон 50-го танкового полка (комбат - старший лейтенант Я. С. Задорожный) находился в отрыве от главных сил, в лагере у Шепетово. Утром в расположении батальонов была объявлена тревога, хотя не обошлось без досадных накладок. Участник событий вспоминал: "Горнист сыграл тревогу, пробежались в каптерку, взяли снаряжение, противогазы, ракетницы - кому что положено. И побежали к машинам, брать диски и заряжать [их] патронами. Ящики патронов были расположены спереди машин, и часовой не подпускал. Прибыл старший начальник склада боепитания и говорит - патроны нельзя брать, нет приказа наркома обороны. Прибыл подполковник Скаженюк, выматерился крепко, говорит: "Война". Тогда взяли патроны, набили несколько дисков, а ящики с патронами [разместили] на танки" [76, письмо].

Из состава 113-го танкового полка (подполковник Ю. П. Скаженюк был его командиром) Н. М. Никифоров послал к Браньску отряд во главе с майором Кошкиным, 35-37 танков. Но тот по не выясненным до сих пор причинам проскочил транзитом через городок и ушел к Вельску, где и принял бой. Возможно, причиной столь досадной "накладки" стал ложный приказ по радио, переданный диверсантами-"слухачами" из полка "Бранденбург-800". В остальном 113-й полк в течение дня 22 июня по частям придавался пехоте, не имевшей средств борьбы с танками. По свидетельству М. Е. Турина, там, где дрались воины полка, немцы оставили подбитыми до по-

лусотни танков, бронемашин и штурмовых орудий. Еще два батальона 113-го ТП тоже ушли на Бельск, но позже. Один батальон 113-го ТП (или

часть батальона) сопровождал колонну машин с семьями комсостава (50-го и 113-го полков) по проселкам, видимо, через Новы Пекуты на Лапы, но где-то по дороге эту колонну разбили с самолетов, многие семьи погибли, часть разбежалась. Танки отошли в лес, потом всю ночь меняли свои позиции, а рано утром 23 июня иступили в жестокий бой с немцами на каком-то ржаном поле.

50-й полк (командир - майор М. С. Пожидаев) первый день войны в основном простоял без дела. Только его 4-й и 3-й (комбат - старший лейтенант А. И. Шевченко) батальоны были посланы на выручку пехоте. У реки Брок попали в болото, часть танков застряла и была сожжена артиллерийским огнем. В. А. Перфильев из 3-го батальона вспоминал: "Я был командиром танка, а после потери машины - башенным стрелком на другой машине. Лагерь был поднят по тревоге 22 июня в 6 часов утра. Бомбардировке он не подвергнулся. По тревоге экипажи машин загрузили в танки снаряды, взрыватели к ним, пулеметы и патроны к ним. Через час-полтора полк двинулся на сборный пункт - большой лес справа от шоссе. Со сборного пункта танки группами уходили в разные направления, как говорили, на поддержку пехоты. 2 танка [из] нашего взвода, в том числе мой, были поставлены на шоссе у моста через речку Мянка - ожидалось выдвижение противника со стороны Браньска. Соприкосновения с противником не было. Из лагеря привозили обед. Ночь с 22-го на 23-е полк (оставшаяся его часть) провел между шоссе и деревней Мень".

Командир танка М. И. Трусов утверждал, что первое наступление батальона, в котором он служил, было 22 июня на Бельск. Возможно, он перепутал Бельск с Браньском, но проверить уже почти невозможно. "22 июня по тревоге были подняты и побежали к своим танкам. Мой танк был учебный. В пятницу с него был снят бензобак, и воентехник Симоненко возил его куда-то паять. Привез его поздно вечером в субботу, и решено им было, что мы его поставим на танк в понедельник. На воскресенье намечено было открытие лагеря. Пришлось ставить бак в танк утром своим экипажем

при помощи воентехника. Воентехник сказал, что наше подразделение ушло на г. Бельск". Когда отремонтированный танк направился

265

вслед за батальоном, он при движении попал в расположение какого-то пехотного полка, и майор, командир пехотинцев, оставил его у себя. "Потом к нам присоединились еще 2 танка, и в составе 3 танков и пехотинцев [мы] выгоняли немцев из какого-то населенного пункта. После этого я свой танк повел на Бельск. Основательно побитый танк, Я привел его под Бельск. Под Бельском из ржи начали выползать раненые танкисты, пехотинцы, артиллеристы и выезжать оставшиеся на ходу танки. На броне моей машины было очень много раненых. Потом их забрали на бортовую машину. Потом начались отдельные стычки с немцами" [76, письмо]. Идентифицировать этот эпизод мне пока не удастся, но возможно, что танк Трусова своей властью подчинил себе командир своего же 25-го МСП майор С. И. Есионов (Есланов).

В 25-м мотострелковом полку первой вступила в бой в районе Браньска полковая школа. Курсанты азартно и с воодушевлением контратаковали противника, но понесли такие потери, что подразделение фактически прекратило существование. Разведрота 50-го полка, по словам "безлошадного" командира БТ сержанта П. С. Коптяева, не успела получить к началу войны ни оружие, ни технику. Поэтому ее командира старшего лейтенанта Твердохлеба (почти что однофамильца комроты-2 из 18-го МЦП) Пожидаев "озадачил" ремонтом моста через одну из многочисленных речушек в этой местности. Он дал ротному вводную: чинить мост, потом с севера появятся танки дивизии, сесть к ним на броню и - в бой. Но танки появились с юга и к тому же с крестами на бортах и башнях. Безоружных солдат покосили пулеметные очереди, уцелевшие набились в полуторку и спаслись бегством.

На левом фланге корпуса действовала 208-я моторизованная дивизия (командир - полковник В. И. Ничипорович); ей пришлось вступить в бой,

также не закончив формирования. Как докладывал В. И. Ничипорович 2 июля 1942 г. командованию Западного фронта, 128-й танковый полк (командир - майор Н. А. Чебров) не имел ни одного танка, 2 тысячи красноармейцев этого полка не имели никакого вооружения, остальные части дивизии были вооружены на 70-80%. 22 июня дивизия получила задачу на оборону по линии Брянск - Бельск - Орля - Гайновка - Беловеж, в связи с беспорядочным отходом 113-й, 49-й и частично 86-й дивизий 1 -й линии

266

эта оборона растянулась на 90 км отдельными участками. На объявления в газетах, данных И. И. Шапиро, откликнулось лишь несколько бывших воинов 208-й. Но только в одном из писем были конкретные сведения: войсковая часть 2812 располагалась в Гайновке, и одним из ее командиров был майор Командышко. Расшифровка в/ч 2812 - 760-й мотострелковый полк, начальник штаба майор Д. К. Командышко, пропал без вести в июне 1941 г. Так в основном закончилось 22 июня для частей 13-го мехкорпуса.

4.7. Предварительный итог. Решение о формировании фронтовой конно-механизированной группы

Следует признать, что в первые дни боев штаб 10-й армии и ее командующий К. Д. Голубев проявили хладнокровие и выдержку, несмотря на то что из-за непрерывных бомбардировок Белостока армейское управление переместилось сначала в лес у Старосельцы, затем - в лес у Грудек, а еще через сутки - к станции Валилы, оказавшись на расстоянии более 100 км от линии фронта. Подчинив себе 13-й корпус и выдвинув его на Нужец, Голубев оттянул на несколько дней прорыв немецкого пехотного тарана на Волковыск. Большого же он не предпринимал, так как за те короткие промежутки времени, когда штаб 10-й устанавливал радиосвязь с

командованием округа, получил указание Д. Г. Павлова - держать в резерве 6-й механизированный корпус (списочная численность - 1021 танк) в лесах вокруг Белостока до выяснения главных операционных направлений войск противника. Вечером штаб фронта направил в Генштаб боевое донесение № 007. По состоянию на 18 часов генерал В. Е. Климовских докладывал: "Первое. Положение 3-й армии согласно донесению на 17. 00 22. 6.41 г., новых данных нет... Второе. На фронте 10-й армии противник овладел рубежом Граево (Грайево), Кольно, Ломжа, Петково, Чижев, Цехановец. О положении западнее Бельск, юго-западнее и южнее данных нет".

В такой обстановке Москва приняла решение, воплотившееся в Директиве НКО № 3. В подпункте в) 1-го пункта говорилось: "Армиям Западного фронта, сдерживая противника на Варшавском направлении, нанести мощный контрудар си-

267

лами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл Сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки". Поставленная задача абсолютно не согласовывалась со сложившейся обстановкой, но оспорить ее было немыслимо...

Приняв Директиву к исполнению, командующий войсками Западного фронта отдал войскам приказ о занятии жесткой обороны в центре оборонительной полосы и нанесении контрудара на правом фланге на Гродно и Сувалки.

В 23:40 22 июня генерал-лейтенант И. В. Болдин, уже находившийся в штабе 10-й армии, куда он прибыл для выяснения обстановки, получил во время переговоров с Павловым приказ:

"Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кавалерийская дивизия, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу реки Неман и не допустить выхода

его частей в район Волковыск, после этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова. Это ваша ближайшая задача. Возглавьте ее лично. Голубеву передайте занять рубеж Осовец, Бобр, Визна, Соколы, Бельск и далее на Клещеле. Все это осуществить сегодня за ночь, организованно и в быстрых темпах..."

Также Д. Г. Павлов приказал обратить особое внимание на то, чтобы "хозяйство" начальника артиллерии фронта все было выведено из Червоного Бора. Болдин ответил, что артиллерия выведена вся и приняла участие в боях. Для координации действий 3-й и 10-й армий и контроля за осуществлением контрудара КМГ в Белосток отбыл зам. наркома обороны по артиллерии маршал Советского Союза Г. И. Кулик (он прибыл в штаб армии на следующий день, 23 июня). Штаб группы Болдина намеревался сформировать из офицеров, откомандированных из управлений 6-го мехкорпуса и 6-го кавкорпуса. Он приказал перебросить к утру 23 июня танковые дивизии корпуса в район сосредоточения, определенный в 10 км северо-западнее Белостока. 29-я моторизованная дивизия корпуса должна была сосредоточиться в Сокулке, чтобы, развернувшись в боевой порядок, прикрыть подготовку к наступлению. Местом постоянной дислокации ее полков были Слоним, Обуз-Лесьна и бывший монастырь в Жировицах, но в ночь на 22

268

Советские танки, подбитые в районе Слонима

июня они находились в летних лагерях на значительном удалении друг от друга. 106-й моторизованный полк находился в лесу северо-западнее Белостока (у Ломжи - см. выше), 128-й МП и 77-й артполк (по воспоминаниям Н. С. Халилова) - в районе севернее Бреста. Мне это кажется фантастикой, район Бреста и значительный участок к северу от него - это полоса 4-й армии. Скорее всего, речь идет о Берестовицах (Большой либо Малой), хотя бойцы и говорили, что до Бреста 13 км, а до границы - 3 км. Впрочем, чего в ту войну не бывало.

Связи с 11-м мехкорпусом установить не удалось, однако на перспективу совместных с ним действий генерал Болдин приказал расположить в районе Крынки 36-ю кавдивизию; в 3-ю армию к генералам В. И. Кузнецову и Д. К. Мостовенко был послан делегат связи. Управление 6-го кавкорпуса и 6-я кавдивизия оставили Ломжу и также начали выдвижение в район нанесения контрудара. В 23:30 минут 22 июня, выполняя приказ командира корпуса генерал-майора И. С. Никитина, части 6-й КД колоннами форсированным маршем направились к Белостоку.

Глава 5. ЗА ФЛАНГАМИ БЕЛОСТОКСКОЙ ГРУППИРОВКИ

5.1. За правым флангом. Обстановка в Прибалтике в июне 1941 г.

Начавшееся сосредоточение механизированных частей вермахта против левого фланга 11-й армии (на алитусско-вильнюсском направлении) было выявлено разведкой Прибалтийского Особого военного округа за неделю до начала боевых действий.

В разведсводке штаба округа № 02 от 21 июня указывалось:

"По данным 4-й комендатуры 107 ПО отмечено, что в период с 14.6 по 15.6.41 через Сейны проследовало до 200 танков. В августовских лесах в районе Вержники, Кадеты, Кукле подтверждается сосредоточение до корпуса пехоты, артиллерии, до 200 танков, до 400 автомашин" [19, с. 50].

Ситуация была вполне предсказуемой, ибо в окружном плане прикрытия госграницы в числе наиболее вероятных для противника операционных направлений были определены: Гумбинен (ныне Гусев), Каунас, Вильнюс с последующим ударом на Минск; Сувалки, Алитус, Лида (или Гродно) для воздействия на правое крыло и тыл Западного округа.

Согласно тому же плану для усиления прикрытия указанных направлений в распоряжение командующего 11-й армией с первого дня мобилизации (М-1) передавались 3-й механизированный корпус и 10-я бригада противотанковых орудий.

Начальник инженерного отдела штаба 11-й армии подполковник С. М. Фирсов своей властью снял с оборонительных работ два батальона для минирования танкоопасных направлений, но вскоре получил от вышестоящего начальства выговор за излишнее рвение, а его решение было отменено [там

270

же, с. 24].

Вообще, печальный опыт "прибалтийцев" является весьма характерным для показа запутанной и противоречивой обстановки летом 1941 г. на советско-германской границе. Документы донесли до исследователей немало очень разумных и полезных распоряжений командующего округом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова: о применении светомаскировки, выводе техники из гарнизонных городков и укрытии ее в лесах, подготовке мостов к минированию и пр.

Взять, например, приказ штаба округа № 00229 от 18 июня. По пункту 1 (командующему Северо-Западной зоной ПВО): "к исходу 19 июня 1941 г.

привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа, для чего:

а) организовать круглосуточное дежурство на всех постах воздушного наблюдения, оповещения и связи и обеспечить их непрерывной связью;

б) изготовить всю зенитную артиллерию и прожекторные батареи, назначив круглосуточное дежурство на батареях, организовав бесперебойную связь их с постами, тщательно подготовив в инженерном отношении и и обеспечив огнеприпасами;

в) организовать взаимодействие истребительной авиации с зенитными частями;

г) организовать бесперебойную связь постов воздушного наблюдения, оповещения и связи с аэродромами истребительной авиации;

д) к 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района.

19.6.41 г. доложить порядок прикрытия от пикирующих бомбардировщиков крупных железнодорожных и грунтовых мостов, артиллерийских складов и важнейших объектов.

До 21.6.41 г. совместно с местной противовоздушной обороной организовать: затемнение городов: Рига, Каунас, Вильнюс, Двинск, Митава, Либава, Шауляй, противопожарную борьбу в них, медицинскую помощь пострадавшим и определить помещения, которые могут быть использованы в качестве бомбоубежищ;

е) максимально форсировать все организационные мероприятия, закончив их не позднее 1 июля 1941 г. "

По пункту 5 (начальнику АБТУ):

"к 21.6.41 г. изъять из 22, 24 и 29-го [территориальных стрелковых] корпусов все танки

271

иностранных марок и бронемашины. Совместно с начальником Артиллерийского управления округа вооружить их малокалиберной

противотанковой артиллерией (там, где они ее не имеют) и передать по 45 танков и по 4 бронемшины 8-й и 11-й армиям, которым танки использовать для стационарной противотанковой обороны в противотанковых районах, а бронемшины - для обороны командных пунктов армий".

По пункту 10 (ему же):

"Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21. 6.41 г. " (СБД № 34, с. 33-34).

Весьма показательны мероприятия, проводимые тогда в 5-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса (командир дивизии - полковник Ф. Ф. Федоров). 10 июня в дивизию поступила директива Управления начальника артиллерии ПриБОВО о срочном получении для создания НЗ (неприкосновенного запаса) 654 выстрелов с бронебойно-трассирующим снарядом, причем было приказано "не ждать" отгрузки со склада в Вильнюсе, а получать их самим немедленно согласно шифротелеграмме замнаркома обороны Г. И. Кулика (ЦАМО, ф. 5 ТД, оп. 1, д. 53, л. 60). 17 июня командир дивизии разослал в части план мероприятий по выполнению приказа НКО СССР от 15.06. 1941 г.

Смысл мероприятий был таков - перестроить боевую подготовку на основе постоянной боеготовности подразделений и частей; закончить стрельбы всем, кому положено стрелять, до 1 июля; прекратить отрыв личного состава на всякие хоз. работы к 22 июня (ЦАМО, ф. 9тп 5 ТД, оп. 49982сс, д. 6, л. 81-82).

В дивизии открыто говорили о мобилизации и грядущей войне, что отметил в своем донесении зам. командира 9-го танкового полка батальонный комиссар П. С. Григоренко. 18 июня он писал об "отрицательных настроениях": член партии старшина Макеенко при обращении к нему секретаря президиума Зачиняева об уплате взносов ответил: "Какие там взносы, теперь война..."; красноармеец Панфилов, беспартийный, заявил: "Сегодня написал письмо родным, что у нас мобилизация и выезжаем

на исходные позиции..." Никакой мобилизации (явной) в Прибалтике, конечно, не проводилось. Но смысл всех других мероприятий, проводимых в те дни штабом ПриБОВО, состоял в

272

том, что война стоит на пороге, идет активная подготовка к ней - не заметить этого мог только слепой и глухой.

Неплохо, не правда ли? Всем бы действовать так, как действовал Ф. И. Кузнецов. Но в течение последних двух-трех дней все приказы и директивы его штаба и окружных управлений неоднократно отменялись, вводились в действие, снова отменялись, совершенно дезориентировав командование подчиненных округу армий прикрытия. Часть решений блокировала проинформированная "бдительными товарищами" Москва.

Бывший начальник ГАУ маршал артиллерии Н. Д. Яковлев вспоминал про 21 июня:

"Во время нашей короткой беседы из Риги как раз позвонил командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал Ф. И. Кузнецов. Нарком довольно строго спросил его, правда ли, что им, Кузнецовым, отдано распоряжение о введении затемнения в Риге. И на утвердительный ответ распорядился отменить его" (Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. - М.: ВШ, 1984. С. 57). Была и еще одна причина такой чехарды, но о ней будет сказано чуть ниже. Результатом же явилась полная тактическая неожиданность для большинства входивших в армии дивизий 1-й линии, которые просто не успели занять подготовленные позиции на границе из-за многочисленных проволочек в отдаче приказаний на развертывание.

5. 2. Начало боевых действий. Оборонительное сражение в полосе 11-й армии

Удар левого крыла группы армий "Центр" (3-я танковая группа генерал-полковника Германа Гота была там главной ударной силой) на стыке Западного и Прибалтийского военных округов не пришелся по монолитной советской обороне. Он был нанесен по разрозненным подразделениям 126, 128, 188-й и 23-й стрелковых дивизий, главным образом по стрелковым батальонам, которые (в основном по одному от каждого полка) трудились на строительстве оборонительных рубежей. С севера на юг располагались: от 188-й СД - 2-й батальон 523-го, 2-й и 3-й батальоны 580-го, 3-й батальон 595-го полков; от 126-й дивизии - 3-й батальон 550-го, 2-й батальон 366-го, 3-й батальон 690-го полков; от 128-й дивизии - 2-й

273

батальон 374-го полка и все три батальона 741-го полка. Непосредственно на стыке с ЗапОВО находились два батальона 23-й дивизии. Есть данные о том, что батальоны были усилены полковыми артиллерийскими батареями, а в 30-километровой полосе 188-й (от Вирбалиса до озера Виштынсн - немецкое название Виштитер-Зее) пехотинцам был придан артдивизион [122, с. 5].

Бывший командир огневого взвода 106-го ОПТД 23-й СД В. П. Лапаев вспоминал, что 17 июня дивизион был поднят по тревоге и направлен к границе, но к вечеру 21 июня успел дойти только до Мариямполье, где и встретил войну (Новожилов И. В. Год рождения 21. - М., 2004).

Против батальонов 188-й СД развернулись 6-я и 26-я пехотные дивизии 6-го армейского корпуса, разгранлиния корпуса проходила севернее Алитуса. Против батальонов 126, 128 и 23-й СД на исходные позиции (непосредственно в сувалковском выступе) вышли 8 немецких дивизий: 39-й моторизованный корпус в составе 7-й и 20-й танковых и 14-й моторизованной дивизий, 57-й моторизованный корпус в составе 12-й и 19-й танковых и 18-й моторизованной дивизий и 5-й армейский корпус (командир - генерал пехоты Рихард Руоф) в составе 5-й и 35-й пехотных дивизий.

История сохранила имена командиров 188-й, которые первыми приняли на себя удар двух дивизий 6-го АК вермахта. Батальонами пехоты командовали старшие лейтенанты С. М. Уперов, П. С. Гудков и М. И. Дудов; дивизионом - В. М. Романенко. С ними находились работники политотдела старший политрук Н. П. Чалый и младший политрук Д. Т. Сорокин [там же, с. 6].

20 июня комдив полковник П. И. Иванов приказал командирам полков изучить свои участки и принять в подчинение строительные батальоны в их полосах. На следующий день командование частей и подразделений проводило рекогносцировку на местности, но основные силы дивизии по-прежнему оставались в летних лагерях Казлу-Руда. Основные силы 128-й СД занимали район Лаздияй, Сейрияй, Симнас, штаб находился в лесу в 5 км западнее Сейрияй. 126-я (командир - генерал-майор М. А. Кузнецов, зам. по ПЧ - полковой комиссар А. Я. Ермаков) и 23-я (командир - генерал-майор В. Ф. Павлов) дивизии к утру 22 июня находились на марше в глубине территории Литвы. Следовательно, на границе, кроме пограничников и строителей, находилось всего тринадцать вытянутых в одну

обстановку в штаб округа. Позже пошли более тревожные сообщения: атакуют немецкие танки, отражаем атаки пехоты противника. Потом прервалась связь со 128-й стрелковой дивизией.

В 5 часов утра командарм-11 генерал-лейтенант В. И. Морозов отдал боевой приказ № 01, в котором правофланговому 16-му стрелковому корпусу ставилась задача - прикрыть каунасское направление по линии укрепрайона и уничтожать противника в своей главной полосе [11, с. 56]. Левофланговым соединениям было приказано: 126-й стрелковой дивизии с 429-м ГАП РГК занять 1-й и 2-й узлы Алитусского УРа на рубеже Шиланце, Каймеле, Рымец и не допустить прорыва противника в восточном направлении (задача, как сами видите, изначально была поставлена нереальная, ибо соединение находилось еще на подходе к Неману); 128-й стрелковой дивизии занять 3-й и 4-й узлы укрепрайона на рубеже Меркине, Копцево, Курвишки и воспрепятствовать прорыву немцев на Алитус. Но именно это и произошло.

128-я стрелковая дивизия

На четыре батальона 128-й дивизии обрушились две танковые и две пехотные дивизии вермахта. На стыке с ЗапОВО батальон 23-й СД с боем оставил местечко Копцево (по-литовски - Капчаместис, 20 км севернее Сопецкина); германская кавалерия лесами прошла в озерный район на пути к Алитусу. Около трех десятков полностью забетонированных дотов Алитусского УРа, по сей день стоящих в районе Капчаместис и к югу от него, никаких боевых повреждений не име-

276

ют, следовательно, их никто не использовал.

Почти сразу же агрессором были взяты приграничные города Лаздияй, Калария и Кибартай; в Кибартае в полном окружении продолжала драться погранкомендатура.

Вечером 22 июня штаб ГА "Центр" донес в Ставку по 9-й армии и 3-й танковой группе, причем в весьма оригинальной манере:

"По эту сторону Немана установлены части 8 дивизий, которые не вполне изготовились к обороне и были буквально ошарашены нашим наступлением". Одной из этих "ошарашенных" была 128-я СД.

В марте 1941 г. 128-я дивизия была передислоцирована из Латвии в Литву: штаб, 374-й стрелковый полк и 212-й батальон связи разместились в Калварии, 533-й стрелковый и 292-й легкоартиллерийский полки - в Алитусе и Симнасе, остальные части - в Лаздияе, Сейрияе и других населенных пунктах. С весны и до начала боевых действий по одному батальону от полка участвовало в работах по сооружению Алитусского УРа.

В случае если бы УР успели построить, он прикрывал бы направление Августов - Алитус по фронту 57 км. По проекту он был разбит на 10 опорных пунктов, в которых строилось 273 дота, командный пункт и хранилище ГСМ. На 22 июня ни в одном из полностью готовых дотов не было установлено вооружение.

19 и 20 июня дивизия всеми силами начала занимать 55-километровый рубеж Калвария - Лаздияй и приступила к оборудованию командных и наблюдательных пунктов. 533-й стрелковый и 292-й легкоартиллерийский полки находились в летних лагерях на полевых учениях.

Утром 22 июня после комбинированного артиллерийско-бомбового огневого налета по позициям и местам дислокации частей 128-й СД по ней был нанесен удар колоссальной силы: в ее расположение врезались бронированные клинья 7-й и 20-й танковых дивизий, поддержанных обеими дивизиями 5-го АК 9-й полевой армии. 5-я пехотная дивизия вермахта еще до полудня подошла к Лаздияй, но сумела овладеть местечком лишь после нескольких часов тяжелого боя. Передовой отряд 56-го пехотного полка после взятия местечка устремился к Неману вслед за разведывательным эскадронам ротмистра Нимака (Хаупт В. Сражения группы армий "Центр". - М.: Яуза, Эксмо, 2006. С.19).

На участке 741-го стрелкового полка (командир - полковник И. А. Ильичев) за 1-й час боя было выведено из строя пять немецких танков. Яростное сопротивление оказали ок-

277

руженные части дивизии в болотах Илялис, в деревнях Крокилаукис и Толуйчай.

Курсанты полковой школы 374-го СП, возглавляемые командиром взвода Ветошкиным, погибли все, сам Ветошкин был убит в рукопашной схватке.

Сводный отряд 374-го полка сражался в районе г. Мариямполье (после войны переименован в Снечкус, ныне - снова Мариямполье). 292-й легкоартиллерийский полк (командир - майор В. М. Шапенко) еще в ночь на 17 июня был поднят по тревоге и занял оборону на границе: 1-й артдивизион - в районе Калварии, 2-й дивизион - во 2-м эшелоне дивизии у деревни Кросна.

В 04:10 22 июня 1-й дивизион уже вел бой вместе с пограничниками и вскоре израсходовал все боеприпасы. Личный состав дрался как пехота, участвовал в рукопашных схватках, в которых погибли командир и замполит дивизиона. Остатки подразделения отошли к позиции 2-го АД.

Как написано в истории 21-го танкового полка 20-й ТД вермахта,

"в Калварии, как первой цели наступления, было встречено только незначительное ожесточенное сопротивление, так что полк мог продолжить развитие удара на Алитус" (с сайта "Lexikon-Der-Wchrmacht" - <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de>).

Упоминается, что в захвате Калварии принимали участие также передовые подразделения 7-й танковой дивизии. В 04:05 утра ее авангард пересек государственную границу СССР и к 08:00 вошел в Калварию, которая находилась в 10 км от границы.

Как вспоминал командир 4-й батареи 292-го полка лейтенант А. Е. Наумов, 4, 5 и 6-я батареи, входившие во 2-й дивизион, держали оборону в

районе с. Кросна. Боекомплект состоял из 16 выстрелов на орудие и 15 патронов на бойца. После окончания артобстрела и начала движения немецких танков и мотоциклов по шоссе через Кросну на Алитус командиры батареи самовольно открыли огонь, нанеся немцам некоторые потери.

На КП 128-й СД, расположенном недалеко от позиции 2-го АД, никого не было, только в районе полудня был получен приказ штадива - отойти к Сейрияй, затем - к Алитусу. Но в полдень у дивизии уже не было командования, приказ на отход, переданный, скорее всего, письменно, исходил от уже не существовавшего штаба (начальник штаба - полковник Ф. И. Комаров). Связь с управлением 128-й прервалась в 9 часов утра, последним сообщением, которое приняли на узле связи 11-й армии, была телеграмма в четыре слова.

Полков-

278

ник В. П. Агафонов (в июне 1941 г. - майор, зам. начальника связи армии) вспоминал: "Вбегает капитан Васильев с лентой в руке: - Товарищ майор, от 128-й! - Он протягивает мне ленту. "Немецкие танки окружили штаб", - читаю я и тут же бросаюсь к начальнику штаба. - Как со 128-й, товарищ Агафонов? - встречает меня вопросом генерал Шлемин. - Есть какая-нибудь возможность связаться? - Связи со 128-й больше не будет. Вот, товарищ генерал, последняя телеграмма от них" [2, с. 29]. Лишенные командования разрозненные подразделения дивизии начали откатываться к Неману.

481-й гаубичный артполк (командир - майор Бояринцев) утром 22 июня из Калварии выдвинулся 1-м и 2-м дивизионами на позиции на 2-3 км на север-запад, в сторону госграницы, где, скорее всего, и был разгромлен. 3-й АД оставался в артпарке военного городка. Здесь в 09:10 дивизион был атакован тремя танками противника, разбил один из них, остальные ретировались. Во время воздушного налета он потерял две гаубицы. Затем 3-й дивизион снялся с позиции по распоряжению начштаба дивизии

Ф. И. Комарова и ушел на северо-восток в сторону Приенай, где вошел в расположение 126-й стрелковой дивизии; 23 июня вместе с ней он переправился через подготовленный к взрыву мост через Неман. 24 июня 3-й АД в составе девяти орудий был включен в состав 74-го артполка 84-й МД 3-го мехкорпуса, а 1 июля он почти весь был уничтожен на переправе через р. Вилия в районе Кайшядориса.

533-й стрелковый полк дислоцировался в Симнас. Городок находится в озерном районе - на северо-западе к нему примыкают два небольших озера, Симнас и Гелуйчай, к юго-востоку имеются два более крупных озера, Дусь и Метялис. В этом месте сходятся дороги на Кросну, Сейрияй и Алитус.

22 июня в роще в дефиле озер 2-й батальон 533-го СП и полковая школа сражались с вражеским отрядом, пытавшимся ворваться в Симнас.

Благодаря настойчивости москвички Е. И. Смирновой, потерявшей на фронте сына и потратившей годы на его поиски, удалось идентифицировать еще один героический эпизод. Младший сержант В. Ф. Смирнов служил водителем в 292-м артполку 128-й стрелковой дивизии и числился пропавшим без вести с июня 1941 г. Красные следопыты средней школы г. Симнас (было время, когда в Литве существовали красные следопыты) начали поиски. Опросом мест-

279

ных жителей они нашли очевидцев; по их словам, четырнадцать красноармейцев из состава 533-го стрелкового и 292-го артиллерийского полков, отступив из Симнас, заняли круговую оборону на господствующей высоте. В ходе тяжелого боя все до одного защитники высоты погибли, сдавшихся и бежавших не было.

Колхозник А. Яняцек рассказал:

"Помню, шли перед последним боем через наш поселок четырнадцать бойцов-храбрецов. Остановились у соседнего двора. Пили воду. У них было два "максима". Когда кончился бой, фашисты согнали всех взрослых жителей

и приказали похоронить погибших. Один из них еще был жив. Его добились эсэсовцы".

Горожане похоронили последнего защитника Симнас отдельно и показали это место, школьники самочинно раскопали могилу. На истлевших останках солдата они нашли петлицы с автомобильными эмблемами и пластмассовый медальон-"смертник". Бумажный формуляр, вложенный внутрь, сохранился прекрасно и, что самое главное, был заполнен. "Смирнов Владимир Федорович, мл. сержант, 1919 г... Москва". Еще нашли полуистлевшую записку, которую также удалось прочесть. "22 июня 1941 г. Погибаем. Остался я - Смирнов В. и Восковский. Скажите маме. Сдаваться не будем".

119-й разведбат (командир - старший лейтенант Апанович) утром выдвинулся из Сейрияй к границе, имея задачу усилить оборону Лаздияйской погранзаставы (начальник заставы - капитан Юрченко). Здесь же действовал 533-й СП. После отхода под натиском неприятеля в районе озер северо-западнее Сейрияй собрались 119-й ОРБ, пограничники, 1-й батальон и другие подразделения 533-го полка, основные силы 292-го ЛАП и бойцы строительных батальонов. Возглавил всю группу командир 533-го СП полковник П. А. Бочков. Заняв круговую оборону в межозерном дефиле, советские воины подбили четыре танка. Отсюда группа Бочкова отошла на юго-восток, на новый рубеж.

Во второй половине дня майор из штаба 11-й армии привез приказ на отход в район Алитуса и прикрытие переправ через Неман. Но приказ выполнен не был. Отряд 128-й СД, основу которого составлял понесший большие потери 292-й артполк и военнослужащие 533-го СП, в районе деревень Ревай и Раджюнай, что недалеко от Сейрияй, был блокирован неприятелем. Оседлав дорогу и заняв круговую оборону, они сражались в окружении до 29-30 июня

1941 г. Как вспоминал комбат-4 292-го ЛАП Наумов, 25 июня он, как старший из оставшихся в живых, принял командование 2-м дивизионом полка. Через несколько дней группа из 11 артиллеристов и чуть большего числа пехотинцев вырвалась из окружения на берег Немана.

После боев в районе Сейрияй (они длились больше недели) группа П. А. Бочкова переправилась через Неман и впоследствии вроде бы соединилась с Красной Армией, но сам Бочков значится пропавшим без вести.

Жены и дети комсостава 533-го полка, оставшиеся в г. Симнас, были захвачены в плен.

Поражение 128-й дивизии, хоть и скудно, но нашло отражение в боевых донесениях штаба ПриБОВО:

"128 сд ведет тяжелые бои в районе озера Дусь, ее фланги обходятся танковыми частями. В Алитусе авиадесант противника, его танки" [19, с. 26].

Чуть позже:

"128 сд понесла большие потери, связи с ней шта[б] арм[ии] не имеет" [там же, с. 28].

От еще недавно полнокровного соединения остались отдельные разрозненные группы, весьма велики были потери командного состава. В первые часы боев погиб командир 292-го артполка майор В. М. Шапенко, были тяжело ранены командир 374-го стрелкового полка полковник Гребнев, многие другие командиры и политработники.

Остатки частей 128-й СД, отошедшие в район Двинска, вошли в состав Двинской ОГ и 26 июня принимали участие в бою с авиадесантами и танками противника. Авиадесант был уничтожен, а огнем артиллерии 374-го СП под командованием капитана Терентьева было подбито два танка противника. В августе 1941 г. на основе уцелевших подразделений и отдельных военнослужащих было начато переформирование 128-й стрелковой дивизии. На 22 июня в ней числилось 9820 человек личного состава, на 30 августа - всего 206. Большинство фактов взято из книги "Псковская Краснознаменная"

(Л., 1984 г.), кое-что прислано Советом ветеранов дивизии и найдено в других источниках.

В документах по учету безвозвратных потерь НКО командир дивизии генерал-майор А. С. Зотов значится пропавшим без вести летом 1941 г. По одной из версий, выехав утром 22 июня из штаба дивизии к границе, он неожиданно наткнулся на немцев. Автомашина комдива была обстреляна, водитель был убит, а сам Зотов, отбиваясь, расстрелял все патроны, был схвачен и связан.

281

Откуда взялась эта версия, уже никто не помнит. Я к ней привык, хотя в некоторых источниках проскальзывало, что генерал был пленен не в июне, а в июле, и не в Литве, а в Белоруссии, под Минском. Подтверждением послужила опубликованная выдержка из протокола допроса А. С. Зотова:

"После того как я растерял части своей дивизии, с группой штабных командиров направился в юго-восточном направлении, имея в виду перейти Неман и впоследствии соединиться с основными силами советских войск... Со мной оказались: комиссар дивизии - полковой комиссар Бердников, начальник артиллерии дивизии полковник Минин, лейтенанты Балалыкин, Попов и еще несколько человек... 29 июля 1941 года мы подошли к шоссе Минск - Радошковичи и в течение двух суток пытались пересечь его, но нам это не удавалось, так как по шоссе непрерывно двигались немецкие войска. Не имея возможности укрыться и учитывая бесцельность сопротивления, я и мои спутники сдались в плен..." (А. Петрушин. Окружение. Тюменский курьер, 2006, № 6-12).

Несмотря на это, госпроверку Зотов прошел успешно и был восстановлен в генеральском звании. Думаю, ему зачлось руководство антифашистским подпольем концлагеря Заксенхаузен.

16-й стрелковый корпус

Согласно тому же приказу по 11-й армии № 01, 16-му стрелковому корпусу, занимавшему центр и правый фланг, надлежало организовать оборону по линии 42-го укрепленного района с задачей прикрыть каунасское направление: 5-й стрелковой дивизии оборонять 1, 2 и 3-й узлы УРа на рубеже Шаудыня, Зыкле, Шварпле; 33-й стрелковой дивизии - 4, 5 и 6-й узлы УРа на рубеже Слизовизна, фл. Румки, Воишвилы, Дворкеле; 188-й стрелковой дивизии - 7, 8 и 9-й узлы УРа на рубеже Кунигишки, Ковнишки, Мялуцишки, Венкшнупе, выделив один батальон для прикрытия 10-го узла УРа - район Морги, Ивашки, Калвария. К 22 июня Каунасский УР имел 599 недостроенных долговременных сооружений; на 31 сооружении уже были завершены бетонные работы. Вооруженных дотов не было, но уже начало формироваться управление района во главе с комендантом полковником Н. С. Дэви, бывшим начальником штаба 126-й дивизии; начальником штаба

282

УРа был назначен майор П. Я. Байгот. И здесь попытки остановить противника не дали положительных результатов ввиду его значительного превосходства. На участке 5-й СД удар наносил 10-й армейский корпус 16-й полевой армии, имевший в составе 30-ю и 26-ю пехотные дивизии. Против 33-й СД действовали 122-я и 123-я ПД 28-го армейского корпуса. Наконец, встык 188-й и 33-й дивизий (против правого фланга 188-й и левого - 33-й) атаковал 2-й АК вермахта (12-я, 32-я и 121-я пехотные дивизии). С началом боевых действий личный состав 210-го УНС (начальник - полковник Ф. М. Савелов), осуществлявшего строительство дотов Каунасского укрепрайона, свернул все работы на границе и начал отход в тыл. Эвакуация происходила под воздействием авиации противника, в результате чего строители понесли серьезные потери в личном составе и имуществе. В частности, несколькими налетами была разбомблена и расстреляна автоколонна 79-го строительного участка (начальник - военинженер 2 ранга

Т. И. Понимаш, главный инженер - военинженер 3 ранга М. Г. Григоренко, зам. по политчасти старший батальонный комиссар М. Н. Лебедев), кроме автомашин, были потеряны все бетономешалки, камнедробилки и компрессоры. В начале июля остатки участка вышли к Орше. 78-й стройучасток (начальник - военинженер 2 ранга А. П. Глушко, главный инженер воентехник 1 ранга В. А. Паутов), объекты которого в районе м. Шаки (ныне Шакяй) были обстреляны артиллерией, при отходе распался на изолированные группы. В. А. Паутов вспоминал: "Получив приказ об эвакуации, мы отходили на Каунас, затем дальше, на восток. В нашем распоряжении была грузовая машина. В Вильнюс мы въехали, когда там уже находились танки противника. Укрыться нам помог литовец, имя которого так и осталось неизвестным. Когда грохот немецкой танковой колонны утих, водитель нашей машины снова дал ход. Еще полкилометра - и мы, казалось, вне городской черты. Но тут опять случилось непредвиденное. В конце улицы стоял танк, на башне которого сидел гитлеровец с биноклем, направленным в нашу сторону. Сообразив, кто мы, он нырнул в башню и дал пулеметную очередь. Мы выпрыгнули из машины и укрылись за штабелями леса. Дальнейший путь почти в 400 километров наша небольшая группа преодолела в пешем строю, прокладывая нередко дорогу штыком и

283

гранатой. Лишь в Витебске мы отыскивали свою часть" [88, с. 11-12]. В состав УНС входило еще пять участков (55, 58, 77, 107 и 109-й), их судьбы установить не удалось. Из начсостава известен только начальник 107-го СУ военинженер 3 ранга Г. В. Демин.

В разведсводке № 03 штаба Северо-Западного фронта к полудню 22 июня констатировалось: "После артиллерийской подготовки военно-воздушные силы противника нарушили государственную границу и, начиная с 4. 15 22. 6.41 г., производили налеты и бомбардировку ряда объектов на нашей территории. С 5 часов 25 минут пехота и танки противника перешли в наступление... Каунасско-вильнюсское направление: а) на участке Юрбург,

Виштынец к 9 часам противник вышел на фронт: на направлении Шаки наступает до пехотного полка; Наумиестис, Кибарты, Вирбалис занимают до двух пехотных полков; в районе Виштынец наступает пехота неустановленной численности; б) на фронте Виштынец, Копцево основной удар противник развивает в общем направлении на Алитус и к 9 часам занимает следующее положение: Вигреле и район занимает до пехотного полка с танками, в районе Любово до кавалерийского полка наступает на Калвария; до 500 танков прорвалось в районе Лозьдзее, развивая наступление на Алитус; Копцево занято пехотой; в) Августов занят пехотой противника" (СБД № 34, с. 39).

Согласно опубликованной в ВИЖе схеме расположения частей округа на утро 22 июня [30, с. 57], 5-я стрелковая дивизия полковника Ф. П. Озерова имела на границе только 336-й стрелковый полк (командир - майор П. К. Козлов), 2-й батальон 190-го и 3-й батальон 142-го стрелковых полков. Бывший зам. командира дивизии по политчасти П. В. Севастьянов вспоминал, что к моменту перехода противника в наступление на участке прикрытия 5-й находилась не часть, а весь 142-й СП (командир - подполковник И. Г. Шмаков), на позициях развернулись оба дивизионных артполка. Следовательно, из главных сил дивизии отсутствовали лишь 190-й полк подполковника П. С. Телкова и 61-й противотанковый дивизион майора Геворкяна. Они находились в казлурудских лагерях, были подняты по тревоге и ускоренным маршем двигались к главным силам дивизии. Вероятно, так и было, ибо один полк и два батальона не смогли бы долго противостоять значительно

284

превосходящим силам вермахта. Севастьянов писал: "Бой разворачивался стремительно. Не прошло и четверти часа, как в него втянулись оба наших стрелковых и артиллерийские полки..." [107, с. 15]. За день дивизия понесла тяжелые потери, но сумела отразить двенадцать атак.

Первым из Казлу-Руды прибыл 61-й ОПТД. Бывший зам. политрука 2-й батареи П. К. Торопов вспоминал, что первые атаки немцы предпринимали при поддержке артиллерии и минометов и ввели в бой бронетехнику только во второй половине дня. Торопов писал, что это были легкие машины, их без труда подбивали даже осколочными снарядами, а бронебойные их пробивали насквозь [76, письмо личной переписки]. Но когда после ожесточенного воздушного налета и артобстрела немецкая пехота при поддержке танков вновь пошла в атаку, оборона дивизии не устояла. "Уже все склоны холмов, берега речушки, наши, теперь уже захваченные немцами, окопы первой и второй линий были завалены телами мертвых, когда неприятелю наконец удалось прорвать оборону". Положение спас подошедший свежий 190-й СП. Прорыв был ликвидирован, а ближе к ночи из штаба корпуса пришел приказ на отход: по телефону и письменно [107, с. 23].

Из разведсводки № 04 штаба Северо-Западного фронта к 18:00 22 июня: "Каунасско-Вильнюсское направление: а) в 13 часов 30 минут противник силой более пехотного полка прорвался в направлении Шаки и вел бой на участке Шаки, Скардуне (10 км южнее Шаки). Свыше пехотного полка, предположительно, вышли на рубеж Корнишки (7334), Дыдвиже, Волковышки. В 14 часов 20 минут на участке Вирбалис, Калвария наступало свыше двух пехотных дивизий, кавалерийский полк и до роты танков".

Штаб 188-й стрелковой дивизии накануне войны переместился на южную опушку леса в 15 км к югу от г. Вил кавишкис. Связь с четырьмя находившимися на границе батальонами осуществлялась только по телефону; когда началась война, она сразу же прервалась. Посланные на устранение повреждения дивизионные связисты обнаружили порыв в 10 км к западу от расположения штаба в поселке Ланкялишкяй, неподалеку от церкви. Работники 3-го отделения, недолго думая, арестовали трех священников (одного местного и еще двух, приехавших к нему в гости в субботу вечером) и доставили их в

штаб. Привязав их в лесу к деревьям, рьяно добивались получения признательных показаний; после жестоких пыток все трое священнослужителей скончались. А позже один "орел", после войны оказавшийся в США, признался, что это именно он порезал связь в Ланкялишкяй [76, письмо личной переписки].

В 5 часов утра основные силы 188-й СД выступили из летнего лагеря Казлу-Руда в сторону границы, но атаки авиации сильно замедлили их продвижение. В середине дня в районе восточнее г. Вилкавишкис они столкнулись с передовыми частями 6-го армейского корпуса противника. В ходе тяжелого многочасового встречного боя соединение понесло тяжелые потери, остановить неприятеля не сумело и было вынуждено начать отход за р. Шешупе, открыв неприятелю дорогу к Неману. Остатки сражавшегося на границе батальона 523-го полка вместе с комполка майором И. И. Бурлакиным соединились с дивизией только в районе Ионавы. Бурлакин рассказал, что в час ночи к нему прибыл полковой инженер с директивой штаба округа, в которой приказывалось начать минирование предполья укрепрайона. Ожидалось прибытие на станцию Вилкавишкис вагонов с минами. Около трех часов позвонил дежурный по штабу дивизии с предупреждением о возможности провокаций, а в 03:45 начался артобстрел [122, с. 7].

33-я дивизия имела в предполье 42-го укрепленного района 3-й батальон 73-го СП, 1-й батальон 164-го СП, 2-й батальон 82-го СП и 63-й разведбатальон. 20 июня начальник артиллерии дивизии полковник Г. А. Александров, выполняя приказ ее командира генерал-майора К. А. Желсзникова, вывел 44-й легкоартиллерийский полк майора Штепелева ближе к границе. Полк развернулся вдоль каунасского шоссе, шедшего параллельно госгранице, и с началом боевых действий поддерживал огнем стрелковые батальоны. В районе Кибартая комбат-1 164-го стрелкового полка капитан И. Д. Глonti в переломный момент боя сам повел бойцов в штыковую контратаку; противник был отброшен (История Прибалтийского

военного округа 1940-1967. - Рига, 1968, с. 92). Стрелковые подразделения 1-й линии, несмотря на многократное превосходство наступающего противника, сумели при поддержке артиллерии 44-го ЛАП, танков и бронемашин 63-го ОРБ удержать позиции и тем самым дали возможность подойти и развернуться главным силам 33-й СД. В ходе боя 44-й

286

ЛАП фактически был уничтожен, не отступив со своих позиций, погиб и его командир. Стрелковые подразделения дивизии при поддержке 92-го гаубичного артполка (командир - майор А. А. Соболев) и приданного корпусного артполка в течение семнадцати часов удерживали свой участок обороны, направление Владислав - Вилкавишкис оборонял 164-й стрелковый полк (командир полка - майор В. В. Алтухов). Вечером 33-я отошла к г. Пильвишкяй, где заняла оборону по реке Шешупе.

126-я и 23-я стрелковые дивизии

Основные силы 126-й стрелковой дивизии - за исключением трех стрелковых батальонов, 265-го противотанкового дивизиона и 230-го автобатальона, находившихся на границе, - к началу боев находились на марше на подходе к Приенай (Прены). Согласно планам командования округа, на правом берегу Немана южнее Приенай также намечалось сосредоточить переброшенную из г. Хаапсалу (Эстония) 16-ю стрелковую Ульяновскую имени В. И. Киквидзе дивизию генерал-майора А. И. Любовцева, но по состоянию на 22:00 21 июня, как отмечено в оперсводке № 01, это соединение никуда не двигалось из-за отсутствия вагонов для погрузки. Сам Приенай находится севернее Алитуса на левом берегу Немана, непосредственно к его южной и западной окраинам примыкает густой хвойный лес Прену-Шилас. Головной 690-й стрелковый полк (командир - полковник Е. В. Бедин) при прохождении местечка Езно (Езнас), что в 18 км

от Приенай, был в 6 часов атакован авиацией; к 11 часам части сосредоточились в Приенском лесу. Перейдя Неман по мосту, они заняли оборону на рубеже Старая Гутта - Осса (ныне Ута Стрега и Уоса) юго-западнее и южнее города. Боев с сухопутными войсками в течение дня 22 июня не было. Утром 23 июня командир 550-го СП майор Б. С. Зарембовский для прояснения обстановки выслал на запад разведгруппу. Через некоторое время группа столкнулась с немцами и была обстреляна, погиб командир взвода пешей разведки лейтенант Кузьмско. К 11 часам авангард противника подошел к Приенай, намереваясь захватить железобетонный мост через Неман. Как позже выяснилось, это были части 6-го армейского корпуса вермахта (командир - генерал инженерных войск князь Отто-Виль-

287

гельм Ферстер). Противник был встречен артиллерийским огнем и счел благоразумным отступить. Около 13 часов к северо-восточной окраине Приенай откуда-то со стороны Каунаса подошла колонна автомашин с вражескими солдатами, которые завязали бой с подразделениями 690-го полка. Неясно, был ли то какой-то передовой отряд полевых войск или подразделение спецполка "Бранденбург-800", цель же у них была совершенно определенная - захват моста. Уничтожить нападавших удалось только введением 2-го эшелона полка. В документах фигурирует их число 82, вероятно, столько трупов было обнаружено на месте боя. По всей видимости, одновременно в тылу дивизии был высажен и небольшой десант. Силами полковой школы 690-го СП и батареи 358-го легкого артполка десант был атакован на высоте 111,5 и уничтожен. Недалеко от высоты был аэродром, на котором находились два немецких транспортных самолета. Самолеты сожгли, заодно с ними подожгли и все аэродромное хозяйство. К 15 часам противник, получив подкрепление, стал окружать дивизию, которая оказалась охваченной с трех сторон и прижатой к Неману в районе моста. Сдерживая их продвижение огнем артиллерии и выставив заслон из 690-го СП и батальона 550-го СП, 126-я СД начала переправу обратно на восточный

берег Немана. Из штадива был передан приказ: полковнику Бедину и начальнику инженерной службы дивизии майору Орлову уничтожить мост. Мост в Приенай был заминирован саперами и в 17:55 после прохождения последних подразделений дивизии взорван. Фриц Бельке из 58-го полка 6-й пехотной дивизии 6-го АК записал в своем дневнике, что взрывы были произведены, когда они находились в четырехстах метрах от него. Подрыв моста задержал противника на то время, которое требовалось для наведения понтонной переправы. Пока саперы трудились на реке, стрелки без особого успеха боролись с лесным пожаром (не исключено, что лес также подожгли советские военнослужащие). Мост был готов на следующий день, но пехота 6-го корпуса начала переправу только 25 июня, так как пропускала танкистов (с сайта группы военной археологии "Искатель" - <http://iskatel.narod.ru>). За это время 126-я дивизия отошла к Езно, а потом двинулась на север по свободной дороге. Ее батальоны, дравшиеся на границе юго-западнее Калварии в районе деревень Любавас и Сангруда - находятся по обе стороны от шоссе Каунас - Сувалки, -

288

понесли в бою 22 июня очень серьезные потери (7-я рота из 550-го полка погибла почти полностью вместе с командиром - лейтенантом Германом). Но им удалось оторваться от противника и отступить за Неман. 25 июня они в районе местечка Кроны (Круонис) нашли свою дивизию и соединились с ней. К Кронам дивизия подошла в ночь на 25 июня, имея задачу задержать неприятеля и дать возможность отойти за Неман частям 5-й и 33-й стрелковых дивизий 16-го корпуса 11-й армии. Но утром на левом берегу были обнаружены лишь брошенные матчасть и обозы 5-й СД. Как писал впоследствии генерал-майор П. В. Севастьянов, в районе Каунаса армейские саперы подорвали мосты через Неман, не дожидаясь переправы ее подошедших частей. Пометавшись несколько часов в поисках переправы, артиллеристы утопили в Немане замки орудий, всю остальную технику и снаряжение также пришлось оставить. В ночь на 22 июня 23-я стрелковая

дивизия находилась на марше в 20 км южнее Укмерге. К утру 22 июня части дивизии сосредоточились в районе Кармелавы, 10 км северо-восточнее Каунаса, там же подверглись атакам авиации противника. Ввиду прорыва противником обороны 16-го СК командарм-11 включил дивизию в состав корпуса и поставил следующую задачу: оборонять юго-западные и северо-западные окраины Каунаса и обеспечивать отход 5, 33 и 188-й дивизий. В ночь на 23 июня 225-й и 89-й стрелковые полки с приданными дивизионами 211-го легкоартиллерийского полка заняли оборону по правому берегу реки Невяжис на участке Ягинтовичи, Верши, устье реки Невяжис. Также к исходу дня по реке Невяжис от Лабунавы до впадения ее в Неман, прикрывая Каунас с севера, начала развертываться 84-я моторизованная дивизия (командир - генерал-майор П. И. Фоменко). 22 июня она, как и 5-я танковая, была выведена из подчинения командира 3-го мехкорпуса и, выполняя приказ командующего 11-й армией, выступила из лесов в районе г. Кайшядорис в сторону Каунаса.

5.3. Предварительный итог

Таким образом, западнее Немана на направлении удара 3-й танковой группы, нацеленной в правый фланг и тыл Западного округа, оказались одна лишь 128-я стрелковая дивизия, батальоны 126-й и 23-й дивизий, пограничные заставы и строи-

289

тели укреплений. По всей видимости, там полностью отсутствовало какое-либо единое командование, управление и координация действий, и все части, перемешавшись, устремились к мостам через Неман, обгоняемые двигавшимися по свободным шоссе немецкими танковыми колоннами. Продолжавшееся вплоть до первых выстрелов строительство оборонительных рубежей вместо положительной сыграло явно

отрицательную роль - тысячи безоружных строителей с началом боевых действий устремились на восток и внесли немало дезорганизации в части и подразделения, ведущие бои с противником. Несмотря на героизм отдельных подразделений пехоты и самоотверженность имевших оружие кадровых саперных рот и батальонов, пограничный рубеж был прорван почти что с ходу. Справедливости ради хочу сказать несколько слов о тех, кого война застала на границе не с винтовкой в руках, а с лопатой или мастерком. Над оборудованием Алитусского УРа трудилось 88-е УНС ПриБОВО, начальником управления был майор В. И. Аксючиц. Неизвестно, кем и как они были предупреждены, но о нападении знали и по мере сил к нему готовились. 21 июня главный инженер УНС военинженер 1 ранга Воробьев издал соответствующее распоряжение. Вот строки из него: "Приказываю: в целях дезориентации противника бетонному заводу работать вхолостую, а камнедробилкам с полной нагрузкой работать непрерывно до открытия немцами огня... Кроме того, оборудовать для боя амбразуры наиболее готовых сооружений, расчистив от кустов и леса сектора обстрела" [119, с. 6]. Однако пулеметный батальон, прибытия которого они ждали, на границу не прибыл. От 128-й дивизии тоже мало что осталось. Но действия военных строителей заслуживают того, чтобы о них помнили.

5.4. 5-я танковая дивизия. Сражение за алитусские мосты

После разгрома 128-й стрелковой дивизии и соседних с ней батальонов двух других дивизий 7, 12 и 20-я германские танковые дивизии рванулись к Неману для захвата переправ. К Алитусу, в районе которого имелось два моста через Неман (один мост - непосредственно в городке, другой - за его юж-

ной окраиной), устремились 7-я и 20-я ТД 39-го моторизованного корпуса. Это была серьезная сила. 7-я ТД (командир - генерал-майор барон Ханс фон Функ) имела 53 Pz-II, 30 Pz-IV, 167 Pz-38(t), от 8 до 15 командирских танков (258-265 машин); 20-я ТД (командир - генерал-лейтенант Хорст Штумпф) - 44 Pz-I, 31 Pz-II, 31 Pz-IV, 121 Pz-38(t), 2 командирских танка (229 машин). Большинство боевых машин в 25-м и 21-м танковых полках этих дивизий, как видно из перечня, были легкими, но имелся и 61 Pz-IV с 75-мм пушкой. 37-й и 92-й дивизионные разведбатальоны были оснащены трофейными французскими бронемашинами "Панар-178" с 25-мм пушкой Гочкис во вращающейся башне. В оперативном подчинении командира 20-й дивизии находился 643-й дивизион легких истребителей танков (18 чешских 47-мм артиллерийских установок на шасси Pz-I), в составе 7-й дивизии имелась 705-я рота самоходных орудий - 6 САУ со 150-мм артиллерийской установкой. Итого: 487-494 танка, вместе с САУ - 511-518 единиц.

Еще один мост имелся значительно южнее Атитуса, в Меркине (там, где в Неман впадает его правый приток река Мяркис), и к нему быстро продвигалась 12-я танковая дивизия (командир - генерал-майор Йозеф Харпе) 57-го МК противника. 18-я мотодивизия и 19-я танковая дивизии находились во 2-м эшелоне, в резерве командира корпуса.

Все три моста охранялись гарнизонами 7-й роты 84-го ЖД полка НКВД общей численностью 63 человека, по 21 военнослужащему на мост.

Из состава 7-й немецкой дивизии была сформирована и выброшена вперед моторизованная группа под командованием полковника К. Ротенбурга в составе 25-го танкового полка и 7-го мотоциклетного батальона (командир - майор Фридрих-Карл фон Штайншеллер).

Навстречу прорвавшейся группировке по приказу командования 11-й армии выступила 5-я танковая дивизия 3-го мехкорпуса. Практически все ее действия против немецких частей за 22-24 июня в послевоенные годы огласке не предавались и были фактически засекречены. А между тем, как

выяснилось в последнее время, материалов в российских архивах, так или иначе связанных с ней, хранится вполне достаточное количество. Если не для полного описания ее короткой истории, то по крайней мере для серьезного материала - большого очерка или главы в книге. Пока не найден (если он реально есть) отчет самого командира дивизии, но упомина-

291

Командир 10-го танкового полка Т. Я. Богданов

ний в штабных сводках, данных о формировании, комплектовании техникой и командно-техническим составом, сведений из иностранных источников удалось собрать немало. Есть несколько эпизодов, взятых из личного архива. Есть политдонесение заместителя командира дивизии по политчасти бригадного комиссара Г. В. Ушакова, оно датировано 11 июля 1941 г. и содержит массу фактов, позволяющих довольно прочно свя-

292

зять все собранное воедино и уложить его в сравнительно стройное повествование.

Это было боеспособное соединение, сформированное в июле 1940 г. на основе 2-й легкотанковой бригады и имевшее 295 танков, из них 107 средних (50 Т-34 и 57 Т-28) и 76 бронемашин. Похоже, что число 295 отражает реальное количество танков, способных вести бой, в действительности же их могло быть больше. В состав дивизии входили 9-й и 10-й танковые полки, которыми командовали полковники И. П. Верков и Т. Я. Богданов, 5-й мотострелковый полк (командир - майор В. И. Шадунц), 5-й гаубичный артполк (командир - майор В. М. Комаров) и спецподразделения. Артиллерии был полный комплект, из транспортных средств имелось 800 грузовиков, 139 спецмашин, 81 трактор, 49 мотоциклов. Поданным на август-сентябрь 1940 г., из числа спецмашин было 92 автоцистерны, 25 мастерских типа "А", 19 мастерских типа "Б", 15 передвижных зарядных станций, 4 водомаслозаправщика. Еще было 7 штабных машин и 18 санитарных. Радиостанций разных типов было 231. В декабре 1940 г. на совещании высшего командного состава при подведении итогов прошедшего учебного года начальник Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ) Я. Н. Федоренко лучшими среди крупных механизированных соединений РККА назвал 3-й и 4-й мехкорпуса, а лучшей танковой дивизией - именно 5-ю.

До войны дивизия дислоцировалась в самом городе Алитусе, но 19 июня ее командование получило шифротелеграмму от Военного совета округа о подготовке личного состава и матчасти к выступлению. Комдивом было проведено совещание с командирами и замполитами частей, на котором они получили указания о подготовке к длительному маршу и возможной встрече с противником. Соединение было поднято по тревоге, покинуло места постоянной дислокации и укрылось в лесных массивах. В военных городках (их было два - северный и южный) остались некоторые хозяйственные службы и неисправная техника, которой в дивизии тоже хватало. Только средних танков Т-28, законсервированных из-за

изношенности и отсутствия запчастей, было 33 единицы (Г. В. Ушаков, правда, пишет о том, что небоеспособными являлись 27 машин). Одни подразделения находились в нескольких километрах южнее Алитуса на берегу Немана, другие - в лесу на

293

восточной окраине города. 5-й мотострелковый полк находился севернее Алитуса, также в лесу. 5-й гаубичный артполк дивизии еще весной убыл в летние лагеря под г. Ораны. В Оранских лагерях под соответствующим "присмотром" располагались части 29-го территориального стрелкового корпуса, развернутого на основе пехотных дивизий и других частей ликвидированной армии независимой Литвы: управление корпуса, 615-й корпусной артполк и 184-я стрелковая дивизия. Находился там также 429-й ГАП РГК.

Вторая дивизия корпуса, 179-я, находилась в лагере к северо-востоку от Вильнюса. Первоначально 184-й дивизией командовал генерал-майор В. Карвялис, в мае 1941 г. его заменил полковник М. В. Виноградов. В 70-80-х годах прошлого века среди интересующихся историей Великой Отечественной войны бродили упорные слухи о том, что в июне 41-го года литовцы отказались защищать свою землю от германских войск, подняли мятеж и, перебив советских офицеров, поставленных над ними, разбежались по домам. В наши дни выяснилось, что слухи эти возникли совсем не на пустом месте. Несмотря на замену на всех ключевых должностях литовских офицеров советскими, части 29-го ТСК были ненадежными и небоеспособными, за исключением некоторых подразделений, укомплектованных выходцами из бедных рабочих и крестьянских семей.

Давно не секрет, что накануне войны органы НКВД-НКГБ устроили массовую "зачистку" в Прибалтике: 14 июня был арестован или депортирован за пределы республики 15 851 житель Литвы. Не миновала эта участь и офицеров 29-го корпуса, его руководство полностью было заменено. Командир корпуса генерал-лейтенант В. Виткаускас "уступил" свой пост

генерал-майору А. Г. Самохину, начальник штаба генерал-майор Н. Чернюс - полковнику П. Н. Тищенко. Также были освобождены от должностей: начальник артиллерии корпуса бригадный генерал В. Жилис, командир 179-й СД генерал-майор А. Чепас, начальник штаба и начальник артиллерии 179-й СД полковник Л. Густаитис и бригадный генерал И. Иодишюс. Большинство офицеров-литовцев было арестовано и осуждено к расстрелу или длительным срокам заключения, в целом в 29-м ТСК было арестовано 285 человек. Начальником же 3-го отдела корпуса был и остался литовец полковник (впоследствии генерал-майор внутренней службы, министр внутренних

294

дел Литовской ССР) Ю. М. Барташюнас. До сих пор литовцы ежатася при упоминании его фамилии.

Уже в первые часы войны в дивизиях 29-го ТСК началось массовое дезертирство и переход на сторону противника военнослужащих-литовцев со всеми сопутствующими такого рода событиям эксцессами: убийствами командиров и политработников, преднамеренным оставлением или выводом из строя матчасти, стрельбой "в спину" кадровым частям Красной Армии.

Фриц Бельке писал:

"Литовцы, вооруженные русскими орудиями, с восторгом маршируют рядом с нашими колоннами. Население выносит в ведрах питьевую воду".

Арестованный генерал армии Д. Г. Павлов показал на допросе:

"25-го числа противник в направлении Вильно, по сведениям бежавших из Литвы, разгромил 5-ю механизированную дивизию, разбежалась национальная литовская дивизия, и механизированные части противника появились на правом фланге 21-го стрелкового корпуса".

Анализируя причины поражения, в конце допроса генерал сказал о том, что "на левый фланг Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым

частям нанести мне удар с Вильнюса". Если бы литовцы только разбежались, это было бы еще полбеда. Многие подразделения 184-й и 179-й ТСД, где не желавшие служить Советской власти составляли большинство, ни в плен сдаваться, ни разбежаться по домам не стали, а при первой же возможности радостно поворачивали оружие против "красных оккупантов".

Из донесения командующего войсками Северо-Западного фронта наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко (на 09:35 22 июня):

"Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большей частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет. Ввиду того, что в Ораны стоит 184-я стрелковая дивизия, которая еще не укомплектована нашим составом полностью и является абсолютно ненадежной, 179-я стрелковая дивизия в Венцяны также не укомплектована и ненадежна, также оцениваю 181-ю... поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым создать группировку для ликвидации прорыва не мо-

295

гу... 5-я танковая дивизия на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии и **прикрывать тыл 11-й армии от литовцев** (выделено мною. - Д. Е.), атакже не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскеники".

В 22:20 22 июня штаб фронта докладывал наркому обороны С. К. Тимошенко уже так: "Получился разрыве Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий мало боеспособны и самое главное - ненадежны (опасаюсь измены)".

В конечном итоге, когда измена литовского корпуса из разряда подозрений перешла в разряд фактов, драматическое развитие событий на юге Литвы привело к тому, что правый фланг Западного военного округа, а затем и Западного фронта оказался почти не прикрыт. И было еще одно предположение, гипотеза, так сказать... Теперь это доказанный факт, и он не подлежит обмусоливанию типа "было - не было". Сразу же после прихода

немцев, "под шум винтов", на "освобождаемой" территории Виленского края начались массовые этнические чистки: резня и грабеж еврейского населения и "выборочное прореживание" поляков. При этом германский вермахт, войска СС и карательные айнзатц-группы оказались почти совершенно "не у дел", так как литовцы сами "успешно выполнили задачу", не прибегая к помощи немцев.

Свидетельств более чем достаточно.

"К вечеру нам вручили белые повязки, сказали, что мы сейчас будем вести партизанскую борьбу против Советов, но дали задание совсем другого рода. Нам велено было ходить по указанным адресам, собирать евреев и доставлять их в тюрьму, в семинарию иезуитов или в здания бывших отделений милиции, превращенных в штабы "партизан"... Я не сразу обратил внимание на то, что к нам присоединились уголовники, выпущенные из тюрьмы. Они во время арестов евреев невероятно зверствовали, убивали прямо в квартирах всех, кого там находили. Вещи, понравившиеся им, уносили с собой, тут же делили деньги, драгоценности... Начались погромы в еврейских районах. Помогали дворники и их близкие. Они показывали квартиры евреев или советских служащих, сами грабили своих бывших хозяев и соседей... Религия запрещает убивать людей и грабить. Я - верующий католик, поэтому избегал заходить в дома, старался оставаться на улице. Но это заметили и стали издеваться надо

296

мной, говоря, что я трус и жалею евреев. Виршила также следил за мною, он решил, что пора меня "перевоспитать". Он вытащил из одного из домов девушку, поставил ее на край крыльца, сунул мне в руки свой пистолет и вынудил выстрелить в упор. Раненная, она упала с крыльца прямо к моим ногам. Добил ее, как и других раненых, Виршила" (3. Грузин. Judenfrei. Интернет-журнал "Спектр" - <http://www.spectr.org>).

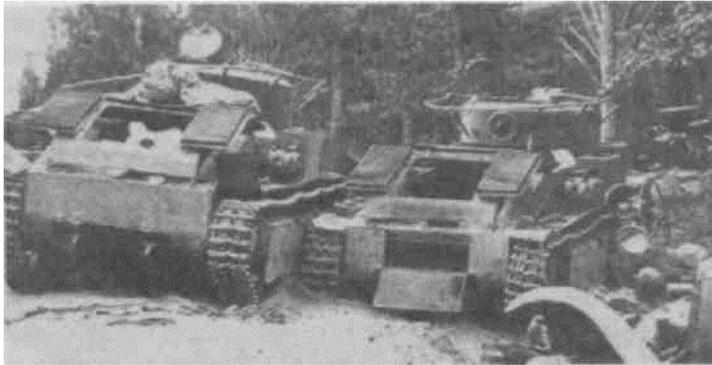
В местечке Бутрыманы (Бутримонис), находившемся в 16 км северо-восточнее Алитуса, уже вечером 22 июня литовцы начали взламывать и

грабить еврейские магазины и лавки. Немецкие войска прошли через Бутримонис 23 июня, примерно в 16 часов по местному времени.

В 20 часов появились военные мотоциклисты с белыми повязками на рукавах (т. н. "белоповязочники" - перешедшие на сторону противника военнослужащие 29-го корпуса). Заходя в дома к литовцам и полякам, они предупреждали хозяев: евреев к себе не пускать и не прятать. Их начали убивать сразу же, поодиночке. В конце августа - начале сентября расстрелы стали массовыми, причем своими силами, без участия немцев. Убивали те, кто раньше играл вместе с евреями в футбол. Из двух тысяч уцелело десять человек... Начальник местной полиции Л. Касперунас, один из главных организаторов преступления, в 1944 г. ушел с немцами, после войны открыто проживал в Канаде по адресу: Leonardas Kasperunas, 529 Montague str., Sudbury, Ontario (Интернет-газета "Тиква" - <http://tikva.odessa.ua/newspaper>).

Когда немцам было "нужно" расстрелять заложников за партизанские операции, расстреливали, как правило, поляков. В мае 1942 г. в м. Ново-Годутишки Свенцянского района литовской полицией за убийство германского офицера были расстреляны тридцать три поляка. В числе расстрелянных были местный священник и отец шестерых детей, учитель местной школы. Клеофас Лавринович. Самому младшему, Казику, будущему профессору математики Калининградского госуниверситета, едва исполнился год (с сайта КГУ - <http://cyber.albertina.ru>).

Поэтому после войны власть пошла по наиболее простому пути: все события 22-24 июня в Южной Литве в "треугольнике" Алитус - Варена - Вильнюс, включая и действия 5-й танковой дивизии, огласке не предавались и фактически были засекречены по причине, которую я бы назвал "литовский след". Над правдой в угоду конъюнктурным сооб-

Брошенные Т-28 5-й танковой дивизии

ражениям возобладал принцип: не будем ворошить прошлое ради "дружбы народов".

20 и 21 июня в районах сосредоточения частей 5-й дивизии отрывались щели и окопы, строились блиндажи, вся техника тщательно маскировалась. 21 июня началась подготовка к эвакуации семей комначсостава: на них выписывались литеры для проезда и оформлялись аттестаты. Однако ЧВС 11-й армии бригадный комиссар И. В. Зуев не разрешил эвакуацию семей до получения указания из Москвы.

Фактически 5-я танковая дивизия была выведена из подчинения командира 3-го мехкорпуса еще до начала войны, 21 июня 1941 г. - устным распоряжением командующего округом. На бумаге это положение зафиксировалось в его приказе в 9 часов 30 минут 22 июня: 5-я ТД передавалась в непосредственное подчинение командующего 11-й армией. Дивизия после выхода из мест сосредоточения должна была развернуться на фронте свыше 30 км вдоль восточного берега реки Неман от Алитуса до Друскининкая, имея задачу уничтожать контратаками прорвавшегося противника. Таким образом, на нее возлагалось обеспечение стыка Прибалтийского округа с Западным ОВО, ибо 128-я дивизия была разгромлена, а других боеспособных частей в этом районе не было. Но отдать приказ из штаба армии - далеко не самое главное. Гораздо важнее, чтобы штаб сумел довести приказ до штаба дивизии. А этого как раз

командованию 11-й армии не удалось. Ни телефонной, ни радиосвязи с Алитусом не было, направленные

298

туда автомашины с офицером разведотдела и группой связистов во главе с лейтенантом Гаспарьяном пропали без вести. В 18 часов майор В. П. Агафонов с оператором капитаном Федоровым выехал в разведку в направлении Алитуса, имея задачу: выяснить, в чьих руках находится Алитус, найти штаб 5-й танковой дивизии и установить с ним связь. Проехав на бронемашинах несколько десятков километров, офицеры увидели едущий навстречу автобус - в нем возвращались из отпуска к месту службы человек двадцать командиров. От них узнали, что Алитус занят немцами, а уличные бои с танками противника начались еще в полдень. Следовательно, все действия частей 5-й ТД совершались по приказаниям ее командира, а не корпусного или армейского командования.

В 04:20 на Алитус был совершен первый воздушный налет. Особенно сильной бомбардировке подверглись техпарки с остававшейся там неисправной техникой, казармы южного военного городка и аэродром 236-го истребительного полка. Полк начал формироваться в 1941 г. и успел получить только 31 самолет, командиром был назначен участник войны в Испании майор П. А. Антонец.

В журнале боевых действий 9-й ЖДД НКВД имеется запись:

"11.37... Алитус - военный городок и вокзал бомбардировало 25 самолетов".

В "Истории Прибалтийского военного округа 1940-1967", являющейся закрытым ведомственным изданием, написано, что старший лейтенант 236-го ИАП Б. М. Бугарчев, вылетев по тревоге на своей "чайке", сбил над Алитусом два неприятельских самолета. Есть также информация, что подняться в воздух успели три летчика-истребителя: зам. командира полка по политчасти батальонный комиссар И. Г. Талдыкин, Б. М. Бугарчев и С. Кошкин. В коротком ожесточенном бою машина старшего лейтенанта

Кошкина была подбита, летчика с тяжелыми ожогами эвакуировали в Белоруссию. Замполит Талдыкин также олучил тяжелое ранение (было задето легкое), Б. М. Бугарчева зажали и сделали из его И-153 решето, но летчик сумел посадить израненный самолет.

В результате воздушного налета 5-я дивизия урона почти не понесла, за исключением матчасти понгопно-мостового батальона, по неизвестной причине не выведенной из парка. Г. В. Ушаков указывал, что "22 июня был потерян почти весь парк спецмашин 5 пмб" вследствие безынициативности ко-

299

мандира батальона капитана А. А. Пономаренко, все ожидавшего какого-то дополнительного приказа. 5-я ТД для обороны предместных позиций у Алитуса успела выдвинуться на западный берег Немана лишь незначительной частью сил, которые с ходу завязали бой с авангардом 20-й танковой дивизии противника. Подразделения 10-го танкового полка Т. Я. Богданова в трех километрах западнее Алитуса первыми встретили и уничтожили передовой отряд вражеских мотоциклистов. Зенитный дивизион (командир - капитан М. И. Шилов) вел огонь по самолетам.

Штаб дивизии находился в восточной части Алитуса. Когда примерно в 10 часов утра в западной части города возникли пожары и началась беспорядочная стрельба, начальник штаба майор В. Г. Беликов направил туда связного на мотоцикле для выяснения обстановки. Из толпы беженцев, спешно перебиравшихся на восточный берег Немана, по связному был открыт огонь из автоматического оружия.

Примерно в 11:30 в штаб дивизии привели мокрую женщину (переплывала Неман), которая рассказала, что видела за городом немецкие танки. Прокурор дивизии посчитал ее диверсанткой и застрелил. Через полчаса у моста бойцами был задержан мужчина-литовец, который на ломаном русском заявил, что немецкие танки уже вошли в город. Его застрелил уполномоченный особого отдела (М. В. Ежов. Танковый бой

первого дня войны, сайт "РККА"). Но вскоре зенитчики прекратили огонь по воздушному противнику и переключились на танки, подходившие к Алитусу по двум шоссе (от Симнас и от Сейрияй, в обход занявших круговую оборону остатков 128-й СД), все активнее стали стрелять противотанковые орудия, а через некоторое время канонада стала непрерывной. Подвижная группа 7-й ТД противника под командованием полковника Ротенбурга в 13:40 достигла Алитуса, имея целью захват и удержание мостов через Неман.

К мостам, по которым отходили военнослужащие из 128-й стрелковой дивизии и других частей, командир дивизии успел направить кроме 5-го зенитного дивизиона только один мотострелковый батальон, усиленный артиллерией 5-го мотострелкового полка. Открыв огонь с дистанции 200-300 м, в течение первых минут этого неравного боя зенитчики подби-

300

ли Нтанков, особенно отличилась 1-я батарея (комбат - лейтенант Ушаков, политрук батареи - Козлов).

Артиллеристы 5-го МСП имели мало бронебойных выстрелов, поэтому результаты их огня могли бы быть значительно выше. Тем не менее, и они вывели из строя 16 вражеских машин. При обороне северного моста батарея лейтенанта Шишикина подбила шесть танков. После полученного отпора германцы замедлили продвижение; тогда на позиции, занятые советскими танкистами на западном берегу Немана, обрушились бомбовые удары и артогонь: За 30-40 минут немцы подавили поставленную на прямую наводку артиллерию и сожгли находившиеся на левом берегу советские танки, после чего вражеская бронетехника прорвалась через южный мост на правый берег Немана. Вскоре был захвачен и северный мост. Их подрыв, назначенный советским командованием на 14 часов, произвести не успели. На правобережье образовалось два плацдарма. В журнале 9-й ЖД дивизии по обстановке к 18 часам 22 июня было записано: "Фронт противника проходит Волковишки-Алитус-Кальвария, все пункты заняты. Мосты в р. Алитус не взорваны. В районе Алитус через мосты прошли танковые части

противника". Прорвавшиеся части были сразу же контратакованы подразделениями 5-й дивизии, которые смяли их и ворвались в Алитус. 9-й полк имел задачу задержать противника у северного моста, 10-й - у южного. У мостов, на улицах города, в его скверах и парках разыгрались ожесточенные танковые поединки. Продвижение противника на восток было остановлено ожесточенными атаками советских танковых подразделений, пытавшихся прорваться к мостам и уничтожить ударный отряд 7-й танковой дивизии.

Показательно признание, содержащееся в дневнике обер-ефрейтора 21-го танкового полка 20-й танковой дивизии Дитриха. В записи от 22 июня 1941 г. говорится о бое с советскими танкистами в Алитусе следующее:

"Здесь мы впервые встретились с русскими танками. Они храбры, эти русские танкисты. Из горящей машины они стреляют до последней возможности".

2-й батальон 9-го танкового полка на машинах БТ-7 подошел к мосту, когда он был уже под контролем неприятеля, к тому же немцы заняли господствующие высоты. Однако его активной обороной продвижение вражеских танков было временно блокировано. Действия 2-го батальона поддерживал

301

огнем с места 1-й батальон полка, имевший 24 трехбашенных танка Т-28. Участник этого боя вспоминал:

"Мы подошли к своему танку, постучали, открылся люк. Мы говорим, что немецкие танки на дороге - рядом с нами, а танкист отвечает, что у него нет бронебойных снарядов. Мы подошли к другому танку, там оказался комвзвода, который быстро скомандовал "За мной!", и сразу вывернулись из кустов два или три танка, которые пошли прямо на немецкие танки - стреляя на ходу в бок немецких, а потом прямо вплотную подошли, - таранили их и скинули их в кювет (уничтожили полдюжину немецких танков и ни одного не потеряли). А сами кинулись через мост на западный берег. Но только

перешли мост, встретили группу немецких танков, из которых один сразу загорелся, а потом и наш загорелся. Дальше я видел только огонь, дым, слышал грохот взрывов и лязг металла".

Личный состав 2-го батальона, которым командовал старший лейтенант И. Г. Вержбицкий, а заместителем был депутат Верховного Совета СССР политрук Гончаров, проявил в бою героизм и решительность. Младший командир Макогон огнем своего танка вывел из строя шесть боевых машин врага. Лейтенант Левитин раздавил своим танком два ПТО противника, а когда танк был подбит, а сам он тяжело ранен, выбрался из горящей машины и вышел к своим. Лейтенант Кабаченко из 1-го батальона пулеметным огнем своего Т-28 прикрыл от немецкой пехоты правый фланг 2-го батальона.

Бои в городе и у его южной окраины продолжались весь день и не прекратились даже с подходом немецкой мотопехоты и артиллерии. Северный мост удерживали 25-й танковый полк без 2-го батальона, 7-й мотоциклетный батальон, 1-й дивизион 78-го арtpолка, 1-я рота 58-го бронесапёрного батальона. Южный мост удерживали 2-й танковый батальон 25-го танкового полка, 37-й разведывательный батальон, 6-я рота 6-го мотопехотного полка, 2-я и 3-я роты 58-го бронесапёрного батальона.

У южного моста было вкопано несколько танков Т-34, которые не сумели сдержать вражеские танки - большое количество машин прорвалось на правобережье Немана. Батальону 10-го ТП под командованием зам. командира полка по строевой части капитана Е. А. Новикова удалось опрокинуть врага, но через мост успели переправиться и развернуться на

302

позициях подразделения противотанковой и полевой артиллерии. Три советских танковых атаки были отражены с большими потерями, но и у самих немцев было подбито до 30 танков. Предполагаю, что у южного моста принимал участие в атаках также и 3-й батальон 9-го полка. Их поддерживала огнем батарея 5-го ГАП под командованием лейтенанта

Фомина. Заняв позицию в районе с. Конюхи (ныне Канюкай), гаубичники били беглым огнем по южному мосту и вражеским огневым позициям на восточном берегу. Другие батареи полка также принимали участие в бою, а к полуночи 5-й ГАП имеющимся составом отошел на рубеж Даугай-Олькенишки.

Раньше я считал, что 5-й ГАП принимал участие в боях за Алитус лишь частично, так как его 1-й дивизион якобы действовал на другом направлении. Как писал мне из Риги бывший помком взвода Управления учебной батареи дивизиона П. А. Винниченко, 20-21 июня командование полка проводило рекогносцировку на местности. На руки были выданы листы топокарт района госграницы, прилегающего к Сувалковскому выступу. После возвращения в Варенский лагерь и объявления боевой тревоги полку была поставлена задача, содержание которой неизвестно.

Винниченко писал, что 1-й дивизион (командир - капитан С. Г. Голик) с парой танков и небольшим отрядом пограничников (я думаю, это были бойцы 84-го ЖДП НКВД) сдерживал противника у моста, а потом также отошел на Вильнюс. Сам Винниченко застал только конец этого боя, ибо командир дивизиона направил его на грузовике в Алитус за семьями комсостава. Сержант до зимних квартир полка добрался, но никого не вывез: семьи командиров погибли при воздушном налете на северный военный городок (там же жили и семьи авиаторов). Вернулся и доложил комдиву о несчастье. Я предполагал, что речь могла идти о переправе в Друскининкае, но не нашел никаких упоминаний о ней; вообще не было ясности, имелся ли в этом местечке по состоянию на 1941 г. мост через Неман.

Как позже выяснилось, мост был, но недолго. Его построили в 1915 г. саперы германской армии, он простоял 12 лет и в 1927 г. был снесен весенним ледоходом; следующий мост был построен только на рубеже 70-х годов. А после того как мне стало доступно политдонесение бригадного комиссара Ушакова, я все более стал утверждаться в мысли, что 1-й дивизион находился не

где-нибудь, а именно у южного алитусского моста. Все сходится - задача, поставленная командиру 5-го ГАП, вероятно, заключалась в как можно более быстром присоединении к основным силам дивизии; мосты охранялись подразделениями внутренних войск НКВД, которые, правда, не носили фуражки с зеленым верхом, как пограничники, но принадлежали к одному ведомству (можно и перепутать). А та пара танков, которую видел сержант? Тут, видимо, речь идет о двух машинах, которые... Впрочем, не буду забегать вперед.

Над боевыми порядками 5-й ТД весь нестерпимо длинный день 22 июня висела вражеская авиация. Безнаказанными убийцами бомбардировщики с желтыми крестами на крыльях один за другим выводили из строя советские танки. Думаю, что на долю Люфтваффе пришлось не менее 30-40% потерянной дивизией техники. На местах боестолкновений осталось - по советским данным - до 90 боевых машин, из них 73 машины потерял 9-й танковый полк: 27 Т-34, 16 Т-28 и 30 БТ-7. Собственные потери немцев оказались для них неожиданно большими.

"В Алитусе авиадесант противника, его танки". Захват города и двух переправ на Немане дался врагу отнюдь не "малой" кровью. Относительно потерь Гот в своих мемуарах был предельно лаконичен, но, как оказалось, правды все равно не скроешь. Пришли новые времена, а вместе с ними - новые авторы и новые цифры.

По воспоминаниям командира танковой роты немецкого 25-го ТП Х. Орлова (русского эмигранта из знаменитой династии графов Орловых), когда 20 немецких танков перешли через мост в Алитусе, один немецкий танк был уничтожен выстрелом Т-34, которому удалось скрыться, несмотря на огонь 37-мм орудий остальных немецких танков. Южнее Алитуса за Неманом советская артиллерия вывела из строя еще шесть немецких танков. Затем последовала контратака советских танков, пятнадцать из которых были подбиты. В ходе последующих контратак большого числа советских танков

при поддержке пехоты и артиллерии всего было подбито и сожжено более 70 советских танков (по воспоминаниям самого Орлова, явно приписавшего к танкам, подбитым артогнем, и танки, уничтоженные Люфтваффе). По его же словам, танковое сражение в районе Алитуса было самым ожесточенным из всех, в которых до тех пор участвовала 7-я

304

ТД вермахта во Второй мировой войне.

По данным сайта "Фельдграу" (<http://feldgrau.net>), за день 22 июня 25-й танковый полк возвратно и безвозвратно лишился половины машин, то есть 125-130 единиц, много танков было подожжено. Контратаки подразделений советской танковой дивизии вызвали множество критических ситуаций, особенно большие потери противник понес при обороне южного моста. Наибольший урон был причинен 2-му батальону 25-го ТП и 1-му дивизиону 78-го артполка.

С наступлением темноты остатки защитников западной части Алитуса прорвались через захваченный мост на восточный берег Немана. Примерно в 23 часа прекратился бой у моста за южной окраиной. На поле боя немцы насчитали 82 подбитых или сгоревших советских танка. Для охраны мостов германским командованием были оставлены 25-й танковый полк 7-й танковой дивизии и подразделения 20-й ТД. В летописи 21-го танкового полка записано: "Ночью полк вместе со стрелками 20-го мотоциклетного батальона, заняв высоты, охранял предмостное укрепление вокруг Алитуса. Ночью одиночный русский танк перемещался по городу, в других местах было спокойно".

Отличную выучку показал в бою за Алитус 5-й мотострелковый полк. По состоянию на 6 июня 1941 г. в нем имелось 2770 человек личного состава и восемь бронемашин. Его подразделения очистили от десантников захваченный алитусский аэродром, который находился недалеко от северного военного городка. Как записано в журнале боевых действий 13-й армии Западного фронта со слов комдива Ф. Ф. Федорова, 300-400

головорезов не приземлились налетное поле на парашютах, а были десантированы "путем посадки самолетов". Немцы вывели из строя уцелевшую после бомбежек матчасть базировавшегося на аэродроме авиаполка, ибо наземная служба аэродрома была немногочисленна и плохо вооружена, но в бою с 5-м МСП были рассеяны или уничтожены. Впрочем, литовские историки с сомнением относятся к данному факту, не без резона предполагая, что аэродром могли захватить повстанцы в форме литовской армии. Затем командир полка майор В. И. Шадунц расположил два своих батальона (один батальон сражался у моста) по периметру летного поля, и через некоторое время немецкая мотопехота численностью

305

до батальона - точнее не установлено - попала в засаду. От кинжального огня с трех сторон немцы понесли большие потери и пришли в замешательство, а рота автоматчиков ударом во фланг отсекала их от машин. Нацистов гнали до самого Немана, прижали к нему и полностью перебили. Бросившихся в реку солдат также настигли пули. Впоследствии участник боя за аэродром рассказывал о множестве убитых, пливших по течению.

Разъяренные германцы несколько раз пытались уничтожить "злой" полк, но все их атаки были отражены. Даже когда на позиции мотострелков ворвались шесть поддерживающих пехоту танков, успеха это не принесло. Огонь 1-го батальона отсек и отбросил за дорогу пехоту, а танки были забросаны связками гранат. Достоинно показала себя 1-я рота (командир - лейтенант Гринев, политрук роты - Макаров); на поле боя противник оставил два противотанковых орудия, четыре станковых пулемета и много трупов. В летописи 21-го танкового полка никаких подтверждений тому, разумеется, не найдено, лишь скромно утверждается, что "несколько советских самолетов было уничтожено на старте аэродрома, кроме того, велась стрельба в окрестностях русской авиационной базы и на опушке близлежащего леса". Однако этот частный успех не имел значения для всей дивизии, которая отошла от города, а полк, связанный боем, находился на аэродроме Алитуса

до 7 часов утра 23 июня. После того как под давлением танков его подразделения оставили свои позиции, им удалось оторваться от преследования, отступив на юго-восток в направлении Даугай и скрывшись в лесах.

Но, судя по всему, соединиться с основными силами дивизии мотострелкам основных сил 5-го МСП не удалось. Отсутствие связи, незнание обстановки в районе Вильнюса сыграли, вероятно, свою роль. Однако удалось установить, что полк не был полностью уничтожен. Он потерял значительную часть личного состава и вооружения, но сохранил костяк. Во главе со своим решительным и смелым командиром он пробился в Белоруссию. Маршрут его отступления на восток (уже по немецким тылам) пролегал севернее Минска в примерном направлении на Борисов и Лепель. В конце июля отряд 5-го МСП, значительно возросший за счет примкнувших к нему остаточных групп, перешел линию фронта.

Арвидас Жардинкас, автор литовского сайта "Rytu frontas 1941-1945" (<http://www.rytufrontas.net>),

306

прислал мне скан совершенно уникального документа. На листочке бумаги от руки написано буквально следующее:

"Расписка дана в/частью Красной Армии 5434 в том, что у граждан дер. Жегарино взято за бесплатно следующие продукты...". Далее следует список селян из 18 фамилий, против которых проставлены наименования взятых у них продуктов питания: картошка, овца, снова картошка, снова овца... мясо, молоко, 9 буханок хлеба. Ну, и так далее. Подпись: командир части майор Шадунц.

Есть также свидетельство, позволяющее предполагать, что один из батальонов полка выходил из окружения самостоятельно (возможно, майор разделил полк на два отряда). Штурман А. И. Крылов и стрелок-радист М. Портной из экипажа сбитого 26 июля дальнего бомбардировщика лесами Смоленщины шли на восток. Крылов впоследствии вспоминал: "В тот день

нам с Мишей посчастливилось. Под вечер мы встретили в лесу более сотни наших бойцов из мотомехполка. Выходя из окружения, они продвигались от Каунаса на восток со своим командиром. Красноармейцы пробирались по проселочным дорогам, по лесным просекам и тропам. Громоздкую технику, орудия войны закопали в лесных тайниках. Оставили только винтовки, пулеметы. Командир полка, кажется, Майоров, расспросив, кто мы и куда идем, согласился взять нас с собой" (Крылов А. И. По приказу Ставки. - М.: ВИ, 1977. С. 67).

Вместе с мотострелками авиаторы перешли линию фронта в районе г. Белый и после трехдневной проверки в местной комендатуре возвратились в свой полк. Упомянутым же Майоровым был, с вероятностью 90-95%, майор Иван Тимофеевич Майоров, командир 1-го батальона 5-го мотострелкового полка. Впоследствии он командовал отдельным развед-батальоном 30-й армии, пропал без вести в октябре-декабре 1941 г.

У меня сложилось впечатление, что никто и никогда не оценивал эффективность действий дивизии Ф. Ф. Федорова, словно и оценивать было нечего. Сослагательное наклонение не слишком поощряется в реальной истории, но уже де-факто существует "альтернативная история". Представим себе, что никакой советской танковой дивизии в Алитусе нет. 39-й моторизованный корпус без боя берет мосты через Неман и продолжает движение в восточном направлении. Вечером он

307

вступает в Вильно, на следующий день проходит Сморгонь, Ошмяны, Молодечно, Вилейку. Утром 24 июня 39-й МК выходит к не занятому войсками Минскому УРу, то есть значительно раньше, чем это определено планом "Барбаросса". Задержав его на Немане на десять часов светлого времени суток (это только 22 июня), 5-я танковая дивизия внесла бесценный вклад в то, чтобы "блицкриг" начал давать сбои уже в первый день войны. Кто знает, каковы были бы последствия и масштабы катастрофы, выйди 39-й МК к Смоленску 1 июля?

В книге А. Драбкина "Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941-1942" проливается некоторый свет на 236-й авиаполк. А. Е. Шварев был переведен в него из Каунаса, из 31-го ИАП 8-й смешанной авиадивизии, на должность командира звена. 20 июня, в пятницу, он вместе с авиатехником вернулся в Каунас, чтобы получить и перегнать в Алитус учебный самолет У-2. В субботу выяснилось, что командира 8-й САД полковника В. А. Гущина, который мог дать разрешение на вылет, на месте нет, будет он только в воскресенье. Авиаторы заночевали у друзей в бывшем своем 31-м полку, а утром 22-го их разбудила стрельба зенитной артиллерии.

Шварев вспоминал:

"До этого проходил слух, что будут учения. Мы так и решили сразу, что начались учения. Но с нашего дома был виден каунасский аэродром. Рядом с аэродромом располагался мясной комбинат. И я вдруг увидел зарево и говорю: "Братцы, это не учения, смотрите, ангар горит". Сбежавшиеся на аэродром летчики и техники выкатили из горящего ангара истребители МиГ-1 и самовольно (командования не было) парами вылетели на патрулирование. Во время второго вылета лейтенант А. Е. Шварев сбил бомбардировщик Хе-111, лично видел падение самолета в Неман, но победа не была подтверждена из других источников, и ее ему не засчитали. Техник в это время усиленно чинил получивший повреждение "кукурузник", и после окончания ремонта летчик намеревался вылететь наконец-то в Алитус. "Я все спрашивал техника: *"Как там самолет, готов?" - "Нет". - "Готов?" - "Нет"*. Наконец говорит, что готов. Я сажусь в самолет. Он крутит винт, но тут подъезжает "эмка", из нее выходит командир нашего 236-го полка Антонец. Реглан весь в крови. *"Ты куда?"* - спрашивает, немного гнусавя. Я растерялся: *"Как куда?"* А он на меня: *"Куда тебя черт несет, там уже немцы!"* Если бы чуть

308

раньше я взлетел, то попал бы прямо в лапы к немцам. Оказалось, что, когда он ехал в Каунас, их обстреляли, шофера убили, но сам он сумел

вырваться. Из полка под Каунас прилетело только 6 самолетов, остальные 25 были повреждены, и их пришлось сжечь". Видимо, произошло это уже после того, как мотострелковый полк 5-й танковой дивизии выбил немцев с алитусского аэродрома и закрепился на нем.

Неудачный для советских войск результат боев на Немане был предопределен относительно быстрым захватом немцами мостов в районе Алитуса. Они были своевременно подготовлены к взрыву саперами 4-го ПМП РГК (понтонно-мостового полка), но вечером 21 июня и в ночь на 22-е ими же разминированы по распоряжению представителя штаба ПриБОВО. Поэтому, когда командир 5-й ТД приказал взорвать мосты, сделать это не удалось. Бригадный комиссар Ушаков писал о младшем лейтенанте из 4-го ПМП, который доложил им, что взрыв должен быть произведен только после прохода всех частей 128-й и 33-й дивизий.

Здесь в воспоминаниях старых солдат возникают некоторые несоответствия. Утверждают, что приказ отдавал полковник П. А. Ротмистров, но выполнить его не удалось. Более того, среди толп отступавших через мосты военнослужащих, а возможно, и саперов, возникли (явно не без помощи вражеских агентов) слухи, что полковник этот - немецкий шпион, так как у него, дескать, "старорежимная" фамилия. Поэтому они, под угрозой применения оружия, просто не давали устанавливать заряды. Но П. А. Ротмистров не мог командовать дивизией в Алитусе, ибо он давно уже сдал ее Ф. Ф. Федорову и вступил в должность начальника штаба 3-го мехкорпуса. Так что здесь налицо появление некоторой путаницы, выглядящей, правда, вполне вероятной в той ситуации.

Еще один приказ о взрыве мостов через Неман командир 4-го ПМП майор Н. П. Беликов получил от начальника инженерных войск 11-й армии Фирсовауже в 14 часов дня. Но к этому моменту за обладание ими уже шла отчаянная схватка. Мосты остались невредимыми, а подрывники были даже захвачены немцами в плен [4, с. 234].

В ночь с 22 на 23 июня (примерно в 02:00-02:30) в тылу дивизии был выброшен тактический парашютный десант численностью до 660 человек. Десантникам удалось захватить аэродром в Оранах, при этом им без боя досталось четыре ПТО и

309

семь единиц бронетехники, принадлежавших 184-й дивизии 29-го корпуса (в составе ее разведбатальона значатся четыре бронемшины М1927/28 и три Т-26/31). Нет сомнений, что бывшие военнослужащие литовской армии, насильно призванные в РККА, не пытались оказать сопротивление немцам, когда те захватывали аэродром в Оранах. Скорее всего, они даже помогали им. 7-й зенитный дивизион 184-й ТСД вообще не имел средств тяги, и вся матчасть досталась немцам. Захватить или вывести из строя самолеты им не удалось, остатки обоих базировавшихся там полков 57-й авиадивизии (строевого 42-го и формирующегося 237-го ИАП) перелетели в Двинск, ныне Даугавпилс. Двинский аэродром Грива находился на реконструкции, как вспоминал бывший работник ГУАС НКВД СССР А. М. Киселев, но его все же можно было использовать.

Когда немцы высадились на оранском аэродроме, зам. командира 125-го БАО старший политрук Н. П. Даев организовал уничтожение складов и неисправных самолетов [114, с. 453]. Задача по ликвидации немецкого десанта была возложена на 10-й танковый полк, который ускоренным маршем направился на юго-восток, оставив у Атитуса только два танка: заместителя командира полка Новикова и капитана Смирнова. Экипаж Смирнова два раза делал вылазки в район южного моста. К 7 часам утра 23 июня десант в Оранах был частично уничтожен, частично рассеян, но вследствие этого почти половина танков соединения оказалась в стороне от развернувшегося в то утро сражения. Не очень понятно, почему Г. В. Ушаков указал, что комполка-10 Богданов с группой танков отошел на Вильнюс, а Ф. Ф. Федоров (согласно ЖБД 13-й армии) - что в сторону Оран.

Справка. Летом 1941 г. на территории Литвы формировались четыре новых истребительных авиаполка с номерами более 230: 236-й (Алитус), 237-й (Ораны), 238-й (Паневежис), 240-й (Ионишкис). Они не значатся в боевом составе ВВС ПрибОВО, отраженном в более чем официальном сборнике "Советская авиация в Великой Отечественной войне в цифрах". Не исключено, что они имели только штабы, личный состав и некоторое количество учебных и боевых машин. Поэтому вроде бы можно их и не учитывать, тем более что большинство даже строевых полков понесло тяжелые потери на

310

земле и также существенного влияния на ход боевых действий не оказало. Но объективности ради учесть их все же следует.

236-й ИАП, формировавшийся вАлитусе, в августе 1941 г. вновь появился, но уже в составе 43-й ИАД ВВС Западного фронта. Командовал им по-прежнему майор Антонец, одним из комэсковбыл капитан Голубичный. Вырвавшись из Литвы, летчики и техсостав прибыли в Бологое, где полк был заново сформирован. 25 августа 1943 г. 236-й был преобразован в 112-й гвардейский ИАП. 237-й полк был преобразован в 54-й гв. ИАП несколько раньше, Приказом НКО СССР от 03. 02. 1943 г. Б. М. Бугарчев закончил службу в звании подполковника, имея 15 одержанных побед; подполковник И. Г. Талдыкин погиб 15 марта 1945 г., командуя 1-м отдельным ИАП "Варшава" ВВС Войска Польского.

23 июня командование Северо-Западного фронта, не имея, видимо, никакой конкретной информации о положении на алитусско-вильнюсском направлении приказало: "5-й танковой дивизии и управлению 3-го механизированного корпуса немедленно поступить в подчинение командующего 11-й армией, повернуть удар на Бобты, очистить район Кейданы, Ионава от немецких частей и банд и быть готовыми по указанию командующего 11-й армией короткими ударами очищать правый берег р. Неман в районе Каунас от частей противника". Я не могу с уверенностью

сказать, получил ли комдив 5-й Ф. Ф. Федоров этот приказ. Однако чудом до наших дней дошел написанный на клочке бумаги один из его приказов, хранящийся сейчас в семейном архиве его внука И. И. Федорова.

"Полковнику т. *Веркову*

Направить б[атальон]н Т-34. Ударом на Конюхи во взаимодействии с 10 ТП уничтожить танки пр[отивни]ка и отбросить их за р. Неман

23. 6. 41 *Федоров*"

Утром 23 июня продолжилось одно из первых танковых сражений Великой Отечественной войны. В ходе него основные силы 5-й танковой дивизии оказались зажатыми с двух сторон наступающими немецкими клиньями. С юга это соединение обошла 7-я танковая дивизия противника, с фронта

311

действовала 20-я танковая дивизия. В крайне невыгодных условиях боя советская дивизия снова понесла серьезный урон, были потеряны все танки Т-28 9-го полка. 16 боевых машин были подбиты в боестолкновениях, а еще восемь - утрачены в результате поломок и, как следствие, подрыва танков экипажами. В 7-8 часов утра в сражении наступил перелом: 5-я гаиговая дивизия под давлением превосходящих сил противника, с почти истраченными боеприпасами и топливом начала отступать в направлении Вильнюса, до которого было 82- 85 км (если двигаться по прямой). Немцы выиграли сражение, но о своих истинных потерях почему-то умолчали.

Штаб 3-й танковой группы генерала Гота 22 июня в телеграмме информировал штаб группы армий "Центр":

"Вечером 22 июня 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны восточнее Олита против 5-й танковой дивизии. Уничтожено 70 танков и 20 самолетов (на аэродромах) противника. Мы потеряли 11 танков, из них 4 тяжелых" [20, с. 34].

23 июня штаб ГА никаких данных о потерях 3-й ТГр не получил. В приложении к приказу № 3 от 23 июня по танковой группе

(информационный бюллетень о противнике) указывалось: "5-ю танковую дивизию следует рассматривать как сильно потрепанную" [21, с. 34]. Следовательно, за несколько часов боя в первый день и несколько часов боя во второй 5-я дивизия (по мнению самих же немцев) понесла большие потери, но не была разгромлена.

Почему же Гот в мемуарах и его штаб - в донесениях смолчали об истинных потерях за 22 и 23 июня? Если они одержали верх, то чего им было скрывать? Скрывалось именно то, что победа была "пирровой". Полсотни имевшихся в советской дивизии танков Т-34 (правда, часть из них была оснащена пушками Л-11, есть немецкие фото) никак не могли не "испортить праздник" привыкшим к легким победам танкистам вермахта, но Гот их у Алитуса словно не увидел.

Сведения П. А. Ротмистрова (или, вернее, Ф. Ф. Федорова и Г. В. Ушакова - маршал наверняка был знаком с донесением последнего) о подбитых и подожженных только 22 июня 170 танках и бронетранспортерах противника историки дружно посчитали десятикратным преувеличением, хотя это была чистая правда. Указанные Готом потери (11 танков) безусловно следует считать лишь безвозвратными.

А что вообще означает термин "безвозвратные потери"? Это озна-

312

чает, что отремонтировать подбитый или сгоревший танк в полевых условиях не представляется возможным, либо ремонт вообще нецелесообразен, и он должен быть отправлен в тыл для утилизации. Если из 3-й ТГр было отправлено на переплавку 11 танков, подбитых 22-го в районе Алитуса, и это попало в сводку, то за пределами сводки остались десятки: а) горевших, но потушенных; б) с перебитыми гусеницами или поврежденными катками; в) с пробоинами в броне; г) с сорванными башнями; д) поврежденных при таранах. Немцам противостояли кроме легких машин гораздо более сильные танки Т-28 и Т-34, ктому же броня легких чешских машин без особого труда пробивалась 45-мм снарядами.

Также, как свидетельствовал участник событий у Алитуса, советские танкисты умели вести огонь с хода. Я запустил его утверждение в Сеть. Реакция была в основном сдержанно-критической - "бесцельный расход боеприпасов".

Нашел мемуары В. Г. Грабина, перечел, что касалось этой проблемы: "... стрельба с ходу была нерациональна до тех пор, пока со временем не научились стабилизировать танковое орудие". Казалось бы, вот конкретный приговор из уст прославленного конструктора.

Но мимо одного из комментариев я пройти не смог. Суть его была такова. В 1938 г. для танковой пушки калибра 45 мм с электроспуском был разработан прицел "ТОС" (расшифровывается как "техника особой секретности") со стабилизацией линии прицеливания в вертикальной плоскости. Стабилизация осуществлялась с помощью гироскопа, подвешенного в головной части прицела в кожухе. "ТОС" начали устанавливать на танки Т-26 и БТ-7, но уже в начале боевых действий он был снят с вооружения из-за того, что его **не успели освоить в войсках** (выделил специально), к тому же он был сложен и имел некоторые конструктивные и эксплуатационные недостатки.

А. С. Сизов из 13-го полка 7-й ТД писал:

"Теперь о танках. Во 2-м ТБ и 3-м ТБ были танки БТ-7. В конце апреля я принял пять таких танков. Прицелы были с гироскопами" [76, письмо].

В 5-й танковой дивизии было 111 машин БТ-7. Какой из всего сказанного напрашивается вывод? Да, новый прицел был сложен, имел недостатки, им еще не научились пользоваться, но из этого совершенно не следует, что так было во всей Красной Армии. Может быть, 5-я танковая дивизия была как раз впереди других частей в деле освоения новой

313

матчасти? Особенно если вспомнить, что до Федорова ее возглавлял будущий маршал П. А. Ротмистров, а 3-м мехкорпусом, куда входила дивизия, командовали генералы А. И. Еременко (также будущий маршал) и

А. В. Куркин (будущий генерал-полковник танковых войск), который, кстати, формировал 5-ю в июле 1940 г. и был ее первым командиром. В декабре 1940 г. на совещании высшего командного состава при подведении итогов прошедшего учебного года начальник ГАБТУ Я. И. Федоренко лучшими среди крупных мех. соединений РККА назвал 4-й МК М. И. Потапова и 3-й МК А. И. Еременко, а лучшей танковой дивизией - именно 5-ю ТД А. В. Куркина.

К чему я это все пишу? Чтобы подвести читателей к мысли: вас чуть не разыграли, вас чуть не "сделали, как сельских". Германские потери в бою за Алитус не ограничивались 11 полностью уничтоженными танками.

Кроме этого, отсутствуют данные о потерянных бронетранспортерах и орудиях, о штурмовых орудиях и истребителях танков. Последние ни к танкам, ни к БТрам не относятся, хотя фактически самоходка есть безбашенный танк, штурмовое же орудие можно считать небронированной САУ.

Чтобы иметь объективную информацию по урону, который 5-я ТД нанесла противнику, надо знать две группы цифр по технике: принято на СПАМах (число), из них отправлено на переплавку (число). И не только в первой фазе сражения, а до того момента, пока было боевое соприкосновение. Как, например, указаны потери 2-го Белорусского фронта в ходе операции "Багратион": принято на СПАМах - 1416 танков и САУ, из них отправлено на переплавку - 956 (Освобождение Белоруссии 1944. - М.: 1974. С. 705). Войска в ходе наступления потеряли 1368 машин, остальные 48 танков, которые доставили на СПАМы эвакуаторы, вероятно, остались от прошлых боев, в том числе и с 41-го года. Все четко и понятно, и не надо ничего додумывать.

И что касается потерь 5-й танковой дивизии, то с ними ситуация тоже абсолютно ясная. Данных нет, да и не может их быть, но бесспорен факт: отступление 5-й ТД от Алитуса оставило поле сражения за гитлеровцами, что автоматически перевело даже незначительно поврежденные советские танки,

которые возможно было исправить и в полевых условиях, в список безвозвратных потерь.

314

Впрочем, одно свидетельство, помимо сайта "Фельдграу", все же удалось разыскать. В материалах 4-го симпозиума по оперативному искусству "Начальный период войны на Восточном фронте", изданных в Великобритании под редакцией полковника Дэвида Гланца, указывается примерная численность немецкой 7-й танковой дивизии. Он пишет, что на 22 июня она имела около 200 легких машин Pz-II и 38(t) и 30 тяжелых Pz-IV. Не совсем сходится с тем, что приведено выше (53 Pz-II, 30 Pz-IV, 167 Pz-38(t), от 8 до 15 командирских танков), но тут уж ничего не поделаешь. К 27 июня, то есть при выходе к Минску, в дивизии осталось примерно 150 легких танков и 7 Pz-IV.

То есть реальная убыль матчасти за 5 дней боев (в основном именно с танкистами 5-й дивизии) составила как минимум 80 боевых машин. Учитывая, что ремонтные подразделения германских танкистов все эти дни работали не покладая рук и те танки, что возможно было в короткий срок ввести в строй, принимали участие в последующих боях (их могли снова подбивать и снова ремонтировать - это очень путает статистику, и без суточных донесений о потерях не обойтись, но, увы, их нет или они недоступны), результаты были не так уж и плохи. К тому же не имеется аналогичных данных по 20-й ТД вермахта, также принимавшей участие в боях за Алитус.

По действиям 5-й танковой дивизии за 23 июня сохранились крайне скудные сведения. По ним можно судить, что после ухода от Немана ее части медленно откатывались на восток, стараясь затормозить продвижение неприятеля на промежуточных рубежах. Как и 22 июня, бои носили очаговый характер. Два танка 10-го ТП под командой капитанов Новикова и Смирнова, находившиеся вблизи южного алитусского моста, оказались в окружении неприятеля. Но храбрые экипажи огнем и маневром пробили себе выход из

кольца и после некоторых поисков нашли свой полк, который к тому времени сосредоточился в районе Ганушишки. Матчасть была укрыта в лесу, но спустя некоторое время 10-й полк был атакован во фланг вражескими бронетанковыми частями и в ходе боя снова понес большие потери. С этого момента теряются следы его командира Т. Я. Богданова и зам. по политчасти старшего политрука А. П. Ильинского.

Все три батальона 21-го танкового полка после окончания

315

боев за Алитус выстроились в походные колонны и начали продвигаться на Вильнюс. Двигались на максимальной скорости, и вскоре полк растянулся на большом расстоянии. 5-я рота в районе Онушкис столкнулась с советскими танками. В ходе короткого боя было подбито несколько из них, остальные скрылись. На марше 2-й батальон подвергался атакам одиночными советскими самолетами, которые, однако, не были успешными.

В районе станции Родзишки (на современных картах - Рудишкес) 1-й батальон натолкнулся на ожесточенное сопротивление, подбил два танка Красной Армии и рассеял отряд пехоты. 3-й батальон потерял в бою под Родзишками два танка Pz-IV, сам, однако, уничтожив несколько советских машин. Вследствие того, что немцы не уклонились от боя, а ввязались в него, их удалось задержать на некоторое время. При дальнейшем следовании в направлении Вильнюса передовой отряд 20-й танковой дивизии сбился с предписанного маршрута следования и вышел на дорогу, по которой уже двигались подразделения 7-й танковой дивизии барона фон Функа. К "утешению" расстроенных своей ошибкой танкистов восточнее Тракая, на станции Лентварис, они атаковали и расстреляли железнодорожный состав, не ясно, правда, какой - воинский эшелон или пассажирский поезд.

Инцидент в Родзишках удалось частично идентифицировать. Как писал в донесении бригадный комиссар Г. В. Ушаков, 22 июня на станции были развернуты ГЭП и ТЭП (головной и тыловой эвакуопункты) 9-го танкового

полка под охраной трех бронемашин. Между 8 и 10 часами в районе станции немцы выбросили парашютный десант численностью до двух рот. Находившийся там зам. командира 9-го ТП батальонный комиссар П. С. Григоренко возглавил атаку на них, в результате значительная часть десантников была уничтожена, а остальные рассеялись. Что после этого стало с группой Григоренко, в дивизии так и не узнали, но какая-то, пусть и мало что дающая, информация о ней стала известна высшему командованию. 24 июня штаб СЗФ в своем донесении наркому обороны № 05 на 22:00 сообщил: "По донесению начальника штаба 29-го стрелкового корпуса, 5-я танковая дивизия в 14. 00 23. 06.41 г. вела бой с противником в районе Родзишки". Очевидно, корпусное управление при отходе на Вильнюс проходило район этой станции и его офицеры были свидетелями

316

боя. Единственным, хоть и косвенным, подтверждением того, что кто-то из тех, кто участвовал в боестолкновении в Родзишках, мог впоследствии отойти на северо-восток и уцелеть, является тот факт, что старший врач 9-го ТП военврач 2 ранга Е. Н. Тропаревский в июле 1941 г. значится уже начальником 2-го отделения санотдела штаба 27-й армии [76, справка из Архива военно-медицинских документов в Санкт-Петербурге, оригинал].

После отхода с рубежа Даугай - Олькенишки 5-й ГАП отступил в район Лодзеянцы и оказался в расположении 184-й стрелковой дивизии. После первого же огневого контакта с мотомеханизированной частью противника подразделения 184-й ТСД якобы из-за отсутствия боеприпасов начали отступать на Вильнюс, так что немцев некоторое время сдерживал лишь артогонь 5-го полка. В 6 часов полку было приказано выйти в район леса у ст. Понары (Панеряй). А дальше произошло то, чего вполне можно было ожидать, но тем не менее это стало неприятной неожиданностью. На марше колонна была внезапно обстреляна артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем, который вела группа военнослужащих 184-й дивизии. Под обстрел

попали 2, 3 и 4-я батареи. Ответным огнем одной из батарей горе-братья по оружию были обращены в бегство.

5.5. Обстановка в Вильно. 5-я танковая дивизия - отход на Вильно. Неудачная попытка удержать город

После захвата мостов на Немане участь литовской столицы Вильно (Вильнюса) фактически была предрешена: ничто уже теперь не могло остановить рвущийся через Южную Литву на Минск 39-й моторизованный корпус группы Гота. В самом Вильнюсе боеспособных войск почти не было. 84-я моторизованная дивизия 3-го мехкорпуса, в основном составлявшая гарнизон города, убыла на север в район сосредоточения. Вступивший в должность и. о. начальника гарнизона зам. комдива 84-й МД полковник Г. А. Белоусов имел лишь горстку военнослужащих из состава своей дивизии: батальон 41-го и несколько подразделений 201-го моторизованных полков, охранявших казармы и склады. Также в гарнизоне оставалось 4

317

учебных танка, принадлежавших 46-му танковому полку, но только два из них были на ходу; осталась и часть личного состава во главе с майором Соколовым. В пригородном поселке Новая Вилейка остался на своем месте 349-й отдельный зенитный дивизион 84-й МД. В городе находилось управление 9-й дивизии НКВД вместе с частью 84-го ЖДП. Доклад командира дивизии полковника В. Н. Истомина начальнику своего главка (ГУ ЖД В НКВД СССР) генерал-майору А. И. Гульеву на сегодняшний день является единственным документом, наиболее полно и объективно описывающим обстановку в районе Вильнюса 22-23 июня.

22 июня вильнюсский аэродром у ж.-д. станции Парубанек (ныне аэропорт Киртимай) подвергся двум авианалетам (в 12:40 и в 16:20). В журнале боевых действий 9-й ЖДД было записано, что в 12:43 в Парубанеке

начались пожары. Это был базовый аэродром 54-го СБАП (командир - майор М. А. Кривцов), входившего в 57-ю смешанную авиадивизию. К началу войны в нем имелось 68 СБ и Ар-2 и 7 Пе-2, однако утро первого дня войны полк встретил на запасном аэродроме Крыжаки (ныне Крыжекай, северо-восточнее Вильно), так что в Парубанеке немцы пробомбили в основном пустые стоянки. Беззащитный город Милосердия в течение дня неоднократно бомбардировался германской авиацией. [Городом Милосердия Вильно-Вильнюс называют из-за находящейся в нем, в часовне Острая Брама, чудотворной иконы Матери Милосердия - Матери Божьей Остробрамской, покровительницы Литвы и всей Балтии]. Воздушная защита столицы Литвы возлагалась на части 12-й бригады ПВО (командир - полковник Д. Я. Дрожинин, начальник штаба - подполковник А. М. Ребриев). Из всех батарей бригады (от семи до тринадцати) действовали лишь две-три, оснащенные 76-мм пушками. Остальные батареи, получившие перед войной новейшие 85-мм орудия и комплексы ПУАЗО-3 (приборы управления артиллерийским зенитным огнем), молчали из-за отсутствия боеприпасов. Выстрелов к ним не было ни на батареях, ни на гарнизонных складах, что зафиксировала специально созданная комиссия. 23 июня начальник артиллерии Северо-Западного фронта генерал-майор артиллерии П. М. Белов в донесении на имя маршала Г. И. Кулика сообщал, что зенитная артиллерия калибров 37 и 85 мм бездействует, и просил срочно выделить в

318

рее четырех артскладов: зенитных выстрелов - 35 800 штук 37-мми 151 200 штук 85-мм, без указания типа боеприпасов - 8 000 штук 37-мм и 40 800 штук 85-мм.

Реальную силу в Вильнюсе представлял лишь 84-й железнодорожный полк НКВД (командир - майор И. И. Пияшев). Оба силовых ведомства Литовской ССР (наркоматы госбезопасности и внутренних дел) занимались эвакуацией документов и имущества и на обстановку в городе практически не влияли. Тем не менее по инициативе командира 9-й ЖДД при участии

начальника армейского гарнизона, зам. наркома внутренних дел Донцова и начальника УН КГБ Шарок был сформирован штаб по обороне города.

" БОЕВОЙ ПРИКАЗ

штаба обороны города Вильнюса, улица Сталина, дом 24 в 18-50 22. 6.
41 карта 42. 000

1. Вторгшиеся в пределы родины фашистские банды, сдерживаемые нашими передовыми частями, пытаются внести в тылу действующего фронта частей панику, подготовиться к выброске десантов и организации диверсионных актов в районе гор. Вильнюс.

Для организации обороны гор. Вильнюс сего числа организован штаб обороны, которому Центральный Комитет партии (большевиков) Литвы поручил ликвидировать все попытки фашистов внести дезорганизацию и панику в городе Вильнюс.

Для предотвращения возможных диверсий все части, находящиеся в расположении гор. Вильнюса, ПОДЧИНЯЮ СЕБЕ.

2. Командиру батальона 41 сп капитану Панину выставить сторожевые заставы в районе высоты 164,1 в направлении села Шашкины и перехватить эту дорогу. Вторую сторожевую заставу для перехвата дороги Валтупе - господарский двор Верки, в районе развилки двух шоссе дорог (6488), прикрыть мосты через реку Вилия, каждый мост силою одного отделения со станковыми пулеметами, деревянный мост в Антаколе, зеленый мост, мост по улице Гедемина. Остальных бойцов батальона сосредоточить в районе кладбища в качестве резерва штаба.

319

Разрыв между полевыми караулами и сторожевыми заставами освещать дозорами.

Командиру танкового полка майору тов. Соколову - 200 бойцов вооружить и сосредоточить на улице Сталина, дом № 24, мой резерв.

Командиру 201 сп занять, оборонительный рубеж на высоте 182,6 (6292), одним взводом и двумя станковыми пулеметами Ю. В. окраины

ВИЛЬНЮС в направлении долины, двумя взводами со станковыми пулеметами высоту 216,1 остальной состав сосредоточить базара улицы ПИЛИМА в резерве, для действий направления Порубанок.

С приходом Вильнюсского училища весь сектор обороны полка передать училищу, а подразделения, выведенные из обороны, сосредоточить также в резерве.

9-й дивизии НКВД обеспечить оборонительный рубеж аэродром - Новосюки и обеспечить освещение сильными разведывательными партиями в направлении РАЗЯНЦЫ - река Виляя.

Командиру разведывательного батальона, согласно моим указаниям, организовать патрулирование по городу, дислоцируя свой батальон при штабе обороны.

Командирам всех подразделений организовать со мной своими средствами связь, выделив делегатов связи от каждого штаба части.

Мой КП бывший штаб 84-й дивизии, телефон № 190 и 191.

Донесения присылать:

1. С занятием оборонительных участков.
2. При обнаружении диверсионных групп пр-ка и при прорыве их в черту города.
3. В район обороны выдвинуться немедленно.

Начальник обороны города Вильнюса Полковник *Истомин*" [76, копия).

Упоминаемым в приказе разведывательным батальоном мог быть только 116-й ОРБ 84-й МД (или одна его рота, не выступившая из города вместе с главными силами дивизии). Подразделения 41-го и 201-го МП заняли участки обороны на юго-восточной окраине, поставить на прямую наводку зенитный дивизион полковник Белоусов не решился. В своих мероприятиях, что видно из приказа, штаб рассчитывал также на

подход 3-го отдельного мотострелкового полка НКВД (командир полка - майор П. И. Бровкин, начштаба - майор М. С. Катин, зам. по политчасти - батальонный комиссар М. С. Куценко). Однако, как впоследствии выяснилось, в этом полку более 100 бойцов были вооружены револьверами системы "Наган", один из батальонов и танковая рота находились в Риге, еще один батальон по ранее намеченному плану также ушел на Ригу. Так что 3-й ОМСП прибыл в Вильнюс в составе только 3-го батальона и полковой школы. В самом же Вильнюсе после истечения первых суток войны порядка не прибавилось. Во вторую половину дня 22 июня на город хлынули нескончаемые людские волны из отдельных военнослужащих, остатков разбитых на границе частей и беженцев. Люфтваффе же продолжало наносить удары по военным и гражданским объектам. Возникшая при этом паника привела к тому, что милиция и городское управление НКВД частично разбежались, органы Советской власти перестали функционировать, управление Литовской железной дороги также разбежалось вместе с его начальником Лохматовым.

Как писал сам полковник Истомина, по улицам "все усиливался огромный поток движения из разных направлений отступающих, разрозненных частей Красной Армии, которые наполняли город различными паническими слухами и сведениями о разгроме частей Красной Армии, о занятии врагом различных городов".

Среди отступающих были представители всех родов войск, в том числе и в форме авиационных частей. Помимо этого, в общем потоке встречались танки (вероятно, из 5-й ТД) и аргсистемы разных калибров и назначений, все без боеприпасов. Этот поток все сметал на своем пути и усиливал панику при появлении над городом вражеских самолетов. Истинного положения на фронте узнать было невозможно. Подразделения 84-го полка по мере возможности старались поддерживать порядок, а также боролись с мелкими десантами и антисоветскими акциями местного населения. Все попытки останавливать бегущих с фронта успехом не увенчались.

Вечером 22 июня командир дивизии сумел связаться с Барановичами и через командира 1-го батальона 60-го ЖДП капитана Гончарова приказал направить в Вильнюс бронепоезд №60.

321

"Из ВИЛЬНЮСА УПР ЛИТ 22. 6 21. 30

Ленту изъять БАРАНОВИЧИ БРЕСТСКОЙ КБ ГОНЧАРОВУ вручить немедленно.

КД приказал принять срочные меры отправки БЕПО из КОЛОДИШ ВИЛЬНО через МОЛОДЕЧНО. Телеграфируйте пункт нахождения его в 21 час НР 2465НСЛД ЧИСТЯКОВ 21. 33 ТАК КНТ ВРН ПР МАЙОРОВА" [76, копия].

Как позже выяснилось, БЕПО дошел только до станции Новоельня, так как полотно на перегоне Новоельня-Лида было разрушено во многих местах.

С утра 23 июня события стали нарастать подобно снежному кому, катящемуся с горы. Начальник гарнизона Белоусов в 10:30 прислал в штаб донесение, в котором по состоянию на 08:45 сообщал:

"Командный пункт занял. Сосредоточиваю части на намеченном рубеже. В районе КП 2 батареи ПВО. Донесите об обстановке, имеющейся у Вас. Слышу сильный шум моторов (полагаю танки) на СВ Вильно. Выясняю.

Полковник *Белоусов*" [там же].

Северо-восточнее Вильнюса (там находится город Каунас - Ковно) утром не могло быть танков противника, там вообще еще не могло быть никаких вражеских частей, ибо из-за подрыва мостов они еще не переправились через Неман. Что за гул моторов слышали люди Белоусова? Где-то далеко из района Кайшядориса выдвигалась к реке Невяжис 84-я моторизованная дивизия, возможно, перемещались какие-то другие части. Мог отходить артполк на тракторной тяге (не исключено, что это был 270-й ГАП РГК, действительно находившийся в районе Каунаса и впоследствии вошедший в подчинение командования 27-й армии). Так или иначе, но до

полудня 23 июня никакая опасность с суши Вильнюсу не грозила. Разве что с воздуха.

В 9 часов утра на Вильнюс был совершен новый воздушный налет, причем на аэродроме взорвались склады, вероятно, резервуары с горючим авиабазы и хранилище боеприпасов бомбардировочного полка. Утром же из

322

летних лагерей ускоренным маршем вернулось местное пехотное училище (начальник - полковник Серебряков, заместитель - полковой комиссар Липкинд). Это было 450-500 активных штыков, но без пулеметов и с минимумом патронов. В 9-й дивизии им выдали боеприпасы и гранаты, после чего они направились на свой оборонительный участок. К 10:45 курсанты и часть 3-го МСП НКВД заняли оборону в районе ст. Подбельники, в ЖБД 9-й дивизии есть уточнение, где намечалось развертывание: в районе железнодорожного тоннеля, высота 211 и 6, перекресток дорог Лида-Оршаны (карта Литовской ССР, масштаб 1:10 0000, лист "Лентварис", N-35- 51). Сохранилось донесение командира полка, поступившее в 12:30:

"БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 2 23. 06. 4110. 45 карта 100 000 Полковой школой и одним станковым пульвзводом занял район обороны на развилке дорог. Влево 800 метров закрыть район обороны, до указанного мне пункта Подбельники не имею возможности, 2 роты 2-го сб затерялись, принятыми мерами розыска не обнаружены, вероятно, сбились и пошли в другом направлении.

Посылаю третье донесение, ответа не имею, жду Ваших указаний. Срочно шлите боеприпасы, всего имею по 40 шт. патронов, гранат не имею. Прошу снабдить винтовками. 100 человек артиллеристов и танкистов их не имеют". 23. 6. 41

Майор *Бровкин*" [там же].

Не совсем понятно, что за сотня танкистов и артиллеристов без личного оружия упоминается в донесении. Танкисты могли быть из 46-го ТП, артиллеристы, возможно, были зенитчиками из 12-й бригады ПВО.

Между 13 и 14 часами 23 июня в штаб прибыло трое сотрудников НКГБ, которые пригласили комдива на вокзал на экстренное совещание. На вокзале никого не оказалось, так как, видимо, паника сделала уже свое дело. Истомин писал о том, что "эти сотрудники мне сказали (чему свидетель майор Валеев, он оказался там вместе с ними), что положение в городе

323

безнадежно, на Вильно движется мех. колонна и что они город покидают". Вот-вот - "на Вильно движется мех. колонна". Увидели на подходе танки своей же 5-й дивизии, не разобрались и все: спасайся кто может. Именно в это время по городу вновь усилился поток отступающих в паническом бегстве разрозненных частей РККА, у которых ничего толком узнать было невозможно. Авиация противника своими налетами и стрельбой из пулеметов на бреющих полетах увеличивала и так беспокойную обстановку в городе.

Выждав, пока людской поток уменьшился, полковник В. Н. Истомин отдал приказ на отход по шоссе по направлению на Молодечно. Эшелон с имуществом 84-го полка и документами штадива был отправлен туда еще утром. Находившиеся за городом подразделения 201-го и 41-го МП, которые по приказу штаба обороны занимали на подступах отдельные участки обороны, снялись самостоятельно, получив, видимо, указание своего командования, и ушли в неизвестном направлении. Или, что тоже возможно, их смяли и увлекли за собой толпы отступающих, принявших части 5-й ТД за немцев, так как поиски их не увенчались успехом, а телефонной связи с ними в штабе обороны не имелось. Позже отряд полковника Г. А. Белоусова (до трех тысяч человек с шестью орудиями) "всплыл" в составе Двинской оперативной группы генерал-лейтенанта С. Д. Акимова. Группа курсантов Виленского училища во главе с майором П. Саргялисом, оставленная для охраны своего летнего лагеря в Швенченеляй, вышла из окружения в районе Невеля. 349-й ОЗАД также снялся и ушел к Браславу и затем - к Двинску. Так

столица Литвы была оставлена без боя, а танковая дивизия Ф. Ф. Федорова - без какой-либо поддержки.

Справка. Майор Бровкин сумел собрать разобщенные подразделения своего полка воедино и вывести их из Прибалтики, сохранив боеспособность. В 1942 г. по результатам аттестации ему было присвоено звание полковник. Командовал 5-й СД ВВ НКВД.

При отходе к Вильнюсу обескровленной, измотанной сутками почти непрерывного боя 5-й дивизии удалось, возможно, лишь на короткое время оторваться от противника. Фактически соединение более чем на 50% утратило боеспособность. Судя по тому, что ее танковые полки 22 июня в силу специфики поставленных задач (отбить назад два захвачен-

324

ных подразделениями вермахта отдаленных друг от друга моста) действовали по отдельности, целостность также была утрачена. еще в ночь на 23 июня некоторые части 5-й танковой дивизии разновременно отходили от Алитуса, часто в разных направлениях, теряя связь со штабом и ядром главных сил, которое составлял 9-й танковый полк. Есть данные, указывающие на то, что штаб дивизии (возможно, со спецподразделениями - батальоном связи, медсанбатом и прочими тыловыми частями) продвигался на Ошмяны. Но оперативная группа штаба с комдивом находилась, вероятнее всего, с 9-м полком.

Существует версия (сайт "Механизированные корпуса" - <http://mechcorps.rkka.ru>), что часть подразделений из состава 10-го танкового полка к исходу 23 июня отступила на юг в полосу Западного фронта, в район выдвижения частей 21-го стрелкового корпуса. В дальнейшем они составили основу сводного танкового батальона (командир - майор Егоров), принявшего участие в контрударе 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии 26-27 июня на Ошмяны. Генерал армии К. Н. Галицкий по поводу этого батальона писал, что он был придан дивизии 25 июня 1941 г. Начало формированию положил эшелон с 8 новыми КВ, прибывший 25 июня на

станцию Юратишки. Вероятно, это был как раз тот батальон из 29-й ТД, который возвращался с учений и в котором служил воентехник И. И. Крылов. Кроме того, из общей массы отходящих на восток остаточных групп собрали более десятка Т-34 и 14 (или даже более) Т-26. Однако в 10-м полку не было ни одной тридцатьчетверки, на 6 июня 1941 г. в его составе имелись один Т-28, 89 БТ-7, семь Т-26 и 20 бронемашин. Гораздо более высока вероятность того, что остановленные танки принадлежали батальону 59-го ТП 29-й дивизии, отступавшему на Лиду после боев под Гродно и Скиделем. А танки 5-й ТД могли находиться где-то еще или просто на одном из переходов остались без топлива и были брошены. В журнале боевых действий 13-й армии в записях от 29 июня встречается запись о танковом полку 7-й танковой дивизии, находившемся в 5 километрах юго-западнее Воложина в лесу. Вероятнее всего, в журнале ошибка, и речь может идти об остатках полка 5-й танковой дивизии, так как никаких частей из 6-го мехкорпуса в районе Воложина, который находится СЕВЕРНЕЕ Немана,

325

просто не могло быть. Или, что еще вероятнее, это был действительно полк 7-й танковой дивизии, но не советской, а германской. Эта ошибка была растиражирована в ряде приказов и распоряжений штаба Западного фронта. Так, например, командиру 21-го стрелкового корпуса предлагалось достать дизельное топливо для этого полка и увязать с ним последующие действия. Исходя из предположения, что полк все же существовал и принадлежал именно 5-й танковой дивизии, можно сделать вывод, что остатки его в конце июня 1941 г. оказались в глубоком тылу противника, где, по-видимому, прекратили существование. Но это лишь предположение. Последние же три танка Т-34 из сводного батальона были потеряны 2 июля при прорыве 24-й дивизией окружения у Радошковичей.

В "Начальном периоде" утверждается, что часть сил 5-й ТД пробивалась на север, часть - на юго-восток (она якобы попала в "минский котел"). Второе утверждение в корне неверно, и тому есть неопровержимые

доказательства, которые будут приведены позже. Но вот насчет первого... В истории дивизии остались "белые пятна", и мало шансов на то, что их удастся закрасить. Но есть все же одно свидетельство, причем "с той стороны".

2-й армейский корпус вермахта входил в 16-ю армию ГА "Север" и наступал против 188-й и левого фланга 33-й дивизий 11-й армии, то есть значительно севернее участка прорыва частей Гота. В состав корпуса входила 12-я пехотная дивизия (командир - генерал-лейтенант Вальтер фон Зсйдлиц-Курцбах).

Бывший офицер этой дивизии Б. Винцер весьма ярко описывает, как его подразделение, глубоко продвинувшись в глубь советской территории, получило приказ развернуться фронтом на запад, чтобы не дать возможности прорваться на восток выходящим из окружения советским частям. Выходившие на позиции противника колонны автомашин и густые цепи пехотинцев беспощадно расстреливались. И вот здесь произошло знакомство автора воспоминаний с русскими тридцатьчетверками, которые неожиданного для него проутюжили позиции артиллерии и ушли на восток.

Он писал:

"Наши 37-миллиметровые противотанковые орудия посылали снаряд за снарядом в лобовую броню танков Т-34. Попадание за попаданием, но никаких пробоин. Круто в небо уходил светящийся след от взорвавшегося снаряда, с диким визгом и жуж-

326

жанием ударяли рикошетом стальные снаряды в порядки советской пехоты и в деревья. Так мы впервые столкнулись с "Т-34". Видимо, от нас утаили его существование, когда внушали, что ничто не может устоять против наших 37-миллиметровых противотанковых пушек... советские танки прорвали наши позиции и, гремя гусеницами, покатали дальше на восток. Они оставили позади мертвых и раненых - своих и наших. Мы окружили их, и им всем следовало бы поднять руки. Однако во многих местах они с боем

пробивались на восток" (Солдат трех армий. - М.: Прогресс, 1971. С. 193). Согласно доступным на настоящий момент сведениям о составе танкового парка в ПриБОВО, Т-34 имелись ТОЛЬКО в 5-й танковой дивизии.

Попытка 5-й ТД удержать Вильнюс окончилась неудачей. Отойдя к предместьям столицы Литвы, ее подразделения заняли оборону на южной и западной окраинах города. На прямую наводку была поставлена вся артиллерия, в том числе из 5-го гаубичного артполка и зенитная. На марше от берегов Немана к 1-му дивизиону 5-го ГАП присоединилось несколько орудийных расчетов из 615-го корпусного артполка 29-го корпуса. Кому принадлежали зенитные орудия, неизвестно (зенитчики дивизии погибли в бою с танками у алитусского моста), скорее всего, полковник Ф. Ф. Федоров подчинил себе имевшие боеприпасы подразделения 12-й зенитной бригады. Кто руководил огнем артиллерии, не ясно (не удалось точно установить, где был убит начальник артиллерии дивизии полковник В. И. Артамонов), но на позициях видели командира 5-го ГАП майора В. М. Комарова, а в конце боя - начштаба полка майора Н. П. Ткачева.

Непосредственно рядом с позицией 1-го дивизиона находились два зенитных орудия и два танка. Защитники города сосредоточенным огнем заставляли разворачиваться в боевой порядок идущие по шоссе немецкие колонны, при этом подбили немало боевых машин и другой техники, истребили десятки захватчиков. На редкость эффективным был огонь поставленных на прямую наводку гаубиц [76, письмо личной переписки]. По данным зам. командира дивизии Ушакова, было выведено из строя до двух батальонов танков, четыре батареи противотанковых орудий, шесть минометных батарей и четыре крупнокалиберных пулемета. В этом бою исключительную стойкость и храбрость показали коман-

327

дир огневого взвода 5-го ГАП младший лейтенант Романов, младший лейтенант Поляков, лейтенант Фомин и старший лейтенант М. И. Веденеев из 10-го танкового полка.

О героизме 5-й в боях за Вильнюс поведал полковник П. Н. Тищенко:

"Подступы к Вильнюсу со стороны Алитуса были усеяны трупами и подбитыми танками как немецкими, так и нашей славной 5-й танковой дивизии. Кажется, на южной окраине Вильнюса я присоединил к штабу корпуса башенного стрелка из 5-й танковой дивизии, который еле передвигал ноги, но упорно шел с танковым пулеметом на плече. Он мне рассказал, что 5-я танковая дивизия героически дралась, пока было горючее и боеприпасы. Его экипаж вынужден был подорвать танк, сняв предварительно [с него] пулемет".

И снова, как и 22 июня, исход боя во многом решили беспощадно точные удары пикирующих бомбардировщиков "юнкерс-87", яростно атаковавших оборону советских войск. На боевые порядки 5-й ТД было совершено до 12 налетов (в некоторых из них принимало участие до 70 машин) с массированным применением зажигательных авиабомб. Остатки ее частей отступили на юг, к белорусским Ошмянам и еще далее.

Для примера: несколько смельчаков на тракторе СТЗ-5 сумели в одиночку довести одну из уцелевших гаубиц 5-го ГАП почти до Минска и по акту передали ее начальнику артиллерии стрелковой дивизии 13-й армии, возможно 50-й. Одна из групп военнослужащих дивизии (огневые взводы 5-го артполка) послужила основой партизанского отряда. 12-я бригада противовоздушной обороны по состоянию на 4 июля значилась в составе уже 27-й армии. Личного состава в ней к тому времени было 678 человек, из них 114 офицеров. Матчасти не было никакой, за исключением 30 автомашин и одного зенитного пулемета. Косвенно это может служить доказательством участия бригады в боях за Вильнюс.

2 июля 1941 г. в Москву ушло донесение № 1 за подписью майора Васильева из бронетанкового управления фронта. Оно кое-что уточняет, но один из приведенных фактов кажется в нем сомнительным: "В ночь на 23. 6.41 г. 5-я танковая дивизия с остатками танков (38) и гаубичным артиллерийским полком вышла из окружения и сосредоточилась в районе

лесов 10-15 км юго-восточнее Вильнюс. 24. 6.41 г. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Остав-

328

шиеся бойцы и командиры только 26. 6.41 г. стали появляться в районе Полоцк и 30. 6.41 г. в районе Псков. Материальная часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника. Остатки личного состава и материальной части колесных машин сейчас собираются в районе Псков и Полоцк. Полностью подсчитать остатки еще не удалось". Смущает то, что в ночь на 23 июня в полках 5-й ТД еще оставалось более 100 бронеединиц (такова была динамика потерь - подтверждают и немцы и наши). И не у Вильнюса она была, а все еще у берегов Немана. Так что, похоже, 38 танков в ней осталось все-таки в ночь на 24 июня после сражения за Вильнюс. Потом не осталось и их.

Это сообщение было последним, больше никаких сведений о дивизии Ф. Ф. Федорова с Северо-Западного фронта не поступало. Лишь начальник АБТУ фронта полковник П. П. Полубояров в своем письме от 11 июля 1941 г. начальнику ГАБТУ генерал-лейтенанту Федоренко подытожил: "5-я танковая дивизия погибла вся также в ряде окружений. Личного состава совершенно нет. Считаю, что остатки можно искать в составе войск Западного фронта". Как оказалось, Полубояров был совершенно прав.

5.6. 5-я танковая дивизия. Выход в полосу Западного фронта

24 июня 1941 г. остатки 5-й танковой дивизии, имевшие 15 танков, из них несколько Т-34, 20 бронемашин и 9 орудий, с обозом, переполненным ранеными, вышли в район командного пункта 13-й армии Западного фронта недалеко от Молодечно. В разговоре с командующим армией генерал-лейтенантом П. М. Филатовым полковник Ф. Ф. Федоров обстоятельно

рассказал о событиях в Литве. По его словам, к полудню 23 июня в ходе боя за Вильнюс дивизия потеряла убитыми и ранеными до 70% личного состава, до 150 танков, 15 орудий и до 50% бронемашин и грузовиков. За 22 и 23 июня, как считал Федоров, войсками 5-й ТД было подбито до 300 танков противника и сбито 11 самолетов. Настроен танкист был подавленно и в конце заявил, что за захват противником мостов через Неман ему "придется расплачиваться головой" [58, с.

329

48]. Комдива 5-й можно было понять: противник форсировал Неман, пал главный город советской Литвы, в более чем стокилометровую брешь беспрепятственно продвигалась ударная группировка вермахта, охватывая основные силы Западного фронта с правого фланга, и кто-то должен был за это понести "заслуженную кару". Из оперсводки № 4 штаба Западного фронта к 10 часам 24 июня: "Командир 5-й танковой дивизии Северо-Западного фронта доложил командующему войсками 13-й армии, что Вильнюс в 17.00 23.6.41 г. занят немцами, которые продолжают наступление. 5-я танковая дивизия понесла большие потери. Часть тыла танковой дивизии - в Молодечно. Со слов командира 9-й дивизии войск Народного комиссариата внутренних дел в 19 часов 30 минут Вильнюс не занят, шел бой в 20 км западнее Вильнюс. Вся дорога от Вильнюса до Молодечно забита отходящими подразделениями пехоты, артиллерии и танков".

Откуда получил такую информацию полковник войск НКВД Истомина? От Гродно на Вильнюс идет железнодорожная магистраль, и идет она именно через станцию Рудишкес (от нее до Вильнюса примерно 30-33 км). Возможно, бой вечером 23-го видели с бронепоезда 9-й ЖДД, шедшего в сторону Вильнюса (но не № 60), и доложили о нем "по инстанции", а комдив сообщил армейцам. Теперь уже достоверно не установить, кто дрался с врагом на подступах к Вильнюсу. Может быть, на их пути встало какое-то подразделение из 5-й дивизии (группа батальонного комиссара Григоренко), может быть, из 128-й или 184-й. По словам комроты 7-й ТД Х. Орлова, после

того как части были приведены в порядок и снабжены всем необходимым в течение короткой ночи, 23 июня дивизия покинула южный плацдарм и направилась к высотам вокруг Вильнюса.

Орлов писал:

"7-й танковый развелбатальон стремительным ударом захватил неповрежденным важный мост в 10 км западнее Вильнюса, тем самым дав возможность 25-му танковому полку полковника Ротенбурга (он был убит в боях за Минск. - *Д. Е.*) обойти город с юга, ударить в северном направлении и к наступлению ночи окружить город, заняв танками восточные пригороды".

В 5 часов утра 24 июня 7-й мотоциклетный батальон противника ворвался на вильнюсский аэродром, якобы захватив на нем полсотни готовых к вылету бомбардировщиков советских ВВС (очередной мюн-

330

хаузенский треп), и вступил в город. Вильнюс был украшен государственными литовскими флагами, население высыпало на улицы, приветствуя "освободителей". Подразделения же 21-го танкового полка 20-й дивизии, задержавшись в районе Родзишек и в ночном марше, вышли к пригородам Вильнюса силами 1-го и 2-го батальонов только на рассвете 24 июня. 1-й батальон сражался в Людвиново с советскими стрелками и танками, в то время как 2-й батальон натолкнулся в окрестностях Ваки на рассеянных военнослужащих РККА.

Читая эти строки, кто-то может скептически пожать плечами или, хуже того, усмехнуться: ну да уж, подбили в первый и второй дни войны столько танков противника, а где за такой подвиг всенародное признание, где описание этого подвига, наконец, в литературе? В отечественных источниках или, на худой конец, в немецких. И действительно, выходило: не было никакого геройства в бою, не было подбитых танков. Гот что-то там вскользь упомянул, Ротмистров пару фраз бросил. Ну ладно Гот, он немец, ему резона не было свои ошибки и неудачные действия своих войск, пусть потом и

хорошо воевавших, "засвечивать". Специально перечел его воспоминания, темнит генерал, недоговаривает. Итогами 22 и 23 июня сильно разочарован, но винит во всем только песчаные грунты, густые леса и торопыг из Люфтваффе. Бедняга, не повезло ему с грунтовыми дорогами. Ну ладно Ротмистров, он хоть и был начальником штаба 3-го мехкорпуса и 5-й дивизией до войны командовал, да очень уж не любили наши маршалы писать о поражениях.

Еще больше не любили этого идеологический отдел ЦК КПСС и Главное Политуправление ВС СССР, безжалостно кромсавшие рукописи военных мемуаров. Забывать героев и скрывать их имена несправедливо и аморально, но в послевоенные годы политическая "целесообразность", как правило, брала верх, и они с легкостью предавались забвению. Одно утешает: раз немцы единодушно посчитали эпизод у Алитуса "крупнейшей танковой битвой", значит, так оно и было, к тому же, оценив по достоинству героизм советских танкистов, они оказались честнее цензоров Главпура. А что они пытались скрыть свои потери, так это обычное дело: кому хочется признать себя битым. Свои танки (те, что подлежали восстановлению) были отремонтированы и введены в строй - ремонтная база у немцев была организована отлично, и в зап-

331

частях к бронетехнике, исключая двигатели в сборе, недостатка не было. Вот и вышло все как бы шито-крыто.

А литовская земля по-прежнему хранит приметы событий датекого июня. Лишь в конце 80-х годов на тех местах, где горели танки 5-й дивизии и были проплешины, стала расти трава: сорок лет понадобилось природе, чтобы почва, обожженная огнем войны, восстановилась и снова начала родить. В марте 2002 г. в Вильнюсе при строительстве моста были обнаружены останки пяти солдат Красной Армии. Вильнюсская мэрия сообщила, что останки были найдены на глубине 1,1-1,3 м; судя по найденным рядом с останками предметам, как минимум трое военных могли

служить в танковой части. Все находки, в том числе знаки отличия, были переданы посольству России в Литве. Но на сегодняшний день в Литве не осталось ни одного советского танка-памятника. Единственный оставшийся (тяжелый ИС-2) находится рядом с музеем камней недалеко от местечка Салантай, около 40 км к северо-востоку от Паланги. После рассмотрения присланного мне фото назвать его военным памятником не поворачивается язык. Увы, в современной Литовской Республике у "власть имущих" оказалась слишком короткая память. Можно, конечно, счесть события 1940 г. в Литве "экспортом революции" или военной оккупацией, но июнь 41-го, как им должно быть известно, освобождением для нее не стал. Для тех, кто не знает или забыл, напомним чуть позже.

5.7. Несколько соображений о причинах поражения войск Прибалтийского округа

Стремительный прорыв немецких войск через Литву в направлениях на Ленинград и Минск, как мне кажется, нельзя объяснить только внезапностью удара и ненадежностью территориальных литовских, латышских и эстонских частей. Все тогда было: и с фронта ударили внезапно, и с тыла в спину стреляли. 5-й стрелковая Краснознаменная имени Чехословацкого пролетариата дивизия, отступая от границы, пробивалась через Каунас вообще с артиллерийским огнем, а немцев в Каунасе вовсе еще не было. Но было, возможно, еще одно обстоятельство. Есть на этот счет интересное свидетельство

332

бывшего ЗПЧ командира 5-й СД генерал-майора П. В. Севастьянова (в то время полкового комиссара). Суть его в том, что 21 июня в штаб 16-го стрелкового корпуса 11-й армии прибыл член Военного совета округа

корпусной комиссар П. А. Диброва, стал оттуда обзванивать командиров дивизий и передавать им приказ: сдать на склады боеприпасы.

" - Кто? - спросил я.

- Диброва звонит. Звонят уже второй раз. Сперва передавали приказание штаба корпуса отвести дежурные подразделения в тыл. Теперь говорит: подразделения оставить на первой линии, но отобрать у них боеприпасы. Чтоб не отвечали на провокацию" [107, с. 10]. Позже, когда агрессия стала фактом, звонки не прекратились, даже наоборот: "... тут меня снова разыскал адъютант Озерова (командира дивизии, полковника. - Д. Е.). Усталым и каким-то безразличным голосом он прокричал мне в ухо все тот же приказ штаба корпуса: не отвечать, не ввязываться, не дать втянуть себя в провокацию. Это уже выглядело издевательством. Война началась - объявленная или необъявленная, теперь это не имело значения, - в бой втянулись все наши наличные силы, первая линия стояла насмерть, неся жестокие потери, а кто-то на другом конце телефонного провода продолжал повторять одно и то же" [там же, с. 15].

Можно ли гарантировать, что никто из командования дивизий прикрытия не поддастся нажиму ЧВС, вышедшего в своем рвении за рамки здравого смысла? Мне кажется, что нельзя. Приказы в армии обсуждению не подлежат. Тем более что есть данные о мероприятиях подобного рода не только в Литве, но и по всей западной границе. В 1-м стрелковом корпусе 10-й армии был отдан приказ о глубокой консервации вооружения. К началу войны значительное количество стрелкового и артиллерийского оружия находилось на крепостных складах Осовца в частично разобранном состоянии [76, записанный устный рассказ].

"Танки у нас стояли на территории городка, "на катушках", и были законсервированы - гусеницы смазаны солидолом и уложены на крыло, а пулеметы вынуты из шаровых установок, разобраны и перенесены в казармы и тоже для предохранения покрыты густой смазкой" [112, с. 20]. Так было на Украине. Но разве так не могло быть и на берегах Балтики?

После поражения войск Северо-Западного фронта все его

333

командование было снято со своих должностей: командующий Ф. И. Кузнецов был назначен с понижением, начальник штаба П. С. Кленов и командующий ВВС А. П. Ионов были арестованы и впоследствии расстреляны. Корпусной комиссар Диброва был назначен комиссаром 30-й горнострелковой дивизии Южного фронта. Но, как оказалось, в этой печальной истории был замешан еще один "товарищ". Незадолго до войны начальник УПП РККА Запорожец направил в Прибалтийский округ своего заместителя армейского комиссара 2 ранга В. Н. Борисова. Вот кто лез вон из кожи, своими указаниями о "бдительности" и "недопущении провокаций", обрекая находящиеся здесь войска на беспощадный разгром! Видимо, именно присутствием такой важной "птицы" из Москвы в округе можно и объяснить ту непонятную чехарду 21 июня, когда одни приказы штаба тут же менялись на противоположные, важные мероприятия по повышению боеспособности запрещались, разрешались и снова запрещались.

Теоретически можно предположить, что командующий округом Ф. И. Кузнецов мог бы игнорировать указания Борисова. Но Кузнецов вполне мог знать, что его предшественник на этом посту генерал-полковник А. Д. Локтионов 19 июня арестован органами госбезопасности и живым вряд ли выйдет. Когда Борисов, ввергнутый в шок разразившейся катастрофой, в которой во многом и сам был повинен, вернулся в Москву, Запорожца уже сменил нарком госконтроля армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, сменилась и вывеска - Управление политической пропаганды стало Главным политическим управлением. Доклад об увиденном в Прибалтике был по духу столь паническим и пораженческим, что Мехлис "вынужден был крепко призвать его [Борисова] к порядку". Это "крепко" вылилось в арест с санкции Мехлиса (Борисову припомнили все, в том числе и службу в Белой армии), лишение воинского звания и срок в 5 лет лагерей.

5.8. За левым флангом. 4-я армия

Значительно хуже, чем в 3-й и 10-й армиях, складывалась обстановка на участке левого соседа белостокской группировки. На брестском направлении сосредоточились силы вермах-

334

та, превосходящие 4-ю советскую армию (командующий - генерал-майор А. А. Коробков) только по личному составу почти в пять раз. На семь советских дивизий обрушился чудовищный молот - кроме правого крыла 4-й полевой армии, они были атакованы частями всей 2-й танковой группы Г. Гудериана в составе трех моторизованных и одного армейского корпусов, а также отдельной пехотной дивизии. В составе 46-го МК находились элитные части СС: мотодивизия "Райх" (командир - группенфюрер СС П. Хауссер) и лейбштандарт "Великая Германия". Одна только 3-я танковая дивизия 24-го МК имела 209 танков, из них 140 средних; в приданном 521-м дивизионе легких истребителей танков насчитывалось 12 чешских 47-мм ПТО на гусеничных шасси. Несмотря на упорное, хоть и плохо организованное, сопротивление, они просто размолотили противостоящие им войска.

За 5-10 минут до начала артподготовки немецкие штурмовые группы захватили все шесть мостов через Западный Буг в районе Бреста: железнодорожные в Бресте и Семятичах и шоссейно-дорожные западнее Мотыкал, у Коденя, Домачево и Влодавы. Железнодорожный мост у Бреста был захвачен группой, высаженной с бронепоезда, сам бронепоезд был на мосту подбит артогнем из дота "Светлана" 1-й роты 17-го ОПАБ 62-го УРа. Как сообщал командир дота младший лейтенант В. И. Колочаров, огонь вел красноармеец казах Хазамбеков [12, с. 84]. При захвате моста у Коденя неприятель прибег к более оригинальному приему. С западного берега стали кричать, что по мосту к начальнику советской погранзаставы должны перейти немецкие пограничники для переговоров по важному и не терпящему отлагательств делу. Охранявшие мост военнослужащие 17-го

погранотряда и гарнизона 60-го ЖДП НКВД ответили отказом. Тогда с немецкой стороны был открыт огонь из нескольких пулеметов и орудий; под прикрытием огня на мост ворвалась штурмовая группа 3-й танковой дивизии под командой лейтенанта Моллхоффа и унтер-офицера Ханфельда. В завязавшейся схватке вся охрана погибла, фельдфебель Хаслер проверил мост на предмет минирования: подрывных зарядов не оказалось. В 04:15 (по Москве) артиллерия открыла огонь по советской территории, с особым рвением обрабатывалось м. Страдичи. В 04:45 на восточный берег Буга по мосту и с использованием лодок начали

335

переправляться части 3-й ТД. Ответный ружейно-пулеметный огонь был редок, но сразу же принес первые потери: выбыл из строя командир 1-й батареи 543-го дивизиона ПТО обер-лейтенант Йопп.

Наибольшие потери в частях 1-го эшелона армии понесли входившие в 28-й стрелковый корпус (командир - генерал-майор В. С. Попов) 6-я и 42-я стрелковые дивизии. Они скученно размещались в Брестской крепости, которая сразу же подверглась сильному артобстрелу и атакам авиации. К началу войны в крепости находились почти целиком 6-я дивизия (за исключением 202-го гаубичного артполка) и 44-й и 455-й стрелковые полки 42-й дивизии. В результате обе дивизии с первых часов боевых действий утратили целостность и действовали отдельными отрядами. То же произошло с их батальонами, откомандированными на строительство полевых укреплений.

В частности, 3-й батальон 125-го стрелкового полка 6-й СД, находившийся в 12-15 км к северу от Бреста, сорвал несколько попыток форсировать Буг на своем участке, но уже к 09:30 был обойден с обоих флангов и перешел к круговой обороне. После нескольких попыток прорвать кольцо окружения в строю осталось несколько десятков человек. Как вспоминал бывший командир батальона капитан М. Е. Колесников, утром 4

июля в ожесточенном бою в 5 км севернее Кобрина остатки 3-го СБ были уничтожены, все оставшиеся в живых попали в плен [12, с. 161].

В отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии сообщалось, что утром был открыт огонь по казармам и по выходам из казарм в центральной части крепости, а также по мостам и входным воротам крепости и домам начсостава. Обстрел вызвал замешательство среди рядовых и младших командиров, в то время как комсостав, подвергшийся нападению в своих квартирах, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не смогли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня. В результате красноармейцы, лишённые руководства и управления, группами и поодиночке выходили из крепости, преодолевая под артминометным и ружейно-пулеметным огнём обводный канал, реку Мухавец и вал крепости. Потери учесть было невозможно, так как личный состав обеих дивизий корпуса перемешался. Некоторым командирам (в частности, командиру 44-го стрелкового полка майору П. М. Гаври-

336

лову) все же удалось пробраться к своим частям и подразделениям в крепость, однако вывести подразделения они не смогли и сами остались там. В результате личный состав частей 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости. Матчасть артиллерии находилась в открытых артпарках, большая часть орудий была уничтожена. Конная тяга всех артиллерийских и минометных частей находилась во дворе крепости, у коновязей, и почти вся она также была уничтожена. Машины обоих дивизионных автобатальонов и других частей стояли в объединённых открытых автопарках и сгорели при налёте авиации противника.

Бывший зам. командира 6-й дивизии, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Ф. А. Осташенко вспоминал, что война застала его за пределами Бреста. В начале июня он был назначен руководителем группы, которая должна была провести рекогносцировку 2-й линии обороны в полосе 4-й армии. Вместе с полковником находились помощник начштаба артиллерии

дивизии капитан В. Я. Чертковский, взвод топографов арtpолка и подразделения стрелков, пулеметчиков и саперов. Утро 22 июня группа Осташенко встретила в деревне Турна к северо-востоку от Бреста. Выехав с личным составом в сторону Бреста, к 7 часам утра он добрался до пересечения шоссейных дорог (Брест - Каменец и Жабинка - Мотыкалы) южнее д. Чернавчицы. Здесь уже находились отошедшие от Бреста разрозненные подразделения из состава обеих дивизий 28-го корпуса, несколько командиров и грузовик с ранеными. Ф. А. Осташенко отправил раненых в Кобринский госпиталь и взял на себя командование этими остаточными группами.

Вскоре через посеы ржи вышла еще одна группа - около 30 курсантов полковой школы и 50 бойцов 9-й роты 125-го стрелкового полка во главе с командиром полка майором А. Э. Дулькейтом. Он доложил обстановку в Бресте. Крепость была блокирована, положение штаба дивизии неизвестно, все связные не вернулись. Люди продолжали подходить, и Осташенко приказал майору начать формирование рот и батальонов. Вскоре прибыл зам. командира 42-й СД полковник М. Е. Козырь, под командой которого начали собираться военнослужащие его дивизии. Совместно наметив рубеж обороны, начали окапываться; попытались установить связь со штабом корпуса, но безуспешно. Капитан Чертковский не

337

вернулся, второй командир на месте прежнего корпусного КП никого не обнаружил. Около 10 часов утра в распоряжение отрядов, удерживавших участок шоссе Брест - Жабинка, вышли два орудия на мехтяге, принадлежавшие корпусному арtpолку, и грузовик 125-го полка с патронами и гранатами. К сожалению, боеприпасов артиллерии не было ни одного, и артиллеристы убыли на Кобрин. Зато через какое-то время появились две бронемшины из состава 84-го разведбатальона 42-й дивизии, с боем вырвавшиеся из Бреста. В одной из БА оказался зам. командира батальона батальонный комиссар А. Ф. Мухин. Он рассказал, что вел бой с танками

противника на северо-западной окраине Бреста, два из них подбил, но и сам потерял одну машину.

Начав формирование боеспособного отряда из остатков частей 6-й дивизии, полковник Ф. А. Остащенко назначил начальником своего штаба бывшего командира 125-го СП подполковника Ф. Ф. Беркова, получившего новое назначение и сдавшего полк майору Дулькейту, но не успевшего до начала войны выехать из Бреста. Почти в одно время с броневиками 84-го ОРБ к уже весьма солидной группе (только у Остащенко было около тысячи бойцов и командиров) присоединился зам. начальника политотдела 6-й СД полковой комиссар Г. С. Пименов. Так у командира сводного отряда появился и заместитель по политчасти. Вооружившись винтовкой, он все время находился среди бойцов и впоследствии неоднократно водил их в контратаки.

Чтобы избежать охвата с левого фланга и прорыва противника в тыл, отряд полковника Козыря переместился в район Жабинки, одна рота заняла оборону в Чернавчицах. Воздействия наземного противника не было, лишь авиация не давала покоя. После полудня, примерно в 14 часов, на шоссе со стороны границы показалось более десятка мотоциклов. Получив отпор, они отпрянули назад, и через час последовала танковая атака десятью машинами. Нацисты были встречены огнем бронеавтомобилей, два легких танка подожгли, остальные вернулись на исходные. В ходе второй атаки подбили еще один танк, но был выведен из строя и один броневик, находившийся в нем батальонный комиссар был тяжело ранен в плечо. После перевязки он пересел во второй БА, который огнем и грамотным маневрированием сумел отогнать против-

338

ника. Когда и в него попал снаряд, комиссар с экипажем покинул горящую машину.

К концу дня 22 июня отряд полковника Ф. А. Остащенко начал отход к Жабинке вдоль шоссе. Обстановка так и не прояснилась, местонахождение

штабов было не известно; со стороны Жабинки доносился шум боя. К тому же немцы выбили стрелковую роту из деревни Чернавчицы. Когда подошли к Кабинке, оказалось, что там уже немцы, и неизвестно, где люди М. Е. Козыря.

22-й танковой дивизии, которая располагалась за рекой Мухавец, южнее Бреста, в трех-четыре километра от границы, повезло менее всех бронетанковых соединений Красной армии. Когда вражеская артиллерия открыла огонь, командир дивизии генерал-майор танковых войск В. П. Пуганов находился дома. Прибыв в Южный военный городок, он самостоятельно объявил боевую тревогу, не дожидаясь распоряжений штабов корпуса и армии, и направил к реке Буг дежурные танковые подразделения. При первом же огневом налете дивизия потеряла значительную часть своей техники. Танки и артиллерия, не выведенные из парков, в результате комбинированного удара с земли и воздуха оказались засыпанными пол развалинами ангаров и хранилищ. Автомобили и автоцистерны, сосредоточенные на открытых площадках, были уничтожены артогнем. Загорелись, а затем взорвались склады ГСМ и боеприпасов. Попытки вывести технику из-под обстрела стоили жизни многим командирам и красноармейцам, погибли зам. командира дивизии по политчасти полковой комиссар А. А. Илларионов и зам. по тех. части военинженер 2 ранга Е. Г. Чертов.

Бывший командир транспортной роты 44-го танкового полка И. И. Воронец вспоминал:

"В полку увидел страшную картину: сотни людей лежали в разных позах убитые и раненые, многие из них, истекая кровью, просили о помощи. Собрав всех в местах, где можно было скрыться от огня, приступили к эвакуации раненых и стали выводить материальную часть. Все производилось под непрекращающимся обстрелом. Транспортные машины моей роты выводить не понадобилось. Они догорали, стоя на подпорках" [12, с. 202]. Вследствие того, что части дивизии выводились из-под обстрела

очень поспешно, произошло их перемешивание, в результате чего первоначальный состав нарушился. 1-й баталь-

339

он 44-го танкового полка оказался в составе 43-го ТП, 1 -й и 4-й батальоны 43-го полка, наоборот, в 44-м. Это был именно тот случай, когда можно было избежать потерь и даже было предложение это сделать, но мнение предложившего не нашло понимания. Начопер штаба капитан В. А. Рожнятовский попытался довести до командира соединения мысль: а неплохо было бы разбить палаточный лагерь подальше от границы и вывести туда всю 22-ю вместе с техникой [там же, с. 188].

А. П. Литвяков служил рядовым бойцом в 22-м мотострелковом полку (в/ч 5451) 22-й ТД. Казармы его находились также в Южном военном городке (старое название Траугутово или Травогутово).

Он вспоминал:

"Когда началась Великая Отечественная война, нас сразу обстреляли прямой наводкой. Были в казарме убитые и раненые, но каким-то чудом я остался [в живых], и кто выскочил живым, пошли. Бежали до станции Жабинка, это 15-20 км от городка. Нам там всем, кто остался жив, выдали обмундирование, автоматы, противогазы, гранаты, ну и все остальное, и мы продержались 4-5 дней. Отбивали атаки, но потом [поступило] распоряжение оставить эту станцию. Какие это были деревни, я их не запомнил. После чего уже ничего не знаю... Очнулся в городе Курске, где меня приняли в госпиталь. Потом меня комиссовали и [определили] место [дальнейшего] лечения (так как были сильные налеты на Курск и Орел). Был со мной сопровождающий из госпиталя до [места] последнего назначения. Это наш город Армавир. Меня поместили на вокзале в медпункт, потом позвонили в райвоенкомат, и меня с вокзала привезли в райвоенкомат, потом в госпиталь... И сколько я ни пытался, куда ни писал, везде один и тот же ответ: за 1941 г. ничего не сохранилось. И здесь в станице все сожгли. Дали врачебную справку - подтверждение, что действительно привезли с фронта

контуженного. И на этом все кончилось. А мне очень обидно, что я сейчас не являюсь участником Великой Отечественной войны. Вот такая моя судьба сложилась. Что запомнил, а что уже и позабыл..." [67, письмо].

По сравнению с соединениями 28-го стрелкового корпуса потери в личном составе у танкистов были все же гораздо менее значительны. Подразделения, не имевшие техники, и новобранцы, не научившиеся обращаться с ней, а также члены семей командного состава, укрылись за каменными строе-

340

ниями и за фортom внешнего обвода крепости, находившимся в черте городка. На берег Буга был выдвинут 22-й мотострелковый полк (командир - майор И. И. Елистратов), который вместе с дежурным танковым батальоном успешно противодействовал переправлявшимся через реку войскам противника.

Южнее Траугутово, на артиллерийском полигоне, отдыхали в палаточном лагере подразделения 28-го корпуса, которым предстояло принять участие в учениях 22 июня. Там же располагались закончившие стрельбы 204-й ГАП 6-й СД и 455-й КАП. По воспоминаниям командиров штарма, находившихся вместе с ними в момент начала боевых действий, они решили, что произошла неувязка с началом учений. Предпринимались даже попытки с помощью ракет и звуковых сигналов приостановить артобстрел полигона. Но когда они увидели, что сигналы не воспринимаются и огонь по полигону не прекращается, до них дошло наконец, что произошло. Позже эти части действовали на стыке между 22-й танковой и 75-й стрелковой дивизиями, а потом соединились со своими дивизиями.

После захвата моста у Коденя передовые отряды 3-й ТД (командир - генерал-лейтенант Вальтер Модель) вступили в бой за Страдичи, подавили сопротивление опорного пункта в северной части местечка, но завязли у ж.-д. станции, где их встретил огонь из дота (или закопанного танка); действия красноармейцев поддерживались огнем артиллерии из района Колпина.

Перекрестным огнем советская оборона была разрушена, после чего Страдичи были заняты, было захвачено в плен до двадцати военнослужащих РККА. По логике, теперь Модель, выйдя на шоссе Домачево-Брест, получал хорошую возможность продвижения на север; реально же произошло совсем иное. К северо-востоку от Страдичей находится гряда господствующих высот с отметками 155. 6, 155. 5 и 153. 2, на севере шоссе проходит вплотную к ней. "Нормальные герои всегда идут в обход". Продвинувшись от Страдичей к этим самым высотам, боевая группа подполковника Аудорша (394-й моторизованный полк с батареей 543-го дивизиона ПТО, батареей 503-го дивизиона штурмовых орудий, саперами, полицейским батальоном СС "Райх" и т. д.) попала в сильно заболоченную местность, обозначенную, между прочим, на картах, где с трудом могли пройти даже пешие солдаты. Причины, по

341

которым болото оказалось предпочтительнее шоссе с твердым покрытием, немцами никак не объясняются и не комментируются. Либо планы планами, но географию ТВД надо изучать получше и карты издавать более точные, либо попытка воспользоваться шоссе сразу же встретила серьезное сопротивление. После совещания генералы В. Модель и Г. фон Швеппенбург приняли решение: отказаться от плана овладеть высотами, к 16 часам, вытащив из болот всю застрявшую технику, повернуть 3-ю танковую дивизию на север, двигаясь вдоль шоссе Домачево-Брест. Был сформирован еще один передовой отряд (3-й батальон 6-го танкового полка, подразделения мотоциклистов и саперов), который спешно направился из захваченных Страдичей на Прилуки, но сразу же получил хорошую оплеуху у Прилук. На преодоление советской обороны в этом месте потребовалось около двух часов. В описании боевого пути 3-й ТД (Richter G. Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 - 1945. Berlin, 1967) указывалось, что огонь велся не только от Прилук, но и из леса между шоссе и рекой. Сопротивление оказали также три из шестнадцати дотов (2-й роты 18-го

батальона) Брестского УРа, находившиеся в районе Митьки, Бернады - у форта литеры "З". Остальные сооружения были полностью забетонированы, кое-где были установлены амбразурные короба, но отсутствовали гарнизоны. Бывший военфельдшер В. А. Якушев вспоминал, что в составе гарнизонов трех сражавшихся дотов едва было более чем по 10 человек. Один взвод убыл в гарнизонный караул в Брест, часть красноармейцев была на курсах младших командиров, некоторые офицеры находились в отпусках; непосредственно в дотах оставались младшие лейтенанты И. М. Борисов, В. И. Олегов, И. П. Фролов, И. Ф. Бобков и сам В. А. Якушев. Помощь раненым оказывала жена младшего лейтенанта И. Ф. Бобкова.

Из воспоминаний В. А. Якушева:

"23.6.1941 г. кончились боеприпасы. ДС блокирован немцами. Взорваны двери. Через перископные отверстия [гранатами] уничтожена обслуга перископа и кто был в этом каземате. Немцами был пущен газ в ДОТ в виде шашек. Кто был ранен, все задохнулись. Оставшиеся в живых, человек шесть, выползли ночью в близлежащий форт" (фонды МК БКГ, оп. 62 УР, д. 97).

Лишь около 20 часов 22 июня авангард 3-й танковой дивизии подошел к юго-восточной окраине Бреста, где ему при-

342

шлось снова вступить в бой, на этот раз уже с танками. Только через два часа 3-й батальон (командир - гауптман Шнайдер-Костальски) по шоссе Брест-Кобрин пробился к Мухавцу севернее Булково, но мост через реку оказался уничтоженным. На то, чтобы пройти 15 км от Коденя до Бреста, было потрачено 15 часов, следовательно, задачу по прикрытию госграницы на левом фланге 4-й армии можно было считать вполне успешно выполненной.

Столь длительное сопротивление за южной окраиной Бреста было обусловлено не только ошибкой германского командования, загнавшего свои передовые части в непролазные трясины. Оборонительные действия

находившихся на границе разрозненных подразделений поддерживались организованным огнем крупнокалиберной артиллерии, в частности 204-го гаубичного артполка 6-й дивизии. По словам командира взвода управления 2-го дивизиона П. В. Владимирова, полк находился на месте постоянной дислокации во внешнем форту "Е" у Ковалево, командир был в отпуске. Не имея связи со штабом дивизии, и. о. командира капитан И. А. Лукьянчиков принял решение развернуть орудия прямо в артпарке. Ответным огнем гаубичники привели к молчанию часть батарей противника за Бугом, а затем уничтожили наведенную вражескими саперами понтонную переправу. После этого полк покинул гарнизонный городок и к 9 часам развернулся у д. Каменица Жировицкая. Вскоре разведка доложила о выдвижении от Коденя моторизованных частей противника. В завязавшемся бою было выведено из строя 18 танков и бронемашин и рассеяно до батальона мотопехоты [12, с. 163].

Затем командир полка попытался перебросить свою часть за р. Мухавец, чтобы, согласно плану прикрытия, оборонять Брест вместе с 84-м стрелковым полком, но все мосты были заняты переправляющимися подразделениями 22-й танковой дивизии. В ожидании своей очереди 204-й ГАП был атакован авиацией и понес тяжелые потери. С. С. Шиканов из 125-го стрелкового полка вспоминал: "Перед вечером майор Дородных приказал: - *По Московскому шоссе непрерывно идут войска. Будем отходить через Шебринский лес* - Снялись с позиций. В это время к нам подошла группа пограничников. Они рассказали, что немцы уже в Бресте. А из крепости все время доносился гул канонады. Подходим к деревне Франополь. По обочинам дороги лежат разбитые орудия, тягачи. Так вот по-

343

чему молчали пушки!" [там же, с. 332]. Не дождавшись прохождения танкистов, 204-й полк переместился к Малым Радваничам, где вел бой до последнего снаряда. Оказавшись в окружении, артиллеристы вывели из строя

матчасть, организованно вышли к своим и вынесли Знамя полка. 204-й ГАП был сохранен и закончил войну в Берлине.

Самые меньшие потери в соединениях 1-го эшелона 4-й армии понесла обеспечивавшая стык с Киевским военным округом 75-я стрелковая дивизия (командир - генерал-майор С. И. Недвигин), части которой оказались на наибольшем удалении от границы. Обеспечение было откровенно слабым, ибо фронт обороны превышал 50 км. 28-й и 34-й стрелковые полки, а также 68-й легкоартиллерийский полк и 82-й дивизион ПТО находились в районе Домачево и Медиа, штаб дивизии вместе со 115-м СП - в Малорите. Вследствие этого между находившимися на границе частями имелись большие разрывы и были открыты фланги. Лагерь 235-го ГАП находился в роще севернее Малориты, огневые же находились на позиции укрепрайона, между недостроенными дотами. Тем не менее войска 75-й СД продемонстрировали высокую стойкость, противостоя 255-й и 26-й пехотным, 3-й (частично) и 4-й танковым и 1-й кавалерийской дивизиям противника. По словам бывшего зам. командира дивизии по полит, части бригадного комиссара И. С. Ткаченко, в решающий момент в 28-м СП (командир - майор А. С. Бондаренко), возможно, впервые в эту войну была предпринята контратака с развернутым Знаменем [3, с. 11].

235-й ГАП открыл огонь по войскам противника, двигавшимся по шоссе Влодава - Малорита и Влодава - Брест, но вскоре командиры дивизионов доложили на НП комполка майору З. Т. Бабаскину, что кончились боеприпасы. Воспользовавшись очаговостью советской обороны, по дорогам от Влодавы, Домачево и Знаменки немцы вышли к Малорите, где были встречены 115-й стрелковым полком (командир - майор А. Н. Лобанов). 115-й СП занимал позиции в д. Гвозница и на высотах у д. Збураж. Вечером противник попытался охватить полк с обоих флангов с одновременным фронтальным ударом. Контратакой 2-го, а затем и остальных батальонов немцы были отброшены, при этом 68 солдат и офицеров были взяты в плен. Из их допросов выяснили, что против них действует два пехотных полка

(возможно, мотопехотные полки 4-й танковой дивизии. - Д. Е.), усиленные танками и

344

артиллерией. За день боев на этом участке противник потерял 21 единицу бронетехники и до 600 солдат. В 235-м полку было уничтожено много орудий и расчетов, погибли командир дивизиона капитан Макаренко, командир штабной батареи старший лейтенант Цимбал и другие. К исходу дня остатки полка отступили на восток в направлении Домачево и к утру 23 июня вышли к д. Збураж. В ночь на 23 июня 115-й полк отошел и занял оборону по реке Безымянной и у западной окраины д. Ласки [12, с. 133]. Через Медну и Бродятин боевая группа 4-й танковой дивизии противника вышла к перекрестку шоссе Брест-Ковель и Малорита-Кобрин (отметка 152.4), получив возможность удара на Кобрин с юга.

Кроме собственно боевых действий против войск противника, командование 75-й дивизии занималось организацией завалов на лесных дорогах и уничтожением мостов, что в главной полосе 4-й армии начали делать только под Слуцком. Не имея никакой информации о положении в районе Бреста, командир 41-й танковой дивизии из состава 22-го МК 5-й армии Киевского округа полковник П. П. Павлов выслал разведгруппу из Ковеля на Брест. Бывший начальник штаба дивизии К. А. Малыгин вспоминал, что через некоторое время было получено следующее донесение: "Дозор № 1 достиг Ратно. Мост севернее взорван. На дороге лесной завал. Пытался обойти, но был обстрелян. Потерь нет. Отошел на Ратно. Веду наблюдение" (В центре боевого порядка. - М.: ВИ, 1986. с. 13). Взорванный мост через Турский канал находился на территории Украины, но, возможно, его также по указанию генерала Недвигина уничтожили отошедшие с границы саперы.

Вплоть до 7 часов утра частям 4-й армии удалось сдерживать германские войска на плацдармах вокруг переправ через Западный Буг. К 7 часам войска вермахта с юга ворвались в Брест, но крепость,

железнодорожный вокзал и северная часть города оставались в руках Красной Армии. Находившиеся в Бресте артиллерийские части, в частности 447-й корпусной полк (командир - полковник А. А. Маврин) и 131-й легкоартиллерийский полк (командир - майор Б. С. Губанов), активно противостояли войскам противника, переправлявшимся через Бут, и нанесли им ощутимый урон.

Одновременно добились успеха 1-й батальон 43-го танкового полка 22-й ТД (командир полка - майор И. Д. Квасе) и дивизионный разведбатальон. Комбат капитан Е. Ф. Анищен-

345

ков был убит при первом обстреле, вместо него батальон повел в бой старший лейтенант И. Р. Рязанов, командир 22-го автобатальона. Выдвинувшись к Бугу между крепостью и Коденем, они оказали поддержку мотострелковому полку своей дивизии. Взаимодействуя друг с другом, танкисты и мотострелки смяли переправившиеся через реку немецкие части и отбросили их за реку. Особенно отличился танковый батальон капитана С. И. Кудрявцева: он расстрелял и потопил двенадцать надувных лодок с солдатами противника, шедших по Мухавцу с юга, в обход Бреста. Приостановив продвижение противника на этом участке, они способствовали тем самым выходу дивизии в район сосредоточения.

К 10 часам танковые части ГА "Центр" продвинулись лишь на 2-3 км в глубь советской территории, но значительная часть Бреста и вся крепость все еще находились в руках советских частей. К полудню 130-й полк 45-й пехотной дивизии из состава 12-го армейского корпуса взял неповрежденными четыре моста через Мухавец к юго-западу и юго-востоку от Бреста (два шоссе и два железнодорожных), обеспечив тем самым возможность продвижения танковых частей. Штурмовые группы 81-го саперного батальона, пробившиеся на лодках вверх по течению реки Мухавец, преодолели сопротивление советских подразделений; мосты были удержаны, несмотря на контратаки советских танков, 12 из которых были подбиты.

Из 49-й дивизии поступали отрывочные и противоречивые сведения; информацию дополнил офицер связи, возвратившийся из Высокого. По его словам, от вражеского артогня там пострадали главным образом стрелковый полк и некоторые спецподразделения, дислоцированные в районе Немирува (не путать с украинским местечком Немиров). Командир 49-й СД полковник К. Ф. Васильев был занят тем, что собирал части дивизии под артиллерийским огнем и должен был выступить к границе для занятия предполья 62-го укрепленного района. Комендант укрепрайона генерал Пузырев заверил его, что все доты приведены в боевую готовность. Делегат связи из Малориты доложил, что два полка 75-й дивизии выдвигаются на позиции к Бугу.

Силами находившихся в Жабинке 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й СД началось оборудование тылового оборонительного рубежа. В поднятой по тревоге 30-й танковой дивизии (командир - полковник С. И. Богда-

346

нов) к 6 часам в район сбора в рощу северо-восточнее Жабинки Поддубне вышли 60-й танковый полк (командир - майор Т. И. Танасчишин) и 30-й мотострелковый полк (командир - полковник П. А. Чернядьев) с имеющей средства тяги артиллерией. Проводивший ночные стрельбы 61-й ТП майора П. И. Иванюка подошел на час позже. К 9 часам передовые отряды 30-й ТД двумя колоннами достигли Поддубне.

С получением информации, что противник, прорвавшись между Высоким и Брестом, распространяется на Видомль, командующий 4-й армией А. А. Коробков направил в 49-ю стрелковую дивизию начальника штаба полковника Л. М. Сандалова. По прибытии на командный пункт командира дивизии было установлено, что 49-я продолжает удерживать рубеж по линии укрепрайона, но за ее левым флангом, где оборонялись разрозненные батальоны дивизии 28-го корпуса, противник значительными силами прорвался на Мотыкалы. Ознакомив К. Ф. Васильева с обстановкой и

дав координаты 30-й ТД, начальник штаба направился в левофланговый 15-й стрелковый полк. Полк держал оборону на рубеже Немирув - Волчин - Мотыкалы (иск.) и понес уже серьезные потери. Командир полка майор К. Б. Нищенко должен был, что его безуспешно атакуют части двух вражеских дивизий. Как вспоминал лейтенант Н. З. Хайруллин, для поддержки подразделений 15-го СП командир 121-го противотанкового дивизиона капитан С. А. Никифоров направил 1-ю и 2-ю батареи старших лейтенантов Сиповича и Карандашова. Также майор Нищенко подтвердил, что час тому назад в двух пунктах между Волчином и Брестом немцам удалось прорвать оборону соседей, захватить Мотыкалы и продвинуться на восток.

Главные силы дивизии продолжали выдвигаться на северо-запад, в южную оконечность белостокского выступа. Как вспоминал бывший начальник штаба дивизии майор С. И. Гуров, в ходе следования по маршруту Нужец, Семятиче 212-й стрелковый (командир - майор Н. И. Коваленко) и 166-й гаубично-артиллерийский полки вошли в соприкосновение с противником в 25-30 км западнее Нужец и приняли бой, не имея связи с соседями и штабом дивизии. 222-й СП (командир - полковник И. М. Яшин) подходил к лесам севернее Семятичей.

По прибытии двух батарей ПТО положение 15-го стрелкового полка стабилизировалось, и артиллерия переместилась на рубеж Волчин - Видомль, чтобы закрыть разрыв между 30-й

347

танковой дивизией и стрелковыми подразделениями и поддержать контратаки на прорвавшиеся войска противника. Прорыв был временно локализован, противотанкисты вывели из строя пять танков и до десятка автомашин и артиллерийских тягачей. Кроме артиллерии, в бою принимали активное участие арт. тягачи Т-18 "Комсомолец", вооруженные танковыми пулеметами.

Возвращаясь из полка, Л. М. Сандалов вновь заехал на КП полковника Васильева; там уже был офицер связи из 30-й танковой дивизии. Последний

сообщил, что около 11 часов танки противника прорвались от Мотыкал к Видомлю и вступили в бой с передовыми частями 30-й ТД. Сандалов посоветовал командиру 49-й дивизии направить несколько подразделений с противотанковой артиллерией на рубеж Волчин - Видомль, закрыть разрыв между его и танковой дивизиями и поддержать последнюю при контратаке прорвавшихся войск противника.

В ходе завязавшегося встречного боя противник занял Видомль, бои шли на подступах к д. Пилищи. Передний край отчетливо обозначался немецкими пикирующими бомбардировщиками: они кружили над полем боя и пикированием показывали, где находятся танки 30-й дивизии. После полудня 30-я танковая дивизия развернулась западнее Пелишей для атаки против передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий 47-го моторизованного корпуса противника и отбросила их к Видомле, потеряв, правда, до 50 танков. Начальник штаба дивизии Н. Н. Болотов особо отметил действия 1-го батальона (командир - майор М. А. Бандурко) 60-го танкового полка и 4-го батальона (командир - капитан Ф. И. Лысенко) 61 -го ТП. Когда машина Бандурко была подожжена, раненый майор пересел в другой танк и снова повел свой батальон в бой.

Как вспоминал генерал-полковник Л. М. Сандалов, Жабинка после нескольких воздушных налетов была охвачена огнем, на железнодорожной станции были сожжены все составы, было разрушено здание вокзала. От Бреста доносился гул артиллерийской стрельбы. Авиация противника бомбила войска, оборудовавшие у Жабинки тыловой оборонительный рубеж; дороги были заполнены вереницами уходящих на восток беженцев. Когда на дорогах появлялись разрозненные группы военнослужащих, их останавливали импровизированные заградительные отряды (о Резун, Резун, где вы?) и на-

348

правляли в ближайшие части 28-го стрелкового корпуса. Но в целом проку от этих отрядов было не слишком много. В оперсводке штаба армии к

24 июня констатировалось: "От постоянной и жестокой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части, приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали" (СБД № 35, с. 148-149).

На командном пункте 28-го СК телефонная связь поддерживалась только с 42-й дивизией и со штабом армии. Начштаба полковник Г. С. Лукин сообщил, что сводные части 6-й и 42-й дивизий и 22-я танковая дивизия под натиском пехотных дивизий вермахта при массовой поддержке танков отеснены на 5-7 км от границы. В 14 часов полковник Сандалов вернулся на командный пункт армии в Буховичах. Со штабом округа и с 10-й армией связи по-прежнему не было. А. А. Коробков сообщил, два часа назад немецкая авиация разбомбила 843-й и 847-й окружные артиллерийские склады в Бронной Гуре и в Пинске.

По возвращении из войск начальников различных служб и отделов армейского управления командарм провел с ними краткое совещание - речь шла о том, что предпринять. На случай прорыва противника к Жабинке наметили оборудовать в тылу несколько новых оборонительных рубежей; в районе Кобрин эта задача возлагалась на сводный полк, сформированный из потерявших свои части военнослужащих, в том числе из тех, кто спасся при артобстреле Южного военного городка. По Мухавцу, от Буховичей до Пружан, предполагалось создать рубеж силами 721-го полка 205-й моторизованной дивизии и не имеющими боевых машин подразделениями 30-й танковой дивизии. В районе Березы на строительстве оборонительного рубежа решено было использовать главные силы 205-й дивизии.

Поредевшие и уставшие части 28-го стрелкового корпуса, с трудом сдерживая натиск превосходящих сил врага, группировались в районе Жабинки; к ней же отходила понесшая большие потери 22-я танковая дивизия. К танкистам присоединились команды новобранцев, семьи

командиров, жители Бреста и даже артисты московской эстрады, которые накануне развлекали их в брестском театре. К 15 часам командир 22-й

349

дивизии В. П. Пугачов доложил, что все силы, которыми он располагает, сосредоточились в восьми километрах юго-западнее Жабинки. Потом от него поступило сообщение о тяжелом ранении начальника штаба подполковника А. С. Кислицына. Во второй половине дня КП 4-й армии переместился в Запруды. Оттуда удалось установить телефонную связь со штабами 14-го и 28-го корпусов, а также с гарнизонами в Пру-жанах и Пинске.

Решение командования фронта о нанесении контрудара на рассвете 23 июня не сняло вопрос о возведении тыловых оборонительных рубежей. Около 19 часов Л. М. Сандалов выехал в Кобрин проверить сводный полк, которым командовал начальник отдела боевой подготовки армии подполковник А. В. Маневич. В его распоряжении было два батальона пехоты, артдивизион и две роты танков. Когда полковник возвратился в Запруды, он неожиданно встретил там своего однокурсника по Академии Генштаба полковника Л. А. Пэрна. Пэрн разочаровал Сандалова: "Я всего-навсего делегат связи от 10-й армии. Война застала командование нашего корпуса на полевой поездке под Белостоком, и командующий армией Константин Дмитриевич Голубев приказал ехать к вам в качестве его представителя". От Пэрна Сандалов узнал, что в середине дня войска 10-й армии прочно занимали оборону у границы и лишь на левом фланге отошли на несколько километров к востоку. Штаб 10-й армии находился в лесу западнее Белостока, связи со штабом фронта не имел. 9-я авиационная дивизия, так же как и 10-я, в первые же часы потеряла большую часть своих самолетов [106, с. 116].

Вслед за полковником Пэрном в Запруды прибыл представитель штаба фронта генерал-майор И. Н. Хабаров. Он сообщил о выдвижении в район Слоним - Барановичи резервного 47-го стрелкового корпуса. Хабаров

заверил, что видел первые эшелоны управления корпуса и 155-й стрелковой дивизии, следовавшей из Бобруйска. 143-я дивизия из Гомеля уже выгружалась в Барановичах; 55-ю СД, расположенную в Слуцке, вечером начнут перевозить фронтовым автотранспортом по Варшавскому шоссе к Березе.

К исходу дня командование 4-й армии окончательно утратило связь с правофланговой 49-й стрелковой дивизией и 62-м УРом; о том, что происходило в районе Дрогичин, Семятиче, Волчий, никаких сведений не имелось. В этом районе, кроме

350

гарнизонов 17-го и 18-го батальонов спецвойск УРа, находились 212-й и 222-й СП и 166-й ГАП, не дававшие немцам возможности продвинуться в глубь советской территории и занять станцию Черемха. Железнодорожный мост у Семятичей находился под постоянным обстрелом, что не давало противнику возможности использовать его. Вечером в район Семятичей по приказу начальника штаба 121-го ОПТД капитана Метелицы прибыли 1-я и 2-я батареи ПТО, в Семятичах они пополнили свои запасы боеприпасов, ГСМ и продовольствия. 15-й СП и остатки 41-го артполка сдерживали продвижение противника на рубеже Верполь-Токары.

Ночью у начальника штаба 4-й армии состоялся телефонный разговор с командармом. Тот сообщил, что в 22-й танковой дивизии осталось около ста боевых машин с незначительным запасом боеприпасов и горючего, для пополнения этих запасов, а также обеспечения танкистов и частей 6-й стрелковой дивизии продовольствием приходится использовать транспортные средства 205-й мотодивизии. В течение ночи с 22 на 23 июня в 28-м стрелковом корпусе и 22-й танковой дивизии собирались и приводились в порядок отставшие или рассеянные при отступлении подразделения. Вечером в 2-3 км северо-западнее Жабинки к 22-й танковой дивизии присоединился отряд полковника Осташенко, также не имевший связи со штабом армии. Генерал В. П. Пуганов решил отойти на восток на 15 км и занять

оборону северо-западнее Кобрин. Пользуясь наступившей темнотой, объединенная группа успешно завершила этот марш. В новом месте к ним присоединились 30 бойцов 459-го СП 42-й дивизии во главе с зам. командира полка майором А. М. Дмитришиным. Около полуночи из штаба 28-го стрелкового корпуса, который, как оказалось, находился в Кобрине, прибыл офицер связи с устным приказом комкора - совместно с танкистами утром 23 июня начать наступление на Брест. На вопрос полковника о местонахождении штаба дивизии он ничего ответить не мог (вероятно, в штабе корпуса считали отряд Остащенко основными силами дивизии). Письменный приказ в течение ночи не поступил, вследствие чего ни 22-я ТД, ни воины 6-й дивизии участия в армейском контрударе не принимали.

Попытка контрудара, предпринятая 23 июня силами 30-й дивизии 14-го мехкорпуса и остатков подразделений 28-го стрелкового корпуса, окончилась для армии полной катастро-

351

фой.

"Танки нашего корпуса 17-й и 18-й танковых дивизий справились уже более чем с 500 танками противника. На плохих пыльных дорогах мы беспрерывно продвигаемся вперед... Поздно днем мы достигли Пружан и Ружан. В пути мы видели много русских танков, расстрелянных и сожженных. Но также и много наших товарищей пало", - записал в дневнике неизвестный немецкий офицер о боях под Брестом и Кобрином.

Немец, конечно, поднаврал, ибо во всем 14-м МК было 510 танков, и к моменту написания еще не все они были выведены из строя. К тому же не менее 30-40% их следует записать на счет Люфтваффе, а часть танков 22-й дивизии, сожженных на стоянках в парке Южного военного городка Бреста, - на счет артиллеристов.

Общий итог удручал: за два дня боев мехкорпус лишился большей части танков и другой техники, 6-я и 42-я дивизии 28-го корпуса организационно прекратили существование еще 22 июня. В политдонесении

политотдела 6-й стрелковой дивизии от 5 июля 1941 г. указывалось: "К вечеру 22. 6.41 г. под действием превосходящих сил противника большая часть личного состава была выведена из строя. Командиры [полков], полковник Матвеев и майор Дородных, были убиты".

Раздробленная на части 4-я армия откатывалась от границы, открыв немецким войскам путь на Слоним и Барановичи - в глубокий тыл 10-й армии. Но во вражеском тылу не прекращалось сопротивление ее окруженных частей. Дрались насмерть защитники цитадели Брестской крепости, южнее Бреста против втрое превосходящих сил сражалась 75-я стрелковая дивизия. Огрызались огнем доты 62-го Брестского укрепрайона. Его управление во главе с комендантом генерал-майором М. И. Пузыревым в первый же день войны, выполняя малопонятное распоряжение окружного руководства, вместе с командованием 74-го УНС отошло через станцию Черемха на Бельск и далее - на восток. Гарнизоны дотов остались. Но один за другим замолкали разбитые пулеметы, из пушечных казенников выскакивали дымящиеся гильзы последних выстрелов.

Бывший командир взвода 3-й роты 17-го ОПАБ И. Н. Шibaков (проходит по ОБД как пропавший без вести) вспоминал:

"25 июня во второй половине дня левый каземат был пробит снарядом, материальная часть вышла из строя... Дот блокирован. Мы отбиваемся гранатами. Подорван запасной выход, враги затопили нижний этаж, стреляли в

352

отверстия казематов, в пробоины кидали гранаты. Отверстия мы заткнули шинелями и одеялами. Вода словно кипела от взрывов, брызги долетали на верхний этаж. Мы сели, обнявшись, на пол. Думали - вот-вот обрушится пол" [12, с. 78].

Состояние, когда боевые возможности избитого снарядами и бомбами дота исчерпаны, называется "приведен к молчанию". Уже не припадая к земле, не прячась, подходили к умолкшим бетонным многогранникам,

которым так и не успели сделать обваловку, немецкие саперы-подрывники. Привычно делали свою саперскую работу, потом писали подробные отчеты.

"Защитная труба перископа имеет на верхнем конце запорную крышку, которая закрывается при помощи вспомогательной штанги изнутри сооружения. Если разбить крышки одиночной ручной гранатой, то труба остается незащищенной. Через трубу внутрь сооружения вливался бензин, во всех случаях уничтожавший гарнизоны".

Уровцы (так их называли) несли за свои участки границы ПОИМЕННУЮ ответственность, поэтому они не покинули ее, даже когда граница стала немецким тылом.

"150-килограммовый заряд, опущенный через перископное отверстие, разворачивал стены сооружения. Бетон растрескивался по слоям трамбования. Междуэтажные перекрытия разрушались во всех случаях и погребали находящийся в нижних казематах гарнизон" [43, с. 20-21].

Но и взрывчатка не могла уничтожить бессмертных, казалось, людей. Об этом почему-то не часто пишут, но именно 22 июня стало тем днем, когда германские нацисты впервые во Второй мировой войне применили против своего противника (гарнизоны советских дотов) боевые отравляющие вещества. О варварстве немецких войск поведали после войны выжившие защитники укреплений: для них противогазы не оказались ненужной обузой.

"Уцелевшие бойцы спускались в подземный этаж, закрывая люки. Но газ проходил по переговорным трубам, в которые не успели вставить газонепроницаемые мембраны" (там же). "Слышим легкое шипение. Потянуло лекарственным запахом. Газы! Все одели противогазы. Гитлеровцы забрасывают гранатами. От взрыва одной из них, которую я не успел выбросить, меня ранило в левую руку и в грудь... Казалось, что качается пол. Но опять, теперь уже знакомое шипение. Стало тошнить, начался кашель. В противогазе пробита трубка. Попытался зажать дырку, но одной рукой не сумел. Тогда я снял противогазный шлем с убитого товарища и надел. В шлеме оказалась кровь, я

захлебнулся. Когда зажал дыхательный клапан, кровь вышла из шлема. Так я и пролежал до утра. 26 июня гарнизоны дотов Шевлюкова, Локтева и Еськова отбросили противника и деблокировали наш дот. Шевлюков забрал меня к себе в "Горки"..." [12, с. 78].

Да, такое написано не для слабонервных или слишком впечатлительных. Когда в 44-м советские войска вернулись в эти места, они увидели немых свидетелей героизма русских солдат во всем их мрачном величии: торчащая во все стороны стальная арматура, сквозные пробоины после многократных попаданий снарядов в одно и то же место, сорванные взрывами броневые двери. А внутри сооружений - хаос изломанного внутренними взрывами железобетона, россыпи позеленевших патронных гильз, исковерканные орудия и пулеметы. И обглоданные крысами кости защитников, большинство из которых навсегда остались неизвестными.

Быстрому продвижению противника на стыке 4-й и 10-й армий также способствовало то обстоятельство, что севернее Бреста имелся весьма протяженный участок границы, вовсе не прикрытый полевыми войсками. Там планировалось создание района прикрытия № 3 (РП-3) из войск 13-й армии. Она должна была включить в себя управление 2-го стрелкового корпуса (командир - генерал-майор А. Н. Ермаков), чтобы объединить под своим началом 49-ю и 113-ю дивизии из соседних армий, и 13-й механизированный корпус [105, с. 27,34].

Бывший начштаба 10-й армии генерал-майор П. И. Ляпин после войны вспоминал:

"Никакой ориентировки о соседях и их задачах в директиве не указывалось (имеется в виду январская директива округа по обороне госграницы. - Д. Е.)... [Мы видели] несоответствие дислокации 86-й и частично 13-й сд; [оставалась] неизвестность на левом фланге, где должна была перейти к обороне какая-то соседняя армия..."

Ни одно из вышеназванных решений не было выполнено. Управление 13-й армии под Бельск не прибыло, управление 2-го корпуса с началом войны эвакуировалось к Минску - получив 100-ю и 161-ю стрелковые дивизии, оно приняло участие в обороне белорусской столицы. 13-й мехкорпус подчинил себе и поставил в оборону командующий 10-й армией Голубев. Что касается 49-й и 113-й дивизий, то они под непрерывными ударами авиации и наземных войск попытались согласно своим планам прикрытия закрыть разрыв, но были смяты и оттеснены от границы в сторону Беловежской пуши.

Глава 6. 23 ИЮНЯ, ДЕНЬ 2-й

6.1. Занятие противником Гродно. Действия войск 3-й армии на северном берегу Немана. Отход к Скиделю

На рассвете 161-я пехотная дивизия вермахта, переправившаяся через Неман севернее Гродно, начала дальнейшее продвижение на восток по северному берегу реки. Также с рассветом - не ранее - части вермахта, в частности авангард 28-й пехотной дивизии, преодолев очаговое сопротивление советских войск, вошли в Гродно. Автодорожный мост через Неман, соединяющий левобережную часть города с правобережной, оказался разрушенным лишь частично (это видно на приведенной в книге Х. Слесины фотографии), и саперы тут же приступили к его ремонту. Через несколько часов работы мост был восстановлен, немцы хлынули на правобережье, прошли восточную часть города и начали продвигаться в сторону Скиделя.

Снова против правого фланга 3-й армии (остатки частей 56-й дивизии без 213-го стрелкового и обоих артиллерийских полков, 59-й стрелковый полк 85-й дивизии и пр.) действовал весь 8-й армейский корпус. Справедливости ради стоит вспомнить, в каком состоянии находились части 56-й СД после жесточайшего разгрома утром 22 июня. Управление было

уничтожено, комдив остался во вражеском тылу, начальник штаба пропал без вести; 247-й ГАП и 113-й ЛАП были разгромлены авиацией противника. 213-й полк в полном окружении держал оборону на Августовском канале, 184-й полк находился где-то на северном берегу Немана, остатки 37-го (без одного батальона) отступили к Сокулке еще днем

355

22 июня.

Из воспоминаний С. П. Сахнова:

"Выждав до темноты, мы разбились на две группы. В одной группе, которую возглавлял я, было 12 человек, в том числе мой заместитель по политчасти, комиссар противотанкового дивизиона политрук Баринов, старший лейтенант, младший политрук, младший лейтенант и шесть красноармейцев. Во второй группе под командованием начальника артиллерии дивизии полковника Протасеня были остальные люди, всего 15-18 человек. Обе эти группы под покровом темноты переплыли Неман и утром 23 июня оказались на его восточном берегу, куда немцы еще не смогли выйти. Я со своей группой переплыл Неман у деревни Грандичи, 8 км севернее Гродно. Вторая группа переплыла реку тоже севернее Гродно. Я со своей группой в количестве 12 человек в течение дня 23 июня отошел в район м. Озеры".

По пути из отходящих отдельных мелких групп офицеров и солдат генерал сформировал отряд количеством до 25 человек. В районе Озер от одного из офицеров 85-й дивизии он узнал, что возле Скиделя сводная группа частей Красной Армии ведет бой с войсками противника. Опрошенные жители Скиделя утверждают, что 23 июня с запада появились первые беженцы, но военнослужащих среди них не было. Однако В. А. Короткевич рассказал, что перед рассветом колонна 3-го дивизиона 152-го КАП, с которым шел его взвод, неожиданно свернула с шоссе в лес. Рядовые артиллеристы по секрету сообщили пехоте, что топливо на исходе, боеприпасов нет, они попытаются спасти матчасть, а при невозможности - уничтожат

ее. В районе Скиделя было несколько аэродромов, где можно было разжиться горючим, но о том, что стало дальше с 3-м АД, неизвестно. После боев и оставления Скиделя немало советской артиллерии (без затворов и прицелов) и средств тяги было брошено на северном берегу Немана. Возможно, среди них была и матчасть 3-го дивизиона. А может быть, она так и осталась в том придорожном лесу. Взвод же, в котором служил Короткевич, через Скидель ушел к Неману и переправился через него на южный берег, где оказался в расположении 29-й танковой дивизии.

Где в это время был 184-й полк, неизвестно. В. А. Короткевич писал, что после боев на Немане от 184-го СП осталось 700 человек с двумя 45-мм пушками, но где они находились 23 июня, не уточнил. С. И. Мальцев, бывший командир отделения школы младших командиров погранвойск (той, которой командовал майор Зиновьев), в своих воспоминаниях более конкретен. По его словам, утром 23 июня личный состав школы прошел восточную окраину Гродно и двинулся по шоссе в сторону Скиделя. Утром прошел мелкий дождь, отступающие радовались этому, ибо не летала авиация. К полудню распогодилось, и Люфтваффе вновь начало безжалостно бомбить и обстреливать отступающих. Пограничники отбивались залпами из винтовок и огнем пулеметов.

После полудня они дошли до реки Котра, где заняли оборону. Станкопулеметной заставе лейтенанта Б. М. Адырхаева было приказано оборудовать позицию у шоссе на восточном берегу реки. Бойцы отрыли окопы и, установив пулеметы, стали ждать появления противника. По соседству находились какие-то подразделения из состава 56-й стрелковой дивизии. Ближе к вечеру на дороге показались немецкие мотоциклисты, за ними - грузовики с пехотой. Вероятно, это были передовые подразделения немецкой 28-й ПД.

Под огнем колонна остановилась, гитлеровцы спешили с машин и мотоциклов, рассредоточились и цепью пошли в атаку. Когда они приблизились, политрук Казанков поднял пограничников в контратаку;

немцы не стали ввязываться в рукопашный бой и поспешно отступили. Больше в этот день они не пытались продвинуться на Скидель. Начштаба школы капитан А. А. Галышев вызвал начальника медчасти военврача 3 ранга И. Д. Горбылева и приказал организовать отправку всех тяжелораненых в Лиду, чтобы посадить их там в эшелон, а при невозможности - везти их дальше на восток. Как выяснилось впоследствии, все раненые и военврач погибли при воздушном налете [76, копия журнальной публикации].

Как вспоминал младший политрук М. А. Дейнега, утром остатки 113-го ЛАП 56-й дивизии, не имея никаких данных о нахождении штаба и главных сил, каковых в реальности и не имелось после разгрома 22 июня, двинулись дальше на восток. Во время авианалета он отстал от колонны, но сумел пристроиться на машину понтонно-мостового парка и к 9 часам утра был в Лиде. Там он встретил нескольких человек из штаба своей дивизии: начальника мобчасти капитана Нейберга, начальника общей части Петрова, военврача Яновского и других. Где мог находиться штадив, никто из них не знал. После

357

того как уничтожили архивы штаба, Нейберг, как старший по званию, решил отправиться на поиски штаба. Исколесив за 23 и 24 июня десятки километров, штаб 56-й, разумеется, не нашли. Западнее Бобруйска их задержали на контрольно-пропускном пункте и направили в артиллерийскую часть. "Так закончились наши мытарства" [76, копия].

К рассвету 59-й стрелковый полк 85-й дивизии вышел на шоссе Гродно - Скидель. Привал сделали в мелколесье, в 12 км восточнее Гродно. К полковнику З. З. Терентьеву обратились артисты Тамбовского драматического театра, приехавшие в Гродно на гастроли: они стерли ноги и не могли больше идти. По распоряжению полковника им были выделены две повозки.

Б. С. Кириченко вспоминал, что свой полк они нашли ближе к вечеру 23 июня за Котрой, где недавно прошел бой, на северной окраине изрядно выгоревшего Скидсля. Там были открыты неглубокие окопы, слева располагались пограничники майора Зиновьева. Вечером минометчикам привезли матчасть и боеприпасы, они начали оборудовать огневые позиции. Однако в ночь на 24 июня подразделения полка получили новый приказ: передвинуться севернее Скиделя и занять оборону там. В темноте, при свете луны, снова стали окапываться. Красноармеец из 2-го батальона рассказывал, как, находясь в боевом охранении, они обстреляли немецкую разведку. Бросив велосипеды, немцы бросились наутек, один из них зацепился брючиной и полз, волоча велосипед за собой. Слушатели от души посмеялись.

Нигде в отечественной литературе мне не встречалось описания боев на правом берегу Немана. В Гродно издано малыми тиражами несколько сборников воспоминаний, подготовленных Э. Е. Макеевой, но они безграмотно отредактированы и для "непосвященного" (то есть только начинающего изучать военную историю) не то что бесполезны, но даже вредны.

И тем больший интерес представляет письмо бывшего зам. политрука Г. А. Шалагинова [76, письмо]. Мотострелковый батальон, в котором он служил, 23 июня принимал участие в боях западнее Лиды. Но что это был за батальон! Из состава 770-го моторизованного полка 209-й мотодивизии, входившей в формируемый 17-й механизированный корпус окружного подчинения. Вот уж чего не ожидал, так это участия бойцов из 17-го МП в боях на реке Котра. И вероятность ошибки абсолютно

358

исключена, настолько четко запомнил все старый солдат. Он назвал номер полка и шифр полевой почты (в/ч 8947), вспомнил фамилии ротного младшего лейтенанта Уланова и комбата капитана Котова.

22 июня батальон находился в с. Субботники Лидского района. О начале войны узнали в 8-9 часов утра, в 10 была объявлена тревога. Личный состав получил патроны, гранаты и сухой паек. Артиллерии и минометов не было, имелось только стрелковое оружие. В полдень батальон выступил из Субботников на Лиду. Заночевали в каком-то лесу, а утром 23 июня подошел автотранспорт. Погрузились и длинной колонной (машин 30 или более) двинулись вперед. Возможно, на запад выдвигался не только батальон, а весь полк. Несколько раз налетала вражеская авиация, теряли машины, теряли людей и примерно в 10 часов прибыли в Лиду. В городе не задерживались, на его окраине подождали отставшие машины и поехали на запад, в сторону Гродно. За Скиделем заняли оборону, отрыли окопы и несколько часов просидели в тишине, пока не подошли немцы. После артобстрела вражеская пехота несколько раз пыталась прорвать их рубеж обороны, но все атаки были отбиты. Вечером поступил приказ отойти на восток, снова были поданы автомашины, и те, кто поместился, уехали, а оставшиеся пошли пешком.

Так закончилось участие 770-го МП в боях в составе 3-й армии, но кто направил его под Скидель, возможно, уже навсегда останется неизвестным.

6.2. Действия войск 3-й армии южнее Гродно

Несколько раз я встречал в литературе упоминание о том, что после форсирования Немана часть сил 3-й танковой группы была повернута на юг, для поддержки частей 9-й армии, ведущих наступление на Гродно. Честно говоря, и сам в это верил. Вынужден признать: достоверных данных о том, что какие-то крупные танковые подразделения (от батальона и выше) были нацелены генералом Готом на Гродно, не обнаружено. В то, что там, на юге, совсем не было танков и САУ, никто, кроме В. Б. Рсзуна, уже не верит. Но с

тем, что приданная пехоте бронетехника (возможно, что ее было не так уж и мало) смогла по ошибке вырасти в ударную группу в силу императи-

359

ва "у страха глаза велики", можно согласиться. А советская военно-историческая наука эту ошибку за чистую монету приняла и растиражировала.

Если взглянуть на оперативное построение левого фланга группы армий "Центр", все как будто ясно. Разграничительная линия ГА "Север" и ГА "Центр" - Сувалки (иск.) - Друскининкай (иск.). Танковая группа Г. Гота находится в полосе группы армий "Север" (командующий - фельдмаршал Р. фон Лееб), но подчиняется фельдмаршалу Ф. фон Боку. С севера на юг выстроились: 6-й армейский, 39-й моторизованный, 5-й армейский, 57-й моторизованный корпуса. Против 56-й советской дивизии развернулся 8-й армейский корпус, против 27-й - целиком 20-й и левый фланг 42-го армейских корпусов. Главная цель 2-й ТГр - глубокий охват правого фланга войск ЗапОВО с выходом к Минску. От Друскининкай до Гродно местность для танков труднопроходимая, сплошные леса, озера и болота. Приличная дорога идет от Друскининкай на Гродно как раз через Гожу, о которой сообщил на допросе арестованный Д. Г. Павлов. Но наличие дороги еще не факт доказательства прохождения по ней механизированных войск.

После переноса боевых действий в район к северо- и юго-востоку от Гродно, на Августовском канале, в сопоцкинском батальонном узле 68-го укрепленного района, продолжала оказывать сопротивление блокированная группа советских войск. 213-й стрелковый полк, остатки других частей 56-й дивизии, подразделения 9-ю артпульбатальона и отдельные доты 68-го УРа своим огнем препятствовали нормальному функционированию армейского тыла вермахта. К 213-му присоединился батальон 184-го КрСП, бойцы которого потеряли надежду найти свой полк. Немцы были вынуждены использовать для борьбы с ними штурмовые группы с танками и бронемашинами. В этот день был убит зам. командира 213-го СП майор Н. П.

Третьяков. Как вспоминал капитан П. В. Жила, 213-й полк, опираясь на еще действующие доты, прочно удерживал свой рубеж напротив моста через канал у д. Соничи. Гарнизоны расстрелявших боекомплект или подорванных сооружений присоединялись к пехоте.

Утро 23 июня застало главные силы 85-й стрелковой дивизии в движении, авиаразведка противника обнаружила к юго-востоку от Гродно ее походные колонны. Через некоторое

360

Командир 85-й стрелковой дивизии А. В. Бадовский

время налетели самолеты; до самой реки Свислочь германские самолеты бомбили и обстреливали советские подразделения, которые не имели воздушного прикрытия. Частые рассредоточения и построения изматывали людей физически и морально. Командир дивизионного 3-го

автобата старший лейтенант Эгерский проявил преступную нерасторопность, не сумев за ночь перегнать матчасть на новый рубеж обороны,

361

в результате чего основная часть автомашин была в светлое время застигнута на марше и атакована. А. В. Бондовский с горечью вспоминал об увиденном по дороге - поодиночке и группами стояли подбитые или сожженные автомашины 3-го автобатальона. Также снова понес серьезные потери 223-й ГАП, его остатки были побатарейно распределены по стрелковым полкам, командир числится пропавшим без вести по сей день.

87-й полевой автохлебозавод имел задачу перейти из Гродно в район к востоку от совхоза "Свислочь" и в месте, указанном начальником тыла дивизии, развернуться и начать выпечку хлеба. Командир ПАХа с толком использовал ночное время, но на рассвете, не доведя свою часть до реки Свислочь, развернул ее в напоминающей овраг ложине, где личный состав начал готовиться к работе. Части 85-й СД не вышли еще полностью на рубеж Свислочи, когда над расположением военных пекарей появились вражеские бомбардировщики. В ходе ожесточенного налета все автомашины ПАХа были уничтожены. Личный состав понес большие потери, был убит и их командир.

Политрук В. М. Бочаров из дивизионной газеты "Воин" рассказывал:

"Отходя на восток, встретил командира батальона связи, а затем мы настигли колонну машин артдивизиона 223-го ГАПа. В обоих подразделениях насчитывалось до трех десятков машин. Остановились и расположились на отдых в роще. Меня тревожило неудачное расположение нашей стоянки".

Бочаров стал добиваться перемещения этой сводной колонны на восточный берег Свислочи. Обнаружили, что мост через реку разрушен, но имеется переправа южнее. Когда подъезжали к реке, увидели расположившийся хлебозавод с дымящими трубами. Политрук подивился неудачному расположению тыловиков: западнее реки четко выражены

ориентиры - фабричная труба правее их расположения, роща на берегу реки. Когда дивизия перешла в наступление на Гродно, В. М. Бочаров увидел следы жестокой бомбардировки того злополучного места, где располагался хлебозавод. Надо полагать, что командир ПАХа, прибыв к Свислочи раньше артиллеристов, обнаружил разрушенный мост, но не стал искать другой, а развернул свое подразделение, совершенно не подумав о возможности атаки с воздуха. И заплатил за это своей жизнью и жизнями своих подчиненных.

362

Достигнув реки Свислочь, боевые подразделения дивизии рассредоточились в прилегающем лесу. Преодолевая ночную усталость, 85-я СД весь день оборудовала новый оборонительный рубеж, готовясь к встрече противника. 204-я моторизованная дивизия, остававшаяся на прежней позиции, до 13 часов 23 июня укрепляла оборону и вела разведку. Примерно в 13 часов западнее железной дороги противник высадил воздушный десант в количестве примерно 150 парашютистов, полностью уничтоженный 706-м моторизованным полком.

В оперсводке штаба фронта № 4 на 10:00 24 июня указывалось, что 23 июня 3-я армия, имея перед собой превосходящие силы противника, отходила, оказывая упорное сопротивление; 29-я танковая дивизия вела бой на рубеже Гибуличи, Ольшанка, то есть по соседству с 204-й) 33-я танковая дивизия - на рубеже Куловце, Сашкевце (СБД № 35, с. 37). После прорыва немецкими войсками пограничного рубежа и оставления советскими войсками Гродно управление 3-й армии переместилось на правый берег Немана, 2 км юго-восточнее Лунно. Г. С. Котелевец вспоминал: "Первую неделю мы провели со штабом 3-й армии и двигались по маршруту Гродно - Скидель - Мосты (там был бой, отбили мост и побежали дальше) - Лида - Дятлово".

Донесение командующего войсками 3-й армии от 23 июня 1941 г.:

"22.00 23.6.41 г. деремся без транспорта, горючего и при недостаточном вооружении.

Только у Николаева не хватает 3500 винтовок. Необходим срочно подвоз средствами фронта. При оставлении Гродно уцелевшие от авиации противника мосты и склады подорваны.

Кузнецов Бирюков Кондратьев" (СБД№35, с. 137).

Составители сборника, откуда взято это донесение, сделали пометку, что личность Николаева установить не удалось. По моим данным (см. выше, глава 1), полковник Николаев командовал 7-й противотанковой бригадой. Ее численность на 22 июня неизвестна (штатная составляла 5322 человека), но, как также указано выше, один из ее полков (724-й ПТАП)

363

на 1835 бойцов и командиров имел 350 винтовок, 50 карабинов и 5 пистолетов. Бригада имела управление, два полка, минно-саперный батальон и автобатальон. Так что Кузнецов доносил именно о 7-й бригаде.

Как указывал в своем донесении полковой комиссар А. П. Андреев, на исходе дня 22 июня и в течение 23 июня части 11-го мехкорпуса вели бои на фронте Конюхи, Новый Двор, Домброва. Отступая под давлением противника, к утру 24 июня отошли на фронт Фолюш, Кузница, Сокулка, удерживая участок западнее шоссе и железной дороги Гродно - Белосток. Но, вероятно, подразделения корпуса никак не взаимодействовали с пехотными частями, в частности с 27-й стрелковой дивизией. Без танковой поддержки полной неудачей закончилось наступление ее подразделений, имевших приказ выбить войска противника из Домбровы. В частности, в атаке принял участие 2-й батальон 132-го полка.

Командир батальона капитан Ш. Н. Зильбербрандт приказал своим бойцам, основательно уставшим после ночного 20-километрового марша, атакой с ходу овладеть местечком и закрепиться у развилки дорог. Правее должны атаковать другие подразделения дивизии. Развернутым строем батальон пошел на сближение с противником. Впереди была низина с ручьем, хлебное поле и холм с ветряной мельницей, за которым виднелись крыши домов Домбровы. Но подойти незамеченными на расстояние

последнего стремительного броска советским воинам не удалось. У мельницы взлетела серия ракет, открыл огонь пулемет, стеной встали разрывы мин. Подогнем противника перебежками, ползком от воронки к воронке подразделения упорно продвигались вперед. Но достичь рубежа вражеской обороны не удалось - немцы вызвали на помощь авиацию. Группы бомбардировщиков и истребителей трижды нанесли по атакующим массированные удары. 2-й батальон понес тяжелые потери и вынужден был прекратить наступление, однако приказа на отход не было.

Последовала вражеская контратака с использованием бронетехники, отразить ее было уже нечем и некому, остатки батальона, беспорядочно отстреливаясь, откатились к ручью и далее к лесу. Преследовавшие их немецкие солдаты прочесали опушки, но, поскольку уже начало темнеть, ограничились тем, что выставили на ночь вокруг леса боевое охранение.

Ночью в лесу собрались все уцелевшие из

364

разных рот батальона. Из пульроты уцелело менее десяти человек: сам ротный В. А. Михайлов, политрук роты, старший сержант Кашин и несколько бойцов. Не дожидаясь утра, они прорвались через охранение и ушли в направлении Сокулки. 345-й (и, вероятнее всего, 239-й) стрелковый полк дивизии, как вспоминал его командир, 23 июня не принимал участия в боевых действиях. К утру все отошедшие от Августова подразделения 27-й СД по-прежнему находились на штабинском участке 68-го УРа. Воздействия наземного противника не было, иногда налетали самолеты. Но в 14 часов В. К. Солодовников получил приказ отойти из укрепленного района на 25 км на восток.

6.3. Действия войск 10-й армии. Отход 5-го стрелкового корпуса за р. Нарев. Выход противника к реке Бобр в районе крепости Осовец

Как и 22 июня, в полосе 10-й армии (за исключением ее левого фланга) положение было более устойчивым и стабильным. В оперсводке № 2 штаба армии, составленной к 9 часам утра 23 июня, констатировалось следующее:

- части армии в течение ночи отходили на восточный берег реки Нарев, утренних донесений от командиров корпусов не поступало;

- 1-й стрелковый корпус 2-й дивизией оборонял рубеж по восточному берегу реки Бобр на фронте Гонендз, Осовец, Гугны и далее до р. Нарев; штаб дивизии находился в лесу севернее Моньки;

- 8-я стрелковая дивизия, выведенная в резерв, переходила в район Левоне, Тыкоцйн, Кнышин, где должна была привести себя в порядок и подготовить рубеж обороны по р. Нарев на фронте Пески, Погорелки, Яворовка; штаб корпуса находился в движении в район сосредоточения 8-й дивизии;

- 5-й стрелковый корпус, прикрываясь арьергардами, выходил на рубеж 13-й стрелковой дивизии Дзики, Хорош, Крушево, Завады; 13-я стрелковая дивизия должна была выйти на рубеж Рудка и далее на юго-восток по р. Полична; 86-я стрелковая дивизия - на рубеж Завады, Угово, Сураж, Завыки;

365

штаб корпуса находился в движении в район сосредоточения 13-й стрелковой дивизии;

- 13-й механизированный корпус в ночь на 23 июня выходил на рубеж обороны по берегу р. Орлянка на фронте Дениски, Пасынки, Орля, Рудка;

- 29-я моторизованная, дивизия 6-го механизированного корпуса заняла рубеж для обороны по реке Лососьна на фронте Кузница, Сокулка;

- 4-я и 7-я танковые дивизии корпуса сосредоточились в Супрасельской пуше севернее Грудек;

- 6-й кавалерийский корпус находился на марше в район сосредоточения Сокулка, Крынки. Связь со штабами корпусов осуществлялась через делегатов связи и по радио, сведений от фланговых 3-й и 4-й армий не поступало. Никак не отражено было в сводке положение 113-й стрелковой дивизии (СБД№35,с. 165-166).

В ночь на 23 июня, как вспоминал генерал-полковник С. С. Бельченко, на бюро Белостокского обкома КП(б)Б было принято решение об оставлении города и переходе в Волковыск. После бегства партийцев и "рыцарей Революции" обстановка в городе какое-то время была спокойной, однако откуда-то - вероятно, сработала агентура противника - возникли слухи об акциях неповиновения гражданского населения. По этим ложным слухам в Белосток для усмирения поляков были направлены воинские подразделения.

Е. А. Шелягин писал, что два отделения их школы младших командиров (120-й саперный батальон 86-й КрСД) были посажены на автомашину и направлены на усмирение бунтовщиков. Никого не обнаружив - город вообще выглядел пустым и безлюдным, - саперы вернулись в свою часть [76, письмо].

А вот в тыловом Новогрудке в этот день действительно произошло некое ЧП, которое можно было охарактеризовать как неподчинение властям и даже бунт. Зам. начальника Тюремного Управления НКВД БССР лейтенант ГБ Опалев, докладывая о результатах эвакуации тюрем начальнику Тюремного Управления НКВД СССР майору ГБ М. И. Никольскому, написал, в частности, о начальнике новогрудокской тюрьмы Крючкове:

"23 июня, во время бомбардировки города, он всех заключенных из тюрьмы вывел и посадил в вагоны. На станции на конвой напали местные жители, ворвались в вагоны и освободи-

366

ли заключенных. Во время перестрелки с нападавшими его ранили в руку" (Эвакуация тюрем, сайт "Права человека в России" - <http://www.hro.org>).

Впрочем, утренние часы 23 июня оказались, скорее всего, последними спокойными часами в Белостоке. Потом начались паника и бегство гражданских служащих и всех тех, кто имел основания опасаться за свою жизнь.

После выхода из окружения начальник 3-го отдела 10-й армии полковой комиссар Лось докладывал:

"Панике способствовало то, что в ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ, во главе с начальниками органов, также сбежали... Белосток остался без власти... Враждебные элементы подняли голову. Освободили из тюрем 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе, открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам..."

В полосе обороны 1-го стрелкового корпуса примерно в 05:30 утра немецкие части вышли к реке Бобр в районе крепости Осовец и с ходу попытались форсировать ее по обозначенным на картах бродам. Все их попытки были отражены; командир 200-го полка, например, прикрыл броды перекрестным огнем станковых пулеметов.

В ночь на 24 июня немцы попытались разведать другие места, пригодные для переправ, но и это им не удалось. Боевым охранением 3-го батальона были взяты пленные: шесть солдат и два фельдфебеля. Ввиду обозначившегося охвата противником острия белостокского выступа со сторон Августова, Гродно и Бреста и отсутствия реально наступательных действий на участке 8-й дивизии (там имели место лишь демонстрации) ее части по приказу командира корпуса отходили во 2-й эшелон.

Южнее Осовца продолжали перегруппировку подразделения дивизий 5-го стрелкового корпуса. К 10 часам утра 13-я стрелковая дивизия вела сдерживающие бои на рубеже Гронды - Тарново - Домбек - Гостары. Штаб дивизии находился в Снядово, юго-западнее Ломжи. К 12 часам ее основные силы отошли от границы и сосредоточились в Червоном Бору. Отход

проходил при сильном артобстреле, сгорело дивизионное хранилище ГСМ. Не знаю, чем руководствовался генерал А. З. Наумов, но, как свидетельствовал бывший писарь санотдела штаба дивизии П. Д. Половников, именно 23 июня по

367

приказу Наумова за двойным кольцом оцепления были сожжены все секретные документы [76, письмо личной переписки]. 86-я дивизия организовано, с боевым охранением и дозорами, отходила к реке Нарев.

6.4. Формирование конно-механизированной группы. Действия ВВС

В районе северо-восточнее Белостока продолжалось формирование фронтовой конно-механизированной группы. Утром в 36-ю кавдивизию прибыли командир корпуса И. С. Никитин с начальником оперативного отдела подполковником Н. Д. Новодаровым и начальником разведки майором А. Н. Покосовым. Никитин отдал приказ, согласно которому 36-й КД к исходу дня надлежало перейти в район Старая Дубовая, Одельск, после сосредоточения поступить в распоряжение зам. командующего фронтом И. В. Болдина.

Географически Одельск находится к востоку от Сокулки, от него на юго-запад тянется гряда господствующих высот (отметки 215.3, 227.0, 206.3, 225.2, 239.5), параллельно гряде проходит шоссе Гродно-Белосток.

Выступив в северном направлении в новый район сосредоточения, части дивизии вышли к шоссе Белосток-Волковыск, но вынуждены были остановиться, так как по шоссе из Белостока шла танковая колонна силами до полка, в основном танки КВ и Т-34. Они шли до станции Валилы, а затем поворачивали на север. При этой заминке авиации противника удалось небольшой группой самолетов произвести прицельное бомбометание. В

саперном эскадроне была разбита автомашина с переправочными средствами, погибло несколько бойцов и командиров. Перейдя шоссе, части 36-й дивизии скрытно (перелесками) вышли в район Одельска, после чего майор Яхонтов на бронемашине отправился для доклада на командный пункт генерала Болдина.

По возвращении в штаб Яхонтов и Зыбин отправили на машине майора начальника оперативного отделения штадива Сагалина для установления связи с действующими перел ними, как они думали, частями 3-й армии. Через полтора часа майор вернулся и доложил, что впереди 36-й дивизии никого нет. Тогда послали начальника разведки майора Б. С. Миллерова (впоследствии

368

генерал, командовал 10-й и 4-й гвардейскими кавдивизиями), результат был аналогичным. На КП И. В. Болдина П. В. Яхонтов встретил своего комкора Никитина и командира мехкорпуса М. Г. Хацкилевича, последнего он также знал по службе в коннице. Узнав о пустоте перед рубежом развертывания КМ Г, Болдин приказал 36-й дивизии в течение ночи занять оборону по гребням высот, обеспечив за собой узлы дорог и крупные населенные пункты.

Соединения 6-го мехкорпуса, получив еще ночью приказ, с утра 23 июня начали переход в новый район. Так, 7-я танковая дивизия должна была сосредоточиться в районе ст. Валилы восточнее Белостока с задачей уничтожить танковую дивизию противника, согласно не ясно взятым данным прорвавшуюся к Белостоку. В поход части корпуса вышли не со всей имевшейся согласно списочному составу техникой. Немало неисправных боевых машин осталось в местах постоянной дислокации. А. С. Сизов из 13-го танкового полка писал: "Все старые Т-26 и БТ поставили в стороне плотной массой. Так они и остались стоять..." [76, письмо]. Также дивизия понесла серьезные потери в личном составе "по вине" командарма К. Д. Голубева: из состава 7-го мотострелкового полка он забрал два батальона для

охраны штаба армии. Третий батальон полка, судя по всему, еще не был вооружен.

Рядовой В. Л. Чонкин вспоминал:

"Пришли на свое место, в палатки, в 2 часа ночи, а в 4 часа нас начали бомбить, обстреляли из пулеметов. Крикнули тревогу, кто кричит тревога "учебная", а кто "боевая". Но палатки уже горели... Оружия у нас никакого не было. Было на отделение по одной винтовке образца 1914 г. для изучения матчасти. Нас, кто остался в живых, собрали и отправили на передовую, но оружия у нас не было. Успели только получить мотоцикл ИЖ-9" [там же, письмо].

Марш совершался в весьма непростой обстановке. Походные колонны столкнулись с возникшими на всех дорогах пробками из-за беспорядочного отступления тылов армии из Белостока. Во время движения и нахождения в районе сосредоточения дивизии понесли серьезные потери от авиации противника. Согласно докладу комдива 7-й генерал-майора танковых войск С. В. Борзилова, из строя было выведено 63 танка, сильно пострадали тылы полков.

К. М. Некрасов, токарь из 4-го ОРВБ 4-й танковой дивизии, вспоминал:

"К вече-

369

ру наш ОРВБ переехал за город и сосредоточился в мелколесье, а у нас мастерские высокие, заметные. С рассветом на нас налетела авиация, и началась паника. Была команда вытягиваться на шоссе, на котором и так было много техники. Авиация с бреющего полета стала расстреливать это скопище. Нам, небольшой группе, удалось вырваться на проселочную дорогу с командиром роты воентехником 1 ранга Качуриным" [76, письмо].

Сосредоточение 6-го механизированного корпуса в лесном массиве в районе Супрасль, Валилы в основном закончилось к 14 часам. Не ясно, правда, где находилась в это время 29-я моторизованная дивизия, совершавшая марш, по словам И. В. Болдина, из района Слонима, хотя в

действительности она на утро 22 июня находилась в самом выступе. Также из подчинения начальника артиллерии 5-го стрелкового корпуса был изъят 124-й ГАП РГК (48 152-мм гаубиц Виккерс) и введен в состав КМГ. Однако артполк 4-й танковой дивизии (командир - майор А. И. Царегородцев), несмотря на его полную укомплектованность, для огневой поддержки даже не планировался, возможно, из-за отсутствия боеприпасов нужного типа. Впоследствии он был отправлен к Волковыску и прекратил существование под ударами авиации, не сделав по врагу ни одного выстрела.

П. М. Гулай, командир расчета 4-го ГАП, вспоминал:

"В 4.00 22 июня мы (полк) выехали из расположения и направились к немецкой границе по заранее подготовленному маршруту. Не доехали 16 или 18 км до границы, получили команду "Отбой" и начали отступать. К утру 23 июня мы добрались до Волковыска. Там простояли целый день в лесу, а под вечер выехали на восток. Ехали всю ночь, а утром 24 июня нас разбомбили, и мы спешили и пошли пешком" [76, письмо].

7-й ГАП 7-й ТД (командир полка - подполковник Г. Н. Иванов) к началу войны находился на полигоне Червоный Бор. Как вспоминал бывший экспедитор секретной части Н. Ф. Грицюк, он уже в 2 часа ночи привез из штадива "красный пакет" и вручил его Иванову. 7-й ГАП был поднят по тревоге и потерь не понес.

"Полк наш выходил на дорогу. На эту дорогу выходила и мотопехота, и танки нашей дивизии. Создавались пробки. Каждая часть стремилась быстрее занять исходные позиции и вступить в бой. Навстречу нам стали попадаться сначала одиночки, а потом целые группы полуразде-

370

тых, безоружных, в большинстве своем раненых бойцов. Это были стройбатовцы, не успевшие укрепить нашу границу" [76, письмо личной переписки].

На марше артиллеристы были атакованы авиацией и понесли потери в личном составе. Связаться со штабом дивизии не удалось, так как на всех

диапазонах радиоволн была только немецкая речь. В каком-то лесу остановились на привал, но вечером снова налетела авиация. Погибло много личного состава, пострадала и матчасть. В ночь на 23 июня полк, не зажигая фар, отошел к Белостоку, а затем - к Волковыску. Таким образом, его судьба полностью совпала с судьбой полка 4-й ТД. Фактически не приняв участия в боях, он за несколько дней растаял и распался при неорганизованном отступлении. "Прорвав окружение под Волковыском, двинулись на Слоним. Всю дорогу стрельба, бомбежки, раненые, убитые..." Следовательно, артиллерии в КМГ имелось всего два полка: 124-й ГАП РК и 77-й артполк 29-й мотодивизии. Позже в своем докладе начальник АБТУ Западного фронта полковник И. Е. Иванов отметил крайнюю слабость артиллерийской поддержки танковых атак 6-го мехкорпуса.

По 124-му артполку данных немного, и есть расхождения в датировках событий, но очень похоже, что реально он пробыл в составе конно-механизированной группы всего лишь один день и провел только одну 2-3-часовую артподготовку беглым огнем с закрытых позиций.

До сих пор является неясной причина, побудившая Болдина сосредоточить корпус не северо-восточнее Белостока, как вначале планировалось, а значительно восточнее. Из донесения командира 7-й танковой дивизии следует, что командование опасалось выхода в район ст. Валилы немецкой танковой дивизии, которая перерезала бы все пути снабжения и связи 10-й армии. Возможно, Болдину что-то было известно о бое 29-й и 33-й танковых дивизий 3-й армии с немецкими танками западнее Гродно 22 июня, и он предполагал, что с выходом мехчастей противника на оперативный простор будет разорван стык 10-й и 3-й армий. Возможно, появления танков ожидали из Прибалтики, ибо, как вспоминал Л. А. Пэрн, Голубев каким-то образом был осведомлен о том, что левый фланг 11-й армии прорван и немцы развивают успех.

Весьма вероятно, что эту информацию штаб получил из 9-й авиадивизии. Еще утром 22 июня экипаж бомбардировщика из 13-го бом-

бардировочного полка в ходе разведывательного полета засек на подходе к Меркине колонну не менее чем в сотню боевых машин (танковый полк 12-й ТД 57-го моторизованного корпуса противника). Информация была сразу же передана в полк и дивизию, из полка была получена квитанция, но штаб дивизии не ответил [118, с. 22].

Дошла ли информация в вышестоящие штабы, установить пока не удалось, но известно, что 22 июня "дальники" 3-го корпуса "работали по Меркине". Действительность же для танковых дивизий М. Г. Хацкилевича была такой: никакой танковой дивизии противника в районе станции Валилы обнаружено не было по причине ее отсутствия в этом районе, "... благодаря чему дивизии не были использованы".

Почти одновременно с завершением сосредоточения в районе Валилы корпус получил новую задачу: разгромить противостоящие германские войска и освободить Гродно. 4-я танковая дивизия выдвигалась в направлении Индура-Гродно, а 7-я танковая дивизия по линии Сокулка - Кузница - Гродно. 29-я моторизованная дивизия должна была прикрыть удар корпуса с левого фланга на линии Сокулка-Кузница. Дивизии немедленно принялись выполнять и этот приказ. Первой из частей 29-й мотодивизии сумел выйти на указанный рубеж и занять свою позицию 106-й МП (командир - полковник А. П. Москаленко). Полк был большой - около 3000 человек. Инструктор пропаганды В. Е. Фролов весьма верно представлял себе, какие задачи предстоит выполнять их дивизии, но не помнил, чтобы на участке полка велись наступательные действия. Такое впечатление, что 106-й полк действовал на каком-то обособленном участке, ибо, по словам Фролова, соседей ни справа, ни слева у полка не было [76, письмо]. Нет упоминаний о нем и в донесении генерала С. В. Борзилова, там он пишет только про 128-й моторизованный полк.

Также в донесении командира 7-й танковой дивизии не упоминается о новых налетах авиации противника и наличии потерь при выдвигении к

исходному рубежу. По-видимому, имевшийся в этом районе большой лесной массив (иногда его называют Супрасельской пущей, но на современных польских картах он обозначается как Кнышинская пуца) укрыл танковые колонны корпуса от авиации противника. Но дли-

372

тельный 90-километровый марш, совершенный частями корпуса в сложных условиях, значительно снизил их боеспособность. Начали сказываться усталость личного состава, особенно механиков-водителей, и, самое главное, корпус начал испытывать затруднения в снабжении горюче-смазочными материалами и другими видами снабжения, необходимыми для боя.

Арестованный Д. Г. Павлов показывал:

"Штабом фронта 23 июня 1941 [года] была получена телеграмма Болдина, адресованная одновременно и в 10-ю армию, о том, что 6-й мехкорпус имеет только одну четверть заправки горючего. Учитывая необходимость в горючем, ОСГ (отдел службы горючего. - Д. Е.) еще в первый день боя направил в Барановичи для мехкорпуса все наличие горючего в округе, то есть 300 тонн. Остальное горючее для округа по плану Генштаба находилось в Майкопе. Дальше Барановичи горючее продвинуться не смогло из-за непрерывной порчи авиацией противника железнодорожного полотна и станций".

Согласно данным по потерям армейских и фронтовых ВВС, в этот день авиация лишилась 125 самолетов, 53 из которых были сбиты в боях, 63 было уничтожено на земле и три пропали без вести. Еще шесть машин было потеряно в результате аварий. Следует заметить, что резко снизилась активность действий ударной авиации, как вследствие понесенных 22 июня потерь, так и вследствие того, что десятки поврежденных в боях самолетов находились в ремонте. В частности, в 3-м авиакорпусе было повреждено до 25% Ил-4. В то же время корпус получил приказ поддержать одним вылетом наступательные действия Западного фронта в направлении на Сувалки, но

таковые не состоялись, и после 30-минутной готовности к вылету был дан отбой. Лишь 212-й отдельный полк тремя звеньями в 19 часов атаковал ж.-д. узел и предместье Варшавы Прагу, а затем нанес удар по аэродрому Мокотув и заводу боеприпасов в Ромбертуве [109, с. 62-63]. В 13-й бомбардировочной дивизии по неизвестной причине не было вылетов в 24-м СБАП. Остатки 11-й САД сосредоточились в районе Лида-Лесище, 9-й - в Борисовщизне и Барановичах, 10-й - в Пинске. В состав ВВС фронта была передана свежая 47-я САД (командир - полковник О. В. Толстик).

373

6.5. Занятие стрелковыми частями 10-й армии нового рубежа обороны

К вечеру 23 июня центр и частично левый фланг 10-й армии были организованно отведены на рубеж рек Бобр, Нарев и Орлянка. Это была та самая линия, на которой осенью 1939 г. первоначально планировалось строительство новых укрепленных районов: с предпольем в 25-50 км глубиной и включением в систему обороны уцелевших сооружений крепости Осовец. Однако этот разумный план принят не был, возобладал принцип из известной песни о танкистах: "Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим". Строительство началось почти вплотную к линии границы и к началу войны завершено не было. Теперь дивизиям 1-го и 5-го корпусов, оставившим недостроенные укрепления, приходилось в спешном порядке возводить оборону на этом выгодном, но совершенно не подготовленном в инженерном отношении рубеже, терявшемся на юге в Беловежской пуще. Положение в районе пущи было для командования армии неясным. 113-я дивизия понесла огромные потери и была небоеспособна. Потеряв много личного состава при утреннем артобстреле, в тот же день, 22 июня, она была на марше атакована во фланг частями 9-го армейского

корпуса противника и к исходу дня фактически разгромлена. Сейчас ее разрозненные группы вели тяжелые бои на рубеже Лунево-Мержиновка-Кирпе (северо-восточнее Семятиче). На южных опушках Беловежской пуши действовали части 49-й стрелковой дивизии 4-й армии. Формально она 22-го была передана в состав 10-й армии (приказ по радио получил в 16 часов начальник штаба генерал-майор П. И. Ляпин), но связь с ней установить не удалось.

В боевом донесении штаба 4-й армии № 6 от 23 июня указывалось аналогичное: "О 49 сд данных нет" [21, с. 26]. Следовательно, командир дивизии полковник К. Ф. Васильев в принятии решений мог полагаться только на самого себя, что и делал. Его решением части дивизии к утру 23 июня были отведены на рубеж Журобчица - Нужец - Милейчицы, где приняли бой с 252-й пехотной дивизией 43-й АК противника. Их соседом оказался 725-й стрелковый полк (без 1-го батальона), утративший связь со штабом своей 113-й стрелковой дивизии.

374

Примерно в 11 часов на окраине м. Высоке-Мазовеике заместитель командира 86-й КрСД полковник А. Г. Молев доложил комдиву, как проходит марш дивизии на реку Нарев. По его словам, головной полк уже подходил к станции Лапы. В Лапах офицеры встретили командира корпуса. На вопрос М. А. Зашибалова - "Почему дивизия должна отходить на 50 км на восток?" генерал-майор А. В. Гарнов ответил, что отход проходит по приказу командования фронта в связи с ухудшением обстановки на флангах армии. Гарнов показал на карте место КП корпуса в 8 км восточнее Суража. В 14 часов полковник М. А. Зашибалов был у железнодорожного моста через Нарев. Рядом был низководный деревянный мост, его минировали саперы 120-го дивизионного ОСБ, руководил минированием начальник инженерной службы дивизии майор Д. М. Ершов. Комдив приказал ему заминировать также и железнодорожный мост.

Рубеж по реке Нарев в районе Суража, где сейчас занимала позиции 86-я дивизия, подкрепляли также импровизированные сводные батальоны, формирование которых началось в областном центре во второй половине дня 22 июня. В них вошли солдаты, потерявшие свои части, остатки отошедших с границы саперных и строительных частей, личный состав тыловых и технических подразделений 12-го РАБ. 13-я дивизия пока оставалась в районе Червоного Бора. При отступлении частям 86-й КрСД в основном удалось выйти из соприкосновения с противником, что позволило избежать излишних потерь. Правда, 2-й дивизион 383-го гаубичного полка на марше был настигнут небольшой группой немецких танков, но отличная выучка артиллеристов не оставила им шансов одержать победу.

Вспоминает бывший командир дивизиона И. С. Туровец:

"Командир 3-й батареи старший лейтенант Степанов развернул своих два орудия прямо на дороге. Офицер был опытный, орден Красного Знамени получил за финскую [кампанию]. Помню, был приказ начальника ГАУ маршала Кулика о том, что артиллерия всех типов должна уметь вести бой с танками. Три танка Степанов разбил, остальные отошли". Через некоторое время дивизион остановился: кончилось горючее. Начальник штаба уехал на его поиски, снова были развернуты в боевое положение две гаубицы, как оказалось, не зря. Группа немецких мотоциклистов, наткнувшаяся на колонну, была

375

встречена огнем. Как мне рассказывал Туровец, "мотоциклы летели вверх метров на пятьдесят".

Представляю себе, какой силы разрыв у 25-килограммового гаубичного снаряда. Когда вернулся начальник штаба, выяснилось, что дизтоплива он не нашел, привез только пять бочек бензина. Заправив им тягачи, тронулись в путь. Дизеля *стучали* и сильно грелись, но до Нарева выдержали. Дивизион снова был в распоряжении своего соединения. Вечером штаб корпуса приказал взорвать мосты. Низководный взлетел на воздух, железнодорожный

по неизвестной причине остался цел (позже немцы пытались использовать его для переправы, как вспоминал один из участников боев).

6.6. Прибытие в штаб 10-й армии маршала Г. И. Кулика

Сам маршал Г. И. Кулик, упомянутый бывшим командиром 2-го АД 383-го артполка, в этот день все-таки прибыл в штаб 10-й армии. Как он добирался в белостокский выступ, в целом неизвестно. Вероятно, его самолет был вынужден сесть, не долетев до Белостока, на каком-то из других аэродромов. Дальше зам. наркома добирался, как и генерал И. В. Болдин, "на перекладных".

Командир взвода 13-го ТП Б. А. Бородин был одним из тех, кто помог ему добраться до штаба армии. Когда наша танковая колонна в очередной раз рассыпалась при воздушном налете, к укрывшейся в молодом леске тридцатьчетверке подбежал майор с артиллерийскими эмблемами на петлицах. Он представился адъютантом Кулика. Майор приказал Бородину забрать маршала из танка, потерявшего ход, и вывезти из-под бомбежки. В указанном им месте действительно стоял поврежденный БТ-7. Кулик, одетый в танковый комбинезон, перебрался в Т-34. Он потребовал у Бородина карту, но на имевшейся у него была только местность от Белостока до Берлина. Бородин писал: "Я попытался оправдаться: выдали только такую. Маршал лишь странно хмыкнул".

Опрашивая местных жителей, лейтенант и маршал поехали искать хоть какой-нибудь штаб. Наткнувшись на небольшой отряд противника, они рассеяли его, разбив артогнем од-

376

но его орудие и раздавив гусеницами второе. Проскочили хутор и, ориентируясь по отдаленному гулу боя, продолжили поиск. У какого-то поселка их неожиданно обстреляли из орудия, но броня Т-34 не поддавалась.

Под сумерки наконец нашли штаб 10-й армии. Генерал-майор артиллерии М. М. Барсуков встретил Г. И. Кулика и повел его к группе стоявших неподалеку командиров. Подойдя к командирам, маршал устроил им разнос. Б. А. Бородин запомнил его слова: "Посылая меня сюда, товарищ Сталин думал, что наши войска (а они здесь собраны лучшие) громят врага на его территории. А вы здесь устроили вторую Францию..." Отчитав таким образом командование 10-й армии, Кулик ушел вместе с ним, лейтенант же вернулся к своему экипажу.

6.7. 10-я армия. Левый фланг. Действия 13-го механизированного корпуса. Встречный бой 25-й танковой дивизии в районе г. Браньск. Отвод на восток подразделений 9-й железнодорожной бригады

За левым флангом 5-го стрелкового корпуса на второй день боев продвижение противника значительно замедлилось, на отдельных участках немцы вообще были остановлены. Южнее 86-й дивизии - вплоть до Беловежской пуши - действовали части 13-го мехкорпуса, принявшие на себя удар левого крыла 4-й полевой армии ГА "Центр". Контратаки с целью спасения в Браньске разведбата 25-й ТД, предпринятые в первый день войны, 23 июня переросли в ожесточенное встречное сражение, куда оказались втянуты почти все силы дивизии и приданного ей 18-го корпусного мотоциклетного полка. Этот маленький населенный пункт дважды переходил из рук в руки.

Генерал Гейер вспоминал:

"Когда я ранним утром появился в Браньске, там еще царил большой беспорядок. Мне самому довелось столкнуться с двумя ворвавшимися в город русскими танками. Впрочем, они неуютно себя чувствовали на узких перегороженных улицах. Мы атаковали танки с трех сторон, а они пытались прорваться на свободу. Более 60 русских танков уже было уничтожено..."

На рассвете 23 июня к Браньску подошла также 268-я пехотная дивизия 7-го ар-

377

мейского корпуса. Но, встретив ожесточенное сопротивление советских танкистов, 263-я дивизия сумела продвинуться восточнее Браньска только на несколько километров. Полковник В. И. Ничипорович сообщает, что для контратаки на Браньск он выделил правофланговый 760-й моторизованный полк (командир - майор А. А. Камергоев), который при поддержке 25-й танковой дивизии выбил противника из Браньска и разгромил 87-й пехотный немецкий полк. В дальнейшем полк получил задачу прикрывать Белосток с юго-запада, фактически был выведен из состава дивизии, и о его последующих действиях Ничипорович не знал [76, копия]. Впрочем, это не единственное свидетельство. Начальник штаба 521-го корпусного батальона связи С. З. Кремнев в своих воспоминаниях также указал, что 760-й МП 208-й МД принимал участие в бою за Браньск (Белогосмузей ИВОВ, инв. № 21708, л. 2). Сам же майор Камергоев значится пропавшим без вести летом 1941 г.

С утра оба танковых полка 25-й дивизии двинулись в общем направлении на Браньск, шли параллельно дороге: 113-й подполковника Ю. П. Скажснюка - справа, 50-й майора М. С. Пожидаева - слева. Три батальона пожидаевского полка двигались на Вилины Русь, затем свернули влево, рассеяли немецкий десантный отряд, дальше двигались по лесным просекам.

Н. Ф. Ирнич вспоминал:

"Под утро был дан другой приказ - отступить, - и меня поразило, что это за приказ. Выезжаем из этой ржи и едем до своего лагеря. Лагеря не стало, весь был перевернут вверх дном. (Поступила) другая команда: [окружен] разведбатальон, надо выручить. Приезжаем в большую деревню, маскируем танки от самолетов. Выходим на исходную, получаем задачи - какой машине как двигаться до города. Наш полк двигался справа, а Пожидаева слева. Когда подъехали к городу, [перед ним был] большой овраг.

Командир дал команду переехать шоссе, и при переезде шоссе танк был подбит, и я выскочил из танка. Побежал на сборный пункт и, взяв тягач с механиком Сорокой Николаем, [вернулся], чтобы эвакуировать [его] и другие танки, прикрывающие мой танк. Когда я прибыл к своему танку, то этих танков не было, не было командира танка и Липеня. Сороку ранило. Я сажусь

378

в тягач и приезжаю на сборный пункт. Начальник штаба полка [сказал]:
будем отступать".

Разведрота 25-го моторизованного полка, не имевшая оружия, утром 23 июня была отправлена в тыл. По словам А. Г. Крылова, они прошли мимо аэродрома у Вельска, забитого сгоревшими самолетами, и днем пришли в Гайновку. Человек шесть первых попавшихся (в том числе и его) послали возить продукты из какого-то склада просто в лес. Сделали четыре рейса на трехтонке, складывали продовольствие прямо на землю. Вероятно, неготовые к бою подразделения командование дивизии использовало для тылового обеспечения.

Под Браньском же, а точнее, в четырехугольнике Кевляки - Гопчево - Браньск - Патоки, весь день 23 июня продолжался яжелый встречный бой. Он то затихал, то снова возобновлялся, но его эпицентр был в стороне от городка. Особенно настойчив был Пожидаев, бросавший свои подразделения на Браньск и с запада, и с северо-запада, и с севера. Т. Я. Криницкий, следивший по радио за боем с места расположения НП 50-го ТП (их основная радиостанция была разбита еще на марше, под Райском, они слушали переговоры на маломощной станции), вспоминал, что майор Пожидаев так интенсивно руководил боем, что к концу дня уже окончательно охрип.

Многие командиры, в том числе начальник штаба 50-го полка капитан А. С. Шевченко, ходили в атаки, стоя в открытых башенных люках своих машин. Геройски вели себя комбат-3 старший лейтенант А. И. Шевченко и комбат-2 капитан М. В. Сопов (участник испанской войны, кавалер двух орденов Красного Знамени). В непрерывных атаках от огня противотанковых

средств противника и ударов авиации было подбито и сожжено много танков дивизии. Командир танка из 3-го батальона 50-го ТП В. А. Перфильев рассказывал: "В одной из атак со мной в танке был тяжело ранен лейтенант (фамилии его не помню), только что присланный в часть после окончания Саратовского училища. Во второй половине дня вражеским снарядом, пробившим башню танка, был убит находившийся рядом со мной сержант Храмцовский". Танк Перфильева застрял в заболоченной пойме небольшой речушки у деревни Свириды и был расстрелян, сам Перфильев был ранен и контужен. Спас его другой экипаж из его взвода.

Из книги в книгу кочует рассказ о подвиге экипажа братья-

379

ев Кричевцевых из 31-й танковой дивизии того же 13-го мехкорпуса, погибших при таране. Названо и место тарана - район станции Лапы. Но в Лапах и по окрестным деревням стояли части 25-й дивизии, здесь же они сражались и гибли. 31-я действовала значительно южнее. В историю войны вкралась ошибка, которую необходимо исправить. Во-первых, братья-белорусы Минай, Елисей и Константин носили фамилию Кричевцовы, а не Кричевцевы, а во-вторых, служили они в 50-м танковом полку 25-й дивизии. Это был лучший в полку экипаж, как в песне поется - "три танкиста, три веселых друга". Братья имели музыкальное образование и руководили кружками художественной самодеятельности. Летом они должны были покинуть свою часть: их посылали на учебу в Москву, откуда они бы вернулись военными дирижерами. Но... не судьба.

Точной даты тарана, который совершил экипаж Кричевцовых, также как и места ("район станции Лапы" слишком расплывчато), установить не удалось. Но пиковой точкой действий 25-й танковой дивизии (а возможно, и всего 13-го мехкорпуса) было именно 23 июня. В этот день танкисты 25-й ценой своих жизней снова задержали врага, и очень велика вероятность, что таран был совершен 23-го.

Командир танка из 50-го ТП М. И. Трусков вспоминал:

"В эти первые дни войны я и слышал о таране братьев Кричевцевых. У них был, говорили, танк Т-34. У нас были Т-26... В то время, когда мы блуждали небольшими группами и отдельными танками, много слышал рассказов о таране экипажа братьев Кричевцевых. Об этом таране слышал и от бойцов своей дивизии, и от пехотинцев. Сам этого тарана я не видел. Служил я с ними в г. Калуге, потом [мы] переехали в Сычевку. Знал я только двух братьев. Они были оба с высшим или средним образованием. Я служил в 3-м батальоне 44-й бригады, а они - в 1-м (учебном) батальоне. Были они парнями талантливыми и часто выступали в нашем клубе с сатирическими рассказами. Третий их брат служил где-то в другом городе и по просьбе отца был переведен в нашу бригаду. Уроженцы они были Гомельской области. Когда переехали из Гомеля в Белостокскую область, то я их уже не видел, так как мы были в разных батальонах нашей 25-й ТД".

Бывшие воины 25-й дивизии помнят К. Ф. Фролова как писаря штаба. Сам он помнит свою часть как 4-й легкотанковый

380

полк (такого на 22 июня не было не только в дивизии, но и всей Красной Армии). Но такой полк существовал до 1 августа 1940 г. и пошел на формирование 44-й танковой бригады, из которой и "родилась" 25-я ТД. Есть и документальное подтверждение тому - докладная записка на имя начальника Генштаба о выполнении организационных мероприятий по директивам Генштаба, датирована 19 июля 1940 г.

Заместитель начальника Генштаба И. В. Смородинов и начальник штаба ЗапОВО М. А. Пуркаев в числе прочего информируют:

"По остальным родам войск... на формирование 44 тбр обращаются 9 и 4 лтп. Формирование бригады будет закончено к 1.8. 40". Следовательно, служба К. Ф. Фролова в 25-й дивизии подтверждена. Вряд ли сам он был очевидцем тарана, но наверняка узнал его подробности как работник штадива (из чьего-то устного рассказа или донесения):

"Остатки танковой роты, в которой служили Кричевцовы, прикрывали отход полка. Танк Т-34, единственный в роте, метался с одного фланга на другой, отражая наседавших немцев. Гитлеровцы, видя неуязвимость нашей тридцатьчетверки, шарахались от нее в стороны. Однако спастись им не всегда удавалось. Уже два их танка горели, некоторые подбиты. Но потом из Т-34 огонь становился все реже и реже: видимо, кончались боеприпасы. Враги поняли это и надели на тридцатьчетверку со всех сторон. С близкого расстояния вражеский снаряд пробил бортовую броню танка Кричевцовых, и он загорелся. Но спастись из него, видно, никто и не думал. Тут и произошло совершенно неожиданное для немцев. Механик-водитель машины, видимо, по приказу командира танка, выжал из горячей машины полную скорость и ринулся напролом сквозь кольцо врагов. Послышался страшный удар, скрежет, а затем - оглушительный взрыв. Столб дымного пламени взметнулся к небу, разметав по сторонам танковые башни, гусеницы, листы брони..." [76, копия].

То, что тридцатьчетверка взорвалась, лично меня не удивляет. При ударе вполне могла произойти детонация боекомплекта, ибо выстрелы к пушке наверняка находились в танке в снаряженном виде, то есть с установленными взрывателями. Или так совпало, что пламя уже добралось до боеприпасов ил и до топливных баков - их было четыре внутри бронекорпуса.

Герой Советского Союза Д. Ф. Лоза, воевавший в основном на американских танках "Генерал Шерман",

381

рассказывал:

"Если загорался Т-34, то мы старались от него отбежать подальше, хотя это запрещалось. Боекомплект взрывался. Некоторое время, месяца полтора, я воевал на Т-34 под Смоленском. Подбили командира одной из рот нашего батальона. Экипаж выскочил из танка, но отбежать не смог, потому что немцы зажали их пулеметным огнем. Они залегли там, в гречиху, и в это

время танк взорвался. К вечеру, когда бой затих, мы подошли к ним. Смотрю, он лежит, а кусок брони разможил ему голову. А вот "Шерман" сгорал, но снаряды не взрывались" (сайт "Я помню").

Внутри тридцатьчетверки мне побывать не довелось, но на имеющейся копии фото из немецкой книги - снимок погибших советских танкистов, сделанный через башенный люк, - видно, что выстрелы в ней устанавливались вертикально по периметру башни и никак не были защищены. Ни от огня, ни от вырывания из гнезд при сильном ударе или таране. Впрочем, есть мнение, что взрывы боекомплектов советских танков были следствием того, что в снарядах для их пушек использовалась гораздо более мощная, но и более чувствительная к температурным воздействиям взрывчатка.

Потеряв в ожесточенных боях второго военного дня большую часть бронетехники, 25-я танковая дивизия более чем наполовину утратила боеспособность, но задачу свою выполнила. Вечером на сборные пункты от подразделений стали разрозненно выходить отдельные уцелевшие машины.

Как вспоминал В. А. Перфильев:

"... меня уложили сначала в танк, а затем - в автомашину, и куда двигалась часть, я не осознавал. Я помню, что из Белостока мы уходили на автомашине через Волковыск. На двух машинах (одна - штабная 113-го полка)... пробивались из окружения под Слонимом... Майора Пожидаева... я видел, только когда он направлял танки в атаки 23 июня и в конце дня после отхода... Я служил в батальоне, которым командовал Шевченко. Последний раз видел его 24 июня утром..."

По действиям 31-й дивизии 13-го мехкорпуса и уж тем более 113-й и 49-й, данные за этот день практически отсутствуют. Почти ничего нет и по железнодорожникам майора Матишева.

Н. С. Степутснко из 31-й ПМБ писал:

"23 июня напор немцев усилился, управление терялось, кто-то приказал отступить на 12 км, окопаться. Сделали... По дорогам, по полю,

по лесу шли безудержно истекшие кровью, израненные пограничники, солдаты и офицеры. Я тоже ранен в левую ногу. Я командую остатками роты младшего лейтенанта Куковерова".

Известно также, что в этот день был убит заместитель командира дивизии старший батальонный комиссар А. Б. Давыдов. По словам сухого пруссака Гейера, к исходу дня немецкая 137-я пехотная дивизия 9-го корпуса все-таки заняла Боцьки. Советские войска успели якобы зажечь город и повредить мост, но другие мосты через Нужен, уже находились в руках немцев.

9-я железнодорожная бригада майора Матишева была весьма многочисленным и в то же время очень специфическим формированием. Скорее всего, лишь наименее обученный и квалифицированный личный состав ее подразделений был направлен комбригом в бой в качестве пехоты. Специалистов он попытался эвакуировать на восток, а сам остался на передовой.

А. Е. Тырин служил в 1-м отдельном мостовом батальоне 9-й ЖДБр, который находился на строительстве ветки Пружаны - Беловежа. Батальон находился в палаточном лагере в 50 км от Беловежи. Утром 22-го лагерь бомбили. Через 10 часов батальон был на станции Беловежа (здесь же находилось управление бригады), где личный состав был посажен в состав, который двинулся на восток. Шел очень медленно, прошел только 25-30 км. Под утро 23 июня эшелон был в упор расстрелян из автоматов и пулеметов, вероятно, огонь вели десантники. Штабной вагон сгорел. Железнодорожники выпрыгивали на полотно и пытались отстреливаться. Командир взвода воентехник Н. Д. Файнберг был ранен и тут же умер. Тырин успел рассмотреть его рану. На левой стороне груди - маленькое пулевое отверстие, выходное - большое, и раздроблена лопатка. Похоронить никого не похоронили, ибо вскоре оказались в окружении. Тырин вышел под Волковыском с группой из 12 солдат [76, письмо].

По рассказам местных жителей, в районе деревни Гнилей слышали перестрелку минут 20 и даже крики "ура". Гражданские железнодорожники помнят, что потом на путях было разбросано много имущества и железнодорожных документов. Эшелон все же сумел проследовать на восток, его видели в движении уже после нападения десантников. Шел с большими остановками. На одном из участков, когда эшелон стоял, было выставлено боевое охранение, красноармейцы никого

383

не пускали. Что стало с этим эшелоном дальше, установить не удалось, но зато известна судьба другого подразделения бригады - 1-го ремонтно-восстановительного железнодорожного полка. Как рассказывали местные жители, 24 июня в районе деревни Костени, что под Слонимом, авиация противника разбомбила и расстреляла шедший в восточном направлении эшелон железнодорожных войск, было очень много погибших. В наши дни при вскрытии захоронения вблизи места расстрела был найден медальон лейтенанта Н. И. Власова, служившего в 1-м ЖДП 9-й бригады.

6.8. Обстановка в тылу Западного фронта

В то время, когда дивизии 1-й линии с раннего утра 22 июня уже вели бои, а 2-е эшелоны армий и окружные резервы маршевым порядком двигались в районы сосредоточения, в ближайших тылах фронта происходили не изученные по сей день, но весьма интересные и в какой-то мере показательные события. На этой обширной полосе белорусской земли (между новой и старой госграницами), ставшей теперь прифронтовой зоной, осталось множество воинских гарнизонов - зимних квартир дивизий и отдельных частей, ушедших в мае-июне на запад по приказу вышестоящего командования. Сотни, если не тысячи, людей в форме были оставлены для охраны казарм, складов, технических парков с находившейся там матчастью,

для организации военных сборов по подготовке и переподготовке приписного состава (в 80-х годах прошлого века их называли "партизанами"). Масса личного состава, в большинстве своем невооруженного, находилась во вновь формируемых частях (механизированных, зенитных, тыла ВВС и пр.). Осталось на месте и множество действительно тыловых подразделений: материально-технического снабжения, военных сообщений, строительных, эксплуатационных, дорожных, учебных, ремонтных.

Когда был образован Западный фронт, округ не прекратил свое существование, его структура сохранилась и должна была обеспечить на вверенной ей территории порядок и выполнение всех специфических функций военного времени. Возглавил ЗапОВО заместитель Павлова генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов. Но дина-

384

мика событий в первые дни боевых действий была такой, что не позволила новому окружному командованию сколь-нибудь полезно использовать людские ресурсы. Оказавшийся "не у дел" личный состав не был организованно отведен в тыл или брошен в бой. Множество частей, гарнизонов и команд оказалось предоставлено само себе, в условиях практически полного вывода из строя проводной связи действовало по усмотрению своих командиров или бездействовало вообще и в большинстве своем погибло или попало в плен. Колоссальный военный организм канул в небытие, остались лишь единичные письма в частных архивах и сводки безвозвратных потерь в ЦАМО, чаще всего с пометкой "пропал без вести".

Капитан Н. П. Осипов, военный комендант ж.-д. участка и станции Лида. Старший лейтенант Ф. И. Серебряков, комендант ст. Осовец. Капитан И. И. Волков, комендант ст. Августов. Старший лейтенант В. Г. Ростовский, комендант ст. Кобрин. Старший лейтенант Багатьев, комендант водного участка Пинск.

П. З. Баклан, помкомвзвода 1-го дивизиона 311-го Краснознаменного ПАП РГК, рассказывал, что в мае 41-го в полку (дислокация - штаб и 1-й

дивизион в Деречине, остальные дивизионы по окрестностям) были организованы 45-дневные учебные сборы, на которые было призвано от 300 до 400 человек из окрестных сельсоветов. Среди них было много бойцов, которые раньше вообще не служили в армии (т. н. "запалимки"). Незадолго до войны полк выехал на стрельбы под Ломжу, в Червоный Бор, а в летнем лагере возле Зельвы (в имении Холстово) было оставлено 150 "партизан", 12 новеньких 122-мм пушек и около шести тысяч выстрелов к ним.

Баклан вспоминал:

"Тягачей нам не дали, связь с соседними лагерями отсутствовала... В этот день я был старшим по лагерю. Узнав от местных жителей, что началась война, приказал пригнать из Зельвы трактор, чтобы выставить на позиции пушки. Когда пушки были на том месте, где нужно, оказалось, что нет снарядов. Они были закрыты на складе, а сбивать замки не посмели. В это время приехали отдохавшие в своих семьях старшие командиры - майор и лейтенант - и стали руководить обороной. Я был послан во главе группы из 8 человек принять караул штаба полка в Деречине. Солдаты оружия не имели, только у меня была десятизарядная винтовка. На второй день, 23 июня, я отправился в Зельву за вооружением. Принес

385

5 винтовок и несколько сот патронов и раздал солдатам для несения караула. К этому времени в Деречин возвратилось командование полка, которое находилось в Ломже и в Червоном Боре. Это комиссар Малышев, комсорг Никандров, командир 3-й батареи ст. лейтенант Черняховский, политрук Шарипов, ст. лейтенант Кучеренко с женой Марией и 30-40 солдат. Полк, по их донесению, был разбит, но отдельные группы бойцов еще оказывали сопротивление врагу".

Сегодняшние Барановичи - это районный центр Брестской области. До приграничного Бреста примерно 180 км, до Белостока или Ломжи еще больше. Глубокий тыл, одним словом. В 41-м он был областным городом, и в нем формировалась 60-я истребительная авиадивизия (командир - полковник

Е. З. Татанашвили). По планам командования ВВС РККА городу со временем предстояло стать мощным аэроузлом, для чего уже начала создаваться соответствующая тыловая база: управление 15-го РАБ с приданными частями, две зенитные батареи, 190-й батальон аэродромного обслуживания и т. д. Также здесь базировались 314-й разведывательный авиаполк и приданная ему 314-я авиабаза. В городе находились управления 17-го механизированного корпуса, Барановичского бригадного района ПВО (командующий - полковник К. И. Шафранский, начштаба - полковник Ф. Т. Шкурихин) и его 518-й ЗАП, оснащенный новыми 85-мм орудиями. К началу войны авиадивизия имела штаб и четыре полка (186, 187, 188 и 189-й), но боевой матчасти не было, только учебные спарки, поэтому утром 22 июня командующий ВВС округа И. И. Копец отдал командиру 43-й ИАД Г. Н. Захарову приказ: прикрыть Барановичи одним своим полком.

К 9 часам утра 22 июня на местный аэродром перелетел 162-й ИАП (командир - подполковник Резник). К началу войны он был вооружен 54 модернизированными И-16 с пушечным вооружением. На аэродроме оказались также боевые самолеты из других, уже принявших участие в боях частей, в том числе истребители МиГ-3 и Як-1. Подполковник Резник приказал рассредоточить все самолеты и тщательно их замаскировать. И не зря - прилет свежего полка был, вероятно, отмечен воздушной разведкой противника, и в ночь на 23-е последовал массированный налет. Его удалось успешно отразить, но стало очевидно, что впереди летчиков ждут тяжелые испытания [57, с. 113].

386

Вечером 23 июня в Барановичах села еще одна пятерка "мигов". Подъехавший на "эмке" полковник Татанашвили узнал от старшего (в звании капитана), что это все, что остаюсь от 129-го истребительного полка 9-й авиадивизии. Комдив тут же поставил им задачу - патрулировать небо над аэродромом. 24-го летчики поочередно, меняясь, несли дежурство. Самолетов противника не было; строились разные догадки. Все стало ясно,

когда наступила темнота. В ночном воздухе слышался сначала рокот моторов, а затем - вой и визг падающих бомб. В эту ночь 129-й ИАП прекратил свое существование, совершив за 22 и 23 июня 125 самолетовылетов, связанных с прикрытием наземных войск, своих аэродромов и с перебазированием, и истратив почти 50 "миговских боекомплектов (около 15 000 патронов калибра 12,7 мм и 36 000 патронов винтовочного калибра). Капитан Беркальотдал приказ: всем оставшимся в живых собраться на аэродроме Балбасово. Не теряя времени, рискнули двигаться днем; ехали осторожно, соблюдая интервалы между машинами. На другой день прибыли в Балбасово, где всего год тому назад формировался и получил путевку в жизнь их полк. Из 248 командиров и красноармейцев летно-технического состава осталось только 159. Затем 129-й ИАП был переброшен в Орел (как оказалось, туда прибыло сохранившееся управление дивизии) и переформирован. В боях за Москву он отлично себя показал и 5 декабря 1941 г. был переименован в 5-й гвардейский истребительный авиаполк [65, с. 158].

Зельвенская переправа. "Чистилище"

Одной из существенных составляющих успеха германских войск были меры по торможению и недопущению отвода советских частей на линию старой государственной границы. Поэтому авиация противника с первых часов войны начала уничтожение важных шоссейно-дорожных мостов в глубине территории Белоруссии. Одним из них был деревянный мост через левый приток Немана Зельвянку в самом городке Зельве. С его разрушением стратегическое шоссе Белосток - Барановичи - Минск - Смоленск было разорвано. Тыловые части 10-й армии и других военных формирований (тыл ВВС, строители, медики и пр.), остаточные группы боевых подраз-

делений и толпы беженцев начали накапливаться на берегах реки, Люфтваффе же безнаказанно вносило страшное опустошение в их ряды. Те, кто мог, переходили вброд и переплывали, но болотистые берега совершенно исключали переправу автомашин.

В нескольких сотнях метров от разрушенного шоссе моста находился совершенно целый железнодорожный. Это было одноколейное сооружение без деревянного настила и даже без перил, лишь между рельсами имелась пешеходная дорожка в две доски. Тем не менее по нему на восточный берег Зельвянки все же могла быть организована эвакуация и автотранспорта, и людей. Но отсутствие порядка и единого командования привело к тому, что даже при наличии целой переправы движение на восток не возобновилось.

Лишь выход к Зельве колонны машин с сотрудниками Белостокских УНКГБ и УНКВД выправил положение. Начальник управления НКГБ майор госбезопасности С. С. Бельченко взял на себя руководство переправой, и под руководством "дзержинцев" порядок постепенно был восстановлен ("15 встреч с генералом КГБ Бельченко, с. 132"). Мешал лишь брошенный состав товарных вагонов (локомотивная бригада сбежала), в которых, как оказалось, находились депортируемые поляки из Белостока. Из числа собравшихся у моста были выкликнуты добровольцы-машинисты, откликнулись трое в форме РККА, капитан и два рядовых. Развели пары, и через некоторое время состав с несчастными ушел в сторону Барановичей. После этого через мост пошел нескончаемый поток машин и людей. Самолеты противника бомб не бросали, но из пулеметов и пушек обстреливали беспощадно, и вскоре подножие моста было завалено остовами автомобилей и телами погибших. Сумевшие переправиться подвергались атакам уже на восточном берегу. Если во время прыжков по шпалам машины ломали подвески, их тоже сбрасывали вниз. Сам С. С. Бельченко также потерял на мосту свой автомобиль и пересел в машину начальника областного управления НКВД капитана ГБ К. А. Фукина.

Военинженер 3 ранга П. Н. Палий из 74-го УНС выходил в составе смешанной колонны из военнослужащих и вольнонаемных своего управления и управления 62-го укрепрайона. Он писал, что у въезда на мост была выставлена охрана под командой молодого, смелого и решительного полковника (майора ГБ? - Д. Е.), установившего строгий контроль и очеред-

388

ность в пропуске на мост желающих перебраться на другую сторону. Когда возникали заторы, полковник направлял колонны на юг, где, примерно в 30 км от Зельвы, по его словам, действовала еще одна переправа.

Палий писал:

"В уровской колонне потерь не было, но настроение было очень нервное. Часть гражданских рабочих заявила, что они пойдут пешком к броду и будут там переправляться, а когда генерал Пузырев сказал, что он не разрешает им этого, вышел вперед пожилой мастер, токарь из механических мастерских базы, и спокойно сказал: "А нам и не надо твоего разрешения, товарищ генерал, мы не военные и тебе, товарищ, были подчинены по службе, по работе, значит. Теперь работы нету. В Черемхе она осталась. Ну, и мы сами по себе. Счастливо оставаться, товарищи, пошли ребята", - и ушли".

Когда подошла очередь строителей, перейдя мост, они вскоре наткнулись на одну из машин, что прорвались на переправу без очереди. Около перевернутого грузовика на земле среди разбросанных вещей, узлов и корзин лежали трое убитых, с края у тропинки лежала женщина с торчащими из-под задравшейся юбки ногами. Военинженер Палий нагнулся, чтобы одернуть юбку, и вдруг увидел, что за ее телом, полуприкрытый упавшим узлом, лежал еще живой ребенок, мальчик лет четырех. Вся нижняя часть его тела была разорвана, одна ножка была полностью разворочена и торчала сломанная кость. На полузакрытых глазах малыша чуть-чуть вздрагивали веки, а пальчики на обеих раскинутых в стороны руках сжимались и разжимались.

"Доходит пацанок, и тронуть его нельзя... кровью изошел, - сказал пожилой старший сержант, "бездомный", приставший к нашей группе. - Помрет он сейчас. А может, и промучается еще час или больше... Ишь ты, беленький какой... - Он посмотрел на небо, потом на нас и вынул из кобуры наган. - Идите вперед, ребята... негоже на такое смотреть... идите. Все равно ничего сделать нельзя, а оно, малое дитяtko, может, и страдает еще..."

Мы все рванулись вперед по тропинке. Я видел, как сержант, не снимая пилотки с головы, перекрестился. Когда после выстрела я повернул голову, я увидел, что он прямо через луг уходит в сторону от нас. Встречаться с нами опять он не захотел..." (Записки пленного офицера).

Я очень люблю свою крошечную дочурку и, не скрою, когда прочел этот страшный эпизод, дрогнуло сердце. Потому и

389

процитировал - пусть другие почитают, пусть не забывают, какое "освобождение от тирании" нес черный германский орел со свастикой в когтях.

Потеряв на мосту и у железнодорожной насыпи немало единиц транспорта, строители и урвцы в лесу снова собрались в единую колонну, затем, потянулись на Слоним. В Слониме женщин, детей и гражданских лиц старше 55 лет оставили на станции и, откуда они поездом должны были и быть отправлены в тыл. Бойцы артпульбата и другие строевые военнослужащие, а также военные строители под командой полковника Сафронова из УНС отправились в Барановичи, как говорили, в распоряжение командования 37-й дивизии 21-го стрелкового корпуса. Управлению строительства и всем остальным во главе с генералом М. И. Пузырским было приказано выступить в направлении Новогрудка.

6.9. За левым флангом. Действия войск 4-й армии. Обозначившийся прорыв мехчастей противника на Слоним. Выход частей 47-го стрелкового корпуса в район г. Слоним

В течение всего дня 23 июня продолжала ухудшаться обстановка на флангах группировки. 4-я армия, выполняя приказ командования фронта, попыталась утром перейти в наступление с целью восстановить положение в районе Бреста. Не достигнув никаких мало-мальски серьезных успехов, войска снова понесли большие потери, перемешались и, в значительной степени утратив боеспособность, начали отход еще дальше на северо-восток и восток. Лишь наступление частей 75-й дивизии к югу от Бреста имело некоторый успех, но 4-я танковая дивизия, фактически уже находящаяся в ее тылу, в бой с ней не вступала; воспользовавшись тем, что участок севернее Малориты никем не прикрыт, ее передовой отряд продвинулся по шоссе Малорита - Кобрин и вступил в бой со сводным отрядом подполковника Маневича.

115-й стрелковый полк продолжал успешно обороняться у д. Ласки вплоть до 25 июня; остатки 235-го артполка при подходе к д. Збураж были обстреляны из стрелкового оружия, вслед за этим налетела авиация. Застигнутые на проходящей через болото дороге, артиллеристы снова понесли большие потери и лишились всего

390

обоза. Разбив последними снарядами железнодорожный мост через канал Малорита, они были вынуждены вывести из строя орудия и средства тяги [12, с. 123-124]. В. Е. Козловский вспоминал: "Сняли с пушек замки, забили стволы землей. Из тягачей "Комсомолец" взяли горючее для автомобилей и двинулись на восток, а потом замаскировались в лесу. Таким образом, мы шли долго, попадая из окружения в окружение..." [76, копия].

В центре армейского участка 30-я танковая дивизия вместе с 226-м полком 205-й мотодивизии атаковала противника с рубежа Видомля -

Жабинка, но подверглась двум массированным налетам бомбардировщиков, сама была контратакована и после того, как ее от Каменца обошла 17-я танковая дивизия, к 07:30 откатилась к Пружанам. Был отсечен и остался в тылу противника 2-й батальон 60-го полка, но его командир старший лейтенант М. Г. Матюхин сумел прорваться и вывести свое подразделение на Пружаны. Отход дивизии прикрывал 4-й батальон 61-го ТП.

Здесь впервые на Западном фронте капитан Ф. И. Лысенко применил ранее не существовавший тактический прием, ибо считалось, что бронетанковые войска существуют только для наступления и контратак. Лысенко же решил сдерживать продвижение противника без активного соприкосновения - действиями из засад. Обстрелы из лесных массивов, из-за строений и прочих укрытий вынуждали немцев разворачивать боевой порядок из походных колонн, за это время батальон Лысенко отходил на следующий рубеж.

Как вспоминал полковник Н. Н. Болотов, в течение нескольких часов дивизия вела тяжелые бои в районе Пружан. Немцы атаковали Пружаны с нескольких направлений. 18-я ТД связала боем 30-ю дивизию, а 17-я ТД обошла местечко с севера и нанесла удар с тыла. В ходе ожесточенного короткого боя Пружаны были захвачены, а остатки 30-й ТД и подразделения 226-го мотополка к 09:30 отошли на рубеж Куклин, Линево. Общие потери составили до 60 танков, в строю осталось 80 машин. С этого рубежа танкисты по приказу начальника штаба армии Л. М. Сандалова контратаковали противника с целью вернуть Пружаны. Им удалось отбить восточную часть Пружан, на улицах местечка осталось до двадцати подбитых немецких танков. Бои с переменным успехом продолжались до 20 часов, был вторично ранен и выбыл из строя комбат-1 майор М. А. Бандурко. Когда дивизия подверглась удару со

391

стороны Запруд по своему левому флангу, она вынуждена была отойти на восток, в сторону Селец; в прикрытии снова был оставлен батальон

капитана Лысенко. В Оранчицах танкисты заправили технику на 930-м окружном складе ГСМ, после чего по приказу полковника С. И. Богданова склад был взорван.

В течение ночи на 23 июня у сожженного моста через Мухавец в 18 км восточнее Бреста собрался весь 6-й танковый полк дивизии В. Моделя мотопехота осталась далеко позади. Так как понтонный мост саперного батальона возле Окчина (к северо-западу от Страдичей) снова был разрушен, переправляться через Буг можно было только в Кодене. Генерал Модель с оперативной группой штаба следовал за передовыми частями дивизии, требуя ускорить продвижение. Продвижение шло медленно, то и дело возникали заторы при обстрелах проходящих колонн от южных окраин Бреста. Еще до полуночи 1-я рота 39-го саперного батальона (командир - гауптман Калькбреннер) начала наводку 16-тонного моста, к утру работы были закончены. Около 5 часов прибыла колонна автозаправщиков, в 6 часов авангард 3-й ТД начал движение на Кобрин.

22-я танковая дивизия, отошедшая к Жабинке, участия в контрударе 4-й армии не принимала, поэтому в первой половине дня 23 июня понесла заметно меньшие потери. В 8 часов утра в ее боевые порядки въехала легковая машина советского производства. Сидевшие в ней попытались скрыться, но снаряд танковой пушки пробил М-1 насквозь и взорвался позади нее. В захваченной немцами "эмке" находилось четверо разведчиков. На допросе они показали, что их дивизия уже движется в обход Жабинки на Пружаны, батальон же, в котором они служат, отдельным отрядом прикрывает ее правый фланг.

Взятые в плен немцы уже не могли предупредить свое командование, и вскоре с запада показалась двигавшаяся походным порядком часть на автомашинах; судя по всему, батальон не только имел задачу по фланговому обеспечению, но и должен был овладеть мостом через Мухавец в Жабинке. Задача по его разгрому была поставлена 43-му танковому полку. Поскольку командир - подполковник Е. И. Жаров был ранен, его заменил командир 1-го

батальона 44-го ТП капитан Н. Н. Дмитрук. Вражеский батальон был взят в "клещи" и расстрелян артогнем, после чего последовала танковая контратака. Противник был наголову разгромлен, а когда бронетехника уже покинула

392

место боя и была замаскирована, налетело несколько эскадрилий "юнкеров" и, не разобравшись, начали ожесточенно бомбить остатки своего же батальона. Потом они взялись и за 22-ю дивизию, которая была беспомощна перед авиацией.

До 16 часов советская дивизия сдерживала натиск превосходящих сил, но все же была вынуждена оставить Жабинку и отходить на Кобрин. Разведка принесла невеселую весть: совершив обходной маневр, противник взял Кобрин. Как оказалось, после полудня шедший в авангарде 3-й батальон 6-го ТП противника атаковал оборонявшие западную часть города подразделения 28-го корпуса. В ходе недолгого жестокого боя сопротивление было сломлено, были сожжены все советские бронемшины, артиллерия подавила огонь пулеметов, который велся из каменных строений. 921-й окружной склад ГСМ успели взорвать.

Кроме танкистов, в бою приняла участие боевая группа майора фон Корвин-Версбицки (3-й мотоциклетный батальон и 1-й разведбатальон). Мотоциклисты атакой через центр Кобрина овладели мостом через Днепровско-Бугский канал, потеряв 17 человек. Танки устремились по Варшавскому шоссе, но на канале Мухавец были остановлены 721-м полком (командир - подполковник А. Г. Карапетян) 205-й мотодивизии 14-го мехкорпуса. Все попытки прорваться за канал и смять полк успеха не имели. Мотострелки стояли насмерть, не раз переходили в контратаки. Только за первый час боя немцы потеряли пятнадцать танков и до ста солдат. К вечеру атаки прекратились: германцы эвакуировали подбитые машины и закрепились на достигнутом рубеже.

В результате взятия Кобрин 6-я стрелковая дивизия 28-го корпуса была рассечена на две части. Подразделения пехоты с дивизионом 204-го

ГАП, возглавляемые командиром дивизии полковником М. А. Попсуй-Шапко и начальником штаба полковником А. М. Игнатовым, отходили на Дрогичин, Пинск; начальник политотдела полковой комиссар М. Н. Бутан возглавил остатки штаба дивизии, спецчастей и тыловых подразделений, а также 84-го и 333-го стрелковых полков, отходивших вдоль Варшавского шоссе.

Как старший по званию и должности, командир 22-й танковой дивизии принял решение: в 16 часов отойти, обойдя Кобрин через аэродром 123-го истребительного полка у села Именин, и выйти на шоссе Брест-Барановичи. Для прикрытия танков полковник Ф. А. Остащенко оставил батальон ка-

393

питана Лукашенко, а с остальными людьми начал движение. Через 30-40 минут двинулись на восток и подразделения 22-й ТД. На марше колонна техники была атакована пятью истребителями Me-109. Их огонь не причинил вреда танкам, но сидевшие на броне пехотинцы понесли потери. Пройдя опустевший, усеянный воронками и остовами сгоревших самолетов аэродром, танки двинулись по проселку через Именин. Первым в походной колонне был головной дозор, за ним - 4-й батальон 43-го ТП (командир - капитан Н. А. Бойцов) и 1-й батальон того же полка, за ними - остальные подразделения. В машине капитана М. И. Кудрявцева находился командир 44-го полка майор И. Д. Квасс. Здесь дивизия была вновь атакована авиацией, с фронта развернутым боевым порядком на нее рванулись танки. 22-я вновь развернулась для боя.

По мнению И. В. Кононова, бой между Именином и Буховичами был одним из самых жестоких на всем брестском направлении. В нем приняли личное участие не только командиры полков и батальонов, но и сам командир дивизии. При таране генерал-майор танковых войск В. П. Пуганов погиб, в командование остатками соединения вступил его заместитель по строевой части полковник И. В. Кононов. В ходе столкновения понес серьезный урон также и отряд полковника Ф. А. Остащенко. Погибли за

Родину десятки красноармейцев и младших командиров, получил тяжелое ранение и выбыл из строя секретарь дивизионной парткомиссии батальонный комиссар Д. А. Нелепа.

В боевом пути 3-й танковой дивизии этот бой описан до неприличия лаконично. Если на какие-то малозначительные эпизоды 22 июня автор тратит весьма "много букв", то здесь все уместается в несколько строк. В 16:40 1-й батальон после прохождения через Кобрин неожиданно столкнулся у Буховичей с советскими танками, которые "вырвались внезапно из близлежащего леса и взяли под обстрел немецкие колонны". Командир батальона майор Шмидт-Оп немедленно развернул свои подразделения и в завязавшемся бою уничтожил 36 машин типа Т-26, при этом только 2-й роте (командир - обер-лейтенант Бюхтенкирх) удалось подбить 12 боевых машин. О том, что было дальше, нет ни слова.

Капитан М. И. Кудрявцев в плену прошел лагеря, Нюрнбергскую тюрьму, штрафной офицерский лагерь Флоссенбург 1П-D, выжил и после госпроверки вернулся в 1945 г. домой.

394

Он вспоминал о бое 23 июня: "К этому времени Кобрин был уже занят противником, и мы находились у него в тылу. Встала задача выйти из окружения. Внезапно на колонну налетела авиация врага, а с фронта развернутой боевой линией двигались его танки. Батальон Бойцова и мой развернулись для атаки и пошли вперед. Разгорелся встречный бой. Он был настолько неожиданным, что наши задние танки, вероятно, даже не успели развернуться. Майор Квасс приказал вести огонь с места, чтобы дать возможность задним батальонам выйти из боя. Помню, он в танке крикнул мне:

- Видишь, подбили один танк. Вести огонь по другому, который подходит к домику.

Перенесли огонь. Башенный стрелок подбил и этот. Но тут случилась беда. В нашу машину угодила бронебойный снаряд. Мне разбило голову, я

загорелся, но успел выскочить из горящего танка... Когда пришел в себя, увидел, что нахожусь метрах в пятидесяти от танка, в пшенице. Кто меня туда перетащил или я сам как-то перебрался - не помню и не знаю, сколько прошло времени. Только кругом было тихо. С трудом поднялся с земли. Осмотрелся. На поле боя около 10 наших подбитых танков и не менее 15 вражеских. Подошел к своему танку. Но в нем внутри ничего не осталось. Все взорвалось и сгорело. Знаю, что майору Квассу не удалось выскочить. Оборванный, черный от копоти, раненный пошел я на восток..." [12, с. 198-199].

Как вспоминал И. И. Воронец, личное участие в бою принимал также начальник штаба 44-го полка майор В. А. Сенкевич. Когда в его Т-26 постучал лишившийся своей машины командир роты лейтенант М. И. Рыльский, майор уступил ему место у пушки, а сам встал за заряжающего; Рыльский подбил два танка. Когда немецкие танки перемешались с нашими, виация противника перенесла огонь на дивизионные тылы. Загорелись штабные машины, в том числе автобус штаба 44-го ТП. К нему бросились три офицера, но было уже поздно. Автобус догорал, а возле него лежал полностью обгоревший младший лейтенант. Обмундирование на нем продолжало гореть, горело и спрятанное на груди Знамя полка.

Несмотря на тяжелые потери, группе генерала В. П. Пугачова удалось отбросить противника назад к шоссе Кобрин-Береза. Здесь же, в районе Именин, в ходе короткого совещания, в котором, кроме Остащенко и Кононова, приняли уча-

395

стие полковой комиссар Пименов и подполковник Берков, решили воспользоваться темнотой и ночным маршем двигаться на Пружаны. В 22 часа выступили, но по дороге было получено сообщение, что Пружаны тоже заняты противником. После короткого привала направились по маршруту Малечь - Береза-Картузская.

Справка. Происходивший из немцев Поволжья майор А. Э. Дулькейт был тяжело ранен и попал в плен. Честь русского офицера и верность присяге оказались для него выше, нежели этническое родство. Он погиб в концлагере в 1945 г., незадолго до конца войны.

Есть некое правило: за кем осталось поле боя, за тем и победа. На этом основании французы приписывают себе победы при Прейсиш-Эйлау и Бородино, "наши" историки с этим категорически не согласны. Вторая мировая война исключением не является, особенно это видно по действиям танковых войск. Удержать поле боя - значит иметь возможность отремонтировать свои танки и не дать этой возможности врагу. Согласно этому правилу можно с уверенностью утверждать, что 23 июня в бою за Именин 22-я танковая дивизия РККА одержала победу над боевой группой 3-й танковой дивизии противника. Но общая обстановка в районе Бреста не давала никаких шансов на то, чтобы воспользоваться результатами, и ее сильно поредевшие подразделения отступили на северо-восток. Подбитые танки противника были вскоре им эвакуированы и после ремонта введены в строй, советские же машины так и остались стоять до лета 1944 г. Когда в ходе операции "Багратион" была разгромлена группа армий "Центр" и началось освобождение Западной Белоруссии, поржавевшие и закопченные, заросшие по башни лебедой и полынью, остовы Т-26 в мрачном молчании встретили войска советской 70-й армии, которой командовал бывший командир 28-го корпуса 4-й армии генерал-полковник В. С. Попов.

В то время как шли бои в районе Буховичи-Именин и на канале Мухавец, другой отряд 3-й ТД достиг райцентра Береза-Картузская и сумел овладеть им до подхода 6-го танкового полка; вслед за ними подтягивались моторизованные полки. Здесь из плена были освобождены военнослужащие 4-й танковой дивизии 24-го мотокорпуса. Сама 4-я ТД подошла к Кобрину только вечером 23 июня, так что можно лишь пред-

полагать, что это были те, кто сдался 115-му полку 75-й дивизии 22 июня. Командный пункт своей дивизии В. Модель перенес из Жабинки в Кобрин. Здесь отделению 1с (разведка) остались документы штаба 4-й армии, которые были обнаружены в разрушенном авиацией здании армейского управления. В. Модель по-прежнему требовал продолжать наступление в максимальном темпе, поэтому командир 39-го саперного батальона майор Байгель со своей передовой группой вновь двинулся вперед. Несмотря на сопротивление советских частей, немцам удалось продвинуться до ж.-д. разъезда юго-западнее Бытеня; к 23 часам разведывательные бронемашины и мотоциклисты, поддержанные 7-й ротой 6-го танкового полка, вышли к мосту на реке Щара. Было образовано предмостное укрепление, после чего боевые действия были закончены. За два дня боев противник продвинулся в глубину советской территории на 150 км, нанеся тяжелые потери противостоящим им войскам 4-й армии. Потери бронетехники 14-го ехкорпуса только на участке продвижения 3-й ТД составили 107 единиц, майор Байгель первым в дивизии был представлен к Рыцарскому кресту.

Вечером того же дня, взяв Ружаны, 47-й моторизованный корпус 2-й танковой группы вермахта начал продвижение на Слоним. Часть его сил повернула на юго-восток с целью перерезать Варшавское шоссе между Березой-Картузской и Ивацевичами и вышла в тыл войскам, оборонявшимся на реке Ясельда в районе Березы. Началась паника, еще больше усугубившая и без того тяжелое положение.

Секретарь Брестского обкома КП(б)Б М. Н. Тупицин докладывал в ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко и лично И. В. Сталину:

"Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство... Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задержать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство" [59, № 6, с. 205].

Поданным Л. Н. Лопуховского (В первые дни войны, сборник "Великая Отечественная катастрофа 3"), в бою 23 июня и при отходе в ночь на 24 июня и в течение первой половины этого дня в 120-м ГАП БМ РГК в результате неоднократных бомбежек и атаки танков противника в районе Ивацевичей и у Грудополя

397

на р. Щара были подбиты и брошены 10 гаубиц, 12 тракторов, 13 прицепов и 14 автомашин. По рассказу лейтенанта Н. К. Жуковского, несколько немецких танков догнали колонну его дивизиона уже при отходе в 8-10 км восточнее Ивацевичей и с ходу открыли по ней огонь.

В это время дивизии 47-го. стрелкового корпуса продолжали выдвижение на запад согласно приказу командующего фронтом. Командир 155-й дивизии генерал-майор П. А. Александров в своих воспоминаниях указывал, что дивизия в полном составе прибыла к Слониму вечером 23 июня. Впереди ее главных сил двигался 659-й стрелковый полк, которым командовал полковник В. И. Шишлов. В этот же день около 21 часа авангард полка принял бой с танками противника на шоссе Слоним-Волковыск вблизи деревни Озерница. Советские воины уничтожили 6 танков и бронетранспортеров врага (Рылко М. И., Шпырков И. Г. Слоним. Историко-экономический очерк. Минск, 1981 г.).

Не ясно, что за немецкие танки оказались на шоссе Волковыск-Слоним уже под вечер 23 июня. Шоссе Ружаны-Слоним, по которому шли части Гудериана, находится в 25-30 километрах к югу от описываемого выше столкновения. И это при всем при том, что, двигаясь от ружанской дороги с целью попасть на Волковыскую, надо пересечь по бездорожью (проселки тоже следует отнести к бездорожью) старую Варшавскую дорогу, которая идет через Озерницу, ж.-д. перегон Волковыск-Озерница и только потом выйти на шоссе. А по этим дорогам и вдоль них отходили на восток советские части. Это могли быть либо передовые отряды дивизий группы Гудериана, ведущие разведку по всем дорогам, либо десантники.

По словам местных жителей, в Озернице был большой десант, причем из планеров, которые садились на поле, выгружались танкетки и орудия. Не исключено, что с таким же десантом столкнулся 659-й СП. У Гудериана в мемуарах об этом бое вообще нет ни слова. Допускаю, что к утру 24-го к Озернице могли подойти танки Гудериана, ибо тем же утром они вошли в левобережную часть Слонима. Но чтобы к 21 часу 23 июня - вряд ли.

Впрочем, опросом местных жителей А. Л. Дударенок сумел найти кое-какие ниточки. Как рассказывал ему житель д. Мижевичи В. А. Бутько, вечером 23 июня со стороны Ружан появились немецкие мотоциклисты при поддержке легких танков.

"Мы все побежали на

398

шоссе смотреть на немцев. Мотоциклы все были с колясками. В колясках сидели пулеметчики. Проезжая мимо нас, немцы в колясках поворачивали в нашу сторону пулеметы, но не стреляли. Потом один из взрослых сказал, что надо расходиться, а то мало ли какой немец стрельнет. Мы разошлись, а вскоре послышалась стрельба с той стороны, где шоссе пересекает дорога Сергеевичи-Озгиновичи. В нашей деревне немцы остановились на ночлег на холме у кладбища".

Следовательно, можно считать доказанным, что передовой отряд одной из дивизий 47-го моторизованного корпуса противника к исходу дня 23 июня достиг Мижевичей, не дойдя до Слонима всего 15 км.

В самом же Слониме об этом, разумеется, знать не могли и к его обороне не готовились. Впрочем, боеспособных частей в нем и не было. В местах постоянной дислокации остались некоторые тыловые подразделения 29-й моторизованной дивизии и вновь формируемые части ВВС: управление 44-й авиабазы 15-го РАБ с приданными 144-й ротой связи, 194-м БАО с подразделением обслуживания авиагарнизона и 158-й аэродромно-технической ротой и 186-й истребительный авиаполк 60-й ИАД без боевой матчасти. Аэродром находился возле пригородной деревни Альбертин, в

настоящий момент слившейся с городом. Н. С. Халилов вспоминал: "С нами на восток шли и советские летчики. Они рассказали, что летную часть пригнали в местечко Альбертин, где был маленький аэродром. Самолеты велели разобрать на ремонт, на профилактику, а самих летчиков отпустили на увольнение по бабам. Это было сделано специально" [76, копия].

Таким образом, оборонять Слоним было некому. Лишь отошедшие из Беловежской пуши военнослужащие 9-й бригады ВОСО провели некоторые специфические мероприятия: разрушили железнодорожное полотно на главном пути, подорвали на нем паровоз и заняли оборону в районе станции. Как вспоминал бывший красноармеец 6-го батальона 1-го железнодорожного полка Л. Н. Лешошкин, в течение дня имели место стычки с мелкими подразделениями противника, по-видимому, разведгруппами или десантниками. Вечером воины-путейцы были обстреляны из пулемета, ценой потери четырех бойцов огневую точку удалось подавить. В ночь на 24 июня управление бригады убыло из Слонима на восток, оставив 6-й батальон в качестве прикрытия. Лешошкин утверждал,

399

что и комбриг майор В. Е. Матишев был вместе с работниками штаба, но на самом деле он в это время находился с той частью бригады, что сражалась рядом с танкистами 13-го механизированного корпуса.

6.10. За правым флангом. Действия войск 11-й армии. Взятие противником Каунаса и Вильно. Прорыв моторизованного корпуса Манштейна на стыке 11-й и 8-й армий. Выход 57-го моторизованного корпуса противника на лидское направление. Выдвижение резервов Западного фронта в район г. Лида

В полосе 11-й армии Прибалтийского военного округа (Северо-Западного фронта) армейские корпуса 9-й и 16-й полевых армий и части танковой группы Г. Гота продолжали развивать успех. Дивизии 1-й линии армии отходили к Неману и частично переправились на восточный берег: 5-я дивизия - западнее Каунаса, 126-я дивизия - в Приенай. В Каунасе, несмотря на перевод столицы в Вильнюс, продолжали оставаться Верховный Совет и ЦК компартии Литвы.

22 июня поэтесса Саломея Нерис выступила в Союзе писателей с призывом вооружаться и защищать город. Коммунисты получили из арсенала старые немецкие винтовки, однако в 20 часов командарм В. И. Морозов сообщил 1-му секретарю ЦК Снечкусу: Каунас необходимо оставить. А. Ю. Снечкус предложил взорвать радицентр и военные склады, но представитель НКВД ответил, что нет ни взрывчатки, ни людей. Председатель Верховного Совета Ю. И. Палецкис еле успел устроить Саломею и ее сына Саулюса на поезд в Резекне. Вскоре после оставления города радицентр был захвачен повстанцами, с призывом к народу о восстании обратился известный политический и общественный деятель Ляонас Прапуоленис. Утром 23 июня в Каунасе, Шяуляе и других городах Литвы начались организованные антисоветские акции вооруженных подпольных формирований (Известия ЦК КПСС, 1990, № 10, с. 136).

Как вспоминал временный поверенный в делах СССР в Литве Н. Поздняков, утром 23 июня колонна ЦК КПЛ и Верховного Совета была уже в Утенае. Как и в Укмерге, новый

400

пункт остановки никак не охранялся. Около восьми часов центр города, где был уездный комитет партии и находились прибывшие из Каунаса, был обстрелян вражеским истребителем. Тогда колонна направилась в сторону Зарасая, последнего литовского города перед литовско-латвийской границей; переправившись в Двинске через Западную Двину, руководство Литвы стало своего рода "правительством в изгнании". 23 июня в Каунасе

самопровозглашенное Временное правительство Литвы из захваченного радицентра объявило о восстановлении государственной независимости. 188-я стрелковая дивизия отходила северо-восточнее Каунаса в направлении на Ионаву; на улицах Каунаса завязались тяжелые бои частей 5-й и 33-й дивизий 16-го корпуса с войсками противника и отрядами литовских коллаборационистов. С началом боевых действий находившиеся до этого в подполье военизированные организации, которые не были раскрыты до войны органами госбезопасности республики, открыто выступили против частей Красной Армии. По данным КГБ СССР, в Литве в 1940-1941 гг. существовали следующие повстанческие организации:

ФЛА ("Фронт литовских активистов"),
"Шаулю саюнга" (Союз стрелков),
"Пенктон Колонна" (5-я колонна),
"Шаулю Миртиес батальонас" (Стрелки батальона смерти),
"Железный волк".

Вот как описывали свои "подвиги" руководители ФЛА в своем "Меморандуме о положении в Литве немецкой гражданской власти" от 15 сентября 1941 г.: "После начала войны ФЛА совместно с остатками частей литовской армии начали восстание, совершили целый ряд заданий, **согласованных с немецким военным командованием** (выделено мною. - Д. Е.). В восстании участвовало около 100 тысяч партизан. Число молодежи Литвы, погибшей в борьбе с большевиками, превосходит 4000 человек" (ВИЖ, 1994, № 5, с. 48).

В числе подписавшихся под "Меморандумом" значится дивизионный генерал С. И. Пундзявичус, первый командир 179-й стрелковой дивизии 29-го корпуса, бывший начальник Генерального штаба армии Литвы. Примечательно, что этот документ был составлен "фласовцами" (кажется, получилось неплохое словечко) ввиду того, что немецкие власти не отнеслись к Литве как к союзнице в общей борьбе, а посчитали ее всего лишь

частью оккупированной территории СССР и вовсе не собирались предоставить литовцам возможность вос-

401

становления государственности. Рейхсляйтер А. Розенберг в своем письме рейхскомиссару Х. Лоозе от 11 июля писал: "Недопустимо создание прибалтийских государств - о чем, однако, не следует заявлять публично... Что касается культурной жизни, то необходимо с порога пресекать попытки создания собственных эстонских, латышских, литовских университетов и вузов" (Изв. ЦК... № 10, с. 135).

Более того, согласно т. н. "расовой теории" литовский народ не был арийским и, следовательно, не мог рассчитывать на благосклонность Берлина. Небезызвестный специалист по "расовым вопросам" доктор Эрхард Ветцель отмечал: "Большая часть населения не годится для онемечивания... Нежелательные в расовом отношении части населения должны быть высланы в Западную Сибирь. Проверка расового состава населения должна быть изображена не как расовый отбор, а замаскирована под гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызвать беспокойство среди населения" (там же, с. 137). Хорошо хоть в Сибирь, а не в Трешлинку.

5 августа 1941 г. оккупационные власти распустили Временное правительство. По-человечески понятная обида литовцев была настолько велика, что начался саботаж. Кончилось это тем, что немцы произвели массовые аресты литовской интеллигенции, в том числе католического духовенства, и все несогласные с политикой оккупационных властей (до 80 тыс. человек, в 5 раз больше, чем арестовали органы НКВД-НКГБ) были отправлены в концлагеря за пределами республики. Литва была единственной из республик Советской Прибалтики, в которой не было сформировано ни одной национальной части войск СС, чего нельзя сказать о Латвии и Эстонии.

В ходе боев 23 июня германские войска вновь прорвали оборону в полосе 11-й армии и на левом фланге 8-й армии механизированные части

противника к исходу дня вышли на рубеж река Миния, Риетавас, Скаудвиле, Расейняй, Каунас. Разведгруппа на танках, высланная командиром 84-й мотодивизии, установила, что севернее Каунаса, со стороны Юрбурга (Юрбаркаса), через виадук в Арегале в направлении Ионавы продвигаются колонны танков и автомашин с мотопехотой противника. Это были части 56-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы ГА "Север" под командованием Эриха фон Манштейна. Кроме собственно армейских 8-й

402

танковой, 3-й моторизованной и 290-й пехотной дивизий ему была подчинена элитная моторизованная дивизия СС "Тотенкопф" (Мертвая голова). Вечером 23 июня 84-я МД оставила занимаемый рубеж и несколькими колоннами направилась на Ионаву. На марше подвергся обстрелу артиллерией и понес серьезные потери 41-й моторизованный полк майора Ивановского.

23 июня на участок, занимаемый подразделениями 23-й СД, отошел с границы и был подчинен себе командиром дивизии 224-й саперный батальон 119-й дивизии Сибирского ВО, находившийся на строительстве укреплений. 23-я СД, 1-й мотоциклетный полк 3-го механизированного корпуса и другие советские части вели тяжелые бои за переправы на Немане и за Каунас. 1-й батальон 89-го СП уничтожил несколько сот вражеских солдат; 106-й дивизион ПТО вывел из строя восемь танков, четыре бронетранспортера и уничтожил до роты солдат противника. Во второй половине дня 56-й МК противника вышел в район Укмерге, а введенные в бой дивизии 2-го армейского корпуса форсировали Неман и овладели Каунасом. 23-я дивизия отошла на рубеж Кашянай, Шафарка, имея задачу не допустить прорыва германцев на город Ионава.

В скоротечных боях за Каунас принимали участие также подразделения находившейся в стадии формирования 14-й бригады ПВО (командир - полковник П. М. Барский, начальник штаба - майор А. Ф. Осипенко). Утром 22 июня 1941 г. бригада была поднята по тревоге, ее

имевшие матчасть батареи заняли боевой порядок для прикрытия города; в течение дня зенитчики сбили семь самолетов противника. 23 июня командарм-11 В. И. Морозов устно передал: частям ПВО оставаться на местах до последнего момента и быть готовыми к отражению танковых атак противника. К полудню июня некоторые батареи подверглись ружейно-пулеметному обстрелу; нарушилась проводная связь с подразделениями, расположенными на левом берегу р. Неман и на правом берегу р. Виляя. Вскоре после этого 2, 4 и 6-я батареи 743-го зенитно-артиллерийского полка (командир полка майор - И. С. Алинников), занимавшие позиции на левобережье Немана, были атакованы пехотой противника при поддержке танков. На батареях не имелось средств тяги, к тому же днем мост через Неман был взорван, поэтому отойти они не могли и вели бой

403

до последней возможности. После того, как их окружили танки и пехота противника, пушки и оставшиеся боеприпасы были подорваны; личный состав, понеся большие потери, с боем вырвался из окружения и вплавь переправился на правый берег Немана [41, с. 68-72].

На самом юге Литвы, отеснив от Алитуса 5-ю танковую дивизию, 39-й моторизованный корпус продвинулся еще дальше в глубь советской территории, стремясь выйти в район Молодечно. На стыке Северо-Западного и Западного фронтов образовался разрыв примерно в 130 км шириной. Почти беспрепятственно переправившись через Неман в Мсркине (мост через реку охранял гарнизон 7-й роты 84-го железнодорожного полка НКВД численностью 21 человек, включая начальника гарнизона младшего лейтенанта Г. К. Пасечника), части 57-го моторизованного корпуса вошли на территорию Белоруссии севернее полосы продвижения 8-го армейского корпуса 9-й армии. Командир 2-й роты 84-го ЖДП докладывал: "Гарнизон Спенгла 357 км 1 типа дал последнее донесение в 11. 20 23. 6. 41, что гарнизон Меркис уничтожен, за исключением одного кр-ца, который отступает с его гарнизоном 357 км в направлении Лентварис с частями

РККА. Таким образом, с гар-на Меркис 350 км на 23. 6. 41 осталось живыми 2 кр-ца. Один сейчас находится со штабом роты, а второй пока неизвестно [где]".

Навстречу 57-му МК продолжали подтягиваться части 21-го стрелкового корпуса, 24-й и 50-й стрелковых дивизий и 8-й противотанковой бригады. Это была роковая ошибка. Вместо организации силами фронтовых резервов обороны на минском и молодецненском направлениях, командование фронта выдвигало значительную их часть в районы Волковыска и Лиды.

Этим решением по 47-му и 21-му корпусам, принятым Д. Г. Павловым, их достаточно хорошо подготовленные и сколоченные дивизии, а также соединения, не входящие в их состав, оказались обреченными на разгром по частям в ходе невыгодных для них встречных сражений с бронетанковыми войсками противника. Воздушной разведки за треугольником Алитус - Варена - Вильнюс командование Западного и Северо-Западного фронтов вообще не вело и пропустило прорыв моторизованных корпусов вермахта в сторону Лиды и Моло-

404

дечно, хотя еще утром 22 июня танки 57-го корпуса были не только обнаружены, но и атакованы дальней авиацией.

Полковник Г. Г. Скрипка вспоминал, что вечером 23 июня в район Лиды прибыл командир 21-го корпуса В. Б. Борисов с оперативной группой своего штаба. Во исполнение последнего полученного распоряжения фронтового командования он отдал приказ о выдвижении 17-й дивизии в направлении Радуни (северо-западнее Лиды), важного дорожного узла, где сходились дороги на Гродно, Лиду, Вильнюс, Щучин. В ночь на 24 июня, покинув временный лагерь в лесу возле Ивье, 55-й стрелковый полк форсированным маршем к утру вышел на западную окраину Лиды, а затем повернул на северо-запад. Правее, вдоль шоссе Лида-Радунь, должны были выдвигаться два других стрелковых полка дивизии.

Политрук полковой школы 55-го СП А. Я. Рогатин вспоминал, что на станции стояли эшелоны с танками KB-2 и Т-34, предназначенными 11-му механизированному корпусу. Все танки были заправлены горючим, но не было экипажей. Командир дивизии генерал-майор Т. К. Бацанов приказал найти среди солдат и младшего состава тех, кто мог бы взять на себя роль механиков-водителей, но нашлись только несколько бывших трактористов. Танки спускали с платформ, отгоняли в выбранные командованием места и закапывали в землю, превращая в неподвижные огневые точки; из-за неумелого обращения несколько машин было опрокинуто. В то же время, как видно из опубликованных немецких фотографий, много танков так и осталось на станции, в том числе и на платформах. А в это время одни танкисты 11-го МК сражались на легких бэтэшках, другие же, которых война застала "безлошадными", пешим ходом двигались в тыл, но не на Лиду, а на Минск.

На второй день войны командир выгрузившегося на станции Гавья 245-го ГАП 37-й дивизии полковник Меркулов сумел установить связь со штабом соединения. По приказу командования личный состав полка начал перебрасывать свои 122-мм гаубицы к железнодорожной станции Гутно, что находится к востоку от Лиды. Орудия двигались на конной тяге, вследствие этого скорость передвижения была невелика. В целом сосредоточение корпуса происходило медленно, с большими трудностями из-за отсутствия 2-х эшелонов частей, при

405

недостатке боеприпасов, горючего, продовольствия и фуража.

К. Н. Осипов вспоминал, что утром 23 июня из Лиды все-таки вернулась нагруженная бочками с бензином автомашина. Старший рассказал, что в Лиде полная неразбериха. На складах ждут указаний от своего начальства об отпуске военного имущества, но распоряжений нет. У складов скопилось такое множество машин, что начальник склада ГСМ, видя такое положение, под свою ответственность без всяких накладных начал отпускать

бензин. Техника была заправлена, дивизион был приведен в боеготовность. Затем поступил приказ: совместно со стрелковым полком выступить для ликвидации воздушного десанта. В 9 часов колонна двинулась в направлении Лиды. Во второй половине дня разведка обнаружила вражеских парашютистов, полк развернулся в боевой порядок. Но оказалось, что десант какой-то "неправильный", с танками и бронемашинами (вероятно, это был именно тот случай, когда за парашютистов приняли передовой отряд немецкой танковой дивизии). Гаубичные батареи открыли огонь, но в ходе боя у стрелков быстро растаял их весьма скудный запас патронов, подвоз же организован не был. Батальоны отошли к огневым позициям дивизиона, образовав опорные пункты. Немцы трижды атаковали нашу оборону под прикрытием танков, но каждый раз откатывались, оставляя убитых и раненых. Было подбито восемь танков. Когда начало темнеть, был получен новый приказ: отходить на Ошмяны.

В конце дня над частями 37-й дивизии зенитчики сбили самолет-разведчик Люфтваффе, видимо, легкий, так как его обозвали "стрекозой". Летчик опустился в расположении 68-го ОРБ и был пленен. Пробовали его допросить, но немец не знал русского языка, а знатоков немецкого не нашлось. М. Т. Ермолаев вспоминал: "Да тут снова послышался гул стервятников с крестами на крыльях. Неподалеку от наших позиций был выявлен фашистский десант, ликвидировать который нам помогли соседи-артиллеристы. До наступления утра 24 июня десант был уничтожен. Уцелевшие фашистские вояки сдались в плен". Здесь, скорее всего, были реальные десантники без тяжелого вооружения.

406

6.11. 29-й территориальный. Итог эксперимента по "переделке" литовской армии в корпус РККА

Что касается собственно самих войск ПрибОВО, то никаких сил, способных не то что остановить, но хотя бы задержать на некоторое время продвижение противника во фланг своему соседу, на юге Литвы реально не имелось. Генерал Г. Гот в своих воспоминаниях написал: "Поступившие в течение дня донесения давали основания полагать, что литовский армейский корпус противника, мужественно оборонявшийся 22 июня, начал распадаться. Отдельные группы, загнанные немецкой авиацией в леса, в некоторых местах пытались нападать на наши походные колонны, но централизованного управления этими группами уже не было". Из анализа доступных источников абсолютно не вытекает, что 29-й корпус вообще мог "мужественно обороняться". Если немцам и попадались плененные, а не сдавшиеся сами, литовцы, то, скорее всего, лишь в общей массе советских военнопленных.

К исходу дня 22 июня 184-я ТСД занимала оборонительный рубеж по восточному берегу реки Оранка, управление и корпусные части находились в лесу в районе м. Каменка. В 19 часов командование дивизии получило секретный для литовцев приказ о выводе соединения на территорию СССР, в район Полоцка; затем было принято решение об отходе в сторону Вильнюса.

Бывший военнослужащий дивизии вспоминал, что утром 22 июня радисты из отдельного батальона связи поймали радиопередачу на литовском языке из Германии; это было обращение к жителям Литвы и воинам-литовцам. Обращение немедленно было распространено между военнослужащими-литовцами.

Около 13 часов 22 июня рядовой 615-го арtpолка П. Пильвинис и другие литовцы услышали воззвание Клайпедской радиостанции к воинам 29-го корпуса, призывающее их направить оружие против русских комиссаров и советских активистов. Около 20 часов лейтенанту Б. из 297-го стрелкового полка дежурный по полку приказал привезти со стрельбища бойцов-снайперов и их снаряжение. Грузовик недалеко от клалбища у Варены 1-й был обстрелян из немецкого пулемета, еще один пулемет вел

огонь со стороны картонной фабрики, а от железнодорожной насыпи из тяжелого пулемета вела огонь охрана из 2-го батальона 262-го стрелкового полка.

407

Когда грузовик вернулся, никого не привезя, политруки обозвали литовцев контрреволюционерами. Около 23 часов неизвестный майор сказал, что получено сообщение о занятии немецкими войсками Меркине и о том, что они находятся в 30 км от Варенского лагеря. В ночь на 23 июня в большинстве частей 184-й ТСД начался мятеж: литовцы обрезали линии связи к штабам, добывали боеприпасы, договаривались об организации взаимодействия. Штабы не могли дозвониться до частей, литовцы-связисты, посланные ремонтировать линии, не возвращались. В 6 утра 23 июня был отдан приказ отступать в направлении Валкининкай.

1-й батальон 297-го полка без 1-й роты, которая не подчинилась приказу и осталась на старом месте, выступил из лагеря, однако в пути сержант К. из 616-го артполка застрелил советских командиров, после чего батальон вернулся назад. 2-й батальон, отступая по маршруту Мал. Поручай, Яканчай, Пу-оджяй, достиг Валкининкай, где восстал и также уничтожил комсостав Красной Армии. На марше из батальона начали разбегаться одиночные бойцы и командиры, в частности лейтенант В. Чивас. В окрестностях д. Юргеленис и других местах шли бои немецких войск с советскими. Батальон остановился в Дугняйском лесу; здесь литовцы окопались и решили дальше на восток не отступать. Инициаторами восстания были капитан П. Почебутас, лейтенанты П. Аушюра, А. Ляуба, К. Заронскис и другие.

В 23:20 23 июня по условному сигналу "Шагом марш" повстанцы начали обезоруживать политработников, их заместителей, красноармейцев, комсомольцев и других лояльных Советской власти активистов. Произошел короткий бой с оказавшимися сопротивлением красноармейцами. Были убиты командир батальона капитан Тяпкин, политруки Краснов и Захаров,

замполитрука Гарьенис и Голштейн. При встрече батальона с командиром 616-го арtpолка какой-то литовский солдат заколол его штыком и сбросил с коня, так как советский командир выхватил из ножен саблю. Младший лейтенант Уогинтас из пистолета застрелил комиссара. Убили и встреченных красноармейцев-связистов. По дороге повстречался политрук Волков из 8-й роты их полка, его тоже убили. В половине второго ночи 24 июня на большаке Рудишкес-Хазбиевичи в 2 км северо-восточнее Рудишкес 4-я и 5-я роты 297-го СП присоединились к немцам. 3-й батальон, уничтожив уполномоченного 3-го отделения, красноармей-

408

цев и их командиров, отошел севернее дороги Бобришкес-Валкининкай [76, копия].

Удалось установить, что из Варенских лагерей основные силы 184-й ТСД отошли на северо-восток, но до Вильнюса не дошли. Они собрались в районе Валкининкай и там были окружены немцами. Здесь ее боевой путь фактически завершился: те подразделения дивизии, что сохранили лояльность, с боем вырвались из окружения и подались на восток (кто на Вильнюс, кто в сторону белорусской границы - на Сморгонь и Молодечно), но большая часть без сопротивления сдалась. Сдавшиеся солдаты и офицеры в большинстве своем вступили в различные полицейские и карательные части, которые были сформированы нацистами на захваченной территории. В частности, мрачную славу оставил о себе 12-й литовский полицейский батальон, которым командовал бывший майор литовской армии Антанас Импулявичус.

Кровавый след этого батальона протянулся по еврейским гетто в Литве и Белоруссии, есть данные, что каратели "наследили" и в Катynie, где, кроме польских офицеров, немцами и их приспешниками было уничтожено множество евреев и неевреев (советских военнопленных и просто гражданских лиц). В 1962 г. в Каунасе на открытом судебном процессе по делу о массовых убийствах евреев в годы Второй мировой войны 8 бывших

карателей из 12-го батальона были осуждены к высшей мере наказания (расстрелу), но сам комбат майор А. Импулявичус, укrywшийся в США, не был выдан советской стороне (также не был он выдан и властям независимой Литвы). Негусто, но в советско-российских источниках нет и этого. Впрочем, получив от литовских историков несколько справок по 184-й дивизии, я через какое-то время вспомнил, что одна публикация по литовским карателям все же где-то была.

В Военно-историческом журнале (№ 2 за 1990 г.) была опубликована выдержка из книги бывшего работника Тельшайского уездного отдела НКГБ Литвы, впоследствии предпринимателя из Израиля, И. Дамбы "В кровавом вихре". Иехиль Дамба прислал в редакцию свой документальный роман, посвященный Холокосту еврейского населения в Литве и Белоруссии, фактически на рецензию, ибо желал по замечаниям внести в него коррективы, так как опасался, что некоторые эпизоды могут быть использованы для антисоветской пропаганды. ВИЖ дал роману исключи-

409

тельно высокую оценку, сравнив его с известным произведением "В августе 44-го". Но, что самое важное, приведенный отрывок из книги был посвящен как раз одной из "акций" того самого 12-го полицейского батальона, так сказать, на выезде, в белорусском городке Слуцке. Немецкий комиссар Слуцка в своем письме (с грифом "Секретно") генеральному комиссару Минска от 30 октября 1941 г. подробно описывает зверства, которые учинили литовцы в Слуцке, уничтожив за два дня всю его еврейскую общину и разграбив их имущество. Тогда заодно досталось и белорусам. Комиссар пишет: "Многие белорусы, которые доверялись нам, после этой еврейской акции очень встревожены. Они настолько напуганы, что не смеют в открытую выражать свои мысли, однако уже раздаются голоса, что этот день не принес Германии чести и он не будет забыт... Ночью со вторника на среду данный батальон оставил город. Они уехали по направлению к Барановичам. Жители Слуцка очень обрадованы этой

вестью". И в конце: "Прошу выполнить только одно мое желание: в дальнейшем оградить меня от этого полицейского батальона". Вот так, ни больше ни меньше: прошу оградить.

Во время прохождения Вильнюса отходящие колонны обстреливались командами литовских солдат, охранявших зимние квартиры 179-й дивизии и 615-го корпусного артполка. 615-й КАП в столкновениях с мятежниками потерял при прохождении через город до 200 человек личного состава и практически всю матчасть (31 орудие и 32 трактора). Всего из состава 29-го ТСК (18 000 человек) на территорию Белоруссии вышло не более 2000 литовцев, хотя в целом ушедших вместе с отступившей Красной Армией литовских граждан хватило на то, чтобы сформировать из них в 1942 г. полноценную стрелковую дивизию за номером 16.

После того как 184-я показала свою полную непригодность, командование 11-й армии не решилось бросить в бой 179-ю территориальную стрелковую дивизию (командир - полковник А. И. Устинов). До весны 41-го ею также командовал литовец генерал-майор Альбинас Чепас, но и он был заменен. Как вспоминал бывший оперуполномоченный Особого отдела НКВД по 234-му стрелковому полку полковник Е. Я. Яцовскис, в ночь на 23 июня дивизия находилась в районе Пабраде, в 50 км северо-восточнее Вильнюса. Ее 618-й легко-

410

артиллерийский полк, личный состав которого сохранил лояльность, в ночь на 23 июня по приказу комдива Устинова занял оборону на высотах юго-западнее Пабраде. На этом действия советских частей в полосе 11-й армии во второй день боевых действий закончились.

Показательна судьба разведэскадрильи литовского корпуса. На ее вооружении находилось 13 самолетов бывшей литовской военной авиации и аэроклуба. Зам. командира майор Б. Бразис вспоминал, что в эскадрилье было девять АНБО-41, три АНБО-51 и один "Глостер Гладиатор I". Разведчики АН-БО-41 имели камуфляж литовских ВВС: оливковый верх и

голубой низ. На нескольких машинах был темно-зеленый камуфляж. Подкосы крыла и стойки шасси - черные. Капот двигателя - неокрашенный, металлический, с отделкой "под мороз". Оознавательные знаки советских ВВС наносились на фюзеляж, крылья и вертикальное оперение; старые бортовые номера не закрашивались. Около 50 пилотов и летнабов национальной эскадрильи начали свою службу в ней осенью 1940 г. Несколько из них, будучи этническими немцами, в феврале 1941 г. репатриировались в Германию, а 14-16 июня 11 летчиков были арестованы органами НКВД.

По воспоминаниям ветеранов удалось восстановить картину последних дней литовской эскадрильи. 22 июня на аэродроме близ Укмерге прозвучал сигнал тревоги. Связи со штабом корпуса не было, комэск Ю. Ковас решил послать самолет в штаб 179-й дивизии. В Пабраде на АНБО-41 вылетели лейтенанты А. Косткус и В. Станкунас. Из-за небольшой поломки они вернулись с пакетом от комдива лишь поздно вечером. Рано утром 23 июня все АН БО были подняты в небо, согласно приказу покинули аэродром и взяли курс на Пабраде. После приземления обнаружили, что дивизия уже ушла на восток. В 9 часов утра был воздушный налет, были серьезно повреждены два "сорок первых".

Авиаторы решили улететь в Белоруссию, но не оказалось полетных карт. Майор Ковас приказал штурману эскадрильи майору П. Масису слетать на АНБО-41 с сержантом Ю. Астикасом в Укмерге за картами. Спустя несколько часов, так и не дождавшись Масиса с картами, эскадрилья взлетела. Два АНБО-41 и три АН БО-51 взяли курс в сторону Укмерге и сели на клеверное поле близ Сесикая. Три машины полетели в сторо-

411

ну Гомеля. Уже над территорией Белоруссии литовские самолеты, неизвестные советским зенитчикам и потому неопознанные, были обстреляны из пулеметов. Самолет со старшим лейтенантом Ярчуком и командиром эскадрильи Ковасом упал недалеко от Ошмян. Машина с

политруком Зайко и лейтенантом Каласюнасом пропала без вести. Вероятно, они тоже погибли. Третий самолет, с лейтенантом А. Косткусом и капитаном В. Жукасом, вернулся в Пабраде. На аэродроме их встретили экипажи двух поврежденных машин. Авиаторы больше ничего не могли предпринять. Они закопали в лесу парашюты, летную одежду и разошлись по домам. Но что же случилось с остальными экипажами?

Когда один АНБО приземлился в Укмерге, майор Масис пошел в штаб за картами, а сержант Астикас остался его ждать в самолете с работающим двигателем. Увидев бегущего к нему незнакомого человека с пистолетом, он испугался и взлетел. Приземлился где-то на территории Восточной Пруссии, где был пленен. Экипаж Сосикае и майора Масиса немецкие мотоциклисты взяли в плен 24 июня. Сержант А. Гуйя вспоминал: "Военный автобус отвез нас в Кенигсберг. Выяснив, кто мы такие, нам предложили вступить в немецкую армию. Мы отказались. Нас на поезде отвезли в Баварию, а затем в Восточную Пруссию... В начале октября 1941 года нас доставил и в Каунас, мы носили еще старую литовскую форму военных летчиков". После войны многие летчики-литовцы 29-й, несмотря на отказ сотрудничать с немцами, были арестованы и осуждены на 5-10 лет ИТЛ. Некоторые эмигрировали в США и Австралию [76, копия].

В и без того загадочной истории 29-й ОКАЭ имеется еще одно "белое пятно". По сводкам безвозвратных потерь ВВС фронта, 27 июня из вылета в район Двинска не вернулся экипаж командира звена 29-й эскадрильи лейтенанта П. М. Белохвостова. Как он оказался там, неизвестно.

Печальный итог короткой жизни 29-го ТСК вполне закономерен. Корпус был сформирован на основе частей регулярной армии буржуазной Литовской республики со всеми вытекающими последствиями. Это была армия с устоявшимися традициями, с реакционно и националистически настроенным офицерским корпусом. К тому же весьма религиозная. Литва была обращена в христианство латинского обряда по

европейским меркам очень поздно, в 1387 г. Вследствие этого набожность народа была высокой, и даже гонения на католиков в период вхождения в Российскую империю не имели особого успеха.

С 17 декабря 1926 г. в результате военного переворота, то есть силами именно армии, в Литве фактически был установлен фашистский режим во главе с А. Сметоной. Он был выпускником Санкт-Петербургского университета, католик, националист, яркий публицист, умелый дипломат, пользовался полной поддержкой реакционной партии "Таутинкай саюнга" (Союз националистов, или таутинники), что еще о нем можно сказать? Левых ненавидел лютой ненавистью, все левые организации, включая компартию, были запрещены, все, кто занимался подпольной деятельностью и был "раскрыт", сидели в концлагерях, в том числе в фортах крепости Ковно.

Летом 1940 г. на броне и гусеницах советских танков в Литву были принесены новые реалии, и политический вектор сместился, как и следовало, влево. Присутствие Красной Армии на территории Литвы даже в случае ее полного невмешательства во внутренние дела страны не могло не вызвать подъема антисметоновских настроений. На этот раз Вооруженные силы Литовской республики, фактически заблокированные "ограниченным контингентом" РККА, в политической борьбе участия не принимали; в результате массовых акций протеста диктатура пала, Сметона бежал в Германию, а потом - в США. Все политзаключенные были освобождены, компартия - легализована. В Литве была восстановлена Советская власть, армия была реорганизована в литовскую Народную армию с учреждением в ней института политруков. Командующим был назначен кадровый советский офицер, но этнический литовец, комбриг Ф. Р. Балтушис-Жемайтис.

После добровольного вступления в состав Советского Союза (именно добровольного, ибо легитимность Верховного Совета Литовской ССР ничем не отличалась от легитимности признанного Лигой Наций Сейма Виленского края "образца" 20-х годов) соединения и части ее Народной армии вошли в состав Красной Армии в виде 29-го литовского ТСК. Но за год сделать из

национальной армии независимого государства лояльное советскому режиму тактическое объединение не удалось. Не помогли ни чистки, ни аресты, ни "промывки" мозгов. Еще больший вред принесло агрессивное безбожие, наса-

413

ждаемое новыми властями. Для консервативных литовцев запрет на исповедание веры был неприемлем, и для многих, даже симпатизирующих коммунистическим идеям, он был неприятной неожиданностью. Но Сталин умел извлекать опыт из собственных ошибок. Когда в ходе войны было создано Войско Польское из двух общевойсковых армий, в его частях по аналогии с польскими вооруженными силами "образца" до 1 сентября 1939 г. был введен институт капелланов - военных священников.

Глава 7. 24 ИЮНЯ, ДЕНЬ 3-й.

7. 1. Окончание активных действий советских войск на Августовском канале. Ввод в бой конно-механизированной группы. Действия войск левого фланга 3-й армии южнее Гродно

Ранним утром к Неману в районе деревни Гожа внезапным ударом прорвался 213-й полк 56-й стрелковой дивизии вместе с примкнувшими к нему подразделениями и остаточными группами. Уцелевшие, но оставшиеся без горючего и снарядов, бронемшины 38-го разведбата накануне были закопаны в землю. В короткой схватке противник был обращен в бегство, был захвачен исправный понтонный мост.

М. И. Алексеенко из 1-го батальона 184-го КрСП вспоминал:

"... мы вышли к Неману, где уже началась переправа. Большинство бойцов из 213-го стрелкового полка уже переправилось по понтонному мосту, но вдруг появились немецкие танки, которые открыли по переправе

огонь. А потом и самолеты. Нам пришлось переправляться под перекрестным огнем на подручных средствах. Вода в Немане у берега покраснела от крови. Понтон, за который я ухватился, стало прибывать к берегу, где были немцы. Я прыгнул в воду и едва не утонул. Спасли меня проплывавшие мимо в лодке пограничники. У деревни Гожа, у кладбища (не один бывший воин 3-й армии запомнил это красивое католическое кладбище с крестами и статуями. - Д. Е.), мы наконец пристали к берегу, но попали под огонь вражеской артиллерии. Во время переправы я потерял своих однополчан и отступал дальше, к Лиде, с пограничниками. 27 июня, при попытке перейти дорогу, по которой двигались немцы к Мин-

415

ску, я попал в плен и был отправлен в лагерь военнопленных" [76, письмо].

Его боевой товарищ А. П. Исупов, с которым Алексеенко встретился лишь спустя 39 лет, писал в письме:

"Я тоже чуть не утонул, пока понтон [нас] перевозил на ту сторону (вернее, на эту сторону). В понтон ударило осколками, и вскоре я оказался в воде. Щит от пулемета и вся выкладка утянули на дно и только каким-то чудом выбрался" [там же, письмо].

Оказавшись на правом берегу реки, уцелевшие при переправе защитники рубежа на Августовском канале привели себя в порядок и двинулись по направлению к Лиде. П. В. Жила вместе с работниками управления укрепрайона капитаном Титовым и политруком Гришаевым (они прибыли в 9-й арт-пульбат еще 22 июня в качестве делегатов связи) и 17 бойцами пошел своим маршрутом. В районе Речицы группа капитана Жилы переправилась через Днепр и вышла к своим.

Судьба многих подразделений 68-го укрепрайона осталась неизвестной. Ничего по сей день не известно о 10-м батальоне старшего лейтенанта Луппова, находившемся на левом фланге. Единственное сообщение из 10-го поступило в штаб УРа утром 22 июня: в нем сообщалось,

что позиция батальона атакована людьми в форме военнослужащих РККА. Так как некоторые доты располагались в 200-300 м от линии границы, можно предположить, что по крайней мере часть их постигла судьба сооружений у Граево, захваченных штурмовыми группами противника без сильного противодействия с нашей стороны. Также почти ничего не известно о судьбе 2-й роты 9-го артпульбата.

К рассвету 24 июня части 6-го мехкорпуса в основном вышли на исходные, определенные решением по нанесению контрудара в сторону Гродно. К четырем часам в штаб 36-й КД из всех частей были присланы донесения о выполнении приказа на занятие оборонительного рубежа. В 1-м эшелоне фронтом параллельно шоссе Белосток-Гродно развернулись 24, 102 и 144-й полки. Во 2-м эшелоне находились 42-й кав-полк и 8-й танковый полк. Левее 36-й в стык со 144-м КП заняла оборону 6-я кавдивизия. На КП И. В. Болдина, куда прибыл генерал Е. С. Зыбин, М. Г. Хацкилевич сообщил, что танковые полки мехкорпуса прошли Сокулку в направлении Кузницы. По согласованию с командиром дивизии майор Яхонтов отправил с водителем штадива распоряжение в Вол-

416

ковыск, полковнику Козакову, чтобы артдивизион майора Игнатьева был направлен в район Одельска. После отмотилизования 2-му эшелону дивизии надлежало прибыть сюда же. К полудню с гродненского направления стал доноситься гул артиллерии, который затем стал приближаться и смещаться в сторону правого фланга, который занимал 24-й кавполк. К исходу дня стало ясно, что советские танковые части не сумели добиться решительного успеха и даже в некоторых местах были вынуждены отойти, но правый фланг 36-й дивизии по-прежнему был надежно прикрыт.

В соответствии с решением командующего фронтом группа генерал-лейтенанта И. В. Болдина должна была в 10 часов утра 24 июня атаковать противника в направлении на Гродно и Меркине. Задача была поставлена глобальная: к исходу дня овладеть Меркине, то есть выйти в полосу 11-й

армии соседнею фронта. 6-й мехкорпус должен был атаковать в направлении на Гродно, Друскининкай, Меркине. 29-й МД предстояло наступать с рубежа Кузница, Сокулка, 4-й и 7-й танковым дивизиям и 6-му кавкорпусу - из района Шиндзель, Врхолесье, Тросьцяно-Нове (10 км южнее Сокулки) и далее - на север по берегу р. Неман.

Таким образом, задача группе изменялась в сторону усложнения: требовалось уже не только стабилизировать положение в районе Гродно, Сопоцкин, Липск, но и продолжать наступление в полосу Северо-Западного фронта в район переправ через Неман у Меркине и, возможно, Алитуса. Вероятно, удар группы Болдина планировался как составная часть попытки переломить в свою пользу ситуацию на правом фланге всею советско-германского фронта. Кроме этого, планировалось привлечь к контрнаступлению соединения 3-й и 13-й армий. Однако устойчивой связи с этими объединениями фронт не имел, к тому же 13-я находилась еще в стадии формирования и фактически представляла из себя только штаб с батальоном связи. Не было также надлежащим образом организованной связи и, как следствие, четкости во взаимодействии между собой привлеченных к удару корпусов и их дивизий. 11-й мехкорпус так и не вошел в состав КМГ и действовал по-прежнему в подчинении 3-й армии. Но, судя по документам штаба фронта, там этою не знали и по-прежнему считали, что у Болдина два мехкорпуса, а не один. Согласно оперсводке штаба Западного фронта № 5 к 22 часам

417

24 июня, 3-я армия к 10 часам утра имела задачу во взаимодействии с группой Болдина перейти в наступление. 27-й стрелковой дивизии с рубежа Секерка, Янув (примерно в 15-20 км к югу-юго-западу от Домбровы) приказывалось наступать в направлении на Домброву, частям 85-й стрелковой дивизии с 86-м погранотрядом и остатками 56-й стрелковой дивизии - в направлении на Гродно. 6-я бригада ПТО якобы была выведена в резерв и находилась в районе Лунно.

В. К. Солодовников вспоминал, что, не успев даже изучить новый район обороны, он получил приказ силами своего 345-го полка взять назад Августов, до которого после трех последовательных отступлений было уже 55 км. Когда вышли на позицию укрепрайона и заняли там оборону, получили новую вводную: атаковать противника правее своего расположения на линии дороги Августов-Гродно. Там был участок УРа, занятый противником. Взяв работников штаба, полковник выехал на рекогносцировку, а своему заместителю приказал вывести полк в исходное положение. В назначенном месте свои подразделения он не обнаружил, когда стал искать, нашел 345-й снова на марше, с новым приказом на отход.

Причины таких абсурдных, на первый взгляд, действий командования 27-й дивизии, из-за которых боеспособный полк с приданными ему подразделениями бесцельно перемещался между Сокулкой и Штабином, вряд ли уже будут раскрыты. Можно лишь предполагать, что они явились следствием разного рода несогласованностей в организации контрудара группы Болдина и 3-й армии.

Рано утром 24 июня маршал Г. И. Кулик на танке Т-34 лейтенанта Бородина выехал из штаба армии в штаб какого-то корпуса.

Бородин вспоминал:

"Уже не блуждали, поскольку в штабе армии нам выдали карту. И пайком обеспечили. Двигались в направлении Гродно. Но в указанном месте штаба корпуса не оказалось. Прикинув, что он, скорее всего, переместился в восточном направлении, двинулись туда. Маршал был сильно не в духе... В одном месте (мы ехали с открытыми люками) увидели отступавшую стрелковую часть. Слышался гул орудий и разрывы снарядов". Маршал приказал танкисту остановить бегущих. Увидев капитана, который также пытался прекратить панику, лейтенант закричал ему, чтобы слышали и другие: "Смотрите! Там маршал Советского Союза! При-

каз - занять оборону!" Капитан повторил его слова. Бойцы побежали назад, слышались даже крики "Ура!".

Когда горючего в танке осталось на час-полтора хода, расстроенный Кулик приказал остановить какой-нибудь автомобиль. Примерно через полчаса появились две бронемшины. В первой ехал полковник, оказавшийся начальником связи того самого корпуса, который они разыскивали. Маршал уехал с полковником, а вскоре мимо танка проехали три автозаправщика из 7-й танковой дивизии. Заправившись под завязку, тридцатьчетверка вслед за заправщиками прибыла в расположение дивизии и своего полка, которые вели бой под Гродно. В тот день боевое счастье улыбнулось Б. А. Бородину: его экипаж подбил и поджег семь вражеских танков. Но оно не улыбнулось корпусу в целом.

Наступательные действия 6-го МК изначально были обречены на неудачу ввиду его необеспеченности всеми видами снабжения для длительного ведения боевых действий. Боеприпасов имелось крайне ограниченное количество, фактически "голодный паек". Как вспоминал В. С. Финогенов, башенный стрелок бронемшины 35-го танкового полка 6-й кавдивизии, их экипаж послали на артсклад мехкорпуса - разведать, нельзя ли разжиться у коллег выстрелами для танковых пушек.

"Когда мы к нему подъехали, оказалось, что накануне он подвергся авиационному налету. Все наземные постройки склада исчезли. Во многих местах как бы горела земля, раздавались мощные взрывы, разбрасывавшие вокруг осколки, неразорвавшиеся снаряды, снарядные гильзы" [76, копия].

Помимо значительных трудностей в снабжении горючим и продовольствием, войска совершенно не имели прикрытия с воздуха, Штатных средств ПВО корпус, как указывалось выше, лишился согласно летнему плану боевой подготовки. Действия КМ Г должна была поддерживать авиация Западного фронта, по боевому распоряжению генерала Павлова, не менее чем 80 бомбардировщиками. Об истребительном прикрытии речь вообще не шла. Таким образом, наступление конно-

механизированной группы нашей авиацией не прикрывалось, зато налеты авиации противника происходили регулярно. Этих двух причин и еще, пожалуй, крайне неудовлетворительной организации разведки и, как следствие, незнания противостоящих сил противника (особенно его средств

419

противотанковой обороны) было более чем достаточно для провала.

Дальнейшие действия 6-го механизированного корпуса "обросли" легендами в худшем понимании этого слова. Они присутствуют не только в работах официальных историков, в частности В. А. Анфилова, но и в немногочисленных изданных воспоминаниях участников событий. Даже после распада СССР их можно встретить на страницах печатных изданий и на интернет-сайтах. К этим легендам относятся упоминания о боях с немецкими танками из состава группы Гота, которых в этом районе просто не было (приданные пехотным дивизиям вермахта танки и САУ едва ли составили бы один полк).

Сюда можно отнести и описание Анфиловым боев корпуса во второй половине дня 23 июня.

"При переходе в атаку части 6-го мк были встречены сильным противотанковым огнем и подверглись ударам авиации. В результате боя им удалось отбросить прорвавшиеся юго-восточнее Гродно части вермахта и к вечеру выйти в полосу обороны 27-й стрелковой дивизии 3-й армии". Как развивались события в действительности, было описано выше. И ветераны 27-й дивизии версию Анфилова не подтвердят. Если верить В. А. Анфилову, получается, что немцы глубоко прорвались на стыке 2-й стрелковой дивизии 10-й армии и 27-й дивизии, чего в действительности не было. В полосе 56-й дивизии был прорван центр 3-й армии, 27-я же дивизия 22-24 июня сохраняла локтевую связь с 1-м корпусом 10-й армии. Более того, судя по воспоминаниям С. С. Зубенко из 75-го арtpолка, части мехкорпуса появились в тылу дивизии не выстроенными в боевой порядок, а походными колоннами. Он писал: "Я спустился с вышки с тем, чтобы организовать какой-нибудь

ужин. Молодой желудок очень чувствительный к этой очень важной процедуре. Старшина дал нам по сухарю на брата. Я его назвал штабным трутнем и решил смотаться к соседнему хозяину. В это время Алексеев каким-то вздернутым голосом крикнул:

- На дороге танки... Много танков. Идут колонной на Забелье.

Я пулей помчался к вышке и как кошка полез вверх на площадку. С юго-запада шла бесконечная колонна бронированных чудовищ, заходивших в тыл нашей 27-й стрелковой дивизии. Алексеев по телефону вызывал 1-го (или нашего комба-

420

та). Но ни 1-го, ни 2-го не мог найти. Я прикинул по дальномеру общую длину колонны, она равнялась пяти с половиной километрам. Расстояние между машинами около 20 метров. Следовательно, в колонне было порядка 270 танков. Шли они вовсе не по дороге, а напрямик: полем, по посевам ржи, пересекая дороги. Люки открытые, пушки задраны вверх, на приличной скорости. Не успел я разобраться, что к чему, как на большаке Белосток-Домброво заметил движение колонны автомашин с пехотой, усевшейся, словно перед парадом на Красной площади. Тут уж я успокоился. Таких машин у немцев не было. Это [были] наши полуторки, далекий подарок Форда с некоторым отклонением в качестве. Общее количество машин было не менее тысячи" [76, копия].

В приведенной выдержке есть две неточности, но они несущественны, как мне кажется. Танки двигались, конечно, не на Забелье, которое находится западнее Суховоли, да и мотопехоту, очевидно, Зубенко заметил на другой дороге. Если в мощнейшую артиллерийскую оптику он просматривал местность вплоть до Сокулки, то по прошествии стольких лет вполне мог и ошибиться. Но сам факт, что артиллеристы 27-й дивизии увидели части 6-го мехкорпуса в походных колоннах, по-моему, бесспорен. "Во второй половине дня 24 июня танковые дивизии были перенацелены на юго-восток от Гродно, где вечером вступили в бой с соединениями 3-й танковой группы

Гота, пытаясь остановить ее продвижение на минском направлении". Однако и это не соответствует действительности. Чтобы встретиться с частями Гота, которые двигались на Минск значительно севернее Гродно, танкистам Хацкилевича нужно было оказаться на правом берегу Немана. Против КМГ первоначально действовала только 256-я пехотная дивизия 20-го армейского корпуса, 25-26 июня была введена в бой 162-я дивизия того же корпуса, по рокаде Ломжа - Августов - Гродно дополнительно была переброшена 87-я дивизия 42-го армейского корпуса. Оттеснив в первый день войны советские части за рокаду, идущую из Ломжи в Щучин, Граево, Августов, германское командование получило возможность быстрого маневрирования войсками. Ни одна из немецких дивизий в районе Гродно, ни один их полк или батальон не входили в группу Гота. И именно 256-я ПД, организовав устойчивую противотанковую оборону, первой встретила и останови-

421

ла продвижение передовых частей 6-го механизированного корпуса.

На этом фоне совершенно наивно выглядят рассказы о "давлении превосходящих сил противника", о значительном продвижении советских танкистов. Никакого давления немцы не оказывали. Просто, заняв жесткую оборону, зарывшись в землю и поставив на прямую наводку всю артиллерию, в том числе легкие 105-мм гаубицы и превосходные 88-мм зенитные пушки (впоследствии такой же артустановкой был оснащен танк Pz-VI "Тигр"), они при поддержке авиации выбивали атакующие танки 6-го корпуса. Почти так же, как это потом делали советские войска с их танками в 1942-1945 гг.: в Эльхотовских воротах на Кавказе, на реках Аксай и Мышкова при отражении попытки Манштейна деблокировать группировку Паулюса, под Поньрями в ходе Курской битвы, у озера Балатон в Венгрии. Примерно вот так, как в этом эмоционально-красивом и в целом верном, но малоинформативном описании сражения:

"... Выли и угрожающе ревели, кидаясь в пике, "юнкерсы", свистели и с грохотом рвались бомбы. Сверху, с городского холма, безостановочно били

минометы, стреляли бризантными снарядами пушки, а их огонь направлял трещавший в небе самолет-корректировщик. Ухала и вздрагивала от артиллерийских разрывов земля, распарывали воздух очереди спрятанных под бронеколпаками пулеметов, и все это плотной массой из огня и металла преграждало путь нашим контратакующим бойцам. Надо было во что бы то ни стало подавить огонь немецких пулеметов, но кончились снаряды. Можно бы попытаться достать врага гусеницами танков, но кончалось горючее... Где запасы наших снарядов и мин, где горючее для танков? Склады с боеприпасами и склады с горючим разрушены в Волковыске немецкой авиацией, доложили Кузнецову.

Близилась кризисная точка. И тогда в поле к красноармейцам вышли командиры и политработники всех степеней. Вот подорвались и сразу закурились черным дымом три немецких ганка в лощине, заминированной учебным взводом 23-го инженерного полка. Генерал Кондратьев решил - настал выигрышный момент - и, приказав мотострелкам вновь атаковать противника, первым поднялся во весь рост. В ту же минуту он упал, раненный в ногу. Генерал Хацкилевич, стоя с биноклем на броне, показал комбату "тридцатьчетверок" на немецкие

422

танки, которые пробовали обойти минированную лошину, чтобы ударить во фланг нашим конникам. "Тридцатьчетверки" (в их баки слили все остатки горючего) ринулись наперерез машинам с черно-белыми крестами и попали под огонь укрытой в кустах немецкой батареи противотанковых орудий. Батарея обнаружила себя, следовало немедля уничтожить ее, и коль нет для этого под руками других средств, комкор кавалеристов Иван Семенович Никитин скомандовал: "Шашки наголо!" Сверкнули на солнце клинки, и это было последнее, что увидел генерал-майор. Раненый, без сознания, он был подобран в тот день немецкими солдатами и потом, через несколько месяцев в лагере Хаммельсбург, рассказывал А. К. Ужинскому о своем последнем бое под Гродно.

К вечеру 24 июня стало ясно, что контрудар группы Болдина окончился неудачей, не достигнув поставленной штабом фронта цели. И хотя сражение, исподволь ослабевая, продолжалось еще около суток, исход его был уже предрешен" (Ю. Пиляр - Как подобает ученому и бойцу, сборник "Отчизны верные сыны". - М.: 1976. С. 34-35).

О судьбе генерала И. С. Никитина написано немало, но все версии абсолютно не стыкуются. Самой верной вроде бы следует считать его собственные слова. Никитин погиб в плену, но успел рассказать о себе. В офицерском концлагере Хаммельбург пленный капитан А. К. Ужинский организовал подпольную антифашистскую группу в мастерской по производству игрушек. В нее вошли командир 113-й дивизии Алавердов, Никитин, начальник 1-го отделения штаба 6-й кавдивизии майор Н. Ф. Панасенко. Там Ужинский и познакомился с Никитиным (Семиряга М. И. Советские люди в европейском сопротивлении. - М.: Наука, 1970. С. 265).

Но есть не одно свидетельство о том, что командир кавкорпуса был в строю и продолжал командовать остатками своих частей и после 24 июня. Зам. командира 204-й мотодивизии Г. Я. Мандрик рассказывал о совещании, которое проходило 28 июня в лесах восточнее реки Щара. Председательствовал на нем командир 11-го мехкорпуса Мостовенко, присутствовали начштаба 204-й МД подполковник М. С. Посякин, сам И. С. Никитин и командир 36-й кавдивизии Е. С. Зыбин.

Анализ документов, воспоминаний участников боев и общей обстановки на Западном фронте позволяет составить не-

423

сколько иную картину событий под Гродно, отличную от той, что изложена в книге Анфилова. Танковые дивизии 6-го мехкорпуса, первоначально не имевшие соприкосновения с противником, выступили по указанным им маршрутам: 4-я дивизия на Индуру, 7-я дивизия двумя колоннами - 13-м танковым полком на Кузницу, 14-м танковым полком - на Старую Дубовую. Движение такой большой массы бронетехники было

немедленно обнаружено авиацией противника, которая начала наносить бомбовые удары по походным колоннам частей. Наземные силы немцев находились в 20-30 километрах от исходного рубежа атаки корпуса и имел и достаточно времени для перехода к обороне и выдвижения своей противотанковой, а затем и всей остальной (включая приданную тяжелую и зенитную) артиллерии на выявленные танкоопасные направления. Населенные пункты по линии Кузница - Подлипки - Старая Дубовая были спешно превращены в опорные узлы обороны. 24 июня 1941 г. на пути сотен краснозвездных танков, устремившихся на Гродно, оказалась всего лишь одна 256-я пехотная дивизия. Но преодолеть ее оборону оказалось совсем не просто.

Для уничтожения атакующих советских танков противник привлек 8-й авиакорпус пикирующих бомбардировщиков. Немецкие самолеты ожесточенно атаковали советские боевые порядки, причем кроме бомб поливали их некой фосфорной смесью. Командир корпуса М. Г. Хацкилевич был вынужден начать отвод частей из-под ударов авиации.

4-я танковая дивизия к 18 часам сосредоточилась в районе Лебежаны, Новая Мышь, понеся серьезные потери, главным образом за счет легких танков; как докладывал комдив, танки КВ не всегда выходили из строя даже от прямых попаданий бомб. 7-я танковая дивизия к исходу дня вышла в район Кузница - Старая Дубовая, где завязала бои с немецкой пехотой. 29-я моторизованная дивизия действовала на фронте Кузница - Сокулка, прикрывая левый фланг корпуса. На этот же рубеж под давлением 162-й и 87-й пехотных дивизий отходили подразделения 27-й стрелковой дивизии. 124-й ГАП РГК, расстрелявший за 2-3 часа непрерывного огня почти все имевшиеся боеприпасы (остался лишь НЗ - по десятку на орудие), снялся с позиций и двинулся на восток, к Волковыску. Говорили о том, что автоколонна с боеприпасами, шедшая с зимних квартир пол-

За левым флангом 29-й дивизии в лесу западнее Богуше асполагалась 6-я кавалерийская дивизия. Она отошла из района Ломжи, где 22 июня успешно отразила все атаки немцев и удержала линию границы. Но дивизия оказалась беззащитной перед авиацией, и от ее ожесточенных налетов полегло много конников, "... много раз приходилось откатываться и нести большие потери, сколько погибло ребят, ужас, ведь даже подбирать раненых не было кому", - с болью вспоминал В. Ураевский из 3-го Белореченского Кубанского казачьего кавполка [76, письмо].

Из оперативных документов штаба 6-й КД (с исправленными названиями):

"24.6.

10.40. Штадив 6 кавалерийской дивизии м. южнее дома лесника, что южнее Верховесье.

С севера и с запада против наших стрелковых частей действуют подвижные части противника.

Ночной марш из района Хорош, в 20. 00 подвергся налету штурмовой авиации в районе 1 км западнее Варакулы (Ворошилы? - Д. Е.), Пороглы, Завады. К 6. 00 24. 6 дивизия соединилась лес южнее Липина и Верховесье.

Правее в районе Почопек, Сосновик, пл. Свидзяловка соединилась 36 КД.

С рубежа Бобровники, Павелики в направлении Сокулка действует 29 МСД.

До 2 полков пехоты противника ведет бой с 29 МСД, наносящей удар из-за своего правого фланга, уничтожая противника.

Решение командира 6 КД: ударом в направлении Гипж, Богуще, Новый Двор во взаимодействии с 29 МСД окружить и уничтожить противника в перелеске восточнее Сидра. До 19. 30 на КП 29 МСД.

Константинов (подпись)" [76, рукописная копия].

После того как первые танковые атаки в районе Гродно не увенчались успехом и стал проясняться исход сражения, генерал Карбышев во второй половине дня 24 июня приехал в Ва-

425

лилы, на КП 10-й армии, который располагался в бывшем господском дворе (фольварке); он отказался уехать в тыл вместе с раненым Кондратьевым. Голубев предложил Карбышеву вернуться в Москву и доложить там обстановку в белостокском выступе. К этому времени коридор для отхода армии сузился до 60 километров, но через Слоним и Барановичи (так думал командарм 10-й) еще можно было проехать на Минск. Голубев предлагал взвод из батальона охраны, Карбышев отказался.

Разбор утверждения В. Б. Резуна об отсутствии танков вне танковых групп вермахта

Легенды возникают там, где отсутствует правдивая информация о событиях, либо правда известна, но ее требуется скрыть из каких-либо соображений. Причины создания легенд могут быть самыми разными, но в данном случае речь, вероятно, идет только о желании советской военно-исторической науки "подсластить пилюлю". Полностью скрыть факт бессмысленной гибели одного из самых мощных мехкорпусов Красной Армии было невозможно, поэтому коммунистические историки в лице "В. А. Анфилова и К^о" создали миф о танковом сражении, сравнимом со сражениями в районах Дубно, Бродов, Бреста, Алитуса, которое также якобы велось в районе Гродно.

Но нельзя в пику им бросаться в другую крайность, полностью отрицая наличие бронетехники вне танковых групп вермахта, как это заявил в одном из своих "исследований" В. Б. Резун. Танки у немцев были и вне полос наступления их ударных группировок. Танкисты генералов М. Г. Хацкилевича и Д. К. Мостовенко вступали в бои с германскими танками

САУ и одерживали победы над ними. Пусть даже число этих машин, приданных пехоте для непосредственной поддержки на поле боя, было невелико, но они БЫЛИ. Доказать это можно весьма простым способом - проанализировав мелкие эпизоды боев 22 июня. И вот что интересно, немало данных по применению немцами танков можно найти не в документах РККА, которые в большинстве своем не сохранились, а в материалах войск НКВД, у пограничников.

Начнем со стыка ЗапОВО с ПриБОВО. На штаб 2-й комендатуры 107-го Мариям-Польского погранотряда наступало до

426

двух батальонов пехоты. Поддержка: четыре танка и две бронемашинны. Один танк и оба БА пограничники подбили, остальные танки завязли в болоте [120, с. 19]. На 1-ю и 8-ю заставы 86-го Августовского ПО наступало по пехотному батальону при поддержке танков. Один танк был подорван связкой гранат. 2-я застава продержалась до вечера 22 июня и была взята противником только при поддержке танков. 3-ю (заставу лейтенанта В. М. Усова, прославившуюся своим героизмом) немцы атаковали при поддержке бронетранспортера [там же, с. 28-29].

На участке границы по реке Волкушанка (участок 5-й и 6-й ПЗ) бронетехники было больше. На 5-ю заставу наступал батальон пехоты и 22 танкетки (вероятно, Pz-I ил и трофейные). До 15 танков и большое количество машин с пехотой двигались на Гродно [там же, с. 30]. Отражая вражеские атаки, бойцы 7-й заставы связками гранат подорвали две танкетки и две бронемашинны, но перед пятью танками были вынуждены отступить. 11-я ПЗ находилась севернее Августова, у шоссе Сувалки-Августов. Когда начался артиллерийский обстрел, чекисты взорвали мост через реку Близна, что остановило продвижение неприятеля, который вынужден был начать наводку понтонной переправы. Когда танки и мотопехота переправились на южный берег и двинулись к Августову, застава начала отход на соединение с отрядом. В бою пограничники подбили два танка [там же, с. 32-33].

На участке 87-го Ломжанского погранотряда танков было намного меньше. Это и неудивительно: направление было второстепенным. Но танки все же были, например, на участке 2-й комендатуры, где пограничники действовали совместно с бойцами 310-го стрелкового полка 8-й дивизии (см. выше). На 8-ю ПЗ наступал кавалерийский эскадрон с танковой поддержкой. Когда танки прорвались к нашим позициям, головную машину подорвал боец-пограничник, еще один подорвала связкой гранат жена начальника заставы старшего лейтенанта Я. Г. Лебедея [120, с. 40]. Есть также свидетельство, что отступавшие на восток пограничники встречали немецкие танки в районах Ломжи и Снядово. На окраине Ломжи группа сержанта Шкаруба, выходя из окружения, столкнулась с остановившимся на отдых немецким отрядом из трех танков, семи мотоциклов и автомашины. В стычке пограничники застрелили четырех танкистов, сами потеряли двоих и прорвались

427

дальше на восток [там же, с. 42].

И, наконец, на левом фланге 10-й армии находился участок 88-го Шепетовского погранотряда. Там тоже действовали вражеские танки. По шоссе, вблизи которого находилась 8-я застава, после артиллерийской подготовки в глубь советской территории двинулась длинная колонна техники. Остановить ее пограничники не могли, но переправу через реку кавалерийской части (вероятно, из 403-й или 221-й охранных дивизий) сорвали. Немцы начали переправляться в другом месте, но и там их встретили огнем. Тогда от двигавшейся по шоссе колонны отделились три танка, которые начали огнем и гусеницами ровнять с землей позицию заставы. Подбить удалось только один, бросавший связку гранат рядовой Сидоров был убит.

Личному составу 13-й ПЗ (командир - старший лейтенант Авраменко) с танками сражаться не пришлось. Но понтонный мост, наведенный немцами на ее участке, прикрывали огнем шесть бронемашин. До 17 часов

пограничники не давали немцам полноценно использовать переправу, уничтожили десятки солдат, подбили две бронемшины и отошли на Белосток только по приказу.

Маневренной группе отряда в составе трех застав и штаба 4-й комендатуры, сражавшейся за Дрохичин, также пришлось отражать танковые атаки. Им удалось подбить две машины, но остальные прорвались в глубь территории. Во второй половине дня группа отошла на Беловежу [там же, с. 45-47].

При анализе воспоминаний непосредственных участников первых боев в составе частей Красной Армии сложится похожая картина (если составить две карты и наложить, они наверняка совпадут). Немецкие танки, САУ, танкетки и бронемшины участвовали в боях за Августов (против 345-го полка и 120-го ОПТД 27-й дивизии), у Штабина и Домбровы (против 132-го полка 27-й СД), за село Красное (против 37-го полка 56-й дивизии), за Граево (против 239-го полка 27-й дивизии). Также: за Кольно (против 310-го полка 8-й дивизии), за Ломжу (против частей 13-й стрелковой и 6-й кавалерийской дивизий) и далее на юг (против 86-й и 113-й дивизий). Танки вышли на подступы к Гродно со стороны Августовского канала, САУ "Штуг" принимали участие в захвате аэродрома 122-го истребительного полка у деревни Новый Двор. Да, этих бронеединиц было сравнительно немного, возможно,

428

это были в основном легкие машины, но отмахиваться от этих свидетельств нельзя. Именно они были выданы историками в погонах за "крупные силы", с которыми сражались 6-й и 11-й мехкорпуса.

Вот еще одно подтверждение. По данным из все того же "Начального периода..." под редакцией Д. Гланца, в июне 1941 г. на Восточном фронте вермахта действовало около 250 танков и САУ, не входивших в состав танковых групп. Шесть отдельных батальонов по 18 машин каждый находились по два в каждой группе армий, остальные танки и самоходки

были в составе отдельных батарей по 7 машин и придавались пехотным дивизиям. Но это данные официальные.

В реальности же, на чем немцы и по сей день стараются не заострять внимание, бронетехники, брошенной в бой против частей Красной Армии в июне 1941 г., было намного больше. В статье "Французская бронетехника на Восточном фронте" на бронесайте В. Чобитка приведены очень интересные данные на этот счет. В ней убедительно доказывается, что сотни трофейных французских танков, БА и транспортеров активно использовались вермахтом (по своему прямому назначению или как шасси для размещения артустановок - противотанковых, зенитных и пр.) уже в июне 1941 г., причем часто в тех частях и подразделениях, где, по официальным данным, их не было и быть не могло.

В частности, на Украине, в районе Владимир-Волынского, 22 июня батарею 152-мм гаубиц лейтенанта В. С. Петрова (она входила в состав 92-го ОАД 2-го Владимир-Волынского УРа) атаковали немецкие танки. После нескольких выстрелов с близкой дистанции два танка буквально разлетелись на части, остальные ретировались. Из найденных среди обломков документов явствовало, что танки принадлежали разведбатальону 14-й танковой дивизии вермахта, на приборных панелях были нанесены фосфоресцирующие надписи по-французски. По официальным немецким документам, 36-й танковый полк 14-й ТД был укомплектован исключительно немецкой техникой, а в дивизионном 40-м РБ были только бронемшины.

В ходе боев в районе Луцк - Ровно - Броды 20-я танковая дивизия 9-го мехкорпуса (командир дивизии - полковник М. Е. Катукон) столкнулась с 13-й ТД 14-го корпуса 1-й танковой группы. Поле боя осталось за катуковцами, при осмотре

429

были обнаружены подбитые немецкие и чехословацкие танки, что вполне объяснимо, а также танки типов "Рено", "Шнейдер-Крезе" и английские танкетки "Карден-Ллойд", что объяснить уже не так просто. С

"ренушками" вроде бы все ясно - или R-35, или "Гочкис" H-35\39, - но и их не должно было быть. А вот со "Шнейдер-Крезо" все намного сложнее. Эта фирма выпускала только средние двухпушечные V-Ibis, которые до 1942 г. (опять-таки по немецким данным) находились на складах на консервации. Также автор статьи пишет, что еще 4 июня 1941 г. был сформирован 102-й огнеметный батальон, оснащенный линейными и огнеметными танками V-Ibis. Он входил в состав 4-го армейского корпуса 17-й полевой армии ГА "Юг" и действовал в летних боях при прорывах укрепленных районов.

В июне на Восточном фронте вермахта действовали шесть бронепоездов с установленными на специальные платформы новейшими средними танками "Сомуа" S-35. По откидным аппаратам танки могли съезжать на землю, чтобы принять бой в составе так называемых "десантных групп". Бронепоезда № 26, 27, 28 имели в своем составе по 3 танка, №№ 29, 30, 31 - по два. "Сомуа" БЕПО № 28 были приданы 45-й пехотной дивизии вермахта при осаде Брестской крепости.

Следовательно, можно считать установленным, что в составе бронетанковых частей вермахта (собственно танковые группы) и вне их с 22 июня 1941 г. применялась не только та бронетехника, существование которой подтверждено документально, но и масса "неучтенной", в том числе трофейной, как после ее переделки или модернизации, так и без оной. Разбираться, что там на гусеницах или колесах действовало против советских пограничников или пехотинцев, а потом и против танкистов, зачастую было некогда, фиксировались лишь факты: атака при поддержке танков, атака при поддержке БА или БТР, атака при поддержке САУ.

Вывод: в районе Гродно (в широком смысле - от Граево до Скиделя) могло быть задействовано 22-25 июня только официально до 50-80 танков и самоходных артустановок противника. Сколько неофициально, история умалчивает. Часть из них была 22-23 июня подбита (в том числе артиллерией стрелковых дивизий), и, возможно, не все они были введены в строй, так что танкистам Хацкилевича противостояло срав-

нительно небольшое число бронеединиц. Поэтому, с учетом всего вышесказанного, утверждение В. А. Анфилова, что "немецкие танки не приняли боя и поспешно отошли", совершенно верно. Положите на одну чашку весов 20-30 (пусть даже все 80) немецких танков, а на другую - только Т-34 и КВ 352 единицы. Тут не просто отходить, тут удирать надо.

И удирали. Только были это не части из 3-й ТГр, а приданные пехоте отдельные подразделения. Их воздействие на советские бронетанковые войска оказалось настолько незначительным, что командир 7-й ТД генерал-майор танковых войск С. В. Борзилов вообразил, что у немцев крупных мотомеханизированных соединений нет вообще. В докладе от 28 июля 1941 г. он написал:

"За период боевых действий против танковых частей германской армии с 22 по 30. 6. 41 я не видел крупного применения танков". И далее: "... на данном этапе немцами крупные танковые соединения (масштаб танковой дивизии) не используются... опыт войны с 22 по 30.6.41 г. показал: тактика использования танков германской армией - главным образом мелкими подразделениями во взаимодействии с другими родами войск, следовательно, нет необходимости создавать крупные механизированные соединения, достаточно иметь танковые дивизии и отдельные танковые полки. Этого вполне достаточно для уничтожения танковых войск противника".

Конечно, генерал ошибся. Но тогда, в июне, действительно не стоило бросать мехкорпус в атаки на непрорванную немецкую оборону, без огневой поддержки, без пехоты и при отсутствии воздушного прикрытия. Нужно было снять с второстепенных направлений стрелковые части (из 2, 8 и 13-й дивизий) и перебросить их под Гродно, снабдить артполки боеприпасами, а танков хватило бы и двух полков. И действия одного-единственного Т-34, удачно избежавшего атак с воздуха и сумевшего нанести серьезный урон противнику, неплохо это подтверждают.

"Нам пришлось вести бой самостоятельно в отрыве от своего батальона, не зная обстановки, поставленной задачи, установленных сигналов радиосвязи. Все это произошло потому, что вместе с танком младшего лейтенанта Носкова были назначены в разведдозор". В ходе разведки экипажи подъехали к переезду на железном перегоне Белосток - Гродно. За переездом был лес, и там гремела канонада: шел бой. Танк

431

Носкова двинулся к лесу, машина Бородина осталась у железнодорожной будки. Прошло полчаса, Носков не вернулся. И вдруг тридцатьчетверка один за другим получила в борт два попадания снарядов. Быстро развернув башню, лейтенант Бородин увидел среди небольших деревьев два вражеских танка, из которых один разворачивался. Пятью снарядами танки противника были подбиты и подожжены.

Въехав в лес, танкисты встретили там тыловиков, от которых узнали, что впереди идет танковый бой. "Мы направились туда. Выехав из леса, смотрю и не могу понять, что здесь творится. Вся местность, насколько она просматривалась, была в шлейфах клубящейся пыли, которые тянулись вслед за двигающимися танками. Сквозь серый пылевой туман вверх поднимались султаны черного дыма. На этом фоне сверкали вспышки выстрелов, разрывы снарядов. Все это ошеломило и меня, и экипаж. А механик-водитель остановил без моей команды танк. Я приказал ему ехать вперед и пристраиваться к нашим танкам. Сам всматриваюсь в поле боя, хочу хоть немного разобраться в происходящем. В это время механик-водитель крикнул, что впереди и немного правее, метрах в 400, фашистский танк. Нашел, поймал в прицел, а он то вправо, то влево, без конца меняет направление, не дает удержать точку наведения. Наконец даю несколько безрезультатных выстрелов на ходу. А он, послав в нас 2-3 и тоже безрезультатно, скрылся в очередном шлейфе пыли, потянув такой же за собой".

Увидев три наших танка, машина Бородина быстро пристроилась к ним и тут же получила удар снарядом. "Поворачиваю башню, ищу противника, а снаряд опять бьет в башню. Чувствую - как куски окарины брони впиваются в переносицу, в подбородок, в ушах звенит, а из подбородка и переносицы льется кровь. От своих танков вновь оторвались, потеряли их. Виноват механик-водитель, но ругать некогда. Заметил горящий танк, делаем к нему рывок и останавливаемся под его прикрытием. И тут механик-водитель кричит: "Левее дерева, прямо танк, 500!" И вот он уже хорошо виден в прицеле, в разрыве пылевой завесы. Посылаю в него один, потом второй снаряд, и над танком поднимается дым и пламя. Осматриваюсь. Насколько хватает обзора, впереди, справа и слева идет сумасшедшая круговерть боя. Танки, ведя огонь, то сходятся,

432

то расходятся, то перестраиваются в колонну и "все вдруг" разворачиваются и идут уже боевым порядком, то проскакивают друг мимо друга, делают короткие остановки, вновь уходят вправо или влево, поднимая за собой черные шлейфы пыли. У меня созрело решение, что в сложившейся обстановке вести бой нужно из укрытий-засад. Стрельба с места всегда точнее, чем стрельба с ходу. И тут появились 4 наших танка. Развернулись вправо, пошли, подняв за собой пыль, и снова разворот. Ведя огонь с ходу, они помчались вперед. Но один танк замер с опущенной к земле пушкой. Делаем к нему рывок, останавливаемся рядом, стучим в закрытый люк. В ответ молчание. Экипаж погиб.

В разрыв дымки, ведя огонь, вползает немецкий танк. Только поймал в прицел, как его закрывают идущие один за другим 6 наших танков. Хотел пристроиться к ним, но мы оказались под огнем выскочивших из пыли четырех немецких танков. Быстро укрываюсь за наш подбитый танк, ловлю в прицел головной танк противника, посылаю несколько снарядов, и он замирает. Оставшиеся три танка вдруг разворачиваются вправо и туда же ведут огонь. Один из них загорелся, а два других, повернув влево, помчались,

отстреливаясь. За ними, непрерывно стреляя, устремились 5 наших тридцатьчетверок. Выручили нас. Если бы не они, все могло бы кончиться плохо. И вновь удар снаряда в башню. В ушах звон, а прицел туманится. Что это? Отрываюсь от него и чувствую, как со лба стекает пот. В танке жарища, пороховые газы. Гимнастерка снята, комбинезон спущен с плеч до пояса, нижняя рубашка уже непонятного цвета, мокрая, хоть выжимай. Вдруг посветлело и потянуло ветерком. Это заряжающий откинул люк, чтобы выбросить стреляные гильзы снарядов, которые до отказа забились гильзоулавливателем. Наверное, по вылетающим из башни гильзам нас засекли, и в танк вклепили три снаряда. Вижу прямо на нас наведенную пушку немецкого танка, ловлю в прицел основание башни, и в это время пушка противника полыхнула огнем. Опять звенит в ушах от скользящего вдоль башни снаряда. Нажимаю на спуск и я. Выстрел! На месте башни вражеского танка клуб пламени и дыма. Охватывает радость выигранного поединка. Выискиваю новую цель, но тут получаем в лоб два попадания. Прямо на нас, ведя огонь, идут два немецких танка. Затаив дыхание, навожу при-

433

цел и несколькими снарядами подбиваю один из них. Второй, развернувшись, уходит назад и скрывается. Пустил ему вдогонку несколько снарядов. Нужно менять позицию. Двигаемся к двум подбитым танкам...

Укрывшись за подбитыми танками, ищу цель. И вот из-за кустов выползает тяжелый немецкий танк Т-IV. Это серьезно, у него 75-мм пушка. Опять, затаив дыхание, навожу прицел. Фашист нас не замечает. Нажимаю на спуск. Выстрел! Гусеница расстилается по земле, а сам танк разворачивается и замирает. Всаживаю в него несколько снарядов. Стрелок-радист пулеметным огнем укладывает на землю выскочивших танкистов. Порядок. Танк подбит. Танкисты уничтожены. И тут вновь получаем удар снарядом. Ищу противника и вижу, как, развернув на нас башню, ведет огонь уходящий немецкий танк. Посылаю ему вдогонку несколько снарядов и

вижу, что прямо на нас несется Т-34. Механик-водитель едва успел уйти от столкновения. Т-34 остановился. Из башенного люка выпал танкист.

В это время немцы начали выходить из боя, посылая в небо сигнальные ракеты. Наши танки поодиночке и группами направились на сборный пункт. Добрались до него, как говорится, на "честном слове". Трак гусеницы был наполовину вырван и держался на одной треснутой проушине...

Спасибо за танк Т-34. Скольким он спас жизнь! Это не Т-26, БТ-5, БТ-7, броня которых пробивалась крупнокалиберным пулеметом. Окруженные внутри с трех сторон бензобаками, они горели, как спичечные коробки. Хотя Т-34 тоже пробивался и горел, но только от снарядов калибром более 50 мм. У немецких танков, как и противотанковой артиллерии, на вооружении были 37-мм пушки. Исключение составляли тяжелые танки Т-IV с 75-мм пушкой, но их было немного" [76, копия].

Я долго мучился с этим рассказом, пытаюсь сократить или пересказать его, но потом решил оставить так, как есть. Ибо это впечатления непосредственного участника событий и вряд ли нужно править и корректировать их. Скажу только о том, что можно увидеть за взволнованными строками воспоминаний. А увидеть можно то же самое, что увидел комдив-7 Борзилов. 6-й мехкорпус не встретил под Гродно достойного противника в броне. На один немецкий танк приходилось

434

пять-шесть Т-34, и то, что экипажу лейтенанта Бородина "досталось" семь машин неприятеля, говоритлишьоего невероятном везении. И очень жаль, что наступление корпуса оказалось ударом "растопыренными пальцами в стену".

7. 2. Контрнаступление частей 3-й армии на Гродно.

Действия на северном берегу Немана. Бои на реке Котра

Получив все-таки в ночь на 24 июня приказ о переходе в наступление (он был вручен делегатом связи), 3-я армия также попыталась имеющимися уже весьма скудными силами восстановить утраченное положение. Результаты были незначительными, о чем было доложено "наверх". Но по крайней мере Д. Г. Павлов и его штаб узнали, что 11-й МК не вошел в группу И. В. Болдина и по-прежнему находится в составе 3-й армии.

Из боевого донесения штаба Западного фронта № 008 на 16:45 25. 06. 1941 г.:

"По донесению командующего войсками 3-й армии 11-й механизированный корпус одной танковой дивизией в 20.00 24.6.41 г. занял район Гнойница, 204-я моторизованная дивизия вышла на рубеж Гибулич, Ольшанка. 85-я стрелковая дивизия - на рубеже Гнойница и лес восточнее, имея перед собой до двух батальонов с артиллерией. Сводные части 56-й стрелковой дивизии в 18.00 24.6.41 г. вели бой на рубеже р. Котра, имея перед собой до двух пехотных полков с танками".

Очень лаконично и понятно, как и положено в штабном документе, но что узнают потомки из этих нескольких строк о том, КАК в действительности сражались с врагом их деды и прадеды?

24 июня 700-й полк 204-й мотодивизии совместно с частями 29-й (без части 59-го ТП) и 33-й танковых дивизий наносил фланговый удар по немецким войскам, наступавшим из сувалковского выступа. В ожесточенных боях, разыгравшихся в районе Коробчицы и Каролина, отличился 3-й батальон (комбат - майор Бартошевич), огнем и в рукопашной схватке уничтоживший до 500 солдат. 57-й полк 29-й ТД, как вспоминал полковник И. Г. Черяпкин, в ходе атаки огнем и гусеницами истребил десятки вражеских солдат. Мотострелковый полк 29-й дивизии в боях не участвовал. Как информировала свое командование германская разведка, к обороне пред-

мостного укрепления восточнее Лунно советским командованием были привлечены свежие силы, в том числе 29-й МСП. По действиям 33-й дивизии данных почти нет. Из-за отсутствия матчасти большинство личного состава соединения воевало в качестве стрелков. Бывший политрук батареи 33-го ОЗАД И. В. Казаков вспоминал: "Заняли боевой рубеж. Нам объявили, что приехал командовать маршал Кулик и утром пойдем в наступление. С рассветом двинулись вперед, немецкие заслоны стали отходить. Но вот ударила их артиллерия, заговорили минометы, налетела авиация. У нас же ни авиационного, ни зенитного прикрытия не было, и атака захлебнулась" [76, копия].

Вечером того же дня командующий армией приказал отвести 11-й корпус на рубеж реки Свислочь, но Д. К. Мостовенко убедил его в целесообразности сохранения достигнутого положения. Полковой комиссар А. П. Андреев писал, что на этом рубеже 11-й МК оставался до исхода дня 26 июня.

85-я стрелковая дивизия в ночь на 24 июня была занята подготовкой к наступлению. Наступление началось в десятом часу утра. Движение 103-го и 141-го СП в сопровождении артиллерийских подразделений шло по двум дорогам без авиационного прикрытия. Стояла сильная жара, людей мучила жажда, над походными колоннами "висела" авиация противника, бомбежки чередовались со штурмовками. Части дивизии несли большие потери в людях и технике, убитых наспех хоронили на обочинах дорог. Как вспоминал бывший комвзвода В. А. Брагин, был ранен командир 103-го СП майор М. Ф. Каравашкин. К вечеру наступление застопорилось. Укрывшись в лесу, навели порядок в подразделениях, эвакуировали раненых, произвели разведку в сторону Гродно.

В ночь на 25 июня политрук полковой школы 103-го полка Г. Г. Степанов, командир взвода и парторг полковой школы лейтенант Процких возглавили разведгруппу, оснащенную автоматами ППД и пулеметом РПД. Расположения переднего края немцев не знали, шли в неизвестность. Задача

была поставлена такая: установить расположение частей противника, выяснить, занят противником или нет редут (бетонное укрепление крепости Гродно времен Первой мировой войны) в районе села Коптевка. Поставленную задачу они выполнили: в редуте находились немцы.

436

Оборона Скиделя

Весь день продолжались ожесточенные бои на реке Котра, где дивизиям 8-го армейского корпуса вермахта (непосредственно на Скидель наступала 28-я пехотная дивизия) противостояли разрозненные части из состава 4-го стрелкового корпуса, 11-го мехкорпуса, 85-й дивизии и войск НКВД.

В моем архиве есть копия извещения (похоронки), присланного управлением войск НКВД Западного фронта родным погибшего офицера. Там написано следующее: "... младший лейтенант Мельников Александр Матвеевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, был убит 24 июня 1941 года. Похоронен у местечка Скидель Белостокского округа". Подписали: начальник войск НКВД Западного фронта генерал-майор И. А. Петров, военный комиссар войск НКВД Западного фронта полковой комиссар В. Шевченко 176, сканированная копия]. Подписи подлинные, гербовая печать, похоронка датирована мартом 1942 г. На 22 июня Петров был зам. начальника войск НКВД Украинского пограничного округа, Шевченко - главным редактором журнала "Пограничник".

Как удалось установить, на северный берег Немана (к Скиделю) от Мостов вышел 444-й корпусной артополк, потерявший в боях 22 и 23 июня всю матчасть 1-го дивизиона.

У. А. Билецкий вспоминал о боях на Котре:

"Тут снова наша артиллерия нанесла врагу жесточайший удар, но фашисты снова на нас пустили танки и снова прямой наводкой разгромили их. И снова пришлось отходить от передового рубежа. Следующая позиция была у переправы".

В. Д. Науменко был еще более конкретен:

"В тяжелых кровопролитных боях полк оборонял Гродно, затем следовали не менее упорные бои (в содружестве с каким-то танковым батальоном или бригадой) под Скиделем, Лидой и другими населенными пунктами".

Это одно из всего лишь двух свидетельств о наличии советских танков у Скиделя, и я склоняюсь к мысли, что это была та уцелевшая после боев 22 июня часть 59-го танкового полка, которой командовал старший политрук А. Я. Марченко. Сам Марченко, командовавший впоследствии 3-й Белорусской партизанской бригадой, ничего не написал о Скиделе, но упоминал, что принимал участие в боях под Лидой. Отходя от Гродно по се-

437

верному берегу Немана, невозможно попасть к Лиде, минуя Скидель.

С. И. Мальцев из пограншколы майора Б. С. Зиновьева вспоминал, что на обороняемом ими участке в течение третьего дня войны происходили следующие события. Получив 23 июня отпор на Котре, немецкое командование на следующий день предприняло более решительные меры по преодолению обороны советских войск. На рассвете несколько звеньев бомбардировщиков буквально засыпали бомбами наши позиции, вслед за ними началась артподготовка. Когда канонада стихла, снова налетела авиация, еще раз перепахав восточный берег Котры. Однако немецкая пехота, двинувшаяся густыми цепями на наш изрытый воронками рубеж, была скошена шквалом пулеметного и винтовочного огня. И первая, и вторая, и все последующие атаки окончились безрезультатно. Последняя волна была отброшена контратакой, в которую повел бойцов лейтенант Б. М. Адырхаев. Тогда опять была вызвана авиация, опять открыли огонь

артиллерия и минометы, и наш передний край скрылся в сотнях разрывов. В следующую атаку германцы пошли под прикрытием пулеметного огня нескольких бронетранспортеров. Однако три из них, преодолев мост через реку, попали на заминированный участок и подорвались, оставшиеся БА сдали назад, за ними отступила и пехота. Перегруппировавшись, противник повторил атаку. Оборона пограничников устояла, но в контратаке пулеметчики потеряли своего командира Бориса Мукаевича Адырхаева. Руководство станкопулеметной заставой принял на себя политрук О. Г. Казанков. На исходе дня немцам удалось прорвать нашу оборону. После 30-минутного ожесточенного артиллерийского обстрела, перемалывавшего землю и вырывавшего с корнем деревья, в наступившей тишине послышался рокот танковых двигателей. Перед нашими позициями появилось шесть вражеских танков (или САУ), из них четыре - непосредственно против заставы. Но то ли пехота не предупредила танкистов, то ли произошла еще какая-то накладка, но два танка попали на мины на том же поле, где уже стояли подорвавшиеся бронемшины. Прикрывшись складками местности, немецкие саперы сделали проходы в минном поле, после чего атака продолжилась. Несмотря на яростный пулеметный огонь и понесенные потери, немцы упорно рвались вперед.

438

Неожиданно "зеленых фуражек" поддержало огнем несколько орудий, как писал Мальцев, принадлежавших какой-то части 11-го мехкорпуса. Третий танк вспыхнул рядом с подорвавшимся, четвертый удалось остановить связкой гранат. Но немцы, как известно, хорошо знали тактику. Встретив организованное сопротивление на одном участке, они сразу начинали искать более слабое или вообще ничем не защищенное место. Так и вышло - они нащупали слабинку в нашей обороне и, несмотря на огонь артиллерии мехкорпуса и 56-й СД, протаранили ее сразу в нескольких местах. Пограничники оказались в полуокружении.

Отделение сержанта Атександрова взорвало мост на проходившей рядом железнодорожной ветке Гродно - Мосты, после чего оставшийся в живых личный состав школы начал отступать на юго-восток. Противник организовал преследование, но 1-е отделение сержанта Резаева, выставленное как заслон, дралось до последнего и ценой своих жизней дало возможность остальным уйти на Мосты.

Примерно в 15-16 часов прибыл в район Скиделя генерал-майор С. П. Сахнов со своим отрядом. Оказалось, что остатками частей его дивизии, что собрались возле города, руководит начальник оперативного отделения штаба 56-й СД капитан А. Ф. Кустов. Ознакомившись с обстановкой, комдив выяснил, что в отряде, который вел бой с передовыми частями немцев, было около 350 человек. К исходу дня (когда советская оборона была прорвана) отряд был полуокружен пехотой и танками противника, и Сахнов решил, пользуясь покровом темноты, вывести его из боя. К этому времени боевые потери составили примерно 100 человек личного состава. В течение ночи отряд был выведен в район Мостов, за реку Неман.

Судя по некоторым воспоминаниям, на рубеже Котры могли оказаться подразделения не только из 59-го СП, но и из других частей 85-й дивизии. К. Г. Гребельник из 223-го гаубичного полка со своим огневым взводом 22 июня оказался на правом берегу Немана. Вероятно, их направили для усиления обороны 59-го полка. Он вспоминал про Гродно, хотя следует, вероятно, что к 24 июня его взвод оказался у Скиделя: "В таких условиях мы обороняли город еще три дня, а вечером 24 июня войска начали переправляться на левый берег р. Неман. Мосты были взорваны, личный состав переплывал как мог, а вся техника и матчасть артиллерии приводилась в не-

439

годное состояние и оставлялась у реки, на правом берегу. Мы [поступили] так же, замки орудий утопили в реке, а сами, кто вплавь, кто по бревнам лесосплава, уходили на левый берег. Тут управление частями и

подразделениями было совершенно нарушено. Под постоянной бомбежкой и разрывами снарядов все [части] перемешались, и войска начали отступать на восток в беспорядке. Смешалось все: и пехота, и артиллеристы, и танкисты в пешем строю, и другие войска, и отступающие гражданские люди. На некоторых рубежах стояли заслоны, военных останавливали, составляли взводы, роты и бросали в бой против немцев. Но обычно такие наспех собранные подразделения особого сопротивления немцам не оказывали и [тоже] отходили на восток. Боеприпасов, питания не было, раненых было много, и им помощи почти никто не оказывал" [76, письмо].

Из рассказа И. А. Богушевич:

"22 июня после обеда вдоль берегов рек Скиделька и Спушанка наши войска заняли оборону. Были вырыты траншеи и окопы, которые тщательно замаскировали. На вооружении красноармейцев были в основном винтовки и пулеметы, а также ручные гранаты. Около деревни Песчанка оборудовала боевые позиции артиллерия. В подвале Татьяны Рекеть был расположен наблюдательный пункт, куда вели многочисленные кабельные провода связи. Возможно, в этом месте размещался штаб. На второй день началась интенсивная перестрелка из орудий. Возник пожар. Пылали огнем Святопокровская церковь и многоэтажные дома" [76, копия].

С. А. Мозолевский вспоминал:

"... поток беженцев на шоссе значительно увеличился, шли одинокие, а временами и целыми небольшими колоннами военные машины. Под вечер мать дала мне сумку с мылом и спичками, еще что-то и сказала идти к тете Соне (старшая сестра матери, которая жила в деревне Хваты). Перейдя шоссе, направился на большак в конце деревни. Как раз в этот момент на шоссе появилось несколько машин с Гродненского направления, в небе - немецкие самолеты. Их было много, может, больше 10, большинство из них начало бомбить аэродром. Несколько самолетов начали обстрел машин на шоссе. Бомбежка, пулеметные очереди самолетов в небе подняли в местечке

панику. Мне запомнился такой эпизод: все поле (домов в тот период здесь не было) от

440

перекрестка шоссе с улицей Каменской (сейчас Маркса) и до перекрестка шоссе с улицей Пузовичской (сейчас Ленина) было заполнено жителями, которые бежали с ужасом на лицах. Женщины плакали, дети кричали. Самолеты сделали несколько заходов над полем, заполненным людьми, стреляли из пулеметов, что еще больше подняло панику и нагнало страх" [там же, копия].

Согласно данным из репортажей Х. Слесиной, к исходу дня 24 июня 28-я пехотная дивизия противника, преодолев отчаянное сопротивление со стороны советских войск, все-таки прорвалась к Скиделю. Как вспоминал Слесина, еще при первых сильных атаках авангарда дивизии на рубеж советской обороны двум штурмовым группам самокатчиков с противотанковой артиллерией и приданными штурмовыми орудиями удалось проникнуть в Скидель. Они были встречены сильным артогнем, после чего последовала контратака превосходящих сил. Немцам удалось избежать уничтожения, отступив со своих передовых позиций. Слесина писал, что советская оборона не была пассивной, что "начиная с утра, враг начал производить изолированные, ограниченные атаки и систематически охватывал территорию артиллерийским огнем".

Командир 28-й ПД приказал авангарду оставаться на месте и связывать боем "без крупномасштабных действий" противостоящие им части РККА. По мнению немецкого генерала, массированная атака имеющимися силами привела бы к слишком большим потерям. Он считал возможным измотать противника систематическими атаками после подхода главных сил дивизии (двух полков и большей части артиллерии). Один полк должен был атаковать Скидель лобовым ударом, с фронта, другой - ударом с правого фланга, с целью отрезать советские войска от Немана. Все атаки поддерживаются интенсивным огнем артиллерии по советским позициям и самому Скиделю.

Третий пехотный полк 28-й дивизии оставался в районе Гродно, занимая предместное укрепление с юга и обеспечивая ее левый фланг на Немане.

Начало наступления было назначено на 18 часов (19 - по московскому времени). К этому времени все подразделения подошли и заняли исходные рубежи, подтянулась артиллерия, были доставлены боеприпасы. После яростного двухчасового артобстрела пехота пошла в атаку. Несмотря на упорное сопротивление и заградительный огонь, ата-

441

кующие батальоны в нескольких местах ворвались на советские позиции, артиллерия противника занялась подавлением наших огневых средств, расположенных в глубине. Затем немецкие клинья увязли в советской обороне, боевые порядки перемешались, и ни одна из сторон не могла взять верх. Но через какое-то время вследствие тяжелых потерь сопротивление частей Красной Армии ослабло, несколько передовых рот противника прорвались сквозь оборонительный рубеж, с боем вошли в Скидель и начали продвигаться к центру города. Здесь они снова встретили ожесточенное сопротивление. Огонь велся отовсюду, в том числе и из подвалов зданий, превращенных в опорные пункты. Немцы оказались отрезанными и окруженными в Скиделе. Несколько батальонов с саперными подразделениями попытались деблокировать окруженных, но сами были атакованы с тыла и остановились на окраине города. Чтобы не накрыть в Скиделе своих, артиллерия прекратила огонь. При поддержке огня бронетранспортера противнику удалось пробиться в центр города. Несмотря на шквал огня из винтовок и пулеметов, немцы сумели добраться до своих окруженных подразделений и вывести их за пределы городских кварталов. Затем вновь открыла огонь артиллерия, и Скидель скрылся в водовороте взрывов и пламени.

59-й стрелковый полк находился северо-западнее Скиделя. К вечеру 24 июня в его штаб из подразделений стали поступать сведения о том, что на исходе боеприпасы. Находившийся в штабе генерал (вряд ли это был А. В.

Бондовский, он с главными силами находился на левом берегу Немана; не исключено, что это был зам. командира 11-го мехкорпуса П. Г. Макаров) приказал жестко экономить патроны и гранаты. За день полк не отступил ни на шаг, раненым оказывалась помощь, и они эвакуировались в тыловые деревни на конфискованном у отступавших транспорте. Б. С. Кириченко вспоминал, что в ночь с 23-го на 24-е к ним подошла батарея 120-мм минометов, подразделения 184-го полка 56-й дивизии. Продержались целый день, пока не стало известно, что немцы прорвались на юго-востоке и обошли их. С наступлением темноты по приказу стали отходить на Лунно; на большаке было светло как днем от горящих деревень и хуторов. У небольшого леса близ моста через Неман заняли оборону.

442

7.3. Действия войск 10-й армии. Бои на реке Бобр в районе крепости Осовец. Прорыв противником обороны 13-го механизированного корпуса и 86-й стрелковой дивизии на реке Нарев

За левым флангом 3-й армии дивизии 1-го корпуса 10-й армии частично находились на прежних рубежах. На участке 2-й стрелковой дивизии противник вновь пытался форсировать реку Бобр под прикрытием сильного артобстрела. Вся полковая и дивизионная артиллерия, в том числе оба артполка (164-й ЛАП полковника Радзивилла и 243-й ГАП капитана Билетова), вела интенсивный ответный огонь по скоплениям живой силы и позициям вражеской артиллерии. Есть свидетельства, позволяющие предполагать, что центр и правый фланг 8-й дивизии отошли к крепости Осовец по немногим в этой сильно заболоченной местности дорогам. Есть письма бойцов и младших командиров из 151-го и 229-го стрелковых полков

и 2-го разведбатальона, в которых они прямо пишут: принимали участие в обороне крепости Осовец.

Бойцы 13-го СП (командир - подполковник Ф. Т. Леусов) 2-й дивизии вспоминали, что к крепости подошел полк из другой дивизии, но командовал им хорошо им знакомый подполковник А. С. Степанов. Ранее он - в звании майора - служил в 13-м полку заместителем по строевой части у Ф. Т. Леусова, был известен строгостью и отличной кавалерийской выучкой, даже побеждал на соревнованиях. Теперь он был командиром 151-го полка.

Утверждалось, что Степанова вместе с конем свалил разрыв снаряда и больше его не видели. Я считал, что он погиб, но, по последним данным, подполковник попал в плен и, более того, пошел на сотрудничество с нацистами (был инструктором в разведшколе абвера).

За много километров от берегов Немана части 86-й стрелковой дивизии всю ночь и утро укрепляли свою оборону по реке Нарев. 109-й разведбатальон (командир - капитан П. М. Потапов) получил задачу переместиться на левый фланг и провести поиск в направлении на Бельск. В подчинение командиру дивизии был передан один из корпусных арtpолков. Подошедшие к Нареву немецкие части были обстреляны артиллерией.

И. С. Туровец рассказывал:

"Рассвело. Через стереотрубу вижу - немецкая батарея на конной тяге километрах

443

в пяти занимает позицию. Сразу накрыли ее огнем" [76, запись устного рассказа].

В течение дня севернее участка 86-й СД на рубеж Гура - Бацюты отходили части 13-й дивизии 5-го стрелкового корпуса. После прохода арьергарда шоссейно-дорожный мост через Нарев был взорван. Командование 86-й установило связь со штабом 13-й. Разведка установила, что левым соседом является какая-то войсковая часть из состава 13-го мехкорпуса. После подхода главных сил всех трех дивизий 7-го армейского

корпуса противника к Нареву его артиллерия начала обрабатывать передний край советских войск, затем немцы начали переправляться по уцелевшему ж.-д. мосту и наводить понтонные переправы. Ответным огнем все попытки форсирования были отражены с большими потерями противника, множество трупов осталось лежать в воде и на берегах реки. На позиции дивизии снова посыпались сотни тяжелых снарядов, при артобстреле НП был тяжело ранен в левую руку и контужен с потерей речи полковник М. А. Зашибалов.

Вечером до 40 Ю-87 и Ю-88 нанесли удар по позициям 284-го стрелкового полка. К исходу дня немцы при активной поддержке авиации прорвали оборону дивизии в районе Суража и начали продвигаться на северо-восток. Как писал генерал Гейер, до наступления темноты 7-й корпус успел взять Заблудов. В полосе 13-й СД немцы атак не предпринимали, но никакие подразделения из ее состава на помощь 86-й переброшены не были.

Н. М. Николенко, помощник начштаба 330-го полка, рассказывал:

"Как только 330-й СП вышел на новый рубеж обороны в район южнее г. Сураж, нашему полку был придан танковый полк (не батальон, как я писал в своих воспоминаниях, а полк). Этот танковый полк к нам прибыл из Браньска. Сейчас уже не помню командование этого полка (хотя тогда, в оборонительном бою, мне подолгу службы много раз приходилось встречаться с командованием этого танкового полка). В оборонительных боях на этом рубеже в течение трех суток танковый полк сыграл немаловажную роль в сдерживании наступательных порывов фашистов и много уничтожил огневых точек противника, хотя и много потерял своей техники. Остатки танков в составе танкового полка вместе с нами отходили сначала на восточную окраину г. Белостока, а затем - на г. Волковыск" [76, письмо].

Нет сомнений, что полк принадлежал

25-й танковой дивизии, но номер, увы, мне установить не удалось. Известно, что к этому времени остатки 25-й ТД вели сдерживающие бои в районе местечка Райск, 31-й - под Боцьками.

В 8 км юго-западнее Боцек противнику противостояли остатки 113-й дивизии генерала Х. Н. Алавердова. К полудню 263-я и 137-я пехотные дивизии 9-го АК вермахта захватили Боцьки, к 14 часам 263-я ПД подошла к Нареву и сумела захватить плацдарм на его северном берегу. Однако дальнейшее продвижение дивизии было остановлено ожесточенными контратаками советских войск. Правофланговая 292-я дивизия 9-го корпуса и все три дивизии 43-го армейского корпуса с немалыми трудностями продвигались в глубь Беловежской пуши.

Из оперсводки штаба Западного фронта № 6:

"Противник к исходу 24. 6.41 г. прорвал фронт 13-го мк, проходивший по р. Орлянка в направлении Бельск-Подляски, Нарев и на Заблудув".

Заблудув находился в тылу 5-го корпуса, так что для целиком 13-й и части сил 86-й СД возникла реальная опасность быть отрезанными. К этому времени самая сильная дивизия мехкорпуса, 25-я, в значительной степени утратила целостность и действовала отдельными разрозненными отрядами и даже отдельными танками под Райском.

Н. Ф. Иренич из 113-го полка 25-й ТД так вспоминал июньские дни (письмо на украинском языке):

"Я був і служив в полку Скажинюка..." По его словам, 23 июня им был дан приказ: освободить из окружения мотоциклетный батальон в городе Браньск, "де нас разбили і танки згорьти, а де хто вижив прибули на сборный пункт і була дана команда начальником штаба каштаном вшетупать бо ми в окружеш..." Сборный пункт был где-то под Заблудувам. Там было приказано, как запомнил Иренич, уцелевшую после боя, но оставшуюся без горючего технику вывести из строя или сжечь и добираться до Белостока на формирование [76, письмо].

Управление 13-го мехкорпуса, не имевшее воздушного прикрытия, подвергалось постоянным налетам вражеской авиации. Из "безлошадных" танкистов, вооруженных винтовками, генерал П. Н. Ахлюстин сформировал импровизированное "зенитное" подразделение. Залповым огнем они сбили несколько бомбардировщиков, что вынудило немецких пилотов быть осторожнее и бомбить с больших высот, что сильно

445

снижало результативность.

В результате боев 24 июня 13-й МК был сбит со своих позиций и его части начали откат на восток по расходящимся направлениям: 25-я дивизия - на Заблудов, 31-я - в Беловежскую пушу. По данным ЦАМО, также 24 июня был убит зам. командира корпуса по политчасти бригадный комиссар Н. В. Кириллов.

Положение 208-й мотодивизии, занимавшей рубеж южнее 31-й (ее левый фланг примыкал к деревне Орля, где еще сражались доты 3-й роты 18-го ОПАБ Брестского укрепрайона), в этот день установить не удастся.

7.4. Прорыв частей 2-й танковой группы противника к Слониму. Действия 121, 143, 155-й стрелковых дивизий. Обстановка в тыловом районе к западу от Слонима

В то время, когда один из самых мощных в Красной Армии корпусов 6-й механизированный развертывался южнее Гродно для нанесения губительного для себя контрудара, в тылу всей белостокской группировки происходили поистине роковые события. Остатки войск 4-й армии, не сумев удержать в своих руках два важнейших шоссе, в том числе Варшавское, пропустили на Слоним и Барановичи части танковой группы Г. Гудериана. Для 121, 155 и 143-й дивизий 47-го стрелкового корпуса (две из них находились на марше и, соответственно, не занимали никаких рубежей и не готовили на них оборону;

третья дивизия перебрасывалась по железной дороге) и отходивших с запада тыловых и остатков боевых подразделений появление у Слонима танков противника явилось неприятной неожиданностью. Упрежденные в выходе в указанные штабом округа районы сосредоточения, они были вынуждены вступить в бой в крайне неблагоприятных условиях и почти без боеприпасов.

П. З. Баклан из 311-го ПАП РГК писал:

"От Деречина уцелевшие бойцы вместе с командирами начали отходить на Слоним... Когда 24 июня подъехали к Слониму, там уже действовал немецкий десант на танкетках. Нам, вооруженным лишь винтовками и наганами, было бесполезно идти на врага. Однако бой мы приняли. Здесь погиб командир 1-го дивизиона Гончаренко" [76, копия].

В. А. Бутько вспоминал, что утром 24 июня, примерно в 4 часа, со стороны д. Осово на холм пря-

446

мо перед Мижсвичами с запада выехали две советских бронемашин и тягач с зенитным орудием на прицепе. В это же время со стороны Пасиничей в Мижевичи (уже с востока) также вошла какая-то часть Красной Армии. Завязался бой, сразу же были подбиты оба БА и расстрелян зенитный расчет.

"Вскоре мы встретились с матерью, и она сказала, что надо идти под Крокотский лес на хутор к дядьке. Мы с ней, наверное, были первыми, кто прошел по полю боя. У меня и сейчас перед глазами стоит эта картина. Возле броневиков лежали убитые экипажи. А один убитый солдат в танковом шлеме лежал с вытянутой вперед рукой с зажатым в ней пистолетом. Возле зенитки тоже лежат и убитые солдаты" [76, письмо].

Головные части 121 -й и 155-й СД в 4-5 часов утра 24 июня, то есть примерно через час после прохождения Слонима, столкнулись с противником и вступили в бой. 121-я двигалась по шоссе Слоним - Волковыск, 155-я - на запад по дороге на Озерницу. Около 4 часов ее главные силы были атакованы во фланг (ибо она уже частично прошла Слоним)

частями 17-й и 18-й ТД 47-го МК неприятеля. В бою дивизия понесла большие потери и начала отступление на восток.

Комдив 155-й генерал-майор П. А. Александров около 7 часов утра доложил в штаб фронта:

"В 4:00 24 июня в 5-6 км юго-западнее Слоним веду бой с мехчастями противника... Нет боеприпасов, горючего, продфуража, нет транспорта. Отхожу на р. Щара" [105, с. 129-130].

Вероятно, генерал сообщил и другие подробности, ибо в оперсводке штаба фронта № 6 на 10:00 25 июня указывалось, что частями дивизии был рассеян мотоотряд противника, видимо, один из головных разведдозоров. При этом была захвачена карта с нанесенной обстановкой, из которой было видно, что в районе Ктещелей действуют части 48-го моторизованного корпуса противника, в направлении Пружаны - Слоним наступает 47-й моторизованный корпус, в направлении Кобрин - Бытень - 24-й моторизованный и 12-й армейский корпуса. Таким образом, был "засвечен" состав группы Гудериана, но, похоже, это в штабе фронта поняли не сразу.

Впрочем, отвечая на вопросы следователей, Д. Г. Павлов данный факт подтвердил, правда, с преувеличениями:

"... удачными боями в районе Слоним были разбиты передовые танковые части противника и была взята карта на убитом офицере, в которой точно указана вся наступающая группировка

447

противника, начиная с реки Буг и до Барановичи включительно. Из этой карты видно, что противник вел наступление силой трех механизированных корпусов".

Штаб фронта приказал командиру 121-й дивизии организовать оборону Слонима с задачей прикрыть барановичское направление и обеспечить выгрузку своих прибывающих частей и частей 143-й СД (железнодорожная станция и вокзал в Слониме находятся в его восточной части, примерно в километре от правого берега Щары). Но времени на создание обороны всего

города не было, и 121-я СД к 9 часам отошла за реку, оставив западную часть Слонима, и заняла оборону в его восточной части. Южнее, на рубеже Чепелево, Добрый Бор, расположились главные силы 155-й дивизии, севернее 121-й - еще один ее отряд.

К 11 часам на Щару в районе Слонима вышли немцы. В завязавшемся бою с лучшей стороны показали себя офицеры 155-й: командир 659-го СП В. И. Шишлов, командир 378-го ГАП майор Оржанович, комбат капитан Т. Андреев, командир дивизиона капитан Решетников. Упоминается среди отличившихся и командир 129-го разведбата капитан Н. К. Дмитриев [3, с. 44]. Но на 22 июня Дмитриев находился в штатах 25-й дивизии 13-го мехкорпуса, в 155-й он служил до этого. Что же случилось? Или снова в историю вкралась ошибка, или... Струсил и бежал, бросив свой 25-й разведбат в Браньске, а потом, опомнившись, присоединился к своей бывшей дивизии?

В этот день едва не закончилась карьера "быстроходного" генерала Гейнца Гудериана. Когда он находился на командном пункте 17-й танковой дивизии, на западной окраине Слонима появились неизвестно откуда взявшиеся два советских танка, экипажи которых стремились пробиться через город на восток.

Гудериан вспоминал:

"Русские танкисты обнаружили нас: в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов, мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас же бросились на землю..."

143-я дивизия выдвинула на рубеж Щары передовой отряд в составе двух полков. Как написано в журнале боевых действий этого соединения, в ночь с 23 на 24 июня 1941 г. противник на плечах панически отступающих по Брестскому шоссе войск 4-й армии подошел к р. Щара. Внезапным ударом он опрокинул и рассеял 287-й и 800-й стрелковые полки дивизии

и повел наступление в направлении ж.-д. станции Лесная. В бою был убит командир 800-го СП, участник испанских событий подполковник Д. А. Цурюпа. 24 июня с утра части 143-й СД с боями отходили на восток и к исходу дня заняли оборону на рубеже ст. Лесная-Тартаки, удержавшись на нем до вечера 25 июня. Оборонительные действия стрелковых дивизий поддерживала часть орудий из состава десяти формировавшихся на барановичском полигоне артполков РКК. По-видимому, под Слонимом приняли бой и некоторые зенитные части, спешившие с полигона Крупки в свои соединения. Немцы отмечали, что на местах боев в районе Слонима им встречались советские зенитные орудия, в том числе и тяжелые (по-видимому, калибров 76 и 85 мм).

В 13 часов в Слоним "на рысях" вошел 84-й легкий артиллерийский полк 55-й стрелковой дивизии (командир полка - майор И. К. Воропаев), бойцы которого, позабыв об усталости, сразу же приступили к оборудованию огневых позиций. Только во второй половине дня 24 июня 84-й ЛАП подбил 14 гитлеровских танков. Совместными усилиями все атаки дивизий 47-го мотомехкорпуса противника были отбиты. Только в полосе 121-й дивизии было подбито и подожжено 35 танков, зенитчики сбили 13 самолетов. Понесла большие потери и дивизия. В 297-м ЛАП погибли командир дивизиона лейтенант Юрганов, командир батареи лейтенант Мошкин, начальник разведки лейтенант Щербаков. Оказавшись в отрыве от своей дивизии, 84-й артполк сумел при выходе из окружения сохранить боеспособность и в конце первой декады июля соединился с ее остатками, которые собирались в районе Чечерска.

В ходе боев на Щаре в районе Слонима разрозненным и не имевшим единого командования советским войскам также не удалось остановить прорвавшуюся от Бреста ударную группировку вермахта, что явилось одной из главных предпосылок последовавшего затем окружения и разгрома сосредоточенных в белостокском выступе армий Западного фронта. Героические усилия тех частей РККА, что сумели развернуться в боевые

порядки из походных колонн и занять пусть даже неподготовленные рубежи обороны, лишь замедлили и задержали продвижение танковых войск противника. Урон, понесенный немцами, оказался сравнительно небольшим, чего нель-

449

зя сказать о потерях, понесенных подразделениями Красной Армии.

Одной из причин неудачи был "голодный паек" боеприпасов в 121, 143 и 155-й дивизиях, выступивших в поход с указками и досками для занятий, но без патронов, мин и артиллерийских боеприпасов; в Слониме же никаких крупных складов боепитания не было. В результате после первых же боестолкновений многие подразделения просто прекратили существование.

Как вспоминал Л. Н. Лешошкин, позиция 6-го железнодорожного батальона, занявшего оборону у ж.-д. станции Слоним, несколько раз обрабатывалась авиацией (налеты следовали один за другим с интервалами в десять минут), после чего была атакована танками. Бой длился весь день, сам Лешошкин был тяжело ранен, в горячке дополз до дороги, где был подобран санитарями. После войны он встретился с бывшим командиром бригады Матишевым, ставшим за войну генералом. По словам В. Е. Матишева, после выхода остатков частей бригады из окружения при ее реформировании на старом месте, под Ленинградом, из их 6-го батальона в 1-й ЖДП не вернулся никто.

К востоку - в Барановичах - и западу - в Зельве и Волковыске - от Слонима еще не знали, что немцы вышли на реку Щара. Барановичи жили напряженной жизнью прифронтового города: обком компартии отбыл в Минск, военкомат был занят призывом военнообязанных и эвакуацией документов. Ж.-д. узел работал, но поезда на Минск ходить уже перестали. В 6 часов утра полсотни немецких самолетов совершили массированный налет на Барановичи. Зенитчики 518-го ЗАП ПВО и истребители 162-го авиаполка отстояли станцию, но немцы отыгрались на самом городе. Были разбиты и

подожжены десятки домов, в том числе почта - проводная связь с Минском прервалась.

Вечером 23 июня часть личного состава 58-го железнодорожного полка НКВД во главе с начальником штаба капитаном Грицаевым прибыла из Белостока в Волковыск, где был назначен пункт сбора, и разместилась в гарнизоне Россь-1. Эшелон с семьями оставался на станции, где, кроме него, стояло еще два эшелона. Несмотря на активное противодействие 219-го дивизиона 4-й бригады ПВО (заявлено, что за первые дни войны огнем его 76-мм орудий и счетверенных пулеметов было сбито 14 вражеских самолетов), несколькими

450

налетами групп бомбардировщиков, от 3 до 27 машин, была уничтожена водоканал, охранявшаяся гарнизоном все того же 58-го полка, и полностью разрушена станция; были разбиты и все три эшелона с семьями военнослужащих. В деревянном Волковыске огонь охватил целые улицы, были разгромлены аэродром и база ГСМ.

Не дождавшись командира полка, капитан Грицаев со своими людьми в час ночи 24 июня выступил пешим порядком в сторону Слонима и Барановичей. В районе станции Зельва их все-таки встретили командир 58-го ЖДП капитан Александров с помощником по снабжению майором Егоровым. Вместе с ними в Зельве находился комроты-1 старший лейтенант Горельков с частью личного состава. Отдохнув в лесу и дождавшись перерыва в действиях Люфтваффе, в 15 часов командир полка с офицерами штаба и несколькими подразделениями на автомашинах выехал в направлении Слонима, капитан Грицаев с остальными военнослужащими выехал вслед за ними. Район Слонима удалось удачно проскочить. У ж.-д. станции Негорелое (на перегоне Столбцы - Дзержинск) рядовые и младшие командиры были высажены с машин и поступили в распоряжение начальника 16-го (Дзержинского) погранотряда подполковника А. А. Алексева, охранявшего участок старой госграницы. Впоследствии, уже за

Березиной, капитан собрал 320 человек своего полка и вместе с ними выполнял заградительные функции, подчиняясь командирам 84-го, а затем 60-го железнодорожных полков. Судьба капитана Александрова, майора Егорова и начальника связи полка капитана Рубина осталась неизвестной, они пропали без вести. Возможно, их автоколонна столкнулась с вошедшими в Слоним частями вермахта и была уничтожена. Как писал Грицаев о своем командире в докладной от 17 июля, "по сведениям кр-ца т. Федорова, последний его видел в районе Минска, ведущего колонну пограничников совместно с майором Егоровым".

7.5. За левым флангом. Действия войск 4-й армии. Контратака 22-й танковой дивизии

На 24 июня Д. Г. Павлов поставил войскам 4-й армии совершенно невыполнимую задачу: взять назад Ружаны, а затем и Пружаны, ударом танков, которых фактически уже не оста-

451

лось, и 121-й дивизии 47-го корпуса, связи с которой не имелось.

Командарму приказывалось:

"Силами 121-й стрелковой дивизии и 14-го механизированного корпуса решительно атаковать противника от Ружаны в общем направлении на Пружаны. Об отданных распоряжениях немедленно донести. ПАВЛОВ ФОМИНЫХ КЛИМОВСКИХ".

С 25 июня штаб фронта планировал привлечь к боям с частями Гудериана еще и 6-ю кавдивизию 10-й армии. Несмотря на очевидную бессмысленность решения Павлова, приказ по армии на нанесение контрудара генерал А. А. Коробков отдал.

24 июня к восходу солнца отряды 6-й стрелковой и 22-й танковой дивизий вышли к железной дороге северо-западнее Малечи. Здесь их нашел

представитель штаба 14-го мехкорпуса и проинформировал о приказе по армии: нанести контрудар и взять назад Ружаны и Пружаны.

Отряд 22-й ТД под командованием полковника И. В. Кононова выступил из Селец на Ружаны. Привлечь для участия в контрударе 30-ю танковую дивизию возможности не было. В 8 часов командир 14-го мехкорпуса Оборин доложил, что 205-й мотодивизии полковника Ф. Ф. Кудюрова удалось задержать противника на рубеже Доманово, Ивацевичи. При отходе к Щаре к дивизии присоединился 120-й артполк РКК с уцелевшей матчастью. Танкисты 22-й пробиться к Ружанам не смогли, с частями 121-й дивизии не соединились и начали отход на Бытень [105, с. 128].

Что же скрывалось за скупыми словами доклада? Отряд 22-й ТД и отряд 6-й СД под командованием заместителя командира дивизии полковника Ф. А. Остащенко внезапно атаковали во фланг и тыл немецкие части, двигавшиеся по шоссе Ружаны - Слоним. Как выяснилось после боя, это были части 2-го эшелона 47-го моторизованного корпуса группы Г. Гудериана. Как раз в это время по шоссе проезжал сам Гудериан.

Генерал И. В. Кононов писал, что интервалы в движении подразделений противника позволили его танкистам скрытно выйти на рубеж атаки. Дождавшись появления очередной автоколонны, пропустили идущую головной легковую машину и ударили по первому грузовику. Движение колонны застопорилось, и тогда по ней был открыт огонь [12, с. 185]. Боеприпасов было крайне мало, и вскоре вперед устремились танкисты комбата-3 43-го полка капитана Ф. В. Мельникова и воентехников 2 ранга И. И. Воронца и М. А. Косоплеткина. Танки утюжили

452

немецкую колонну, давя автомашины и мечущихся фашистов. Гудериану, сидевшему в головной машине, необычайно повезло, он сумел улизнуть, но вся колонна была полностью разгромлена, был захвачен живым офицер вместе с машиной. В машине оказался большой комплект карт с нанесенным на них планом дальнейших действий 2-й ТГр [106, с. 134].

Одновременно с докладом о неудаче наступления на Ружаны штаб 4-й армии получил категорический приказ штаба фронта: любой ценой остановить прорвавшуюся группировку на р. Щара. Подписав подготовленный штабом боевой приказ № 5, Коробков вместе с генералом Харбаровым выехал в 55-ю стрелковую дивизию для личного руководства. Этим приказом 55-й СД определялось оборонять рубеж Щара (иск.), Говейновичи, Волька; генералу С. И. Оборину приказывалось свести все танки мехкорпуса в один отряд и сосредоточить их в районе Синявки с целью организации контратак на Слоним и Барановичи; 28-му корпусу собраться в районе Ляховичей юго-восточнее Барановичей. Для занятия обороны планировалось фронтовым автотранспортом выбросить на Щару отряды 107-го и 111-го стрелковых полков, но эта мера запоздала, так как обескровленные части 205-й МД уже оставили рубеж на Щаре у Доманово.

В 55-й дивизии 107-й стрелковый и 84-й легкоартиллерийский полки успели к этому времени пройти Барановичи и двигались на Слоним, туда выехал командир дивизии полковник Д. И. Иванюк. Около 09:30 разведгруппа дивизии в составе роты бронемашин 79-го ОРБ, ведя поиск в западном направлении, попала в засаду. В ходе боя разведчики вывели из строя три танка противника, но назад вернулся лишь один БА-10. К 13 часам остальные части дивизии под командой начальника штаба подполковника Г. А. Тер-Гаспаряна выходили на рубеж Стрелово, Миловиды, Кулики; сюда же с запада отходили подразделения 205-й мотодивизии. Впереди стояло семь советских танков без горючего.

Как писал Д. А. Морозов, 111-й СП (командир - майор А. И. Калинин) развернулся по обе стороны шоссе в районе д. Завинье, то есть на 12 км восточнее Миловидов, но результаты обследования поисковой группы "Батькаушчына" позволяют в этом усомниться. У Завинья обнаружены только остатки траншей Первой мировой войны и стреляные гильзы того же периода, артефактов 41-го года не

найдено. Сами немцы отмечают, что жестокий отпор советские войска дали им у Миловидов.

Позади 111-го полка развернулся 3-й дивизион 141-го гаубичного полка, непосредственно в боевых порядках пехоты - собственная артиллерия и приданный 129-й противотанковый дивизион. 228-й стрелковый полк подполковника Г. К. Чаганавы с двумя дивизионами 141-го ГАП находился во 2-м эшелоне дивизии.

Между 13 и 14 часами после артподготовки части 24-го МК противника дважды атаковали оборону 55-й дивизии, но были отбиты. В составе передового отряда 3-й танковой дивизии действовал 2-й батальон 6-го ТП (командир - подполковник Мюнцель) с приданными частями, в том числе саперами 39-го батальона, мотоциклистами и батареями полевой и зенитной артиллерии.

Немцы впоследствии оправдывали эту временную неудачу тем, что советская артиллерия вела огонь вдоль шоссе, а свернуть с него было невозможно ввиду заболоченности местности. Кроме того, неприятной новостью явились удары уничтоженной, как они считали, бомбардировочной авиации РККА, которая накрыла плотно забитое людьми и техникой шоссе и сразу застопорила движение.

В. Модель вызвал на помощь Люфтваффе; после налета тридцатью машинами в атаку пошло 50 танков. Оборона 111-го стрелкового полка была прорвана, командир полка пропал без вести, зам. по политчасти батальонный комиссар А. Я. Брагин был ранен. Командование принял капитан А. С. Белов. Танковый батальон Мюнцеля продвинулся до Завинья и овладел высотами между Завиньем и Мариновом. За два часа ожесточенного боя было выведено из строя до 20 танков противника, но потери в матчасти оказались непомерно большими: был практически полностью выбит 3-й дивизион 141-го ГАП, погиб комполка майор Г. В. Серов; остались без матчасти 79-й разведбатальон и артиллерийские подразделения 111-го стрелкового полка; в

129-м ОПТД уцелело два орудия [83, с. 21]. 9 танков, две батареи полевой артиллерии и 15 ПТО немцы записали "на счет" 8-й роты.

Если считать все участвовавшие в бою советские части укомплектованными до штата, то получается, что при действиях в обороне ими за один бой было потеряно по крайней мере 37 орудий. С позиций удалось вывезти лишь одну гаубицу, у других были полностью уничтожены расчеты либо выведены

454

из строя тягачи.

Г. А. Тер-Гаспарян отдал приказ отойти к верховьям Щары, оставив в качестве заслона остатки противотанкового дивизиона. Таким образом, остановить противника на обозначившемся слуцко-бобруйском направлении разрозненными силами 55-й СД не удалось; более того, взяв под контроль дорожную развилку в районе Бытень, Ямично (у высоты отметка 165.0), где сходились шоссе от Минска и Бобруйска, немцы получили отличную возможность переброски резервов в район боев.

После прорыва советской обороны у Миловид передовая боевая группа 3-й танковой дивизии продолжила наступление в сторону Слуцка, но после 16 часов уткнулась в разрушенный мост через р. Липнянка. Здесь танкисты попали под обстрел советской артиллерии и были атакованы авиацией; в результате бомбежки было уничтожено две зенитных артустановки. Не выдержав, В. Модель взял из 2-й роты 39-го ОБС радиостанцию на 8-колесном БА и лично направился к передовой группе. Попав в затор, он вылез, чтобы осмотреться; в этот момент прямое попадание снаряда вдребезги разнесло радиомашину. 4 члена экипажа были убиты, сам генерал Модель остался невредимым.

Несколько часов выставленный подполковником Г. А. Тер-Гаспаряном заслон не давал противнику (ротам 3-й МцБ и 394-го МП) приблизиться к разрушенной переправе. Утверждалось, что "большевики настойчиво защищались в бывших польских бункерах, которые были построены много

лет тому назад как защита против Советского Союза". Небольшой группе стрелков удалось достичь моста, где они были прижаты к земле шквальным артогнем; одновременно по застрявшим на шоссе колоннам велся огонь с обоих флангов. Пришлось производить зачистку лесного массива в районе Постоново, 3-я рота 3-го мотополка привела 38 пленных и зенитное орудие.

Генерал-лейтенант Модель приказал к 21 часу силами 1-го батальона 6-го полка образовать на Липнянке предмостное укрепление. Танки, а за ними мотоциклисты, невзирая на огонь, продвинулись к горящему мосту; саперы переправились через реку на надувных лодках. Было заявлено о потере советскими войсками двух разведывательных бронемашин, шести танков, девяти противотанковых и 25 полевых орудий.

В километре к югу от горящего моста немцы на-
455

вели новую переправу. К реке подогнали два мостовых танка: установка переправы заняла всего 10 минут.

Вечером того же дня при отходе после неудачной попытки остановить противника у Миловид колонна 120-го полка РКК вышла к мосту в верховьях Щары. Разрушенный накануне авиацией противника, он был наскоро восстановлен саперами, но они пропускали только автотранспорт и пеших военнослужащих, так как мост не мог выдержать тяжелой техники, в том числе трактора с гаубицей на прицепе (общий вес 14 тонн). Для поиска бродов вверх и вниз по течению были посланы разведчики; два орудия, находившиеся в хвосте полка, сняли с передков и подготовили их к стрельбе прямой наводкой вдоль шоссе. Когда к мосту вышли танки противника, на шоссе началась паника. Расчеты развернутых орудий открыли по ним огонь на прямой наводке; по свидетельствам ветеранов, было отмечено несколько попаданий, у одного из танков была сорвана башня. Но тяжелые гаубицы времен Первой мировой войны ввиду низкой скорострельности были совершенно непригодны для борьбы с танками - они успели сделать лишь по несколько выстрелов, после чего расчеты разбежались по обе стороны шоссе.

Первое же въехавшее на мост орудие проломило настил и провалилось в реку. Командиру батареи старшему лейтенанту Фризену удалось вывести с шоссе и переправить у д. Ляховичи (в 7 км севернее моста) 3 гаубицы и 12 тракторов с прицепами. Позднее, уже у Бобруйска, полк догнал лейтенант Опанасенко со своим орудием и трактором с двумя прицепами.

Согласно докладу командира полка, с 11:00 24 июня и до 06:00 25 июня в расположении противника было оставлено 7 орудий, 9 тракторов, 14 прицепов и 12 автомашин. В выставленных на продажу немецких альбомах обнаружили два фото разрушенного моста, из обломков которого торчал лафет гаубицы Виккерс.

7.6. Действия фронтовой авиации

На третий день войны 97-й полк 13-й БАД с полевого аэродрома Миньки юго-восточнее Бобруйска начал наносить бомбовые удары по наступающим соединениям 2-й танковой группы. Войну полк встретил неготовым, отсутствовали бом-

456

бы и бомбодержатели. С 22 июня по 7 июля он совершил всего 146 боевых вылетов, после чего убыл в тыл.

Эскадрилья 24-го СБАП успела совершить два вылета, но из второго не вернулся ни один бомбардировщик.

В. А. Утянский вспоминал:

"Во втором вылете девятку вел капитан Шустов, правым ведомым у него был старший лейтенант Золотев (мой ком. звена), левым ведомым был я. На обратном пути нас преследовала большая группа Ме-109... После каждой атаки в нашем строю загорался и уходил к земле самолет. Через какое-то время мы остались вдвоем, Шустов и я. Самолет Золотова, горящий, с выпавшим шасси, ушел вниз. Я так близко прижался к Шустову, что четко

видел его лицо и заклепки на обшивке самолета. Следующим был атакован мой самолет, сразу же он загорелся, и я пошел к земле. Шустов продолжал лететь один.

У меня горел бензобак правой плоскости. Слишком резко отдал штурвал, и самолет перешел в пикирование. Быстро приближается земля, среди кустарников, кочек и травы блестит вода. Со всей силы тяну штурвал на себя, а самолет продолжает пикировать. Только над самыми верхушками кустов он нехотя вышел на горизонтальный полет. Впереди, метрах в 300-400, стена высокого леса, добираю штурвал и плюхаюсь с высокого выравнивания в болото. Плоскость продолжает гореть, горит разлившийся по воде бензин. В кабине вода, мы в меховых комбинезонах и унтах. Первым до моей кабины добрался стрелок-радист Локтюшкин, все лицо в крови от пулевой царапины, улыбается. С большим трудом через астролюк вытащили штурмана Хураева, он получил травму ноги при посадке. По пояс в воде мы добрались до леса, спрятались в кустах в сухом месте. Взорвались бензобаки, начал взрываться боекомплект, и это эхом разносилось по лесу. Когда все стихло, я пошел посмотреть. Сгорело все, остался скелет из стальных труб.

Капитану Шустову также не удалось избежать участи многих летчиков в первые дни войны. Оставшись один, он продолжал полет и тоже был сбит. Его похоронили местные власти, а орден Красного Знамени, полученный им за участие в финской войне, и другие документы были присланы в полк" (воспоминания).

Тяжелые потери несла и дальняя авиация, наносившая удары по целям в районе Гродно, Березы, Пружан и Кобрин. 212-й полк А. Е. Голованова недосчитался 14 самолетов (из со-

457

става девятки, действовавшей "по Березе", вернулся только один ДБ-3ф). В 207-м ДБАП из 18 экипажей, вылетевших на задание, вернулось восемь, десять были сбиты. В списке безвозвратных потерь по дивизии за этот день значится восемь экипажей (видимо, два из них позже нашлись):

командиров эскадрилий старшего лейтенанта К. И. Кошелькова и капитана А. Г. Мультановского, зам. командира эскадрильи старшего лейтенанта А. В. Петрова, командира звена младшего лейтенанта В. А. Токмакова, лейтенантов С. И. Плаксина, В. Н. Родина, младших лейтенантов П. И. Петрова и Н. В. Поспелова.

В районе деревни Снежково Вилейской области упал и взорвался возвращавшийся с запада и атакованный немецким истребителем подбитый бомбардировщик Су-2. Лейтенант из местного военкомата забрал документы летчиков, селяне похоронили погибших. Запомнились фамилии - Панин и Пронин. В 90-х годах установили, что старший лейтенант В. И. Панин служил в 43-м ББАП 12-й авиадивизии в должности зам. командира эскадрильи, а воентехник 2 ранга Н. Г. Пронин - младшим авиатехником. Предположение, что техник мог заменить убитого или раненого стрелка, не подтвердилось, ибо Панин оказался жив, просто в самолете оказалась его куртка с документами (Советская Белоруссия, 2006, № 183).

В целом по Западному фронту в этот день было заявлено об утрате 78 самолетов. Было сбито 27 машин, 32 пропало без вести, 12 было потеряно на аэродромах, 7 - при вынужденных посадках.

7.7. Немного рассуждений о десантниках и диверсантах

Следует признать, что 24 июня тыл белостокской группировки перестал быть таковым. Теперь это была арена ожесточенных боев, которые вели с прорвавшимся врагом войска 4-й армии и фронтовых резервов. Но это лишь часть правды. Вторая часть состоит в том, что в тылах группировки еще с 22 июня действовали отряды германских воздушно-десантных войск, немало способствовавшие успехам полевых частей вермахта. В их числе, кроме немцев, находились сотни русских эмигрантов и борцов за "незаможну Украину".

Из докладной бывшего начальника Ломжинского оперативного пункта разведотдела штаба ЗапОВО капитана Кравцова
458

Уполномоченному особого отдела НКВД Западного фронта от 4. 01. 1942 г.:

"28 мая 1941 года без вызова прибыл резидент "Арнольд", я выехал навстречу, на заставе спросил его, почему он прибыл раньше срока (срок его был 20 июня), он ответил, что есть важное сообщение, и доложил следующее:

1. Немцы готовят наступление, и в середине июня начнется война против СССР. О наступлении ему удалось узнать из разведцентра Сикорского и от некоторых английских разведчиков, а также из личного наблюдения.

2. Немцы сосредоточили от 1,5 до 2 млн войск на восточном фронте.

3. В Праге закончена подготовка белогвардейцев-диверсантов в количестве 10 тыс. человек, которые перед началом и в момент войны будут выбрасываться небольшими десантными группами для взрыва мостов, дорог, [совершения] террористических] актов и указания целей для авиации и т. д. " (ВИЖ, 1994, № 6, с. 25).

Из спецсообщения Разведуправления Генштаба Красной Армии № 66040сс от 16 апреля 1941 г.:

"За пятнадцать дней апреля германских войск на восточной границе увеличилось на три пехотных и две моторизованных дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на один полк парашютистов" (сайт "Военная литература").

Отлично обученные и вооруженные диверсионные группы брали под контроль мосты, охранявшиеся гораздо более слабыми подразделениями войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, перехватывали и уничтожали автоколонны, перевозившие боеприпасы, топливо и продовольствие для сражающихся

войск. Они подключались к линиям связи и давали войскам ложные приказы, убивали делегатов связи и других одиночных военнослужащих.

Генерал-лейтенант артиллерии И. С. Стрельбицкий вспоминал:

"Накануне войны в городе появились диверсанты. Они пытались нарушить связь. Из битых кусков зеркал устраивали на крышах ориентировочные знаки для ночной бомбежки. На рассвете 22 июня дорога на бензосклад оказалась перекрытой усиленными нарядами в новенькой форме советской милиции. Колонна грузовиков, прибывших за горючим, выстроилась длинной очередью. Старшины и водители пытались выяснить причины остановки. Но так как в те времена у

459

нас не существовало службы регулирования движения, то водители с заводными ручками набросились на милиционеров и тут-то поняли, что это немцы. Половина разбежалась, остальные сдались. На другой дороге немцы были в форме НКВД, и там водители, простояв около часа, вернулись в городок за указаниями" [76, копия].

На сегодняшний день нет однозначного мнения по поводу действий немецких парашютно-десантных войск в июне 1941 г. Выброска в советские оперативные тылы множества мелких диверсионно-террористических групп сомнению не подвергается. Их проявления можно при желании проследить, пусть даже по косвенным признакам. Столкновения с диверсантами в форме войск РККА и НКВД были в те дни настолько обычным явлением, что по ним можно писать специальное исследование.

Акции таких групп были типовыми: убийства генералов и старших офицеров; искусственное устраивание заторов и пробок на дорогах, особенно у мостов; неправильное регулирование движения транспорта; распространение ложных слухов (типа нарочито истерических воплей "Танки, танки сзади!!!") в расчете на возникновение паники; порча линий и узлов связи; выявление штабов и наведение на них бомбардировочной авиации, при возможности - и самостоятельное уничтожение штабов.

Эти диверсионные подразделения изначально предназначались работать "под своих".

Вот строки из приказа по 4-й танковой группе от 14 июня 1941 г., касающиеся приданной танкистам роты спецполка "Бранденбург-800" (ее для маскировки называют "охранной ротой"):

"Первые захваченные у противника автомашины, в особенности разведывательные бронемашины и им подобные, оружие и боеприпасы, снаряжение должны быть незамедлительно переданы в спецгруппы "охранной роты", т. к. они им более необходимы для выполнения их специфических задач" [19,с. 56].

Известно, что переодетые в советскую форму диверсанты дважды пытались убить командира 13-го мехкорпуса Ахлюстина, причем во время второго покушения был застрелен его зам. по строевой части генерал-майор танковых войск В. И. Иванов (оба случая произошли уже при отступлении).

А. Г. Крылов из разведроты 25-го моторизованного полка вспоминал:

"24 июня в Свислочи я последний раз видел одно-

460

сельчанина Д. Смирнова. Он вместе с другими бойцами восстанавливал разрушенный мостик. Там нас сформировали и организовали оборону. Командовал там генерал. Меня послали за патронами, и я видел его в белом кителе. От бойцов я услышал, что его фамилия Иванов. Бой был не очень большой. Потом нас забросали минами и выбили. Бежали метров пятьсот. И снова шли толпой. Опять нас формировали без конца, опять были короткие бои".

Белый китель, насколько я понимаю, являлся летней повседневной формой высшего начсостава вне строя. Не знаю, почему генерал Иванов надел его. Вряд ли потому, что его обычный китель с черными или полевыми петлицами был испачкан или порван. Скорее всего, он специально хотел выделяться из общей массы, чтобы все видели его ("генерал с нами"). Но видели его не только свои солдаты, но и чужие. Белый китель летом - это то

же самое, что белый полушубок - зимой. Это то же самое, что поручневая антенна на командирском танке. Мишень, точный ориентир для врага. Вот он, командир! Бей по нему!"

Начштаба 521-го корпусного батальона связи капитан С. З. Кремнев был свидетелем обоих покушений. Он вспоминал:

"К генералу Ахлюстину обратился один полковник и попросил разрешения примкнуть к нашей группе. Он заявил, что отстал от своих и хотел бы двигаться дальше с нами. Генерал Ахлюстин разрешил ему разместиться в своем броневике, в котором до этого ехали, кроме самого генерала, прокурор корпуса, адъютант и водитель. Когда мы двинулись в путь и проехали по лесной дороге несколько километров, вдруг броневик остановился, и из открывшейся дверки вывалились его "пассажиры" в необычных позах, удерживая за руки подсевшего недавно в машину полковника. Двигавшиеся сзади командиры, в том числе генерал Иванов В. И., начевязи корпуса майор Мельников, я и другие бойцы и командиры поспешили на помощь. Оказалось, что этот "полковник", сидевший в броневике сзади генерала Ахлюстина, на ходу выстрелил ему в затылок, но по счастливой случайности пуля только сбила с головы генеральскую фуражку, не задев самого Петра Николаевича. В яростной злобе мы буквально растерзали этого немецкого диверсанта, содрали с него советскую форму и бросили его в канаву. После этого неприятного эпизода мы двинулись дальше в направлении Городище" [76, копия].

461

Но вот что делать с иными воспоминаниями непосредственных участников событий? Очень многие пишут: "десант, десанты, сражались с десантом..." и так далее. Указывают, что у десантников были противотанковые орудия, минометы и легкие танки (или танкетки). И что среди них были русские и украинцы, но подразделения Красной Армии они из себя не изображали.

Большинство историков настроено критически. Их доводы резонны: в документах противника нет подтверждений о крупных десантных операциях на территории СССР; Гитлер после больших потерь при захвате Крита запретил массовое десантирование; в первые дни войны в частях Красной Армии имела место массовая болезнь - "десантобоязнь"; за парашютистов принимались мотострелки в составе передовых отрядов танковых дивизий вермахта.

Все это верно, но есть и обратная сторона медали. При тщательном изучении (по датам, часам и с подробными картами) немецкие подразделения с техникой и легкой артиллерией обнаруживаются в таких глубоких тыловых районах, куда еще ни при каких условиях не могли выйти полевые войска.

Допускаю, что десантники, выброшенные 22 июня в ближние тылы советских войск, через день-два могли встречаться с авангардами своих же танковых дивизий и далее действовали совместно. Тактике "глубокого боя", когда все рода войск тесно взаимодействуют, это не противоречит. Если утром 24 июня немецкие танки оказались восточнее Озерницы, так парашютисты не виноваты, что танкисты продвигаются столь стремительно; к тому же это пока еще не немецкий тыл. Охват советской группировки развивается успешно, но пока еще только с левого фланга. В белостокском выступе сосредоточена масса войск, которая пока еще не начала широкомасштабное отступление на линию старой госграницы. Огромная территория от Белостока до Зельвы и далее - все еще под советским контролем. Там действуют органы власти, НКВД и НКГБ, в глубине имеются части армии и внутренних войск. Ее можно называть как угодно (прифронтовой зоной, оперативным тылом и пр.), суть от этого не меняется.

И даже если танковые клинья вермахта рвутся к Минску, неужели это достаточное основание, чтобы объявить, будто никакие десанты там не высаживались, а весь "шорох", который там возник, целиком на совести вражеских танкистов.

А теперь о том, какой десант во-

обще следует считать крупным. Согласно т. н. "парадоксу кучи", рота или батальон в нашем тылу - это много или мало, опасно это или нет? Да, Гитлер запретил выброски воздушных десантов в размерах СОЕДИНЕНИЯ, коим являлась одна-единственная 7-я парашютная дивизия. Но ведь никто из ветеранов и не пишет о том, что немецко-русско-белогвардейские (чуть не написал белорусские - по шаблону "белоказаки, белочехи, белополяки, белокайтаицы" - шутка) парашютисты сыпались им на головы тысячами. Двадцать, пятьдесят, сто, двести. Сколько бед может натворить сотня-другая хорошо вооруженных и обученных удальцов? Думаю, что очень много.

Ладно, людей выбросить несложно. Идеи бригаинженера Гроховского в те времена реализованы не были, но есть свидетельства, что немцы выгружали технику из уже севших самолетов и планеров. Имеются бесспорные данные о нескольких таких случаях, когда десантирование происходило не с неба, а с земли.

Белосток, утро 22 июня. Десант высажен на аэродром путем посадки самолетов.

Алитус, утро 22 июня. Десант высажен на аэродром путем посадки самолетов.

Езнас (вблизи от Приенай в Литве, где находился бетонный мост через Неман), 23 июня. Десант высажен на аэродром путем посадки самолетов.

Район Гродно, утро 22 июня, позиция 68-го укрепрайона, огневые 444-го корпусного артполка. Г. Г. Рак, 2-й дивизион:

"Фашистам хотелось уничтожить наши огневые точки, они выбрасывали десанты, для чего использовали планеры, на них десантировал и оружие: минометы, мины, пулеметы. Наши воины из взвода управления за Неманом уничтожили два планера и взяли в плен семь десантников" [76, копия]. Надо заметить, планеры опускались в тылу у ведущих бой артиллеристов.

Молодечно, 26 июня. Десант высажен на аэродром путем посадки самолетов.

Командир 9-й дивизии НКВД полковник В. Н. Истомин в своем отчете указывал:

"В районе Слонима 58-й полк имел стычку с большим авиадесантом, а также вновь подвергся нападению с воздуха и якобы атаки танковых частей. Авиадесант был разогнан и частично уничтожен совместно с казачьим эскадронам частей Красной Армии, который этот авиадесант дорубил окончательно" [76, копия].

Есть еще два свидетельства. Первое я сам записал со слов участника событий в 1990 г. Там есть такие строки, в кото-

463

рые - я по натуре вообще-то тоже скептик - я в те годы поверить не мог. И не поверил, и отмахнулся. Ибо это и сейчас звучит фантастично.

Бывший авиатор В. Н. Пономарев - я уже ссылался на него - поведал буквально следующее:

"Рассказывали, что за Барановичами, ближе к Минску, немецкие диверсанты, переодетые в нашу офицерскую форму, еще задолго до начала войны подготовили посадочную площадку для своих самолетов. Они наняли местных крестьян и после строительства, в первые дни войны, использовали эту площадку для десантирования" [76, запись устного рассказа].

Свидетельство второе. В газете 209-й моторизованной дивизии 17-го мехкорпуса служил младший политрук Иван Стаднюк. Став маститым советским писателем, он еще в годы правления Л. И. Брежнева выдал "на-гора" сразу получивший популярность полудокументальный роман "Война", посвященный событиям на Западном фронте. Но не ищите там описания действий 209-й дивизии и всего 17-го корпуса. Вместо этого Стаднюк пошел по своей оригинальной стезе: к шести мехкорпусам Западного округа выдумал седьмой, "ввел" его в состав 10-й армии (теперь их там стало целых

три) и изменил таким "художественным" образом историю первых боев на белорусской земле.

И в своей новой книге "Записки сталиниста" он опять открыл читателям лишь скудную дозу фактов, касающихся его дивизии. Более того, он написал, что 17-й мехкорпус принадлежал 10-й армии, то есть совершил еще одно "открытие". Но меня в "записках" заинтересовало одно место.

Когда после разгрома группа из 96 военнослужащих 209-й дивизии пробиралась лесами на восток, таща на себе тяжеленный стальной ящик, снятый с автомашины политотдела, в одну из ночей произошла необычная встреча.

Стаднюк пишет:

"... дозорные задержали на лесной тропе всадника. Как потом выяснилось, он оказался председателем одного из приграничных колхозов. При нем - мешок с крупной суммой денег. Потребовали объяснений и услышали удивительный рассказ, подтвержденный потом другими задержанными колхозными активистами. Суть его поразительна: за несколько дней до начала войны в конторе колхоза появились два командира Красной Армии, приехавшие на мотоцикле. Заявили, что имеют приказ "откупить" дальний колхозный луг для военных маневров. Тут же

464

оформили документы, заплатили сумму денег, которую потребовало правление артели за потравленное сено, и строго предупредили: к лугу никому не приближаться, он будет оцеплен охраной...

А ночью на луг стали садиться транспортные самолеты с советскими опознавательными знаками. Из них (как подсмотрели сельские пастушки) начали выгружаться немецкие танкетки, бочки с горючим, ящики с боеприпасами и группы военных в советской форме..."

Фантастично? Бесспорно. А если вдуматься? Поставьте себя на место западнобелорусского крестьянина "образца" 41-го года. Только два года прошло, как власть Речи Посполитой менялась на Советскую власть. Не надо

думать, что белорусам "под Польшей" жилось сладко, сытно и привольно. За сочинение стихов на родном языке запросто могли вызвать повесткой в гмину - волость - и там в постерунке - полицейском участке - избить до полусмерти. Только за то, что писал по-белорусски о том, что наболело и о чем мечтается. О том, что будет единая Беларусь и не будет постерунков с польскими жандармами (Адамчик В. В. Чужая вотчина. Мн., 1989. С. 86).

Нищета, тяжкие налоги, поборы, произвол властей. Только что и оставалось у селян, так это вера в Христа. Пусть даже православные, белорусы были вынуждены ходить "до костелу". А для белорусов-латинян католическая Церковь была своей, родной. Но после сентября 39-го даже и этого не стало. Всех согнали в колхозы, храмы закрыли. Имевшие неосторожность публично журить новые порядки вскоре бесследно исчезали. А в июне 41 -го "органы" вообще устроили массовую "зачистку" на будущем ТВД. Тысячи семей "неблагонадежных" поляков в Западной Белоруссии были депортированы: посажены в эшелоны и вывезены за Урал - в Сибирь и Казахстан.

Генерал КГБ С. С. Бельченко вспоминал, что и в Белостокской области, где поляки составляли большинство населения, были произведены массовые депортации. Он не сомневался, что во время войны они стреляли бы нам в спину.

К 22 июня "зачистки" в Белоруссии закончились, в Литве - еще продолжались.

Как писал в своей докладной командир 9-й железнодорожной дивизии НКВД:

"К началу дня 22 июня 83 и 84 полки 9 ЖД дивизии в связи с чекистскими операциями находились на усиленном варианте охраны и обороны объектов. 58, 60 полки несли службу нормально".

83-й полк стоял в Лат-

вии, 84-й - в Литве. Подразделения 58-го и 60-го - в районах от Белостока и Бреста до Бараповичей. Но, как вспоминал бывший командир 5-го отдельного МСП НКВД генерал-майор А. С. Головкин, война застала его полк в Барановичах в оперативной командировке. Не затем ли, чтобы закончить "мероприятия"?

Те, кому пришлось сражаться с врагом на западной границе, ни разу не усомнились в правомерности этой депортации. С человеческой точки зрения акция была варварством. А с военной? Как всегда, у жизни, как и у медали, две стороны - аверс и реверс. Впрочем, выселение в Азию "неблагонадежных" не избавило полностью армию от ударов с тыла: гитлеровская агентура спровоцировала католическое население на открытые выступления диверсионного характера, осквернив 21 июня множество христианских святынь и пустив слухи, что это сделали бойцы РККА.

А теперь вернемся к нашему председателю колхоза. Приходят к вам в правление "командиры РККА" и в ультимативной форме требуют "отдать" самый дальний луг для проведения учений. И чтобы никто поблизости не шлялся. Форма безупречна, документы не отличить от настоящих. А чтобы председатель не сомневался и попусту не любопытствовал, вместе с переодетыми "армейцами" может быть и еще один "офицер", в форме иного ведомства - фуражка с сиреневым околышем и эмблема с мечом на левом рукаве гимнастерки из темно-синего коверкота. А у тебя брата в 40-м взяли, и половина соседей делась неизвестно куда. Пусть уж эти типы в фуражках делают что хотят, лишь бы нас не трогали.

Вот на такие колхозные луга, выровненные и приспособленные под полевые аэродромы, и могли садиться транспортники и десантные планеры противника. И даже если не найдено тому подтверждения в германских штабных документах, это еще ничего не значит. Бумаги - штука непрочная, горят, гниют, к тому же еще и фальсифицируются. Может быть, найдутся еще. Либо десанты с артиллерией и бронетехникой в тылы советских войск из неразгаданных загадок Третьего Райха перейдут в разряд легенд.

Можно долго рассуждать о том, что было и чего не было. И что могло бы быть, если бы... Но есть очевидный факт: 24 июня коммуникации в тылу 3-й и 10-й армий были перерезаны и выходом к Слониму танковых дивизий группы Гейнца

466

Гудериана и действиями диверсионных подразделений.

Случалось, внезапными ударами из засад десантники одерживали верх и над не ожидавшими этого строевыми частями. Так, по свидетельству жителей деревень Лопухово и Селявичи Слонимского района, 24 июня через Лопухово пыталась прорваться на восток и была атакована немцами какая-то артиллерийская часть. В бою погибло много бойцов, уцелевшие отошли в окрестности деревни Селявичи, где их всех безжалостно истребили (десантники пленных не брали).

В сентябре 2000 г. в ходе планомерных раскопок неизвестных захоронений советских солдат, павших летом 41-го, среди костей и сохранившихся петлиц двух десятков неизвестных (нашли всего 4 медальона) воинов-артиллеристов была найдена печать технической службы 479-го зенитно-артиллерийского полка ПВО. Тогда все стало ясно: под Лопухово и Селявичами погиб полк или один его дивизион из состава 4-й бригады ПВО. Это было молодое формирование (его нет даже в специальных трудах по истории войск противовоздушной обороны СССР), развернутое между участками Кобринского и Барановичского бригадных районов ПВО. Сам 479-й прикрывал Белосток. Командовал им майор П. П. Шутиков, замом по политчасти был батальонный комиссар Д. П. Наливкин, начальником штаба - капитан Горохов.

В архиве И. И. Шапиро нашлись письма только двоих, оставшихся в живых из этого полка: командира огневого взвода С. Н. Болговского и А. Я. Михайлова. Там почти ничего нет, только факт отзыва, но можно предположить, как все случилось.

По изрядно побитому шоссе (где-то на участке между Зельвой и Слонимом), в душных клубах пыли, на максимально возможной скорости движется большая воинская колонна. Тягачи тащат длинноствольные 76-мм или 85-мм орудия, в кузовах грузовиков сидят бойцы, лежат зачехленные и заботливо укрытые брезентом оптические дальномеры и прочее снаряжение. Офицеры с пушечками на черных петлицах привычно вглядываются в синее, но уже далеко не мирное небо. Жарко, пыль на лафетах орудий, на капотах машин, на гимнастерках, на покрытых потом лицах. Кто-то обмахивается пилоткой, кто-то курит. Нет ни дозора, ни боевого охранения. Зачем, ведь здесь глубокий тыл, да и оперативные войска НКВД наверняка не дремлют, выловят любых диверсантов.

467

Стоял же рядом с нами в Белостоке 23-й мотострелковый полк НКВД, где они сейчас?

И не замечают зенитчики, что на опушке леса блеснула на солнце линза цейсовского бинокля, какие-то рослые парни в темных комбинезонах скинули свежесрубленные березовые ветки с установленных на огневой позиции минометов.

На дорогу обрушивается шквал огня. Бьют по кабинам, по скатам и топливным бакам. Вспыхивает и загоразивает дорогу головная машина. Мины густо накрывают остановившуюся колонну. Слобно косою осколки срезают мечущихся людей, рвутся баки горящих машин и тягачей.

Никто не пытается развернуть в боевое положение орудия: все снаряды расстреляны еще 22-го. Редкий винтовочный огонь не может остановить нападающих.

Но вот кто-то из командиров, оправившись от шока, пытается навести порядок. Колонна велика, разгромлена только ее голова. Полк пятится, сворачивает вправо, в лес, пытается выбраться на Ружанское шоссе, также идущее на Слоним. Но по шоссе уже идут пятнистые танки с короткими пушками и с крестами на бортах и башнях. Заметив грозную на вид, но

беспомощную без боеприпасов артиллерийскую часть, они без промедления открывают огонь. Снова горят и взрываются машины, под градом осколков и пуль падают люди. Танки сворачивают с шоссе, "утюжат" колонну, тараня и давя машины и солдат. Бросив технику, уцелевшие пытаются спастись, но снова натываются на десантников. И вот все кончено.

Немцы с некоторой опаской осматривают разгромленную колонну, не зная, что боеприпасов там нет, взрывается только горючее. Да, "поработали" на славу, двух десятков новых орудий русские лишились. В штабном автобусе находят Знамя полка, расчехляют его, одобрительно щупают тяжелый бархат. Впрочем, оказалось, что в судьбе 479-го ЗАП ПВО была еще одна трагическая страница, но об этом позже.

Возможно, так же как и 479-й полк, сгинул где-то под Слонимом 219-й отдельный дивизион. Если 479-й ЗАП был разгромлен 24 июня, то дивизион утром 25-го еще вел огонь по врагу. Только потом он снялся с позиций и в составе двух батарей (третья погибла при массированном налете на ее огневые) начал свой последний марш к Слониму, где уже хозяйничали немцы. Комдив 219-го ОЗАД ПВО капитан Л. П. Малы-

468

гин посей день числится пропавшим без вести. Не то он погиб при воздушном налете, не то застрелился при угрозе пленения. В Волковыске есть улица имени капитана Малыгина.

Можно сказать со 100% уверенностью, что так же немецкие десантники разгромили отступающую тыловую часть у деревни Лыски Слонимского района. Там нашли останки примерно 60 человек и только 2 медальона на всех. По одному медальону отозвалась жена и сообщила, что ее муж служил в Крынках в какой-то ремонтной части, вроде бы оружейным мастером. В Крынках были склады с горючим, боеприпасами и прочие тыловые и технические подразделения.

Вместе с солдатами ребята из "Батькашчыны" нашли останки офицера с тремя шпалами на петлицах (подполковник или старший батальонный

комиссар) и удостоверением депутата какого-то Совета. Оно плохо сохранилось: удалось только прочитать номер дома и комнаты. Местные жители рассказали, что когда десантники окружили подполковника и предложили ему сдаться, он продолжал отстреливаться из нагана (наган тоже нашли). Тогда они просто забросали его гранатами.

7.8. За левым флангом. Действия войск 11-й армии. Выход корпуса Манштейна к Укмерге. Обозначение двинского направления. Начало развертывания 27-й армии

Все более реальной становилась угроза и на правом фланге Западного фронта, но 13-я армия, состоявшая фактически только из управления, не имела пока реальных шансов повлиять на обстановку, которая ухудшалась с каждым часом. В полосе 11-й армии СЗФ противник форсировал реки Неман и Виляя, взял города Каунас и Вильнюс. На рассвете 24 июня по приказу командования 179-я территориальная стрелковая дивизия начала отход на восток, не вступая в соприкосновение с немцами ("Забвению не подлежит", с. 4, 6).

К 18 часам 24 июня колонны подразделений 179-й дивизии, 615-го корпусного артполка и управления 29-го корпуса находились на расстоянии от 5 до 40 км к востоку от Вильнюса. Около 18 часов 618-й легкий артполк также снялся с позиции и начал отход по мар-

469

шруту Пабраде - Новые Свенцяны - Поставы - Глубокое - Полоцк - Невель.

Восточнее Каунаса командование 11-й армии развернуло сборные пункты, на которых старалось задерживать неорганизованно отходящие остаточные группы и отдельных красноармейцев. Среди задержанных было немало военнослужащих из состава 2-й танковой дивизии 3-го

механизированного корпуса, наносившей контрудар против частей 4-й танковой группы ГА "Север", оставшейся без горючего и боеприпасов и разгромленной в районе г. Скаудвиле.

Бывший рядовой саперной роты 3-го танкового полка И. А. Кулагин вспоминал:

"Дивизия была разбита, и группами по 5-10 человек мы разбрелись по лесам. Говорили, что комдив генерал Солянкин застрелился при прорыве из окружения, чтобы не сдаваться в плен, а нашего комполка подполковника Рагочего убило в танке прямым попаданием бронебойного снаряда. В лесах старшие офицеры развешивали на деревьях плакаты: где находится сборный пункт и как его найти. Нас собралось человек 500 из разных родов войск. Командование сводным отрядом взял на себя незнакомый майор" [76, письмо личной переписки].

126-я дивизия генерала М. А. Кузнецова продолжала обороняться на фронте Дембово, Езнас. Командующий армией принял решение к исходу дня отвести дивизию на рубеж Шокле, Килганы; на этом рубеже обеспечить отход 84-й МД; после ее отхода продолжить отвод частей на правый берег р. Вилия по получении специального разрешения. По оценке командующего 11-й армией к исходу дня 126-я СД являлась боеспособной.

После взятия Вильно 39-й МК группы Гота повернул на юг, на Молодечно и Минск. Моторизованный корпус Манштейна продолжал развивать наступление в стык 11-й и 8-й армий и вышел к Укмерге, осуществив глубокий охват 11-й армии с правого фланга.

Генерал-майор В. С. Антонов (на 22 июня 1941 г. - майор, начальник штаба и и. о. командира 1-го отдельного МСП НКВД) писал, что особенно ему запомнился бой под Укмерге 24 июня. Полк занял рубеж обороны на высотах (ландшафт в районе Укмерге отличается сильной неровностью, самая высокая отметка - 159 м). Утром мотоциклисты, а потом пехота с танками, двинулись по шоссе Укмерге-Двинск, и были

встречены огнем. Бой шел весь день, было подбито до 20 танков противника. Особенно успешно действовали 2-й батальон и полковая артбатарея, лично вел огонь по танкам ее командир С. Галдин (Антонов В. С. Путь к Берлину. - М.: 1975. С. 4-5).

Получив организованный отпор, немцы прекратили атаки и обошли боевые порядки полка, благо ни левого, ни правого соседа у мотострелков НКВД не было. К исходу дня авангард 56-го корпуса вышел к г. Утенай на шоссе Каунас - Двинск - до Западной Двины оставалось пройти 75 км. Возникла угроза захвата противником Двинска.

Манштейн писал, что обе входившие в его корпус дивизии "в упорных боях частично разбили бросаемые в бой вражеские резервы", причем на местах столкновений осталось до 70 единиц советской бронетехники и много артиллерии. Никаких подтверждений этому в отечественных источниках найти не удалось, но уж точно рота танков 1-го полка НКВД никак не могла состоять из 70 машин. Нет сомнений, что немцам противостояли подразделения из состава 2-й или 5-й дивизий 3-го мехкорпуса.

Командование Северо-Западного фронта имело во 2-м эшелоне 27-ю армию (командующий - генерал-майор Н. Э. Берзарин), находившуюся в стадии формирования и не обладавшую реальным боевым потенциалом, способным остановить неприятеля на речном рубеже. Входившие в ее состав 22-й и 24-й стрелковые корпуса были территориальными, как и 29-й литовский, следовательно, полагаться на них было по меньшей мере рискованно. 22-й СК (командир - генерал-майор А. С. Ксенофонов) был эстонским, 24-й СК (командир - генерал-майор К. М. Качанов) - латышским.

В направлениях на Двинск и южнее - на Поставы, Полоцк и Витебск - нескончаемым потоком двигались неорганизованные колонны из остаточных групп, отдельных военнослужащих и даже подразделений разгромленных в предыдущих боях войск, тыловых частей и строителей пограничных укреплений. Возможно, кого-то удавалось останавливать на сборных пунктах, но реальной боевой силы они все равно не представляли.

Бывший сержант И. И. Подварков из 9-й бригады ПТО РКК вспоминал:

"После форсирования реки наша бригада, потеряв в боях и бомбежках значительную часть своего личного состава, продолжала отход на восток. Шли смешанной колонной вместе с другими частями. На одном из перекрестков

471

колонну остановил майор с группой автоматчиков. Он регулировал движение, направляя технику в сторону Двинска, а пехоту - в Белоруссию, на Поставы. Чье распоряжение он выполнял? Кто он такой? Свой или диверсант в офицерской форме? Все эти вопросы роились в голове. Но сзади на нас напирала. На нас подействовал и авторитет майорского звания, и грозный вид бравого майора, не стеснявшегося в выражениях. Только позднее, когда мы остановились на отдых, многие дали выход своим подозрениям: где же наша техника, где же наши пушки?

Через день ранним утром мы вошли в Поставы. Улицы городка были забиты транспортом, воинскими подразделениями. Впервые за несколько дней довелось подкрепиться горячей пищей, привести себя в порядок" [76, копия].

Положение на двинском направлении можно было охарактеризовать как внушающее серьезные опасения, если не больше. Однако северо-восточнее Двинска, в районах Идрицы и Опочки Псковской области, располагались части формирующегося 21-го механизированного корпуса Московского ВО (командир - Герой Советского Союза генерал-майор Д. Д. Лелюшенко): 42-я и 46-я танковые и 185-я моторизованная дивизии. В дивизиях имелось всего лишь 98 боевых машин, что не позволяло надеяться на серьезные достижения. И все же это была единственная реальная сила, способная хотя бы замедлить продвижение Манштейна. 23 июня в качестве некоторой замены недостающей матчасти было получено более ста артиллерийских орудий калибров 45 и 76 мм, 24 июня из Академии механизации и моторизации РККА прибыли 10 БТ-7 и 2 Т-34 с экипажами. За

день танковые дивизии корпуса были реорганизованы в боевые группы, способные выполнять поставленные задачи; как ни странно, они весьма близко походили на т. н. "кампфгруппы" танковых дивизий вермахта.

В каждой дивизии теперь имелось по два полка; в полк входили танковый батальон (36 танков), 9 командирских машин, мотострелковый батальон и артдивизион. Остальной личный состав корпуса, не имевший техники и вооружения, оставлялся в местах постоянной дислокации. Но никаких приказов о выступлении на фронт корпус 24 июня не получил.

472

7.9. Первые действия 13-й армии. Обстановка на лидском направлении и в районе Минска

На фольварке Заблоце, в нескольких километрах северо-западнее Молодечно, был развернут командный пункт 13-й армии Западного фронта. Ранее здесь находился запасной КП 24-й СД, которая дислоцировалась до войны в районе Молодечно. Затем дивизия по приказу окружного командования ушла на запад. Того, что угроза возникнет со стороны Литвы, никто и предположить не мог. В 06:45 24 июня железнодорожный узел Молодечно был разрушен авиацией противника, прекратилась проводная связь.

Секретарь Вилейского обкома КП(б)Б И. Ф. Климов (в недалеком будущем - видный деятель партизанского движения) сообщил военным, что по сведениям, полученным от беженцев, немцы находятся на подходе к Вилейке, Сморгони и Ошмянам. В течение этого дня командование армии подчиняло себе все боеспособные части в районе Молодечно, ибо 50-я стрелковая дивизия (командир - генерал-майор В. П. Евдокимов), на которую возлагалась задача по сдерживанию противника на рубеже Сморгонь-

Ошмяны, все еще была в пути из района Полоцка. Штаб и части 50-й после ночного марша остановились на отдых примерно в 10 км севернее Вилейки.

Согласно записям в журнале боевых действий 50-й дивизии, ее 359-й стрелковый полк к исходу дня занимал оборону в районе леса западнее м. Заскевичи. Указывалось также, что там же находится и подчинен дивизии 262-й стрелковый полк, который, как явствует из приведенного ранее, принадлежал 184-й литовской территориальной стрелковой дивизии 29-го корпуса 11-й армии Северо-Западного фронта. Это единственная пока найденная запись, которая является подтверждением существующей версии о выходе в район Молодечно просоветски настроенных подразделений литовской дивизии.

В 2 часа ночи 25 июня был получен приказ об отходе обоих полков на реку Виляя.

Первой более-менее реальной силой в составе 13-й стали остатки 5-й танковой дивизии 11-й армии. После тяжелейшего боя за Вильнюс полуокруженные мехвойсками и пехотой противника остатки ее подразделений начали отходить в рай-

473

он Ошмян. При отходе они встретили отряд из восьми немецких танков, капитан Новиков и помощник начальника политотдела дивизии старший политрук Подпоринов смело и решительно атаковали его и одержали победу. 24 июня все уцелевшие боевые машины были сосредоточены под руководством командира 9-го полка полковника И. П. Веркова. 5-й гаубичный полк в 13 часов 24 июня также вышел в район восточнее Ошмян, где взвод младшего лейтенанта Романова вел огонь по высадившемуся десанту. Немцы понесли потери, в том числе был убит один офицер, с нашей стороны потерь не было.

Кроме сводного отряда 5-й ТД, в армию были также включены 84-й железнодорожный полк НКВД под командой майора И. И. Пияшева, стоявший на станции Молодечно бронепоезд № 5 и курсанты Виленского

пехотного училища. Принадлежность БЕПО не установлена - в железнодорожных войсках НКВД бронетехники под таким номером не было однозначно, да и сам номер его тоже вызывает сомнения. Можно предположить, что это был БЕПО РККА № 44 (командир - старший лейтенант С. Л. Ключев). Он принадлежал Орловскому военному округу, предположительно 4-му отдельному дивизиону или 1-му запасному полку бронепоездов. К 23 июня планировалась его переброска на территорию ПрибОВО вместе с еще двумя БЕПО.

Как вспоминал А. А. Маринович, в числе других раненых красноармейцев он был эвакуирован на станцию Молодечно. Неожиданно к ним в вагон вошел старший лейтенант в комбинезоне и шлеме танковых войск и предложил легкораненым вступить в его часть. Вызвалось до десятка бойцов, которых Ключев отвел к своей крепости на колесах, оснащенной 4 короткоствольными 76-мм пушками и 8 станковыми пулеметами ("стандартный набор" для типового БЕПО советского производства). Через сутки поступил приказ перейти в район Лиды.

Генерал армии С. П. Иванов (в 1941 г. - подполковник, начальник оперативного отдела штаба 13-й армии) писал, что в 21 час в штаб из Минска прибыл помощник начальника оперативного отдела штаба фронта майор В. В. Петров с шифрованной директивой, подписанной в 14:00 Д. Г. Павловым, А. Я. Фоминых и В. Е. Климовских (в документах штаба армии указано несколько более позднее время - 21:50). Командарму П. М. Филатову приказывалось: подчинить себе 21-й стрелковый корпус, 8-ю бригаду ПТО, 24-ю и 50-ю дивизии, а также

474

все отступающие с запада и северо-запада части и подразделения; 24-я дивизия переходит в подчинение командира 21-го СК. Задача ставилась следующая: 21-му корпусу силами 24-й и 37-й дивизий занять фронт Ошмяны, станция Беньконе и прикрыть вильнюсское направление; находящейся на левом фланге 17-й дивизии наступать в общем направлении

на Радунь и Варену в целях взаимодействия с группой И. В. Болдина. 8-ю противотанковую бригаду использовать для обороны Лиды и прилегающего к ней района с запада или с северо-востока. 50-ю стрелковую дивизию Павлов разрешал использовать по своему усмотрению.

На исходе дня штаб армии установил связь с Самаро-Ульяновской дивизией. Оказалось, что 24-я после форсированного марша остановилась на привал в лесах южнее м. Юратишки. Как отмечалось в оперсводке штаба 21-го корпуса, дивизия, "совершив форсированный марш, к исходу 24.6 вышла на восточный берег р. Гавья на участке Добровляны - Батадины. Штадив - Макуши (4 км северо-западнее Юратишки)".

Генерал Филатов приказал К. Н. Галицкому прибыть в Молодечно, но комдив ответил, что, по имеющимся у него разведанным, дивизии в любой момент угрожает атака танков противника, так что в данной ситуации ему целесообразнее оставаться на месте.

На вопрос о танках начштаба дивизии майор З. Д. Подорванов зачитал подполковнику С. П. Иванову донесение командира своей разведроты. Из него явствовало, что в район Ошмян вышли передовые части 12-й танковой дивизии противника, там же находятся подразделения разведбатальона 50-й дивизии РККА. Также Подорванов сообщил, что штаб 21-го стрелкового корпуса утром выгрузился на станции Богданув и сейчас находится близ Ивье.

На основании указаний фронтового командования и всей собранной информации начальником штаба армии комбригом А. В. Петрушевским был подготовлен приказ № 01, в котором задачи ставились не только тем скудным силам, что реально вошли в состав 13-й, но и тем, что только должны были в нее войти:

"4. 50-й стрелковой дивизии с 84-м стрелковым полком войск Народного комиссариата внутренних дел (Молодечно), Виленскому пехотному училищу и 5-й танковой дивизии прикрыть Молодечно со

стороны Северо-Западного фронта, перейдя к обороне на фронте: Данюшево, Сморгонь, Олещиска.

475

Иметь подвижный резерв для борьбы против десантов противника.

5. 21-му стрелковому корпусу (24, 37 и 17-я стрелковые дивизии) двумя дивизиями оборонять фронт Ошмяны, Беньконе; 17-й стрелковой дивизии наступать в направлении Радунь, Ораны.

6. 8-й противотанковой бригаде расположиться в районе Лида, откуда обеспечивать направления с севера и запада.

7. Бронепоезду к 5.00 25.6.41 г. перейти на ст. Гавья".

Связи со штабом 21-го СК не было, но текст приказа был передан майору Подорванову.

Также во все упомянутые в приказе части в качестве делегатов выехали офицеры штарма. Майор Урусов вручил приказ лично генералу Евдокимову, у капитана Гречихина приказ принял начальник оперотдела штакора-21 подполковник Г. Н. Регблат, Однако, как удалось установить, ко времени издания этого приказа по крайней мере часть сил 17-й и 37-й СД уже вошла в соприкосновение с противником (в частности, с передовыми отрядами 12-й танковой и 18-й моторизованной дивизий) и завязала тяжелые встречные и оборонительные бои.

Еще утром при подходе 55-го полка к реке Дзитва высланный вперед разведдозор прислал донесение о занятии Радуни мотопехотой и танками противника. Командир полка принял решение продвинуться до господствующей высоты у деревни Дубинцы (отметка 183.3, примерно в 10 км южнее Радунь) и занять на ней оборону.

Достигнув к полудню этой высоты, батальоны сразу же начали окапываться: 1-й и 3-й батальоны - на 1-й линии обороны, 2-й батальон - на 2-й. Около 14 часов наблюдатель с тригонометрической вышки, стоявшей на высоте, доложил, что по дороге из Радунь движется колонна автомашин с мотопехотой численностью не менее батальона. На расстоянии 1,5-2 км от

высоты немцы спешили и, развернувшись в ротные колонны, двинулись вперед. Подойдя на расстояние километра, колонны рассыпались в цепи. С трехсот метров наступающие открыли огонь из стрелкового оружия, сразу по высоте начала бить артиллерия. Подпустив противника примерно на 200 м, Г. Г. Скрипка дал команду на открытие огня. Вражеская атака сразу же захлебнулась, понеся большие потери, поредевшие цепи откатились назад.

Через час со стороны Радуня подошла еще одна колонна автомашин с мотопехотой, возобновились

476

артиллерийский и минометный огонь по обороне 55-го СП. С целью нанесения флангового контрудара комполка направил в обход наступавшего противника по лесу, примыкавшему к высоте с запада, две роты 2-го батальона (их возглавил начштаба полка капитан А. А. Старцев). Вторая вражеская атака была также отбита огнем стрелкового оружия, минометов и полковой артиллерии.

Переломным моментом стала внезапная контратака стрелковых рот, обошедших правый фланг атакующего противника. Гитлеровцы снова были вынуждены отойти. Неудачей окончилась и попытка десятка средних танков обойти оборону полка с правого фланга. Полковые ПТО подбили четыре из них, остальные повернули обратно.

Потери в 55-м были невелики, но вечером 24-го поступил приказ командира дивизии об отходе на восточный берег реки Дзитва. Оставив на высоте стрелковую роту в качестве заслона, полк ночью отошел на новый рубеж.

Как явствует из документов штаба 21-го стрелкового корпуса, авангард его 37-й дивизии во второй половине дня в районе м. Вороново был внезапно атакован танковыми частями противника, в результате чего 247-й стрелковый полк (командир - полковник Д. М. Соколов) и 170-й легкоартиллерийский полк (командир - майор А. И. Нестеренко) потеряли управление и, не оказав врагу должного сопротивления, в беспорядке отошли за р. Житна, где

перешли к обороне. Есть также свидетельство, что вечером 24 июня на станцию Гавья на грузовой автомашине приехал зам. командира дивизии полковой комиссар Н. П. Пятаков. Он предоставил лейтенанту Р. Р. Черношею ЗИС-5 с шофером и двумя солдатами и приказал в течение ночи подвезти боеприпасы в район ст. Гутно, куда челночными рейсами перебрасывалась матчасть 245-го ГАП.

Оказалось, 17-я дивизия разгрузила возле Гавьи значительное количество гаубичных боеприпасов, а также автоматных и винтовочных патронов. В 245-м артполку боеприпасов не было вообще, ибо он выехал в новый район дислокации по штатам мирного времени.

Юго-восточнее Молодечно в это время спешно разворачивались на своем оборонительном рубеже (в основном по линии Минского УРа) части 64-й стрелковой дивизии 44-го корпуса. Неотмобилизованному и слабо вооруженному соединению, переброшенному из летних лагерей близ Дорогобужа

477

Смоленской области, предстояло оборонять полосу Довбарово - Щедровщина - Рогово - Заславль - Старое Село протяженностью свыше 50 км. На оборонительные работы привлекли местное население, пытались приспособить для обороны брошенные доты укрепрайона. Зенитчики сбили три низко летящих самолета противника. Как вспоминал бывший командир дивизии генерал-майор С. И. Иовлев, 24 июня по дорогам через местечки Радошковичи и Койданово начался массовый исход отступавших с запада военнослужащих и беженцев на автомашинах и пешим. Вся техника и люди в форме задерживались на выставленных кордонах, таким образом командование дивизии получило возможность пополнить ее состав до нормальной, штатной, численности.

Среди беженцев преобладали жители еврейских местечек, которых было очень много в Западной Белоруссии.

К. М. Симонов писал:

"Они ехали на невообразимых арбах, повозках. Ехали и шли старики, каких я никогда не видел, с пейсами и бородами, в картузах прошлого века. Шли усталые, рано постаревшие женщины. И дети, дети, дети... Детишки без конца. На каждой подводе шесть-восемь-десять грязных, черномазых, голодных детей. И тут же на такой же подводе торчал самым нелепым образом наспех прихваченный скарб: сломанные велосипеды, разбитые цветочные горшки с погнувшимися или поломанными фикусами, скалки, гладильные доски и какое-то тряпье. Все это кричало, скрипело и ехало, ехало без конца, ломаясь по дороге, чинясь и снова двигаясь на восток".

"И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхов до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей. И множество разноплеменных людей вышли с ними, и мелкий и крупный скот..." (Книга Исхода, 12, 37-38).

Справка

Считается, что укрепления Минского УРа, большинство вооружения которого было демонтировано, при отсутствии специально подготовленных войск оказались практически бесполезными в боях июня 1941 г. Однако по результатам обследования его сооружений, предоставленных инженером БелАЗа В. Каминским, получена иная картина.

Большинство дотов в полосе обороны 64-й СД имеют боевые повреждения, некоторые - довольно серьезные.

Так, например, три пулеметных дота из четырех, стоящих в поле у Лумшина, имеют глубокие выбоины в бетоне над амбразурами (до обна-

478

жения и деформации верхних балок амбразурного пакета) и развороченные взрывами внутренние тамбуры; у одного, кроме того, расколота взрывом боковая стена у крайней южной амбразуры. Схожие повреждения имеют несколько пулеметных дотов в районе Ошнарова. Один из них, кстати, с надписью на внутренней стене сквозника "Ответим ударом

на удар" и следами попаданий снарядов на лобовой стене, при реконструкции Радошковичского шоссе был сброшен в карьер и засыпан в порядке рекультивации сельхозугодий.

Артдот южнее д. Жуки имеет глубокие выбоины в бетоне над амбразурами, а несущий бронешит одной капонирной установки пробит малокалиберным бронебойным снарядом.

Артдот у д. Мацки также имеет пробоину в несущем щите (от 75-мм снаряда) и другие повреждения.

Многие доты имеют малозаметные, на первый взгляд, повреждения, свидетельствующие, однако, об усилиях противника по их подавлению.

Так, дот у д. Шубники (3 км западнее Заславля) имеет многочисленные следы пулевых попаданий на боковых листах амбразурного пакета.

В доте у д. Крылово прямым попаданием малокалиберного снаряда в амбразуру сорвано опорное кольцо установки пулемета, расколот деревянный станок, сорванными металлическими деталями пробиты трубы под потолком у тыльной стены каземата.

Все это говорит о том, что большинство дотов, несмотря на имевшиеся трудности, было использовано в боях.

Так в целом выглядит обстановка в районе к северу и югу от Молодечно, если рассматривать лишь доступные документы из ЦАМО и изданные мемуары. Но ее очень хорошо дополняют, а кое в чем и опровергают, документы войск НКВД. Организованно покинув около 20 часов 23 июня Вильно, в ночь на 24 июня штаб 9-й дивизии вместе с 84-м полком прибыл в Молодечно. На станции чекисты-железнодорожники встретили руководителей силовых наркоматов Литвы, так поспешно покинувших Вильнюс при появлении у города неопознанной колонны бронетанковых войск. Попытки связаться по телеграфу со своим Управлением в Москве никаких результатов не дали, так как Молодечно

после неоднократных воздушных налетов был сильно разрушен, проводная связь вышла из строя.

Оставив 84-й полк в 15-16 км от Молодечно, В. Н. Истомин выехал в Минск. По пути он встретил заместителя начальника конвойных войск НКВД СССР комбрига Д. П. Ону-

479

приенко, который предложил ему вернуться назад. На КП 13-й армии Онуприенко после переговоров с командармом передал ему 84-й ЖДП и прикомандировал управление 9-й дивизии. После этого комдиву разрешено было вновь отправиться в Минск.

До Минска полковник добраться не смог из-за бомбежек, но в Борисове связь действовала и переговоры с Москвой состоялись. Начальник Управления генерал-майор Гульев приказал забрать полк из 13-й армии, привести его в порядок и, в зависимости от обстановки, двигаться либо обратно на Вильнюс, либо на Минск, чтобы составить резерв командира 3-й ЖД дивизии войск НКВД.

На КП фронта, куда все же удалось попасть Истомину и находившемуся вместе с ним подполковнику Гладченко (предположительно, это зам. командира дивизии), их не приняли и предложили прибыть попозже, когда обстановка разрядится.

В это время 84-й полк согласно приказу по 13-й армии выдвигался на рубеж обороны в районе Ошмян. Как позже доложил комдиву майор И. И. Пияшев, на подходе к Молодечно их встретил член Военного совета армии бригадный комиссар П. С. Фурт, который остановил их и отдал другой приказ - выставить на шоссе заслон и задержать толпы уходящих в тыл военнослужащих.

Уже темнело, сдержать напор людского потока не удалось. Вероятно, среди них были и переодетые в нашу форму германские агенты, ибо в "нужный" момент кто-то закричал, что видит сзади немецкие танки, и началась страшная паника. Заслон частью был смят, частью сам поддался

стадному инстинкту и бежал вместе со всеми куда глаза глядят. Наступила ночь.

В течение всех дней, предшествующих занятию противником Минска, столица Советской Белоруссии подвергалась ожесточенным воздушным налетам. Сотни фугасных и зажигательных бомб сыпались на предприятия и жилые кварталы, испепеляя цветущий город.

Бывший секретарь Плешеницкого райкома КП(б)Б (впоследствии командир партизанского соединения, Герой Советского Союза) Р. Н. Мачульский вспоминал, что, решив глубокой ночью забежать домой, он увидел на южном небосклоне огромное зарево. Потрясенный партиец простоял до утра вместе со своими земляками, глядя на горящий Минск, пока заря не "съела" языки пламени и не остался виден лишь шлейф густого черного дыма.

480

Части 7-й бригады ПВО, на которую возлагалась задача воздушного прикрытия столицы республики, незадолго до войны получили новую технику, но не успели еще ее освоить, к тому же большая часть личного состава и матчасти находилась на сборах в Крупках. Поэтому к 23 июня на позициях 188-го ЗАП развернулось только 8 зенитных батарей по два орудия. Результаты огня были невысоки: всего 7 уничтоженных самолетов противника за период до 26 июня. 59-я истребительная авиадивизия (командир - Герой Советского Союза полковник Е. Г. Туренко), также предназначенная для ПВО города, находилась в стадии формирования и еще не имела боевой матчасти.

Поэтому утром 22 июня генерал И. И. Копец приказал комдиву-43 Г. Н. Захарову прикрыть Минск двумя полками. Захаров выделил 160-й (командир - майор А. И. Костромин) и 163-й (командир - майор Лагутин) авиаполки: 117 исправных И-153 и 56 И-16. Два Ю-88 генерал Захаров лично сбил над Минском в первый же день боев, 23 июня. Уже через два дня германцы не

смели летать на Минск без сильного эскорта истребителей. Пилоты 160-го ИАП за несколько дней сбили более 20 самолетов противника.

К 10 часам утра 24 июня на Минск было совершено уже четыре авианалета, было одно прямое попадание в здание штаба округа. 163-й полк только за один день 24 июня сбил 21 вражеский самолет. Г. Н. Захаров писал, что таких результатов далеко не всегда добивалась во второй половине войны вся его 303-я дивизия, летавшая уже не на "ишаках" и "чайках", а на "лавочкиных" и "яках" [57. с. 119].

Справка

Начальник штаба 43-й ИАД полковник Хмыров впоследствии был снят с должности "как не справившийся" со своими обязанностями и 25.07.1941 г. написал в ГКО докладную записку с просьбой восстановить его в должности, где, в частности, отмечал:

"На аэродроме Лошица (Минск) был посажен 160 иап 43 АД с задачей прикрытия Минска, кроме полка там сидело 50-65 небоевых, различного типа, самолетов, что сделало скученность в расположении самолетов, и при этих условиях от одной бомбы иногда загоралось по 2 самолета, а поражалось еще больше. Такое же положение было повторено и на Могилевском аэродроме, несколько в меньших размерах - и на Смоленском. На требования и просьбы - комдива и мои - убрать небоевые самолеты - штаб ВВС ЗФр

481

не разрешал..."

Штаб ВВС отдавал приказы на перебазирование 43-й ИАД за полтора-два часа и сажал ее на аэродромы, уже занятые другими частями. "Особенно паническое приказание было на перебазирование 163 ИАП с аэродрома Степянка (Минск), переданное начразведотдела штаба ВВС ЗФр м-ром Мосько".

В октябре 1941 г. в ходе германского "Тайфуна" и сам генерал Г. Н. Захаров был совершенно безосновательно отстранен от должности по обвинению в... трусости, а затем назначен на тыловую должность начальника летного училища. На фронт он вернулся только в 43-м и снова на должность командира дивизии, в то время, когда немало авиационных военачальников, много хуже себя показавших тяжким летом 41-го, командовало корпусами и армиями. А генерал, виновник его несправедливого снятия, впоследствии признал свою ошибку, но это случилось уже после войны (в частной беседе, в санатории МО СССР "Архангельское") и никаких последствий не имело.

Глава 8. 25 ИЮНЯ, ДЕНЬ 4-й

8. 1. Обстановка в полосе 3-й армии. Окончание боев за Скидель

После ухода от Скиделя объединенного отряда 56-й СД под командой генерал-майора Сахнова и капитана Кустова бои на северном берегу Немана не прекратились: там все еще оставались и продолжали драться с врагом подразделения 59-го полка из 85-й дивизии и 184-го Краснознаменного полка - из 56-й. Перестрелки длились всю ночь на 25-е и весь день 25 июня, пока, наконец, немцам не удалось установить полное господство за районом Скиделя.

Когда взошло солнце, его лучи осветили печальную картину прошедших здесь 23 и 24 июня кровопролитных боев: дорога Гродно-Скидель и изрытый воронками берег Котры были завалены трупами, разбитой техникой, транспортными средствами и различным военным снаряжением, дымились руины расстрелянного и сгоревшего города.

С. А. Мозолевский вспоминал:

"Скидель уже догорал, а в районе аэродрома слышались мощные взрывы, рвались боеприпасы, горел складе горючим. Особенно поражало, как некоторые цистерны с бензином поднимались в воздух на высоту в несколько десятков метров и там взрывались, образуя клубы огня и дыма".

Солнце поднялось довольно высоко, когда в деревнях к востоку от города пошли слухи, что Скидель занят немцами; оттуда доносилась редкая винтовочная стрельба. Через несколько часов по большаку пошли неприятельские солдаты: пешие, на велосипедах и мотоциклах. Большинство на машинах. Заходили во дворы попить воды. Но, прежде чем выпить, требовали, чтобы прежде выпили хо-

483

зьева, боялись отравиться.

"Нас, мальчиков, тянуло в лес посмотреть, что там делается, но старшие не пускали. Только под вечер мы уже были в лесу, где после отхода наших осталось много боеприпасов, почти в каждом окопе и возле них валялись патроны, гранаты, в упаковках были мины к минометам, попадались винтовки и даже пулеметы. На месте, где сейчас поликлиника, было складировано много (может, машин пять, а может, и более) зенитных 76-мм снарядов. Так что нам, мальчуганам-подлеткам, было чем заняться.

Старшие мальчики предлагали обойти всю линию обороны и все хорошо осмотреть, короче - провести разведку. Оказалось, что линия обороны тянулась от военного городка по краю возвышенности старой поймы реки Скидельки и по опушке леса до деревни Мостовляны. Окопы и кое-где траншеи были вырыты в человеческий рост. Глубина обороны достигала от 50 до 100 метров в глубину леса" [76, копия].

После прорыва противником рубежа обороны на реке Котра и захвата Скиделя остатки подразделений 3-й армии начали скапливаться в районе Мостов. Вполне возможно, что армейское командование выставило там отряд заграждения или сборный пункт. В Мостах находилась имевшая важное значение переправа через Неман. Она прикрывалась зенитной

артиллерией, на южном берегу отрывались окопы и укрытия для легкой артиллерии. Укрепление позиций продолжалось весь день без воздействия наземного противника. Непосредственно на берегу расположились пограничники, за ними - армейские подразделения и расчеты орудий.

Минометная батарея 59-го СП получила приказ срочно перейти в район КП полка. На марше, на открытом месте, их атаковал самолет: с двух заходов он убил и ранил до трети личного состава, погибло и несколько лошадей. Уцелевшие свернули к поросшему деревьями кладбищу и укрылись на нем. Помощь раненым оказывать было некому, ротный медик сам был ранен. Тогда вызвали машину и фельдшера из дивизионного медсанбата, вывезли всех раненых в Мосты.

Б. С. Кириченко вспоминал, что 25 же июня недалеко от Мостов был смертельно ранен их командир полковник З. З. Терентьев, командование принял начштаба 2-го батальона капитан Б. М. Цикунков. В этот день в боях у Лунно полк понес большие потери, общая численность не превышала батальон. Когда к ним присоеди-

484

пились три танка из 11-го мехкорпуса, капитан принял решение с их помощью прорываться на восток вдоль берега Немана [76, копия].

Командир 56-й СД С. П. Сахнов продолжал собирать на берегах Немана уцелевшие остатки своих подразделений.

Он писал: "В районе Мостов мне стало известно, что в районе м. Щучин находятся тыловые части 56-й дивизии". Совместно с офицерами штаба генерал на двух автомашинах выехал в Щучин, где нашел разные подразделения тыловых частей дивизии во главе с начальником ВХС старшим лейтенантом Д. Д. Беляевым. В ночь с 25 на 26 июня эти части были переведены в район г. Лиды, где также оказалось несколько машин дивизионного 50-го автомобильного батальона.

В том же Щучине, где находились зимние квартиры 37-го полка 56-й дивизии, к 25 июня собралось до полусотни его отошедших с границы

бойцов во главе с командиром пульроты лейтенантом Васильевым. Они сформировали небольшой обоз, усадили на повозки жен и детей комсостава полка, прихватили 4 станковых пулемета нового образца и один 82-миллиметровый миномет и пошли на Лиду, где, по слухам, находился штаб дивизии [76, письмо].

Южнее Гродно части 3-й армии, выполняя Директиву № 3, продолжали терять личный состав и технику в ходе наступления. Незначительно продвинувшись вперед, отряд 204-й мотодивизии к исходу дня 25 июня прекратил наступательные действия и перешел к обороне. Мотострелки и дивизион 657-го артполка заняли позиции у деревни Коптевка и удерживали их в течение еще двух суток.

О действиях 29-й танковой дивизии никаких данных нет. Лишь ее бывший начштаба Н. М. Каланчук очень коротко написал:

"Части дивизии, подвергаясь сильному воздействию авиации и превосходящих сил противника, отходили на восточный берег р. Лососна, где закрепились, отражая яростные атаки противника, оборонялись до 25 июня".

Сами немцы оценивали достаточно боеспособными в 11-м мехкорпусе 33-ю и 204-ю дивизии.

На рассвете 25 июня также началось наступление 85-й стрелковой дивизии. После короткой артподготовки пехота перешла в атаку. Немцы держались стойко, вели интенсивный ружейно-пулеметный и минометный огонь. Порыв со-

485

ветских воинов был стремительным, часто возникали штыковые схватки. Отважно сражались 2-й батальон и пулеметная рота 103-го стрелкового полка. Взводы младшего лейтенанта Соловьева и лейтенанта Челнокова штыками и гранатами выбили немцев из редута. Так же успешно действовал соседний 141-й СП (командир - подполковник Малинин). Дивизия вернулась в свой лагерь Солы, вышла на левый берег Немана юго-

западнее Гродно. Но, наступая на Гродно, части 3-й армии, участвовавшие в контрударе, залезли противнику в "мешок" и практически попали в окружение.

Вечером 25 июня в 103-й полк прибыл комдив А. В. Бондовский и отдал приказ:

"Атаки прекратить, отойти на исходный рубеж обороны - река Свислочь".

Уставшие, основательно потрепанные, голодные, почти без боеприпасов, части дивизии стали отходить к Свислочи.

Парторг роты 103-го СП В. М. Володько рассказывал:

"25-го перед восходом солнца наша часть пошла в наступление на пригород Гродно. Во время боя я был контужен. Очнулся в борозде картофельного поля. Видимо, меня пытались вынести, но сделать это не смогли. Я понял, что наша часть отошла. Собрав силы, решил поползти до полоски ржи, чтобы укрыться в ней. Но был замечен немцами, избит и доставлен в лагерь" [76, письмо].

Бывший командир отделения вычислителей 2-го дивизиона 167-го легкого артполка А. И. Бабак вспоминал:

"Три дня возле Гродно продолжались тяжелые бои. На четвертый фашисты большой группой самолетов разбомбили наш полк и другие. В числе многих погибших был и командир полка майор Чумак, и командир 2-го дивизиона капитан Богаченко".

Еще 23 июня 85-я лишилась тылов: около реки Свислочь авиация противника разгромила основную часть 3-го автобата и 87-й ПАХ. Также, как рассказывал бывший командир автовзвода майор в отставке М. И. Василец, под Щучином мехчасть противника разбила автоколонну 3-го автобата, с десятков ГАЗ-АА, которая двигалась из Лиды, с армейского продсклада, на передовую под Гродно. Василец был старшим колонны. Личный состав дивизии перешел на сухой паек "НЗ".

8.2. Действия 10-й армии и фронтовой конно-механизированной группы

25 июня дивизии 1-го стрелкового корпуса 10-й армии удерживали занимаемые позиции без особого воздействия наземных войск вермахта, но сведений по ним за этот день недостаточно. В. В. Свешников из 164-го артполка 2-й дивизии вспоминал, что в этот день дивизия начала отход, как говорили, на 2-ю линию обороны, где-то в районе Крынок. К этому времени в полку, понесшем большие потери от авиации еще 22 июня, было перебито значительное количество тягловых лошадей, так что с позиций удалось вывезти лишь часть уцелевшей артиллерии [76, письмо].

Продолжались самоубийственные действия группы Болдина в том ее виде, как она сложилась к вечеру 24 июня (без 11-го мехкорпуса). Из-за отсутствия двух дивизионных артполков из трех и, возможно, отсутствия боеприпасов соответствующих марок и калибров, артиллерийские подготовки перед атаками и сопровождение огнем наступающих танков не производились. Оборона противника, обильно насыщенная средствами ПТО, взламывалась одними ганками практически без поддержки пехоты, и, как следствие, при этом неслись большие потери. Практически не применялись обходные маневры немецких опорных пунктов, а атаки в лоб успеха не приносили. Небольшие тактические вклинения в оборону противника заканчивались налетами авиации противника и отводом уцелевших танков.

29-я моторизованная дивизия своим правофланговым 128-м полком (командир - полковник В. П. Каруна) в районе Кузницы вступила в бой с частями подошедшей 162-й пехотной дивизии противника. Не выдержав немецкой атаки при сильной артиллерийской поддержке, полк отошел на рубеж Номики - Заспиче. В тыловом районе 29-й дивизии собирались и приводили себя в порядок подразделения 27-й стрелковой дивизии.

6-я кавалерийская дивизия с утра 25 июня в исходном районе для наступления (Маковляны, колхоз Степановка) подверглась сильной бомбардировке с воздуха, продолжавшейся до 12 часов дня. В частности, 94-й полк понес огромные потери в личном и конском составе, лишился радиостанции и всей артиллерии. Командир 94-го подполковник Н. Г. Петросянц был убит. Кавалеристы 6-й были

487

рассеяны и в беспорядке начали отходить в леса юго-западнее местечка Нова Воля и далее - в направлении Волковыска.

В остатки 94-го КП под командованием майора Гречаниченко влился отряд из 48-го полка под командой зам. начальника штаба старшего лейтенанта Я. Говронского, но общее число красноармейцев и командиров едва достигло 300. Встретивший их заместитель командира 6-й кавдивизии подполковник Г. АТрембич подтвердил, что, если связь со штадивом не будет установлена, следует отходить к Волковыску. Из-за отсутствия горючего была уничтожена часть машин 35-го танкового полка. Так закончилось неудачное участие 6-й кавалерийской дивизии в контрударе.

По действиям 36-й кавдивизии в ЦАМО не сохранилось никаких сведений. И тем ценнее хранящиеся в Белгосмузее ИВОВ рукописи воспоминаний ее офицеров П. В. Яхонтова и С. Г. Жунина.

На рассвете 25 июня на линии боевого охранения, которое было выставлено от каждого полка 1-го эшелона, появились конные разъезды противника, которые были отброшены огнем ручных пулеметов. Пешие разведгруппы, пытавшиеся проникнуть в глубь охранения, также успеха не имели.

В районе полудня боевое охранение было сбито, непосредственно перед передним краем появилась в боевых порядках немецкая пехота, но ее удалось остановить огнем станковых пулеметов. Воздушных налетов не было, вероятно, вследствие того, что дивизии удалось выйти к Одельску необнаруженной.

Распознав, что у занимающих оборону частей РККА нет артиллерийской поддержки, немцы вновь начали наступление, также без артподготовки. Но, оказавшись под шквальным огнем станковых пулеметов (в 1-м эшелоне дивизии имелось 48 тачанок с "максимами"), они вторично были остановлены.

Во второй половине дня в 42-й полк прибыл командир ее артбатарей старший лейтенант Шувалов с двумя уцелевшими 76-мм орудиями, а в 102-й полк командир орудия привел свое 45-мм ПТО. Оба сообщили, что конно-артиллерийский дивизион, следуя на Волковыск с полигона, на марше был неоднократно атакован авиацией противника и разгромлен,

В Волковыске полковник Козаков останавливает все машины, идущие с людьми в военной форме, и пытается создавать рубеж обороны на восточном берегу реки Россь.

Город охвачен пожарами. Семьи начсостава эвакуировать не уда-

488

лось. Они были отправлены на машинах утром 22 июня под командованием командира хозяйственного 24-го полка, но на шоссе около Слонома на них налетела авиация... Оставшиеся в живых вернулись обратно в Волковыск. Отмобилизовать 2-й эшелон дивизии Козаков не смог, зенитчики из Крупок не прибыли.

З. П. Рябченко из 38-го эскадрона связи 6-й кавдивизии также вспоминал о казачьем полковнике, который останавливал отступающих и ставил их в оборону. Датировки снова не совпадают, но тут уж ничего не поделаешь.

"... к вечеру мы подошли к какому-то местечку, там была небольшая возвышенность, с нее был хороший обзор - поле, а потом лес. Только мы поднялись на бугорок, навстречу нам, мы не заметили откуда, вышел солдат и приказал следовать за ним. Уже темно. Прошли минут десять вдоль пригорка, нас встретил полковник при всех регалиях в форме кубанца (это очень важно. - Д. Е.), а я был в форме терца. Он объявил нам, что мы

попадаем в его распоряжение, что его полк в пешем строю занял оборону и к утру должны окопаться в полный профиль, указал нам место у дороги".

На высоте были открыты стрелковые ячейки, бойцам раздавали хлеб, воблу и вдоволь патронов. В боевых порядках стрелков были установлены пулеметы, а позади размещались позиции орудий (небольших, по-видимому, полковой артиллерии).

За два дня, что занимали этот рубеж, отбили четыре атаки противника, разгромили немецкий обоз, сдуру сунувшийся на передний край. Потери с обеих сторон были большие. Полковник был доволен действиями своих подчиненных, осматривал поле боя в бинокль и хвалил за хорошие действия.

Утром третьего дня "Саша вышел из окопа и пошел вдоль обороны, но моментально вернулся, говорит: "Левого фланга нет, куда делись?" Нас около дороги осталось человек сорок. Оказалось, что полковник погиб и эти два капитана (земной им поклон), мы гурьбой их похоронили, нашли немного хлеба, с водой поели и двинулись примерно в 9-10 утра в путь" [76, письмо].

Вот такая история. Несомненно, радист был участником боев под командой полковника-кавалериста, но вот где это было? Все так расплывчато, хотя он и уточнил в последующих письмах: фамилия офицера была Казаков, звали его Алексеем и были они земляками. Итак, имеем следующее.

489

Был такой полковник Алексей Козаков (Казаков), носил форму Кубанского казачьего войска, был родом из Шпаковского района Ставропольского края. 36-я КД не была казачьей, но, возможно, полковник ранее служил в 6-й дивизии, три полка которой - 3, 48 и 94-й кавалерийские - были Кубанскими. Якобы был убит, в ОБД не значится.

Когда в дивизию все-таки вернулись три уцелевших орудия ОКАД, они сразу же были установлены на огневые позиции на участке 102-го кавполка.

Около 18-19 часов противник силою до двух полков с артиллерией начал скапливаться против левого фланга 36-й КД и правого фланга 6-й дивизии.

Командир 36-й отдал приказ командирам 8-го танкового и 42-го кавполка нанести контрудар из-за левого фланга 144-го КП и отбросить противника за железную дорогу Кузница - Сокулка. Левее должны были атаковать части 6-й кавдивизии в общем направлении на Сокулку. В результате атаки противник был отброшен к железной дороге, но внезапный массированный налет авиации вынудил советские части отойти на исходный рубеж. В этот день боевые действия больше не велись.

Интендант 3 ранга С. Г. Жунин служил зам. командира 8-го танкового полка по материально-техническому обеспечению. Он писал, что к 25 июня их полк, имевший 54 танка и 3 БА, занял позицию в 10 км от м. Крынки и вел разведку боем. Под непрерывным воздействием авиации противника, бомбившей и обстреливавшей танкистов, задача по выявлению огневых точек противника была выполнена. Начало атаки командир дивизии назначил на 17 часов, но немцы, вероятно, разгадали наши намерения. После сильной огневой подготовки они сами начали наступление.

8-й полк, ведя огонь с места, удержал свой рубеж, перешел в контратаку и опрокинул атакующих. Танки прорывались сквозь огонь вражеских средств ПТО, уничтожали его живую силу и технику. Вслед за ними в бой лавиной пошла конница. При ее поддержке 8-му ТП удалось продвинуться примерно на десять километров, но этим все и кончилось.

Яростным огнем из всех видов оружия части 36-й дивизии были остановлены, потом снова налетела авиация. Танкисты понесли большие потери и были вынуждены отступить на исходные, конники были рассеяны.

В ночь на 26 июня на сборный пункт в районе Берестовицы вышло 89 человек личного состава 8-го полка, один танк и один штаб-

490

ной автобус. Потом на уцелевшей бронемашине приехал помначштаба полка старший лейтенант Ермолаев, с ним было Знамя полка. Он сообщил,

что, возможно, часть боевых машин уцелела и во главе с командиром полка майором Н. Ф. Ефимовым ушла в сторону Лиды. Но это было только предположение.

Посоветовавшись, решили двигаться в направлении м. Ятвезь (примерно в 10-12 км к юго-востоку от Большой Берестовицы, прямо у железной дороги). Когда подошли к местечку, попали под пулеметный огонь, который велся с колокольни костела. Подавив пулемет, двинулись на северо-восток.

В 20 часов майор П. В. Яхонтов был вызван на командный пункт к Болдину, там был ознакомлен с оперативной обстановкой и получил боевой приказ. По словам генерала, главные силы противника стремились окружить войска 10-й армии в белостокском выступе, с целью недопущения последнего части начали отход в восточном направлении. 36-й кавдивизии приказывалось в 22 часа оставить занимаемый рубеж и, ведя подвижную оборону, сдерживать наступление противника с северо-запада, прикрывать отход частей. 1-м рубежом была определена река Свислочь. Сначала с позиций снялись и отошли танкисты и 42-й кавполк, а затем последовательно 24, 102 и 144-й полки.

В. Е. Фролов из 106-го МП писал:

"В этих условиях мы свою задачу полностью выполнили, обеспечили выход большой танковой группы. Кавалерийские и пехотные подразделения шли молча, усталые и морально подавленные. Немцы наступали непрерывно, шли бои днем и ночью, хотя у нас уже почти не было продуктов и боепитания, были большие потери в людях". Это из первого письма.

"Когда мы держали оборону и держали коридор для отступления наших частей, то выходили они на вид усталые, подавленные морально и уже небоеспособные. Шли 25 и 26 июня пешком, ехали на танках [танкисты] и конники. Штаб какой-то части разбросал пачки денег (тридцатки) и какое-то штабное имущество. Видно было их полное поражение..." Это из второго письма.

Но не все так ясно в этих событиях. Из оперативных документов штаба 6-го КК

"25. 6.

Штакор 6 кавалерийского корпуса Богуше.

491

1) Противник неустановленной численности, используя господство в воздухе, медленно продвигается на юг.

2) 6 К К (6 КД, 4 СК, 33 ТД) за ночь 25-26. 6. привести себя в порядок.

3) Правее 29 МСД обороняется фронтом Сокулка, Орловиче. Левее 27 СД, 8 СД [на] рубеже Ясенувка, Кнышин, Погорелки.

4) 6 КД собраться и привести себя в порядок в основном районе Шидзель, Лебедин, кол. Заснянки (все пункты в 3-5 км западнее Богуше), в дополнительном районе Верхолесье, Лазниск, кол. Ровек (все пункты 10-14 км южнее Сокулки).

5) 27 СД постепенно отойти и упорно оборонять фронт Нова-Воля, Черный Сток (3 км юго-восточнее Ясенувки). Штадив лес восточная окраина Рудава, что в 5 км южнее Ясенувка.

6) 33 ТД основная задача прикрыть направление на Белосток в районе южная окраина Сокулка, кол. Курылы, кол. Велихловце.

7) Командиру 4 СК сборным отрядом оборонять подступы со стороны Жуки, занимая отрядом район обороны фланг Шидзель, Козловы Луг, Шидзель.

27 СД остается подчинении командира 4 СК, выполняя поставленную задачу.

КП лес севернее кол. Заснянка, что в 3 км западнее Богуше.

8) Продфураж брать за плату у местного населения.

9) Мой КП - лес у Еленя-Гура, что в 6 км юго-западнее Сокулка.

Никитин (подпись) *Панов* (подпись)".

Что в приведенном документе интересно? То, что командир кавалеристов включил в состав своего корпуса остатки 4-го СК и 33-й танковой дивизии 3-й армии, и комдив-33 полковник М. Ф. Панов ставит свою подпись под документом. Значит, если не полное, но хотя бы с одной из дивизий 11-го мехкорпуса соединение группы Болдина произошло. Но, видимо, так вышло лишь потому, что 33-я уже не годилась для наступательных действий (особенно после боев 22-23 июня) и имела задачу: прикрывать направление на Волковыск. Где-то

492

на своем рубеже в районе Сокулки она и вошла в соприкосновение с 6-м кавалерийским корпусом. И также видно со всей определенностью, что 36-я дивизия Никитину более не подчинена, а получает указания напрямую от И. В. Болдина.

25 июня 13-й танковый полк 7-й ТД вел бой правее 29-й моторизованной дивизии. В районе Старая Дубовая противника пытался атаковать 14-й танковый полк этой же дивизии, имея всего четверть заправки топливом, соединение к исходу дня перешло к обороне на линии Скобянки - Быловины.

Командир дивизии писал:

"В частях дивизии ГСМ были на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-за отсутствия тары и головных складов, правда, удалось заполучить одну заправку из сгоревших складов Кузница и м. Крынки (вообще, ГСМ добывали, как кто сумел)".

В полосе 14-го полка в районе Зубжица, Горчаки-Турне, Бабики действовали части 36-й кавдивизии. Танковое соединение весь день подвергалось интенсивному воздействию авиации противника. 4-я ТД вышла к населенному пункту Индура и в 13 часов, развернувшись фронтом на запад, нанесла удар в направлении Кузница, во фланг оборонявшемуся перед главными силами корпуса противнику. Дивизии удалось несколько потеснить немцев и выйти к Старой Дубовой, прежде несколько раз

атакованной 14-м полком. Однако дальнейшее продвижение советских танкистов было остановлено.

В ходе этих кровопролитных боев командование 13-го полка сменилось еще дважды: после ранения 22 июня командира майора Н. И. Тяпкина 13-м ТП последовательно командовали начальник штаба капитан А. Г. Свидерский, комбат-1 Герой Советского Союза "испанец" майор С. Я. Лапутин и комбат-2 капитан Ф. И. Стаднюк.

По легенде, сам генерал-майор М. Г. Хацкилевич в тот же день погиб, находясь в боевых порядках своих частей, что, однако, опровергается фактами, которые будут приведены ниже. Тем не менее можно считать, что 25-го штаб корпуса утратил связь со своими частями и соединениями, управление безвозвратно нарушилось. С этого момента дивизии вели бои, не связанные единым замыслом, без связи с вышестоящими штабами и соседями. Неудивительно, что в таких условиях корпус начал разваливаться.

Штаб КМГ, располагавшийся в лесу в 2 километрах северо-западнее Уснаж Гурна, не имея

493

собственных подразделений связи, также не смог взять управление в свои руки. В. А. Анфилов писал, что в этот день штаб Болдина был обойден танками противника и утратил связь с корпусом.

Во второй половине дня 25 июня, с опозданием на сутки узнав о взятии немцами Слонима, командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов отдал командиру 6-го мехкорпуса распоряжение:

"В 3-ю и 10-ю армии. Командиру 6-го механизированного корпуса. Немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточьтесь [в] Слоним. Свяжитесь [по] радио [с] Голубевым и непосредственно мною. [О] начале движения, утром 26 и об окончании марша донесите. Радируйте [о] состоянии (следует, вероятно, понимать - наличии. - Д. Е.) горючего и боеприпасов. Павлов Климовских Фоминых".

На документе имеется отметка: "Отправлен 25 июня 1941 г. в 16 часов 45 минут". Но в корпусе уже не осталось ни одной радиостанции "дальнего" действия.

Так фактически закончился контрудар конно-механизированной группы генерала Болдина. Столкнувшись с сильной противотанковой обороной противника, массированно поддержанной частями бомбардировочной авиации, войска группы, почти не имея горючего и боеприпасов, не сумели ее преодолеть и понесли огромные потери.

По немецким данным, в боях 24-25 июня южнее и юго-восточнее Гродно советские части потеряли 207 танков. 87 было подбито огневыми средствами 256-й ПД, 56 - 162-й ПД, 21 - 2-м дивизионом 4-го зенитного артполка, 43 - летчиками 8-го корпуса пикирующих бомбардировщиков. Из-за поломок и аварий вышло из строя и было брошено еще около 100 танков.

Родоначальник советских диверсионных подразделений полковник И. Г. Старинов написал несколько интересных книг. В одной из них он с горечью подытожил:

"Соотношение сил на границе в первые дни войны резко изменилось в пользу противника. Директива № 3 наркома обороны, требовавшая от Северо-Западного и Западного фронтов активных наступательных действий, родилась в недобрый час. Наступательные действия, предпринятые 23, 24 и 25 июня, дали ничтожные результаты. Потери же, понесенные нашими войсками, оказались чрезвычайно большими" [110, с. 208].

Этот удивительный человек умер в 2001 г., оставаясь до последнего дня в яс-

494

ном уме и твердой памяти, но был "рассекречен" и показан по телевидению только в последний год своей жизни.

Как и 22 июня, снова потеряла десятки машин бомбардировочная авиация, поддерживавшая контрудар согласно приказу командующего фронтом.

25 июня в район Гродно совершал и боевые вылеты части 12-й и 13-й бомбардировочных дивизий. Командир 13-й БАД Ф. П. Полынин писал, что в район онтрудара было совершено 780 самолето-вылетов, в ходе которых было разбито около 30 танков, 16 орудий, около 60 машин с пехотой. О потерях за этот день с разбивкой по полкам данных нет.

Есть свидетельство, что Су-2 зам. командира эскадрильи 43-го ББАП капитана А. Н. Авдеева, пораженный зенитным снарядом, был направлен им в скопление вражеской техники.

Дневная убыль в частях ВВС фронта составила 101 самолет: сбито - 56, пропало без вести - 27, уничтожено на аэродромах - 12, разбилось в авариях - 7. На восполнение урона в состав фронтовых ВВС была передана 23-я смешанная дивизия (командир - полковник В. Е. Нестерцев), вторая с начала войны.

Из оперсводки № 6 штаба Западного фронта к 10:00 25. 06. 1941 г.:

"Первое. Сведений о действиях и положении войск фронта за ночь 24-25.6.41 г. не поступило. Уточняю положение на левом фланге фронта к исходу 24.6.41 г.

Второе. 10-я армия к исходу дня 24.6.41 г. вела бои на рубеже:

а) 1-й ск - положение без изменений.

б) 5-й ск - по восточному берегу р. Нарев. 13-я сд - Гура, Бацюты; 86-я сд - Ухово, Докторцы. Штаб корпуса - лес восточнее Левицке.

в) Противник к исходу 24.6.41 г. прорвал фронт 13-го мк, проходивший по р. Орлянка в направлении Бельск-Подляски, Нарев и на Заблудув.

г) Сведений об остальных частях армии не поступало".

Как вспоминают бывшие военнослужащие 25-й танковой дивизии, за три дня непрерывных боевых действий соединение лишилось почти всей матчасти, понесло тяжелые потери в личном составе. Бои велись уже отдельными взводами и экипажами, дрались, пока были боеприпасы и горючее. Все попытки создавать СПАМы и эвакуировать поврежденную в бо-

ях технику окончилишь ничем из-за слабости и неукomплектованности ремонтных подразделений, в частности 25-го ОРВБ (командир - военинженер 3 ранга Смирнов).

При прорыве частей противника сквозь боевые порядки 25-й ТД была утрачена связь ее частей со штабом, в результате чего командиры подразделений самостоятельно принимали решения о маршрутах отхода. Часть личного состава была рассеяна и осталась во вражеском тылу.

М. И. Трусов, командир танка 50-го танкового полка, вспоминал:

"К этому времени я потерял своего механика-водителя и башенного стрелка. Танк был подбит, и я его вынужден был оставить. При отходе на Волковыск мне пришлось быть уже в экипаже другого танка нашей дивизии на положении башенного стрелка".

В районе Раиска собралось до десятка Т-26 с экипажами, было и некоторое количество грузовиков.

"В этом месте из леса вышел к нам майор Пожидаев со своим начальником штаба... Был он одет в нашу серую танкистскую форму, с планшеткой и биноклем через плечо. Был он небритый, видимо, с первых дней войны, и с потеряннм голосом. Осмотрел все танки, бортовые машины, и было принято решение: прорываться. К этому времени наша небольшая группа танков была окружена немцами.

Майор Пожидаев с начальником штаба выбрали для себя танк нашего экипажа. Остался в танке механик-водитель, а я с командиром танка был отправлен на колесную машину. Так прошла ночь. На рассвете танки пошли на прорыв, а за ними и бортовая машина... Танки, видимо, прорвались, и как далеко они ушли, я не знаю. Колесная машина была обстреляна и перевернулась. Я с переломанной челюстью очутился в Барановичской тюрьме, и на этом я отвоевался".

Это последнее, что пока удалось установить об организованных действиях частей 25-й дивизии. При дальнейшем отходе к Волковыску и

далее на восток остатки ее частей в еще большей степени утрачивали целостность и перемешивались с отступающими подразделениями 10-й армии.

По 31-й танковой дивизии сведений нет. Лишь Н. С. Степутенко из 31-го понтонно-мостового батальона вспоминал:

"Пробираемся через Беловежскую пущу, достигли д. Каменюки (на южной опушке пущи. - Д. Е.), сделали привал, подсчитали боевые силы. Сорок бойцов, винтовки, всего 5 автоматов ПБКИ, гранат 82 штуки. Раздали по сухарю и по ложке комбижира... но

496

съесть не пришлось. Бой за д. Каменюки. 28 моих товарищей стало лежать на земле д. Каменюки. Это было 25 июня 1941 года. Плакать было некогда. Спешно устремились на север...".

8.3. Действия 4-й армии. Обстановка в тылу группировки. Действия дивизий 47-го стрелкового корпуса на барановичском направлении

25 июня штабом Западного фронта была получена телеграмма из штаба 10-й армии: "Части вышли на реку Зельвянка, противником заняты все переправы, прошу поддержать со стороны Барановичи".

В тылу армии уже третий день шли ожесточенные бои остатков 4-й армии и дивизий 47-го стрелкового корпуса с танками Гудериана. После провала контрудара 23 июня почти полностью утратившие боеспособность войска 4-й армии отошли далеко от границы и вели бои на случайном направлении и под Барановичами - на 200-250 км в глубине советской территории. 14-й мехкорпус силами 30-й танковой дивизии полковника С. И. Богданова в лесах восточнее р. Ясельда завязал бой с 17-й танковой дивизией противника, что привело, со слов Ф. Гальдера, к "временному кризису". В

бою на рубеже Тимковичи, Семежево, Красная Слобода генерал-майор С. И. Оборин был ранен и убит в тыл; в командование корпусом вступил начальник штаба полковник И. В. Тутаринов.

Командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан ввел в бой 46-й моторизованный корпус генерала фон Фитингофа в составе 10-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС "Райх" (лейбштандарт "Великая Германия" оставался пока в распоряжении командующего группой армий "Центр").

Командование 4-й армии надеялось удержаться на рубеже Слуцкого укрепленного района, опираясь на его долговременные сооружения. Но, как выяснилось, надеяться было не на что. Вызванный в штаб армии комендант УРа полковник Н. Н. Денисов доложил командарму А. А. Коробкову, что строительство укрепрайона было прекращено еще в 1939 г., все его 129 дотов недостроены и законсервированы, все вооружение

497

из них демонтировано еще весной и отгружено в 62-й Брестский укрепрайон, а из войск он имеет один батальон, охраняющий сооружения.

К. Т. Мазуров, добравшийся к полудню 25 июня до Слуцка, вспоминал, что городок был забит тылами 4-й армии и беженцами. Общественные здания, занятые под госпитали, были переполнены ранеными. Местное население выносило людям хлеб, воду и другие продукты. В штабе 28-го стрелкового корпуса Мазуров узнал о том, что Минск горит, штаб фронта эвакуируется в Могилев.

В течение дня 25 июня части 24-го моторизованного корпуса противника неоднократно атаковали оборону 55-й стрелковой дивизии, прикрывавшей слуцкое направление, но дальше рубежа железнодорожной ветки Барановичи - Лунинец не продвинулись. Части 3-й танковой дивизии продолжали подвергаться налетам, советская артиллерия снова вела огонь вдоль шоссе; для борьбы с нею в районе севернее шоссе (д. Нивиши) были развернуты батареи 75-го артполка.

Движение по восстановленному саперами мосту через Липнянку должно было начаться около полудня, но переправа по нему 1-го маршевого эшелона под командованием подполковника фон Левински была отложена и началась с двухчасовым опозданием, так как мост оказался слишком слаб для тяжелой боевой техники; передовым отрядом по-прежнему командовал оберлейтенант Бюхтенкирх.

Состав эшелона был более чем внушителен: 3-я рота 1-го ОРБ, 5-я батарея 75-го артполка, 1-й батальон 394-го МП, 1-й батальон 6-го танкового полка, по батарее 543-го дивизиона ПТО, 59-го и 91-го зенитных артполков, штаб 6-го ТП и т. д.

Вечером, незадолго до наступления темноты, подразделения дивизии продолжили наступление на Слуцк. После ряда массированных авианалетов танкам противника удалось прорвать оборону 55-й дивизии в районе Синявки и развить наступление в сторону старой госграницы вдоль Варшавского шоссе. В бою погиб командир дивизии полковник Д. И. Иванюк, принявший на себя командование 128-м СП, командир которого перед войной убыл в учебный отпуск; соединением по-прежнему командовал начальник штаба подполковник Г. А. Тер-Гаспарян.

В результате прорыва соединение оказалось разрезанным на части. 107-й стрелковый полк был отброшен к Барановичам, 111-й и 128-й полки остались на мес-

498

те - по обе стороны от шоссе. Был тяжело ранен командир 107-го СП подполковник Г. К. Чаганова. Теперь на слуцком направлении неприятелю могли противодействовать лишь отдельные отряды из состава 6-й и 42-й стрелковых дивизий 28-го корпуса, 30-й танковой дивизии 14-го мехкорпуса и 55-й дивизии, сохранившие автотранспорт и артиллерию. Д. Г. Павлов отдал приказ готовить полосу обороны в Слуцком укрепленном районе и по реке Случь.

На барановичском направлении весь день пыталась прорваться на северо-восток 18-я танковая дивизия противника. В тяжелейших условиях с ней вели бои три дивизии 47-го стрелкового корпуса: 121, 143 и 155-я. В район Шишицы - 25 км севернее Слуцка - прибыла опергруппа штаба 47-го стрелкового корпуса. Генерал-майор С. И. Поветкин получил от А. А. Коробкова задачу объединить под свое командование вышеуказанные дивизии, однако связи с ними не установил: дивизий в указанных районах не оказалось.

Вследствие того, что управление корпуса в район боев не прибыло и находилось в Бобруйске и Шишицах, каждое соединение действовало в целом самостоятельно. Координировать их действия по мере возможности пытался генерал-майор И. Н. Хабаров. В боях западнее Слонима и при обороне его восточной части 155-я дивизия понесла огромные потери. Погибли зам. командира 659-го стрелкового полка по полит, части Н. Н. Портала, командир 306-го легкого артполка А. И. Лосев, зам. по полит, части С. Л. Сакулин.

Командир батареи 297-го ЛАП 121-й стрелковой дивизии И. И. Тасминский вспоминал:

"25 июня 1941 года части трех стрелковых дивизий (155 сд, 121 сд и 143 сд) вели тяжелые оборонительные бои с танковыми дивизиями Гудериана на подступах к Барановичам возле деревень Гать, Третьяки и станции Лесная. К исходу дня 25 июня немцам удалось оттеснить эти три дивизии к Барановичам" [76, копия].

В журнале боевых действий 143-й СД показана несколько другая обстановка. К исходу дня 24 июня ее части заняли оборону на рубеже ст. Лесна, Тартак, удерживая этот рубеж до вечера 25 июня, несмотря на то что соседи справа (121-я и 155-я СД) отошли еще в начале дня 25 июня. Слева соседей не было.

И далее:

"Потери дивизии за 24 и 25 июня не были учтены, но были значительными. Потери противника: убито и ранено

499

450 человек. Уничтожено орудий - шесть, подбито танков - восемь, уничтожено автомашин - три.

В ночь с 25 на 26 июня 1941 г. части дивизии, находясь под сильным воздействием авиации, танков, артиллерии противника, отошли на рубеж Новый Мир. Но так как к этому времени 121 СД заняла этот рубеж, части дивизии заняли оборону по западной окраине Новый Мир".

В 60-й авиадивизии, весь боевой состав которой по-прежнему был представлен лишь одним 162-м истребительным полком, в этот день были исчерпаны все возможности к дальнейшему сопротивлению. Потерь в людях в полку не было, но большинство самолетов было выведено из строя при бомбардировках аэродрома, совершенно не имевшего средств ПВО (зенитчики бригадного района защищали только ж.-д. узел); изрытый воронками аэродром стал совершенно непригоден для полетов, с него невозможно было даже взлететь.

За три дня непрерывных боев многие из летчиков открыли свой боевой счет, в их числе были капитан Пятин, пилоты Овчаров и Бережной, а также будущий Герой Советского Союза Н. А. Козлов.

Командир дивизии Е. З. Татанашвили построил личный состав и зачитал приказ, суть которого была такова: уничтожить уцелевшие самолеты и покинуть Барановичи... [57, с. 113].

На шоссе, ведущем на еще не захваченный противником Слуцк, полковник остановил двигавшуюся на восток автоколонну. Потеснившись, армейцы посадили авиаторов на машины и тронулись дальше в надежде избежать окружения и выйти к Могилеву.

Примечание

Есть свидетельство, что Н. А. Козлов служил не в 162-м полку 43-й дивизии, а в 188-м ИАП 60-й ИАД (На грани возможного. - М.: 1990. С. 72-77, 331). Он мог заменить раненого летчика 162-го полка и воевать на его машине? Вполне. Но тогда не ясно, каким образом Г. Н. Захаров мог помнить его (бывший комдив 43-й ИАД встретил Козлова через много лет после войны, когда тот был уже генералом, и узнал). Вот такая нестыковка.

23 июня Козлов сбил "мессершмитт", открыв личный боевой счет и боевой счет полка. При отступлении, насмотревшись страшных сцен гибели при воздушных налетах детей и женщин, дал себе зарок: сбивать только бомбардировщики. К 9 мая 45-го на счету Н. А. Козлова было 130 боевых вылетов и

500

23 сбитых самолета (из них 20 бомбардировщиков). 24 сентября 1941 г. в районе Брянска он таранил Ю-88. 24 мая 1942 г. в районе ст. Морозовская под Сталинградом на истребителе Ми Г-3 он снова пошел на таран, на этот раз разведчика Ю-88. Поврежденную машину сумел посадить. Указом от 14 февраля 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Командовал 907-м истребительным авиаполком особого назначения.

О так называемом "слоеном пироге" в полосе 4-й армии

На одной из стен в казематах Брестской крепости при разборке ее развалин (вскоре после войны, когда крепость еще не имела Золотой Звезды и не была мемориалом) обнаружили надпись. Навсегда оставшийся неизвестным русский солдат нацарапал по штукатурке: "Умирали не срамя". Это смело можно отнести не только к защитникам крепости над Бугом. Так могли написать тысячи павших в Западной Белоруссии красноармейцев и командиров из всех соединений 4-й армии.

За три дня отступления с непрерывными боями перед фронтом 4-й армии образовался своего рода "слоеный пирог": немецкие войска атаковали боевые порядки армии, а в их тылу на разном удалении от границы (повторяя маршрут отступления) дрались отряды, группы и даже целые части из состава 14-го и 28-го корпусов. Они не имели связи со штабом армии, было мало боеприпасов, почти отсутствовали продовольствие и медикаменты.

Несколько отрядов попало в окружение в районе Косово - станция Ивацевичи. Когда их обошли с обоих флангов танковые подразделения группы Гудериана, они соединились и действовали совместно. В кольце оказались основные силы 205-й моторизованной дивизии во главе с ее командиром полковником Ф. Ф. Кудюровым, отряд 22-й танковой дивизии под командой полковника И. В. Кононова, сводная группа 6-й Орловской Краснознаменной стрелковой дивизии полковника Осташенко и еще несколько групп. Проявленные ими в этих невероятно тяжелых условиях доблесть, героизм и готовность к самопожертвованию заслуживают того, чтобы написать о них.

После удачной в целом атаки утром 24 июня, не принесшей, однако, никакого территориального успеха ввиду мало-

501

численности советских войск, а лишь замедлившей продвижение 2-го эшелона 47-го МК противника, остатки 22-й танковой дивизии и отряд 6-й Краснознаменной СД отступили от шоссе и двинулись ранее определенным маршрутом - на Березу. У реки Ясельда они встретили 672-й артполк 205-й мотодивизии, командир которого рассказал, что и Береза уже взята противником, а основные силы 205-й севернее Селец отходят с рубежа на канале Мухавец за Ясельду (по данным радиоперехвата, Береза была занята в 9 часов утра 24 июня). Примерно в полдень все подразделения групп полковника Ф. А. Осташенко и полковника И. В. Кононова переправились на северный берег реки и сожгли за собой мост.

Теперь численность оставшихся во вражеском тылу и объединившихся частей 4-й армии (условно я назвал ее коссовской группой войск) составляла примерно 6 тысяч человек. Основу составляла 205-я МД, сохранившая штатную структуру и до 4000 бойцов, у Ф. А. Остащенко было свыше 600 человек, около 400 человек оставалось в 22-й ТД. Несколько сот штыков было в отряде, который возглавлял начальник разведки 28-го корпуса майор К. Г. Дмитриев.

С утра 24 июня гитлеровцы возобновили наступление вдоль шоссеной дороги Брест - Кобрин - Барановичи. Ожесточенные бои продолжились. Противнику удалось, подтянув свежие резервы, обойти фланги 721-го моторизованного полка и частью сил выйти ему в тыл. Возникла угроза полного окружения.

В этой тяжелой ситуации командир полка А. Г. Карапетян, проявив тактическую грамотность, оседлал и взял под контроль шоссеную дорогу, помешав врагу перебрасывать резервы к фронту. Одновременно разведгруппы полка совершили нападения на вражеские коммуникации. Был разгромлен немецкий штаб, колонна автомашин, захвачены важные боевые документы, оружие и продовольствие.

Однажды воинам полка улыбнулась удача: у переднего края его обороны неожиданно остановились вражеские танки. Оказалось, они остались без горючего. Ночью, выдвинувшись вперед, красноармейцы смелым налетом перебили охрану, танки были захвачены. Утром из орудий трофейных машин красноармейцы уже вели огонь по врагу.

Несколько суток в условиях окружения, испытывая нехватку боеприпасов и продовольствия, полк Карапетяна вел тяжелые бои с пре-

502

осходящими силами противника. Артиллерист Рахманов, будучи раненым, один уничтожил три немецких танка. Саперы Игнатов и Самсоян со связками гранат и бутылками с бензином преградили путь целой танковой колонне противника.

К исходу пятых суток неравных боев командир 721-го МП подполковник А. Г. Карапетян получил приказ от своего комдива Ф. Ф. Кудюрова: выходить с боем из окружения. Он собрал все силы полка в один кулак. Используя лесисто-болотистую местность, внезапным и дерзким ударом 721-й прорвал вражеское кольцо и, оторвавшись от преследования, скрылся в лесах [61, с. 160-161].

Кульминацией боев в районе Коссово можно считать 25 июня. Упорное сопротивление окруженных и невозможность полноценно использовать автостраду Брест-Барановичи немало раздражали немецкое командование. Оно усилило натиск на оборонявшихся, чтобы раз и навсегда покончить с ними. Продолжать и далее сражаться на реке Ясельда в условиях круговой обороны означало неминуемую гибель или пленение всех собравшихся здесь частей. В боях уже пали сотни бойцов и многие офицеры, в том числе начальник штаба 205-й МД подполковник С. Н. Попов [105, с. 141].

Все попытки радистов 205-й связаться со штабом армии оказались безуспешными, разведка установила, что войска неприятеля продвигаются по двум шоссе на Слоним и Барановичи. Полковник Ф. Ф. Кудюров принял решение оставить позиции по Ясельде и отходить на Ружаны и Слоним.

Примерно в полдень 25 июня головной полк дивизии в 2 км южнее Ружан вышел к шоссе, где завязал бой. Неожиданную помощь мотострелкам оказали экипажи трех ДБ-3, нанесших мощный бомбовый удар по врагу. Но вскоре в небе появились три Ме-109... Трое летчиков воспользовались парашютами, из одной упавшей машины извлекли обожженного капитана, который умер в дороге, несмотря на оказанную помощь.

Когда стало ясно, что пробиться всеми силами на Слоним шансов нет, повернули в сторону Коссово.

Танкистам И. В. Кононова все же удалось прорваться в район Слонима. Кононов писал, что 25 июня они подошли к Шаре. Разведка обнаружила, что мост исправен и охраняется немцами при поддержке трех танков. Однако

"охраняется" было бы сказано слишком сильно. Немцы были уверены, что на четвертый день боевых действий никаких со-

503

ветских войск с запада появиться не может. Поэтому они купались, загорали, одним словом, отдыхали, как на пикнике. Выкатив на прямую наводку 45-мм орудия, бойцы расстреляли вражеские танки и рассеяли охрану. Уничтожив за собой переправу, они направились на юго-восток [12, с. 185-186].

Остальные части двинулись в пинские болота. Вечером, выбив из Коссово батальон противника с пятью танками, похоронили умершего летчика на городской площади. Отряд 6-й дивизии значительно пополнился примкнувшими группами и одиночными военнослужащими.

Утром 26 июня 205-я МД с примкнувшими к ней отрядами выступила на Масиловичи - Жировицы, но вскоре была обнаружена противником, который атаковал ее и попытался окружить. Пришлось вновь отходить, прорываясь к большому лесному массиву в 10-12 км юго-западнее Бытеня.

Потери были сравнительно небольшими, но стало окончательно ясно, что вывести целиком такую группу войск не удастся. На общем совещании командиры подразделений и отрядов выработали план: разбиться на более мелкие группы, форсировать реку Гривда и на участке Ивацевичи - Доманово пробиваться на юго-восток, в сторону Лунинца.

Полковник Ф. А. Остащенко повел 800 человек, по 600 - Ф. Ф. Берков и тяжело раненный полковой комиссар С. Г. Пименов. 400 бойцов и командиров было у майора А. М. Дмитришина. Командир 205-й мотодивизии поступил аналогично.

Прорыв прошел успешно, но утром 28 июня советские войска при форсировании Гривды были атакованы авиацией противника и понесли серьезные потери, был убит командир одного из отрядов подполковник Ф. Ф. Берков.

1 июля отряд Остащенко столкнулся с мотопехотой противника. Не сумев преодолеть заслон, воины 6-й КрСД вынуждены были отступить, но вечером следующего дня им удалось пересечь дорогу Логишин - Доброславка и уйти еще дальше в глубь Полесья. Через несколько дней воины 6-й дивизии вышли к дороге Брест - Пинск - Калинковичи. 6 июля они встретили 75-ю дивизию, которую немцы так и не сумели уничтожить, и соединились с ней. Майор К. Г. Дмитриев со своими людьми вышел еще раньше, 28 июня.

3 июля командир 75-й СД С. И. Недвигин передал командующему 4-й армией А. А. Коробкову короткую записку - первую с 22 июня восточку о своем соединении:

"Красный пакет опоздал, а отсюда

504

и вся трагедия! Части попали под удар разрозненными группами. Лично с 22-го по 27-е вел бой с преобладающим по силе противником. Отсутствие горючего и боеприпасов вынудило оставить все в болотах и привести для противника в негодность" [108. т. 1, с. 68-69].

В 1944 г., когда советские войска вступили уже на территорию Румынии, судьба свела К. М. Симонова с одним интересным человеком. Ему было 56 лет (старик по тогдашним меркам), он был генерал-майором, Героем Советского Союза и командовал 232-й Сумско-Киевской стрелковой дивизией. Необычная манера командовать, образная речь выходца из шахтерских краев, природный ум и высокие душевные качества настолько покорили писателя, что он просто срисовал с него одного из персонажей 2-й и 3-й книг романа "Живые и мертвые" - генерала Кузьмича.

Им был Максим Евсеевич Козырь, тот самый, что был замом по строевой части у генерала И. С. Лазаренко в 42-й дивизии и командовал одним из отрядов в боях под Брестом. Как вспоминал Ф. А. Остащенко, днем 22 июня полковник Козырь со своими людьми перешел от Чернавчиц к Жабинке, и больше о нем ничего известно не было. Теперь сам он

рассказывал военкору о том, что произошло дальше. Приукрасил, конечно, кое-что (наверное, после фронтовых ста грамм):

"Под Брест-Литовском собрались мы все генерал-майоры, голосовали, как в Гражданскую войну. Был выбран я временным командующим 4-й армией и остатки ее выводил из окружения. Вывел" [108, т. 2, с. 410].

Что ж, коротко, но по сути. Не растерялся и долг свой воинский выполнил.

Справка

Участник трех войн, семь раз раненный, кавалер четырех крестов Св. Георгия и ордена Красного Знамени за № 71, заместитель командира 50-го стрелкового корпуса 2-го Украинского фронта М. Е. Козырь погиб в бою в Чехословакии 23 апреля 1945 г., заскочив на автомашине в еще занятую противником деревню. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. Семья (жена и сын), которую он считал погибшей утром 22 июня, как оказалось, была угнана в Германию и вернулась на Родину в 45-м.

505

8.4. Обстановка на молодечненском направлении. Действия 5-й танковой дивизии

Вошедший в подчинение командования 50-й стрелковой дивизии 262-й литовский полк, начавший в 4 часа ночи отход на реку Вилия, был на марше настигнут танками противника, в результате непродолжительного боя батареей ПТО 359-го СП были выведены из строя четыре немецких танка. Полк прикрывал отход 359-го стрелкового полка в район леса 1 км юго-восточнее Вышины. 49-й стрелковый полк с приданным 1-м дивизионом 257-го гаубичного артполка выдвигался в сторону Молодечно.

Прикрыв 2-м стрелковым полком на реке Вилия направление на Вилейку и 49-м стрелковым полком - направление на Молодечно, дивизия продвигалась в направлении райцентра Плещеницы с задачей занять Плещеницкий участок Минского УРа. Переход совершался по маршруту Ставское, Сенише, Косуцкое, Рыбачье, Паханово, Старинки, Стайки.

После захвата Вильнюса части 20-й танковой дивизии 39-го МК вермахта в 02:20 25 июня выступили на юго-восток, в направлении Молодечно. Продвижение тормозилось в стычках с мелкими группами советских военнослужащих, с рассветом начались также и налеты авиации РККА.

7-я танковая дивизия двигалась левее, к озеру Нарочь и г. Вилейка, к исходу дня передовой отряд дивизии, не встречая особого сопротивления, достиг Вилейки и занял ее (вероятно, 2-й СП 50-й дивизии уже ушел к Плещеницам); после короткого отдыха подразделения 7-й ТД продолжили продвижение в юго-восточном направлении в обход Молодечно.

Части же 20-й танковой дивизии, двигавшиеся вдоль шоссе Вильнюс - Молодечно, утром были атакованы танкистами 5-й советской ТД, выполнявшими приказ командования 13-й армии Западного фронта.

В 03:30 полковник Ф. Ф. Федоров приказал командиру 9-го ТП взять Ошмяны, после чего двигаться на Вильнюс. Полковник И. П. Верков для атаки Ошмян сформировал группу из 4 машин БТ-7 и 6 бронемашин БА-10 под командованием капитана Новикова.

В 06:30 этот отряд выдвинулся к восточной окраине Ошмян, обнаружил движение колонны танков и мотопехоты врага, внезапно ударил по ней с тыла и ворвался в

506

местечко. Было подбито не менее пяти немецких танков и четыре противотанковых орудия, особенно отличился взвод старшего лейтенанта М. И. Веденева. Капитан Новиков захватил легковую автомашину с документами, впоследствии переданными в штаб Западного фронта.

В этом бою отличился также рядовой Мулдахаджаев. 24 июня он был оставлен в Ошмянах для охраны нескольких неисправных танков, за которыми должны были прийти трактора-эвакуаторы. Когда в местечко вошли немцы, красноармеец забрался в один из танков и занял оборону. Ему предложили сдаться, но храбрец заявил, что у него достаточно снарядов и сдаваться он не намерен. Почти сутки он держал круговую оборону и покинул танк лишь тогда, когда в Ошмяны вошли машины отряда Новикова. Местные жители подтвердили, что немцы удивились храбрости танкиста.

Группа полковника И. П. Веркова, действовавшая в другом районе, попала в окружение, едва вырвалась из него и была вынуждена с потерями отойти. Выручили их экипажи четырех танков под командой старшего лейтенанта В. И. Вержбицкого. Непосредственно на выручку своего командира Вержбицкий послал экипажи двух Т-34, две других машины поддерживали их огнем.

В частности, экипаж сержанта Н. В. Томильченко огнем и гусеницами разбил семь автомашин с пехотой и несколько бронетранспортеров. Командир второй тридцатьчетверки сержант Зайцев сгорел вместе с экипажем.

В оперативной сводке № 7 штаба Западного фронта от 25.6.41 остатки 5-й танковой дивизии (3 танка, 12 бронемашин и 40 автомашин) были указаны в 5 километрах уже юго-восточнее Молодечно. Сам Верков докладывал командиру дивизии:

"Полковнику тов[арищу] Федорову

Вышел из окружения с двумя танками и тремя бронемашинами, остальное погибло от ПТО пр[отивни]ка.

- Отхожу на Молодечно.

- Читал приказ штадива 50 сд и не понял, прошу указаний.

- Пр[отивни]к занял Сморгонь [силами] до батальона пехоты с артиллерией и ПТО в 14. 00.

Полковник Верков 25. 6. 4116. 05"

Не ясно, о каком приказе штаба 50-й дивизии идет речь и как И. П. Верков смоге ним ознакомиться. Сама дивизия была еще далеко, но в районе Ошмян, правда, вел разведку ее 6-й разведбатальон. Только он и мог войти в контакт с "федоровцами".

В районе Сморгони противника сдерживал взвод орудий младшего лейтенанта Романова. Два Т-34 под командованием секретаря партбюро 9-го полка И. И. Нужного прикрывали курсантов Виленского ВУ, отходивших по маршруту Сморгонь - Молодечно. Со слов политрука курсантского батальона А. Мичуды, в районе Мядининкай литовцы под командой капитана Й. Валулиса разгромили десант противника. Затем они сражались у Ошмян, в районе Сморгони подбили связками гранат три вражеских танка. Отходили на Витебск и Лепель, везде участвовали в боях.

В оперсводке штаба фронта № 17 от 3 июля 1941 г. сообщалось:

"Лепель прикрывается сводным отрядом в составе курсантов минометного училища, Вильнюсского пехотного училища и 103-го противотанкового дивизиона".

В середине июля оставшиеся в живых были направлены в Новокузнецк Кемеровской области, куда было переведено училище. Закончив его, молодые офицеры пополнили комсостав вновь сформированной 16-й литовской дивизии ("Забвению не подлежит", с. 44-45).

Когда танки И. И. Нужного и несколько бронемашин в районе с. Лебедь попали в окружение, на выручку к ним поспешили их товарищи. В яростном бою они подбили три танка, раздавили десять ПТО и несколько автомашин. Кроме самого политрука, храбро сражались лейтенант Ботин, капитан Е. А. Новиков и старший лейтенант Вержбицкий.

Но вскоре к противнику подошло подкрепление, которое начало охват нашего отряда с целью окружить и уничтожить его. При отходе на переправе через реку два Т-34 застряли без надежды вытащить их, в бронемашину политрука И. И. Нужного попал снаряд. Танкисты, испортив орудия и

двигатели техники, забрали пулеметы с дисками, вышли из окружения и прибыли в свою часть, пройдя пешком 80 км.

Еще более результативные действия показал экипаж БТ-7 взвода управления дивизии в составе старшего сержанта Г. А. Найдина и красноармейца Копытова. Заняв огневую позицию в лесу, танкисты подпустили на короткую дистанцию

508

танковую колонну противника. Точными выстрелами были подбиты головная и замыкающая машины колонны. Пользуясь замешательством немцев, геройский экипаж расстрелял и остальные десять танков.

Также героически сражался с врагом сводный отряд истребителей танков из числа бойцов 5-го МСП, который был сформирован в Молодечно; возглавлял его оперуполномоченный особого отдела дивизии Жихарев.

После боев в районе Ошмяны-Сморгонь, где части 5-й танковой дивизии вели героические бои буквально до последнего танка, ее остатки были оттеснены еще дальше на восток. К исходу дня 25 июня части дивизии, осуществляя планомерный отход, временно сосредоточились в районе местечка Радошковичи. Устроив на дорогах завалы с целью замедлить продвижение противника, 5-я ТД продолжила отступление по шоссе Минск-Москва, подвергаясь неоднократным бомбардировкам с воздуха.

Справка

Герой Советского Союза Г. А. Найдин закончил службу в Вооруженных Силах СССР в звании полковника бронетанковых войск.

Как написано во всех исследованиях и в мемуарах, в этот день вместе с танкистами сражались бойцы войск НКВД из полка майора Пияшева. Но вряд ли командир 9-й ЖДД НКВД в своем докладе на имя начальника управления стал бы намеренно сгущать краски. Растоптанный бегущими

армейцами 84-й полк ни в каких боях 25 июня участия не принимал, ибо к рассвету В. Н. Истомин нашел его за старой госграницей, где-то в районе Острошицкого Городка. Полковник заново сформировал пять рот, своего заместителя Гладченко направил на КП фронта. Тот до ночи не вернулся, зато в район расположения полка вышло 14-18 немецких танков, которые затем двинулись в сторону Минска. Решено было с наступлением темноты отойти еще дальше на юг или юго-восток [76, копия].

Так что фактически 25 июня против частей 39-го корпуса группы Гота на молодечненском направлении продолжали действовать остатки всего лишь одной советской дивизии, все той же 5-й танковой. Естественно, единичные, удачные для нас боестолкновения не могли изменить общую неблагоприятную ситуацию. В результате этих скоротечных боев, являвшихся в тактическом отношении 100%-ной импровизацией, продвижение на Минск с севера было задержано фактически

509

только на несколько часов, после чего немецкие танки вышли в район Молодечно.

Примерно в 20 часов управление 13-й армии было атаковано подразделением 20-й танковой дивизии вермахта с десантом на броне. В завязавшемся ожесточенном бою, в котором приняли участие работники штаба армии и 570-го армейского батальона связи, погибло более половины личного состава батальона и 35 офицеров армейского управления, в том числе начальник разведотдела полковник П. М. Волокитин. Противником были захвачены машины с шифровальными документами.

Двумя отдельными группами штаб 13-й с трудом сумел выйти из соприкосновения с неприятелем и направился к Минску. Основная масса штаба направилась через Городок под командованием заместителя начальника штаба армии подполковника С. П. Иванова.

В Городке хвост колонны штарма вновь был атакован танками противника, попаданием снаряда в бронемашину был убит начальник оргмоботдела подполковник К. В. Литвин.

Когда вышли к Минску, с горечью подсчитали потери: многие офицеры управления 13-й армии были заявлены пропавшими без вести. Майор Я. Ф. Игнатенко, офицер отдела кадров. Майор В. Т. Вороновский, командир 570-го ОБС. Позже он "высветится" среди партизан. Капитан Ф. А. Герасимов, еще один кадровик. Интендант 2-го ранга В. И. Безкишкин, начальник АХО. Старший лейтенант С. И. Бондаренко, начальник штаба 570-го ОБС. Интендант 2-го ранга Я. В. Амбарнов, помощник командира 7-го полка 4-й танковой дивизии, но проходит по списку управления 13-й армии. Майор И. А. Морозов, офицер автобронетанкового отдела. Техник-интендант 2 ранга Г. Т. Никаноров, начальник секретной части. Капитан А. С. Михеев, тоже из АБТО штарма. Полковник К. Н. Рапава, начальник химслужбы. Капитан А. П. Фоков, офицер отдела укомлектования. Полковник Г. В. Киршин, начальник АБТО.

Из донесения зам. начштаба 13-й армии от 26 июня 1941 г. (по событиям 25 июня):

"5-я танковая дивизия прикрывала направление Молодечно на линии Сморгонь и не в силах сдерживать противника отходила. К 16 часам в районе Молодечно у командира 5-й танковой дивизии осталось 5 танков и 12 бронемашин".

И все же в мозаике этих, казалось бы, понятных событий остается несколько не лежащих в общее поле сегментов.

510

При выверке хронологии имеет место некоторая нестыковка, не позволяющая однозначно определить дату, когда немцы установили полный контроль над Вильнюсом и его окрестностями. По словам полковника Федорова, к 17 часам 23 июня Вильнюс был взят противником. Как докладывал командир 9-й ЖДД НКВД Истомин, в 19:30 город еще был наш и

шел бой в 20 км западнее него, но на Молодечно валил сплошной поток отступающих войск. Танкист вермахта Х. Орлов (см. выше) писал, что немцы вошли в Город Милосердия утром 24 июня. Допустим, так. А почему не раньше, если остатки 5-й ТД отошли от города?

Темнеет в 20-х числах июня очень поздно, поэтому, вероятно, следует предположить, не заняли Вильнюс не потому, что не хотели, а потому, что не смогли либо чего-то опасались. Их заминка могла быть следствием того, что на окраинах Вильнюса, на подступах к нему и в нем самом продолжали оказывать сопротивление (и, возможно, немалое) какие-то советские части.

Предполагать можно все, что угодно, но мы до сих пор не знаем, какова была участь 10-го полка, 5-го разведбата и других частей 5-й ТД. Были их остатки в числе тех, кто вышел 24 июня к Молодечно, или же они были отрезаны от главных сил и продолжали сражаться в полном окружении в пригородах Вильнюса и на его улицах?

А ведь были еще подразделения 128-й и 184-й дивизий, были еще те, кто встретил войну непосредственно на границе. Хотя бы в теории, но можно допустить, что, отступив на восток, они все же пытались сражаться рядом с танкистами 5-й дивизии.

Бригадный комиссар Г. В. Ушаков писал, что утром 25 июня Ф. Ф. Федоров приказал командиру 9-го ТП И. П. Веркову после взятия Ошмян двигаться на Вильнюс. Не затем ли, чтобы соединиться с оставшимися там частями дивизии? Неважно, что приказ был заведомо невыполним, важно то, что принцип "Сам погибай, а товарища выручай" не был забыт и соблюдался.

И есть еще одно, пусть и косвенное, подтверждение моих предположений.

24 июня 53-й дальнебомбардировочный авиаполк (40-я дивизия 1-го авиакорпуса ДБА ГК) на машинах ДБ-3а и ДБ-3ф бомбил Тильзит и 25-го собирался продолжить; потерь матчасти и личного состава за 22-24 июня не было. Но вечером прилетевший в полк командир дивизии полковник В. Е. Батурин отменил эту задачу и поставил новую: бомбить скопление

танков западнее Вильнюса. На разведку были высланы экипажи капитана Репкина и старших лейтенантов Ленькина и Богачева. Штурман А. И. Крылов принимал участие в этом вылете. Он писал, что заход на цель был произведен со стороны озера Нарочь вдоль шоссе Вильнюс-Полоцк ("дальники", как известно, летали не по плоским картам, а "по глобусу"). В районе белорусского местечка Сымонели наблюдали ожесточенный бой. А при подлете к Вильнюсу увидели, что ожесточенные бои идут и на его западной и юго-западной окраинах, у вокзала, на улицах и площадях (Крылов А. И. По приказу Ставки. - М.: ВИ, 1977. С. 14).

Танки, сгрудившиеся вокруг огромных цистерн автозаправщиков, летчики обнаружили и нанесли по ним точные удары, но от бешеного зенитного огня и атак истребителей понесли тяжелый урон - к сожалению, высланные на разведку экипажи не заметили скопления истребителей противника на вильнюсском аэродроме Парубанек. Из вылета не вернулось 17 машин ("аннушки" были беззащитны при атаках с задней полусферы), сам Крылов описал гибель девяти бомбардировщиков.

Полк потерял следующие экипажи: капитана А. Д. Третьякова, политрука К. С. Власова, старшего лейтенанта Б. П. Банникова, лейтенантов Ф. Е. Огальцова, В. И. Щербины, В. И. Сеничкина, Б. Н. Сотова, В. К. Власова, Ф. Е. Курочки, С. М. Образцова, Н. К. Щетенко, А. И. Шапошникова, В. А. Мурашова, Ф. И. Давыдова, В. Г. Грунявина, младших лейтенантов П. Я. Чубаря и В. Д. Иконникова. Ответным огнем из бортовых пулеметов советские авиаторы сбили 15 Me-109. Еще как минимум пять самолетов не вернулось на аэродромы 7-го и 204-го ДБАП.

Да, Вильно не стал ни Брестом, ни Либавой, ни Минском. Нельзя говорить о его героической обороне, ее, как таковой, не было. Но был героизм 5-й танковой дивизии, были герои-летчики, был еще кто-то, о ком мы пока не знаем. И не следует об этом забывать.

Части 3-го авиакорпуса бомбили колонны танков группы Гота, продвигавшиеся на Ошмяны. В 96-м полку 42-й дивизии не вернулось пять экипажей: командиров звеньев В. И. Григорьева, Г. И. Краснощекова, ПАБобрышева, пилотов М. Е. Плугина и А. П. Колоярцева (все в званиях младших лейтенантов).

Колонна, шедшая от Воложина на Молодечно, была атакована машинами И-15бис 215-го ШАП майора Рейно.

Вероятно, после получения сообщения об избиении 53-го полка соседей

512

командованием 3-го ДБАК было принято решение о нанесении "удара возмездия". В середине дня 207-й ДБАП двумя звеньями (это было все, что комполка Г. В. Титов после двух дней боев сумел поднять в воздух) совершил налет на аэродром Парубанек, было заявлено о выводе из строя около 40 истребителей Люфтваффе; потерь с нашей стороны не было.

Также летчики 42-й ДБАД принесли плохую весть: было обнаружено скопление танков противника уже в 25-30 км северо-западнее Минска.

Наблюдениями экипажей 212-го полка А. Е. Голованова и лично инспектора техники пилотирования корпуса майора О. Н. Боровкова информация была подтверждена, о чем было доложено в Генштаб и командованию ВВС фронта.

8. 5. За правым флангом. Действия 11-й армии. Контрудар на Каунас. Выдвижение 21-го механизированного корпуса в район Двинска

Ввод противником в бой в районе Каунаса двух свежих дивизий 2-го армейского корпуса резко осложнил ситуацию для 11-й армии, лишившейся к этому времени 128, 179 и 184-й стрелковых и 5-й танковой дивизий.

Следовало отвести весьма уже избитый 16-й стрелковый корпус на рубеж реки Виляя (Нерис), чтобы закрепиться там, однако на заседании Военного совета фронта под нажимом представителя УПП РККА армейского комиссара 2 ранга В. Н. Борисова (о его "вкладе" в развитие событий в Прибалтике я уже писал) было принято прямо противоположное решение: 16-му корпусу перейти в наступление с целью вернуть Каунас. По получении приказа командира корпуса генерал-майора М. М. Иванова о наступлении, части 23-й дивизии начали выдвижение в район Свилайняй, Рудминяй, Ратуше, чтобы из него начать наступление вдоль шоссе Ионава-Каунас. Следом за 23-й должна была наступать 33-я СД, 5-й дивизии полковника Ф. П. Озерова предстояло атаковать Каунас с запада.

Во время развертывания дивизий 16-го корпуса противник сам перешел в наступление при поддержке авиации, занял Кармелаву и начал продвигаться на северо-восток в направлении Ионавы. Первым в соприкосновение с ним вошел 89-й

513

стрелковый полк (командир - майор Н. Ф. Батюк, в недалеком будущем - герой обороны Сталинграда). Его батальоны с ходу перешли в контрнаступление, из-за правого фланга выдвинулся и также вступил в бой 117-й стрелковый полк (командир - майор И. П. Бушин). Неприятельский авангард был смят, понес большие потери и в беспорядке отступил. Перейдя к преследованию, 23-я СД освободила Кармелаву и подошла к северо-восточной окраине Каунаса. Вплотную к восточной окраине удалось прорваться 5-й стрелковой дивизии. Однако противник, введя в бой из резерва еще одну пехотную дивизию, вынудил 5-ю СД отступить к реке Виляя.

Немцы предприняли попытку ударом в правый фланг остановить 89-й полк, переправив на лодках на южный берег Виляя несколько сот стрелков. Контратакой батальона старшего лейтенанта Д. С. Воронкина при поддержке огня полковой батареи и станковых пулеметов их намерение было сорвано.

На поле боя осталось до 400 трупов, полсотни мотоциклов с колясками, 150 велосипедов.

В сражении между Ионавой и Каунасом 89-й СП уничтожил и вывел из строя ориентировочно до полутора тысяч вражеских солдат и офицеров, взял трофеи в виде пушек, автомашин, мотоциклов и другого снаряжения. До 900 захватчиков уничтожил 117-й полк. Воины 225-го, стрелкового полка (командир - подполковник Ф. И. Мацук) огнем рассеяли кавалерийскую часть и подбили несколько танков. Огневую поддержку пехоте обеспечивали подразделения 211-го ЛАП.

Собственные потери также были очень серьезными, выбыла из строя значительная часть начсостава. Когда немцы сами контратаковали и создалось угрожающее положение, командир дивизии генерал-майор В. Ф. Павлов лично повел в бой курсантов находившихся в резерве полковых школ, и геройски погиб. Также 25 июня под Каунасом был убит зам. командира 33-й дивизии полковой комиссар А. И. Силантьев.

К вечеру 25 июня 56-й МК Манштейна, отбросив ослабленные подразделения 188-й стрелковой дивизии, частью сил зашел в тыл 23-й и 33-й дивизиям, занял Ионаву и вышел на шоссе Каунас-Двинск еще в одном месте. 11-я армия, обойденная с обоих флангов, оказалась в оперативном окружении. Боевым распоряжением командующего армией 126-я СД была подчинена командиру 16-го корпуса с задачей прикрывать его отход на рубеже Клампиняй, Сло-

514

бодка, Будели.

В районе м. Кроны к дивизии присоединились ее стрелковые батальоны, участвовавшие в строительстве приграничных укреплений.

25 июня командир 21-го механизированного корпуса получил боевую задачу от наркома обороны С. К. Тимошенко. Корпус поступал в распоряжение командования Северо-Западного фронта и должен был выдвинуться к Двинску, занять оборону на участке Ницгале, Краслава и не

допустить форсирования противником Западной Двины. В 10 часов комкор Д. Д. Лелюшенко издал приказ, в котором его дивизиям предписывалось: совершив форсированный марш, к исходу дня 26 июня занять оборону по северному берегу Западной Двины.

Немецкая авиация дважды подвергла ожесточенным бомбардировкам расположение частей 21-го МК. Зенитчики сбили два Ю-87, взятый в плен пилот показал, что видел танковые колонны своих войск в 50-60 км юго-западнее Двинска.

Выполняя приказ командира корпуса, командиры 42-й и 46-й танковых дивизий выслали в направлении Двинска разведывательные дозоры, вслед за ними в 14:00 двинулись передовые отряды. Командирами отрядов были назначены командиры 42-го МСП майор А. М. Горяинов и зам. командира 92-го ТП капитан Н. Н. Кузьменко (командир полка - майор Н. Г. Косогорский был болен).

В 16:00 выступили главные силы дивизий; согласно приказу № 01 по 46-й ТД 92-й полк возглавлял общую колонну. С началом марша части корпуса стали подвергаться налетам вражеской авиации, что в значительной мере снизило темп движения.

Между тем в самом Двинске боеспособных войсковых частей не было: повторялся "виленский вариант". 306-й отдельный зенитный артдивизион Шяуляйского района Северо-Западной зоны ПВО (командир - майор Мартынов) покинул город еще до подхода противника. 201-я воздушно-десантная бригада убыла в неизвестном направлении за несколько дней до начала войны. Расквартированная в Двинске 23-я стрелковая дивизия уже третьи сутки вела тяжелые бои в районе Каунаса. В городе остались лишь ее тыловые подразделения под общим командованием майора Еськова. В его распоряжении было всего две роты - одна из них заняла позицию у Двинской крепости, другая - у одного из мостов. Сами мосты охранялись двумя гарнизонами из состава 83-го железнодорож-

ною полка 9-й ЖДД НКВД, их численность не превышала 50 человек; военнослужащие внутренних войск имели только легкое стрелковое оружие. Красноармейцы из хозвзвода 23-й СД отрыли окопы вдоль дамбы и заняли оборону у электростанции; саперы заминировали мост.

Опасаясь затяжных боев за переправы на Западной Двине и, соответственно, серьезных потерь, германское командование решило применить в Двинске многократно апробированный принцип "тroyанского коня". Уже несколько дней через город лился нерерывный людской поток отступавших остатков армейских частей и беженцев, и проникнуть в него не составляло большого труда. Диверсанты начали "готовить почву", в частности, сеяли панические слухи среди отступающих и убивали командиров и политработников. При переходе 127-го БАО из Двинска на оперативный аэродром был застрелен его зам. командира батальонный комиссар П. П. Хрипченко.

25 июня в Двинск проникла неприятельская разведгруппа, переодетая в советскую военную форму. Разведчики удостоверились, что его защитников всего лишь горстка, из артиллерии имеется только одно 45-мм ПТО, о чем было доложено командованию.

К исходу дня немцы были уже в Скрудалиене, всего в нескольких километрах от Двинска. 8-я танковая дивизия генерала Бромберга заняла позицию для последнего решающего броска.

8. 6. Действия 21-го стрелкового корпуса на лидском направлении

В оперсводке № 01 штаба 21-го стрелкового корпуса к 09:00 утра 25 июня констатировалось следующее положение его соединений. К моменту получения приказа штарма-13 № 01 части 17-й стрелковой дивизии, не встречая сопротивления противника, вышли на восточный берег р. Дзитва на

участке Солишки (25 км северо-западнее Лиды), Белогрудцы (10 км юго-западнее Лиды), штаб размещался в лесу в 2 км юго-западнее д. Марьино.

Головной батальон 20-го стрелкового полка 37-й дивизии (командир полка - Груздов, звание не установлено) в 5 часов утра подошел к Трокели, не встретив противника. 91-й стрелковый полк той же дивизии (коман-

516

дир - А. В. Северохин, звание не установлено), готовясь перейти в наступление с участка Ольговка, Раковщина, сам в районе м. Трабы был внезапно атакован танками и мотопехотой противника и рассеян. Штадив-37, находившийся в Липнишках, полностью утратил управление своими частями.

50-я СД к утру 24 июня вышла в район Нарочи и разместилась на дневку в лесу северо-восточнее Куртенца, но в связи с тем, что к исходу дня передовые части противника вышли в район Сморгони, командарм-13 приказал прервать отдых и спешно двигаться на Сморгонь

С получением армейского приказа штаб 21-го СК (начальник штаба, генерал-майор Д. Е. Закутный) издал свой приказ № 01. Ввиду того, что обозначенный в приказе штаба армии рубеж обороны находился уже в руках противника, решение командира корпуса содержало значительные коррективы.

Планировалось начать наступление в 04:00 26 июня, уничтожить противостоящего противника и к исходу дня выйти на рубеж Гольшаны, Билякопцы, Эйшишки, Нача, обеспечивая себя от флангового удара со стороны Вильнюса. 24-й дивизии генерал-майора К. Н. Галицкого, имея главные силы на направлении Сувалишки, Ошмяны, надлежало выйти на рубеж Гольшаны, Клевица; 37-й дивизии полковника А. Е. Чехарина, имея главные силы на направлении Вороново, Большие Солечники, выйти на фронт Пуца, Билякопцы; 17-й дивизии генерал-майора Т. К. Бацанова, имея главные силы в общем направлении Радунь, Ораны, выйти на фронт Эйшишки, Нача. 8-й бригаде ПТО прочно удерживать рубеж по восточному

берегу р. Дзитва, прикрывая Лиду с запада и юго-запада. Однако дальнейшее развитие событий пошло далеко не так, как планировало командование корпуса.

24-я стрелковая дивизия К. Н. Галицкого при выдвижении в западном направлении уже 25 июня столкнулась с частями 19-й танковой дивизии, входившей во второй эшелон 57-го моторизованного корпуса группы Г. Гота. Во встречном бою наше соединение одержало победу и отбросило противника за реку Клева.

Прекрасно действовали экипажи сводного танкового батальона майора Егорова, танки Т-34 и КВ иногда просто таранили или давили гусеницами легкие немецкие машины. Потери противника были значительны, было уничтожено и выведено из строя до 30 танков (в литературе написано, что

517

Pz-III, но в 19-й дивизии были "единички", "двойки", 30 Pz-IV, 110 чешских Pz-38(t), "трешек" не было), более 50 автомашин, много мотоциклов.

8-я противотанковая бригада к 14 часам дня занимала рубеж обороны на подступах к р. Неман (по восточному берегу Дзитвы от Копцевичей до Белогруд), обращая особое внимание на прикрытие шоссейно-дорожных и железнодорожных мостов через Дзитву. Штаб бригады находился в роше в 12 км западнее Лиды.

Вечером штабом корпуса была составлена оперсводка № 2. По состоянию на 20:00, корпус заканчивал перегруппировку частей для перехода в наступление с утра 26 июня. Был установлен выход передовых частей противника в районы Блажан, Вороново, Бастунов, Гольшан, Герапон. Авиация противника наносила удары по ж.-д. станциям и районам сосредоточения войск.

К 18:00 части 21-го СК, отбрасывая мелкие подразделения противника, вышли на рубежи: Добровляны, Витушки (иск.), Водале (24-я СД); Дойлидки, Жижжа, ст. Бастуны, Бастуны (37-я СД); Трокеле, Эйтуны,

Выдзишки (иск.), Дэрэшэ, Гориня (иск.), господский двор Маможин (17-я СД).

Были израсходованы артиллерийские боеприпасы и значительная часть других боеприпасов, в 37-й дивизии запасы вышли все. В целом положение находившихся севернее Немана окружных резервов можно было назвать угрожающим. Наступавший на них 57-й моторизованный корпус был практически не потрепан в предыдущих боях и представлял серьезную силу. В то же время, как явствует, в частности, из сводки по тылу 13-й армии № 1 на 6 часов утра 25 июня, было о чем горевать. Корпусные части 21-го СК, за исключением 264-го батальона связи, и тылы обеих дивизий не были отобилизованы. Утром 17-я дивизия имела половину боекомплекта артиллерии и один боекомплект для стрелкового оружия, в 37-й дивизии, уже понесшей большие потери в боях 24 июня, боеприпасов не было (хотя ее 245-й ГАП "поживился" запасами 17-й СД, см. выше). В Железной дивизии была норма боеприпасов. Плохо было и с горючим, оно имелось только в дивизии К. Н. Галицкого (половина заправки). Как докладывал командир 8-й бригады, орудий у него хватало, но не было бронебойных выстрелов, а шрапнельных и осколочных на все расчеты было только 34 штуки. По распоряжению

518

штаба армии были "приватизированы" единственная радиостанция и 87 автомашин, в основном ЗИС-5, которые являлись тягачами орудий.

8. 7. Организация обороны мостов через Неман в районе станции Столбцы. Обстановка в районе Минска

Как писал в отчете начальник штаба 60-го ЖДП НКВД капитан Финенко, бронепоезд их полка, не сумев прибыть в Вильнюс в распоряжение командира дивизии, 25 июня перешел на станцию Столбцы юго-западнее Минска. Финенко оставил БЕПО для обороны железнодорожного и

шоссейного мостов через Неман и выделил для этого же 1-ю роту полка в количестве 62 человек. Несколько позже по договоренности с 3-м отделом штаба фронта проходивший через Столбцы бронепоезд РККА был остановлен и подчинен командиру БЕПО № 60. Кроме бронепоездов, для обороны мостов в Столбцах были привлечены два зенитно-артиллерийских дивизиона и зенитно-пулеметная рота, этими силами оба моста оборонялись от многочисленных налетов авиации противника в течение 25, 26 и 27 июня.

На подступах к Минску 25 июня оперативная обстановка серьезно изменилась в худшую сторону. Если за день до этого через боевые порядки дивизий 44-го и 2-го корпусов с запада шли только свои, то после полудня перед фронтом 64-й стрелковой дивизии появились немецкие танки.

Бывший командир дивизии генерал-майор С. И. Иовлев писал:

"Первые машины были обнаружены в колоннах наших войск, отступавших с запада через Радошковичи. Общего управления отступающими не было, части перепутались, об охране никто не беспокоился. Вместе с войсками шло и местное население. Неудивительно, что немецкие танки могли оказаться в этом беспорядочном потоке".

Вечером и в ночь на 26 июня противник активных действий не проявлял, и только на участке 30-го стрелкового полка 64-й СД несколькими танковыми подразделениями им была произведена разведка боем. Разведгруппы получили организованный отпор, понесли потери и отошли в

519

лес юго-восточнее Радошковичей.

Для охраны окружного склада войск НКВД в Заславль прибыл бронепоезд 73-го железнодорожного полка 3-й ЖДД НКВД (командир бронепоезда - старший лейтенант Ф. Д. Малышев).

Командованием 44-го стрелкового корпуса, в который входила 64-я дивизия, было принято решение произвести разведку с целью выявления сил противника. И поздно вечером того же дня 25 июня произошло следующее событие.

Корпусная разведгруппа в составе мотострелковой и танковой рот (5 танкеток и 3 БА) 73-го разведбата 64-й стрелковой дивизии и мотострелковой роты 220-го разведбата 108-й стрелковой дивизии, имевшая задачу на проведение рейда в направлении Радошковичи - Красное - Молодечно, обнаружила в районе деревни Шелухи (4 км от Радошковичей) немецкую штабную колонну, до 20 автобусов и легковых автомашин. Остановившись на отдых, гитлеровцы повели себя крайне беспечно. Охранение было минимальным: три легких танка, две танкетки и четыре пулеметных расчета. Солдаты ставили палатки, офицеры купались в ручье или просто отдыхали.

Старший группы комбат 73-го ОРБ майор Я. В. Чумаков приказал силами отряда нанести по врагу удар с двух сторон. Группа добровольцев под командой зам. командира батальона старшего политрука Я. Е. Гонцова забросала танки гранатами, что было сигналом к началу атаки. Внезапный удар ошеломил врага. Некоторые пытались отстреливаться, но через полчаса все было кончено. Немцев перебили, взяв в плен восьмерых человек, в том числе трех старших офицеров. Среди убитых оказался и один генерал.

В ходе допроса пленных выяснилось, что разгрому подверглась оперативная группа штаба 39-го моторизованного корпуса вермахта. В захваченных машинах нашли четыре портфеля с документами, которые, после изучения их дивизионным командованием, были отправлены в штаб корпуса.

Среди документов оказалась карта с нанесенной обстановкой и подробной инструкцией к ней. Когда ее увидел подполковник С. П. Иванов, то, как опытный штабник, сразу понял бесценность трофея. На карте было показано оперативное построение всей немецкой группы армий "Центр"; особенно четко выделялись направления ударов 2-й и 3-й танковых групп.

"Перед нами лежал графический план первой наступа-

520

тельной операции группы армий фельдмаршала фон Бока" [58, с. 60].

Спустя несколько дней эта карта буквально перевернула все представления руководства СССР о планах германского командования. Именно она стала одним из важнейших звеньев в цепи доводов, которые позволили маршалу Б. М. Шапошникову убедить Сталина в том, что главный удар нанесен немцами в Белоруссии, а не на юге страны. Несколько армий 2-го стратегического эшелона, предназначенных для Юго-Западного фронта, были переданы в состав Западного фронта. Но на судьбе белостокской группировки это уже никак не могло отразиться [там же, с. 61].

Танковые группы вермахта находились уже на подступах к Минску, завершая глубокий охват основных сил Западного фронта, а армейские корпуса 4-й и 9-й полевых армий ГА "Центр" стремились соединиться в районе Слонима, создавая второе (внутреннее) кольцо окружения вокруг белостокской группировки и части фронтовых резервов (21-й корпус, 24-я стрелковая дивизия, 8-я бригада противотанковых орудий).

Глава 9. 26 ИЮНЯ, ДЕНЬ 5-й

9.1. Действия частей 3-й армии

На пятый день войны бои на реке Неман продолжились с прежней ожесточенностью. В течение всего дня остатки войск 3-й армии продолжали сражаться с армейскими корпусами 9-й немецкой армии южнее Гродно и по южному берегу Немана на позициях от Мостов до устья реки Свислочь. Разрозненные подразделения армейских частей, оставшиеся на северном берегу Немана, пытались переправиться на южный берег или отходили в сторону Лиды, не зная, что там уже идут ожесточенные бои дивизий танковой группы Г. Гота с частями фронтового резерва (21-й стрелковый корпус, 24-я стрелковая дивизия, 8-я бригада ПТО).

Город еще не был взят, но, как писал в мемуарах бывший 2-й секретарь Лидского ГК КП(б)Б, а затем комиссар 37-й партизанской бригады С. К. Лещеня, по распоряжению Барановичского обкома работники горкома партии и горисполкома выехали в Столбцы, а на следующий день - в Могилев, в распоряжение ЦК компартии Белоруссии [74, с. 9].

На рассвете 26 июня остатки 59-го стрелкового полка 85-й СД пошли на прорыв через дорогу, блокированную накануне отрядом мотоциклистов. Поддерживавшие его ганки сразу же были сожжены средствами ПТО, пехоту встретил шквал ружейно-пулеметного огня. С криком "Ура!" прорвались, но две трети поднявшихся в атаку остались лежать на поле боя.

Основные силы 85-й стрелковой дивизии, достигнув в ходе ночную марша реки Свислочь, к утру 26 июня начали занимать оборону в рощах в районе одноименного совхоза. После про-

522

хода арьергарда мост через реку был уничтожен.

Вечером, перед наступлением темноты, на западном берегу Свислочи появились пехотные подразделения противника. Обнаружив разрушенный мост, немцы остановились и стали располагаться на ночлег: беспечно, без боевого охранения, не подозревая, что по опушке рощ проходит передний край обороны советской дивизии.

Рощи эти до осени 1939 г. являлись частными владениями, поэтому по периметру были окружены низкими кирпичными стенками. Прикрываясь ими, подразделения 85-й ничем себя не выдавали и строго соблюдали приказ "не стрелять". Когда подготовка была закончена, открыли огонь по команде.

Шквал организованного огня из всех видов оружия, обрушенного на беспечных немцев с расстояния не более ста метров, явился для них полной неожиданностью. Началась паника, в которой красноармейцы расстреливали врага как в тире. Немцы не смогли оказать никакого сопротивления и понесли очень большие потери; в 85-й СД потерь не было.

Это была несомненная удача, но уже в ходе этого расстрела офицер штаба мехкорпуса доставил приказ генерала Д. К. Мостовенко об отходе дивизии еще дальше на восток - на рубеж р. Россь. Это последнее, что содержится в неоконченных воспоминаниях А. В. Бондовского.

Справка

Один деятель ветеранского движения, сам, кстати, не воевавший, в духе самых худших (а-ля Валерия Новодворская) "перестроечных" публикаций конца 80-х так описывал боевой путь 85-й СД:

"В 1941 году на окраине Гродно в районе нынешнего Румлевского моста была расквартирована 85-я стрелковая дивизия. Она одной из первых приняла бой с немцами в начале войны. Дивизия практически разбежалась - нечем было обороняться. Но из Ставки пришел приказ: вернуть Гродно. Офицеры собрали разбежавшихся по лесам солдат и практически с голыми штыками вышли против немецких танков. Эти бои шли в районе Румлевой Вишневец... Немцы просто подавили танками наших. Они все там и полегли. Бессмысленный был приказ..." (из материалов интернет-газеты "Биржа Информации. Гродно" - <http://www.gazeta.grodno.by>).

Откуда такая нелюбовь к дивизии, когда что ни фраза, то оговор и ложь, не знаю. Зато понятно, почему многие бывшие воины 85-й не особенно жаловали этого товарища - это заметно по их письмам.

523

Командир 700-го стрелкового полка М. И. Сипович

В этот день в 85-ю дивизию неожиданно вернулась группа бойцов 2-го батальона 141-го СП, одного из трех, что встретили войну на границе. Возглавлявший группу политрук рассказал, что с началом боевых действий

их рота сама перешла в наступление, уничтожила пограничные посты немцев и углубилась во вражескую территорию. Проникнув в глубь территории, бойцы натолкнулись на неприятельских обозников,

524

которых в короткой схватке уничтожили. Не имея связи с соседями, командир роты прекратил продвижение и отвел людей на исходный рубеж. Там тоже не оказалось соседей (бои шли восточнее), и красноармейцы направились на восток в поисках своего соединения.

В доказательство политрук показал трофей - немецкого битюга рыжей масти, запряженного в повозку армейского образца. Повозка была нагружена катушками изолированного телефонного кабеля, существование которого явилось большой новостью для связистов. Кабель не боялся воды, его трудно было порвать, не нужно было подвешивать.

Политрук передал в политотдел донесение с описанием действий роты и списком отличившихся, но оно, увы, до наших дней не сохранилось.

26 июня командующий 3-й армией В. И. Кузнецов забрал из отряда 204-й МД, державшего оборону южнее Гродно, 700-й моторизованный полк майора М. И. Сиповича, как вспоминал полковник Мандрик, для прикрытия деревни Мосты. С этого момента ничего о судьбе полка в дивизии известно не было.

Отряд 204-й при огневой поддержке орудий 657-го арtpолка продолжал вести ожесточенные бои с войсками 8-го армейского корпуса вермахта и начал отход к реке Щара лишь к исходу дня 26 июня. Также из 141-полка 85-й СД один батальон был направлен в распоряжение командира 11-го мехкорпуса, но, как вспоминал А. В. Бондовский, он не был уверен, что батальон дошел до места назначения, ибо КП корпуса к этому времени уже мог быть переведен в другое место.

По словам С. И. Мальцева, на рассвете 26 июня над Неманом в районе Мостов появилось несколько групп самолетов противника. Одна из них выбрала своей целью скопление живой силы и техники на берегу, но

совместным огнем зенитной батареи и пулеметов один бомбардировщик был сбит. Позже на землю рухнула еще одна машина, что вызвало необычайный подъем энтузиазма у всех собравшихся на берегу. И когда у моста появился немецкий авангард, по нему из пулеметов и легких пушек был открыт огонь такой интенсивности, что мало кто из вражеских вояк унес ноги.

За день советские воины успешно отразили все попытки захватить переправы и форсировать Неман. Однако вечером начальник пограншколы майор Зиновьев собрал командиров подразделений и уже в который раз приказал начать отступление еще дальше в глубь тер-

525

ритории Белоруссии - так, как того требовал приказ командования погранвойск.

Собрав на правобережье Немана тыловые части 56-й стрелковой дивизии, ее командир С. П. Сахнов повел их в направлении Мостов, чтобы переправиться через Неман и выйти в район Лунно. В районе западнее Лиды он встретил капитана, по-видимому, офицера связи штаба Западного фронта, от которого узнал, что штаб 3-й армии к тому времени находился в Лунно.

Двигаясь по дороге Лида - Желудок - Мосты, группа Сахнова в районе Желудка встретила командира 184-го Краснознаменного стрелкового полка своей дивизии подполковника П. М. Чугунова, который вел остатки полка в количестве примерно 700 человек при двух 45-мм орудиях. Подполковник доложил комдиву, что 184-й КрСП в течение 22, 23, 24 и 25 июня вел бои с немецко-фашистскими войсками, потеряв в этих боях две трети состава.

Объединенный отряд остановился на привал в районе Желудка и утром 27 июня снова двинулся в направлении Мосты - Лунно. Однако горстка личного состава 37-го стрелкового полка, шедшая из Щучина, разминувшись с ними и вышла к Лиде.

Ф. У. Усманов писал:

"На 5-й день в лесу в окрестностях Лиды нас остановили. Там были артиллеристы, генералы и старшие офицеры. Таким образом мы вошли в общий поток - колонну отходящих наших частей".

Если бы они встретили отряд своей дивизии, там был бы только ОДИН генерал. Скорее всего, группа лейтенанта Васильева встретила управление 21-го корпуса, дивизии которого действовали на лидском направлении.

Генерал Сахнов рассчитывал вывести собранных им людей и автотранспорт на южный берег Немана - в Лунно - через Мосты. Однако в район Мостов наметился выход частей противника. И, как уже можно считать установленным, именно 26 июня после взятия Скиделя и к Лунно прорвались немцы, и ни о какой переправе не могло быть и речи. Здесь разыгрался ожесточенный бой, в котором усиленной танками и бронетранспортерами пехоте противостояли подразделения 11-го мехкорпуса и 6-й бригады ПТО.

Недалеко от Лунно на северном берегу Немана находился аэродром Черлена. Все находившиеся на аэродроме самолеты 16-го бомбардировочного полка 11-й дивизии были уничтожены еще 22 июня, но огромные резервуары с топливом были целы. Советские части

526

успели занять оборону; танкисты и расчеты уцелевших орудий прямой наводкой били по врагу, который рвался к переправе - деревянному, с арками, мосту, - и к топливу.

П. Н. Окуньков, завскладом 679-го противотанкового полка, вспоминал:

"Немцы окружили резервуары, стали заправлять свои машины. Наши артиллеристы прямой наводкой выстрелили в бензобаки" [76, письмо].

679-м ПТАП командовал майор Х. Г. Мельник, но нет данных, был ли он жив 26 июня.

Когда удерживать мост стало невозможно, его облили бензином и подожгли; затем, оставив отряд прикрытия, войска начали отступать в сторону Мостов и дальше.

9.2. Действия фронтовой конно-механизированной группы

26 июня части группы генерала И. В. Болдина никаких активных действий не предпринимали и в основном оставались на прежних местах. Немцы отметили, что из Старой Дубовой в направлении Кузницы 17 танками была проведена одна демонстрационная атака; использование артиллерии минимально.

Полковник П. В. Яхонтов, ставший впоследствии партизанским командиром (командовал 1-й Кличевской бригадой), вспоминал, что согласно приказу командующего КМГ к рассвету 36-й кавдивизией была занята оборона на р. Свислочь. 24, 42 и 144-й кавполки - в 1-м эшелоне, 102-й кавалерийский и 8-й танковый - во 2-м (левый фланг дивизии находился севернее Б. Берестовицы, правый - напротив д. Репля).

Около 8 часов утра из района Лунно начал доноситься гул сильной артиллерийской стрельбы. Сразу же в этом направлении был выслан офицерский разъезд на трех бронемашинах (БА в дивизии появились вместе с офицерами связи, потерявшими свои части). Вернувшись, старший разъезда доложил невеселую новость: немцы форсировали Неман в районе Лунно и теснят части 3-й армии на юг.

Командир дивизии решил перебросить в район Репли 102-й и 24-й кавполки с задачей не дать возможности противнику развивать наступление в южном направлении, командиру 24-го полка оставить на Свислочи один усиленный эскадрон со станкопулеметным взводом.

В район севернее Репли Е. С. Зыбин выехал сам вместе с майо-

ром Сагал иным. В полдень из района Индуры немцы численностью до усиленного батальона пехоты вышли к реке и, развернувшись в боевой порядок, пошли в наступление. Эскадрону 24-го КП было приказано сражаться до последнего, но в это время в штадив от командира 42-го полка поступила радиограмма с информацией, что противник обходит фланги. Эскадрону разрешено было начать отход к главным силам полка, в 42-й полк был послан офицер штаба с распоряжением об отходе полка в направлении Верейки. 8-му танковому полку приказывалось контратаковать противника, стремящегося охватить левый фланг 42-го кавполка, 144-му - удерживать свой рубеж.

Доложить комдиву об изменении обстановки и отданных распоряжениях начштаба отправил майора Б. С. Миллера. Вернувшись, тот привез измененное решение: 144-му КП и 8-му ТП отходить в общем направлении Б. Берестовицы и далее в район стрельбища (2 км юго-западнее Волковыска), туда же отводится и 24-й КП.

Отход совершался под сильнейшим воздействием авиации противника, от командира 144-го полка Болдырева была получена радиограмма: "Авиацией противника в районе Большой Берестовицы полк рассеян, принимаю меры".

К исходу дня части дивизии на широком фронте, можно сказать, разрозненно, подошли к реке Россь. Сведений о 144-м, связь с которым прервалась и не была восстановлена, более не поступало. От командира дивизии прибыл майор Сагалин и передал следующее распоряжение: 42-му и 102-му кавполкам, используя броды на реке Россь, переправиться севернее Волковыска и сосредоточиться в Замковом лесу (2 км севернее Волковыска); к рассвету 27 июня выйти на шоссе Волковыск - Зельва с задачей прикрыть отход 27-й стрелковой дивизии. Комдив с 24-м кавполком и 8-м ТП переправился южнее Волковыска, обеспечивая отход 27-й с юга от шоссе.

Начав выполнение этого приказа, майор Яхонтов потерял связь с генералом Зыбиным - целостность 36-й дивизии, распавшейся на два отряда и неизвестно куда девшийся 144-й полк, была утрачена навсегда.

Теперь, после того как активные действия группы Болдина были прекращены, уже сами немцы перешли в наступление и в ряде мест добились успеха, ибо 6-й мехкорпус не мог противостоять им из-за отсутствия горючего и боеприпасов; его подразделения начали оставлять занимаемые рубежи. Как пи-

528

сал В. А. Данилов, на следующий день, 27 июня, в штаб 6-го кавкорпуса вернулись офицеры, откомандированные к Болдину. От них узнали печальную весть о потере управления и фактическом распаде конно-механизированной группы 176, письмо]. Впоследствии штаб корпуса и отряд 36-й дивизии во главе с ее командиром отступали на восток вместе с танкистами генерала Д. К. Мостовенко.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА 6-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА:

"26.6.

14. 00. Лес южнее Еленя -[Гура].

1) С получением сего приказываю: выступить из занимаемого района и перейти в район Тростено, Литвин Луг, Озерок.

2) Передвигаться расчлененно, используя лесные массивы.

3) Обрато с делегатами связи - [прислать донесения] о времени выступления и о боевом состоянии.

4) КП корпуса до наступления темноты на месте, дальнейшем - южная окраина Тальковщины.

Командир 6 КК Никитин (подпись)"

В ночь на 26 июня первой начала отступать 4-я танковая дивизия. Ее сильно поредевшие части переправились через Свислочь и продолжили отход в восточном направлении, оставляя на дорогах танки, автомашины и другую технику с опустевшими баками. К сожалению, это последнее, что

можно сказать о действиях соединения в районе Гродно. О том, что было дальше, имеются только отрывочные сведения, свидетельства непосредственных участников событий.

А. К. Игнатъев, разведрота 7-го танкового полка, башенный стрелок БА:

"Привели себя в порядок и стали двигаться дальше, но попали под первую очень сильную бомбежку... Немцы снизились очень низко и начали бомбить с головы колонны. Нас спасло от полного разгрома, что с левой стороны был лес и экипажи, кто как мог, шмыгнули в лес и уже точно попасть было сложно. Мы пытались по самолетам стрелять из пушек и пулеметов, но это было очень неэффективно. Танки почти не пострадали, пострадали наши 3 или 4 бронемшины из 16 и очень много автомашин, которые везли снаряжение и горю-

529

чее. Когда наш экипаж выехал на дорогу, то на дороге все горело и рвались снаряды. Командир роты дал команду собрать роту в колонну. И я здесь увидел разбомбленные и простреленные наши бронемшины и раненых товарищей. Когда колонну привели в порядок, двинулись дальше по направлению Слонима" [76, письмо].

Г,Ф. Попков, 4-й гаубичный полк:

"Когда оказались на восточном берегу, впереди шел бой, но когда мы подъехали к местечку, то его уже не было, оно сгорело. На поле боя были видны следы рукопашной схватки, потому что и немцы и наши лежали, как снопы на поле. Немного пройдя, на опушке леса видели жуткую картину. Видать, наша конница здесь выходила из леса, и было много лошадей побитых и раненых, а раненая лошадь издает ужасные звуки - страшно слышать. Вот тут наш командир взвода лейтенант Ветчинкин и напустился на начальника штаба 2-го дивизиона капитана Разуvasва, и если бы не ушел капитан, то, он, наверное, его бы застрелил... Мы двинулись дальше, но подошли к реке, где нужно было делать переправу. Но здесь переправиться

не удалось, так [как] немец пристрелял все до кв[адратного] метра. Мы пошли на прорыв, бросив всю технику" [там же, письмо].

7-я танковая дивизия, еще не утратив полностью боеспособности, совместно со 128-м моторизованным полком 29-й МД, в течение дня 26 июня медленно откатывалась на юг. В 21 час того же дня дивизия, шедшая в арьергарде и прикрывавшая отход частей 29-й моторизованной и 36-й кавалерийской дивизий, свернула оборону у Крынок и восточнее них начала переправляться через р. Свислочь.

Считается, что генерал Болдин оказался в окружении и был отрезан от войск своей группы. Это не совсем так. В своих мемуарах генерал пишет, что он до 26 июня 1941 г. находился в боевых порядках, непосредственно контактируя с командиром 6-го кавалерийского корпуса. Не ясно, правда, как он руководил группой и руководил ли вообще (если речь идет о действительном принятии решений, а не сидении на НП).

Его адъютант старший лейтенант Е. С. Крицин рассказал кое-что военкору К. М. Симонову о тех днях, и это единственное свидетельство такого рода, ибо сам Болдин "стыдливо" подробности опустил,

"... у Берсстовицы нам разбили с самолета грузовик, и всех убило... Пересели с ним в другую машину - и в штаб армии. Он дал

530

там указания, пробыл сутки и до 28 июня объезжал части. Ходил сам в трудную минуту в атаку с танковой группой у Кузница-Соколки..."

Ходить в атаки, конечно, можно и генералу, в особых обстоятельствах, но лучше все же для дела, чтобы он руководил сражением, а не участвовал в нем лично. Самоличное участие чревато потерей управления войсками, что, собственно, потом и произошло.

По словам сына пропавшего без вести зам. командира 128-го МП С. И. Ракитина, он встречался только с одним из сослуживцев отца, Таракановым. Но тот ничего конкретного сказать не мог, кроме того, что полк был разрезан немецкой мехколонной и они оказались по разные ее стороны.

Н. С. Халилов вспоминал:

"Полковника [Каруну] видел, когда мы, оставшиеся в живых 11 человек, отступали на восток, на одной лесной поляне. Он был в кабине ЗИС-5, на машине было несколько бойцов и пулеметы. Мы подошли к машине. Он нас не принял. Я залез на подножку кабины, но он меня пнул сапогом. Я упал, а он поехал".

124-й артполк РГК, так недолго пробывший в составе КМГ, успел за два дня уйти за Волковыск. Под Волковыском расстреляли по каким-то целям остатки боекомплекта, после этого в лесу были уничтожены штабные документы, и, как говорят, тогда же полк покинула большая часть комсостава. На остатках топлива потянулись на восток к Слониму.

Так запомнилось. Но в Слониме уже несколько дней были немцы, и вряд ли 124-й ГАП дошел до него. Скорее всего, он остановился где-то в Деречине, где были зимние квартиры 311-го ПАП РГК, или в Зельве. В конце концов, он мог идти в Пески, где сам стоял до мая месяца.

Ни одного целого склада ГСМ по дороге не нашли, топливо кончилось. Тогда бойцы сняли с орудий и закопали прицелы и замки, прострелили и подожгли двигатели тягачей. После печальной процедуры уничтожения матчасти личный состав двинулся к Барановичам [76, письмо личной переписки].

Выйти из окружения удалось немногим, но, по слухам, кто-то все же вынес на себе Знамя 124-го ГАП РГК. Судьба командования полка (командир - майор Дивизенко, зам. по политчасти батальонный комиссар Карпенко, начальник штаба - капитан Данилов) осталась неизвестной. Дивизенко "пробился" по ОБД, как пропавший без вести в июне 1941 г.

531

9.3. Отступление на восток. Действия диверсантов

При беспорядочном отходе и перемешивании тылов на восток уже двигались так называемые "дикие" колонны, в которые стихийно собирались автомашины, трактора, тягачи и повозки из разных частей. Даже если речь шла не о бегстве, а о выполнении какого-либо задания своего командования, из-за хаоса на автодорогах шансов найти родную часть почти не было. Авиация противника, пользуясь своей безнаказанностью, продолжала наносить по отступающим удар за ударом - кюветы и обочины дорог заполнялись разбитыми и поврежденными транспортными средствами и их обломками, по сторонам множились холмики безымянных могил.

В этой лавине, катящейся к старой госгранице, так бы и затерялась одинокая машина 50-го танкового полка, если бы не моя переписка с бывшим сержантом П. С. Коптяевым, поселившимся после освобождения из плена в городке бывшей Восточной Пруссии, носящем сейчас имя Гвардейск.

После того так в каком-то сосновом лесу были зарыты сейфы с документами 25-й танковой дивизии, разношерстная колонна автомашин тронулась в сторону Слонима. Но на каком-то из переходов машина, в которой кроме сержанта были младший политрук Боженко (старший) и еще до десятка людей, в том числе два незнакомых лейтенанта, отстала.

Отследить маршрут следования мне не удастся, но не этим воспоминания Коптяева важны. Он стал свидетелем такого рода "работы" переодетых в советскую форму диверсантов, которая, скорее всего, была четко ими отрепетирована, многократно проделана на тяжелых дорогах отступления и пожала весьма обильную жатву.

Проехав несколько дней в общем направлении на восток, грузовик с бойцами и командирами встретил военного регулировщика, который показал им двигаться прямо. Выехав на опушку леса, они увидели, что дорога идет по насыпи через заболоченную пойму реки и вся насыпь забита стоящими автомашинами. Мост был разрушен (название реки тоже установить не удалось, хотя не исключено, что это была Зельвянка), и старший колонны, полковник, руководил работами. Видимо, никакого саперного инвентаря у

них не было, ибо солдаты не восстанавливали переправу, а камнями, бревнами, фаши-

532

нами и землей просто перекрывали русло реки. Работали всю ночь, и к утру переход через реку был готов. Уже рассвело, и где-то вдали слышался рокот авиационных двигателей. Полковник громко скомандовал: "По машинам, заводить моторы, по сигналу зеленой ракетой начать движение". И вот здесь произошло то, что П. С. Коптяев запомнил на всю жизнь.

Головная машина тронулась с места и вдруг остановилась, застопорив движение всей колонны. Стоявший поблизости "лейтенант" выхватил пистолет и застрелил полковника. На него кинулись и обезоружили, а потом расстегнули на нем шинель: под ней оказался немецкий китель. По всей колонне началась стрельба, и тут налетели бомбардировщики. Все, кто мог, бросились врассыпную, в том числе и Коптяев с товарищами.

Машина 50-го полка стояла в самом хвосте, укрытая в кустарнике. Водитель сдал назад, в лес, потом вывернул направо, и через 3-4 километра они выехали к исправному понтонному мосту, где не было затора и стоял еще один полковник с автоматом, который, как оказалось, ждал здесь ту самую, только что уничтоженную на насыпи автоколонну (вероятно, регулировщик тоже был "липовый" и сознательно направлял машины к разрушенной переправе, когда неподалеку имелась целая).

Потом они двигались на Слоним уже в другой колонне. но снова отстали из-за того, что заглох двигатель (в эти дни заливали в бак все, что придется - когда спирт, а когда и керосин).

Когда подъехали к Слониму, навстречу им несли ЗИС-5, а на шоссе за ним рвались мины. Свернули на проселок и поехали в сторону Барановичей, но в какой-то деревушке заклинило двигатель. Бросив машину, разбились на группы и пошли пешком... В лагере военнопленных под Минском П. С. Коптяев встретил многих своих сослуживцев из 25-й дивизии [76, письмо личной переписки].

И. И. Кузнецов служил водителем грузовика в 25-м автотранспортном батальоне 25-й танковой дивизии. Его фронтовая судьба сложилась более счастливо, чем у П. С. Коптяева, но и ему при отступлении пришлось пройти через похожие испытания. Его письмо содержит конкретные даты и названия населенных пунктов, что весьма ценно.

"Первый и второй ень мы держали оборону, а к вечеру на второй день мы стали тступать. Мы проехали всю ночь, на третий день войны на восходе солнца мы были в Волковыске. В городе была паника.

533

С нами эвакуировались офицерские жены и дети. Но мы далеко не ушли. Километров через 7-10 на пути у нас была протока, мосты были разбиты. Технику переносили буквально на себе, и тут налетели на нас гитлеровские стервятники и окончательно разбили нас".

Оставшиеся в живых собрались в группу и пошли на восток. К вечеру им встретилась колонна автомашин и другой техники. Ночь двигались вместе, а к утру кончилось горючее. Взять его было негде. "Один майор предложил пробираться лесами в сторону Новогрудка. Но впереди, на опушках леса, на просеках, были гитлеровские десанты. Мы пробивались сквозь десанты, уничтожали гитлеровцев".

Кузнецов писал, что в группе были случаи дезертирства, но немного. Рассеяв один заслон, отряд прошел дальше на восток, и примерно через 3 км сбежал один боец. "На просеке нас обстрелял десант. Мы разделились на две группы. Нас было примерно человек 50. Наша группа пошла в обход. Зашли с тыла, окружили его и уничтожили. Когда собрались мы все вместе, на нас набрел наш солдат, который убежал от нас. Он был в гражданской одежде. Наши солдаты узнали его, доложили майору". Майор приказал не стрелять, чтобы не поднимать шума, а заколоть дезертира штыком; приказ был выполнен.

Вечером 26 июня отряд вышел к Новогрудку. Город был уже сильно разрушен, магазины, ларьки, склады - все было раскрыто и разграблено.

Солдаты разбрелись по магазинам в поисках продовольствия и курева, и в это время начался авианалет. Из переулка на центральную улицу выехали две полуторки. На углу, на повороте, из задней автомашины выскочил шофер, догнал переднюю машину, на ходу запрыгнул в кузов и уехал. И. И. Кузнецов начал осматривать брошенный грузовик, который был вроде бы в полном порядке. В это время от храма на холме к нему подбежал офицер, капитан или майор.

"Я осматривал полуторку. Он у меня спросил: "Ты шофер?", я сказал: "Да". Он мне приказал или просто попросил: "Поедем, заберем раненых". Мы погрузили раненых и поехали в сторону Минска. Выехали за Новогрудок. Нас остановила одна молодая пара. Сказали, что мы на Минские проедем, по дороге высажен немецкий десант. В это время из молодого ельника вышел молодой лейтенант, с ним было человек 10 солдат. Они с майором потребовали у них документы. Когда обыскали их, обнаружили у них оружие. Они оказались гитлеровскими ла-

534

зутчиками. Их тут же, на месте, расстреляли".

Дорога оказалась свободной. Много еще испытаний пережил шофер. Где-то под Минском какой-то "Иван Сусанин", показывая прямую дорогу, завел их в лес так, что солдаты на себе разворачивали полуторку. "Проводника" обыскали и тоже нашли компромат. Военврач 3 ранга из пистолета расстрелял его в упор.

"С ранеными мы выехали в Могилев. В Могилеве их определили в госпиталь. Майор остался при каком-то штабе, а меня - на формировочный пункт. Отсюда, от Днепра, началась моя нормальная фронтовая жизнь" [76, письмо].

9.4. Действия частей 10-й армии

Стрелковые части 10-й армии в течение дня разрозненно и без особого сильного воздействия наземного противника с запада отходили с рубежа рек Бебжа и Нарев на рубеж Сокулка - Валилы - Юшков Груд. 87-я пехотная дивизия 42-го армейского корпуса заняла крепость Осовец. Отдел разведки и контрразведки штаба 9-й армии в вечернем донесении, по состоянию на 18:10, докладывал: "10 км южнее Осовец отбита контратака противника при поддержке артиллерии. Большие потери противника. Пленных мало. Осовец очищен от противника" [76, справка из ИВИ МО РФ со ссылкой на ЦАМО. ф. 500, оп. 12454, д. 134, л. 57].

Трудно сказать, что в действительности скрывается за этим коротким сообщением. "Южнее Осовец" слишком расплывчато. Крепость Осовец в отличие от более старых крепостей не имела цитадели и состояла из системы фортов и других сооружений. Так что "южнее" (если считать от Укрепления 1 (Центральный форт) находится много чего разного: Укрепление III (Шведский форт), Укрепление 1У (Новый форт), Ломжинский редут, Лысая гора и Собачьи бугры.

Но зато есть воспоминания командира 200-го СП, которые кое-что объясняют. Г. Д. Маврин рассказывал, что утром 26 июня к его НП подъехала автомашина ГАЗ-ММ со счетверенной ЗПУ в кузове - в полк прибыл и. о. комдива полковник К. П. Дюков. Маврин доложил, что все атаки частей сосредоточившейся за рекой дивизии противника отбиты совместными действиями пехоты и 164-го ЛАП, потери противника значительны, особенно за последние два дня. Не дос-

535

лушав конца доклада, Дюков приказал полку немедленно начать отход в общем направлении Волковыск - Зельва - Слоним. По его словам, Белосток был взят немцами (по моим данным, это произошло не ранее 27 июня), корпус находится в полуокружении, остальные части дивизии уже ушли. Приказав Г. Д. Маврину известить комполка-164 Радзивилла, он уехал.

Оставив рубеж на Бобре, полк побатальонно начал отходить в сторону Супрасли. Майор Маврин намеревался, оставив Кнышин в стороне, перелесками вывести свою часть в Супрасельскую пущу. На марше от неоднократных атак авиации стрелковый полк понес значительные потери в людях, а 164-й артполк потерял до трех четвертей оставшихся лошадей и упряжек - тащить орудия стало нечем. По пути следования неоднократно сталкивались с немецкой пехотой на автомашинах и мотоциклах, при невозможности уклониться втягивались в боестолкновения.

Вполне возможно, что, обнаружив отсутствие активных действий со стороны советских войск на острие выступа, а затем установив отвод на восток их тыловых и некоторых боевых частей, немецкое командование отдало своим подразделениям приказ прекратить сковывающие лобовые атаки на части 1-го стрелкового корпуса, а по возможности стараться обойти их. Зато его авиация действовала непрерывно, громя и кромсая отступающие колонны.

13-я стрелковая дивизия 5-го корпуса, находившаяся между 1-м корпусом и истекавшей кровью 86-й Краснознаменной дивизией, несколько дней простояла без боев на Нареве. В то время, когда оборона соседней дивизии подвергалась ожесточенным атакам и обстрелам и в конце концов была прорвана, части 13-й вели вялые перестрелки с даже не пытавшимся форсировать Нарев противником (причина столь странного решения командира 5-го СК А. В. Гарнова совершенно необъяснима).

В ночь на 26 июня она получила приказ об отходе в район Супрасельской пущи. На отходе части дивизии подверглись ожесточенным воздушным атакам, в результате чего соединение утратило целостность и фактически распалось.

В. Н. Логунов из 59-го батальона связи вспоминал:

"В последний раз я видел свой батальон во главе с капитаном Мирошником недалеко от Белостока. Тогда мы загружались в лесу

оставленными кем-то боеприпасами и должны были догнать своих товарищей,

536

ушедших вперед. Но когда мы, наконец, встретили их, нам закричали, чтобы мы побыстрее сворачивали в лес, так как здесь после бомбежки образовалась пробка из разбитых и сожженных машин. На подножку переднего грузовика вспрыгнул старший лейтенант Шпилев, начальник нашей школы связи, чтобы помочь нам объехать пробку лесом. Но тут впереди снова показались "юнгерсы" и, развернувшись, стали пикировать на уцелевшие машины. Мы не миновали общей участи. После той бомбежки я остался вдвоем с начальником интендантской службы батальона старшим лейтенантом Гайворонским" [76, копия].

С. А. Тимофеев из 48-го легкого артполка вспоминал:

"Дня три стояли на своем участке, немец на нас не пошел, а обошел нас стороной. Затем поступил приказ отступить, но мы были уже сзади. Пробивались с большими потерями в людях и орудиях. Под Белостоком от полка осталось человек 80, два орудия и зар[ядный] ящик. Поступил приказ выходить из окружения группами до пяти человек. В р. Нареве (если память не изменяет) вынул из последнего орудия замок и забросил. Через какие населенные пункты проходил, уже не помню. Под г. Дзержинском (около Минска) был взят в плен".

П. С. Приходько из того же полка:

"Дивизия снялась со своей позиции и вышла на шоссе Замбрув - Белосток. Неприятель как будто этого ждал и обрушился на нас, расстреливая на голом месте. В этом бою был убит командир нашего 48-го ЛАП, а я ранен" [76, письмо].

Поздним вечером 26 июня оставшиеся без матчасти подразделения 164-го артполка пересекли железную дорогу и вышли к шоссе Белосток-Гродно.

В. В. Свешников писал:

"Железная дорога была пуста, а шоссе, насколько хватало глаз, было забито нашей брошенной техникой и автомашинами, повозками, тягачами, орудиями. Шоссе пролегало через вековой лес, и свернуть с него было некуда, кругом столетние сосны стояли стеной..."

К северо-востоку от областного центра разведка 200-го СП на одной из лесных опушек Супрасельской пуши натолкнулась на колонну корпусного управления, которое к этому времени уже утратило связь с обеими своими дивизиями.

В этот день в штабе корпуса случилось ЧП: не выдержав напряжения, застрелился начальник связи полковник В. Ф. Баландин. Это была не первая потеря, за день до этого был убит начальник оперативного отдела майор Е. С. Ставров-

537

ский.

Генерал Ф. Д. Рубцов был рад встрече с военнослужащими 2-й СД, расспрашивал майора Маврина о дивизии, о полковнике Дюкове - когда в последний раз видел его. Внимательно выслушал доклад о боевых действиях, опечалился, узнав о разгроме арtpолка и потере всей матчасти.

Справка

В одном из последующих боев майор Г. Д. Маврин был тяжело ранен, в санитарной машине ему сделали срочную операцию по ампутации ноги. После возвращения из плена жил в Минске.

Как уже было сказано, 86-я стрелковая дивизия, в отличие от 13-й, с утра 22 июня была втянута в тяжелые бои: ей постоянно приходилось отражать ожесточенные атаки наземных войск вермахта и подвергаться мощным авианалетам. Оборона дивизии не выдержала, была прорвана в нескольких местах, и управление частями нарушилось.

Н. М. Николенко, ПНШ 330-го СП, так рассказывал об этом:

"На второй день боев мы заметили: пожар войны резко заходит нам с левого фланга, и в этот же день была потеряна связь с левым соседом и со штабом дивизии. На третий день... что пожар войны слева заходит нам в тыл, а с правого фланга противник беспрепятственно стал наносить мощные удары по нам. В такой обстановке командир полка полковник Ляшенко принял самостоятельное решение на отход. В ночь на 27 июня полк с приданными частями и подразделениями стал отходить на Белосток.

Утром 27 июня восточнее Белостока стали приводить себя в порядок и вели разведку в поисках штаба и других полков нашей дивизии, но поиски были безуспешными. Связь с ними была потеряна окончательно".

По пути к 330-му полку присоединилось несколько подразделений из остатков 13-й дивизии и более десятка танков из 25-й танковой дивизии.

В самом Белостоке в эти дни царил хаос. Паника, как часто бывает при спешной эвакуации, грабежи магазинов, беспорядочная стрельба, которую вел неизвестно кто, пожары, неизвестно кем зажигаемые.

Группа офицеров из 261-го стрелкового полка 2-й дивизии у ресторана "Европа" была обстреляна из автоматического оружия. В ответ на пальбу откуда-то вывернул танк КВ, давший по зданию, из которого велся огонь, несколько выстрелов из орудия.

Бывший командир 128-го противотанкового дивизиона Б. Х. Алимбаев вспоминал, что, когда колонна его части подошла к Белостоку, на западной ок-

538

раине города она была атакована немецкими солдатами (вроде бы десантниками) при поддержке 81-мм минометов. Огонь велся с обеих сторон шоссе из-за строений и изгородей. В ходе ожесточенного боя немцы отступили на северо-восток, в лес, оставив до 40 трупов и два разбитых миномета. Противотанкисты потеряли два орудия, тягач, автомашину и семь бойцов; более десяти человек получили ранения.

Между тем головные колонны тыловых частей 10-й армии, еще 22 июня начавших эвакуацию на восток, в этот день (и даже за день до этого) вышли к реке Зельвянке, но переправы на ей уже были захвачены немцами. Этого командование армии никак не ожидало, не ожидали и сами тыловики. Как выяснилось уже после войны из трофейных документов, немецкая 9-я МД из группы Гудериана, по-прежнему занимая район Слоним, Зельва, вошла в подчинение 4-й полевой армии вермахта со следующей задачей: прикрыть с тыла наступление 7-го моторизованного корпуса и не допустить прорыва 10-й армии на восток.

Продолжались, несмотря на прорванный фронт, тяжелые бои на левом фланге армии. Остатки 31-й танковой дивизии 3-го мехкорпуса, уже не имевшие матчасти, отдельными отрядами продолжали сдерживать противника в районе Беловежской пуши. Командир медсанбата доложил полковнику. А. Колиховичу, что в тылу появились немецкие танки. Как написал после войны в своих мемуарах полковник Кочетков, этому времени прежняя структура дивизии не существовала, полков не было, имелись группы вооруженных людей, каждая из которых по численности представляла собой нечто среднее между ротой и батальоном.

Левый фланг и центр 9-го армейского корпуса противника настолько уже углубились в территорию Белоруссии, что заняли населенный пункт Свислочь юго-западнее Волковыска.

Н. С. Степутенко писал:

"Спешно устремились на север: девочка нас [предупредила: выйти на] Пружаны невозможно. Немцы, немцы, немцы... везде. Изд. Каменюки один из старших офицеров направлял всех на г. Волковыск. Через Большое Попелево, д. Борки, Порозово достигли горящий, но без немцев г. Зельва. Волковыск гремел артиллерией и горел. Из Зельвы я был направлен на р. Неман, где в районе г. Мосты собирались остатки наших разбитых подразделений".

Соседняя

с частями 31-й ТД 49-я стрелковая дивизия 4-й армии после жестоких боев распалась и разделилась на четыре отряда, которые вне связи друг с другом отходили через Беловежскую пушу. Один отряд повел лично командир дивизии К. Ф. Васильев, второй - начальник штаба майор С. И. Гуров. Два других отряда возглавляли командиры 212-го и 222-го стрелковых полков майор Н. И. Коваленко и полковник И. М. Яшин.

9.5. За левым флангом. Действия войск 4-й армии

За левым флангом белостокской группировки части Гудериана и фон Клюге продолжали продвигаться на восток, тесня остатки частей 4-й армии и фронтовых резервов. Остатки 4-й, ведя арьергардные бои, отходили в направлении на Слуик. Возле расположения штаба 55-й дивизии и. о. командира подполковник Г. А. Тер-Гаспарян развернул сборный пункт, на котором стали собираться военнослужащие как из состава своей дивизии (в частности, 111-го стрелкового полка), так и дивизий 28-го стрелкового корпуса.

Около 8 часов утра после усиленной обработки переднего края частей 4-й армии танковые части 24-го моторизованного корпуса противника вновь прорвали оборону 55-й стрелковой дивизии и 14-го мехкорпуса на линии УРа и продвинулись в сторону Слуцка. Под удар попало управление 4-й армии, располагавшееся в Гулевичах. Севернее Гулевичей немцы ненадолго были задержаны противотанковым заслоном. Организация обороны Слуцка была возложена на управление 28-го стрелкового корпуса генерал-майора В. С. Полова, но к исходу дня штаб 28-го СК убыл для организации обороны на р. Птичь; оборона Слуцка была поручена остаткам 14-го мехкорпуса, но ничего существенного для организации обороны полковник И. В. Тугаринов собрать не смог.

Вечером противником было предпринято несколько атак при массированной поддержке артиллерии и авиации. Мотострелки 3-й танковой дивизии при поддержке роты танков пытались прорваться в город вдоль железнодорожной насыпи, но были отбиты. После подхода 1-го батальона 6-го ТП последовала атака на широком фронте, так как местность была проходима по обе сто-

540

роны от шоссе. Танки обстреливали позиции советской артиллерии, затем открыла огонь подошедшая батарея 75-го артполка. Когда подоспел 1-й батальон 394-го мотополка, в ночь на 27 июня немцы отбросили сводный отряд 28-го корпуса и ворвались в северную часть Слуцка, но были остановлены на р. Случь - советские войска взорвали мост у д. Весёя и огнем артиллерии не подпускали вражеских саперов. Разведывательные группы расползлись вверх и вниз по течению в поисках бродов, при этом советский снайпер застрелил лейтенанта фон Кикбуша из 1-го батальона 6-го ТП. 1-й батальон 394-го МП под командованием майора Кратценберга занимался зачисткой горящего Слуцка.

Севернее прорыва 24-го корпуса, в районе шоссе Брест – Барановичи - Минск, продолжали сражаться сильно обескровленные дивизии 47-го корпуса, не имевшие единого управления, так как штаб корпуса прибыть в район боев не успел и находился в Бобруйске. Днем 26 июня части 143-й дивизии были переброшены к железнодорожной магистрали Белосток - Барановичи и заняли оборону западнее 5 км Барановичей. Под сильным воздействием авиации и танков противника они снова понесли значительные потери и были вынуждены вечером 26 июня отойти в направлении г. Несвиж. Смертью храбрых погиб командир дивизии генерал-майор Д. П. Сафонов, командование принял на себя начальник штаба полковник Передехов. Потери, нанесенные противнику, оценивались следующим образом: убито и ранено до 650 солдат и офицеров, уничтожено пять орудий, подбито восемь танков, уничтожен броневик и три автомашины.

Около 17 часов вечера у деревни Новая Мышь, что на западной окраине Барановичей, 297-й легкий артполк 121-й дивизии был атакован танками противника при поддержке пехоты. Бой, во время которого больше половины личного состава было убито и ранено, длился до наступления темноты, но прорваться немцам не удалось. На рассвете красноармейцы подошли к подбитым немецким танкам, чтобы снять с них пулеметы. В тех машинах, что были выведены из строя, но не сгорели, обнаружили значительное количество шоколада, который использовали по назначению.

Кроме трех дивизий 47-го корпуса для сдерживания противника, действующего на барановичском направлении, ко-

541

мандованием 4-й армии были использованы части формируемого 17-го механизированного корпуса, который не был отведен в тыл для доукомплектования. Однако остановить неприятеля все равно не удалось, а корпус фактически прекратил существование. Л. М. Сандалов написал, что генерал-майор И. Н. Хабаров, осуществлявший общее руководство действиями частей в районе Барановичей, был убит, однако его фамилия "всплыла" в ходе Берлинской операции (19 апреля 1945 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта).

9.6. За правым флангом. Форсирование противником. Западной Двины, взятие Двинска. Выход частей 11-й армии из окружения

К северу и северо-западу от Минска (не только в полосе Западного фронта, но и, если брать шире, за его правым флангом) события развивались следующими образом.

Покинув в ночь с 25 на 26 июня район Паневежиса, колонна автомашин управления Северо-Западного фронта между 6 и 7 часами утра достигла

Двинска и переправилась на северный берег Западной Двины. Буквально сразу вслед за ними к Двинску подошел авангард 8-й танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса генерала Манштейна. Впереди танкистов на четырех грузовиках советского производства ехали диверсанты 8-й роты спецполка "Бранденбург-800", которым отводилась главная роль в захвате шоссе и железнодорожного мостов; главной целью был шоссе-дорожный мост. Большинство диверсантов являлось белоэмигрантами или этническими немцами российского происхождения (т. н. "фольксдойче"), следовательно, все свободно владели русским языком.

Рано утром большая группа "бранденбургеров", переодетых в красноармейскую форму, сконцентрировалась в районе Гривы. Часть их на лодках переправилась из пригорода Юдовка на южном берегу в район Гаек на северном, чтобы атаковать охрану мостов с тыла. Едва штаб Ф. И. Кузнецова покинул Двинск, как за его спиной у мостов началась стрельба. Командир шедшего в арьергарде батальона охраны штаба фронта развернул своих людей из походной колонны в боевой поря-

542

док; с двумя бронемашинами он имел реальные шансы свести на нет все усилия диверсантов. Но командующий фронтом тоже услышал стрельбу на мостах и отправил назад своего адъютанта. Батальон вместе со штабом ушел на Резекне, а охрана мостов осталась без поддержки.

В завязавшейся перестрелке с охраной дорожного моста командовавший диверсантами офицер и несколько его подчиненных были убиты или ранены, фельдфебель Крукеберг в ходе схватки перерубил провода, идущие к заложенным зарядам. Мост был захвачен неповрежденным, а почти все его защитники погибли. Железнодорожный мост был подорван, но полученные повреждения оказались незначительными. На мосту командир роты лейтенант В. Кнак и еще пять солдат были убиты попаданием в их грузовик снаряда, выпущенного из танка неустановленной принадлежности (Фаулер У. План "Барбаросса" - блицкриг

на Востоке. 7 первых дней операции. - М.: Эксмо, 2007. С. 101 - 102). В город рванулась вражеская пехота и танки.

Начальник штаба Белорусского погранокруга - война застала его в Литве - полковник С. А. Сухарев при переговорах из Полоцка с начальником 3-го отдела 1-го управления ГУ погранвойск полковником П. Ф. Угловским сообщал следующее:

"Угловский: Прошу дать сводку об обстановке, особенно положении в Двинске.

Сухарев: Средствами наблюдения [в] направлении Двинск веду непрерывно. Мой командир связи старший лейтенант Озаров, находясь 26.6 на КП Морозова, наблюдал завязку боя в Двинске. Ко мне влились 9 красноармейцев 1-й роты 83 жд полка, охранявшие [в] Двинске 2 моста. Красноармеец Храброе Сергей, призыва 1939 г., лично охранял шоссейный мост и наблюдал, как по нему из тыла переодетые в форму РККА [диверсанты] бросали гранаты, стреляли из винтовок, а после через мост пошли 3 танка с группами пехоты за ними" [76, копия]."

После форсирования Двины в городе завязались ожесточенные уличные бои, в ходе которых пострадали многие здания в центральных кварталах. Действия неприятельской мотопехоты поддерживали танки и авиация. Отстреливаясь из винтовок, пулеметов и единственной противотанковой пушки, красноармейцы были оттеснены на северо-восточную окраину Двинска и закрепились у озера Губище: в районе скотобойни, еврейского

543

кладбища и водокачки. К 09:40 город был полностью захвачен. К исходу дня немцами в районе Двинска было якобы подбито 20 советских танков, 20 полевых и 17 противотанковых орудий. Поскольку 21-й мехкорпус Д. Д. Лелюшенко еще находился на марше, танки могли принадлежать только 3-му механизированному корпусу, скорее всего, 2-й танковой дивизии.

Таким образом, взяв Двинск, Манштейн фактически упредил в развертывании на рубеже Западной Двины соединения 2-го стратегического эшелона: 21-й мехкорпус 27-й армии и 51-й стрелковый корпус 22-й армии (командир корпуса - генерал-майор А. М. Марков).

Утром 26 июня авиация противника вновь нанесла ряд ударов по находившимся на марше колоннам 21-го мехкорпуса. Было уничтожено и повреждено значительное количество транспортных машин и средств тяги артиллерии, в результате чего часть артиллерийских дивизионов пришлось перевозить челночными рейсами.

После полудня 46-я танковая дивизия подошла к г. Резекне. Юго-западнее Резекне отряд 92-го танкового полка открыл артогонь по движущейся по параллельно проходящей дороге мехколонне противника, но сразу же был атакован авиацией. Когда налет закончился, выяснилось, что вражеский передовой отряд уклонился от боя и проследовал дальше на северо-восток. Потери удручали: около сорока убитых, более двадцати раненых, вышла из строя часть танков (Семенов НС. Время не властно. - М.: 1988. С. 24).

Получив информацию о событиях в Двинске, командование Северо-Западного фронта предприняло попытку отбить город силами отходивших бойцов и переброшенных на этот участок резервных частей. Для стабилизации обстановки командующий фронтом направил в район Двинска своего помощника по ВУЗам генерал-лейтенанта С. Д. Акимова и начальника артиллерии генерал-майора артиллерии П. М. Белова; днем они прибыли в район боевых действий. Благодаря их умелому руководству удалось организовать несколько контратак и приостановить расширение вражеского плацдарма на берегу Двины. Попытка разбомбить мосты, предпринятая экипажами 31-го скоростного бомбардировочного полка 6-й смешанной дивизии (уже 22 июня он был подчинен команди-

ру 7-й САД), окончилась неудачей, было потеряно 4 машины: старшего политрука А. Н. Чижикова, младшего лейтенанта В. М. Бычкова, капитана Б. А. Березина и старшего лейтенанта М. В. Яковлева.

В сумерках С. Д. Акимов провел рекогносцировку переднего края в районе Новое Строение. На обратном пути его бронемашина была обстреляна, но все обошлось благополучно.

Вечером, по состоянию на 22:35, командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-полковник Ф. И. Кузнецов доложил наркому обороны С. К. Тимошенко:

"Двинск заняли танки противника. Потребовал восстановить положение". Нарком приказал любой ценой вернуть город и ликвидировать вражеский плацдарм на северном берегу Западной Двины. Однако все попытки вернуть назад и удержать Двинск, предпринятые силами 9-й и 20-й бригад 5-го воздушно-десантного корпуса (командир - генерал-майор И. С. Безуглый), окончились безрезультатно. Лишь вечером 26 июня советским войскам удалось на короткое время выбить противника из города, но этим все и ограничилось.

Утром 27 июня С. Д. Акимов направил в штаб фронта боевое донесение. В нем он сообщал, что лишь отдельным взводам и отделениям удалось проникнуть в город с северной и северо-восточной окраин, но контратаками подошедших резервов с массированным применением автоматического оружия и артиллерии они были отброшены. Противник применял крупнокалиберные пулеметы, использовал танки как неподвижные огневые точки; стрельба велась из окон домов, с чердаков и деревьев. Основной причиной неудачи Акимов назвал полное отсутствие с нашей стороны танков и слабую поддержку артиллерии (имелось всего 6 орудий).

10-я воздушно-десантная бригада полковника С. С. Гурьева вообще в этих боях не участвовала, ибо война застала ее в отрыве от своего соединения. Есть очень скупое упоминание о том, что война застала ее в районе Паневежиса, где, как известно, должно было быть развернуто полевое

управление Северо-Западного фронта. Первое официальное упоминание о ней (т. н. "группа Гурьева") встречается только в боевом приказе штаба 27-й армии № 017 от 1 июля:

"Группе Гурьева прикрыть рубеж оз. Лубана, Виланы, Приже-
545

во, прочно обеспечивая связь с группой Акимова и ведя глубокую разведку в сторону до р. Зап. Двина" (СБД № 34, с. 261).

В течение дня 26 июня 23-я СД 11-й армии продолжала удерживать Кармелаву и ряд населенных пунктов вблизи шоссе Каунас-Ионава. Немцам удалось отсечь и окружить 117-й полк, 89-й и 225-й СП отошли на новый рубеж. В командование дивизией вместо погибшего В. Ф. Павлова вступил комендант 44-го Шяуляйского укрепленного района генерал-майор С. Г. Горячев.

Силами 33-й стрелковой и 84-й моторизованной дивизий была предпринята попытка выбить части противника из Ионавы. В 06:30, после непродолжительной огневой подготовки, 41-й моторизованный полк перешел в наступление на Ионаву без поддержки танков. Стрелковые цепи, едва поднявшись, попали под губительный артиллерийский огонь противника, понесли большие потери и залегли. Командир полка Ивановский растерялся и трижды пытался поднять людей в атаку, вместо того чтобы отвести их на исходные и организовать наступление заново. Прибывший начальник штаба дивизии полковник М. С. Терешенко приказал прекратить атаки ввиду их бессмысленности; он сообщил, что противник вновь обошел дивизию и полку грозит окружение.

46-й танковый полк при атаках на Ионаву был придан 33-й стрелковой дивизии. Первую атаку возглавил лично командир полка полковник П. Н. Есин. Ему первому удалось прорваться на своем танке к мосту через Вилию, однако танки попали под сильный противотанковый огонь противника и вынуждены были отойти на исходный рубеж. Вторая атака, возглавляемая

начальником штаба подполковником А. В. Зазимко, также окончилась неудачей.

Отказавшись от попыток уйти за Вилию через Ионаву, советские части начали искать другие переправы через реку. У одной из них, где переправлялся 41-й полк, скопились сотни автомашин и десятки орудий; большая часть их была брошена на западном берегу.

В связи с создавшейся обстановкой командующим 11-й армией было приказано: 126-й СД отойти на рубеж Эдвардова, м. Жосли; войти в связь с соседом справа; на фронте между озером Жосли и рекой Вилия иметь сильный отряд для прикрытия фланга. В 20 часов штаб 16-го СК издал боевое распоряжение, в котором 23-й дивизии во исполнение указания ко-

546

мандарма-11 надлежало по кратчайшему маршруту отойти к переправам через Вилию у Гегужан; там будет вручен дополнительный приказ. Однако до окруженной 23-й оно не дошло, дивизия самостоятельно вырвалась из окружения и 28 июня присоединилась к армии, занимавшей в то время рубеж Тауранай, Свенияны. В конце июня 11-я армия вышла к Западной Двине, на восточном берегу которой находились части 27-й армии; как выяснилось, в штабе фронта считали 11-ю армию полностью разгромленной, а ее управление - плененным.

Как я уже писал, 11-я армия после обхода ее с обоих флангов попала в оперативное окружение, но, судя по действиям войск 4-й танковой группы ГА "Север", моторизованные корпуса которой наступали по расходящимся направлениям, они не ставили своей целью образование вокруг нее такого же плотного кольца, как вокруг войск РККА, окружаемых в Белоруссии. Управление армии сохранило работоспособность и средства связи, организованно выходило из окружения и выводило свои соединения, тем более что за левым флангом, где зияла брешь между фронтами, германских войск вообще не было. Однако при наличии радиосвязи между ее штабом и штабом фронта никакой информации о ней не имелось.

Командарм В. И. Морозов направил в штаб фронта ряд радиограмм, в которых в предельно резкой форме упрекал их за неоказание помощи окруженным частям. Генерал Ф. И. Кузнецов счел радиограммы провокацией и решил, что управление 11-й армии взято в плен. Зам. начальника связи фронта военинженер 1 ранга Н. П. Захаров организовал связь с 11-й в микрофонном режиме на тропосферной станции РАТ. Корпусной комиссар П. А. Диброва передал в эфир позывные, открыто назвал себя и попросил пригласить ЧВС армии бригадного комиссара И. В. Зуева, надеясь в разговоре с ним по косвенным признакам определить: в плену штаб или нет. Но 11-я замолчала и не отзывалась уже и при работе ключом на основной и резервной частотах. Позже, когда штаб армии благополучно вышел из окружения, ее начальник связи подполковник Медников рассказал, что они сами после выхода П. А. Дибровы в эфир решили: в плен попало командование фронта.

547

Вследствие этого недоразумения командарм В. И. Морозов, как только предоставилась возможность, вышел на связь не со своим прямым руководством, а с Генеральным штабом. Г. К. Жуков же, в свою очередь, проинформировал штаб фронта:

"В районе станции Довгалишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия, отходящая из района Каунас... Ставка Главного Командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод этой армии из района Свенцяны в район севернее Диены".

Армия выполнила приказ и вышла из окружения в указанный район, но 1 июля во время разведки в районе Диены пропали без вести начальник ПВО полковник Г. А. Константинов и начальник химической службы полковник И. Я. Эленбергер.

Из донесения командующего войсками фронта на 20:35 26 июня:

"11-я армия - штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленены или погибли. Немцы захватили шифрдокументы. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск. Много брошено оружия. 11-я армия не является организованным боеспособным соединением. На вильнюсском направлении необходимо развертывание новой армейской группировки немедленно. За счет пополнения, видимо, погибших дивизий, прошу разрешить формирование новых четырех стрелковых дивизий".

К 26 июня остатки 29-го стрелкового корпуса 11-й армии уже вошли на территорию Белоруссии и продолжали отходить в северо-восточном направлении. На большом привале в лесу в районе Постава 618-й ЛАП 179-й дивизии подвергся нападению отряда шаулистов (литовских фашистов) и разгромил его, убив 10 нападавших.

Заполнить хотя бы частично образовавшийся на левом фланге вакуум командование фронта намеревалось частями 27-й армии. В 17:20 командарм-27 Н. Э. Берзарин и ЧВС армии дивизионный комиссар П. К. Батраков подписали боевое распоряжение командиру 183-й латышской стрелковой дивизии полковнику П. Н. Тупикову (его копия направлялась также командиру 24-го стрелкового корпуса) следующего содержания:

"Дивизии выступить в район Огре в 22. 00 26. 6.41 г. двумя колоннами: правая - Одажи, мз. Берди, Огре; левая - мз. Ропажи, Кангариши, ст. Тегумс. Организовать оборону по север-

548

ному берегу р. Зап. Двина в полосе ст. Румбула, Скривери. Готовность обороны к 10.00 27.6.41 г."

Но, увы, эти меры были уже запоздалыми, к тому же 181-я и 183-я дивизии 24-го ТСК были весьма слабы в военном и, что самое главное, в идеологическом отношении. Достаточно сказать, что в ходе предвоенной "чистки" корпуса были арестованы и впоследствии расстреляны его командир генерал-лейтенант Р. Ю. Клявиньш, начальник штаба генерал-

майор О. Я. Удентиныйш, комдив-181 генерал-майор Я. П. Лиепиныи, комдив-183 генерал-майор А. Н. Крустыныи.

Утверждать, что латышский корпус постигла судьба литовского, с уверенностью не могу, мало данных. Но вот в донесении штаба 12-го механизированного корпуса о боевых действиях в период с 22 июня по 1 августа 1941 г. мне встретилась одна любопытная запись, которая, хоть и косвенно, может быть подтверждением измены одной из дивизий 24-го ТСК. Запись от 2 июля:

"В 23 часа 50 минут штабом корпуса был отдан боевой приказ за № 04, в котором ставились задачи: 23-й танковой дивизии с мотострелковым полком и дивизионом 23-й танковой дивизии к 3.00 3.7.41 г. выйти на рубеж оз. Катите, Куса, Паткулэ. С 8 часов совместно со 181-й стрелковой дивизией перейти в контратаку и, уничтожив части противника в Мадона, овладеть переправами Лыеградэ... 181-й стрелковой дивизии с 8 часов во взаимодействии с 23-й танковой дивизией уничтожить переправившиеся части противника и овладеть переправами Лыеградэ. Резерв - танки 26-й танковой дивизии - с 4.00 3.7.41 г. в районе мз. Лыэзере. Командный пункт штаба корпуса - с 5 часов мз. Лыэзере".

Все вроде бы нормально. И вдруг вот такая запись:

"Посланный в 181-ю стрелковую дивизию делегат связи установил, что таковая расформирована" (СБД № 33, с. 56).

Обтекаемую формулировку "расформирована" можно истолковать только как прекратила существование ввиду массового дезертирства национального личного состава. И это практически единственная запись; дальше можно не искать. Из открытых источников известны лишь фамилии командира и заместителя по политчасти (полковник П. В. Борисов и полковой комиссар Э. А. Бирзит).

9.7. За правым флангом. Действия 21-го стрелкового корпуса

Как доложил по возвращении в штаб 13-й армии оператор капитан Гречихин, утром 26 июня 21-й стрелковый корпус перешел в наступление всеми дивизиями и, уничтожая мелкие танковые и моторизованные подразделения вермахта, к 13 часам продвинулся в северо-западном направлении. 24-я дивизия заняла рубеж Трабы (иск.), высота отметка 167.6, Можили. Перед фронтом дивизии действовали части 19-й ТД противника и какой-то его танковый полк. Особенно тяжелые бои шли на направлении Трабы, Вишнево.

После полудня от плененного мотоциклиста стало известно, что колонна танков 19-й немецкой дивизии остановилась на марше из-за отсутствия горючего, подвоз его ожидался только к вечеру. В 14 часов артиллерия 24-й СД начала обстрел остановившейся колонны, завязался ожесточенный бой на рубеже Трабы, Субботники. Со слов неустановленного очевидца (возможно, корреспондента "Красной Звезды" старшего политрука А. Полякова, который находился в дивизии), противник понес большие потери в танках. Также по инициативе командира дивизии были созданы подвижные противотанковые группы для локализации незначительных прорывов мехвойск противника.

37-я дивизия достигла рубежа Говдовичи, Папашаны, Дайново, Ясвилы 2-е. Перед фронтом дивизии находились мелкие группы танков противника, которые отходили в северном направлении. 17-я дивизия вышла на рубеж Ясвилы, Соколы, Петковщина, Мнихи, Пиркуны, Евсеевичи, имея 55-й СП подполковника Г. Г. Скрипки в резерве. В связи с неясностью обстановки (отсутствовала связь со штабом 13-й армии и какими бы то ни было соседями слева и справа) дальнейшее наступление корпуса было приостановлено по решению генерала В. Б. Борисова.

Войска перешли к обороне, но теперь уже сами немцы возобновили наступление и начали теснить советские части к Лиде. У деревни Трокели погиб замполит 245-го гаубичного полка В. Г. Завьялов.

Р. Р. Черношей вспоминал:

"26 июня со стороны лесного массива к станции подошли 14 вражеских танков. Вот здесь и представилась возможность заявить о себе гаубицам и бойцам полка. Сражение было жестоким, но длилось недолго, минут десять. 7 тан-

550

Потерянная на маршруте матчасть 6-го мехкорпуса

ков остановились и задымили на поле боя, остальные повернули назад и скрылись. Второй дивизион полка занимал оборону и вел упорные бои с противником по дороге Лида - Дворище - Трокели. Там боевыми действиями руководил полковой комиссар В. Завьялов, который и погиб тогда на боевой посту. В те трудные июньские дни не стало и комиссара дивизии Н. Пятакова" [76, копия].

Правее 245-го ГАП на рубеже Лида - Вороново - Беняконе сражались 68-й отдельный разведбатальон и 170-й легкий артполк. Особенно кровопролитные бои выпали на долю этих частей вблизи станции Бенякони.

А. А. Маринович писал, что бронепоезд № 44 также принимал участие в боях за Лиду, поддерживая, как он запомнил, 126-ю стрелковую дивизию. Из описанных выше событий на Северо-Западном фронте видно, что 126-я никак не могла оказаться в районе Лиды, она не потеряла целостность, так что речь не могла идти даже об остаточных группах. Возможно. БЕПО был придан полку (или остаткам полка) 128-й дивизии, разгромленной 22 июня на левобережье Немана.

По словам Мариновича, немцы с ходу захватили ж.-д. станцию Лида, на которой было много эшелонов с военной техникой и

551

Опрокинутый БТ 6-го мехкорпуса

боеприпасами. Последовал приказ командования: отбить станцию назад и вывести оттуда составы. Вечером 26 июня бронепоезд с десантом ворвался в город; немцы не ожидали контратаки и вынуждены были отступить. Под прикрытием огня бронепоезда со станции в сторону Молодечно и Барановичей уходили эшелон за эшелонами, только вот удалось ли им

552

проследовать с этих станций дальше на восток, остается тайной. Как известно, уже в этот день противник взял Молодечно (в Лиде, скорее всего, этого не знали), Барановичи были захвачены на следующий день. А танки Т-34 и КВ-2, выгруженные на станции Лида, через несколько дней в полной исправности вновь достались противнику.

Так ничем закончилось ошибочное решение штаба Западного фронта, или, вернее, лично Д. Г. Павлова, привлечь три боеспособных резервных дивизии для участия в непонятном контрударе (17-я СД вообще планировалась для поддержки группы И. В. Боддина). Мало того, что 6-й мехкорпус не сумел даже достичь Гродно, не говоря уже о том, чтобы выйти на правый берег Немана. Разновременный ввод в бой частей не успевшего сосредоточиться, лишённого боеприпасов, продовольствия, горючего, тылов и части артиллерии 21-го стрелкового корпуса (два корпусных и один дивизионный артполки так и остались в местах постоянной дислокации) при отсутствии фланговой поддержки и данных о противостоящем противнике на общем катастрофическом фоне развития событий в полосе фронта не мог закончиться успехом.

9.8. Прорыв противника к Молодечно. Действия 50-й стрелковой дивизии. Выход 39-го моторизованного корпуса противника к Минскому укрепленному району

26 июня танки 20-й дивизии 39-го моторизованного корпуса противника ворвались в Молодечно. Одновременно к городу подошел 49-й стрелковый полк 50-й дивизии, для которого захват Молодечно был неприятным сюрпризом. Командир полка подполковник А. Т. Павлыго принял решение атаковать немцев, не дожидаясь подхода главных сил дивизии, и не дать им закрепиться в этом городе, который был перекрестком шоссеиных дорог и важной узловой железнодорожной станцией.

В первой половине дня силами 49-го полка и 6-го разведбатальона при огневой поддержке 202-го легкого артполка и дивизиона гаубичного полка противник был выбит из северной части Молодечно [45, с. 16]. Бои шли на улицах го-

553

рода, часто перерастали в рукопашные схватки. Бойцы из 49-го СП подбили 8 танков и сбили один самолет. Также в ЖДБ дивизии указано, что было подбито 6 транспортных самолетов противника, вероятно, на земле, а не в воздухе. Так как в Молодечно строился аэродром и формировались части тыла ВВС (управление 13-го РАБ с ротой связи и зенитной батареей, управление 33-й авиабазы с ротой связи и 146-й батальон аэродромного обслуживания), становится понятно, что воинам 50-й дивизии пришлось столкнуться не только с танкистами и мотопехотой, но и с десантниками противника. Наводчик орудия 202-го ЛАП красноармеец М. Ибрагимов один подбил 6 танков, за что впоследствии был награжден орденом Ленина.

Такое упорное сопротивление не входило в расчеты германского командования, так как их главной целью был Минск. Основные силы 20-й ТД уклонились от боя, обогнули Молодечно, ибо 50-я была единственной преградой на их пути, и, оставив ее авангард у себя в тылу, устремились к уже взятой 7-й дивизией Вилейке. Утром 25-й танковый полк 7-й танковой дивизии, действуя совместно с 7-м мотопехотным полком, захватил Радошковичи. Это означало, что группа Г. Гота одним из своих корпусов фактически вышла на рубеж Минского укрепленного района.

В 6 часов утра комендант Минского УРа полковник С. Ф. Ляльков сообщил командиру 44-го стрелкового корпуса комдиву В. А. Юшкевичу, что "со стороны Радошковичи на Заславль прорвались и продвигаются танки противника".

Юшкевич доложил обстановку "наверх", и там это произвело эффект разорвавшейся бомбы. В Москву от начальника штаба фронта В. Е. Климовских ушло паническое (с пометкой "Вне всякой очереди") сообщение:

"До 1000 танков обходят Минск с северо-запада, прошли укрепленный район у Козеково. Противодействовать нечем".

Безусловно, танков у Гота было значительно меньше тысячи. Но сам смысл сообщения ("противодействовать нечем") состоял в том, что все резервы исчерпаны, перебросить их неоткуда. Кроме непосредственной угрозы падения Минска реальным стал и выход противника к реке Березине в районе Борисова. Боеспособных войск там не было, и после ее форсирования у неприятеля открывался путь к Днепру в направлениях на Оршу - Смоленск и на Могилев.

К вечеру разведка 7-й ди-

554

визии подтвердила, что в советской обороне имеется обширный разрыв к северу от Минска. Командир 25-го танкового полка полковник Ротенбург отдал приказ о ночной атаке. 25-й ТП имеем с батальоном 6-го мотопехотного полка в полночь с 26 на 27 июня вышел к ж.-д. станции Смолевичи на автостраде Минск-Москва. Здесь ему удалось отбить атаки советских войск и дожидаться подхода основных сил своей дивизии.

В тот же день с юго-запада на подступы к Барановичам, Несвижу и Столбцам вышел 47-й корпус группы Гудериана. Части 21-го советского корпуса, 24-й дивизии и 8-й противотанковой бригады де-факто оказались в немецком тылу. Последняя, по идее, должна была прекратить существование как артиллерийское соединение, ибо из-за отсутствия средств тяги не имела возможности вывести матчасть артиллерии с занимаемых позиций. Видимо,

вскоре и произошло то, что в таких условиях не могло не произойти. Орудия были брошены (хорошо, если хоть сняли замки и панорамы), 8-я ОБр ПТО РГК перестала существовать. В последующие дни две батареи из состава бригады присоединились к 24-й стрелковой дивизии К. Н. Галицкого, сам комбриг полковник И. С. Стрельбицкий с личным составом продвигался в сторону Минска.

Продолжались отчаянные попытки приостановить продвижение ударных группировок противника с помощью бомбардировочной авиации. Наиболее напряженный бой 97-го ближнебомбардировочного полка произошел в полдень 26 июня, когда три девятки Су-2 с высоты около 300 м пытались разбомбить танковую колонну в районе Слонима. Не имея истребительного прикрытия, бомбардировщики активно оборонялись огнем бортового оружия. Их экипажи доложили об уничтожении пяти Ме-109, из которых два были на счету летчика старшего политрука Шаронова и еще один - штурмана его экипажа лейтенанта Засорина. Всего за 26 июня 97-й полк произвел 34 вылета, лишившись 14 Су-2: 10 было сбито в воздушных боях, два разбились и два были сданы в ремонт. Погибли 9 авиаторов, один получил ранение и 14 пропали без вести. По немецким данным, противником 97-го полка в районе Слонима являлись Ме-109Ф истребительной эскадры JG53. Действуя парами и четверками, они прикрывали движущиеся по шоссе танковые колонны, и, хотя несколько

555

истребителей получили повреждения, а машина командира майора фон Мальтиана совершила вынужденную посадку, безвозвратных потерь заявлено не было. Впрочем, если найденные впоследствии сбитые "мессеры" были по количеству исправных узлов и деталей записаны как "поврежденные", это означает лишь то, что мы снова имеем дело с недобросовестностью наших врагов в деле учета потерь.

Самим пилотам Люфтваффе в этот день повезло не слишком: большая часть "сушек" под Слонимом была сбита огнем зенитной артиллерии. В

целом ВВС фронта в ходе боевых действий потеряли 89 самолетов: 57 было сбито, 11 пропало без вести, 20 было уничтожено на аэродромах и один - при аварии. Две машины из пятнадцати, принимавших участие в вылетах, потерял 215-й штурмовой полк.

В течение всего дня 3-й авиакорпус наносил бомбовые удары по вражеским войскам в районе Радошковичей, Молодечно, Ошмян, Крево и Ракова, совершив 254 самолетовылета. В 42-й дивизии не вернулось три экипажа: в 96-м ДБАП - лейтенанта М. А. Донского, в 207-м - командиров эскадрилий капитанов А. С. Маслова и Н. Ф. Гастелло. Из-за неразберихи в воздухе, таран на шоссе, совершенный капитаном Масловым, был приписан Гастелло. В то же время в 20 км от Радошковичей, в д. Мерковичи и Мацки жители наблюдали, как горящий советский бомбардировщик пытался таранить скопление войск противника, но срезал верхушку дуба, упал в болото и взорвался; из падающей машины сумел выпрыгнуть один человек. Мерковичские мужики обнаружили на месте падения повисшего на стропах обгоревшего авиатора, недалеко от него лежало неотправленное письмо на имя М. К. Скоробогатой, жены люкового стрелка экипажа Н. Ф. Гастелло лейтенанта Г. Н. Скоробогатого. Осенью 1966 г. местные следопыты в ходе раскопок обнаружили бирку от двигателя упавшего самолета: марка М-87Б, зав. № 87844, изготовлен на заводе № 29 имени П. И. Баранова. (Огненный таран: факт или миф? Вечерний Минск, 1996, № 231-236). Тем не менее много лет спустя справедливость восторжествовала, капитан А. С. Маслов посмертно был удостоен звания Героя России.

И в этот же день на улицах белорусской столицы появились первые немецкие солдаты. Откуда они взялись, совер-

556

шенно непонятно. То ли это были десантники, то ли передовые разведгруппы из состава танковых частей.

Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, командовавший в те дни батальоном в 51-м ТП 26-й танковой дивизии 20-го мехкорпуса, вспоминал, как ему пришлось впервые столкнуться с немцами.

7 танков Т-26 (это был весь батальон) прошли район завода имени К. Е. Ворошилова, но противника не обнаружили. Разведчики доложили, что немцев видели у площади Свободы. У перекрестка улицы Ленина и узкого переулочка танкисты устроили засаду, и колонна немецких мотоциклистов вскоре попала в нее, была обстреляна и рассеяна. Уцелевшие разбежались по ближайшим подъездам, бросив около пятнадцати мотоциклов. Затем батальон продолжил движение к площади Свободы. Оценив на ходу обстановку, капитан Якубовский принял решение атаковать вражеское подразделение с нескольких направлений.

Он писал:

"Ничего, что у нас мало танков. Неожиданность удара ошеломит гитлеровцев. Приказываю командиру роты Ковалеву двумя боевыми машинами ворваться на площадь со стороны церкви. Два танка посылаю в обход противоположного квартала. Три Т-26 атакуют, перерезая сквер с центра площади" (Земля в огне. - М.: ВИ., 1975. С. 38-39).

Танковый удар, пусть даже малыми силами, оказался неотразим. Потеряв несколько десятков человек, германцы рассеялись и группами засели в окаймляющих площадь домах. Огонь из автоматов и пулеметов не причинял никакого ущерба танкам, но потребовалось еще около трех часов, прежде чем с ними было покончено.

Однако то, что произошло потом, было уже похоже на фарс. Вскоре один из жителей Минска сообщил разведчикам, что неподалеку от площади группа гитлеровцев захватила... ресторан. На здание нацелились танковые орудия и пулеметы, а сам комбат с группой бойцов, "прочесав" огнем вход, вихрем ворвался на второй этаж. Подпившие "арийцы" явно не ожидали их появления и были расстреляны в упор. У убитых нашли топографические карты хорошего качества, которые забрали себе. Но это был, конечно,

слишком маленький успех по сравнению с той страшной угрозой, которая неумолимо час за часом, километр за километром, ближе и ближе подступала к Минску, и не было реальной силы оста-

557

новить ее. Ни южнее - там, где сражались остатки частей 4-й армии, 17-го и 47-го корпусов, ни тем более севернее, где не существовало единого командования и кроме 50-й стрелковой дивизии, остатков 5-й танковой дивизии и подразделений железнодорожных войск НКВД никого не было.

После отхода из района Острошицкого Городка личный состав 84-го ЖДП НКВД занял оборону, используя для этого противотанковый ров Минского укрепрайона и подбитые автомашины. Бойцы связывали в связки ручные гранаты, заливали в бутылки керосин, набивали в ленты патроны, снаряженные пулями с бронебойными сердечниками.

В течение дня на шоссе в районе расположения полка стали появляться отдельные немецкие мотоциклисты, вероятно, разведка. Шестеро, из них два офицера, были уничтожены, сожгли также одну автомашину. Днем же на шоссе была задержана машина с двумя офицерами из штаба нашей 100-й дивизии, которые устанавливали связь со своими частями, занимавшими оборону севернее Минска. От них узнали, что дорога на Минск еще свободна, поэтому полковник Истомин направил на КП фронта помощника начальника 2-го отдела штадива капитана Киреева с просьбой о выделении хотя бы одной батареи противотанковых орудий. Капитан не вернулся, и тогда комдив поехал сам, предупредив комполка майора Пияшева, что, если через три часа он не вернется, сняться с позиции и отправиться на соединение с 3-й дивизией по охране ЖДС.

По дороге в 6-9 км от КП (уже бывшего, ибо штаб фронта перешел в Могилев) наткнулись на вражеские танки, были обстреляны, В. Н. Истомин был серьезно ранен. Однако вскоре он нашел управление своей дивизии, в которой находились его заместители подполковник Гладченко и полковой комиссар Ефимов.

9.9. Обстановка в районе г. Борисов. Завершение боевого пути 5-й танковой дивизии

В 6 часов утра на железнодорожную станцию Борисов из Москвы прибыл еще один пассажирский поезд с военнослужащими, которых война застала в отпусках. Отправившись

558

вечером 24 июня с Белорусского вокзала, он целых двое суток преодолевал это сравнительно небольшое расстояние. В одном вагоне приехали полковник танковых войск А. И. Лизюков и молодой, но уже известный, писатель и поэт Константин Симонов. Буквально перед самым отъездом Симонов получил в райкоме партии карточку кандидата в члены ВКП(б), а потому не мог рассчитывать на получение звания офицера политаппарата РККА и надел лишь знаки отличия интенданта 2 ранга, что равнялось батальонному комиссару, или майору. Его военные дневники, во многом легшие в основу романа "Живые и мертвые", начинают свое повествование именно от Борисова.

Остановка в Борисове оказалась конечной: на Минск поезда уже не ходили. Среди толп военных, наполнявших город, циркулировали слухи о том, что немцы уже обошли Минск и движутся к Березине. Или, что это всего лишь десант с танками, который перерезал дорогу на Минск.

Симонов писал:

"По дороге шли войска и машины. Одни в одну сторону, другие - в другую. Ничего нельзя было понять" [108, т. 1, с. 8].

Истратив два часа на поиски хоть какого-нибудь командования, писатель с попутчиком по вагону капитаном артиллерии вернулся в Борисов. Здесь уже многое изменилось. В комендатуре спешно готовились к обороне города, где-то была слышна канонада. Комендант сообщил, что нарком

обороны Тимошенко приказал оставить Борисов, уйти за Березину и сражаться на ее рубеже до последнего. Теперь уже никто не двигался на запад, все, что находилось в то время на шоссе Минск-Борисов (автомашины, орудия и толпы людей), направлялось только в одну сторону - на восток.

На насыпи у моста метался одинокий политрук с двумя наганами, который кричал, что становится здесь армией и застрелит любого, кто попробует отступить. Но люди равнодушно шли мимо него, не боясь ни угроз, ни его наганов. К. М. Симонов занес этот эпизод в свой блокнот, который позже лег на страницы романа и был оживлен в первых кадрах знаменитого фильма Александра Столпера.

Также на страницы романа и в кадры фильма был ставлен эпизод, когда при воздушном налете погиб батальонный комиссар-пограничник. Такой случай восточнее Березины действительно имел место, причем погибшим был зав.

559

отделом журнала "Пограничник", член Союза писателей СССР И. Е. Шаповалов.

Справка

В автобиографии Джорджа Оруэлла написано:

"Сейчас я не работаю над романом в основном из-за обстоятельств, связанных с войной. Но я обдумываю большой роман в трех частях, который будет называться либо "Лев и Единорог", либо "Живые и мертвые", и я надеюсь закончить первую часть, видимо, в 1941 году" ("1984" и эссе разных лет". М: 1989. С. 222). Похоже, что название своего лучшего романа Симонов самым непринужденным образом "позаимствовал" у англичанина.

26 июня к Борисову подошли остатки 5-й танковой дивизии, вновь предоставленные сами себе. 5-й ГАП в составе 5 орудий занял позицию на

западной окраине Борисова, на этом боевой путь многострадального соединения фактически закончился. По решению Военного совета Западного фронта остатки ее частей начали сосредотачиваться в районе Ельни Смоленской области, и к 29 июня вывод в тыл был закончен.

К 4 июля 5-я ТД насчитывала 2552 бойца и лиц комначсостава, из матчасти сохранились 361 колесная машина, 2 танка БТ-7 и 4 бронемшины. В Ельне же по распоряжению Военного совета из личного состава дивизии было сформировано 105 экипажей, которые отправились на заводы за получением новой матчасти. 6 июля был получен приказ о том, что части должны совершить марш от станции Ельня до станции Калуга, где приступить к формированию новой танковой дивизии в составе 14-го мехкорпуса, выведенного на переформирование после кровопролитных боев в составе 4-й армии (в результате боев под Брестом, Кобрином и Пружанами в корпусе была почти полностью уничтожена 22-я танковая дивизия, а остатки 205-й моторизованной дивизии и отдельного мотоциклетного полка ушли в Полесье).

Марш от Ельни до Калуги расстоянием 272 км был совершен организованно, и к указанному в приказе сроку (8 июля) части были сосредоточены в лесу юго-западнее г. Калуга. Располагались чуть ли не рядом с домом К. Э. Циолковского.

На 11 июля в районе сосредоточения насчитывалось: комначсостава - 200 человек, политсостава - 54 человека, техсостава - 95 человек, административно-хозяйственного состава - 45 человек, медиков - 26 чело-

560

век, военюристов - 2, младших командиров - 341 человек, рядовых бойцов - 1487. 11 июля дополнительно было сформировано 117 экипажей, которые убыли из дивизии на танковые заводы. Таким образом, 5-я дала новым танковым частям 222 экипажа.

А 18 июля полковнику Ф. Ф. Федорову был, увы, вручен приказ: лучшая в Красной Армии танковая дивизия расформировывалась. Основная

масса бойцов и младших командиров к этому времени уже была передана в другие части.

Часть личного состава 5-го МСП (вероятно, остатки батальона, который сражался за северный алитусский мост) находилась вместе с основными силами дивизии. Участь самого полка была командованию дивизии не известна, но ее удалось установить из более поздних, чем политдонесение Г. В. Ушакова, источников, о чем будет сказано ниже.

Судьба командира 5-й танковой дивизии полковника Ф. Ф. Федорова никак не освещена в военно-исторической литературе. Он словно исчез, растворился в адском водовороте войны. Я даже обращался в Центральный архив ФСБ, предполагая, что полковник мог быть репрессирован в числе тех, кто был тогда "назначен" виновниками поражения в приграничном сражении. Но ответ пришел отрицательный: не привлекался.

И снова мне на помощь пришел его величество СЛУЧАЙ. 31 марта 2002 г. в сети Интернет я случайно прочел короткое сообщение о том, что в ночь с 30-го на 31-е в Санкт-Петербурге скончался мой любимый писатель-маринист Виктор Конецкий. Я ответил автору сообщения, он - мне. Оказалось, что у нас есть и другие точки соприкосновения. Любовь к морю и военно-морскому флоту, архипелаг Новая Земля, где довелось побывать и мне и ему. Беседы шли обо всем: семье, политике, религии, истории. И как-то мой собеседник обмолвился, что дед его был КОМАНДИРОМ 5-й ТД. Меня как громом поразило. Искать столько лет и найти, но где!

25 января 1900 г. в Одессе, в семье супругов Федоровых, родился мальчик. В честь отца его окрестили Федором, вышло весьма удобно для запоминания - Федор Федорович Федоров. В великом и страшном 1918 году юный Федоров вступил в ряды Красной Армии. Служил бойцом в бригаде некоего Филиппова, затем - красноармейцем штаба 45-й бригады. В сен-

561

тябре 1924 г. был принят курсантом в школу механической тяги Ленинградского военного округа. И пошла-поехала по гарнизонам жизнь

командирская. Женился на девице Анне Ивановне Урусовой, представительнице знатного княжеского рода. Служил "ванькой"-взводным в 1-м автотобатальоне МВО, затем командовал ротой и преподавал тактику в военно-автомобильной школе. В 1927 г. вступил в партию, в 30-м родился сын, назвали Игорем. С марта 1933 г. - командир батальона Московской школы танковых техников. С февраля 1935 г. - командир танкового батальона 2-й Кавказской стрелковой дивизии, с февраля 1936 г. - командир 14-го механизированного полка 14-й кавалерийской дивизии. А потом...

18 июня 1936 г. радиостанция в г. Сеута послала в эфир кодовый сигнал "Над всей Испанией безоблачное небо" - в далекой стране на краю Европейского континента под руководством бригадного генерала Франсиско Франко вспыхнул военный мятеж, быстро затем переросший в гражданскую войну. Советский Союз откликнулся на призыв о помощи республиканского правительства. В Испанию пошли транспорты с танками, орудиями, самолетами; среди сотен добровольцев отправился туда в качестве консегерро (военного советника) и майор танковых войск Ф. Ф. Федоров. Барселона, Картахена, Мадрид, Альмерия, Лерида, Эбро...

После поражения республики через Пиренейские горы он нелегально пробрался во Францию, из полпредства СССР в Париже был переправлен на Родину. Затем находился под следствием по подозрению в сотрудничестве с белогвардейцами (кто-то бдительный "просек" - жена из "бывших", братья жены Алексей и Василий живут во Франции и т. д.). Но после двух недель ежедневного хождения на Лубянку с тягомотными расспросами об одном и том же ("не были ли вы..., не встречались ли вы..., не состояли ли вы...") дело Ф. Ф. Федорова неожиданно было прекращено, и он был направлен в распоряжение ГУК (главное управление кадров) Наркомата обороны для дальнейшего прохождения службы.

Подтверждений данного факта биографии Федорова в ЦАФСБ, РГВА (Росгосвоенархиве), архиве МИДа и фондах Коминтерна не обнаружено.

Личное дело Федорова, хранящееся в ЦАМО, недоступно. Но здесь есть одна зацепка. Никаких правительственных наград за Ис-

562

панию майор не получил, хотя мог рассчитывать как минимум на "Красное Знамя", после недолгого командования все тем же 14-м мехполком был уволен из рядов РККА в запас. Так обычно бывало с теми, кто считался "неблагонадежным", и после увольнения из армии вполне мог последовать арест.

Но через некоторое время он был восстановлен в кадрах и приказом по Киевскому военному округу № 309 от 07.10.1937 г. назначен начальником АБТС (автобронетанковой службы) 17-го стрелкового корпуса. 23 февраля 1938 г. Ф. Ф. Федоров был награжден медалью "XX лет РККА" № 0Ш774, а уже 11.12.1938 г. приказом НКО № 02454/п ему было присвоено звание полковник. С 20.08.1940 г. полковник Федоров служил начальником оперативного отдела штаба 17-го корпуса, с этой же должности был направлен на курсы усовершенствования комсостава, после их окончания приказом НКО № 0040 от 25.03.1941 г. был назначен командиром 5-й танковой дивизии (в/ч 5430) 3-го механизированного корпуса, который дислоцировался в Южной Литве; сама дивизия находилась в маленьком городке Алитус на берегах Немана.

По прибытии в Алитус он принял дела у полковника П. А. Ротмистрова - тот назначался начальником штаба корпуса, самим же 3-м мехкорпусом командовал генерал-майор танковых войск А. В. Куркин, который формировал 5-ю в июле 1940 г. и был ее первым командиром. На фронте - с утра 22 июня 1941 г. Имеется справка о ранении от эвакогоспиталя № 2570 НКЗ-РСФСР № 176 от 17 мая 1944 г., г. Соликамск. Удостоверяет, что полковник 5-й танковой дивизии Федоров Федор Федорович 30 июля 1941 г. был легко ранен осколком бомбы. "Касательное ранение мягких тканей в области правой надбровной дуги". Подписал начальник госпиталя майор м/с Желтов. Печать гербовая.

После расформирования дивизии Ф. Ф. Федоров приказом НКО № 0358 от 20.08.1941 г. был назначен начальником Московского автобронетанкового (АБТ) центра. Улица, где находился центр, сейчас называется "Танковый проезд". Должность на первый взгляд не слишком престижная, но очень важная и нужная, на них назначались только командиры, имеющие боевой опыт. Для примера: начальниками Сталинградского АБТ центра были генерал-майор танковых войск

563

П. Е. Шуров и бывший командир 19-го мехкорпуса ЮЗФ генерал-майор танковых войск Н. В. Фекленко, заместителем начальника центра - бывший командир 9-го танкового полка И. П. Верков.

Затем во главе сводного отряда центра Ф. Ф. Федоров отправился на фронт. Участвовал в обороне Москвы, воевал под Сталинградом и Ленинградом. В конце войны - начальник Соликамского танкового училища. Был награжден медалями за оборону Москвы, Сталинграда и Ленинграда. Умер 20 января 1945 г. во время вспышки тифа и был похоронен в Камышине Сталинградской области, где тогда проживала его семья. Пенсия семье была назначена 1 февраля 1945 г.

Вот такая нелегкая судьба. Служил Родине честно, но генералом не стал, орденами награжден не был, умер в неизвестности. Даже в специализированных ведомственных изданиях (типа солидного тома "История Прибалтийского военного округа 1940 - 1967", имеющего гриф "Продаже не подлежит") ни строчки биографии, ни фото, ни подробностей боев его дивизии.

Мало что известно и о дальнейшей судьбе командного состава 5-й. Поданным ЦАМО, генерал-майор танковых войск И. П. Верков умер 2 августа 1954 г., его бывший начштаба майор А. С. Евдокимов пропал без вести в 1941 г. Осталась неизвестной судьба командира 10-го полка Т. Я. Богданова, по архивным данным, он также пропал без вести в 1941 г., хотя, возможно, полковник был убит в бою еще 23 июня. Его заместитель капитан

Е. А. Новиков по картотекам учета офицерского состава вообще не проходит, по батальонному комиссару А. П. Ильинскому есть только номер приказа о его назначении на должность и адрес жены. Информация о начальнике штаба дивизии более подробна. Согласно сводке о потерях, командир 3-го батальона 145-й отдельной танковой бригады майор В. Г. Беликов погиб в бою 16 ноября 1941 г. и был похоронен в деревне Ссмкино Лопасненского района Московской области. Бывший начальник штаба 5-го ГАП майор Н. П. Ткачев погиб 2 сентября 1941 г. в должности командира 108-го ГАП 108-й отдельной танковой дивизии 3-й армии 2-го формирования. После войны в дивизии Закавказского ВО командовал танко-самоходным полком какой-то полковник В. А. Шадунц [61, с. 231]. Был ли это бывший командир 5-го МСП, пока не установлено, ибо согласно архивным данным, 15 ноября 1940 г.

564

Недостроенный артдот Алитусского УРа

зам. командира батальона капитан Шадунц Вартан Иванович был допущен к исполнению обязанностей зам. командира 5-го мотострелкового полка. Если в книге генерала Казарьяна допущена опечатка в инициалах полковника, значит, личность и судьбу еще одного из героев боев за Алитус можно считать установленными.

Оставшиеся в живых воины 5-го ГАП были отправлены на переформировку под Москву. В Кузьминках из них и таких же, как они, был сформирован новый полк, который отбыл под Волхов.

И. Г. Старинов поведал о встрече, которая произошла 11 июля на шоссе Минск - Москва на участке между Красным и Гусином. Саперы полковника для закладки фугаса вели подкоп под бетонное полотно магистрали, когда с запада к ним подошла группа военных численностью более ста человек с капитаном-артиллеристом во главе. Оказалось, что он, капитан Васильев, ведет 36 человек личного состава своего дивизиона и примкнувших к ним бойцов. Приняв свой первый бой в районе Алитуса, дивизион к 24 июня оказался в неприятельском тылу, при попытке пробиться на восток расстрелял все боеприпасы. Капитан Васильев приказал снять с

565

орудий замки, а потом повел своих людей на восток. В Налибокской пуще и под Бегомлем отстали и потерялись 55 бойцов, еще четверо погибли, а пятеро раненых были оставлены на попечение крестьян. Остальные поклялись выйти к своим вместе с командиром. Из числа вышедших с Васильевым бойцов И. Г. Старинов своей властью отобрал четырех саперов (лейтенанта, двух сержантов и рядового), остальных отправил на сборный пункт. Глядя вслед уходящим, с горечью подумал: был бы готовый партизанский отряд [111, с. 22, 23].

Глава 10 27 ИЮНЯ, ДЕНЬ 6-й

10.1. Действия войск 3-й армии и 21-го стрелкового корпуса. Отход к р. Зельвянка. Захват противником плацдармов на южном берегу р. Неман

После окончания не принесших успеха наступательных действий южнее Гродно 3-я армия главными силами продолжила отход в направлениях на Мосты и Новогрудок; ее арьергард, прикрывавший отход, в районе Мостов упорно сражался, несмотря на уход пограничников, с частями 8-го армейского корпуса противника, стремившимися форсировать Неман и соединиться с частями 4-й армии фельдмаршала фон Клюге; основой арьергарда была 204-я мотодивизия.

706-й моторизованный полк закрепился на рубеже восточнее Мостов (правый фланг) - Зельвяне (левый фланг), ширина по фронту 6 км. 700-й МП закрепился левее 706-го вплоть до устья Росси, ширина по фронту, включая фланговое прикрытие в м. Россь, примерно 9 км.

Полковник Г. Я. Мандрик вспоминал, что во второй половине дня 27 июня из-за отсутствия горючего пришлось вывести из строя и бросить тягачи и орудия 657-го артполка (остатки горючего берегли для уцелевших танков). Выделялись ли силы 204-й для обеспечения удержания моста у д. Орля, противнику известно не было, но немцы предполагали, что там задержали, но не смогли предотвратить переправу передового батальона ротмистра Нимака из 5-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса именно мотострел-

567

ки 204-й МД.

В полдень атакой с севера передовой батальон 35-й ПД вышел к Орля (25 км северо-восточнее Мостов) и захватил предмостное укрепление, однако реакции со стороны командования 3-й армии не последовало. Либо командарм В. И. Кузнецов об этом не знал, либо слишком поздно был информирован. Это привело к тому, что к полуночи из района Орля в район восточнее Песков начали прибывать немецкие части, которые занимали позиции на пути отступления советских войск. Батальон Нимака, который вечером занял позиции у Королей на Щаре, согласно полученному приказу в 15:00 28 июня (время берлинское) должен был захватить Пески.

К счастью для 3-й армии, утром и в первой половине дня в распоряжении ее командования были боеспособные части, в частности 700-й моторизованный полк. Отряд Нимака, с рассветом 27 июня переправившись через Неман у Орля, спешно направился в направлении Королей. Выброшенные вперед понтонные подразделения должны были навести переправу через Щаруу Королей. Около 11 часов к месту переправы прибыли передовые отряды самокатчиков и переправились через реку на надувных лодках.

Прибыв на место, Нимак решил занять усиленными группами высоту отметка 131.8 (2 км южнее Королей), так как с нее открывался хороший обзор на дорогу, по которой советские войска отходили от д. Пески на северо-восток.

Остатки 27-й дивизии, занимавшие рубеж Малая Берестовица - Крынки, получили приказ отходить на Волковыск, но оторваться от противника не сумели, были атакованы превосходящими силами и в ходе скоротечного тяжелого боя понесли большие потери; среди погибших был зам. командира дивизии полковник А. М. Гогоберидзе. В районе Крынок прекратил существование 75-й гаубичный артполк, уже почти не имевший боеприпасов. Его огневые были накрыты мощным артминогнем, погибли и. о. командира полка капитан Федоренко, начальник штаба и командир 1-го дивизиона. 345-й полк отступил, оставив 1-й батальон в качестве прикрытия. Заслон устоял и даже сумел контратакой отбросить противника, но в ходе боя был убит командир 53-го артполка майор И. В. Пчелкин, а командир 345-го полка Солодовников был ранен и контужен. 345-й СП сумел оторваться от преследова-

568

ия и организованно отошел под командованием капитана виридова.

К утру 28 июня полковник Солодовников с трудом при помощи лейтенанта и бойцов из других частей также обрался до горящего

Волковыска, но ни дивизии, ни полка там не оказалось. 27-я ушла в сторону Зельвы.

В 80-х годах под Малой Берестовицей при отрывке котлована нашли крупное неизвестное захоронение советских солдат. Среди тех, чьи фамилии удалось установить, был и полковник Гогоберидзе. Знамя дивизии немцам не досталось: надежно укрытое патриотами, оно сохранилось и ныне находится в музее. Сам омдив генерал-майор Степанов позже примкнул к группе олковника Стрельбицкого. Он выходил из окружения с отрядом И. В. Болдина и уже в конце пути, под Ярцево Смоленской области, был убит осколком мины. Там же, у Болдина, казался начштаба дивизии подполковник Яблоков, он возглавлял штаб отряда (генерал в своих мемуарах упомянул его фамилию, но без указания прежней должности).

Из оперсводки № 10 штаба фронта к 20 часам 29 июня:

"Точных данных о положении частей 3-й армии нет. По отрывочным данным делегата, известно - штаб армии 27.6.41 г. был в Новогрудок, штаб 4-го корпуса 25 и 26.6.41 г. - в Ски-ель".

Севернее Немана, где сражались 24-я Самаро-Ульяновская дивизия, 17-я и 37-я дивизии 21-го корпуса и 8-я противотанковая бригада, утром 27 июня была оставлена Лида. Части 17-й СД начали отход в сторону Новогрудка, части 37-й находились на территории Вороновского и Ивьевского сельсоветов до 29 июня. Только вечером 29 дня остатки личного состава с техникой стали отходить в направлении Гавьи, Ивье на Бакшты. Обескровленные и разрозненные подразделения не имели никакой связи с вышестоящим командованием, поэтому командир корпуса генерал-майор В. Б. Борисов и командир дивизии полковник А. Е. Чехарин, посоветовавшись с офицерами, самостоятельно решили отступить на юго-восток, в сторону Минска.

В этот же день 5-я пехотная дивизия (командир - генерал-майор К. Альмендингер), входившая в состав 5-го армейского корпуса вермахта 9-й армии, форсировала Неман юго-западнее Новогрудка и захватила еще один

плацдарм на его южном берегу. Ее передовой отряд под командованием командира

569

Хандлера (звание не установлено), получил приказ: незамедлительно повернуть на юго-запад и выдвигаться в направлении деревни Короли - севернее д. Мальковичи неподалеку от впадения Щары в Неман.

Вечером этого же дня отряд Хандлера переправился вброд через Щару и уже затемно вышел через Короли в район северо-восточнее д. Пески. Вследствие этого смелого маневра у противника появилась реальная возможность предотвратить отход частей РККА на восток, блокировав дороги, ведущие от Мостов и Песков к Мальковичам.

На следующий день, 28 июня, по дорогам началось массовое отступление частей и разрозненных групп военнослужащих 3-й и 10-й армий. Южнее Королей при попытке советских войск пробиться на восток завязались затяжные кровопролитные бои.

В приказе штаба 8-го армейского корпуса № 6 на 18:00 27 июня сообщалось:

"27.6. Из района к югу от Гродно движется длинная вражеская колонна на Лунно в направлении Волпы".

В колонне было отмечено наличие бронетехники, так что, скорее всего, это выходили части 11-го мехкорпуса Д. К. Мостовенко. В 13 часов колонна достигла района к югу от Мостов и, прикрываясь частями 204-й МД, проследовала дальше на восток по направлению к Щаре.

О движении советских частей в этом районе поступили разведдонесения также из 29-го разведбата и 29-го моторизованного батальона 29-й МД 2-й танковой группы. Из них следовало, что три маршевых колонны передвигались от Песков (8 км к югу от Мостов) по дуге на север вокруг болот на Зельвянке, затем на юго-восток через Моньковичи (20 км юго-восточнее Мостов), затем на Большие Озерки и Букштво, а оттуда на северо-восток к переправе через Щару у деревни Великая Воля.

Первая маршевая колонна, состоящая преимущественно из пехоты, около 14 часов пополудни двигалась между Моньковичами и Букштово. Вторая колонна с автомобилями и танками в 18:30 двигалась к северу от Букштово, а оттуда - по направлению к Великой Воле. Третья маршевая колонна (также с танками) около 21:00 двигалась в 5 км юго-восточнее Моньковичей по направлению к Малым Озеркам.

Расстояние от Букштово до Великой Воли составляет примерно 14 км. По данным 29-го ОРБ, район Великая Воля – Дворок с 14 часов был занят советскими войсками. Из донесе-

570

ний 29-го разведбата можно было сделать вывод, что советское командование выставило фланговые заслоны для прикрытия отступления с южного фланга, эти заслоны столкнулись с выдвигающимися в этот район с юга 29-м мотобатальоном и 29-м развед батальоном.

Германские разведчики действовали в соответствии с приказом:

"Выяснить положение в районе Слоним - Щара - Мосты - Пески - Зельва. При благоприятных обстоятельствах батальону продвигаться севернее. Если возможно, установить связь с 9-й армией".

29-й МБ в 11:35 получил по радио приказ достигнуть Деречина и Куриловичей и заблокировать мосты на Щаре у Королей и Щары. Однако при имеющихся силах, особенно это касалось тяжелого вооружения, поставленные для двух батальонов задачи оказались невыполнимыми. Во многом это произошло потому, что в течение дня то и дело возникали кризисные ситуации, во время которых оба батальона то и дело попадали в окружение. В соответствии с приказом штаба дивизии они с трудом прорвались из последнего окружения в направлении Голынок, понеся при этом исключительно тяжелые, несравнимые с предыдущими кампаниями, потери. Один только разведбатальон потерял в течение дня 16 бронемашин, что составило две трети от всех участвовавших в этом рейде.

Маршевые колонны 3-й армии не были серьезно задержаны в этих боестолкновениях и в течение ночи и в первой половине дня 28 июня вышли к Деречину. Воздушная разведка информировала по радио штаб 9-й армии о том, что 28 июня между 11:50 и 13:10 (время берлинское) на дороге Деречин-Новогрудок наблюдается движение колонн разных родов войск, отступающих на северо-восток.

Когда 28-я пехотная дивизия 8-го армейского корпуса вышла в район Лунны, советские войска уничтожили мосты через Неман, но, как оказалось, не все. Передовой 7-й пехотный полк этой дивизии, продвинувшись после взятия Скиделя на юго-восток, захватил мост у д. Мосты, после чего спешно принялся оборудовать предмостное укрепление. Свой открытый левый фланг командир полка прикрыл заслоном, выдвинувшимся на северо-восток, в направлении ж.-д. разъезда Рожанка. Один батальон имел задачу взять деревню Зельвяне. (Во избежание путаницы отмечу, что ныне Мосты именуется Правыми Мостами, находящаяся же ниже по течению дерев-

571

ня Зельвяне после войны разрослась, получила статус города и была переименована в Мосты).

Но в ходе невероятного по ярости и кровопролитности многочасового боя, который длился весь день, мост и сам населенный пункт Мосты были отбиты назад, причем советские войска атаковали противника не только с южного, но и с северного берега. Обе стороны использовали артиллерию и бронетехнику, в результате большие потери были у всех. При более близком рассмотрении этот эпизод будет выглядеть следующим образом.

Утром 27 июня немцы атаковали д. Зельвяне силами двух рот, но были встречены плотным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем, после чего последовала контратака при поддержке танков. Превосходящие по численности советские подразделения охватили неприятельский батальон с обоих флангов, и только действия артиллерии не дали им возможность его уничтожить. Понеся большие потери, подразделения противника отступили и

заняли оборону фронтом на запад. По мнению командира полка вермахта, наибольшая угроза исходила с запада, откуда отходили разрозненные и плохо управляемые, но значительно превосходящие по численности силы Красной Армии.

По приказу командира полка рота самокатчиков спешила и при поддержке самоходных орудий "Штутг" повторно атаковала Зельвяне. Ей удалось прорваться сквозь боевые порядки собравшихся там подразделений; разделившись на две группы, противник сумел в уличных боях пробиться через деревню и вышел на южный берег Немана. В Зельвянах в 1941 г. также имелся мост через Неман, так как в документах 58-го ЖДП НКВД он фигурирует как объект охраны, и указан его гарнизон (28 лиц личного состава 4-й роты), но, скорее всего, он также был взорван саперами Красной Армии.

Несколько каменных зданий деревни были использованы пехотой под опорные пункты. В течение дня самокатчики, поддержанные огнем приданных САУ, отразили все атаки. Советские подразделения волна за волной накатывались на их позиции с юга, но так и не смогли достичь Немана.

В скором времени для немцев возникла опасность и с востока. В то время как многочисленная пехота РККА при поддержке танков пыталась захватить предмостное укрепление в Мостах, другие советские подразделения (также с несколькими-

572

ми танками) ворвались в расположение 28-й пехотной дивизии с востока и северо-востока. Выставленный в этом направлении заслон продержался несколько часов, но, не в силах далее противостоять превосходящим силам, вынужден был начать отход на юго-запад. Налицо была реальная угроза прорыва остатков советских частей во фланг и тыл 7-го пехотного полка 28-й ПД, и его командир принял решение перебросить большую часть пехотных подразделений с полевой и противотанковой

артиллерией с южного берега Немана на северный, оставив Мосты слабо прикрытыми с запада.

Оставшиеся в Мостах подразделения противника вскоре были вновь атакованы крупными силами советских войск с новыми мощными танками (КВ или Т-34). Несколько пехотных рот до полудня отбивали ожесточенные атаки, в кризисный момент им на помощь подошел резервный батальон. К этому времени практически все офицеры были выбиты, во вражескую оборону в нескольких метрах были вбиты клинья. Не удавалось сдержать напор и с северо-востока. Чтобы избежать полного уничтожения, командир 7-го ПП решил оставить предмостное укрепление в Мостах и отойти к господствующей высоте отметка 129. 5 на северном берегу Немана. С этой позиции артиллерия противника открыла ураганный огонь по Мостам и советским частям на южном берегу.

Тем временем их боевая группа, оборонявшаяся на левом фланге, была отброшена еще дальше на юго-запад, еще глубже в тыл своего полка. Две отошедшие роты, заняв удобную позицию, начали обстреливать атакующих мощным фланкирующим огнем. После подхода резервного батальона германцы предприняли контратаку и в ближнем бою сумели остановить советские подразделения.

Х. Слесина писал:

"Потянувшийся вперед благодаря агрессивному порыву недавно прибывшего батальона, соседний батальон также атаковал вновь, поймал врага, подходящего с северо-востока между его собственными позициями и Неманом, и полностью уничтожил его".

Только когда наступил вечер и начало темнеть, кровавая мясорубка закончилась. Выбитые из Мостов подразделения 28-й ПД закрепились на позициях к северу от Немана и были готовы отражать атаки, которые могли последовать с южного направления.

Достоверно установлено, что в боях за Мосты принимал участие 184-й стрелковый полк 56-й дивизии. Вероятно, имен-

но ему удалось сбить вражеский заслон у Рожанки.

Генерал С. П. Сахнов вспоминал:

"... утром 27 июня я двинулся в направлении Мосты - Лунно. Подходя к м. Рожанка, встретились с вражескими войсками. Завязался бой, в котором вражеские части были разбиты. Мы захватили два малокалиберных орудия, несколько пулеметов и винтовок и 8 пленных, в том числе одного офицера. При допросе пленные отказались давать показания. Они были расстреляны, а полк продолжил движение по вышеуказанному маршруту. На всем пути полк неоднократно подвергался обстрелу с воздуха".

Не дойдя до Мостов примерно 4-5 км, 184-й СП снова столкнулся с вражескими частями. Завязался бой, который продлился с 15 до 22 часов 27 июня. В этом бою советские подразделения прорвали оборону противника, пробившись к Неману и по захваченному мосту ушли на южный берег.

Группа военнослужащих, во главе которой находился комдив-56 и которая насчитывала 50 человек, была в ходе этого боя отрезана от полка. Генерал решил пробиваться в направлении деревни Орля. но выяснилось, что она уже занята немцами. После этого группа С. П. Сахнова распалась на группы в 3-5 человек, которые самостоятельно начали продвижение на восток.

В. А. Короткевич писал, что бой, который вели за овладение мостом остатки 184-го Краснознаменного полка, был крайне ожесточенным и стоил жизни большинству бойцов и командиров. Берега Немана у моста и сам мост были вперемешку завалены телами убитых и умирающих, течение несло трупы в сторону Гродно. В этом бою командир 184-го КрСП подполковник П. М. Чугунов был тяжело ранен и вскоре умер на руках своего заместителя батальонного комиссара Т. Т. Ильюхина.

Поздним вечером 27 июня наступило затишье. Взяв на себя командование, Т. Т. Ильюхин отдал последний приказ по 184-му

Краснознаменному: оставшимся в живых уходить на восток группами. Большую группу он повел сам.

В донесении командующего 9-й армией вермахта об этих событиях было записано так:

"28 пд должна удерживать плацдарм у Лунны. У Мосты идут тяжелые бои. Автодорожный мосту Мосты вновь захвачен противником" [4, с. 376].

А в нашей истории подвиг красноармейцев и командиров 184-го полка в том кровавом последнем бою вообще никак не отразился.

574

10.2. Действия войск 10-й армии. Оставление Белостока

27 июня, то есть на шестой день войны, 10-я армия без боя оставила потерявший всякое военное значение Белосток и продолжала отходить в направлении Волковыска; только после этого в город вступили подразделения 23-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса противника. 330-й стрелковый полк, потерявший связь со штабом 86-й КрСД, вышел в район восточнее Белостока и приводил себя в порядок. К сохранившему структуру и боеспособность полку стихийно начали присоединяться остаточные группы.

Помначштаба полка Н. М. Николснко писал:

"Утром 27 июня восточнее Белостока стали приводить себя в порядок и вели разведку в поисках штаба и других полков нашей дивизии, но поиски были безуспешными. Связь с ними была потеряна окончательно. В это время к нам присоединились 10 или 12 танков... потерявшие свою часть. В это же время присоединялись к нам большие группы пехотинцев, саперов, связистов, также потерявших свои части... из 13-й СД. Все они были сохранены как самостоятельные части, из их состава были назначены командиры, и всех их полковник Ляшенко подчинил себе. Вот в таком

составе вся эта группировка в дальнейшем отходила на Волковыск" [76, письмо].

Лейтенант Х. Н. Шамсутдинов был командиром огневого взвода в 6-й батарее (2-й дивизион) 383-го ГАП. Он рассказывал, что за Белостоком оба артполка 86-й дивизии на марше попали под страшный налет авиации. Была масса убитых и раненых, особенно досталось 248-му легкому артполку, имевшему конную тягу. Не стало боеприпасов, горючего и продовольствия. Оставив на дороге почти всю матчасть, артиллеристы пошли на восток как пехота.

Н. Н. Ковтуненко, тоже из 383-й гаубичного полка, так запомнил эти дни:

"Помню еще, вблизи Белостока наш полк еще вел бои. Я же работал по продовольственному снабжению. Поехал в Белосток, там горели армейские склады, и мне удалось с группой солдат вынести из огня и нагрузить две автомашины консервов. Когда привез на передовую, покормили солдат, раздали им, кто сколько хочет, банок. И вдруг на наши огневые позиции ворвались немецкие танки. Уцелевшие орудия и расчеты спешно начали отступать

575

на Белосток. Батареи оказались отступающими впереди наших машин с продовольствием. Не доезжая Белостока (моя машина шла замыкающей), нас нагнали немецкие танки. Под самым Белостоком немецкий снаряд ударил в кузов автомашины, и я чудом остался в живых, а машину разбило. Меня выбросило из кабины в кювет. Когда выходили из Белостока, было уже темно, и навстречу нам ехали немецкие мотоциклисты (десант). Завязался с ними в темноте бой, неравный по силам. И мы вынуждены были отступить, много наших они здесь побили и забрали в плен. Я на утро следующего дня опять добрался (уже пешим порядком) до остатков своего полка. Нам говорили, что наши части держались сколько возможно, что навстречу нам идет помощь - танковый корпус. Действительно, танковый корпус прибыл и

весь был уничтожен немецкими самолетами по дороге от Белостока до Волковыска. Все части были потрепаны, боеспособных частей на нашем направлении не было... организовывались сборные части из разных родов войск. Нам приходилось отступать только ночью, а днем сидели в лесу..." [76, письмо].

Как вспоминал командир 86-й дивизии М. А. Зашибалов, он пытался не выполнить приказ командира корпуса о передаче дивизии своему заместителю и убытии на лечение в Смоленский военный госпиталь. С получением приказа на отход к Волковыску он сформировал небольшой отряд прикрытия в составе 1-го батальона 169-го стрелкового полка и двух батарей 128-го отдельного противотанкового дивизиона. Задача их была проста: блокировать дорогу, по которой отходили части дивизии вместе со штабом, и удерживать ее любой ценой до 11 часов. Начальником артиллерии отряда был назначен зам. командира 128-го ОПТД Герой Советского Союза старший лейтенант Х. И. Ибрагимов.

Но утром 27 июня комкор Гарнов подтвердил свое решение, и полковник Зашибалов, сдав командование дивизией своему заместителю по строевой части А. Г. Молеву, убыл на лечение. Но ни генерал-майор А. В. Гарнов, ни сам М. А. Зашибалов не знали, что пути на восток давно перерезаны противником и ни в какой госпиталь в Смоленске раненый комдив 86-й Краснознаменной не попадет. А заслон, который оставил за собой штаб дивизии после ухода с рубежа на Нареве, выполнил приказ стоять насмерть. Под шквалом артминометного огня продержались.

576

сколько было приказано. Артиллеристы подбили 6 танков, на поле боя осталось лежать до ста убитых и раненых солдат врага. После налета эскадрильи Ю-87 в строю осталось всего 3 орудия, но и вторую атаку удалось отбить. После этого уцелевшая матчасть была выведена из строя, так как не осталось средств тяги, оставшиеся в живых красноармейцы под

командой Х. И. Ибрагимова отправились на восток вслед за остатками своей дивизии [76, копия].

Похожее положение было и у левого соседа дивизии М. А. Зашибалова - у 25-й танковой дивизии. К 27 июня остатки ее частей, 50-го полка в частности, собрались в лесу под Заблудовом. Потери матчасти были катастрофически большими, танков и бронемашин почти не осталось. Организационно дивизия еще существовала, но вместо полков и батальонов действовали мелкие импровизированные группы из разных подразделений.

Ходили слухи (свидетельство М. И. Трусова), что в одном из боев наша гаубичная артиллерия по ошибке ударила по своим. О. Г. Герась из 25-го ГАП (командир - майор Тарлаховский) вспоминал, что их полк был придан танкистам майора Пожидаева. Кто знает, может, так оно и было - оплошала своя же дивизионная артиллерия. А может быть, это была тяжелая корпусная - 5-го стрелкового корпуса. "Мы под Колпином скопом стоим, артиллерия бьет по своим. Это наша разведка, наверно, ориентир указала неверно. Недолет. Перелет. Недолет. По своим артиллерия бьет" (А. Межиров).

Т. Я. Криницкий из 1-го батальона 50-го ТП к этому времени уже лишился своей радиостанции и был при штабе полка. Он рассказывал:

"Мы заняли возле штаба оборону, окопались и сидели до захода солнца, когда Пожидаев вернулся из боя с тремя танками и на броне - 10 человек раненых. Он построил нас, рассчитались. В строю было 11 человек, и на машине - 10 раненых. "Теперь, - сказал майор, - и мы будем отступать". Погрузились на машины со снарядами и поехали. Въехали в какое-то село или местечко. Ночь, но слева был большой пожар (горел лесной склад). Ближе к центру, метрах в 200, церковь, а в самом центре палисадничек обгорожен. С церкви бил пулемет, а навстречу нам мчалась грузовая машина, битком набитая вооруженными солдатами. С машины скомандовали спешиться и идти за ними, уничтожить, мол, пулеметное

гнездо, и т. д. Но то оказались немцы, переодетые в наше танкистское обмундирование. Когда их распознали, мы открыли по ним огонь, и они разбежались, а по церкви танк дал два выстрела, и пулемет умолк. Когда мы поднялись, машин наших не было, только 3 танка. Я вскочил на броню одного из них и сел около башни. Люк в башне был открыт, и стоял, как оказалось, командир нашей дивизии (это я потом узнал, я же его ни разу в полку не видел). Мы поехали дальше по дороге, и танк подожгли. Когда танк загорелся, а мотор-то сзади, радист начал кричать, чуть не сгорел. Комдив ногой толкает водителя, а тот жмет на газ. Тогда я прикладом винтовки ударил по люку водителя, вернее, по триплексу, и моя винтовка выстрелила, ибо был патрон в патроннике. Командир испугался, но не ругал меня, только отрекомендовался, и я узнал, что это командир дивизии. Мы соскочили с танка и потом пересели на тягач "Ворошиловец" (гусеничный, с крытым кузовом) и ехали всю ночь. Утром впереди нас начали рваться снаряды, мы свернули влево на Волковыск, на луг, и на лугу подобрали комиссара нашей дивизии, раненного в левую грудь. Взяли его на трактор, перевязали простыней, но он был без сознания, бредил, вспоминал жену и детей.

Вскоре мы въехали в Волковыск и у первой хаты попросили для комиссара воды, но женщина-белоруска вместо воды вынесла молока. Мы его напоили, и близко к центру, еще не в самом центре, с краю стоял домик, и сказали, что там санчасть. Мы сдали комиссара и поехали дальше, а командир дивизии остался на лугу" [76, письмо].

По данным ЦАМО, зам. командира 25-й дивизии по политчасти батальонный комиссар И. Г. Устинов пропал без вести в июне 1941 г. В начале 90-х годов его родственники обращались ко мне с просьбой помочь установить, кто был их предок. Указывали, что в 1940-1941 гг. он служил в Шепетово Белостокской области, есть фото с одной "шпалой" на петлицах. Называли номера частей - 153-й отдельный танковый полк и 9-я танковая бригада - и фамилию одного из сослуживцев, полковника Нэммс. Все сходилось на 25-ю ТД, но тогда, в 90-х, у меня не было мало-мальски

приличного списка комнатностава дивизии. А сейчас не могу найти их адрес. Увы и ах...

После шести дней непрерывных боев управление 13-го мехкорпуса со спецподразделениями и отдельными разроз-

578

ненными частями, сведенное генералом П. Н. Ахлюстиным в один отряд, отошло к Большой Берестовице.

Ю. С. Погребов, бывший командир взвода, вспоминал, что остатки его полка всю ночь укрепляли рубеж обороны у Берестовицы. Вокруг полыхало зарево пожаров, в тылу была слышна перестрелка: происходили стычки с мелкими диверсионными группами противника, которые старались внести дезорганизацию и посеять панику. Далеко на севере, за рекой Свислочь, в районе Индуры гремела канонада, но у Большой Берестовицы пока было спокойно.

По приказу генерала П. Н. Ахлюстина заградительные кордоны останавливали всех неорганизованно отходящих военных и направляли их в подразделения корпуса. На огневых развернулась отошедшая сюда батарея 122-мм гаубиц, в перелеске окопался отряд из нескольких десятков пограничников.

Южнее Заблудова и Берестовицы - у Беловежской пуши и в ней самой - действовали понесшие большие потери части еще четырех советских дивизий (разгромленной днем 22 июня 113-й стрелковой, утратившей связь со своей 4-й армией 49-й стрелковой, недоформированных 31-й танковой и 208-й моторизованной). Какие-либо подробности и факты, касающиеся их действий, не известны либо пока, либо уже навсегда, но зато сами немцы дают нам пищу для размышлений и повод не терять надежду, а искать дальше.

После разгрома основных сил 4-й советской армии и выхода в глубокий тыл белостокской группировки часть сил 4-й полевой армии вермахта после захвата Пружан повернула на север, намереваясь преодолеть

в узком месте Беловежскую пущу и выйти к Волковыску, отрезая советским войскам пути отхода. Данные по нахождению каких-либо частей РККА в это время в этих местах отсутствуют начисто, но хотя бы "в теории" можно предположить, что они могли принадлежать 13-му мехкорпусу, ибо пуща находилась у него в тылу. В немецких источниках есть несколько упоминаний о том, что они встретили здесь ожесточенное сопротивление подразделений Красной Армии.

В частности, 1-й дивизион 231-го зенитно-артиллерийского полка вынужден был 27 июня находиться в боевых порядках пехоты и огнем своих 88-мм пушек отбивать яростные атаки советских мотострелков и танкистов

579

в районе дороги Новый Двор - Радок в Беловежской пуще; особенно отличилась 5-я батарея.

27 же июня на дороге, проходящей через лес у д. Лесняки (она существует и сейчас и находится в 8-10 км южнее Волковыска), одиночный танк КВ задержал продвижение 263-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса. Сильно заболоченная местность не давала возможности обойти храбрецов, а имеющаяся под руками у немцев артиллерия ничего поделать с танком не смогла. Все попытки расстрелять "Клима Ворошилова" заканчивались потерей орудий и расчетов.

И тогда командование вызвало на помощь самоходку "Штуг" № 331 из 263-го дивизиона штурмовых орудий. Броня советского танка выдержала все попадания, но все же 75-мм бронебойными снарядами САУ удалось заклинить башню и повредить ходовую часть КВ. В итоге, обозленный бессилием что-либо поделать с русским танком, командир самоходки пошел на таран (Heinz F. Kruger. Bildband der rheinisch-pfalzischen 263 Infanterie-Division 1935-1945. 1962, Bad Nauheim: Podzun Verlag, c. 134).

Справка

На опубликованном в немецком источнике фото изображен танк KV-2 со 152-мм гаубицей. По имеющимся на сегодня данным (тот самый "Статистический сборник № 1", о котором с таким восторгом отзывается В. Б. Резун), в ЗапОВО на 1 июня 1941 г. было 22 таких машины.

Как вспоминал бывший командир 9-го АК Гейер, в этот день части его корпуса перерезали шоссе Белосток - Волковыск, что являлось весьма важным достижением. При этом разрыв с соседями достиг таких размеров, что Гейер стал уже всерьез опасаться за свои фланги и тыл. В целом действия армейских корпусов 4-й полевой армии ГА "Центр" в июне 1941 г. являются хорошим примером сильно попахивающей авантюризмом, но неоднократно оправдавшей себя тактики вермахта: вперед и только вперед, не обращая внимания на фланги, не оглядываясь на соседей. Между наступающими узкими клиньями дивизиями образовывались огромные разрывы, с соседним 43-м корпусом разрыв вообще составил несколько десятков километров. Но корпуса вермахта нагло рвались вперед, на восток, и эта наглость оправдалась.

Во-первых, тактически внезапный первый удар привел к нарушению связи и,

580

как следствие, к полной дезорганизации и потере управления советскими войсками. Во-вторых, за 1-м эшелоном 4-й армии шел подстраховывающий 2-й. В частности, за 9-м корпусом двигался 13-й в составе двух пехотных дивизий, он как раз и должен был заниматься зачисткой захваченной территории от остатков советских частей.

Житель деревни Ятвезь П. Ф. Пивоварчик поведал еще об одном боестолкновении, произошедшем 27-го числа. Все предшествующие дни (и в ночь на 27-е) через деревню шел непрерывный поток военнослужащих Красной Армии, количество техники было незначительным. Один из танков пытался из орудия вести огонь по самолетам Люфтваффе.

К утру дорога опустела, на ней остался лишь сиротливо стоящий тягач с тяжелой гаубицей на прицепе. На поросшей редким лесом высоте в полукилометре к западу от Ятвези заняла позицию пара Т-34 (вероятно, какая-то отступавшая часть оставила их в качестве заслона). Немецкая автоколонна, двигавшаяся на Волковыск от Берестовицы, остановилась перед взорванным мостом через Россь, но разведка быстро выяснила, что в двух километрах вверх по течению есть две целых переправы. Немцы свернули налево и по проселочной дороге двинулись на Ятвезь.

Они вошли в деревню и остановились на короткий привал, когда же вновь начали движение, с высоты прозвучали два орудийных выстрела. Один снаряд попал в шедшую головной легковую машину, второй поразил грузовик в середине колонны. За несколько минут советские танкисты расстреляли блокированную на сельской улице вражескую технику, уничтожив с десятков автомашин и один танк. Было убито несколько десятков захватчиков.

Израсходовав остатки боекомплектов, тридцатьчетверки рванулись к реке. Одну немцы подбили из орудия на полпути к деревне. Другой танк понесся не на основной, более прочный, мост, а на соседний, находившийся вне сектора обстрела. Но как только тяжелая машина въехала на настил, мост рухнул, и Т-34 провалился на заболоченный берег реки. Из башенного люка выбрался танкист, переплыл на правый берег реки и побежал к зарослям. Вдогонку резанул пулемет, и герой упал. Немецкая похоронная команда собрала трупы, а через несколько дней

581

пленные красноармейцы убрали с дороги разбитую и сгоревшую технику.

Первый приведенный выше эпизод позволяет предположить, что германцы столкнулись в восточной оконечности Беловежской пуци не просто с частями РККА, а с бронетанковыми и мотострелковыми подразделениями дивизий 13-го мехкорпуса. И, скорее всего, они

принадлежали 31-й ТД полковника С. А. Колиховича и 208-й МД полковника В. И. Ничипоровича. Доказательств нет, но это так, ибо быть по-другому просто не могло. Танки же у Лесняков и Ятвезь были, скорее всего, из 6-го мехкорпуса. Уцелевшие танки 6-го МК и кавкорпуса Никитина в этот день были разбросаны от Зельвянки до самого Слонима.

В восемь часов утра 27 июня группа военнослужащих 8-го ТП 36-й дивизии во главе с интендантом С. Г. Жуниным вышла в лес южнее м. Россь. Здесь уже находилась часть 7-й танковой дивизии. Жунин вспоминал:

"Узнав, кто мы, нам приказали оставить танк и броневик, все имеющиеся запасы горючего, а самим следовать на старую государственную границу. На сборном пункте северо-восточнее Волковыска я отдал приказ старшему лейтенанту Ермолаеву зарыть полковое знамя в патронной железной коробке. У нас осталось только несколько грузовых машин".

Вполне возможно, что какой-либо экипаж КВ отстал от своих по причине неисправности двигателя или ходовой части, а потом, устранив ее, принял неравный бой.

Во исполнение приказа своего командира к рассвету 27 июня часть сил 36-й КД под командой майора П. В. Яхонтова (штадив, 42-й КП майора С. А. Иогансена и 102-й КП подполковника И. К. Похибенко) вышла на шоссе Волковыск - Зельва - Слоним. Развернувшись фронтом на запад, 42-й полк блокировал дорогу, севернее него расположился 102-й. 27-я дивизия переправлялась через р. Зельвянка по единственному, да и то не совсем исправному, мосту в районе Зельвы. Частей противника с запада не появилось, но они атаковали с юга, ударом в тыл пытаясь отрезать советские войска от Зельвы. 42-й полк развернулся фронтом на юг. Через час 27-я стрелковая дивизия закончила переправу и ушла за Зельвянку. Конница оторвалась от противника и ушла севернее Зель-

вы. Из-за отсутствия карт попали в сильно заболоченную пойму Зельвянки, в которой застряли кони и тачанки. Высланная разведка

сообщила, что далее к северу пойма также заболочена, а в трех километрах переправляется наша пехота. Часть коней с коноводами была укрыта на северной окраине д. Смаровичи, а другая часть - в роще, прилегающей к реке. За два часа адской работы выстелили гать, переправили тачанки, повзводно, расседлав лошадей, переправились. Все прошло благополучно, ибо противник, выйдя к Зельве, временно остановился, а Люфтваффе кавалерию не обнаружило. Переправившись через Зельвянку, отряд продолжил движение в восточном направлении.

Командира дивизии П. В. Яхонтов больше не видел, а о судьбе 24-го кавполка (его действиях от Росси до Щары) узнал в 1950 г. от его бывшего командира полковника И. И. Орловского. В то время Орловский работал на псковском ипподроме председателем судейской коллегии.

24-й полк переправился через Зельвянку к югу от Зельвы и выходил из окружения в 7-10 километрах южнее шоссе Зельва-Слоним.

До восхода солнца конники двигались параллельно в полковых колоннах, затем налеты вражеской авиации вынудили их рассредоточиться и двигаться уже перекатами, от одного лесного массива к другому. Пройдя 20-25 км, группа вышла в лесу д. Козловичи (северо-западнее Слонима), где неожиданно наткнулась на брошенный крупный продсклад. Здесь майор Яхонтов решил сделать привал - накормить личный состав и дать отдых боевым коням. Одновременно он выслал два разезда по пять всадников на шоссе Зельва-Слоним. Через два часа разведчики вернулись и доложили, что шоссе в 2-3 ряда забито расстрелянными, сгоревшими и брошенными автомашинами, у моста беспорядочное скопление военнослужащих, сам мост разбит авиацией.

Вечером 27 июня кавалерия двинулась на Поречье, предполагая использовать короткую ночь для переправы через Шару (авиация противника не летала с 22 часов вечера до 3 часов утра). Когда приблизительно в 22 часа втянулись в Поречье, весьма большое село на берегу Щары, с удивлением

обнаружили, что все дома заняты нашей пехотой из разбитых и рассеянных частей и подразделений. Старших офицеров и общего командования не было,

583

бойцы и командиры были сильно утомлены и морально подавлены, но тем не менее наполнены злобой к врагу и готовы сражаться. Из пехоты П. В. Яхонтов сформировал батальон численностью до 300 человек, местное население показало брод напротив северной окраины деревни. Он был довольно глубок, но стрелки тоже сумели переправиться (те, кто не умел плавать, держались за сбруи). За темное время все подразделения 36-й дивизии успели переправиться и вышли к огромной, поросшей лесом, высоте на восточном берегу Щары. Здесь было принято решение повернуть на юго-восток в надежде на соединение с остальными силами дивизии. Однако все попытки установить связь с отрядом генерала Е. С. Зыбина никаких результатов не дали.

Согласно почти не известной широкому читателю книге пермского писателя М. И. Мялицина "Генерал Рубцов" (ныне его уже нет в живых, а материалы, которые ему передала И. И. Шапиро для работы над новой книгой, видимо, утрачены безвозвратно), к этому времени управление 1-го стрелкового корпуса с 23-м батальоном связи находилось уже за Волковыском, на переходе в район Слонима. Как боевое объединение, корпус уже не существовал, ибо части двух его дивизий еще находились в белостокском выступе, корпусные арtpолки прекратили существование, а штаб уходил на восток по приеманской низменности.

Последний переход штабной колонны в район Слонима оказался очень трудным. Всю ночь колонна шла по лесным дорогам, машины застревали в низинах и болотинах, а после восхода солнца самолет-разведчик засек их. При проходе долины небольшой речушки, по обеим сторонам которой стояли печные трубы сожженных изб, последовала атака эскадрильи вражеских бомбардировщиков. Это была ловушка, ибо свернуть с дороги и рассредоточиться оказалось невозможным: слева течет речка, справа - крутой

склон холма (по описанию очень напоминает подходы к дер. Клепачи, где было разгромлено управление 6-го мехкорпуса, см. ниже). Оставалось одно - вперед и только вперед. На максимальной скорости, с трудом объезжая разбитые и горящие автомашины, сквозь разрывы и дым колонна метров через шестьсот наконец свернула в лес. Подсчитали потери. Была практически уничтожена матчасть 23-го ОБС, погибло много

584

красноармейцев и командиров. Начальник шифровальной службы штаба корпуса капитан Ф. Д. Катков заявил генерал-майору Ф. Д. Рубцову, что возникла угроза попадания штабных документов, в том числе секретного делопроизводства, в руки противника. Он считал, что документы нужно уничтожить, комкор согласился [76, копия].

Неподалеку от расположения штаба 1-го СК пробивались на восток еще какие-то советские войска. Катков вспоминал, что по самолетам противника, бомбившим где-то в районе дороги Слоним-Барановичи, велся зенитный артогонь. Самолеты были за лесом, совсем близко грохотали разрывы бомб, иногда вокруг штабников падали осколки разрывавшихся в небе зенитных снарядов. Один из немецких самолетов был сбит. Оставляя за собой шлейф дыма, он пронесся над лесом, скрывавшим штаб корпуса, и через несколько секунд взорвался. А через какое-то время откуда-то взлетела сигнальная ракета и началась ожесточенная стрельба. Через минуту прибежал запыхавшийся лейтенант:

- Товарищ генерал, со стороны Слонима нас атакуют немецкие десантники...

Ф. Д. Рубцов подозвал находившегося неподалеку помощника начальника оперативного отдела капитана М. А. Воронина, приказал ему собрать для контратаки группу штабных работников. Из своего "ЗИМа" он взял ручной пулемет и присоединился в своим подчиненным. Орудя им, укрываясь от пуль десантников за стволами крупных деревьев, перебегая от одного дерева к другому, генерал с руки бил по немцам короткими

очередями. Капитан Воронин и другие очевидцы утверждали, что не менее пятнадцати человек Рубцов убил лично. Когда Ф. Д. Катков спросил его об этом, он улыбнулся и сказал:

- Коли я плохой генерал, отступаю, так должен же быть хоть удовлетворительным солдатом. Какая разница, кто их убил, важно, что их больше нет.

В этой стычке штаб корпуса снова понес потери. Через полтора часа, уже после переезда колонны на новое место, похоронили погибших товарищей: корпусного интенданта полковника И. И. Пушкина и других.

585

10.3. Формирование Борисовского боевого участка. Действия 50-й стрелковой дивизии и частей НКВД. Выход передового отряда 7-й танковой дивизии противника к ж.-д. станции Смолевичи

3-я и 10-я армии, скованные боями вблизи государственной границы, еще только начали запоздалый отвод своих частей на новые рубежи, определенные командованием фронта, а в их глубоких тылах, за сотни километров от Белостока и Гродно, немецкие корпуса 2-й и 3-й танковых групп на предельных скоростях рвались к Минску, навстречу друг другу. Севернее Минска противника сдерживала только 50-я стрелковая дивизия; позади нее до самой Березины, где в Борисове находился важнейший железобетонный шоссейно-дорожный мост, а вблизи города было еще две переправы, не было никого, кто мог бы встать на пути врага и остановить или хотя бы на время задержать его. Обескровленные ВВС фронта продолжали наносить удары по войскам противника, но результаты были незначительны. В течение дня было потеряно 45 самолетов, среди не вернувшихся с заданий были командир 125-го СБАП 13-й дивизии полковник С. А. Дояр и зам.

командира эскадрильи 128-го полка старший лейтенант И. С. Пресайзен, повторивший подвиг капитана А. С. Маслова.

Три машины потеряли "дальники" 96-го полка: лейтенантов П. Г. Романенко, К. В. Спирина и М. С. Миникаева

Гарнизон г. Борисова возглавлял начальник танкотехнического училища корпусной комиссар И. З. Сусайков. Несмотря на молодость (неполных 38 лет) и принадлежность к политаппарату РККА, он имел солидный багаж военных знаний, ибо в звании капитана окончил Академию механизации и моторизации РККА, то есть по образованию был танкистом. Ему и была поручена оборона города и переправ на Березине к северо-востоку от Минска.

В боевом распоряжении за подписью Павлова, Климовских и Фоминых говорилось:

"Вы ответственны за удержание Борисова и переправ и, как крайний случай, при подходе к переправам противника переправы взорвать, продолжая упорную оборону противоположного берега. На переправу от Зембин к свх. Веселово выслать мотоотряд с подрывным имуществом с задачей: подготовить переправу к

586

взрыву, упорно оборонять и при подходе противника капитально взорвать. Вам также поручается выполнение того же с переправой у Чернявка (юго-восточнее Борисов)".

Предписывалось использовать для организации обороны все наличные силы. Но, как известно из опубликованных документов и военных дневников К. М. Симонова, реально боеспособных частей, способных противостоять бронетанковым войскам вермахта, в районе Борисова не было и не могло быть. Соединения из армий 2-го стратегического эшелона на рубеж Березины выйти не успевали, собственный гарнизон (1400 человек личного состава училища) не имел противотанковой артиллерии и прочего вооружения. С запада и северо-запада, из Западной Белоруссии и Литвы, к мостам стекались

многотысячные толпы военнослужащих из разбитых войск своего и Прибалтийского округов, но шансов в короткий срок вернуть их в строй было немного. Эти люди были полностью деморализованы, панически настроены и совершенно не готовы сражаться. Случай организованного вывода полковником Ф. Ф. Федоровым остатков своей 5-й танковой дивизии был единственным. Даже в своих официальных донесениях Сусайков называл тех, кто был остановлен на формировочных пунктах, не иначе как "сборным сбродом" и предлагал пропускать их через "густой фильтр". Исключение составляли десятки командиров и политработников, которых начало войны застало в отпусках и они рвались в бой.

Оставалось надеяться, что части 3-й армии и 50-й дивизии сумеют замедлить продвижение врага и дадут выигрыш по времени. К исходу дня было образовано четыре боевых участка обороны. Участок № 1 возглавил полковник Белый, № 2 (собственно Борисов) - полковник М. Д. Гришин, командир 2-й СД 1-го корпуса 10-й армии. Гришину подчинялись два сводных стрелковых полка, гаубичный артполк, три отдельных 76-мм артдивизиона (из них два зенитных) и другие подразделения. Это уже было похоже на дивизию, так ее иногда и называли - "сводная дивизия Гришина". Участками № 3 и № 4 командовали подполковник Мороз и майор Кузьмин.

Появился у И. З. Сусайкова и начальник штаба: им стал полковник А. И. Лизюков. Назначенный перед самой войной с должности зам. командира 36-й ТД 17-го МК начальником 1-го отдела автобронетанкового управления округа, а затем, уже после ее начала, - зам. командира 17-го

587

мехкорпуса вместо покончившего с собой полковника Н. В. Кожохина, он не сумел вступить ни в одну из должностей и был рад любой боевой работе.

П. М. Чаплин писал, что в составе Борисовской группы войск был также отряд майора Терехина. 23 июня 76 курсантов учебного батальона 644-го моторизованного полка 210-й мотодивизии (20-й мехкорпус) были

направлены в Борисов, в танковое училище. Чаплин был старшим по команде. Выехав из Лапичей, где стоял полк, в Минск, они по приказу военного коменданта ж.-д. станции Минск почти двое суток ловили вражеских диверсантов, после чего были отпущены. Когда в ночь с 25 на 26 июня им удалось на товарном составе добраться до Борисова, выяснилось, что училище уже выступило на фронт.

"Комендант г. Борисова нашу группу (76 чел.) передал в отряд майора Терехина (до сих пор его вспоминаю добрым словом: боевой, храбрый, умный командир), заняли оборону на Березине. А дальше с боями отходили: Рославль, Мосальск, Сухиничи, Калуга, Мало-Ярославец, Наро-Фоминск..."

Главные силы 50-й стрелковой дивизии (2-й, 359-й СП, 257-й ГАП и другие части) со вчерашнего дня спешно оборудовали рубеж обороны на реке Виляя. Ранним утром 27 июня на их позиции вышли 49-й и 202-й полки, дравшиеся накануне за Молодечно. Командование 13-й армии, с которой была установлена связь, одобрило решение генерала В. П. Евдокимова и приказало ему удерживать рубеж до подхода резервов, но никакие резервы не подошли.

По состоянию на 22:00 359-й и 49-й стрелковые полки, прикрываясь 2-м стрелковым полком, продолжали марш в район Плещениц, где заняли оборону на рубеже: 359-й СП, 1-й батальон 262-го СП деревня Колово (иск.)-Плещеницы. Генералом В. П. Евдокимовым был подчинен себе 288-й стрелковый полк 64-й СД, который занял оборону в районе Логойска. В полки поступили боеприпасы и продовольствие.

Утром 28 июня после двух воздушных налетов на позиции дивизии, после артиллерийского удара по ее боевым порядкам немцы вновь начали наступление. То, что 27 июня в полосе 50-й СД было спокойно, следует, вероятно, объяснить тем, что немцы, завязав бои с дивизиями, непосредственно оборонявшими Минский укрепрайон (2-го и 44-го стрелковых и неуккомплектованного 20-го механизированного корпусов), за-

нимались перегруппировкой сил. Теперь же 50-я вновь в одиночестве, не имея ни правого, ни левого соседа, героически сражалась с превосходящими силами противника. Только после первой атаки перед позицией 2-го стрелкового полка (командир - подполковник И. В. Писарев) осталось 9 разбитых танков. До полудня воины дивизии успешно, с большими потерями для врага, отразили три его сильных атаки.

И снова отсутствие соседей сыграло свою роковую роль. Немцы еще раз обошли дивизию, решив не терять напрасно на преодолении ее обороны личный состав и боевую технику. Связь со штабом армии снова прервалась и на этот раз уже окончательно. В дальнейшем героическое соединение самостоятельно отходило севернее Минска в направлении к реке Березине, не переставая отбиваться от противника.

Особенно тяжелыми были бои на рубеже Плещеницы-Логойск. Неприятеля сдерживали в основном огнем артиллерии. В ходе боев 28-29 июня было уничтожено до 400 солдат и офицеров противника, кроме танков было разбито до 10 автомашин. Вся артиллерия дивизии действовала на участке Околово; 49-й СП находился во 2-м эшелоне дивизии восточнее Плещениц; на участке 359-го полка противник не появился. В результате боев в дивизии были израсходованы все боеприпасы калибра 152 мм.

Весь следующий день дивизия вела бои в исключительно тяжелых условиях при отсутствии какой-либо связи с вышестоящим штабом и при наступлении противника с двух направлений. Это вынудило командира дивизии направить 49-й стрелковый полк на овладение перекрестком дорог и мостами через Березину в районе Борисова, обеспечив тем самым возможность отхода.

49-й СП с дивизионом 257-го ГАП в 24:00 был направлен в район Зембина, но вернувшаяся разведка доложила, что Зембин занят танками противника. Полк с приданным дивизионом вступил в бой в районе Зембина, стремясь захватить мост через реку, но противник численно превосходил атакующие его части и имел до 20 танков. 1 июля генерал-майор Евдокимов

направил в район Зембина дополнительно 2-й батальон 359-го полка и 1-й батальон 262-го литовского полка с задачей соединиться с 49-м стрелковым полком и совместными действиями при поддержке артиллерии уничтожить противника, обеспечив пути выхода дивизии на тактически выгодную позицию. Действиями пяти советских батальо-

589

нов гитлеровцы были оттеснены, но закрепить успех не удалось, ввиду того что полностью иссякли боеприпасы артиллерии. Пополнить запас было невозможно, ввиду того что противник действовал с трех сторон, несмотря на большие потери в танках.

2-3 июля 50-я стрелковая дивизия, не имея боеприпасов и находясь перед численно превосходящим противником, начала отход по маршруту Зембин – Кимля – Окуплин – Селец – Холопеничи - Черяя.

3 июля произошла трагедия. Возле деревни Нивки, на дороге Бегомль-Борисов, немцам удалось окружить два полка (стрелковый и артиллерийский) 50-й СД. Застигнутые на марше, советские части приняли внезапный бой на открытой местности [113, с. 10]. В почти безнадежных условиях они оказали ожесточенное сопротивление, вывели из строя много танков и другой вражеской техники. Но силы были неравными, и немцы одержали верх. Когда бой закончился и они двинулись сплошной колонной на Бегомль, раненый офицер подполз к заряженному орудью и подбил их командирский танк [там же, с. 104].

5-6 июля 50-я стрелковая дивизия была выведена на переформирование в лес в 10 км восточнее Витебска. Позже, когда в бегомльских лесах образовалась партизанская зона, местные жители рассказали печальную историю боя 3 июля командиру бригады "Железняк" И. Ф. Титкову. Показали они партизанам и то самое орудие, которое спустя два года продолжало стоять на месте боя.

Примерно в этих же местах, но несколько южнее, находилось управление 9-й железнодорожной дивизии НКВД. Не имея данных об

оставленном им 84-м полку, командир дивизии В. Н. Истомина приказал подполковнику Гладченко вместе с замполитом дивизии и оперативной группой в составе 20 человек на 5 грузовиках прорваться в расположение полка и установить с ним связь. Было предпринято две попытки, обе окончились неудачей. В районе станции Смолевичи группа встретила мехчасть неприятеля и вынуждена была отойти. Второй раз пытались пробиться в сторону Минска уже с шестью бронемашинами и двумя взводами пехоты РККА. В районе торфоразработок у ст. Жодино были встречены организованной засадой, в бою потеряли бронемашину, два грузовика и 25 человек. Как впоследствии стало известно, еще в ночь с 26 на 27 июня к Смолевичам от Логойска вышел авангард 7-й

590

танковой дивизии генерала фон Функа из состава 39-го корпуса группы Гота, перерезав железную дорогу и шоссе Минск - Москва.

Начштаба 60-го полка НКВД Финснко в докладной на имя полковника Истомина писал:

"В дальнейшем решил выехать на линию старой границы, надеясь там найти оборону наших частей, но по прибытии никого не оказалось, направился на Минск. Недоезжая Минска, видя, что он весь горит от бомбежки, направился в направлении ст. Колодище, не доехав 5 км до ст. Колодище, узнал о том, что большая группа танков уничтожила поезд на ст. Колодище и Смолевичи и в этом районе идет бой..."

Взятие противником Смолевичей не было бескровным, оно произошло при активном противодействии советских войск, которые пытались контратаковать врага при поддержке огня артиллерии, танков и бронепоезда. Но в итоге бой за Смолевичи окончился в пользу неприятеля.

27 июня командиру 7-й ТД фон Функу было доложено, что 25-й ТП уничтожил бронепоезд, 20 танков, 15 колесных машин, 5 противотанковых и 6 полевых орудий. Однако вследствие больших потерь в танках один из трех батальонов 25-го полка пришлось расформировать; в строю осталось лишь

149 машин. Сам же командир полка полковник Ротенбург был тяжело ранен при взрыве горящего бронепоезда. Так как полк все еще находился в отрыве от главных сил дивизии, ему предложили эвакуацию сначала на связном самолете "Физилер Шторх", а затем - на 8-колесной бронемашине. Полковник отказался от обоих вариантов, отказался и от танкового эскорта, ибо полк был уже серьезно потрепан, и отправился на лечение на автомобиле. На следующий день Ротенбург был найден убитым (с сайта "Фельдграу").

При эвакуации своего командира немцы по ошибке заехали в расположение 331-го полка 100-й стрелковой дивизии, и в столкновении командир 25-го ТП якобы был убит советским снайпером. Как докладывал командиру 2-го стрелкового корпуса комдив-100 генерал-майор И. Н. Руссиянов, "331-м стрелковым полком уничтожено до батальона 82-го пехотного полка, до двух рот мотоциклистов и до роты парашютистов, сожжено 8 танков, разбито артиллерийским огнем 44 танка, мотоциклов - 24, легковых машин - 2, бронемашин - 2, уничтожена батарея 75-мм пушек и 18 противотанковых орудий, убит командир 25-го танкового полка полковник Ротенбург

591

(личный портфель с документами отправлен в штаб корпуса)".

В боевом Приказе № 03 штаба 13-й армии, изданном 30 июня, констатировалось, что противник развивает наступление на борисовском и могилевском направлениях; Смолевичи заняты мотомехчастями противника, соседей нет; 13-я армия переходит к обороне на фронте Смыки, Смиловичи, Червень.

После неудачного боя у торфоразработок работники управления 9-й ЖДД НКВД отступили к станции Жодино (ныне город, в котором производятся автомобили БелАЗ), которая оказалась забита ценными грузами, там же оказались отошедший из Белостока бронепоезд 58-го полка их дивизии и еще один неизвестный бронепоезд, оба брошенные экипажами.

Младший лейтенант С. П. Квашнин с БЕПО № 58 писал в своей объяснительной на имя командира дивизии, что в Жодино бронепоезд, имевший повреждения и потери в личном составе, прибыл 26 июня. На станции находились два воинских эшелона и два эшелона с беженцами, полотно в направлении Борисова было разрушено.

К 23:30 у станции появились танки и пехота противника, примерно в это же время подошел еще один, но не просто бронепоезд, а, как написал Квашнин, МБВ (мотоброневагон) неизвестной принадлежности. Артогнем последнего противник был остановлен и отступил, но через некоторое время кто-то сообщил, что танки свои, и стрельбу задробили. Один из танков был подбит, к нему подошли и увидели, что он все-таки немецкий. После этого беженцы ушли пешком на восток, разбежалась и команда бронепоезда. С младшим лейтенантом из 95 человек осталось трое: два сержанта и младший сержант. В экипаже броневагона не осталось ни одного командира, зато на станции оказалась зенитная установка с двумя красноармейцами.

Утром 27 июня немцы предприняли новую атаку, по ним был открыт огонь, но вскоре прилетели пять самолетов и началась бомбежка.

Квашнин писал:

"Ввиду того что из нашего трофейного бронепоезда нельзя было вести огонь ни по самолетам, ни по танкам противника, а МБВ и зенитная установка прекратили огонь - танки противника вели сильный огонь по нас. И нам пришлось покинуть 27.6.41 бронепоезд".

Есть фото, на котором, возможно, изображен поврежденный и захваченный противником в Смолевичах БЕПО-МБВ, принадлежав-

592

ший 73-му или 76-му полку 3-й ЖДД НКВД: два МБВ Брянского завода (у ближнего внутренним взрывом вырвана дверь и отсутствует одна из башен), "черный", т. е. небронированный, паровоз и одна контрольная платформа. Не исключено, что третий МБВ, не имевший повреждений, сумел вырваться из-под обстрела и ушел к Жодино, где и был брошен.

Видимо, после всех этих событий, когда части неприятеля ушли вперед, на опустевшей станции появилась опергруппа штаба 9-й ЖДД. Полковник Истомина писал, что все попытки организовать эвакуацию обоих БЕПО и грузов ничем не кончились из-за отказа в помощи командования Борисовской группы войск. Как выяснилось неделю спустя, майор И. И. Пияшев выполнил приказ комдива и вывел свой 84-й полк в количестве 648 человек к Могилеву.

Справка

МБВ Брянского завода типа Д-2 был вооружен двумя 3-дюймовыми орудиями образца 1902 г. в громоздких высоких башнях, а ЗПУ (счетверенная) была только одна - на башне. Известно, что МБВ имели полки 2, 3, 4, 6, 7 и 8-й железнодорожных дивизий НКВД. Организационно линейный и учебный БЕПО-МБВ имели в своем составе три мотоброневагона и один паровоз (для экономии их моторесурса), а также другие подразделения. Разница была только в личном составе.

МБВ-2 производства Кировского завода в Ленинграде был гораздо совершеннее, ничего подобного ему не имелось ни в одной стране. Он представлял из себя компактную бронеплощадку с наклонно установленными листами бронезащиты и собственной силовой установкой (танковый вариант авиационного двигателя М-17). Вооружение его состояло из 3 орудий калибра 76 мм в башнях танка Т-28, 6 танковых пулеметов ДТ в шаровых шарнирах и 4 "максимов" по бортам, а также двух ЗПУ ДТ (на 2-й и 3-й башнях) и счетверенной ЗПУ перед командирской рубкой. К сожалению, их было выпущено всего два. Сохранился МБВ № 02 "За Ленинград" с длинноствольными пушками Ф-34.

Бронепоезд же 58-го ЖДП НКВД (бывший № 55 "Бартош Гловацкий"), оснащенный двумя французскими 75-мм орудиями, имел польское

происхождение: его экипаж сдался советским войскам во Львове 22 сентября 1939 г.

593

Оценка возникшей ситуации и путей отхода войск белостокской группировки

Теперь, после взятия Смолевичей, острие неприятельского мотомеханизированного клина, ударившего из Прибалтики, находилось не на западных подступах к Минску, но уже в 27-30 км северо-восточнее него. На шестой день войны в полуокружении находились части не только белостокской группировки Западного фронта, но и 13-й армии. Линия фронта сложилась в причудливую геометрическую фигуру, которую с очень большим допущением можно было назвать положенными набок деформированными песочными часами. Западная часть "часов" горизонтально простиралась от района севернее Белостока и южнее Гродно (частично захватывая южный берег Немана) до района Мосты - Зсельва, восточная часть - от Мостов и Зельвы до Минска с заметным уклоном на север. Успешными действиями 9-го армейского корпуса вермахта местность для отступления 10-й армии была ограничена пространством между верхним течением Нарева и Неманом, а если быть еще точнее, между проходящим с запада на восток шоссе Белосток - Барановичи и южным берегом Немана.

Коридор отступления сужался от ширины примерно в 55 км у Грудек до 25 км у Волковыска. Затем коридор постепенно становился шире. Он находился к северу от водораздела между Наревом (и, в какой-то степени, Припятью) и Неманом. В самом узком месте (там, где песок в часах перетекает из одного сосуда в другой) поймы Зельвянки (100 км восточнее Белостока) и частично Щары (примерно 125 км восточнее Белостока) представляли собой обширные заболоченные луга, которые на севере сближались друг с другом.

У Зельвы, например, Хайдорна лично видел один БТ и два Т-26, которые застряли в Зельвянке, тогда как в том же самом месте штурмовые орудия и полугусеничные транспортеры 150-мм батарей, приданные передовому батальону 292-й пехотной дивизии, без проблем форсировали реку.

Что касается Щары, то между шоссе и Неманом был только один мост в д. Великая Воля (35 км северо-западнее Слонима). С ним соседствовало несколько бродов, а еще шесть бродов было относительно равномерно распределено

595

по речному руслу на расстоянии от 5 до 8 км (V. Hejdorna. Der sowjetische Aufmarsch im Bialystoker Balkon bis zum 22 Juni 1941 und der Kessel von Wolkowysk, с 256).

В то же время воздушной разведкой было выявлено наведение на Зельвянке и Щаре нескольких понтонных переправ взамен уничтоженных.

Следовательно, отступление войск 10-й армии на восток из образовавшегося "котла" было похоже на выход из бутылки по направлению к ее горлышку; "горлышко" начиналось у Волковыска. Из белостокского выступа по дорогам и шоссе с запада, северо-запада и севера части Красной Армии выходили к Волковыску и вливались в поток людей и техники, двигавшийся по автомагистрали. При отходе здесь непременно должны были возникнуть (и возникли) ужасные пробки, так как не существовало объездных дорог с твердым покрытием.

Дорога по южному берегу Немана использовалась почти исключительно отходящими частями 3-й армии. По советским директивным документам, длина общевойсковой армии на единственной дороге составляла примерно 400 км, прохождение же узкого коридора у Зельвы продолжилось бы, по расчетам мирного времени, примерно 10 дней. Однако уже 24 июня взятием Слонима частями 17-й и 18-й ТД из группы Г. Гудериана этот путь на восток был перерезан. 26 июня это шоссе было еще раз перерезано, теперь

уже восточнее Зельвы, частями 29-й мотодивизии. С этого момента открытой для отхода на восток осталась заболоченная и бедная дорогами горловина севернее Зельвы шириной не более чем в 25 км.

При выходе сюда отступающих частей 3-й и 10-й армий имеющихся сил вермахта безусловно не хватило бы для их сдерживания, поэтому германское командование спешно начало перебрасывать к Зельве дополнительные войска.

Так, 82-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии, продвигавшийся от Коссово через Бусяжь, Урочь и Стерки в сторону Щары, после полудня получил радиogramму из штаба дивизии. Полку предписывалось повернуть на запад и совершить ускоренный марш к Ружанам. 2-й батальон двинулся из Урочи на Ковали, 1 -й и 3-й батальоны - на Сосновку. К исходу дня 2-й батальон достиг Ковалей.

596

10.4. Обстановка на Двинском участке Северо-Западного фронта и к югу от него

При отступлении частей 11-й армии Северо-Западного фронта к Западной Двине и выходе моторизованного корпуса группы Г. Гота к Молодечно в и без того не отличавшемся монолитностью фронте обороны советских войск образовался разрыв на огромном протяжении: от озера Нарочь, что севернее областного центра Вилейка, до городков Поставы и Краслава. По состоянию на 21:00 27 июня штаб 29-го литовского стрелкового корпуса находился в лесу в 5 км восточнее Ветрино (20 км от Полоцка по шоссе Вильно-Полоцк). Вместе с корпусным управлением находился 615-й артиллерийский полк без матчасти. Остатки 179-й дивизии отходили по маршруту Старые Свенцяны - Глубокое - Полоцк - Невель. В 20:30 27 июня отряд 179-й ТСД в количестве примерно 2500 человек прошел Ветрино. В

ночь на 28 июня, не доходя 10 км до Глубокого, 618-Й ЛАП вновь подвергся нападению шаулистов, но своим огнем рассеял их.

На стыке Северо-Западного и Западного фронтов разворачивалась 22-я армия 2-го стратегического эшелона, сформированная из войск Уральского военного округа. Три стрелковых дивизии из ее состава прибыли на территорию ЗапОВО еще до начала войны; к концу июня армия в основном прибыла в район сосредоточения, ее войска начали заполнять 58-й Себежский (личность коменданта не установлена, возможно, была вакантной) и 61-й Полоцкий (комендант - майор А. И. Егоров, 28 июня его сменил полковник Н. С. Дэви) укрепленные районы на старой госгранице. Направления на Полоцк, Витебск, Невель можно было считать в какой-то степени прикрытыми - в скором времени это стало большим и неприятным сюрпризом для германского командования, считавшего, что все стратегические резервы Советов исчерпаны. Проблема была в другом: ни Ф. И. Кузнецов, ни Д. Г. Павлов ничего не знали не только о боевом составе разворачивающихся у них за спиной свежих армий, но и о самом факте их переброски на запад (соблюдался режим чрезвычайной секретности), а посему не могли на них рассчитывать; войска 1-го и 2-го эшелонов никак не взаимодействовали между собой, что позволило вермахту поочередно перемолоть их.

597

27 июня продолжились боевые действия на плацдарме в районе Двинска.

Генерал-полковник Ф. И. Кузнецов доложил наркомму обороны:

"Во исполнение вашего приказа вчера организовал атаку по возвращению Двинск. К вечеру 26.6.41 г. Двинск был возвращен, но предпринятый противником ожесточенный налет авиации, продолжавшийся три часа, при возобновившихся атаках пехоты с танками противника вынудил снова оставить Двинск. Организую сегодня ночью вторую контратаку для овладения Двинск с вводом 46-й танковой дивизии 21-го

механизированного корпуса... При атаке Двинск сбито 7 бомбардировщиков и уничтожено 5 танков".

Полковник С. А. Сухарев по своей линии, в ГУ ПВ НКВД СССР, докладывал так:

"27.6 из Бигосово высылал разведку на Двинск, которая прошла под 10 км с-в Креслава, где проходит линия обороны 112 сд. Дальше этой линии разведку не пустили, ссылаясь на близость боя".

112-я стрелковая дивизия (командир - полковник И. А. Копяк) входила в состав 51-го корпуса 22-й армии. В этот день в районе Двинска произошло досадное происшествие: пропал без вести начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор Ф. И. Трухин. Как выяснилось после войны, автомобиль, в котором он ехал, был обстрелян немецкими бронемашинами, Трухину удалось скрыться в пшеничном поле, но при повторной встрече с немцами сопротивления он не оказал и был пленен.

Во второй половине дня боевые группы соединений 21-го механизированного корпуса вышли в районы Извалта, Жилина (42-я ТД), Соловишки, Заборная (46-я ТД), Тарпаны, Слостовка (185-я МД). К концу дня в штаб корпуса, разместившийся в роще в 20 км северо-восточнее Двинска, прибыл помощник командующего фронтом С. Д. Акимов. Генерал рассказал, что накануне, утром 26 июня, противник форсировал Западную Двину и занял Двинск.

Предпринятые в этот же день частями 5-го воздушно-десантного корпуса попытки выбить противника оказались безуспешными. Наступление захлебнулось, отдельные подразделения смогли дойти лишь до северных окраин города. Для обороны рубежа по Западной Двине от Ливанти до Краславы выдвигается 24-й корпус 27-й армии, корпуса И. С. Безуглого и Д. Д. Лелюшенко также включаются в ее состав.

Примечание

По воспоминаниям бывшего начальника ар-

598

тиллерии 27-й армии Н. М. Хлебникова, в этот же день в районе Резекне управление армии встретилось с опергруппой штаба Северо-Западного фронта. О событиях в районе Двинска их проинформировал лично Ф. И. Кузнецов. По его словам, танковый корпус противника форсировал Западную Двину, захватил плацдарм и пытается развить наступление в северо-восточном направлении. Противостоящая ему сводная группа С. Д. Акимова насчитывает всего 2,5-3 тысячи человек (Под грохот сотен батарей. - М.: ВИ, 1974. С. 120).

Оценив обстановку, генерал-майор Д. Д. Лелюшенко принял решение: наступление на Двинск начать утром 28 июня, выбить противника из города и занять оборону по северному берегу Западной Двины. В соответствии с этим 46-я танковая дивизия (командир - Герой Советского Союза полковник В. А. Копцов) должна была во взаимодействии с десантниками 5-го корпуса уничтожить противника в западной части Двинска и к исходу дня занять оборону на участке Вайкулани, западная окраина Двинска. 185-й мотострелковой дивизии (командир - генерал-майор П. Л. Рудчук) предстояло овладеть центральной частью города, 42-й танковой дивизии (командир - полковник Н. И. Воейков) - восточной частью.

В Директиве № 02 командующего войсками СЗФ (опубликована в СБД № 34) в составе войск, действующих на двинском направлении, была упомянута и некая "сводная стрелковая дивизия". Вероятно, на сборных пунктах в районе Двинска С. Д. Акимову удалось остановить и вновь поставить в строй немало военнослужащих. В боях за Двинск фигурируют, в частности, остатки подразделений 128-й стрелковой дивизии; поминаются героические действия батальона 84-й МД под командой полковника Г. А. Белоусова - вероятно, того, что был оставлен в Вильно для охраны объектов.

В донесении в Генеральный штаб от 29 июня о ходе боев за Двинск командование фронта сообщало:

"У Двинск наши силы: две воздушно-десантные бригады, из коих одна фактически не существует из-за понесенных потерь, два сводных полка, сформированных из отставших, остатки 2-й танковой дивизии без единого танка и 46-я моторизованная дивизия 21-го механизированного корпуса - всего 1000 человек".

Вот эти два сводных полка плюс отряд 2-й ТД, видимо, и составляли сводную дивизию. Кто командовал этим импровизированным формирова-

599

нием, нигде не указано, но, как вспоминал генерал-полковник И. Т. Коровников (в июне 1941 г. - комдив, зам. командира и и.о. командира 2-й танковой дивизии), он принимал участие в боях за Двинск.

Действия наземных частей поддерживала авиация 1-го авиакорпуса, потери составили 7 самолетов: две машины 203-го ДБАП (лейтенанта Т. А. Гусева и старшего лейтенанта М. П. Кузнецова), еще две - 53-го (старшего лейтенанта Д. К. Скляренко и лейтенанта В. Л. Алексева) и еще три - 200-го (старшего лейтенанта И. С. Шафороста, лейтенанта П. К. Дмитрука и младшего лейтенанта В. А. Чижова).

10.5. За левым флангом. Действия войск 4-й армии, дивизий 47-го стрелкового и 17-го механизированного корпусов

Взятие противником Барановичей и Столбцов

В то время, когда танковые подразделения группы Гота, не имевшие перед собой сплошного фронта советских войск, в высоком темпе продвигались к Минску с севера, на южном фланге шли напряженные бои. На слуцко-бобруйском направлении действовали остатки войск 4-й армии и

55-й стрелковой дивизии, на барановичском - 121, 155 и 143-я дивизии 47-го корпуса фронтового резерва вместе с не закончившей формирование 209-й моторизованной дивизией 17-го мех-корпуса. По соседству с частями 209-й МД занимали оборону 107-й стрелковый полк и 84-й арtpолк 55-й стрелковой дивизии. В районе Барановичей они сдерживали 17-ю и 18-ю танковые дивизии 47-го моторизованного корпуса вермахта, имевшего задачу соединиться с 3-й танковой группой.

К исходу дня 18-я ТД взяла Барановичи, но продвинуться на Несвиж не сумела. 17-я ТД, действуя в направлении Столбцов, таранным ударом рассекла на две части 121-ю дивизию.

И. И. Тасминский вспоминал, что остатки 297-го легкого арtpолка с уцелевшими орудиями отступили в направлении Бобруйска, при форсировании Березины попали в засаду. Немецкий пулеметчик, занявший позицию в кустах на противоположном берегу, перебил всех тягловых лошадей. Артиллеристы повернули назад, попали под огонь артиллерии и минометов, после

600

чего командир полка приказал разбиться на мелкие группы и самостоятельно пробираться через линию фронта.

Оказавшись в немецком тылу, остальные части 121-й дивизии не рекратили своего существования. Одну группу возглавлял командир генерал-майор П. М. Зыков, другую - начальник штаба полковник Н. Н. Ложкин. Они выходили из окружения очень долго, фронт к этому времени отодвинулся до Днепра, но все же вышли. К этому времени на основе 2-го эшелона дивизии, не попавшего из Бобруйска к Барановичам, уже была сформирована еще одна 121-я дивизия.

После прорыва 47-го корпуса на Столбцы и Дзержинск остатки 143-й и 155-й советских дивизий, отброшенные от Минского шоссе на восток, оказались между полосами наступления частей группы Гудериана - на обширном участке от Минска до Бобруйска выхода германских войск не

было. К утру 28 июня в районе д. Яковлево остатки 143-й СД (два стрелковых полка и один артиллерийский полк) перешли старую госграницу, и на этом ее участие в приграничном сражении закончилось. По приказу штаба 4-й армии 143-я отводилась в район Чаусов по маршруту Марьино Горка - Могилев - Чаусы на переформирование и пополнение.

30 июня в оперсводке за № 12 штабом фронта было доложено в Москву:

"Данных о положении частей 3-й и 10-й армий не поступало. 155-я стрелковая дивизия, о которой не было данных с 25.6.41 г., сегодня установлена в полном составе в районе Руденск" (между Минском и Марьиной Горкой).

Сведения оказались верными лишь отчасти. 155-я действительно нашлась, но от нее фактически остался только номер. Это соединение, как выяснилось после его переправы через Березину, понесло в предыдущих боях такие потери, что говорить о нем, как о дивизии, уже не приходилось. Впоследствии ее сводный полк принимал участие в боях в районе Березино, но численность активных штыков не превышала численности роты.

Также в оперсводке штаба Западного фронта № 16 за 3 июля 1941 г. имеется следующая запись:

"Части, выходящие из Западной Белоруссии. Со слов командиров, прибывающих с фронта (данные требуют проверки), 113-я стрелковая дивизия 28.6.41 г. вела бой у старой госграницы, а позднее у Слуцк и Уречье".

Вероятно, здесь имеет место опечатка, и следует понимать, что речь идет о 143-й дивизии.

601

Продвинувшись вдоль Минского шоссе в сторону Дзержинска, 17-я ТД вышла в район ж.-д. станции Городея (перегон Барановичи - Столбцы). Там немцы атаковали и расстреляли воинский эшелон, на котором в западном направлении перевозилась зенитно-артиллерийская часть Красной Армии.

Разгрому подвергся дивизион 479-го полка ПВО, который война застала на полигоне в Крупках. Воентехник 2 ранга Ф. К. Королев, начальник складов НЗ 479-го ЗАП, не был свидетелем этой трагедии, но узнал о ней после выхода из окружения (он был в группе из шестидесяти человек своего полка и семи примкнувших - из 219-го, Волковысского, ОЗАД) от военнослужащих дивизиона и одного из офицеров, лейтенанта Боровского.

Когда началась война, дивизион вместе с матчастью в спешном порядке был погружен в эшелон и отправлен в Белосток. Двенадцать орудий, погруженные на платформы, были развернуты в боевые положения для отражения атак с воздуха. Стояла жаркая погода, и ничто не предвещало беды. У Городеи эшелон был атакован немецкими танками. Атаки с земли в глубоком, как думалось, тылу никто не ожидал. Сразу же снарядом был пробит котел паровоза, и состав беспомощно остановился. Около трех десятков немецких танков, развернутых боевым порядком двинулись к нему и вели орудийный огонь. Началась паника, красноармейцы и командиры выпрыгивали из вагонов и бежали к росшему неподалеку лесу.

Только два человека не стали спасаться бегством, а решили дать врагу отпор. Лейтенанты Запяткин и Боровский добрались до орудия и открыли ответный огонь по немецким танкам; Запяткин заряжал и стрелял. Боровский встал за наводчика. Вскоре от прямых попаданий остановилось более десятка танков, и неизвестно чем закончился бы этот неравный бой, если бы осколок снаряда не оборвал жизнь лейтенанта Запяткина. Не имея возможности в одиночку управляться со сложным орудием, лейтенант Боровский покинул место боя и присоединился к своим оплошавшим товарищам, укрывшимся в лесу. Затем личный состав дивизиона построился в походную колонну и отправился на восток. К своим вышли в районе Могилева, но по выходе его командование скрыло и не предало огласке обстоятельства, при которых произошла утеря всей материальной части [76, копия].

На подступах к Столбцам 17-я танковая дивизия противника была на некоторое время задержана боевыми группами 27-й и 36-й танковых дивизий 17-го МК. 27-я ТД полковника А. О. Ахманова на 22 июня имела один танк БТ-3. Такое соединение могло только погибнуть, встав на пути неприятеля.

В политдонесении зам. начальника политуправления Западного фронта имеется запись:

"27-ю танковую дивизию военные действия застали неподготовленной, т. к. формирование не было закончено. Матчасти не было, личный состав был вооружен винтовками на 30-35%. Небоееспособной и невооруженной дивизии было приказано занять оборону в районе Барановичей. На линию обороны вышло всего 3000 человек, до 6000 человек были сконцентрированы в лесу в 18 км от Барановичей, все 6000 бойцов не имели оружия... Дивизия натиска мехчастей не выдержала и начала отступать. Невооруженные толпы красноармейцев подверглись нападению со стороны мотомехчастей противника. В результате часть была уничтожена, а большая часть красноармейцев была рассеяна по лесу..." [63, с. 14].

Согласно опубликованным данным, по состоянию на 21 июня 17-й мехкорпус был почти полностью укомплектован личным составом, имел 36 танков, 35 броневедомостей, 54 орудия, 37 82-мм минометов и 480 автомашин. Но при всем этом: средств связи нет, боеприпасов и ГСМ нет. стрелкового оружия тоже нет.

В оперсводке штаба Западного фронта № 8 на 20:00 27 июня указывалось, что 17-й механизированный корпус сосредоточился в районе Барановичей, организовал там противотанковую оборону и одновременно уничтожил до сорока танков противника. Арестованный генерал армии Д. Г. Павлов сообщил следователям, что атаки противника были отбиты огнем артиллерии и имевших личное оружие красноармейцев, но уже самый факт этих атак свидетельствовал о том, что противник прорвался к Барановичам и тем самым вышел в тыл второй резервной группировки, то есть 121, 155 и 143-й дивизиям.

Также Павлов сообщил, что "принятыми мерами командиром 17-го мехкорпуса генералом Петровым до 45 - 50 танков противника, прорвавшихся на Барановичи, были разгромлены, а остальные ушли в южном направлении".

Что было потом, идентифицировать не удастся. Директивой Военного совета Западного фронта № Нот 1 июля 1941 г. коман-

603

диру корпуса предписывалось к 3 июля вывести части в район Колбча, Слободка, Суша, где привести их в порядок; 4 июля быть готовым к действиям в направлении Бобруйска для захвата последнего во взаимодействии с 204-й воздушно-десантной бригадой и 55-й стрелковой дивизией. Согласно донесению штаба Западного фронта от 4 июля, 17-й мехкорпус подошел к Березине, но не форсировал ее.

В докладе начальника оперативного отдела штаба ГК ЗН (Главного Командования Западного направления) от 21 июля имеется следующая запись:

"Остатки 7, 17 мк... вывести в район Сухиничи. Из мехкорпусов сформировать две танковые дивизии". Подписано комбригом С. И. Любарским.

Но уже 24 июля Военный совет ЗН, докладывая Сталину по обстановке в районе Смоленска, указывает: "23.7 в 16.00 нами брошен из Ярцево сформированный мотополк, из отошедшего 17 мк (1600 штыков), к тов. Лукину".

Командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров и начальник штаба полковник Д. Д. Бахметьев сумели избежать пленения и после выхода из окружения получили новые назначения. Петров командовал 50-й армией Брянского фронта и погиб в октябре 1941 г. при выходе из второго окружения (сама армия не погибла - она обороняла Тулу в 41-м и брала Кенигсберг в 45-м). Генерал Бахметьев закончил войну

начальником штаба 3-й гвардейской танковой армии у маршала П. С. Рыбалко.

Во фронтовых блокнотах В. Гроссмана есть такая запись о Петрове:

"Рассказывает, как выходил из окружения, не сняв мундира, при орденах и Золотой Звезде, не желая надеть гражданскую одежду. Шел один, при полном параде, с дубиной в руке, чтобы отбиваться от деревенских собак".

Уцелевшие остатки личного состава корпуса были сведены в 27-ю танковую дивизию, а 1 августа она была переформирована в 147-ю танковую бригаду. Вот, собственно, и все, что осталось в истории войны о 17-м механизированном корпусе Красной Армии. Уж не знаю, чем не глянулся умница и храбрец генерал Петров писателю И. Ф. Стаднюку, но милей его сердцу оказался реально не существовавший Федор Ксенофонтович Чумаков.

Очень интересно сравнивать оперативные документы Красной Армии и войск НКВД. Одни и те же события освещаются по-разному, и часто донесения офицеров внутренних

604

войск несут значительно больше информации, нежели армейские. Если, по данным Л. М. Сандалова, 27 июня еще шли бои в районе Барановичей, то, согласно донесению капитана Финенко, к 8 часам утра немцы уже подошли к Столбцам. А согласно разведсводке штаба фронта № 10 от 29 июня, немцы атаковали Столбцы уже в 6 часов утра, причем указаны их силы (шесть средних танков, до 40 мотоциклистов и три орудия). Впрочем, возможно, это был лишь передовой отряд 17-й танковой дивизии противника, а основные ее силы действительно продолжали сражаться с частями 17-го мехкорпуса.

К 6-8 часам к шоссе-дорожному мосту в Столбцах подошла колонна танков, над головной машиной был поднят красный флаг. Провокация не удалась, противник был опознан и встречен артиллерийским огнем двух охранявших мосты бронепоездов - армейского № 44 и войск НКВД № 60.

В обороне станции Столбцы приняли участие и воины-железнодорожники 6-й бригады ВОСО. Ее управление находилось в Барановичах, а один из отдельных восстановительных батальонов, 5-й, - в самих Столбцах. А. А. Маринович из экипажа БЕПО № 44 вспоминал, что при организации обороны его командир С. Л. Ключев установил связь с командованием 5-го ОЖДБ. Возле железнодорожного моста был оборудован НП, среди отступающих обнаружили и подчинили себе счетверенную ЗПУ с уже обстрелянным расчетом.

Бой складывался тяжело. Командир бронеплощадки Б. П. Есин первым заметил вражеские танки; вслед за ними двигалась колонна автомобилей с пехотой. По ним был открыт артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь бронепоездами, расчетами орудий и всеми "разношерстными" подразделениями, которые удалось собрать и поставить в оборону. Подтянув артиллерию, немцы обрушили на защитников Столбцов шквал ответного огня. На БЕПО № 44 было много раненых и убитых, прямыми попаданиями было выведено из строя три орудия из четырех. Красноармейцы-железнодорожники контратаками при поддержке огня бронепоездов отбрасывали врага, не давая ему зацепиться за восточный берег Немана. Было выведено из строя более десяти танков противника, много транспортных средств, орудий и живой силы.

Вторая группа танков противника открыла фланговый огонь по оборонявшимся, в результате обстрела мосты получили по-

605

вреждения: шоссейный мост загорелся, железнодорожный был в нескольких местах поражен снарядами, но устоял. Оба бронепоезда были серьезно искалечены, не утратив, правда, способности передвигаться, и отошли в направлении на Минск.

1-я рота 60-го полка НКВД, после того как занятые ею огневые точки подверглись интенсивному обстрелу, в том числе зажигательными пулями и снарядами, также отошла и впоследствии присоединилась к своему полку. В

Брянске БЕЛО № 44 прошел восстановительный ремонт и снова ушел на фронт.

Как вспоминал бывший начальник физической подготовки 24-го КП 36-й кавдивизии зам. политрука А. В. Мудэль, к началу войны на стрельбах на полигоне Крупки находились зенитно-пулеметный взвод их полка и целиком дивизионный 33-й ОЗАД (П. В. Яхонтов писал, что там были зенитчики всех полков дивизии). 22 июня они выступили на запад, чтобы вернуться в дивизию, но им пришлось принять бой с немецкими танками в глубоком тылу 10-й армии и именно в Столбцах. Зенитчики-кавалеристы сражались отважно, вывели из строя несколько танков, но понесли тяжелые потери в орудиях и расчетах.

После форсирования Немана у Столбцов перед танкистами Гудериана на пути к Минску больше не было серьезных водных преград. В течение дня 27 июня мелкие группы немецких танков с мотопехотой и приданной артиллерией (видимо, поисково-разведывательные отряды) были замечены в разных местах в районе шоссе Барановичи-Минск.

Примерно в 6 часов в район Колдычево подошло девять танков противника (из них шесть легких), в 16 часов в районе Подлесья видели 16 легких танков и мотоциклистов. Потом эта группа разделилась: одна ее часть ушла к станции Городея, другая - в направлении Островки. Ведением такой активной разведки немцы старались как можно тщательнее определить, с какими силами советских войск им придется встретиться в районе Минска.

У дер. Мезиновка (11 км юго-восточнее станции Негорелое, то есть уже за Неманом) подразделение из восьми неприятельских танков при семи орудиях блокировало и взяло под контроль дорогу Столбцы - Негорелое. Дозор 20-го мехкорпуса, действовавший в направлении Столбцов, с ходу атаковал врага и вывел из строя несколько его танков, потеряв

606

две своих машины. В 18 часов несколько десятков мотоциклистов при поддержке трех танков попытались ворваться в Дзержинск, но были отбиты.

А менее чем через полтора часа, в 19:10, разведчики 20-го МК могли лишь бессильно наблюдать, как в Дзержинск вошла мотомеханизированная колонна: ее длину они оценивали примерно в 8 км. Теперь танкистов Гудериана отделяло от юго-западных окраин Минска расстояние не более чем в 30 км.

Прорыв танков противника к Березине и захват Бобруйска

На шестой день боевых действий командование группы армий "Центр" поставило перед армейскими корпусами 4-й полевой армии следующую задачу: замкнуть и максимально сжать кольцо окружения вокруг 3-й и 10-й армий. Для этого им следовало продолжать одновременное наступление с запада, севера и юго-востока, выставив прочные заслоны с востока по рубежу реки Зельвянка на участке между Зельвой и Неманом. Танковым соединениям 47-го МК надлежало выполнять прежнюю задачу по выходу в район Минска, но 24-му моторизованному корпусу приказывалось ударом через Слуцк на Бобруйск захватить и удерживать переправы через р. Березина значительно южнее Минска.

После взятия Слуцка авангард 24-го МК и подтягивающиеся за ним части снабжения обстреливались фланговым огнем и несли серьезные потери. Их защита была возложена на 3-й МП полковника фон Мантейфеля.

Прибыв в Слуцк, генерал Модель созвал совещание на советском полевом аэродроме. Он указал на плохую организацию движения, которая приводит к постоянным заторам и дает отличные мишени для авиации, и потребовал продолжать наступление.

"Мы должны идти дальше! Березина - это следующая цель, и тогда Москва лежит перед нами!"

Но сразу продолжить наступление не удалось, так как советские подразделения к востоку от Слуцка продолжали удерживать оборону по

берегу р. Весейка и не давали вражеским саперам навести переправу; для их прикрытия требовалось подтянуть артиллерию. Кроме того, требовала ремонта значительная часть транспорта и оружия.

Генерал-майор А. А. Коробков, находившийся со штабом армии в лесу в районе Старых Дорог, сообщил начальнику

607

штаба фронта В. Е. Климовских, что оборона по линии Слуцкого УРа прорвана. Одновременно Коробков решил сформировать сводный отряд из остатков 28-го корпуса и 161-го запасного полка и перебросить его вместе с управлением корпуса по Варшавскому шоссе на рубеж р. Птичь. И. о. командира 55-й стрелковой дивизии Г. А. Тер-Гаспаряну он поставил задачу перебросить один отряд из остатков дивизии на р. Птичь в распоряжение командира 28-го С К, а другой отряд - для организации обороны Глуска.

С этого момента руководство частями, оборонявшимися на рубеже реки Случь, возлагалось на и. о. командира 14-го механизированного корпуса полковника И. В. Тутаринова и полкового комиссара И. В. Носовского. Им были подчинены три отряда. Передовой отряд в составе трех рот, пяти орудий и двух бронемашин совместно с батальоном 161-го запасного полка занимал рубеж по р. Случь от Варшавского шоссе до железной дороги Слуцк-Уречье. Второй отряд совместно с отрядом 22-й танковой дивизии в составе четырех рот занимал оборону по линии Омговичи, Калита. Остатки 30-й ТД находились во 2-м эшелоне и занимали рубеж Подоросье, Б. Боровая, Волошево, Сороги. В каждом отряде имелось по несколько 122-мм гаубиц и орудий полевой и противотанковой артиллерии.

На рассвете 27 июня противник несколькими авианалетами "прочесал" боевые порядки отрядов, оборонявшихся в районе Слуцка. Начиная с 07:30, 3-я танковая дивизия противника нанесла ряд сильных ударов по нескольким направлениям. Во главе дивизии находились два маршевых эшелона под командованием подполковников фон Левински и Мюнцеля. Отряд танков 6-го ТП (командир - обер-лейтенант Я. фон Шведер) прорвался за Весею. но

главные силы удалось остановить. К 10 часам утра отрядам 14-го мехкорпуса и подразделений 55-й СД на рубеже Омговичи, Гутково, Калита, Уручье удалось остановить противника и отразить все атаки, нанеся ему большие потери.

Генерал-лейтенант В. Модель, находившийся вместе с передовым отрядом, командовал, стоя в открытой машине, руководил действиями своих частей. Поскольку авангард дивизии подвергся сосредоточенному ружейно-пулеметному обстрелу, был тяжело ранен вызванный к генералу майор Кратценберг, его заменил гауптман Орте, тут же раненный двумя пулями.

608

Получив отпор, Вальтер Модель применил многократно апробированный способ преодоления обороны противника. Отряд 3-й ТД продвинулся на северо-восток, обошел оборонительный рубеж Омговичи, Калита с севера и в результате этого маневра к полудню вышел в район Старых Дорог, где ранее размещался штаб 4-й армии. На командном пункте к этому времени находился только начальник штаба Л. М. Сандалов с небольшой группой командиров; армейское управление находилось уже в Бобруйске или на пути к нему. Начальник оперативного отдела подполковник А. И. Долгов с начальником связи армии должны были из Бобруйска установить связь со штабом фронта. Вернувшийся из отпуска начальник артиллерии армии М. П. Дмитриев занимался организацией доставки боеприпасов с артиллерийских складов в Бобруйске и с Бобруйского артполигона; армейский инженер полковник Прошляков готовил к подрыву мосты через Березину. С армейского КП полковник Сандалов и находившиеся с ним офицеры перешли за р. Птичь к сводному отряду 28-го стрелкового корпуса.

Захват Старых Дорог оказался возможным из-за открытого правого фланга сводного отряда 14-го МК, командир которого не принял необходимых мер по его обеспечению. Вследствие этого отряд фактически оказался в полуокружении.

Примерно в 14 часов противник, снова после налета авиации и при поддержке артиллерии и минометов, нанес два фронтальных удара по рубежу Омговичи, Калита. 2-й батальон 6-го танкового полка перед мостом встретил заграждение из неисправных автомашин и бронетехники, прикрытое огнем артиллерии, но сумел преодолеть его. До двух десятков танков проутюжили позиции немногочисленной артиллерии и прорвали оборону севернее участка, занимаемого 55-й дивизией. Через час была прорвана оборона еще в одном месте, в результате чего остатки 55-й СД и 161-го запасного полка были оттеснены на юг, к Уречью. От Слуцка на Бобруйск двинулись основные силы 24-го МК.

В двух километрах южнее шоссе находился КП 55-й дивизии. Д. А. Морозов из штаба артиллерии дивизии писал, что они смотрели на вереницу вражеской техники, но были бессильны что-либо предпринять. Артиллерии не осталось, бросить в атаку пехоту со связками гранат было

609

бессмысленно: люди не успели бы даже добежать до машин 183, с. 45].

Вечером, когда штаб дивизии разместился в Уречье, из Старых Дорог прибыл посланный в шторм офицер связи. Он сообщил, что ударом с севера Старые Дороги захвачены, штаб армии убыл в Бобруйск. Подполковник Г. А. Тер-Гаспа-рян принял решение отойти на Любань и Глуск.

Командующий 4-й армией известил командира 28-го стрелкового корпуса генерал-майора В. С. Попова о прорыве танков противника через Старые Дороги на Варшавское шоссе и приказал немедленно принять меры к усилению обороны на рубеже реки, в том числе и разрушить мост через Птичь в районе Симоновичей. Участок непосредственно у шоссе оборонял отряд 55-й стрелковой дивизии под командованием майора В. И. Алексева: около 100 штыков, батарея дивизионной артиллерии и три бронемшины. Севернее шоссе рубеж занимал отряд 28-го СК под командованием полковника С. Н. Храмова силой до роты, южнее шоссе - рота 161-го ЗСП.

Район Глуска оборонял отряд 55-й стрелковой дивизии. Взрывчатки не было, мосты через Птичь у Симоновичей и в Глуске облили бензином и подожгли.

Около 18 часов части 3-й танковой дивизии противника подошли к реке. Полковник Линнарц приказал немедленно форсировать Птичь. Авиация начала обрабатывать позиции артиллерии, а танки смяли сводный отряд 28-го корпуса; по горящим доскам моста успели прорваться 8 танков 7-й роты 6-го ТП и отряд мотоциклистов, после чего мост рухнул. В ходе этого боя была подбита машина командира мотопехотной бригады, полковник Линнарц лишился правой руки. В командование бригадой вступил подполковник фон Левински.

Остатки советских отрядов в беспорядке стали отходить группами на Бобруйск и Глуск. На следующий день часть из них переправилась через Березину у Бобруйска, вместе с красноармейцами вышла часть старшего начсостава штаба 28-го СК: зам. командира - полковой комиссар В. А. Зубов, начальник штаба - полковник Г. С. Лукин, зам. начальника штаба - полковник С. Н. Храмов и другие.

Около 22 часов Бобруйск был взят боевой группой подполковника Аудорша, однако ее попытки форсирования Березины были отражены. Оборону здесь занимал сводный отряд генерала С. И. Поветкина в составе: сводного полка, двух батальо-

610

нов автотракторного училища, 21-го дорожно-эксплуатационного полка, 318-го отдельного артдивизиона БМ РКК (4 203-мм гаубицы) и корпусных частей, то есть 420-го и 462-го КАП, 246-го ОСБ и 273-го ОБС - всего около четырех тысяч человек. Мост через Березину был взорван по приказу командующего армией.

Из доклада командира 47-го стрелкового корпуса генерал-майора С. И. Поветкина явствует, что по состоянию на 20 часов 27 июня в числе сил возглавляемого им Бобруйского боевого участка был сводный полк 121-й

дивизии численностью до 1000 человек без комсостава, командовал этим полком майор Анохин, заместителем был батальонный комиссар Торопков.

Остатки 55-й стрелковой дивизии переправились через Птичь по уцелевшему мосту в Жолвинце, разведка доложила, что по шоссе через Старые Дороги на Бобруйск идет сплошной поток войск противника. Посланный в штаб армии офицер связи привез приказ: совершив 180-километровый марш, выйти в район Чечерска на переформирование. Выставив небольшой заслон, 55-я СД в количестве нескольких сот человек ушла за Березину.

1 июля подполковник Тер-Гаспарян вывел своих людей в Чечерск, где начался сбор уцелевших. На складах нашли девять пушек и десять минометов, гаубиц для 141-го полка не нашли. Через неделю начальник артиллерии полковник С. И. Семенов и начальник штаба артиллерии капитан Ф. И. Деревенец привели выбитый наполовину 107-й стрелковый полк и почти целый, но утративший Знамя, 84-й ЛАП майора И. К. Воропаева.

Как выяснилось уже в конце войны, знаменная группа и взвод охраны погибли, остался только один раненый боец Роман Мисник. Он добрался до своей родной деревни Костимо Лепельского района и оставил святыню полка у матери. Летом 1944 г. Мария Ивановна Мисник передала оставшееся неопозоренным Знамя представителям советского командования [13, с. 411].

Боевые действия, которые вели на рубеже Омговичи, Калита и в районе **Волошево** остатки 14-го механизированного корпуса, были последними в приграничном сражении. Оставшись практически без матчасти, потеряв в окружении основные силы 205-й дивизии, сводный отряд продолжал противостоять частям 24-го МК противника, отбивая атаки огнем

611

стрелкового оружия и забрасывая танки бутылками с бензином. Когда был ранен полковник И. В. Тутаринов и убит полковой комиссар И. В. Носовский, руководство автоматически перешло к командиру 30-й ТД С. И. Богданову.

Во второй половине дня 28 июня остатки корпуса отошли в свободный от противника район Осиповичей, откуда были выведены на переформирование. В 30-й дивизии осталось 1090 человек, два танка Т-26, 90 автомашин и три трактора. В 22-й уцелело 450 человек и 45 автомашин, в 127-м танковом полку 205-й мотодивизии - 285 человек с 18 автомашинами. Шесть танков были переданы Бобруйской боевой группе.

Примечание

На страницах этой книги довольно много упоминаний о подбитых, сожженных и выведенных из строя танках противника. Получается: били их, били, да все без толку. Наколотили вон сколько, а на третьи сутки сдали Вильно, на шестые - Минск. Кто-то из наших известных писателей (даже фронтовик, по-моему) пробовал подсчитать по сводкам Совинформбюро заявленный нами нанесенный врагу урон. И выходило: танков и самолетов сбили и сожгли во много раз больше того, чем их вообще было произведено. И солдат уложили и взяли в плен столько, сколько населения во всей Германии, Австрии и странах-сателлитах, вместе взятых (включая младенцев), еще не родилось к 22 июня. Агитация, пропаганда, желаемое вместо действительного... Немцы в долгу не остались, хоть и были скромнее.

Но что же вышло с вражескими танками, особенно с теми, что участвовали в боях летом 41-го? Да, их били, но били слабыми снарядами, не уничтожавшими, а лишь калечившими технику. Рвали гусеницы, выбивали катки, пробивали броню, поражали экипажи. Поджигали, но не всегда. А потом отступали, давая полную свободу творчества немецким ремонтникам. А если и удерживались на своих рубежах, то не препятствовали эвакуации поврежденных машин с поля боя. А в донесениях писали "уничтожено" вместо "выведено из строя". Понимание того, что с танками нужно бороться иначе, как бы это сказать, "более углубленно", что ли, пришло позже. Мало

выводить их из строя, надо затруднять или делать невозможными их эвакуацию и дальнейшее восстановление.

Когда К. М. Симонов осматривал немецкую бронетехнику, подби-

612

тую воинами 388-го СП 172-й дивизии на буйническом поле под Могилевом, он записал одну маленькую подробность, которая дает ответ на то, КАК нужно было поступать ВЕЗДЕ и ВСЕГДА:

"Чтобы немцы не утащили ночью танки, они были подорваны толлом и часть содержимого машин была разбросана кругом по полю" [108, т. 1, с. 125].

Вместе с Симоновым находился репортер "Известий" Павел Трошкин. То, что он снял на поле боя, вскоре увидела вся страна.

Глава 11. КАТАСТРОФА "VAE VICTIS, VAE VICTORIS" (ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ, ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ)

11.1. Захват противником Минска. Образование внутреннего кольца окружения вокруг белостокской группировки

Можно ли подробно, "разложив по полочкам", описать КАТАСТРОФУ? Не зафиксировать просто начало и конец ("так было до... - так стало после..."), а досконально раскрыть ее развитие, указать мельчайшие детали, подробности во взаимосвязи их друг с другом? Едва ли. Прошу не судить строго, если эта глава да и вся книга покажутся кому-то бессвязными, лишенными стержня и плавных переходов от одной части к другой.

28 июня 1941 г. Этот день навсегда останется черным в истории Беларуси. Во второй половине дня германские войска прорвали оборону 13-й

армии на стыках 2-го и 44-го стрелковых и 20-го механизированного корпусов. Вечером передовые части вермахта с двух сторон - от станции Болотная и от юго-западных окраин - вошли в Минск. Опять же 28 июня немецкие части, наступавшие от Вельска и Гродно, соединились в районе Большой и Малой Берестовиц, расчленив белостокскую группировку на несколько изолированных частей. Началась агония, хотя ожесточенные бои советских частей с армейскими корпусами 4-й и 9-й армий противника, стремившимися к Волковыску и Лунно, продолжались еще не один день. Но утром 28 июня еще никто не знал и не предполагал, как все обернется.

В 2 часа ночи начальник Генштаба Г. К. Жу-

614

ков запросил обстановку на Западном фронте у В. Е. Климовских. Обстановка была безрадостной. Данных о 3-й и 10-й армиях и конно-механизированной группе не было, шли бои на рубеже Минского УРа и на бобруйском направлении. По словам Климовских, 6-й мехкорпус якобы находился в районе Барановичей, 13-й - в районе Столбцов. Разумеется, это никоим образом не соответствовало действительности. Также начштаба фронта сообщил, что, по его данным, Барановичи и Бобруйск находятся в наших руках. На вопрос Жукова по артиллерии РКК он ответил, что с артиллерией все в порядке, нет данных только по двум полкам: 120-му и 375-му. Эта информация также не имела ничего общего с действительным положением дел, что еще раз подтверждает полный коллапс в руководстве войсками Западного фронта.

Покинувшие Минск штаб и политуправление Западного фронта разворачивались вблизи от Могилева - не имея "ВЧ"-связи ни с Москвой, ни с Минском, полностью утратив контроль над ситуацией. Здесь же, в Могилеве, находилась группа высших командиров пограничных и внутренних войск НКВД СССР, на которых было возложено наведение хотя бы элементарного порядка в тылу фронта: начальник Главного Управления погранвойск генерал-лейтенант Г. Г. Соколов, начальник войск Белорусского

погранокруга генерал-лейтенант И. А. Богданов со своим штабом и командир 3-й ЖДД НКВД комбриг В. И. Киселев. Прибыли в Могилев также маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников и К. Е. Ворошилов.

К. М. Симонов к этому времени все-таки добрался из Борисова до политуправления, доложил о прибытии начальнику управления дивизионному комиссару П. А. Лестеву и был направлен для прохождения службы во фронтовую газету.

Он вспоминал:

"Начинало темнеть. Я уже собрался ехать, когда вдруг из лесу выскочило несколько машин, впереди - длинный черный "паккард". Из нею вылезли двое. Все это происходило в нескольких шагах от меня. Лестев вытянулся и начал рапортовать:

- *Товарищ маршал...*

Вглядевшись, я узнал Ворошилова и Шапошникова. Меня радовало, что они оба здесь. Казалось, что наконец все должно стать более понятным. Я обошел стороной стоявшее на дороге начальство, сел в редакционную полуторку и поехал назад, в Могилев" [108, т. 1, с. 32].

615

Сохранилась телеграфная лента переговоров по "БОДО", состоявшихся в 05:40 утра, между Г. Г. Соколовым и заместителем наркома внутренних дел СССР по войскам генерал-лейтенантом И. И. Масленниковым [76, копия]. Ее содержание весьма наглядно демонстрирует все то смятение и хаос, царившие в те дни в прифронтовой зоне Белоруссии.

На вопрос Масленникова по обстановке Соколов ответил несколько неожиданным сравнением:

"Доложить трудно ввиду большой неясности. Все, что сейчас имеет место, **очень похоже на начало Халхин-Гола** (выделено мною. - Д. Е.), только [в] значительно большем масштабе. По всем дорогам едут на машинах группы бойцов перепутавшихся родов войск и частей, сильно измотанных, деморализованных и подавленных. При звуке самолета,

невзирая на то, свой или чужой, машины прибавляют скорость, и, несмотря ни на что, такое беспорядочное движение, никем не управляемое, превращается в панику... Слухи о десантах и диверсантах приводят [к] частому убийству ни в чем не повинных людей, особенно достается мобилизованным и милиционерам".

Генерал отметил, что сейчас контроль над тылом в основном восстановлен, задача остановить бегущих в тыл военнослужащих выполнена, в тылу начинает появляться порядок. Но обстановка на фронте представляется в Могилеве весьма смутно, на основании неясных слухов и сообщений командиров отступивших на восток частей, в том числе и из своего наркомата. Встречено значительное количество "буквально целых авиационных, артиллерийских и танковых частей, целиком потерявших или, вернее, бросивших материальную часть". Такими Соколов мог ошибочно посчитать летчиков 60-й авиадивизии во главе с полковником Е. З. Татанашвили, вышедших к Могилеву от Барановичей, и вполне законно - зенитчиков 479-го артполка, бросивших свои орудия у станции Городея (см. выше).

Кто и какими силами обороняет Минск, также понятно не было. По его словам, из Беловежской пуши прибыла на машинах группа пограничников, которые проехали Дзержинск и никого там не встретили. О том же свидетельствовал приезд вечером 27 июня в Могилев со стороны Дзержинска генерала Богданова со штабом погранокруга и доклад самого И. А. Богданова, особенно о положении в частях РККА - как известно, немцы без боя заняли Дзержинск вечером 27 июня.

Г. Г. Соколов так охарактеризовал причины существующего беспоряд-

616

ка:

"Деморализация подразделений и тылов произошла вследствие потери управления и незнания конкретной обстановки на местах, отсутствия разведки и связи. Большую роль в этом деле сыграли евреи, которые разносят

панику вплоть до Москвы, а также и горе-руководители всяких органов, эвакуирующих так называемые "архивы". Как настоящий чекист, Соколов предлагал достаточно жестко разбираться с виновниками паники. В частности, он считал необходимым "семьи руководства, панически бежавшие в Москву и распространявшие своим бегством пораженческие настроения, сослать [в] Красноярский край без права возвращения оттуда до окончания войны".

На этом переговоры вроде бы завершились, но через некоторое время И. И. Масленников вновь вызвал Соколова к аппарату вместе с И. А. Богдановым и передал им приказ наркома Л. П. Берия, суть которого вкратце была такова: принять энергичные меры для восстановления линии "ВЧ"-связи Могилев - Москва (прорыв предполагался в районе Могилева), использовать для ее восстановления части связи Красной Армии; организовать подвижную группу для восстановления "ВЧ"-связи на участке Могилев - Минск; немедленно направить разведгруппу под командой комбрига Киселева на автомашинах в Минск с целью прояснения истинного положения и немедленного доклада через ближайшую от Минска телефонную или телеграфную станцию. Обо всем увиденном немедленно информировать Москву.

Генерал Г. Г. Соколов, в свою очередь, ответил, что при попытке связаться с Москвой его обругали на ломаном русском языке, а 27 июня при попытке связаться с Москвой через Смоленск он получил в разговоре "издевательские насмешки". Зам. наркома еще раз напомнил, что надлежит установить, чей Минск и верно ли докладывает комбриг Киселев, что гарнизоны железнодорожных войск продолжают охранять объекты в Минске и Дзержинске. От себя он посоветовал сформировать крепкий разведывательный батальон или полк усиленного состава, желательно из войск НКВД, и направить его в дальний рейд для установления ясной картины, что происходит в районе Минска и далее до старой госграницы.

Но, еще раз напомню, это было ранним утром 28 июня. К вечеру обстановка в районе Минска изменилась радикально, но штаб фронта еще несколько дней (по крайней мере, так это выглядит в документах) "не признавал" факт падения столицы республики. Лишь в оперсводке

617

№ 12 на 20:00 30 июня указывалось:

"13-я армия в результате боев, начавшихся 28.6.41 г., оставила Минский укрепленный район и гор. Минск".

30 июня, обойдя открытый правый фланг 2-го стрелкового корпуса, 18-я танковая дивизия противника вышла к Березине в районе Борисова. К 30-му Западный фронт рухнул окончательно, и остатки его войск, которые оказались как за внешними флангами наступающих танковых групп ГА "Центр", то есть вне кольца окружения, так и за внутренними, в беспорядке хлынули к Березине и Днепру. Героизм отдельных частей и соединений (50, 100 и 161-й дивизий в частности) не мог уже ничего исправить и ни на что существенно повлиять.

В то же время даже кратковременные бои в Минском УРе привели к тому, что план "Барбаросса" дал первую трещину. Минск надлежало взять 27 июня, но героизм войск 13-й армии отсрочил его падение на сутки, и сообщение об этом, как упоминается в некоторых источниках, было причиной первого нервного срыва А. Гитлера.

Справка

Есть предание, что, узнав о падении Минска, Сталин впал в депрессивное состояние и на несколько дней самоустранился от управления государством на одной из загородных дач (вроде бы в Кунцево). ВИЖ в "постперестроечный" период прошлого века (№ 6 за 1994 г., с. 27-30) попытался обелить генсека, опубликовав записи о приеме им лиц в первые дни войны. Закончив публикацию как раз 28 июня, историки в погонах

сделали вывод: ничего такого не было, снова "демократы" клеветают. Но само руководство компартии за четыре года до этого "авансом" опровергло военных, ибо в журнале "Известия ЦК КПСС", выходявшем под редакцией непосредственно М. С. Горбачева, были опубликованы те же самые записи, правда, с маленьким, но очень важным комментарием.

Последними, кто попал на прием к Сталину в ночь с 28 на 29 июня, были: нарком вооружений Д. Ф. Устинов, начальник ГАУ генерал-полковник артиллерии Н. Д. Яковлев, секретарь МГК ВКП(б) А. С. Щербаков и член Политбюро А. И. Микоян. Самым последним (в 00:00 уже 29 июня) вошел нарком госбезопасности комиссар ГБ 3 ранга В. Н. Меркулов, в это время в кабинете, кроме самого И. В. Сталина, находились Л. П. Берия, В. М. Молотов и А. И. Микоян. Меркулов пробыл всего 15 минут, а в 00:50 от Сталина вышли все.

Комментарий к спискам посетителей содержит всего семь слов: "Следующая запись датирована 1 июля 1941 г. " (59, № 6, с. 216]. Вот

618

они, недостающие два дня, когда И. В. Сталина либо вообще не было в Кремле, либо он никого не принимал!

Зачем понадобилось Всеволоду Меркулову ехать в Кремль, когда там уже находился Берия? Не затем ли, чтобы сообщить НЕЧТО очень важное и секретное, такое, что нельзя было доверить даже правительственной спецсвязи? А именно: "Товарищ Сталин, по нашим сведениям, немцы заняли Минск".

11.2. Обстановка в Полесье на пинско-могилевском направлении

С освобождением осенью 1939 г. Западной Белоруссии старая госграница СССР не утратила полностью своего прежнего значения. На ее

линии, осуществляя кордонно-заградительный режим, по-прежнему размещались пограничные отряды войск НКВД СССР, и гражданским лицам, не имевшим прописки на вновь обретенной территории, можно было попасть туда только по спецпропускам, выдаваемым территориальными органами НКВД по предъявлении справки-вызова. Образец такой справки (из Волковыска, с подписью и гербовой печатью) есть в моем архиве:

"НКО СССР

Волковысский военный госпиталь "20" июня 1941 г. № 5/л, г.
Волковыск. СПРАВКА

Дана военнослужащему тов. Череватову Андрею Николаевичу в том, что он действительно находится на службе в Волковыеском военном госпитале. Дана настоящая брату Череватова - Череватову Петру Николаевичу для представления в органы НКВД - Ромоданово на предмет получения пропуска на право проезда через бывшую границу СССР - Польша в город Волковыск, Зап. Белоруссия.

Начальник госпиталя

военврач 2 ранга *Вольпер*

Завделопроизводством *Меньшикова*

Печать гербовая "Волковысский военный госпиталь НКО СССР" [76, оригинал].

619

Телеграмма Петру Череватову: "От поездки ко мне воздержись Андрей". НКСвязи СССР. Бланк № 72. Принята в Волковыске в 06:19 23 июня 1941 г., отправлена в 06:35, принята в 09:40 в Мордовии, Ромодановский район, с. Курилово [там же, оригинал].

Одним из таких "кордонных" был 18-й Житковичский погранотряд, располагавшийся в самом сердце Белорусского Полесья. Это были тихие глухие места - и таковыми они остаются по сей день - с приветливым, мирным и трудолюбивым народом, который польские геополитики и

этнографы-шовинисты посчитали даже не белорусами, а "тутэйшыми", то есть здешними, или "полещуками", то есть просто жителями Полесья - с их точки зрения, лицами без четко выраженного национального самосознания (История Польши с древних времен... с. 256-257).

22 июня спокойствие было нарушено: германская авиация бомбила столицу Полесья - областной город Пинск. А через несколько дней на восток от Бреста и Малориты потекли осколки разбитых частей 4-й армии. Через Полесье отходила целиком 75-я, отряды 6-й стрелковой и 205-й моторизованной дивизий, 20-й мотоциклетный полк 14-го мехкорпуса и множество мелких остаточных групп. По мере продвижения агрессора в глубь советской территории поток отступающих ширился: отходили уже не только от Бреста, но и от Коссово, Слонима, Барановичей, Минска; шли подразделения и отряды уже не только из 4, но и из 3, 10 и 13-й армий. Начался такой же хаос, как у Зельвы, Молодечно, Борисова, Двинска. Его попытались остановить, и не без некоторого успеха.

И снова наиболее объективная картина происходивших в этих местах событий принадлежит, так сказать, "перу" чекиста. 18-м ПО командовал полковник М. Р. Аканин. В 14 часов 30 июня он направил в свой наркомат телеграмму:

"Москва Масленникову Части РККА из Лунинец без какого-либо приказа пошли на направление Житковичи. Я через Гомель НКВД и НКГБ просил вмешаться выслать представителя армии и трибунала надо форсировать иначе сегодня части будут за рекой Случ. В Пинске сегодня противника нет.

Аканин" [76, копия].

620

В ночь на 1 июля М. Р. Аканин отправил И. И. Масленникову развернутый доклад по обстановке на пинско-мозырьском направлении [там же, копия]. На участке отряда выхода частей противника и боестолкновений с ними отмечено не было, исключая обстрелы автомашин мелкими

бандгруппами в 2-3 человека. Такие случаи были зафиксированы в районе Марцинковичи, Ленино, на ж.-д. разъездах Лахва и Микашевичи. Отдельные звенья самолетов противника наносили бомбовые удары по населенным пунктам, в частности по древнему городку Туров на реке Припять. На участке левого соседа (20-го Славутского Краснознаменного отряда Украинского погранокруга) было спокойно.

26 и 27 июня от Пинска на Лунинец и Житковичи началось массовое отступление армейских частей, что вынудило полковника лично выехать с маневренной группой в разведку по указанному направлению. Уже в районе погранзаставы Ленино (севернее Микашевич у дороги Слуцк - Микашевичи) им было обнаружено большое скопление разрозненных подразделений всех родов войск, двигавшихся по направлению на Житковичи. Никакого общего командования над этой массой не имелось.

По приказу Аканина был разобран дорожный мост через реку Случь, что сделало невозможным дальнейший отход на восток. Старшим над этой сводной колонной он назначил начальника разведотдела штаба 28-го корпуса 4-й армии майора К. Г. Дмитриева (вероятно, к Ленино вышла часть личного состава коссовской группы войск) и приказал им выдвинуться на запад, к Лунино, для выполнения задач, поставленных командармом 4-й армии А. А. Коробковым, присоединяя по пути движения всех военнослужащих, идущих в Житковичи. Пограничники оказали армейцам помощь транспортом, горючим и фуражом.

За мостом полковник оставил несколько танков Т-26 (вероятно, из 14-го мехкорпуса) с изношенной до предела ходовой частью. Танки имели зенитные пулеметы, и он намеревался использовать их для противовоздушной обороны моста, а в случае необходимости - для стрельбы по наземным целям.

На всем протяжении от Ленино до Лунино по дороге и прилегающих к ним участкам леса непрерывно шли отдельные красноармейцы, командиры,

группы, а также транспорт. В придорожных лесах располагались смешанные остаточные группы и подразделения, в том числе и с матчастью.

621

Особенно много войск скопилось в пяти километрах к востоку от Лунина. На совещании комсостава старшим войсковым начальником был выбран зам. командира 143-й дивизии 47-го стрелкового корпуса по политчасти полковой комиссар Н. Х. Сериков (совсем как в Гражданскую войну, см. выше - так голосовали и за полковника Козыря). Но затем Сериков с двумя более-менее сколоченными батальонами (возможно, что из своей дивизии - как известно, 143-я СД вышла на переформирование только с двумя стрелковыми полками и одним арtpолком) в 21:30 28 июня погрузился в эшелон и убыл на Житковичи. Оставшийся за него полковник А. Н. Каранов ("бьется" по ОБД, как начштаба артиллерии 14-го мехкорпуса) решил, "что далее обороняться бесцельно, так как части смешаны, плохо обеспечены боеприпасами... а многие красноармейцы без винтовок, поэтому отдал приказ на отход Житковичи всем частям в 23.00 28.6.41".

Но вот что интересно, Ка-ранов утверждал, что особенно плохо дело обстоит с боеприпасами и горючим для танков Т-34, коих, как известно, в 14-м МК не было. Эти машины имелись в 6, 11 и 13-м корпусах.

Герой Советского Союза полковник Д. П. Щербин был в 41-м году лейтенантом и командовал разведвзводом 8-го полка 4-й танковой дивизии. Он писал, что 24 июня в ходе боев под Гродно группа из нескольких боевых машин потеряла связь с основными силами и начала отходить на Волковыск.

"В 4 часа утра на опушке леса недалеко от Волковыска немецкий самолет выбрасывал десант. Получили команду взять десантников в плен. Около 30 человек расстреляли на месте. Часов в 5 с Волковысской церкви по нас был открыт пулеметно-минометный огонь. Вот так нас встретил Волковыск. Предательство, измена. Обидно было до того, что слезы появлялись на глазах, а некоторые плакали от всех ужасов. От Волковыска мы взяли курс отступления к юго-западу от Минска, а 26 июня, израсходовав

все боеприпасы и горючее, начали прорываться группами в Полесье - в направлении Мозыря, лишь бы не попасть в плен. И вот началось мытарство - не то ты военный, не то гражданский. Всю ночь идешь голодный, а днем смотришь из-за леса, как сплошным потоком в небе плывут двухмоторные самолеты с черной свастикой в направлении Смоленска и Москвы".

Экипажи этой группы пришли в Полесье уже пешими, но ведь пришли же! Почему не могло слу-

622

читься так, что кому-то повезло больше? Тем более что тракторным керосином, пригодным (если добавить моторного масла) для дизелей В-2, которые стояли на тридцатьчетверках, в полесском глухоманье наверняка можно было разжиться: на МТС, лесо- и торфоразработках или еще где-нибудь. Так и могли оказаться Т-34 из 6-го корпуса за сотни верст от Гродно - там, где никто и не думал их встретить.

Отдав самовольный приказ на отход, полковник Каранов исчез неизвестно куда, и М. Р. Аканин его не нашел. Тогда своей властью он собрал еще одно совещание начсостава, назначил старшим общевойсковым командиром подполковника Яковлева - по словам Аканина, командира 7-й бригады не то ПТО, не то ПВО. Он запретил какой бы то ни было отход, выставил на дорогах заслоны; в частях стали приводить себя в должный вид, и это снова стало походить на армию.

Но деморализация была очень сильна, и чекист счел нужным отметить, что у армейцев, даже у командиров частей, чувствуется большая тяга уйти за старую границу. Он считал необходимым Штабу 4-й армии в кратчайший срок назначить командира, который мог бы возглавить эту группировку. Яковлев, по его мнению, для такой должности не годился.

Также Аканин считал необходимым для повышения боеспособности восстановить на этом направлении службы тыла и выделить работников, ибо в частях они практически отсутствуют. Где какие склады и базы снабжения, никто, в том числе и командование, не знает, все полагаются на офицеров

ВОСО (коменданта и его помощников). Работники складов пассивны, инициативы по раздаче своего имущества частям не проявляют.

В конце доклада командир погранотряда определил мероприятия, необходимые для наведения порядка на пинско-мозырьском направлении, и обращался к замнаркома с просьбой вмешаться и ускорить доставку винтовок, боеприпасов для пушек калибра 122 мм, гаубиц 152 мм, бронебойных выстрелов к пушкам Т-34, 45-мм боеприпасов, горючего для Т-34, обмундирования и продовольствия. Также наладить связь штаба 4-й армии с этой группой, так как она отсутствует с 22 июня, подкрепить ее артиллерией, обеспечить авиационную поддержку.

Чувствуется очень грамотный подход пограничника к специфическим военным вопросам. Впрочем, не удивлюсь, если окажется, что полковник Аканин имел за пле-

623

чами Академию имени М. В. Фрунзе, которая была "альма-матер" для многих командиров войск НКВД.

В заключение Аканин доложил о необходимости провести ряд чисто организационных мероприятий: создать этапные пункты, которые занимались бы "фильтрацией" уходящих на восток; выслать представителя от военного трибунала, так как имеют место самосуды; организовать сбор военного имущества на путях отступления, ибо дороги от Пинска до Лунинца и далее за Пинск завалены материальной частью вплоть до пушек, зенитных установок последних образцов, не говоря уже об автомашинах, пулеметах и боеприпасах.

И, сорвавшись, видимо, с взвешенного тона на эмоции, закончил так:

"Областные партийно-советские организации абсолютно ничего не делают, а стараются прорваться или через Туров, или через линию [границы]. Районные организации растерялись, не имеют никаких указаний. Районные работники отправляют семьи, срываются сами, создают панику среди местного населения. Такой хаос - трудно вообразить".

Очень показательным в данном контексте сообщением (также по телеграфу) секретаря Луинецкого райкома КП(б)Б В. И. Анисимова:

"Люди скитаются без цели, нет вооружения и нарядов на отправку людей. В городе полно командиров и красноармейцев из Бреста, Кобрина, не знающих, что им делать, непрерывно продвигающихся на восток без всякой команды... В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазу... а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Луинец, а потом, разобравшись, что это была просто паника, вернулись в Пинск, но боеприпасы, горючее пропали, - и дискредитировали себя в глазах населения" [59, № 6, с. 215- 216].

Секретарь Пинского обкома партии Минченко нарисовал еще более невеселую картину:

"Все воинские части, которые находились в Пинской области и проходили через Пинскую область, никакого боя с противником не принимали. Отходили, услышав приближение противника, за 40-60 км.

Например, авиаполк - полковник Колесненко, ведающий материально-технической базой аэродромов, дважды отступал из Пинска со своим полком и в первые дни войны заявил, что не сможет ничего сделать по обороне города - нет вооружений. В то же время, как это установлено работниками НКГБ, на разбитых самолетах были оставлены, разобраны

624

враждебным элементом пулеметы, патроны и др. вооружение. Он даже не побеспокоился о его сохранении.

Пинская военная флотилия - контр-адмирал т. Рогачев заявил в обкоме партии, что он из Пинска будет уходить последним, приняв серьезный бой. Рассказывал о больших планах обороны, а ушел почти первым из Пинска со своими кораблями, когда противник был на расстоянии 40 км от Пинска.

75 сд в Пинске находилась около суток. Установила расположение противника около города, не приняв боя, отступила на Луинец.

В ночь на 4 июля, когда ушла дивизия, противник подошел к окраинам города - 2 эскадрона кавалерии, 5 танков и 40-50 мотоциклистов. В городе находилось 70 чел. из войск НКВД и партизан, вооруженный 50 винтовками. Этими силами пришлось оборонять город. После короткого боя мы вынуждены были отступить, противник пустил в ход минометы и легкие орудия".

11.3. Действия советских войск внутри кольца окружения. Начало

Вернемся из Полесья на Принеманскую равнину и на высоты Слонимской и Новогрудской возвышенностей. С занятием противником Минска основные силы Западного фронта можно было считать полностью окруженными, но это вовсе не означало, что все советские войска, находившиеся западнее Минска, немедленно сложили оружие и сдались. Тяжелые и кровавые бои продолжались на огромной, но постепенно сужавшейся площади кольца окружения еще около двух недель.

Отряд штаба 13-го корпуса, занявший оборону у Большой Берестовицы, на рассвете 28 июля был атакован превосходящими силами противника при поддержке танков.

Ю. С. Погребов писал:

"... на наши позиции обрушили свой смертоносный груз 8 немецких самолетов Ю-88. С корнем вырывая деревья и кустарник, рвались тяжелые авиабомбы. Помню, что во время бомбежки была повреждена наша взводная рация и сгорело несколько наших автомашин".

Вскоре с севера, со стороны Индуры, на дороге, идущей через господствующую высоту (205 м), показалась колонна войск противника из шес-

ти танков в сопровождении пехоты на трех бронетранспортерах и нескольких грузовиках. Первым вступило в бой боевое охранение старшего лейтенанта Уточкина, вслед за этим прямой наводкой открыли огонь противотанковые орудия батареи лейтенанта Касленко. Первым же выстрелом был подбит шедший головным Pz-III, затем вспыхнул бронетранспортер, были перебиты гусеницы у двух легких Pz-II. Ружейно-пулеметным огнем были подбиты два грузовика.

Поняв, что прорваться с ходу к Большой Берестовице не удалось, прикрываясь огнем танков и БТРов, немцы отошли назад. После этого позиция советских войск была обстреляна огнем гаубичной артиллерии. Когда артподготовка закончилась, противник повторил атаку большими силами. На изрытый воронками рубеж советской обороны двинулось до трех десятков боевых машин и до полка пехоты. От прямого попадания вспыхнул один танк, со второго снаряд сорвал башню. Прорвавшиеся машины, которым удалось подойти к линии окопов, были забросаны гранатами. Ценой своей жизни подбил Pz-III раненный в голову и левую руку заместитель политрука транспортной роты И. Покатилов. Мстя за его смерть, бойцы сводного отряда под командованием капитана Рябцева поднялись в контратаку - по всей линии окопов завязался яростный рукопашный бой.

Немцы снова не выдержали и, побросав убитых и раненых, отошли под прикрытие танков. Как только они отошли за высоту, снова ударили тяжелая артиллерия и минометы. Потом началась третья атака, ее удалось отразить из последних сил. Ночью отряд генерала Ахлюстина начал отход на рубеж реки Зельвянка.

28 июня войска 4-й армии вели бои на бобруйском направлении, 13-й - на рубеже Минского укрепрайона. Внутреннее кольцо окружения вокруг белостокской группировки продолжало сужаться: во второй половине дня оставалась только горловина между Зельвой и Мостами. При отходе в направлении Деречин - Козловщина - Молчадь - Городище еще имелись шансы выскользнуть из кольца. Связи ни со штабом фронта, ни с соседями

не было, и генерал К. Д. Голубев принял самостоятельное решение: в ночь на 29-е отвести войска своей армии на р. Щара.

В. И. Кузнецов также самостоятельно принял свое решение: фронтом и правым флангом по-прежнему держать рубеж по Неману, а левым флангом отступать вместе с

626

10-й армией.

2-й эшелон штаба 3-й армии еще 27 июня начал отход за Щару, 1-й - в ночь на 29 июня. Но именно 28 июня, как вспоминал майор В. А. Гречаниченко, с восходом солнца немецкая бомбардировочная авиация начала массированную обработку отходящих войсковых колонн на берегах реки Россь и в районе Волковыска. Он писал:

"По существу, в этот день окончательно перестали существовать как воинские формирования соединения и части 10-й армии. Все перемешалось и валом катилось на восток. И среди военных, и среди беженцев циркулировали упорные слухи, что наши главные силы сконцентрированы на старой государственной границе. И все стремились туда, кто как мог и сколько смог" [76, копия].

Отступление советских войск из района Мостов происходило так поспешно, что преследующие их части 8-й пехотной дивизии, после того как утром они захватили предмостное укрепление в Свислочи, не встречая серьезного сопротивления достигли рубежа р. Волпянка и в 19 часов заняли местечко Волна. Теперь на пути выходящих от Белостока остатков советских частей была выставлена еще одна линия заслона. Следующим возможным рубежом обороны ранее отошедших войск Красной Армии немцы считали восточный берег реки Россь; южным соседом 3-й армии в районе Росси была определена 2-я стрелковая дивизия 1-го корпуса 10-й армии.

28 июня севернее Волковыска к реке Россь вышли остатки 35-го танкового полка 6-й кавдивизии, которые вел зам. командира по политчасти. Накануне на узкой лесной дороге колонна техники полка была атакована

авиацией противника, в ходе ожесточенной бомбежки была уничтожена почти вся оставшаяся матчасть - осталось три БТ-5 и два БА-10. После форсирования противником Немана у Лунны и Мостов на Росси уже был выставлен прочный заслон, и попытка с ходу прорваться на восток не удалась. В бою были сожжены оставшиеся танки и бронемашины.

БА, в экипаже которой служил В. С. Финогенов, первоначально лишилась только хода, но не горела. Экипаж продолжал вести огонь из пушки и пулеметов и покинул ее только тогда, когда очередной снаряд пробил бензобак.

Бывший командир взвода командиров машин полковой школы старшина Ф. А. Рекуха писал, что и боевая машина замполита получила прямое попадание снаряда. Успели

627

вытащить лишь механика-водителя Дьякова с оторванными выше колен ногами, а батальонный комиссар М. Гуревич и башенный стрелок сгорели. О судьбе командира 35-го ТП полковника Тяпугина установить ничего не удалось. Лишь тот же Рекуха написал загадочную фразу: "С ним 23-24 июня произошел довольно странный и неприятный казус, что в дальнейшем привело к трагическим результатам" [76, письмо].

48-й Кубанский кавалерийский полк той же дивизии, отходя южнее Зельвы, то есть по южной оконечности кольца окружения, также был встречен организованным заслоном и понес большие потери в людском и конском составе.

Курсант полковой школы Г. Т. Косов находился при комполка Алексееве в качестве посыльного. Он вспоминал, что к этому времени штаб дивизии и штабы полков были лишены средств связи, на исходе были боеприпасы и провиант. Косов считал, что они нарвались на десантников, которые подпустили их поближе, а затем открыли убийственно точный перекрестный огонь из ручного оружия и пулеметов. Это было страшное зре-

лице: десятки людей падали замертво, а их крики заглушало дикое ржание искалеченных коней.

Косов писал:

"Конь мой упал убитым, несколько минут рядом с конем лежал и я. Потом по-пластунски я пополз по высокой ржи в сторону оврага, где меня встретил мой командир взвода, осмотрел меня, дал еще двух человек и дал боевое задание: *"Зайти в тыл противника и уничтожить его"*[7в, письмо].

Среди густого кустарника протекала мелкая речушка, по ней кубанцы прошли вперед и вскоре увидели стоящий на открытом месте католический храм, с колокольни которого велся обстрел. Оставив лошадей в укрытом месте, двое кавалеристов броском преодолели опасное место и оказались под его стенами. Г. Т. Косов забросил гранату РГД в оконный проем на втором или третьем этаже, как оказалось, удачно - обстрел сразу же прекратился.

Осмотрев здание, они обнаружили двух мертвых и двух тяжело раненных немцев, забрали два автомата с запасными магазинами и вернулись назад, к своим лошадям, которых держал третий красноармеец. В этот момент к северо-западу от храма взлетела вверх серия красных ракет, после чего по нему был открыт артиллерийский огонь, непонятно было, правда, кто стрелял: свои или чужие. В храм попало несколько снарядов, и вскоре он был объят пламенем. Под продолжавшимся об-

628

стрелом Косов и его товарищи покинули это место, название которого осталось для них неизвестным.

Справка

Эпизод удалось идентифицировать. Южнее Зельвы есть деревня Ивашковичи, на въезде в нее на высоком холме стоит остов сгоревшего во время войны храма. С южной стороны этого холма в Зельвянку впадает небольшая речушка. А с западной стороны - практически голые поля.

Местные жители рассказывали о большом числе погибших там советских воинов-кавалеристов и подтвердили, что храм сгорел именно в войну. Еще южнее Ивашковичей находится деревня Кошели, где в 1941 г. был мост через Зельвянку и дорога на деревню Клепачи. Там же, относительно неподалеку, и деревня Горно, где после войны нашли Знамя 144-го кавполка, и место, где в 2004 г. на берегу Зельвянки нашли сейф с документами одной из частей 204-й МД 11-го мехкорпуса.

В течение дня 28 июня штаб и два полка 36-й кавдивизии вместе со сводным стрелковым батальоном продвигались в юго-восточном направлении, огибая Слоним. Шли медленно (тормозила пехота), под непрерывными налетами вражеской авиации.

К исходу дня, находясь на подходе к станции Лесная, в 20 км юго-западнее Барановичей, вновь натолкнулись на противника, который занял оборону, преграждая путь отступавшим с северо-запада советским войскам. Совместными усилиями отряда 36-й КД и подошедших сюда же отдельных подразделений из состава частей 27-й стрелковой дивизии немцы были сбиты с позиций и бежали в направлении Лесной. Полки дивизии в конном строю рванулись в атаку, но неожиданно для себя врезались в колонну вражеской мотопехоты, которая на автомашинах двигалась от Слонима на Барановичи.

Конникам повезло: прежде чем немцы успели спешиться и выстроить боевой порядок, они обстреляли их пулеметным огнем с тачанок, пересекли шоссе и ушли на юг, в сторону деревни Утес. Предстояло пересечь шоссе Брест-Слуцк, а за ним уже начиналась глухомань лесов и болот Полесья. Пока нет сведений, как сложилась дальнейшая судьба этого отряда.

Командиры 42-го и 102-го кавполков Иогансен и Похибенко попали в плен, замполит 102-го батальонный комиссар М. Т. Магась застрелился. Впоследствии майор С. А. Иогансен бежал и партизанил, как и майор П. В. Яхонтов, подполковник И. К. Похибенко погиб в концлагере.

Попытки прорыва на восток. Бои на реке Щара. Действия противника по недопущению прорыва советских частей из окружения

По южному берегу Немана в общем направлении на треугольник Барановичи - Столбцы - Новогрудок отходили многотысячные колонны из состава разных частей 3-й армии и конно-механизированной группы. Из-за отсутствия единого командования и элементарной организации дорожной службы продвижение на восток часто носило хаотический характер, когда "дикие колонны" могли перемещаться в полосах отступления попеременно то одной, то другой армий.

А. Г. Баженов из батальона связи 33-й танковой дивизии вспоминал:

"В конце июня мы в лесу [в районе] Волковыска вышли к 10-й армии, которая была в обороне. Там был командир генерал-майор, и я с красноармейцами обратился к нему, объяснил, откуда мы, и просил его принять в свою армию. Он ответил: *"Ваша дивизия находится в районе Пески, надо их искать"*. Но товарищ генерал нас накормил и сказал куда идти, и дал продуктов на 2 суток, и еще пояснил: идти вернее на Барановичи, там разбитые немцами части формирует маршал Кулик" [76, письмо].

Или вот такая зарисовка:

"На одной из опушек леса по пути следования увидели внушительную колонну новеньких танков Т-34 и развалившихся вокруг них на земле танкистов. Оказалось, что они уже несколько дней стоят без горючего, когда вокруг земля горит, нуждается в поддержке пехота. С наступлением сумерек приблизились к окрестностям Слонима, где недавно гремел бой. Здесь мы впервые увидели горящие немецкие танки. Их было много - хорошая работа наших родненьких бойцов. Дальше нам приказали двигаться на север, к городу Лида. Переправы через реку Щара уже заняты противником. Продолжаем движение вдоль левого берега реки по следам наших. На реке обнаруживаем разрушенный авиацией плавающий понтонный мост. По

разбитой машинами колее приближаемся к реке. Внезапно справа, из-за леса, на бреющем полете появились самолеты и сбросили бомбы. Взрывной волной подбросило автомобиль и опрокинуло. Все солдаты оказались придавленными к земле грузом и автомобилем" [там же, копия].

Наиболее организованными среди этих коллонн были от-
630

ряды во главе с генералом И. С. Никитиным (управление 6-го кавкорпуса и часть 36-й кавалерийской дивизии) и сводные группы дивизий 11-го мехкорпуса. Они прорывали выставляемые на их пути немецкие заслоны, оставляли на путях отхода небольшие отряды прикрытия и отходили к следующему рубежу.

Вместе со штабом кавкорпуса находился командующий КМГ генерал Болдин, который за время боев под Гродно так и не сумел наладить взаимодействие с корпусом Мостовенко. В мехкорпусе Хацкилевича Болдин не остался, и это спасло ему жизнь.

Е. С. Крицин, адъютант И. В. Болдина, вспоминал:

"Кулик уехал, а Болдин остался и, получив приказ об отходе, был до последнего впереди. Собирал войска, приводил их в порядок и делал прорыв с боем на Пески. Останавливал на танке войска. Соберет тысячи две и ставит задачу на прорыв".

Но прежде чем достичь Песков, 11-му корпусу пришлось выдержать тяжелый бой, прорываясь сквозь заслон на реке Россь. Принеманская низменность изобилует реками и речушками с заболоченными берегами, поэтому отступать здесь, буквально таща на себе тяжелую боевую технику, невероятно тяжело.

Вследствие несогласованности действий с командованием частей, стремившихся пробиться через Зельвянку на Слоним, после прохождения арьергарда мост был уничтожен, что не ставило шансов остальным. Когда с юга к Пескам подошли оветские войска, которым не удалось форсировать Зельвянку, они увидели лишь торчащие из воды обломки.

Командир 11-го МК Д. К. Мостовенко в своих воспоминаниях отмечал:
При отходе деревянный мост у Лунно сожгли, а металлический мост у Песок взорвали" [3, с. 52].

Ситуация в районе Песков по результатам воздушной разведки представлялась героическому командованию следующим образом:

12:35: Пески - у взорванного моста скопление живой силы и примерно 100 единиц техники; 12:55: Дворек - у моста скопление живой силы и 30 единиц техники; 13:05: Пески - с южного набавления к временному, возможно понтонному, мосту движение 30 крытых конных повозок и техники; 13:20: Старина (12 км к западу от Песок) - 30 единиц техники и примерно 100 всадников. 13:40: 2,5 км северо-восточнее Старины - артиллерийская часть в походном положении.

Пройдя Пески, мехкорпус направился далее на восток, где

631

ему предстояло переправиться через Щару; в авангард был выдвинут 57-й полк майора Черяпкина. Юго-восточнее Мостов, в деревне Новая Воля, на Щаре был обнаружен исправный мост, охраняемый противником силой до батальона и с противотанковыми орудиями. Командир 29-й танковой дивизии полковник П. Н. Студнев приказал майору подготовить к бою 20 танков, для чего слить горючее с других машин, перегрузить боеприпасы и укомплектовать экипажи. Танкисты плакали, не хотели уничтожать технику своими руками, просили других.

Скомплектовали две роты по 9 танков; 8 машин заняли позиции и открыли огонь по восточному берегу, 10 машин во главе с майором Черяпкиным рванулись через мост. Немцы оказали ожесточенное сопротивление, но их оборона была прорвана, а переправа захвачена. Когда танк командира полка прошел через мост, тот приказал механику-водителю повернуть вправо, на высоту, чтобы использовать ее как наблюдательный

пункт и лучше управлять боем. Однако что-то заклинило в КПП, водитель не смог переключить скорость, и танк остановился. Кроме майора, в танке были замполит Третьяков и начальник связи. У моста горели постройки, шла беспорядочная стрельба. В башню Т-26 попал снаряд. В ней по периметру были отверстия для стрельбы из револьверов, которые закрывались толстыми стальными пробками. Кусок пробки ударил И. Г. Черяпкина по затылку и оглушил, от сотрясения открылся башенный люк. Батальонный комиссар Третьяков вылез из танка и сказал, что командир убит, но начальник связи и водитель вытащили его, обнаружили, что тот жив, и оказали помощь.

Много лет спустя бывший начштаба дивизии Н. М. Каланчук написал Черяпкину, что полковник Студнев приказал за бой на Щаре представить его к ордену Ленина, но все документы штаба пропали.

Пока водитель и связист приводили своего командира в чувство, остальные танки прорвались далеко вперед. Сколотив небольшую группу военнослужащих, майор И. Г. Черяпкин повел ее к Минску; когда достигли цели, оказалось, что он уже давно занят противником. Вместе с Черяпкиным были начальник химслужбы дивизии майор Я. Г. Егоров, командир 29-го ГАП майор Шомполов (Каланчук считал, что он пропал без вести при форсировании Щары), командир 29-го мотострелкового полка майор А. К. Храбрый и другие. Осенью они примкнули к группе ге-

632

нерал-майора Ф. А. Бакунина, 61-й стрелковый корпус которого оборонял Могилев; 22 ноября перешли линию фронта, но не все - майор Егоров по сей день числится пропавшим без вести.

Зам. командира 204-й МД Г. Я. Мандрик и командир саперной роты ее 382-го ЛИБ И. Ф. Титков в своих воспоминаниях приводят почти одинаковые подробности форсирования Щары. Это очень ценно, ибо других источников нет. Не все ясно, кое-что приходится реконструировать.

Подтянув дополнительные силы, немцам удалось отсечь авангард и не только восстановить положение, но даже оттеснить части 11-го мехкорпуса

от Щары. Танкисты майора Черяпкина ушли вперед, а управлению корпуса, штабам дивизий и другим подразделениям вновь пришлось пробивать немецкую оборону. В ходе кровавой ночной схватки у деревни Большие Озерки, как вспоминал полковник Мандрик, удалось вновь выйти к Щаре. В этой сводной группе еще оставались танки из состава батальона капитана Н. М. Никитина. Раненный в голову, комбат старался спасти каждую боевую машину - красноармейцы сливали горючее из поврежденной техники.

В Новой Воле их ждало разочарование: оба берега реки были заняты противником, мост был взорван то ли самими немцами, то ли ранее проходившими своими. Возможно, все же немцами - после прорыва отряда майора Черяпкина. Переправочных средств не было.

К рассвету саперы 382-го легкоинженерного батальона построили легкий штурмовой мост из обломков прежнего моста и разобранного деревянного сруба и начали переправлять по нему людей и технику. Сначала прошли четыре бортовых ЗИСа с ранеными, потом - все остальные. Перетащили на восточный берег несколько 45-мм пушек, два штабных автобуса и бронемашину.

На рассвете авиация противника разбомбила мост и все время мешала его восстанавливать. Большую часть автотранспорта и бронетехнику пришлось бросить на западном берегу Щары. Люди переправлялись вплавь, искали броды. На западном берегу части корпуса были вновь атакованы, но на этот раз это уже был передовой отряд какой-то пехотной дивизии, производившей "зачистку" местности. Колонну танков (или штурмовых орудий) и пехоты на автомашинах батальон Н. М. Никитина встретил на узкой дороге, идущей через болото. После обстрела из пушек последовала

633

контратака; тридцатьчетверки таранили и давили немецкие машины, колонна была наголову разгромлена. После этого генерал Д. К. Мостовенко приказал уничтожить всю технику, оставшуюся на западном берегу: танки и автомашины сжечь, орудия - утопить. Один Т-34 загерметизировали, капитан

Никитин лично перевел его по глубокому броду; с его помощью перетащили еще несколько танков. В последний раз Титков виделся с Н. М. Никитиным в котле западнее Минска. Его группа пошла на юг в обход города, следы Никитина затерялись.

Н. С. Тимошенко служил в 125-м отдельном противотанковом дивизионе 29-й моторизованной дивизии. Ему тоже "посчастливилось" участвовать в этой переправе. По его словам, машин, бойцов и командиров на западном берегу Щары скопилось очень много. Укрытия не было никакого - чистое поле, на другом берегу только кустарники. Легковые машины по собранному мостику прошли, а грузовые - разломали его. Налетевшие на рассвете самолеты разбили мост окончательно.

"На реке был настоящий ад. Самолеты бомбили, били зажигательными пулями. Машины горели, рвались баки с бензином. Горели и люди, многие бросались в реку, тонули. Река не могла спасти от огня. Она сама горела от разлившегося бензина. Мало кому удалось спастись. Медицинской помощи не было никакой. Крики, стоны! Это невозможно описать. Волосы дыбом становятся, и слезы глаза застилают. Оставшиеся в живых, обгоревшие и раненые, стали пробиваться на восток" [76, копия].

Рядовой П. В. Жигалко из 141-го полка 85-й дивизии служил в орудийном расчете одного из тех орудий, что были переправлены через Щару. Он вспоминал, что примерно в 11 часов 28 июня из леса по скоплению войск у переправы был открыт минометный огонь. В ответ открыли огонь две сорокапятки. Перестрелка продолжалась примерно до 16 часов, пока все не переправились. Саперы получили приказ обрубить тросы и взорвать переправу. Артиллеристы хотели уже сниматься, когда их позиция была накрыта точным минометным ударом. Расчет второго орудия был уничтожен полностью, остался в живых только сержант Владимир Железкин с оторванными ногами. В расчете первого орудия Жигалко оторвало ногу и ранило в голову. Несколько дней его возили в повозке, но в

ночь на 5 июля вместе с другими ранеными оставили в сарае в Дятлово.

28 июня командир 11-го механизированного корпуса провел в лесу восточнее Щары совещание командно-начальствующего состава. Присутствовали начштаба 204-й МД подполковник М. С. Посякин, командир 6-го кавкорпуса И. С. Никитин, командир 36-й дивизии Е. С. Зыбин. На совещании было принято решение: имеющимися силами закрепиться на реке Щара, для установления связи со штабом 3-й армии или штабом фронта послать группу командиров. Во главе группы поставить начальника штаба корпуса полковника Татаринова.

Начштаба с такой фамилией на 22 июня ни один корпус не имел. Так что вполне может быть, что командир 37-го полка 56-й дивизии И. Н. Татаринов принял штаб какого-то корпуса (возможные варианты - 4-го стрелкового, 6-го кавалерийского, 11-го механизированного).

От 204-й дивизии в группу был включен начальник артиллерии подполковник (фамилия утратилась за давностью лет).

Возвращения группы не дождались, и, ввиду больших потерь, генерал Мостовенко приказал отходить группами через Новогрудок - Кореличи - Мир на старую границу. Сам комкор-11 пошел со штабами 29-й и 33-й дивизий, штаб 204-й (командир дивизии - Пиров, замполит - Мандрик, начштаба Посякин, секретарь парткомиссии - старший политрук А. И. Ботвинко, начальник особого отдела - младший лейтенант госбезопасности Волков) - с частями обслуживания и частью личного состава 706-го моторизованного полка.

Отслеживая путь отступления главных сил 11-го МК, можно увидеть, что от переправы в Песках они двинулись не на северо-восток, к устью Щары, а южнее, в общем направлении на Столбцы. Следовательно, не они столкнулись с передовым отрядом 5-й ПД вермахта, который все утро 28 июня спешно укреплял оборону в районе д. Короли. По немецким данным, это был фланговый заслон силами 700-го полка 204-й моторизованной дивизии и других подразделений.

Немецкий автор пишет, что советские войска появились на дороге у Королей в первой половине дня. Отступающих подпустили на максимально близкую дистанцию и стали их расстреливать. Шквальным пулеметным огнем, открытым с занятой противником высоты, авангард колонны был буквально скошен и

635

рассеян. Но командиры советских подразделений быстро пришли в себя и, собрав воедино разрозненные части, без подготовки начали атаку на высоту большими силами. Им удалось вплотную приблизиться к позициям немцев; огнем и в ходе рукопашных схваток большинство огневых точек врага было подавлено, так что на отдельных участках возникли, как написано, "кризисные моменты". Но, увы, в конечном итоге все атаки были отбиты с большими потерями, советские подразделения были оттеснены к реке Щаре по линии Короли - н. п. Щара, а отход по дороге практически был остановлен.

Таким образом, к полудню 28 июня сложилась следующая обстановка в 3-й армии. Отступающие части армии отходили из района южнее Гродно на линию реки Россь. У железнодорожного моста в 8 км к западу от Мостов на южном берегу Немана немцами был захвачен и удерживался плацдарм; ему противостоял слабый заслон. У Мостов продолжались атаки против выставленного в качестве заслона батальона 706-го моторизованного полка. В низовьях Щары немецкие войска (батальон ротмистра Нимака) отбили атаки и окружили остатки 700-го МП, отступавшего из Песков на восток. О местоположении и состоянии главных сил 11-го механизированного корпуса, отошедших на восток 27 июня, в штабе армии никаких данных не имелось.

Целостность большинства частей была нарушена, на восток неорганизованно и непродуманно перемещались многочисленные разбитые и рассеянные остаточные группы. Командование армии не знало положения резервного 21-го корпуса, но надеялось на его поддержку при выходе на линию Лида - Слоним - Пинск. Для поиска корпуса, установления связи и

координации действий с ним В. И. Кузнецов во второй половине дня направил начальника отдела боевой подготовки штабс-полковника В. В. Иванова с радиостанцией на восток.

Оценив по достоинству эффективность действий советской 204-й мотодивизии, противник старался по возможности отслеживать ее местоположение, но 28 июня немцы дивизию "потеряли", не будучи уверенными, отошла она на восток или нет. После полудня они обнаружили на шоссе к западу от Дятлово моторизованную часть с танками силой до полка, которая около 19:30 (по московскому времени) столкнулась у Дятлово с продвинувшимся от деревни Орля передовым отрядом 35-й ПД. Но этой частью, скорее

636

всего, могла быть 29-я МД 6-го мехкорпуса. Таким образом, к Дятлово, опережая 3-ю армию, начали выходить части из состава 10-й армии.

Только полковник Иванов из штаба 3-й армии в поисках штаба 21-го стрелкового корпуса в ночь на 29 июня въехал у Дятлово в расположение противника и был пленен.

Также в общую полосу отступления 3-й армии вышла штабная группа 13-го механизированного корпуса. Потеряв связь со штабом 10-й армии и с дивизиями, командир мехкорпуса П. Н. Ахлюстин принял решение самостоятельно выходить из окружения вместе с находившимися при нем остатками подразделений. Единственная радиостанция 5-АК, имевшаяся в штабе корпуса, была разбита еще у м. Мстибово при авианалете.

Удалось без особых проблем переправиться через Зельвянку; оценив обстановку, Ахлюстин принял решение отходить севернее Слонима, на д. Молчадь. С помощью местного населения удалось найти подходящее для переправы место у деревни Кабаки. Переправлялись на подручных средствах при помощи найденного трактора. Войск противника на правом берегу Щары не было, но во время движения группу постоянно преследовали и атаковали

самолеты противника. Один немецкий самолет был сбит залповым огнем из винтовок, потерял управление, врезался в лесной массив и взорвался.

Двигаясь дальше, штабная колонна 13-го МК углубилась в лес северозападнее д. Козловшина, там был устроен короткий привал. Генерал приказал привести себя в порядок, пересчитать личный состав, вооружение и боеприпасы. Дальше он намеревался вести своих людей к старой госгранице, где, как ему представлялось, находилась линия фронта.

Во время отдыха ахлюстинцы умывались и брились, почистили оружие, сварили обед из "НЗ". В это время к ним подходили все новые и новые группы бойцов и командиров, отставших от своих частей. Присоединив их к себе, подросший отряд двинулся на Городище, и как раз на этом участке пути произошло первое покушение на командира корпуса, о котором упоминалось ранее.

Переправившись к исходу дня 29 июня через Неман у д. Еремичи Кореличского района, управление 13-го МК продолжило путь через Налибокскую пущу. В пуще переночевали и на рассвете 30 июня по лесной дороге направились дальше по намеченному маршруту.

С. З. Кремнев вспоминал, что че-

637

рез какое-то время колонна остановилась, для выяснения обстановки вперед была выслана разведгруппа, а генералы Ахлюстин и Иванов с группой штабных командиров устроились на обочине дороги в ожидании возвращения разведчиков. В этот момент из леса вышли два человека в форме командиров Красной Армии (майора и старшего лейтенанта). Они обратились к П. Н. Ахлюстину и стоявшему рядом В. И. Иванову со словами:

"Товарищи генералы, впереди разрушен мост, там движутся немецкие танки, необходимо отсюда немедленно уходить, искать другую дорогу..." - и, внезапно выхватив пистолеты, открыли по ним огонь в упор. Генерал Иванов был убит, пуля попала в грудь; второй диверсант промахнулся - пуля пробила плащ П. Н. Ахлюстина, слегка задев руку выше локтя. Оба диверсанта

(вероятно, белоэмигранты, ибо чисто, без какого-либо акцента, говорили по-русски) были уничтожены, но остановившаяся колонна тут же была обстреляна из леса.

Генерал приказал прочесать местность: все, кто имел оружие, цепью бросились вперед. В результате короткого боестолкновения было убито 18 нацистов, половина из них была одета в форму военнослужащих РККА. Тело генерала Иванова положили в пикап, на котором он ехал, и двинулись дальше, рассчитывая похоронить его на кладбище вблизи какого-нибудь населенного пункта.

Никаких танков, конечно, впереди не оказалось, а мост был не разрушен, а просто разобран; его разобрали сами десантники, чтобы создать затор, спровоцировать панику и, воспользовавшись ею, уничтожить командование 13-го мехкорпуса [76, копия].

При попытке пересечь шоссе Минск-Брест у д. Стайько-во (30-35 км к юго-западу от Минска) управление 13-го МК наткнулось на колонну немцев. В завязавшемся бою наш отряд был вынужден бросить оставшиеся автомашины, в том числе и ту, в которой лежало тело генерала В. И. Иванова. С. З. Кремнев писал, что она вроде бы даже сгорела. Но кто-то после войны долго искал место его захоронения - погибших закопали местные по приказу немцев. Могила была найдена, и прах генерал-майора танковых войск В. И. Иванова был перезахоронен в Станьково со всеми воинскими почестями.

Новогрудок, в котором изначально не было реально боеспособных частей Красной Армии, не представлял для противника никакого интереса. Первые бомбы упали на город

638

лишь 23 июня, когда к нему начали стекаться отступающие тылы 3-й и 10-й армий. 28 июня, когда не только сам Новогрудок, но и вся покрытая лесами Новогрудская возвышенность заполнились отошедшими с запада обозами, госпиталями, штабами, в том числе штабом 3-й армии, целыми

частями и их остатками, немецкая авиация за три часа варварской бомбардировки практически стерла с лица земли этот старинный, упоминаемый с X века, городок, бывшую столицу Великого Княжества Литовского. Уцелело лишь несколько каменных домов на окраинах и старинный храм Преображения Господня (он же Белая Фара). Жители разбежались по окрестным лесам и хуторам, а уцелевшие военные потянулись еще дальше на восток. Те, кто успел тогда выйти на рубеж Минского УРа, на сборных пунктах пополняли ряды дивизий 13-й армии или, обходя их, брели дальше, к реке Березине, к переправам на которой пока еще не прорвались передовые немецкие подразделения.

В боевом донесении штаба 13-й армии на 21:00 28 июня 1941 г. указывалось:

"По участку армии непрерывным потоком идут люди и даже части. Остановлен и введен в боевой порядок 108-й стрелковой дивизии 301-й гаубичный артиллерийский полк с ограниченным количеством снарядов... Прошел 518-й зенитный артиллерийский полк, который имеет новую матчасть, но ни одного снаряда".

Несколько дней 518-й ЗАП успешно отражал воздушные налеты на важный железнодорожный узел и областной центр Барановичи. Офицер инженерных войск, не сумевший попасть в свою дивизию 3-й армии и "застрявший" в Барановичах, писал в своих воспоминаниях о том, как атаковавшая станцию группа вражеских бомбардировщиков была полностью уничтожена зенитным артогнем. Когда были расстреляны все боеприпасы, по приказу командования Западной зоны ПВО полк начал отходить в тыл.

Утром 28 июня после ночного привала начала продвижение к Дзержинску длинная, километров на пять, сборная колонна, в которой находились управление и политотдел 209-й моторизованной дивизии. О том, что Дзержинск уже занят противником, никто не знал.

Накануне в районе деревни Боровая произошел инцидент: среди отступающих была выявлена и после перестрелки ликвидирована группа переодетых в нашу форму диверсантов. Через какое-то время автоколонна

639

вновь наткнулась на засаду противника. Вес, кто ехал на грузовиках, спешили, развернулись цепью и пошли в атаку. Но оказалось, что это уже не десантники. Когда опрокинули и смяли заслон, к месту боя подошла группа немецких танков. Огнем и гусеницами они рассеяли прорывающихся, а колонна автомашин, чтобы избежать разгрома, устремилась вперед по дороге.

Младший политрук Стаднюк оказался рядом с помощником по комсомолу начПО дивизии С. Полищуком. Спасаясь от танков, они скрылись в ближайшей рожице, затем перебрались через болото и вышли к перекрестку полевых дорог. Здесь, на обочине, стоял танк Т-34. Экипаж, в составе которого были два майора-танкиста, сидел рядом с машиной и завтракал. Политруки предупредили танкистов о близости противника и попросили взять их с собой. Танкисты согласились, но предложили прежде выпить с ними по глотку водки и перекусить. Такое гостеприимство их удивило...

Вскоре танк двинулся в сторону Дзержинска. Ехали до тех пор, пока не уткнулись в огромное скопище транспортных средств, застывшее перед разрушенным мостом, который восстанавливали саперы. Стаднюк и Полищук побежали вдоль машин вперед в надежде найти своих сослуживцев. Когда нашли политотдел, позади вспыхнула ожесточенная перестрелка. Когда минут через десять пальба стихла, они вернулись к танку, чтобы попрощаться с танкистами, и с ужасом увидели их тела, лежащие на обочине дороги. Оба майора были убиты, их посчитали диверсантами. В те дни среди отступающих на восток военнослужащих действительно было много переодетых диверсантов, но здесь, мне почему-то так кажется, погибли ни в чем не повинные свои же командиры, хотя сам И. Ф. Стаднюк и

сейчас уверен в обратном. Не зная специфики и терминологии танковых войск - а диверсанты обычно "работали" под офицеров стрелковых частей, инженерных войск и войск НКВД, - впервые встретившись с совершенно незнакомым новейшим танком Т-34, очень трудно доехать почти до Минска, выдавая себя за советских офицеров.

По словам И. И. Сергеева, 23 июня чудом уцелевший солдат 18-го МЦП 13-го мехкорпуса принял за диверсанта собиравшего разрозненных людей генерала (самого комкора Ахлюстина или его зама по строевой части Иванова), но отсутствие патронов к карабину

640

на этот раз оказалось не бедой, а благом. А если "покопаться" в литературе, то даже в изданных в прошлые годы мемуарах можно найти свидетельства о том, как не раз творился самосуд над командирами, в которых начинали подозревать шпионов и диверсантов.

Начальника штаба 20-й армии генерал-майора А. Д. Корнеева не в меру рьяные солдаты просто застрелили. Зам. командира 3-го авиакорпуса ДВА бригадный комиссар А. К. Одновол был арестован за "подозрительный" внешний вид (бритая голова и фуражка с задраным верхом), зам. начальника оперотдела штаба 19-й армии майор А. Х. Бабаджанян (будущий маршал бронетанковых войск) был жестоко избит "бдительным" женским персоналом гражданского госпиталя. Политрук эскадрильи 122-го истребительного полка П. А. Дранко, сев "на вынужденную" на подбитой машине, был схвачен колхозниками, не поверившими, что советский летчик может носить... бороду. Был принят за врага и "обезврежен" начальник связи 59-й авиадивизии капитан Е. В. Кояндер, и только вмешательство проезжавшего мимо зам. начальника разведотдела штаба ВВС фронта подполковника Г. Н. Яхонтова не дало совершиться беде. Полковник И. Г. Старинов под Вязьмой был "пленен" охраной моста, который он собирался осмотреть на предмет его подготовки к взрыву. Мандат сапера был подписан наркомом обороны С. К. Тимошенко, который был никем для сотрудников

Наркомата внутренних дел. Хорошо еще, что вышколенные бойцы ЖДВ НКВД не открыли сразу огонь на поражение. Лично убивал офицеров Лев Мехлис. Маршал К. К. Рокоссовский в первом варианте своих мемуаров привел случай, когда западнее Ровно драпающие на восток военнослужащие устроили "суд Линча" над генералом из штаба Юго-Западного фронта, который пытался их остановить. Его чуть ли не на ходу втащили в автомашину, отобрали оружие и документы и... вынесли смертный приговор, как переодетому диверсанту. Сообразительный командир, поняв, что любые объяснения бесполезны, выпрыгнул на ходу и укрылся во ржи, а затем набрел на КП 9-го мехкорпуса, которым командовал Рокоссовский (ВИЖ, 1989, № 4, с. 55-57). В самом конце войны при растаскивании дорожной пробки был убит пьяными шоферами командир 1-й гвардейской танковой бригады, Герой Советского Союза полковник В. М. Горелов.

641

О том, что дальше произошло с теми остатками частей, которые собрались у разрушенного моста недалеко от Дзержинска, писатель умолчал. Можно лишь предположить, что танки противника, расправившись со спешившимися бойцами и командирами, последовали вслед за уходящей колонной. И нашли и ее, и еще других у реки, где вся эта неорганизованная масса ждала, пока саперы закончат свою работу. Кто знает, может, хватило бы одной-единственной тридцатьчетверки, чтобы остановить врага и тем спасти сотни жизней и десятки единиц техники.

Стаднюк писал:

"С Березины нас (командиров и политработников) отправляли в Могилев, где напряженно функционировал проверочный пункт. В Могилеве мне повезло - во дворе школы, в которой находился пункт проверки, я увидел майора Маричева (начальника инженерной службы нашей дивизии), сквозь форточку окна докричался до него и тут же получил "вотум доверия": тогда важно было, чтобы кто-нибудь подтвердил твою довоенную причастность к Красной Армии. Мне даже удалось познакомиться с членом Военного совета

фронта дивизионным комиссаром Д. А. Лестевым и рассказать ему, а затем написать об обстоятельствах разгрома диверсантами штабной колонны 209-й мотострелковой дивизии".

В то время, когда ударные группировки вермахта прорывали оборону 13-й армии по рубежу Минского укрепрайона, колонны отходящих советских войск, сжатые с обоих флангов и направляемые внутрь "котла" армейскими корпусами 4-й и 9-й армий, все еще тянулись от Белостока и Осовца, собирались в районе Волковыска и Зельвы, выходили от Немана к Новогрудку. После ухода 3-й армии из района Мостов к взорванным переправам стали подходить отдельные части из состава дивизий 10-й армии. Их преследовали и блокировали их дальнейшее продвижение более подвижные германские войска, и для многих советских подразделений 28 и 29 июня стали последними днями их существования.

261-й стрелковый полк 2-й дивизии от Белостока через Супрасельскую пушу вышел к Волковыску. Как рассказывал В. А. Киселев, население города встречало их хлебом-солью, и он подумал: а не приняли ли они нас за немцев? От Волковыска полк двинулся почему-то не на восток, а на север, на Зельвяне и Мосты. Все переправы

642

через Неман были разрушены, и уйти на правобережье не удалось. А войска все подходили и подходили. Затем собравшиеся были атакованы противником сразу с нескольких сторон, и началось кровавое побоище, ибо о сдаче в плен тогда почти никто не помышлял (это началось позже, под Слонимом и Минском).

Прижатые к Неману, советские солдаты дрались до последней возможности. Люди под огнем бросались в реку, пытаясь добраться до восточного берега, десятками тонули. Воды, которые Неман нес на север, к Балтийскому морю, стали бурными от обильно пролитой крови. На берегу возле брошенного автотранспорта, повозок, орудий, станковых пулеметов и другого вооружения вповалку лежали убитые красноармейцы.

Майор А. С. Солодков, командир 261-го СП, был тяжело ранен в последнем бою. Его сумели вынести и оставили в какой-то деревушке, но кто-то выдал "красного" командира немцам.

Старший лейтенант Г. М. Картухин, танкист, также был ранен в бою у Мостов. Очнувшись на соломе в лагере военнопленных в Хороще, он был "взят под опеку" лежащим рядом пожилым, сурового вида майором, который назвался Солодковым, командиром стрелкового полка. Вняв его мудрым советам, Картухин примирился с неизбежным, а позже, подлечившись, сумел бежать и ушел в партизаны. По документам ЦАМО, майор А. С. Солодков числится пропавшим без вести с июля 1941 г., но, скорее всего, он умер от ран в Хороще и похоронен в одной из безымянных лагерных могил.

Многие участники боев указывают на район Мостов как на последнюю точку боевого пути их частей. Инструктор пропаганды 248-го легкого артполка 86-й СД И. Г. Литвинов, ставший затем начштаба партизанского отряда, поведал, что к Мостам остатки полка вышли уже без орудий, только с личным оружием и незначительным количеством патронов. После разгрома те, кто остался жив, неорганизованными группами повалили на восток по южному берегу Немана.

Секретарь партбюро полка батальонный комиссар К. И. Овчинников собрал уцелевших артиллеристов и разделил их на два отряда. Один повел сам, второй возглавил Литвинов. Последний раз Овчинникова видели где-то под Витебском, где в тяжелом неравном бою его группа была рассеяна и уничтожена. Сам И. Г. Литвинов с бойцом-коноводом попал в плен, но во время массового побега, который организовал командир хозвзвода

643

из их полка Кокорев, также бежал. Бежали удачно, пошли не на восток, а на запад, чтобы не перехватили преследователи. Побывали на зимних квартирах полка, когда шли туда, встретили в лесу секретаря ЦК комсомола Белоруссии Бугримова. Он выдал офицерам мандат ЦК КП(б)Б на организацию партизанского движения в оккупированных районах. В октябре

1941 г. новый отряд начал действовать и действовал до сентября 1944 г., то есть до соединения с частями Красной Армии [76, письмо].

11.4. Действия советских войск на двинском участке Северо-Западного фронта

28 июня на двинском участке Северо-Западного фронта была предпринята новая попытка ликвидировать неприятельский плацдарм на северном берегу Западной Двины. В 5 часов утра боевые группы 21-го мехкорпуса перешли в наступление на Двинск. Передовой отряд 46-й танковой дивизии (полковая разведка во главе с лейтенантом С. Урсовым) в 7 часов ворвался в Малиновку, где встретил упорное сопротивление противника, имевшего в этом районе до танкового полка с пехотой и артиллерией из состава 8-й ТД. Командир 46-й танковой дивизии основными силами нанес удар в обход Малиновки с запада, дивизия выбила противника из села и на плечах отходивших немецких подразделений ворвалась в Двинск. На окраине города завязались упорные бои. Однако 46-я ТД не смогла закрепиться в городе, сначала она отошла на восточную окраину Двинска, а затем отступила к Сумбрам.

Житель Двинска, пенсионер В. Новицкий, вспоминал:

"На "Коржике" немцы установили противотанковое орудие. Прямой наводкой, почти в упор, они расстреливали проходившие со стороны шоссе на Резекне легкие русские танки. Вспыхнул один, потом второй, третий... Несколько дней обгоревшие тела танкистов валялись возле подбитых машин. Потом их схоронили в безымянной могиле".

Позже 46-я танковая дивизия была передана в группу генерал-лейтенанта С. Д. Акимова. Наступление 185-й МД успеха не имело, она понесла серьезные потери и была остановлена противником в 15-20 км северо-восточнее Двинска.

Утром в 42-ю танковую дивизию с оперативной группой штаба корпуса выехал генерал-майор Лелюшенко; в пути была получена радиограмма - полковник Н. И. Воейков сообщал, что в районе Краславы дивизия вошла в соприкосновение и завязала бой с передовыми частями 121-й пехотной дивизии 16-й полевой армии вермахта. Авангард 42-й ТД под командой майора А. М. Горяинова продолжал двигаться на Двинск. Из разведывательного отряда капитана Рябченко было передано сообщение, что в 15-20 км восточнее Двинска противник переправился на северный берег и захватил еще один плацдарм. Прибывший в отряд командир дивизии Воейков получил от Д. Д. Лелюшенко приказ - после 10-минутного артиллерийского огневого налета передовому отряду с ходу атаковать противника вдоль берега Двины с целью отрезать его от переправ. Главным силам дивизии нанести удар с востока и уничтожить переправившегося противника.

Через час передовой отряд, усиленный танками и артиллерией, решительно атаковал противника и выполнил поставленную ему задачу. При поддержке артиллеристов полковника Дягтерева и танковой роты капитана Степанова до батальона немецкой мотопехоты было отрезано от реки и с подходом главных сил 42-й танковой дивизии уничтожено в районе Саргелишти. Однако попытки дивизии развить успех и выйти к восточным окраинам Двинска натолкнулись на упорное сопротивление частей 8-й танковой и 3-й моторизованной дивизий противника. В результате боя части 42-й дивизии достигли рубежа Юзефова, Вилюши, но под воздействием огня артиллерии и контратак пехоты и танков отошли с боем на рубеж Извалта, Жидина.

Напряженные бои соединений корпуса продолжались весь день. К вечеру противник подтянул свежие силы. После ударов авиации и артиллерийских налетов противник атаковал 42-ю и 46-ю танковые дивизии. Под давлением противника соединения корпуса вынуждены были отойти.

В боевом приказе № 7 по состоянию на 17:30 командир 42-й дивизии Н. И. Воейков констатировал, что 29-й мотопехотный полк противника со 148-м артиллерийским полком в течение дня упорно удерживали подступы к Двинску, одновременно через Западную Двину переправлялись танки и подходившие резервы. После отхода от Двинска 42-я ТД переходила к обороне

645

полосы Извалта (иск.), Дагда, Капилава, Краслава, м. Асупе. На правом фланге дивизии, на рубеже Гнилой ручей, Спрута, занимала оборону 185-я моторизованная дивизия; левым соседом, занимавшим рубеж Мазиндрица, м. Индра, был стрелковый полк 112-й стрелковой дивизии. 83-му танковому полку приказывалось оборонять участок Извалта, Лудвигавас, Лемешевка, в границах полка на опасных участках создать противопехотные и противотанковые препятствия, используя подручные материалы. 42-му моторизованному полку майора А. М. Горяинова надлежало оборонять участок высота 173 и 9, Капилава, Капитанчики и также создавать препятствия. 84-му танковому полку надлежало оборонять участок Удриши, Краслава, оз. Индрииа - эзерс; препятствия для танков и пехоты создавать на участке Пукьяны, Краслава, оз. Индрица-эзерс. Для выяснения обстановки на левом фланге командир дивизии приказывал организовать разведку в направлениях Краслава, Кална Викани; Висканы, Грибули, Курпениэки; Шус-тыни, Сталти.

Также в приказе указывалось, какого характера заграждения следовало создавать на опасных направлениях: лесные завалы на дорогах, перекапывание грунтовых дорог, подрыв или сжигание мостов, устройство надолбов из больших валунов, подрыв железнодорожных путей, устройство воронок на основных дорогах, валка телефонных столбов на дороги.

По состоянию на 20:00 28 июня был издан боевой приказ по 27-й армии № 07 на проведение командирской разведки. В нем указывалось, что с вечера сего дня армия принимает в подчинение следующие фронтовые части: 5-й

воздушно-десантный корпус, 21-й механизированный корпус без танков, сводная дивизия неуточненной организации и 110-й артополк РКК. Силы противника и положение фронта не установлены, справа части 8-й армии отходят на рубеж обороны по Западной Двине; слева части армейского управления генерал-лейтенанта Ершакова также занимают оборону по Западной Двине. Для установления связи с частями, уточнения положения на фронте и организационного и боевого состава войск армии приказывалось организовать командирскую разведку в следующих направлениях: начальник автобронетанковых войск армии полковник Кукушкин с тремя командирами на одной машине - в направлении Резекне, Тискали, Прижево, Стир-

646

нивке, Стети; начальник отдела боевой подготовки полковник Афанасьев с тремя командирами на одной машине - в направлении Резекне, Тимошишки, мз. Креви, Москвина; начальник артиллерии армии полковник Хлебников с тремя командирами на одной машине - в направлении Резекне и далее по шоссе на Двинск; найти группу генерал-лейтенанта Акимова, установить положение на фронте и, оставаясь при группе, доносить обстановку в штаб армии; начальник химслужбы полковник Новоселов с двумя командирами на одной машине - в направлении Резекне, Боровая, Дагда.

Основной задачей армии ставилось сдерживание противника в полосе фронта, недопущение прорывов механизированных групп вдоль шоссе Двинск, Резекне и просачивания подвижных отрядов - на других направлениях (СБД № 34, с. 257-258).

В ночь на 29 июня 46-я танковая дивизия заняла оборону на рубеже Бети, Лейтани; 185-я моторизованная дивизия - на рубеже Аулеяс, Сакова; 42-я танковая дивизия - на рубеже Шкипи, Гейби. 29 июня соединения корпуса в соответствии с решениями командующего 27-й армией продолжали удерживать занимаемые рубежи. К полуночи части корпуса

занимали фронт Лауку-Лапери, Слостовка, Казлиши, Туканы. Извалта (185-я МД); Извалта, Капилава (42-я ТД).

Приказом командира корпуса от 29 июня соединениям была поставлена задача не допустить продвижения противника в направлениях: Двинск, Резекне; Двинск, Лудза; Двинск, Себеж; упорной обороной нанести противнику максимальное поражение.

В период с 29 июня по 1 июля Манштейн серьезных попыток развивать наступление с двинского плацдарма не предпринимал; атаки немецких частей на отдельных участках фронта успешно отбивались. Это было вызвано тем, что желание Манштейна продолжать наступление на Ленинград не нашло поддержки высшего командования в лице командующего 4-й ТГр Гепнера. Немецкий генерал считал, что войскам необходима передышка, за которую к Двинску подтянутся отставшие тылы, будут пополнены запасы горючего и боеприпасов, будет отремонтирована подбитая и вышедшая из строя техника. Таким образом, на левом фланге Северо-Западного фронта наступила короткая оперативная пауза.

В то же время не прекращались попытки уничтожить переправы через За-

647

падную Двину. Поскольку ВВС фронта были практически выбиты, со стороны советского командования последовал своего рода "жест отчаяния" - для нанесения ударов были привлечены три полка морской авиации: 1-й минно-торпедный, 57-й и 73-й бомбардировочные. Эффект был незначительным, зато потери составили 33 самолета (Черный понедельник авиации Балтфлота. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КАТАСТРОФА II. - М.: Яуза, Эксмо, 2007, с. 406).

В оперсводке штаба фронта за 29 и 30 июня констатировалось, что 21-й мехкорпус вел бои с разведывательными группами противника, все попытки просочиться в северо-восточном направлении были отбиты. В боевом донесении штаба корпуса № 3 на 22:00 29 июня указывались потери,

понесенные за два дня боевых действий (без учета потерь 46-й дивизии): убито тридцать, ранено 387, пропало без вести сорок. Отдельно перечислялись потери начсостава. Были убиты: начальник штаба 46-й танковой дивизии подполковник Н. И. Авдеев, командир артиллерийского полка 46-й танковой дивизии подполковник М. И. Карасев; ранены: заместитель командира 42-й танковой дивизии по политчасти полковой комиссар П. Д. Чураков, командир 91-го танкового полка подполковник И. П. Ермаков, командир 46-й танковой дивизии полковник В. А. Копцов; пропал без вести командир 46-го моторизованного полка полковник М. Д. Василевский (СБД № 33, с. 30-31).

К полудню 30 июня части корпуса занимали рубеж Лауку, Лапери, Извалта (185-я мотодивизия); (иск.) Извалта, Копила-ва (42-я танковая дивизия). 46-я дивизия находилась в подчинении генерала С. Д. Акимова. К этому времени в принимавших участие в боях подразделениях дивизий оставалось всего 3229 человек личного состава, семь танков и 77 орудий. Фактически это был не корпус, а мотострелковая бригада с несколько увеличенным количеством противотанковой артиллерии.

В донесении № 4 от 30 июня констатировалось, что фронт Краслава, м. Пиедруя оголен, так как полк 112-й стрелковой дивизии, назначенный на этот рубеж, приказом командира 112-й дивизии отведен на фронт оз. Индрица-эзерс, м. Индра. Получены данные о том, что танки, предназначенные для пополнения матчасти мехкорпуса, остановились на марше из-за отсутствия горючего.

В ночь на 30. 06. 1941 г. про-

648

тивник перед фронтом корпуса вел усиленную пехотную и танковую разведку. Генерал Д. Д. Лелюшенко обращался к командованию 27-й армии с просьбой о прикрытии своего левого фланга силами 112-й СД, выделении горючего для танков и другой техники и проведении воздушной разведки южного берега Западной Двины на фронте м. Капилава, м. Друя.

Из донесения полковника С. А. Сухарева:

"С 28.6 по 29.6 до 6.00 [положение] 112 сд без изменений. Слышим шум боя направлении Двинска. По сообщению коменданта УР Полоцк полковника Дэви 28.6 шли бои за Двинск по Псковскому шоссе, в результате которого якобы часть Двинска в наших руках. Других данных добыть невозможно. Прошу верить этому. Второе: Разведкой заграждения Полоцк-Себеж свободно от противника. По еще не проверенным данным - все мосты на дорогах, идущих в Латвию, разрушены, проехать можно только через Остров. Проверяю разведкой. Третье: Из Латвии в 10 часов 29.6 вернулся Гладков (майор ГБ П. А. Гладков, нарком госбезопасности Литвы. - Д. Е.), который сообщил, что командующий Кузнецов находится Остров и делает маневр на рубеже старой границы. В Риге аналогии Литвы, связи с ней нет и всем данным вряд ли возможно. Гладков, Мостнов видел вновь назначенного командира дивизии (фамилию не помнит), который связался с 30 сп и ищет 1 и 5 мсп. Связи с Остров не добился. Четвертое: Со стороны Полоцка, Пскова наблюдается подход в сторону фронта наших стрелковых частей. Марш возможен только ночью. Днем противник беспокоит каждую колонну с воздуха. Нашего обеспечения с воздуха нет. Полоцк бомбят систематически и безнаказанно одиночные самолеты противника. Наших самолетов почти нет. Зенитные средства не эффективные. Пятое: Связи прохождения обороны по линии зоны, целесообразно 83 ПВО и 13 ПВО обратить на новые формирования. Шестое: 1 мсп ЗГТ, 107 ПО подготавливаются маршу, есть возможность к вечеру добыть остальные. Производится ремонт техники. Продовольствие есть трое суток. 30 июня вся группа будет готова к выступлению. Маршрут намечу по результатам разведки на Себеж, Остров, которые даст данные исходу дня сегодня. Седьмое: Связи обстановкой Латвии целесообразно пункт прибытия указать мне конкретно. Если на дорогах районе Себежа нет мостов,

пойду на Остров. О маршруте и времени выступления донесу" [76, копия].

Юго-восточнее Двинска по шоссе Вильнюс-Полоцк продолжали отступление части неудачливого 29-го корпуса. В 08:00 остатки 29-го ТСК после ночного привала выступили на Полоцк и Невель. В 17 часов отряд 179-й дивизии прошел передний край обороны 22-й армии в районе Полоцка. В соединении из шести тысяч лиц личного состава оставалось всего полторы-две тысячи, почти все литовцы дезертировали из него во время марша. В течение дня 29 июня штакор-29, остатки 179-й ТСД, остатки 615-го КАП и остатки штаба 184-й ТСД отходили в район Невеля, и к 30 июня там собрались все, кто остался от литовского корпуса. В 179-й погибло все командование (комдив - полковник А. И. Устинов, начштаба - майор Копылов, зам. командира по политчасти - старший батальонный комиссар Д. Я. Продэус). Где и как они погибли, установить не удалось. Не написал об этом в своих мемуарах и полковник Яцовскис.

В деревне Стайки (25 км юго-восточнее Невеля) 30 июня в 179-ю дивизию прибыло пополнение в количестве более семи тысяч бойцов и командиров, из них две с половиной тысячи туляков. Ко 2 июля 1941 г. 179-я СД получила от командования 22-й армии всего до восьми тысяч человек разных национальностей, нелитовцев, и 3,5 тыс. винтовок, но в целом укомплектованность оружием, техникой и снаряжением осталась на уровне 40-45%. Все оставшиеся литовцы были из дивизии изъяты; их отправили в тыл, а в 1942 г. они вступили во вновь сформированную 16-ю литовскую дивизию, которой последовательно командовали генералы Ф. Жемайтис и В. Карвялис. Бывший командир дивизиона 618-го артполка майор А. Раугале возглавлял в 16-й СД 224-й артиллерийский полк. 179-я СД частично выступила на фронт только 5 июля 1941 г. Разумеется, это была уже целиком кадровая, а не территориальная национальная дивизия.

Где-то между 6 и 8 июля штаб корпуса (им по-прежнему командовал командир генерал-майор А. Г. Самохин, начальником штаба остался полков-

ник П. Н. Тищенко) сдал командование над ней и принял командование над 126, 23 и 188-й стрелковыми дивизиями.

В целом документы РГВА и ЦАМО (фонды 29-го СК, 184-й и 179-й СД) свидетельствуют о том, что мятеж в 29-м террито-

650

риальном корпусе не был стихийным, а сознательно готовился немецкой агентурой с начала 1941 г. и во многом был "подогрет" бездумными попытками его "советизации". Рост антисоветских настроений среди литовских военнослужащих был замечен 3-м отделом, и 12-13 июня была проведена широкомасштабная "чистка". Чистки шли все время, но очень неэффективно и медленно, а затем сразу было арестовано много военнослужащих-литовцев. Хотя оптимальным было бы решение не чистить от антисоветских элементов национальные прибалтийские части, а расформировать их как ненадежные, но сделано это не было. Следствием измены 29-го корпуса явилась почти полная незащищенность стыка между Северо-Западным и Западным фронтами, что позволило танковой группе генерала Г. Гота, преодолев в короткий срок огромное расстояние, выйти во фланг и глубокий тыл Западного фронта.

11.5. Действия советских войск внутри кольца окружения. Продолжение

В течение ночи и весь день 29 июня части 10-й армии отходили на восток, ведя ожесточенные бои с войсками 4-й полевой армии вермахта. Особенно яростные столкновения происходили в Беловежской пуще, в районах Слонима, Волковыска. Зельвы, Порозово, Нового Двора. Когда стало ясно, что пути отхода 10-й армии в районе Зельвы и южнее перерезаны и прочно блокированы противником, часть окруженных войск устремилась по единственно доступной грунтовой дороге к деревне Пески. 29 июня Пески

немцами еще заняты не были, и там переправлялись в основном части из состава 3-й армии. Обстановка была во многом схожей с той, которая сложилась на направлении отхода на Зельву и Слоним, за исключением, пожалуй, одного. С севера отступающие имели на пути противника мощную естественную преграду - реку Неман. Такой рубеж можно было удерживать некоторое время даже обескровленными остатками войск. С рассветом значительные силы 3-й армии при поддержке артиллерии и танков с двух сторон атаковали батальон ротмистра Нимака у Королей, бои в районе Королей продолжались до второй половины дня.

651

Атаки советских подразделений облегчались тем, что их правый фланг на западе упирался в Щару, а левый - в заболоченную пойму Зельвянки; фронт прорыва имел ширину максимум в 5 км и к тому же господствовал над окружающей местностью. 83-й пехотный полк 28-й ПД, который после окончания боев за Мосты не имел никаких приказов на дальнейшие действия, проявил известную пассивность, которую можно было объяснить усталостью после многочасового тяжелого боя со 184-м стрелковым полком и другими советскими подразделениями. В приказе по дивизии на 29 июня ставилась следующая задача: "28-я дивизия расширяет по частям плацдарм и очищает территорию в углу между Неманом и Зельвянкой у Песков..."

На описания действий наших врагов хорошо наложились другие воспоминания. Ветврач 48-го кавполка В. И. Дегтярев также был участником и очевидцем событий в районе Песков. По его словам, остатки советских частей пытались прорваться к Зельвянке у Мостов. Немцы занимали там господствующие высоты по западному берегу реки и ее восточный берег. Советские войска, понеся очень большие потери, все же сумели выбить противника с высот и освободили деревню Пески. Но за Песками до Зельвянки шла совершенно открытая местность, прекрасно пристрелянная немцами, и продвижение отступающих было остановлено.

В атаках на немецкий заслон неслись огромные потери, и вскоре во дворе домика лесника неподалеку от деревни советскими военными медиками был развернут импровизированный госпиталь, куда отовсюду стали сносить многочисленных раненых. Но немцы через какое-то время засекли "скопление живой силы противника" и расстреляли его артминометным огнем: почти все раненые и медперсонал погибли. Сам Дегтярев впоследствии был пленен. В страшном лагере в Острове-Мазовецком он встретил своего комполка Алексеева, начштаба майора Замятина, видел также командира 164-го артполка 2-й дивизии полковника Радзивилла.

Одновременно с атаками на Короли советские части предпринимали попытку прорыва в 40 км восточнее-северо-восточнее от них, вдоль дороги на Дятлово и также с использованием танков и артиллерии. Передовой отряд 35-й пехотной дивизии, временно подчиненный командиру 5-й ПД, занимал

652

оборону на высоте севернее м. Дятлово (у шоссе Лида - Слоним). Атаки начались с рассветом и продолжались до 10 часов утра, но прорвать немецкий заслон не удалось. Отряд 35-й ПД отразил все атаки, понеся при этом большие потери.

Расширение плацдармов на южном берегу Немана в конечном итоге привело к тому, что отступление на Пески на север вокруг зельвянских болот стало невозможным. Северная часть болот была совершенно непроходима для техники; лишь у Подблоце (21 км от Мостов) болота были проходимы, но здесь уже скопилось множество частей 10-й армии.

14-й пехотный полк 5-й дивизии в это время находился на марше, спеша по южному берегу Немана в район Дятлово. После 17 часов 14-й ПП подошел к высоте у Дятлово и сменил на ней отряд 35-й ПД, который затем перешел к станции Новоельня, чтобы преградить остаткам советских войск пути отхода к Новоельне с запада и юга. 14-й полк (командир - полковник

Ессер) должен был не допускать прорыва советских войск вдоль дороги, идущей к Дятлово с запада, и, увы, с этой задачей прекрасно справился.

Позиция полка была великолепна: с высоты открывался очень хороший обзор как в западном, так и в южном направлениях. На высоте были оборудованы позиции артиллерии и минометов, особенно много было средств ПТО. Впереди них фронтом на запад и юг располагались замаскированные окопы стрелковых рот. Все появляющиеся на дороге и подошедшие на дистанцию стрельбы колонны грузовых автомашин с военнослужащими и имуществом (фуражом или вещевым снабжением) уничтожались. Пленных сгоняли в колонны и направляли на сборный пункт полка. 30 июня в числе пленных был взят офицер в звании полковника, который представился немцам как зам. командующего 3-й армией по тылу. Вероятно, это был полковник С. С. Сиротинин, числящийся пропавшим без вести.

В этих боях на левом берегу Зельвянки отряды 3-й армии потеряли много транспортных средств и тяжелого вооружения, что в данных условиях было неизбежным. Лишь большому количеству военнослужащих с ручным оружием удалось форсировать Зельвянку и продвинуться к Щаре, но они были рассеяны на мелкие группы и уже не представляли серьезной силы.

Находившийся во главе одного из отрядов 3-й армии штаб 4-го стрелкового корпуса был в районе Деречина атако-

653

ван германской бронетанковой частью и разгромлен, командир был пленен. На этом организованные действия 3-й армии можно считать законченными.

Деречин находится в междуречье Зельвянки и Щары; он стоит на перекрестке важных дорог от Зельвы и Мостов на Лиду - Новофудок и Слоним. В районе этого местечка немцами было перехвачено и разгромлено немало советских частей, в том числе управления 5-го и 4-го стрелковых корпусов. Произошло это, возможно, не в один и тот же день, а может, и одновременно. На то и перекресток, чтобы на нем встречаться. К Деречину

со 120 бойцами вышел командир 29-й МД генерал-майор И. П. Бикжанов. В. Е. Фролов рассказывал:

"В районе м. Деречин прорыв с боем, тут была настоящая мясорубка. Помимо [нас] тут собралось разных частей около 15 тыс. чел. Всю ночь, окружив нас, расстреливали в упор, давили танками, и немногие в эту ночь остались в живых" [76, письмо].

Отец нынешнего президента Украины бывший старшина А. А. Ющенко в ходе госпроверки заявил, что командование дивизии ушло "в неизвестном направлении".

Есть также утверждение, основанное, возможно, на показаниях самого генерала, что 17 июля он зарыл в землю свои документы и генеральскую форму, переделся в гражданскую одежду и с небольшой группой командиров двинулся на восток. Однако, несмотря на маскировку, 25 июля в районе деревни Заболотье, близ Бобруйска, был взят в плен. Так что Ющенко-старший, мягко говоря, слукавил. К 17 июля от 29-й дивизии не осталось и следа, и Бикжанов своих солдат не бросал. Полковник Каруна бросал, это верно, а командир дивизии - нет.

Как написал в письме директор средней школы из Костромы А. Н. Буслаев (в 1941 г. - техник-интендант 2 ранга, начальник ОСГ штаба 5-го корпуса), управление отходило вместе со штабом 10-й армии; потом они разделились. Штакор отходил к Деречину, где был внезапно атакован немецкими танками и разгромлен. Начарт корпуса и зам. комкора по строевой части генералы Г. П. Козлов и Ф. И. Буданов числятся пропавшими без вести. Раненого замполита бригадного комиссара К. М. Яковлева Буслаев последний раз видел в повозке у м. Мир. Удалось избежать гибели и плена начальнику штаба полковнику В. М. Бобкову и начальнику связи полков-

654

нику Г. Ф. Мишину. С командиром же 5-го СК А. В. Гарновым судьба обошлась немилосердно, но об этом скажу чуть позже.

После распада группы И. В. Болдина штаб 4-го стрелкового корпуса остался без войск. Оба корпусных артполка уже не существовали, прервалась связь с 27-й дивизией. Со слов самого комкора-4 генерал-майора Е. А. Егорова, к исходу дня 28 июня в его распоряжении было немногим более полка. Присоединяя к себе разрозненные подразделения 85-й дивизии, отряд занял оборону в районе Деречина. После непродолжительных боев генерал отдал приказ отойти дальше на восток и закрепиться на реке Щара. Но штабная колонна на марше попала под сильный обстрел, началась паника. При обстреле Е. А. Егоров был ранен. Мимо лежащего советского генерала проехало несколько танков. Сидевшие на броне германские солдаты, увидев лампасы, взяли раненого в плен и привезли в свой штаб, откуда он был доставлен в слонимский госпиталь [32, с. 7]. 4 июля он был доставлен уже в штаб группы армий "Центр" и допрошен, но ничего ценного (протокол допроса сохранился) немцы не узнали.

Из протокола можно видеть, что штабников интересовали данные по бронетанковым войскам РККА, их структуре, оперативном применении. Егоров отговорился незнанием. Ничего не сказал он о ходе боев своего корпуса, условной нумерации частей и соединений. На вопрос - какими резервами еще может располагать Красная Армия? - не без юмора ответил: все военные округа в центральной части России, а ведь есть еще Урал, Сибирь, Кавказ, Средняя Азия и Дальний Восток.

О командовании 4-го корпуса не было опубликовано практически ничего. Не удалось отследить судьбу начальника штаба полковника П. И. Чижика, заместителя по политической части полкового комиссара С. А. Егорова. Неизвестно, кто командовал его артиллерией.

Справка

Герой Советского Союза (указ Президиума ВС СССР от 21. 03. 1940 г., вероятно, за финскую) Сергей Андреевич Егоров, 1899 г. р., получил

назначение на должность заместителя командира 4-го СК по политчасти буквально накануне войны. Прибыл в Гродно 21 июня, в 16 часов позвонил жене в Москву и сказал, чтобы она не сдавала путевку в санаторий, так как он примет дела и они поедут отдыхать. Еще он сказал, что пока остановился на квартире у своего начальника, то есть у командира корпуса Е. А. Егорова. Это был послед-

655

ний разговор с семьей. Больше о С. А. Егорове ничего известно не было. Вполне возможно, что он был убит или покончил с собой под Деречином, но официально числится пропавшим без вести.

Отступивший от Мостов отряд пограничников из состава школы майора Зиновьева также вышел на занятое противником Дятлово; решено было атаковать и с боем пробиться дальше на восток. Боеприпасов было предостаточно: накануне в лесу обнаружили два брошенных грузовика, доверху набитых ящиками с патронами и минами. Подсчитали силы, в строю оказалось 128 человек. Разбившись на две группы, стали скрытно выдвигаться на исходные позиции. После сигнала белой ракетой воины бросились в атаку и почти успели добежать до крайних домов. Но только что почти. По наступающим хлестнули огнем пулеметы и минометы. В ответ открыли огонь "станкачи" пограничников, но стрельба велась через головы своих же товарищей, и результат был незначительным. Пограничники отступили, неся потери, и залегли.

Заметив, что неподалеку на шоссе стоит наш брошенный автоприцеп, а на нем - "максим" без щитка, но с заправленной лентой, младший сержант С. И. Мальцев бросился к нему. Он начал стрелять прямо с прицепа, а затем с рядовым Михайловым перенес пулемет на небольшую высотку с хорошим сектором обстрела. Под прикрытием огня бойцы вышли из-под обстрела, Мальцев и Михайлов остались одни. Через некоторое время они встретили

еще пятерых во главе со старшим политруком Бобровым. Уже вечером на западном берегу реки Молчадь они догнали остальных.

В живых после неудачной атаки осталось 76 человек, но начальник школы уцелел. К ним начали примыкать воины из разбитых подразделений Красной Армии: танкисты, летчики, пехотинцы. Началось брожение: кто-то предлагал партизанить, кто-то - выходить к своим группой, кто-то - выходить поодиночке. Начштаба школы капитан Галышев предложил разогнать прибившихся, но майор не согласился. Тогда их растасовали, как колоду, по подразделениям, и порядок был восстановлен. И пошли на юг, в сторону Полесья.

По пути присоединялись еще и еще, среди них оказался и коллега: командир отделения 12-й заставы Ломжанского отряда младший сержант В. А. Красильников. У Рубежевичей (что южнее Дзержинска) боевой путь от-

656

ряда завершился. Как ни старались избежать столкновения, а нарвались на заслон. Бой вспыхнул внезапно, развернуть пулеметы не успели. Немцы осветили место боя ракетами, стали расстреливать попавших в засаду военнослужащих и забрасывать их гранатами. Началось самое страшное - паника... С. И. Мальцев и В. А. Красильников через болото сумели уйти от гибели. Закопав пулемет, они направились строго на восток и вскоре вышли к своим. Как впоследствии выяснилось, вышел и начальник школы майор Зиновьев.

Бои в районах Беловежской пущи и Волковыска

После прорыва противником обороны 13-го мехкорпуса остатки 208-й моторизованной дивизии отошли от Беловежской пущи к Волковыску. Как вспоминал генерал Гейер, части его корпуса заняли Волковыск и двинулись дальше, на Зельву, на помощь 29-й мотодивизии из группы Гудериана.

Однако в тылу у противника осталось громадное скопление советских войск, также спешивших на восток и еще не утративших боеспособности, и почти сразу же Волковыск был взят обратно. Фактически к югу и северу от Волковыска образовался такой же "слоеный пирог", как в полосе 4-й армии.

31-я танковая дивизия после распада корпуса разделилась на две группы и отошла в глубь Беловежской пуши, выставив отряд прикрытия. Одну группу повел сам командир дивизии С. А. Колихович, вторую - начальник штаба подполковник В. В. Лебедев. Командовать отрядом прикрытия вызвался батальонный комиссар Д. И. Кочетков. Впоследствии заслон соединился с одной из групп, но после сильного обстрела они вновь распались.

Полковнику Колиховичу удалось со своими людьми оторваться от противника и уйти в глубь пуши. Здесь он начал подчинять себе всех, кто еще был способен сражаться. Из остаточных групп 49-й и 113-й стрелковых дивизий вскоре было собрано разношерстное, но многочисленное воинство.

28 июня комдив предпринял отчаянную попытку прорваться на юго-восток, в пинские болота, через бывший район прикрытия разгромленной 4-й армии. Возглавив первую волну атакующих, он повел их в бой "за Родину, за Сталина" (этот лозунг не легенда, что бы ни говорили нынешние квазиборцы с "тоталитаризмом"). Тогда, на 7-й день войны, этих

657

слов хватило, чтобы бросить голодных измученных людей на шквальный огонь шрапнелью поставленных на прямую наводку орудий и на скорострельные пулеметы МГ.

Немцы, не выдержав ярости рукопашного боя, бежали, оставив на месте прорыва три артиллерийские батареи, более ста автомашин, много минометов и мотоциклов. Порозово было ими оставлено. Казалось, еще немного, еще один натиск, и путь свободен.

Германское командование предусматривало возможность прорыва советских войск в этих местах, но такого исхода все же не ожидало. В их

штабах возникло некоторое замешательство. Атаки частей, стремившихся пробиться из окружения в районе южнее Порозово и Нового Двора, а также севернее Лысково (здесь, как показалось самим немцам, они были атакованы при поддержке большого количества артиллерии) вынудили части 43-го армейского корпуса 4-й полевой армии вермахта отойти. Отступив от Подороси и Порозово на высоты севернее Лысково и Нового Двора, они перешли к обороне.

Движущиеся в походных колоннах от Бреста на Минск войска также были остановлены и развернуты фронтом на север. Район прорыва группы Колиховича был подвергнут массированной бомбежке с воздуха и артиллерийскому обстрелу.

Бывший курсант полковой школы 148-го ТП А. Титов писал:

"Бои шли повсюду: на шоссе, за высоты, за села. Всюду полыхали пожары. 27-го пересекли грунтовую тогда дорогу Гродно-Брест. И уперлись всей мехколонной в Ружанский лес. Что делать? Не бросать же технику, не бежать же в чащу, не оставлять семьи комсостава в кузовных машинах. Решили с утра двинуться на Ружаны, смять фашистов и выйти на шоссе Брест - Барановичи. Наивные, мы не подозревали, что немцы уже вошли в Минск... Бой шел весь день. Била по нас артиллерия, бомбила авиация, с холмов поливали автоматчики..." [76, копия].

Вечером 28 июня командир 31-й ТД полковник С. А. Колихович был тяжело ранен, его вытащил на себе из боя уполномоченный 3-го отделения Горении. Руководство группой взял на себя командир 62-го танкового полка полковник И. А. Шаповалов, к этому времени уже трижды раненный. Прорыв не удался, атакующие понесли большие потери убитыми и ранеными, остатки вернулись на исходные позиции. Тогда было принято решение: разбиться на мелкие группы и выходить на

658

восток через Ружанскую пуцу [76, письмо].

Вместе с Шаповаловым оказался танкист В. И. Орехов. Он вспоминал:

"Техники никакой не было, шли пешком. В лесу подобрали раненого командира дивизии Колиховича, а нас выводил командир полка Шаповалов. Оба они два друга, кончали академию имени Сталина до войны. Было 23 командира, и нас, рядовых, было 23, только проверенных взяли с собой. Продвигались по лесам, кое-где принимали бои, у Барановичей, на реке Березине, переплывали. Самоотверженно дрались сразу за Минском с большим немецким десантом, где были даже танкетки... пришли в Вязьму, откуда поездом привезли в Москву на Белорусский вокзал, где все командиры поехали в штаб армии. Расставались, плакали все. Мы, рядовые, поехали под Москву, на формировочный пункт. Попал я в 122-ю танковую бригаду, которая формировалась под Нарофоминском" [там же, письмо].

Бои уже шли в восточной части Беловежской пуши, а на границе в районе Семятичей еще продолжали звучать выстрелы - не сдавались гарнизоны дотов Семятичского узла Брестского укрепрайона. Их сопротивление у деревни Орля, согласно оперсводке штаба ГА "Центр", было подавлено 24 июня частями 167-й пехотной дивизии. Дот "Горный" (комендант - младший лейтенант Шевлюков) был приведен к олучанию 29 июня. Другие сооружения продержались еще ольше.

Командир 293-й пехотной дивизии вермахта, части оторой 30 июня 1941 г. все еще штурмовали позиции 17-го ртпультбата в районе Семятиче, констатировал:

"Не подлежит никакому сомнению, что преодоление укрепрайона после его завершения потребовало бы тяжелых жертв и применения тяжелого оружия больших калибров".

Справка

И. А. Шаповалов, С. А. Колихович и В. В. Лебслев огибли в боях летом 1942 г., командуя 160, 19 и 56-й танковыми бригадами, причем Шаповалов и Лебедев проходят по одной сводке потерь Брянского фронта (вх. № 26656с от

3 сентября 1942 г. Центрального бюро учета потерь ГЛАВУПРО-ФОРМА КА). Первый погиб 11 июля, второй - 5-го. Командир 49-й дивизии полковник К. Ф. Васильев во главе своего отряда дошел до района Барановичей, где был тяжело ранен и пленен. Раненый командир 113-й дивизии Х. Н. Алавердов 1 июля был взят в плен разъездом 167-й пехотной дивизии

659

вермахта на одной из южных опушек Беловежской пуши. Сами немцы отметили этот факт следующим образом:

"1 июля 1941 г. вечером разведотряду 6-й роты 339-го пехотного полка 167-й пехотной дивизии должен (я бы перевел как "вынужден". - Д. Е.) был сдаться командир 113-й русской пехотной дивизии". Как это трактовать, не ясно. Вероятно, комдив был обнаружен немцами, которые опознали в нем высшего командира Красной Армии и предложили сдаться.

4 июля в штабе 43-го армейского корпуса его пытались допросить, но безуспешно: генерал ничего важного не сообщил. Оценивая причины возникновения войны, он сказал, что речь идет о борьбе между фашизмом и коммунизмом и остается лишь ждать ее исхода. 6 июля на Х. Н. Алавердова была заведена личная карточка военнопленного, где его ошибочно записали генерал-лейтенантом. В Хаммельбургском офицерском лагере XIII-D он стал одним из организаторов антифашистского подполья и был расстрелян весной 1942 г. вместе с генерал-майором И. С. Никитиным.

13-й армейский корпус находился во 2-м эшелоне 4-й полевой армии ГА "Центр" и двумя своими дивизиями (17-й и 78-й) должен был очистить заповедный лес от советских войск. В книжке некоего П. Карелла есть описание боя, который произошел 29-30 июня в Беловежской пуше. Немец допустил грубейшую ошибку, совершенно необоснованно "поместив" в пушу остатки 4-й танковой дивизии генерала А. Г. Потатурчева, но зато в его книге оказалась достаточно четко прописана судьба 222-го СП советской 49-й

дивизии и ее командира. О полковнике Иване Михайловиче Яшине было известно лишь то, что он возглавлял один из отступавших на восток отрядов дивизии.

Карелл пишет, что 29 июня 78-я пехотная дивизия выступила маршевыми колоннами: 215-й полк - справа, 195-й полк - слева и 238-й полк - сзади, эшелонированно. Боестолкновение произошло около деревни Попелево, что примерно в 15 км к северо-востоку от Беловежи и в 10 км западнее дороги Пружаны - Новый Двор. Здесь остатки распавшейся 4-й ТД (речь должна идти все-таки о 49-й СД. - *Д. Е.*), пехотные и артиллерийские подразделения еще трех дивизий были переформированы в новый полк, которым "блестяще командовал полковник Яшин". Бой был яростный и продолжитель-

660

ный по времени. Противники сходились в рукопашных схватках с ручными гранатами, пистолетами и винтовками с примкнутыми штыками - люди вцеплялись друг другу в глотки, били прикладами, резали и кололи друг друга. Артиллерия действовать не могла, поскольку было непонятно, где свои, где чужие, применялись только минометы.

Во второй половине дня 29 июня началась резня. 3-му батальону 215-го пехотного полка боем удалось сковать фланг сводного советского полка и выйти ему в тыл. Началась паника, красноармейцы обратились в бегство, а полковник Яшин остался лежать мертвым возле завала из деревьев на лесной дороге (заграждение использовалось как опорный пункт).

На следующий день 78-я ПД действовала еще более решительно и к вечеру прошла через "проклятую Беловежскую пущу" насквозь. Было убито около 600 советских солдат и командиров, 1140 человек было взято в плен. Около трех тысяч красноармейцев немцы оттеснили на позиции 17-й пехотной дивизии. Сама 78-я за два дня боев в Беловежской пуще потеряла 114 человек убитыми и 125 ранеными.

Задача по окончательной "зачистке" пуши была возложена на 137-ю ПД 9-го армейского корпуса, штаб которой к этому времени обосновался в старинном замке Белая Вежа.

К Волковыску, который расположен северо-восточнее Беловежской пуши, стягивались разрозненные части из состава 1-го и 5-го стрелковых корпусов. При беспорядочном отступлении они так перемешались, что нелегко уложить воспоминания ветеранов в единую цепочку.

Где-то в районе Волковыска (установить точнее не выходит, слишком мало данных) был перехвачен немцами и уничтожен при попытке прорыва дальше на восток 13-й стрелковый полк 2-й стрелковой дивизии. У меня хранится несколько писем бывших воинов полка, но они, увы, ничего не проясняют.

Есть лишь одно серьезное свидетельство - устный рассказ бывшего сержанта, командира расчета 45-мм орудия полковой батареи Ф. И. Родионова, Судьба этого человека сложилась весьма причудливо. Бежав с товарищами в 1944 г. из лагеря при каменоломне во французской Лотарингии, он прятался у крестьян-французов, а затем вступил добровольцем в армию США. Закончил войну в Кельне наводчиком орудия, но, когда узнал, что, по советским меркам, такое деяние, как служба даже в союзной ар-

661

мии, есть нарушение присяги, измена и предательство и за нее по возвращении на Родину гарантирован приличный срок заключения, уничтожил выданную американцами справку и в Тулоне сдался советским репатриационным властям. Был принят в состав "фильтрационной" команды некоего генерал-майора НКВД Яновского, еще раз призван в армию, в 356-й артпульбатальон Нестеровского укрепрайона на территории вновь образованной Калининградской области. Службу в 41-м Ф. И. Родионову не засчитали и звание сержант не восстановили.

После увольнения из армии он поселился в Черняховске, бывшем Инстербурге. Когда состарился и получил нищенскую пенсию, попытался доказать свое участие в боевых действиях - безрезультатно. Написал письмо в Германию на имя канцлера Г. Коля, без точного адреса, фактически "на деревню дедушке". Ответ пришел неожиданно быстро. Педантичные немцы подняли архивы и выдали бывшему пленному подробнейшую справку: где, когда и при каких обстоятельствах был пленен (а схватили его в сентябре в районе Бреста в форме, с красноармейской книжкой и при оружии - с автоматом ППД без единого патрона), в каких лагерях содержался, указали, и когда он "бежал и пойман не был".

Но в военкомате справку у старика не приняли, сославшись на то, что она выдана иностранным государством, а потому не может являться доказательством его службы в действующей Красной Армии в 1941 г.

Родионов рассказал мне о том, что после боев в районе крепости Осовец части 2-й дивизии начали отходить в глубь страны по приказу, как говорили, самого Сталина. Шли организованно, походными колоннами, вместе с полком двигалось несколько подразделений кавалерии, действовавших совместно с пехотой с утра 22 июня. Боестолкновений с наземным противником не было, иногда налетала авиация. Польские девушки кричали вслед: "Пойте "Катюшу", вдогонку с крыш и из окон иногда звучали выстрелы. Так прошли район Белостока, где уже не было войск Красной Армии.

На марше якобы сбежал начштаба майор Шварц, немец по национальности. Ближе к Волковыску стали попадаться разрозненные, деморализованные группы советских военнослужащих. Здесь полк был остановлен гитлеровцами и занял круговую оборону в лесном массиве. Два дня сражались в полном окружении под

662

ожесточенными бомбежками, штыковыми контратаками отбрасывали врага назад; убитых закапывали в воронках. Рыли в лесу колодцы, но

высохшая земля не дала воды. Боеприпасы и провиант кончились, из артиллерии осталось две сорокапятки.

На третий день пошли на прорыв и уже думали, что удалось, скоро встретят своих. Выскочили из леса на широкое поле... прямо под огонь минометов и орудий. Конница сразу полегла, скошенная шквалом разрывов мин, - все поле покрылось черкесками и папахами убитых бойцов-кавалеристов, истошно кричали раненые кони.

Сейфы с документами полка и Боевое Знамя везли на грузовике, охраняли Знамя трое бойцов под командой молодого политрука. В машину попал снаряд, вся знаменная группа погибла.

Лошади в упряжках двух уцелевших орудий 13-го СП от близких разрывов словно взбесились. Ездовой Барабанов из расчета Ф. И. Родионова схватил их под уздцы, но обезумевшие животные утащили и зарядный ящик, и пушку в какой-то пруд. Командира батареи старшего лейтенанта Новикова убило, взводный младший лейтенант Достанко пропал неизвестно куда. Сам сержант получил легкие осколочные ранения обеих ног.

Он рассказывал, что замполит полка батальонный комиссар Трофимович застрелился, когда остатки полка еще дрались. Уцелевшие бойцы снова скрылись в лесу, откуда могли наблюдать, как нацисты добивали раненых. По словам Родионова, командира полка Леусова они взяли в плен и стали избивать (они видели это в бинокль). Так прекратил свое существование стрелковый полк с "несчастливым" номером 13.

Но осталась одна неясность. Согласно утверждению Ф. И. Родионова, командир полка был пленен. По ОБД, он "бьется", как пропавший без вести в июне 1941 г. Согласно справке ЦАМО, подполковник Леусов Федор Тихонович, 1899 г. р., сибиряк, кавалер ордена Ленина за финскую кампанию, 11 апреля 1944 г. был арестован органами ГУКР "СМЕРШ", вскоре осужден и 10 декабря того же года умер в местах заключения. Дело было прекращено с посмертной реабилитацией 11 марта 1959 г. [76, оригинал].

Что произошло с комполка-13, действительно ли он был в плену и его арестовали после освобождения или все было по-другому, установить не удалось. В Центральном архиве ФСБ данных не оказалось.

После боев на реке Нарев и ожесточенных воздушных на-

663

летов восточнее Белостока 383-й гаубичный полк 86-й дивизии уже не представлял той грозной силы, что была утром 22 июня. Потери в матчасти были очень велики, погибло множество бойцов и комсостава. Во 2-м дивизионе из 323 человек осталось 40, из 22 офицеров - 2: сам командир старший лейтенант И. С. Туровец и командир огневого взвода 6-й батареи лейтенант Х. Н. Шамсутдинов. Дивизион лишился семи гаубиц.

В районе Волковыска сложилась исключительно неблагоприятная для отходящих войск обстановка. Немцы наступали и с юга - от Вельска, - и с севера - от Гродно, - и с запада - от Белостока. Понять что-либо и сориентироваться было почти невозможно, и когда 383-й ГАП был атакован немцами при поддержке танков и полуокружен, 2-й АД развернулся и с 5-7 выстрелами на орудие принял свой последний бой. Под шквалом огня расчеты выпускали по врагу последние снаряды. Немцы густо накрыли позиции артиллеристов минами; словно косой осколки в мгновение ока выкосили орудийную прислугу, и наступила тишина. Звучали лишь отдельные хлопки винтовочных выстрелов: некоторые бойцы, не желая попасть в плен, стрелялись. Снимали сапоги и пальцами ног нажимали на спуск.

Туровец был тяжело ранен, из раздробленной ноги фонтаном била кровь. Он перетянул перебитую артерию ремнем, потом перевязал рану двумя индивидуальными пакетами. От потери крови потерял сознание, когда очнулся, не мог понять, сколько прошло времени. Ему повезло: проходивший мимо неизвестный молодой лейтенант поймал лошадь и помог раненому взобраться на нее. Потом Туровиа забрал в свой грузовик полковник М. Г.

Бойков, но при форсировании Щары они растеряли друг друга. Х. Н. Шамсутдинов был ранен под Слонимом, домой из плена вернулся в 45-м.

Схожей была участь 3-го дивизиона 383-го артполка. А. А. Маклашин, курсант учебной батареи, так запомнил эти дни:

"Западнее Волковыска мы приняли последний бой, немцы нас окружили и атаковали с тыла. Мы развернули пушки и прямой наводкой стали расстреливать гитлеровцев. Они, видимо, такой наглости не ожидали и, заполняя ряды убитых и раненых, шли на нас цепь за цепью. Но мы настолько быстро вели огонь, что немцев осталось в живых очень мало, и они бросились наутек в деревню. А у нас кончились снаряды, и мы

664

успели лесными дорогами выйти из кольца, так как немцы не могли сразу прийти в себя... С этого момента мы стали НЕБОЕВОЙ единицей. Но хотели сохранить материальную часть и отходили к Волковыску, затем дальше на восток, сначала по дороге на Лиду, а затем по дороге на город Слоним... Пушку и трактор оставили в каком-то лесу. У одного села нас встретил, вероятно, немецкий десантный пост и преградил нам путь к отступлению. На дороге сосредоточилось около 2-3-х полков выходящих из окружения солдат разных родов войск. Часа в 4 утра на нас налетела авиация, бомбила и расстреливала нас несколько часов подряд. Увидев самолеты противника, мы все побросали и со страху бросились в лес. Здесь мы все потерялись, я остался из наших один. Потом присоединился к группе таких же, как я. Нас собрал в лесу полковой комиссар (фамилии не помню), рассказал обстановку (мы узнали, что находимся в глубоком тылу у немцев) и сказал, что надо пробираться к своим по 2-3 человека".

Его сослуживец Н. Н. Степуненко добавляет:

"Помню, при отступлении, когда наутро все наши отступавшие части скопились в одном небольшом лесу, нас облетела "рама". Сразу же нас начали бомбить, одни самолеты улетают, другие прилетают - и так бомбили целый день. К вечеру немецкие автоматчики оцепили лес и подожгли его.

Наши войска, кто еще остался жив, заняли оборону и вели бой... Немцы окружили нас и начали расстреливать. Начало темнеть. Чтобы не попасть в плен, начальник техслужбы 383-го ГАП подполковник Якшто сказал водителю взять полуторку, и я лег в кузов. Рванули в темноте по лесу, на большой скорости, через окруживших нас немцев и вырвались из кольца. И так с этого момента я уже больше не видел своих однополчан".

Многим казалось тогда, что нужно пробиваться на Слоним. "На Слоним!" - это звучало как девиз, как клич. Но самый короткий путь, как правило, самый тяжелый. Те, кто прошел его и остался жив, назвали дорогу Волковыск - Слоним "дорогой смерти".

* * *

Дороги войны... Они всегда тяжелы, но вдвойне тяжелее дороги отступления. Бесчисленные большие и малые воронки от бомб и снарядов, гигантские скопления разбитой, сгорев-

665

шей и просто оставленной техники, кюветы и обочины, заваленные тысячами распухших на июньской жаре трупов людей и коней. Скрипит на зубах перемолотый в пудру песок, немилосердно печет стоящее в зените солнце. Это Западная Белоруссия, конец июня года одна тысяча девятьсот сорок первого от Рождества Христова. Самое страшное зрелище представляло собой тогда шоссе Белосток - Барановичи. Когда по нему потянулись на восток отступающие советские войска, немецкая авиация безнаказанно справила по ним грандиозную тризну. Десятки войсковых колонн превратились в "месиво из остовов сгоревших машин, оставшихся без горячего тягачей с орудиями, танков, разбитых прожекторных установок и машин со счетверенными пулеметами" (из письма бывшего курсанта 124-ГО ГАП РК М. А. Горлача).

От тех, кто случайно попадал под колеса и гусеницы техники, вскоре не оставалось ничего, кроме кровавых ошметков. Если первые три-четыре дня боев на путях отхода стояли щиты-указатели, махали флажками военные регулировщики, старшие колонн имели на руках маршруты следования и пытались соблюдать хотя бы элементарные правила маскировки, то теперь это было беспорядочное отступление без управления и без особых шансов на спасение.

В донесении ГА "Центр" от 1 июля 1941 г. указывалось, что "шоссе и дороги, особенно дорога Белосток - Волковыск, забиты брошенной вражеской техникой, автомашинами разных типов, орудиями и танками" [105, с. 183].

То же самое увидели те, кто оказался восточнее Белостока позже других - красноармейцы и командиры 1-го корпуса, державшего оборону в районе крепости Осовец на реке Бобр.

Снявши голову, нечего плакать по волосам. Чего жалеть мертвое железо, когда гибнут тысячи молодых жизней и неизвестно, что ждет уцелевших. Обтекая по обочинам и полям металлические кладбища того, что еще неделю-две назад было олицетворением военной мощи великой страны и предметом особой заботы ее руководства, на восток шли люди. Много людей, словно воды в реке. Шли войска без командиров и генералы без войск; шли танкисты, оставшиеся без танков, и летчики - без самолетов. Уходили на восток милиционеры и пожарники, тащили свой скарб беженцы. Везли в переполненных автобусах, грузовиках и на простых повозках и телегах раненых: окровавленных, запыленных, почерневших от огня

666

и пороховой копоти. А с флангов, сзади, спереди, словом, отовсюду - беспощадный артиллерийский и минометный огонь, над головами - круговерть самолетов с крестами на крыльях. И ни одного нашего. С неба вместе с бомбами летят на головы бочки с просверленными дырками, издавая в полете душераздирающий вой. Белым дождем сыплются немецкие листов-

ки - пропуска в плен, - липнут на стекла машин, оседают на полях, обочинах дорог и, чего греха таить, в карманах идущих. "Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!"

В перерывах между обстрелами слышны увещевания репродукторов:

"Русские солдаты, сдавайтесь! Гарантируем сдачу на почетных условиях и медицинское обслуживание раненым". Пыль до небес, смертная тоска в сердце. Впереди - неизвестность.

"Я думал, что видел отступление, но такого я не то что не видел, но даже и не представлял себе. Исход! Библия! Машины движутся в восемь рядов, вой надрывный десятков, одновременно вырывающихся из грязи грузовиков. Полеми гонят огромные стада овец и коров, дальше скрипят конные обозы, тысячи подвод, крытых цветным рядном, фанерой, жестью... еще дальше идут толпы пешеходов с мешками, узлами, чемоданами. Это не поток, не река, это медленное движение текущего океана, ширина этого движения - сотни метров вправо и влево. Из-под навешенных на подводы балдахинов глядят белые и черные детские головы, библейские бороды еврейских старцев, платки крестьянок... черноволосые девушки и женщины. А какое спокойствие в глазах, какая мудрая скорбь, какое ощущение рока, мировой катастрофы!

Вечером из-за многоярусных синих, черных и серых туч появляется солнце. Лучи его широки, огромны, они простираются от неба до земли, как на картинах Дорэ, изображающих грозные библейские сцены прихода на землю суровых небесных сил. В этих широких, желтых лучах движение старцев, женщин с младенцами на руках, овечьих стад, воинов кажется настолько величественным и трагичным, что у меня минутами создается полная реальность нашего переноса во времена библейских катастроф" [50, с. 281].

Это уже осень 41-го, операция "Тайфун", так запомнил В. Гроссман поражение войск Брянского фронта. Думаю, между Неманом и Березиной все

было не менее страшно, ибо масштабы той, июньской, катастрофы были еще грандиознее.

667

Сейчас на участке шоссе между Волковыском и Слонимом ничто внешне не напоминает о разыгравшейся более чем 67 лет тому назад трагедии. Но тогда, в конце июня 1941 г., он был заставлен брошенными танками, сгоревшими автомашинами, тракторами и тягачами разных марок и типов. И пушками: разбитыми пушками, и пушками без затворов и прицелов, и пушками совсем целыми и исправными. В некоторых местах скопления техники были столь велики, что прямое и объездное движение на транспорте было невозможным.

На этой дороге и по окрестным лесам погибла огромная масса красноармейцев и командиров, пытавшихся пробить кольцо окружения. Здесь закончился недолгий боевой путь 6-го механизированного корпуса. К 11 часам 29 июня в лес восточнее Слонима вышла группа генерал-майора танковых войск С. В. Борзилова в составе управления 7-й ТД, трех танков Т-34, отрядов пехоты и конницы. Это было все, что осталось от мощнейшей танковой дивизии, имевшей на 22 июня 368 танков, из них 201 Т-34 и КВ. Все попытки пробиться на восток, предпринятые 29 и 30 июня, окончились неудачей, и в 22 часа 30 июня генерал повел оставшихся в живых на юг: в пинские болота белорусского Полесья. Ему удалось вывести их через линию фронта, вместе с ним вышли из окружения многие из работников управления дивизии: зам. по политчасти полковой комиссар П. Н. Шелег, зам. по строевой части полковник С. С. Сальков, помощник по техчасти военинженер 1 ранга Ю. Н. Соловьев и другие.

После пяти дней ожесточенных боев белостокская группировка (обе ее армии и группа генерала Болдина), лишенная горючего и боеприпасов, агонизировала, но командование фронта продолжало пребывать в неведении относительно реального положения дел. Так, если 6-й мехкорпус и появился в оперативных сводках, то только за 24-25 июня. Штаб фронта до 29 июня

представлял в Генеральный штаб оперативные сводки, где всего лишь уточнялись некоторые подробности действий 6-го мехкорпуса 24 и 25 июня. После 25 июня связь с корпусом и его соединениями была утрачена окончательно. Не принимая во внимание этот факт, командующий фронтом продолжал отдавать приказ за приказом на использование 6-го корпуса.

27 июня Д. Г. Павлов издал распоряжение командующему войсками 10-й армии:

"... Командиру 6-го мк. 6-му мк,

668

пополнившись боеприпасами и горючим, форсированным маршем к исходу 28.6.41 г. в полном составе сосредоточиться в районе Пуховичи, имея задачей через Осиповичи атаковать на Бобруйск и уничтожить бобруйско-слущскую группировку противника. После этого сосредоточиться в районе Бобруйск и в Червень".

Генерал И. В. Болдин написал в своих воспоминаниях:

"Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей ударной группе одно боевое распоряжение за другим, совершенно не интересуясь, доходят ли они до меня, не подумав о том, реальны ли они в той обстановке, какая сложилась на Западном фронте... Ни одного из этих распоряжений я не получил, и остались они в военных архивах как тяжкое напоминание о трагедии первых дней войны..." [10, с. 94].

Когда перемешавшиеся и почти утратившие боеспособность разрозненные части 10-й армии, выйдя в район Зельвы, попытались форсировать Зельвянку и пробиться на Слоним, там уже заняла прочную оборону свежая 29-я моторизованная дивизия 3-й танковой группы (командир дивизии - генерал-майор фон Больтенштерн). Ее подразделения, перерезавшие шоссе Зельва - Слоним, отбили все попытки отступающих советских частей прорваться к Слониму по прямой. В отчаянных атаках на вражеские позиции погибли тысячи красноармейцев.

29-я МД вермахта с 25 июня вела оборонительные бои на южной окраине кольца окружения - у Зельвянки и по обе стороны от Зельвы. 28 июня на помощь германским войскам, занимавшим оборону по линии Задворцы - Голынка - Зельва - река Зельвянка, подошел 82-й гренадерский полк и занял позицию к северу от Ружан. В 11 часов полк при поддержке 3-го дивизиона 31-го арtpолка из района Городок-Павлово через Близну повел наступление на д. Крокотка и к ночи занял рубеж на восточном берегу Зельвянки от Рудапки до Хоничей. Ширина участка обороны составляла 10 км, его северная холмистая и безлесная часть с ключевой точкой - господствующей высотой 193.1 восточнее Крокотки - обеспечивала отличный обзор и сектор обстрела. На юге местность была покрыта густым лесом, доходившим до самого берега Зельвянки, но тем не менее была проходима для пехоты, конницы и, в некоторых местах, для бронетехники. Южнее 82-го занял оборону 17-й пехотный полк, на севере была пустота, ибо 34-я ПД

669

12-го корпуса еще находилась в пути. Позиции занимали 2-й и 3-й пехотные батальоны, 1-й батальон, находившийся у Селявичей в качестве резерва, был переброшен в район севернее высот у Крокотки только вечером 29 июня.

П. Карелл писал, что Гудериан намеревался снять 29-ю дивизию с участка восточнее Зельвы, где она сдерживала советские войска, пытавшиеся прорваться из "котла". Она нужна была ему для наступления на Смоленск, но, как оказалось, это соединение, удерживавшее семидесятикилометровый участок кольца окружения, втянуто в бои такой интенсивности и ожесточенности, что высвободить его совершенно невозможно. Советские войска пытались именно здесь, у Зельвы, прорвать кольцо и выйти из окружения. Они скапливались в лесах, группировались и затем, при поддержке танков и артиллерии, атаковали боевые порядки 29-й. Эскадроны кавалерии в конном строю пытались прорваться юго-западнее Озерницы,

невзирая на шквальный огонь мотоциклетного батальона и 5-го пульбата. Под Зельвой они ворвались на передовые позиции разведывательного батальона. Оба полка дивизии, 15-й Кассельский и 71-й Эрфуртский, с трудом отбивали непрерывные атаки, особенно серьезное положение было на участке 15-го. Городок Зельва, куда все подходили и подходили советские части, был вскоре переполнен ими. А затем началось то, что немцы восприняли как начало какого-то кошмара.

Густые цепи советской пехоты пошли вперед широким фронтом, одна цепь за другой. "Они что, с ума все посходили?" - задавали себе вопрос солдаты 29-й дивизии. Растерянно смотрели они на этих, надвигающихся на них серой стеной, людей в форме. Стена эта ощеривалась длинными примкнутыми штыками. "Ура! Ура!" - "Это же верная гибель", - простонал гауптман Шмидт, командир 1 -го батальона. А разве война - не смерть? Если хочешь смести эту стену, а не только повалить ее на землю, тогда следует обождать. "Приказ - ждать и огня не открывать!" - приказывает Шмидт. А стена, неистово крича "ура", надвигается все ближе и ближе. От страха у пулеметчиков сердце готово выпрыгнуть из груди".

Открыв огонь, немцы в мгновение ока срезали первые две цепи (поле покрылось бурными холмиками тел), третья отступила назад. Вечером атака была повторена, на этот раз при поддержке бронепоезда, конницы и танков Т-26. Саперы ра-

Поврежденный БЕПО-МБП НКВД

зобрали путь, БЕПО был расстрелян противотанковыми орудиями; под огнем пулеметов захлебнулась атака кавалерии.

"Страшнее никто ничего не видел. Ржанье лошадей. Нет, это не ржанье - лошади кричат, кричат от боли рвущейся на куски плоти. Падают, давя, сбивая с ног друг друга, усаживаются на прошитые пулеметами зады, судорожно молотя воздух передними копытами. "Огонь!" Надо кончать это дело. Кончать. Тем, кто находится у противотанковой пушки, легче - танки, по крайней мере, не вопят".

Не ясно, чьей принадлежности был бронепоезд. Судьбы БЕПО НКВД № 58 и 60 удалось отследить; возможно, немцы уничтожили бронепоезд РККА. Какой части принадлежали кавалеристы, теперь уже не установить. В июне 1975 г. житель деревни Горна Зельвенского района (южнее Зельвы, неподалеку от переправы в д. Кошели) местный житель М. И. Жидок нашел Знамя 144-го кавалерийского полка 36-й кавдивизии. Знамя было отправлено на восстановление в Москву и в 1977 г. передано на вечное хранение

671

в Музей истории Белорусского военного округа. Но найденная святыня все же не доказательство.

Когда в район станции Зельва вышел штаб 86-й КрСД с остатками своих подразделений, переправа через реку была захвачена немцами. Против отходящих советских частей был выставлен заслон силами до полка пехоты с артиллерией. И. о. комдива А. Г. Молев принял решение атаковать неприятеля и, заняв переправу, пробиться на восток.

Атака закончилась неудачей, погибло большинство командиров и политработников: зам. командира по политчасти полковой комиссар В. Н. Давыдов, начальник штаба подполковник В. И. Гиринский, начальник особого отдела П. В. Хохлов, зам. начальника политотдела старший батальонный комиссар Аксарин и другие. Сам полковник Молев был тяжело ранен и попал в плен, уцелевшие отошли по западному берегу Зельвянки на юг и далее - в Полесье. В районе Калинковичей они вышли к своим.

После освобождения из плена в 1945 г. своего заместителя генерал-майор М. А. Зашибалов дал А. Г. Молеву положительную характеристику и ручался за него перед партийными органами и органами госбезопасности.

У остатков частей 6-го мехкорпуса по выходе к Зельве еще оставалась бронетехника, и перед командованием и экипажами стояла задача постараться вывести ее из окружения. Но так как на пути отступления с юга на север протекает река Зельвянка с сильно заболоченными берегами, надо было искать мосты, не захваченные противником и способные выдержать танки. Такие переправы были южнее Зельвы в д. Ростевичи (примерно 6 км южнее Зельвы) и в д. Кошели (примерно 10 км южнее Зельвы). А. Л. Дударенок считает, что основной была переправа в Кошелях. Обе эти дороги через переправы сходились в одну примерно в 15 км юго-восточнее Зельвы, на берегу озера Бездонное, озера у д. Клепачи.

У мостов возникли гигантские скопления военнослужащих, уцелевшего автотранспорта, повозок, танков, бронемашин, тягачей и тракторов. Возможно, что немало техники было утоплено в Бездонном озере. Обследование дна не производилось, но берег самого озера "звенит" под

рамкой металлоискателя. При раскопках обнаруживаются штыки, каски, автомобильные аккумуляторы.

Историк-этнолог Л. Н. Гумилев неодобрительно высказывался против обильного цитирования первоисточников. Но

672

как быть, если только личные воспоминания о пережитом и увиденном могут дать представление о том, что происходило летом 41-го года? Из письма Ф. В. Наймушина, начальника артснабжения 383-го артполка:

"После Червоного Бора с Пиотровским (майор Э. Ф. Пиотровский был зам. по строевой части и и. о. командира полка. - Д. Е.) я встретился у моста через реку Зельвянку. У моста я был легко ранен, но вдобавок контужен... От взрыва снаряда меня грудью бросило на гусеницу то ли танкетки, то ли трактора. Я после этого удара харкал кровью больше 2 месяцев... Через мост перейти не удалось. У Пиотровского было три или четыре грузовика с ранеными солдатами и одна девушка-санитарка, еврейка. Среди раненых был майор-танкист с перебитыми ногами - забинтованными, закутанными пропитанной кровью простыней. Он был в бреду, кричал: "За Родину! За Сталина!" (не был ли это майор Петухов, начштаба 57-го полка 29-й ТД? - Д. Е.).

Потом мы с Пиотровским на машинах спустились по реке вниз, километров 15 от моста, не помню. Моя машина среди реки заглохла, кто мог, перешел вброд, а нескольких человек перенесли на досках. Всех раненых оставили около реки, в лесочке.

Нас было 12 человек. Отошли от Зельвянки километров на 6, разделились по три человека. Со мной был лейтенант милиции Мещеряков и старшина из нашего полка Яков Ващенко. Больше Пиотровского я не видел, не знаю, жив он или нет".

Т. Я. Криницкий, 50-й полк 25-й танковой дивизии:

"Мы бросили танк и пересели в трактор "Ворошиловец" (это вроде КамАЗа, только на гусеничном ходу) с будкой... В Зельве какой-то генерал

нас спешил, отобрал трактор и направил за Зельву километра за три в оборону. Там нечего было оборонять, ибо там, в мелколесье, точно усеяно было трупами, там полегла целая дивизия, остался взвод или меньше..."

При попытках пробиться по шоссе Белосток - Барановичи, предпринятых штабами частей, разрозненными танковыми, моторизованными, стрелковыми и тыловыми подразделениями 10-й армии и группы И. В. Болдина, прорывающиеся понесли очень большие потери. Погибло много командиров и политработников, в том числе из 6-го мехкорпуса. Войска подходили разновременно, "волнами", что весьма упрощало немцам задачу: бить противника по частям всегда легче.

При попытке переправиться через Зельвянку были окончательно

673

рассеяны и прекратили существование остатки 13-й СД. Заместитель командира по политчасти полковой комиссар Е. Р. Сакович застрелился, сам генерал А. З. Наумов был пленен позже в ходе облавы. Начальник связи дивизии майор Краснов также попал в плен и оказался соседом по нарам с последним защитником т. н. "Восточного форта" Брестской крепости майором П. М. Гавриловым.

В наши дни в ходе поисковых работ в районе д. Озерница в одном из раскопанных неизвестных захоронений была найдена печать с выбитым числом "17" и надписью: "Для хранилищ. 119-й стрелковый полк". 119-й входил в состав 13-й СД, командовал им майор С. Г. Дьяконов, он числится пропавшим без вести с июня 41-го года.

Бои в районе деревень Клепачи и Озерница. Разгром управления 6-го мехкорпуса

Как явствует из рассказов местных жителей, отступающие части Красной Армии появились на берегах Зельвянки 27-29 июня. К этому времени в Клепачах и Озернице сосредоточились значительные силы

немецких войск. Опять же, по словам селян, в Озерницу они вошли еще 25 июня. На большое поле между самой деревней и ж.-д. станцией Озерница был выброшен воздушный десант. По впечатлениям очевидцев, все поле почернело от парашютистов, одетых в черные комбинезоны. Вслед за ними на выбранную площадку сели планеры с танкетками и орудиями. Часть "черных" солдат поспешила в Клепачи, что в двух километрах от Озерницы. Потом десантники вроде бы исчезли, но 27 (или 28) июня с востока, от Слонима, в Озерницу вошли сухопутные части вермахта.

Кто-нибудь когда-нибудь слышал о маленькой белорусской речке Ивановке? Она действительно маленькая, всего 11 км в длину. Течет по Слонимской возвышенности и за излучиной, на берегу которой стоят Клепачи, впадает в Бездонное озеро; затем выбегает из него и в конце своего пути впадает в Зельвянку. Там, по узкой равнине между крутым склоном поросшей лесом возвышенности и заболоченной озерно-речной полосой, петляет полевая дорога. Немного дальше - мост через Зельвянку и деревня Кошели уже другого района, Зельвенского.

Прибрежная теснина - идеальное место для засады. Ведомая злым роком, в нее и втянулась длинная колонна

674

штаба 6-го мехкорпуса, его медсанбата, других тыловых подразделений. Кроме танкистов, с ними шли примкнувшие к группе бойцы разных чатей и разных родов войск. От моста и брода у Кошелей колонна направлялась к Клепачам, чтобы дальше - через Озерницу - выйти к Слониму. Штаб корпуса не имел связи с армейским командованием, оказался отрезанным от своих частей. Никто не мог и предположить, что захватчики уже третий день хозяйничают в Слониме, что "клещи" ударных танковых соединений группы армий "Центр" уже сомкнулись у Минска.

Разведка у германцев работала прекрасно. Уже не столь важно как (с воздуха ли, с земли ли), но немцы в Клепачах были предупреждены: из окружения пробивается крупный штаб, готовьтесь встретить. Они

подготовились к встрече очень тщательно и профессионально. На всякий случай подготовили живой щит: согнали население к церкви, стоявшей на холме, и кладбищу. У излучины Ивановки, откуда хорошо просматривалась дорога на Кошели, артиллеристы установили орудия, расчистили сектора обстрела, спалив дома и другие постройки на краю деревни. А чтобы у тех, кому готовили ловушку, не возникло никаких подозрений, на другой возвышенности, тоже за рекой, создали видимость штабного расположения, подняли красный флаг. Его было хорошо видно при подъезде к Клепачам от Зельвянки. Вероятно все же, что германская пехота действовала совместно с ВДВ или "бранденбургерами", ибо среди вражеских солдат были говорившие по-русски и одетые в форму Красной Армии.

Наиболее ценными свидетелями оказались жители Клепачей П. С. Ракевич и Н. В. Ананович. Они воевали в партизанском отряде, после освобождения Слонимщины ушли на фронт. Пулеметчик Ракевич участвовал в штурме Кенигсберга, артиллерист Ананович брал Берлин. Они толково, по-военному грамотно изложили существенные подробности скоротечного боя немецких солдат и красноармейцев.

Первым появился головной дозор: бронемашина и бойцы на трех мотоциклах с колясками. Стоявшие на въезде в деревню "регулирующие" направили их по мосту через Ивановку к "штабу". Один мотоцикл помчался назад. Потом у поворота показался танк Т-34 с открытыми по-походному люками. Десантник, скрывавшийся в придорожной яме, вскочил и забро-

675

сил гранату в башенный люк. Граната взорвалась внутри бронекорпуса, из люков взлетели и посыпались какие-то бумаги и денежные купюры: видимо, в танке везли документы и корпусную кассу. Никем не управляемая тридцатьчетверка прокатилась еще некоторое расстояние, раздавив по пути противотанковую пушку, и, уткнувшись в бугор, заглохла. Экипаж погиб, но взрыва боекомплекта не последовало: не было ни одного

снаряда. Это произошло на глазах Петра Ракевича, Николая Анановича, Ивана Ракевича, многих других сельчан, томившихся у погоста.

Следом за взрывом гранаты взлетела сигнальная ракета - немцы ударили по колонне из орудий, минометов, пулеметов. Неожиданный огонь, прицельный и сплошной, ошеломил красноармейцев, не ожидавших нападения. Некоторые бойцы и командиры не успели даже взяться за оружие.

Позже жителям Клепачей открылись жуткие картины. Одно наиболее запечатлелось в памяти Петра Ракевича: в кузове машины-полупортки, изрешеченной пулями, навалом, друг на друге, лежали убитые - одиннадцать красноармейцев и женщина с ребенком; в кабине сидели не успевшие выпрыгнуть мертвые водитель и капитан с танковыми эмблемами на петлицах.

И все же части попавших в засаду воинов удалось вырваться за огненную завесу. Одна группа, прикрывшись кустарником, добралась до огневых позиций, перебила орудийные и минометные расчеты и пробилась в лес на противоположном берегу. Другая группа вслед за танком и бронемашинной прорвалась через мост. Многие из тех, кто находился в хвосте колонны, укрылись в лесу, что ближе к Зельвянке.

Вдоль склона холма и ближе к деревне горели два танка, сгрудились десятки автомобилей с крытыми и открытыми кузовами, несколько артиллерийских орудий. Дальше, в сторону Зельвянки, виднелись брошенные конные упряжки. И все вдоль берега было усеяно телами павших.

Безжалостные нацисты добились раненых, у прибрежного обрыва расстреляли сдавшихся в плен. Похоже, что многие из них были бывшими нашими соотечественниками, пронесшими за годы изгнания и эмиграции неутоленную ненависть ко всему советскому. И теперь отыгрывались.

Потом офицер, тоже, очевидно, из русских эмигрантов, ошеломил и без того перепуганных сельчан:

"Немецкое командование поздравляет вас с освобожде-

нием от большевизма и приказывает закопать уничтоженных большевиков. Три часа - и чтобы духа большевистского не было! Не выполнившие приказ будут строго наказаны", - и издевательски запел: "Ложись, проклятьем заклеянный, весь мир голодных и рабов".

После боя "освободители" начали шарить по домам (как и заведено - "курка, млеко, яйки"), но вскоре был объявлен сбор, и все они поспешили к Озернице. Позже на грузовиках прибыла тыловая команда, собрала оружие, военное имущество и снаряжение. Другая команда спустя еще несколько дней пригнала трейлеры, вывезла на станцию Озерница разбитую технику, отбуксировала пригодные к ремонту машины. И кто-то из деревенских жителей, глядя на все это, не удержался: "Вот это хозяева!"

Когда немцы приказали населению закопать тела погибших советских военнослужащих, из тридцатьчетверки, стоящей у церкви, достали и похоронили тела четырех человек. Один из погибших, как установили по найденным при нем документам, был генерал-майор М. Г. Хацкилевич. Его документы Петр Ракевич спрятал на чердаке школы. Тела троих положили в одну общую могилу, тело Хацкилевича - в отдельную. Когда генерала хоронили, сверху его тело засыпали советскими деньгами (банкнотами - "тридцатками"), которые вывозились в этом же танке, а потом уже землей. В 1946 г. останки доблестного комкора и его боевых товарищей, которые так и остались неизвестными, были перезахоронены в братскую могилу д. Клепачи.

В том же бою метрах в 80 от церкви огнем из противотанкового орудия был подбита бронемашина. Находившиеся в ней офицеры штаба корпуса (5-6 человек) выскочили из горящей машины, но все полегли под перекрестным огнем. Так их там, на месте гибели, и похоронили местные жители - в придорожной канаве.

Все советские танки, подбитые немцами на подходе к Клепачам, были легкими и не дошли до села примерно 150 м. Прямо на въезде в Клепачи имеется большой холм, танки попытались объехать его справа и попали в

засаду. Было подбито еще две машины, экипажи погибли. Местные жители говорят, что возле одного танка похоронили 4 танкистов, возле другого - 7.

Начальник артиллерии 6-го мехкорпуса генерал-майор ар-

677

тиллерии А. С. Митрофанов был тяжело ранен в бедро в самих Клепачах. Ему удалось отползти с места боя и добраться до родника на окраине деревни. Там его утром и нашли - уже умершего от потери крови - местные жители. Похоронили там же, у родника, но перед этим обобрали: сняли мундир. Тело завернули в шинель и закопали. В 1951 г. генерала перезахоронили, но фамилию на памятник не нанесли, и все из-за мародерства 1941 г. Когда могилу вскрыли, на останках была только генеральская шинель, никакой формы, ни документов, ни орденов. Представитель Слонимского райвоенкомата спорол генеральские петлицы с шинели и уехал, о Митрофанове "благополучно" забыли до 1993 г.

Когда в 1994 г. поисковики из "Батькаушчыны" нашли на окраине Клепачей еще одно неизвестное захоронение 32 советских солдат, кому-то пришла в голову мысль сказать, что в этом захоронении, мол, и был А. С. Митрофанов. И после торжественного перезахоронения останков фамилию генерала нанесли на памятник на братской могиле в деревне Драпово, что в 5 км восточнее Клепачей. Произошло это в 1996 г.

Но старожилы Клепачей утверждают, что был и третий генерал: раненый, он заполз в камыши на берегу Ивановки и там умер. Возможно, он так и останется неизвестным. А может быть, это был и не генерал вовсе, а зам. Хацкилевича по политчасти бригадный комиссар С. А. Эйтингон, до сих пор числящийся пропавшим без вести, как и многие офицеры управления корпуса: начальник штаба полковник Е. С. Коваль, начальник разведки майор Я. Э. Бейлис, зам. комкора по строевой части полковник Д. Г. Кононович.

Селяне, как им было приказано, снесли и сложили тела убитых в ямы, выкопанные недалеко от дороги на Кошели. Сколько было захоронено, никто

не считал. Позже, по сходным прикидкам, очевидцы расстрела сошлись на цифрах в 350-370. Среди убитых были женщины - врачи и сестры медсанбата, жены военных - и детишки.

Примечание

В 1998 г. после проведения опашки северной обочины шоссе Зельва-Слоним житель деревни Дешковичи в 60 м восточнее перекрестка дорог Зельва - Слоним, Озерница - Дешковичи увидел торчавшую из земли трубку от противогаза. Начав копать, наткнулся на лежащие практически на поверхности останки двух военнослужащих РККА. При этом

678

им был найден орден Красной Звезды, по номеру которого удалось установить личность одного из погибших. Им оказался также числившийся пропавшим без вести Оссчнюк Федор Ефимович, военврач 2 ранга, начальник санитарной службы 6-го мехкорпуса. В ноябре 2000 г. прах погибших захоронили в братской могиле в д. Мижевичи Слонимского района.

Нелегко разбираться в различных версиях и толкованиях одного и того же события. А установив истину, прощаться с уже привычной. По одной из версий, танк КВ, в котором находился генерал-майор М. Г. Хацкилевич, был подбит артогнем. Подругой - генерал был убит еще 25 июня под Гродно, и вывозили его тело в той БА, что сгорела у церкви в Клепачах. Но, как оказалось, ближе всего к истине оказалось третье свидетельство, которое я сам записал со слов старого солдата.

Вспоминает В. Н. Пономарев, телефонист 157-го БАО 36-й авиабазы:

"Вместе с нами под Зельвой прорывались из окружения остатки какого-то танкового соединения, в котором остался всего один танк Т-34. Командовал им генерал в танкистском комбинезоне. Когда мы пошли на

прорыв, генерал сел в танк, и тот устремился вперед. Танк раздавил гусеницами немецкую противотанковую пушку, прислуга едва успела убежать. Но, на беду, он двигался с открытым башенным люком, и немецкий солдат бросил туда гранату. Погиб экипаж танка и генерал вместе с ним. Был этот бой, если не ошибаюсь, 27 июня. Несмотря на огромные потери, мы все же вырвались из этого пекла и пошли в сторону Минска".

Мне этот рассказ кажется вполне правдоподобным. Тридцатьчетверки первых выпусков не имели командирской башенки, а только один большой люк, в который можно было без особого труда попасть гранатой. Тем более что примерно то же самое запомнили жители Клепачей.

Но есть и третья версия событий, и тоже весьма реалистичная. В 1969 г. стали спрямлять дорогу в Озерницу и наткнулись на неизвестное захоронение, в котором находились останки экипажей двух советских танков. Одним из погибших был М. П. Москалев, старший сержант, командир экипажа. Г. П. Москалев, брат погибшего, в 1974 г. побывал в Озернице. Как в Озернице, так и в Клепачах он побеседовал со старыми и пожилыми селянами, которые были живыми свидетелями событий далекого июня 41-го.

679

Один из жителей Клепачей рассказал, что немецкие части появились в Озернине 28 июня. Приехали они на автомашинах со стороны Слонима. На тягачах притащили артиллерию. Часть войск проследовала дальше в д. Клепачи. Сразу же немцы приступили к установке орудий и стали рыть окопы. Наверняка немецкая разведка знала, что в этом направлении со стороны Белостока движутся советские войска. Ни о каком живом щите из жителей он не упоминал.

29 июня утром со стороны границы по дороге в село вошел танк. За ним следовали еще танки и чуть позже пехота. Когда танк подошел к холму, на котором стоит церковь, его подбили, но танк не загорелся. Из подбитой машины стали выскакивать танкисты. Один из них побежал в сторону от дороги по подножию холма. Успел отбежать метров 30-40, и его убили.

Селянин рассказал, что, когда они стали хоронить убитых, он подошел к этому убитому танкисту, который лежал у холма. Когда он перевернул его на спину, то увидел, что под гимнастеркой видны какие-то бумаги. Расстегнул гимнастерку, а там оказалось много пачек денег и документов. Убитым был генерал-майор Хацкилевич. Он провел Москалева на место гибели Хацкилевича и его первоначальной могилы.

Еще он рассказал, что около танка лежал убитый полковник и еще несколько танкистов. Как потом выяснилось, вместе с командиром корпуса находились штабные офицеры, так как около танка было не трое (экипаж), а больше убитых. Хоронили солдат, в том числе и Хацкилевича, прямо там, где их убили. Потому-то в самих Клепачах и около них так много мелких захоронений.

В самой же деревне и около нее с подходом советской пехоты начался жестокий бой, который длился несколько часов. Очень показательное такое вот свидетельство очевидца. После освобождения Белоруссии в 1944 г. он был призван в армию. Воевал, остался жив и вернулся в родную деревню. Как он сказал, таких страшных и ожесточенных боев, какие были у Клепачей в июне 41-го, он на фронте не видел. После войны в соответствии с указом Правительства он участвовал в перезахоронении убитых в общую братскую могилу, которая находится на склоне холма под церквушкой. Находил старые захоронения по памяти. Всего они перезахоронили более 300 бойцов и командиров Красной Армии, в том числе и Хацкилевича. Но мелких захоронений, сказал он, осталось еще очень много. Хоронил

680

солдат в 41-м не только он, но и другие жители, поэтому точные места всех захоронений он не знал.

Очень много солдат погибло в лощине между двух склонов холмов за озером. Когда начался бой в деревне, большая масса солдат устремилась в лощину в надежде обойти ее. Но на вершинах холмов немцы поставили

пулеметы. Как только колонны втянулись в лощину, по ним ударили с двух сторон; погибло очень много солдат.

Когда погиб Хацкилевич и находившиеся с ним офицеры, кто-то из оставшихся в живых командиров, видимо, принял командование на себя. Вперед выслали конную разведку. Утром 29 июня, когда прекратилась стрельба в Клепачах, через некоторое время на дороге, ведущей из села, показался всадник на лошади. Когда всадник заскочил в Озерницу, его и лошадь убили. Одна из женщин показала место, где лежали убитая лошадь и всадник-разведчик.

Через какое-то время со стороны Клепачей послышался шум моторов, а затем через бугор перевалил советский танк, за ним еще один танк. В первом танке, возможно, находился М. П. Москалев. Для того чтобы задержать их и более прицельно вести огонь, немцы поставили поперек дороги бензовоз. Дорога была закупорена, так как спуститься в другом месте было практически невозможно - по ходу движения справа в сторону ручья был крутой спуск, почти обрыв. Слева - немецкие позиции. Штаб у немцев располагался в Озерницкой школе.

Танк проутюжил окопы, а затем раздавил бензовоз. Но на спуске в деревню он был подбит. Затем был подбит и второй танк. У немцев было много пулеметов, и, когда экипажи повыскакивали из танков, они попадали под перекрестный огонь и все погибли. Завязался еще один ожесточенный бой, в ходе которого было много убитых и раненых с обеих сторон. Советские части прорвали оборону противника, выбили его из Озерницы и ушли на восток. На другой день, утром 30 июня, немцы снова вошли в Озерницу. Стали собирать и хоронить своих убитых, а военнослужащих РККА приказали хоронить местным жителям. На склоне холма около подбитых танков похоронили их экипажи.

Откуда возникли такие разные версии одного боя? Не знаю. Узнаем ли мы когда-нибудь об этом? Тоже не знаю. Но ведь числятся же без вести

пропавшими заместители Хацкилевича Кононович и Эйтингон. И КВ-1, подбитый под Зель-

681

вой из 88-мм зенитного орудия, был заснят немцами "на память", и снимок этот дошел до нас. Не будем терять надежды. И попробуем разобраться, что происходило в районе Клепачи-Озерница после разгрома колонны управления 6-го МК.

После того как были разгромлены немецкие заслоны в Клепачах и Озернице, подразделения Красной Армии подошли к лесу, сквозь который проходило шоссе на Слоним. Там их ждала прочная оборона главных сил 29-й мотодивизии, южнее располагалась 34-я пехотная дивизия 12-го АК 4-й армии. В отчаянных и почти бесплодных попытках прорвать ее снова было убито огромное количество красноармейцев и командиров, многие попали в плен.

На рассвете 30 июня из д. Кошели советские войска предприняли одну за другой восемь атак при поддержке танков. В результате оборона 107-го пехотного полка 34-й пехотной дивизии была прорвана, подразделения РККА быстро продвинулись в район Клепачей и Озерницы.

Командир 107-го ПП доложил офицеру штаба дивизии, что вследствие больших потерь в личном составе и вооружении, а также недостатка в боеприпасах, его полк больше не может сдерживать атаки противника на занимаемом рубеже. Также он сообщил, что не удастся установить связь с батальоном, держащим рубеж южнее основных сил полка; предполагалось, что командир батальона и командиры рот убиты или ранены. Было приказано всеми имеющимися силами любой ценой удержать оборону по линии: высота 500 м северо-западнее Озерницы - западная окраина Озерницы - тригонометрический пункт отметка 210 в 3 км южнее Озерницы.

В бой против прорывающихся из окружения было брошено все имеющееся под рукой: 34-й истребительно-противотанковый дивизион 34-й ПД, 1-я батарея 29-го истребительно-противотанкового дивизиона 29-й

мотодивизии, 77-й легкий зенитный дивизион, 9-я рота 107-го пехотного полка, 1-я рота 253-го пехотного полка 34-й дивизии, 29-й батальон связи и подразделения штаба 29-й МД.

К 9 часам утра все атаки были остановлены на указанном рубеже обороны. Остатки 107-го полка отошли в д. Озерница на переформирование. Около 10 часов поступила информация о том, что большие силы "красных" (до полка пехоты и 3-4 кавалерийских эскадрона) обходят Озерницу с севера и атакуют вдоль дороги на юго-восток. Почти одновременно поступило

682

донесение, что 2-3 эскадрона кавалерии вышли с севера к д. Драиво и готовятся к нанесению удара на Озерницу с востока. Огневому взводу полковой артиллерии 107-го ПП был отдан приказ упреждающим ударом уничтожить прорвавшиеся к д. Драпово советские подразделения. Скопление военнослужащих РККА было накрыто прицельным огнем в тот момент, когда казаки спешили с коней.

Прибывший в штаб 29-й дивизии мотоциклист сообщил, что в д. Збочно находится 3-я рота 5-го отдельного пулеметного батальона, которая готовится к маршу на Слоним. Рота была подчинена дивизии и получила задачу занять позицию по линии высота 193 в 4 км северо-восточнее Озерницы - высоты севернее Драпово с целью предотвратить прорыв вдоль дороги. Командир роты обер-лейтенант Франц справился с поставленной задачей и доложил, что советские подразделения, понеся тяжелые потери, отступили. Он получил новый приказ - выйти и закрепиться на линию д. Гумнице - высоты севернее Озерницы. Одновременно 29-й разведывательный батальон, который до этого отражал атаки и удерживал район Ярнево-Елка, получил приказ пробиться к д. Плавские и оттуда совместно с частями 5-го пульбата контратаковать и захватить высоты севернее д. Гумнице. Расположившийся в районе Дешковичей 109-й минометный дивизион получил приказ "поработать" по лесному массиву севернее Волчек и Позарборного.

К этому времени к Озернице начали прибывать запрошенные для подкрепления части 34-й пехотной дивизии. К полудню дивизия занимала оборону на линии к востоку от д. Гумнище - высота 500 м северо-западнее Озерницы - 1 км южнее высоты 210.

Около 13 часов 80-й пехотный полк 34-й ПД выдвигался через Збочно в направлении Гумнища для осуществления контратаки в западном направлении. В южном направлении прорыв войск Красной Армии в районе Рудава - Кракотка остановить не удалось, пропала связь со штабом 82-го пехотного полка 31-й дивизии. Озерница находилась под перекрестным артогнем немецкой и советской артиллерии; передовые части 12-го АК находились в д. Костровичи. Штурмовая группа полковника Томаса вместе с командиром дивизии фон Вольтенштерном по-прежнему занимала оборонительные позиции на высотах в районе Деречина.

На севере части 15-го пехотного полка подвергались сильным

683

атакам при поддержке танков; о действиях остатков 107-го пехотного данных не было. Офицер оперативного отделения штаба дивизии предложил командиру корпуса силами 7-го танкового полка 10-й танковой дивизии с севера через Дешковичи и Плавские нанести контрудар по советским войскам в районах севернее и северо-западнее Озерницы. Решение было принято, но осталось невыполненным, так как изменилась обстановка в районе боев. Выяснилось, что под сильными ударами боевых групп 29-й мотодивизии противостоящие им подразделения оставляют свои рубежи и уклоняются от ведения боевых действий.

С. Д. Миколенко, зам. политрука из 4-го мотопонтонного батальона 4-й ТД, вспоминал:

"Очнулся от толчков в спину, и, когда три немца, видимо, проверяя, жив я или мертв, подняли меня за ремень, я очнулся, увидел и понял, что это все. Один немец перебил ложе моей винтовки, другой обыскал меня, и они увели меня на дорогу, где ходил их транспорт по сбору пленных. Нас сначала

отвезли на станцию Озерница, где уже было много нашего брата. Потом погнали в лагерь в Слоним..." [76, копия].

Вечером 34-я дивизия получила от командования корпуса приказ предотвратить возможность прорыва на юг по линии Костровичи - Дешковичи - Зельва. Штурмовая группа полковника Томаса была снова передислоцирована в район Дешковичей.

Когда 12-й армейский корпус 4-й армии вермахта, оставив для осады Брестской крепости 45-ю пехотную дивизию, двинулся вдоль Ружанского шоссе в сторону Слонима, частям его 31-й дивизии пришлось в этой лесисто-болотистой местности с немалыми потерями прорываться через оборонительные заслоны, созданные подразделениями из 4-й советской армии.

Большой интерес представляют найденные в Белгосархиве наградные листы на военнослужащих 82-го гренадерского полка 31-й ПД. 25 июня 82-й полк вел бои в районе озера Селец и Старого Михалина, что примерно в 20 км юго-западнее Ружан. 7-я пехотная рота под командой обер-лейтенанта Хильдебрандта имела задачу овладеть проходом через болото. Рота "двумя взводами на передней линии наступала левым крылом вдоль дороги Селец - Старый Михалин и, когда достигла леса, попала под сильный огонь русских, находящихся в окопах или на деревьях. Этот необычный способ боя, быстро наступившие сумерки и вскоре полученные потери, среди них

684

2 командира взводов, привели в роту к замешательству. Обер-лейтенант Хильдебрандт, со свойственной ему энергией, успешно наступал, несмотря на мощный огонь, и своим личным примером провел роту вперед через лес. Он сам со своей группой роты атаковал впереди. Несмотря на сильное вражеское сопротивление, старшему лейтенанту Хильдебрандту вместе со своей ротой удалось пробиться через лес и захватить группу домов... и поэтому наступление полка могло быть продолжено без осложнений утром 26.06.1941, таким образом проход был открыт".

Однако из тех же листов (на Хильдебрандта и обер-фельдфебеля Трестера) видно, что вместо продолжения "зачистки" местности в направлении на Слоним дивизия внезапно поворачивает назад и почти на "чистый норд" и 27 июня 82-й гренадерский полк находится уже в 15-20 км северо-восточнее Ружан на берегу Зельвянки. В районе примерно в 15 км южнее д. Кошели и в 25-30 км южнее Зельвы он ведет тяжелые бои уже не с частями 4-й армии, а с выходящими из белостокского выступа остатками войск 10-й армии. Эта местность находится на стыке брестщины и слонимщины, и можно условно назвать ее самой южной точкой "белостокского котла".

После того как 29-я немецкая мотодивизия в районе Слонима начала сдерживать и уничтожать выходящие от Гродно и Волковыска советские войска, южнее Зельвы (в частности, и в том месте, где сейчас находится водохранилище) оставалась большая брешь, через которую военнослужащие РККА еще могли прорываться на восток. Для ликвидации этой бреши в южной части Слонимского района как раз и была срочно направлена 31-я пехотная дивизия. Таким образом, кроме 29-й мотодивизии, на пути стремящихся из окружения войск Красной Армии развернулся почти весь 12-й армейский корпус.

"В утренние часы 29.06.41 русские проникли частями в местность, покрытую кустами, между Зельвянкой и левым крылом 6-й роты. По приказу командования батальон с 6-й ротой должен был отбросить этого противника за Зельвянку и передвинуть главный командный пункт на восточный берег реки Зельвянки. Этой роте подчинялся обер-фельдфебель Трестер со [штурмовой] группой. Наступление шло в первой половине дня 29.06.41 сначала успешно, но затем прекратилось из-за автоматного и ружейного огня русских, огонь велся со стороны

685

высоты перед левым крылом 6-й роты. Русские спрятались за этим возвышением и штабелем бревен высотой около 1 м и шириной 2 м. Обер-

фельдфебель Трестер понял критичность ситуации и, несмотря на вражеский огонь, вскочил и своим примером повел свою группу и стрелков 6-й роты вперед и захватил этот опорный пункт, используя холодное оружие и ручные гранаты. Около 20 русских с оружием были взяты в плен. Таким образом, 6-я рота при наступлении выполнила поставленные задачи".

Батальон 82-го полка, имевший приказ преградить в районе Зярки путь советским солдатам, которые отступали с запада к Зельвянке, направил для обороны 7-ю роту. Рота, ослабленная боем под Старым Михалином, особенно в комсоставе, развернулась фронтом на запад на участке протяженностью около 1200 м. Из-за этого оборона была очагового характера, отдельными пунктами.

"Все же роте Хильдебрандта удалось отразить многочисленные наступления врага 28 и 29.06.1941. 30.06.1941 около 2.00 часов русским удалось оттеснить ГКП этой роты... Обер-лейтенант Хильдебрандт оказал сопротивление непосредственно со своей группой роты и двумя группами и после сильного боя отбросил противника за Зельвянку. Обер-лейтенант Хильдебрандт, благодаря своему личному мужественному участию, решительно способствовал тому, чтобы рота удержала свои позиции. Батальон захватил в этих оборонительных боях около 1700 пленных".

Раз за эти бои представляют к наградам, значит, свою задачу гренандеры выполнили полностью: заслон на пути отступающих советских войск они поставили прочный.

Кроме этих наградных листов, описание боев на Зельвянке содержится в книге Ф. Хоссбаха "Infanterie im Ostfeldzug". По его словам, ночь с 29 на 30 июня выдалась для германцев очень тяжелой. Около 23:30 началась стрельба на участке 3-го батальона, а затем на участке 2-го батальона. В 3 часа ночи советские войска начали массированную атаку на участке 2-го батальона и двигались несколькими густыми цепями при поддержке танков. Правофланговый взвод батальона понес большие потери и был смят, но взвод

лейтенанта Баля предпринял контратаку и отбросил наступавших обратно к реке. Только небольшая группа красноармейцев смогла прорваться между

686

6-й и 7-й ротами и атаковала КП батальона, но была отбита, оставив 28 павших.

По центру линии обороны 2-го батальона и по северному участку линии обороны 1-го батальона на восток сумели прорваться значительные силы какой-то дивизии 6-го кавкорпуса, устроившие потом террор тыловым подразделениям. Ситуация вышла из-под контроля, ибо бой шел уже в тылу, советские подразделения ворвались на артиллерийские позиции, но неожиданно начался мощный обстрел Крокотки. Как оказалось, это подошла 34-я пехотная дивизия.

К рассвету 82-й полк восстановил утраченные позиции, а 34-я ПД закрыла брешь к северу от Кошелей. 1-й батальон переместился между 2-м и 3-м батальонами для усиления восточного направления; также на усиление прибыл 2-й дивизион 17-го артполка. К 1 июля, когда 12-й пехотный полк начал наступление на север вдоль западного берега Зельвянки, кризисная для немцев ситуация была ликвидирована.

В полдень 1 июля на командный пункт полка прибыл фельдмаршал фон Клюге и поздравил личный состав с успешным проведением операции. С 28 по 1 июля 82-й ПП потерял около 150 человек убитыми, в том числе 6 офицеров.

В летний полевой сезон 2002 г. поисковая группа "Батькаушчына" обследовала эти забытые богом места. Было установлено предположительное место гибели остатков какой-то кавалерийской части вместе со штабом. Селяне показали засыпанную канаву, которая в 1941 г., по их словам, была полностью забита трупами красноармейцев в кавалерийской форме, и рассказали историю этого побоища. Возможно, здесь погиб полк 36-й кавдивизии. Все найденные захоронения не вскрывались (на это имеет право только 52-й батальон МО РБ), но вне их были обнаружены детали ходовой

части танков и вооружения (пулемет ДТ, гусеничные траки пр.), а также кавалерийского снаряжения (стремена, подковы).

Лес, в котором стояли советские танки, находится в 13 км северо-восточнее Ружан и в одном километре северо-восточнее деревни Смовжи. Это почти граница Брестской области и Слонимского района. По рассказам селян можно сделать вывод, что в лес вошли остатки танковой роты или батальона: от трех до пяти танков. Найденные траки принадлежали легкому танку, БТ или Т-26. На месте, где был найден пулемет, стоял

687

танк, возле которого лежал экипаж - три танкиста. Старик, который их видел, утверждает, что танкисты застрелились: у одного была пробита голова, двое других стреляли в сердце. На месте, где лежал танкист с пробитой головой, с помощью детектора нашли гильзу от пистолета "ТТ". Их вроде бы перезахоронили после войны, но уточнить информацию уже не у кого.

Примерно в 7 км от этого места по направлению к Зельве в реке Зельвянке, у брода возле деревни Малая Кракотка, застряли еще четыре советских танка. Местные жители в марках не разбираются, но сказали, что один танк был очень большой, вероятно КВ. Их вытащили после войны. КВ мог быть только из какого-то мехкорпуса, а легкие машины - и из танкового полка кавдивизии. Кавалеристов в этих местах погибло очень много.

Старик рассказал, что конница выходила на Малую Кракотку и на лес в 5 км от нее - в направлении на Ружаны. Те, что вышли в Кракотку (всадников 200), ночью пошли на прорыв, который закончился относительно удачно. Наутро жители нашли в деревне всего трех погибших кавалеристов и одного немца с отрубленной шашкой головой. Но похоже, что эту группу встретили у деревни Большая Кракотка и рассеяли.

Вторая группа вместе со штабом части остановилась в лесу в месте, называемом "Тарасов Груд". Командовали ею два старших офицера. На них наткнулся один крестьянин, который искал там корову. Сначала его хотели

расстрелять как шпиона, но один из командиров заступился и принялся расспрашивать об обстановке. Селянин все рассказал и посоветовал уходить из этого места, так как в 2 км от него на дороге полно немцев с танкетками. Военные его выслушали и отпустили, а сами остались в лесу. Через день немцы начали там зачистку. Похоже, что погибли все, кто был в том лесу, - немцы вытеснили их на болото и там перестреляли.

Старику, который показал это место, в 1941 г. было 13 лет. После боя мальчишки пошли поглядеть, что там такое. На опушке леса они нашли оборудованные коновязи и мешки с овсом. На болоте паслось от 200 до 300 брошенных лошадей под седлами. За лозовым кустом на болоте лежали убитые - до двадцати командиров. Погибшие солдаты виднелись по всему болоту за кочками, двое погибли вместе с лошадьми. Карабины у них были за спинами, а в руках они держали гранаты. Но больше всего убитых лежало в канаве, которая упиралась перпен-

688

дикулярно в лес. Старик сказал, что местами она была завалена трупами до самого верха. Все убитые лежали ногами к лесу, головой - в сторону Зельвянки.

Хождение по полю и лесу с металлоискателем не дало ни одной гильзы и ни одного патрона; это зародило большие сомнения в правдивости рассказа, но в ближайшей деревне информацию подтвердили. Более того, еще один старик вспомнил, что, когда в 1958 г. пас там коров, заметил в одном месте в канаве торчащие кости ног. Он взял палку и поковырял стенку канавы, оттуда вывалился ремень с подсумком. Он поглядел и больше ковыряться не стал. Его привезли на место, и он указал на ту самую канаву.

Сохранилась деревня, которой в 41-м принадлежало это заболоченное поле, как место выпаса скота и покоса. Очевидно, что именно ее жители наводили там порядок и закапывали погибших кавалеристов. В пользу этого говорит и тот факт, что после войны в метре от этой канавы выкопали новую, а не стали очищать старую.

Жуткая история, но вполне правдоподобная. Когда нет патронов, с шашкой против пулеметов немного навоюешь. А сдаваться гордые сыны земли русской даже и не помышляли. Потому и стала для них последним прибежищем земля белорусская.

Пока найденные неизвестные захоронения не вскрыты, можно только предполагать, из какой дивизии были кавалеристы. В частности, в Мижевичах были замечены бойцы 152-го КП 6-й кавдивизии (рядовой Уртаев). Почти полное отсутствие информации по 36-й КД дает основание считать, что это могли быть конники генерала Зыбина, а танки, застрявшие в реке, - из 8-го ТП этой дивизии. Это мог оказаться, в частности, 144-й полк.

В начале осени 2002 г. одно из захоронений было вскрыто. Подняли останки десяти солдат и нашли один медальон, передали его на экспертизу, но он, к сожалению, оказался незаполненным. Зато в ходе опроса местных жителей нашелся старик, который утверждал, что его отец в 1941 г. хоронил военачальника высокого ранга. История, которую он рассказал, весьма характерна для тех мест.

Между 27 июня и 1 июля в километре южнее Кракотки был осуществлен прорыв частей Красной Армии; все это происходило на его глазах. Кракотка находится почти в лесу, к тому же возле нее на Зельвянке есть брод. Красноармейцы, переходя Зельвянку, накапливались

689

на восточной опушке этого леса, так как дальше почти до самого Слонима лесные массивы невелики и не могли решить проблему укрытия крупных сил. И вот днем с восточной опушки леса через поле по направлению к деревне Селявичи (из Селявичей есть дорога на Слоним) четырьмя густыми цепями длиной примерно от полукилометра до километра двинулась стрелковая часть или крупный сводный отряд РККА. Передвижение было обнаружено; пользуясь тем, что дорога из Кракотки на Селявичи проходит по обратному склону одной из господствующих высот, немцы начали скрытно перебрасывать сюда пехотные подразделения и

артиллерию. Только когда последняя цепь отошла от леса на достаточное расстояние, а первая начала подниматься на высоту, они открыли по ним шквальный огонь. До леса не успел добежать никто, все остались лежать на поле и между высот, уцелеть не удалось никому.

Когда немцы погнали местных хоронить павших, отец этого мальчика наткнулся на убитого генерала. Между двух высот уже за дорогой был и две такие подсохшие болотины, по-белорусски лужки. На одном лужке у воронки лежали три погибших солдата. Этот лужок сохранился до сих пор. На втором лужке лежали четыре красноармейца и один старший командир в брюках с лампасами, на груди у него были награды (как выразился старик, полна грудь медалей). Там их и похоронили. После войны он лично распахал это поле - колхоз там что-то сеял. Место, где был лужок, запомнил точно и показал его. Это захоронение еще не вскрыто, и неизвестно, кто этот командир.

В Белоруссии с первых послевоенных лет по сей день проводятся финансируемые государством работы по поиску и надлежащему захоронению погибших советских военнослужащих. Иногда в ходе таких работ и при опросе местных жителей удавалось добиться неплохих результатов.

Например, среди останков, найденных в 1994 г., по деталям снаряжения было идентифицировано много танкистов. В раскопанных захоронениях поисковики нашли пулемет ДТ и танковые часы. Так как во время боя в Клепачах немцам удалось подбить всего три или четыре танка и погибших танкистов похоронили рядом с машинами, а не снесли в найденную братскую могилу, можно предположить, что экипажи, оставшиеся без машин, шли в атаку вместе с пехотой, предварительно сняв с

азбитых и оставшихся без горючего танков пулеметы. Прорвав заслон в Клепачах, они двинулись в направлении Озерицы. Там немцы заняли все господствующие высоты по фронту с севера на юг до двух километров. Они

дали прорывающимся спуститься в лощину перед деревней и, подпустив а 300 м, открыли огонь. Сразу же на дороге было подбито пять танков, движение по ней было заблокировано. Попытки рорваться в лоб успеха не принесли.

Подбитые в этом бою танки были, видимо, последними остававшимися боевыми машинами, так как опрос местных жителей в селах восточнее Озерницы показал, что у прорвавшихся военнослужащих ни бронетехники, ни каких-либо других машин вроде бы уже не было. Последнее упоминание имеется только об одном танке - у деревни Плавские (8 км северо-восточнее д. Озерница), да и тот был подбит и брошен.

Не пробившись через Озерницу, часть войск прорвалась севернее в направлении ж.-д. станин Озерница и дальше на деревни Плавские и Костени (6 км западнее Слонима), где почти все они были заблокированы и уничтожены, так как Слоним еще 24 июня был занят 17-й танковой дивизией группы Гудериана.

Оставшиеся в живых отступили к деревне Клепачи. 29-я моторизованная дивизия, выставленная как заслон на пути остатков войск белостокской группировки, к 30 июня завершила их разгром в районе Клепачей и Озерницы. Тысячи красноармейцев и командиров были взяты в плен, колонны угоняемых на запад достигли длину до 10 км.

Также в районе Зельва - Слоним было захвачено в плен очень много обозов с ранеными, большинство из оторых впоследствии погибло. Военфельдшер И. В. Соломко, начальник санслужбы 33-го саперного эскадрона 36-й авдивизии, был пленен вместе с 525 тяжело ранеными, немцы заперли их в костеле, где, как вспоминал Соломко, они "ждали своих, а они не пришли".

Очень много военнослужащих повесилось в лесу Козлинка (100 м южнее Клепачей); ногие погибли, пытаясь прорваться на юг в направлении Клепачи - Рудавка - Мижевичи.

Примерно в 700 м от шоссе Зельва - Слоним есть немалых размеров лесной массив, плавно переходящий в заболоченную долину. По рассказам местных жителей, в конце июня эта олина была буквально завалена трупами советских военнослужащих, в самом лесу валялось огромное количество вещей

691

и военного снаряжения. Белорусы похоронили павших воинов, они же поживились и брошенным имуществом. По преданию, один из селян нашел в лесу спрятанное Боевое Знамя погибшей части. Следы этого Знамени поисковики до сих пор ищут.

Восточнее и ближе к Слониму примерно на 10 км находится Кокошицкий лес. В старину здесь проходила грунтовая дорога с громким названием Варшавский тракт. Его традиционно называют "варшавкой", хотя от него остались лишь отдельные, почти не различимые участки, современная автострада проходит иначе. Война и время многое изменили и стерли. Сменяют друг друга поколения этносов, меняются и ландшафты, на которых они проживают. Промежуток "варшавки" возле Кокошиц давно под пашней. Заглохла она и в самом Кокошником лесу.

Массовое истребление окруженных советских войск, учиненное под Кокошицами, Плавскими и Костенями, потрясло даже одного из его участников - офицера 29-й моторизованной дивизии, чей дневник попал в руки советских солдат в качестве трофея.

"Гражданских мы также бьем всеми видами оружия, находящегося на вооружении германской армии. Жаль только, что не хватает веревок, чтобы вешать этих коварных", - пишет он о боях у Озерницы.

Следом, в записи от 26 июня, есть описание того, что он увидел на пути из Озерницы к Слониму, у Кокошицкого леса. Оценка уже иная:

"Но в этом лесу все выглядит страшно. Лежат средства передвижения различных видов, расстрелянные и сожженные, оставленные на дороге и около нее при поспешном бегстве. На многих видны следы гусениц наших

танков. Повсюду в хаотическом беспорядке разбросано оружие, снаряжение, обмундирование. Над всей этой картиной разрушений парит трупный запах. Во всех положениях раздавленные, сожженные, обугленные машины. До Костени и Особняки дорога завалена".

Таковы были следы первой волны отступления советских войск из-под Гродно и Белостока. Люфтваффе усеяло шоссе от Гродно до Слонима скелетами машин, а затем деревни, хутора, полевые и лесные дороги наполнились тысячами отступающих красноармейцев и беженцев. А когда немецкие войска взяли под контроль дороги от Ружан на Волковыск и Слоним, на Слонимскую возвышенность хлынула вторая волна

692

отступления - разбитые в контрнаступлении под Гродно, в боях под Белостоком и Волковыском части 3-й и 10-й армий. Здесь прекратили существование остатки 6-го мехкорпуса, а следы многих его воинов затерялись в ружанско-слонимско-волковыеском треугольнике: на холмистых полях и в перелесках у берегов речек Ивановки, Гривды и Буллы, в Кокошицком лесу.

Из окружения через Зельву и Слоним на Барановичи и в юго-восточном направлении - к Пинским болотам - прорывались также сводные отряды и разрозненные группы 11-го и 13-гомехкорпусов, 8, 13, 49, 86, 113-й стрелковых, 36-й кавалерийской дивизий. На пути многих окруженцев был Кокошицкий лес.

1 июля неизвестный автор побывал у Кокошиц и записал в дневник:

"Здесь наши танки опять поработали. Перед опустошениями на этой дороге бледнеет картина "Мертвый лес". Трупный запах еле можно выдерживать..."

Авиация и артиллерия долго обрабатывали заполненный людьми в военной форме Кокошицкий лес. До войны, вспоминают старожилы, он был густой и могучий, небо закрывал. Снаряды и бомбы выкосили сосновые

боры; в некоторых местах было столько воронок, что осенью и по весне, когда их заливало водой, расплывалось озеро. И дорога через ее заглохла.

- *Люди погибшие везде лежали, как снопы. Техники разби-ой было столько, что немцы долго вывозили на металлолом в ерманию,* - рассказал житель Озерницы И. А. - *Страшно, о там натворили немцы.*

Одно из таких мест можно увидеть при въезде в Кокошиц-й лес. На запаханном после войны повороте "варшавки", реди зелени хлебного поля инородным телом зияет безжиз-енная серая плешь. Из земли торчат вымытые дождями разорванные патронные гильзы, оплавленные пули и куски автомобильного стекла, изъеденные ржавчиной остатки узлов и деталей каких-то машин и механизмов. Немой свидетель давних трагических событий. Что здесь было? Может быть, взрывались машины с боеприпасами, словно сухие сучья, трещали рвущиеся в пламени патроны, чертили небо разлетающиеся головки унитарных патронов к противотанковым пушкам, которых не дождались на передовой. Или огонь пожирал горючее, хлещущее из лопнувших цистерн автозаправщиков. В ноябре 1963 г. в 2 км от станции Слоним у шоссе Зельва-

КВ-1 в Слонимс

Слоним были обнаружены останки советских военнослужащих. Удалось установить фамилии семи бойцов из этого захоронения. Вместе с останками были найдены пять мастичных и три резиновых печати. На мастичных печатях отчетливо прочитывались надписи и номер войсковой части (7488), изображение герба СССР и номеров печатей. В/ч 7488 - это 64-й отдельный мотоинженерный батальон 11-го механизированного корпуса, до войны он стоял в Волковыске, отсюда выступил на фронт. У кого хранится гербовая печать части? Обычно у ее командира или начальника штаба.

При попытках советских войск прорваться на восток у Клепачей и Озерницы произошла массовая гибель и пленение военнослужащих, была потеряна практически вся военная техника и тяжелое вооружение. Однако нескольким танковым экипажам из 6-го мехкорпуса удалось все же вырваться из "мешка". Но в Слониме, куда они стремились, уже давно находились немцы. Часть танков, оставшихся без горючего, была затоплена в Щаре и лесных озерах. Не то 27 июня, не то вечером 1 июля (есть нестыковки по датам) в Слоним со стороны

694

леса ворвались три советских танка - КВ-1 и два Т-34. В городе они подбили немецкий танк, обстреляли штаб войсковой части и

фельджандармерию, подавили гусеницами автотранспорт. Немецкие артиллеристы-зенитчики расстреляли одну тридцатьчетверку при выезде на Ружанское шоссе. КВ устремился на деревянный мост через Щару, но машину потянуло в сторону (видимо, что-то вышло из строя), она потеряла управление и съехала в реку левее моста. Все танкисты были из разных рот 13-го танкового полка.

Механик-водитель КВ Н. Я. Кульбицкий вспоминал:

"... Вскоре от всей техники осталось только 6 танков, в которые перенесли топливо. Командовать экипажами уже было некому. Чтобы легче было пробиваться дальше, мы решили разделиться на 2 звена: одно двигается в сторону Гродно, а наше, состоящее из двух танков, - к Слониму. Со мной на КВ были старшина Карабанов, командир танка старший сержант Овсеенко, стрелок-радист Петру-хин. Из экипажа Т-34 помню только механика-водителя Демьянова. Это он 27 июня прикрывал в Слониме нам отход, когда танк провалился под мост. Мне тогда удалось спрятаться там до вечера, а затем лесами пробраться до родного Копыля" [76, письмо].

Немцы бросились к увязшему в реке гиганту, но были отсечены огнем третьей машины, шедшей позади. Затем Т-34 развернулся и вновь направился в центр Слонима. Здесь немцам удалось остановить его, повредив гусеницу. Когда был израсходован весь боекомплект, они предложили героям сдаться, ноте запели "Интернационал". Фото тридцатьчетверки с порванной гусеницей, горящей на слонимской улице, обнаружилось на распродажах немецких семейных архивов. На нем хорошо видно, что стена здания позади машины густо исклевана пулями, а люки закрыты, и экипаж остался внутри.

Справка

Военный журналист и историк М. Кадет беседовал с Н. Я. Кульбицким в 70-х годах. После того как КВ свалился в Щару, экипаж спрятался на колокольне стоявшего неподалеку костела. Оккупанты прочесали местность,

но на колокольню заглянуть не догадались. Фото лежащего в реке последнего КВ 6-го мехкорпуса впервые было выложено на сайте г. Слоним (<http://wvm.myslonim.narod.ru>).

Это последнее встреченное упоминание о действиях танкистов 6-го механизированного корпуса. Еще несколько экипажей Т-34 сумели вывести свою матчасть в Полесье, на уча-

695

сток 18-го погранотряда, но принадлежность их к какому-либо конкретному соединению не установлена. И есть одно свидетельство о событии, которое мне не удалось точно датировать, но которое, без сомнения, было в реальности.

Рассказывает В. К. Колесников, 7-й танковый полк, башенный стрелок Т-34:

"Командир приказал отойти в лес и следовать в район сбора. Так мы прошли еще несколько километров, не встретив ни одной своей машины, а рация не отвечала. Когда мы вышли в назначенный район, то там находилась немецкая артиллерийская батарея большого калибра. Помню, что все снаряды мы выпустили по этой батарее, но какие были результаты, не знаю. Знаю, что боеприпасы были на исходе, а горючего - на один час. Механиком-водителем у нас был Приходько, не помню, как звали, из Киева, студент. Заряжающим был ленинградец Леонов Евгений... Остальных фамилий не помню... Героями мы не были, но свой долг перед Родиной выполняли до последнего патрона. В каком-то местечке на окраине мы наткнулись на огромную поляну, окруженную колючей проволокой, где находились наши пленные солдаты. В стороне реки уже стояли две вышки с пулеметами, около проволоки ходили немецкие часовые. Посоветались с командиром. Решили напоследок (горючего осталось совсем мало) уничтожить охрану. Конечно, сейчас можно ведь писать что угодно, но было именно так. Мы разрушили проволочное ограждение, уничтожили вышки. Поливая охрану пулеметным огнем, отошли в лес, и горючее кончилось. А через десять минут нас стали

бомбить самолеты, долго бомбили. Танк наш подбили, и мы его покинули. Через день, а мы держались все вместе и держали путь на восток, я был ранен (перебило голень правой ноги) и попал в плен".

Начиная с 28 июня германские войска, ранее наступавшие по фронту на оборонительные рубежи 3-й и 10-й армий, перешли теперь к активному преследованию отходящих советских частей. Когда им удавалось на отходе перехватить какое-нибудь подразделение, разыгрывались драматические схватки, в которых победа обычно доставалась немцам. Как писал Х. Слесина, самокатная рота 28-й ПД получила приказ: далеко впереди обнаружена артиллерийская часть Красной Армии на марше, необходимо догнать ее и уничтожить.

Вскоре на песчаной лесной дороге были обнаружены следы гусениц тяжё-

696

лых артиллерийских тягачей. Сблизившись с движущейся в восточном направлении колонной, командир роты принял решение обогнать ее по лесу и полям и заблокировать путь отступления. Вечером рота вышла к той же дороге, оказавшись впереди спешащих на восток артиллеристов. Когда на дороге появилась головная машина, немцы предложили русским солдатам не оказывать сопротивления и сдаться. В ответ был открыт огонь из стрелкового оружия и пистолетов, полетели ручные гранаты. Два взвода взяли остановившуюся колонну в кольцо, хотя нацисты до сих пор не имели ясного представления, с кем они имеют дело. Расчеты противотанковых орудий открыли беглый огонь, третий взвод ворвался в деревню и завязал уличный бой. В ходе боя произошел ряд страшных взрывов, происхождение которых было немцам непонятно. Что-то рвалось в воздухе, яркие вспышки освещали вечернее небо, треск и грохот наполняли все вокруг. Под шквалом непрерывного автоматного-пулеметного огня и огня ПТО ответный огонь становился все слабее, немцы продвигались ближе и ближе. Когда подошли на расстояние

тридцати метров, наконец, поняли, что атаковали подразделение тяжелой артиллерии на механической тяге.

"Теперь солдаты понимают, что означают сумасшедшие взрывы. Враг просто стрелял по деревьям вдоль дороги, стремясь благодаря грубому прицеливанию использовать разрывы снарядов в надежде на их разрушительный эффект. Выстрелы и их результат один и тот же - следует лишь сумасшедший фейерверк. Наши люди уже вне этого огня".

В атакованной колонне начали взрываться грузовики с боеприпасами, но бой не закончился. Он продолжался всю ночь и затих лишь с рассветом. Когда сопротивление советских бойцов было сломлено, немцы подвели итоги. Был разгромлен дивизион неполного состава или остатки полка: восемь длинноствольных орудий калибра, как написал Слесина, 100 мм (таких систем в РККА не было, возможно, противнику остались 107-мм корпусные пушки). Два орудия были сильно повреждены огнем противотанковых пушек, одно - полостью разбито. В отчаянии красноармейцы стреляли из походных положений, прямо с тягачей. В ходе боя одна пушка выстрелила прямо перед собой, уничтожив другое орудие и его расчет и взорвав грузовик с боеприпасами.

Избежать подобной участи удалось по меньшей мере двум

697

сводным отрядам 11-го мехкорпуса. Когда в одну из ночей остатки 204-й мотодивизии проходили Кореличи (находятся на дороге Новогрудок-Мир), дозорные доложили, что в одном из дворов стоит наш танк, по их словам "целехонький". Танк оказался принадлежащим зам. командующего войсками фронта И. В. Болдину, который подтвердил отход на старую границу в направлении станции Столбцы (однако в мемуарах самого Болдина данный факт не фигурирует).

В группе 204-й МД было несколько грузовых и легковых автомашин. На грузовиках были установлены 4 станковых пулемета; на них также ехали раненые, больные, с потертыми ногами. Западнее местечка Мир в деревне

Уша (там протекает и одноименная речушка с топкими берегами, левый приток Немана) группа была встречена пехотой и мотоциклистами противника. Завязался бой, продолжавшийся с перерывами до вечера. Когда стемнело, уничтожив автомашины, группа Пиррова по заранее разведанному маршруту перешла через реку Уша и ушла дальше на восток. Немцы вели обстрел трассирующими пулями, что давало советским воинам дополнительную ориентировку. Этот бой можно считать последним боем, который организовано вели остатки 204-й моторизованной дивизии.

Какие трудности и страдания пришлось перенести тем, кто пошел к генералом Мостовенко, неизвестно. А. И. Бабак вспоминал, что остатки 167-го ЛАП отступали вместе с какой-то танковой частью, но нет уверенности, что она была из 11-го корпуса:

"В районе Барановичи мы были окружены. Бои продолжались несколько дней. Прорваться удалось лишь первым танкам. Много живой силы и техники осталось на поле боя. Я, как и другие, прицепился на танк КВ, но прорваться не сумел, так как танк попал на мину, нас всех сбросило. Я спустился к болоту. Там майор-танкист сформировал оставшихся (100- 150) и вывел через болото ползком. Под утро мы вышли из окружения и пробирались севернее Барановичей. Возле Минска мы опять попали в окружение, где 5 июля я попал в плен. Нас, оставшихся в живых, погнали в пересыльный лагерь в г. Дзержинск" [76, копия].

Лишь генерал армии К. Н. Галицкий указал в своих мемуарах, что накануне прорыва в Полесье к его 24-й стрелковой дивизии присоединился сводный отряд 11-го мехкорпуса во главе с командиром и замполитом. 14 июля они вышли к своим в 80 км северо-восточнее Мозыря. На местах

698

боев, которые вели части корпуса, осталось 266 танков, 141 бронемашина, 540 колесных машин и 110 мотоциклов.

На следующий день южнее Могилева в полосе 61-го стрелкового корпуса вышел отряд 85-й дивизии, который вел зам. комдива полковник К.

Ф. Скоробогаткин. Его люди некоторое время совместно продвигались на восток с группой Галицкого.

Но среди вышедших не было многих бойцов и командиров, в том числе зам. командира 11-го МК генерал-майора танковых войск П. Г. Макарова, командира 29-й ТД полковника Н. П. Студнева и начальника штаба дивизии подполковника Н. М. Каланчука.

Около деревни Большие Жуховичи Коре-личского района остатки 29-й ТД были окончательно разгромлены и рассеяны на мелкие группы; полковник Студнев был убит. Н. М. Каланчук в арьергардных боях получил три ранения с контузией и, как он сам писал, вместе с 216-м полевым эвакогоспиталем был пленен в районе Старого Села западнее Минска. В мае 1943 г. за организацию побега, коммунистическую агитацию и пропаганду он был арестован гестапо, заключен в Нюрнбергскую тюрьму, а затем - в концлагерь Бухенвальд. Освобожден в 1945 г.

По опубликованным данным, начальник артиллерии 11-го мехкорпуса генерал-майор артиллерии Н. М. Старостин также попал в плен, но в сентябре. Генерал Макаров умер от голода и болезней осенью 1943 г., Н. М. Старостин вскоре после пленения был публично расстрелян немцами для устрашения других пленных. Также попали в плен кавалерийские генералы Никитин и Зыбин, много штабных офицеров и командования частей корпуса: начальник оперотдела штакара подполковник Н. Д. Новодаров, начальник 1-го отделения штадива 6-й КД майор Н. Ф. Панасенко, командиры полков В. В. Рудницкий и Д. М. Алексеев. Начальник штаба корпуса полковник И. Е. Панков пропал без вести. Комкор 6-го КК 5 июля в одном из боев в районе Старого Села был с горсткой кавалеристов прижат к реке, тяжело ранен и подобран немцами. Обстоятельства пленения Е. С. Зыбина неизвестны. Можно лишь предполагать...

Справка

216-й ПЭГ (полевой эвакогоспиталь) не значится в списке медучреждений ЗапОВО. Возможно, он был развернут на базе 216-го войскового лазарета, находившегося в Старых Дорогах Минской области. Либо, если за давностью

699

лет Каланчук ошибся в номере, это мог быть 215-й ПЭГ на базе 215-го лазарета из Ломжи.

Н. С. Степутенко вспоминал:

"Из Зельвы я был направлен на р. Неман, где в районе г. Мосты собирались остатки наших разбитых подразделений. 28 июня на р. Неман шла кровавая битва. Воды Немана багровели от человеческой крови. Я потерял своих последних товарищей. У самого прибавилось еще пять ранений. Одна в живот, опасная: осколок пробил правую сторону живота. Извлекли, но в эту дыру проникли кишки. Стянули, заклеили. Поставили на ноги, сказали: живи и воюй. Собирали отряд кавалеристов, 29 июня набралось около 1800 карабинеров (так в письме. - *Д. Е.*). На Слоним!.. Там прорвемся на Барановичи, и дальше путь на восток, на Осиповичи или на Минск. (Калининское ВУ химзащиты было развернуто на основе ликвидированного кавалерийского училища, и лейтенант Степутенко отлично владел конем. - *Д. Е.*). Но все не сбылось. У Слонима на р. Щара наш кавалерийский сборный отряд был окружен и полностью уничтожен. У меня прибавилась седьмая рана, но я живой. Преодолею железнодорожное полотно, скрылся во ржи. Это было 30 июня... Наткнулся на мешок с гречневой крупой. Проткнул дыру, начал жевать. Пять дней до этого ничего не ел. Крупа сухая, слюны нет. Нужна вода. Рядом отдельный дом и колодец. Потянуло к колодцу. Попить не успел. Цепь немцев-автоматчиков прочесывала рожь. Под огнем автоматчиков от колодца бросился в рожь. Упал... Помню, как меня за руки волокли на песчаный бугор у дороги. Там было около 200 товарищей

жестокой судьбы. В первых числах июля (3-го или 4-го) был брошен в полевой концентрационный лагерь Шталаг-307 в районе Пружаны" [76, письмо].

Вполне возможно, что во главе этого отряда мог быть комдив-36 Е. С. Зыбин.

Мне пока еще не удалось точно установить, почему остатки 85-й СД выводил на восток не сам генерал А. В. Бондовский, а его заместитель. Но вот насчет зам. командира по политчасти, депутата Верховного Совета РСФСР, бригадного комиссара Н. И. Толкачева информация есть. Тяжело раненный в обе ноги, истекающий кровью, он был захвачен в плен. Они сохранили ему жизнь (за всю войну было чрезвычайно мало случаев, чтобы к ним в руки попадали политработники в таком высоком звании - все-таки бригадный генерал, или,

700

применительно к "табели о рангах" Третьего Райха, бригаденфюрер СС) и поместили в лазарет лагеря военнопленных "Шталаг-352". Лагерь был развернут под Минском и имел 24 филиала. Подпольщики Минска предприняли меры по спасению комиссара, член группы А. Маркевича А. Ананьева на себе сумела вынести его за территорию лагеря. Медики А. Куприщснкова и А. Мохова занялись его лечением. А вот дальше...

Из письма А. В. Бондовского М. Ф. Удальцовой:

"Я в свое время предпринимал меры, чтобы узнать судьбу многих командиров и политработников, но это мне не удалось, хотя и обращался в МО не однажды. С большим трудом узнал о гибели Н. И. Толкачева, но и то не через Министерство, а от его жены, а ей сообщил Институт истории КПБ. Н. И. Толкачев был тяжело ранен, подпольщики Минска его вылечили, и он стал активным участником минского подполья, но был выдан гестапо предателем. После более двухмесячных пыток на месте минского рынка был повешен как комиссар".

Справка

Командиры полков 6-й кавдивизии подполковники В. В. Рудницкий и Д. М. Алексеев после освобождения из плена успешно прошли госпроверку, были восстановлены в званиях и направлены для дальнейшего прохождения службы в ГУЛАГ МВД СССР, предположительно, в БАМЛАГ - строительство магистрали началось еще до начала войны и было приостановлено в 1942 г., а уже уложенные километры путей - сняты и направлены на строительство обходной ветки вокруг Сталинграда. Майор Н. Ф. Панасенко получил назначение в ИНТАЛАГ. Бывший командир 44-го стрелкового олка, герой обороны Брестской крепости, майор П. М. Гаврилов был назначен начальником лагеря японских военнопленных.

Согласно собранному из разных источников данным, генерал-майор А. В. Бондовский был тяжело ранен где-то южнее Немана и тоже попал в плен, но сумел бежать, либо побег был организован партизанами или подпольщиками. После возвращения на "Большую землю" и проверки органами НКВД был направлен в распоряжение ГУК НКО. Как ограниченно годный после ранения, служил преподавателем на курсах "Выстрел". Писал рапорта с просьбами направить в действующую армию, но просьбу удовлетворили только после гибели на фронте его сына.

С 02.12.1943 г. по 21.04.1944 г. Бондовский командовал 324-й стрелковой дивизией, а затем был зам.

701

командира 121-го стрелкового корпуса. В 1949 г. генерал был уволен из армии по состоянию здоровья.

Многим из тех, кто уцелел в боях на оборонительных рубежах, не остался навсегда под Августовом, Вельском, Кольно, Щучином, вышел живым из мясорубок на переправах через Зельвянку и Щару, счастье не погибнуть и выйти к своим не улыбнулось. К исходу дня 29 июня 4-я и 9-я немецкие полевые армии, невзирая на ожесточенные атаки во все стороны,

которые предпринимали прорывавшиеся из окружения советские части, все же соединились севернее Слонима. В тот же день моторизованные корпуса 2-й и 3-й танковых групп после взятия Минска замкнули кольцо восточнее него. Пути отхода войск белостокского выступа, 21-го стрелкового корпуса, а также части сил 13-й армии были полностью перерезаны. Это была уже не агония армий и корпусов: распадались и перемешивались, превращаясь в неорганизованные толпы, полки, батальоны и роты. Единый военный организм более не существовал, не стало единого командования, отсутствовали порядок и дисциплина. Паника и хаос, смертельный ужас и единственное желание - как угодно выжить, вырваться из этого кошмара.

Десятки тысяч, не представляющие уже реальной военной силы, заполняли леса между Новогрудком и Минском; в центре этого "котла", который позже будут называть "минским" (либо "новогрудским"), находилась обширная Налибокская пуща.

В Новогрудке, в здании бывшего воеводского управления, до 22 июня находились штаб 27-й танковой дивизии 17-го мехкорпуса и опергруппа штаба 13-й армии. Есть упоминание о том, что узел связи армии, развернутый в подвале здания, послужил также и командованию 3-й армии, но подробности отсутствуют.

Лишь в оперсводке № 10 штаба фронта, составленной на 20:00 29 июня, указывается:

"Точных данных о положении частей 3-й армии нет. По отрывочным данным делегата, известно - штаб армии 27.6.41 г. был в Новогрудок, штаб 4-го корпуса 25 и 26.6.41 г. - в Скидель".

Начштаба 58-го железнодорожного полка НКВД капитан Грицаев так писал в докладе своему комдиву:

"Следующая остановка была в районе между Слонимом и Зельвой. Дальнейший маршрут на Новогрудок. В районе одного из урочищ нач[альник] штаба 3-й армии взял руководство всеми колоннами на себя, но в

районе Новогрудок части РККА расплылись и его руководство стихийно отпало".

702

Высоты Новогрудской гряды были весьма удобным местом для сбора людей и занятия круговой обороны, но не нашлось силы, способной вновь поставить их в строй. После 5 июля началась массовая сдача в плен. Отдельные очаги сопротивления решительно и без промедления ликвидировались.

6 июля части вермахта вошли в Новогрудок, и на этом организованное сопротивление советских войск западнее Минска закончилось.

З. П. Рябченко, 38-й эскадрон связи 6-й КД, вспоминал:

"Потом, не доезжая до Минска (мы не знали, какое число), обратно мы попали на минскую дорогу, а там все так же брели солдаты. Лошади у нас устали, мы их взяли, пустили в лес, а сами пошли с толпой. Не доходя до Минска - 3 км - там был какой-то колхоз или совхоз, - а там несметное количество солдат в леске, пройти некому, просто негде присесть, - началась стрельба, солдаты начали стрелять молодняк быков. Кто сколько мог отрежет, в жестянках начали варить. Немцы это разнюхали и начали из пушек расстреливать лес, вот где была настоящая мясорубка: кишки на ветках, на земле тоже мокро.

И вдруг с западной стороны двинулись бронетранспортеры, стреляя на ходу, и весь народ колыхнулся из леса на Минск. Они не подгоняли. Вышли из леса, а Минск - на глазах, 1-2 км. Наступил вечер.

Мы начали входить в Минск, на обочине дороги с обеих сторон стояли танка. Нас обыскали, все, что было у нас, то и бросали в кучу. всю ночь нас вели по Минску, к утру привели на другую окраину города, в поле, а там уже сидят сидья несчетное количество солдат".

Г. Т. Косов, 48-й кавполк, рассказывал:

"... немцы обнаружили нас и бросили большую по численности авиацию, которая начала сильную бомбежку. В этот момент я был контужен

волной от взрыва бомбы и с головы до колен засыпан землей. Как долго я пролежал в этом состоянии, я не знаю. Со слов очевидцев (потом мне рассказали), когда пришли немцы после бомбежки, они увидели мои ноги и рядом немецкий автомат, стали брать автомат и в этот момент извлекли из земли и меня. Я был живым, но в шоковом состоянии. Немцы взяли меня за руки и ноги, забросили на свою автомашину и привезли в лагерь военнопленных в г. Минск. Неопределенное время я еще не понимал, что со мной и где нахожусь".

А. Ф. Марышанов, 48-й ЛАП 13-й дивизии:

"К Слониму бойцы разных подразделений все были перемешаны. Из нашего подразделения оставалось несколько человек в массе

703

солдат, отступающих на Минск. К Минску шли только отдельные, случайно соединившиеся группы, прорывающиеся через окружение и массовые обстрелы. Чем дальше прорывались, тем дальше уходил фронт".

У. А. Билецкий, 444-й корпусной арtpолк, писал:

"Тяжелая и печальная была дорога на восток. Отступая на Волковыск, Любичи, Столбцы, стремились к Минску. Считали, что старая граница крепилась не один десяток годов и враг будет остановлен. И когда пришли к Минску, то узнали, что неделю уже Минск в руках немцев и мы окружены. С окружения выходили группами. Наша группа была обнаружена и обстреляна, я был ранен в ногу и выйти из окружения не смог, попал в плен".

Г. Г. Рак из 2-го дивизиона полка вспоминал, что под Минском немцы по ночам освещали местность зенитными прожекторами и расстреливали всех, кто пытался проскочить заслон. Ему было поручено уничтожить хотя бы один прожектор. Рак сумел подобраться вплотную к зенитчикам и бросил две гранаты: одну - в окно избы, где находились немцы, вторую - в автомашину с прожектором. Но самому Григорию Раку избежать плена не удалось.

В лагере он встретил многих сослуживцев, в том числе замполита 444-го КАП батальонного комиссара Попова. Попов был выдан предателем, жестоко избит и, согласно пресловутому "приказу о комиссарах", расстрелян.

Как маленький штришок, для полноты картины, приведу и это видение происходившего в Белоруссии в конце июня 41-го. Единственным штурмовым полком ВВС Красной Армии, который был полностью переоснащен машинами Ил-2, был 4-й ШАП майора С. Г. Гетьмана 49-й дивизии Харьковского военного округа. Переданный в состав ВВС Западного фронта, он 26 июня покинул свой аэродром и взял курс на Минск. Когда все пять его эскадрилий сели на Быховский аэродром, бывший на их маршруте промежуточным, оказалось, что лететь им дальше, собственно говоря, некуда.

Герой Советского Союза В. Б. Емельяненко, служивший в этом полку, писал, что наводить справки по поводу дальнейшего перелета пришлось у командиров других частей, которые прилетели в Быхов раньше. Как узнали штурмовики, это были остатки полков армейской авиации, подвергшихся ударам в первые же часы войны. И тут выяснились весьма невеселые подробности.

"Гетьман и Рябов разговаривали с очень усталым на вид

704

летчиком с тремя шпалами в голубых петлицах... Гетьман опросил у подполковника:

- *От вас связь со штабом ВВС есть?*

- *Нет...*

- *А где он располагается, в Минске?* - спросил Гетьман. "Если нельзя связаться по телефону, - подумал он, - возможно, придется самому слетать туда, чтобы доложить о прибытии. Медлить нельзя".

- *В Минск уже ворвались немецкие танки,* - огорошил подполковник.

- *А не провокационные ли это слухи?* - спросил Рябов. Но подполковник проявил полное безразличие к этому вопросу. Если бы Рябов знал, что он

разговаривает с командиром части, которая несколько дней назад базировалась в приграничной зоне и на рассвете 22 июня от бомбежки потеряла большую часть самолетов, то такого вопроса он бы не задал.

- Сам туда летал не раз, видел... - сказал подполковник.

- Как же сейчас проходит линия фронта?- поинтересовался Гетьман.

По укоренившейся привычке он уже взял планшет с картой, чтобы нанести обстановку, которую, безусловно, должен знать этот хорошо осведомленный подполковник.

- Никакой линии фронта нам никто пока не давал... То, что самим пришлось наблюдать с воздуха, похоже на слоеный пирог: западнее Минска дерутся наши части, а много восточнее по дорогам движутся на восток немецкие моторизованные колонны".

1-2 июля части германского вермахта крупными силами вышли к Березине в районе Борисова. Группа войск корпусного комиссара И. З. Сусайкова оказалась не в состоянии удержать город и переправы, как не удержали их импровизированные отряды восточнее и юго-восточнее Минска. Не сумела остановить врага, а лишь замедлила его продвижение и срочно переброшенная к Борисову гордость Красной Армии - "Пролетарка", она же 1-я Московская Пролетарская мотострелковая дивизия 7-го мехкорпуса МВО.

Впрочем, это можно было предугадать. Из-за слабости наспеш сколоченных подразделений и несогласованности их действий из-за принадлежности к разным ведомствам (армия, пограничные,

705

конвойные и железнодорожные войска НКВД) устойчивой обороны не получилось. Гордиться тут нечем, вероятно, поэтому в послевоенные годы "березинекую" тему никто не разрабатывал. А жаль, те, кто погиб на Березине (и в междуречье Березины и Днепра), достойны Памяти, ибо они погибли за свою Родину.

Среди тех, кто пытался остановить врага на этом рубеже, были военнослужащие из остатков частей 3,4, 10 и 13-й армий, подразделения 4-го воздушно-десантного корпуса, 226-го конвойного полка и отдельных батальонов 42-й конвойной бригады войск НКВД, бойцы 9-й железнодорожной дивизии НКВД, бронепоезда 73-го и 76-го полков 3-й ЖДД НКВД и 12-го отдельного дивизиона бронепоездов РККА. Боевыми группами в боях на рубеже Березины командовали лично начальник войск Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант И. А. Богданов, его заместитель комбриг А. П. Курлыкин, начальник Минского областного управления НКВД капитан госбезопасности А. Е. Василевский.

Все имеющиеся силы авиации фронта были брошены к Березине, с 28 по 30 июня было потеряно 187 самолетов. Только 96-й дальнебомбардировочный полк лишился восьми экипажей: капитана А. И. Слепухова, старшего политрука И. Ф. Суковицына, старшего лейтенанта В. А. Кононова, лейтенантов А. Д. Чередниченко, В. К. Максимова, Д. А. Белорукова и Ф. Е. Губенкова.

Рост потерь означал также не только высокий накал воздушного сражения, но и то, что фронтовые ВВС получили значительное пополнение из глубины страны (с 25 июня по 16 июля на Западный фронт прибыло 709 боевых самолетов).

Действия ВВС Западного фронта, самоотверженно сражавшихся в небе над Березиной, оказались очень слабо отраженными в военной литературе. Из-за слабости истребительной авиации каждый боевой вылет бомбардировочных и штурмовых частей превращался в групповое самопожертвование.

В. Б. Емельяненко так запомнил один день в конце июня:

"В сторону Бобруйска медленно пролетела в четком строю девятка тихоходных гигантов ТБ-3. Истребители не прикрывали бомбардировщиков. Возвращались через Березину уже шесть машин, а позади носился "мессершмитт". Он заходил в хвост то одному, то другому. Через несколько

минут над лесом поднялось шесть черных столбов дыма. Потом прилетел изуродованный штурмовик Холобаева, с ним столкнулся тоже искореженный бомбардировщик... А вслед за тем приземлился ис-

706

стребитель с неработающим мотором и завертелся волчком в конце пробега. Из кабины вытащили уткнувшегося головой в приборную доску летчика. Молодое, будто выбеленное мелом. лицо, повисшая на лоскуте кожи кисть левой руки в перчатке, и прыгающая стрелка ручных часов... В наступивших сумерках увидели, как с запада на одном моторе тянет со снижением бомбардировщик СБ. Попутный ветер нес его через летное поле прямо на жилые дома военного городка. Бомбардировщик начал отворачивать, его на одном моторе затянуло крен, положило на спину. При ударе о землю взметнулся столб яркого пламени, затрещали в огне патроны, разлетаясь голубыми брызгами".

Мало кого оставила равнодушным сцена в фильме "Живые мертвые", когда над головами ехавших в сторону Бобруйска военных корреспондентов истребители противника расстреляли эскадрилью ТБ-3. Экранная драма имела в своей основе альный эпизод войны, случившийся 30 июня 1941 г., только место устаревших ТБ были новые бомбардировщики ДБ-3ф. Когда картину увидели миллионы советских людей, К. М. Симонов получил письмо от одного из уцелевших участников того боевого вылета. Им оказался "капитан с орденом Красного Знамени", как поименовал его в дневнике журналист, а ныне полковник А. И. Квасов.

212-й отдельный дальнебомбардировочный полк А. Е. Голованова предназначался для проведения разного рода спецопераций и был укомплектован опытнейшими летчиками, в том числе налетавшими тысячи часов в самых сложных условиях пилотами и штурманами ГВФ. Но с первых дней войны он был передан в оперативное подчинение командиру 3-го авиакорпуса Н. С. Скрипко и выполнял те же задачи, что и две его дивизии:

удары по объектам в ближних тылах противника, бомбардировки скоплений войск, колонн мехчастей, аэродромов, мостов и переправ.

30 июня комполка Голованов получил приказ: разбомбить переправы на р. Березине у Бобруйска. В 17:04 эскадрилья лейтенанта В. Вдовина с высоты 800 м нанесла мощный и точный удар по переправам и скоплениям живой силы и техники на берегу. Но почти сразу же от прямого попадания зенитного снаряда взорвалась машина комэска. А затем начался тот расстрел, за которым в бессильной ярости наблюдали с земли интендант 2 ранга Симонов и младший политрук Котов из редакции "Красноармейской правды".

Капитан А. И. Квасов

707

был штурманом экипажа машины с бортовым № 654, командовал экипажем лейтенант Н. А. Ищенко. Огнем атакующего Me-109 был убит стрелок-радист младший сержант Е. С. Кузьмин, затем вспыхнул бензин, вытекавший из пробитых баков в обеих плоскостях. В глубоком пикировании машина пошла к земле. Экипаж выбросился на парашютах, но бомбардир лейтенант А. М. Фейгельштейн был расстрелян в воздухе, а командир тяжело ранен. Штурман неудачно приземлился, поломал ребро, из проткнутого легкого горлом пошла кровь. А потом вес было примерно так, как в фильме:

" - Ваших двух товарищей нашли, но они мертвые, - сказал Синцов.

- Мы тоже уже не живые, - сказал летчик".

В тот день в 212-м ОДБАП из района Бобруйска не вернулось 11 машин ДБ-3ф, из них 8 было сбито на глазах К. М. Симонова. Немцы потеряли один Me-109, причем он был сбит стрелком уже горевшего бомбардировщика. Одну из групп полка в бой водил лично подполковник А. Е. Голованов.

Справка

Н. А. Ищенко был вывезен на Урал, где лечился восемь месяцев. Заслужив за войну звание Героя Советского Союза, он погиб в 1945 г. уже после Победы.

При работе над изданием своих дневников К. М. Симонов нашел в документах 212-го полка представления на него и А. И. Квасова: за мужество, проявленное 30.06.1941 г. при выполнении боевого задания, - обоим к орденам боевого Красного Знамени [108, т. 1, с. 63]. А за много лет до этого, осенью 1945 г., когда Симонов ехал на Дальний Восток, чтобы работать в Японии спецкором "Красной Звезды" при штабе генерала Макарура, между Читой и Владивостоком полковник ВВС спросил его: не виделись ли мы под Бобруйском в июне 41-го? Он оказался еще одним из тех выживших летчиков "той самой" эскадрильи, которых Симонов подобрал в березинских лесах и довез до госпиталя в Могилеве.

Одним из немногих соединений, сумевших выйти из белостокского выступа к Березине, была 7-я бригада противотанковых орудий. В оперсводке штаба Западного фронта № 13 к 8 часам 1 июля 1941 г. указывалось:

"Сведений о положении частей 3-й и 10-й армии не поступило. 7-я противотанковая бригада к исходу 30. 6.41 г. вышла к переправе у Березино".

На следующий день представитель штаба 13-й армии уже отдавал распоряжение командиру 44-го стрелкового корпуса:

"Под-

708

чинить себе все подходящие части, 7-ю авиадесантную бригаду, 7-ю противотанковую бригаду..."

Арестованный Д. Г. Павлов показывал:

"Из 10-й армии с реки Зельвянка оторвалась и вышла 7-я противотанковая бригада. Вышла, не имея ни одного снаряда. Была

остановлена на Березине и немедленно пополнена снарядами для того, чтобы оборонять переправу Березино".

Из донесения зам. начальника управления политпропаганды Западного фронта на имя Л. З. Мехлиеа:

"Личный состав бригады дрался с врагом мужественно, бойцы и командиры на руках вытаскивали пушки на огневые позиции (2-3 километра)... Из-за отсутствия боеприпасов и горючего бригаде приказано [было] отступить. Во время отхода бригада подверглась сильной бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов, она понесла большие потери и рассредоточилась по полкам. Только через 4 дня бригада собралась... Она не имела связи с 10-й армией, не имела базы для пополнения боеприпасов. Командиры полков и командование бригады... организовали сбор снарядов, брошенных отходящими частями, и этим вели бой с врагом" [63, с. 14].

Такое обилие документов, посвященных одной бригаде, можно трактовать только неким чувством радости военного высшего руководства: ура, хоть кто-то вырвался! Особенно если принять во внимание, что 7-я бригада к началу войны формирования не закончила и не имела полностью положенной не только матчасти артиллерии, но даже средств тяги и личного оружия для красноармейцев и командиров.

Когда фронт продвинулся еще дальше на восток и проходил уже за Березиной, в немецких тылах западнее Минска еще продолжались тяжелые бои. Отдельные части РККА, не распавшиеся под ударами противника, продолжали сражаться. О них не сложили стихов, их подвиги не восславили в песнях, книгах и кинофильмах. Убивая немцев и умирая в неизвестности сами, они заслужили лишь полупрезрительное "окруженцы".

Я не могу с уверенностью утверждать, какие советские войска вели арьергардные бои в районе Волковыска, сдерживая врага и давая возможность остаткам 10-й армии уйти на восток, ибо советские и вражеские части так там перемешались, что непонятно было, где фронт, где фланги, где, собственно, тыл. Как писал в своих воспоминаниях участник белорусского

партизанского движения, секретарь ЦК КП(б)Б П. З. Калинин, 29 июня в бою за местечко Россь был тяжело ра-

709

нен в обе ноги и в спину командир 6-й кавдивизии генерал-майор М. П. Константинов. Якобы И. В. Болдин приказал отправить его в Минск, но он к тому времени уже был взят противником. После двухдневных боев в круговой обороне в районе Старого Села, когда отряду удалось вырваться из кольца, оказалось, что раненого генерала нельзя нести даже на носилках. Пришлось оставить его у надежных людей в предместье Минска [62, с. 36].

208-я мотодивизия без 760-го полка с 25 июня имела задачу прикрывать отход 10-й армии по рубежу Наревка - Свислочь - Волковыск. В первые дни боев в районе Беловежской пуши дивизия лишилась почти всей артиллерии, к уцелевшим орудиям уже не было боеприпасов. Атаки отбивали ручными гранатами, огнем стрелкового оружия и штыковыми контратаками.

Волковыск удерживался до 1 июля до последнего патрона и снаряда, правым соседом была 29-я дивизия 6-го мехкорпуса. Под Волковыском удалось разбить вражеский мотоциклетный полк, после чего со стороны противника особо сильного давления не было, кроме воздушных налетов.

Установить связь со штабами 13-го мехкорпуса или 10-й армии полковнику В. И. Ничипоровичу не удалось; несмотря на неоднократные послышки делегатов, приказа на отход получено не было. В ночь с 31 июня на 1 июля 1941 г. остатки 208-й МД оставили Волковыск и отошли к реке Зельвянке, где попали под удар немецкого заслона, понесли потери, но все же прорвались и двинулись севернее Слонима. Комдив полковник В. И. Ничипорович находился в арьергарде с одним из полков, в котором насчитывалось не более 400 бойцов и командиров. В пути остатки дивизии вновь были подвергнуты бомбежкам и обстрелам.

В конце концов комдив остался с командирами штаба и небольшим количеством бойцов, вести организованный бой не представлялось возможным. Попытки связаться с другими частями оказались напрасными. К

Минску полковник Ничипорович вывел 60 человек, вместе с ним вышли заместитель командира полковник Б. Ф. Нестеров, начальник штаба дивизии подполковник С. М. Джиоев и батальонный комиссар Иванов. В Беловежской пуще умер от обострения болезни начальник артиллерии полковник И. К. Недопекин (согласно сводке безвозвратных потерь по 3-й армии 2-го формирования на 20.09.1941 г., полковник Недопекин умер в 8-9 км северо-восточнее д. Порозово). Числятся пропав-

710

шими без вести начальник оперотделения штадива подполковник П. И. Романюк, начальник снабжения майор И. Г. Рыльский, начальник связи подполковник И. А. Лаптев, командир 594-го ОБС капитан П. П. Литвинов.

Когда И. И. Шапиро в середине 80-х годов начала поиски бывших воинов белостокской группировки, ей неожиданно ответил из Москвы Ю. И. Недопекин, сын начарта 208-й. Оказалось, Иван Кузьмич Недопекин был неординарной личностью. Кадровый офицер русской армии, он прошел всю Первую мировую войну. Участвовал в Брусиловском прорыве, был неоднократно ранен, за доблесть в боях заслужил полный бант Креста Св. Георгия, то есть был полным Георгиевским кавалером.

До весны 1941 г. И. К. Недопекин командовал 156-м корпусным артполком 5-го стрелкового корпуса, с него ушел в дивизию. Семья к нему перебраться не успела и встретила войну в Замбруве.

"Несмотря на то что до границы было всего 25 км, нас начали эвакуировать только на вторые сутки войны. За потерянные часы пришлось заплатить очень дорогой ценой: на рассвете 24 июня наша автоколонна была встречена на шоссе между Зельвой и Слонимом (за сутки из-за почти беспрерывных бомбежек немецкой авиации проехали на автомашинах всего около 150 км) подразделениями дивизии "Великая Германия", и после короткого боя около 30 бойцов, младших командиров и наша мама были расстреляны. Мы с сестрой также были ранены: я - легко в ногу, а сестра получила 5 ранений. По-видимому, мы - единственные свидетели этой

жестокой бойни, когда фашисты расстреливали безоружных людей. Ведь у красноармейцев уже не было патронов.

Пролежав в течение недели у крестьян, мы пешком отправились в Бобруйск, на родину. Именно туда мы направлялись первоначально. Мама, окончившая накануне войны полковые курсы медсестер, объявила нам 22 июня, что отвезет нас в Бобруйск, к родственникам, а сама вернется на фронт. Тогда ей оставалось жить меньше 2 суток, а у нас с сестрой впереди были три года долгих скитаний по оккупированной Белоруссии, жизнь на грани смерти...". [76, письмо].

Многие эпизоды боев, которые вели летом 41-го года окруженные войска Западного фронта, скорее всего, утеряны навсегда. Их участников и просто свидетелей безжалостно выкосили война и неумолимый Хронос. Воины, вышедшие из окружения, гибли в боях, имевшие несчастье попасть в плен

711

умирали в адовых кругах концлагерей. Многим посчастливилось уцелеть, но никому в голову не пришло, да никто бы тогда и не позволил, записать "по горячим следам" их воспоминания об июне 1941 г. Те свидетельства, что собрали в 70-80-е годы историки-"любители" (историки-"профессионалы" не сочли нужным "опускаться" до сбора фактов среди непосредственных участников событий), часто дают пищу для раздумий, но не могут полностью прояснить те или иные события.

Вот, например, Л. М. Атрохов пишет:

"В марте месяце этого года я обращался к Вам... вы мне давали адреса служивших в крепости Осовец Белостокской области. И вот Сорокин Николай Иванович на фотографии узнал моего брата лейтенанта Атрохова Евгения Малаховича, командира стрелкового взвода, с которым вместе принял бой 29 июня 1941 года около М. Берестовицы Гродненской области. На автомашине с пулеметом на кабине они пробивались к своим, в одной деревне наскочили на часть немцев и с боем проскочили деревню, но после

того, как выехали на чистое место, их расстреляли немцы. Из 12 человек осталось двое: Сорокин и еще один. А мой брат, а также ком. полка, ком. батальона, интендант дивизии и солдаты погибли. Я связался с Берестовицей, мне ответили, что инцидент такой был, и попросили описать, как я узнал и есть ли очевидцы".

Описанная трагедия каким-то образом связана со 2-й стрелковой дивизией, части которой действительно стояли в районе крепости Осовец и в ней самой, но как ее расшифровать, пока не представляю.

Е. С. Лещенко, младший сержант из 407-го стрелкового полка 108-й СД 44-го корпуса, вспоминал:

"Вечером 1 июля наш 407-й полк пополнился: пришли 3 полковника и 4 подполковника (по-видимому, из разбитых или потерянных полков) и с нашим командованием возглавили марш-рейд прорыва из окружения".

Вот хорошо было бы узнать, откуда в полк пришли сразу семь старших офицеров.

Я уже писал о судьбе начальника штаба 85-й стрелковой дивизии 3-й армии Д. И. Удальцова. По документам ЦАМО он числится пропавшим без вести. Из свидетельств очевидцев явствует, что днем 22 июня полковник Удальцов, узнав по радио о начале войны, попрощался с семьей, посадил в свою служебную "эмку" нескольких командиров, так же, как он сам, оказавшихся вдали от своей дивизии, и уехал в Гродно.

Одним из тех, кто уехал с Д. И. Удальцовым, был редактор ди-

712

визионной газеты "Воин" старший политрук Т. П. Рудаков. Его семья сумела покинуть Белоруссию и поселилась в Коврове. Ничего о судьбе своего мужа и отца известно не было. Осенью того же 41-го года Рудаков неожиданно появился в Коврове. Он заскочил буквально на час, но застал дома только детей (жена была на работе). Оставив супруге записку, бывший редактор "дивизионки" убыл на фронт, где через несколько дней погиб.

Что же было в этой записке? Помимо того что пишет в таких случаях мужчина своим близким, Рудаков просил найти Удальцовых и передать его жене Марии Федоровне, чтобы прочла в одном из летних номеров "Известий" его заметку "16 дней в тылу врага".

После войны вдова Рудакова нашла семью полковника и передала ей фото Д. И. Удальцова вместе с содержанием записки. Газету нашли и прочли заметку. Там Рудаков рассказывал (естественно, без указания фамилий и воинских званий), как полковник Удальцов собирал разрозненные группы отступающих красноармейцев и формировал из них боеспособный отряд для прорыва из окружения. Следовательно, старший политрук был с Удальцовым до конца и мог рассказать о его дальнейшей судьбе. С его гибелью (а Рудаков не успел отправить с фронта ни одного письма) оборвалась последняя ниточка, которая таила в себе надежду на то, что удастся узнать, где и при каких обстоятельствах погиб Дмитрий Иванович Удальцов.

И вот еще одно письмо. Если бы не был верующим...

"Мой отец Зенкевич Адольф Казимирович родился в г. Ленинграде в 1901 году, в 1919-м вступил в Красную Армию. В 1938 году в звании капитана был уволен из армии как политически неблагонадежный поляк, хотя и был членом ВКП(б) с 1922 года. В апреле 1941 г. его восстановили в армии после многих писем Калинин и Ворошилову, которых, по преданию, лично знал мой дед Зенкевич Казимир Викентьевич - рабочий Путиловского [завода]. В это же время его назначили командиром отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (МЗА) № 94 или 93 под Белостоком. Я думаю, что это могла быть 10-я армия...

Последнее письмо мы получили от него 22 июня 1941 г. 15 июня он писал: нахожусь в нескольких километрах от Белостока, получаем новую технику. Писал, что подали документы НКО на присвоение звания майора, что в Сокулках на базаре дешевая свинина и яйца и что он ждет нас с матерью и еще братом Иосифом, который умер от голода в Ленинграде 1 мар-

та 1942 г.

На этом все. Есть документ, что пропал без вести. Искал, писал... Лет 10 тому назад у нас пошла мода говорить с душами умерших. Мы с дочкой вызвали отца. Он "сказал": "Меня расстреляли немцы 28 июня 1941 года под Минском". Белосток - Минск, конечно, это несерьезно" [76, письмо].

Скептики, не верящие в существование души у человека и в ее бессмертие, недоуменно пожмут плечами.

А. Исаев посетовал: "Как же можно в книгу о войне помещать такое письмо".

Е. Дриг был еще категоричнее: "злостный оффтопик".

Можно, в такую очень даже можно. В состав Белостокской бригады ПВО действительно входил 94-й дивизион МЗА (малой зенитной артиллерии). 479-й зенитный полк этой бригады был уничтожен 24 июня под Слонимом, а один из его дивизионов - между Барановичами и Столбцами. 94-й также мог быть на сборах в Крупках и успеть добраться лишь до Минска. Под Минском (в месте с названием Дрозды на западной окраине города) действительно есть небольшая братская могила, в которой похоронили группу советских офицеров, 16-18 человек, РАССТРЕЛЯННЫХ нацистами 28 ИЮНЯ 1941 ГОДА.

Церковь признает возможность общения с душами умерших, но категорически запрещает верующим заниматься оккультизмом. Но тут, я почти уверен, сын комдива получил ответ на свой вопрос. Но не поверил.

"По участку армии непрерывным потоком идут люди и даже части..." И одной из капель в этом потоке был сорокалетний капитан Красной Армии, бывший политзаключенный, поляк А. К. Зенкевич.

О том, КАК сражались, прорываясь на восток, окруженные войска Западного фронта, написано крайне мало. Часто это общие фразы о "героическом сопротивлении" в монографиях и фундаментальных работах, значительно реже - мемуары участников событий с конкретными фактами и

фамилиями. Изданные воспоминания воинов-"окруженцев" все уместятся, пожалуй, в одной небольшой стопке, все, что было издано после 1991 г., также малоинформативно.

После совещания на восточном берегу Щары генералы Болдин и Никитин решили отходить на восток разными маршрутами. И. С. Никитин повел на восток своих конников, Болдин пошел, взяв с собой всего несколько офицеров. В лесах западнее Минска он встретил многочисленную группу войск во главе с командиром 8-й противотанковой бригады полковником И. С. Стрельбицким. Здесь были остатки частей

714

как армий прикрытия, так и окружных резервов. В частности, в район д. Великое (20 км западнее Минска) вышли остатки 59-го полка 85-й СД 3-й армии, до ста штыков, во главе с и. о. командира капитаном Б. М. Цикунковым. Собрав из окруженцев весьма внушительные силы и разбив их на батальоны, отважный комбриг предпринял 1 июля отчаянную попытку пробиться на восток через захваченную врагом столицу Белоруссии. Войска даже захватили несколько улиц на окраине города, но из-за отсутствия противотанковых средств были вынуждены отступить.

Именно в этот момент, когда группа Стрельбицкого снова отошла в леса и приводила себя в порядок, появился И. В. Болдин с адъютантом и несколькими офицерами. Он и возглавил отряд, который позже получил название "лесная дивизия Болдина", но имя его истинного создателя (полковника-артиллериста) при этом обычно не упоминалось.

Кроме самого И. С. Стрельбицкого, в его группе было много старших офицеров, в том числе командир 27-й дивизии А. М. Степанов и начштаба дивизии подполковник Яблоков. Также к Стрельбицкому примкнула группа 21-го стрелкового корпуса в составе управления корпуса и отряда 37-й дивизии вместе с комдивом и начальником штаба. Если верить И. В. Болдину, генералы В. Б. Борисов и А. М. Степанов были настроены подавленно, и ему пришлось приводить их в чувство. Кто не читал ничего,

кроме мемуаров самого Болдина, может даже восхититься: ах какой вы, Иван Васильевич Болдин, мужественный и собранный. А почему же вы из-под Гродно никого не вывели и где ваш танк? Почему с кавалеристами генерала Никитина или мотострелками из 204-й дивизии не пошли?

Е. С. Кришш рассказывал К. М. Симонову:

"Северо-западнее Минска собрались части, с дивизию. Разведка донесла, что близко штаб мотоциклетного полка. Уничтожили штаб. В штабе взяли документы и восемнадцать машин. Тут появились немецкие танки. А у нас было всего два танка и две пушки. Он приказал открыть огонь. Били до последнего снаряда. Отдал приказ прорываться дальше... Переправу занял противник. Генерал сам разведаль брод и на себе вместе с другими перетащил по грудь в воде пятьдесят машин".

Любит старший лейтенант своего начальника. Это и неудивительно. Когда в бою Крицин был тяжело ранен, Болдин метров двести тащил его на себе и этим спас от смерти или плена.

Приняв на себя командование группой, генерал-лейте-

715

нант И. В. Болдин назначил своим заместителем полковника Стрельбицкого и поручил ему организовать сбор оружия и боеприпасов. Началась подготовка прорыва южнее Минска. Но когда батальоны пошли в атаку, их встретили огнем мощные заслоны с танками. Атакующие понесли огромные потери, были рассеяны и отброшены назад.

Когда И. С. Стрельбицкий на танкетке Т-37 вернулся из района боев для доклада, лес, в котором находился Болдин и другие командиры, был подвергнут массовой бомбардировке и артиллерийско-минометному обстрелу. Начались пожары. Пришлось разделить на группы и покинуть лес. В. Б. Борисов повел свой штаб и 37-ю дивизию, с Болдиным снова осталась горстка людей, в том числе Стрельбицкий и Степанов.

3 июля при переходе старой границы они обнаружили, что в дотах находится группа советских военнослужащих. Их возглавлял секретарь

партбюро 245-го гаубичного артполка 37-й дивизии старший политрук К. Н. Осипов. Как написал сам Болдин, Осипов шел с группой однополчан на Молодечно, потом присоединился к группе полковника Бессарина.

Я немало времени потратил на установление личности этого полковника. Уже махнув рукой, вдруг обратил внимание на необычную схожесть фамилий Бессарин и Бисярин. Зам. комдива 24-й СД по строевой части полковник В. З. Бисярин был направлен генералом Галицким в штаб 13-й армии для согласования ряда вопросов, но попал в окружение. Так что, видимо, восприняв на слух искаженную фамилию офицера, И. В. Болдин позже написал о нем в своих мемуарах [10, с. 110].

Организовав в лесу сборный пункт и расставив офицеров по лесным дорогам, удалось, как писал И. В. Болдин, за несколько часов собрать свыше пяти тысяч военнослужащих. 4 июля из собранных людей была сформирована "дивизия": со штабом, отдельными отрядами, прокуратурой и трибуналом. При проверке документов выяснилось, что более двухсот человек сохранили партбилеты. На общем собрании секретарем "лесной" парторганизации выбрали Осипова.

5 июля "дивизия" Болдина перешла в наступление с целью прорыва на восток и соединения со своими войсками за Минском. Начало было многообещающим: бойцы сражались самоотверженно, все контратаки противника были отражены. Тогда немцы ввели в бой несколько десятков танков. За короткое время они расчленили и разгромили советское импровизированное со-

716

единение, из матчасти артиллерии осталось только два 45-мм противотанковых орудия. У Б. М. Цикункова уцелело 63 человека. Штаб И. В. Болдина потерял управление, остатки отрядов начали самостоятельно выходить в заранее условленный район сбора восточнее Минска. Раньше всех туда вышел отряд К. Н. Осипова в количестве до 300 бойцов и командиров. Вновь началось формирование.

И вот отсюда в мемуарах генерала начинается самое любопытное. Он описывает, как создавалась разведгруппа, какие данные она приносила. Пишет о нападениях на немецкие штабы, о разгроме гарнизона в деревне Журавы, где были взяты богатые трофеи, в том числе радиомашинны. Численность "лесной дивизии" была тогда около двух тысяч. Приводятся фамилии: капитаны Тагиров и Баринов, политрук Булгаков, старший политрук Ефремов, майор Пахомов. Хронологии событий нет, но можно предположить, что до 10, от силы до 15, июля произошло все описанное И. В. Болдиным. И вдруг на 130-й странице мы видим, что в повествовании возникает разрыв минимум в 10 дней. В конце июля Болдин "со товарищи" останавливается на отдых в Берлинском лесу, но сколько их туда дошло и что происходило до этого, не указывается. Странно и непонятно. Я еще вернусь к этой "дивизии", чтобы попробовать разгадать эту неясность.

* * *

Вопрос. Чем характеризовалась первая декада июля для командования Западного фронта?

Ответ. Отсутствием основной части войск, окруженных в нескольких "котлах" западнее Минска, и отсутствием достоверной информации о них.

Немцы форсировали Березину и продвигались к Днепру. 3 июля И. В. Сталин выступил по радио, и над всей страной пронеслось: "Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!"

Из боевого донесения начальника инженерного управления Западного фронта начальнику ГВИУ РККА от 4 июля 1941 г.: "[Из] состава частей 3-й армии вышли остатки саперного батальона 4-го стрелкового корпуса [в] составе помощника командира батальона, одного среднего командира и сорока бойцов... Из управлений начальника строительства вышлп и продолжают работу: 71-е управление начальника

строительства - Могилев; 72-е управление начальника строительства - ст. Быхов и район Смоленск[а]; из 73-го управления начальника строительства вышел 15-й участок, отдельные командир и бойцы; [из] 74-го управления начальника строительства вышли группы людей до состава участка во главе с главным инженером тов. Ляшкевичем".

Однако начальник ИУ генерал П. М. Васильев не указал в донесении, что, кроме самого военинженера 1 ранга Ляшкевича и его людей, с ними вышла большая часть управления 62-го УРа во главе с комендантом генерал-майором М. И. Пузыревым. Впрочем, сапер докладывал о саперах, которые строили укрепрайон и были подрядчиками, об урвцах - заказчиках должен был докладывать пом. командующего по УРа генерал Михайлин, но его к этому времени уже не было в живых - он был убит под Берестовицей при воздушном налете еще 23 июня.

Из оперсводки штаба Западного фронта № 21 к 20:00 5 июля 1941 г.:

"Данные о положении и действии частей 3-й и 10-й армий, 21-го стрелкового, 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов не поступают с 26-27.6.41 г. 2-й эшелон штаба 3-й армии в составе 180 человек, выйдя из окружения, прибыл и разместился в районе Гусино. Указания об отходе были получены от командующего 3-й армией в 18.00 26.6.41 г. в Б. Берестовица. Оперативная группа (КМГ. - Д. Е.) должна была отходить в ночь на 27.6.41 г. на Пески, где для нее был наведен мост 35-м понтонным полком".

Видимо, как раз этим мостом воспользовался - и после прохода своих частей взорвал его - генерал Мостовенко.

В эти сводки не попали, да и не могли попасть, события, произошедшие 3 июля в Минске, 4 июля - у деревень Гуды и Липнишки Лидского района, 4 июля - у станции Лесная под Барановичами и 7 июля - в районе Слонима.

3 июля на Могилевском шоссе на въезде в Минск показался средний танк Т-28... К началу войны эта машина находилась на хранении на 105-м

окружном автобронетанковом складе. К 27 июня, когда стало ясно, что высшее командование начисто забыло про этот склад, его начальник майор Денисковский самостоятельно принял решение об эвакуации в тыл наиболее ценного имущества.

Старший сержант сверхсрочной службы Д. И. Малько, заведовавший одним из хранилищ, попросил у майора разрешения спасти ценную боевую машину, тот согласился. В качест-

718

ве механика-водителя танка Малько принимал участие в боевых действиях в Испании и кампаниях в Монголии (Халхин-Гол) и на Карельском перешейке.

Заправив танк бензином и маслом, запасшись патронами и отправив в деревню беременную жену, он повел танк по Могилевскому шоссе. При подходе к райцентру Червень колонна 105-го склада была обстреляна самолетом противника, пуля перебила трубку подачи топлива в карбюратор двигателя Т-28. За час Д. И. Малько устранил неисправность, но за мостом через Березину его остановил полковник в форме танковых войск - с этого момента у защитников моста в Березино появилась танковая поддержка.

Утром 2 июля командир 2-го корпуса генерал-майор А. Н. Ермаков направил Малько и сержанта Звонарева для наблюдения за шоссе, на западном берегу танк еще раз сменил хозяина. На этот раз это был майор Михайлов не то из Минского танкового училища, не то еще откуда-то, и четыре курсанта с ним. На найденном поблизости складе сборный экипаж загрузил танк боеприпасами, после чего было решено прорываться через Минск на Смоленское шоссе. Была вторая половина дня 3 июля.

Т-28 проехал железнодорожный переезд, трамвайное кольцо и оказался на улице Ворошилова. У здания ликеро-водочного завода увидели первых оккупантов; десятка два солдат вермахта грузили в автомашину ящики с бутылками и не обратили никакого внимания на танк. Когда с ними было покончено, танк раздавил грузовик с водкой, переехал по деревянному мосту

через Свислочь и свернул на Ульяновскую улицу. Он миновал рынок, и вдруг из-за угла улицы Ленина навстречу ему выскочила колонна мотоциклистов. Они двигались как на параде, ровными рядами.

Малько вспоминал:

"Майор не сразу дал команду на открытие огня. Но вот я почувствовал его руку на левом плече - и бросил танк влево. Первые ряды мотоциклистов врезались в лобовую броню танка, и машина раздавила их. Следовавшие за ними повернули вправо, и тут же я получил новый сигнал от майора и повернул танк направо. Свернувших мотоциклистов постигла та же участь. Я видел в смотровое отверстие перекошенные от ужаса лица гитлеровцев. Лишь на мгновение появлялись они перед моим взором и тут же исчезали под корпусом танка. Те из мотоциклистов, которые шли в середине и хвосте колонны, пытались развернуться назад, но их настигали пулеметные оче-

719

реди из танка. За считанные минуты колонна оказалась полностью разгромленной».

Так начался легендарный рейд одинокого советского танка по улицам уже неделю как оккупированного Минска. Легендарный тем более, что это единственное боевое применение танков типа Т-28 на территории Белоруссии.

Одолев крутой подъем на улице Энгельса, он поравнялся со сквером у театра имени Янки Купалы и обстрелял группу гитлеровцев, скопившихся там. Ведя на ходу огонь, танк вырвался на центральную Советскую улицу. Свернув направо, Д.И.Малько повел боевую машину вперед по узкой улице в сторону окружного Дома Красной Армии, возле которого майор скомандовал повернуть направо. На Пролетарской улице водитель остановил свою громадину. Вся улица оказалась забитой вражеской техникой - грузовиками с оружием и боеприпасами и автоцистернами. У реки громоздились штабеля ящиков, стояли полевые кухни, в Свислочи купались солдаты; за рекой, в парке имени Горького, под деревьями стояли танки и САУ.

Т-28 открыл по врагу огонь из всех стволов. Майор Михайлов вел огонь из орудия, а курсанты расстреливали противника из пулеметов. Водитель видел в смотровую щель, как вспыхивали вражеские машины, как взрывались автоцистерны и в Свислочьтеклиручьи горящего топлива. Почти вся колонна, заполнившая Пролетарскую улицу, была разметана так, словно по ней пронесся смерч. Повсюду стояли и валялись горящие остовы и обломки машин, горели развороченные автоцистерны; все было покрыто трупами.

После этого Д.И.Малько снова вывел Т-28 на Советскую улицу и повернул вправо, проехал мост через Свислочь, мимо электростанции. Справа, в парке имени Горького, заметили новое скопление противника — под кронами деревьев стояло десятка два автомашин, несколько танков и самоходок. Немцы, стоящие возле них, тревожно всматривались в небо, полагая, что грохот рвущихся боеприпасов со стороны Пролетарской следует расценивать как последствия налета советской авиации. Но опасность подстерегала врага не с неба, а с земли.

Первый выстрел был сделан из пушки, заговорили пулеметы центральной и правой башен. Начали рваться боеприпасы, вспыхнула факелом бензоцистерна, все окутал густой черный дым. Когда осталось шесть снарядов, танк прекратил огонь и на предельной скорости понесся по улице. Он проехал Круглую площадь, преодолел подъем, поравнялся с Долгоброд-

720

ской. Танк поднялся на гребень улицы, и Малько увидел впереди район Комаровку, от которой было 2-3 км до городской черты. Улина Пушкина, а за ней и Смоленское шоссе.

Но в районе старого кладбища краснозвездный танк попал в прицелы батареи ПТО, которая открыла по нему беглый огонь. Один из снарядов попал в башню, но дал рикошет. Отчаянно маневрируя в кольце разрывов, Т-28 мчался вперед, казалось, что прорыв закончится удачей. Перед развилкой

дорог очередной снаряд попал в моторное отделение, пробил кормовую бронеплиту и вызвал пожар. Однако мотор продолжал работать, и объятый пламенем танк продолжал двигаться, пока третий снаряд не остановил его окончательно.

"Я увидел майора, отползавшего от танка и отстреливавшегося из пистолета. Из башни выбрались двое курсантов, но один был сразу убит, а другой, кажется Николай, пополз к забору. Я тоже побежал через улицу, вскочил во двор какого-то дома из красного кирпича, заметив на нем табличку "Минская юридическая школа". Во дворе отдышался, присел. Кровь по-прежнему текла по лицу, я стер ее носовым платком и зажал рану. Голова гудела, все плыло вокруг в каком-то тумане. Последнее, что осталось в памяти, - это сильный грохот в той стороне, где остался наш танк, - взорвались последние снаряды..."

Раненый танкист сумел избежать плена и перешел линию фронта в составе небольшой группы; День Победы Д. И. Малько встретил в Кенигсберге. Стараниями красных следопытов через двадцать пять лет тайна легендарного экипажа была раскрыта. и к боевым наградам Малько прибавился еще один орден. Но установить личность майора Михайлова и его судьбу не удалось, а из остальных членов экипажа нашелся только бывший курсант Н. Е. Педан. Он тоже был ранен, схвачен немцами и всю войну провел в лагерях военнопленных.

4 июля в районе Лиды после более чем 100-километрового рейда по вражеским тылам был по частям окружен и прекратил существование 213-й стрелковый полк 56-й дивизии, тот самый полк, что доблестно сражался 22 и 23 июня в окружении на берегу Августовского канала.

С. С. Ракитянский из музвзвода полка рассказывал, что после переправы через Неман у деревни Гожа они пошли на восток. Шли лесами вдоль дороги. По пути разгромили колонну автомашин немецкого батальона связи, пополнили запасы продуктов и боеприпасов. Также взяли сейф с казной (140 тысяч рейхсмарок) и докумен-

тами. Начфин полка предлагал солдатам разобрать марки, но стоявший рядом с ним младший лейтенант, прибывший из Гомельского училища в субботу 21 июня (его фамилию даже не успели запомнить), сказал: *"Вы лучше сберегите свои головы"*.

Когда сейф со знаменем батальона, документами и деньгами понесли в лес, на них наскочила немецкая разведка, завязалась перестрелка. Длилась она минут 12-15, немцев отбили, но начался артобстрел. Понесли потери, был смертельно ранен и тот неизвестный младший лейтенант.

Шли по лесам и болотам, таща на себе технику и вооружение; в полку было около 150 раненых. Когда подошли к Лиде, с горечью узнали, что она занята противником.

Бывший командир пульроты В. И. Панченков вспоминал, что комполка Яковлев, замполит Черных и начштаба капитан Царенок проинформировали начсостав о положении дел и посоветовались, как быть: выходить дальше полком или группами. Решили выходить поротно. К Панченкову и его людям присоединились артиллеристы, пограничники и другие военнослужащие.

Позже В. И. Панченков узнал, что штаб полка около Лиды был окружен и уничтожен. Замполит батальонный комиссар К. Черных застрелился, майор Яковлев был пленен. Знамя полка закопано в землю и не найдено по сей день.

Некоторые подробности последних боев подразделений 213-го СП удалось установить по данным клуба "Поиск-56". Ленинградец Т. А. Воронин был в 1941 г. сержантом, художником полкового клуба, участвовал в финской войне. Вообще, все командование полка участвовало в финской кампании.

Воронин рассказывал, что бой завязался внезапно на окраине Лиды. Передвижение большой массы военных было замечено немецкими мотоциклистами. В ходе ожесточенной перестрелки с ними одному экипажу все же удалось проскочить в Лиду. Весь гарнизон Лиды был поднят по

тревоге, вскоре на помощь мотоциклистам подошло подкрепление. Тяжелый и затяжной бой продолжился в небольшой лесной роще. Бойцы 213-го отразили несколько атак. Росли потери с обеих сторон, бой то утихал, то вновь разгорался.

К вечеру к месту боя по железной дороге было переброшено еще одно подкрепление. Оно также получило достойный отпор, было подожжено несколько вагонов. Но у красноармейцев полностью иссякли боеприпасы, и только наступление темноты отсрочило трагедию.

Ракитянский писал, что майор Яковлев приказал унич-

722

тожить тяжелое вооружение и технику и пробиваться дальше отдельными группами. За ночь штаб 213-го с охраной успели пройти еще километров 10 дальше за Лиду. Утром 4 июля немцы окружили их в районе Липнишки. Соппротивление было недолгим - не было боеприпасов, не было сил. Множество раненых, голодных и усталых воинов было пленено. Немало командиров покончило с собой, политработников немцы расстреляли сами.

Несколькими днями позже остатки геройского полка пригнал и в Лиду. Оттуда их отправили в Фолюш, а затем - в печально знаменитый огромный лагерь в Сувалках, где под открытым небом умирали в нечеловеческих страданиях десятки тысяч советских солдат и офицеров.

Спустя неделю в Сувалки пригнали еще одну колонну пленных. В ней находились командир 213-го полка Т. Я. Яковлев со своим водителем Володей и начфин полка, предлагавший бойцам разобрать взятую у противника казну.

Судьба майора Яковлева осталась неизвестной. Его сын, проживающий в Калуге, в 1986 г. установил на одном из дотов у Сопоцкина мемориальную доску.

В 1966 г. в ходе земляных работ на строительстве для совхоза у деревни Гуды было вскрыто неизвестное захоронение советских военнослужащих, относящееся к лету 1941 г. Только в одном из раскопов

были обнаружены останки 56 человек, оружие и личные вещи. Удалось установить личности 7 человек, в том числе политрука С. Г. Сазонова, но откликнулись только родные Сазонова, Коляденко и Реутова.

Среди вещей в могиле нашли большие наручные часы, выпущенные Кировским часовым заводом в Москве. После того как их очистили от земли и завели, они, пролежав в земле 25 лет, пошли. Второе чудо произошло, когда сестра рядового 213-го СП А. П. Реутова Тамара передала поисковикам его фото. На фото были четко видны точно такие же часы на левой руке солдата. Сейчас они находятся в музее города Лида. А останки воинов захоронили в братской могиле, поставив над ней скромный обелиск со звездочкой. Могила находится у дороги и хорошо видна; каждый год 22 июня немногие уцелевшие однополчане стараются приехать туда, чтобы поклониться павшим.

4 июля в районе ж.-д. станции Лесная наткнулись на немецкую засаду и были расстреляны противотанковыми орудиями последние уцелевшие машины Т-26 50-го танкового полка. Как вспоминал танкист Т. И. Шевченко, с невероят-

723

ными трудностями их сумели вывести из района юго-восточнее Белостока, заправляясь топливом из разбитой техники на местах прошедших боев.

П. И. Стародубец вспоминал:

"Танки без горючего нам Сопов и Пожидаев приказывали уничтожать. Кувалдой свечи в двигатель забивали, таким способом танк был уже выведен из строя. Пулеметы и замки с пушек снимали, разбирали и в разных местах зарывали в землю, а рации сдавали на автомашину по приказу Пожидаева и Сопова".

Головным шел танк, в котором находился комбат-2 50-го ТП капитан М. В. Сопов. Ударом снаряда с него была сорвана башня, капитана Сопова и башенного стрелка разрезало пополам, был убит и механик-водитель

Денисенко. В машину Т. И. Шевченко попало два снаряда (один - в башню, второй - в переднюю часть корпуса), командир роты лейтенант Ипатов и стрелок Антропов были убиты. На счастье Шевченко, тяжело раненного в правую ногу и правое плечо и получившего сверх этого множество мелких осколков, Т-26 не загорелся. Танкист смог покинуть подбитую машину, а спустя несколько часов мимо него проехал грузовик-полупотроха. Сидевшие в нем воины-пограничники подобрали механика-водителя и вместе со своими ранеными каким-то чудом сумели вывезти из окружения; они добрались до Вязьмы, где сдали раненых в госпиталь.

Предполагать, что под пограничников могли работать "бранденбургеры" или абвер и раненые были только прикрытием, как-то не хочется.

Справка

Известно, что, потеряв в боях 22-24 июня все танки своего батальона, капитан Сопов находился в штабе полка, выполняя различные поручения, и вместе со штабом отступал к старой границе. Вместе с ним находился и комбат-3 Т. И. Шевченко. П. И. Стародубец вспоминал, что вражеская авиация рассеяла штабную группу 50-го ТП западнее Минска, точнее установить не удалось. Судьба майора М. С. Пожидаева и начштаба полка капитана А. С. Шевченко неизвестна по сей день. Т. И. Шевченко повезло больше. Он прошел всю войну, заслужив звание Героя, и вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта танковых войск. Был Председателем ЦС ДОСААФ.

После боя на окраине Белостока 128-й дивизион ПТО 86-й дивизии пробивался на восток в одиночку. Был короткий бой с группой автоматчиков на юго-западной окраине охваченного огнем Волковыска. В районе Зельвы

удалось артогнем и пулеметами рассеять немецкий заслон и пробиться дальше.

7 июля

724

остатки дивизиона подошли к Слониму. После ожесточенных боев за город немцы давно ушли дальше на восток, оставив для охраны железнодорожной станции и линий на Барановичи и Волковыск - Белосток пехотный батальон, усиленный артиллерией и минометами. Старший лейтенант Б. Х. Алимбаев принял решение прорваться через р. Щара под покровом темноты. Немцы встретили советских солдат шквальным огнем.

Неравная схватка длилась всю ночь и иод утро, но прорваться на тот берег не удалось. Были потеряны все орудия, тягачи и автомашины, кончились боеприпасы. В живых осталось семь человек. Разбившись на две группы, лесами пошли на восток. В августе вышли к своим в полосе 21 -й армии. 9 мая 45-го подполковник Б. Х. Алимбаев встретил на средней Эльбе в должности командира 286-го минометного полка РКК.

Кроме самого командира, из окружения вышла (но уже в полосе 13-й армии, на участке 132-й дивизии) начальник арттехслужбы дивизиона воентехник 1 ранга М. Л. Матвеева. Отважная женщина служила затем в штабе артиллерии Брянского фронта, закончила войну гвардии майором, начальником арттехслужбы 120-й гвардейской дивизии.

Одним из немногих соединений Красной Армии, которые сохранили боеспособность, попав в окружение в Западной Белоруссии, была 24-я Железная дивизия. После удачных боев 25 июня в районе Трабы - Субботники ей все же пришлось отступить. В один из переходов дивизия проследовала краем Налибокской пуши. К старой государственной границе ее части подошли 3 июля, но оказалось, что сооружения Минского укрепрайона заняты противником (частями все той же печально "известной" 29-й дивизии из группы Гудериана).

После нескольких неудачных атак на КП дивизии неожиданно прибыл командир 21-го корпуса генерал-майор В. Б. Борисов. Он приказал комдиву 24-й прорвать 4 июля оборону противника и вывести в направлении пос. Узда корпусное управление и остатки 37-й стрелковой дивизии полковника А. Е. Чехарина.

По словам бывшего работника штаба 245-го ГАП В. В. Черношея, 37-я дивизия до 29 июня вела боевые действия на территории Вороновского и Ивьевского сельсоветов северо-восточнее и восточнее Лиды. После ожесточенных боев обескровленные и лишившиеся большей части вооружения подразделения 37-й СД отошли в сторону Гавья, Ивье, Бакшты, а затем - в общем направлении на Минск. Под Лидой

725

погибли замполит дивизии и замполит 245-го арtpолка полковые комиссары Н. П. Пятаков и В. Г. Завьялов.

Прорыв прошел удачно, немцы были выбиты из Узды, но комкор-21 сложил при этом свою голову. Эту локальную операцию можно считать последними по времени организованными действиями советских войск в приграничном сражении в западной части Белоруссии.

6-7 июля, разгромив в районе Слуцка тылы мотодивизии СС "Райх", 24-я ушла в Полесье. Генерал К. Н. Галицкий намеревался вывести дивизию на Рогачев, но 10 июля ее подразделения были атакованы частями 43-го армейского корпуса вермахта с танками и при массивной поддержке авиации. Прорваться на восток не удалось, и Железная дивизия повернула на юг, еще дальше в глубь пинских болот.

Самое позднее сообщение о боях к западу от Минска относится к 11 июля 1941 г. Там, у хутора Сосенки, чуть севернее Столбцов, в южной части Налибокской пуши, 479-й пехотный полк 258-й ПД 7-го армейского корпуса 4-й полевой армии, следуя маршевым порядком, наткнулся в лесу на остатки какой-то советской части. По оценкам самих немцев, там было до двух батальонов пехоты с тяжелым вооружением. Боеприпасов у них, вероятно,

было крайне мало, и нацисты одержали победу, несмотря на отчаянное сопротивление.

"Бой в лесу был тяжелым и каверзным для наших войск и потребовал от наших солдат больших нервных затрат... Снова и снова наши углубившиеся в лес части подвергались обстрелам с тыла. Почти везде в наших рядах обнаруживались бреши, через которые просачивались русские. Хорошо замаскировавшиеся на деревьях стрелки противника вступали в бой и открывали огонь только, когда видели в прицелы своего оружия спины наших солдат. Такой неожиданный для наших солдат стиль ведения боя создал им немало трудностей".

В ходе побоища - иначе назвать не могу - было убито 580 человек, из них 14 офицеров, три политработника, два врача и две женщины. В плен же было взято всего 69 военнослужащих, в том числе четыре офицера. В числе трофеев было три гаубицы калибров 122 и 152 мм, три пушки калибра 76 мм, 12 противотанковых орудий и три зенитных. Потери немцев были значительно меньшими: 27 убитых и 69 раненых. Указывалось, что в ликвидированном подразделении имелась радиостанция, но она работала только на прием; действиям его командира полковника Соколова немцами была дана высокая оценка.

726

Первоначально я с горечью подумал - еще один "глухарь", ничего уже не установишь. Одного Соколова, начштаба 1-го корпуса, я вспомнил сразу. Он значится пропавшим без вести с 28 августа 1942 г. Это мало что говорит, ибо в таких случаях дата часто показывает не реальное время исчезновения командира, а дату регистрации данного факта в Управлении кадров, но все же мне показалось, что это - "не тот" Соколов. Прошли сутки, и я вспомнил, что еще один Соколов был где-то в 21-м корпусе. Начал лихорадочно шарить по файлам и вскоре нашел.

С. И. Яничкин, 247-й стрелковый полк 37-й дивизии, батарея ПТО, рядовой. Его печальный рассказ расставил все точки над "i". Совпало все: и

фамилия командира, и дата. Не было лишь привязки к местности и уверенности, что полк мог уцелеть в тылу врага до такого позднего срока.

"Разведка доложила, что соседние части уже отступили и мы оказались в окружении. По-прежнему укрывались в лесу, маскировались. Взятый нами проводник для того, чтобы вывести подразделения через болотистую местность, сбежал. Продовольствия у нас уже не было, питались тем, что могли найти в лесу. К местным жителям не обращались, боясь выдать себя. Все села были заняты гитлеровцами. Однажды утром, когда рассеялся густой туман, наводчик первого орудия Березнягов увидел вблизи немецкого автоматчика с эмблемой черепа на пилотке - прогремел выстрел. В нашу сторону полетели две гранаты. Березнягов погиб. Цепь немцев отступила от опушки леса, нас стали обстреливать из минометов. Вспыхнул пожар. Сухие сосны горели как порох.

Суматоха началась после того, как в своей палатке застрелился командир полка, видимо, не надеявшийся на прорыв. Все спасались, как могли. Раненые были брошены на произвол судьбы и сгорели в пламени пожара. Так 11 июля 1941 года 247-й стрелковый полк прекратил свое существование. В живых осталось лишь около 40 человек. В заброшенном окопе я был пленен вместе с винтовкой без патронов. В плен попал и раненный в плечо мой командир лейтенант Суворов. Я перевязал ему рану, командир попросил не называть его лейтенантом. В колонне пленных встретился мне и командир третьего взвода. Он тоже просил меня звать его только Василием" [76, копия].

29 июня 2007 г. было произведено обновление ОБД, во вновь выложенных списках потерь комначсостава Западного фронта "пробился" и командир 247-го СП Соколов Демьян Макаро-

727

вич. Можно подавать представление на изменение данных в ЦАМО, чтобы вместо "пропал без вести" значилось "в безвыходных обстоятельствах в бою в условиях окружения покончил жизнь самоубийством".

К середине июля людская река, текущая на восток от Белостока, Гродно и Минска, стала заметно мелеть. Еще 8 июля командующий группой армий "Центр" фельдмаршал Федор фон Бок в своем приказе с гордостью заявил:

"Сражение в районе Белосток - Минск завершено" [22, с. 19]. К этому времени в плен, по немецким же данным, попало 287 704 военнослужащих Красной Армии.

Армейские части 2 эшелонов и подразделения полевой жандармерии "зачищали" оккупированную территорию, рыскали по полям и селам, прочесывали леса, вылавливая несдавшихся. Когда им встречались еще не потерявшие боеспособность остаточные группы и отряды, завязывались перестрелки и даже серьезные боестолкновения.

Так, в донесении отдела 1а штаба 167-й пехотной дивизии 47-го корпуса 2-й танковой группы от 26 июля описываются действия 14-17 июля по ликвидации остатков трех советских дивизий на левом берегу Березины, под Осиповичами. В донесении имеются ссылки на результаты допросов пленных красноармейцев, из которых видно, что при прочесывании лесного массива 167-я ПД столкнулась с отрядами 17, 37 и 121-й стрелковых дивизий, входивших в резерв командующего войсками ЗапОВО. 121-я дивизия оказалась в этих лесах после того, как была разрезана на части танками противника при его прорыве на Столбцы и Дзержинск и отброшена на восток от шоссе Барановичи-Минск; дивизии 21-го корпуса вышли туда после совместного прорыва заслона на старой госгранице в направлении Рубежовичи - Узда, в котором кроме них принимали участие 24-я дивизия К. Н. Галицкого, сводный отряд 11-го мехкорпуса и управление 21-го корпуса.

Потом отряды разделились и каждый пошел своим маршрутом. 17-я и 37-я дивизии имели, по рассказам пленных, около 1000-1200 военнослужащих; 121-я дивизия насчитывала не менее 3000 красноармейцев и командиров с немногочисленной артиллерией. Были названы командир 37-й СД полковник Чехарин и командир корпуса генерал-майор Борисов.

Командирами 17-й и 121-й дивизий были названы полковник Зибиров и генерал-майор Сегов, но эти фамилии мне ничего не говорят. Более того, в кадрах РККА и НКВД генерал Сегов никогда не зна-

728

чился, вероятно, кто-то из допрашиваемых пленников просто решил "поездить по ушам" германских штабных офицеров.

Остатки советских частей имели еще деление на полки и отдельные подразделения, но полностью отсутствовали тылы, и почти не было боеприпасов. Их целью было переправиться на восточный берег Березины, так как они предполагали, что там проходит линия фронта.

Артиллерийский огонь, открытый в ночь на 15 июля по окруженцам, нанес им большие потери, внес смятение и рассеял их. Разбившись на малые группы, советские воины пытались просочиться сквозь кольцо немецких войск, чтобы таким образом обрести свободу. Одни офицеры уговаривали солдат не сдаваться, а продолжать сопротивление, другие добывали гражданскую одежду и бросали своих подчиненных. Только одна группа числом до 1000 человек продержалась до утра 17 июля, но при попытке вырваться из леса попала под огонь пулеметов и была уничтожена.

Штаб 37-й стрелковой дивизии 16 июля находился в д. Горожа (их две, Большая и Малая, какая именно, немцы не уточняли), вне кольца прочесывания. В нем еще оставалось 40 командиров с таким же количеством рядовых. Когда он из Горожи вышел к перекрестку дорог на деревни Брицаловичи и Чучье, рядовые разбежались, поддавшись, видимо, агитации немецких листовок-пропусков.

В конце донесения приводятся данные о потерях и трофеях. Убыль: убито 64 (из них восемь офицеров), ранено 134 (из них четыре офицера), 10 упряжек, 4 орудия (из них одно зенитное). Взято: 3 танка, 47 автомобилей, 7 мотоциклов, 2 автоцистерны (все большей частью поврежденное), 10 зенитных орудий, 2 легких полевых орудия, 7 пулеметов, полевая кухня, чемодан с банкнотами Госбанка СССР (передан в отдел IVa), большое

количество винтовок и автоматов, на станции Брицаловичи обнаружено 3 эшелона с боеприпасами (очень жаль, что их не нашли окруженные, неизвестно тогда, чем бы все закончилось).

Можно вроде бы и поверить донесению, но только лишь отчасти. Как известно, отряды вышеназванных дивизий из окружения все же вышли. Рассеять еще не значит уничтожить. Нельзя исключать, что наиболее опытные командиры, тот же полковник А. Е. Чехарин, вновь собрали своих людей и повели их дальше на восток.

С особым старанием немцы выискивали тайные лазареты и швыряли раненых за колючую проволоку. В районе поселка

729

Узда в импровизированных госпиталях находилось более 300 воинов, подобранных на местах боев жителями деревень Тарасове и Ратомка. Более ста солдат и командиров вылечили начсанслужбы 288-го саперного батальона 21-го стрелкового корпуса военврач 3 ранга Ф. Ф. Кургаев и военфельдшер Е. В. Саблер. В Тарасово оказались комдив-2 383-го артполка Туровец и оружейный мастер из 284-го стрелкового полка старшина Т. А. Максимов. Но нацисты нашли раненых и многих безжалостно убили. Погибли и герои-медики, до конца выполнившие свой долг.

По данным Архива ВМД, Кургаев Федор Федорович был расстрелян по доносу провокатора в ночь на 3 апреля 1942 г. Саблер Ефим Владимирович, как воентехник 2 ранга, проходит по кадрам санитарного управления, значится пропавшим без вести 25 июня 1941 г.

И. С. Туровец попал в лагерь, но организм справился с тяжелым ранением, и он выжил. Бежав из плена, молодой офицер воевал начальником штаба партизанского отряда, а потом продолжил службу в армии. Вторая мировая война для майора Туровца закончилась на Дальнем Востоке.

Иногда немцы сами собирали советских раненых и свозили их в наши же лечебные учреждения, откуда выживших все равно потом забирали в лагерь. П. В. Жигалко писал, что немцы приехали в Дятлово утром 5 июля.

Осмотрев сарай, они убедились в том, что все лежащие в нем раненые являются тяжелыми и неходячими, пошвыряли их в грузовик и привезли в дятловскую больницу. Потом они уехали, оставив раненых на попечение главврача Винника и другого медперсонала.

Все медикаменты и продовольствие немцы забрали, поэтому Винник обратился за помощью к местному православному священнику Комару. Во время первой же службы батюшка обратился к прихожанам с призывом помочь больнице. Жители деревни (белорусы, поляки, русские) оказались настоящими патриотами, благодаря им все раненые были накормлены, нашлись и кое-какие медикаменты. Жигалко запомнил имена и фамилии многих женщин, в том числе попадьи Лидии Иосифовны Комар.

А в августе излечившихся забрали в лагерь в Слониме. Там оказалось, что администрации прислуживает бывший военнослужащий их батареи Мецлер. Он выдавал коммунистов и комсомольцев, но израненных Железкина и Жигалко не признал.

Вообще, в истории всех поражений нашей армии в Вели-

730

кой Отечественной войне участь военных медиков и их подопечных - раненых - изучена и освещена менее всего. Сколько сгинуло в окружениях госпиталей и медсанбатов, сколько колонн санитарных машин и повозок легло под гусеницами танков - нет данных. Сколько врачей пропало без вести - нет данных. Кто-то бросил раненых и канул в неизвестность в одиночку, кто-то попал вместе с ними в плен, кто-то с ними вместе погиб.

Колонна 112-го медсанбата 13-й СД при движении на Белосток из района Замбрува попала под удар авиации, много раненых и медперсонала погибло.

Начальник санитарной службы дивизии военврач 2 ранга В. В. Прудников: видели в окружении, был небритый, грязный, с автоматом на шее.

Начальник белостокского госпиталя, развернутого затем в Чрвоном Бору, в бывшем имении князя Любомирского, военврач 2 ранга Ш. И.

Фридмо: пропал без вести, со слов одного из врачей, добровольно остался с ранеными в окружении.

Оба не проходят даже по Архиву военно-медицинских документов.

Военврач 3 ранга Лизогуб, командир 48-го медсанбата 85-й стрелковой дивизии: судьба неизвестна.

Военврач 2 ранга Зинченко, командир 29-го медсанбата 29-й танковой дивизии: судьба неизвестна.

Военврач 2 ранга Вольпер, начальник 2386-го Волковысского военного госпиталя. Военфельдшер (впоследствии майор медслужбы) А. Н. Череватов, служивший в этом госпитале, 6 июля 1941 г. написал из Чаус своим родным о том, что прибыли они в Чаусы из Могилева, Волковыск покидали в спешке, нет даже шинели. После войны рассказывал, что тронулись внезапно, архив и канцелярию не вывезли, не успел даже забежать домой. Если учесть, что Волковыск был как раз на пути отступления, через него прошли десятки частей, в том числе прошедших через кровавые бои (1-го и 5-го стрелковых, 13-го механизированного корпусов), можно представить, что в нем творилось. Есть немало свидетельств, что раненых оставляли в волковыеском госпитале. Какова была их судьба?

По данным Архива ВМД, Вольпер Хаим Абрамович, подполковник медслужбы, закончил войну в должности начальника 3028-го эвакогоспиталя 22-й армии, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

По какому-то волковыескому госпиталю есть свидетельство бывшего узника Бухенвальда И. Асгашкина:

"На четвертый или пятый день войны, утром, наша колонна добралась до города Волковыска. Около места

731

нашей стоянки находился военный госпиталь, в котором было много раненых. Вероятно, персонал, поспешно все бросив, бежал, и поэтому из госпиталя к дороге двинулась колонна раненых, многие из которых были на

костылях, двигались с трудом. Толпа перебинтованных и окровавленных людей остановилась на обочине дороги, многие из них стали умолять:

"Братишки, не бросайте нас, заберите с собой".

Никто не отзывался на мольбы о помощи. Тогда группа раненых вышла на проезжую часть дороги, перегородив ее своими телами. Несколько автомобилей с находящимися в них гражданскими людьми с разбегу врезались в толпу, раздался треск костылей, хруст человеческих костей, образовалось кровавое месиво кричащих и стонущих людей" [76, копия].

М. Горанский, политработник из 331-го полка 100-й стрелковой дивизии, писал, что при отходе полка на восток в ночь на 29 июня его подразделения вышли в район местечка Семков Городок. На лесной дороге они увидели колонну разбитых и раздавленных санитарных и грузовых автомашин; среди них стояли два подбитых немецких танка. Найденный на месте боя тяжело раненный солдат рассказал, что санитарный батальон остановился на привал и на него наткнулась немецкая разведгруппа. Медперсонал и водители приняли неравный бой [13,с. 96].

Вспоминает Л. И. Дряхлова:

"В 1940 г. я была направлена по путевке комсомола в г. Щучин Белостокской области на работу. В первые минуты войны 22 июня 1941 года мы, молодежь, оказались на переднем рубеже. Я и мои подруги работали медсестрами. Уже с 6 часов утра к нам в больницу поступали раненые. Мы оказывали помощь раненым. В 12 часов дня был приказ вывозить раненых в тыл за 40-50 км. Прислали машины, и мы вместе с ранеными выехали, вернее, эвакуировались в м. Родзиолово, где стоял наш госпиталь (номер не знаю). Тут мы еще проработали до утра. 23-VI-41 г. утром был дан приказ эвакуировать раненых в Белосток, в гарнизонный госпиталь. Когда мы прибыли с ранеными, то госпиталь был свернут и ожидали отправления на железнодорожном вокзале на г. Минск. Тут мы сдали раненых и по приказу вернулись назад, где наши держали оборону крепости Осовец. До крепости нам не пришлось доехать, так как началось отступление. Пришлось отступить

по Белостоку, Волковысским лесам (они горели в огне) в направлении к г. Слоним, где и были все части

732

разбиты. Остались чудом кто живые" [76, письмо]. Ах этот Слоним, Слоним!

Людская река обмелела, но до конца не пересохла. Отдельные ручейки ее просачивались по тылам армий вермахта, движущихся в глубь страны, и текли на восток лесами и болотами Полесья и Витебщины, чтобы в конце концов влиться в ряды восстановленного на основе 2-го стратегического эшелона Западного фронта.

Иногда на восток пробивались довольно крупные группы, как, например, сводные отряды механизированных корпусов или 24-я дивизия К. Н. Галицкого.

В конце июля на реке Сож у Пропойска занимала оборону уставшая и поредевшая после кровопролитных боев 132-я стрелковая дивизия генерал-майора С. С. Бирюзова. Комдив за эти дни повидал многое, но событие, происшедшее на участке его соединения 28-го числа, осталось в памяти навсегда.

"Однажды на противоположном берегу Сожа вдруг вспыхнул жаркий бой, и мы увидели энергично пробивающихся к реке красноармейцев численностью до батальона. На помощь им были немедленно брошены все наши огневые средства. Началась переправа" [7, с. 36].

Оказалось, что с "той" стороны выходит сводная колонна, ядро которой составляют воины 13-го мехкорпуса, прошедшие по вражеским тылам более 500 километров. Но радость танкистов, с боем прорвавшихся к своим, была сильно омрачена гибелью их боевого командира генерал-майора П. Н. Ахлюстина. Выйдя к Сожу уже раненым, комкор оставался на западном берегу до конца, руководя переправой. Он уходил с последним отрядом и был насмерть сражен осколком разорвавшейся мины.

Также в конце июля в районе Могилева из окружения начали выходить разрозненные группы военнослужащих 9-й бригады железнодорожных войск, сражавшихся на реке Нужец рядом с танкистами Ахлюстина. Вышел невредимым и ее командир.

Вспоминает генерал-лейтенант технических войск З. И. Кондратьев:

"Однажды жарким августовским днем ко мне в кабинет вошел худой, обросший майор Матишев. Я посмотрел на него, как на воскресшего из мертвых. Василий Ефимович сел в кресло, глубоко вздохнул, помолчал. Потом, скрывая подступившую горечь, сказал:

- Какие люди погибли! Дрались врукопашную, но не понялись назад ни на шаг. Четыре дня и четыре ночи бились. Молодца -

733

ми вели себя и ребята Ахлюстина. Горючего, знаете, почти не было. Били немцев прямой наводкой из неподвижных танков. На мужестве стояли" [68, с. 30].

Большинство двигавшихся на восток остаточных групп были мелкими, но они могли сливаться по пути следования с другими такими же. Так, к остаткам подразделений 31-й танковой дивизии, которые вел батальонный комиссар Д. И. Кочетков, присоединились несколько десятков военнослужащих, которыми командовал начальник связи 5-го стрелкового корпуса полковник Г. Ф. Мишин. А. А. Маклашин из 383-го ГАП писал, что выходил из окружения под командой Мишина. Старший лейтенант И. Ф. Титков в 41-м командовал ротой в 382-м легкоинженерном батальоне 204-й мотодивизии 11-го мехкорпуса. В районе озера Палик (что находится между Борисовом и Лепелем - северо-восточнее Борисова и юго-западнее Лепеля - на территории Минской области прямо по течению Березины) его группа присоединилась к пробивающемуся из-под Алитуса 5-му мотострелковому полку 5-й танковой дивизии. Общая численность отряда превысила две тысячи бойцов и командиров. В лесу нашли сброшенную с самолета "Правду" с текстом радиообращения Сталина к народу 3 июля 1941 г. Посовещались - оставаться

во вражеском тылу партизанить или не оставаться? Перевесило мнение мотострелков (комполка майора В. И. Шадунца, старшего батальонного комиссара Зайцева, начштаба капитана П. И. Пальчикова): надо выходить на "Большую землю" в действующую армию. Так написал сам Титков, впоследствии заброшенный в немецкий тыл и ставший партизанским комбригом.

Но совсем по-иному выглядит судьба 5-го МСП в политдонесении политотдела штаба Западного направления от 18 июля 1941 г. Там написано, что 5-й мотострелковый полк "после захвата Алитуса оторвался от дивизии и в течение 22.6 дрался с немецкими войсками. Указанный полк попал в окружение. Потеряв артиллерию, полк вышел из окружения и начал отход в сторону Минска. 10.7 была найдена листовка на немецком языке, которая была переведена на русский язык и оказалась обращением тов. Сталина к советскому народу".

Прочтя обращение Сталина, майор Шадунц принял решение перейти на партизанские методы борьбы в тылу противника. Он собрал комсостав, и "каждый командир батальона получил задание по борьбе с фашизмом в тылу. Для установления связи с частями

734

Красной Армии было послано несколько человек, и один из них, мл. политрук (Парфенов), прибыл в штаб Западного направления. Из рассказа мл. политрука видно, что к ним присоединились и другие отходящие части в общей численности около дивизии, при наличии большого количества начсостава. Военным советом (Западного направления) принимаются меры к обеспечению указанных частей всем необходимым для борьбы с фашизмом" (ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 22, л. 138).

Версии младшего политрука Парфенова и полковника Титкова не стыкуются (увы, привычка "тащить одеяло на себя" и в годы войны, и после нее была присуща и лейтенантам, и маршалам), но не буду заострять на этом внимание. Важно, что 5-й полк и все его командование уцелели, вышли из

окружения сами и вывели многие сотни примкнувших к ним военнослужащих.

В литературе о партизанах мне встречались упоминания о командирах службы тыла, которые оказались в немецком тылу. Интендант 3 ранга С. Г. Жунин командовал 8-й бригадой Брестского соединения, закончил войну полковником и Героем Советского Союза. Техник-интендант 2 ранга Т. Л. Зубов был начальником тыла бригады "Железняк", хотя по ОБД он "пробился" как боевой офицер - командир роты 113-го танкового полка 25-й ТД.

Но К. М. Симонов привел еще более красноречивый пример. Когда часто оказывались "не на высоте" полковники и генералы, сумел с самой лучшей стороны проявить себя всего лишь замполит воинского склада № 848. Батальонный комиссар Фаустов отдыхал на курорте, когда началась война. Он добрался до горящего Минска, но оказалось, что из его подчиненных уже никого не осталось. Казалось, что остается делать в таких обстоятельствах "тыловой крысе", кроме как спасти свою шкуру? Но бывали в истории той войны моменты, когда "комиссар" действительно звучало не пустым звуком, а две "шпалы" на петлицах и звезды на рукавах не позволяли ронять свое достоинство.

Из командиров-отпускников и остаточных групп Фаустов сколотил отряд, вооружил его и с боями повел на восток. Вывел к своим ни больше ни меньше как 2757 военнослужащих [108, т. 1, с. 37].

Я попытался установить, какой же склад имел такую боевого замполита. Им оказался 848-й санитарный склад в самом Минске. И что характерно, в Приказе по Западному фронту № 01 от 6 июля 1941 г. указывалось, что "начальник санитар-

735

ного склада № 848 - военврач 2 ранга БЕЛЯВСКИЙ не принял достаточных мер к эвакуации имущества и, не уничтожив имущество, бежал, оставив запасы медикаментов врагу".

И еще встретилось мне упоминание об одном загадочном отряде.

"В июле-августе 1941 года подпольная комсомольская организация деревни Погорелки Мирского района Барановичской области во главе с Иваном Мацко, объединив свои усилия с комсомольцами деревень Синявская Слобода и Бережно, помогли переправить через Неман колонну броневиков и оказали помощь почти семистам бойцам Красной Армии" (Сергеев В. М. Красная лента. - М.: 1975. С. 33).

Упорные, видимо, были ребята, раз не бросили свои бронемшины, честь им и слава.

Отходящие на восток остаточные группы иногда совершали нападения на тыловые части и обозы противника. Получая таким образом продовольствие, оружие и боеприпасы, они вносили посильный вклад в дело борьбы с врагом. Но немцы не оставались в долгу и часто бросали против окруженцев даже боевую авиацию.

В. Л. Чонкин из 7-го МСП 7-й танковой дивизии был в одной из таких групп:

"... отправили меня по маршруту в сторону Гродно вечером, но я не доехал, попал в окружение немцев. При выходе из окружения напали со своими товарищами на немецкий обоз с продовольствием и оружием разным. При бомбардировке немецким самолетом... был тяжело ранен в левый бок осколком бомбы... В 1943 г. с группой товарищей совершил побег из Германии. Был пойман в Польше и отправлен в немецкий концлагерь в Германии. В 1944 г. с четырьмя товарищами совершили вторичный побег в Швейцарию, где нас задержали и посадили в тюрьму (интернировали. - Д. Е.). Открылась рана, и был госпитализирован, где сделали операцию: удалили осколок и три ребра. Лечили в Женеве до сентября 45-го" [76, письмо].

Непонятная и некрасивая история получилась с упомянутой в печально знаменитом Приказе № 270 Ставки ВГКт. н. "лесной дивизией И. В. Болдина". Там было написано, что 11 августа 1941 г. генерал Болдин

"прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых". Были также перечислены достижения его группы: число убитых солдат противника, сожженных танков и автомашин, уничтоженных неприятельских штабов и т. д.

736

Из донесения политотдела 19-й армии от 12 августа 1941 г.:

"10 августа 1941 г. в штаб армии явились 2 представителя от группы генерал-лейтенанта т. Болдина, находящейся в тылу противника. Командующий 19-й армией генерал-лейтенант т. Конев принял решение - перейти в наступление, прорвать оборону врага и соединиться с группой т. Болдина..." (Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. - М.: 1977. С. 64). Подписал начальник ОПП армии бригадный комиссар Михальчук.

Однако в журналистском блокноте В. Гроссмана сохранился рассказ, записанный со слов ЧВС 50-й армии полкового комиссара Н. А. Шляпина, который являлся истинным создателем отмеченной в 270-м приказе "лесной дивизии", но по непонятной причине в него не попал. Шляпин рассказал корреспонденту, как 7 августа в сколоченный им большой отряд пришел Болдин с сотней бойцов. Не с двумя тысячами, а с сотней. На следующий день он взял командование этой сводной дивизией в свои руки. Это вполне нормально, что генерал, как старший по званию, взял командование на себя, но вот в своих мемуарах он почему-то ни словом не обмолвился ни о Шляпине, ни о его людях, которые вообще не принадлежали к войскам белостокского выступа.

Полковой комиссар Н. А. Шляпин был замом по политчасти командира 91-й стрелковой дивизии 52-го корпуса (24-я армия 3-го стратегического эшелона). На реке Вопь в районе Ярцево Смоленской области дивизия 24-25 июля неудачно контратаковала противника, понесла большие потери и

отошла за реку. Значительная часть личного состава, военной техники и другого имущества и снаряжения осталась в немецком тылу.

Из донесения политотдела группы войск С. А. Калинина от 31 июля 1941 г.:

"Противник, 12-я [пехотная] дивизия, сменившая 19-ю пд, упорно занимает оборону и контратаками танков с подвижными огневыми средствами вынудил 561-й сп 91-й сд и до 2 полков 89-й сд отойти на восточный берег р. Вось... Необходимо отметить, что дивизии за последние дни понесли довольно большие потери ранеными, убитыми и без вести пропавшими" (там же, с. 57,58). Подписал полковой комиссар Маневич.

А вот что записал Василий Гроссман со слов самого Н. А. Шляпина:

"24 июля 91-я дивизия дралась под местечком Балашове Полк был смят немецкими танками. Народ побе-

737

жал, ночью приняли решение отойти за реку Вось. Противник опередил, занял переправы и открыл огонь; люди побежали. Я бросился наперерез, в лесу собрал 5 групп. Решил пойти на прорыв у деревни Мамоново с 150 людьми и с 4 гаубицами. Когда вышли к Мамоново, их окружили 25 танков, вывели из строя пушки. И снова все побежали в лес" [50, с. 263].

Остатки дивизии во главе с комдивом ушли за Вось. Несколько раз собирал Н. А. Шляпин людей, и несколько раз они разбегались иод огнем противника. Тогда, снова собрав до 120 военнослужащих, он повел их не на восток, а на запад, в глубь лесов, чтобы лучше организовать. По пути встретили работников штадива и еще человек сорок личного состава. В лесах встретили еще больше людей и штаб, как оказалось, 134-й дивизии (25-й стрелковый корпус 19-й армии, его незадачливая судьба описана в СБД № 37 и в докладной Главного Военного Прокурора диввоснюриса В. И. Носова Л. 3. Мехлису) во главе с подполковником Светличным. Из своей дивизии было около 2 тысяч, до 500 примкнуло из других частей - из них сформировали

полк. Вот эти красноармейцы и командиры и стали основой "лесной дивизии".

29 июня снова попытались прорваться на восток через линию фронта. Попытка оказалась неудачной, начштаба Светличный бросил отряд и сбежал, за него остался начальник 5-го отделения штадива капитан Баринов. Шляпин и подполковник Белявский повели отряд еще дальше на запад. 30 июля отбили несколько атак неприятеля, подбили бронемашину. 31 июля инициативный и настойчивый комиссар начал формировать из осколков нормальную войсковую часть. Разбил весь личный состав на пять батальонов, а батальоны - на роты. Назвал часть сводной дивизией, сформировал штаб, политотдел, прокуратуру, партийную организацию. Начали издавать газету "За Родину" (ее печатали две машинистки), выпустили семь номеров. До 7 августа провели несколько удачных операций, захватили десятки мотоциклов, бронемашину, автомашины, разгромили несколько автоколонн, штаб, батареи минометов и артиллерии. Посылали на восток группы - разведать переправы на реке и установить связь со своими.

А потом появился генерал И. В. Болдин. И через линию фронта с запиской пошли его люди, а не люди Шляпина, в частности пошел политрук К. Н. Осипов; уже 15 августа Осипов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Если сложить две тысячи людей И. В. Болдина (если они до
738

Берлинского леса и реки Воль все же дошли) с пятью батальонами под командой полкового комиссара, то никак не будет 1654 бойца и командира. Больше должно быть. Но Н. А. Шляпин уже в звании бригадного комиссара погиб осенью 41-го при выходе из окружения, поэтому после войны ничего возразить не мог, и ничто не помешало Болдину приписать себе "авторство" той "лесной дивизии", что была упомянута в Приказе Ставки № 270, и его героического прорыва из вражеского тыла. Записи же Гроссмана увидели свет лишь во время горбачевской "перестройки".

Любопытно было бы также узнать, почему генерал среди награжденных орденом Ленина лиц из его группы назвал двух младших офицеров, красноармейца и младшего сержанта, но пропустил майора. Майор И. Т. Хотулев тоже был в "лесной дивизии", отличился в разведке, после выхода из окружения служил в Белорусском штабе партизанского движения (один из отделов штаба назывался "хозяйство Хотулева").

Примечание

Не исключено, что фамилия Н. А. Шляпина не попала в Приказ № 270 из "политических соображений... В качестве негатива там были упомянуты якобы добровольно сдавшиеся в плен генералы Понеделин, Кириллов и Качалов; в качестве позитива - вышедшие из окружения бригадный комиссар Попель, полковник Новиков, генералы Болдин и Кузнецов, армейский комиссар Бирюков. Упоминание Шляпина вместо Болдина делало бы сальдо не в пользу строевых командиров, а подхлестнуть Приказ должен был как раз их.

Есть еще один человек, воспоминания которого могли бы пролить свет на загадочную "лесную дивизию". Это генерал-лейтенант С. А. Калинин, командовавший в боях под Ярцево оперативной группой, в которую как раз и входила 91-я СД. Он писал:

"... в первых числах августа, в районе боев 91-й дивизии вышел из окружения с большой группой красноармейцев и командиров генерал И. В. Болдин... В лесу западнее реки Вопь к возглавляемому им отряду примкнули оставшиеся в тылу бойцы и командиры 91-й дивизии" (Размышления о минувшем. - М.: 1963. С. 142).

Ясности не прибавилось. Кто к кому примкнул, Шляпин - к Болдину или Болдин - к Шляпину? И почему снова разрыв в датировках? Есть две

даты - 7 и 11 августа. 11-го "лесная дивизия" вышла из окружения. А 7-го отряд Болдина соединился с отрядом Шляпина.

Читаем в мемуарах самого И. В. Болдина: "Конец июля. Уже несколько
739

дней мы хозяева берлинского леса" (с. 130). Буквально следом: "Ранним утром 9 августа состоялись проводы разведчиков" (с. 131). О том, что произошло 7 августа, нет ни слова.

Зато есть другое. Разведчики пошли через линию фронта с запиской к... генерал-лейтенанту С. А. Калинину. Интересно выходит - остатки частей 91-й и 134-й дивизий в лесах не встретили, но о Калининe знают. Узнать могли только от людей из отряда Н. А. Шляпина. Закрадываются серьезные сомнения в искренности Болдина. Из того, что возникло столь явное несоответствие, следует, что ему было что скрывать.

Вариантов могу предложить лишь два. "Лесная дивизия" Болдина действительно существовала. Но до линии фронта она не дошла, была перехвачена немцами и разбита во второй половине июля. Скажем, при попытке перехода шоссе Минск - Москва. Либо, не сумев преодолеть немецкие заслоны, распалась. Это могло быть сознательным решением руководства, также же это могло произойти стихийно. Если случилось второе (люди разбежались, не поверив в возможность организованного выхода из окружения), то это и есть то, что генерал скрыл от читателей.

Тем более что маршрут Болдин выбрал не самый короткий, к Днепру, а минуя его - на север. Там, в районе Орши, Днепр в своем верхнем течении круто поворачивает с запада на юг, и можно обойти его русло. А потом витебскими и смоленскими лесами можно двигаться на восток. Но дорога эта настолько дальняя, что в ней все могло случиться. В том числе и то, о чем ну никак нельзя было писать в героических мемуарах.

И снова осталась у генерала горстка бойцов и командиров. Вот с этой сотней самых верных своих людей, с кем мыкался по вражеским тылам дольше всего, И. В. Болдин и наткнулся в лесах западнее Вопи на большой

организованный отряд из личного состава 91-й дивизии во главе с ее замполитом. Вот она ("1-я лесная") как бы и возникла вновь.

По иронии судьбы, когда потерявшая командарма и члена Военного совета 50-я армия вышла к Туле, ее новым командующим был назначен как раз И. В. Болдин. Вопрос о порядочности и правдивости после войны, когда он сел за мемуары, уже не стоял. Казалось, все списали и война, и 270-й Приказ, да и вообще..."победителей не судят". И родился еще один миф, один из многих мифов этой войны. Ведь некому было опровергнуть написанное.

Генерал Стрельбицкий в своих мемуарах лето 41-го вообще

740

пропустил, хотя именно ему стыдиться было нечего, он тогда показал себя достойно и был за первые бои награжден орденом Красного Знамени. Остальные отряды той, первой "лесной дивизии", которые двигались не вместе с Болдиным и, возможно, другими маршрутами, могли и не выйти к своим, погибли в боях. Или вышли, но никто о них не узнал, ибо в приказы Ставки они не попали. Как, например, вот эти. Ни к кому не примыкали, шли себе лесами и в конце концов вышли.

В августе 1941 г. кавалерийская группа полковника Л. М. Доватора вела бои во вражеском тылу. Его конники уже не были "окруженцами": их действия на оккупированной земле осуществлялись по приказу Верховного Командования и имели целью дезорганизовать коммуникации противника, сорвать снабжение его войск.

25 августа западнее г. Белый они встретили отряд военных численностью человек в 250. Старший группы, оборванный, заросший многодневной щетиной, уже, собственно, бородой, полковник представился как и. о. командира 2-й стрелковой дивизии К. П. Дюков. Но этот отряд уже не был сводным отрядом дивизии. Отступая из района крепости Осовец, 2-я с непрерывными боями, неся жестокие потери от ударов авиации, прошла районы Сокулок, Крынок, Малой и Большой Берестовицы и дошла до

Рубежсвичей на старой границе. При попытке пробиться дальше на восток, предпринятой 3 июля 1941 г., остатки дивизии прекратили существование.

Отдельные разрозненные группы лесами Минской, Витебской и Смоленской областей стали продвигаться на восток. Группа полковника Дюкова сложилась из воинов разных частей, которые присоединились к нему на пути к своим, хотя в ней и были военнослужащие из 2-й, в частности командир саперного батальона капитан Лазарев.

В ночь на 1 сентября 1941 г. окруженцы вместе с конницей с боем прорвались через боевые порядки немцев и вышли в расположение частей 30-й армии Западного фронта. Их "одиссея" закончилась.

Еще имеется свидетельство о группе майора А. В. Андреева, командира 130-го КАП 1-го корпуса, также присоединившейся к Доватору. В середине октября 1941 г. Андреев командовал 978-м артполком 18-й СД Лснфронта (бывшей дивизии ЛАНО - Ленинградской армии народного ополчения).

Майор И. Г. Грозников, командовавший 262-м КАП того же корпуса, числится пропавшим без вести в июне 1941 г.

741

Когда фронт ушел далеко на восток, части полевой жандармерии, охранявшие тыл германской армии, быстро и качественно организовали "фильтрацию" советских граждан, перемещавшихся по оккупированной территории. Кордоны, контрольно-пропускные пункты, "аусвайсы", патрулирование населенных пунктов, дорог и железнодорожных путей. Огромное количество мелких групп (два-три человека) и просто одиночек из остатков советских войск было выловлено ими и отправлено в концлагеря. Пытавшихся сопротивляться или бежать убивали.

К началу зимы все было кончено. Кто не ушел в партизаны (или в полицаи и так называемые "силы местной самообороны"), не осел по деревням, став "примаками", - все оказались за колючей проволокой.

Из письма С. П. Узгорской:

"Здесь по Бобруйской дороге немцы прошли далеко к Смоленску, а из лесов до самого снега выходили большие и малые группы наших солдат, шли тысячи. Это я знаю от семьи моего мужа, жителей Славгорода Могилевской области. У них перед домом у дубка похоронен матрос (с Пинской речной флотилии. - Д. Е), вышел с группой, узнал обстановку с немцами, где переправа через Сож, и матрос сказал - хватит, больше отступить не буду - и тут у дома в одиночку принял бой, он был с автоматом, здесь же его и похоронили - парень не старше 25-ти.

Вот они, неизвестные герои! А сколько было погибших на здешних полях, всех жителей немцы выгоняли на поля почти месяц хоронить солдат. Очень много было среднеазиатов среди погибших. Под кручами у берегов пряталось много раненых солдат, так немцы установили таксу за каждого сданного солдата, среди жителей находились и такие, что доносили, особенно глупые ребятишки. А как выпал снег, то по следам немцы взяли почти всех, кто не сумел уйти к партизанам".

Так в трагедии войск Западного Особого военного округа была поставлена точка.

Глава 12. О СУДЬБЕ АРМЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ

Как логическое завершение, мне хотелось бы поставить рассказ о командовании белостокской группировкой, о том, что с ней произошло, когда начался распад обеих входивших в нее армий, когда штабы оказались предоставлены сами себе и самостоятельно начали выходить из вражеского кольца.

С самого начала боевых действий расположение штаба 10-й армии было засечено противником, и он был вынужден под непрерывными бомбежками постоянно оттягиваться от линии фронта все дальше в тыл.

Только в первой половине дня 22 июня по штабу было нанесено четыре воздушных удара, последний раз - более чем 30 машинами.

В ночь с 24 на 25 июня штаб переместился в лес в районе станции Валилы. Кроме собственно функции управления войсками, там был развернут формировочный пункт, куда патрулями и пограничниками направлялись потерявшие свои части и уходившие на восток мелкие группы и отдельные военнослужащие. Случались и недоразумения, когда за дезертиров "бдительными" патрульными и воинами-чекистами принимались снабженцы боевых частей, рыскавшие в тылах в поисках горючего, боеприпасов и провианта.

Вспоминает Г. Я. Криницкий, 50-й танковый полк 25-й ТД:

"Вечером Пожидаев вернулся из боя и приказал нам выехать рано утром 26.06 затемно, что мы и сделали. До Белостока добрались благополучно, но там склады с горючим были взорваны, и мы возвратились, но нас по дороге на Волковыск задержал патруль как дезертиров, машину отобрали, а лейтенанту приказали идти в штаб. Оказывается, в 700-800 м в лесу стоял штаб военного округа (10-й армии. - Д. Е.) и был сам маршал Кулик. Нас держали до захода

743

солнца, все собирали по дорогам отступавших одиноких красноармейцев. Насобирали нас 30 человек.

Построил капитан, тоже участник испанских событий, ибо имел орден Красного Знамени, и повел нас вверх к штабу, но штаб уже снимался. Палатка еще стояла, а три танка (2 Т-34 и 1 КВ) разворачивались вниз к дороге, и было очень много легковых машин, но нас стороной повели вверх по лесу, где мы прошли километра два и расположились на ночлег. Дали нам по баночке консервов, махорки, мы поужинали и легли спать. Под утро, а может и раньше, нас разбудили, посадили на машины и повезли, как сказал капитан, на передовую...

Привезли нас, разгрузились. Только-только солнце начало подниматься, светало, и мы видим: наш полк, танкисты проверяют матчасть, и ходит наш Пожидаев. Как увидел и пришел к нам, капитан доложил, что привез дезертиров. Пожидаев посмотрел и говорит: "Это же мои бойцы, я вчера послал их в Белосток за горючим, а вы их задержали и считаете дезертирами". Он хотел его застрелить, но только поругался, а говорить уже не мог, охрип и отпустил его на все четыре стороны и машины не дал" [76, письмо].

Утром 26-го управление армии вновь двинулось на восток и расположилось в Замковом лесу северо-восточнее Волковыска. При перебазировании оперативный отдел, в котором в тот момент находился командующий, подвергся нападению переодетых в советскую форму диверсантов.

Днем 26 июня значительные силы уже обычной германской пехоты при поддержке нескольких танков атаковали штаб. Атаку удалось отразить, после чего силами штабной охраны была занята оборона в районе кирпичного завода у Шведской горы.

К вечеру завязался бой на западной окраине Волковыска, противника с трудом сдерживали остатки отошедших к городу подразделений. Снова началась ожесточенная бомбежка расположения штаба армии, в котором скопилось множество раненых и автотранспорта без горючего.

А. М. Олейник вспоминал:

"Замковый лес был переполнен военными, которые при виде транспорта пожелали им воспользоваться и начали собираться возле автомобиля. Западнее леса на высоком железнодорожном полотне, в 1000-1500 метрах, безжизненно стояли товарные вагоны, ничем не примечательные. Но вдруг в мгновение вагоны ожили - преобразовались в бронепоезд врага.

Орудийные снаряды бронепоезда накрыли осколками многих нерасторопных солдат".

К 27 июня штаб 10-й армии оказался в окружении. Из разрозненных военнослужащих формировались отряды и тут же бросались в бой. На подступах к Замковому лесу были оборудованы инженерные заграждения. Руководил устройством заграждений генерал Д. М. Карбышев.

После полудня на КП армии вновь было совершено нападение. На этот раз поднялась паника, которую офицерам штаба с трудом удалось прекратить.

К вечеру 27 июня стало известно, что передовые части вермахта находятся на подступах к Минску. Тогда командарм К. Д. Голубев принял решение об отходе на восток, но все пути оказались отрезанными и блокированными противником. Какое-то время вместе со штабом армии находилось и управление 5-го стрелкового корпуса.

В ночь на 28-е штаб оставил Волковыск и двинулся по проселочной дороге на Деречин.

28 июня разведка установила, что переправы через реку Щара уже захвачены немцами. Исправив в устье Щары старый мост, не обозначенный на картах, группа генерала Голубева вечером 29 июня подошла к станции Выгода, утром 30-го она находилась в районе деревни Соловичи. Впереди была рокада Столбцы - Несвиж, по которой сплошным потоком двигались колонны немецких войск.

Один из переходов колонны штаба армии должен был пролегать в направлении станций Выгода - Городея. В голове колонны находились два мотоцикла с пулеметами, бронемашина, грузовик с пограничниками. В броневике ехал генерал П. И. Ляпин, в грузовике, рядом с водителем, - начальник оперативного отдела штаба полковник С. А. Маркушевич. За этой группой - командарм К. Д. Голубев с несколькими штабными командирами и усиленным взводом пограничников. За ними - на расстоянии 1-2 км - основная часть колонны: работники управления, медсанбат с

ранеными и больными, хозчасть. Возглавлял ее начальник артиллерии армии М. М. Барсуков. В одной из двух исправных легковушек должны были ехать Д. М. Карбышев с полковником П. Ф. Сухаревичем. С флангов и тыла штабную колонну охраняли батальон охраны штарма и механизированный отряд (4 танка и 3 бронемшины).

В какое-то время колонна ночью проходила через железнодорожную магистраль Барановичи - Минск. После пере-

745

сечения рокады авангард остановился, чтобы подождать основную группу. Но за спиной вспыхнула перестрелка. На разведку Ляпиным были посланы старшина-мотоциклист, а затем - лейтенант. Вернувшись, он доложил, что на большаке за железной дорогой валяется наша перевернутая строевая полуторка и стоит подбитый немецкий танк с порванной гусеницей. Штабная колонна исчезла. Это свидетельство начопера Маркушевича. После реконструкции событие может выглядеть так.

Не доезжая до шоссе Барановичи - Минск, группа Голубева столкнулась с отрядом немецкой мотопехоты. Крытые брезентом машины шли с зажженными фарами в сторону Минска. Их сопровождали танки. Боевое охранение заметило в темноте слева в поле недалеко от развилки силуэты машин, в небо взлетели гирлянды осветительных ракет. Голубев, уповая на внезапность, приказал открыть огонь из всех видов оружия и прорываться вперед. Один танк был подбит, но машина с бойцами-пограничниками, подбитая очередью из крупнокалиберного пулемета, потеряла управление и перевернулась. Бронемашина с командармом прорвалась через вражескую цепь и под утро очутилась в лесу возле деревни Крутой Берег.

На рассвете к Ляпину присоединилось несколько машин из основной колонны. В них были бригадный комиссар Иванов, инструктор политотдела старший батальонный комиссар Ухарев, старший политрук Трофимчук. Иванов, как исполняющий обязанности ЧВС армии, сообщил приказ

командарма: следовать по ранее утвержденному маршруту, в случае необходимости выбирать маршрут самостоятельно. Им повезло: они успели проскочить в брешь, пробитую отрядом Голубева.

Остальная часть управления армии была атакована немцами при поддержке танков. Когда рассвело, немцы вызвали авиацию. Одна за другой вспыхивали машины, от разлившегося горящего бензина загорались кусты и деревья. Зажатые в небольшом лесном массиве в кольцо штабники несли большие потери, все меньше становилось патронов.

Генерал М. М. Барсуков поручил Д. М. Карбышеву вывести личный состав из горящего леса. Сам он с группой бойцов и командиров остался прикрывать их отход. Карбышев и Сухаревич нашли в лесу обходную дорогу и по ней вывели оставшихся в живых работников управления армии. М. М. Барсуков со своими людьми вы-

746

шел к деревне Крутой Берег, где встретился с Голубевым. Однако отряд Карбышева при еще одной попытке перейти через рокаду Столбцы-Несвиж и догнать их попал в устроенную во ржи засаду. После нескольких часов тяжелого боя части советских военнослужащих, в том числе Д. М. Карбышеву и П. Ф. Сухаревичу, удалось поодиночке пересечь шоссе и уйти дальше на восток. Много семей штабных работников 10-й армии впоследствии получило извещения с коротким "пропал без вести".

Позднее пути К. Д. Голубева пересеклись с маршрутом, по которому к линии фронта двигались "зеленые фуражки". Бывший начальник 86-го Августовского погранотряда полковник Г. К. Здорный вспоминал, что основная группа отряда, в которой находилось все его командование и Боевое Знамя, в один из дней обошла г. Барановичи. На хуторе примерно в 30 км от м. Мир к ней присоединилась и следовала до выхода из окружения небольшая группа командиров 10-й армии во главе с ее командующим.

Около недели с ними шел и генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, который затем из-за непонятных разногласий относительно пути следования

оставил отряд и пошел своим маршрутом вместе с начальником инженерного отдела штаба 10-й армии полковником П. Ф. Сухаревичем. Так вдвоем они и попали во вражеский плен. Управление 5-го корпуса из окружения тоже не вышло.

Управление 3-й армии выступило из Гродно внушительной, громоздкой колонной. Радист 942-го батальона связи Г. С. Котелевец вспоминал:

"Я не был в боевой пехотной, танковой, артиллерийской части, а ездил, петлял в гигантской автоколонне, состоявшей из штаба армии, редакции ее газеты ("Боевое Знамя". - Д. Е.), армейских батальонов: саперного, инженерного, связи, нескольких автобатов, медсанбатов и т. п. Наш ОБС не только никаких легких (по веткам и калиткам), но и прочих линий связи не тянул и ни с дивизиями, ни с корпусами, ни с округом (фронтом) в Минске связи ни разу не имел... Я до сих пор удивляюсь, отчего не было радиосвязи: ни из Минска, ни от нас. В батальоне были армейские радиостанции 11 АК. Ездили, да и то плохо, офицеры связи. Вообще, управления не было никакого.

Гродно эта махина оставила в ночь на 23-е. С рассвета до темноты непрерывные ожесточеннейшие, и не только нашей

747

многотысячной колонны, но и всего на дорогах, пулеметные штурмовки. Не только дороги, но и прилегающих лесов. За несколько дней колонна растаяла на две трети. Везде сгоревшая техника и масса трупов во ржи, выросшей до пояса. По команде "Воздух!" все бросали машины, отбегали от дороги и падали лицом вниз. Многие оставались лежать навечно. Родные тоже о них ничего не узнали. Я в этой каше был один из миллиона войск ЗапОВО.

Первую неделю мы провели со штабом 3-й армии и двигались по маршруту Гродно - Скидель - Мосты (там был бой, отбили мост и побежали дальше) - Лида - Дятлово. Наша радиомашинa подчинялась **ОПШ** штаба

армии - бригадному комиссару Шумину и непосредственно батальонному комиссару Копалову. Двигались по неорганизованным лесным просекам и тропам десятками тысяч. Вдруг дальше идти нельзя, впереди противник.

Чаще всего было, что 5-20 человек случайно оказывались впереди колонны. Какой-нибудь волевой старлей, капитан или подполковник подчинит себе часть разрозненной массы и первым бросается на прорыв, за ним многотысячная толпа. Так девять раз бежал и я, но никакой рукопашной не бывало. Если немцы не успевали убежать, их просто растаптывали, хотя они и стреляли. Наши тоже стреляли. При таких рывках "на ура" мимо самой головы свистели пули.

Двигались под непрерывными бомбежками. Палили из винтовок, пулеметов ручных и счетверенных, пистолетов невероятно, но никого не сбивали. Тысячная колонна стремительно сокращалась. Наш черед пришел 30.06 или 01.07 под очередной бомбежкой. Мы - это сержант-радиоинженер, 27 лет, я и Дима Белавин - дикторы. Предполагалось, что немцы бросят фронт от наших уговоров. Уговаривать не пришлось ни разу. Шофером был Медведев, 35 лет, в мае призванный, до этого не служил. Машина уцелела, но пропал водитель. Никто из нас управлять машиной не умел. Похудевшая колонна штаба армии ушла, а мы машину побоялись бросить и остались.

Часа через три появился наш шофер, измотанный круглосуточным рулением (у немцев было по два водителя). Он заснул под бомбежкой и немного отлежался. Продолжали ехать в "диких" колоннах. Через два дня ночью фрицы напали на нашу колонну перед какой-то речкой. Мы бросили в кузов

748

машины гранату и в темноте по грудь и по шею в воде, держа винтовки над головами, унесли ноги" [76, письмо].

Так, теряя от воздушных атак людей, транспорт, снаряжение, остатки управления 3-й армии через Новогрудок и Столбцы вышли к Минску, который уже был взят, но западнее города во вражеском тылу остались две

дивизии 44-го стрелкового корпуса 13-й армии: 64-я полковника С. И. Иовлева и 108-я генерал-майора Н. И. Орлова. В 64-й дивизии находился зам. по тылу начальника штаба корпуса подполковник Кузин. Он был направлен туда, чтобы подтвердить и разъяснить приказ штаба: 64-й и 108-й СД занять круговую оборону и удерживать занимаемые позиции. Кузин вернулся в штаб 13-й армии и доложил о выполнении задания только под Могилевом.

К моменту прибытия подполковника в ночь на 29 июня части С. И. Иовлева находились в оперативном окружении и подготовили достаточно устойчивую круговую оборону. Особого давления дивизия не испытывала, так как в этот момент противник производил перегруппировку сил. Вторые эшелоны 7-й и 20-й ТД 39-го МК 3-й танковой группы уходили в захваченный Минск, их сменяли передовые части 17-й и 18-й ТД 47-го МК 2-й танковой группы. Пользуясь передышкой, штаб дивизии спешно формировал из вышедших на ее участок военнослужащих 3-й и 10-й армий сводные части.

Несмотря на тяжелые потери в боях на рубеже Минского УРа, численность дивизии не уменьшилась. Она даже возросла, так как за день 29 июня было сформировано два полка численностью свыше 1500 штыков каждый. Один из полков возглавил вышедший к Минску майор С. Н. Гаев, начальник штаба одной из трех формируемых в округе противотанковых бригад. Формирование проходило в лесу восточнее Старого Села; на станции Ратомка удалось разжиться некоторым количеством боеприпасов.

Укрепление позиций и пополнение личным составом продолжалось до вечера 30-го, когда с запада, где оставался открытый коридор в кольце окружения, вышла небольшая колонна. Несколько танков Т-34 сопровождали несколько легковых автомашин. В них оказались командарм-3 В. И. Кузнецов и до 20 старших офицеров и генералов армейского управления. Состоялось совместное совещание, в ходе которого Кузнецов, ознакомившись с обстановкой, принял реше-

ние: объединить под своим началом 64-ю и 108-ю стрелковые дивизии и все части в этом районе. В ночь с 1 на 2 июля начать прорыв из окружения в направлении ст. Фаниполь, затем повернуть на юго-восток и двигаться на Гомель. Обе дивизии выполнили приказ Кузнецова, заплатив за это сравнительно небольшую цену [58, с. 79-81].

Как им это удалось, можно догадаться, прочтя рассказ кавалериста 6-й дивизии майора Гречаниченко:

"Когда наша небольшая группа во второй половине дня 30 июня вышла к старой границе, здесь царил такой же хаос, как и на берегах Росси. Минск уже был занят немцами. Все перелески были забиты машинами, повозками, госпиталями, беженцами, разрозненными подразделениями и группами отступавших наших войск, оказавшихся в окружении. Здесь я встретился с полковником С. Н. Селюковым, который являлся заместителем командира 108-й стрелковой дивизии и которого я знал с довоенного времени. При его содействии нас включили в группу прикрытия готовящегося прорыва из окружения.

Он был организован командующим 3-й армией генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым и осуществлялся в ночь с 1 на 2 июля в юго-восточном направлении через железную дорогу Барановичи - Минск между станцией Фаниполь и разъездом Волчковичи. Ядро прорывающихся составляли остатки 64-й и 108-й стрелковых дивизий.

Прорыв удался только частично. Не все, участвовавшие в нем, вырвались из окружения. Наша группа прикрытия была отрезана от места прорыва и разгромлена. Многие погибли в неравном бою, многие попали в плен" [76, копия].

Сберегая свой личный состав, командиры дивизий 13-й армии поставили в заслоны тех, кто прибил к ним из частей 3-й и 10-й армий. Чудом выжившие в кошмаре предыдущего побоища, они были вынуждены умирать, спасая других.

В числе тех, кто участвовал в попытке прорыва, был личный состав 444-го корпусного артполка. В. Д. Науменко рассказывал:

"После потопления в Немане материальной части (152-мм гаубиц-пушек и тягачей - из-за отсутствия снарядов и горючего) полк, уже как стрелковая часть, пробивался в попытках вырваться из окружения, сначала к старой границе, а затем к Минску, куда подошли 2 или 3 июля. Там несколько генералов формировали группу прорыва, в которую влился и

750

наш полк. Ночью был осуществлен обход города с юга с целью прорваться через шоссе Минск - Слуцк, а с рассвета до позднего вечера шел неравный бой с превосходящими силами врага, бросившего на нас танки и авиацию. Это был последний мой бой в составе 444 КАП. Далее были попытки, согласно приказу командира полка, пробираться к своим небольшими группами по 3-4 человека. Для многих они закончились пленом. Не избежал этой участи и я, был схвачен полевой жандармерией числа 15 июля, когда с 3 товарищами, измученные дизентерией, пережидали день, чтобы ночью переправиться через реку в районе п. Свислочь" [76, письмо].

О том, что стало дальше с армейским управлением, вернее с тем, что от него оставалось, сведений нет, но это нетрудно предположить. При попытке совместного прорыва оно снова понесло потери, в том числе лишилось оставшихся танков и автомашин. Теперь от штаба 3-й армии осталось не более 10 человек. 5 или 6 июля, удачно избежав столкновений с противником, старую государственную границу перешла сводная группа 204-й мотодивизии 11-го механизированного корпуса. На второй день после перехода мотострелки встретили в лесах генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова; с ним были член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Н. И. Бирюков, командующий ВВС комбриг А. С. Зайцев, помощник начальника политотдела армии по комсомолу старший политрук Ковалев, начальник санотдела армии военврач 1 ранга Пиотровский и еще 3-4 человека. Встреча была радостной; радости стало еще больше, когда через

два дня к ним присоединилась еще одна организованная группа военных во главе с командиром 274-го стрелкового полка 24-й СД подполковником А. А. Украинским численностью примерно 500 человек и с 4 станковыми пулеметами.

От подполковника узнали, что после прорыва через старую границу 24-я была сознательно разделена командованием дивизии на несколько отрядов, шедших через Полесье своими заранее определенными маршрутами. Кузнецов сказал: "Ну, теперь у меня есть армия. Есть командующий, есть член Военного совета Николай Иванович, начальником штаба будет Михаил Степанович Посякин, начальником политотдела - полковой комиссар Мандрик, есть командир дивизии, а командного состава хватит на целый корпус" [76, ко-

751

пия].

К этому моменту в группе насчитывалось более 1000 человек, из них около 200 человек комсостава, 8 пулеметов "максим", несколько ручных пулеметов. У остальных были винтовки и пистолет-пулеметы ППД. Патронов было очень мало, по расчетам, их хватило бы на два часа боя при прорыве из окружения.

27 июля 1941 г. группа В. И. Кузнецова подошла к линии фронта, к железной дороге Рогачев - Могилев. Днем разведка задержала в лесу человека. Им оказался секретарь Рогачевского райкома КП(б)Б, который организовывал в лесах базы для партизан. Партиец очень подробно рассказал о положении на фронте и в стране, сказал, что линия фронта недалеко, он хорошо знает расположение войск противника, и в эту ночь он выведет их в расположение наших войск. В ночь на 28 июля группа Кузнецова действительно вышла на позиции 63-го корпуса комкора Л. Г. Петровского.

Все рядовые, младший начсостав, средний комсостав и часть старших офицеров остались в корпусе, остальных на автомашинах В. И. Кузнецов вывез в Гомель, где находился штаб Центрального фронта. Через два дня был

вновь сформирован штаб 3-й армии, который расположился в лесу западнее Калинковичей. Командующим был назначен Кузнецов, ЧВС - дивизионный комиссар Ф. И. Шлыков (бывший ЧВС расформированной 4-й армии), начальником штаба - генерал-майор А. С. Жадов, бывший командир 4-го ВДК. Бывший начштаба 204-й МД подполковник М. С. Посякин стал начальником оперативного отдела штаба армии, комдив 204-й полковник А. М. Пиров - командиром 75-й стрелковой дивизии, его зам. по политчасти Г. Я. Мандрик - комиссаром штарма. Начальником связи стал (и был в этой должности до конца войны) полковник Г. Ф. Мишин из 5-го корпуса 10-й армии, на базе 109-го ОБС 17-й дивизии был сформирован армейский отдельный полк связи. Армейский комиссар Н. И. Бирюков убыл в распоряжение Главпура и впоследствии был назначен членом Военного совета БТ и МВ (бронетанковых и механизированных войск) Красной Армии.

Так 3-я армия, словно сказочная птица Феникс, сгорев дотла в огне приграничного сражения, вновь возродилась. Это была уже другая армия, но многие ее бойцы и командиры начали свой боевой путь утром 22 июня и успели

752

уже получить бесценный опыт войны "по-новому".

Редакция армейской газеты "Боевое Знамя", та самая, в которой должен был служить и до которой не добрался К. М. Симонов, благополучно вышла из окружения со 2-м эшелоном штаба и была передана в состав политотдела новой 30-й армии.

Армия же, имевшая 10-й номер, появилась (на бумаге) только 21 октября 1941 г., когда немцы в ходе операции "Тайфун" начали генеральное наступление против войск Западного, Центрального и Брянского фронтов, имея конечной целью захват Москвы.

Глава 13. "ПРИЗНАТЬ ВИНОВНЫМИ..."

Когда невиданные масштабы разгрома войск Западного фронта стали очевидными, сразу же были определены его виновники. Кроме "безусловных" (командующий фронтом, начальник штаба, начальник артиллерии, начальник связи и командующий ВВС), понадобилось и некоторое количество "стрелочников" рангом пониже. Из Москвы пришла разнарядка - сколько должностных лиц нужно отдать под суд, вновь назначенное командование фронта (нарком обороны маршал С. К. Тимошенко, ЧВС Л. З. Мехлис и П. К. Пономаренко) добавило еще.

Главным в "выявлении предателей" был, разумеется, Л. З. Мехлис. Этот маньяк искал "изменников" столь рьяно, что даже не удосужился проверять правильность написания их фамилий. 7 июля 1941 г. И. В. Сталину было телеграфировано:

"Военный совет решил: 1) Арестовать быв[шего] начштаба фронта Климовских, быв(шего) заместителя командующего ВВС фронта Тодорского и начальника артиллерии фронта Клич..." [73, с. 31].

Остановимся на первом пункте этого документа. Комкор А. И. Тодорский, бывший начальник Управления военно-учебных заведений РККА, уже три года валил ели и сосны в "местах не столь отдаленных". "Тайга - закон, медведь - прокурор". Зато генерал-майор авиации А. И. Таюрский действительно был заместителем Копца и принял командование авиацией после его самоубийства.

Судьба этого человека печальна. Дело Таюрского Андрея Ивановича, 1901 г. рождения, русского, уроженца сибирской деревни Таюра, было, вероятно, выделено в самостоятельное производство (на процессе Павлова, Климовских, Коробкова и других его фамилия не фигурировала). Он был исключен из списков РККА как осуж-

денный только в 1944 г., приказом ГУК НКО № 0010 от 29 января [76, справка УК ВВС, оригинал]. Этим же приказом был исключен и командующий ВВС Киевского ОВО, а затем Юго-Западного фронта, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин, который, как удалось установить, был расстрелян 23 февраля 1942 г. Видимо, летчиков судили отдельно, так как в этот день были казнены еще по крайней мере четверо: генерал-майор авиации А. П. Ионов, командующий ВВС ПриБОВО; генерал-майор авиации Н. А. Ласкин, начштаба ВВС КОВО; Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации П. И. Пумпур, командующий ВВС Московского ВО; Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Э. Г. Шахт, помощник начальника ГУ ВВС РККА по учебным заведениям (еще и уроженец Швейцарии к тому же).

2-м пунктом виновными были определены: командарм-4 А. А. Коробков, комдив-9 генерал-майор авиации С. А. Черных, командир 42-й стрелковой дивизии генерал-майор И. С. Лазаренко, командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С. И. Оборин.

Затем следовало:

"Просим утвердить арест и предание суду..."

В 3-м и 4-м пунктах были перечислены уже арестованные должностные лица, из которых известным был только генерал-майор войск связи А. Т. Григорьев. Остальные занимали значительно меньшие по значению должности, и, следовательно, вина их не могла иметь глобального характера.

Суду предавались: начальник топографического отдела Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования Кирсанов, инспектор боевой полготовки штаба ВВС Юров и почему-то начальник Военторга Шейнкин.

За ними следовали: помощник начальника отделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисциплинарного батальона майор Дыкман и его заместитель батальонный комиссар Крол, начальник Минского окружного сансклада военврач 2 ранга Белявский, начальник окружной военветлаборатории военврач 2-го ранга Овчинников. Замыкал список командир дивизиона

зенитного арtpолка капитан Сбираник, который, "получив задачу - занять оборону гор. Орши, проявил трусость, бросил свою часть и бежал в гор. Смоленск, где среди командного состава проводил злостную, провокационную агитацию".

ГКО в лице самого Сталина решение Военного совета фронта одобрил и приветствовал. И началось...

8 июля был вызван в штаб фронта и там арестован генерал-755

майор А. А. Коробков. Должность командующего армией оставалась вакантной целых четыре дня. Только 11 июля нарком обороны С. К. Тимошенко назначил вместо арестованного генерала командира 9-го мехкорпуса Юго-Западного фронта К. К. Рокоссовского (приказ НКО № 00397). Но к моменту его прибытия в Ставку сложилась катастрофическая обстановка уже под Смоленском, в районе Ярцево, и Рокоссовский, так и не приняв дела у врио командующего 4-й полковника Л. М. Сандалова, отправился к новому месту службы (Мар Н. Есть упоение в бою... - М.: 1986. С. 141). Остатки 4-й возглавил другой генерал.

В тот же день арестовали командира 9-й авиадивизии С. А. Черных, через двадцать дней, 28 июля, ему был вынесен смертный приговор [76, справка УК ВВС, оригинал]. Обстоятельства ареста остались тайной, предъявленные обвинения стали известны только в наши дни. В открытых источниках прошлых лет ничего не "всплыло", лишь некто А. Я. Ольшвангер в своей книге "Ветер военных лет", изданной в 1964 г. в Риге, нарисовал в высшей мере отрицательный образ полковника Круглых. Этот Круглых, командир авиадивизии в Белостоке, до 22 июня был лихим "рубахой-парнем", обещавшим забросать немцев шапками, а после нападения самоустранился от командования, запаниковал и струсил. Проверить написанное уже невозможно, хотя немало фактов позволяет предположить, что Ольшвангер просто оклеветал генерал-майора С. А. Черных. Но никто не

станет отрицать, что Черных первым из советских летчиков сбил в небе Испании Me-109 и Звезду Героя получил заслуженно.

Много писали и пишут, что назначение Сталиным молодых командиров без опыта на высокие должности было непростительной ошибкой. Но С. А. Черных не был единственным молодым генералом ВВС. Т. Т. Хрюкин, старше его всего на два года, закончил войну генерал-полковником и дважды Героем. В том же возрасте был полковник Е. Н. Преображенский, герой первых налетов на Берлин. Г. Н. Захарову было 33, И. И. Проскурову - 34, Ф. П. Польшину - 35. П. В. Рычагову было едва за 30. Кто знает, каковы были бы итоги действий 9-й дивизии, если бы 21 июня:

- был отменен выходной день и летчики, кроме дежурных эскадрилий, не были отпущены на зимние квартиры к семьям;

- с самолетов по указанию руководства округа не было снято вооружение;

756

- был своевременно передан и гарантированно получен сигнал "Гроза" и в соответствии с ним части приведены в полную боеготовность;

- пилоты находились у своих боевых машин, имевших прогретые моторы, и по первому же сигналу взлетели на перехват эскадр Люфтваффе.

После публикации в 1990 г. журналом "Наука и жизнь" моей заметки о судьбе нескольких репрессированных генералов ВВС редакция переслала мне письмо из Нижнего Тагила, с родины С. А. Черных. Местный краевед Э. С. Ильин, узнав о судьбе своего героя-земляка, захотел узнать подробности о его участии в боевых действиях в июне 1941 г. Завязалась переписка, в ходе которой Ильин прислал мне копию письма, которое получила после войны вдова расстрелянного комдива Зоя Александровна. Письмо было датировано 24 апреля 1956 г., написал его бывший личный шофер генерала Г. К. Клок. Письмо проливает свет на последние дни командира 9-й САД перед арестом.

После потери матчасти управление дивизии организовано прибыло в Орел, где началось ее переформирование. В состав соединения была

передана эскадрилья "чаек" под командованием Василия Сталина. Затем генерал и сын генсека улетели на "Дугласе" в Москву, спустя несколько дней они вернулись на новых истребителях ЛаГГ-3. Через несколько дней они улетели снова (Клок отвез их на аэродром на "эмке" С. А. Черных), но вернулся только Васо и забрал автомашину себе.

Начальник штаба дивизии полковник М. М. Назаров, живший с Черных в одной комнате, предложил водителю взять себе на память что-нибудь из вещей своего командира; тот взял фотоаппарат и кожаное пальто-реглан.

Получив от Орловского военкомата другую машину, Г. К. Клок убыл в Воронеж, в распоряжение командира 1-й запасной авиабригады полковника Н. Ф. Папивина, с которым прослужил всю войну (на заключительном этапе войны генерал-полковник авиации Папивин командовал 3-й воздушной армией).

Примечание

Дважды Герой Советского Союза А. И. Молодчий в своих воспоминаниях "Самолет уходит в ночь" приводит боевой приказ № 24 от 6 октября 1941 г. Приказ издан по 81-й дальнебомбардировочной дивизии и подписан, кроме командира и комиссара, зам. начальника штаба майором Ольшвангером. Судя по упоминанию в монографии М. Н. Кожевникова "Командование и штаб ВВС Советской Армии в

757

Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. ", Ольшвангер служил и в этом штабе, причем по состоянию на 22 июня. Следовательно, он мог бывать в Белостоке по роду службы либо встречаться с С. А. Черных в Москве или Минске. Но вот был ли он очевидцем того, о чем написал, и было ли это в действительности, вопрос открытый.

Командир 14-го механизированного корпуса 4-й армии генерал-майор С. И. Оборин был ранен в бою западнее Слуцка на четвертый день войны, 25 июня.

Из обвинительного заключения:

"8 июля 1941 года Управлением 00 НКВД за нарушение воинской присяги, проявленную трусость и преступную бездеятельность во время войны Советского Союза с Германией был арестован командир 14-го мехкорпуса генерал-майор Оборин Степан Ильич. Расследованием по делу установлено, что Оборин, будучи командиром мехкорпуса, допустил преступную бездеятельность, не организовал сопротивления врагу, в результате чего большая часть личного состава и материальная часть корпуса в течение первых дней войны были уничтожены противником" (Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия 1938-1941. - М.: 2003. С. 443-444).

Кроме того, его обвиняли в том, что он поддался панике, бросил вверенные ему части и бежал в штаб Западного фронта. Сам Оборин признал себя виновным в том, что плохо руководил войсками и после легкого ранения самовольно уехал с поля боя. 13 августа 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР С. И. Оборин был приговорен к расстрелу.

Если допущение о "разнарядке" верно, тем более что об этом Л. М. Сандалов писал в 1956 г. своему однокурснику В. В. Курасову, то картина складывается вполне логичная. Согласно пожеланию Верховного Главнокомандующего, высказанного, скорее всего, устно, "наказать" за поражение следовало: одного командующего армией, одного-двух командиров корпусов и двух-трех комдивов.

Рассмотрим реальные возможности, которыми располагали НКВД и НКГБ в первой декаде июля 1941 г. О судьбе командармов Голубева и Кузнецова ничего известно не было, так как они находились в тылу противника.

В донесении штаба Западного фронта от 4 июля 1941 г. в Ставку ВГК, начальнику Генерального штаба (гриф "Особо секретно") указывалось:

"До сего времени не вышли по 3-й армии: управление армии, управление 4-го стрелкового корпуса, 27, 85 и 56-я стрелковые дивизии, 6-я противотанковая

758

бригада, 11-й механизированный корпус; по 10-й армии - управление 10-й армии, управления 1-го и 5-го стрелковых корпусов, 8, 13,86, 113 и 2-я стрелковые дивизии, 6-й и 13-й механизированные корпуса, 6-й кавалерийский корпус, 375-й гаубичный артиллерийский полк Резерва Главного Командования; по 13-й армии - управление 21-го стрелкового корпуса, 17, 50 и 24-я стрелковые дивизии, 8-я противотанковая бригада... Принимаются меры к розыску всех не вернувшихся частей и оказанию им содействия. Розыски пока безрезультатны. МАЛАНДИН".

Следовательно, для привлечения к суду командиров корпусов и дивизий 10-й и 3-й армий и окружных резервов никакой возможности не имелось. Более того, к этому времени Егоров и Никитин, раненые, попали в плен, а Хацкилевич и командир 21-го корпуса В. Б. Борисов погибли. Как ни крути, а выбирать приходилось только из командиров 4-й армии, которая, несмотря на жесточайшее поражение, была еще жива и сражалась.

По летчикам тоже понятно. П. Н. Ганичев убит в первый день войны, остаются С. А. Черных и Н. Г. Белов. Но Белов - полковник, а С. А. Черных - генерал-майор авиации. Для солидности дела о "фашистском заговоре" генерал ВВС нужнее.

Генерал-майор И. С. Лазаренко встретил войну на берегу Западного Буга. Части его 42-й стрелковой дивизии дислоцировались в районе Бреста и в самой Брестской крепости. Приказ командующего армией о приведении дивизии в боеготовность был передан начальнику штаба майору В. Л. Щербакову, так как генерал находился дома. Когда начался артобстрел города, комдив на мотоцикле сумел добраться до крепости (свидетельство

одного из защитников кольцевой казармы, сборник "Героическая оборона"), в которой находились подразделения двух стрелковых полков, автобатальон и тыловые части дивизии, но вывел из цитадели лишь часть личного состава.

Практически вся находившаяся во дворе казармы техника осталась внутри, так как пригодные для ее вывода крепостные ворота оказались заблокированными: прямо в арке восточных ворот был подбит полубронированный тягач "Комсомолец" 98-го отдельного противотанкового дивизиона 6-й Орловской Краснознаменной дивизии [40, с. 21], на выходе из северных ворот горели подожженные немецкие бронетранспортеры [там же, с. 22]. Из-за образовавшихся пробок не сумел покинуть крепость даже 75-й разведбат 6-й дивизии, имевший

759

на вооружении пушечные броневики и легкие танки. И. С. Лазаренко продолжал командовать своей дивизией до самого момента ареста, когда бои шли уже за Днепром, на реке Сож.

Военврач 3 ранга М. И. Шапиро, не сумевший вернуться из отпуска в свою 204-ю МД, был в конце июня остановлен на Березине отрядом заграждения.

"Красный, потный, разгоряченный генерал в сбитой на затылок папахе, с засученными рукавами гимнастерки, грубо велел всем военнослужащим выйти... Генерал присоединил их к группе командиров, собранных на лужайке. Рядом стояло несколько бойцов с винтовками. Вскоре генерал подошел к ним, велел построиться и начал орать, обзывая трусами, подлецами и предателями, угрожая немедленно всех расстрелять. Было ясно, что он считает задержанных беглецами, самовольно оставившими свои части.

Через некоторое время, выкричавшись, генерал начал успокаиваться. Опросив двух-трех командиров об их обстоятельствах, узнав, что они не пытаются скрыться, а ищут свои части, от которых они оторвались по разным причинам, генерал предложил им сформировать... партизанский отряд. Естественно, командиры не согласились с ним. Каждый надеялся все

же найти своих либо присоединиться к другой регулярной части и быть использованным в соответствии с основной воинской специальностью.

Генерал внял их доводам и отправил в расположенный неподалеку штаб 4-й армии. Там командиров приняли с распростертыми объятиями" (М. Шапиро. Начальник госпиталя, журнал еврейских общин "Корни" - <http://www.shorashim.narod.ru>).

Этим суровым командиром, с которым довелось встретиться военврачу Шапиро на дорогах отступления, как раз и был И. С. Лазаренко. Совершенно непохоже на поведение струсившего и поддавшегося панике человека. Вина его, если она вообще была, на "высшую меру" не потянула; единственный из всех генералов, кто был арестован по "делу Павлова", он был через какое-то время помилован. После освобождения из тюрьмы Иван Сидорович Лазаренко получил под команду 369-ю стрелковую дивизию и погиб в бою 25 июня 1944 г. у деревни Холмы Могилевской области, посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. Константин Симонов вывел его под фамилией Талызин в романе "Последнее лето" своей трилогии "Живые и мертвые".

Когда я был студентом и, кроме гражданской, получал во-

760

енно-учетную специальность, один преподаватель нашей военной кафедры, ныне, увы, покойный (действительно сожалею о его преждевременной кончине - кавторанг был с хорошим чувством военно-морского юмора, читаю А. Покровского и постоянно вспоминаю его), категорически заявил, что расстрелы лета 41-го благотворно повлияли на офицерский корпус РККА, они встряхнули его и мобилизовали на борьбу с врагом. Участники войны часто свидетельствуют об обратном. Солдаты под впечатлением прошедших арестов переставали верить своим командирам, подозревая в них изменников, офицеры, чувствуя себя потенциальными "клиентами" НКВД, находились в страхе и растерянности.

Ставший невольным свидетелем ареста комфронта Д. Г. Павлова полковник И. Г. Старинов поведал о еще одном эпизоде, произошедшем в тот же день. Новый начштаба фронта генерал Г. К. Маландин, к которому с трудом пробился сапер, не захотел выслушать его доклад об устройстве заграждений и направил к одному из штабных командиров.

"- *Разрешите*⁰. - осведомился я.

Командир поднял голову, и лицо его побелело, щека задергалась в нервном тике... В недоумении потоптавшись на месте, я сделал шаг вперед, чтобы доложить суть дела. И тогда тот, к кому я явился с докладом, залепетал вдруг какие-то жалкие оправдания:

- *Я был в войсках и делаю все... Я ни в чем не виноват...*

Он смотрел мимо меня. Я невольно оглянулся, и тут меня как обухом по голове ударило. За моей спиной, тараща глаза, стояли два командира-пограничника. Памятуя неприятное происшествие на мосту под Вязьмой, я давно уже никуда не ездил без пограничников, помогавших налаживать взаимодействие с охраной объектов... Они-то и вызвали смятение. При появлении людей в зеленых фуражках потерял самообладание волевой, опытный командир, обычно не терявшийся в самой сложной обстановке" [97, с. 212].

Воистину - достойна жалости армия, офицеров которой в тяжелейшие для государства дни уничтожают собственные карательные органы.

Первым, кто из руководства белостокской группировки вышел из окружения, возможно, оказался командир 5-го стрелкового корпуса 10-й армии генерал-майор А. В. Гарнов. Насколько мне известно, в изданиях советского периода только Л. М. Сандалов в своей рассекреченной и изданной ни-

761

чтожным тиражом книге "Первые дни войны" упомянул о нем без указания должности, да и сообщил всего-то: погиб в боях в окружении [90, с. 177]. Лично мне потребовалось немало времени, чтобы получить данные на

этого человека. Но в справке из Института военной истории МО СССР, подписанной лично Д. А. Волкогоновым, значилось: пропал без вести в июле 1941 г. Что-то здесь было не так.

Только устный рассказ бывшего комдива 86-й Краснознаменной дивизии генерал-майора М. А. Зашибалова в изложении И. И. Шапиро, лично знакомой с ним, поставил точку в этих поисках. Генерал Гарнов, избежав плена, перешел линию фронта и, как и положено, явился в штаб Западного фронта. Но, на свою беду, нарвался на армейского комиссара 1 ранга Мехлиса. Тот, подтверждая свою репутацию жестокого, бессердечного и психически нездорового человека, обрушился на командира корпуса с грубой руганью и угрозами расправы. Что оставалось честному солдату? Здесь же, прямо в штабе фронта, генерал застрелился.

А что Мехлис? Ничего. Как молох древнеизраильских мифов, он пошел по войне дальше. Сталин послал его "спасать" Северо-Западный фронт, и там Мехлис отправил "на гильотину" командарма 34-й армии К. М. Качанова, а начальника артиллерии армии генерал-майора артиллерии В. С. Гончарова расстрелял лично без суда и безо всякого на то основания [37, с. 82].

Примечание

Тяжело раненный на реке Нарев полковник Зашибалов не командовал дивизией при ее отходе на рубежи рек Зел ьвянка и Щара. Как он мог узнать о судьбе командира корпуса? Но я нашел небольшую зацепку... Один из красноармейцев 86-й, художник полковой школы 330-го полка А. М. Николаев, за отличную службу премированный отпуском, находился дома, в Елабуге, когда началась война. Надеясь вернуться в родную часть, он добрался до Москвы. На Белорусском вокзате боец неожиданно встретил своего комдива: раненного, измученного и голодного, ничего о судьбе своей дивизии не знавшего. Николаев накормил М. А. Зашибалова хлебом и салом. Зашибалов долго раздумывал, что делать дальше, а потом сказал, что пойдет

в политуправление, к Мехлису. Видимо, Мехлис нашел время и принял полковника, и тот в разговоре с армейским комиссаром узнал о судьбе генерала А. В. Гарнова (в соответствующей, разумеется, интерпретации).

Репрессии в отношении участников сражения в Белорус- 762

сии не ограничились летним судилищем над "Павловым и К°". Командир 188-го артполка 7-й бригады ПВО полковник Галинский был арестован за "пораженческие настроения", вышедший из окружения начальник штаба 311-го ПАП РГК майор Кашин был показательно расстрелян перед строем. Согласно приказу № 15 от 18 сентября 1941 г. был расстрелян начальник артиллерии 64-й стрелковой дивизии майор С. Н. Гаев, неоднократно упоминаемый в превосходной степени в литературе по боям за Минск. 4 ноября 1941 г. военный трибунал Приволжского ВО вынес смертный приговор начальнику штаба 13-го механизированного корпуса полковнику И. И. Грызунову.

По возвращении из партизан в действующую армию бывший командир 208-й МД полковник В. И. Ничипорович, как кавалерист по специальности, был направлен на учебу в Академию имени К. Е. Ворошилова. 18.05.1943 г. ему было присвоено звание генерал-майор. 30 мая 1943 г. В. И. Ничипорович был арестован органами КР "СМЕРШ" на должности зам. командира 4-го Кубанского гвардейского кавкорпуса. Обвинение - измена Родине (ст. 58-1 "б" УК РСФСР). Он умер 31 января 1945 г. в Бутырской тюрьме, а 4 октября 1952 г. постановлением 3-го ГУ МГБ СССР следственное дело в отношении генерала Ничипоровича было прекращено "за отсутствием состава преступления" [76, справка ЦА ФСБ РФ № 1 О/А-764 от 28 февраля 2007 г., оригинал]. Чем не угодил неплохо воевавший командир, неизвестно.

Вернувшийся из немецкого плена бывший командир 4-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск А. Г. Потатурчев 7 января 1946 г. также был арестован органами КР "СМЕРШ", 30 сентября 1948 г. он умер в

ходе следствия, также в Бутырках. Чего "органы" добивались от генерата, установить не удалось: в справке из ЦА ФСБ стоит лаконичное "следственные материалы уничтожены" [там же, оригинал].

29 декабря 1945 г. ГУКР "СМЕРШ" арестовало освобожденного из плена генерал-майора Е. А. Егорова, бывшего командира 4-го корпуса 3-й армии. Обвинение стандартное - 58-я статья, пункт 1 "б". Основанием для ареста послужило недолгое участие в антисоветской организации, из которой генерал добровольно вышел и оставшееся время находился в концлагере на равных условиях с остальными пленными командирами РККА. Несмотря на положительную характери-

763

стику поведения комкора-4 в плену бывшим командующим 5-й армией Потаповым (был тяжело ранен и пленен в сентябре 1941 г. в окружении под Киевом), Военная коллегия Верховного суда СССР после пятилетнего разбирательства 19 апреля 1950 г. приговорила Егорова Евгения Арсеньевича к расстрелу. За день до этого, 18 апреля, был осужден к смерти маршал авиации С. А. Худяков, бывший начальник штаба ВВС Западного округа. Но маршал посмертно реабилитирован, а на генерале Егорове до сих пор висит клеймо изменника [30, с. 6-10].

Та же участь постигла командира 36-й кавдивизии генерал-майора Е. С. Зыбина. Он был освобожден из плена союзниками 29 апреля 1945 г. и вскоре передан советской стороне. Надо заметить, что еще 23 октября 1942 г. Зыбин был заочно приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР. Но арестован он был не сразу, а только 29 декабря 1945 г., как и Егоров, что несколько странно для уже приговоренного к "вышке".

Обвинение было аналогичным, дата вынесения второго (уникальный случай) смертного приговора - на пять дней позже - 24 апреля 1950 г.

Причиной вынесения смертных приговоров этим генералам могут являться показания власовца И. А. Благовещенского (в 1941 г. - генерал-

майора береговой службы, начальника Либавского ВМУ ПВО), данные им на процессе по делу А. А. Власова и командования РОА:

"... принимал участие в антисоветских разговорах, проводимых Закутным, Трухиным. **Зыбиным** и другими... Затем в декабре 1941 года я совместно с **Егоровым и Зыбиным** составил обращение в адрес германского командования, в котором просил разрешить нам сформировать русские части для борьбы против большевиков" [55, с. 63-64].

Полковнику Н. М. Каланчуку, бывшему начальнику штаба 29-й танковой дивизии, первоначально повезло. После освобождения из плена он прошел госпроверку, был восстановлен в звании и назначен начальником тактического цикла Уфимского пехотного училища. Арест последовал 16 декабря 1950 г., решением ОСО МГБ СССР от 28 апреля 1951 г. танкист получил 10 лет лагерей. В апреле 55-го он был освобожден из заключения и реабилитирован [76, справка ЦА ФСБ, оригинал]. Но злключения полковника на этом не закончились. Впоследствии он принял участие в правозащитном движении и,

764

по не подтвержденным пока данным, подвергался преследованиям со стороны КГБ СССР.

Плачевно закончились мытарства по вражеским тылам для командира 56-й стрелковой дивизии генерал-майора С. П. Сахнова. Со своим заместителем С. Е. Ковальским, начальником особого отдела 3-й армии капитаном госбезопасности Иониным и еще несколькими командирами он вышел из окружения 6 сентября 1941 г. в полосе 133-й дивизии 22-й армии Западного фронта севернее г. Андреаполь. Прошло десять дней, и 16 сентября решением фронтовой парткомиссии генерал был исключен из партии за то, что, находясь в тылу противника, зарыл в землю свои документы, в том числе и партбилет.

Это формально правильное, но объективно не совсем справедливое решение навсегда перечеркнуло военную карьеру комдива 56-й. С. П. Сахнов

не утратил генеральское звание, но дорога на фронт ему была закрыта. До конца войны он командовал 23-й запасной стрелковой бригадой, умер в марте 1950 г. в должности начальника военной кафедры Башкирского сельхозинститута.

И, наконец, еще об одной жертве. С началом войны Сталин направил на Западный фронт заместителя наркома обороны по артиллерии маршала Советского Союза Г. И. Кулика. Тот прибыл в Белостокский выступ, но ничего путного там не сделал и никакой помощи командармам 3-й и 10-й армий не оказал.

17 июля 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков получил от начальника 3-го Управления НКГБ майора госбезопасности А. Н. Михеева любопытную бумагу. В совершенно секретном документе за № 38134 содержался компромат на Кулика Григория Ивановича. Надо сказать, армейские чекисты провели большую работу, собирая порочащие маршала сведения. Но меня в этой истории заинтересовала только заключительная часть СПРАВКИ (так она была озаглавлена).

Как сообщал начальник особого отдела 10-й армии полковой комиссар Лось, Г. И. Кулик, оказавшись в окружении, повел себя недостойно. Цитирую по тексту:

"... приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся... Кулик никаких документов при себе не имел. Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы. Однако, кроме его адъютанта, никто документов и оружия не бросил" [34, с. 20].

Резюме Михеева было недвусмысленным: "Считаю необходимым Кули-

765

ка арестовать" [там же].

Но тогда, в июле, смерть прошла стороной, зацепив лишь его бывшего заместителя генерал-майора М. М. Какжова. Тот был арестован и 28 октября

1941 г. расстрелян в числе большой группы должностных лиц высокого ранга, среди которых были такие колоритные личности, как дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич.

Были среди расстрелянных, кроме военных, и два штатских человека: Я. Г. Таубин и Ф. И. Голошекин.

Таубин был конструктором авиационного оружия, арестованным, как гласит предание, по доносу своего коллеги, конструктора пулемета ШКАС и пушки ШВА К Б. Г. Шпитального. Оба работали над созданием авиапушек калибра 37 мм, и пушка Шпитального впоследствии принята не была, пушка же Таубина пошла в серию под наименованием НС-37 (Нудельмана, Суранова).

Ф. И. Голошекин был Главным Государственным Арбитром, в его послужном списке среди разных деяний "во имя Революции" было участие в уничтожении императорской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Можно мрачно пошутить, что пули, не попавшие в цель в подвале Ипатьевского дома, спустя 23 года настигли в поселке Барбыш Куйбышевской области одного из бывших руководителей УралСовета, да чего уж там.

В ноябре Г. И. Кулик, как Представитель Ставки, санкционировал эвакуацию из Керчи прижатых к морю войск Крыма и тем спас их от неизбежной гибели; за это Сталин отдал его под суд. 16 февраля 1942 г. приговор был вынесен. 19 февраля он вступил в силу, и бывший маршал был разжалован до генерал-майора, лишен всех орденов и Звезды Героя, выведен из состава ЦК, снят с поста заместителя наркома обороны. Это был полный крах карьеры, но все же лучше, чем получить пулю в затылок. За весь остальной период войны Кулик ничем себя не проявил, хотя Верховный предоставлял ему шанс, назначая командовать общевойсковыми армиями. Летом 1946 г. он был уволен из рядов Вооруженных Сил с поста зам. командующего войсками Приволжского военного округа, через полгода за ним пришли. 24 августа 1950 г. бывший друг Сталина и его соратник по

Гражданской войне Григорий Иванович Кулик был осужден к расстрелу ("Родина", 1996, № 6, с. 59-60).

766

Глава 14. СЛОВО О "ЛЕСНОМ БРАТСТВЕ"

Множество групп военнослужащих из 3-й и 10-й армий, не пробившись на восток, перешло к партизанским методам борьбы с врагом. Они собирали на местах боев оружие и боеприпасы, которые не успели "оприходовать" немецкие трофейщики, отыскивали и вводили в строй утопленную в реках и озерах технику. Пришли они и на места отступления 11-го мехкорпуса.

Один отряд, который вылавливал технику из Щары, базировался у деревни. Малая Воля. У Малой Воли они вытащили из реки броневик БА-10. У деревни Шара отбили у немцев 76-мм орудие, которое сами немцы вытащили из реки. Между деревнями Воля и Щара вытянули из реки танкетку. Танкетка была повреждена, так что партизанам пришлось рисковать и под носом у немцев в деревне Голынка снимать с однотипной подбитой машины двигатель и прочие запчасти. Также в Щаре и на ее берегах были найдены три 45-мм орудия. Отряды, которые вооружились подобным образом, назывались "Победа" и "Борьба". Впоследствии они оба вошли в бригаду "Победа". Все это "наследство" 11-го МК было подобрано в 1942 г. Броневик и танкетка продержались до лета 1943 г., пока окончательно не износились и не вышли из строя.

Литература о партизанах позволила отследить судьбы немало числа комсостава войск 3-й и 10-й армий, да и многих других частей и соединений ЗапОВО, оставшихся в немецком тылу.

Заместителем начштаба Минского партизанского соединения стал оправившийся от ран генерал-майор М. П. Константинов. Как вспоминал 2-й

секретарь Минского обкома КП(б)Б В. И. Козлов, история получилась вполне де-

767

тективная. В один из дней отряд Р. Н. Мачульского (впоследствии начштаба Минского соединения) вошел в деревню Милевичи. К Козлову прибыл связной от него с донесением, что в селе задержана группа военных. Самый подозрительный является главным в группе. Он держится смело и независимо и утверждает, что он советский генерал. В. И. Козлов приказал Мачульскому выяснить, что это за люди, а старшего доставить к нему. Оказалось, что партизаны действительно встретились с генералом М. П. Константиновым. Он присоединился к ним, позже вошел в состав подпольного обкома КП(б)Б.

22 сентября 1942 г. из партизанских лесов в Москву улетел самолет. Кроме Козлова и прокурора Минской области А. Г. Бондаря, у которого открылась плохо залеченная рана, с ними был и М. П. Константинов. Вернувшись на фронт, генерал получил кавалерийский корпус, которым командовал до Победы, заслужив звание Героя.

Широкую известность получил 208-й партизанский полк, названный так в честь 208-й мотодивизии 13-го мехкорпуса. Возглавил его бывший комдив полковник В. И. Ничипорович.

Выйдя с горсткой бойцов полка своей дивизии к Минску, Ничипорович поначалу принял активное участие в деятельности минского подполья. Но работа пошла неудачно, провал следовал за провалом, и полковник ушел из города, потеряв многих своих людей. Подполковник С. М. Джигоев попал в руки гестапо живым и, не выдержав пыток, повесился. Заместитель Ничипоровича полковник Б. Ф. Нестеров из-за больного сердца и больших отеков ног отстал в пути; много штабных офицеров было расстреляно.

В Руденском районе В. И. Ничипорович объединил действия двух партизанских отрядов, слил их воедино и назвал 208-м имени Сталина. Военкомом отряда стал бригадный комиссар К. М. Яковлев, бывший зам.

командира 5-го СК по политчасти, начальником штаба - полковник В. М. Айрапетов.

Полковник Айрапетов Ваак Мартиросович, 1907 г. р., оказался начальником 1-го отдела штаба Управления погранвойск Белорусского округа, по официальным данным, он пропал без вести 23.06.1941 г. Раненный в бою 23 марта 1942 г., он был переправлен в Москву, после лечения продолжил службу. В мае 1943 г. был арестован, 22 апреля 1944 г. ОСО НКВД был осужден к пяти годам заключения по статье 7-35 УК РСФСР, как "социальноопасный элемент", и дос-

768

точно освобожден 14 декабря 1946 г. Такая вот благодарность за службу Родине социальнопасному пограничнику.

Действия объединенного отряда были весьма эффективными. Правда, В. И. Ливенцов в своей книге подверг Ничипоровича резкой критике за то, что тот фактически создал в немецком тылу армейскую войсковую часть, которая не принимала в свои ряды местное население и не опиралась на его помощь и поддержку. К тому же полковник повел себя не совсем достойно по отношению к создателю и командиру одного из отрядов, секретарю Руденского райкома КП(б)Б Н. П. Покровскому. Покровский выступил против излишней, по его мнению, "армейскости", насаждаемой полковником, и в результате был отчислен из отряда. Уйдя из 208-го с группой своих сторонников, Н. П. Покровский расположился по соседству с отрядом Ливенцова и позже сформировал свой отряд.

Много офицеров из частей белостокской группировки вошло в руководство бобруйского подполья. Например, в Бобруйск пришел командир 117-го ГАП 8-й стрелковой дивизии майор А. В. Кодач (разными путями туда же попали все три командира его дивизионов - капитаны Н. П. Бовкун, Плюта и Д. Алепешкин). К ним присоединился начальник штаба 521-го ОБС капитан С. З. Кремнев. Стали подпольщиками и. о. начштаба 36-й

кавалерийской дивизии майор П. В. Яхонтов и секретарь партбюро 144-го кавполка старший политрук С. Н. Игумнов.

В Дзержинском районе Минской области организовал партизанский отряд имени Кирова пом. начштаба 330-го стрелкового полка 86-й дивизии лейтенант Н. М. Николенко. Позже этот отряд вошел в известное партизанское соединение секретаря Черниговского обкома КП(б)У А. Ф. Федорова.

В Ружанской пуще в конце лета уже действовал отряд командира 15-го стрелкового полка 49-й дивизии майора К. Б. Нищенкова, в Налибокской - рядового кавалериста из 6-й кавдивизии Д. Денисенко.

Белостокской бригадой имени Ворошилова командовал бежавший из плена майор Ф. Ф. Капуста, служивший в первые дни войны в 375-м арtpолку РКК. К концу войны он стал генералом.

Командир 1-го дивизиона этого же полка Герой Советского Союза капитан Г. К. Бережок был в июле 41-го тяжело ранен и тоже попал в плен. Бежал

769

удачно, потом воевал в отряде имени Кутузова, после войны жил в Николаеве.

Справка

Судьба майора К. Б. Нищенкова сложилась трагически. Лейтенант П. В. Пронягин писал, что он командовал отрядом имени Кирова, но в 1943 г. был расстрелян без расследования и суда командиром переброшенного из-за линии фронта спецотряда полковником Линьковым [12, с. 270]. Увы, такой факт действительно имел место. Более того, сам Линьков в своей книге "Война в тылу врага" изложил обеляющую его версию событий, еще раз оклеветав ни в чем не повинного офицера. Немало командиров десантных спецотрядов налаживало дружеские отношения с "простыми" партизанами:

помогало им минами, детонаторами, глушителями для винтовок. Но находились и такие, кто непомерно раздувал свои успехи, относясь к остальным с высокомерным презрением.

Бригадный комиссар К. М. Яковлев оказался в окружении, будучи в расположении 86-й КрСД; получив тяжелое ранение, выйти из окружения не смог и остался на оккупированной территории. С ноября находился в подполье Бобруйска, с апреля 1942 г. был военкомом 208-го отряда. От ранения оправиться не смог, после переправки на "Большую землю" 14.07.1943 г. по состоянию здоровья был уволен в запас, с 1958 г. находился в отставке.

Капитан Н. М. Никитин командовал батальоном Т-34 в дивизии 11-го мехкорпуса. Когда танков не осталось (несколько их штук отважный комбат довел почти до Минска), была попытка прорыва на восток, ранение и плен. После побега Никитин стал партизаном, но продолжал тосковать по службе в регулярной армии. Бригада на Бегомльшине, которую он возглавлял, полностью состояла из кадровых военных, также мечтавших вернуться в строй. А потому в 1942 г. ее партизанские отряды начали продвижение на восток, чтобы перейти линию фронта.

"Коллега" Никитина, комбат 126-го танкового полка 204-й МД майор П. М. Коновалов, напротив, остался в немецком тылу. Был начальником штаба Минского партизанского соединения, командовал партизанской бригадой имени А. Я. Пархоменко.

Судьба героя боев за город Августов полковника В. К. Солодовникова долгое время оставалась неизвестной. Но вот,

770

просматривая книгу "Витебское подполье" (Мн.,1974), я натолкнулся на знакомую фамилию. Оказывается, бывший командир 345-го стрелкового полка 27-й дивизии возглавлял в Лиозновском районе на Витебщине боевую партизанскую группу из окружение в и местных жителей. Огорчило, правда,

что, кроме упоминания о действиях группы осенью и зимой 1941 г., никаких подробностей в книге не оказалось. Дальнейшая участь полковника оставалась невыясненной, пока А. Л. Дударенок не обнаружил хранящийся в Белгосмузее И ВОВ небольшой очерк самого Солодовникова.

"После неудачной попытки перейти фронт в районе Орша-Смоленск я организовал там партизанский отряд... В марте 1942 года, после установления связи с Большой Землей, я был отозван в Москву. После доклада в Москве я был направлен в распоряжение Западного фронта, где и провоевал до конца войны" [76, копия].

И. о. командира 942-го батальона связи 3-й армии капитан И. М. Соляников после выхода из окружения оказался в 13-й армии и был назначен командиром вновь формируемого армейского 55-го отдельного полка связи. Но осенью 13-ю ожидало новое окружение, уже в составе Брянского фронта. В Брянских лесах связист из остатков полка сформировал партизанский отряд, который позже получил наименование "№ 2 имени Суворова". Затем капитан Соляников был отозван в Елец и назначен начальником связи Орловского-Брянского штаба партизанского движения [76, письмо личной переписки].

Кроме боевых постов, в партизанском движении военные занимали и важные должности в партийных органах на оккупированной территории. Командир 208-го партизанского отряда В. И. Ничипорович стал в 1942 г. руководителем оперативного военного центра Могилевской области, в августе был отозван в Москву. Правда, потом его судьба сложилась трагично, но об этом я уже писал.

Командир 212-го стрелкового полка 49-й дивизии майор Н. И. Коваленко первоначально был начальником штаба партизанской бригады, которой командовал младший лейтенант Р. А. Дьяков, бывший зам. командира батареи 229-го полка 8-й дивизии. Явное и в то же время кажущееся несоответствие спустя некоторое время устранилось: майор был назначен

военным руководителем Борисовского подпольного межрайонного комитета компартии

771

Белоруссии. Дело в том, что в отрядах, даже состоящих в основном из военных, первоначально практиковался принцип выборности руководства. А тут уже речь шла не о прошлых, а о нынешних заслугах и о личных симпатиях и антипатиях. Поэтому, например, когда бобруйские подпольщики ушли в леса и начали формировать отряд, то командиром выбрали политрука-минометчика, начальником штаба и комиссаром - капитанов, командиров гаубичных дивизионов. Сам же командир гаубичного полка, имевший звание майора, получил под команду взвод и лишь через некоторое время стал начальником штаба отряда.

В белорусских лесах действовала также партизанская дивизия имени Чапаева. Она была известна тем, что ее руководство (командир - В. С. Пыжиков, комиссар - Б. Г. Бывалый, начальник штаба - Я. В. Чумаков) долгое время отказывалось подчиняться Белорусскому штабу партизанского движения. Я занес их фамилии в свою картотеку и на время забыл "за необходимость". Но, добравшись в работе над рукописью до боев за Минск, решил проверить кое-какие факты.

И вдруг выяснил, что командир 73 разведбата 64-й дивизии майор Чумаков, так удачно захвативший 25 июня 1941 г. в ходе рейда важнейшие документы в штабе немецкого корпуса, и начштаба "неуступчивой" партизанской дивизии - одно и то же лицо. Яков Власович Чумаков.

А сколько разбросано по исторической литературе фамилий бывших командиров и политработников, ставших партизанами, но не указаны их военные должности! Старший батальонный комиссар С. Н. Корзюков, старший политрук А. Макогонов, майор А. Ф. Бардадын, майор В. Т. Воронянский, политрук А. Ф. Данукалов, политрук Д. Т. Гуляев, батальонный комиссар С. Е. Егоров, интенданты 3 ранга С. Г. Жунин и Т. Л. Зубов, батальонный комиссар Н. И. Китаев, Д. Т. Короленко, полковой комиссар И.

М. Куликовский, политрук А. В. Львов, воентехник Н. Н. Розов, майор И. З. Рябышев, майор Г. М. Семенов, батальонный комиссар Т. Г. Ширяков - список можно продолжать и продолжать.

Примечание

По данным из книги "РККА 22.06.41", командир Краснопольского партизанского отряда Чечерских лесов С. Н. Корзюков оказался зам. командира по политчасти 2-й стрелковой дивизии 1-го корпуса 10-й армии. Р. Н. Ма-

772

чульский в своей книге "Вечный огонь" (Минск, 1969 г.) упомянул, что В. Т. Воронянский был командиром армейского батальона связи, но, как всегда, как принято в "партизанской" литературе, не назвал его номер. Конспирация. Вороновский-Воронянский в 2007 г. "пробился" по ОБД и оказался командиром 570-го батальона связи 13-й армии.

Участие в партизанском движении приняли и офицерские жены, не успевшие эвакуироваться из прифронтовой полосы и потому оставшиеся в немецком тылу. 30 мая 1941 г. полковой комиссар В. М. Оленин сдал свои дела во 2-й СД и убыл к новому месту службы - заместителем командира 4-го воздушно-десантного корпуса. Супруга комиссара Мария Федоровна с сыном Игорем остались в крепости Осовец, там их и застало начало войны. Комендант организовал эвакуацию в Белосток, но быстрое продвижение противника не позволило эвакуироваться в тыл. Жена комиссара пешком направилась в сторону Ленинграда, но дошла только до Опочки Псковской области. Там ей удалось устроиться на работу в квартирный отдел городской управы, а позже она стала партизанской разведчицей. Псевдоним у нее был соответствующий фамилии - "Олень". В. М. Оленин дослужился до генерала,

ЧВС армии, после окончания войны семья воссоединилась (Масолов Н. Срока у подвига нет. - М.: 1978. С. 21-23, 175-176).

Глава 15. О НЕКОТОРЫХ НЕПРИЯТНЫХ МОМЕНТАХ

Как говорится, на каждую бочку меда найдется своя ложка дегтя. Далеко не все попавшие в плен красноармейцы и командиры предпочли мучения и голодную смерть более легкой участи. Как минимум два высших командира из войск ЗапОВО замарали себя сотрудничеством с немцами.

Бывший комдив 13-й дивизии 5-го стрелкового корпуса генерал-майор А. З. Наумов, попав в плен, повел себя нелояльно советскому режиму. Занявшись в лагерях военнопленных доношением на своих товарищей, достиг весьма многого. С его подачи, в частности, был передан гестапо Герой Советского Союза, генерал-майор И. М. Шепетов (он командовал 14-й гвардейской дивизией и попал в плен в мае 1942 г. в харьковском "котле"). В лагере на территории крепости Осовец, как вспоминают бывшие пленные, Д. М. Карбышев сильно оберегал офицеров от общения с неким генерал-майором, которого сам он называл сволочью и не разговаривал с ним. Вероятно, это и был Наумов.

Естественно, за такие вещи, как "стукачество" в плену, по головке не гладят. После Победы экс-комдив был сразу арестован. Судили, дали "вышку". Последними словами А. З. Наумова были: *"Готов понести любое наказание. Виноват"* [26, с. 11].

Управление 21-го стрелкового корпуса вышло из окружения в относительном порядке. Начальник штаба генерал-майор Д. Е. Закутный заменил на посту командира погибшего при прорыве генерала В. Б. Борисова, командование 21-й армии передало ему 117-ю и 155-ю стрелковые дивизии. Но в конце июля корпус вновь попал в окружение, и Закутный без сопротивления сдался в плен. Этот генерал пошел еще даль-

ше, чем Наумов. Заняв четко выраженную антисоветскую позицию, он проявил высокую активность в различных пропагандистских организациях, а затем вошел в руководство КОНР (Комитета освобождения народов России) и власовской РОА. После разгрома Германии он был выдан советской стороне союзниками и 1 августа 1946 г. осужден к смерти вместе с А. А. Власовым и другими высшими командирами РОА. На процессе держался вполне достойно, на коленях не ползал. Вину свою полностью признал, но в последнем слове попросил дать *"возможность умереть честным человеком, а не врагом своего государства"* [66, с. 77].

Генерал Закутный происходил из казаков. Казачество в ту войну воевало по обе стороны фронта, ибо с Врангелем из России ушли тысячи казаков с семьями, и многие из них потом примкнули к Гитлеру.

22 августа 1941 г. немцам сдался батальон 436-го стрелкового полка 155-й дивизии во главе с командиром полка майором И. Н. Кононовым. Казак Кононов был членом партии с 1927 г., участником финской кампании, кавалером ордена Красного Знамени, окончил Академию имени Фрунзе. Фронтное командование немцев разрешило ему сформировать казачий эскадрон из перебежчиков и добровольцев-пленных для использования в диверсионных и разведывательных целях.

Получив разрешение, Кононов на восьмой день своего перехода к немцам посетил лагерь военнопленных в Могилеве. Там на его призыв положительно откликнулись более 4 000 пленных. Однако в часть было зачислено только 500 из них (80% казаков), а остальным было сказано ждать.

Потом Кононов посетил лагеря в Бобруйске, Орше, Смоленске, Пропойске и Гомеле, везде с таким же успехом. К 19 сентября 1941 г. казачий полк насчитывал 77 офицеров и 1799 бойцов (60% казаков). Полк именовался 120-м казачьим. Правда, в январе 1943 г. полк был переименован в 600-й казачий батальон донских казаков, хотя состоял из двух тысяч и ожидал прибытия еще тысячи в следующем месяце. Из этого пополнения

создали 17-й казачий танковый батальон, который в составе 3-й армии воевал на фронте.

Части Кононова хорошо проявили себя в боях. В ходе одного из рейдов по тылам Красной Армии 120 его бойцов в районе Великих Лук захватили военный трибунал в полном составе (5 судей и 21 охранник) и освободили 41 приговоренного к расстрелу.

После

775

войны генерал-майор КОНР И. Н. Кононов укрылся в Австралии, руководство которой не выдавало беглецов Советскому Союзу. 15 сентября 1967 г. он погиб в автокатастрофе в г. Аделаида. Было это делом рук советских спецслужб или нет, уже не столь важно.

Бывший сотрудник НКГБ Белоруссии, а затем партизан Чечерских лесов Н. А. Михайлашев привел еще один позорный факт. В Гомеле, в конюшнях кавалерийского полка, нацисты развернули лагерь военнопленных, а по сути, лагерь смерти "Дулаг-121". За короткое время там погибло 64 тысяч и советских солдат и офицеров. Но командовал целенаправленным уничтожением людей не немец, а соотечественник. Командантом "Дулага-121" был русский, некто Василий Кардаков.

Офицер деникинской армии, он сумел скрыть свое прошлое, удачно прошел все сталинские "чистки", дослужился до полковника РККА. Попал в плен осенью 1941 г., будучи начальником артиллерии 280-й стрелковой дивизии 3-й армии 2-го формирования. Был невероятно жесток по отношению к пленным, и впоследствии был повышен: стал начальником полиции Гомельского прифронтового округа. Затем вступил в РОА, в 45-м оказался в американской зоне оккупации, но был выдан советской стороне (Михайлашев Н. А. Буря гнева. Минск, 1971, с. 141).

Я все понимаю: зверства в годы "красного террора", расстрелы заложников, отравляющие газы против тамбовских крестьян, истребление десятков тысяч "беляков" в Крыму и Новороссийске, купившихся на лживые

обещания "помиловать". Но Гражданская война, если она не спровоцирована извне, есть внутреннее дело каждого народа. И негоже помогать агрессору, пришедшему не принести ему свободу от тирании, но уничтожить его.

Ведь далеко не все россияне-эмигранты, способные носить оружие, пошли за генералами Красновым, Шкуро и Дутовым, воевали с югославскими партизанами, были приняты в десантные части вермахта и чисто диверсионно-террористические подразделения типа полка "Бранденбург-800". Многие ушли в Сопротивление, заняли пассивную позицию, эмигрировали в США, наконец, как это сделал А. И. Деникин. Кто-то сказал о нем и тех, кто из военной эмиграции разделял его позицию: "Они пролили немало русской крови, но отказывали в этом праве чужеземцам".

776

И все же надо признать, что много бывших граждан Российской империи, оказавшихся за границей, да и советских - тоже (в плену или еще где), купилось на утопические лозунги о "борьбе с большевизмом" и "освобождении Родины". Не было ничего подобного ни в Первую мировую войну, ни когда-либо еще, чтобы под крылом черного германского орла собралось столько "добровольческих формирований". БКА, РОА, РННА, РОНА, Туркестанский Легион, Армянский Легион, татарский батальон "Идель" (Волга), другие национальные формирования. Дивизия СС "Галичина", эстонские и латышские части СС. Русских и белорусских частей всевозможных видов и типов тоже была масса.

Правда, многие из "добровольцев" (в основном опять же русские и белорусы) при любом удобном случае переходили к партизанам, союзникам, в польскую армию В. Андерса. Комбриг "Железняк" Титков в своих мемуарах рассказал о нескольких таких случаях. Например, комиссар 1-го отряда С. В. Борздыко как-то привел роту перешедших к своим "предателей", которых возглавлял лейтенант Максаков. Оказывается, в селе Докшицы разбежалась немецкая военная школа. Одна группа во главе с капитаном ушла в бригаду А. Медведева, рота Максакова - в бригаду "Железняк". С

согласия лично П. К. Пономаренко (секретаря ЦК КП(б)Б и начальника Белорусского штаба партизанского движения) всех зачислили в бригаду, лейтенанта оставили ротным. Предательств не было, всех наградили за бои с врагом, Максакова - несколько раз.

Еще был "добровольческий" батальон "Припять" (командир - майор Щелоков). Комроты капитан Ищенко увел всех своих людей (120 человек) к партизанам. В мемуарах К. Т. Мазурова упоминается также батальон "Днепр". Их боеспособность была низкой, а случаи перехода военнослужащих на советскую сторону - весьма частыми.

Аналогичный случай произошел с так называемой "1-й русской национальной бригадой". О ней написали не менее трех партизанских командиров: тот же И. Ф. Титков, А. А. Шамаль (бывший комроты из 13-й дивизии) и Р. Н. Мачульский.

В апреле 1942 г. в лагере в Сувалках был создан "Боевой союз русских националистов". Руководителем стал бывший начальник штаба 229-й стрелковой дивизии подполковник В. В. Гиль, который попал в плен раненым, а не сдался сам, и к

777

тому же сумел сохранить свой орден Ленина. На базе Союза были сформированы две дружины, одну возглавил Гиль, прибавивший к своей фамилии приставку "Родионов", вторую - капитан А. Э. Блажевич (в Сети его поименовали майором войск НКВД). В апреле 1943 г. дружины объединились в "1-й русский национальный полк СС", а затем - в бригаду. Начальником штаба стал Блажевич, начальником контрразведки - П. В. Богданов, бывший генерал-майор РККА, командир 48-й дивизии Северо-Западного фронта. Кроме кадровых советских офицеров, в бригаде были и белогвардейцы, в том числе известный авантюрист полковник лейб-гвардии князь Святополк-Мирский (их родовой замок в местечке Мир сохранился до наших дней и сейчас реставрируется). Гиль-Родионов получил от немцев два Железных креста и звание полковника.

Летом 43-го "националисты" начали выходить на контакты с партизанами и сами подверглись обработке и разложению с их стороны. Титков приводит в своей книге много фамилий офицеров бригады, и очень жаль, что неизвестны их должности в Красной Армии. Майор Фефелов, комбат, убит в бою с партизанами. Майор Шепетовский, полковник Волков, майор Шепелев. Подполковник В. М. Орлов. При переговорах с партизанами Орлов писал, что их гарантии вряд ли спасут от последующей расправы с ними. Капитан И. И. Тимофеев, адъютант Родионова, летчик-истребитель. Переговоры увенчались успехом, и 16 августа 1943 г. бригада практически в полном составе перешла к партизанам. Командир одного из полков (фамилия неизвестна) прикрепил к форме сохраненный им в плену орден Красного Знамени. Наиболее рьяных "борцов за свободу" привели силой.

Удалось скрыться лишь Блажевичу и майору Юхнову, который преподавал в бригаде тактику. П. В. Богданова, князя Святополка-Мирского, который оказался еще и резидентом польской Армии Крайовой, и еще 15 человек отправили в Москву для суда. Богданов был расстрелян, судьба остальных (так же, как и их фамилии) осталась неизвестной. По указанию П. К. Пономаренко бригада получила наименование "1-я антифашистская бригада". Сам же Владимир Владимирович Гиль участвовал во многих боях, был награжден орденом Красной Звезды. В одном из боев он был тяжело ранен, 14 мая 1944 г. умер и был похоронен в брат-

778

ской могиле южнее хутора Накол, полностью искупив таким образом свою вину.

Справка

На рубеже 40-х и 50-х годов, когда мощь ГУЛАГа казалась нерушимой, фамилия князя Святополк-Мирского мелькнула на одном из островков "Архипелага". Вероятно, тот факт, что полковник оказался "аковцем" (и,

следовательно, находился в подчинении польского правительства в Лондоне, то есть, по сути, был союзником), сыграл свою роль и его не расстреляли, а "всего лишь" дали срок. В республике Коми у ж.-д. станции Абезь, почти что у Северного полярного круга, был Особый инвалидный лагпункт, куда с каменноугольных шахт "народного предприятия" ИНТАЛАГ и просто с этапов отправляли тех политзаключенных, кто был не в состоянии работать в забоях. Среди разношерстной массы старых, искалеченных, хронически больных или просто изможденных до предела зэков, в числе которых были такие выдающиеся личности, как виднейший православный богослов и философ Л. П. Карсавин, бывший ректор Руссикума (русской католической семинарии в Риме), а затем Папский нунций в Праге, отец-иезуит Яворка, искусствовед, профессор ЛГУ Н. Н. Пунин (к тому же являвшийся вторым мужем Анны Ахматовой), оказался и этот представитель древнего рода. В Абези князь заведовал столовой и был очень горд оказанным ему доверием. Нарушителей порядка ждали раскаты отборного многоэтажного русского мата, после чего Святополк-Мирский богобоязненно крестился и просил у Всевышнего прощения за сквернословие (Ванеев А. А. Два года в Абези. Брюссель, Жизнь с Богом, 1990, с. 121-122).

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

"Волею Всевышнего не суждено было увенчать ваш подвиг успехом,
НО БЕЗЗАВЕТНЫМ МУЖЕСТВОМ ВАШИМ ОТЕЧЕСТВО ВСЕГДА
БУДЕТ ГОРДИТЬСЯ"

(из телеграммы Е. И. В. Николая II Романова через четыре дня после Цусимского сражения)

Причины тяжелого поражения советских войск, входивших в состав Западного Особого военного округа РККА, нельзя определить однозначно. С официальной точки зрения, имевшей место до конца 80 - начала 90-х годов

прошлого века, все сводилось к фактору внезапного удара, низкой оснащенности войск современными средствами вооружения, незавершенностью процесса реорганизации, малочисленностью и низким уровнем подготовки ослабленного репрессиями. офицерского корпуса и т. д. Многие из написанного впоследствии оказалось идеологически выверенной ложью, кое-что выдержало проверку временем. В целом получается следующая картина.

Глобальные последствия имели ошибки военного руководства СССР в лице Наркомата обороны и Генерального штаба, а также ошибки политического руководства СССР в лице Политбюро ЦК ВКП(б), которые явились причиной опоздания с приведением войск западных приграничных военных округов в боевую готовность и которыми была обусловлена пресловутая "тактическая внезапность".

Сюда же следует отнести целый ряд факторов как глобального, так и более частного характера.

Неэффективность средств связи, "радиобоязнь" и, как следствие, потеря управления войсками.

Ошибки командования округа, а также всех трех армий прикрытия, в том числе ошибки в определении операционных направлений противника, в результате чего не были парированы прорывы 2-й танковой группы из района Бреста на Слоним и Барано-

780

вичи и 3-й танковой группы - из сувалковского выступа на Вильнюс, Лиду и Молодечно.

Как следствие, ошибки в выдвижении резервов и, одновременно, несвоевременное выдвижение резервов; неотмобилизованность резервов.

Слабоекрытие стыка с Прибалтийским Особым военным округом, прорыв левого крыла 11-й армии Прибалтийского округа.

Большие потери запасов боеприпасов и горючего и невозможность их быстрого восполнения, недостаточное качество и нехватка бронебойных боеприпасов артиллерии.

Низкая степень готовности противотанковых артбригад РГК и их дислокация вне танкоопасных направлений.

Недостаточный уровень подготовки комначсостава на уровне дивизия-корпус-армия.

Более низкий по сравнению с противником уровень подготовки летного состава ВВС, неосвоенность личным составом ВВС истребителей "миг".

Близость передовых аэродромов к государственной границе СССР, ошибки в использовании ударной авиации.

Низкий уровень оснащенности механизированных войск средствами эвакуации и ремонта техники, как следствие, невозможность ее полноценного обслуживания и снабжения и большие небоевые потери бронетехники из-за дефектов и поломок.

Низкий уровень оснащенности механизированными средствами доставки и обеспечения ГСМ (4285 автозаправщиков и автоцистерн при норме 24 171, 762 водомаслозаправщика при норме 2999, передвижных средств хранения на 173 000 куб. м при норме 721 000, 465 бензоперекачивающих станций при норме 1247 - и это на всю сухопутную армию и ВВС от Атлантики до Тихого океана, а не только на бронетанковые войска).

Отсутствие разработанной тактики по действиям механизированных войск в обороне.

Низкая плотность стрелковых частей в районах прикрытия, в результате чего на одну дивизию приходилось в среднем по 50 км фронта. Одновременно в 4-й армии имело место скученное расположение войск в непосредственной близости к государственной границе (6-я и 42-я стрелковые дивизии в Брестской крепости и 22-я танковая дивизия в Южном военном городке), которое было обусловлено лишь наличием казарменного фонда, а не какими-либо соображениями тактического характера. Все

попытки командующего армией генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова противостоять Д. Г. Павлову в его стремлении разместить формируемый 14-й

781

механизированный корпус в привилегированных (в бытовом смысле) условиях закончились его снятием и отправкой военным советником в китайскую Тмутаракань.

Важным фактором явилась неравномерность распределения бронетехники по механизированным корпусам, в результате чего танковой группе Гудериана противостоял 14-й мехкорпус, по численности матчасти укомплектованный на 50%, но не имевший ни одного танка с противоснарядным бронированием; подавляющее большинство танков Т-34 и КВ было сосредоточено в 6-м мехкорпусе и потеряно в ходе боев с пехотой на второстепенном участке фронта.

Незавершенность строительства новых укрепленных районов и формирования спецчастей для их занятия, несомненно, была одной из, пусть и не самых главных, причин того, что войска прикрытия не сумели создать устойчивую оборону на границе. В то же время не было принято необходимых мер, чтобы с максимальным эффектом использовать уже построенное. Десятки дотов без установленного штатного вооружения, но на которых уже полностью были завершены бетонные работы, не были никак использованы. 21 июня следовало немедленно прекратить все работы на недостроенных сооружениях и бросить все имеющиеся силы на то, чтобы привести в боеготовое состояние уже законченные коробки. За оставшиеся до начала войны часы саперы, строители и стрелки заложили бы амбразуры артиллерийских капониров мешками с песком или просто грунтом, а у всех амбразур соорудили деревянные столы для установки пулеметов. Освещением служили бы аккумуляторные фонари, керосиновые лампы или просто свечи. Тоже самое следовало сделать в Минском и особенно Слуцком укрепленных районах на старой госгранице.

Не будем забывать еще об одном. На территорию Советского Союза вторглась не "банда шакалов", о которой можно было бы заявить, что "мы будем мочить их" в известном месте. Это была многочисленная, отлично обученная, вооруженная, отобилизованная, окрыленная предыдущими успехами, сильнейшая в мире армия с мощнейшим налаженным тылом (вся оккупированная Западная Европа) и агрессивной идеологией.

ЭПИЛОГ

Начав изучение трагической судьбы белостокской группировки советских войск, я надеялся, что удастся найти воспоминания, написанные ее бывшими командирами. Генерал-лейтенант К. Д. Голубев до своего тяжелого ранения летом 1944 г. командовал 43-й армией. Затем находился в распоряжении Ставки ВГК, выполняя различные ответственные поручения. Занимал он также пост заместителя Уполномоченного СНК по делам репатриации советских граждан. Его воспоминания о начале войны существуют (о них есть упоминание в очерке Л. М. Сандалова "Первые дни войны"), но до сих пор не введены в оборот.

Что касается деятельности К. Д. Голубева после гибели 10-й армии, то она в целом известна. 30 дней командовал 13-й армией, был снят. Два месяца был "не удел", с 29 октября 1941 г. - командарм-43.

Маршал А. И. Еременко дважды, будучи командующим фронтами, в своих дневниковых, не предназначенных к печати, записях настолько отрицательно охарактеризовал своего бывшего подчиненного - обвинил в трусости, моральном разложении и пр., - что любой прочитавший просто обязан был удивиться, как такой человек командует общевойсковой армией [38, с. 11-14].

Впрочем, оставим эти обвинения на совести Еременко - его точка зрения весьма субъективна, к тому же и сам он был далеко не ангел: завел

себе на фронте пэпэжэ, молоденькую медичку, а затем и вообще женился на ней.

Начальник артиллерии 10-й армии М. М. Барсуков вышел из гекатомбы приграничного сражения невредимым. Командовал соединениями, в том числе артиллерийским корпусом прорыва РК, и закончил войну командующим артиллерией 3-го Белорусского фронта; за штурм Кенигсберга был удостоен звания Героя Советского Союза. Имя генерал-полковника артиллерии Михаила Барсукова носил большой океанский траулер калининградской приписки. Но мемуаров он не на-

783

писал.

Не оставили воспоминаний бывший командующий 3-й армией генерал-полковник В. И. Кузнецов и его начштаба А. К. Кондратьев.

Генерал П. И. Ляпин после войны давал показания в Военно-научном Управлении Генштаба Советской Армии, но известны из них только выдержки, ибо ВИЖ поспешно прекратил публикации по теме "Фронтвики ответили так".

Каждый же дальнейший виток исследований неумолимо сокращал число доживших до Победы "ключевых персонажей". Генерал Ф. Д. Рубцов, вырвавшись с остатками своего штаба из окружения, получил под команду 66-й стрелковый корпус 21-й армии. Но и ее в начале осени постигла участь 10-й: окружение под Киевом. 19 сентября в селе Щеки Полтавской области управление 66-го корпуса было атаковано немцами. В завязавшемся бою комкор был тяжело ранен. Отстреливаясь из карабина и пистолета, он оставил последний патрон для себя [54, с. 280].

Депутат Верховного Совета СССР полковник М. Г. Бойков был назначен начальником артиллерии 363-й стрелковой дивизии, впоследствии 22-й гвардейской; после ее реорганизации во 2-й гвардейский мехкорпус возглавил артиллерию корпуса. 9 февраля 1943 г. Миннивали Гильманович

Бойков был убит при налете авиации противника на командный пункт корпуса в станице Старочеркасской [46, с. 52].

Бывший командир 17-й Горьковской Краснознаменной стрелковой дивизии 21-го корпуса генерал-майор Т. К. Бацанов после выхода из окружения был назначен на 24-ю дивизию, командир которой - К. Н. Галицкий - ушел на повышение (остатки 17-й влились в состав 24-й). В окружении под Киевом в сентябре 1941 г. дивизия прекратила существование, генерал Бацанов погиб [24, с. 26].

24-я была сформирована вторично, но без всех почетных наименований, так как Боевое Знамя было утеряно при отступлении через Полесье. Оно нашлось в 1944 г. в ходе Белорусской наступательной операции и после соответствующей проверки на предмет опозоренности (пребывания в руках врага) и реставрации было передано дивизии 2-го формирования, заслужившей к тому времени звание Бердичевской. Полное наименование стало: 24-я стрелковая Бердичевская Самаро-Ульяновская Железная дивизия.

784

* * *

В российской военной истории на протяжении, по крайней мере, последних 70-80 лет имеет место некий двойной стандарт. В поражениях русской армии под знаменами с двухглавым имперским орлом обязательно находятся светлые эпизоды, когда какой-нибудь Андрей Болконский при Аустерлице поднимает упавшее Знамя и увлекает своих гренадеров в последнюю атаку; еще кто-то показывает доблесть воинскую под Фридрихсдорфом, Шенграбеном, Нарвой или на Мазурских озерах.

Прошло шестьдесят семь лет со дней июньской катастрофы 1941 года. Сначала было гробовое молчание, потом был период "таяния", выплеснувший на поверхность некую часть правды. Потом снова была стена

молчания, сменившаяся оплевыванием прошлого под лозунгами "борьбы за демократию". Очень хочется верить, что этот период навсегда прошел и наступила эра объективных оценок, когда на смену вою о "заваливании трупами" появляются такие безупречные с точки зрения гражданственности и патриотизма проекты, как "Немировские БТ". Надеюсь, что их будет больше и мы узнаем имена и подвиги героев, сложивших свои головы не только под Москвой, на Курской дуге, при форсировании Днепра или при штурме Вены и Берлина. Будут достойные материалы и о тех, кто погиб в июне 1941 г. в Литве, Западной Белоруссии, Украине и Молдавии.

Два года назад в Подольске умер последний солдат 68-го укрепрайона Л. И. Ирин, а его история до сих пор не написана; где-то пылится и желтеет неизданная рукопись "Реквием 9-му артпульбатальону".

Очень хочется надеяться, что в этом добром и славном деле не будет оставлена в стороне и духовная составляющая. Последние молебны перед ратными делами православные русские священники служили, пожалуй, только в войсках юга России, когда за спиной Белой армии остались лишь плоскогорья Крымского полуострова. В той давней, уходящей уже в легенды и предания, войне с германскими захватчиками напутствия перед боем вместо полковых священников давали замполиты. И все же...

Из письма А. Л. Дударенка:

"Я с батюшкой как-то говорил на тему раскопок, не являются ли раскопки кощунством. Он сказал, что такие раскопки, как у нас - не кощунство. Одно время мы даже хоронили наших солдат, предварительно отпев

785

их в церкви. Но светские власти это дело похерили и сейчас хоронят без Церкви, только с воинскими почестями. А дело вот в чем. Обычно хороним в солнечные дни, чтобы было побольше людей. И вот когда мы стали отпевать солдат в церкви, прямо во время службы на наших глазах из ниоткуда появилась туча и начался проливной дождь. Отпевание закончи-

лось, надо выносить солдат из церкви и нести хоронить к братской могиле, а дождь идет. Причем что интересно: туча висит только над Озерницей. А за Озерницей чистое небо и светит солнце. Помялись, помялись райисполкомовские начальники да и пошли под дождь. Дошли до братской могилы. И как только опустили гробы в могилы, дождь прекратился. И туча также на наших глазах исчезла. Помокнув еще пару раз при последующих захоронениях с помощью церкви, начальники решили больше солдат в церковь не носить. И ты не поверишь - при захоронениях дождя нет. Но как только в захоронении участвует Церковь, идет дождь. Я неоднократно был свидетелем этого необъяснимого явления. И с той поры я не скажу чтобы стал сильно верующим, но стал верить в высшую силу и при всяком удобном случае стараюсь зайти в церковь в Озернице".

А я верующий и думаю, что расценивать это надо не иначе как знамение Господне. Я бы хоронил с отпеванием. Кто знает, может быть, в этом дожде собраны слезы, выплаканные родными погибших в этих местах? Может быть, это некий знак всем нам, ныне живущим, только мы не можем его понять?

Белорусский журналист М. Кадет в статье "Тайны Слонимских курганов" написал: "... есть вечность - Слонимская возвышенность. Поставить бы огромный крест на одном из ее наиболее заметных курганов у автострады Барановичи - Гродно, между Слонимом и Зельвой. С надписью: "Солдатам 1941-го". Только крест - христианский символ...

Но под Минском есть главная высота Беларуси - гора Святая, чье многовековое имя в сталинское время подменили другим - Дзержинская. На ней бы возвести символический пантеон всем воинам Западного фронта, погибшим, умершим от ран и пропавшим без вести на белорусской земле суровым летом 1941-го. Собрать бы туда по камню и горсти земли у тех городов и деревень, где в первые дни и недели нашествия оккупантов (например, у Волковыска, Малориты, Ружан, Подороска, Рубежувич, Борисова, Сенно, Бобруйска) наиболее проли-

лось красноармейской крови. Несомненно, на призыв создать такой памятник отзовутся многие люди в Беларуси, в России, Украине, Закавказье, Средней Азии".

"Время разбрасывать камни и время собирать их". Я присоединяюсь к тому, что предложил Михаил Кадет.

Бывший генерал русской армии, а затем комбриг РККА А. И. Верховский написал мемуары, озаглавив их "Россия на Голгофе". Над настоящей Голгофой в Иерусалиме стоит Храм Гроба Господня, над множеством российских голгоф не возведено ничего. На далеких Соловках одна из гор названа Голгофой, но там ничего не нужно строить, там уже есть множество храмов и часовен, воздвигнутых за сотни лет существования монастыря.

Может, действительно пришло время? Может быть, действительно пришла пора собирать камни и ставить из них кресты и церкви и там, где текли кровавые реки в годы войны Гражданской, и на местах проигранных сражений последней справедливой войны? Крест - символ страданий Христа, символ Истинной Веры. Каждый этап - остановка - Крестного Пути Спасителя по улицам Иерусалима отмечен построенной там церковью или другим памятным знаком. Не зря ведь шел дождь в Озернице, когда там при безоблачном небе и ярком солнце отпевали перед захоронением солдатские косточки? Или зря, и нас, закостеневших в броне неверия, уже ничем не проймешь? Не хотелось бы верить, что это так.

"Если наши страдания нас ничему не научили, то тогда жертва Христа была бесполезна, и тогда действительно прав тот, кто утверждает, что последний христианин был распят тысячу девятьсот лет тому назад". Это написал в эмиграции русский человек, военный моряк, адмирал, основатель российской военной авиации. Великий Князь Атександр Михайлович Романов.

Список сокращений

РККА - Рабоче-Крестьянская Красная Армия

СНК - Совет Народных Комиссаров

ВКП(б) - Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

КП(б)Б - Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии

НКО - народный комиссариат (комиссар) обороны

НКВД - народный комиссариат внутренних дел

НКГБ - народный комиссариат государственной безопасности

НКПС - народный комиссариат путей сообщения

НКС - народный комиссариат связи

ГАУ - Главное артиллерийское управление

ГУ - Главное Управление

ВВС - Военно-Воздушные Силы

ГВФ - гражданский воздушный флот

ЗапОВО - Западный Особый военный округ

ПриБОВО - Прибалтийский Особый военный округ

ГА - группа армий

ЦАГИ - центральный аэрогидродинамический институт

КМГ - конно-механизированная группа

МК - механизированный (в вермахте - моторизованный) корпус

СК - стрелковый корпус (в РККА)

АК - армейский корпус (в вермахте)

КК - кавалерийский корпус

ДБАК - дальнебомбардировочный авиационный корпус

ВДК - воздушно-десантный корпус

ВДБр - воздушно-десантная бригада

СД - стрелковая дивизия (в РККА)

КрСД - Краснознаменная стрелковая дивизия

ТСД - территориальная стрелковая дивизия

ТД - танковая дивизия

ПД - пехотная дивизия (в вермахте)

МД - моторизованная дивизия

КД - кавалерийская дивизия (иногда - командир дивизии)

ЖДД - железнодорожная дивизия

САД - смешанная авиационная дивизия

НАД - истребительная авиационная дивизия

БАД - бомбардировочная авиационная дивизия

ДБАД - дальнебомбардировочная авиационная дивизия

Обр ПТО - отдельная бригада противотанковых орудий

788

ЖДБр - железнодорожная бригада

ЖДП - железнодорожный полк

ЖДБ - железнодорожный батальон

ИАП - истребительный авиационный полк

СБАП - скоростной бомбардировочный авиационный полк

ДБАП - дальнебомбардировочный авиационный полк

ББАП - ближнебомбардировочный авиационный полк

ШАП - штурмовой авиационный полк

СП - стрелковый полк (в РККА)

КрСП - Краснознаменный стрелковый полк

ПП - пехотный полк (в вермахте)

КП - кавалерийский полк

ТП - танковый полк

МП - моторизованный полк

МСП - мотострелковый полк

ЛАП - легкоартиллерийский полк

ГАП - гаубичный артиллерийский полк

ПАП - пушечный артиллерийский полк
ПТАП - противотанковый артиллерийский полк
ПМП - понтоино-мостовой полк
ПМБ - понтонно-мостовой батальон
ЗАП - зенитно-артиллерийский полк
МЗА - малая зенитная артиллерия
ПО - пограничный отряд (округ) войск НКВД
ОПТД - отдельный противотанковый дивизион
ОАД - отдельный артиллерийский дивизион
АД - артиллерийский дивизион
ОЗАД - отдельный зенитно-артиллерийский дивизион
ОБС - отдельный батальон связи
ОСБ - отдельный саперный батальон
ОМИБ - отдельный мотоинженерный батальон
ЛИБ - легкоинженерный батальон
ОАБ - отдельный автобатальон
ОРВБ - отдельный ремонтно-восстановительный батальон
УР - укрепленный район
ОПАБ - отдельный пулеметно-артиллерийский батальон
БЕПО - бронепоезд
РАБ - район авиационного базирования
БАО - батальон аэродромного обслуживания
РГК - Резерв Главного Командования
БМ - большой мощности
УНС - управление начальника строительства
ДОТ - долговременная огневая точка
ДЗОТ - дерево-земляная огневая точка
НУ РС - неуправляемый ракетный снаряд
ВОСО - военные сообщения, служба военных перевозок
АБТВ - автобронетанковые войска

789

АБТС - автобронстанковая служба

В/ч - войсковая часть

ЧВС - член Военного совета (должность высшего политсостава РККА в армии или военном округе)

НШ - начальник штаба

ПНШ - помощник начальника штаба

ВВ - взрывчатое вещество

ОВ (БОВ) - отравляющее вещество (боевое отравляющее вещество)

ЖБД - журнал боевых действий

СБД - сборник боевых документов (серия изданных МО СССР под грифом "Секретно" сборников архивных документов, в настоящее время гриф секретности снят)

ВНОС - воздушное наблюдение, оповещение, связь

НП - наблюдательный пункт

КП - командный пункт

СП АМ - сборный пункт аварийных машин (в бронетанковых войсках)

ТВД - театр военных действий

Е. И. В. - Его Императорское Величество

ОБД "Память" - объединенная база данных безвозвратных потерь Красной Армии и войск НКВД СССР

ДЭП - дорожно-эксплуатационный полк

Список источников

1. *Абызов В. И.* Доватор. - М.: 1988.
2. *Агафонов В. П.* Неман! Неман! Я - Дунай! М.: ВИ, 1967.
3. *Андрющенко Н. К.* На земле Белоруссии летом 1941 года. Минск, 1985.

4. *Анфшов В. А.* Провал "блицкрига". - М.: 1974.
5. *Битов П. И.* В походах и боях. - М.: 1974.
6. *Бессонов В. И.* Война всегда со мной. - М.: 1988.
7. *Бирюзов С. С.* Суровые годы. - М.: 1966.
8. *Бирюков И. И.* Трудная наука побеждать. - М.: 1975.
9. *Богданов И. Г.* В небе - гвардейский Гатчинский. Л., 1980.
10. *Болдин И. В.* Страницы жизни. - М.: 1961.
11. Борьба за Советскую Прибалтику в Великую Отечественную войну 1941 - 1945 (в трех книгах). Кн. 1. Рига, 1966.
12. Буг в Огне. Минск, 1965.
13. В боях за Белоруссию. Минск, 1974.
14. Вестник противовоздушной обороны, 1991, № 11.
15. Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1988, № 7.
16. ВИЖ, 1988, № 10.
17. ВИЖ, 1988, № 11.
18. ВИЖ, 1989, № 3.
19. ВИЖ, 1989, № 5.
20. ВИЖ, 1989, № 6.
21. ВИЖ, 1989, № 7.
22. ВИЖ, 1989, № 9.
23. ВИЖ, 1990, № I.
24. ВИЖ. 1990, № 6.
25. ВИЖ, 1991, № И.
26. ВИЖ, 1993, № I.
27. ВИЖ, 1993, № 2.
28. ВИЖ, 1993, № 3.
29. ВИЖ, 1993, № 4.
30. ВИЖ, 1993, № 5.
31. ВИЖ, 1993, № 6.
32. ВИЖ, 1993, № 10.

33. ВИЖ, 1993, № П.

791

34. ВИЖ, 1993, № 12.

35. ВИЖ, 1994, № 1.

36. ВИЖ, 1994, № 2.

37. ВИЖ, 1994, № 4.

38. ВИЖ, 1996, № 3.

39. Витебское подполье. Минск, 1974.

40. Воздушная мощь Родины. - М.: ВИ, 1988.

41. Войска противовоздушной обороны страны. - М.: ВИ, 1968.

42. Волкогонов Д. А. Сталин. Кн. 2. М., 1992.

43. В солдатской шинели. М., 1985.

44. *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. М., 1973.

45. *Ганичев Д. В., Муриев Д. З.* Дорогами мужества. М., 1988.

46. Гвардейский Николаевско-Будапештский. - М.: ВИ, 1976.

47. Герои Бреста. Минск, 1991.

48. *Гречко Л. П.* Единственная привилегия. М., 1979.

49. *Григоренко М. Г.* И крепость пала. Калининград, 1989.

50. *Гроссман В.* Годы войны. М., 1989.

51. *Груздев К В* голы суровых испытаний. Минск, 1976.

52. *Джагаров М. М.* Костры партизанские. Минск, 1970.

53. *Драгунский Д. А.* Годы в броне. М., 1983.

54. *Елькин А. А.* Приобщение к подвигу. Тула, 1975.

55. *Еременко А. М.* В начале войны. М., 1965.

56. *Захаров Г. И.* Повесть об истребителях. М., 1977.

57. *Захаров Г. Н.* Я - истребитель. - М.: ВИ, 1985.

58. *Иванов СП.* Штаб армейский, штаб фронтовой. - М.: ВИ, 1990.

59. Известия УК КПСС, 1990, № 5, 6.

60. Известия ЦК КПСС, 1990, № 7.

61. *Казарьян А. В.* Война, люди, судьбы. Книга первая. Ереван, 1975.

62. *Калинин П. З.* Партизанская республика. Минск, 1968.
63. *Карпов В. В.* Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. Роман-газета. 1991, № 12.
64. *Козлов В. И.* Верен до конца. М., 1970.
65. *Колесник А. Д.* Не померкнет в веках. М., 1988.
66. *Колесник А. Д.* РОА - власовская армия: судебное дело генерала А. А. Власова. Харьков, 1990.
67. Комсомольская правда, 1995. 11 апреля.
68. *Кондратьев З. И.* Дороги войны. М. (1968.
69. *Коновалов Г.* Истоки. М., 1983.
70. *Кочетков Д. И.* С закрытыми люками. М., 1962.
71. *Кояндер Е. В.* Я - "Рубин", приказываю... М., 1978.
72. Краснознаменный Белорусский военный округ. М., 1983.
73. *Красовский С. А.* Жизнь в авиации. Минск, 1976.
74. *Лещеня С. К.* С паролем горкома. Минск, 1981.
75. *Ливенцов В. И.* Партизанский край. Минск, 1956.
76. Личный архив Д. Н. Егорова - И. И. Шапиро.
77. Люди легенд. Выпуск второй. М., 1966 г.
78. *Майоров ЯМ.* Магистрали мужества. М., 1982.
- 792
79. *Мар Н.* Есть упоение в бою... М., 1986.
80. *Матуковский Н. Е.* Минск. М., 1982.
81. *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1984.
82. Милиция, 1994, № 6.
83. *Морозов Д. А.* О них не упоминалось в сводках. - М.: ВИ, 1965.
84. На земле, в небесах и на море. М., 1987.
85. На Северо-Западном фронте. М., 1969.
86. На трех фронтах. М., 1974.
87. Неделя, 1988.
88. Не сломленные бурей. - М.: ВИ, 1975.

89. *Никитин В. В.* Горючее - фронту. - М.: ВИ, 1984.
90. Освобождение городов. - М.: ВИ, 1985.
91. Отчизны верные сыны. М., 1976.
92. *Петров В. С.* Прошлое с нами. Киев, 1968.
93. *Пэрн Л. А.* В вихре военных лет. Таллин, 1976.
94. *Полынин Ф. П.* Боевые маршруты. М., 1972.
95. Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Том 1. - М.: ВИ, 1991.
96. Ради жизни на земле. М., 1991.
97. *Рабкин И. Г.* Время, люди, самолеты. М., 1985.
98. *Решин Е. Г.* Генерал Карбышев. М., 1971.
99. Родина, 1991, № 6-7 (сдвоенный).
100. Родина, 1993, № 5.
101. Родина, 1996, №6.
102. *Ротмистров П. А.* Стальная гвардия. М., 1984.
103. *Савин О. М.* Судьбы солдатские. Саратов, 1991.
104. *Самсонов А. М.* Знать и помнить. М., 1989.
105. *Сандалов Л. М.* Первые дни войны. М., 1989.
106. *Сандалов Л. М.* Пережитое. М., 1966.
107. *Севастьянов П. В.* Неман-Волга-Дунай. М., 1961.
108. *Симонов К. М.* Разные дни войны: Дневник писателя. М., 1978.
109. *Скрипко Н. С* По целям ближним и дальним. М., 1981.
110. *Старинов И. Г.* Мины ждут своего часа. М., 1964.
111. *Старинов И. Г.* Пройди незримым. М., 1988.
112. *Субботин В.* Жизнь поэта. М., 1970.
113. *Титков И. Ф.* Бригада "Железняк". Минск, 1976.
114. Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 г. г. М., ВИ, 1977.
115. *Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1961.
116. *Хлюпин В. В.* Сыны России. М., 1985.
117. *Хорьков А. Г.* Грозовой июнь. М., 1991.

118. *Цупко П.* Пикировщики. М., 1987.
119. *Чернов И. Е.* Саперы: записки солдата. М., 1988.
120. *Чугунов А. И.* Граница сражается. - М.: ВИ. 1989.
121. *Шамиль А. А.* В сарьянских лесах. Минск, 1973.
122. *Шинкаренко Г. Н.* Несущие факел. М., 1984.
123. *Щеглов В. В.* А потом пришла победа... М., 1980.

Дмитрий Егоров

ИЮНЬ 1941. РАЗГРОМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Павлова*

Корректор *И. Федорова*

ООО "Издательство "Яуза" 109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.:

(495) 745-58-23

ООО "Издательство "Эксмо"

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 29. 04. 2008.

Формат 84x108 1/32- Гарнитура "Ньютон". Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.

Тираж 5000 экз. Заказ № 977

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т
Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03. 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru